

Tolstoj, Lev Nikolaevich, graf

Sochinenija
СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе и собственность **Θ. Стелловскаго,**
поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

757 2527
1864

РИННИНУО

PG 3365
Al
1864

ОТЪЛЪОТЪ .Н.Л. АФАТЪ

ВЪ ДЪВЪЛЪ РАСТЪЛЪ

Дозволено ценсурою. С. Петербургъ, 13-го Мая 1864 года.

104837
107

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

САННПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

100. 23-1923

ДЕТСТВО.
ЧАСТЬ I.
ПОВЕСТЬ.

FACTS I

ДѢТСТВО.

ПОВѢСТЬ.

ДѢТСТВО.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

УЧИТЕЛЬ КАРЛЪ ИВАНЫЧЪ.

12-го августа 18.... ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Ивановичъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопнушкой — изъ сахарной бумаги на палкѣ — по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Ивановича. Онъ же, въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязанной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козовыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣпчиваться и хлопать.

«Положимъ — думалъ я — я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня; а я меньше всѣхъ: оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь — прошепталъ я — какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... противный человекъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка — какіе противные!»

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисерномъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопнушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!.. s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal, крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ

и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Ивановичъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки. — Nu, nun, Faulenzer! говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любить, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать: нервы были разстроены.

— Ach, lassen sie, Карлъ Ивановичъ! закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Ивановичъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня? о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурнаго во снѣ?.. Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно и я не понималъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Ивановича и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто мама умерла и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Ивановичъ, тронутый моимъ рассказомъ, сталъ утѣшать и успокаивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Ивановичъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оста-

вляли меня. Вошелъ дядька Николай — маленькій, чистенькій человѣчекъ, всегда серьёзный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьёзный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

Sind sie bald fertig? послышался изъ классной голосъ Карла Ивановича.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Ивановичъ былъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Ивановичъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Надъ дверью были двѣ полочки: одна — наша, дѣтская, другая — Карла Ивановича, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и не учебныя: однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des voyages, въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ и пошли, длинныя, толстыя, большія и маленькія книги, — корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей, привести въ порядокъ бібліотеку, какъ громко называлъ Карлъ Ивановичъ эту полочку. Коллекція книгъ на *собственной*, если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту — безъ переплета, одинъ томъ исторіи семилѣтней войны — въ пергаментѣ, прозженнымъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но кромѣ этихъ книгъ и «Сѣверной Пчелы» онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Ивановича, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. Это — кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпенокъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая каррикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Ивановичъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабыя глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь вижу я передъ собой длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшимъ тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ кресель; подлѣ него лежатъ часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка; зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежить на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Ивановича совѣсть чиста и душа покойна.

Бывало, какъ до-сыта набѣгаешься внизу по залѣ, на ципочкахъ прокрадешься наверхъ, въ класную, смотришь — Карлъ Ивановичъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ креслѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какуюнибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставлялъ его и въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ орлиномъ носу, голубые, полузакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно равномерное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ — одинъ одишенекъ и никто-то его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ сирота. И исторія его жизни ужасная! я помню, какъ онъ рассказывалъ ее Николаю — ужасно быть въ его положеніи! И такъ жалко станеть, что бывало подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: «Lieber Карлъ Ивановичъ!» Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ; всегда приласкаетъ и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — новенькая, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой — черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками — маленькіе. Надъ дверью отъ доски былъ уголь, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголь! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ и думаешь: забылъ про меня Карлъ Ивановичъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, — а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ

большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, — а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣхъ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ, табуретовъ. Последняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженная липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виднѣтъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко видна избушка сторожа. Изъ окна направо видна часть террасы, на которой сжижали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Иванычъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Иванычъ сердится за ошибки.

Карлъ Иванычъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстухъ и повелъ насъ внизъ — здороваться съ матушкой.

ГЛАВА II.

М А М А Н.

Матушка сидѣла въ гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайникъ, другою — кранъ самовара, изъ котораго вода текла черезъ верхъ чайника на подносъ. Но хотя она смотрѣла пристально, она не замѣчала этого, не замѣчала того, что мы вошли.

Такъ много возникаетъ воспоминаній прошедшаго, когда стараешься воскресить въ воображеніи черты любимаго существа, что сквозь эти воспоминанія, какъ сквозь слезы, смутно видишь ихъ. Это слезы воображенія. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была въ это время, мнѣ представляются только ея каріе глаза, выражающіе всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шеѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ выются маленькіе волосики, шитый бѣлый воротничокъ, нѣжная сухая рука, которая такъ часто меня ласкала и которую я такъ часто цаловалъ; но общее выраженіе ускользаетъ отъ меня.

Надѣво отъ дивана стоялъ старый англійскій рояль; передъ роялемъ сидѣла черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками съ замѣтнымъ напряженіемъ разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лѣтъ; она ходила въ коротенькомъ холстинковомъ платьицѣ, въ бѣленькихъ обшитыхъ кружевомъ панталончикахъ и октавы могла брать только «агреггю». Подлѣ нея, въ полу-оборотѣ, сидѣла Марья Ивановна, въ чепцѣ съ розовыми лентами, въ голубой кацавейкѣ и съ краснымъ сердитымъ лицомъ, которое приняло еще болѣе строгое выраженіе, какъ только вошелъ Карлъ Иванычъ. Она грозно посмотрѣла на него и, не отвѣчая на его поклонъ, продолжала, топая ногой, считать: un, deux, trois, un, deux, trois, еще громче и повелительнѣе, чѣмъ прежде.

Карлъ Иванычъ, не обращая на это ровно никакого вниманія, по своему обыкновенію, съ нѣмецкимъ привѣтствіемъ подошелъ прямо къ ручкѣ матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, какъ будто желая этимъ движеніемъ отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Иванычу и поцаловала его въ морщинистый високъ, въ то время, какъ онъ цаловалъ ея руку.

— Ich danke, lieber Карлъ Иванычъ, и, продолжая говорить по-нѣмецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дѣти?

Карлъ Иванычъ былъ глухъ на одно ухо, а теперь, отъ шума за роялемъ, вовсе ничего не слыхалъ. Онъ нагнулся ближе къ дивану, оперся одной рукой о столъ, стоя на одной ногѣ, и съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась верхомъ утонченности, приподнялъ шапочку надъ головой и сказалъ:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карлъ Иванычъ, чтобы не простудить своей головой, никогда не снималъ красной шапочки, но всякій разъ, входя въ гостиную, спрашивалъ на это позволенія.

— Надѣньте, Карлъ Иванычъ... Я васъ спрашиваю, хорошо ли спали дѣти? сказала татап, подвинувшись къ нему и довольно громко.

Но онъ опять ничего не слыхалъ, прикрылъ лысину красной шапочкой и еще милѣе улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, сказала татап Марья Ивановнѣ, съ улыбкой: — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась — какъ ни хорошо было ея лицо — оно дѣлалось несравненно лучше и кругомъ все какъ будто веселѣло. Если бы въ тяжелыя минуты жизни я хоть мелькомъ могъ видѣть эту улыбку, я бы не зналъ, что такое горе. Мнѣ кажется, что въ одной улыбкѣ состоитъ то, что называютъ красотою лица: если улыбка прибавляетъ прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не измѣняетъ его, то оно обыкновенно; если она портитъ его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мною, татап взяла обѣими руками мою голову и откинула ее назадъ, потомъ посмотрѣла пристально на меня и сказала:

— Ты плакалъ сегодня?

Я не отвѣчалъ. Она поцаловала меня въ глаза и по-нѣмецки спросила:

— О чемъ ты плакалъ?

Когда она разговаривала съ нами дружески, она всегда говорила на этомъ языкѣ, который знала въ совершенствѣ.

— Это я во снѣ плакалъ, татап, сказалъ я, припоминая, со всѣми подробностями, выдуманный сонъ и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карлъ Иванычъ подтвердилъ мои слова, но умолчалъ о снѣ. Поговоривъ еще о погодѣ—разговоръ, въ которомъ приняла участіе и Мими—татап положила на подносъ шесть кусочковъ сахару, для нѣкоторыхъ почетныхъ слугъ, встала и подошла къ пальцамъ, которые стояли у окна.

— Ну ступайте теперь къ папа, дѣти, да скажите ему, чтобы онъ непременно ко мнѣ зашелъ прежде, чѣмъ пойдетъ на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли къ папа. Пройдя комнату, удержавшую еще отъ временъ дѣдушки названіе *офицантской*, мы вошли въ кабинетъ.

ГЛАВА III.

ПАПА.

Онъ стоялъ подлѣ письменнаго стола и, указывая на какіе-то конверты, бумаги и кучки денегъ, горячился и съ жаромъ толковалъ, что-то прикащику Якову Михайлову, который, стоя на своемъ обычномъ мѣстѣ—между дверью и барометромъ, заложивъ руки за спину, очень быстро и въ разныхъ направленіяхъ шевелилъ пальцами.

Чѣмъ больше горячился папа, тѣмъ быстрѣе двигались пальцы, и наоборотъ, когда папа замолкалъ, и пальцы останавливались; но когда Яковъ самъ начиналъ говорить, пальцы приходили въ сильнѣйшее безпокойство и отчаянно прыгали въ разные стороны. По ихъ движеніямъ, мнѣ кажется, можно бы было угадывать тайныя мысли Якова; лицо же его всегда было спокойно—выражало сознаніе своего достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ подвластности, то-есть: я правъ, а впрочемъ, воля ваша!

Увидѣвъ насъ, папа только сказалъ:

— Погодите, сейчасъ.

И показалъ движеніемъ головы дверь, чтобы кто нибудь изъ насъ затворилъ ее.

— Ахъ, Боже мой милостивый! что съ тобой нынче, Яковъ? продолжалъ онъ къ прикащику, подергивая плечомъ (у него была эта привычка).—Этотъ конвертъ со вложеніемъ 800 рублей...

Яковъ подвинулъ счеты, кинулъ 800 и устремилъ взоры на неопредѣленную точку, ожидая, что будетъ дальше.

— для расходовъ по экономіи въ моемъ отсутствіи. Понимаешь? За мельницу ты долженъ

получить 1,000 рублей... такъ или нѣтъ? Залоговъ изъ казны ты долженъ получить обратно 8,000; за сѣно, котораго, по твоему же расчету, можно продать 7,000 пудовъ—кладу по 45 копѣекъ—ты получишь 3,000; слѣдовательно, всѣхъ денегъ у тебя будетъ сколько? 12,000... такъ или нѣтъ?

— Такъ точно-съ, сказалъ Яковъ.

Но, по быстротѣ движеній пальцами, я замѣтилъ, что онъ хотѣлъ возразить; папа перебилъ его.

— Ну изъ этихъ-то денегъ ты и пошлешь 10,000 въ Совѣтъ за Петровское.—Теперь деньги, которыя находятся въ конторѣ, продолжалъ папа (Яковъ смѣшалъ прежнія 12,000 и кинулъ 21,000):—ты принесешь мнѣ и нынѣшнимъ же числомъ покажешь въ расходѣ (Яковъ смѣшалъ счеты и перевернулъ ихъ, показывая, должно быть, этимъ, что и деньги 21,000 пропадутъ также). Этотъ же конвертъ съ деньгами ты передашь отъ меня по адресу.

Я близко стоялъ отъ стола и взглянулъ на надпись. Было написано: «Карлу Ивановичу Мауеру.»

Должно быть, замѣтивъ, что я прочелъ то чего мнѣ знать не нужно, папа положилъ мнѣ руку на плечо и легкимъ движеніемъ показалъ направленіе прочь отъ стола. Я не понялъ, ласка ли это или замѣчаніе, на всякій же случай поцаловалъ большую, жилистую руку, которая лежала на моемъ плечѣ.

— Слушаю-съ, сказалъ Яковъ.—А какое приказаніе будетъ насчетъ хабаровскихъ денегъ?

Хабаровка была деревня татап.

— Оставить въ конторѣ и отнюдь никуда не употреблять безъ моего приказанія.

Яковъ помолчалъ нѣсколько секундъ: потомъ вдругъ пальцы его завертѣлись съ усиленной быстротой, и онъ, перемѣнивъ выраженіе послушнаго тупоумія, съ которымъ слушалъ господскія приказанія, на свойственное ему выраженіе плутоватой сметливости, подвинулъ къ себѣ счеты и началъ говорить.

— Позвольте вамъ доложить, Петръ Александрычъ, что какъ вамъ будетъ угодно, а въ Совѣтъ къ сроку заплатить нельзя.—Вы изволите говорить, продолжалъ онъ съ разстановкой:—что должны получиться деньги съ залоговъ, съ мельницы и съ сѣна. (Высчитывая эти статьи, онъ кинулъ ихъ на кости).—Такъ я боюсь, какъ бы намъ не ошибиться въ расчетахъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного и глубокомысленно взглянувъ на папа.

— Отчего?

— А вотъ изволите видѣть: насчетъ мельницы, такъ мельникъ уже два раза приходилъ ко мнѣ отсрочки просить и Христомъ Богомъ божился, что денегъ у него нѣтъ... да онъ и теперь здѣсь: такъ не угодно ли вамъ будетъ самимъ съ нимъ поговорить?

— Что же онъ говорить? спросилъ папа, дѣлая головою знакъ, что не хочетъ говорить съ мельникомъ.

— Да извѣстно что? говорить, что помолу со всѣмъ не было, что какія деньжонки были, такъ всѣ въ плотину посадилъ. Чтожъ, коли намъ его

снять, *судыр*, такъ опять-таки найдемъ ли тутъ расчесть? — Насчесть залоговъ изволили говорить, такъ я уже, кажется, вамъ докладывалъ, что наши денежки тамъ сѣли и скоро ихъ получить не придется. Я намеренъ посылать въ городъ къ Ивану Аѳонасычу; возъ муки и записку объ этомъ дѣлѣ: такъ они опять-таки отвѣчаютъ, что и радъ бы стараться для Петра Александрыча, но дѣло не въ моихъ рукахъ, а что какъ по всему видно, такъ врядъ ли и черезъ два мѣсяца получится ваша квитанція. — Насчесть сѣна изволили говорить, положимъ, что и продается на 3,000...

Онъ винулъ на счета, 3,000 и съ минуту молчалъ, поглядывая то на счета, то въ глаза папа, съ такимъ выраженіемъ:

Вы сами видите, какъ это мало! Да и на сѣнѣ опять-таки проторгуемъ, коли его теперь продавать, вы сами изволите знать...

Видно было, что у него еще большой запасъ доводовъ; должно быть, поэтому папа перебилъ его.

— Я распоряженій своихъ не переменяю, сказалъ онъ: — но если въ полученіи этихъ денегъ дѣйствительно будетъ задержка, то, нечего дѣлать, возьмешь изъ хабаровскихъ, сколько нужно будетъ.

— Слушаю-съ.

По выраженію лица и пальцевъ Якова замѣтно было, что послѣднее приказаніе доставило ему большое удовольствіе.

Яковъ былъ крѣпостной, весьма усердный и преданный человѣкъ; онъ, какъ и всѣ хорошіе прикащики, былъ до крайности скупъ за своего господина и имѣлъ о выгодахъ господскихъ самыя странныя понятія. Онъ вѣчно заботился о приращеніи собственности своего господина насчесть собственности госпожи, стараясь доказывать, что необходимо употреблять всѣ доходы съ ея имѣній на Петровское (село, въ которомъ мы жили). Въ настоящую минуту онъ торжествовалъ, потому что совершенно успѣлъ въ этомъ.

Поздоровавшись, папа сказалъ, что будетъ намъ въ деревнѣ баклуши бить, что мы перестали быть маленькими, и что пора намъ серьезно учиться.

— Вы уже знаете, я думаю, что я нынче въ ночь ѣду въ Москву и беру васъ съ собою, сказалъ онъ. — Вы будете жить у бабушки, а татап съ дѣвочками остается здѣсь. И вы это знайте, что одно для нея будетъ утѣшеніе — слышать, что вы учитесь хорошо и что вами довольны.

Хотя по приготовленіямъ, которыя за нѣсколько дней замѣтны были, мы уже ожидали чего-то необыкновеннаго, однако, новость эта поразила насъ ужасно. Володя покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ передалъ порученіе матушки.

— Такъ вотъ что предвѣщаль мнѣ мой сонъ! подумалъ я: — дай Богъ только, чтобы не было чегонибудь еще хуже.

Мнѣ очень, очень жалко стало матушку и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что мы точно стали большими, радовала меня.

«Ежели мы нынче ѣдемъ, то вѣрно, классовъ

не будетъ: это славно! думалъ я.— Однако, жалко Карла Ивановича. Его вѣрно отпустить, потому что иначе не приготовили бы для него конверта... Ужъ лучше бы вѣкъ учиться да не уѣзжать, не разставаться съ матушкой и не обижать бѣднаго Карла Ивановича. Онъ и такъ очень несчастливъ!»

Мысли эти мелькали въ моей головѣ; я не трогался съ мѣста и пристально смотрѣлъ на черныя бантики своихъ башмаковъ.

Сказавъ съ Карломъ Ивановичемъ еще нѣсколько словъ о пониженіи барометра и приказавъ Якову не кормить собакъ, съ тѣмъ, чтобы на прощаньи выѣхать послѣ обѣда послушать молодыхъ гончихъ, папа, противъ моего ожиданія, послалъ насъ учиться, утѣшивъ, однако, обѣщаніемъ взять на охоту.

По дорогѣ наверхъ я забѣжалъ на террасу. У дверей, на солнышкѣ, зажмурившись, лежала любимая борзая собака отца — Милка.

— Милочка, говорилъ я, лаская ее и цалуя въ морду: — мы нынче ѣдемъ; прощай! никогда больше не увидимся.

Я разчувствовался и заплакалъ.

ГЛАВА IV.

К Л А С С Ы.

Карлъ Ивановичъ былъ очень не въ духѣ. Это было замѣтно по его сдвинутымъ бровямъ и по тому, какъ онъ швырнулъ свой сюртукъ въ комодъ и какъ сердито подпоясался, и какъ сильно черкнулъ ногтемъ по книгѣ діалоговъ, чтобы означить то мѣсто, до котораго мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же такъ былъ разстроенъ, что рѣшительно ничего не могъ дѣлать. Долго безмысленно смотрѣлъ я въ книгу діалоговъ, но отъ слезъ, набравшихся мнѣ въ глаза при мысли о предстоящей разлукѣ, не могъ читать; когда же пришло время говорить ихъ Карлу Ивановичу, который, зажмурившись, слушалъ меня (это былъ дурной признакъ) именно на томъ мѣстѣ: гдѣ одинъ говоритъ: Wo kommen sie her? а другой отвѣчаетъ: ich komme von Kaffee-Hause, я не могъ болѣе удерживать слезъ и отъ рыданій не могъ произнести: Haben sie die Zeitung nicht gelesen? Когда дошло дѣло до чистописанія, я отъ слезъ, падавшихъ на бумагу, надѣлъ аль такихъ клякъ, какъ будто писалъ водой на оберточной бумагѣ.

Карлъ Ивановичъ разсердился, поставилъ меня на колѣни, твердилъ, что это упрямство, кукольная комедія (это было любимое его слово), угр жалъ линейкой и требовалъ, чтобы я просилъ прошенія, тогда какъ я отъ слезъ не могъ слова вымолвить; наконецъ, должно быть, чувствуя свою несправедливость, онъ ушелъ въ комнату Николая и хлопнулъ дверью.

Изъ классной слышенъ былъ разговоръ въ комнатѣ дядьки.

— Ты слышалъ, Николай, что дѣти ѣдутъ въ Москву? сказалъ Карлъ Иванычъ, входя въ комнату.

— Какже-съ, слышалъ.

Должно быть, Николай хотѣлъ встать, потому что Карлъ Иванычъ сказалъ: «сиди, Николай!» и вслѣдъ за этимъ затворилъ дверь. Я вышелъ изъ угла и подошелъ къ двери, подслушивать.

— Сколько ни дѣлай добра людямъ, какъ ни будь привязанъ, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай? говорилъ Карлъ Иванычъ съ чувствомъ.

Николай, сидя у окна, за сапожной работой, утвердительно кивнулъ головой.

— Я двѣнадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ и могу сказать передъ Богомъ, Николай, продолжалъ Карлъ Иванычъ, поднимая глаза и табакерку къ потолку: — что я ихъ любилъ и занимался ими больше, чѣмъ ежели бы это были мои собственныя дѣти. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, какъ я девять дней не смыкая глазъ, сидѣлъ у его постели. Да! тогда я былъ добрый, милый Карлъ Иванычъ, тогда я былъ нуженъ; а теперь, прибавилъ онъ, иронически улыбаясь: — теперь *дѣти большія стали: имъ надо серьезно учиться*. Точно они здѣсь не учатся, Николай?

— Какъ же еще учиться, кажется, сказалъ Николай, положивъ шило и протягивая обѣими руками дратвы.

— Да, теперь я не нуженъ сталъ, меня и надо прогнать; а гдѣ обѣщанія? гдѣ благодарность? — Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай, сказалъ онъ, прикладывая руку къ груди: — да что она?... ея воля въ этомъ домѣ все равно, что вотъ это; при этомъ онъ съ выразительнымъ жестомъ кинулъ на полъ обрѣзокъ кожи. — Я знаю, чьи это штуки и отчего я сталъ ненуженъ: оттого, что я не льщу и не потакаю во всемъ, какъ *иные люди*. Я привыкъ всегда и передъ всѣми говорить правду, сказалъ онъ гордо. — Богъ съ ними! Оттого, что меня не будетъ, они не разбогачѣютъ, а я, Богъ милостивъ, найду себѣ кусокъ хлѣба... не такъ ли, Николай?

Николай поднималъ голову и посмотрѣлъ на Карла Иваныча такъ, какъ будто желая удостовѣриться, действительно ли можетъ онъ найти кусокъ хлѣба, — но ничего не сказалъ.

Много и долго говорилъ въ этомъ духѣ Карлъ Иванычъ: говорилъ о томъ, какъ лучше умѣли цѣнить его заслуги у какого-то генерала, гдѣ онъ прежде жилъ (мнѣ очень больно было это слышать), говорилъ о Саксоніи, о своихъ родителяхъ, о другѣ своемъ портномъ Schönheit и т. д. и т. д.

Я сочувствовалъ его горю, и мнѣ больно было, что отецъ и Карлъ Иванычъ, которыхъ я почти одинаково любилъ, не поняли другъ друга; я опять отправился въ уголъ, сѣлъ на пятки и разсуждалъ о томъ, какъ бы возстановить между ними согласіе.

Вернувшись въ классную, Карлъ Иванычъ ве-

лѣлъ мнѣ встать и приготовить тетрадь для писанія подъ диктовку. Когда все было готово, онъ величественно опустился въ свое кресло и голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ какой-то глубины, началъ диктовать слѣдующее: Von al-len Leiden-schaft-en die grau-sam-ste ist... «haben sie geschrieben?» Здѣсь онъ остановился, медленно понюхалъ табакъ и продолжалъ съ новой силой: «die grau-samste ist, die Un-dank-bar-keit... «Ein grosses U.» Въ ожиданіи продолженія, написавъ послѣднее слово, я посмотрѣлъ на него.

— Punctum, сказалъ онъ съ едва замѣтной улыбкой и сдѣлалъ знакъ, чтобы мы подали ему тетради.

Нѣсколько разъ, съ различными интонаціями и съ выраженіемъ величайшаго удовольствія, прочелъ онъ это изрѣченіе, выражавшее его задушевную мысль; потомъ задалъ намъ урокъ изъ исторіи и сѣлъ у окна. Лицо его не было угрюмо какъ прежде; оно выражало довольство человѣка, достойно отмстившаго за нанесенную ему обиду.

Было безъ четверти часъ; но Карлъ Иванычъ, казалось, и не думалъ о томъ, чтобы отпустить насъ: онъ то-и-дѣло задавалъ новые уроки. Скука и аппетитъ увеличивались въ одинаковой мѣрѣ. Я съ сильнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за всѣми признаками, доказывавшими близость обѣда. Вотъ дворовая женщина съ мочалкой идетъ мыть тарелки, вотъ слышно, какъ шумятъ посудой въ буфетѣ, раздвигаютъ столъ и ставятъ стулья, вотъ и Мими съ Любочкой и Катенькой (Катенька — двѣнадцатилѣтняя дочь Мими) идутъ изъ сада, но не видать Фоки — дворецкаго Фоки, который всегда приходитъ и объявляетъ, что кушать готово. Тогда только можно будетъ бросить книги и, не обращая вниманія на Карла Иваныча, бѣжать внизъ.

Вотъ слышны шаги по лѣстницѣ; но это не Фока! Я изучилъ его походку и всегда узнаю скрипъ его сапоговъ. Дверь отворилась, и въ ней показалась фигура, мнѣ совершенно незнакомая.

ГЛАВА V.

Ю Р О Д И В Ы Й.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ блѣднымъ, изрытымъ оспою, продолговатымъ лицомъ, длинными сѣдыми волосами и рѣдкой рыжеватой бородкой. Онъ былъ такого большого роста, что для того, чтобы пройти въ дверь, ему не только нужно было нагнуть голову, но и согнуться всѣмъ тѣломъ. На немъ было надѣто что-то изорванное, похожее на кафтанъ и на подрясникъ; въ рукѣ онъ держалъ огромный посохъ. Войдя въ комнату, онъ изъ всѣхъ силъ стукнулъ имъ по полу и, скрививъ брови и чрезмѣрно раскрывъ ротъ, захохоталъ самымъ страшнымъ и неестественнымъ образомъ. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, и бѣ-

лый зрачек этого глаза прыгалъ безпрестанно и придавалъ его и безъ того некрасивому лицу еще болѣе отвратительное выраженіе.

— Ага! попались! закричалъ онъ, маленькими шажками подбѣгая къ Володѣ, схватилъ его за голову и началъ тщательно разсматривать его макушку, — потомъ съ совершенно серьезнымъ выраженіемъ отошелъ отъ него, подошелъ къ столу и началъ дуть подъ клеенку и крестить ее. — О-охъ жалко! о-охъ больно!.. сердечные... улетать, заговорилъ онъ потомъ, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, съ чувствомъ всматриваясь въ Володю, и сталъ утирать рукавомъ дѣйствительно падавшія слезы.

Голосъ его былъ грубъ и хриплъ, движенія торопливы и неровны, рѣчь безсмысленна и несвязна (онъ никогда не употреблялъ мѣстоимѣній) но ударенія такъ трогательны и жолтое, уродливое лицо его принимало иногда такое откровенно-печальное выраженіе, что, слушая его, нельзя было удержаться отъ какого-то смѣшаннаго чувства сожалѣнія, страха и грусти.

Это былъ юродивый и странникъ Гриша.

Откуда былъ онъ? кто были его родители? что побудило его избрать странническую жизнь, какую онъ велъ? никто не зналъ этого. Знаю только то, что онъ съ пятнадцатаго года сталъ извѣстенъ какъ юродивый, который зиму и лѣто ходитъ босикомъ, посѣщаетъ монастыри, даритъ образочки тѣмъ, кого полюбитъ, и говоритъ загадочныя слова, которыя нѣкоторыми принимаются за предсказанія, что никто никогда не зналъ его въ другомъ видѣ, что онъ изрѣдка хаживалъ къ бабушкѣ, и что одни говорили, будто онъ несчастный сынъ богатыхъ родителей и чистая душа, а другіе, что онъ просто мужикъ и лѣнтяй.

Наконецъ явился давно желанный и пунктуальный Фока, и мы пошли внизъ. Гриша, всхлипывая и продолжая говорить разную нелѣпицу, шелъ за нами и стучалъ костылемъ по ступенькамъ лѣстницы. Папа и татап ходили рука объ руку по гостиной и о чемъ-то тихо разговаривали. Марья Ивановна чинно сидѣла на одномъ изъ креселъ, симметрично подъ прямымъ угломъ, примыкавшимъ къ дивану, и строгимъ, но сдержаннымъ голосомъ давала наставленія сидѣвшимъ подлѣ нея дѣвочкамъ. Какъ только Карлъ Ивановичъ вошелъ въ комнату, она взглянула на него, тотчасъ же отвернулась, и лицо ея приняло выраженіе, которое можно передать такъ: я васъ не замѣчаю, Карлъ Ивановичъ. По глазамъ дѣвочекъ замѣтно было, что онѣ очень хотѣли поскорѣе передать намъ какое-то очень важное извѣстіе; но вскочить съ своихъ мѣстъ и подойти къ намъ было бы нарушеніемъ правилъ Мими. Мы сначала должны были подойти къ ней, сказать «*bonjour Mimi!*» шаркнуть ногой, а потомъ уже позволялось вступать въ разговоры.

Что за несносная особа была эта Мими! При ней, бывало, ни о чемъ нельзя было говорить: она все находила неприличнымъ. Сверхъ того, она безпре-

станно приставала: *parlez donc français*, а тутъ-то, какъ на зло, такъ и хочется болтать по-русски; или за обѣдомъ — только что войдешь во вкусъ какого нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мѣшалъ, ужъ она непременно — *mangez donc avec du pain*, или *comment-ce que vous tenez votre fourchette?* «И какое ей до насъ дѣло! — подумаешь. Пускай она учитъ своихъ дѣвочекъ, а у насъ есть на это Карлъ Ивановичъ». Я вполне раздѣлялъ его ненависть къ *инымъ людямъ*.

— Попроси мамашу, чтобы насъ взяли на охоту, сказала Катенька шопотомъ, останавливая меня за курточку, когда большіе прошли впередъ въ столовую.

— Хорошо; постараемся.

Гриша обѣдалъ въ столовой, но за особеннымъ столокомъ; онъ не поднималъ глазъ съ своей тарелки, изрѣдка вздыхалъ, дѣлалъ страшныя гримасы и говорилъ, какъ будто самъ съ собою: жалко!.. улетѣла... улетитъ голубъ въ небо... охъ, на могилѣ камень!.. и т. п.

Мама съ утра была разстроена; присутствіе, слова и поступки Гриши замѣтно усиливали въ ней это расположеніе.

— Ахъ да, я было и забыла попросить тебя объ одной вещи, сказала она, подавая отцу тарелку съ супомъ.

— Что такое?

— Вели пожалуйста заперать своихъ страшныхъ собакъ; а то онѣ чуть не закусали бѣднаго Гришу, когда онъ проходилъ по двору. Онѣ этакъ и на дѣтей могутъ броситься.

Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, Гриша повернулся къ столу, сталъ показывать изорванные полы своей одежды и, пережевывая, приговаривать:

— Хотѣлъ, чтобы загрызли... Богъ не попустилъ. Грѣхъ собаками травить! большой грѣхъ! Не бей *большака...* (*) что бить? Богъ проститъ... дни не такіе.

— Что это онъ говоритъ? спросилъ папа, пристально и строго разсматривая его. — Я ничего не понимаю,

— А я понимаю, отвѣчала татап: — онъ мнѣ рассказывалъ, что какой-то охотникъ нарочно на него пускалъ собакъ, такъ онъ и говоритъ: «хотѣлъ, чтобы загрызли, но Богъ не попустилъ, и проситъ тебя, чтобы ты за это не наказывалъ его».

— А! вотъ что! сказалъ папа. — Почему же онъ знаетъ, что я хочу наказывать этого охотника? — Ты знаешь, я вообще не большой охотникъ до этихъ господъ, продолжалъ онъ по-французски: — но этотъ особенно мнѣ не нравится и долженъ быть...

— Ахъ не говори этого, мой другъ, прервала его татап, какъ будто испугавшись чего нибудь: — почему ты знаешь?

— Кажется, я имѣлъ случай изучить эту поро-

(*) Такъ онъ безразлично называлъ всѣхъ мужчинъ.

ду людей — ихъ столько къ тебѣ ходятъ — всѣ на одинъ покрой. Вѣчно одна и таже исторія...

Видно было, что матушка на этотъ счетъ была совершенно другаго мнѣнія и не хотѣла спорить.

— Передай мнѣ пожалуйста пирожокъ, сказала она. — Что хороши ли они нынче?

— Нѣтъ, меня сердить, продолжалъ папа, взявъ въ руку пирожокъ, но держа его на такомъ разстояніи, чтобы тамап не могла достать его: — нѣтъ, меня сердить, когда я вижу, что люди умные и образованные впадаютъ въ обманъ.

И онъ ударилъ вилкой по столу.

— Я тебя просила передать мнѣ пирожокъ, повторила она, протягивая руку.

— И прекрасно дѣлають, продолжалъ папа, отодвигая руку: — что такихъ людей сажаютъ въ полицію. Они приносятъ только ту пользу, что разстраиваютъ и безъ того слабые нервы нѣкоторыхъ особъ, прибавилъ онъ съ улыбкой замѣтивъ, что этотъ разговоръ очень не нравился матушкѣ, и подалъ ей пирожокъ.

— Я на это тебѣ только одно скажу: трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, который, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, зиму и лѣто ходитъ босой и не снимая носитъ подъ платьемъ вериги въ два пуда вѣсомъ, и который не разъ отказывался отъ предложеній жить спокойно и на всемъ готовомъ, — трудно повѣрить, чтобы такой человѣкъ все это дѣлалъ только изъ лѣни.

— Насчетъ предсказаній, прибавила она со вздохомъ и помолчавъ немного: — *je suis payée pour y croire*; я тебѣ рассказывала, кажется, какъ Кирюша день въ день, часъ въ часъ предсказалъ покойнику папенькѣ его кончину.

— Ахъ, что ты со мной сдѣлала! сказалъ папа, улыбаясь и приставивъ руку ко рту съ той стороны, съ которой сидѣла Мими. (Когда онъ это дѣлалъ, я всегда слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидая чего нибудь смѣшнаго). — Зачѣмъ ты мнѣ напомнила объ его ногахъ? я посмотрѣлъ и теперь ничего ѣсть не буду.

Обѣдъ клонился къ концу. Любочка и Катенька безпрестанно подмигивали намъ, вертѣлись на своихъ стульяхъ и вообще изъясляли сильное безпокойство. Подмигиваніе это значило: «что же вы не просите, чтобы насъ взяли на охоту?» Я толкнулъ локтемъ Володю, Володя толкнулъ меня и наконецъ рѣшился: сначала робкимъ голосомъ, потомъ довольно твердо и громко, онъ объяснилъ, что такъ какъ мы нынче должны ѣхать, то желали бы, чтобы дѣвочки вмѣстѣ съ нами поѣхали на охоту, въ линейкѣ. Послѣ небольшого совѣщанія между большими, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ нашу пользу, и — что было еще пріятнѣе — тамап сказала, что она сама поѣдетъ съ нами.

ГЛАВА VI.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ОХОТѢ.

Во время пирожного былъ позванъ Яковъ, и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и верховыхъ лошадей — все съ величайшею подробностію, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала; папа велѣлъ осѣдлать для него охотничью. Это слово «охотничья лошадь», какъ-то странно звучало въ ушахъ тамап: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшеннаго звѣря, и что она непременно понесетъ и убьетъ Володю. Не смотря на увѣщанія папа и Володи, который съ удивительнымъ молодецествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка тамап продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими, желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька, о томъ, что интересно было бы посмотрѣть вериги Гриши, и т. д.; о томъ же, что мы расстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками — кучеръ Игнатъ, на назначенной Володѣ лошади, и велъ въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти интересныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали навѣрхъ одѣваться, и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всучиваніе панталонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлая, причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ; потомъ все ближе и ближе стали сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чертили тучи, видно не суждено имъ было собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удовольствію. Къ вечеру онѣ опять стали расходиться: однѣ поблѣднѣли, подлиннѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самой головой, превратились въ бѣлую прозрачную чешую; одна только черная большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Ивановичъ всегда зналъ, куда какая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.

Фока, не смотря на свои преклонныя лѣта сбѣ-

жалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ: «подавай!» и, раздвинувъ ноги, твердо сталъ по срединѣ подѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать о его обязанности. Барыни сошли и послѣ небольшого пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка тронулась, тамап, указывая на «охотничью лошадь», спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Эта для Владиміра Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: взлѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

— Собакъ не извольте раздавить, сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

— Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ, отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на «охотничью лошадь», несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія, и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ—точно большой. Обтянутыя ляшки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, — особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ слышались шаги папа на лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ; охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу; собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело выбѣжала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась съ псарными собаками: съ однѣми поиграетъ, съ другими понюхается и порычитъ, а у нѣкоторыхъ пощипетъ блохъ.

Папа сѣлъ на лошадь, и мы поѣхали.

ГЛАВА VII.

ОХОТА.

Доѣзжающій, прозывавшійся Турка, на голубой, горбоносой лошади, въ мохнатой шапкѣ, съ огромнымъ рогомъ за плечами и ножомъ на поясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрачной и свирѣпой наружности этого человѣка, скорѣе можно было подумать, что онъ ѣдетъ на смертный бой, чѣмъ на охоту. Около заднихъ ногъ его лошади, пестрымъ, волнующимся клубкомъ, бѣжали сомкнутивъ гончія. Жалко было видѣть, какая участь пос-

тигла ту несчастную, которой вздумалось отстать. Ей надо было съ большими усилиями перетянуть свою подругу, и когда она достигла этого, одинъ изъ выжлятниковъ, ѣхавшихъ сзади, непременно хлопалъ по ней арапникомъ, приговаривая: «въ кучу!» Выѣхавъ за ворота, папа велѣлъ охотникамъ и намъ ѣхать по дорогѣ, а самъ повернулъ въ ржаное поле.

Хлѣбная уборка было во всемъ разгарѣ. Небозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ, синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина, въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкой, игривой ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводозъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзые собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ голову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью— все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подѣхавъ къ Калиновому лѣсу, мы нашли линейку уже тамъ и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ одну лошадь, на срединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ. Изъ подъ сѣна виднѣлись: самоваръ, кадка съ мороженой формой и еще кой-какіе привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ воздухѣ, мороженное и фрукты. При видѣ телѣги, мы изъявили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на травѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на которомъ никто никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажденіемъ.

Турка подѣхалъ къ острову, остояновился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ равняться и куда выходить (впрочемъ,

онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по своему), разомкнулъ собаку, не сѣша вторично смѣчки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего маханіемъ хвостовъ выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились, и потомъ уже маленькой рысцой, пригнувшись и махая хвостами, побѣжали въ разные стороны.

— Есть у тебя платокъ? спросилъ папа.

Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку...

— Жирана? сказалъ я, съ видомъ знатока.

— Да; и бѣги по дорожѣ. Когда придетъ полянка, остановись и смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходишь!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь.

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ порсканью охотниковъ. У меня не доставало силъ стащить его съ мѣста, и я начиналъ кричать: «ату! ату!» Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удерживать его, и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жирана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турки громче и одушевленнѣе раздался по лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался чаще и чаще; къ нему присоединился другой, басистый голосъ, потомъ третій, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и наконецъ слились въ одинъ звонкій, залихватый гулъ. *Островъ былъ голосистый и гончія варили варомъ.*

Услыхавъ это, я замеръ на своемъ мѣстѣ. Впери́въ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался; потъ катился съ меня градомъ, и хотя капли его сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливалась около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня; зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было тоже самое: сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, жолудями, пересохшими, обомшалами хворостинками, желто-зеленымъ

мхомъ и изрѣдка пробивавшимися, тонкими, зелеными травками, кишмя кишѣли муравьи. Они, одинъ за другимъ, торопились, по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостину и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ; а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода, или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добивались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой, съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки — только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранъ завылъ и рванулся съ такой силой, что я чуть было не упалъ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ. Кровь ударила мнѣ въ голову и я все забылъ въ эту минуту: закричалъ что-то неистовымъ голосомъ, пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже началъ раскаиваться: заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и больше я его не видалъ.

Но каковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя въ голосъ вывели на опушку, изъ за кустовъ показался Турка! Онъ видѣлъ мою ошибку (которая состояла въ томъ, что я не *выдержалъ*) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: «эхъ, баринъ!» Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, какъ зайца, повѣсилъ на сѣдло.

Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ, ударяя себя по ляжкамъ:

— Боже мой, что я надѣлалъ!

Я слышалъ, какъ гончія погнали дальше, какъ застучали на другой сторонѣ острова, отбили зайца и какъ Турка въ свой огромный рогъ вызывалъ собаку, — но все не трогался съ мѣста...

ГЛАВА VIII.

И Г Р Ы.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ и на коврѣ кружкомъ

сидѣло все общество. Буфетчикъ, Гаврило, при-
мѣявъ около себя зеленую сочную траву, перети-
ралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завер-
нутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленныя
вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бро-
сало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣ-
шивую, вспотѣвшую голову Гаврилы круглые, ко-
леблющіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая
по листьямъ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспо-
тѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами,
дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на
косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились
играть.

— Ну, во что? сказала Любочка, щурясь отъ
солнца и припрыгивая по травѣ. — Давайте въ
Робинзона.

— Нѣтъ... скучно, сказалъ Володя, лѣниво по-
валившись на траву и пережевывая листья:—вѣч-
но Робинзонъ! Ежели непременно хотите, такъ да-
вайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно быть, онъ
гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лоша-
ди, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ быть,
и то, что у него уже было слишкомъ много здра-
ваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія,
чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона.
Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ
«Robinson suisse», котораго мы читали не задолго
предъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣ-
лать намъ этого удовольствія? приставали къ нему
дѣвочки. — Ты будешь Charles или Ernest, или
отецъ—какъ хочешь? говорила Катенька, стараясь
за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право не хочется—скучно! сказалъ Володя,
потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улы-
баясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не
хочетъ играть, сквозь слезы выговорила Любочка.
Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь пожалуйста:
терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень ма-
ло удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скуч-
ный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда
мы сѣли на землю, и воображая, что плывемъ, на
рыбную ловлю, изъ всѣхъ силъ начали грести, Во-
лодя сидѣлъ сложа руки и въ позѣ, неимѣющей
ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ
ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы
будемъ больше или меньше махать руками, мы
ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же
далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ.
Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой
на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на
спину, закинувъ руки подъ голову и сказалъ мнѣ,
что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и сло-
ва, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непри-
ятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ

не согласиться, что Володя поступаетъ благора-
зумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить
птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра.
Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить
нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ
въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло плат-
ками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился ку-
черомъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три
стула были тройка лошадей,—и мы отправлялись
въ дорогу. И какія разныя приключенія случались
въ этой дорогѣ! и какъ весело и скоро проходили
зимніе вечера!.. Ежели судить по настоящему, то
игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, чтожь
тогда остается?..

ГЛАВА IX.

что-то въ родъ первой любви.

Представляя, что она рветъ съ дерева какіе-то
американскіе фрукты, Любочка сорвала на одномъ
листвѣ огромной величины червяка, съ ужасомъ
бросила его на землю, подняла руки кверху и от-
скочила, какъ будто боясь, чтобы изъ него не
брызнуло чего нибудь. Игра прекратилась; мы всѣ,
головами вмѣстѣ, припали къ землѣ—смотрѣть эту
рѣдкость.

Я смотрѣлъ черезъ плечо Катеньки, которая ста-
ралась поднять червяка на листочкѣ, подставляя
ему его на дорогѣ.

Я замѣтилъ, что многія дѣвочки имѣютъ при-
вычку подергивать плечами, стараясь этимъ дви-
женіемъ привести спустившееся платье съ откры-
той шеей на настоящее мѣсто. Еще помню, что
Мими всегда сердилась за это движеніе и говори-
ла: *c'est un geste de femme de chambre*. Нагнув-
шись надъ червякомъ, Катенька сдѣлала это са-
мое движеніе, и въ тоже время вѣтеръ поднялъ
косыночку съ ея бѣленькой шейки. Плечико во вре-
мя этого движенія было на два пальца отъ моихъ
губъ. Я смотрѣлъ уже не на червяка, смотрѣлъ—
смотрѣлъ и изъ всѣхъ силъ поцаловалъ плечо Ка-
теньки. Она не обернулась, но я замѣтилъ, что
шейка ея и уши покраснѣли. Володя, не поднимая
головы презрительно сказалъ:

— Чтѣ за нѣжности?

У меня же были слезы на глазахъ.

Я не спускалъ глазъ съ Катеньки. Я давно уже
привыкъ къ ея свѣженькому, бѣлокуренькому ли-
чику и всегда любилъ его; но теперь я внима-
тельнѣе сталъ всматриваться въ него и полюбить
еще больше. Когда мы подошли къ большому, па-
па, къ великой нашей радости, объявилъ, что по
просьбѣ матушки, поѣздка отложена до завтраш-
няго утра.

Мы поѣхали назадъ вмѣстѣ съ линейкой. Воло-
дя и я, желая превзойти одинъ другаго искусст-
вомъ ѣздить верхомъ и молодечествомъ, гарцо-

вали около нея. Тѣнь моя была длиннѣе, чѣмъ прежде, и, судя по ней, я предполагалъ, что имѣю видъ довольно красиваго всадника; но чувство самодовольства, которое я испытывалъ, было скоро разрушено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Желая окончательно прельстить всѣхъ сидѣвшихъ въ линейкѣ, я отсталъ немного потомъ, съ помощью хлыста и ногъ, разогналъ свою лошадку, принялъ непринужденно-граціозное положеніе и хотѣлъ вихремъ пронестись мимо ихъ, съ той стороны, съ которой сидѣла Катенька. Я не зналъ только, что лучше: молча ли проскакать, или крикнуть? Но несносная лошадка, поровнявшись съ упряжными, не смотря на всѣ мои усилія, остановилась такъ неожиданно, что я перескочилъ съ сѣдла на шею и чуть-чуть не полетѣлъ.

ГЛАВА X.

ЧТО ЗА ЧЕЛОВѢКЪ БЫЛЪ МОЙ ОТЕЦЪ?

Онъ былъ человѣкъ прошлаго вѣка и имѣлъ обшій молодежи того вѣка неувимый характеръ рыцарства, предприимчивости, самоувѣренности, любезности и разгула. На людей нынѣшняго вѣка онъ смотрѣлъ презрительно, и взглядъ этотъ происходилъ столько же отъ врожденной гордости, сколько отъ тайной досады за то, что въ нашъ вѣкъ онъ не могъ имѣть ни того вліянія, ни тѣхъ успѣховъ, которые имѣлъ въ свой. Двѣ главные страсти его въ жизни были карты и женщины; онъ выигралъ въ продолженіи своей жизни нѣсколько милліоновъ и имѣлъ связи съ безчисленнымъ числомъ женщинъ всѣхъ сословій.

Большой, статный ростъ, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечомъ, маленькіе, всегда улыбающіеся глазки, большой орлиный носъ, неправильныя губы, которыя какъ-то неловко, но пріятно складывались, недостатокъ въ произношеніи — пришепетываніе, и большая во всю голову лысина: вотъ наружность моего отца, съ тѣхъ поръ, какъ я его запомню, — наружность, съ которою онъ умѣлъ не только прослыть и быть человѣкомъ *à bonnes fortunes*, но нравиться всѣмъ безъ исключенія — людямъ всѣхъ сословій и состояній, въ особенности же тѣмъ, которымъ онъ хотѣлъ нравиться.

Онъ умѣлъ взять верхъ въ отношеніяхъ со всякимъ. Не бывъ никогда человѣкомъ *очень большаго свѣта*, онъ всегда водился съ людьми этого круга, и такъ, что былъ уважаемъ. Онъ зналъ ту крайнюю мѣру гордости и самонадѣянности, которая не оскорбляя другихъ, возвышала его въ мнѣніи свѣта. Онъ былъ оригиналенъ, но не всегда, а употреблялъ оригинальность какъ средство, замѣняющее въ иныхъ случаяхъ свѣтскость или богатство. Ничто на свѣтѣ не могло возбудить въ немъ чувства удивленія: въ какомъ бы онъ ни былъ блестящемъ положеніи, казалось онъ для него

былъ рожденъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ скрывать отъ другихъ и удалять отъ себя извѣстную всѣмъ темную, наполненную мелкими досадами и огорченіями, сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Онъ былъ знатокъ всѣхъ вещей, доставляющихъ удобства и наслажденія, и умѣлъ пользоваться ими. Конекъ его былъ блестящія связи, которыя онъ имѣлъ частію по родству моей матери, частію по своимъ товарищамъ молодости, на которыхъ онъ въ душѣ сердился за то, что они далеко ушли въ чинахъ, а онъ навсегда остался отставнымъ поручикомъ гвардіи. Онъ, какъ и всѣ бывшіе военные, не умѣлъ одѣваться по модному; но за то онъ одѣвался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и легкое платье, прекрасное бѣлье, большіе отвороченные манжеты и воротнички... Впрочемъ, все шло къ его большому росту, сильному сложенію, лысой головѣ и спокойнымъ, самоувѣреннымъ движеніямъ. Онъ былъ чувствителенъ и даже слезливъ. Часто, читая вслухъ, когда онъ доходилъ до патетическаго мѣста, голосъ его начиналъ дрожать, слезы показывались, и онъ съ досадою оставлялъ книгу. Онъ любилъ музыку, пѣвалъ, акомпанируя себѣ на фортепьяно, романсы пріятеля своего А..., цыганскія пѣсни и нѣкоторые мотивы изъ оперъ; но ученой музыки не любилъ и, не обращая вниманія на общее мнѣніе, откровенно говорилъ, что сонаты Бетховена нагоняютъ на него сонъ и скуку, и что онъ не знаетъ лучше ничего, какъ «Не будите меня молodu», какъ ее пѣвала Семенова, и «Не одна,» какъ пѣвала цыганка Танюша. Его натура была одна изъ тѣхъ, которымъ для хорошаго дѣла необходима публика. И то только онъ считалъ хорошимъ, что называла хорошимъ публика. Богъ знаетъ, были ли у него какія нибудь нравственные убѣжденія? Жизнь его была такъ полна увлеченіями всякаго рода, что ему некогда было составлять себѣ ихъ да, онъ и былъ такъ счастливъ въ жизни, что не видѣлъ въ томъ необходимости.

Въ старости у него образовался постоянный взглядъ на вещи и неизмѣнныя правила, — но единственно на основаніи практическомъ: тѣ поступки и образъ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствія, онъ считалъ хорошими и находилъ, что такъ всегда и всѣмъ поступать должно. Онъ говорилъ очень увлекательно, и эта способность, мнѣ кажется, усиливала гибкость его правилъ: онъ въ состояніи былъ тотъ же поступокъ рассказать какъ самую милую шалость и какъ низкую подлость.

ГЛАВА XI.

ЗАНЯТІЯ ВЪ КАБИНЕТѢ И ГОСТИНОЙ.

Уже смеркалось, когда мы пріѣхали домой. Мама сѣла за рояль, а мы, дѣти, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать око-

ло круглаго стола. У меня была только синяя краска; но не смотря на это, я затѣялъ нарисовать охоту. Очень живо изобразивъ синяго мальчика верхомъ на синей лошади, и синихъ собакъ, я не зналъ навѣрное, можно ли нарисовать синяго зайца, и побѣждалъ къ папа въ кабинетъ посоветоваться объ этомъ. Папа читалъ что-то и на вопросъ мой: «бываютъ ли синіе зайцы?» не поднимая головы, отвѣчалъ: «бываютъ, мой другъ, бываютъ». Возвратившись къ круглому столу, я изобразилъ синяго зайца, потомъ нашелъ нужнымъ передѣлать изъ синяго зайца куста. Кустъ тоже мнѣ не понравился; я сдѣлалъ изъ него дерево, изъ дерева—скридь, изъ скрида—облако и наконецъ такъ испачкалъ всю бумагу синей краской, что съ досады разорвалъ ее и пошелъ дремать на волтеровское кресло.

Матап играла второй концертъ Фильда—своего учителя. Я дремалъ, и въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспоминалъ что-то грустное, тяжелое и мрачное. Матап часто играла эти двѣ пьесы; по этому я очень хорошо помню чувство, которое онѣ во мнѣ возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминанія; но воспоминанія чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было.

Противъ меня была дверь въ кабинетъ, и я видѣлъ, какъ туда вошли Яковъ и еще какіе-то люди въ кафтанахъ и съ бородами. Дверь тотчасъ затворилась за ними. «Ну, начались занятія!» подумалъ я. Мнѣ казалось, что важнѣе тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались въ кабинетѣ, ничего въ мірѣ быть не могло; въ этой мысли подтверждало меня еще то, что къ дверямъ кабинета всѣ подходили обыкновенно перешептываясь и на цыпочкахъ; оттуда же былъ слышенъ громкій голосъ папа и запахъ сигары, который всегда, не знаю почему, меня очень привлекалъ. Въ просонкахъ меня вдругъ поразилъ очень знакомый скрипъ сапоговъ въ офиціантской. Карлъ Ивановичъ, на цыпочкахъ, но съ лицомъ мрачнымъ и рѣшительнымъ, съ какими-то записками въ рукѣ, подошелъ къ двери и слегка постучался. Его впустили, и дверь опять захлопнулась.

«Какъ бы не случилось какого нибудь несчастья — подумалъ я—Карлъ Ивановичъ разсерженъ: онъ на все готовъ»...

Я опять задремалъ.

Однако, несчастья ни какого ни случилось; черезъ часъ времени меня разбудилъ тотъ же скрипъ сапоговъ. Карлъ Ивановичъ, утирая платкомъ слезы, которыя я замѣтилъ на его щекахъ, вышелъ изъ двери и, бормоча что-то себѣ подъ носъ, пошелъ наверхъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ папа и вошелъ въ гостиную.

— Знаешь, чтó я сейчасъ рѣшилъ? сказалъ онъ веселымъ голосомъ, положивъ руку на плечо матап.

— Чтó, мой другъ?

— Я беру Карла Ивановича съ дѣтьми. Мѣсто въ бричку есть. Они къ нему привыкли, и онъ къ нимъ, кажется, точно привязанъ; а 700 рублей въ годъ никакого счета не дѣлаютъ, et puis au fond c'est un très bon diable.

Я никакъ не могъ постигнуть, зачѣмъ папа бранить Карла Ивановича.

— Я очень рада, сказала матап: — за дѣтей и за него: онъ славный старикъ.

— Если бы ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ, когда я ему сказалъ, чтобы онъ оставилъ эти 500 рублей въ видѣ подарка... но что забавнѣе всего — это счетъ, который онъ принесъ мнѣ. Это стоитъ посмотреть, прибавилъ онъ съ улыбкой, подавая ей записку, написанную рукою Карла Ивановича: — прелесть!

Вотъ содержаніе этой записки:

«Для дѣтей два удочка — 70 копекъ.

«Цвѣтной бумага, золотой коемочка, клестиръ и болванъ для коробочка, въ подаркахъ — 6 р. 55 копекъ.

«Книга и лукъ, подарка дѣтьямъ — 8 р. 16 к.

«Панталонъ Николаю — 4 рубл.

«Обѣщаны Петромъ Александровичъ изъ Москву въ 18.. году золотые часы въ 140 рублей.

«Итого слѣдуетъ получить Карлу Мауеру кромѣ жалованію — 159 рублей 79 копекъ».

Прочтя эту записку, въ которой Карлъ Ивановичъ требуетъ, чтобы ему заплатили всѣ деньги, издержанныя имъ на подарки, и даже заплатили бы за обѣщанный подарокъ, всякій подумаетъ, что Карлъ Ивановичъ больше ничего, какъ безчувственный и корыстолюбивый себялюбецъ,—и всякій ошибется.

Войдя въ кабинетъ съ записками въ рукѣ и съ приготовленной рѣчью въ головѣ, онъ намѣревался краснорѣчиво изложить передъ папа всѣ несправедливости, претерѣнныя имъ въ нашемъ домѣ; но когда онъ началъ говорить тѣмъ же трогательнымъ голосомъ и съ тѣми же чувствительными интонаціями, съ которыми онъ обыкновенно диктовалъ намъ, его краснорѣчіе подѣйствовало сильнѣе всего на него самого; такъ-что, дойдя до того мѣста, въ которомъ онъ говорилъ: «какъ ни грустно мнѣ будетъ разстаться съ дѣтьми», онъ совсѣмъ сбился, голосъ его задрожалъ и онъ принужденъ былъ достать изъ кармана клѣтчатый платокъ.

— Да, Петръ Александровичъ, сказалъ онъ сквозь слезы (этого мѣста совсѣмъ не было въ приготовленной рѣчи): — я такъ привыкъ къ дѣтямъ, что не знаю, что буду дѣлать безъ нихъ. Лучше я безъ жалованья буду служить вамъ, прибавилъ онъ, одной рукою утирая слезы, а другой подавая счетъ.

Что Карлъ Ивановичъ въ эту минуту говорилъ искренно, это я утвердительно могу сказать, потому что знаю его доброе сердце; но какимъ образомъ согласовался счетъ съ его словами, остается для меня тайной.

— Если вамъ грустно, то мнѣ было бы еще

грустиѣе разстаться съ вами, сказалъ папа, потрепавъ его по плечу: — я теперь раздумалъ.

Не задолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ, не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше. Я подмигнулъ Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

— Если хотите посмотрѣть гришины вериги, то пойдемте сейчасъ на мужской верхъ — Гриша спитъ во второй комнатѣ — въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы все увидимъ.

— Отлично! Подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились наверхъ. Не безъ спору рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

ГЛАВА XII.

Г Р И Ш А.

Намъ всѣмъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ, въ другой — сальную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы не переводили дыханія.

— Господи Иисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу... вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ, съ различными интонаціями и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова.

Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ уголъ и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый zipунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на спинку стула. Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ, и, какъ видно было, съ усиленіемъ — потому что онъ поморщился — поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ прорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла.

Въ окна, обращенныя на лѣсъ, ударяла почти полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными, серебряными лучами мѣсяца, съ другой — черной тѣнью; вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ, падала на полъ, стѣ-

ны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

Сложивъ свои огромныя руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоялъ передъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Сначала онъ тихо говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторые слова, потомъ повторилъ ихъ, но громче и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова, съ замѣтнымъ усиленіемъ стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ, молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, твердилъ: «Боже, прости врагамъ моимъ!»! крихтя поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

Володя ущипнулъ меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потеръ только рукой то мѣсто и продолжалъ, съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія, слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши.

Вмѣсто веселія и смѣха, на которые я рассчитывалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: *Господи помилуй*, но каждый разъ съ новой силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: *прости мя, Господи, научи мя что творить... научи мя что творити, Господи!* съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія... Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его криваго глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

— Да будетъ воля Твоя! вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе; но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога, твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... И какую высокую хвалу ты принесъ

Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!...

Чувство умиленія, съ которымъ я слушалъ Гришу, не могло долго продолжаться, во-первыхъ потому, что любопытство мое было насыщено, а вторыхъ потому, что я отсидѣлъ себѣ ноги, сидя на одномъ мѣстѣ, и мнѣ хотѣлось присоединиться къ общему шептанью и вознѣ, которыя слышались сзади меня въ темномъ чуланѣ. Кто-то взялъ меня за руку и шопотомъ сказалъ: чья это рука? Въ чуланѣ было совершенно темно; но по одному прикосновенію и голосу, который шепталъ мнѣ, надъ самымъ ухомъ, я тотчасъ узналъ Катеньку.

Совершенно безсознательно я схватилъ ея руку въ коротенькихъ рукавчикахъ за локоть и припалъ къ ней губами. Катенька вѣрно удивилась этому поступку и отдернула руку: этимъ движеніемъ она толкнула сломанный стулъ, стоявшій въ чуланѣ. Гриша поднялъ голову, тихо оглянулся и, читая молитвы, сталъ крестить всѣ углы. Мы съ шумомъ и шопотомъ выбѣжали изъ чулана.

ГЛАВА XIII.

НАТАЛЬЯ САВИШНА.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по дворамъ села Хабаровки бѣгала, въ затрапезномъ платьѣ, босоногая, но веселая, толстая и краснощекая дѣвка *Наташка*. По заслугамъ и просьбѣ отца ея, кларнетиста Саввы, дѣдъ мой взялъ ее *вверхъ* — находится въ числѣ женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличилась въ этой должности кротостью нрава и усердіемъ. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этомъ новомъ поприщѣ она заслужила похвалы и награды за свою дѣятельность, вѣрность и привязанность къ молодой госпожѣ. Но напудренная голова и чулки съ пряжками молодого, бойкаго официанта Фоки, имѣвшего по службѣ частныя сношенія съ Натальей, плѣнили ея грубое, но любящее сердце. Она даже сама рѣшилась идти къ дѣдушкѣ просить позволенія выйти за Фоку замужъ. Дѣдушка принялъ ея желаніе за неблагодарность, прогнѣвался и сослалъ бѣдную Наталью за наказаніе на скотный дворъ въ степную деревню. Черезъ 6 мѣсяцевъ однако, такъ какъ никто не могъ замѣнить Наталью, она была возвращена въ дворъ и въ прежнюю должность. Возвратившись въ затрапезкѣ изъ изгнанія, она явилась къ дѣдушкѣ, упала ему въ ноги и просила возвратитъ ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И дѣйствительно, она сдержала свое слово.

Съ тѣхъ поръ *Наташка* сдѣлалась Натальей Савишной и надѣла чепецъ: весь запасъ любви, который въ ней хранился, она перенесла на барышню сою.

Когда подлѣ матушки замѣнила ее гувернантка, она получила ключи отъ кладовой, и ей на руки сданы были бѣлье и вся провизія. Новыя обязанности эти она исполняла съ тѣмъ же усердіемъ и любовью. Она вся жила въ барскомъ добрѣ, во всемъ видѣла трату, порчу, расхищеніе и всѣми средствами старалась противодѣйствовать.

Когда татап вышла замужъ, желая чѣмъ нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ея двадцатилѣтніе труды и привязанность, она позвала ее къ себѣ и, выразивъ въ самыхъ лестныхъ словахъ всю свою къ ней признательность и любовь, вручила ей листъ гербовой бумаги, на которомъ была написана вольная Наталья Савишнѣ, и сказала, что, несмотря на то, будетъ ли она, или нѣтъ, продолжать служить въ нашемъ домѣ, она всегда будетъ получать ежегодную пенсію въ 300 рублей. Наталья Савишна молча выслушала все это, потомъ, взявъ въ руки документъ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбѣжала изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Не понимая причины такого страннаго поступка, татап, немного погодя, вошла въ комнату Натальи Савишны. Она сидѣла съ заплаканными глазами на сундукѣ, перебирая пальцами носовой платокъ и пристально смотрѣла на валявшіеся на полу передъ ней клочки изорванной вольной.

— Что съ вами, голубушка Наталья Савишна? спросила татап, взявъ ее за руку.

— Ничего, матушка, отвѣчала она: — должно быть, я вамъ чѣмъ нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Чтожъ, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь отъ слезъ, хотѣла уйти изъ комнаты. Матап удержала ее, обняла, и онѣ обѣ расплакались.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ея любовь и ласки; но теперь только умѣю цѣнить ихъ, — тогда же мнѣ и въ голову не приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ: вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что и не воображалъ, чтобы это могло быть иначе, нисколько не былъ благодаренъ ей и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, подлѣ предлогомъ необходимой надобности, приближишь отъ урока въ ея комнатку, усядешься и начинаешь мечтать вслухъ, нисколько не стѣсняясь ея присутствіемъ. Всегда она бывала чѣмъ нибудь занята: или вязала чулокъ, или рылась въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, или записывала бѣлье и, слушая всякій вздоръ, который я говорилъ, «какъ, когда я буду генераломъ, я женюсь на чудесной красавицѣ, куплю себѣ рыжую лошадь, построю стеклянный домъ и выпишу родныхъ Карла Ивановича изъ Саксоніи,» и т. д. она приговаривала: «да, мой батюшка, да.» Обыкновенно, когда я вставалъ и со-

бирался уходить, она отворяла голубой сундукъ, на крышкѣ котораго снутри—какъ теперь помню—были наклеены: крашеное изображеніе какого-то гусара, картинка съ помадной баночки и рисунокъ Володи, — вынимала изъ этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говаривала:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда вашъ покойникъ дѣдушка — царство небесное — подъ турку ходили, такъ оттуда еще привезли. Вотъ ужъ послѣдній кусочекъ остался, прибавляла она со вздохомъ.

Въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, было рѣшительно все. Чтò бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: «надо спросить у Натальи Савишны,» и дѣйствительно, порывшись немного, она находила требуемый предметъ и говаривала: «вотъ и хорошо, что припрятала.» Въ сундукахъ этихъ были тысячи такихъ предметовъ, о которыхъ никто въ домѣ, кромѣ ея, не зналъ и не заботился.

Одинъ разъ я на нее разсердился. Вотъ какъ это было. За обѣдомъ, наливая себѣ квасу, я уронилъ графинъ и облилъ скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика, сказала татап.

Наталья Савишна вошла и, увидавъ лужу, которую я сдѣлалъ, покачала головой; потомъ татап сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

Послѣ обѣда я, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припрыгивая, отправился въ залу, какъ вдругъ изъ-за двери выскочила Наталья Савишна, со скатертью въ рукѣ, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, начала тереть меня мокрымъ по лицу, приговаривая: «не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня такъ это обидѣло, что я разревѣлся отъ злости.

«Какъ! — говорилъ я самъ себѣ, прохаживаясь по залѣ и захлебываясь отъ слезъ — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говоритъ *мнѣ ты*, и еще бьетъ меня по лицу мокрой скатертью, какъ двороваго мальчишку. Нѣтъ, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустилъ слюни, она тотчасъ же убѣжала, а я, продолжая прохаживаться, рассуждалъ о томъ, какъ бы отплатить дерзкой *Натальей* за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мнѣ и начала увѣщевать.

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня дуру... я виновата... ужъ вы меня простите, мой голубчикъ... вотъ вамъ.

Она вынула изъ подъ платка корнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ карамельки и одна винная ягода, и дрожащей рукой подала его мнѣ. У меня не доставало силъ взглянуть въ лицо доброй старушкѣ; я, отвернувшись, принялъ подарокъ, и слезы потекли еще обильнѣе, но уже не отъ злости, а отъ любви и стыда.

ГЛАВА XIV.

РАЗЛУКА.

На другой день послѣ описанныхъ мною происшествій, въ двѣнадцатомъ часу утра, коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по дорожному, то есть штаны были всунуты въ сапоги и старый сюртукъ туго-на-туго подпоясанъ кушакомъ. Онъ стоялъ въ бричкѣ и укладывалъ шинели и подушки подъ сидѣнье; когда оно ему казалось высоко, онъ садился на подушки и, припрыгивая, обминалъ ихъ.

— Сдѣлайте Божескую милость, Николай Дмитричъ, нельзя ли къ вамъ будетъ баринову щикатулку положить, сказалъ запыхавшійся камердинеръ папа, высовываясь изъ коляски: — она маленькая...

— Вы бы прежде говорили, Михай Ивановичъ, отвѣчалъ Николай скороговоркой и съ досадой, изъ всѣхъ силъ бросая какой-то узелокъ на дно брички. — Ей Богу, голова и такъ кругомъ идетъ, а тутъ еще вы съ вашими щикатулками, прибавилъ онъ, приподнявъ фуражку и утирая съ горѣлаго лба крупныя капли пота.

Дворовые мужчины, въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины, въ затрапезахъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ—сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ — держалъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой—видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ красными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепеникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурые кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо — положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же возжи и, постегивая плетенымъ кнуткомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку, — даже, чтобы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовые, разномастные, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Однѣ изъ нихъ, выставивъ свои косматыя, оплывшія ноги, жмурили глаза и дремали; другія, отъ скуки, чесали другъ друга или щипали листья и стебли жесткаго темнозеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ — однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки вы-

сокихъ липъ и березъ сада и далеко относились падавшіе, желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ящикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Ивановичемъ? и для чего непременно хотять меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

«Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хотя бы поскорѣй это все кончилось: съестъ бы и ѣхать.»

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать? сказала вошедшая, съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ, Наталья Савишна, обращаясь къ татапу.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукою, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе; но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другаго: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и Madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ «кушать готово,» остановившись у притоки, сказалъ «лошади готовы.» Я замѣтилъ, что татап вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло, «какъ будто всѣ спрятались отъ кого нибудь.»

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула; но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сторбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ татапа и нѣсколько разъ поцаловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ, сказалъ папа: — вѣдь не на вѣкъ расстаемся.

— Все-таки грустно! сказала татап дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услышалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цаловать и крестить Володю, что — полагая, что она теперь обратится ко мнѣ — я совался впередъ; но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ, я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ «пожалуйте ручку-съ,» звучные поцалуй въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ огорченію у людей раздражительныхъ. Подъ влияніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцаловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она вся въ слезахъ прощалась со мною.

Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе татапа рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія: можетъ быть оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что если бы я это сдѣлалъ, ея и моя горестъ должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что татап еще здѣсь.

«Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?.. Ну въ послѣдній разъ!» сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время татап, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услышавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы стукнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцаловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отѣхали нѣсколько сажень, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, поставляла мнѣ удовольствіе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся попокойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами — заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетенный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлѣѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошади съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобы узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которой я разстался, можетъ быть, навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили — кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали прощаясь съ нами.

Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими — и ту жалко. Все, все жалко! А бѣдная мама! И слезы опять навертывались на глаза; но не надолго.

ГЛАВА XV.

дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Мама говоритъ съ кѣмънибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ, она сдѣлалась вся маленькая, маленькая — лицо ея не больше пуговицы; но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчонковъ, которые бываютъ въ зрѣнкахъ; но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я сжуливаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николинька, говоритъ мнѣ мама: — ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грѣзы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; мама сказала, что она сама разбудить меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ни чьи равнодушныя взоры не стѣсняють ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цалую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полу-темно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цалуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамы, ты не забудешь ее? не забудешь, Николинька?

Она еще нѣжнѣе цалуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! вскрикиваю я, цалую ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, паленку и маменьку. Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовью къ ней и любовь къ Богу, какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; одишь мечты, гонять другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о

Карлъ Ивановичъ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливѣйшій — и такъ жалко станеть, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всемъ готовъ для него пожертвовать. — Потомъ любимую фарфоровую игрушку — зайчика и сабачку — уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любишь, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся ли когда нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви, были единственными побужденіями въ жизни?

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучший даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ Ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грѣзы неспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такія тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?

ГЛАВА XVI.

СТИХИ.

Почти мѣсяцъ послѣ того, какъ мы переѣхали въ Москву, я сидѣлъ наверху бабушкинаго дома, за большимъ столомъ и писалъ; напротивъ меня сидѣлъ рисовальный учитель и окончательно поправлялъ нарисованную чернымъ карандашомъ головку какого-то турка въ чалмѣ. Володя, вытянувъ шею, стоялъ сзади учителя и смотрѣлъ ему черезъ плечо. Головка эта было первое произведеніе Володи чернымъ карандашомъ и нынче же, въ день ангела бабушки, должна была быть поднесена ей.

— А сюда вы не положите еще тѣни? сказалъ Володя учителю, приподнимаясь на цыпочки и укачивая на шею турка.

— Нѣтъ, не нужно, сказалъ учитель, укладывая карандаши и рейсфедеръ въ задвижной ящичекъ: — теперь прекрасно, и вы больше не прикасайтесь. Ну, а вы, Николайка, прибавилъ онъ, вставая и продолжая искоса смотрѣть на турка: — откройте, наконецъ, намъ вашъ секретъ; что вы поднесете бабушкѣ? Право, лучше было бы тоже головку. Прощайте, господа, сказалъ онъ, взявъ шляпу, билетикъ и вышелъ.

Въ эту минуту я тоже думалъ, что лучше бы было головку, чѣмъ то, надъ чѣмъ я трудился. Когда намъ объявили, что скоро будутъ именины бабушки и что намъ должно приготовить къ этому дню подарки, мнѣ пришло въ голову написать ей стихи на этотъ случай, и я тотчасъ же прибралъ два стиха съ римами, надѣясь также скоро прибрать остальные. Я рѣшительно не помню, какимъ образомъ вошла мнѣ въ голову такая странная для ребенка мысль, но помню, что она очень нравилась, и что на всѣ вопросы объ этомъ предметѣ я отвѣчалъ, что непременно поднесу бабушкѣ подарокъ, но никому не скажу, въ чемъ онъ будетъ состоять.

Противъ моего ожиданія, оказалось, что кромѣ двухъ стиховъ, придуманныхъ мною сгоряча, я, несмотря на всѣ усилія, ничего дальше не могъ сочинить. Я сталъ читать стихи, которые были въ нашихъ книгахъ; но ни Дмитріевъ, ни Державинъ не помогли мнѣ; напротивъ, они еще болѣе убѣдили меня въ моей неспособности. Зная, что Карлъ Ивановичъ любилъ списывать стишки, я сталъ потихоньку рыться въ его бумагахъ и въ числѣ нѣмецкихъ стихотвореній нашелъ одно, русское, принадлежащее, должно быть, собственно его перу.

Г-жѣ Л Петровской, 1828, 3 іюні.

Помните близко,
Помните далеко,
Помните моего
Еще отини и до всегда
Помните еще до моего гроба
Какъ вѣренъ я любить имѣю.

Карлъ Мауеръ.

Стихотвореніе это, написанное красивымъ, круглымъ почеркомъ, на тонкомъ почтовомъ листѣ, понравилось мнѣ по трогательному чувству, которымъ оно проникнуто; я тотчасъ же выучилъ его наизусть и рѣшился взять за образецъ. Дѣло пошло гораздо легче. Въ день именинъ поздравленіе изъ 12 стиховъ было готово, и, сидя за столомъ, въ классной, я переписывалъ его на велевую бумагу.

Уже два листа бумаги были испорчены... не потому, что бы я думалъ что нибудь переменить въ нихъ: стихи мнѣ казались превосходными; но съ третьей линейки концы ихъ начинали загибаться кверху все больше и больше, такъ что даже издалика видно было, что это написано криво и никуда не годится.

Третій листъ былъ также кривъ, какъ и прежніе; но я рѣшился не переписывать больше. Въ стихотвореніи своимъ я поздравлялъ бабушку, желалъ ей много лѣтъ здравствовать и заключилъ такъ:

Стараться будемъ утѣшать
И любить какъ родную мать.

Кажется, было бы очень педурно, но послѣдній стихъ какъ-то странно оскорблялъ мой слухъ.

— Илю-бимъ, какъ родну-ю-мать, твердилъ я себѣ подъ носъ. — Какую бы риму вмѣсто *мать*?

играть? кровать?.. Э, сойдетъ! все лучше карль-иванычевыхъ!

И я написалъ послѣдній стихъ. Потомъ въ спальнѣ я прочелъ вслухъ все свое сочиненіе, съ чувствомъ и жестами. Были стихи совершенно безъ размѣра, но я не останавливался на нихъ; послѣдній же еще сильнѣе и непріятнѣе поразилъ меня. Я сѣлъ на кровать и задумался...

«Зачѣмъ я написалъ: *какъ родную мать?* ее вѣдь здѣсь нѣтъ, такъ не нужно было и помянуть ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все она не то... зачѣмъ я написалъ это, зачѣмъ я солгалъ? Положимъ, это стихи, да все-таки не нужно было.»

Въ это самое время вошелъ портной и принесъ новыя полуфракки.

— Ну, такъ и быть! сказалъ я въ сильномъ нетерпѣніи, съ досадой сунулъ стихи подъ подушку и побѣждалъ примѣривать московское платье.

Московское платье оказалось превосходно: коричневые полуфракки съ бронзовыми пуговками были сшиты въ обтяжку — не такъ, какъ въ деревнѣ намъ шивали, на ростъ — черные брючки, тоже узенькіе, чудо какъ хорошо обозначали мускулы и лежали на сапогахъ.

«Наконецъ-то и у меня панталоны со штрипками, настоящіе!» мечталъ я, вѣя себя отъ радости, осматривая со всѣхъ сторонъ свои ноги. — Хотя мнѣ было очень узко и не ловко въ новомъ платьѣ, я скрылъ это отъ всѣхъ, сказалъ, что напротивъ, мнѣ очень покойно; и что ежели есть недостатокъ въ этомъ платьѣ, такъ только тотъ, что оно немножко просторно. Послѣ этого я очень долго, стоя передъ зеркаломъ, причесывалъ свою обильно напозаженную голову; но сколько ни старался, я никакъ не могъ пригладить вихры на макушкѣ: какъ только я, желая испытать ихъ послушаніе, переставалъ прижимать ихъ щеткой, они поднимались и торчали въ разныя стороны, придавая моему лицу самое смѣшное выраженіе.

Карль Ивановичъ одѣвался въ другой комнатѣ, и черезъ классную пронесли къ нему синій фракъ и еще какія-то бѣлыя принадлежности. У двери, которая вела внизъ, послышался голосъ одной изъ горничныхъ бабушки; я вышелъ, чтобы узнать что ей нужно. Она держала на рукѣ туго накрахмаленную манишку и сказала мнѣ, что она принесла для Карла Ивановича, и что ночь не спала для того, чтобы успѣть вымыть ее ко времени. Я взялся передать манишку и спросилъ, встала ли бабушка.

— Какже-съ! ужъ кофе откушали и протопеъ пришелъ. — Какимъ вы молодчикомъ! прибавила она, съ улыбкой, оглядывая мое новое платье.

Замѣчаніе это заставило меня покраснѣть; я перевернулся на одной ногѣ, щелкнулъ пальцами и припрыгнулъ, желая этимъ дать почувствовать, что она еще не знаетъ хорошенько, какой я дѣйствительно молодчикъ.

Когда я привнесъ манишку Карлу Ивановичу, она

уже была не нужна ему: онъ надѣлъ другую и перегнувшись передъ маленькимъ зеркальцемъ, которое стояло на столѣ, держался обѣими руками за пышный бантъ своего галстука и пробовалъ, свободно ли входитъ въ него, и обратно, его гладко-выбритый подбородокъ. Обдернувъ со всѣхъ сторонъ наши платья и попросивъ Николая сдѣлать для него тоже самое, онъ повелъ насъ къ бабушкѣ. Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ сильно пахло отъ насъ трюихъ помадой, въ то время, какъ мы стали спускаться по лѣстницѣ.

У Карла Ивановича въ рукахъ была коробочка своего издѣлія, у Володи — рисунокъ, у меня — стихи; у каждого на языкѣ было привѣтствіе, съ которымъ онъ поднесетъ свой подарокъ. Въ ту минуту, какъ Карль Ивановичъ отворилъ дверь залы, священникъ надѣвалъ ризу и раздались первые звуки молебна.

Бабушка была уже въ залѣ: сгорбившись и опершись на спинку стула, она стояла у стѣнки и набожно молилась; подлѣ нея стоялъ папа. Онъ обернулся къ намъ и улыбнулся, замѣтивъ, какъ мы, заторопившись, прятали за спины пригвоенные подарки и, стараясь быть незамѣченными, остановились у самой двери. Весь эффектъ неожиданности, на который мы рассчитывали, былъ потерянъ.

Когда стали подходить къ кресту, я вдругъ почувствовалъ, что нахожусь подъ тяжелымъ вліяніемъ непреодолимой, одурѣвающей застѣнчивости, и, чувствуя, что у меня никогда не достанетъ духу поднести свой подарокъ, я спрятался за спину Карла Ивановича, который, въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, поздравивъ бабушку, переложилъ коробочку изъ правой руки въ лѣвую, вручилъ ее имяннинницѣ и отошелъ нѣсколько шаговъ, чтобы дать мѣсто Володѣ. Бабушка, казалось, была въ восхищеніи отъ коробочки, оклеенной золотыми каемками, и самой ласковой улыбкой выразила свою благодарность. Замѣтно, однако, было, что она не знала, куда поставить коробочку, и, должно быть, поэтому предложила папу посмотреть, какъ удивительно искусно она сдѣлана.

Удовлетворивъ своему любопытству, папа передалъ ее протопеу, которому вещь эта казалась, чрезвычайно понравилась: онъ покачивалъ головой и съ любопытствомъ посматривалъ то на коробочку, то на мастера, который могъ сдѣлать такую прекрасную штуку. Володя поднесъ своего турка и тоже заслужилъ самыя лестныя похвалы со всѣхъ сторонъ. Насталъ и мой чередъ: бабушка съ одобрительной улыбкой обратилась ко мнѣ.

Тѣ, которые испытали застѣнчивость, знаютъ, что чувство это увеличивается въ прямомъ отношеніи времени, а рѣшительность умѣньшается въ обратномъ отношеніи, то есть: чѣмъ больше продолжается это состояніе, тѣмъ дѣлается оно непреодолимѣе и тѣмъ менѣе остается рѣшительности.

Послѣдняя смѣлость и рѣшительность оставили меня въ то время, когда Карль Ивановичъ и Воло-

дя подносили свои подарки, и застѣнчивость моя дошла до послѣднихъ предѣловъ: я чувствовалъ, какъ кровь отъ сердца безпрестанно прилиwała мнѣ въ голову, какъ одна краска на лицѣ смѣнялась другою и какъ на лбу и на носу выступали крупныя капли пота. Уши горѣли, по всему тѣлу я чувствовалъ дрожь и испарину, переминался съ ноги на ногу и не трогался съ мѣста.

— Ну, покажи же, Николенька, что у тебя — коробочка или рисованье? сказалъ мнѣ папа. — Дѣлать было нечего: дрожащей рукой подаль я измятый, роковой свертокъ; но голосъ совершенно отказался служить мнѣ, и я молча остановился передъ бабушкой. Я не могъ придти въ себя отъ мысли, что, вмѣсто ожидаемаго рисунка, при всѣхъ прочтутъ мои, нигкуда негодные стихи и слова: *какъ родную мать*, которыхъ ясно докажутъ, что я никогда не любилъ и забылъ ее. Какъ передать мои страданія въ то время, когда бабушка начала читать вслухъ мое стихотвореніе и когда, не разбирая, она останавливалась на серединѣ стиха, чтобы съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась насмѣшливою, взглянуть на папа, когда она произносила не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, и когда, по слабости зрѣнія, не дочтя до конца, она передала бумагу папа и попросила его прочесть ей все сначала? Мнѣ казалось, что она это сдѣлала потому, что ей надобно читать такіе дурные и кривонаписанные стихи, и для того, чтобы папа могъ самъ прочесть послѣдній стихъ, столь явно доказывающій мою безчувственность. Я ожидалъ того, что онъ щелкнетъ меня по носу этими стихами и скажетъ: «дрянной мальчишка, не забывай мать... вотъ тебѣ за это!» но ничего такого не случилось; напротивъ, когда все было прочтено, бабушка сказала: *charmant!* и поцѣловала меня въ лобъ.

Коробочка, рисунки и стихи были положены рядомъ съ двумя батистовыми платками и табакеркой съ портретомъ папа, на выдвижной столѣкъ вольтеровскаго кресла, въ которомъ всегда саживала бабушка.

— Княгиня Варвара Ильинична, доложилъ одинъ изъ двухъ огромныхъ лакеевъ, вѣздившихъ за каретой бабушки.

Бабушка, задумавшись, смотрѣла на портретъ, вѣшанный въ черепаховую табакерку, и ничего не отвѣчала.

— Прикажете просить, ваше сіятельство? повторилъ лакей.

ГЛАВА XVII.

княгиня корнакова.

— Проси, сказала бабушка, усаживаясь глубже въ кресло.

Княгиня была женщина лѣтъ сорока-пяти, маленькая, щедунная, сухая и жолчная, съ сѣро-зелеными, непріятными глазками, выраженіе кото-

рыхъ явно противорѣчило неестественно-умильно сложенному роту. Изъ-подъ бархатной шляпки съ страусовымъ перомъ видѣлись свѣтло-рыжеватые волосы; брови и рѣсницы казались еще свѣтлѣе и рыжеватѣе на нездоровомъ цвѣтѣ ея лица. Несмотря на это, благодаря ея непринужденнымъ движеніямъ, крошечнымъ рукамъ и особенной сухости во всѣхъ чертахъ, общій видъ ея имѣлъ что-то благородное и энергическое.

Княгиня очень много говорила и, по своей рѣчivosti, принадлежала къ тому разряду людей, которые всегда говорятъ такъ, какъ будто имъ противорѣчатъ, хотя бы никто не говорилъ ни слова: она то возвышала голосъ, то, постепенно понижая его, вдругъ съ новой живостью начинала говорить и оглядывалась на присутствующихъ, но не принимающихъ участія въ разговорѣ, особѣ, какъ будто стараясь подкрѣпить себя этимъ взглядомъ.

Несмотря на то, что княгиня поцаловала руку бабушки, безпрестанно называла ее *ma bonne tante*, я замѣтилъ, что бабушка была ею недовольна: она какъ-то особенно поднимала брови, слушая ея рассказъ о томъ, почему князь Михайло никакъ не могъ самъ пріѣхать поздравить бабушку, несмотря на сильнѣйшее желаніе; и, отвѣчая по-русски на французскую рѣчь княгини, она сказала, особенно растягивая свои слова:

— Очень вамъ благодарна, моя милая, за вашу внимательность: — а что князь Михайло не пріѣхалъ, такъ чтожъ про то и говорить... у него всегда дѣлѣ пропасть; да и то сказать, что ему за удовольствіе съ старухой сидѣть?

И, не давая княгинѣ времени опровергнуть ея слова, она продолжала:

— Чтѣ, какъ ваши дѣтки, моя милая?

— Да, слава Богу, *ma tante*, растутъ, учатся, шалятъ... особенно Этьенъ — старшій, такой повѣса становится, что ладу никакого нѣтъ; зато и уменъ — *un garçon, qui promet*. — Можете себѣ представить, *mon cousin*, продолжала она, обращаясь исключительно къ папа, потому что бабушка, нисколько не интересуясь дѣтьми княгини, а желая похвастаться своими внуками, съ тщательностію достала мои стихи изъ-подъ коробочки и стала ихъ развертывать: — можете себѣ представить, *mon cousin*, чтѣ онъ сдѣлалъ на дняхъ...

И княгиня, наклонившись къ папа, начала ему рассказывать что-то съ большимъ одушевленіемъ. Кончивъ рассказъ, котораго я не слыхалъ, она тотчасъ засмѣялась и, вопросительно глядя въ лицо папа, сказала:

— Каковъ мальчикъ, *mon cousin*? Онъ стоилъ, чтобы его высѣчь; но выдумка эта такъ умна и забавна, что я его простила, *mon cousin*.

И княгиня, устремивъ взоры на бабушку, ничего не говоря, продолжала улыбаться.

— Развѣ вы *бѣте* своихъ дѣтей, моя милая? спросила бабушка, значительно поднимая брови и дѣлая особенное удареніе на словѣ *бѣте*.

— Ахъ, ma bonne tante, кинувъ быстрый взглядъ на папа, добренькимъ голоскомъ, отвѣчала княгиня; — я знаю, какого вы мнѣнія на этотъ счетъ; но позвольте мнѣ въ этомъ одномъ съ вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни совѣтовалась объ этомъ предметѣ, все-таки опытъ привелъ меня къ тому, что я убѣдилась въ необходимости дѣйствовать на дѣтей страхомъ. — Чтобы что-нибудь сдѣлать изъ ребенка, нуженъ страхъ... не такъ ли, mon cousin? а чего, je vous demande un peu, дѣти боятся больше, чѣмъ розги?

При этомъ она вопросительно взглянула на насъ, и, признающъ, мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко въ эту минуту.

— Какъ ни говорите, а мальчикъ до 12-ти и даже до 14-ти лѣтъ все еще ребенокъ; вотъ дѣвочка — другое дѣло.

«Какое счастье — думалъ я — что я не ея сынъ.»

— Да, это прекрасно, моя милая, сказала бабушка, свертывая мои стихи и укладывая ихъ подъ коробочку, какъ будто не считая послѣ этого княгиню достойною слышать такое произведеніе: — это очень хорошо, только скажите мнѣ пожалуйста, какихъ послѣ этого вы можете требовать деликатныхъ чувствъ отъ вашихъ дѣтей?

И, считая этотъ аргументъ неотразимымъ, бабушка прибавила, чтобы прекратить разговоръ:

— Впрочемъ, у cadaго на этотъ счетъ можетъ быть свое мнѣніе.

Княгиня не отвѣчала, но только снисходительно улыбалась, выражая этимъ, что она извиняетъ эти странные предразсудки въ особѣ, которую такъ много уважаетъ.

— Ахъ, да познакомьте же меня съ вашими молодыми людьми, сказала она, глядя на насъ и привѣтливо улыбаясь.

Мы встали и, устремивъ глаза на лицо княгини, никакъ, не знали: что же нужно сдѣлать, чтобы доказать, что мы познакомились.

— Поцалуйте же руку княгини, сказалъ папа.

— Прошу любить старую тетку, говорила она, цалуя Володю въ волосы: — хотя я вамъ и дальняя, но я считаю по дружескимъ связямъ, а не по степенямъ родства, прибавила она, относясь преимущественно къ бабушкѣ; но бабушка продолжала быть недовольной ею и отвѣчала:

— Э! моя милая, развѣ нынче считается такое родство?

— Этотъ у меня будетъ свѣтскій молодой человекъ, сказалъ папа, указывая на Володю: — а этотъ поэтъ, прибавилъ онъ, въ то время, какъ я, цалуя маленькую, сухую ручку княгини, съ чрезвычайной ясностью воображалъ въ этой рукѣ розгу, подъ розгой — скамейку, и т. д. и т. д.

— Который? спросила княгиня, удерживая меня за руку.

— А этотъ, маленькій, съ вихрами, отвѣчалъ папа, весело улыбаясь.

«Что ему сдѣлали мои вихры... развѣ нѣтъ другого разговора?» подумалъ я и отошелъ въ уголъ.

Я имѣлъ самыя странныя понятія о красотѣ — даже Карла Ивановича считалъ первымъ красавцемъ въ мірѣ; но очень хорошо зналъ, что я нехорошъ собою, и въ этомъ нисколько не ошибался; поэтому каждый намекъ на мою наружность больно оскорблялъ меня.

Я очень хорошо помню, какъ разъ за обѣдомъ — мнѣ было тогда шесть лѣтъ — говорили о моей наружности, какъ мама старалась найти что-нибудь хорошее въ моемъ лицѣ: говорила, что у меня умные глаза, пріятная улыбка, и наконецъ, уступая доводамъ отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дурень; и потомъ, когда я благодарилъ ее за обѣдъ, потрепала меня по щекѣ и сказала:

— Ты это знай, Николинъ, что за твое лицо тебя никто не будетъ любить; поэтому ты долженъ стараться быть умнымъ и добрымъ мальчикомъ.

Эти слова не только убѣдили меня въ томъ, что я не красавецъ, но еще и въ томъ, что я непременно буду добрымъ и умнымъ мальчикомъ.

Несмотря на это, на меня часто находили минуты отчаянія: я воображалъ, что нѣтъ счастья на землѣ для человѣка съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, какъ я; я просилъ Бога сдѣлать чудо — превратить меня въ красавца, и все, что имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо.

ГЛАВА XVIII.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ.

Когда княгиня выслушала стихи и осыпала сочинителя похвалами, бабушка смягчилась, стала говорить съ ней по-французски, перестала называть ее *вы, моя милая*, и пригласила пріѣхать къ намъ вечеромъ со всѣми дѣтьми, на что княгиня согласилась и, посидѣвъ еще немного, уѣхала.

Гостей съ поздравленіями пріѣзжало такъ много въ этотъ день, что на дворѣ, около подъѣзда, цѣлое утро не переставало стоять по нѣсколькимъ экипажамъ.

— Bonjour, chère cousine, сказалъ одинъ изъ гостей, войдя въ комнату и цалуя руку бабушки.

Это былъ человекъ лѣтъ семидесяти, высокаго роста, въ военномъ мундирѣ, съ большими эполетами, изъ-подъ воротника котораго виднѣнъ былъ большой бѣлый крестъ, и съ спокойнымъ открытымъ выраженіемъ лица. Свобода и простота его движеній поразили меня. Несмотря на то, что только на затылкѣ его оставался полу-кругъ жидкихъ волосъ и что положеніе верхней губы ясно доказывало недостатокъ зубовъ, лицо его было еще замѣчательною красоты.

Князь Иванъ Ивановичъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря своему благородному характеру, красивой наружности, замѣчательной храбрости, знатной и сильной роднѣ и въ особенности счастью, сдѣлалъ, еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, блестящую карьеру. Онъ продолжалъ служить и очень скоро честолюбіе его было такъ удовлетворено, что ему больше нечего было желать въ этомъ отношеніи. Съ первой молодости онъ держалъ себя такъ, какъ будто готовился занять то блестящее мѣсто въ свѣтѣ, на которое впоследствии поставила его судьба; поэтому, хотя въ его блестящей и нѣсколько тщеславной жизни, какъ и во всѣхъ другихъ, встрѣчались неудачи, разочарованія и огорченія, онъ ни разу не измѣнилъ ни своему всегда спокойному характеру, ни возвышенному образу мыслей, ни основнымъ правиламъ религіи и нравственности, и пріобрѣлъ общее уваженіе не столько на основаніи своего блестящаго положенія, сколько на основаніи своей послѣдовательности и твердости. Онъ былъ небольшого ума, но, благодаря такому положенію, которое позволяло ему свысока смотрѣть на всѣ тщеславныя тревоженія жизни, образъ мыслей его былъ возвышенный. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, но холоденъ и нѣсколько надмененъ въ обращеніи. Это происходило оттого, что, бывъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ быть полезенъ многимъ, своею холодною онъ старался оградить себя отъ безпрестанныхъ просьбъ и запискиваній людей, которые желали только воспользоваться его вліяніемъ. Холодность эта смягчалась, однако, снисходительной вѣжливостью человека *очень большого свѣта*. Онъ былъ хорошо образованъ и начитанъ; но образованіе его остановилось на томъ, что онъ пріобрѣлъ въ молодости, то есть въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ прочелъ все, что было написано во Франціи замѣчательнаго по части философіи и краснорѣчія въ XVIII вѣкѣ, основательно зналъ всѣ лучшія произведенія французской литературы, такъ что могъ и любилъ часто цитировать мѣста изъ Расина, Корнеля, Вооло, Мольера, Монтеня, Фенелона; имѣлъ блестящія познанія въ мифологіи и съ пользою изучалъ, во французскихъ переводахъ, древніе памятники эпической поэзіи, имѣлъ достаточныя познанія въ исторіи, почерпнутыя имъ изъ Сегюра; но не имѣлъ никакого понятія ни о математикѣ, дальше арифметики, ни о физикѣ, ни о современной литературѣ: онъ могъ въ разговорѣ прилично умолчать или сказать нѣсколько общихъ фразъ о Гете, Шиллерѣ и Байронѣ, но никогда не читалъ ихъ. Несмотря на это французско-классическое образованіе, котораго остается теперь уже такъ мало образчиковъ, разговоръ его былъ простъ, и простота эта одинаково скрывала его незнаніе нѣкоторыхъ вещей и выказывала пріятный тонъ и терпимость. Онъ былъ большою врагъ всякой оригинальности, говоря, что оригинальность есть уловка людей дурнаго тона. Общество было для него необходимо,

гдѣ бы онъ ни жилъ; въ Москвѣ или за-границей, онъ всегда жила въ одинаково открыто и въ извѣстные дни принималъ у себя весь городъ. Онъ былъ на такой ногѣ въ городѣ, что приглашенный билетъ отъ него могъ служить паспортомъ во всѣ гостинныя, что многія молоденькія и хорошенькія дамы охотно подставляли ему свои розовенькія щочки, которыя онъ цаловалъ какъ будто съ отеческимъ чувствомъ, и что иные, по видимому, очень важные и порядочные люди были въ неописанной радости, когда допускались въ партіи князя.

Уже мало оставалось для князя такихъ людей, какъ бабушка, которые были бы съ нимъ одного круга, одинакаго воспитанія, взгляда на вещи и однихъ лѣтъ; поэтому онъ особенно дорожилъ своей старинной, дружеской связью съ нею и оказывалъ ей всегда большое уваженіе.

Я не могъ наглядѣться на князя: уваженіе, которое ему всѣ оказывали, большіе эпoletы, особенная радость, которую изъяснила бабушка, увидѣвъ его, и то, что онъ одинъ, по видимому, не боялся ея, обращался съ ней совершенно свободно и даже имѣлъ смѣлость называть ее *ma cousine*, внушили мнѣ къ нему уваженіе равное, если не большее, тому, которое я чувствовалъ къ бабушкѣ. Когда ему показали мои стихи, онъ подовзалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Почему знать, *ma cousine*, можетъ быть, это будетъ другой Державинъ.

При этомъ онъ такъ больно ущипнулъ меня за щеку, что если я не вскрикнулъ, такъ только потому, что догадался принять это за ласку.

Гости разѣхались, папа и Володя вышли: въ гостиной остались князь, бабушка и я.

— Отчего это наша милая Наталья Николаевна не пріѣхала? спросилъ вдругъ князь Иванъ Ивановичъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Ah! *mon cher*, отвѣчала бабушка, понизивъ голосъ и положивъ руку на рукавъ его мундира: — она вѣрно бы пріѣхала, еслибъ была свободна дѣлать что хочетъ. Она пишетъ мнѣ, что будто Ріегге предлагалъ ей ѣхать, но что она сама отказалась, потому что доходовъ у нихъ, будто бы, совсѣмъ не было нынѣшній годъ; и пишетъ: «притомъ, мнѣ и не зачѣмъ переѣзжать нынѣшній годъ всѣмъ домою въ Москву. Любочка еще слишкомъ мала; а пашетъ мальчиковъ, которые будутъ жить у васъ, я еще покойнѣе, чѣмъ ежели бы они были со мною.» — Все это прекрасно! продолжала бабушка, такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что она вовсе не находила, чтобы это было прекрасно: — мальчиковъ давно пора было прислать сюда, чтобы они могли чему нибудь учиться и привыкать къ свѣту; а то какое же имъ могли дать воспитаніе въ деревнѣ?.. вѣдь старшему скоро тринадцать лѣтъ, а другому одиннадцать. Вы замѣтили, *mon cousin*, они здѣсь совершенно какъ дикіе... въ комнату войти не умѣютъ.

— Я однако, не понимаю, отвѣчалъ князь: —

отчего эти всегдашнія жалобы на разстройство обстоятельств? У *него* очень хорошее состояніе, а *наташину* Хабаровку, въ которой мы съ вами, во время оно, игравали на театрѣ, я знаю, какъ свои пять пальцевъ — чудесное имѣніе! и всегда должно приносить прекрасный доходъ.

— Я вамъ скажу, какъ истинному другу, прервала его бабушка, съ грустнымъ выраженіемъ: — мнѣ кажется, что все это отговорки, для того только, чтобы *ему* жить здѣсь одному, шлаться по клубамъ, по обѣдамъ и Богъ знаетъ что дѣлать; а она ничего не подозреваетъ. Вы знаете, какая это ангельская доброта — она *ему* во всемъ вѣрить. Онъ увѣрилъ ее, что дѣтей нужно везти въ Москву, а ей одной, съ глупой гувернанткой, оставаться въ деревнѣ — она повѣрила; скажи онъ ей, что дѣтей нужно сѣчь также, какъ сѣчетъ своихъ княгиня Варвара Ильинична, она и тутъ, кажется бы, согласилась, сказала бабушка, поворачиваясь въ своемъ креслѣ, съ видомъ совершеннаго презрѣнія. — Да, мой другъ, продолжала бабушка, послѣ минутнаго молчанія, взявъ въ руки одинъ изъ двухъ платковъ, чтобы утереть показавшуюся слезу: — я часто думаю, что *онъ* не можетъ ни цѣнить, ни понимать ее, и что, несмотря на всю ея доброту, любовь къ нему и стараніе скрыть свое горе — я очень хорошо знаю это — она не можетъ быть съ нимъ счастлива; и помяните мое слово, если онъ не...

Бабушка закрыла лицо платкомъ.

— Eh! ma bonne amie, сказалъ князь съ упрекомъ: — я вижу, вы нисколько не стали благодаримѣе — вѣчно сокрушаетесь и плачете о воображаемомъ горѣ. Ну, какъ вамъ не совѣстно? я *его* давно знаю и знаю за внимательнаго, добраго и прекраснаго мужа и главное — за благороднѣйшаго человѣка, un parfait honnête homme.

Невольно подслушавъ разговоръ, котораго мнѣ не должно было слушать, я на цыпочкахъ и въ сильномъ волненіи выбрался изъ комнаты.

ГЛАВА XIX.

ИВИНЫ.

— Володя! Володя! Ивины! закричалъ я, увидѣвъ въ окно трехъ мальчиковъ, въ синихъ бекешахъ съ бобровыми воротниками, которые, слѣдуя за молодымъ гувернеромъ-щоголемъ, переходили съ противоположнаго тротуара къ нашему дому.

Ивины приходились намъ родственниками и были почти однихъ съ нами лѣтъ; вскорѣ послѣ приѣзда нашего въ Москву, мы познакомились и сошлись съ ними.

Второй Ивинъ — Сережа, былъ смуглый, курчавый мальчикъ, со вздернутымъ, твердымъ носикомъ, очень свѣжими, красными губами, которыя рѣдко совершенно закрывали немного выдавшійся верхній рядъ бѣлыхъ зубовъ, темно-голубыми, пре-

красными глазами и необыкновенно бойкимъ выраженіемъ лица. Онъ никогда не улыбался, но или смотрѣлъ совершенно серьезно, или отъ души смѣялся своимъ звонкимъ, отчетливымъ и чрезвычайно увлекательнымъ смѣхомъ. Его оригинальная красота поразила меня съ перваго взгляда. Я почувствовалъ къ нему непреодолимое влеченіе. Видѣть его было достаточно для моего счастья; и одно время всѣ силы души моей были сосредоточены въ этомъ желаніи: когда мнѣ случалось провести дня три или четыре, не выдавъ его, я начиналъ скучать и мнѣ становилось грустно до слезъ. Всѣ мечты мои, во снѣ и на яву, были о немъ: ложась спать, я желалъ, чтобы онъ мнѣ приснился; закрывая глаза, я видѣлъ его передъ собою и лелѣялъ этотъ призракъ, какъ лучшее наслажденіе. Никому въ мірѣ я не рѣшился бы повѣрить этого чувства, такъ много я дорожилъ имъ. Можетъ быть, потому, что ему надоѣдало чувствовать, безпрестанно устремленными на него, мои безпокойные глаза, или просто, не чувствуя ко мнѣ ни какой симпатіи, онъ замѣтно больше любилъ играть и говорить съ Володей, чѣмъ со мною; но я все-таки былъ доволенъ, ничего не желалъ, ничего ни требовалъ и всѣмъ готовъ былъ для него пожертвовать. Кромѣ страстнаго влеченія, которое онъ внушалъ мнѣ, присутствіе его возбуждало во мнѣ, въ не менѣ сильной степени, другое чувство — страхъ огорчить его, оскорбить чѣмънибудь, не понравиться ему: можетъ быть, потому, что лицо его имѣло надменное выраженіе, или потому, что, презирая свою наружность, я слишкомъ много цѣнилъ въ другихъ преимущества красоты, или, что вѣрнѣе всего, потому, что это есть непремѣнный признакъ любви, я чувствовалъ къ нему столько же страху, сколько и любви. Въ первый разъ, какъ Сережа заговорилъ со мною, я до того растерялся отъ такого неожиданнаго счастья, что поблѣднѣлъ, покраснѣлъ и ничего не могъ отвѣчать ему. У него была дурная привычка, когда онъ задумывался, останавливать глаза на одной точкѣ и безпрестанно мигать, подергивая при этомъ носомъ и бровями. Всѣ находили, что эта привычка очень портитъ его, но я находилъ ее до того милою, что невольно привыкъ дѣлать тоже самое, и чрезъ нѣсколько дней послѣ моего съ нимъ знакомства бабушка спросила: не болятъ ли у меня глаза, что я ими хлопаю какъ филинъ. Между нами никогда не было сказано ни слова о любви; но онъ чувствовалъ свою власть надо мною и бессознательно, но тиранически употреблялъ ее въ нашихъ дѣтскихъ отношеніяхъ; я же, какъ ни желалъ высказать ему все, что было у меня на душѣ, слишкомъ боялся его, чтобы рѣшиться на откровенность; старался казаться равнодушнымъ и безропотно подчинялся ему. Иногда вліяніе его казалось мнѣ тяжелымъ, несноснымъ; но выйти изъ-подъ него было не въ моей власти.

Мнѣ грустно вспомнить объ этомъ свѣжемъ, прекрасномъ чувствѣ безкорыстной и безпримѣ-

ной любви, которое такъ и умерло не излившись и не найдя сочувствія.

Странно, отчего, когда я былъ ребенкомъ, я старался быть похожимъ на большаго, а съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть имъ, часто желалъ быть похожимъ на него. Сколько разъ это желаніе — не быть похожимъ на маленькаго, въ моихъ отношеніяхъ съ Сережей, останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемѣрить. Я не только не смѣлъ поцаловать его, чего мнѣ иногда очень хотѣлось, взять его за руку, сказать, какъ я радъ его видѣть, но не смѣлъ даже называть его Сережа, а непременно Сергѣй: такъ ужъ было заведено у насъ. Каждое выраженіе чувствительности доказывало ребячество и то, что тотъ, кто позволялъ себѣ его, былъ еще *мальчишка*. Не пройдя еще черезъ тѣ горькія испытанія, которыя доводятъ взрослыхъ до осторожности и холодности въ отношеніяхъ, мы линали себя чистыхъ наслажденій нѣжной дѣтской привязанности, по одному только странному желанію подражать *большимъ*.

Еще въ лакейской встрѣтилъ я Ивинныхъ, поздоровался съ ними и опрометью пустился къ бабушкѣ: я объявилъ ей о томъ, что пріѣхали Ивины, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это извѣстіе должно было вполнѣ осчастливить ее. Потомъ, не спуская глазъ съ Сережи, я послѣдовалъ за нимъ въ гостиную и слѣдилъ за всѣми его движеніями. Въ то время, какъ бабушка сказала, что онъ очень выросъ, и устремила на него свои пронизательные глаза, я испытывалъ то чувство страха и надежды, которое долженъ испытывать художникъ, ожидая приговора надъ своимъ произведеніемъ отъ уважаемаго судьи.

Молодой гувернеръ Ивинныхъ Herr Frost, съ позволенія бабушки, сошелъ съ нами въ палисадникъ, сѣлъ на зеленую скамью, живописно сложилъ ноги, поставивъ между ними палку съ бронзовымъ набалдашникомъ, и съ видомъ человѣка, очень довольнаго своими поступками, закурилъ сигару.

Herr Frost былъ нѣмецъ, но нѣмецъ совершенно не того покроя, какъ нашъ добрый Карлъ Ивановичъ: во-первыхъ, онъ правильно говорилъ по-русски; съ дурнымъ выговоромъ — по-французски, и пользовался вообще, въ особенности между дамами, репутаціей очень ученаго человѣка; во вторыхъ онъ носилъ рыжіе усы, большую рубиновую булавку въ черномъ атласномъ шарфѣ, концы котораго были просунуты подъ помочи, и свѣтлоголубые панталоны съ отливомъ и со штрипками; въ-третьихъ, онъ былъ молодъ, имѣлъ красивую, самодовольную наружность и необыкновенно видныя, мускулистыя ноги. Замѣтно было, что онъ особенно дорожилъ этимъ послѣднимъ преимуществомъ: считалъ его дѣйствіе неотразимымъ въ отношеніи особъ женскаго пола и, должно быть, съ этою цѣлью, старался выставять свои ноги на самое видное мѣсто и, стоя или сидя на мѣстѣ, всегда приводилъ въ движеніе свои икры. Это

былъ типъ молодаго, русскаго нѣмца, который хочеть быть молодцомъ и волокитой.

Въ палисадникѣ было очень весело. Игра въ разбойники шла какъ нельзя лучше; но одно обстоятельство чуть-чуть не разстроило всего. Сережа былъ разбойникъ: погнавшись за проѣзжающими, онъ споткнулся и на всемъ бѣгу ударился колѣномъ о дерево, такъ сильно, что я думалъ, онъ расшибется въ дребезги. Несмотря на то, что я былъ жандармомъ и моя обязанность состояла въ томъ, чтобы ловить его, я подошелъ и съ участіемъ сталъ спрашивать больно ли ему. Сережа разсердился на меня: сжалъ кулаки, топнулъ ногой и голосомъ, который ясно доказывалъ, что онъ очень больно ушибся, закричалъ мнѣ:

— Ну, что это? послѣ этого игры никакой нѣтъ! Ну, чтожь ты меня не ловишь? чтожь ты меня не ловишь? повторялъ онъ нѣсколько разъ, искоса поглядывая на Володю и старшаго Ивина, которые, представляя проѣзжающихъ, припрыгивая, бѣжали по дорожкѣ, и вдругъ взвизгнувъ и съ громкимъ смѣхомъ бросился ловить ихъ.

Не могу передать, какъ поразилъ и плѣнилъ меня этотъ геройскій поступокъ: несмотря на страшную боль, онъ не только не заплакалъ, не показалъ и виду, что ему больно, и ни на минуту не забылъ игры.

Вскорѣ послѣ этого, когда къ нашей компаніи присоединился еще Илинъ Грапъ и мы до обѣда отправились наверхъ, Сережа имѣлъ случай еще болѣе плѣнить и поразить меня своимъ удивительнымъ мужествомъ и твердостью характера.

Илинъ Грапъ былъ сынъ бѣднаго иностранца, который когда-то жилъ у моего дѣда, былъ чѣмъ-то ему обязанъ и почиталъ теперь своимъ непремѣннымъ долгомъ присылать, очень часто, къ намъ своего сына. Если онъ полагалъ, что знакомство съ нами можетъ доставить его сыну какую нибудь честь или удовольствіе, то онъ совершенно ошибался въ этомъ отношеніи, потому что мы не только не были дружны съ Илинкой, но обращали на него вниманіе только тогда, когда хотѣли посмѣяться надъ нимъ. Илинъ Грапъ былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, худой, высокій, блѣдный, съ птичьей рожицей и добродушно-покорнымъ выраженіемъ. Онъ былъ очень бѣдно одѣтъ, но за то всегда напомаженъ такъ обильно, что мы увѣряли, будто у Грапа, въ солнечный день, помада таетъ на головѣ и течетъ подъ курточку. Когда я теперь вспоминаю его, я нахожу, что онъ былъ очень услужливый, тихій и добрый мальчикъ; тогда же онъ мнѣ казался такимъ презрѣннымъ существомъ, о которомъ не стоило ни жалѣть, ни даже думать.

Когда игра въ разбойники прекратилась, мы пошли на верхъ, начали *возиться* и щеголять другъ передъ другомъ разными гимнастическими штуками. Илинъ съ робкой улыбкой удивленія поглядывалъ на насъ, и когда ему предлагали попробовать тоже, отказывался, говоря, что у него совсѣмъ нѣтъ силы. Сережа былъ удивительно милъ; онъ снялъ

курточку — лицо и глаза его разгорѣлись — онъ безпрестанно хохоталъ и затѣивалъ новыя шалости: перепрыгивалъ черезъ три стула, поставленные рядомъ, черезъ всю комнату перекатывался колесомъ, становился кверху ногами на лексиконы Татищева, положенные имъ, въ видѣ пьедестала, на середину комнаты, и при этомъ выдѣлывалъ ногами такія уморительныя штуки, что невозможно было удержаться отъ смѣха. Послѣ этой послѣдней штуки онъ задумался, помигалъ глазами и вдругъ, съ совершенно серьезнымъ лицомъ, подошелъ къ Илинкѣ: «попробуйте сдѣлать это; право это не трудно». Грапъ, замѣтивъ, что общее вниманіе обращено на него, покраснѣлъ и чуть слышнымъ голосомъ увѣрялъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать.

— Да что жъ въ самомъ дѣлѣ, отчего онъ ничего не хочетъ показать? Что онъ за дѣвочка... непременно надо, чтобы онъ сталъ на голову!

И Сережа взялъ его за руку.

— Непременно, непременно на голову! закричали мы всѣ, обступивъ Илинку, который въ эту минуту замѣтно испугался и поблѣднѣлъ, схватили его за руку и повлекли къ лексиконамъ.

— Пустите меня, я самъ! курточку разорвете! кричала несчастная жертва. — Но эти крики отчаянія еще болѣе воодушевляли насъ; мы помирали со смѣху; зеленая курточка трещала на всѣхъ швахъ.

Володя и старшій Ивинъ нагнули ему голову и поставили ее на лексиконы; я и Сережа схватили бѣднаго мальчика за тоненькія ноги, которыми онъ махалъ въ разные стороны, засучили ему панталоны до колѣнъ и, съ громкимъ смѣхомъ вскинули ихъ къ верху; младшій Ивинъ поддерживалъ равновѣсіе всего туловища.

Случилось такъ, что послѣ шумнаго смѣха мы, вдругъ, всѣ замолчали и въ комнатѣ стало такъ тихо, что слышно было только тяжелое дыханіе несчастнаго Грапа. Въ эту минуту я не совсѣмъ былъ убѣжденъ, что все это очень смѣшно и весело.

— Вотъ теперь молодецъ, сказалъ Сережа хлопнувъ его рукою.

Илинка молчалъ и, стараясь вырваться, кидалъ ногами въ разные стороны. Однимъ изъ такихъ отчаянныхъ движеній онъ ударилъ каблукомъ по глазу Сережу такъ больно, что Сережа тотчасъ же оставилъ его ноги, схватился за глазъ, изъ котораго потекли невольныя слезы, и изъ всѣхъ силъ толкнулъ Илинку. Илинка, не будучи болѣе поддерживаемъ нами, какъ что-то безжизненное грохнулся на землю и отъ слезъ могъ только выговорить:

— За что вы меня тираните?

Плачевная фигура бѣднаго Илинки, съ заплаканнымъ лицомъ, взъерошенными волосами и засученными панталонами, изъ-подъ которыхъ видны были нечищенные голенища, поразила насъ; мы всѣ молчали и старались принужденно улыбаться.

Первый опомнился Сережа.

— Вотъ баба, нюня, сказалъ онъ, слегка трогая его ногою: — съ нимъ шутить нельзя... Ну, полно вставайте.

— Я вамъ сказалъ, что ты негодный мальчишка, злобно выговорилъ Илинку и, отвернувшись прочь, громко зарыдалъ.

— А-а! каблуками бить да еще браниться! закричалъ Сережа, схвативъ въ руки лексиконъ и взмахнувъ надъ головою несчастнаго, который и не думалъ защищаться, а только закрывалъ руками голову.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!... Бросимъ его, коли онъ шутку не понимаетъ... Пойдемте внизъ, сказалъ Сережа, неестественно засмѣявшись.

Я съ участіемъ посмотрѣлъ на бѣдняжку, который, лежа на полу и спрятавъ лицо въ лексиконахъ, плакалъ такъ, что, казалось, еще немного, и онъ умретъ отъ конвульсій, которыя дергали все его тѣло.

— Э, Сергѣй! сказалъ я ему: — затѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Вотъ хорошо!... я не заплакалъ, надѣюсь, сегодня, какъ разбилъ себѣ ногу почти до кости.

«Да, это правда — подумалъ я — Илинка больше ничего, какъ плакса, а вотъ Сережа — такъ это молодецъ... что это за молодецъ!...»

Я не сообразилъ того, что бѣдняжка плакалъ вѣрно не столько отъ физической боли, сколько отъ той мысли, что пять мальчиковъ, которые, можетъ быть, нравились ему, безъ всякой причины, всѣ согласились ненавидѣть и гнать его.

Я рѣшительно не могу объяснить себѣ жестокости своего поступка. Какъ я не подошелъ къ нему, не защитилъ и не утѣшилъ его? Куда дѣвалось чувство состраданія, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыдь при видѣ выброшеннаго изъ гнѣзда галченка, или щенка, котораго несутъ, чтобы кинуть за заборъ, или курицы, которую несутъ поваренокъ для супа?

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мнѣ любовью къ Сережѣ и желаніемъ казаться передъ нимъ такимъ же молодцомъ, какъ и онъ самъ? Незавидныя же были эти любовь и желаніе казаться молодцомъ! онѣ произвели единственныя темныя пятна на страницахъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній.

ГЛАВА XX.

СОБИРАЮТСЯ ГОСТИ.

Судя по особенной хлопотливости, замѣтной въ буфетѣ, по яркому освѣщенію, придававшему какой-то новый, праздничный видъ всѣмъ уже мнѣ давно знакомымъ предметамъ въ гостиной и залѣ и, въ особенности, судя потому, что не даромъ же прислалъ князь Иванъ Ивановичъ свою музыку, ожидалось немалое количество гостей къ вечеру.

При шумѣ каждаго мимо ѣхавшаго экипажа, я подбѣгалъ къ окну, приставлялъ ладони къ вискамъ

и стеклу и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ на улицу. Изъ мрака, который сперва скрывалъ всѣ предметы въ окнѣ, показывались понемногу: напротивъ — давно знакомая лавочка, съ фонаремъ, наискось — большой домъ, съ двумя внизу освѣщенными окнами, по срединѣ улицы — какой нибудь *Ванька*, съ двумя сѣдоками, или пустая коляска, шагомъ возвращающаяся домой; но вотъ къ крыльцу подѣхала карета, и я, въ полной увѣренности, что это Ивины, которые обѣщались пріѣхать рано, бѣгу встрѣчать ихъ въ переднюю. Въмѣсто Ивиныхъ, за ливрейной рукой, отворившей дверь, показались двѣ особы женскаго пола: одна — большая въ синемъ салопѣ, съ большимъ воротникомъ, другая — маленькая, вся закутанная въ зеленую шаль, изъ-подъ которой виднѣлись только маленькія ножки въ мѣховыхъ ботинкахъ. Не обращая на мое присутствіе въ передней никакого вниманія, хотя я счелъ долгомъ, при появленіи этихъ особъ, поклониться имъ, маленькая молча подошла къ большой и остановилась передъ нею. Большая размотала платокъ, закрывавшій всю голову маленькой, растегнула на ней салопъ, и когда ливрейный лакей получилъ эти вещи подъ сохраненіе и снялъ съ нея мѣховыя ботинки, изъ закутанной особы вышла чудесная двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, въ коротенькомъ, открытомъ кисейномъ платьицѣ, бѣлыхъ панталончикахъ и крошечныхъ черныхъ башмачкахъ. На бѣленькой шейкѣ была черная бархатная ленточка; головка вся была въ темно-русыхъ кудряхъ, которыя спереди такъ хорошо шли къ ея прекрасному личику, а сзади — къ голымъ плечикамъ, что никому, даже самому Карлу Ивановичу, я не повѣрилъ бы, что онѣ вьются такъ оттого, что съ утра были завернуты въ кусочки Московскихъ Вѣдомостей, и что ихъ прижимали горячими желѣзными щипцами. Казалось, она такъ и родилась съ этой курчавой головкой.

Поразительной чертой въ ея лицѣ была необыкновенная величина выпуклыхъ, полузакрытыхъ глазъ; которые составляли странный, но пріятный контрастъ съ крошечнымъ ротикомъ. Губки были сложены, а глаза смотрѣли такъ серьезно, что общее выраженіе ея лица было такое, отъ котораго не ожидаешь улыбки и улыбка котораго бываетъ тѣмъ обворожительнѣе.

Стараясь быть незамѣченнымъ, я шмыгнулъ въ дверь залы и почелъ нужнымъ прохаживаться взадъ и впередъ, притворившись, что нахожусь въ задумчивости и совсѣмъ не знаю о томъ, что пріѣхали гости. Когда гости вышли на половину залы, я какъ будто опомнился, расшаркался и объявилъ имъ, что бабушка въ гостиной. Г-жа Валахина, лицо которой мнѣ очень понравилось, въ особенности потому, что я нашелъ въ немъ большое сходство съ лицомъ ея дочери Сонички, благосклонно кивнула мнѣ головой.

Бабушка, казалось, была очень рада видѣть Соничку: подозвала ее ближе къ себѣ, поправила на

головѣ ея одну бровку, которая спадивала на лобъ, и, пристально всматриваясь въ ея лицо, сказала: «quelle charmante enfant!» Соничка улыбнулась, покраснѣла и сдѣлалась такъ мила, что я тоже покраснѣлъ, глядя на нее.

— Надѣюсь, ты не будешь скучать у меня мой дружокъ, сказала бабушка, приподнявъ ея личико за подбородокъ: — прошу же веселиться и танцовать какъ можно больше. — Вотъ ужъ и есть одна дама и два кавалера, прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Валахиной и дотрогиваясь до меня рукою.

Это сближеніе было мнѣ такъ пріятно, что заставило покраснѣть еще разъ.

Чувствуя, что застѣнчивость моя увеличивается, и услыжавъ шумъ еще подѣхавшаго экипажа, я почелъ нужнымъ удалиться. Въ передней нашелъ я княгиню Корнакову съ сыномъ и невѣроятнымъ количествомъ дочерей. Дочери всѣ были на одно лицо — похожи на княгиню и дурны; поэтому ни одна не останавливала вниманія. Снимая салоны и хвосты, онѣ всѣ вдругъ говорили тоненькими голосками, суетились и смѣялись чему-то — должно быть, тому, что ихъ было такъ много. Этьенъ былъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, высокій, мясистый, съ испитой фizioноміей, впалыми, посинѣлыми внизу глазами и съ огромными по лѣтамъ руками и ногами; онъ былъ неуклюжъ, имѣлъ голосъ непріятный и неровный, но казался очень довольнымъ собою и былъ точно такимъ, какимъ могъ быть, по моимъ понятіямъ, мальчикъ, котораго сѣкутъ розгами.

Мы довольно долго стояли другъ противъ друга и, не говоря ни слова, внимательно всматривались; потомъ, пододвинувшись поближе, кажется, хотѣли поцаловаться, но, посмотрѣвъ еще въ глаза другъ другу, почему-то раздумали. Когда платья всѣхъ сестеръ его прошумѣли мимо насъ, чтобы чѣмъ нибудь начать разговоръ, я спросилъ, не тѣсно ли имъ было въ каретѣ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ небрежно: — я вѣдь никогда не ѣзжу въ каретѣ, потому что, какъ только я сяду, меня сейчасъ начинаетъ тошнить, и маменька это знаетъ. Когда мы ѣдемъ куда нибудь вечеромъ, я всегда сажусь на козлы — гораздо веселѣе — все видно, Филиппъ даетъ мнѣ править, иногда и кнутъ я беру. Этакъ проѣзжающихъ, знаете иногда, прибавилъ онъ, съ выразительнымъ жестомъ: — прекрасно!

— Ваше сіятельство, сказалъ лакей, входя въ переднюю: — Филиппъ спрашиваетъ: куда вы кнутъ изволили дѣтъ?

— Какъ куда дѣлъ? да я ему отдалъ.

— Онъ говорить, что не отдавалъ.

— Ну, такъ на фонарь повѣсилъ.

— Филиппъ говоритъ, что и на фонарь нѣтъ, а вы скажите лучше, что взяли да потеряли, а Филиппъ будетъ изъ своихъ денежекъ отвѣчать за ваше баловство, продолжалъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, раздосадованный лакей.

Лакей, который съ виду былъ человекъ почтенный и угрюмый, казалось, горячо принималъ сторону Филиппа и былъ намѣренъ, во что бы то ни стало, разъяснить это дѣло. По невольному чувству деликатности, какъ будто ничего не замѣчая, я отошелъ въ сторону; но присутствующіе лакеи поступили совсѣмъ иначе: они подступили ближе, съ одобреніемъ посматривая на стараго слугу.

— Ну, потерялъ, такъ потерялъ, сказалъ Этьенъ, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ объясненій: — что стоитъ ему кнуть, такъ я и заплачу. — Вотъ уморительно! прибавилъ онъ, подходя ко мнѣ и увлекая меня въ гостиную.

— Нѣтъ, позвольте, баринъ, чѣмъ-то вы платите? знаю я, какъ вы платите: Марьѣ Васильевнѣ вотъ ужъ въ восьмой мѣсяцъ двугривенный все платите, мнѣ тоже ужъ, кажется, второй годъ, Петрушкѣ....

— Замолчишь ли ты! крикнулъ молодой князь, поблѣднѣвъ отъ злости: — вотъ я все это скажу.

— Все скажу, все скажу! проговорилъ лакей. — Нехорошо, ваше сіятельство! прибавилъ онъ особенно выразительно въ то время, какъ мы входили въ залу, и пошелъ съ сапогами къ ларю.

— Вотъ такъ, такъ! послышался за нами чей-то одобрителный голосъ въ передней.

Бабушка имѣла особенный даръ, прилагая съ извѣстнымъ тономъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, множественныя и единственныя мѣстоимѣнія второго лица, высказывать свое мнѣніе о людяхъ. Хотя она употребляла *вы* и *ты* наоборотъ общепринятому обычаю, въ ея устахъ, эти отгѣнки принимали совсѣмъ другое значеніе. Когда молодой князь подошелъ къ ней, она сказала ему нѣсколько словъ, называя его *вы*, и взглянувъ на него съ выраженіемъ такого пренебреженія, что если бы я былъ на его мѣстѣ, я растерялся бы совершенно; но Этьенъ былъ, какъ видно мальчикъ не такого *сложенія*: онъ не только не обратилъ никакого вниманія на пріемъ бабушки, но даже и на всю ея особу, а раскланялся всему обществу, если не ловко, то совершенно развязно. Соничка занимала все мое вниманіе: я помню, что когда Володя, Этьенъ и я разговаривали въ залѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго видна была Соничка и она могла видѣть и слышать насъ, я говорилъ съ удовольствіемъ; когда мнѣ случилось сказать, по моимъ понятіямъ, смѣшное или молодецкое словцо, я произносилъ его громче и оглядывался на дверь въ гостиную; когда же мы перешли на другое мѣсто, съ котораго насъ нельзя было ни слышать, ни видѣть изъ гостиной, я молчалъ и не находилъ больше никакого удовольствія въ разговорѣ.

Гостиная и зала понемногу наполнялись гостями; въ числѣ ихъ, какъ и всегда бываетъ на дѣтскихъ вечерахъ, было нѣсколько большихъ дѣтей, которыя не хотѣли пропустить случая повеселиться и потанцевать, какъ будто для того только, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ дома.

Когда пріѣхали Ивины, вмѣсто удовольствія, которое я обыкновенно испытывалъ при встрѣчѣ съ Сережей, я почувствовалъ какую то странную досаду на него за то, что онъ увидитъ Соничку и покажется ей.

ГЛАВА XXI.

ДО МАЗУРКИ.

— Э! да у васъ, видно, будутъ танцы, сказалъ Сережа, выходя изъ гостиной и доставая изъ кармана новую пару лайковыхъ перчатокъ: — надо перчатки надѣвать.

«Какъ же быть? а у насъ перчатокъ-то нѣтъ — подумалъ я — надо пойти наверхъ — поискать.»

Но хотя я перерылъ всѣ комоды, я нашелъ только въ одномъ — наши дорожныя зеленныя рукавицы, а въ другомъ — одну лайковую перчатку, которая никакъ не могла годиться мнѣ: во-первыхъ, потому, что была чрезвычайно стара и грязна, во-вторыхъ, потому, что была для меня слишкомъ велика, а главное, потому, что на ней не доставало средняго пальца, отрѣзаннаго, должно быть, еще очень давно, Карломъ Ивановичемъ, для больной руки. Я надѣлъ, однако, на руку этотъ остатокъ перчатки и пристально разсматривалъ то мѣсто средняго пальца, которое всегда было замазано чернилами.

— Вотъ если бы здѣсь была Наталья Савишна: у нея вѣрно бы нашлись и перчатки. Внизъ идти нельзя въ такомъ видѣ, потому, что если меня спросятъ, отчего я не танцую, что мнѣ сказать? и здѣсь оставаться тоже нельзя, потому, что меня непременно хватятся. Что мнѣ дѣлать? говорилъ я, размахивая руками.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? сказалъ вбѣжавшій Володя: — иди, ангажируй даму.... сейчасъ начнется.

— Володя, сказалъ я ему, показывая руку, съ двумя просунутыми въ грязную перчатку пальцами, голосомъ, выражавшимъ положеніе, близкое къ отчаянію: — Володя, ты и не подумалъ объ этомъ!

— О чемъ? сказалъ онъ съ нетерпеніемъ. — А! о перчаткахъ, прибавилъ онъ, совершенно равнодушно, замѣтивъ мою руку: — и точно нѣтъ, надо спросить у бабушки.... что она скажетъ? и, нисколько не задумавшись, побѣжалъ внизъ.

Хладнокровіе, съ которымъ онъ отзывался объ обстоятельстве, казавшемся мнѣ столь важнымъ, успокоило меня, и я поспѣшилъ въ гостиную, совершенно позабывъ объ уродливой перчаткѣ, которая была надѣта на моей лѣвой рукѣ.

Осторожно подойдя къ креслу бабушки и слегка дотрогиваясь до ея мантіи, я шопотомъ сказалъ ей:

— Бабушка! что намъ дѣлать? у насъ перчатокъ нѣтъ!

— Что, мой другъ?

— У насъ перчатокъ нѣтъ, повторилъ я, подвигаясь ближе и ближе и положивъ обѣ руки на ручку креселъ.

— А это что, сказала она, вдругъ схвативъ меня за лѣвую руку. *Voquez, ma chère*, продолжала она, обращаясь къ г-жѣ Валахиной: — *voquez comme ce jeune homme s'est fait élégant pour danser avec votre fille*.

Бабушка крѣпко держала меня за руку и серьезно, но вопросительно поглядывала на присутствующихъ, до тѣхъ поръ, пока любопытство всѣхъ гостей было удовлетворено и смѣхъ сдѣлался общимъ.

Я былъ бы очень огорченъ, если бы Сережа видѣлъ меня въ то время, какъ я, сморщившись отъ стыда, напрасно пытался вырвать свою руку, но передъ Соничкой, которая до того расхохоталась, что слезы навернулись ей на глаза и всѣ кудряшки распрыгались около ея раскраснѣвшаго личика, мнѣ нисколько не было совѣстно. Я понималъ, что смѣхъ ея былъ слишкомъ громокъ и естественъ, чтобъ быть насмѣшливымъ; напротивъ, то, что мы посмѣялись вмѣстѣ и глядя другъ на друга, какъ будто сблизило меня съ нею. Эпизодъ съ перчаткой хотя и могъ кончиться дурно, принесъ мнѣ ту пользу, что поставилъ меня на свободную ногу въ кругу, который казался мнѣ всегда самымъ страшнымъ — въ кругу гостиной; я не чувствовалъ уже ни малѣйшей застѣнчивости въ залѣ.

Страданіе людей застѣнчивыхъ происходитъ отъ неизвѣстности о мнѣніи, которое о нихъ составили; какъ только мнѣніе это ясно выражено — какое бы оно ни было — страданіе прекращается.

Что это какъ мила была Соничка Валахина, когда она противъ меня танцевала французскую кадрили съ неуклюжимъ молодымъ княземъ! Какъ мило она улыбалась, когда въ «*chaîne*» подавала мнѣ ручку! какъ мило, въ тактъ, прыгали на головкѣ ея русыя кудри, и какъ наивно дѣлала она «*jeté-ensemble*» своими крошечными ножками! Въ пятой фигурѣ, когда моя дама перебѣжала отъ меня на другую сторону и когда я, выжидая тактъ, приготовлялся дѣлать соло, Соничка серьезно сложила губки и стала смотрѣть въ сторону. Но напрасно она за меня боялась: я смѣло сдѣлалъ *chassé en avant*, *chassé en arrière*, *glissade* и, въ то время, какъ подходилъ къ ней, игривымъ движеніемъ показать ей перчатку съ двумя торчавшими пальцами. Она расхохоталась ужасно и еще милѣе засмѣнила ножками по паркету. Еще помню я, какъ, когда мы дѣлали кругъ и всѣ взялись за руки, она нагнула головку и, не вынимая своей руки изъ моей, почесала носикъ о свою перчатку. Все это какъ теперь передъ моими глазами, и еще слышится мнѣ кадрили изъ «Дѣвы Дуная», подъ звуки которой все это происходило.

Наступила и вторая кадрили, которую я танцевалъ съ Соничкой. Усѣвшись рядомъ съ нею, я почувствовалъ чрезвычайную неловкость и рѣшительно не зналъ, о чемъ съ ней говорить. Когда

молчаніе мое сдѣлалось слишкомъ продолжительнымъ, я сталъ бояться, чтобы она не приняла меня за дурака, и рѣшился, во что бы то ни стало, вывести ее изъ такого заблужденія на мой счетъ. «*Vous êtes une habitante de Moscou?*» сказалъ я ей и послѣ утвердительнаго отвѣта, продолжалъ: *et moi, je n'ai encore jamais fréquenté la capitale*, рассчитывая въ особенности на эффектъ слова «*fréquenter*». Я чувствовалъ, однако, что, хотя это начало было очень блестяще и вполне доказывало мое высокое знаніе французскаго языка, продолжать разговоръ въ такомъ духѣ я не въ состоянii. Еще не скоро долженъ былъ прійти нашъ чередъ танцовать, а молчаніе возобновилось: я съ безпокойствомъ поглядывалъ на нее, желая знать, какое произвелъ впечатлѣніе, и ожидая отъ нея помощи. «Гдѣ вы нашли такую уморительную перчатку?» спросила она меня вдругъ; и этотъ вопросъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе и облегченіе. Я объяснилъ, что перчатка принадлежала Карлу Ивановичу, распространился, даже нѣсколько иронически, о самой особѣ Карла Ивановича, о томъ, какой онъ бываетъ смѣшной, когда снимаетъ красную шапочку, и о томъ, какъ онъ разъ въ зеленой бекешѣ упалъ съ лошади — прямо въ лужу, и т. п. Кадрили прошла незамѣтно. Все это было очень хорошо; но зачѣмъ я съ насмѣшкой отзывался о Карлѣ Ивановичѣ? Неужели я потерялъ бы доброе мнѣніе Сонички, если бы я описалъ ей его съ тѣми любовью и уваженіемъ, которыя я къ нему чувствовалъ?

Когда кадрили кончилась, Соничка сказала мнѣ «*merci*» съ такимъ милымъ выраженіемъ, какъ будто я дѣйствительно заслужилъ ея благодарность. Я былъ въ восторгѣ, не помнилъ себя отъ радости и самъ не могъ узнать себя: откуда взялись у меня смѣлость, увѣренность и даже дерзость? «Нѣтъ вещи, которая бы могла меня сконфузить! — думалъ я, беззаботно разгуливая по залѣ — я готовъ на все!»

Сережа предложилъ мнѣ быть съ нимъ *vis-à-vis*. «Хорошо, сказалъ я: — хотя у меня нѣтъ дамы, я найду.» Окинувъ залу рѣшительнымъ взглядомъ, я замѣтилъ, что всѣ дамы были взяты, исключая одной большой дѣвицы, стоявшей у двери гостиной. Къ ней подходилъ высокій молодой человѣкъ, какъ я заключилъ, съ цѣлью пригласить ее; онъ былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, я же — на противоположномъ концѣ залы. Въ мгновеніе ока, граціозно скользя по паркету, пролетѣлъ я все раздѣляющее меня отъ нея пространство и, шаркнувъ ногой, твердымъ голосомъ пригласилъ ее на контрдансъ. Большая дѣвица, покровительно улыбаясь, подала мнѣ руку, а молодой человѣкъ остался безъ дамы.

Я имѣлъ такое сознаніе своей силы, что даже не обратилъ вниманія на досаду молодого человѣка; но послѣ узналъ, что молодой человѣкъ этотъ спрашивалъ, кто тотъ взетрошенный мальчикъ, который проскочилъ мимо его и передъ носомъ отиялъ даму.

ГЛАВА XXII.

МАЗУРКА.

Молодой человек, у которого я отбил даму, танцевал мазурку в первой паре. Он вскочил с своего места, держа даму за руку, и вместо того, чтобы дѣлать «*Pas de Basques*», которым насъ учила Мими, просто побѣжалъ впередъ; добѣжавъ до угла, приостановился, раздвинулъ ноги, стукнулъ каблучкомъ, повернулся и, припрыгивая, побѣжалъ дальше.

Такъ какъ дамы на мазурку у меня не было, я сидѣлъ за высокимъ кресломъ бабушки и наблюдалъ.

«Что же онъ это дѣлаетъ?—разсуждалъ я самъ съ собою.—Вѣдь это вовсе не то, чему учила насъ Мими: она увѣряла, что мазурку всѣ танцуютъ на цыпочкахъ, плавно и кругообразно разводя ногами; а выходитъ, что танцуютъ совсѣмъ не такъ. Вонъ и Ивины, и Этьенъ, и всѣ танцуютъ, а «*pas de Basques*» не дѣлаютъ; и Володя нашъ перенялъ новую манеру. Недурно!.. А Соничка-то какая милочка? вонъ она пошла...» Мнѣ было чрезвычайно весело.

Мазурка клонилась къ концу: нѣсколько пожилыхъ мужчинъ и дамъ подходили прощаться съ бабушкой и уѣзжали; лакеи, избѣгая танцующихъ, осторожно проносили приборы въ заднія комнаты; бабушка замѣтно устала, говорила какъ бы не хотя и очень протяжно; музыканты въ тридцатый разъ лѣниво начинали тотъ же мотивъ. Большая дѣвица, съ которой я танцевалъ, дѣлая фигуру, замѣтила меня и предательски улыбнувшись — должно быть, желая тѣмъ угодить бабушкѣ — подвела ко мнѣ Соничку и одну изъ безчисленныхъ княженъ. «*Rose ou hortie?*» сказала она мнѣ.

— Ахъ ты здѣсь! сказала, поворачиваясь въ своемъ креслѣ, бабушка:—иди же мой дружокъ, иди.

Хотя мнѣ въ эту минуту больше хотѣлось спрятаться съ головой подъ кресло бабушки, чѣмъ выходить изъ-за него, какъ было отказаться? — я всталъ, сказалъ «*rose*» и робко взглянулъ на Соничку. Не успѣлъ я опомниться, какъ чья-то рука въ бѣлой перчаткѣ очутилась въ моей, и княжна съ пріятнѣйшей улыбкой пустилась впередъ, нисколько не подозрѣвая того, что я рѣшительно не зналъ что дѣлать со своими ногами.

Я зналъ, что «*pas de Basques*» неумѣстны, неприличны и даже могутъ совершенно осрамить меня; но знакомые звуки мазурки, дѣйствуя на мой слухъ сообщили извѣстное направленіе акустическимъ нервамъ, которые, въ свою очередь, передали это движеніе ногамъ; и эти послѣднія, совершенно невольно и къ удивленію всѣхъ зрителей, стали выдѣлывать фатальные, круглые и плавные на на цыпочкахъ. Покуда мы шли прямо, дѣло еще шло кое-какъ, но на поворотѣ я замѣтилъ, что если не приму своихъ мѣръ, непременно уйду впередъ. Во избѣжаніе такой непріятности, я приостановился, съ намѣреніемъ сдѣлать то самое *colonne*, которое

такъ красиво дѣлалъ молодой человекъ въ первой парѣ. Но въ ту самую минуту, какъ я раздвинулъ ноги и хотѣлъ уже припрыгнуть, княжна, торопливо оббѣгая вокругъ меня, съ выраженіемъ тупаго любопытства и удивленія посмотрѣла на мои ноги. Этотъ взглядъ убилъ меня. Я до того растерялся, что вместо того, чтобы танцевать, затопталъ ногами на мѣстѣ, самымъ страннымъ, ни съ тактомъ, ни съ чѣмъ несообразнымъ образомъ, и наконецъ совершенно остановился. Всѣ смотрѣли на меня: кто съ удивленіемъ, кто съ любопытствомъ, кто съ насмѣшкой, кто съ состраданіемъ; одна бабушка смотрѣла совершенно равнодушно.

— *Il ne fallait pas danser, si vous ne savez pas!* сказалъ сердитый голосъ папа надъ моимъ ухомъ, и, слегка оттолкнувъ меня, онъ взялъ руку моей дамы, прошелъ съ ней туръ по старинному, при громкомъ одобреніи зрителей, и привелъ ее на мѣсто. Мазурка тотчасъ же кончилась.

— Господи! за что ты наказываешь меня такъ ужасно!

Всѣ презираютъ меня и всегда будутъ презирать... мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, любви, почестямъ... все пропало!! За чѣмъ Володя дѣлалъ мнѣ знаки, которые всѣ видѣли и которые не могли помочь мнѣ? за чѣмъ эта противная княжна такъ посмотрѣла на мои ноги? за чѣмъ Соничка... она милочка; но за чѣмъ она улыбалась въ это время? за чѣмъ папа покраснѣлъ и схватилъ меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно! Вотъ будь тутъ мамаша, она не покраснѣла бы за своего Николинку... И мое воображеніе унеслось далеко за этимъ милымъ образомъ. Я вспомнилъ лугъ передъ домомъ, высокія липы сада, чистый прудъ, надъ которымъ вьются ласточки, синее небо, на которомъ остановились бѣлыя, прозрачныя тучи, пахучія конны свѣжаго сѣна, и еще много спокойныхъ радужныхъ воспоминаній носилось въ моемъ разстроенномъ воображеніи.

ГЛАВА XXIII.

ПОСЛѢ МАЗУРКИ.

За ужиномъ молодой человекъ, танцовавшій въ первой парѣ, сѣлъ за нашъ, дѣтскій, столъ и обращалъ на меня особенное вниманіе, что немало польстило бы моему самолюбію, если бы я могъ, послѣ случившагося со мной несчастія, чувствовать что нибудь. Но молодой человекъ, какъ кажется, хотѣлъ, во что бы то ни стало, развеселить меня: онъ заигрывалъ со мной, называлъ меня молодцомъ и какъ только никто изъ большихъ не смотрѣлъ на насъ, подливалъ мнѣ въ рюмку вина изъ разныхъ бутылокъ и непременно заставлялъ выпивать. Къ концу ужина, когда дворецкій налилъ мнѣ только четверть бокальчика шампанскаго изъ за-

вернутой въ салфетку бутылки и когда молодой человекъ настоялъ на томъ, чтобы онъ налилъ мнѣ полный, и заставилъ меня его выпить залпомъ, я почувствовалъ пріятную теплоту по всему тѣлу, особенную пріязнь къ моему веселому покровителю и чему-то очень расхохотался.

Вдругъ раздалися изъ залы звуки гротфатера и стали вставать изъ-за стола. Дружба наша съ молодымъ человекомъ тотчасъ же и кончилась: онъ ушелъ къ большимъ, а я, не смѣя слѣдовать за нимъ, подошелъ, съ любопытствомъ, прислушиваясь къ тому, что говорила Валахина съ дочерью.

— Еще полчасика, убѣдительно говорила Соничка.

— Право, нельзя, мой ангелъ.

— Ну для меня, пожалуйста, говорила она, ласкаясь.

— Ну развѣ тебѣ весело будетъ, если я завтра буду больна? сказала г-жа Валахина и имѣла неосторожность улыбнуться.

— А, позволила! останемся? заговорила Соничка, прыгая отъ радости.

— Что съ тобой дѣлать? Иди же, танцуй... вотъ тебѣ и кавалеръ, сказала она, указывая на меня.

Соничка подала мнѣ руку, и мы побѣжали въ залу.

Выпитое вино, присутствіе и веселость Сонички заставили меня совершенно забыть несчастное приключеніе мазурки. Я выдѣлывалъ ногами самыя забавныя штуки: то подражая лошади, бѣжалъ маленькой рысцой, гордо поднимая ноги, то топоталъ ими на мѣстѣ, какъ баранъ, который сердится на собаку, при этомъ хохоталъ отъ души и нисколько не заботился о томъ, какое впечатлѣніе произвожу на зрителей. Соничка тоже не переставала смѣяться: она смѣялась тому, что мы кружились, взявшись рука за руку, хохотала, глядя на какого-то стараго барина, который, медленно поднимая ноги, перешагнулъ черезъ платокъ, показывая видъ, что ему было очень трудно это сдѣлать, и помирала со-смѣху, когда я вспрыгивалъ чуть не до потолка, чтобы показать свою ловкость.

Проходя черезъ бабушкинъ кабинетъ, я взглянулъ на себя въ зеркало: лицо было въ поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше чѣмъ когда нибудь; но общее выраженіе лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я самъ себя поправилъ.

«Если бы я былъ всегда такой, какъ теперь — подумалъ я — я бы еще могъ понравиться.»

Но когда я опять взглянулъ на прекрасное личико моей дамы, въ немъ было, кромѣ того выраженія веселости, здоровья и беззаботности, которое поправилось мнѣ въ моемъ, столько изящной и нѣжной красоты, что мнѣ сдѣлалось досадно на самого себя: я понималъ, какъ глупо мнѣ надѣяться обратить на себя вниманіе такого чудеснаго созданія.

Я не могъ надѣяться на взаимность, да и не думалъ о ней: душа моя и безъ того была преисполнена счастьемъ. Я не понималъ, что за чув-

ство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было бы требовать еще бѣльшаго счастья и желать чего нибудь, кромѣ того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мнѣ и такъ было хорошо. Сердце билось какъ голубь, кровь безпрестанно прилиwała къ нему, и хотѣлось плакать.

Когда мы проходили по корридорѣ, мимо темнаго чулана подъ лѣстницей, я взглянулъ на него и подумалъ: что бы это было за счастье, если бы можно было весь вѣкъ прожить съ ней въ этомъ темномъ чуланѣ! и чтобы никто не зналъ, что мы тамъ живемъ.

— Не правда ли, что нынче очень весело? сказалъ я тихимъ, дрожащимъ голосомъ, и прибавилъ шагу, испугавшись не столько того что сказалъ, сколько того, что намѣренъ былъ сказать.

— Да... очень! отвѣчала она, обративъ ко мнѣ головку, съ такимъ откровенно-добрымъ выраженіемъ, что я пересталъ бояться.

— Особенно послѣ ужина... Но если бы вы знали, какъ мнѣ жалко (я хотѣлъ сказать грустно, но не посмѣлъ), что вы скоро уѣдете и мы больше не увидимся.

— Отчегожъ не увидимся? сказала она, пристально всматриваясь въ кончики своихъ башмаковъ и проводя пальчикомъ по рѣшетчатымъ шпрмамъ, мимо которыхъ мы проходили: — каждый вторникъ и пятницу мы съ мамашей ѣздимъ на Тверской. Вы развѣ не ходите гулять?

— Непременно будемъ проситься во вторникъ, и если меня не пустятъ, я одинъ уѣду — безъ шапки. Я дорогу знаю.

— Знаете что? сказала вдругъ Соничка: — я съ одними мальчиками, которые къ намъ ѣздить, всегда говорю *ты*; давайте и съ вами говорить *ты*. Хочешь? прибавила она, встряхнувъ головкой и взглянувъ мнѣ прямо въ глаза.

Въ это время мы входили въ залу, и начиналась другая, живая часть гротфатера. Давай... те, сказалъ я въ то время, когда музыка и шумъ могли заглушить мои слова.

— Давай *ты*, а не давайте, поправила Соничка и засмѣялась.

Гротфатеръ кончился, а я не успѣлъ сказать ни одной фразы съ *ты*, хотя не переставалъ придумывать такія, въ которыхъ мѣстоимѣніе это повторилось бы нѣсколько разъ. У меня неоставало на это смѣлости. «Хочешь?» «давай-ты» звучало въ моихъ ушахъ и производило какое-то опьянѣніе: я ничего и никого не видалъ, кромѣ Сонички. Видѣлъ я, какъ подобрали ея локоны, заложили ихъ за уши и отерли части лба и висковъ, которыхъ я не видалъ еще; видѣлъ я, какъ укутали ее въ зеленую шаль, такъ плотно, что видѣлся только кончикъ ея носика; замѣтилъ, что если бы она не сдѣлала своими розовенькими пальчиками маленькаго отверстія около рта, то непременно бы задохнулась, и видѣлъ, какъ она, спускаясь съ лѣстницы за своею матерью, быстро повернулась къ намъ, кивнула головкой и исчезла за дверью.

Володя, Ивины, молодой князь, я, мы всё были влюблены въ Соничку и, стоя на лѣстницѣ, провожали ее глазами. Кому въ особенности кивнула она головкой, я не знаю; но въ ту минуту я твердо былъ убѣжденъ, что это сдѣлано было для меня.

Прощаясь съ Ивиными, я очень свободно, даже нѣсколько холодно поговорилъ съ Сережей и пожалъ ему руку. Если онъ понялъ, что съ нынѣшняго дня потерялъ мою любовь и свою власть надо мною, онъ вѣрно пожалѣлъ объ этомъ, хотя и старался казаться совершенно равнодушнымъ.

Я въ первый разъ въ жизни измѣнилъ въ любви и въ первый разъ испыталъ сладость этого чувства. Мнѣ было отрадно перемѣнить изношенное чувство привычной преданности на свѣжее чувство любви, исполненной таинственности и неизвѣстности. Сверхъ того, въ одно и то же время разлюбить и полюбить значить полюбить вдвое сильнѣе, чѣмъ прежде.

ГЛАВА XXIV.

ВЪ ПОСТЕЛИ.

«Какъ могъ я такъ страстно и такъ долго любить Сережу? — разсуждалъ я, лежа въ постели. — Нѣтъ! онъ никогда не понималъ, не умѣлъ цѣнить и не стоилъ моей любви... а Соничка? что это за прелесть! «Хочешь?» «тебѣ начинать».

Я вскочилъ на четвериньки, живо представляя себѣ ея личико, закрылъ голову одѣяломъ, подвернулъ его подъ себя со всѣхъ сторонъ, и когда нигдѣ не осталось отверстій, улегся и, ощущая пріятную теплоту, погрузился въ сладкія мечты и воспоминанія. Устремивъ неподвижные взоры въ подкладку стеганого одѣяла, я видѣлъ ее такъ же ясно, какъ часъ тому назадъ; я мысленно разговаривалъ съ нею, и разговоръ этотъ, хотя не имѣлъ ровно никакого смысла, доставлялъ мнѣ неописанное наслажденіе, потому что *ты, тебѣ, съ тобой, твои* встрѣчались въ немъ безпрестанно.

Мечты эти были такъ ясны, что я не могъ заснуть отъ сладостнаго волненія, и мнѣ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь избыткомъ своего счастья.

— Милочка! сказалъ я почти вслухъ, круто поворачиваясь на другой бокъ. — Володя! ты спишь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ соннымъ голосомъ: — а что?

— Я влюбленъ, Володя! рѣшительно влюбленъ въ Соничку.

— Ну, такъ чтожъ? отвѣчалъ онъ мнѣ потягиваясь.

— Ахъ, Володя! ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлается... вотъ я сейчасъ лежалъ увернувшись подъ одѣяломъ и такъ ясно, такъ ясно, видѣлъ ее, разговаривалъ съ ней, что это просто удивительно. И еще знаешь ли что? когда я лежу и думаю о ней, Богъ знаетъ отчего, дѣлается грустно и ужасно хочется плакать.

Володя пошевелился.

— Только одного я бы желалъ, продолжалъ я: — это — чтобы всегда съ ней быть, всегда ее видѣть, и больше ничего. А ты влюбленъ? признайся, по правдѣ, Володя.

Странно, что мнѣ хотѣлось, чтобы всё были влюблены въ Соничку, и чтобы всё рассказывали это.

— Тебѣ какое дѣло? сказалъ Володя, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ: — можетъ быть.

— Ты не хочешь спать, ты притворялся! закричалъ я, замѣтивъ по его блестящимъ глазамъ, что онъ нисколько не думалъ о снѣ, и откинулъ одѣяло. — Давай лучше толковать о ней. Не правда ли, что прелесть?... такая прелесть, что скажи она мнѣ: «Николаша! выпрыгни въ окно, или бросься въ огонь», ну, вотъ, клянусь! сказалъ я: — сейчасъ прыгну, и съ радостью. Ахъ, какая прелесть! прибавилъ я, живо воображая ее передъ собою, и, чтобы вполне наслаждаться этимъ образомъ, порывисто перевернулся на другой бокъ и засунулъ голову подъ подушку. — Ужасно хочется плакать, Володя.

— Вотъ дуракъ! сказалъ онъ, улыбаясь и потомъ помолчавъ немного: — я такъ совсѣмъ не такъ, какъ ты: я думаю, что если бы можно было, я сначала хотѣлъ бы сидѣть съ ней рядомъ и разговаривать...

— А! такъ ты тоже влюбленъ? перебилъ я его.

— Потомъ, продолжалъ Володя, нѣжно улыбаясь: — потомъ разцаловалъ бы ея пальчики, глазки, губки, носикъ, ножки — всю бы разцаловалъ...

— Глупости! закричалъ я изъ-подъ подушекъ.

— Ты ничего не понимаешь, презрительно сказалъ Володя.

— Нѣтъ, я понимаю, а вотъ ты не понимаешь и говоришь глупости, сказалъ я сквозь слезы.

— Только плакать-то ужъ незачѣмъ. Настоящая дѣвочка!

ГЛАВА XXV.

ПИСЬМО.

16 апрѣля, почти шесть мѣсяцевъ послѣ описаннаго мною дня, отецъ вошелъ къ намъ наверхъ, во время классовъ, и объявилъ, что нынче въ ночь мы ѣдемъ съ нимъ въ деревню. Что-то защемило у меня въ сердцѣ при этомъ извѣстїи, и мысль моя тотчасъ же обратилась къ матушкѣ.

Причиною такого неожиданнаго отъѣзда было слѣдующее письмо:

Петровское, 12 апрѣля.

«Сейчасъ только, въ десять часовъ вечера, получила я твое доброе письмо, отъ 3 апрѣля, и, по моей всегдашней привычкѣ, отвѣчаю тотчасъ же. Феодоръ привезъ его еще вчера изъ города, но такъ какъ было поздно, онъ подалъ его Мими нынче утромъ. Мими же, подъ предлогомъ, что

я была нездорова и разстроена, не давала мнѣ его цѣлый день. У меня точно былъ маленькій жаръ и, признаться тебѣ по правдѣ, вотъ ужъ четвертый день, что я не такъ-то здорова и не встаю съ постели.

«Пожалуйста не пугайся, милый другъ: я чувствую себя довольно хорошо, и если Иванъ Васильичъ позволитъ, завтра думаю встать.

«Въ пятницу на прошлой недѣлѣ, я поѣхала съ дѣтьми кататься; но подлѣ самага выѣзда на большую дорогу, около того мостика, который всегда наводилъ на меня ужасъ, лошади завязли въ грязи. День былъ прекрасный, и мнѣ вздумалось пройтись пѣшкомъ до большой дороги, покуда вытаскивали коляску. Дойдя до часовни, я очень устала и сѣла отдохнуть, а такъ какъ, покуда собирались люди, чтобъ вытащить экипажъ, прошло около получаса, мнѣ стало холодно, особенно ногамъ, потому что на мнѣ были ботинки на тонкихъ подошвахъ, и я ихъ промочила. Послѣ обѣда я почувствовала ознобъ и жаръ, но, по заведенному порядку, продолжала ходить, а послѣ чаю сѣла играть съ Любочкой въ четыре руки. (Ты не узнаешь ее: такіе она сдѣлала успѣхи!) Но представь себѣ мое удивленіе, когда я замѣтила, что не могу счесть такта. Нѣсколько разъ я принималась считать, но все въ головѣ у меня рѣшительно путалось, и я чувствовала странный шумъ въ ушахъ. Я считала: разъ, два, три, потомъ вдругъ: восемь, пятнадцать, и главное — видѣла, что вру, и никакъ не могла поправиться. Наконецъ Мими пришла мнѣ на помощь и почти насильно уложила въ постель. Вотъ тебѣ, мой другъ, подробный отчетъ въ томъ, какъ я занемогла и какъ сама въ томъ виновата. На другой день у меня былъ жаръ довольно сильный и пріѣхалъ нашъ добрый, старый Иванъ Васильичъ, который до сихъ поръ живетъ у насъ и общается скоро выпустить меня на свѣтъ Божій. Чудесный старикъ этотъ Иванъ Васильичъ! Когда у меня былъ жаръ и бредъ, онъ цѣлую ночь, не смыкая глазъ, просидѣлъ около моей постели, теперь же, такъ какъ знаетъ, что я пишу, сидитъ съ дѣвочками въ диванной, и мнѣ слышно изъ спальни, какъ имъ рассказываетъ нѣмецкія сказки, и какъ онѣ, слушая его, помираютъ со смѣху.

«*La belle Flamande*, какъ ты называешь ее, гостить у меня уже вторую недѣлю, потому что мать ея уѣхала куда-то въ гости, и своими попеченіями доказываетъ самую искреннюю привязанность. Она повѣряетъ мнѣ всѣ свои сердечныя тайны. Съ ея прекраснымъ лицомъ, добрымъ сердцемъ и молодостью изъ нея могла бы выйти во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная дѣвушка, еслибъ она была въ хорошихъ рукахъ; но въ томъ обществѣ, въ которомъ она живетъ, судя по ея рассказамъ, она совершенно погибнетъ. Мнѣ приходило въ голову, что если бы у меня не было такъ много своихъ дѣтей, я бы хорошее дѣло сдѣлала, взявъ ее.

«Любочка сама хотѣла писать тебѣ, но изорвала уже третій листъ бумаги и говоритъ: «я знаю,

какой папа насмѣшникъ: если сдѣлать хоть одну ошибку, онъ всѣмъ покажетъ.» Катенька все также мила, Мими также добра и скучна.

«Теперь поговоримъ о серьезномъ: ты мнѣ пишешь, что дѣла твои идутъ нехорошо эту зиму, и что тебѣ необходимо будетъ взять хабаровскія деньги. Мнѣ даже странно, что ты спрашиваешь на это моего согласія. Развѣ то, что принадлежитъ мнѣ, не принадлежитъ столько же и тебѣ?

«Ты такъ добръ, милый другъ, что изъ страха огорчить меня скрываешь настоящее положеніе своихъ дѣлъ; но я догадываюсь, вѣрно ты проигралъ очень много, и нисколько, божусь тебѣ, не огорчаюсь этимъ; поэтому, если только дѣло это можно поправить, пожалуйста много не думай о немъ и не мучь себя напрасно. Я привыкла не только не рассчитывать для дѣтей на твой выигрышъ, но извини меня, даже и на все твоё состояніе. Меня также мало радуетъ твой выигрышъ, какъ огорчаетъ проигрышъ; меня огорчаетъ только твоя несчастная страсть къ игрѣ, которая отнимаетъ у меня часть твоей нѣжной привязанности и заставляетъ говорить тебѣ такія горькія истины, какъ теперь, а Богу извѣстно, какъ мнѣ это больно! Я не перестаю молить Его объ одномъ, чтобы Онъ избавилъ насъ... не отъ бѣдности (что бѣдность?), а отъ того ужаснаго положенія, когда интересы дѣтей, которые я должна буду защищать, придутъ въ столкновеніе съ нашими. До сихъ поръ Господь исполнялъ мою молитву: ты не переходилъ одной черты, послѣ которой мы должны будемъ или жертвовать состояніемъ, которое принадлежитъ уже не намъ, а нашимъ дѣтямъ, или... и подумать страшно, а ужасное несчастіе это всегда угрожаетъ намъ. Да, это тяжелый крестъ, который послалъ намъ обоимъ Господь!

«Ты пишешь мнѣ еще о дѣтяхъ и возвращаешься къ нашему давнишнему спору: просишь меня согласиться на то, чтобы отдать ихъ въ учебное заведеніе. Ты знаешь мое предубѣжденіе противъ такого воспитанія...

«Не знаю, милый другъ, согласишься ли ты со мною; но во всякомъ случаѣ умоляю тебя, изъ любви ко мнѣ, дать мнѣ обѣщаніе, что покуда я жива и послѣ моей смерти, если Богу угодно будетъ разлучить насъ, этого никогда не будетъ.

«Ты мнѣ пишешь, что тебѣ необходимо будетъ съѣздить въ Петербургъ по нашимъ дѣламъ. Христосъ съ тобой, мой дружокъ, поѣзжай и возвращайся поскорѣе. Намъ всѣмъ безъ тебя такъ скучно! Весна чудо какъ хороша: балконную дверь ужъ выставили, дорожка къ оранжереѣ, четыре дня тому назадъ, была совершенно суха, персики во всемъ цвѣту, кой-гдѣ только остался снѣгъ, ласточки прилетѣли, и нынче Любочка принесла мнѣ первые весенніе цвѣты. Докторъ говоритъ, что дня черезъ три я буду совсѣмъ здорова и мнѣ можно будетъ подышать свѣжимъ воздухомъ и погрѣться на апрѣльскомъ солнышкѣ. Прощай же, милый другъ, не безпокойся, пожалуйста, ни о

моей болѣзни, ни о своемъ проигрышѣ; кончай скорѣй дѣла и приѣзжай къ намъ съ дѣтьми на цѣлое лѣто. Я дѣлаю чудные планы о томъ, какъ мы проведемъ его, и недостаетъ только тебя, чтобы имъ осуществиться.»

Слѣдующая часть письма была написана по-французски, связнымъ и неровнымъ почеркомъ, на другомъ клочкѣ бумаги. Я перевожу его слово въ слово:

«Не вѣрь тому, что я писала тебѣ о моей болѣзни; никто не подозрѣваетъ, до какой степени она серьезна. Я одно знаю, что мнѣ больше не вставать съ постели. Не теряй ни одной минуты, приѣзжай сейчасъ же и привози дѣтей. Можетъ быть, я успѣю еще разъ обнять и благословить ихъ: это мое одно послѣднее желаніе. Я знаю, какой ужасный ударъ наносу тебѣ; но все равно, рано или поздно, отъ меня или отъ другихъ, ты получишь бы его; постараемся же съ твердостью и надеждою на милосердіе Божіе перенести это несчастье. Покоримся волѣ Его.

«Не думай, чтобы то, что я пишу, было бредомъ больного воображенія; напротивъ, мысли мои чрезвычайно ясны въ эту минуту, и я совершенно спокойна. Не утѣшай же себя напрасно надеждой, чтобы это были ложныя, неясныя предчувствія боязливой души. Нѣтъ, я чувствую, я знаю — и знаю потому, что Богу было угодно открыть мнѣ это — мнѣ осталось жить очень недолго.

«Кончится ли вмѣстѣ съ жизнію моя любовь къ тебѣ и дѣтямъ? Я поняла, что это невозможно. Я слишкомъ сильно чувствую въ эту минуту, чтобы думать, что то чувство, безъ котораго я не могу понять существованія, могло бы когда нибудь уничтожиться. Душа моя не можетъ существовать безъ любви къ вамъ: а я знаю, что она будетъ существовать вѣчно, уже по одному тому, что такое чувство, какъ моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда нибудь прекратиться.

«Меня не будетъ съ вами; но я твердо увѣрена, что любовь моя никогда не оставитъ васъ, и эта мысль такъ отрадна для моего сердца, что я спокойно и безъ страха ожидаю приближающейся смерти.

«Я спокойна, и Богу извѣстно, что всегда смотрѣла и смотрю на смерть какъ на переходъ къ жизни лучшей; но отчегожъ слезы давятъ меня?.. Зачѣмъ лишать дѣтей любимой матери? Зачѣмъ наносить тебѣ такой тяжелый, неожиданный ударъ? Зачѣмъ мнѣ умирать, когда ваша любовь дѣлала для меня жизнь безпредѣльно счастливою?

«Да будетъ Его святая воля.

«Я не могу писать больше отъ слезъ. Можетъ быть, я не увижу тебя. Благодарю же тебя, мой безцѣнный другъ, за все счастье, которымъ ты окружилъ меня въ этой жизни; я тамъ буду просить Бога, чтобы Онъ наградила тебя. Прощай, милый другъ; помни, что меня не будетъ, но любовь моя никогда и нигдѣ не оставитъ тебя. Прощай, Володя, прощай, мой ангелъ, прощай, Веньяминъ — мой Николинъка.

«Неужели они когда нибудь забудутъ меня?!»

Въ этомъ письмѣ была вложена французская записочка Мими, слѣдующаго содержанія:

«Печальныя предчувствія, о которыхъ она говоритъ вамъ, слишкомъ подтвердились словами доктора. Вчера ночью она велѣла отправить это письмо тотчасъ на почту. Думая, что она сказала это въ бреду, я ждала до сегодняшняго утра, и рѣшилась его распечатать. Только что я распечатала, какъ Наталья Николаевна спросила меня, что я сдѣлала съ письмомъ, и приказала мнѣ сжечь его, если оно не отправлено. Она все говоритъ о немъ и увѣряетъ, что оно должно убить васъ. Не откладывайте вашей поѣздки, если вы хотите видѣть этого ангела, покуда еще онъ не оставилъ насъ. Извините это маранье. Я не спала три ночи. Вы знаете, какъ я люблю ее!»

Наталья Савишна, которая всю ночь 11 апрѣля провела въ спальнѣ матушки, рассказывала мнѣ, что, написавъ первую часть письма, татап положила его подлѣ себя на столикъ и започивала.

— Я сама, говорила Наталья Савишна: — признаюсь, задремала на креслѣ и чулокъ вывалился у меня изъ рукъ. Только слышу я сквозь сонъ — часу этакъ въ первомъ — что она какъ будто разговариваетъ; я открыла глаза, смотрю: она, моя голубушка, сидитъ на постели, сложила вотъ этакъ ручки, а слезы въ три ручья такъ и текутъ. «Такъ все кончено?» только она и сказала и закрыла лицо руками.

Я вскочила, стала спрашивать: что съ вами?

— Ахъ, Наталья Савишна, если бы вы знали, кого я сейчасъ видѣла.

Сколько я ни спрашивала, больше она мнѣ ничего не сказала, только приказала подать столикъ, пописала еще что-то, при себѣ приказала запечатать письмо и сейчасъ же отправить. Послѣ ужъ все пошло хуже да хуже.

ГЛАВА XXVI.

что ожидало насъ въ деревнѣ.

25 апрѣля мы выходили изъ дорожной коляски, у крыльца Петровскаго дома. Выѣзжая изъ Москвы, татап была задумчива, и когда Володя спросилъ у него: не больна ли татап? онъ съ грустію посмотрѣлъ на него и молча кивнулъ головой. Во время путешествія онъ замѣтно успокоился; но, по мѣрѣ приближенія къ дому, лицо его все болѣе и болѣе принимало печальное выраженіе, и когда, выходя изъ коляски, онъ спросилъ у выбѣжавшаго, запыхавшагося Фоки: «Гдѣ Наталья Николаевна?» голосъ его былъ нетвердъ и въ глазахъ были слезы. Добрый старикъ Фока, украдкой взглянувъ на насъ, опустилъ глаза и, отворяя дверь въ переднюю, отвернувшись, отвѣчалъ:

— Шестой день ужъ не изволили выходить изъ спальни.

Милка, которая, какъ я послѣ узналъ, съ самаго того дня, въ который занемогла татап, не переставала жалобно выть, весело бросилась къ отцу — прыгала на него, взвизгивала, лизала его руки; но онъ оттолкнулъ ее и прошелъ въ гостиную, оттуда въ диванную, изъ которой дверь вела прямо въ спальню. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ этой комнатѣ, тѣмъ болѣе, по всѣмъ тѣлодвиженіямъ, было замѣтно его безпокойство: войдя въ диванную, онъ шолъ на цыпочкахъ, едва переводилъ дыханіе и перекрестился прежде, чѣмъ рѣшился взяться за замокъ затворенной двери. Въ это время изъ корридора выбѣжала нечесаная, заплаканная Мими. «Ахъ! Петръ Александрычъ!» сказала она шопотомъ, съ выраженіемъ истиннаго отчаянія, и потомъ, замѣтивъ, что папа поворачиваетъ ручку замка, она прибавила чуть слышно: «здѣсь нельзя пройти — ходъ изъ дверей.»

О, какъ тяжело все это дѣйствовало на мое настроенное къ горю, страшнымъ предчувствіемъ, дѣтское воображеніе.

Мы пошли въ дѣвичью: въ корридорѣ попался намъ на дорогѣ дурачекъ Акимъ, который всегда забавлялъ насъ своими гримасами; но въ эту минуту не только онъ мнѣ не казался смѣшнымъ, но ничто такъ больно не поразило меня, какъ видъ его бессмысленно-равнодушнаго лица. Въ дѣвичьей двѣ дѣвушки, которыя сидѣли за какой-то работой, привстали, чтобы поклониться намъ съ такимъ печальнымъ выраженіемъ, что мнѣ сдѣлалось страшно. Пройдя еще комнату Мими, папа отворилъ дверь спальни, и мы вошли. Направо отъ двери были два окна, завѣшанныя платками; у одного изъ нихъ сидѣла Наталья Савишна, съ очками на носу, и вязала чулокъ. Она не стала цаловать насъ, какъ то обыкновенно дѣлывала, а только привстала, посмотрѣла на насъ черезъ очки, и слезы потекли у нея градомъ. Мнѣ очень не понравилось, что всѣ при первомъ взглядѣ на насъ начинаютъ плакать, тогда какъ прежде были совершенно спокойны.

Налѣво отъ двери стояли ширмы, за ширмами — кровать, столикъ, шкапчикъ, уставленный лекарствами, и большое кресло, на которомъ дремалъ докторъ; подлѣ кровати стояла молодая, очень бѣлокурая, замѣчательной красоты дѣвушка, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, и немного засучивъ рукава, прикладывала ледъ къ головѣ татап, которую мнѣ не было видно въ эту минуту. Дѣвушка эта была *la belle Flamande*, про которую писала татап и которая, впоследствии, играла такую важную роль въ жизни всего нашего семейства. Какъ только мы вошли, она отняла одну руку отъ головы татап и поправила на груди складки своего капота, потомъ шопотомъ сказала: «въ забыты.»

Я былъ въ сильномъ горѣ въ эту минуту, но невольно замѣчалъ всѣ мелочи. Въ комнатѣ было почти темно, жарко и пахло вмѣстѣ мятой, одеколономъ, ромашкой и гофманскими каплями. Запахъ этотъ такъ поразилъ меня, что не только когда я

слышу его, но когда лишь вспоминаю о немъ, воображеніе мгновенно переноситъ меня въ эту мрачную, душную комнату и воспроизводитъ всѣ мельчайшія подробности ужасной минуты.

Глаза татап были открыты, но она ничего не видѣла... О никогда не забуду я этого страшнаго взгляда! Въ немъ выражалось столько страданія!..

Насъ увели.

Когда я потомъ спрашивалъ у Натальи Савишны о послѣднихъ минутахъ матушки, вотъ что она мнѣ сказала:

— Когда васъ увели, она еще долго металась, моя голубушка, точно вотъ здѣсь ее давило что-то; потомъ спустила головку съ подушекъ и задремала, такъ тихо, спокойно, точно ангелъ небесный. Только я вышла посмотрѣть, что питье не несутъ — прихожу, а ужъ она, моя сердечная, все вокругъ себя раскидала и все манитъ къ себѣ вашего папеньку; тотъ нагнется къ ней, а ужъ силъ, видно, недостаетъ сказать что хотѣлось: только откроетъ губки и опять начнетъ охать. «Боже мой! Господи! Дѣтей! дѣтей!» Я хотѣла было за вами бѣжать, да Иванъ Васильичъ остановилъ, говоритъ: это хуже тревожить ее, лучше не надо. Послѣ ужъ только подниметъ ручку и опять опуститъ. И что она этимъ хотѣла, Богъ ее знаетъ. Я такъ думаю, что это она васъ заочно благословила; да видно не привелъ ее Господь (передъ послѣднимъ концомъ) взглянуть на своихъ дѣточекъ. Потомъ она приподнялась, моя голубушка, сдѣлала вотъ такъ ручки и вдругъ заговорила, да такимъ голосомъ, что я и вспомнить не могу — «Матерь Божія, не оставь ихъ!..» Тутъ ужъ боль подступила ей подъ самое сердце, но глазамъ видно было, что ужасно мучилась бѣдняжка; упала на подушки, ухватилась зубами за простыню; а слезы-то, мой батюшка, такъ и текутъ.

— Ну, а потомъ? спросилъ я.

Наталья Савишна не могла больше говорить: она отвернулась и горько заплакала.

Матап скончалась въ ужасныхъ страданіяхъ.

ГЛАВА XXVII.

ГОРЕ.

На другой день, поздно вечеромъ мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на нее: преодолевъ невольное чувство страха, я тихо отворилъ дверь и на цыпочкахъ вошелъ въ залу.

По срединѣ комнаты, на столѣ, стоялъ гробъ, вокругъ него нагорѣвшія свѣчи, въ высокихъ, серебряныхъ подсвѣчникахъ; въ дальнемъ углу сидѣлъ дьячокъ и тихимъ, однообразнымъ голосомъ читалъ псалтырь.

Я остановился у двери и сталъ смотрѣть; но глаза мои были такъ заплаканы и нервы такъ разстроены, что я ничего не могъ разобрать; все какъ-то странно сливалось вмѣстѣ: свѣтъ, парча, бархатъ,

большіе подсвѣчники, розовая, обшитая кружевами подушка, вѣнчикъ, чепчикъ съ лентами и еще что-то прозрачное, восковаго цвѣта. Я сталъ на стулъ, чтобы разсмотрѣть ее лицо; но на томъ мѣстѣ, гдѣ оно находилось, мнѣ опять представился тотъ же блѣдно-желтоватый, прозрачный предметъ. Я не могъ вѣрить, чтобы это было ея лицо. Я сталъ вглядываться въ него пристальнѣе и мало по малу сталъ узнавать въ немъ знакомыя, милыя черты. Я вздрогнулъ отъ ужаса, когда убѣдился, что это была она; но отчего закрытыя глаза такъ впали? отчего эта страшная блѣдность и на одной щекѣ черноватое пятно подъ прозрачной кожей? отчего выраженіе всего лица такъ строго и холодно? отчего губы такъ блѣдны и складъ ихъ такъ прекрасенъ, такъ величественъ и выражаетъ такое неземное спокойствіе, что холодная дрожь пробѣгаетъ по моей спинѣ и волосамъ, когда я вглядываюсь въ него?..

Я смотрѣлъ и чувствовалъ, что какая-то непонятная, непреодолимая сила притягиваетъ мои глаза къ этому безжизненному лицу. Я не спускалъ съ него глазъ, а воображеніе рисовало мнѣ картины, цвѣтущія жизнью и счастьемъ. Я забывалъ, что мертвое тѣло, которое лежало предо мною и на которое я бессмысленно смотрѣлъ, какъ на предметъ, не имѣющій ничего общаго съ моими воспоминаніями, была она. Я воображалъ ее то въ томъ, то въ другомъ положеніи: живою, веселою, улыбающеюся; потомъ вдругъ меня поражала какая нибудь черта въ блѣдномъ лицѣ, на которомъ остановились мои глаза: я вспоминалъ ужасную дѣйствительность, содрогался, но не переставалъ смотрѣть. И снова мечты замѣняли дѣйствительность и снова сознаніе дѣйствительности разрушало мечты. Наконецъ, воображеніе устало, оно перестало обманывать меня; сознаніе дѣйствительности тоже исчезло, и я совершенно забылся. Не знаю, сколько времени пробылъ я въ этомъ положеніи, не знаю, въ чемъ состояло оно; знаю только то, что на время я потерялъ сознаніе своего существованія и испытывалъ какое-то высокое, неизъяснимо-пріятное и грустное наслажденіе.

Можетъ быть, отлетая къ міру лучшему, ея прекрасная душа съ грустью оглянулась на тотъ, въ которомъ она оставляла насъ; она увидѣла мою печаль, сжалась надъ нею и на крыльяхъ любви, съ небесною улыбкою сожалѣнія, спустилась на землю, чтобы утѣшить и благословить меня.

Дверь скрипнула и въ комнату вошелъ дьячокъ на смѣну. Этотъ шумъ разбудилъ меня, и первая мысль, которая пришла мнѣ, была та, что такъ какъ я не плачу и стою на стулѣ въ позѣ, не имѣющей ничего трогательнаго, дьячокъ можетъ принять меня за безчувственнаго мальчика, который изъ жалости или любопытства забрался на стулъ: я перекрестился, поклонился и заплакалъ.

Вспоминая теперь свои впечатлѣнія, я нахожу, что только одна эта минута самозабвенія была настоящимъ горемъ. Прежде и послѣ погребенія,

я не переставалъ плакать и былъ грустенъ, но мнѣ совѣстно вспомнить эту грусть, потому что къ ней всегда примѣшивалось какое нибудь самолюбивое чувство: то желаніе показать, что я огорченъ больше всѣхъ, то заботы о дѣйствиіи, которое я произвожу на другихъ, то безцѣльное любопытство, которое заставляло дѣлать наблюденія надъ чепцомъ Мими и лицами присутствующихъ. Я презиралъ себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался скрывать всѣ другія: отъ этого печаль моя была неискренна и неестественна. Сверхъ того, я испытывалъ какое-то наслажденіе, зная, что я несчастливъ, старался возбуждать сознаніе несчастія, и это эгоистическое чувство больше другихъ заглушало во мнѣ истинную печаль.

Проспавъ эту ночь крѣпко и спокойно, какъ всегда бываетъ послѣ сильнаго огорченія, я проснулся съ высохшими слезами и успокоившимися нервами. Въ десять часовъ насъ позвали къ панихидѣ, которую служили передъ выносомъ. Комната была наполнена дворовыми и крестьянами, которые, всѣ въ слезахъ, пришли проститься съ своей барыней. Во время службы я прилично плакалъ, крестился и кланялся въ землю, но не молился въ душѣ и былъ довольно хладнокровенъ; заботился о томъ, что новый полу-фрачекъ, который на меня надѣли, очень жалъ мнѣ подъ мышками, думалъ о томъ, какъ бы не запачкать слишкомъ панталонъ на колѣняхъ, и украдкой дѣлалъ наблюденія надъ всѣми присутствовавшими. Отецъ стоялъ у изголовья гроба, былъ блѣденъ какъ платокъ и съ мѣтнимъ трудомъ удерживалъ слезы. Его высокая фигура, въ черномъ фракѣ, блѣдное, выразительное лицо и, какъ всегда, граціозныя и увѣренныя движенія, когда онъ крестился, кланялся, доставая рукою землю, бралъ свѣчу изъ рукъ священника или подходилъ ко гробу, были чрезвычайно эффектны; но, не знаю почему, мнѣ не нравилось въ немъ именно то, что онъ могъ казаться такимъ эффектнымъ въ эту минуту. Мими стояла прислонившись къ стѣнѣ и, казалось едва держалась на ногахъ; платье на ней было измято и въ пуху, чепецъ сбитъ на сторону; опухшіе глаза были красны, голова ея тряслась; она не переставала рыдать раздирающимъ душу голосомъ и безпрестанно закрывала лицо платкомъ и руками. Мнѣ казалось, что она это дѣлала для того, чтобы, закрывъ лицо отъ зрителей, на минуту отдохнуть отъ притворныхъ рыданій. Я вспомнилъ, какъ наканунѣ она говорила отцу, что смерть татан для нея такой ужасный ударъ, котораго она никакъ не надѣется перенести, что она лишила ее всего, что этотъ ангелъ (такъ она называла татан) передъ самою смертью не забылъ ее и изъяснилъ желаніе обезпечить навсегда будущность ея и Катеньки. Она проливала горькія слезы, рассказывая это, и, можетъ быть, чувство горести ея было истинно, но оно не было чисто и исключительно. Любочка, въ черномъ платьицѣ, обшитомъ плерезами, вся мокрая отъ слезъ, опустила головку, изрѣдка вглядывала на гробъ, и

лицо ея выражало при этомъ только дѣтскій страхъ. Катенька стояла подлѣ матери и, несмотря на ея вытянутое личико, была такая же розовенькая, какъ и всегда. Откровенная натура Володи была откровенна и въ горести: онъ, то стоялъ задумавшись, уставивъ неподвижные взоры на какой нибудь предметъ, то ротъ его вдругъ начиналъ кривиться, и онъ поспѣшно крестился и кланялся. Всѣ посторонніе, бывшіе на похоронахъ, были мнѣ несносны. Утѣшительныя фразы, которыя они говорили отцу — что ей тамъ будетъ лучше, что она была не для этого міра — возбуждали во мнѣ какую-то досаду.

Какое они имѣли право говорить и плакать о ней? Нѣкоторые изъ нихъ, говоря про насъ, называли насъ *сиротами*. Точно безъ нихъ не знали, что дѣтей, у которыхъ нѣтъ матери, называютъ этимъ именемъ! Имъ вѣрно нравилось, что они первые даютъ намъ его, точно такъ же, какъ обыкновенно торопятся только что вышедшую замужъ дѣвушку въ первый разъ назвать *madame*.

Въ дальнемъ углу залы, почти спрятавшись за отворенной дверью буфета, стояла на колѣняхъ сгорбленная, сѣдая старушка. Соединивъ руки и поднявъ глаза къ небу, она не плакала, но молилась. Душа ея стремилась къ Богу, она просила Его соединить ее съ тою, кого она любила больше всего на свѣтѣ, и твердо, надѣялась, что это будетъ скоро.

«Вотъ кто истинно любилъ ее!» подумалъ я и мнѣ стало стыдно за самого себя.

Панихида кончилась; лицо покойницы было открыто, и всѣ присутствующіе, исключая насъ, одинъ за другимъ стали подходить къ гробу и прикладываться.

Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка, съ хорошенькой пятилѣтней дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я нечаянно уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только что я нагнулся, меня поразилъ страшный пронзительный крикъ, исполненный такого ужаса, что проживи я сто лѣтъ, я никогда его не забуду, и когда вспомню, всегда пробѣжитъ холодная дрожь по моему тѣлу. Я поднялъ голову — на табуретѣ, подлѣ гроба, стояла та же крестьянка и съ трудомъ удерживала въ рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинувъ назадъ испуганное личико и уставивъ выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшнымъ, неистовымъ голосомъ. Я вскрикнулъ голосомъ, который, я думаю, былъ еще ужаснѣе того, который поразилъ меня, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Только въ эту минуту я понялъ, отчего происходилъ тотъ сильный, тяжелый запахъ, который, смѣшиваясь съ запахомъ ладана, наполнялъ комнату; и мысль, что то лицо, которое за нѣсколько дней было исполнено красоты и нѣжности, лицо той, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, могло возбуждать ужасъ, какъ будто въ первый разъ открыла горькую истину и наполнила душу отчаяніемъ.

ГЛАВА XXVIII.

ПОСЛѢДНІЯ ГРУСТНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Мама уже не было, а жизнь наша шла все тѣмъ же чередомъ: мы ложились и вставали въ тѣ же часы и въ тѣхъ же комнатахъ; утренній, вечерній чай, обѣдъ, ужинъ, — все было въ обыкновенное время; столы, стулья стояли на тѣхъ же мѣстахъ; ничего въ домѣ и въ нашемъ образѣ жизни не перемѣнилось; только ея не было...

Мнѣ казалось, что послѣ такого несчастія все должно бы было измѣниться; нашъ обыкновенный образъ жизни казался мнѣ скорбленіемъ ея памяти и слишкомъ живо напоминалъ ея отсутствіе.

Наканунѣ погребенія, послѣ обѣда, мнѣ захотѣлось спать, и я пошелъ въ комнату Натальи Савишны, рассчитывая помѣститься на ея постели, на мягкомъ пуховикѣ, подъ теплымъ стеганнымъ одеяломъ. Когда я вошелъ, Наталья Савишна лежала на своей постели и, должно быть, спала; услыжавъ шумъ моихъ шаговъ, она приподнялась, откинула шерстяной платокъ, которымъ отъ мухъ была покрыта ея голова, и, поправляя чепецъ, усѣлась на край кровати.

Такъ какъ еще прежде довольно часто случалось, что послѣ обѣда я приходилъ спать въ ея комнату, она догадалась, зачѣмъ я пришелъ, и сказала мнѣ, приподнимаясь съ постели:

— Что? вѣрно отдохнуть пришли, мой голубчикъ? ложитесь.

— Что вы, Наталья Савишна? сказалъ я, удерживая ее, за руку: — я совсѣмъ не за этимъ... я такъ пришелъ... да вы и сами устали: лучше ложитесь вы.

— Нѣтъ, батюшка, я ужъ выспалась, сказала она мнѣ (я зналъ, что она не спала трое сутокъ). Да и не до сна теперь, прибавила она съ глубокимъ вздохомъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ Натальей Савишной о нашемъ несчастіи; я зналъ ея искренность и любовь, и потому поплакать съ нею было бы для меня отрадой.

— Наталья Савишна, сказалъ я, помолчавъ немного и усаживаясь на постель: — ожидали ли вы этого?

Старушка посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ и любопытствомъ, должно быть, не понимая, для чего я спрашиваю у нея это.

— Кто могъ ожидать этого? повторилъ я.

— Ахъ, мой батюшка, сказала она, кинувъ на меня взглядъ самаго нѣжнаго состраданія: — не то, чтобы ожидать, а я и теперь подумать-то не могу. Ну ужъ мнѣ, старухѣ, давно бы пора сложить старыя кости на покой; а то вотъ до чего довелося дожить: стараго барина — вашего дѣдушку, вѣчная память, князя Николая Михайловича, двухъ братьевъ, сестру Аннушку, всѣхъ схоронила и всѣ моложе меня были, мой батюшка, а вотъ теперь, видно, за грѣхи мои и ее пришлось пережить. Его

святая воля! Онъ затѣмъ и взялъ ее, что она достойна была, а Ему добрыхъ и тамъ нужно.

Эта простая мысль отрадно поразила меня, и я ближе придвинулся къ Натальѣ Савишнѣ. Она сложила руки на груди и взглянула кверху; влажные глаза ея выражали великую, но спокойную печаль. Она твердо надѣялась, что Богъ не надолго разлучилъ ее съ тою, на которой столько лѣтъ была сосредоточена вся сила ея любви.

— Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее еще нянчила, пеленала и она меня Наташей называла. Бывало, прибѣжитъ ко мнѣ, обхватитъ ручонками и начнетъ цаловать и приговаривать:

— Нашикъ мой, красавчикъ мой, индюшечка ты моя.

А я, бывало, пошучу—говорю:

— Неправда, матушка, вы меня не любите; вотъ дай только вырастите большія, выдете замужъ и Нашу свою забудете.— Она, бывало, задумывается. Нѣтъ, говорить, я лучше замужъ не пойду, если нельзя Нашу съ собой взять; я Нашу никогда не покину. А вотъ покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, батюшка, вашу маменьку вамъ забывать нельзя; это не человѣкъ былъ, а ангелъ небесный. Когда ея душа будетъ въ царствіи небесномъ, она и тамъ будетъ васъ любить и тамъ будетъ на васъ радоваться.

— Отчего же вы говорите, Наталья Савишна, когда будетъ въ царствіи небесномъ? спросилъ я:— вѣдь она, я думаю, и теперь уже тамъ.

— Нѣтъ, батюшка, сказала Наталья Савишна, понизивъ голосъ и усаживаясь ближе ко мнѣ на постели—теперь ея душа здѣсь.

И она указывала вверхъ. Она говорила почти шопотомъ и съ такимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, что я невольно подыалъ глаза кверху, смотрѣлъ на карнизы и искалъ чего-то. «Прежде чѣмъ душа праведника въ рай идетъ—она еще сорокъ мытарствъ проходить, мой батюшка, сорокъ дней и можетъ еще въ своемъ домѣ быть...»

Долго еще говорила она въ томъ же родѣ и говорила съ такою простотою и увѣренностью, какъ будто рассказывала вещи самыя обыкновенныя, которыя сама видала и насчетъ которыхъ никому въ голову не могло придти ни малѣйшаго сомнѣнія. Я слушалъ ее, притаивъ дыханіе и, хотя не понималъ хорошенько того, что она говорила, вѣрилъ ей совершенно.

— Да, батюшка, теперь она здѣсь, смотритъ на насъ, слушаетъ, можетъ быть, что мы говоримъ, заключила Наталья Савишна.

И, опутивъ голову, замолчала. Ей понадобился платокъ, чтобы отереть падавшія слезы; она встала, взглянула мнѣ прямо въ лицо и сказала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— На много ступеней подвинулъ меня этимъ къ себѣ Господь.— Что мнѣ теперь здѣсь осталось? для кого мнѣ жить? кого любить?

— А насъ развѣ вы не любите? сказалъ я, съ упрекомъ и едва удерживаясь отъ слезъ.

— Богу извѣстно, какъ я васъ люблю, моихъ голубчиковъ, но ужъ такъ любить, какъ я ее любила, никого не любила, да и не могу любить.

Она не могла больше говорить, отвернувшись отъ меня и громко зарыдала.

Я не думалъ уже спать; мы молча сидѣли другъ противъ друга и плакали.

Въ комнату вошелъ Фока; замѣтивъ наше положеніе и, должно быть, не желая тревожить насъ, онъ, молча и робко поглядывая, остановился у дверей.

— Зачѣмъ ты, Фокаша? спросила Наталья Савишна, утираясь платкомъ.

— Изюму полтора, сахару четыре фунта и сарачинскаго пшена три фунта для кутьи-съ.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, сказала Наталья Савишна, торопливо понюхала табакъ и скорыми шажками пошла къ сундуку. Послѣдніе слѣды печали, произведенной нашимъ разговоромъ, исчезли, когда она принялась за свою обязанность, которую считала весьма важною.

— На что четыре фунта? говорила она ворчливо, доставая и отвѣшивая сахаръ на безменѣ:— и три съ половиною довольно будетъ.

И она сняла съ вѣсковъ нѣсколько кусочковъ.

— А это на что похоже, что вчера-только восемь фунтовъ пшена отпустила, опять спрашиваютъ:— ты какъ хочешь, Фока Демидычъ, а я пшена не отпущу. Этотъ Ванька радъ, что теперь суматоха въ домѣ: онъ думаетъ, авось не замѣтятъ. Нѣтъ, я потачки за барское добро не дамъ. Ну виданое ли это дѣло—восемь фунтовъ?

— Какъ же быть-съ? онъ говоритъ, все вышло.

— Ну, на, возьми, на! пусть возьметъ!

Меня поразило тогда этотъ переходъ отъ трогательнаго чувства, съ которымъ она со мной говорила, къ ворчливости и мелочнымъ расчетамъ. Разсуждая объ этомъ впослѣдствіи, я понялъ, что несмотря на то, что у нея дѣлалось въ душѣ, у нея доставало довольно присутствія духа, чтобы заниматься своимъ дѣломъ, а сила привычки тянула ее къ обыкновеннымъ занятіямъ. Горе такъ сильно подѣйствовало на нее, что она не находила нужнымъ скрывать, что можетъ заниматься посторонними предметами; она даже и не поняла бы, какъ можетъ придти такая мысль.

Тщеславіе есть чувство самое несообразное съ истинною горестью, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его. Тщеславіе въ горести выражается желаніемъ казаться или огорченнымъ, или несчастнымъ, или твердымъ; и эти низкія желанія, въ которыхъ мы не признаемся, но которыя почти никогда—даже въ самой сильной печали—не оставляютъ насъ, лишаютъ ее силы, достоинства и искренности. Наталья же Савишна была такъ глубоко поражена своимъ несчастіемъ, что въ душѣ ея не оставалось

ни одного желанія, и она жила только по привычкѣ.

Выдавъ Фокѣ требуемую провизію и напомнивъ ему о пирогахъ, который надо бы приготовить для угощенія причта, она отпустила его, взяла чулокъ и опять сѣла подлѣ меня.

Разговоръ начался про то же, и мы еще разъ поплакали и еще разъ утерли слезы.

Бесѣды съ Натальей Савишной повторялись каждый день; ея тихія слезы и спокойныя набожныя рѣчи доставляли мнѣ отраду и облегченіе.

Но скоро насъ разлучили: черезъ три дня послѣ похоронъ мы всѣмъ домомъ пріѣхали въ Москву, и мнѣ суждено было никогда больше не видать ее.

Бабушка получила ужасную вѣсть только съ нашимъ пріѣздомъ, и горестъ ея была необыкновенна. Насъ не пускали къ ней, потому что она цѣлую недѣлю была въ безпамятствѣ, доктора боялись за ея жизнь, тѣмъ болѣе, что она не только не хотѣла принимать никакого лекарства, но ни съ кѣмъ не говорила, не спала и не принимала никакой пищи. Иногда, сидя одна въ комнатѣ, на своемъ креслѣ, она вдругъ начинала смѣяться, потомъ рыдать безъ слезъ, съ ней дѣлались конвульсіи, и она кричала неистовымъ голосомъ бессмысленныя или ужасныя слова. Это было первое сильное горе, которое поразило ее, и это горе привело ее въ отчаяніе. Ей нужно было обвинять кого нибудь въ своемъ несчастіи, и она говорила страшныя слова, грозила кому-то съ необыкновенной силой, вскакивала съ креселъ, скорыми, большими шагами ходила по комнатѣ и потомъ падала безъ чувствъ.

Одинъ разъ я вошелъ въ ея комнату: она сидѣла, по обыкновенію, на своемъ креслѣ и, казалось, была спокойна; но меня поразило ея взглядъ. Глаза ея были очень открыты, но взоръ неопредѣленъ и тупъ: она смотрѣла прямо на меня, но, должно быть, не видала. Губы ея начали медленно улыбаться, и она заговорила трогательнымъ, нѣжнымъ голосомъ: «поди сюда, мой дружокъ, подойди, мой ангелъ.» Я думалъ, что она обращается ко мнѣ, и подошелъ ближе, но она смотрѣла не на меня. «Ахъ, коли бы ты знала, душа моя, какъ я мучилась и какъ теперь рада, что ты пріѣхала...» Я понималъ, что она воображала видѣть татап, и остановился. «А мнѣ сказали, что тебя нѣтъ—продолжала она, нахмурившись—вотъ вздоръ! Развѣ ты можешь умереть прежде меня?» и она захохотала страшнымъ истерическимъ хохотомъ.

Только люди, способные сильно любить, могутъ испытывать и сильныя огорченія; но таже потребность любить служитъ для нихъ противодѣйствіемъ горести и исцѣляетъ ихъ. Отъ этого моральная природа человѣка еще живучѣ природы физической. Горе никогда не убиваетъ.

Черезъ недѣлю бабушка могла плакать, и ей стало лучше. Первою мыслию ея, когда она пришла въ себя, были мы, и любовь ея къ намъ увеличилась. Мы не отходили отъ ея кресла; она тихо плакала, говорила про татап и нѣжно ласкала насъ.

Въ голову никому не могло придти, глядя на печаль бабушки, чтобы она преувеличивала ее, и выраженія этой печали были сильны и трогательны; но не знаю, почему я больше сочувствовалъ Натальѣ Савишнѣ, и до сихъ поръ убѣжденъ, что никто такъ искренно и чисто не любилъ и не сожалѣлъ о татап, какъ это простодушное и любящее созданье.

Со смертью матери окончилась для меня счастливая пора дѣтства и началась новая эпоха — эпоха отрочества; но такъ какъ воспоминанія о Натальѣ Савишнѣ, которую я больше не видалъ, и которая имѣла такое сильное и благое вліяніе на мое направленіе и развитіе чувствительности, принадлежитъ къ первой эпохѣ, скажу еще нѣсколько словъ о ней и ея смерти.

Послѣ нашего отъѣзда, какъ мнѣ потомъ рассказывали люди, оставшіеся въ деревнѣ, она очень скучала отъ бездѣлья. Хотя всѣ сундуки были еще на ея рукахъ, и она не переставала рыться въ нихъ, перекладывать, развѣшивать, раскладывать; но ей недоставало шуму и суетливости барскаго, обитаемаго господами, деревенскаго дома, къ которымъ она съ дѣтства привыкла. Горе, перемѣна образа жизни и отсутствіе хлопотъ скоро развили въ ней старческую болѣзнь, къ которой она имѣла склонность. Ровно черезъ годъ послѣ кончины матушки, у нея открылась водяная, и она слегла въ постель.

Тяжело, я думаю, было Натальѣ Савишнѣ жить и еще тяжелѣе умирать одной, въ большомъ пустомъ Петровскомъ домѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Всѣ въ домѣ любили и уважали Наталью Савишну; но она ни съ кѣмъ не имѣла дружбы и гордилась этимъ. Она полагала, что въ ея положеніи — экономки, пользующейся довѣренностью своихъ господъ и имѣющей на рукахъ столько сундуковъ со всякимъ добромъ, дружба съ кѣмъ нибудь непременно повела бы ее къ лицепріятію и преступной снисходительности; поэтому, или, можетъ быть, потому, что не имѣла ничего общаго съ другими слугами, она удалялась всѣхъ и говорила, что у нея въ домѣ нѣтъ ни кумовьевъ, ни сватовъ, и что за барское добро она никому потачки не дастъ.

Повѣряя Богу въ теплой молитвѣ свои чувства, она искала и находила утѣшеніе; но иногда въ минуты слабости, которымъ мы всѣ подвержены, когда лучшее утѣшеніе для человѣка доставляютъ слезы и участіе живаго существа, она клала себѣ на постель свою собаченку моську (которая лизала ея руки, уставивъ на нее свои желтые глаза), говорила съ ней и тихо плакала, лаская ее. Когда моська начинала жалобно выть, она старалась успокоить ее и говорила: «полно, я и безъ тебя знаю, что скоро умру.»

За мѣсяцъ до своей смерти она достала изъ своего сундука бѣлаго коленкору, бѣлой кисеи и розовыхъ лентъ; съ помощью своей дѣвушки сшила себѣ бѣлое платье, чепчикъ и до малѣйшихъ подробностей распорядилась всемъ, что нужно было

для ея похоронѣ. Она тоже разобрала барскіе сундуки и съ величайшей отчетливостію, по описи, передала ихъ прикащикѣ: потомъ достала два шелковыхъ платья, старинную шаль, подаренныя ей когда-то бабушкой, дѣдушкинъ военный мундиръ, шитый золотомъ, тоже отданный въ ея полную собственность. Благодаря ея заботливости, шитье и галуны на мундирѣ были совершенно свѣжи и сукно не тронуто молью.

Передъ кончиной, она изъявила желаніе, чтобы одно изъ этихъ платій — розовое — было отдано Володѣ на халатъ или бешметъ, другое — пюсовое, въ клѣткахъ — мнѣ, для того же употребленія; а шаль — Любочкѣ. Мундиръ она завѣщала тому изъ насъ, кто прежде будетъ офицеромъ. Все остальное свое имущество и деньги, исключая сорока рублей, которые она отложила на погребеніе и поминанье, она предоставила получить свосму брату. Братъ ея, еще давно отпущенный на волю, проживалъ въ какой-то дальней губерніи и велъ жизнь самую распутную; поэтому при жизни своей она не имѣла съ нимъ никакихъ сношеній.

Когда братъ Натальи Савишны явился для полученія наслѣдства, и всего имущества покойной оказалось на двадцать-пять рублей ассигнаціями, онъ не хотѣлъ вѣрить этому и говорилъ, что не можетъ быть, чтобы старуха, которая шестьдесятъ лѣтъ жила въ богатомъ домѣ, все на рукахъ имѣла, весь свой вѣкъ жила скупно и надъ всякой тряпкой тряслась, чтобы она ничего не оставила. Но это дѣйствительно было такъ.

Наталья Савишна два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни и переносила страданія съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ: не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычкѣ, безпрестанно поминала Бога. За часъ передъ смертію, она съ тихою радостію исповѣдалась, причастилась и соборовалась масломъ.

У всѣхъ домашнихъ она просила прощенья за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила

духовника своего, отца Василья, передать всѣмъ намъ, что не знаетъ, какъ благодарить насъ за наши милости, и проситъ насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого нибудь, «но воровкой никогда не была и могу сказать, что барской ниткой не поживилась.» Это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

Надѣвъ приготовленный капотъ и чепчикъ и облокотившись на подушки, она до самого конца не переставала разговаривать съ священникомъ, вспомнила, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и просила его раздать ихъ въ приходѣ; потомъ перекрестилась, легла и въ послѣдній разъ вздохнула, съ радостной улыбкой, произнося имя Божіе.

Она оставляла жизнь безъ сожалѣнія, не боялась смерти и приняла ее какъ благо. Часто это говорить, но какъ рѣдко дѣйствительно бываетъ! Наталья Савишна могла не бояться смерти, потому что она умирала съ непоколебимою вѣрою и исполнивъ законъ Евангелія. Вся жизнь ея была чистая, безкорыстная любовь и самоотверженіе.

Чтожъ! ежели ея вѣрованія могли бы быть возвышеннѣе, ея жизнь направлена къ болѣе высокой цѣли: развѣ эта чистая душа отъ этого меньше достойна любви и удивленія?

Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни — умерла безъ сожалѣнія и страха.

Ее похоронили, по ея желанію, не далеко отъ часовни, которая стоитъ на могилѣ матушки. Заросшій крапивою и репейникомъ бугорокъ, подъ которымъ она лежитъ, огороженъ черною рѣшеткою, и я никогда не забываю изъ часовни подойти къ этой рѣшеткѣ и положить земной поклонъ.

Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черною рѣшеткой. Въ душѣ моей вдругъ пробуждаются тяжелыя воспоминанія. Мнѣ приходитъ мысль: неужели Провидѣніе для того только соединило меня съ этими двумя существами, чтобы вѣчно заставить сожалѣть о нихъ?...

ОТРОЧЕСТВО.

ПОВѢСТЬ.

COLLEGE

LIBRARY

ОТРОЧЕСТВО.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

ПОѢЗДКА НА ДОЛГИХЪ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу Петровскаго дома; одинъ — карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и *самъ* прикащикъ Яковъ, на козлахъ; другой — бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и крестить окно кареты и бричку.

«Ну Христось съ вами! трогай!» Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. «Но, но! съ Богомъ!» Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ и березы большой аллеи, одна за другой, бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

— Рѣдко провелъ я нѣсколько дней — не скажу весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью — но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня передъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на который и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простые дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратную потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни изъ страха оскорбить какъ нибудь *ея* память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадные чув-

ства — удовольствия настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердешься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василья видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло, вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшися какъ ракъ, раздуваетъ Митька фореиторъ: на дворѣ сыро и туманно, какъ будто паръ подымается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба, и соломенные крыши просторныхъ навѣсовъ, окружающихъ дворъ, глянцевитыя отъ росы, покрывающей ихъ. Подъ ними виднѣются наши лошади, привязанныя около кормягъ и слышно ихъ мѣрное жеваніе. Какая нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкой рысцой отправляется въ другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и перекидывается словечкомъ съ сонной сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ колесомъ бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже полощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистой бородой, лицо Филиппа и на толстые жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками, и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движеніе. Маша съ различными предметами, которыя она платьемъ старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще перебѣгаетъ

мимо насъ, наконецъ, открывается дверь, и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выносить то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрощаетъ Марью Ивановну выѣзжать ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкапулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнія, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено накануне и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ орѣховой чайный ящикъ съ треугольной крышкой, который отдаютъ къ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнѣется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только-что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкой, дикой лентой вьется впереди, между полями засохшаго живня и блестящей росой зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадаетъ угрюмая ракета, или молодая березка съ мелкими клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колени и мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ сѣдѣннаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать—признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнить этотъ обрядъ, со мною случается какое нибудь несчастье, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваясь въ уголъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сразу въ разсѣянности повторяю однѣ и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе, и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты,

мимо которой онѣ должны пройти. Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ быстро несется на встрѣчу. Двѣ секунды, и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, и не увидишь больше.

Вотъ стороною дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматая лошади въ хомутахъ съ захлестнутыми за шлеи постромками, и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой паренъ ямщикъ и, сбивъ на одно ухо полярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется, верхъ счастья быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ далеко за оврагомъ виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ воевъ, запряженныхъ тройками сытыхъ толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. «Что везете?» спрашиваетъ Василій у перваго извозчика, который, спустивъ огромныя ноги съ градокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально-безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. «Съ какимъ товаромъ?» обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новой рогожей, лежитъ другой извозчикъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватой бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно-презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается — и мнѣ приходятъ мысли, что вѣрно эти извозчики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ?..

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цифры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно беспокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовыя столбы и на цифры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія насчетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. «Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати-шести, а до Липецъ сорокъ-одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?» и т. д.

«Василій — говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ *удить рыбу* на козлахъ—пусти меня на козлы, голубчикъ». Василій соглашается. Мы пе-

ремѣняемъ мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячекъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и отгѣяковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячекъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ? нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячекъ?

— А Неручинская ничего не везетъ, говорю я.

— Дьячка нельзя на лѣво впрягать, говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе:—не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. На лѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая возжей изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ, какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и не смотря на то, что Дьячекъ старается изъ всѣхъ силъ и воротить всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть неизвѣстно для чего свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мнѣ *поправить*. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну возжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть возжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говорить, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня возжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходятся и принимаютъ темносѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій, съ удивительной ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ ватрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣй. Иногда во время жара, проѣзжая черезъ рошу, мы отстаемъ отъ кареты парываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устроиваемъ въ бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ ка-

рету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать, при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней — дымомъ, дегтемъ, баранками, слышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыхъ кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однихъ рубашенкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро семена въ пыли босыми ноженками, несмотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ! Тирру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за воротнища, и мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

ГЛАВА II.

ГРОЗА.

Солнце склонялось къ западу и косыми жаркими лучами невыносимо жгло мнѣ шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленныхъ краевъ брички; густая пыль поднималась по дорогѣ и наполняла воздухъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы относилъ ее. Впереди насъ, на одинаковомъ разстояніи, мѣрно покачивался высокій, запыленный кузовъ кареты съ важами, изъ-за котораго виднѣлся изрѣдка кнутъ, которымъ помахивалъ кучеръ, его шляпа и фуражка Якова. Я не зналъ куда дѣваться: ни черное отъ пыли лицо Володи дремавшего подлѣ меня, ни движенія спины Филиппа, ни длинная тѣнь нашей брички, подъ косымъ угломъ бѣжавшая за нами, не доставляли мнѣ развлеченія. Все мое вниманіе было обращено на верстовые столбы, которые я замѣчалъ издалека, и на облака, прежде разсыпанные по небосклону, которыя, принявъ зловѣщія, черныя тѣни, теперь собирались въ одну большую, мрачную тучу. Изрѣдка погромыхивалъ дальній громъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего усиливало мое нетерпѣніе скорѣе пріѣхать на постоянный дворъ. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни оставалось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое

облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самаго горизонта. Изрѣдка, вдалекѣ, вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающийся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Василий приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настороживаютъ уши, раздуваютъ ноздри, какъ будто припихиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце; вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то блѣдно-мутнаго цвѣта, ярко выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и блѣдо-грудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожаннаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички. Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся къ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой разражается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Гдѣ же Божій! какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинамъ Василія и Филиппа, который нетерпѣливо помахиваетъ жоурами, я замѣчаю, что и они боятся. Бричка шибко катится подъ гору и стучитъ по досчатому мосту; я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей гибели.

Тиру! оторвался валежъ, и на мосту, несмотря на непрерывные, оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Прислонивъ голову къ краю брички, я, съ захватывающимъ дыханіемъ замираніемъ сердца, безнадежно слѣжу за движеніями толстыхъ черныхъ пальцевъ Филиппа, который медлительно захлестываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая пристяжную ладонью и внутовищемъ.

Тревожныя чувства тоски и страха увеличивались во мнѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ грозы, но когда пришла

величественная минута безмолвія, обыкновенно предшествующая разраженію грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояніе еще четверть часа, я увѣренъ, что умеръ бы отъ волненія. Въ это самое время изъ-подъ моста вдругъ появляется, въ одной грязной дырявой рубахѣ какое-то человѣческое существо съ опухшимъ безсмысленнымъ лицомъ, качающейся, ничѣмъ не покрытой, обстриженной головой, кривыми безмускульными ногами и съ какой-то красной, глянцевиной культикой вмѣсто руки, которую онъ суетъ прямо въ бричку.

«Ба-а-шка! убо-го-му Хри-ста-ради», звучитъ болѣзненный голосъ, и нищій съ каждымъ словомъ крестится и кланяется въ поясъ.

Не могу выразить чувства холоднаго ужаса, охватившаго мою душу въ эту минуту. Дрожь пробѣгала по моимъ волосамъ, а глаза съ безсмыслиемъ страха были устремлены на нищаго...

Василій, въ дорогѣ подающій милостыню, даетъ наставленія Филиппу насчетъ укрѣпленія вальки, и, только когда все уже готово и Филиппъ, собирая жоуры, лѣзетъ на козлы, начинаетъ что-то доставать изъ боковаго кармана. Но только-что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и, безъ малѣйшаго промежутка, сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается: гривы и хвосты лошадей, шинель Василія и края фартука принимаютъ одно направленіе и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдругъ какъ будто кто-то забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномернымъ шумомъ падающаго дождя. По движеніямъ локтей Василія, я замѣчаю, что онъ развязываетъ кошелекъ; нищій, продолжая креститься и кланяться, бѣжитъ подлѣ самыхъ колесъ, такъ-что того и гляди раздавятъ его. «Подай Хри-ста-ради.» Наконецъ мѣдный грошъ летитъ мимо насъ, и жалкое созданье, въ обтянутомъ его худые члены, промокшемъ до нитки рубищѣ, качаясь отъ вѣтра, — въ недоумѣніи останавливается посреди дороги и исчезаетъ изъ моихъ глазъ.

Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, лить какъ изъ ведра; съ фризовой спины Василія текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшейся на фартукѣ. Сначала сбитае катушками пыль, превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса, толчки стали меньше и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣднѣе, и раскаты грома уже были не такъ поразительны за равномернымъ шумомъ дождя.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣть въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть виднѣется

ключекъ ясной лазури. Черезъ минуту робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на поло-сахъ падающаго, какъ сквозь сито мелкаго, пря-маго дождя и на обмытой, блестящей зелени до-рожной травы. Черная туча также грозно засти-лаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ея. Я испытываю невыразимо-отрад-ное чувство надежды въ жизни, быстро замѣняю-щее во мнѣ тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается такъ же, какъ и освѣженная, повесе-лѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ ее; Во-лодя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный, ду-шистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ каре-ты съ важами и чемоданами покачивается передъ нами, спины лошадей, шлеи, возжи, шины колесъ— все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги — необозримое озимое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрой землею и зеленью, и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго гори-зонता; съ другой стороны — осиновая роща, порос-шая орѣховымъ и черемухнымъ подѣдомъ, какъ бы въ избыткѣ счастья стоитъ, не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣт-лыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселой пѣснью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движеніе маленькихъ птичекъ и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса, послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіялки, прѣлага листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрая вѣтка распустив-шейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ. Не обращая даже вниманія на то, что къ сапогамъ моимъ липнутъ огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бѣгу къ окну кареты.

— Любочка! Катенька! кричу я, подавая туда нѣсколько вѣтокъ черемухи: — посмотри, какъ хорошо!

Дѣвочки пищать, ахаютъ; Мини кричитъ, чтобы я ушелъ, а то меня непременно раздавятъ.

— Да ты понюхай, какъ пахнетъ! кричу я.

ГЛАВА III.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Катенька сидѣла подлѣ меня въ бричкѣ и, скло-нивъ свою хорошенькую головку, задумчиво слѣ-дила за убѣгающей подъ колесами пыльной доро-гой. Я молча смотрѣлъ на нее и удивлялся тому не дѣтски грустному выраженію, которое въ пер-вый разъ встрѣчалъ на ея розовенькомъ личикѣ.

— А вотъ скоро мы и приѣдемъ въ Москву, сказалъ я: — какъ ты думаешь, какая она?

— Не знаю, отвѣчала она нехотя.

— Ну все-таки какъ ты думаешь: больше Сер-пухова или нѣтъ?...

— Что?

— Я ничего.

Но потому инстинктивному чувству, которымъ одинъ человѣкъ угадываетъ мысли другаго и ко-торое служитъ путеводною нитью разговора, Ка-тенька поняла, что мнѣ больно ея равнодушіе; она подняла голову и обратилась ко мнѣ:

— Папа говорилъ вамъ, что мы будемъ жить у бабушки?

— Говорилъ; бабушка хочетъ совсѣмъ съ нами жить.

— И всѣ будемъ жить?

— Разумѣется; мы будемъ жить на верху въ одной половинѣ; вы въ другой половинѣ; а папа во флигелѣ; а обѣдать будемъ всѣ вмѣстѣ, внизу у бабушки.

— Мама говоритъ, что бабушка такая важ-ная — сердитая?

— Нѣ-ѣтъ! Это только такъ кажется сначала. Она важная, но совсѣмъ не сердитая; напротивъ, очень добрая, веселая. Коли бы ты видѣла, какой балъ былъ въ ея именины!

— Все-таки я боюсь ея; да, впрочемъ, Богъ знаетъ, будемъ ли мы...

Катенька вдругъ замолчала и опять задумалась.

— Что-о? спросилъ я съ беспокойствомъ.

— Ничего, я такъ.

— Нѣтъ, ты что-то сказала: «Богъ знаетъ...»

— Такъ ты говорилъ, какой былъ балъ у ба-бушки.

— Да вотъ жалко, что васъ не было; гостей было пропасть, человѣкъ тысяча, музыка, генералы, и я танцевалъ... Катенька! сказалъ я вдругъ, оста-навливаясь въ серединѣ своего описанія: — ты не слушаешь?

— Нѣтъ, слышу; ты говорилъ, что ты танцевалъ.

— Отчего ты такая скучная?

— Не всегда же веселой быть.

— Нѣтъ, ты очень перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы приѣхали изъ Москвы. Скажи, по правдѣ, прибавилъ я съ рѣшительнымъ видомъ, поворачи-ваясь къ ней: — отчего ты стала какая-то стран-ная?

— Будто я странная? отвѣчала Катенька съ одушевленіемъ, которое доказывало, что мое за-мѣчаніе интересовало ее: — я совсѣмъ не странная.

— Нѣтъ, ты ужъ не такая, какъ прежде, про-должалъ я: — прежде видно было, что ты во всемъ съ нами за одно, что ты насъ считаешь какъ род-ными и любишь такъ же, какъ и мы тебя, а те-перь ты стала такая серьезная, удаляешься отъ насъ...

— Совсѣмъ нѣтъ...

— Нѣтъ, дай мнѣ договорить, перебилъ я, уже начиная ощущать легкое щекотанье въ носу, пред-

шествующее слезамъ, которыя всегда наворачивались мнѣ на глаза, когда я высказывалъ давно сдержанную задушевную мысль: — ты удаляешься отъ насъ, разговариваешь только съ Мими; какъ будто не хочешь насъ знать.

— Да вѣдь нельзя же всегда оставаться одинаковыми; надобно когда нибудь и перемениться, отвѣчала Катенька, которая имѣла привычку объяснять все какою-то фаталическою необходимостью, когда не знала, что говорить.

Я помню, что разъ, поссорившись съ Любочкой, которая назвала ее *глупой дѣвочкой*, она отвѣчала: не всѣмъ же умнымъ быть, надо и глупымъ быть; но меня не удовлетворилъ отвѣтъ, что надо же и перемениться когда нибудь, и я продолжалъ допрашивать:

— Для чего же это надо?

— Вѣдь не всегда же мы будемъ жить вмѣстѣ, отвѣчала Катенька, слегка краснѣя и пристально вглядываясь въ спину Филиппа. — Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была ея другомъ; а съ графиней, которая говорить, такая сердитая, еще, Богъ знаетъ, сойдутся ли онѣ? Кромѣ того, все-таки когда нибудь да мы разойдемся: вы богаты — у васъ есть Петровское, а мы бѣдныя — у маменьки ничего нѣтъ.

Вы богаты — мы бѣдны: эти слова и понятія связанныя съ ними показались мнѣ необыкновенно странны. Бѣдными по моимъ тогдашнимъ понятіямъ могли быть только нищіе и мужики, и это понятіе бѣдности я никакъ не могъ соединить въ своемъ воображеніи съ граціозной, хорошенькой Катей. Мнѣ казалось, что Мими и Катенька, ежели всегда жили, то всегда и будутъ жить съ нами и дѣлить все поровну. Иначе и быть не могло. Теперь же тысячи новыхъ, неясныхъ мыслей, касательно одинокаго положенія ихъ, заройлось въ моей головѣ и мнѣ стало такъ совѣстно, что мы богаты, а онѣ бѣдны, что я покраснѣлъ и не могъ рѣшиться взглянуть на Катеньку.

«Чтожъ такое, что мы богаты, а они бѣдны? — думалъ я — и какимъ образомъ изъ этого вытекаетъ необходимость разлуки? Отчегожъ намъ не раздѣлить поровну того, что имѣемъ? но я понималъ, что съ Катенькой не годится говорить объ этомъ и какой-то практической инстинктъ, въ противность этимъ логическимъ размышленіямъ, уже говорилъ мнѣ, что она права и что неумѣстно бы было объяснять ей свою мысль.

— Неужели точно ты уѣдешь отъ насъ? сказать я: — какъ же это мы будемъ жить врозь?

— Что же дѣлать, мнѣ самой больно; только ежели это случится, я знаю, что я сдѣлаю...

— Въ актрисы пойдешь... вотъ глупости! подхватилъ я, зная, что быть актрисой было всегда любимой мечтой ея.

— Нѣтъ, это я говорила, когда была маленькой...

— Такъ что же ты сдѣлаешь?

— Пойду въ монастырь и буду тамъ жить, буду

ходить въ черненькомъ платьѣцѣ, въ бархатной шапочкѣ.

Катенька заплакала.

Случалось ли вамъ, читатель, въ извѣстную пору жизни, вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые вы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другой неизвѣстной еще стороной? Такого рода моральная перемѣна произошла во мнѣ въ первый разъ, во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества.

Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т. е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это; но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ.

Мысль переходитъ въ убѣжденіе только однимъ извѣстнымъ путемъ, часто совершенно неожиданнымъ и особеннымъ отъ путей, которые, чтобы приобрести тоже убѣжденіе, проходятъ другіе умы. Разговоръ съ Катенькой, сильно тронувшей меня и заставившей задуматься надъ ея будущимъ положеніемъ, былъ для меня этимъ путемъ. Когда я глядѣлъ на деревни и города, которые мы проѣзжали, въ которыхъ въ каждомъ домѣ жило по крайней мѣрѣ такое же семейство, какъ наше, на женщинъ, дѣтей, которыя съ минутнымъ любопытствомъ смотрѣли на экипажъ и навсегда исчезали изъ глазъ, на лавочниковъ, мужиковъ, которые не только не кланялись намъ, какъ я привыкъ видѣть это въ Петровскомъ, но не удостоивали насъ даже взглядомъ, мнѣ въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: что же ихъ можетъ занимать, ежели они нисколько не заботятся о насъ? и изъ этого вопроса возникли другіе: какъ и чѣмъ они живутъ, какъ воспитываютъ своихъ дѣтей, учатъ ли ихъ, пускаютъ ли играть, какъ наказываютъ? и т. д.

ГЛАВА IV.

ВЪ МОСКВѢ.

Съ приѣздомъ въ Москву перемѣна моего взгляда на предметы, лица и свое отношеніе къ нимъ стала еще ощутительнѣе.

При первомъ свиданіи съ бабушкой, когда я увидалъ ея худое морщинистое лицо и потухшіе глаза, чувство подобострастнаго уваженія и страха, которые я къ ней испытывалъ, замѣнились состраданіемъ; а когда она, припавъ лицомъ къ головѣ Любочки, зарыдала, такъ какъ будто передъ ея глазами былъ трупъ ея любимой дочери, даже чувствомъ любви замѣнилось во мнѣ состраданіе. Мнѣ было неловко видѣть ея печаль при свиданіи

съ нами; я сознавалъ, что мы сами по себѣ ничто въ ея глазахъ, что мы ей дороги только какъ воспоминаніе, я чувствовалъ, что въ каждомъ поцалувѣ, которыми она покрывала мои щеки, выражалась одна мысль: ея нѣтъ, она умерла; я не вижу ея больше!

Папа, который въ Москвѣ почти совсѣмъ не занимался нами, и съ вѣчно озабоченнымъ лицомъ только къ обѣду приходилъ къ намъ, въ черномъ сюртукѣ или фракѣ, — вмѣстѣ съ своими большими выпущенными воротничками рубашки, халатомъ, старостами, прикащиками, прогулками на гумно и охотой, много потерялъ въ моихъ глазахъ. Карлъ Ивановичъ, котораго бабушка называла *дядькой* и который вдругъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, вздумалъ замѣнить свою почтенную знакомую мнѣ лысину рыжимъ парикомъ съ нитянымъ проборомъ почти по срединѣ головы, показался мнѣ такъ страненъ и смѣшонъ, что я удивлялся, какъ могъ я прежде не замѣчать этого.

Между дѣвочками и нами тоже появилась какая-то невидимая преграда; у нихъ и у насъ были уже свои секреты; какъ будто онѣ гордились передъ нами своими юбками, которыя становились длиннѣе, а мы своими панталонами со штрипками. Мими же въ первое воскресенье вышла къ обѣду въ такомъ пышномъ платьѣ и съ такими лентами на головѣ, что ужъ сейчасъ видно было, что мы не въ деревнѣ и теперь все пойдетъ иначе.

ГЛАВА V.

СТАРШІЙ БРАТЪ.

Я былъ только годомъ и нѣсколькими мѣсяцами моложе Володи; мы росли, учились и играли всегда вмѣстѣ. Между нами не дѣлали различія старшаго и младшаго; но именно около того времени, о которомъ я говорю, я началъ понимать, что Володя не товарищъ мнѣ по годамъ, наклонностямъ и способностямъ. Мнѣ даже казалось, что Володя самъ сознаетъ свое первенство и гордится имъ. Такое убѣжденіе, можетъ быть и ложное, внушало мнѣ самолюбіе, страдавшее при каждомъ столкновеніи съ нимъ. Онъ во всемъ стоялъ выше меня: въ забавахъ, въ ученіи, въ ссорахъ, въ умѣнн держатъ себя, и все это отдаляло меня отъ него и заставляло испытывать непонятныя для меня моральныя страданія. Ежели бы, когда Володѣ въ первый разъ сдѣлали голландскія рубашки со складками, я сказалъ прямо, что мнѣ весьма досадно не имѣть такихъ, я увѣренъ, что мнѣ стало бы легче и не казалось бы всякій разъ, когда онъ оправлялъ воротнички, что онъ дѣлаетъ это для того только, чтобы оскорбить меня.

Меня мучило больше всего то, что Володя, какъ мнѣ иногда казалось, понималъ меня, но старался скрывать это.

Кто не замѣчалъ тѣхъ таинственныхъ безсловесныхъ отношеній, проявляющихся въ незамѣтной улыбкѣ, движеніи или взглядѣ между людьми, живущими постоянно вмѣстѣ: братьями, друзьями, мужемъ и женой, господиномъ и слугой, въ особенности когда люди эти не во всемъ откровенны между собой. Сколько недосказанныхъ желаній, мыслей и страха — быть понятымъ — выражается въ одномъ случайномъ взглядѣ, когда робко и нерѣшительно встрѣчаются ваши глаза!

Но можетъ быть меня обманывала въ этомъ отношеніи моя излишняя воспримчивость и склонность къ анализу; можетъ быть Володя совсѣмъ и не чувствовалъ того же, что я. Онъ былъ пылокъ, откровененъ и непостояненъ въ своихъ увлеченіяхъ. Увлекаясь самыми разнородными предметами, онъ предавался имъ всей душой.

То вдругъ на него находила страсть къ картинкамъ: онъ самъ принимался рисовать, покупалъ на всѣ свои деньги, выпрашивалъ у рисовальнаго учителя, у папа, у бабушки; то страсть къ вещамъ, которыми онъ украшалъ свой столикъ, собирая ихъ по всему дому; то страсть къ романамъ, которые онъ доставалъ потихоньку и читалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ... Я невольно увлекался его страстями; но былъ слишкомъ гордъ, чтобы идти по его слѣдамъ, и слишкомъ молодъ и несамостоятеленъ, чтобы избрать новую дорогу. Но ничему я не завидовалъ столько, какъ счастливому, благородно-откровенному характеру Володи, особенно рѣзко выражавшемуся въ ссорахъ, случавшихся между нами. Я чувствовалъ, что онъ поступаетъ хорошо, но не могъ подражать ему.

Однажды, во время сильнѣйшаго пыла его страсти къ вещамъ, я подошелъ къ его столу и разбилъ, нечаянно, пустой разноцвѣтный флакончикъ.

— Кто тебя просилъ трогать мои вещи? — сказалъ вошедшій въ комнату Володя, замѣтивъ разстройство, произведенное мною въ симетріи разнообразныхъ украшеній его столика: — а гдѣ флакончикъ? непременно ты...

— Нечаянно уронилъ; онъ и разбился, чтожь за бѣда?

— Сдѣлай милость, никогда не смѣй прикасаться къ моимъ вещамъ, сказалъ онъ, составляя куски разбитаго флакончика и съ сокрушеніемъ глядя на нихъ.

— Пожалуйста не командуй, отвѣчалъ я. — Разбилъ, такъ разбилъ; чтожь тутъ говорить!

И я улыбнулся, хотя мнѣ совсѣмъ не хотѣлось улыбаться.

— Да, тебѣ ничего, а мнѣ *чего*, продолжалъ Володя, дѣлая жестъ подергиванія плечомъ, который онъ наслѣдовалъ отъ папа: — разбилъ, да еще и смѣется, этакой несносный мальчишка!

— Я мальчишка; а ты большой да глупый.

— Не намѣренъ съ тобой браниться, сказалъ Володя, слегка отталкивая меня: — убирайся.

— Не толкайся!

— Убирайся!

— Я тебѣ говорю, не толкайся!

Володя взялъ меня за руку и хотѣлъ оттащить отъ стола; но я уже былъ раздраженъ до послѣдней степени: схватилъ столъ за ножку и опрокинулъ его. «Такъ вотъ же тебѣ!» и всѣ фарфоровыя и хрустальныя украшенія съ дребезгомъ полетѣли на полъ.

— Отвратительный мальчишка!... закричалъ Володя, стараясь поддержать падающія вещи.

— Ну теперь все кончено между нами, думалъ я, выходя изъ комнаты: мы навѣкъ поссорились.

До вечера мы не говорили другъ съ другомъ; я чувствовалъ себя виноватымъ, боялся взглянуть на него и цѣлый день не могъ ничѣмъ заняться; Володя, напротивъ, учился хорошо и, какъ всегда, послѣ обѣда разговаривалъ и смѣялся съ дѣвочками.

Какъ только учитель кончалъ классъ, я выходилъ изъ комнаты: мнѣ страшно, неловко и совѣстно было оставаться одному съ братомъ. Послѣ вечерняго класса исторіи, я взялъ тетради и направился къ двери. Проходя мимо Володи, несмотря на то, что мнѣ хотѣлось подойти и помириться съ нимъ, я надулся и старался сдѣлать сердитое лицо. Володя въ это самое время поднималъ голову и съ чуть замѣтной, добродушно-насмѣшливой улыбкой, смѣло посмотрѣлъ на меня. Глаза наши встрѣтились, и я понималъ, что онъ понимаетъ меня, и то, что я понимаю, что онъ понимаетъ меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

— Николенька! сказалъ онъ мнѣ самымъ простымъ, нисколько не патетическимъ голосомъ: — полно сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидѣлъ.

И онъ подаль мнѣ руку.

Какъ будто, поднимаясь все выше и выше, что-то вдругъ стало давить меня въ груди и захватывать дыханіе; но это продолжалось только одну секунду: на глазахъ показались слезы, и мнѣ стало легче.

— Прости... ме...ня Вол...дя! сказалъ я, пожимая его руку.

Володя смотрѣлъ на меня однако такъ, какъ будто никакъ не понималъ, отчего у меня слезы на глазахъ...

ГЛАВА VI.

М А Ш А.

Но ни одна изъ переменъ, происшедшихъ въ моемъ взглядѣ на вещи, не была такъ поразительна для самаго меня, какъ та, вслѣдствіе которой въ одной изъ нашихъ горничныхъ, я пересталъ видѣть слугу женскаго пола, а сталъ видѣть *женщину*, отъ которой могли зависѣть, въ нѣкоторой степени, мое спокойствіе и счастье.

Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, помню я и Машу въ нашемъ домѣ и никогда, до случая пе-

ремѣниваго совершенно мой взглядъ на нее и про который я расскажу сейчасъ—я не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Машѣ было лѣтъ двадцать-пять, когда мнѣ было четырнадцать; она была очень хороша; но я боюсь описывать ее, боюсь чтобы воображеніе снова не представило мнѣ обворожительный и обманчивый образъ, составившійся въ немъ во время моей страсти. Чтобы не ошибиться, скажу только, что она была необыкновенно бѣла, роскошно развита и была женщина; а мнѣ было четырнадцать лѣтъ.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда съ урокомъ въ рукѣ, занимаешься прогулкой по комнатѣ, стараясь ступать только по однимъ щелямъ половицы, или пѣниемъ какого нибудь несообразнаго мотива, или размазываніемъ чернилъ по краю стола, или повтореніемъ безъ всякой мысли, какого нибудь изреченія — однимъ словомъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда умъ отказывается отъ работы и воображеніе, взявъ верхъ, ищетъ впечатлѣній, я вышелъ изъ классной и безъ всякой цѣли спустился къ площадкѣ.

Кто-то въ башмакахъ пошелъ вверхъ по другому повороту лѣстницы. Разумѣется мнѣ захотѣлось знать, кто это? но вдругъ шумъ шаговъ замолкъ и я услышалъ голосъ Маши: «ну васъ, что вы балуетесь, а какъ Марія Ивановна прійдетъ — развѣ хорошо будетъ?»

«Не прійдетъ, шопотомъ сказалъ голосъ Володи, и вслѣдъ за этимъ, что-то зашевелилось, какъ будто Володя хотѣлъ удержать ее.

«Ну, куда руки суете? Безстыдникъ! и Мама, съ сдернутой на бокъ косынкой, изъ-подъ которой виднѣлась бѣлая, полная шея, пробѣжала мимо меня.

Не могу выразить до какой степени меня изумило это открытіе, однако чувство изумленія скоро уступило мѣсто сочувствію поступку Володи: меня уже не удивлялъ самый его поступокъ, но то, какимъ образомъ онъ постигъ, что пріятно такъ поступать. И мнѣ невольно захотѣлось подражать ему.

Я по цѣлымъ часамъ проводилъ иногда на площадкѣ, безъ всякой мысли, съ напряженнымъ вниманіемъ, прислушиваясь къ малѣйшимъ движеніямъ, происходившимъ наверху; но никогда не могъ принудить себя подражать Володѣ, не смотря на то, что мнѣ этого хотѣлось больше всего на свѣтѣ. Иногда, притаившись за дверь, я съ тяжелымъ чувствомъ зависти и ревности слушалъ возню, которая поднималась въ дѣвичьей и мнѣ приходило въ голову; каково бы было мое положеніе, ежели бы я пришелъ на верхъ и также, какъ Володя захотѣлъ бы поцаловать Машу? что-бы я сказалъ съ своимъ широкимъ носомъ и торчавшими вихрами, когда бы она спросила у меня чего мнѣ нужно? Иногда я слышалъ, какъ Мама говорила Володѣ: вотъ наказанье! что же вы въ самомъ дѣлѣ пристали ко мнѣ, идите отсюда, шалунъ этакой... отчего Николай Петровичъ ни-

когда не ходить сюда и не дурачиться... Она не знала, что Николай Петровичъ, сидитъ въ эту минуту подъ лѣстницею и все на свѣтѣ готовъ отдать, чтобы только быть на мѣстѣ шалуна Володи.

Я былъ стыдливъ отъ природы, но стыдливость моя еще увеличивалась убѣжденіемъ въ моей уродливости. А я убѣжденъ, что ничто не имѣетъ такого разительнаго вліянія на направленіе чловѣка, какъ наружность его и не столько самая наружность, сколько убѣжденіе въ привлекательности или непривлекательности ея.

Я былъ слишкомъ самолюбивъ, чтобы привыкнуть къ своему положенію, утѣшался, какъ лисица, увѣряя себя, что виноградъ еще зеленъ, т. е. старался презирать всѣ удовольствія, доставляемыя пріятной наружностью, которыми на моихъ глазахъ пользовался Володя, и которымъ я отъ души завидовалъ и напрягалъ всѣ силы своего ума и воображенія, чтобы находить наслажденія въ гордомъ одиночествѣ.

ГЛАВА VII.

ДРОБЬ.

— Боже мой, порохъ!.. воскликнула Мими задыхающимся отъ волненія голосомъ. — Что вы дѣлаете? Вы хотите сжечь домъ, погубить всѣхъ насъ...

И съ неописаннымъ выраженіемъ твердости духа, Мими приказала всѣмъ посторониться, большими, рѣшительными шагами подошла къ разсыпанной дробѣ и, презирая опасность, могущую произойти отъ неожиданнаго взрыва, начала топтать ее ногами. Когда по ея мнѣнію опасность уже миновалась, она позвала Михѣя и приказала ему выбросить весь этотъ *порохъ* куда нибудь подалѣе, или всего лучше въ воду, и гордо встряхивая чепцомъ, направилась къ гостиницѣ. «Очень хорошо за ними смотреть, нечего сказать», проворчала она.

Когда папа пришелъ изъ флигеля и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли къ бабушкѣ, въ комнатѣ ея уже сидѣла Мими около окна и съ какимъ-то таинственно-официальнымъ выраженіемъ грозно смотрѣла мимо двери. Въ рукѣ ея находилось что-то завернутое въ нѣсколько бумажекъ. Я догадался, что это была дробь и что бабушкѣ уже все извѣстно.

Кромѣ Мими, въ комнатѣ бабушки находились еще горничная Гаша, которая, какъ замѣтно было по ея гнѣвному, раскраснѣвшемуся лицу, была сильно разстроена, и докторъ Блюменталь, маленький, рябоватый чловѣчекъ, который тщетно старался успокоить Гашу, дѣлая ей глазами и головой таинственные, миротворные знаки.

Сама бабушка сидѣла нѣсколько бокомъ и раскладывала пасьянсъ — *Путешественникъ*, что все-

гда означало весьма неблагопріятное расположеніе духа.

— Какъ себя чувствуете нынче, татап? хорошо ли почивали? сказалъ папа, почтительно цалуя ея руку.

— Прекрасно мой милый; кажется знаете, что я всегда совершенно здорова, отвѣчала бабушка такимъ тономъ, какъ будто вопросъ папа былъ самый неумѣстный и оскорбительный вопросъ. — Чтожъ, хотите вы мнѣ дать чистый платокъ? продолжала она, обращаясь къ Гашѣ.

— Я вамъ подала, отвѣчала Гаша, указывая на бѣлый какъ снѣгъ батистовый платокъ, лежавшій на ручкѣ креселъ.

— Возьмите эту грязную ветошку и дайте мнѣ чистый, моя милая.

Гаша подошла къ шифоньеркѣ, выдвинула ящикъ и такъ сильно хлопнула имъ, что стекла задрожали въ комнатѣ. Бабушка грозно оглянулась на всѣхъ насъ и продолжала пристально слѣдить за всѣми движеніями горничной. Когда она подала ей, какъ мнѣ показалось, тотъ же самый платокъ, бабушка сказала:

— Когда же вы мнѣ натрете табакъ, моя милая?

— Время будетъ, такъ натру.

— Что вы говорите?

— Натру нынче.

— Ежели вы не хотите мнѣ служить, моя милая, вы бы такъ и сказали: я бы давно васъ отпустила.

— И отпустите, не заплачутъ, проворчала въ полголоса горничная.

Въ это время докторъ началъ было мигать ей; но она такъ гнѣвно и рѣшительно посмотрѣла на него, что онъ тотчасъ же потупился и занялся ключикомъ своихъ часовъ.

— Видите, мой милый, сказала бабушка, обращаясь къ папа, когда Гаша, продолжая ворчать, вышла изъ комнаты: — какъ со мной говорятъ въ моемъ домѣ?

— Позвольте, татап, я самъ натру вамъ табакъ, сказалъ папа, приведенный, по видимому, въ большое затрудненіе этимъ неожиданнымъ обращеніемъ.

— Нѣтъ ужъ, благодарю васъ: она вѣдь оттого такъ и груба, что знаетъ, никто кромѣ нея не умѣетъ стереть табакъ, какъ я люблю. Вы знаете, мой милый, продолжала бабушка, послѣ минутнаго молчанія: — что ваши дѣти нынче чуть было домъ не сожгли?

Папа съ почтительнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на бабушку.

— Да, они вотъ чѣмъ играютъ. Покажите имъ, сказала она, обращаясь къ Мими.

Папа взялъ въ руки дробь и не могъ не улыбнуться.

— Да это дробь, татап, сказалъ онъ: — это совсѣмъ не опасно.

— Очень вамъ благодарна, мой милый, что вы меня учите, только ужъ я стара слишкомъ...

— Нервы, нервы! прошепталъ докторъ.

И папа тотчасъ обратился къ намъ:

— Гдѣ вы это взяли? и какъ смѣете шалить такими вещами?

— Нечего ихъ спрашивать, а надо спросить ихъ *дядьку*, сказала бабушка, особенно презрительно выговаривая слово *дядька*: — что онъ смотритъ?

— Вольдемаръ сказалъ, что самъ Карлъ Ивановичъ далъ ему этотъ *порохъ*, подхватила Мими.

— Ну вотъ видите, какой онъ хорошій, продолжала бабушка: — и гдѣ онъ, этотъ *дядька* какъ бишь его? пошлите его сюда.

— Я его отпустилъ въ гости, сказалъ папа.

— Это не резонъ; онъ всегда долженъ быть здѣсь. Дѣти не мои, а ваши, и я не имѣю права совѣтовать вамъ; потому что вы умнѣ меня, продолжала бабушка: — но кажется пора бы для нихъ нанять гувернера, а не *дядьку*, пѣмецкаго мужика. Да, глупаго мужика, который ихъ ничему научить не можетъ, кромѣ дурнымъ манерамъ и тирольскимъ пѣснямъ. Очень нужно, я васъ спрашиваю, дѣтямъ умѣть пѣть тирольскія пѣсни. Впрочемъ, *теперь* не кому объ этомъ подумать, и вы можете дѣлать, какъ хотите.

Слово «теперь» значило: когда у нихъ нѣтъ матери, и вызвало грустныя воспоминанія въ сердцѣ бабушки — она опустила глаза на табакерку съ портретомъ и задумалась.

— Я давно уже думалъ объ этомъ, поспѣшилъ сказать папа: — и хотѣлъ посовѣтоваться съ вами, татапа: не пригласить ли намъ St. Jérôme'a, который теперь по билетамъ даетъ имъ уроки?

— И прекрасно сдѣлаешь, мой другъ, сказала бабушка уже не тѣмъ недовольнымъ голосомъ, которымъ говорила прежде: — St. Jérôme по-крайнеймѣръ *gouverneur*, который пойметъ, какъ нужно вести *des enfants de bonne maison*, а не простой *menin дядька*, который годенъ только на то, чтобы водить ихъ гулять.

— Я завтра же поговорю съ нимъ, сказалъ папа.

И дѣйствительно черезъ два дня послѣ этого разговора, Карлъ Ивановичъ уступилъ свое мѣсто молодому щеголю французу.

ГЛАВА VIII.

ИСТОРІЯ КАРЛА ИВАНЫЧА.

Поздно вечеромъ наканунѣ того дня, въ который Карлъ Ивановичъ долженъ былъ навсегда уѣхать отъ насъ, онъ стоялъ въ своемъ ваточномъ халатѣ и красной шапочкѣ подлѣ кровати и, нагнувшись надъ чемоданомъ, тщательно укладывалъ въ него свои вещи.

Обращеніе съ нами Карла Ивановича въ послѣднее время было какъ-то особенно сухо: онъ какъ будто избѣгалъ всякихъ съ нами сношеній. Вотъ и

теперь, когда я вошелъ въ комнату, онъ взглянулъ на меня изъ подлобья и снова принялся за дѣло. Я прилегъ на свою постель, но Карлъ Ивановичъ, прежде строго запрещавшій дѣлать это, ничего не сказалъ мнѣ и мысль, что онъ больше не будетъ ни бранить, ни останавливать насъ, что ему нѣтъ теперь до насъ никакого дѣла, живо напомнила мнѣ предстоящую разлуку. Мнѣ стало грустно, что онъ разлюбилъ насъ, и хотѣлось выразить ему это чувство.

— Позвольте, я помогу вамъ, Карлъ Ивановичъ, сказалъ я, подходя къ нему.

Карлъ Ивановичъ взглянулъ на меня и снова отвернулся, но въ бѣгломъ взглядѣ, который онъ бросилъ на меня, я прочелъ не равнодушіе — которымъ объяснялъ его холодность, но искреннюю, сосредоточенную печаль.

— Богъ все видитъ и все знаетъ, и на все Его святая воля, сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и тяжело вздыхая. — Да, Николинька, продолжалъ онъ, замѣтивъ выраженіе непритворнаго участія, съ которымъ я смотрѣлъ на него: — моя судьба быть несчастливымъ съ самаго моего дѣтства и по гробовую доску. Мнѣ всегда платили зломъ за добро, которое я дѣлалъ людямъ, и моя награда не здѣсь, а оттуда, сказалъ онъ, указывая на небо. — Когда бъ вы знали мою исторію и все, что я перенесъ въ этой жизни!.. Я былъ сапожникъ, я былъ солдатъ, я былъ *дезертиръ*, я былъ фабрикантъ, я былъ учитель, и теперь я нуль! и мнѣ, какъ сыну Божію, некуда преклонить свою голову, заключилъ онъ и, закрывъ глаза опустился въ свое кресло.

Замѣтивъ, что Карлъ Ивановичъ находился въ томъ чувствительномъ расположеніи духа, въ которомъ онъ, не обращая вниманія на слушателей, высказывалъ для самаго себя свои душевныя мысли, я, молча и не спуская глазъ съ его добраго лица, сѣлъ на кровать.

— Вы не дитя, вы можете понимать. Я вамъ скажу свою исторію и все, что я перенесъ въ этой жизни. Когда нибудь вы вспомните стараго друга, который васъ очень любилъ, дѣти!..

Карлъ Ивановичъ облокотился рукою о столикъ, стоявшій подлѣ него, понюхалъ табакъ и, закативъ глаза къ небу, тѣмъ особеннымъ, мѣрнымъ, горловымъ голосомъ, которымъ онъ обыкновенно диктовалъ намъ, началъ такъ свое повѣствованіе:

— Я былъ несчастливъ ишо во чрева моей матери. Das Unglück verfolgte mich schon im Schoosse meiner Mutter! повторилъ онъ еще съ большимъ чувствомъ.

Такъ какъ Карлъ Ивановичъ не одинъ разъ, въ одинаковомъ порядкѣ, одинѣхъ и тѣхъ же выраженійхъ и съ постоянно-неизмѣняемыми интонаціямъ, рассказывалъ мнѣ вполнѣдствіи свою исторію, я надѣюсь передать ее почти слово въ слово; разумѣется, исключая неправильности языка, о которой читатель можетъ судить по первой фразѣ. Была ли это дѣйствительно его исторія,

или произведеіе фантазіи, родившееся во время его одинокой жизни въ нашемъ домѣ, которому онъ и самъ началъ вѣрить отъ частаго повторенія, или онъ только украсилъ фантастическими фактами дѣйствительныя событія своей жизни — не рѣшилъ еще я до сихъ поръ. Съ одной стороны, онъ съ слишкомъ живымъ чувствомъ и методическою послѣдовательностью, составляющими главные признаки правдоподобности, рассказывалъ свою исторію, чтобы можно было не вѣрить ей; съ другой стороны, слишкомъ много поэтическихъ красотъ въ его исторіи; такъ-что именно красоты эти вызывали сомнѣнія.

«Въ жилахъ моихъ течетъ благородная кровь графовъ фонъ Зомерблатъ! In meinen Adern fließt das edle Blut des Grafen von Sommerblatt! Я родился шесть недѣль послѣ свадьбы. Мужъ моей матери (я звалъ его папенька) былъ арендаторъ у графа Зомерблатъ. Онъ не могъ позабыть стыда моей матери и не любилъ меня. У меня былъ маленький братъ Johann и двѣ сестры; но я былъ чужой въ своемъ собственномъ семействѣ! Ich war ein Fremder in meiner eigenen Familie! Когда Johann дѣлалъ глупости, папенька говорилъ: «съ этимъ ребенкомъ Карломъ мнѣ не будетъ минуты покоя!» меня бранили и наказывали. Когда сестры сердились между собой, папенька говорилъ: «Карлъ никогда не будетъ послушный мальчикъ!» меня бранили и наказывали. Одна моя добрая маменька любила и ласкала меня. Часто она говорила мнѣ: «Карлъ! подите сюда въ мою комнату», и она потихоньку цаловала меня. «Бѣдный, бѣдный Карлъ! — сказала она — никто тебя не любитъ, но я ни на кого тебя не промѣняю. Объ одномъ тебя просить твоя маменька — говорила она мнѣ: — учись хорошенько и будь всегда честнымъ человѣкомъ, Богъ не оставитъ тебя! Trachte nur ein ehrlieber Deutscher zu werden — sagte sie — und der liebe Gott wird dich nicht verlassen!» И я старался. Когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ и я могъ идти къ причастію, моя маменька сказала моему папенькѣ: «Карлъ сталъ большой мальчикъ, Густавъ; что мы будемъ съ нимъ дѣлать?» И папенька сказалъ: «я не знаю». Тогда маменька сказала: «отдадимъ его въ городъ къ г. Шульцъ, пускай онъ будетъ сапожникъ!» и папенька сказалъ «хорошо», und mein Vater sagte «gut». Шесть лѣтъ и семь мѣсяцевъ я жилъ въ городѣ у сапожнаго мастера, и хозяинъ любилъ меня. Онъ сказалъ: «Карлъ хороший работникъ и скоро онъ будетъ моимъ Geselle!», по... человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... въ 1796 году была назначена Conscriptio, и всѣ, кто могъ служить, отъ восемнадцати до двадцать-перваго года должны были собраться въ городъ.

«Папенька и братъ Johann приѣхали въ городъ, и мы вмѣстѣ пошли бросить Loos, кому быть Soldat и кому не быть Soldat. Johann вытащилъ дурной нумеро — онъ долженъ быть Soldat, я вы-

тащилъ хорошій нумеро — я не долженъ быть Soldat. И папенька сказалъ: «у меня былъ одинъ сынъ и съ тѣмъ я долженъ разстаться! Ich hatte einen einzigen Sohn und von diesem muss ich mich trennen!»

«Я взялъ его за руку и сказалъ: «зачѣмъ вы сказали такъ, папенька? Пойдемте со мной, я вамъ скажу что-нибудь.» И папенька пошелъ. Папенька пошелъ, и мы сѣли за маленькой столикъ. «Дайте намъ пару Bierkrug», я сказалъ, и намъ принесли. Мы выпили по стаканчикъ, и братъ Johann тоже выпилъ.

«— Папенька! я сказалъ: — не говорите такъ, что «у васъ былъ одинъ сынъ и вы съ тѣмъ должны разстаться», у меня сердце хочетъ *выпрыгнуть*, когда я *этого* слышу. Братъ Johann не будетъ служить — я буду Soldat!.. Карлъ здѣсь никому не нуженъ, и Карлъ будетъ Soldat.

«— Вы честный человѣкъ, Карлъ Ивановичъ! сказалъ мнѣ папенька и подаловалъ меня. — Du bist ein braver Bursche! sagte mir mein Vater und küsste mich!»

«И я былъ Soldat!»

ГЛАВА IX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ.

«Тогда было страшное время, Николинька — продолжалъ Карлъ Ивановичъ — тогда былъ Наполеонъ. Онъ хотѣлъ завоевать Германію, и мы защищали свое отечество до послѣдней капли крови! und wir vertheidigten unser Vaterland bis auf den letzten Tropfen Blut!

«Я былъ подъ Ульмъ, я былъ подъ Аустерлицъ! я былъ подъ Ваграмъ! ich war bei Wagram!»

— Неужели вы тоже воевали? спросилъ я, съ удивленіемъ глядя на него. — Неужели вы тоже убивали людей?

Карлъ Ивановичъ тотчасъ же успокоилъ меня на этотъ счетъ.

«Одинъ разъ французскій Grenadier отсталъ отъ своихъ и упалъ на дорогѣ. Я прибѣжалъ съ ружьемъ и хотѣлъ проколотъ его, aber der Franzose warf sein Gewehr und rief pardon, и я пустилъ его!

«Подъ Ваграмъ Наполеонъ загналъ насъ на островъ и окружилъ такъ, что никуда не было спасенія. Трое сутокъ у насъ не было провіанта, и мы стояли въ водѣ по колѣнки. Злюди Наполеонъ не бралъ и не пускалъ насъ! und der Bösewicht Napoleon wollte uns nicht gefangen nehmen und auch nicht freilassen!

«На четвертые сутки насъ, слава Богу, взяли въ плѣнъ и отвели въ крѣпость. На мнѣ былъ синій панталонъ, мундиръ изъ хорошаго сукна, пятнадцать талеровъ денегъ и серебряныя часы — подарокъ моего папеньки. Французскій Soldat все взялъ у меня. На мое счастье у меня было три червонца, которые маменька зашила мнѣ подъ фуфайку. Ихъ никто не нашелъ!

«Въ крѣпости я не хотѣлъ долго оставаться и рѣшился бѣжать. Одинъ разъ, въ большой праздникъ, я сказалъ сержанту, который смотрѣлъ за нами: «Г. сержантъ, нынче большой праздникъ, я хочу вспомнить его. Принесите пожалуйста двѣ бутылочки мадеръ, и мы вмѣстѣ выпьемъ ее.» И сержантъ сказалъ: «хорошо». Когда сержантъ принесъ мадеръ и мы выпили по рюмочкѣ, я взялъ его за руку и сказалъ: «Г. сержантъ можетъ быть и у васъ есть отецъ и мать?..» Онъ сказалъ: «есть, г. Мауеръ...» — «Мой отецъ и мать — я сказалъ — восемь лѣтъ не видали меня и не знаютъ, живъ ли я, или кости мои давно лежатъ въ сырой землѣ. О, г. сержантъ! у меня есть два червонца, которые были подѣ моей фуфайкой, возьмите ихъ и пустите меня. Будьте моимъ благодѣтелемъ, и моя маменька всю жизнь будетъ молить за васъ всемогущаго Бога.»

«Сержантъ выпилъ рюмочку мадеры и сказалъ: «Г. Мауеръ, я очень люблю и жалѣю васъ, но вы плѣнный, а я Soldat!» Я пожалъ его за руку и сказалъ: «г. сержантъ!» *ich drückte ihm die Hand und sagte: «Herr Serjant!»*

«И сержантъ сказалъ: «Вы бѣдный человѣкъ, и я не возьму ваши деньги, но помогу вамъ. Когда я пойду спать, купите ведро водки солдатамъ, и они будутъ спать. Я не буду смотрѣть на васъ.»

«Онъ былъ добрый человѣкъ. Я купилъ ведро водки, и когда Soldat были пьяны, я надѣлъ сапоги, старый шинель и потихонько вышелъ за дверь. Я пошелъ на валъ и хотѣлъ прыгнуть, но тамъ была вода, и я не хотѣлъ спортить послѣднее платье: я пошелъ въ ворота.

«Часовой ходилъ съ ружьемъ auf und ab и смотрѣлъ на меня. «Qui vive?» sagte er auf ein mal, и я молчалъ. «Qui vive?» sagte er zum zweiten Mal, и я молчалъ. «Qui vive?» sagte er zum dritten Mal и я былъ. Я прыгнулъ въ вода, влезъ на другую сторону и пустилъ. *Ich sprang in's Wasser, kletterte auf die andere Seite und machte mich aus dem Staube.*

«Цѣлую ночь я бѣжалъ по дорогѣ, но когда разсвѣло, я боялся, что бы меня не узнали, и спрятался въ высокую рожь. Тамъ я сталъ на колѣнки, сложилъ руки, поблагодарилъ Отца Небеснаго за свое спасеніе и съ покойнымъ чувствомъ заснулъ. *Ich dankte dem Allmächtigen Gott für Seine Barmherzigkeit und mit beruhigtem Gefühl schlief ich ein.*

«Я проснулся вечеромъ и пошелъ дальше. Вдругъ большая нѣмецкая фура въ двѣ вороныя лошади догнала меня. Въ фурѣ сидѣлъ хорошо одѣтый человѣкъ, курилъ трубочку и смотрѣлъ на меня. Я пошелъ потихоньку, чтобы фура обогнала меня, но я шелъ потихоньку, и фура бѣжала потихоньку, и человѣкъ смотрѣлъ на меня; я шелъ поскорѣе, и фура бѣжала поскорѣе, и человѣкъ смотрѣлъ на меня. Я сѣлъ на дорогѣ; человѣкъ остановилъ своихъ лошадей и смотрѣлъ на меня. «Молодой человѣкъ — онъ сказалъ — куда вы

идете такъ поздно?» Я сказалъ: «я иду въ Франкфуртъ.» — «Садитесь въ мою фуру, мѣсто есть и я доведу васъ... Отчего у васъ ничего нѣтъ съ собой, борода ваша не брита и платье ваше въ грязи?» сказалъ онъ мнѣ, когда я сѣлъ съ нимъ. «Я бѣдный человѣкъ — я сказалъ — хочу наняться гдѣ нибудь на фабрику; а платье мое въ грязи оттого, что я упалъ на дорогѣ.» — «Вы говорите неправду, молодой человѣкъ — сказалъ онъ — по дорогѣ теперь сухо».

«И я молчалъ.

«— Скажите мнѣ всю правду, сказалъ мнѣ добрый человѣкъ: — кто вы и откуда идете? лицо ваше мнѣ понравилось, и ежели вы честный человѣкъ, я помогу вамъ.

«И я все сказалъ ему. Онъ сказалъ: «хорошо, молодой человѣкъ, поѣдемте на мою канатную фабрику. Я дамъ вамъ работу, платье, деньги, и вы будете жить у меня.

«И я сказалъ: «хорошо».

Мы приѣхали на канатную фабрику, и добрый человѣкъ сказалъ своей женѣ: «вотъ молодой человѣкъ, который сражался за свое отечество и бѣжалъ изъ плѣна; у него нѣтъ ни дома, ни платья, ни хлѣба. Онъ будетъ жить у меня. Дайте ему чистое бѣлье и покормите его.»

«Я полтора года жилъ на канатной фабрикѣ, и мой хозяинъ такъ полюбилъ меня, что не хотѣлъ пустить. И мнѣ было хорошо. Я былъ тогда красивый мужчина, я былъ молодой, высокій ростъ, голубые глаза, римскій носъ... и Madame L.... (я не могу сказать ея имени), жена моего хозяина, была молоденькая, хорошенькая дама. И она полюбила меня.

«Когда она видѣла меня, она сказала: «Г. Мауеръ, какъ васъ зоветъ ваша маменька? Я сказалъ: «Karlchen».

«И она сказала: «Karlchen! сядьте подлѣ меня.»

«Я сѣлъ подлѣ ней, и она сказала: «Karlchen! поцалуйте меня.»

Я его поцаловалъ, и онъ сказалъ: Karlchen! я такъ люблю васъ, что не могу больше терпѣть, и онъ весь задрожалъ.

Тутъ Карлъ Иванычъ сдѣлалъ продолжительную паузу и, закативъ свои добрые голубые глаза, слегка покачивая головой, принялся улыбаться такъ, какъ улыбаются люди подѣ вліяніемъ пріятныхъ воспоминаній.

«Да — началъ онъ опять, поправляясь въ креслѣ и запахивая свой халатъ — много я испыталъ и хорошаго и дурного въ своей жизни; но вотъ мой свидѣтель — сказалъ онъ, указывая на шитый по канвѣ образокъ Спасителя, висѣвшій надъ его кроватью — никто не можетъ сказать, чтобъ Карлъ Иванычъ былъ нечестный человѣкъ! Я не хотѣлъ черной неблагодарностью платить за добро, которое мнѣ сдѣлалъ г. L..., и рѣшился бѣжать отъ него. Вечеркомъ, когда всѣ шли спать, я написалъ письмо своему хозяину и положилъ

его на столѣ въ своей комнатѣ, взялъ свое платье, три талеръ денегъ и потихоньку вышелъ на улицу. Никто не видалъ меня, и я пошелъ по дорогѣ.»

ГЛАВА X.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

«Я девять лѣтъ не видалъ своей маменьки и не зналъ жива ли она, или кости ея лежатъ уже въ сырой землѣ. Я пошелъ въ свое отечество. Когда я пришелъ въ городъ, я спрашивалъ, гдѣ живетъ Густавъ Мауеръ, который былъ арендаторомъ у графа Зомерблатъ? И мнѣ сказали: «графъ Зомерблатъ умеръ, и Густавъ Мауеръ живетъ теперь въ большой улицѣ и держитъ лавку *ликеръ*». Я надѣлъ свой новый жилетъ, хорошій сюртукъ—подарокъ фабриканта, хорошенько причесалъ волосы и пошелъ въ ликерную лавку моего папеньки. Сестра Mariechen сидѣла въ лавкѣ и спросила, что мнѣ нужно? Я сказалъ: «можно выпить рюмочку ликеръ?» и она сказала: «Vater! молодой человекъ проситъ рюмочку ликеръ». И папенька сказалъ: «подай молодому человеку рюмочку ликеръ». Я сѣлъ подлѣ столика, пилъ свою рюмочку ликеръ, курилъ трубочку и смотрѣлъ на папеньку, Mariechen и Johann, который тоже вошелъ въ лавку. Между разговоромъ папенька сказалъ мнѣ: «вы вѣрно знаете, молодой человекъ, гдѣ стоитъ теперь наше *арме*». Я сказалъ: «я самъ иду изъ *арме*, и она стоитъ подлѣ Wien.» — «Нашъ сынъ — сказалъ папенька — былъ Soldat, и вотъ девять лѣтъ онъ не писалъ намъ, и мы не знаемъ, живъ онъ, или умеръ. Моя жена всегда плачетъ объ немъ...» Я курилъ свою трубочку и сказалъ: «какъ звали вашего сына, и гдѣ онъ служилъ? можетъ быть я знаю его...» — «Его звали Карлъ Мауеръ, и онъ служилъ въ австрійскихъ егеряхъ», сказалъ мой папенька. «Онъ высокій ростомъ и красивый мужчина, какъ вы», сказала сестра Mariechen. Я сказалъ: «я знаю вашего Karl.» — Amalia! — sagte auf einmal mein Vater — «подите сюда, здѣсь есть молодой человекъ онъ знаетъ нашего Karl.» И моя *милы* маменька *выходитъ изъ задня* дверь. Я *сейчасъ узналъ* его. «Вы знаете наша Karl», онъ сказалъ, *посмотрѣлъ на мене и весь блѣдный за...* дро...жалъ!.. «Да, я видѣлъ его», я сказалъ, и не смѣлъ поднять глаза на нее; сердце у меня *принимать* хотѣло. «Karl мой живъ!—сказала маменька—слава Богу. Гдѣ онъ, мой милый Karl? Я бы умерла спокойно, ежели бы еще разъ посмотрѣть на него, на моего любимого сына; но Богъ не хочетъ этого», и онъ заплакалъ.... Я не могъ *терпѣть*.... Маменька! — я сказалъ — я вашъ Карлъ! И онъ упалъ мнѣ на руку...»

Карлъ Иванычъ закрылъ глаза, и губы его задрожали.

«Mutter!—sagte ich—ich bin ihr Sohn, ich bin

ihr Karl! und sie stürzte mir in die Arme,» повторилъ онъ, успокоившись немного и утирая крупные слезы, катившіяся по его щекамъ.

«Но Богу не угодно было, чтобъ я кончилъ дни на своей родинѣ. Мнѣ суждено было несчастье! das Unglück verfolgte mich überall!.. Я жилъ на своей родинѣ только три мѣсяца. Въ одно воскресенье я былъ въ кофейномъ домѣ, купилъ кружку пива, курилъ свою трубочку и разговаривалъ съ своими знакомыми про Politik, про императоръ Францъ, про Napoleon, про войну, и каждый говорилъ свое мнѣніе. Подлѣ насъ сидѣлъ незнакомый господинъ въ сѣромъ Ueberrock, пилъ кофе, курилъ трубочку и ничего не говорилъ съ нами. Er rauchte sein Pfeifchen und schwieg still. Когда Nachtwächter прокричалъ десять часовъ, я взялъ свою шляпу, заплатилъ деньги и пошелъ домой. Въ половинѣ ночи кто-то застучалъ въ двери. Я проснулся и сказалъ: «кто тамъ?» «Macht auf!» Я сказалъ: «скажите, кто тамъ, и я отворю.» Ich sagte: «sagt wer ihr seid und ich werde aufmachen.» «Macht auf im Namen des Gesetzes!» сказалъ за дверью. И я отворилъ. Два Soldat съ ружьями стояли за дверью, и въ комнату вошелъ незнакомый человекъ въ сѣромъ Ueberrock, который сидѣлъ подлѣ насъ въ кофейномъ домѣ. Онъ былъ шпионъ! Es war ein Spion!.. «Пойдемте со мной!» сказалъ шпионъ. «Хорошо,» я сказалъ... Я надѣлъ сапоги und Pantalon, надѣвалъ подтяжки и ходилъ по комнатѣ. Въ сердцѣ у меня кинѣло: я сказалъ—онъ подлецъ! Когда я подошелъ къ стѣнкѣ, гдѣ висѣла моя шпага, я вдругъ схватилъ ее и сказалъ: «ты *шпионъ; зашпионившійся!* du bist ein Spion, vertheidige dich!» Ich gab ein Hieb на право, ein Hieb на лѣво и одинъ на голову. Шпионъ упалъ! Я схватилъ чемоданъ и деньги и прыгнулъ за окошко. Ich nahm meinen Mantelsack und Beutel und sprang zum Fenster hinaus. Ich kam nach Ems, тамъ я познакомился съ *енералъ Сазинъ*. Онъ полюбилъ меня, досталъ у посланника паспортъ и взялъ меня съ собой въ Россію учить дѣтей. Когда *енералъ Сазинъ* умеръ, ваша маменька позвала меня къ себѣ. Она сказала: «Карлъ Иванычъ! отдаю вамъ своихъ дѣтей, любите ихъ, и я никогда не оставлю васъ, я успокою вашу старость.» Теперь ея не стало и все забыто. За свою двадцати-лѣтнюю службу я долженъ теперь на старости лѣтъ идти на улицу искать своей черствый кусокъ хлѣба... Богъ *сей видитъ и сей знаетъ и на сей Его святое воля, только васъ жалко мнѣ, дѣтми!*» заключилъ Карлъ Иванычъ, притягивая меня къ себѣ за руку и цалуя въ голову.

ГЛАВА XI.

ЕДИНИЦА.

По окончаніи годичнаго траура, бабушка оправилась нѣсколько отъ печали, поразившей ее, и

стала изрѣдка принимать гостей, въ особенности дѣтей — нашихъ сверстниковъ и сверстницъ.

Въ день рожденія Любочки, 13 декабря, еще передъ обѣдомъ пріѣхали къ намъ княгиня Корнакова съ дочерью, Валахина съ Сонечкой, Илинъ Графъ и два меньшихъ брата Ивиныхъ.

Уже звуки говора, смѣху и бѣготни долетали къ намъ снизу, гдѣ собралось все это общество, но мы не могли присоединиться къ нему прежде окончанія утреннихъ классовъ. На таблицѣ, висѣвшей въ классной, значилось: *Lundi, de 2 à 3 maître d'histoire et de géographie*; и вотъ этого-то *Maître d'Histoire* мы должны были дожидаться, выслушать и проводить прежде, чѣмъ быть свободными. Было уже двадцать минутъ третьяго, а учителя исторіи не было еще ни слышно, ни видно даже на улицѣ, по которой онъ долженъ былъ придти и на которую я смотрѣлъ съ сильнымъ желаніемъ никогда не видать его.

— Кажется, Лебедевъ нынче не придетъ, сказалъ Володя, отрываясь на минуту отъ книги Смаградова, по которой онъ готовилъ урокъ.

— Дай Богъ, дай Богъ... а то я ровно ничего не знаю... однако, кажется, вонъ онъ идетъ, прибавилъ я печальнымъ голосомъ.

Володя всталъ и подошелъ къ окну.

— Нѣтъ, это не онъ, это какой-то *баринъ*, сказалъ онъ. — Подождемъ еще до половины третьяго, прибавилъ онъ, потягиваясь и въ то же время почесывая маковку, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, на минуту отдыхая отъ занятій. — Ежели не придетъ и въ половинѣ третьяго, тогда можно будетъ сказать *St. Jérôme*'у, чтобы убрать тетради.

— И охота ему хо-о-о-о-дить, сказалъ я, тоже потягиваясь и потрясая надъ головой книгу Кайданова, которую держалъ въ обѣихъ рукахъ.

Отъ нечего дѣлать я раскрылъ книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ заданъ урокъ и сталъ прочитывать его. Урокъ былъ большой и трудный, я ничего не зналъ и видѣлъ, что уже никакъ не успѣю хоть что-нибудь запомнить изъ него, тѣмъ болѣе, что находился въ томъ раздраженномъ состояніи, въ которомъ мысли отказываются остановиться на какомъ бы то ни было предметѣ.

За прошедшій урокъ исторіи, которая всегда казалась мнѣ самымъ скучнымъ, тяжелымъ предметомъ, Лебедевъ жаловался на меня *St. Jérôme*'у и въ тетради балловъ поставилъ мнѣ два, что считалось очень дурнымъ. *St. Jérôme* тогда еще сказалъ мнѣ, что ежели въ слѣдующій урокъ я получу меньше трехъ, то буду строго наказанъ. Теперь-то предстоялъ этотъ слѣдующій урокъ, и, признаюсь, я сильно трусилъ.

Я такъ увлекся перечитываніемъ незнакомаго мнѣ урока, что послышавшійся въ передней стукъ спиманія калошъ внезапно поразилъ меня. Едва успѣлъ я оглянуться, какъ въ дверяхъ показалось рябое, отвратительное для меня лицо и слишкомъ знакомая неуклюжая фигура учителя въ синемъ застегнутомъ фракѣ съ учеными пуговицами.

Учитель медленно положилъ шапку на окно, тетради на столъ, раздвинувъ обѣими руками фалды своего фрака (какъ будто это было очень нужно) и отдуваясь, сѣлъ на свое мѣсто.

— Ну-съ, господа, сказалъ онъ, потирая одну о другую свои потныя руки: — пройдемте-съ сперва то, что было сказано въ прошедшій классъ, а потомъ я постараюсь познакомить васъ съ дальнѣйшими событіями среднихъ вѣковъ.

Это значило: сказывайте уроки.

Въ то время, какъ Володя отвѣчалъ ему съ свободой и увѣренностью свойственною тѣмъ, кто хорошо знаетъ предметъ, я безъ всякой цѣли вышелъ на лѣстницу, и такъ какъ внизъ нельзя мнѣ было идти, весьма естественно, что я незамѣтно для самого себя очутился на площадкѣ. Но только что я хотѣлъ помѣститься на обыкновенномъ постѣ своихъ наблюденій — за дверью, какъ вдругъ Мими, всегда бывшая причиною моихъ несчастій, наткнулась на меня. «Вы здѣсь?» сказала она, грозно посмотрѣвъ на меня, потомъ на дверь дѣвичьей и потомъ опять на меня.

Я чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ и за то, что былъ не въ классѣ, и за то, что находился въ такомъ неуказанномъ мѣстѣ, по этому молчалъ и, опустивъ голову, являлъ въ своей особѣ самое трогательное выраженіе раскаянія.

«Нѣтъ, это ужъ ни на что не похоже! сказала Мими, что вы здѣсь дѣлали? Я помолчалъ. Нѣтъ, это такъ не останется, повторила она, постукивая щиколками пальцевъ о перила лѣстницы, — я все расскажу графинѣ.

Было уже безъ пяти минутъ три, когда я вернулся въ классъ. Учитель, какъ будто не замѣчая ни моего отсутствія, ни моего присутствія, объяснялъ Володѣ слѣдующій урокъ. Когда онъ, окончивъ свои толкованія, началъ складывать тетради, и Володя вышелъ въ другую комнату, чтобы принести билетикъ, мнѣ пришла отрадная мысль, что все кончено и про меня забудутъ.

Но вдругъ учитель съ злодѣйской полу-улыбкой обратился ко мнѣ.

— Надѣюсь, вы выучили свой урокъ-съ, сказалъ онъ, потирая руки.

— Выучилъ-съ, отвѣчалъ я.

— Потрудитесь мнѣ сказать что-нибудь о крестовомъ походѣ Людовика Святаго, сказалъ онъ, покачиваясь на стулѣ и задумчиво глядя себѣ подъ ноги. Сначала вы мнѣ скажете о причинахъ, побудившихъ короля французскаго взять крестъ, сказалъ онъ, поднимая брови и указывая пальцемъ на черпильницу; потомъ объясните мнѣ общія характеристическія черты этого похода, прибавилъ онъ, дѣлая всей кистью движеніе такое, какъ будто хотѣлъ поймать что нибудь; и наконецъ вліяніе этого похода на европейскія государства вообще, сказалъ онъ, ударяя тетрадами по лѣвой сторонѣ стола, и на французское королевство въ особенности, заключилъ онъ, ударяя по правой сторонѣ стола и склоняя голову направо.

Я проглотил нѣсколько разъ слюни, прокашлялся, склонилъ голову на бокъ и молчалъ. Потомъ, взявъ перо, лежавшее на столѣ, началъ обрывать его и все молчалъ.

— Позвольте перышко, сказалъ мнѣ учитель, протягивая руку. — Оно пригодится. Ну-съ.

— Людо... кар... Лудовикъ Святой былъ... былъ... былъ... добрый и умный царь...

— Кто-съ?

— Царь. Онъ вздумалъ пойти въ Іерусалимъ и *передать бразды правленія* своей матери.

— Какъ ее звали-съ?

— Б...б...ланка.

— Какъ-съ? буланка?

Я усмѣхнулся какъ-то криво и неловко.

— Ну-съ, не знаете ли еще чего-нибудь? сказалъ онъ съ усмѣшкой.

Мнѣ нечего было терять, я прокашлялся и началъ врать все, что только мнѣ приходило въ голову. Учитель молчалъ, сметая со стола пыль перышкомъ, которое онъ у меня отнялъ, пристально смотрѣлъ мимо моего уха и приговаривалъ: «хорошо-съ, очень хорошо-съ.» Я чувствовалъ, что ничего не знаю, выражаюсь совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и мнѣ страшно больно было видѣть, что учитель не останавливаетъ и не поправляетъ меня.

— Затѣмъ же онъ вздумалъ идти въ Іерусалимъ? сказалъ онъ, повторяя мои слова.

— Затѣмъ... потому... оттого, затѣмъ что...

Я рѣшительно замаялся, не сказалъ ни слова больше и чувствовалъ, что ежели этотъ злодѣй-учитель хоть годъ цѣлый будетъ молчать и вопросительно смотрѣть на меня, я все-таки не въ состояніи буду произнести болѣе ни одного звука. Учитель минуты три смотрѣлъ на меня, потомъ вдругъ проявилъ въ своемъ лицѣ выраженіе глубокой печали и чувствительнымъ голосомъ сказалъ Володѣ, который въ это время вошелъ въ комнату:

— Позвольте мнѣ тетрадку: проставить баллы.

Володя подаль ему тетрадь и осторожно положилъ билетикъ подлѣ нея.

Учитель развернулъ тетрадь и, бережно обмокнувъ перо, красивымъ почеркомъ написалъ Володѣ пять въ графѣ успѣховъ и поведенія. Потомъ, остановивъ перо надъ графою, въ которой означались мои баллы, онъ посмотрѣлъ на меня, стряхнулъ чернила и задумался.

Вдругъ рука его сдѣлала чуть замѣтное движеніе, и въ графѣ появилась красиво начерченная единица и точка; другое движеніе — и въ графѣ поведенія другая единица и точка.

Бережно сложивъ тетрадь балловъ, учитель всталъ и подошелъ къ двери, какъ будто не замѣчая моего взгляда, въ которомъ выражались отчаяніе, мольба и упрекъ.

— Михаилъ Ларіоничъ! сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, понимая уже, что я хотѣлъ сказать ему: — такъ нельзя учиться. Я не хочу даромъ денегъ брать.

Учитель надѣлъ калоши, камлотовую шинель, съ большимъ тщаніемъ повязался шарфомъ. Какъ будто можно было о чемъ-нибудь заботиться послѣ того, что случилось со мной? Для него движеніе пера, а для меня величайшее несчастье.

— Классъ конченъ? спросилъ St. Jérôme, входя въ комнату.

— Да.

— Учитель доволенъ вами?

— Да, сказалъ Володя.

— Сколько вы получили?

— Пять.

— А Nicolas?

Я молчалъ.

— Кажется, четыре, сказалъ Володя.

Онъ понималъ, что меня нужно было спасти, хотя на нынѣшній день. Пускай накажутъ, только бы не нынче, когда у насъ гости.

— Voyons, Messieurs, (St. Jérôme имѣлъ привычку ко всякому слову говорить: voyons)! faites votre toilette et descendons.

ГЛАВА XII.

К л ю ч и к ъ .

Едва успѣли мы, сойдя внизъ, поздороваться со всѣми гостями, какъ насъ позвали къ столу. Папа былъ очень веселъ (онъ былъ въ выигрышѣ въ это время), подарилъ Любочкѣ дорогой серебряный сервизъ и за обѣдомъ вспомнилъ, что у него во флигелѣ осталась еще бомбоньерка, приготовленная для именинницы.

— Чѣмъ человека посылать, поди-ка лучше ты, Коко, сказалъ онъ мнѣ. — Ключи лежатъ на большомъ столѣ въ раковинѣ, знаешь?.. Такъ возьми ихъ и самымъ большимъ ключемъ отвори второй ящикъ направо. Тамъ найдешь коробочку, конфеты въ бумагѣ, и принесешь все сюда.

— А сигары принести тебѣ? спросилъ я, зная что онъ всегда послѣ обѣда посылалъ за ними.

— Принеси, да смотри у меня ничего не трогать! сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Найдя ключи на указанномъ мѣстѣ, я хотѣлъ уже отпирать ящикъ, какъ меня остановило желаніе узнать, какую вещь отпиралъ крошечный ключикъ, висѣвшій на той же связкѣ.

На столѣ, между тысячу разнообразныхъ вещей, стоялъ около перилецъ шитый портфель съ висячимъ замочкомъ, и мнѣ захотѣлось попробовать, придется ли къ нему маленькій ключикъ. Испытаніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, портфель открылся, и я нашелъ въ немъ цѣлую кучу бумагъ. Чувство любопытства съ такимъ убѣжденіемъ совѣтывало мнѣ узнать, какія были эти бумаги, что я не успѣлъ прислушаться къ голосу совѣсти и принялся разсматривать то, что находилось въ портфелѣ...

Дѣтское чувство безусловнаго уваженія ко всѣмъ старшимъ, и въ особенности къ папа, было такъ сильно во мнѣ, что умъ мой безсознательно отказывался выводить какія бы то ни было заключенія изъ того, что я видѣлъ. Я чувствовалъ, что папа долженъ жить въ сферѣ совершенно особенной, прекрасной, недоступной и непостижимой для меня, и что стараться проникать тайны его жизни было бы съ моей стороны чѣмъ-то въ родѣ святотатства.

Поэтому открытія, почти нечаянно сдѣланныя мною въ портфель папа, не оставили во мнѣ никакого яснаго понятія, исключая темнаго сознанія, что я поступилъ нехорошо. Мнѣ было стыдно и неловко.

Подъ вліяніемъ этого чувства, я какъ можно скорѣе хотѣлъ закрыть портфель, но мнѣ видно суждено было испытать всевозможныя несчастія въ этотъ достопамятный день: вложивъ ключикъ въ замочную скважину, я повернулъ его не въ ту сторону; воображая, что замокъ запертъ, я вынулъ ключъ и — о ужасъ! — у меня въ рукахъ была только головка ключика. Тщетно я старался соединить ее съ оставшейся въ замкѣ половиной и посредствомъ какого-то волшебства высвободить ее оттуда; надо было наконецъ привыкнуть къ ужасной мысли, что я совершилъ новое преступленіе, которое нынче же по возвращеніи папа въ кабинетъ должно будетъ открыться.

Жалоба Мими, единица и ключикъ! Хуже ничего не могло случиться. Бабушка — за жалобу Мими, St. Jérôme — за единицу, папа — за ключикъ... и все это обрушится на меня не позже какъ нынче вечеромъ.

— Что со мной будетъ?! А-а-ахъ! что я надѣлалъ?! говорилъ я вслухъ, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета. — Э! сказалъ я самъ себѣ, доставая конфеты и сигары: — *чему быть, тому не миновать...* И побѣждалъ въ домъ.

Это фаталистическое изреченіе, въ дѣтствѣ подслушанное мною у Николая, во всѣ трудныя минуты моей жизни производило на меня благотворное, временно-успокоивающее вліяніе. Входя въ залу, я находился въ нѣсколько раздраженномъ и неестественномъ, но чрезвычайно веселомъ состояніи духа.

ГЛАВА XIII.

ИЗМѢНИЦА.

Послѣ обѣда начались *petits jeux*, и я принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Игра въ «кошку-мышку», какъ-то неловко разбѣжавшись на гувернантку Карнаковыхъ, которая играла съ нами, я нечаянно наступилъ ей на платье и оборвалъ его. Замѣтивъ, что всѣмъ дѣвочкамъ, и въ особенности Соничкѣ, доставляло большое удовольствіе видѣть, какъ гувернантка съ разстроеннымъ лицомъ пошла въ дѣвичью зашивать свое платье, я рѣшился до-

ставить имъ это удовольствіе еще разъ. Вслѣдствіе такого любезнаго намѣренія, какъ только гувернантка вернулась въ комнату, я принялся галопировать вокругъ нея и продолжалъ эти эволюціи до тѣхъ поръ, пока не нашелъ удобной минуты снова зацѣпить каблукомъ за ея юбку и оборвать. Соничка и княжны едва могли удержаться отъ смѣха, что весьма пріятно польстило моему самолюбію; но St. Jérôme, замѣтивъ, должно быть, мои продѣлки, подошелъ ко мнѣ и, нахмутивъ брови (чего я терпѣть не могъ), сказалъ, что я, кажется, не къ добру развеселился, и что ежели я не буду скромнѣе, то, несмотря на праздникъ, онъ заставить меня раскаяться.

Но я находился въ раздраженномъ состояніи человѣка, проигравшаго болѣе того, что у него есть въ карманѣ, который боится счесть свою записъ и продолжаетъ ставить отчаянныя карты уже безъ надежды отыгратъ, и только для того, чтобы не давать самому себѣ времени опомниться. Я дерзко улыбнулся и ушелъ отъ него.

Послѣ «кошки-мышки» кто-то затѣялъ игру, которая называлась у насъ, *Lange Nase*. Сущность игры состояла въ томъ, что ставили два ряда стульевъ, одинъ противъ другаго, и дамы и кавалеры раздѣлялись на двѣ партіи и по переѣзкамъ выбирали одна другую.

Младшая княжна каждый разъ выбирала менѣе-шого Ивина, Катенька выбирала или Володю, или Илинку, а Соничка каждый разъ Сережу, и нисколько не стыдилась, къ моему крайнему удивленію, когда Сережа прямо шолъ и садился противъ нея. Она смѣялась своимъ милымъ звонкимъ смѣхомъ и дѣлала ему головкой знакъ, что онъ угадалъ. Меня же никто не выбиралъ. Къ крайнему оскорбленію моего самолюбія, я понималъ, что я лишній, *остающийся*, что про меня всякій разъ должны были говорить: *Кто еще остается?* «Да Николинъка; ну вотъ ты его и возьми». Поэтому, когда мнѣ приходилось выходить, я прямо подходилъ или къ сестрѣ, или къ одной изъ некрасивыхъ княженъ и, къ несчастію, никогда не ошибался. Соничка же, казалось, такъ была занята Сережей Ивинымъ, что я не существовалъ для нея вовсе. Не знаю, на какомъ основаніи называлъ я ее мысленно *измѣнницею*, такъ какъ она никогда не давала мнѣ обѣщанія выбрать меня, а не Сережу; но я твердо былъ убѣжденъ, что она самымъ гнуснымъ образомъ поступила со мною.

Послѣ игры я замѣтилъ, что *измѣнница*, которую я презиралъ, но съ которой, однако, не могъ спустить глазъ вмѣстѣ съ Сережей и Катенькой отошли въ уголъ и о чемъ-то таинственно разговаривали. Подкравшись изъ-за фортепьяна, чтобы открыть ихъ секреты, я увидалъ слѣдующее: Катенька держала за два конца батистовый платочекъ въ видѣ ширмъ, заслоня имъ головы Сережи и Сонички. «Нѣтъ, проиграли, теперь расплачивайтесь!» говорилъ Сережа. Соничка, опустивъ руки, стояла передъ нимъ точно виноватая и, крас-

нѣя, говорила: «Нѣтъ я не проиграла, не правда ли, m-lle Catherine?» — «Я люблю правду — отвѣчала Катинька — проиграла пари, ma chère».

Едва успѣла Катинька произнести эти слова, какъ Сережа нагнулся и поцаловалъ Соничку. Такъ прямо и поцаловалъ въ ея розовыя губки. И Соничка засмѣялась, какъ будто это ничего, какъ будто это очень весело. Ужасно!!! О, *коварная измѣнница!*

ГЛАВА XIV.

ЗАТМѢНІЕ.

Я вдругъ почувствовалъ презрѣніе ко всему женскому полу вообще и къ Соничкѣ въ особенности; началъ увѣрять себя, что ничего веселаго нѣтъ въ этихъ играхъ, что онѣ приличны только *дѣвчонкамъ* и мнѣ чрезвычайно захотѣлось буянить и сдѣлать какую нибудь такую молодецкую штуку, которая бы всѣхъ удивила. Случай не замедлил представиться.

St. Jérôme, поговоривъ о чемъ-то съ Мими, вышелъ изъ комнаты; звуки его шаговъ слышались сначала на лѣстницѣ, а потомъ надъ нами, по направленію классной. Мнѣ пришла мысль, что Мими сказала ему, гдѣ она видѣла меня во время класса, и что онъ пошелъ посмотреть журналъ. Я не предполагалъ въ это время у St. Jérôme'а другой цѣли въ жизни, какъ желаніе наказать меня. Я читалъ гдѣ-то, что дѣти отъ 12 до 14 лѣтъ, т. е. находящіеся въ переходномъ возрастѣ отрочества, бываютъ особенно склонны къ поджигательству и убійству. Вспоминая свое отрочество и особенно то состояніе духа, въ которомъ я находился въ этотъ несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю важность самаго ужаснаго преступленія, безъ цѣли, безъ желанія вредить; но *такъ* — изъ любопытства, изъ безсознательной потребности дѣятельности. Бываютъ минуты, когда будущее представляется человѣку въ столь мрачномъ свѣтѣ, что онъ боится останавливать на немъ свои умственные взоры, прекращаетъ въ себѣ совершенно дѣятельность ума и старается убѣдить себя, что будущаго не будетъ и прошедшаго не было. Въ такія минуты, когда мысль не обсуживаетъ впередъ cadaго опредѣленія воли, а единственными пружинами жизни остаются плотскіе инстинкты, я понимаю, что ребенокъ, по неопытности, особенно склонный къ тому состоянію, безъ малѣйшаго колебанія и страха, съ улыбкой любопытства, раскладываетъ и раздуваетъ огонь подъ собственнымъ домомъ, въ которомъ спать его братья, отецъ, мать, которыхъ онъ нѣжно любить. — Подъ вліяніемъ этого же временнаго отсутствія мысли, — разсѣянности почти, — крестьянскій паренъ лѣтъ семнадцати, осматривая лезвіе только-что отточенаго топора подлѣ лавки, на которой лицомъ внизъ спитъ его старикъ отецъ, вдругъ размахивается топоромъ и съ тупымъ любопытствомъ смотритъ, какъ сочится подъ лавку кровь изъ разрубленной шеи; подъ вліяніемъ этого же отсутствія мысли и инстинктивнаго любопытства, человѣкъ находится какое-то наслажденіе остановиться на самомъ краю обрыва и думать: а что если туда броситься? или приставить ко лбу заряженный пистолетъ и думать: а что ежели пожать гашетку? или смотреть на какое нибудь важное лицо, къ которому все общество чувствуетъ подобострастное уваженіе и думать: а что ежели подойти къ нему, взять его за носъ и сказать: «а ну-ка, любезный, пойдѣмъ?»

Подъ вліяніемъ такого-же внутренняго волненія и отсутствія размышленія, когда St. Jérôme сомнѣлся внизъ и сказалъ мнѣ, что я не имѣю права здѣсь быть нынче за то, что такъ дурно велъ себя и учился, чтобы я сейчасъ же шелъ на верхъ, я показалъ ему языкъ и сказалъ, что не пойду отсюда.

Въ первую минуту St. Jérôme не могъ слова произнести отъ удивленія и злости.

— C'est bien, сказалъ онъ, догоняя меня: — я уже нѣсколько разъ общалъ вамъ наказаніе, отъ котораго васъ хотѣла избавить ваша бабушка; но теперь я вижу, что кромѣ розогъ васъ ничѣмъ не заставишь повиноваться, и нынче вы ихъ вполне заслужили.

Онъ сказалъ это такъ громко, что всѣ слышали его слова. Кровь съ необыкновенной силой прилила къ моему сердцу; я почувствовалъ, какъ крѣпко оно билось, какъ краска сходила съ моего лица и какъ совершенно невольно затряслись мои губы. Я долженъ былъ быть страшенъ въ эту минуту, потому что St. Jérôme, избѣгая моего взгляда, быстро подошелъ ко мнѣ и схватилъ за руку; но только-что я почувствовалъ прикосновеніе его руки, мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я, не помня себя отъ злобы, вырвалъ руку, и изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ силъ ударилъ его.

— Что съ тобой дѣлается? сказалъ, подходя ко мнѣ, Володя, съ ужасомъ и удивленіемъ видѣвшій мой поступокъ.

— Оставь меня! закричалъ я на него сквозь слезы: — никто вы не любите меня, не понимаете, какъ я несчастливъ! Всѣ вы гадки, отвратительны, прибавилъ я съ какимъ-то иступленіемъ, обращаясь ко всему обществу.

Но въ это время St. Jérôme, съ рѣшительнымъ и блѣднымъ лицомъ, снова подошелъ ко мнѣ и не успѣлъ я приготовиться къ защитѣ, какъ онъ уже сильнымъ движеніемъ, какъ тисками, сжалъ мои обѣ руки и потащилъ куда-то. Голова моя закружилась отъ волненія; помню только, что я отчаянно бился головой и колѣнками до тѣхъ поръ, пока во мнѣ были еще силы; помню, что носъ мой нѣсколько разъ натыкался на чьи-то ляжки, что въ ротъ мнѣ попадали чей-то скрутокъ, что вокругъ себя со всѣхъ сторонъ я слышалъ присутствіе чьихъ-то ногъ, запахъ пыли и violette, которой душился St. Jérôme.

Черезъ пять минутъ за мной затворилась дверь чулана.

— Василь! сказалъ онъ отвратительнымъ, торжествующимъ голосомъ: — принеси розогъ

ГЛАВА XV.

М Е Ч Т Ы .

Неужели въ то время я могъ бы думать, что останусь живъ послѣ всѣхъ несчастій, постигшихъ меня, и что придетъ время, когда я спокойно буду вспоминать о нихъ?...

Припоминая то, что я сдѣлалъ, я не могъ вообразить себя, что со мной будетъ, но смутно предчувствовалъ, что пропасть безвозвратно.

Сначала внизу и вокругъ меня царствовала совершенная тишина, или по-крайней-мѣрѣ мнѣ такъ казалось, отъ слишкомъ сильнаго внутреннего волненія, но мало по малу я сталъ разбирать различные звуки. Василій пришелъ снизу и, бросивъ на окно какую-то вещь, похожую на метлу, зѣвая, улегся на ларь. Внизу послышался громкій голосъ Августа Антоныча (должно быть онъ говорилъ про меня), потомъ дѣтскіе голоса, потомъ смѣхъ, бѣготня, а черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ все пришло въ прежнее движеніе, какъ будто никто не зналъ и не думалъ о томъ, что я сижу въ темномъ чуланѣ.

Я не плакалъ, но что-то тяжелое какъ камень лежало у меня на сердцѣ. Мысли и представленія съ усиленной быстротой проходили въ моемъ разстроенномъ воображеніи; но воспоминаніе о несчастіи, постигшемъ меня, безпрестанно прерывало ихъ причудливую цѣпь, и я снова входилъ въ безвыходный лабиринтъ неизвѣстности, о предстоящей мнѣ участи, отчаянія и страха.

То мнѣ приходитъ въ голову, что должна существовать какая нибудь неизвѣстная причина общей ко мнѣ нелюбви и даже ненависти. (Въ то время я былъ твердо убѣжденъ, что всѣ, начиная отъ бабушки и до Филиппа кучера, ненавидятъ меня и находятъ наслажденіе въ моихъ страданіяхъ). Я долженъ быть не сынъ моей матери и моего отца, не братъ Володи, а несчастный сирота, подкидышъ, взятый изъ милости, говорю я самъ себѣ, и нелѣпая мысль эта не только доставляетъ мнѣ какое-то грустное утѣшеніе, но даже кажется совершенно правдоподобною. Мнѣ отрадно думать, что я несчастенъ не потому, что виноватъ, но потому, что такова моя судьба съ самого моего рожденія и что участь моя похожа на участь несчастнаго Карла Ивановича.

«Но зачѣмъ дальше скрывать эту тайну, когда я самъ уже успѣлъ проникнуть ее? — говорю я самъ себѣ — завтра же пойду къ папа и скажу ему: Папа! напрасно ты отъ меня скрываешь тайну моего рожденія; я знаю ее. Онъ скажетъ: «чтожъ

дѣлать мой другъ, рано или поздно ты узналъ бы это, — ты не мой сынъ, но я усыновилъ тебя и ежели ты будешь достоинъ моей любви, то я никогда не оставлю тебя», и я скажу ему: папа, хотя я не имѣю права называть тебя этимъ именемъ, но я теперь произношу его въ послѣдній разъ, я всегда любилъ тебя и буду любить, никогда не забуду, что ты мой благодѣтель, но не могу больше оставаться въ твоёмъ домѣ. Здѣсь никто не любитъ меня, а St. Jérôme поклялся въ въ моей гибели. Онъ или я должны оставить твой домъ, потому что я не отвѣчаю за себя, я до такой степени ненавижу этого человѣка, что готовъ на все. Я убью его, такъ и сказать: «папа! я убью его.» Папа станетъ просить меня, но я махну рукой, скажу ему нѣтъ, мой другъ, мой благодѣтель, мы не можемъ жить вмѣстѣ, а отпусти меня, и я обниму его, и скажу ему, почему-то по-французски: Oh, mon père, oh, mon bien-faiteur, donne-moi pour la dernière fois ta bénédiction et que la volonté de Dieu soit faite!» И я, сидя на сундукѣ, въ темномъ чуланѣ, плачу навзрыдъ при этой мысли. Но вдругъ я вспоминаю постыдное наказаніе, ожидающее меня, дѣйствительность представляется мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ, и мечты мгновенно разлетаются.

То я воображаю себя уже на свободѣ, внѣ нашего дома. Я поступаю въ гусары и иду на войну. Со всѣхъ сторонъ на меня несутся враги, я размахиваюсь саблей и убиваю одного, другой взмахъ — убиваю другаго, третьяго. Наконецъ, въ изнуреніи отъ ранъ и усталости, я падаю на землю и кричу: «побѣда!» Генераль подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «гдѣ онъ — нашъ спаситель?» Ему указываютъ на меня, онъ бросается мнѣ на шею и съ радостными слезами кричитъ: «побѣда!» Я выздоравливаю и, съ подвязанной чернымъ платкомъ рукою, гуляю по Тверскому бульвару. Я генераль! Но вотъ *Государь* встрѣчаетъ меня и спрашиваетъ, кто этотъ израненный молодой человѣкъ? Ему говорятъ, что это извѣстный герой Николай. Государь подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «благодарю тебя. Я все сдѣлаю, чтобы ты не просилъ у меня.» Я почтительно кланяюсь и, опираясь на саблю, говорю: я счастливъ, великій Государь, что могъ пролить кровь за свое отечество, и желалъ бы умереть за него; но ежели ты такъ милостивъ, что позволяешь мнѣ просить тебя, прошу объ одномъ — позволь мнѣ уничтожить врага моего иностранца St. Jérôme'a. Мнѣ хочется уничтожить врага моего St. Jérôme'a». Я грозно останавливаюсь передъ St. Jérôme'омъ и говорю ему: «ты сдѣлалъ мое несчастіе, à genoux!» Но вдругъ мнѣ приходитъ мысль, что съ минуты на минуту можетъ войти настоящій St. Jérôme съ розгами, и я снова вижу себя не генераломъ, спасающимъ отечество, а самымъ жалкимъ, плачевнымъ созданіемъ.

То мнѣ приходитъ мысль о Богѣ и я дерзко спрашиваю Его, за что онъ наказываетъ меня? «Я кажется не забывалъ молиться утромъ и вече-

ГЛАВА XVI.

ПЕРЕМЕЛЕТСЯ, МУКА БУДЕТЬ.

ромъ, такъ за что же я страдаю?» Положительно могу сказать, что первый шагъ къ религіознымъ сомнѣніямъ, тревожившимъ меня во время отрочества, былъ сдѣланъ мною теперь, не потому, что бы несчастіе побудило меня къ ропоту и невѣрію, но потому, что мысль о несправедливости Провидѣнія, пришедшая мнѣ въ голову въ эту пору совершеннаго душевнаго разстройства и суточного уединенія, какъ дурное зерно, послѣ дождя, упавшее на рыхлую землю съ быстротой стало разрастаться и пускать корни. То я воображалъ, что я непременно умру и живо представлялъ себѣ удивленіе St. Jérôme'a, находящаго въ чуланѣ вмѣсто меня безжизненное тѣло. Вспоминая рассказы Натальи Савишны о томъ, что душа усопшаго до сорока дней не оставляетъ дома, я мысленно послѣ смерти пошусь невидимкой по всѣмъ комнатамъ бабушкинаго дома и подслушиваю искреннія слезы Любочки, сожалѣнія бабушки и разговоръ папа съ Августомъ Антонычемъ. «Онъ славный былъ мальчикъ, скажетъ папа со слезами на глазахъ.» — «Да — скажетъ St. Jérôme — но большой повѣса.» — «Вы бы должны уважать мертвыхъ — скажетъ папа — вы были причиною его смерти, вы запугали его, онъ не могъ перенести униженія, которое вы готовили ему... Вонъ отсюда, злодѣй!»

И St. Jérôme упадетъ на колѣни, будетъ плакать и просить прощенія. Послѣ сорока дней, душа моя улетаетъ на небо; я вижу тамъ, что-то удивительно прекрасное, бѣлое, прозрачное, длинное и чувствую, что это моя мать. Это что-то бѣлое окружаетъ, ласкаетъ меня; но я чувствую безпокойство и какъ-будто не узнаю ее. Ежели это точно ты, говорю я, то покажись мнѣ лучше, что бы я могъ обнять тебя. И мнѣ отвѣчаетъ ея голосъ: «здѣсь мы всѣ такія, я не могу лучше обнять тебя. Развѣ тебѣ не хорошо такъ?» Нѣтъ мнѣ очень хорошо, но ты не можешь щекотать меня и я не могу цаловать твоихъ рукъ... «Не надо этого, здѣсь и такъ прекрасно», говоритъ она и я чувствую, что точно прекрасно и мы вмѣстѣ съ ней летимъ все выше и выше. Тутъ я какъ будто просыпаюсь и нахожу себя опять на сундукѣ, въ темномъ чуланѣ, съ мокрыми отъ слезъ щеками, безъ всякой мысли, твердящаго слова: *и мы все летимъ выше и выше*. Я долго употребляю всевозможныя усилія, чтобы уяснить свое положеніе; но умственному взору моему представляется въ настоящемъ только одна страшно мрачная, непроницаемая даль. Я стараюсь снова возвратиться къ тѣмъ отраднымъ, счастливымъ мечтамъ, которыя прервало сознаніе дѣйствительности; но, къ удивленію моему, какъ скоро вхожу въ колею прежнихъ мечтаній, я вижу, что продолженіе ихъ невозможно и, что всего удивительнѣе, не доставляетъ уже мнѣ никакого удовольствія.

Я ночевалъ въ чуланѣ, и никто не приходилъ ко мнѣ; только на другой день т. е. въ воскресенье, меня перевели въ маленькую комнатку, подлѣ классной, и опять заперли. Я начиналъ надѣяться, что наказаніе мое ограничится заточеніемъ, и мысли мои, подъ вліяніемъ сладкаго, крѣпительнаго сна, яркаго солнца, игравшаго на морозныхъ узорахъ оконъ и дневнаго обыкновеннаго шума на улицахъ, начинали успокаиваться. Но уединеніе все-таки было очень тяжело: мнѣ хотѣлось двигаться, рассказать кому нибудь все, что накопилось у меня на душѣ, и не было вокругъ меня живаго созданія. Положеніе это было еще болѣе непріятно потому, что, какъ мнѣ ни противно было, я не могъ не слышать, какъ St. Jérôme, прогуливаясь по своей комнатѣ, насвистывалъ совершенно спокойно какіе-то веселые мотивы. Я былъ вполне убѣжденъ, что ему вовсе не хотѣлось свистать, но что онъ дѣлалъ это единственно для того, чтобы мучить меня.

Въ два часа St. Jérôme и Володя сошли внизъ, а Николай принесъ мнѣ обѣдъ, и когда я разговорился съ нимъ о томъ, что я надѣлалъ и что ожидаетъ меня, онъ сказалъ:

— Эхъ сударь! не тужите, перемелется, мука будетъ.

Хотя это изреченіе, не разъ и впоследствии поддерживавшее твердость моего духа, нѣсколько утѣшило меня, но именно то обстоятельство, что мнѣ прислали не одинъ хлѣбъ и воду, а весь обѣдъ, даже и шпрожное розанчики, заставило меня сильно призадуматься. Ежели бы мнѣ не прислали розанчиковъ, то значило бы, что меня наказываютъ заточеніемъ, но теперь выходило, что я еще не наказанъ, что я только удаленъ отъ другихъ, какъ вредный человекъ, а что наказаніе впереди. Въ то время, какъ я былъ углубленъ въ разрѣшеніе этого вопроса, въ замкѣ моей темницы повернулся ключъ, и St. Jérôme съ суровымъ и официальнымъ лицемъ вошелъ въ комнату.

— Пойдемте къ бабушкѣ, сказалъ онъ, не глядя на меня.

Я хотѣлъ было почистить рукава курточки, запачкавшіяся мѣломъ, прежде, чѣмъ выйти изъ комнаты, но St. Jérôme сказалъ мнѣ, что это совершенно бесполезно, какъ будто я находился уже въ такомъ жалкомъ нравственномъ положеніи, что о наружномъ своемъ видѣ не стоило и заботиться.

Катенька, Любочка и Володя посмотрѣли на меня въ то время, какъ St. Jérôme за руку проводилъ меня чрезъ залу, точно съ тѣмъ же выраженіемъ, съ которымъ мы обыкновенно смотрѣли на колодниковъ, проводимыхъ по понедѣльникамъ, мимо нашихъ оконъ. Когда же я подошелъ къ креслу бабушки, съ намѣреніемъ поцаловать ее

руку, она отвернулась от меня и спрятала руку под мантилью.

— Да, мой милый, сказала она, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго она осмотрѣла меня съ ногъ до головы такимъ взглядомъ, что я не зналъ, куда дѣвать свои глаза и руки: — могу сказать, что вы очень цѣните мою любовь и составляете для меня истинное утѣшеніе. Mr. St. Jérôme, который по моей просьбѣ, прибавила она, растягивая каждое слово: — взялся за ваше воспитаніе, не хочетъ теперь оставаться въ моемъ домѣ. Отчего? Отъ васъ, мой милый. Я надѣялась, что вы будете благодарны, продолжала она, помолчавъ немного и тономъ, который доказывалъ, что рѣчь ея была приготовлена заблаговременно: — за попеченія и труды его, что вы будете умѣть цѣнить его заслуги, а вы, молокосо, мальчишка, рѣшились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что вы неспособны понимать благороднаго обращенія, что на васъ нужны другія, низкія средства... Проси сейчасъ прощенія, прибавила она строго-повелительнымъ тономъ, указывая на St. Jérôme'a: — слышишь?

Я посмотрѣлъ по направленію руки бабушки и, увидѣвъ сюртукъ St. Jérôme'a, отвернулся и не трогался съ мѣста, снова начиная ощущать замираніе сердца.

— Что же? вы не слышите развѣ, что я вамъ говорю?

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но не трогался съ мѣста.

— Коко! сказала бабушка, должно быть замѣтивъ внутреннія страданія, которыя я испытывалъ. Коко, сказала она уже не столько повелительнымъ, сколько нѣжнымъ голосомъ: — ты ли это?

— Бабушка! я не буду просить у него прощенія ни за что... сказалъ я, вдругъ останавливаясь, чувствуя, что не въ состояніи буду удержать слезъ, давившихъ меня, ежели скажу еще одно слово.

— Я приказываю тебѣ, я прошу тебя. Что же ты?

— Я... я... не... хочу... я не могу, проговорилъ я, и сдержанныя рыданія, накопившіяся въ моей груди, вдругъ опрокинули преграду, удерживавшую ихъ, и разразились отчаяннымъ потокомъ.

— C'est ainsi que vous obéissez à votre seconde mère, c'est ainsi que vous reconnaissez ses bontés, сказалъ St. Jérôme трагическимъ голосомъ: à genoux!

— Боже мой, ежели бы она видѣла это! сказала бабушка, отворачиваясь отъ меня и отирая показавшіяся слезы. Ежели бы она видѣла... все къ лучшему. Да, она не перенесла бы этого горя, не перенесла бы.

И бабушка плакала все сильнѣй и сильнѣй. Я плакалъ тоже, но и не думалъ просить прощенія.

— Tranquillisez-vous au nom du ciel, M-me la comtesse, говорилъ St. Jérôme.

Но бабушка уже не слушала его, она закрыла лицо руками, и рыданія ея скоро перешли въ рыданія

и истерику. Въ комнату съ испуганными лицами вбѣжали Мими и Гаша, запахло какими-то спиртами, и по всему дому вдругъ поднялись бѣготня и шептанье.

— Любуйтесь на ваше дѣло, сказалъ St. Jérôme, уводя меня наверхъ.

— Боже мой, что я надѣлалъ! какой я ужасный преступникъ!

Только что St. Jérôme, сказавъ мнѣ, чтобы я пошелъ въ свою комнату, спустился внизъ, — я, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, побѣжалъ по большой лѣстницѣ, ведущей на улицу.

Хотѣлъ ли я убѣжать со всѣмъ изъ дома или утопиться, не помню; знаю только, что, закрывъ лицо руками, чтобы не видать никого, я бѣжалъ все дальше и дальше по лѣстницѣ.

— Ты куда? спросилъ меня вдругъ знакомый голосъ. — Тебя то мнѣ и нужно, голубчикъ.

Я хотѣлъ было пробѣжать мимо, но папа схватилъ меня за руку и строго сказалъ:

— Пойдемъ-ка со мной, любезный! — Какъ ты смѣлъ трогать портфель въ моемъ кабинетѣ, сказалъ онъ, вводя меня за собой въ маленькую диванную. — А? чтожь ты молчишь? А? прибавилъ онъ, взявъ меня за ухо.

— Виноватъ, сказалъ я: — самъ незнаю, что на меня нашло.

— А, не знаешь, что на тебя нашло, не знаешь, не знаешь, не знаешь, повторялъ онъ, съ каждымъ словомъ потрясая мое ухо: — будешь впередъ совать носъ, куда не слѣдуетъ, будешь?

Несмотря на то, что, я ощущалъ сильнѣйшую боль въ ухѣ, я не плакалъ, а испытывалъ пріятное, моральное чувство. Только что папа выпустилъ мое ухо, я схватилъ его руку и со слезами принялся покрывать ее поцалуйми.

— Бей меня еще, говорилъ я сквозь слезы: — крѣпче, больнѣе, я негодный, я гадкій, я несчастный человѣкъ!

— Что съ тобой? сказалъ онъ, слегка отталкивая меня.

— Нѣтъ, ни за что не пойду, сказалъ я, цѣпляясь за его сюртукъ. — Всѣ ненавидятъ меня, я это знаю, но, ради Бога, ты выслушай меня, защити меня, или выгони изъ дома. Я не могу съ нимъ жить, онъ всячески старается унижить меня, велитъ становиться на колѣни передъ собой, хочетъ высѣчь меня. Я не могу этого, я не маленькій, я не перенесу этого, я умру, убью себя. Онъ сказалъ бабушкѣ, что я негодный; она теперь больна, она умретъ отъ меня, я... съ... нимъ... ради Бога, выскочи... за... что... му... чать.

Слезы душили меня, я сѣлъ на диванъ и, не въ силахъ говорить болѣе, упалъ головой ему на колѣна, рыдая такъ, что мнѣ казалось, я долженъ былъ умереть въ ту же минуту.

— Объ чемъ ты, пузырь? сказалъ папа съ участіемъ, наклоняясь ко мнѣ.

— Онъ мой тиранъ... мучитель... умру... никто

меня не любить! едва могъ проговорить я, и со мной сдѣлались конвульсіи.

Папа взялъ меня на руки и отнесъ въ спальню. Я заснулъ.

Когда я проснулся, было уже очень поздно, одна свѣчка горѣла около моей кровати, и въ комнатѣ сидѣли нашъ домашній докторъ, Мими и Любочка. По лицамъ ихъ замѣтно было, что боялись за мое здоровье. Я же чувствовалъ себя такъ хорошо и легко послѣ двѣнадцатичасоваго сна, что сейчасъ бы вскочилъ съ постели; ежели бы мнѣ не неприятно было разстроить ихъ увѣренность въ томъ, что я очень болѣнъ.

ГЛАВА XVII.

НЕНАВИСТЬ.

Да, это было настоящее чувство ненависти, не той ненависти, про которую только пишутъ въ романахъ, и въ которую я не вѣрю, ненависти, которая будто находитъ наслажденіе въ дѣланіи зла человѣку, но той ненависти, которая внушаетъ вамъ непреодолимое отвращеніе къ человѣку, заслуживающему, однако, ваше уваженіе, дѣлаетъ для васъ противными его волоса, шею, походку, звукъ голоса, всѣ его члены, всѣ его движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то непонятной силой притягиваетъ васъ къ нему и съ безпокойнымъ вниманіемъ заставляетъ слѣдить за малѣйшими его поступками. Я испытывалъ это чувство къ St. Jérôme'у.

St. Jérôme жилъ у насъ уже полтора года. Обсуживая теперь хладнокровно этого человѣка, я нахожу, что онъ былъ хорошій французъ, но французъ въ высшей степени. Онъ былъ не глупъ, довольно хорошо ученъ и добросовѣстно исполнялъ въ отношеніи насъ свою обязанность, но онъ имѣлъ общія всѣмъ его землякамъ и столь противоположныя русскому характеру отличительныя черты легкомысленнаго эгоизма, тщеславія, дерзости и невѣжественной самоувѣренности. Все это мнѣ очень не нравилось. Само собою разумѣется, что бабушка объяснила ему свое мнѣніе насчетъ тѣлеснаго наказанія, и онъ не смѣлъ бить насъ; но несмотря на это, онъ часто угрожалъ, въ особенности мнѣ, розгами и выговаривалъ слово *fouetter* (какъ-то *fouatter*) такъ отвратительно и съ такой интонаціей, какъ будто высѣчь меня доставило бы ему величайшее удовольствіе.

Я нисколько не боялся боли наказанія, никогда не испытывалъ ея, но одна мысль, что St. Jérôme можетъ ударить меня, приводила меня въ тяжелое состояніе подавленнаго отчаянія и злобы.

Случалось, что Карлъ Ивановичъ, въ минуту досады, лично расправлялся съ нами линейкой или помочами; но я безъ малѣйшей досады вспоминаю объ этомъ. Даже въ то время, о которомъ я говорю, (когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ), ежели бы Карлу Ивановичу случилось приколотить меня,

я хладнокровно перенесъ бы его побои. Карла Ивановича я любилъ, помнилъ его съ тѣхъ поръ, какъ самого себя, и привыкъ считать членомъ своего семейства; но St. Jérôme былъ человѣкъ гордый, самодовольный, къ которому я ничего не чувствовалъ, кромѣ того невольнаго уваженія которое внушали мнѣ всѣ *большие*. Карлъ Ивановичъ былъ смѣшной старикъ-дядька, котораго я любилъ отъ души; но ставилъ все-таки ниже себя въ моемъ дѣтскомъ пониманіи общественнаго положенія.

St. Jérôme, напротивъ, былъ образованный, красивый молодой щеголь, старающійся стать наравнѣ со всѣми. Карлъ Ивановичъ бранилъ и наказывалъ насъ всегда хладнокровно; видно было, что онъ считалъ это хотя необходимою, но непрямою обязанностью. St. Jérôme, напротивъ любилъ драпироваться въ роль наставника; видно было; когда онъ наказывалъ насъ, что онъ дѣлалъ это болѣе для собственнаго удовольствія, чѣмъ для нашей пользы. Онъ увлекался своимъ величіемъ. Его пышныя французскія фразы, которыя онъ говорилъ съ сильными удареніями на послѣднемъ слогѣ, *accent circonflex'*ами, были для меня невыразимо противны. Карлъ Ивановичъ, разсердившись, говорилъ «кукольная комедія шалунья, мальшикъ шампанская мушка». St. Jérôme называлъ насъ *mauvais sujet, vilain garnement* и т. п. названіями, которыя оскорбляли мое самолюбіе.

Карлъ Ивановичъ ставилъ насъ на колѣни лицомъ въ уголъ, и наказаніе состояло въ физической боли, происходившей отъ такого положенія; St. Jérôme, выпрямляя грудь и дѣлая величественный жестъ рукою, трагическимъ голосомъ кричалъ: «à genoux, mauvais sujet!» приказывалъ становиться на колѣни лицомъ къ себѣ и просить прощенія. Наказаніе состояло въ униженіи.

Меня не наказывали, и никто даже не напоминалъ мнѣ о томъ, что со мной случилось; но я не могъ забыть всего, что испыталъ: отчаянія, стыда, страха и ненависти въ эти два дня. Несмотря на то, что съ того времени St. Jérôme, какъ казалось, махнулъ на меня рукою, почти не занимался мною, я не могъ привыкнуть смотрѣть на него равнодушно. Всякій разъ, когда случайно встрѣчались наши глаза мнѣ казалось, что во взглядѣ моемъ выражается слишкомъ явная неприязнь и я спѣшилъ принять выраженіе равнодушія, но тогда мнѣ казалось, что онъ понимаетъ мое притворство, я краснѣлъ и вовсе отворачивался.

Однимъ словомъ, мнѣ невыразимо тяжело было имѣть съ нимъ какія бы то ни было отношенія.

ГЛАВА XVIII.

ДѢВЧИЦА.

Я чувствовалъ себя все болѣе и болѣе одинокимъ, и главными моими удовольствіями были уединенныя размышленія и наблюденія. О предметѣ

моихъ размышленій разскажу въ слѣдующей главѣ; театромъ же моихъ наблюденій преимущественно была дѣвичья, въ которой происходилъ весьма для меня занимательный и трогательный романъ. Героиней этого романа, само-собою разумѣется, была Маша. Она была влюблена въ Василья, знавшаго ее еще тогда, когда она жила на волѣ и общавшаго еще тогда на ней жениться. Судьба разлучившая ихъ пять лѣтъ тому назадъ, снова соединила ихъ въ бабушкиномъ домѣ, но положила преграду ихъ взаимной любви въ лицѣ Николая (роднаго дяди Маши), не хотѣвшаго и слышать о замужествѣ своей племянницы съ Васильемъ, котораго онъ называлъ человѣкомъ *несообразнымъ* и *необузданнымъ*.

Преграда эта сдѣлала то, что прежде довольно хладнокровный и небрежный въ обращеніи Василій, вдругъ влюбился въ Машу, влюбился такъ, какъ только способенъ на такое чувство дворовый человѣкъ изъ портныхъ, въ розовой рубашкѣ и съ напомаженными волосами.

Несмотря на то, что проявленія его любви были весьма странны и несообразны (напримѣръ, встрѣчая Машу, онъ всегда старался причинить ей боль, или щипалъ ее, или билъ ладонью, или сжималъ ее съ такой силой, что она едва могла переводить дыханіе), но самая любовь его была искренна, что доказывается уже тѣмъ, что съ той поры, какъ Николай рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ своей племянницы, Василій *запалъ* съ горя, сталъ шлѣться по кабакамъ, буянить, однимъ словомъ, вести себя такъ дурно, что не разъ подвергался постыдному наказанію на сѣзжей. — Но поступки эти и ихъ послѣдствія, казалось, были заслугою въ глазахъ Маши и увеличивали еще ея любовь къ нему. Когда Василій *содержался въ части*, Маша по цѣлымъ днямъ, не осушая глазъ, плакала, жаловалась на свою горькую судьбу Гашѣ (принимавшей живое участіе въ дѣлахъ несчастныхъ любовниковъ) и презирая брань и побои своего дяди, потихоньку бѣгала въ полицію навѣщать и утѣшать своего друга.

Негнушайтесь, читатель, обществомъ, въ которое я ввожу васъ. Ежели въ душѣ вашей не ослабли струны любви и участія, то и въ дѣвичьей найдутся звуки, на которыя онъ отзовутся. Угодно ли вамъ, или не угодно будетъ слѣдовать за мною, я отправляюсь на площадку лѣстницы, съ которой мнѣ видно все, что происходитъ въ дѣвичьей. — Вотъ лежанка, на которой стоятъ: утюгъ, картонная кукла съ разбитымъ носомъ, лоханка, рукомойникъ; вотъ окно, на которомъ въ безпорядкѣ валяются: кусочекъ чорнаго воска, мотокъ шолку, откушенный зеленый огурецъ и конфетная коробочка, вотъ и большой красный столъ, на которомъ, на начатомъ шитьѣ, лежитъ кирпичъ, обшитый ситцемъ и за которымъ сидитъ *она* въ моемъ любимомъ, розовомъ холстинковомъ платьѣ и голубой косынкѣ, особенно привлекающей мое вниманіе. *Она* шьетъ, изрѣдка останавливаясь, чтобы

почесать иголкой голову, или поправить свѣчку, а я смотрю и думаю: отчего она не родилась барыней съ этими свѣтлыми голубыми глазами, огромной русой косой и высокой грудью? Какъ бы ей пристало сидѣть въ гостиной, въ чепчикѣ съ розовыми лентами и въ малиновомъ шолковомъ капотѣ, не въ такомъ какой у Мими, а какой я видѣлъ на Тверскомъ бульварѣ. Она бы шила въ пальцахъ, а я бы въ зеркало смотрѣлъ на нее и чтобы не захотѣла, я все бы для нея дѣлалъ; подавалъ бы ей салонъ, кушанье самъ бы подавалъ...

И что за пьяное лицо и отвратительная фигура у этого Василья въ узкомъ сюртукѣ, надѣтомъ сверхъ грязной розовой рубашки на выпускъ! Въ каждомъ его тѣлодвиженіи, въ каждомъ изгибѣ его спины, мнѣ кажется, что я вижу несомнѣнные признаки отвратительнаго наказанія постигнувшаго его...

— Что Вася? опять, сказала Маша, втыкая иголку въ подушку и не поднимая головы на встрѣчу входившему Василью.

— А чтожъ? развѣ отъ *него* добро будетъ, отвѣчалъ Василій: — хоть бы рѣшилъ однимъ чѣмъ-нибудь; а то пропадаю, такъ ни за что и все черезъ *него*.

— Чай будете пить? сказала Надежа другая горничная.

— Благодарю покорно. И вѣдь за что ненави- дить, воръ этотъ, дядя-то твой, за что? за то, что платье себѣ настоящее имѣю, за форцъ за мой, за походку мою. Одно слово. Эхъ-ма! заключилъ Василій, махнувъ рукой.

— Надо покорнымъ быть, сказала Маша, скусывая нитку: — а вы такъ все...

— Мочи моей не стало, вотъ что!

Въ это время, въ комнатѣ бабушки послышался стукъ дверью и ворчливый голосъ Гаши, приближавшейся по лѣстницѣ.

— Поди тутъ угоди, когда сама не знаетъ чего хочеть... проклятая *жисть*, каторжная! Хоть бы одно, что, прости Господи мое согрѣшеніе, бормотала она, размахивая руками.

— Мое почтеніе, Агафѣй Михайловнѣ, сказалъ Василій, приподнимаясь ей на встрѣчу.

— Ну, васъ тутъ! Не до твоего почтенія, отвѣчала она грозно, глядя на него: — и зачѣмъ ходишь сюда? развѣ мѣсто къ дѣвкамъ мужичнѣ ходить....

— Хотѣлъ объ вашемъ здоровьи узнать, робко сказалъ Василій.

— Издохну скоро, вотъ какое мое здоровье, еще съ большимъ, гнѣвомъ, во весь ротъ прокричала Агафья Михайловна.

Василій засмѣялся.

— Тутъ смѣяться нечего, а коли говорю, что убирайся, такъ маршъ! Вишь, поганецъ, тоже жениться, хочеть, подлецъ! Ну, маршъ, отправляйся!

И Агафья Михайловна, тоная ногами, прошла въ свою комнату, такъ сильно стукнувъ дверью, что стекла задрожали въ окнахъ.

За перегородкой долго еще слышалось, какъ продолжая бранить все и всѣхъ и проклиная свое житье, она швыряла свои вещи и драла за уши свою любимую кошку; наконецъ, дверь пріотворилась и въ нее вылетѣла брошенная за хвостъ, жалобно мяукавшая, кошка.

— Видно въ другой разъ прійдти чайку напитокся, сказалъ Василій шопотомъ: — до пріятнаго свиданія.

— Ничего, сказала подмигивая Надежа: — я вотъ пойду самоваръ посмотрю.

— Да и сдѣлаю-жъ я одинъ конецъ, продолжалъ Василій, ближе подсаживаясь къ Машѣ, какъ только Надежа вышла изъ комнаты: — либо пойду прямо къ графинѣ, скажу: «такъ и такъ», либо ужъ... брошу все, убѣгу на край свѣта, ей-Богу.

— А я какъ останусь...

— Одну тебя жалѣю, а то-бы ужъ даа...вно моя головушка на волѣ была, ей-Богу, ей-Богу.

— Что это ты, Вася, мнѣ свои рубашки не принесешь постирать, сказала Маша послѣ минутнаго молчанія: — а то, вишь, какая черная, прибавила она, взявъ его за воротъ рубашки.

Въ это время внизу послышался колокольчикъ бабушки и Гаша вышла изъ своей комнаты.

— Ну чего подлый человѣкъ отъ нея добиваешься? сказала она, толкая въ дверь Василья, который торопливо всталъ увидавъ ее: — довелъ дѣвку до евтого, да еще пристаешь, видно весело тебѣ, оголтѣлый, на ея слезы смотрѣть. Вонъ пошолъ. Чтобы духу твоего не было. И чего хорошаго въ немъ нашла? продолжала она, обращаясь къ Машѣ. — Мало тебя колотилъ нынче дядя за него? Нѣтъ все свое: ни за кого не пойду, какъ за Василья Грускова. Дура!

— Да и не пойду ни за кого, не люблю никого, хоть убей меня до смерти за него, проговорила Маша, вдругъ, разливаясь слезами.

Долго я смотрѣлъ на Машу, которая лежа на сундукѣ, утирала слезы своей косынкой, и, всячески стараясь измѣнять свой взглядъ на Василья, я хотѣлъ найти ту точку зрѣнія, съ которой онъ могъ казаться ей столь привлекательнымъ. Но не смотря на то, что я искренно сочувствовалъ ея печали, я нивакъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ такое очаровательное созданіе, какимъ казалась Маша въ моихъ глазахъ, могло любить Василья.

— Когда я буду большой — разсуждалъ я самъ съ собой, вернувшись къ себѣ наверхъ — Петровское достанется мнѣ и Василій и Маша будутъ мои крѣпостные. Я буду сидѣть въ кабинетѣ и курить трубку, Маша съ утюгомъ пройдетъ въ кухню. Я скажу: «позовите ко мнѣ Машу». Она прійдетъ и никого не будетъ въ комнатѣ... Вдругъ войдетъ Василій и когда увидитъ Машу, скажетъ: «пропала моя головушка!» и Маша тоже заплачетъ; а я скажу: «Василій! я знаю, что ты любишь ее, и она тебя любитъ, на вотъ тебѣ тысячу рублей, женись на ней и дай Богъ тебѣ счастья», а самъ уйду въ диванную. Между безчисленнымъ ко-

личествомъ мыслей и мечтаній, безъ всякаго слѣда приходящихъ въ умъ и воображеніи, есть такія, которыя оставляютъ въ нихъ глубокую чувствительную борозду; такъ-что часто не помня уже сущности мысли, помнишь, что было что-то хорошее въ головѣ, чувствуешь слѣдъ мысли и стараешься снова воспроизвести ее. Такого рода глубокий слѣдъ оставила въ моей душѣ мысль о пожертвованіи своего чувства въ пользу счастья Маши, которое она могла найти только въ супружествѣ съ Васильемъ.

ГЛАВА XIX.

ОТРОЧЕСТВО.

Едва ли мнѣ повѣрятъ, какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышленій во время моего отрочества, — такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральной дѣятельностью, есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представились мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всемъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигать умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему.

Мнѣ кажется, что умъ человѣческій въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, что мысли слѣжившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльные части ума; но что каждый человѣкъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій.

Мысли эти представлялись моему уму съ такою ясностью и поразительностью, что я даже старался примѣнять ихъ къ жизни, воображая, что я *первый* открываю такія великія и полезныя истины.

Разъ мнѣ пришла мысль, что счастье не зависитъ отъ виѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастливъ, и, чтобы пріучить себя къ труду, я несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева, или ухаживалъ въ чуланѣ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ, такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ.

Другой разъ вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ меня каждый часъ, каждую минуту, я рѣшилъ, не понимая, какъ не поняли того до сихъ

поръ люди, что человѣкъ не можетъ быть иначе счастливъ, какъ пользуясь настоящимъ и не помышляя о будущемъ, — и я дня три, подъ вліяніемъ этой мысли, бросилъ уроки и занимался только тѣмъ, что, лежа на постелѣ, наслаждался чтеніемъ какого нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кротовскимъ медомъ, которые я покупалъ на послѣднія деньги.

То разъ, стоя передъ черной доской и рисуя на ней мѣломъ разныя фигуры, я вдругъ былъ пораженъ мыслью: почему симметрия пріятна для глазъ? что такое симметрия? Это врожденное чувство, отвѣчалъ я самъ себѣ. На чемъ же оно основано? Развѣ во всемъ въ жизни симметрия? Напротивъ, вотъ жизнь — и я нарисовалъ на доскѣ овальную фигуру. — Послѣ жизни душа переходитъ въ вѣчность; вотъ вѣчность — и я провелъ съ одной стороны овальной фигуры черту до самаго края доски. Отчего-же съ другой стороны нѣту такой же черты? Да и въ самомъ дѣлѣ, какая же можетъ быть вѣчность съ одной стороны, мы вѣрно существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о томъ воспоминаніе.

Это разсужденіе, казавшееся мнѣ чрезвычайно новымъ и яснымъ, и котораго связь я съ трудомъ могу уловить теперь, — понравилось мнѣ чрезвычайно и я, взявъ листъ бумаги, вздумалъ письменно изложить его; но при этомъ въ голову мою набралась вдругъ такая бездна мыслей, что я принужденъ былъ встать и пройтись по комнатѣ. Когда я подошелъ къ окну, вниманіе мое обратила водовозка, которую запрягалъ въ это время кучеръ, и всѣ мысли мои сосредоточились на рѣшеніи вопроса: въ какое животное или человѣка перейдетъ душа этой водовозки, когда она околѣетъ? Въ это время Володя, проходя черезъ комнату, улыбнулся, замѣтивъ, что я размышлялъ о чемъ-то, и этой улыбки достаточно было, чтобы понять, что все то, о чемъ я думалъ, была ужаснѣйшая гиль.

Я разсказалъ этотъ почему-то мнѣ памятный случай только затѣмъ, чтобы дать понять читателю о томъ, въ какомъ родѣ были мои умствованія.

Но ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія близкаго сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ-же исчезаютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ, въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я, подъ вліяніемъ этой *постоянной идеи*, доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь, въ расплехъ, застать пустоту (*néant*), тамъ гдѣ меня не было.

Жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности, — умъ человѣка!

Слабый умъ мой не могъ проникнуть непроницаемаго, а въ не посильномъ трудѣ терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя для счастья моей жизни, я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать.

Изъ всего этого, тяжелаго моральнаго труда, я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжестъ чувства и ясность разсудка.

Отвлеченныя мысли образуются вслѣдствіе способности человѣка уловить сознаниемъ въ извѣстный моментъ состояніе души и перенести его въ воспоминаніе. Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, итакъ далѣе. Умъ-за-разумъ заходилъ...

Однако философскія открытія, которыя я дѣлалъ, чрезвычайно льстили моему самолюбію: я часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины, и съ гордымъ сознаниемъ своего достоинства смотрѣлъ на остальныхъ смертныхъ; но, странно, приходя въ столкновеніе съ этими смертными, я робѣлъ передъ каждымъ, и чѣмъ выше ставилъ себя въ собственномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе былъ способенъ съ другими не только выказывать сознаніе собственного достоинства, но не могъ даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движеніе.

ГЛАВА XX.

В О Л О Д Я.

Да, чѣмъ дальше подвигаюсь я въ описаніе этой поры моей жизни, тѣмъ тяжелѣе и труднѣе становится оно для меня. Рѣдко, рѣдко между воспоминаніями за это время нахожу я минуты истиннаго теплаго чувства, такъ ярко и постоянно освѣщавшаго начало моей жизни. Мнѣ невольно хочется пробѣжать скорѣе пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нѣжное, благородное чувство дружбы яркимъ свѣтомъ озарило конецъ этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзіи порѣ юности.

Не стану часть за часомъ слѣдить за своими воспоминаніями, но брошу быстрый взглядъ на главнѣйшія изъ нихъ съ того времени, до котораго я довелъ свое повѣствованіе, и до сближенія моего съ необыкновеннымъ человѣкомъ, имѣв-

шимъ рѣшительное и благотворное вліаніе на мой характеръ и направленіе.

Володя на дняхъ поступаетъ въ университетъ, учителя уже ходятъ къ нему отдѣльно, и я съ завистью и невольнымъ уваженіемъ слушаю, какъ онъ, бойко постукивая мѣломъ о черную доску, толкуетъ о функціяхъ, синусахъ, кардинатахъ и т. п., которые кажутся мнѣ выраженіями недостигаемой премудрости. Но вотъ въ одно воскресенье, послѣ обѣда, въ комнатѣ бабушки собираются всѣ учителя, два профессора и въ присутствіи папа и нѣкоторыхъ гостей дѣлаютъ репетицію университетскаго экзамена, въ которомъ Володя къ великой радости бабушки выказываетъ необыкновенныя познанія. Мнѣ тоже дѣлаютъ вопросы изъ нѣкоторыхъ предметовъ, но я оказываюсь весьма плохъ, и профессора видимо стараются передъ бабушкой скрыть мое незнаніе, что еще болѣе конфузитъ меня. Впрочемъ, на меня мало и обращаютъ вниманія: мнѣ только пятнадцать лѣтъ, слѣдовательно остается еще годъ до экзамена. Володя только къ обѣду сходитъ внизъ, а цѣлые дни и даже вечера проводитъ наверху за занятіями, не по принужденію, а по собственному желанію. Онъ чрезвычайно самолюбивъ и не хочетъ выдержать экзаменъ посредственно, а отлично.

Но вотъ наступилъ день перваго экзамена. Володя надѣваетъ синій фракъ съ бронзовыми пуговицами, золотые часы и лакированные сапоги; къ крыльцу подаютъ фаэтонъ папа, Николай откидываетъ фартукъ, и Володя съ St. Jérôme'омъ ѣдутъ въ университетъ. Дѣвочки, въ особенности Катенька, съ радостными, восторженными лицами смотрятъ въ окно на стройную фигуру сажающагося въ экипажъ Володи, папа говоритъ: «дай Богъ, дай Богъ», а бабушка, тоже притащившаяся къ окну, со слезами на глазахъ, креститъ Володю до тѣхъ поръ, пока фаэтонъ не скрывается за угломъ переулка, и шепчетъ что-то.

Володя возвращается. Всѣ съ нетерпѣніемъ спрашиваютъ его «что? хорошо? сколько?» но уже по веселому лицу его видно, что хорошо. Володя получилъ пять. На другой день съ тѣми же желаніями успѣха и страхомъ провожаютъ его, и встрѣчаютъ съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и радостію. Такъ проходитъ девять дней. На десятый день предстоитъ послѣдній, самый трудный экзаменъ — Закона Божьяго, всѣ стоятъ у окна и еще съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ его. Уже два часа, а Володи нѣтъ.

— Боже мой! Батюшки!!! они!! они!! кричитъ Любочка, прильнувъ къ стеклу.

И дѣйствительно, въ фаэтонѣ рядомъ съ St. Jérôme'омъ сидитъ Володя, но уже не въ синемъ фракѣ и сѣрой фуражкѣ, а въ студенческомъ мундирѣ съ шитымъ голубымъ воротникомъ, въ треугольной шляпѣ и съ позолоченной иппагой на боку.

— Что, ежели бы ты была жива! вскрикиваетъ, бабушка, увидавъ Володю въ мундирѣ, и падаетъ въ обморокъ.

Володя съ сіяющимъ лицомъ вбѣгаетъ въ переднюю, целуетъ и обнимаетъ меня. Любочку, Мими и Катеньку, которая при этомъ краснѣетъ до самыхъ ушей. Володя не помнитъ себя отъ радости. И какъ онъ хорошъ въ этомъ мундирѣ! Какъ идетъ голубой воротникъ къ его чуть пробивающимся чернымъ усикамъ! Какая у него тонкая длинная талія и благородная походка! Въ этотъ достопамятный день всѣ обѣдаютъ въ комнатѣ бабушки, на всѣхъ лицахъ сіяетъ радость, и за обѣдомъ, во время пирожного, дворецкій, съ прилично-величавой и вмѣстѣ веселой фizioноміей, приноситъ завернутую въ салфетку бутылку шампанскаго. Бабушка въ первый разъ послѣ кончины тапалъетъ шампанское, выпиваетъ цѣлый бокалъ, поздравляя Володю, и снова плачетъ отъ радости, глядя на него. Володя уже одинъ въ собственномъ экипажѣ выѣзжаетъ со двора, принимаетъ къ себѣ своихъ знакомыхъ, куритъ табакъ, ѣздитъ на балы и даже я самъ видѣлъ, какъ разъ онъ въ своей комнатѣ выпилъ двѣ бутылки шампанскаго съ своими знакомыми, и какъ они при каждомъ бокалѣ называли здоровье какихъ-то таинственныхъ особъ и спорили о томъ, кому достанется le fond de la bouteille. Онъ обѣдаетъ, однако, регулярно дома и послѣ обѣда по прежнему усаживается въ диванной и о чемъ-то вѣчно-таинственно бесѣдуетъ съ Катенькой; но сколько я могу слышать — какъ не принимающій участія въ ихъ разговорахъ, — они толкуютъ только о герояхъ и героиняхъ прочитанныхъ романовъ, о ревности, о любви, и я никакъ не могъ понять, что они могутъ находить занимательнаго въ такихъ разговорахъ и почему они такъ тонко улыбаются и горячо спорятъ.

Вообще я замѣчаю, что между Катенькой и Володей, кромѣ понятной дружбы между товарищами дѣтства, существуютъ какія-то странныя отношенія, отдаляющія ихъ отъ насъ и таинственно связывающія ихъ между собой.

ГЛАВА XXI.

КАТЕНЬКА И ЛЮБОЧКА.

Катенькѣ шестнадцать лѣтъ; она выросла; угловатость формъ, застѣчивость и неловкость движений, свойственныя дѣвочкѣ въ переходномъ возрастѣ, уступили мѣсто гармонической свѣжести и граціозности только-что расцвѣтшагося цвѣтка; но она не перемѣнилась. Тѣ же свѣтло голубые глаза и улыбающійся взглядъ, тотъ же составляющій почти одну линію со лбомъ, прямой носикъ съ крѣпкими ноздрями и ротикъ съ свѣтлой улыбкой, тѣ же крошечныя ямочки на розовыхъ прозрачныхъ щечкахъ, тѣ же бѣленькія ручки... и къ ней по прежнему почему-то чрезвычайно идетъ названіе чистенькой дѣвочки. Новаго въ ней только густая русая коса, которую она носитъ какъ боль-

пія и молодая грудь, появленіе которой замѣтно радуеть и стыдитъ ее.

Несмотря на то, что Любочка всегда росла и воспитывалась съ нею вмѣстѣ, она во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ другая дѣвочка.

Любочка невысока ростомъ и, вслѣдствіе англійской болѣзни, у нея ноги до сихъ поръ еще гусемъ и прегадкая талія. Хорошаго во всей ея фигурѣ только глаза, и глаза эти дѣйствительно прекрасны — большіе, черные и съ такимъ неопредѣлимо-пріятнымъ выраженіемъ важности и наивности, что они не могутъ не остановить вниманія. Любочка во всемъ проста и натуральна; Катенька же какъ будто хочетъ быть похожей на кого-то. Любочка смотритъ всегда прямо и иногда, остановивъ на комъ нибудь свои огромные черные глаза, не спускаетъ ихъ такъ долго, что ее бранятъ за это, говоря, что это неучтиво; Катенька, напротивъ, опускаетъ рѣсницы, щурится и увѣряетъ, что она близорука, тогда какъ я очень хорошо знаю, что она прекрасно видитъ. Любочка не любитъ ломаться при постороннихъ и, когда кто нибудь при гостяхъ начинаетъ цаловать ее, она дуется и говоритъ, что терпѣть не можетъ *нѣжностей*; Катенька, напротивъ, при гостяхъ дѣлается особенно нѣжна къ Мими и любитъ, обнявшись съ какой нибудь дѣвочкой, ходить по залѣ. Любочка страшная хохотунья и иногда, въ припадкѣ смѣха, машетъ руками и бѣгаетъ по комнатѣ; Катенька, напротивъ, закрываетъ ротъ платкомъ или руками, когда начинается смѣяться. Любочка всегда сидитъ прямо и ходитъ опустивъ руки; Катенька держитъ голову нѣсколько на бокъ и ходитъ сложивъ руки. Любочка всегда ужасно рада, когда ей удастся поговорить съ большимъ мужчиной, и говоритъ, что она непременно выйдетъ замужъ за гусара; Катенька же говоритъ, что всѣ мужчины ей гадки, что она никогда не выйдетъ замужъ, и дѣлается совсѣмъ другая, какъ будто она боится чего-то, когда мужчина говоритъ съ ней. Любочка вѣчно негодуетъ на Мими за то, что ее такъ стягиваютъ корсетами, что «дышать нельзя», и любитъ покушать; Катенька, напротивъ, часто, поддѣвая палецъ подъ мысъ своего платья, показываетъ намъ, какъ оно ей широко, и ѣстъ чрезвычайно мало. Любочка любитъ рисовать головки; Катенька же рисуетъ только цвѣты и бабочекъ. Любочка играетъ очень отчетливо фильдовскіе концерты, нѣкоторыя сонаты Бетховена; Катенька играетъ варьяціи и вальсы, задерживаетъ темпъ, стучитъ, безпрестанно беретъ педаль и прежде, чѣмъ начинаетъ играть что-нибудь, съ чувствомъ беретъ три аккорда *arpeggio*.

Но Катенька, по моему тогдашнему мнѣнію, больше похожа на большую, и поэтому гораздо больше мнѣ нравится.

ГЛАВА XXII.

ПАПА.

Папа особенно весель съ тѣхъ поръ, какъ Володя поступилъ въ университетъ, и чаще обыкновеннаго приходитъ обѣдать къ бабушкѣ. Впрочемъ, причина его веселья, какъ я узналъ отъ Николая, состоитъ въ томъ, что онъ въ послѣднее время выигралъ чрезвычайно много. Случается даже, что онъ вечеромъ, передъ клубомъ, заходитъ къ намъ, садится за фортепьяно, собираетъ насъ вокругъ себя и, притоптывая своими мягкими сапогами (онъ терпѣть не можетъ каблуковъ и никогда не носитъ ихъ), поетъ цыганскія пѣсни. И надобно тогда видѣть смѣшной восторгъ его любимицы Любочки, которая съ своей стороны обожаетъ его. Иногда онъ приходитъ въ классы и съ строгимъ лицомъ слушаетъ, какъ я сказываю уроки, но по нѣкоторымъ словамъ, которыми онъ хочетъ поправить меня, я замѣчаю, что онъ плохо знаетъ то, чему меня учатъ. Иногда онъ потихоньку мигаетъ и дѣлаетъ намъ знаки, когда бабушка начинаетъ ворчать и сердится на всѣхъ безъ причины. Ну досталось же *намъ* дѣти, говоритъ онъ потомъ. Вообще онъ по-немногу спускается въ моихъ глазахъ съ той недостигаемой высоты, на которую его ставило дѣтское воображеніе. Я съ тѣмъ же искреннимъ чувствомъ любви и уваженія цалую его большую бѣлую руку, но уже позволяю себѣ думать о немъ, обсуждать его поступки, и мнѣ невольно приходятъ о немъ такія мысли, присутствіе которыхъ пугаетъ меня. Никогда не забуду я случая внушившаго мнѣ много такихъ мыслей и доставившаго мнѣ много моральныхъ страданій.

Одинъ разъ, поздно вечеромъ, онъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ, вошелъ въ гостиную съ тѣмъ, чтобы взять съ собой на балъ Володю, который въ это время одѣвался въ своей комнатѣ. Бабушка въ спальнѣ дожидалась, чтобы Володя пришолъ показаться ей (она имѣла привычку передъ каждымъ баломъ призывать его къ себѣ, благословлять, осматривать и давать наставленія). Въ залѣ, освѣщенной только одной лампой, Мими съ Катенькой ходила взадъ и впередъ, а Любочка сидѣла за роялемъ и твердила второй концертъ Фильда, любимую пьесу татапа.

Никогда ни въ комъ не встрѣчалъ я такого фамильнаго сходства, какъ между сестрой и матушкой. Сходство это заключалось не въ лицѣ, не въ сложеніи, но въ чемъ-то неуловимомъ: въ рукахъ, въ манерѣ ходить, въ особенности въ голосѣ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Когда Любочка сердилась и говорила: «цѣлый вѣкъ не пускаютъ», это слово *цѣлый вѣкъ*, которое имѣла тоже привычку говорить татапа, она выговаривала такъ, что казалось, слышалъ ее, какъ-то протяжно: цѣ-ѣ-лый вѣкъ; но необыкновеннѣе всего было это сходство въ игрѣ ея на фортепьяно и во всѣхъ пріемахъ при этомъ: она также управляла платьемъ, также поворачи-

ГЛАВА XXIII.

БАБУШКА.

вала листы лѣвой рукой сверху, также съ досады кулакомъ била по клавишамъ, когда долго не удавался трудный пассажъ, и говорила: «ахъ, Богъ мой!» и та же неуловимая нѣжность и отчетливость игры, той прекрасной фильдовской игры, такъ хорошо названной *jeu perlé*, прелести которой не могли заставить забыть всѣ фокусы-покусы новѣйшихъ пьянистовъ.

Папа вошелъ въ комнату скорыми маленькими шажками и подошелъ къ Любочкѣ, которая перестала играть, увидѣвъ его.

— Нѣтъ, играй Люба, играй, сказалъ онъ, усаживая ее: — ты знаешь, какъ я люблю тебя слушать...

Любочка продолжала играть, а папа долго облокотившись на руку, сидѣлъ противъ нея; потомъ, быстро подернувъ плечомъ, онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ. Подходя къ роялю, онъ всякій разъ останавливался и долго пристально смотрѣлъ на Любочку. По движеніямъ и походкѣ его я замѣчалъ, что онъ былъ въ волненіи. Пройдя нѣсколько разъ по залѣ, онъ, остановившись за стуломъ Любочки, поцѣловалъ ее въ черную голову и потомъ, быстро поворотившись опять, продолжалъ свою прогулку. Когда, окончивъ пьесу, Любочка подошла къ нему съ вопросомъ: «хорошо ли?» онъ молча взялъ ее за голову и сталъ цаловать въ лобъ и глаза съ такою нѣжностію, какой я никогда не видывалъ отъ него.

— Ахъ, Богъ мой! ты плачешь! вдругъ сказала Любочка, выпуская изъ рукъ цѣпочку его часовъ и уставляя на его лицо свои большіе удивленные глаза. — Прости меня, голубчикъ папа, я совсѣмъ забыла, что это *мамашина пьеса*.

— Нѣтъ, другъ мой, играй почаще, сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — коли бы ты знала, какъ мнѣ хорошо поплакать съ тобой...

Онъ еще разъ поцаловалъ ее и, стараясь перебить внутреннее волненіе, подергивая плечомъ, вышелъ въ дверь, ведущую черезъ корридоръ въ комнату Володи.

— Вольдемаръ! скоро ли ты? крикнулъ онъ, останавливаясь посреди корридора. Въ это самое время мимо него проходила горничная Маша, которая, увидавъ барина, потупилась и хотѣла обойти его. Онъ остановилъ ее. «А ты все хорошишься», сказалъ онъ, наклонясь къ ней.

Маша покраснѣла и еще болѣе опустила голову. «Позвольте» прошептала она.

— Вольдемаръ, что жъ скоро-ли? повторилъ папа подергиваясь и покашливая, когда Маша прошла мимо и онъ увидалъ меня...

Я люблю отца, но умъ челоуѣка живетъ независимо отъ сердца и часто вмѣщаетъ въ себя мысли оскорбляющія чувство, не понятныя и жестокія для него. И такія мысли, несмотря на то, что я стараюсь удалить ихъ, приходятъ мнѣ...

Бабушка со дня на день становится слабѣе; ея колокольчикъ, голосъ ворчливой Гаши и хлопанье дверями чаще слышатся въ ея комнатѣ, и она принимаетъ насъ уже не въ кабинетѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, а въ спальнѣ, въ высокой постели съ подушками, обшитыми кружевами. Здороваюсь съ нею, я замѣчаю на ея рукѣ блѣдно-желтоватую глянцевую опухоль, а въ комнатѣ тяжелый запахъ, который, пять лѣтъ тому назадъ, слышалъ въ комнатѣ матушки. Докторъ три раза въ день бываетъ у нея, и было уже нѣсколько консулъцій. Но характеръ, гордое и церемонное обращеніе ея со всѣми домашними, а въ особенности съ папа, нисколько не измѣнились; она точно также растягиваетъ слова, поднимаетъ брови и говоритъ: «мой милый».

Но вотъ нѣсколько дней насъ уже не пускаютъ къ ней, и разъ утромъ St. Jérôme, во время классовъ, предлагаетъ мнѣ ѣхать кататься съ Любочкой и Катенькой. Несмотря на то, что, садясь въ сани, я замѣчаю, что передъ бабушкиными окнами улица устлана соломой и что какіе-то люди въ синихъ чуйкахъ стоятъ около нашихъ воротъ, я никакъ не могу понять, для чего насъ посылаютъ кататься въ такой неурочный часъ. Въ этотъ день, во все время катанья, мы съ Любочкой находимся почему-то въ томъ особенно веселомъ расположеніи духа, въ которомъ каждый простой случай, каждое слово, каждое движеніе заставляютъ смѣяться.

Разнощикъ, схватившись за лотокъ, рысью перебѣгаетъ черезъ дорогу, и мы смѣемся. Оборванный Ванька галопомъ, помахивая концами возжей, догоняетъ наши сани, и мы хохочемъ. У Филиппа зацѣпилъ кнутъ за полозъ саней; онъ, обирачиваясь, говоритъ: «эхъ-ма», и мы помираемъ со смѣху. Мими съ недовольнымъ видомъ говоритъ, что только *милые* смѣются безъ причины, и Любочка, вся красная отъ напряженія сдержаннаго смѣха, изъ подлобья смотритъ на меня. Глаза наши встрѣчаются, и мы заливаемся такимъ гоме-рическимъ хохотомъ, что у насъ на глазахъ слезы, и мы не въ состояніи удержать порывовъ смѣха, который душитъ насъ. Только что мы немного успокоиваемся, я взглядываю на Любочку и говорю завитное словечко, которое у насъ въ модѣ съ нѣкотораго времени и которое уже всегда производило смѣхъ, и снова мы заливаемся.

Подъѣзжая назадъ къ дому, я только открываю ротъ, чтобъ сдѣлать Любочкѣ одну прекрасную гримасу, какъ глаза мои поражаетъ черная крышка гроба, прислоненная къ половинкѣ двери нашего подъѣзда, и ротъ мой остается въ томъ же искривленномъ положеніи.

— Votte grande-mère est morte! говоритъ St. Jérôme съ блѣднымъ лицомъ, выходя намъ навстрѣчу.

Все время, покуда тѣло бабушки стоитъ въ домѣ, я испытываю тяжелое чувство страха смерти, т. е. мертвое тѣло живо и непріятно напоминаетъ мнѣ то, что и я долженъ умереть когда нибудь, чувство, которое почему-то привыкли смѣшивать съ печалью. Я не жалѣю о бабушкѣ, да едва-ли кто нибудь искренно жалѣетъ о ней. Несмотря на то, что домъ полонъ траурныхъ посѣтителей, никто не жалѣетъ о ея смерти, исключая одного лица, котораго неистовая горестъ невыразимо поражаетъ меня. И лицо это — горничная Гама. Она уходитъ на чердакъ, запирается тамъ, не переставая плачетъ, проклинаетъ самое-себя, рветъ на себѣ волосы, не хочетъ слышать никакихъ совѣтовъ и говорить, что смерть для нея остается единственнымъ утѣшеніемъ послѣ потери любимой госпожи.

Опять повторяю, что неправдоподобность въ дѣлѣ чувства есть вѣрнѣйшій признакъ истины.

Бабушки уже нѣтъ, но еще въ нашемъ домѣ живутъ воспоминанія и различные толки о ней. Толки эти преимущественно относятся до завѣщанія, которое она сдѣлала передъ кончиной и котораго никто не знаетъ, исключая ея душеприкащика, князя Ивана Ивановича. Между бабушкиными людьми я замѣчаю нѣкоторое волненіе, часто слышу толки о томъ, кто кому достанется, и, признаюсь, невольно и съ радостью думаю о томъ, что мы получаемъ наслѣдство.

Послѣ шести недѣль, Николай, всегдашняя газета новостей нашего дома, рассказываетъ мнѣ, что бабушка оставила все имѣніе Любочкѣ, поручивъ до ея замужства опеку не папа, а князю Ивану Ивановичу.

ГЛАВА XXIV.

Я.

До поступленія въ университетъ мнѣ остается уже только нѣсколько мѣсяцовъ. Я учусь хорошо. Не только безъ страха ожидаю учителей, но даже чувствую нѣкоторое удовольствіе въ классѣ.

Мнѣ весело — ясно и отчетливо сказать выученный урокъ. Я готовлюсь въ математическій факультетъ, и выборъ этотъ, по правдѣ сказать, сдѣланъ мной единственно потому, что слова: синусы, тангенсы, дифференціалы, интегралы и т. д. чрезвычайно нравятся мнѣ.

Я гораздо ниже ростомъ Володи, широкоплечъ и мясистъ, по прежнему дурень и по прежнему мучусь этимъ. Я стараюсь казаться оригиналомъ. Одно утѣшаетъ меня: это то, что про меня папа сказалъ какъ-то, что у меня *умная рожа*, и я вполне вѣрю въ это.

St. Jérôme доволенъ мною, хвалитъ меня, и я не только не ненавижу его, но, когда онъ иногда говоритъ, что *съ моими способностями, съ моимъ умомъ* стыдно не сдѣлать того-то и того-то, мнѣ кажется даже, что я люблю его.

Наблюденія мои въ дѣвичьей давно уже прекратились, мнѣ совѣстно прятаться за двери, да притомъ и убѣжденіе въ любви Маши къ Василью, признаюсь, нѣсколько охладило меня. Окончательно же исцѣляетъ меня отъ этой несчастной страсти женитьба Василья, для которой я самъ, по просьбѣ его, испрашиваю у папа позволенія.

Когда *молодые*, съ конфетами на подносѣ, приходятъ къ папа, благодарить его, и Маша, въ чепчикѣ съ голубыми лентами, тоже за что-то благодаритъ всѣхъ насъ, цалуя каждого въ плечико, я чувствую только запахъ розовой помады отъ ея волосъ, но ни малѣйшаго волненія.

Вообще, я начинаю понемногу исцѣляться отъ моихъ отроческихъ недостатковъ, исключая, впрочемъ, главного, которому суждено надѣлать мнѣ еще много вреда въ жизни — склонности къ умышленію.

ГЛАВА XXV.

ПРІЯТЕЛИ ВОЛОДИ.

Хотя въ обществѣ знакомыхъ Володи я игралъ роль, оскорблявшую мое самолюбіе, я любилъ сидѣть въ его комнатѣ, когда, у него бывали гости, и молча наблюдать все, что тамъ дѣлалось. Чаше другихъ приходили къ Володѣ адъютантъ Дубковъ и студентъ князь Нехлюдовъ. Дубковъ былъ маленькій, жилистый брюнетъ, уже непервой молодости и немного коротконожка, но недурень собой и всегда весель. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ограниченныхъ людей, которые особенно пріятны именно своей ограниченностью, которые не въ состояніи видѣть предметы съ различныхъ сторонъ и которые вѣчно увлекаются. Сужденія этихъ людей бываютъ односторонни и ошибочны, но всегда чистосердечны и увлекательны. Даже узкій эгоизмъ ихъ кажется почему-то простительнымъ и милымъ. Кромѣ того, для Володи и меня Дубковъ имѣлъ двоякую прелесть — воинственной наружности и, главное, возраста, съ которымъ молодые люди почему-то имѣютъ привычку смѣшивать понятіе порядочности (*comme il faut*), очень высоко цѣнимую въ эти года. Впрочемъ, Дубковъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, что называютъ «*un homme comme il faut*». Одно, что было мнѣ непріятно — это то, что Володя какъ будто стыдился иногда передъ нимъ за мои самые невинные поступки, а всего болѣе за мою молодость.

Нехлюдовъ былъ нехорошъ собой: маленькіе сѣрые глаза, невысокій крутой лобъ, непропорціональная длина рукъ и ногъ, не могли быть названы красивыми чертами. Хорошаго было въ немъ только — необыкновенно высокій ростъ, нѣжный цвѣтъ лица и прекрасные зубы. Но лицо это получало такой оригинальный и энергическій характеръ отъ узкихъ, блестящихъ глазъ и перемѣнчиваго, то строгаго, то дѣтски-неопредѣленнаго

выраженія улыбки, что нельзя было не замѣтить его.

Онъ, казалось, былъ очень стыдливъ, потому что каждая малость заставляла его краснѣть до самыхъ ушей; но застѣнчивость его не походила на мою. Чѣмъ больше онъ краснѣлъ, тѣмъ больше лицо его выражало рѣшимость. Какъ будто онъ сердился на самого себя за свою слабость.

Несмотря на то, что онъ казался очень дружнымъ съ Дубковымъ и Володей, замѣтно было, что только случай соединилъ его съ ними. Направленія ихъ были совершенно различны: Володя и Дубковъ какъ будто боялись всего, что было похоже на серьезныя разсужденія и чувствительность; Нехлюдовъ, напротивъ, былъ энтузіастъ въ высшей степени и часто, несмотря на насмѣшки, пускался въ разсужденія о философскихъ вопросахъ и о чувствахъ. Володя и Дубковъ любили говорить о предметахъ своей любви (и бывали влюблены вдругъ въ нѣсколькихъ и оба въ однѣхъ и тѣхъ же); Нехлюдовъ, напротивъ, всегда серьезно сердился, когда ему намекали на его любовь къ какой-то *рыженькой*.

Володя и Дубковъ часто позволяли себѣ, любя, подтрунивать надъ своими родными, Нехлюдова, напротивъ, можно было вывести изъ себя, съ невыгодной стороны наекнувъ на его тетку, къ которой онъ чувствовалъ какое-то восторженное обожаніе. Володя и Дубковъ послѣ ужина ѣздили куда-то безъ Нехлюдова и называли его *красной дѣвушкой*...

Князь Нехлюдовъ поразилъ меня съ перваго раза какъ своимъ разговоромъ, такъ и наружностью. Но несмотря на то, что въ его направленіи я находилъ много общаго съ своимъ—или, можетъ быть, именно поэтому—чувство, которое онъ внушилъ мнѣ, когда я въ первый разъ увидалъ его, было далеко не пріязненное.

Мнѣ не нравились его быстрый взглядъ, твердый голосъ, гордый видъ, но болѣе всего совершенное равнодушіе, которое онъ мнѣ оказывалъ. Часто, во время разговора мнѣ ужасно хотѣлось противорѣчить ему; въ наказаніе за его гордость хотѣлось переспорить его, доказать ему, что я уменъ, несмотря на то, что онъ не хочетъ обращать на меня никакого вниманія. Стыдливость удерживала меня.

ГЛАВА XXVI.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Володя лежалъ съ ногами на диванѣ и, облокотившись на руку, читалъ какой-то французскій романъ, когда я, послѣ вечернихъ классовъ, по своему обыкновенію, вошелъ къ нему въ комнату. Онъ на секунду приподнялъ голову, чтобы взглянуть на меня, и снова принялся за чтеніе—движеніе самое простое и естественное, но которое

заставило меня покраснѣть. Мнѣ показалось, что во взглядѣ его выражался вопросъ, зачѣмъ я пришелъ сюда, а въ быстромъ наклоненіи головы желаніе скрыть отъ меня значеніе взгляда. Эта склонность придавать значеніе самому простому движенію составляла во мнѣ характеристическую черту того возраста. Я подошелъ къ столу и тоже взялъ книгу; но, прежде чѣмъ началъ читать ее, мнѣ пришло въ голову, что какъ-то смѣшно, что мы, не выдавшии цѣлый день, ничего не говоримъ другъ другу.

— Что, ты дома будешь нынче вечеромъ?

— Не знаю, а что?

— Такъ, сказалъ я и, замѣчая, что разговоръ не клеится, взялъ книгу и началъ читать.

Странно, что съ глазу на глазъ мы по цѣлымъ часамъ проводили молча съ Володей, но достаточно было только присутствія даже молчаливаго третьяго лица, что бы между нами завязывались самые интересные и разнообразные разговоры. Мы чувствовали, что слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга. А слишкомъ много или слишкомъ мало знать другъ друга одинаково мѣшаетъ сближенію.

— Володя дома? слышался въ передней голосъ Дубкова.

— Дома, сказалъ Володя, спуская ноги и кладя книгу на столъ.

Дубковъ и Нехлюдовъ, въ шинеляхъ и шляпахъ, вошли въ комнату.

— Чтожь, ѣдемъ въ театръ, Володя?

— Нѣтъ, мнѣ некогда, отвѣчалъ Володя, краснѣя.

— Ну, вотъ еще! поѣдемъ пожалуйста.

— Да у меня и билета нѣтъ.

— Билетовъ сколько хочешь у входа.

— Погоди, я сейчасъ приду, уклончиво отвѣчалъ Володя и, подергивая плечомъ, вышелъ изъ комнаты.

Я зналъ, что Володѣ очень хотѣлось ѣхать въ театръ, куда его звалъ Дубковъ; что онъ отказывался потому только, что у него не было денегъ, и что онъ вышелъ за тѣмъ, чтобы у дворецкаго достать въ займы пять рублей до будущаго жалованья.

— Здравствуйте, *дипломатъ*! сказалъ Дубковъ, подавая мнѣ руку.

Пріятели Володи называли меня *дипломатомъ*, потому что разъ, послѣ обѣда у покойницы бабушки, она какъ-то при нихъ, разговорившись о нашей будущности, сказала, что Володя будетъ военный, а что меня она надѣется видѣть *дипломатомъ*, въ черномъ фракѣ и съ прической à la soq, составлявшей, по ея мнѣнію, необходимое условіе дипломатическаго званія.

— Куда это ушелъ Володя? спросилъ меня Нехлюдовъ.

— Не знаю, отвѣчалъ я, краснѣя при мысли, что они вѣрно догадываются, зачѣмъ вышелъ Володя.

— Вѣрно у него денегъ нѣтъ! правда? О! *ди-*

пломать! прибавилъ онъ утвердительно, объясняя мою улыбку. — У меня тоже нѣтъ денегъ, а у тебя есть, Дубковъ?

— Посмотримъ, сказалъ Дубковъ, доставая кошелекъ и ощупывая въ немъ весьма тщательно нѣсколько мелкихъ монетъ своими коротенькими пальцами. — Вотъ пятачокъ, вотъ двугривенникъ, а то фффю! сказалъ онъ, дѣлая комическій жестъ рукою.

Въ это время Володя вошелъ въ комнату.

— Ну что, ѣдемъ?

— Нѣтъ.

— Какъ ты смѣшонъ! сказалъ Нехлюдовъ: — отчего ты не скажешь, что у тебя нѣтъ денегъ. Возьми мой билетъ, коли хочешь.

— А ты какъ же?

— Онъ поѣдетъ къ кузинамъ въ ложу, сказалъ Дубковъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не поѣду.

— Отчего?

— Оттого, что, ты знаешь, я не люблю сидѣть въ ложѣ.

— Отчего?

— Не люблю, мнѣ неловко.

— Опять старое! не понимаю, отчего тебѣ можетъ быть неловко тамъ, гдѣ всѣ тебѣ очень рады. Это смѣшно, mon cher.

— Чтожъ дѣлать, si je suis timide! Я увѣренъ, ты въ жизни своей никогда не краснѣлъ, а я всякую минуту отъ малѣйшихъ пустяковъ! сказалъ онъ, краснѣя въ это же время.

— Savez vous, d'où vient votre timidité?.. d'un excès d'amour propre, mon cher, сказалъ Дубковъ покровительственнымъ тономъ.

— Какой тутъ excès d'amour propre! отвѣчалъ Нехлюдовъ, задѣтый за живое. — Напротивъ, я стыдливъ оттого, что у меня слишкомъ мало amour propre; мнѣ все кажется, напротивъ, что со мной непріятно, скучно... отъ этого...

— Одѣвайся же, Володя! сказалъ Дубковъ, схватывая его за плечи и снимая съ него сюртукъ. — Игнать, одѣваться барину!

— Отъ этого со мной часто бываетъ... продолжалъ Нехлюдовъ.

Но Дубковъ уже не слушалъ его. «Трала-та-рала-ла» запѣлъ онъ какой-то мотивъ.

— Ты не отдѣлался, сказалъ Нехлюдовъ: — я тебѣ докажу, что стыдливость происходитъ совсѣмъ не отъ самолюбія.

— Докажешь, ежели поѣдешь съ нами.

— Я сказалъ, что не поѣду.

— Ну, такъ оставайся тутъ и доказывай *дипломату*; а мы пріѣдемъ, онъ намъ расскажетъ.

— И докажу, возразилъ Нехлюдовъ съ дѣтскимъ своенравіемъ: — только пріѣзжайте скорѣй.

— Какъ вы думаете: я самолюбивъ? сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ.

Не смотря на то, что у меня на этотъ счетъ было составленное мнѣніе, я такъ оробѣлъ отъ этого неожиданнаго обращенія, что нескоро могъ отвѣтить ему.

— Я думаю, что да, сказалъ я, чувствуя, какъ голосъ мой дрожить и краска покрываетъ лицо при мысли, что пришло время доказать ему, что я умный: — я думаю, что всякій человѣкъ самолюбивъ, и все то, что ни дѣлаетъ человѣкъ — все изъ самолюбія.

— Такъ что же, по вашему, самолюбіе? сказалъ Нехлюдовъ, улыбаясь нѣсколько презрительно, какъ мнѣ показалось.

— Самолюбіе, сказалъ я: — есть убѣжденіе въ томъ, что я лучше и умнѣе всѣхъ людей.

— Да какъ же могутъ быть всѣ въ этомъ убѣждены?

— Ужъ я не знаю, справедливо-ли или нѣтъ, только никто кромѣ меня не признается; я убѣжденъ, что я умнѣе всѣхъ на свѣтѣ и увѣренъ, что вы тоже увѣрены въ этомъ.

— Нѣтъ я про себя перваго скажу, что я встрѣчалъ людей, которыхъ признавалъ умнѣе себя, сказалъ Нехлюдовъ.

— Не можетъ быть, отвѣчалъ я съ убѣжденіемъ.

— Не ужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете? сказалъ Нехлюдовъ, пристально вглядываясь въ меня.

— Серьезно, отвѣчалъ я.

И тутъ мнѣ вдругъ пришла мысль, которую я тотчасъ же высказалъ.

— Я вамъ это докажу. Отчего мы самихъ себя любимъ больше другихъ?.. Оттого, что мы считаемъ себя лучше другихъ, болѣе достойными любви. Ежели бы мы находили другихъ лучше себя, то мы бы и любили ихъ больше себя, а этого никогда не бываетъ. Ежели и бываетъ, то все-таки я правъ, прибавилъ я съ невольной улыбкой самодовольствія.

Нехлюдовъ помолчалъ съ минуту.

— Вотъ я никакъ не думалъ, чтобы вы были такъ умны! сказалъ онъ мнѣ съ такой добродушной, милой улыбкой, что вдругъ мнѣ показалось, что я чрезвычайно счастливъ.

Похвала такъ могущественно дѣйствуетъ не только на чувство, но и на умъ человѣка, что подъ ея пріятнымъ вліяніемъ мнѣ показалось, что я сталъ гораздо умнѣе, и мысли одна за другой съ необыкновенной быстротой набирались мнѣ въ голову. Съ самолюбія мы незамѣтно перешли къ любви, и на эту тему разговоръ казался неистощимымъ. Не смотря на то, что наши разсужденія для посторонняго слушателя могли показаться совершенной бессмыслицею — такъ они были неясны и односторонни — для насъ они имѣли высокое значеніе.

Души наши такъ хорошо были настроены на одинъ ладъ, что малѣйшее прикосновеніе къ какой нибудь струнѣ одного находило отголосокъ въ другомъ. Мы находили удовольствіе именно въ этомъ соотвѣтственномъ звучаніи различныхъ струнъ, которыя мы затрогивали въ разговорѣ. Намъ казалось, что недостаетъ словъ и времени, чтобы выразить другъ другу всѣ тѣ мысли, которыя просились наружу.

ГЛАВА XXVII.

НАЧАЛО ДРУЖБЫ.

Съ той поры, между мной и Дмитріемъ Нехлюдовымъ установились довольно странныя, но чрезвычайна пріятныя отношенія. При постороннихъ онъ не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но какъ только случалось намъ быть однимъ, мы усаживались въ уютный уголокъ и начинали разсуждать, забывая все и не замѣчая, какъ летитъ время.

Мы толковали и о будущей жизни, и объ искусствахъ, и о службѣ, и о женитьбѣ, и о воспитаніи дѣтей, и никогда намъ въ голову не приходило, что все то, что мы говорили, былъ ужаснѣйшій вздоръ. Это не приходило намъ въ голову потому, что вздоръ, который мы говорили, былъ умный и милый вздоръ; а въ молодости еще цѣнишь умъ, вѣришь въ него. Въ молодости всѣ силы души направлены на будущее, и будущее это принимаетъ такія разнообразныя, живыя и обворожительныя формы подъ вліяніемъ надежды, основанной не на опытности прошедшаго, а на воображаемой возможности счастья, что однѣ понятія и раздѣленныя мечты о будущемъ счастіи составляютъ уже истинное счастье этого возраста. Въ метафизическихъ разсужденіяхъ, которыя бывали однимъ изъ главныхъ предметовъ нашихъ разговоровъ, я любилъ ту минуту, когда мысли быстрѣе и быстрѣе слѣдуютъ одна за другой и, становясь все болѣе и болѣе отвлеченными, доходятъ, наконецъ, до такой степени туманности, что не видишь возможности выразить ихъ и, полагая сказать то, что думаешь, говоришь совсѣмъ другое. Я любилъ эту минуту, когда, возносясь все выше и выше въ области мысли, вдругъ постигаешь всю необъятность ея и сознаешь невозможность идти далѣе.

Какъ-то разъ, во время масляницы, Нехлюдовъ былъ такъ занятъ разными удовольствіями, что хотя нѣсколько разъ на день заѣзжалъ къ намъ, но ни разу не поговорилъ со мной, и меня это такъ оскорбило, что снова онъ мнѣ показался гордымъ и непріятнымъ человѣкомъ. Я ждалъ только случая, чтобы показать ему, что нисколько не дорожу еще обществомъ и не имѣю къ нему никакой особенной привязанности.

Въ первый разъ, какъ онъ послѣ масляницы снова хотѣлъ разговориться со мной, я сказалъ,

что мнѣ нужно готовить уроки и ушелъ на верхъ; но черезъ четверть часа кто-то отворилъ дверь въ классную, и Нехлюдовъ подошелъ ко мнѣ.

— Я вамъ мѣшаю? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, несмотря на то, что хотѣлъ сказать, что у меня дѣйствительно есть дѣло.

— Такъ отчего же вы ушли отъ Володи? Вѣдь мы давно съ вами не разсуждали. А ужъ я такъ привыкъ, что мнѣ какъ будто чего-то не достаетъ.

Досада моя прошла въ одну минуту, и Дмитрій снова сталъ въ моихъ глазахъ тѣмъ же добрымъ и милымъ человѣкомъ.

— Вы, вѣрно, знаете, отчего я ушелъ? сказалъ я.

— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ, усаживаясь подлѣ меня: — но ежели я и догадываюсь, то не могу сказать, отчего, а вы такъ можете, сказалъ онъ.

— Я и скажу: я ушелъ потому, что былъ сердитъ на васъ... не сердитъ, а мнѣ досадно было. Просто: я всегда боюсь, что вы презираете меня за то, что я еще очень молодъ.

— Знаете, отчего мы такъ сошлись съ вами, сказалъ онъ, добродушнымъ и умнымъ взглядомъ отвѣчая на мое признаніе: — отчего я васъ люблю больше, чѣмъ людей, съ которыми больше знакомъ, и съ которыми у меня больше общаго? Я сейчасъ рѣшилъ это. У васъ есть удивительное, рѣдкое качество — откровенность.

— Да, я всегда говорю именно тѣ вещи, въ которыхъ мнѣ стыдно признаться, подтвердилъ я: — но только тѣмъ, въ комъ я увѣренъ.

— Да, но чтобы быть увѣреннымъ въ человѣкѣ, надо быть съ нимъ совершенно дружнымъ, а мы съ вами не дружны еще, Nicolas, помните, мы говорили о дружбѣ: чтобы быть истинными друзьями, нужно быть увѣреннымъ другъ въ другѣ.

— Быть увѣреннымъ въ томъ, что ту вещь, которую я скажу вамъ, уже вы никому не скажете: сказалъ я. — А вѣдь самыя важныя, интересныя мысли именно тѣ, которыя мы ни за что не скажемъ другъ другу.

И какія гадкія мысли! такія подлые мысли, что ежели бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли бы заходить къ намъ въ голову.

— Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas, прибавилъ онъ, вставая со стула и съ улыбкой потирая руки. — *Сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ: дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ знать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *никогда ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другѣ. *Сдѣлаемте* это.

И мы дѣйствительно *сдѣлали* это. Что вышло изъ этого я разскажу послѣ.

Карръ сказалъ, что во всякой привязанности есть двѣ стороны: одна любить, другая позволяетъ любить себя, одна цалуетъ, другая подставляетъ щеку. Это совершенно справедливо; и въ нашей

дружбѣ я цаловалъ, а Дмитрій подставлялъ щеку; но и онъ готовъ былъ цаловать меня. Мы любили ровно, потому что взаимно знали и цѣнили другъ друга; но это не мѣшало ему оказывать вліяніе на меня, а мнѣ подчиняться ему.

Само-собою разумѣется, что подъ вліяніемъ Нехлюдова я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляло восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ на-

значеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда, исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскія, казалось удобоисполнимою вещью, — очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ...

А впрочемъ, Богъ одинъ знаетъ, точно ли смѣшны были эти благородныя мечты юности, и кто виноватъ въ томъ, что онѣ не осуществились?...

ЮНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ.

ЮНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

что я считаю началомъ юности.

Я сказалъ, что дружба моя съ Дмитріемъ открыла мнѣ новый взглядъ на жизнь, ея цѣль и отношенія. Сущность этого взгляда состояла въ убѣжденіи, что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному усовершенствованію, и что усовершенствованіе это легко, возможно и вѣчно. Но до сихъ поръ я наслаждался только открытіемъ новыхъ мыслей, вытекающихъ изъ этого убѣжденія и составленіемъ блестящихъ плановъ нравственной, дѣятельной будущности; но жизнь моя шла все тѣмъ же мелочнымъ, запутаннымъ и празднымъ порядкомъ.

Тѣ добродѣтельныя мысли, которыя мы въ бесѣдахъ перебирали съ обожаемымъ другомъ моимъ Дмитріемъ, чудеснымъ *Митей*, какъ я самъ съ собою шопотомъ иногда называлъ его, еще нравились только моему уму, а не чувству. Но пришло время, когда эти мысли съ такой свѣжей силой моральнаго открытія пришли мнѣ въ голову, что я испугался, подумавъ о томъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и тотчасъ же, ту же секунду захотѣлъ прилагать эти мысли къ жизни, съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже не измѣнять имъ,

И съ этого времени я считаю начало юности.

Мнѣ былъ въ то время шестнадцатый годъ въ исходѣ. Учителя продолжали ходить ко мнѣ, St. Jérôme присматривалъ за моимъ ученіемъ, и я поневолѣ и неохотно готовился къ университету. Всѣ ученія, занятія мои состояли: въ уединенныхъ, безсвязныхъ мечтахъ и размышленіяхъ, въ дѣланіяхъ гимнастики, съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться первымъ силачемъ въ мірѣ, въ шляніи безъ всякой опредѣленной цѣли и мысли по всѣмъ комнатамъ и особенно по корридору дѣвичьей и въ разглядываніи се-

бя въ зеркало, отъ котораго, впрочемъ, я всегда отходилъ съ тяжелымъ чувствомъ унынія и даже отвращенія. Наружность моя, я убѣждался, не только была некрасива, но я не могъ даже утѣшать себя обыкновенными утѣшеніями въ подобныхъ случаяхъ. Я не могъ сказать, что у меня выразительное, умное или благородное лицо. Выразительнаго ничего не было,—самыя обыкновенныя, грубыя и дурныя черты; глаза маленькіе, сѣрые, особенно въ то время, когда я смотрѣлся въ зеркало, были скорѣе голубые, чѣмъ умные. Мужественнаго было еще меньше; несмотря на то, что я былъ не малъ ростомъ и очень силенъ по лѣтамъ, всѣ черты лица были мягкія, вялыя, неопредѣленныя. Даже и благороднаго ничего не было; напротивъ, лицо мое было такое, какъ у простаго мужика, и такія же большія ноги и руки; а это въ то время мнѣ казалось очень стыдно.

ГЛАВА II.

ВЕСНА.

Въ тотъ годъ какъ я вступилъ въ университетъ, Святая была какъ-то поздно въ апрѣлѣ, такъ что экзамены были назначены на Ёоминой, а на Страстной я долженъ былъ и говѣть и уже окончательно приготавливаться.

Погода послѣ мокраго снѣга, который бывало Карлъ Ивановичъ называлъ «сынъ за отцемъ пришелъ», уже дня три стояла тихая, теплая и ясная. На улицахъ не видно было клочка снѣга, грязное тѣсто замѣнилось мокрой, блестящей мостовой и быстрыми ручьями. Съ крышъ уже на солнцѣ становили послѣднія капли, въ палисадникѣ на деревьяхъ надувались почки, на дворѣ была сухая дорожка, къ конюшнѣ мимо замерзлой кучи навоза и около

крыльца между камнями зеленѣлась мшистая трава. Былъ тотъ особенный періодъ весны, который сильнѣе всего дѣйствуетъ на душу человѣка: яркое, на всемъ блестящее, но не жаркое солнце, ручьи и проталинки, пахучая свѣжесть въ воздухѣ, и нѣжно-голубое небо съ длинными, прозрачными тучками. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что въ большомъ городѣ еще ощутительнѣе и сильнѣе на душу вліяніе этого перваго періода рожденія весны, — меньше видишь, но больше предчувствуешь. Я стоялъ около окна, въ которое утреннее солнце сквозь двойныя рамы бросало пыльные лучи на полъ моей невыносимо надоѣвшей мнѣ классной комнаты, и рѣшалъ на черной доскѣ какое-то длинное алгебраическое уравненіе. Въ одной рукѣ я держалъ изорванную мягкую «Алгебру» Франкера, въ другой — маленькій кусокъ мѣла, которымъ испачкалъ уже обѣ руки, лицо и локти полуфракка. Николай въ фартукѣ, съ засученными рукавами, отбивалъ клещами замазку и отгибалъ гвозди окна, которое отворялось въ палисадникъ. Его занятіе и стукъ, который онъ производилъ, развлекали мое вниманіе. Притомъ я былъ въ весьма дурномъ, недовольномъ расположеніи духа. Все какъ-то мнѣ не удавалось: я сдѣлалъ ошибку въ началѣ вычисления, такъ что надо было все начинать сначала, мѣлъ я два раза уронилъ, чувствовалъ, что лицо и руки мои испачканы, губка гдѣ-то пропала, стукъ, который производилъ Николай, какъ-то больно потрясалъ мои нервы. Мнѣ хотѣлось разсердиться и поворчать, я бросилъ мѣлъ, алгебру и сталъ ходить по комнатѣ. Но мнѣ вспомнилось, что нынче мы должны исповѣдываться, и что надо удерживаться отъ всего дурнаго; и вдругъ я пришелъ въ какое-то особенное, кроткое состояніе духа и подошелъ къ Николаю.

— Позволь, я тебѣ помогу, Николай, сказалъ я, стараясь дать своему голосу самое кроткое выраженіе; мысль, что я поступаю хорошо, подавивъ свою досаду и помогая ему, еще болѣе усилила во мнѣ это кроткое настроеніе духа.

Замазка была отбита, гвозди отогнуты; но не смотря на то, что Николай изъ всѣхъ силъ держалъ за перекладину, рама не подавалась.

«Если рама выйдетъ теперь съ-разу, когда я потяну съ нимъ, подумалъ я, значитъ грѣхъ и не надо нынче больше заниматься.» Рама подалась на бокъ и вышла.

— Куда отнести ее? сказалъ я.

— Позвольте, я самъ управлюсь, отвѣчалъ Николай, видимо удивленный, и кажется недовольный моимъ усердіемъ: — надо не спутать, а то, тамъ въ чуланѣ онъ у меня по номерамъ.

— Я замѣчу ее, сказалъ я, поднимая раму.

Мнѣ кажется, что если бы чуланъ былъ версты за двѣ и рама вѣсила бы вдвое больше, я былъ бы очень доволенъ. Мнѣ хотѣлось измучаться, оказывая эту услугу Николаю. Когда я вернулся въ комнату, кирпичики и соляныя пирамидки были уже переложены на подоконникъ и Николай крыльш-

комъ сметалъ песокъ и сонныхъ мухъ въ растворенное окно. Свѣжій пахучій воздухъ уже проникъ въ комнату и наполнялъ ее. Изъ окна слышался городской шумъ и чиликанье воробьевъ въ палисадникѣ.

Всѣ предметы были освѣщены ярко, комната повесѣла, легкій весенній вѣтерокъ шевелилъ листы моей алгебры и волосы на головѣ Николая. Я подошелъ къ окну, сѣлъ на него, перегнулся въ палисадникъ и задумался.

Какое-то новое для меня, чрезвычайно сильное и пріятное чувство вдругъ проникло мнѣ въ душу. Мокрая земля, по которой кое-гдѣ выбивали ярко зеленыя иглы травы, съ желтыми стебельками, блестящіе на солнцѣ ручьи, по которымъ вились кусочки земли и щепки, покраснѣвшіеся прутья сирени съ вспухлыми почками, качавшимися подъ самымъ окошкомъ, хлопотливое чиликанье птичекъ, копошившихся въ этомъ кустѣ, мокрый отъ таявшаго на немъ снѣга черноватый заборъ, а главное — этотъ пахучій сырой воздухъ и радостное солнце — говорили мнѣ внятно, ясно о чемъ-то новомъ и прекрасномъ, которое хотя я не могу передать такъ, какъ оно сказывалось мнѣ, а постараюсь передать такъ, какъ я воспринималъ его, — все мнѣ говорило про красоту, счастье и добродѣтель, говорило, что какъ то, такъ и другое легко и возможно для меня, что одно не можетъ быть безъ другаго, и даже что красота, счастье и добродѣтель одно и то же. «Какъ могъ я не понимать этого, какъ дурень я былъ прежде, какъ я могъ бы и могу быть хорошъ и счастливъ въ будущемъ!» говорилъ я самъ себѣ: — «надо скорѣй, скорѣй, сію же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе.» Не смотря на это я однако долго еще сидѣлъ на окнѣ, мечтая и ничего не дѣлая. Случалось ли вамъ лѣтомъ лечь спать днемъ въ пасмурную дождливую погоду и проснувшись на закатѣ солнца, открыть глаза и въ расширявшемся четырехугольникѣ окна, изъ-подъ полотняной сторы, которая надувшись бьется пруткомъ обѣ подоконникъ, увидать мокрую отъ дождя, тѣнистую лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освѣщенную яркими косыми лучами, услышать вдругъ веселую жизнь птицъ въ саду и увидать насѣкомыхъ, которыя вьются въ отверстіи окна, просвѣчивая на солнцѣ, почувствовать запахъ послѣ дождеваго воздуха и подумать: «какъ мнѣ не стыдно было проспять такой вечеръ, и торопливо вскочить, чтобы идти въ садъ порадоваться жизнью? Если случалось, то вотъ образчикъ того сильнаго чувства, которое я испытывалъ въ это время.

ГЛАВА III.

Мечты.

«Нынче я исповѣдаюсь, очищаюсь отъ всѣхъ грѣховъ», думалъ я: «и больше ужъ никогда не буду...

(тутъ я припомнилъ всѣ грѣхи, которые больше всего мучили меня). Буду каждое воскресенье ходить непременно въ церковь, и еще послѣ цѣлый часъ читать евангеліе, потомъ изъ *блвенной*, которую я буду получать каждый мѣсяцъ, когда поступлю, въ университетъ, непременно два съ полтиной (одну десятую) я буду отдавать бѣднымъ, и такъ, чтобы никто не зналъ; и не нищимъ, а стану отыскивать такихъ бѣдныхъ, сироту или старушку, про которыхъ никто не знаетъ.

«У меня будетъ особенная комната (вѣрно St. Jérôme'ова) и я буду самъ убирать ее и держать въ удивительной чистотѣ, человѣка же ничего для себя не буду заставлятъ дѣлать. Вѣдь онъ такой же, какъ и я. Потомъ буду ходить каждый день въ университетъ пѣшкомъ (а ежели мнѣ дадутъ дрожки, то продамъ ихъ и деньги эти отложу тоже на бѣдныхъ) и въ точности буду исполнять все (что было это «все», я никакъ бы не могъ сказать тогда, но я живо понималъ и чувствовалъ это «все» разумной, нравственной, безупречной жизни). Буду составлять лекціи и даже впередъ проходить предметы, такъ что на первомъ курсѣ буду первымъ и напишу диссертацию; на второмъ курсѣ уже впередъ буду знать все и меня могутъ перевести прямо въ третій курсъ, такъ что я восемнадцати лѣтъ кончу курсъ первымъ кандидатомъ съ двумя золотыми медалями, потомъ выдержу на магистра, на доктора и сдѣлаюсь первымъ ученымъ въ Россіи... даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ.»—Ну, а потомъ? спрашивалъ я самъ себя,—но тутъ я припомнилъ, что эти мечты—гордость, грѣхъ, про который нынче же вечеромъ надо будетъ сказать духовнику, и возвратился къ началу разсужденій. «Для приготовленія къ лекціямъ я буду ходить пѣшкомъ на Воробьевы горы; выберу себѣ тамъ мѣстечко подъ деревомъ и буду читать лекціи; иногда возьму съ собой чтонибудь закусить: сыру, или пирожковъ отъ Педотти, или чтонибудь. Отдохну и потомъ стану читать какуюнибудь хорошую книгу, или буду рисовать виды, или играть на какомънибудь инструментѣ (непремѣнно выучусь играть на флейтѣ). Потомъ она тоже будетъ ходить гулять на Воробьевы горы, и когданибудь подойдетъ ко мнѣ и спросить: кто я такой? Я посмотрю на нее этакъ печально и скажу, что я сынъ священника одного и что я счастливъ только здѣсь, когда одинъ, совершенно одинъ одинешенекъ. Она подастъ мнѣ руку, скажетъ чтонибудь и сядетъ подлѣ меня. Такъ каждый день мы будемъ приходить сюда, будемъ друзьями и я буду цаловать ее... Нѣтъ, это не хорошо. Напротивъ, съ нынѣшняго дня я ужъ больше не буду смотрѣть на женщинъ. Никогда, никогда не буду ходить въ дѣвичью, даже буду стараться не проходить мимо; а черезъ три года выйду изъ-подъ опеки и женюсь непремѣнно. — Буду дѣлать нарочно движенія какъ можно больше, гимнастику каждый день, такъ, что когда мнѣ будетъ двадцать пять лѣтъ, я буду сильнѣй Рап-

по. Первый день буду держать полпуда «вытянутой рукой» пять минутъ, на другой день двадцать одинъ фунтъ, на третій день двадцать два фунта и такъ далѣе, такъ что наконецъ по четыре пуда въ каждой рукѣ, и такъ, что буду сильнѣе всѣхъ въ дворнѣ; и когда вдругъ ктонибудь вздумаетъ оскорбить меня, или станетъ отзываться непочтительно объ *ней*, я возьму его такъ, просто, за грудь, подниму аршина на два отъ земли одной рукой и только подержу, чтобы чувствовалъ мою силу, и оставлю; но, впрочемъ и это не хорошо: — нѣтъ, ничего, вѣдь я ему зла не сдѣлаю, а только докажу, что я...»

Да не упрекнуть меня въ томъ, что мечты моей юности такъ же ребячески, какъ мечты дѣтства и отрочества. Я убѣжденъ въ томъ, что ежели мнѣ суждено прожить до глубокой старости, и разскажъ мой догонитъ мой возрастъ, я старикомъ семидесяти лѣтъ буду точно также невозможно ребячески мечтать, какъ и теперь. Буду мечтать о какойнибудь прелестной Маріи, которая полюбитъ меня беззубаго старика, какъ она полюбила Мазепу, о томъ какъ мой слабоумный сынъ вдругъ сдѣлается министромъ по какомунибудь необыкновенному случаю, или о томъ, какъ вдругъ у меня будетъ пропасть миллионъ денегъ. Я убѣжденъ, что нѣтъ человѣческаго существа и возраста, лишеннаго этой благодѣтельной, утѣшительной способности мечтанія. Но исключая общей черты невозможности—волшебности мечтаній, мечтанія каждаго человѣка и каждаго возраста имѣютъ свой отличный характеръ. Въ тотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній были четыре чувства: любовь къ *ней*, къ воображаемой женщинѣ, о которой я мечталъ всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣнибудь встрѣтить. Эта она была немножко Соничка, немножко Маша, жена Василья, въ то время, какъ она моетъ бѣлье, въ корытѣ, и немножко женщина, съ жемчугами на бѣлой шеѣ, которую я видѣлъ очень давно въ театрѣ, въ ложѣ подлѣ насъ. Второе чувство было любовь любви. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ меня знали и любили. Мнѣ хотѣлось сказать свое имя: Николай Иртеневъ, и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за чтонибудь. Третье чувство было — надежда на необыкновенное, тѣсславное счастье,—такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Я такъ былъ увѣренъ, что очень скоро, вслѣдствіе какогонибудь необыкновеннаго случая, вдругъ сдѣлаюсь самымъ богатымъ и самымъ знатнымъ человекомъ въ мірѣ, что безпрестанно находился въ тревожномъ ожиданіи чего-то волшебна-счастливаго. Я все ждалъ, что вотъ *начнется* и я достигну всего, чего можетъ желать человѣкъ, и всегда повсюду торопился, полагая, что уже *начинается* тамъ, гдѣ меня нѣтъ. Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе

но раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастье, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Мнѣ казалось такъ легко и естественно оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова, что прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ чернѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась изъ него свѣтлая, чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ Божій. Благой, отрадный голосъ, столько разъ съ тѣхъ поръ, въ тѣ грустные времена, когда душа молча покаялась власти жизненной лжи и разврата, вдругъ смѣло возстававшій противъ всякой неправды, злобно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обѣщавшій добро и счастье въ будущемъ,—благой, отрадный голосъ! Неужели ты перестанешь звучать когда нибудь?

ГЛАВА IV.

НАШЪ СЕМЕЙНЫЙ КРУЖОКЪ.

Папа эту весну рѣдко бывалъ дома. Но зато, когда это случалось, онъ бывалъ чрезвычайно веселъ, бренчалъ на фортепьянахъ свои любимыя штуки, дѣлалъ сладенькіе глазки и выдумывалъ про всѣхъ насъ и Мими шуточки, въ родѣ того, что грузинскій царевичъ видѣлъ Мими на катаньи и такъ влюбился, что подалъ прошеніе въ Синодъ объ разводной, что меня назначаютъ помощникомъ къ вѣнскому посланнику, — и съ серьезнымъ лицомъ сообщалъ намъ эти новости; пугалъ Катеньку пауками, которыхъ она боялась; былъ очень ласковъ съ нашими пріятелями Дубковымъ и Нехлюдовымъ, и безпрестанно рассказывалъ намъ и гостямъ свои планы на будущій годъ. Несмотря на то, что планы эти почти каждый день измѣнялись и противорѣчили одинъ другому, они были такъ увлекательны, что мы ихъ заслушивались, и Любочка не смигивая смотрѣла прямо на ротъ папа, чтобы не проронить ни одного слова. То планъ состоялъ въ томъ, чтобы насъ оставить въ Москвѣ въ университетѣ, а самому съ Любочкой ѣхать на два года въ Италію, то въ томъ, чтобы купить имѣнье въ Крыму, на южномъ берегу, и ѣздить туда каждое лѣто, то въ томъ, чтобы переѣхать въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ и т. п. Но кромѣ особеннаго веселья, въ папа послѣднее время произошла еще перемѣна, очень удивлявшая меня. Онъ сшилъ себѣ модное платье—оливковый

фракъ, модные панталоны со штринками и длинную бекешу, которая очень шла къ нему и часто отъ него прекрасно пахло духами, когда онъ ѣздилъ въ гости, и особенно къ одной дамѣ, про которую Мими не говорила иначе, какъ со вздохомъ и съ такимъ лицомъ, на которомъ такъ и читаешь слова: «бѣдныя сироты! Несчастливая страсть! Хорошо, что *ея* ужъ нѣтъ» и т. п. Я узналъ отъ Николая, потому что папа ничего не рассказывалъ намъ про свои игорныя дѣла, что онъ игралъ особенно счастливо эту зиму; выигралъ что-то ужасно много, положилъ деньги въ ломбардъ и весной не хотѣлъ больше играть. Вѣрно отъ этого, боясь не удержаться, ему такъ хотѣлось поскорѣе уѣхать въ деревню. Онъ даже рѣшилъ, не дожидаясь моего поступленія въ университетъ, тотчасъ послѣ Пасхи ѣхать съ дѣвочками въ Петровское, куда мы съ Володей должны были пріѣхать послѣ.

Володя всю эту зиму и до самой весны былъ неразлученъ съ Дубковымъ (съ Дмитріемъ же они начинали холодно расходиться). Главныя ихъ удовольствія, сколько я могъ заключить по разговорамъ, которые слышалъ, постоянно заключались въ томъ, что они безпрестанно пили шампанское, ѣздили въ саняхъ, подъ окна барышни, въ которую, какъ кажется, влюблены были вмѣстѣ, и танцевали визави уже не на дѣтскихъ, а на настоящихъ балахъ. Это послѣднее обстоятельство, не смотря на то, что мы съ Володей любили другъ друга, очень много разъединило насъ. Мы чувствовали слишкомъ большую разницу, — между мальчикомъ, къ которому ходятъ учителя и человѣкомъ, который танцуетъ на большихъ балахъ, — чтобы рѣшиться сообщать другъ другу свои мысли. Катенька была уже совсѣмъ большая, читала очень много романовъ и мысль, что она скоро можетъ выйти замужъ, уже не казалась мнѣ шуткой; но, несмотря на то, что и Володя былъ большой, они не сходились съ нимъ и даже, кажется, взаимно презирали другъ друга. Вообще, когда Катенька бывала одна дома, ничто, кромѣ романовъ ее не занимало и она большей частью скучала; когда же бывали посторонніе мужчины, то она становилась очень жива и любезна и дѣлала глазами то, что уже я понять никакъ не могъ, что она этимъ хотѣла выразить. Потомъ только, услыхавъ въ разговорѣ отъ нея, что одно позволительное для дѣвицы кокетство, это — кокетство глазъ, я могъ объяснить себѣ эти странныя неестественныя гримасы глазами, которыя другихъ, кажется, вовсе не удивляли. Любочка тоже уже начинала носить почти длинное платье, такъ что ея гусиныя ноги были почти не видны, но она была такая же плакса, какъ и прежде. Теперь она мечтала уже выйти замужъ не за гусара, а за пѣвца или музыканта и съ этой цѣлью усердно занималась музыкой. St. Jérôme, который, зная, что остается у насъ въ домѣ только до окончанія моихъ экзаменовъ, пріискалъ себѣ мѣсто у какого-то графа, съ тѣхъ поръ какъ-то презрительно смотрѣлъ на нашихъ

домашнихъ. Онъ рѣдко бывалъ дома, сталъ курить папиросы, которыя были тогда большимъ щегольствомъ, и безпрестанно свисталъ черезъ карточку какіе-то веселенькіе мотивы. Мими становилась съ каждымъ днемъ все огорченнѣе и огорченнѣе и, казалось, съ тѣхъ поръ, какъ мы всѣ начинали выростать большими, ни отъ кого и ни отъ чего не ожидала ничего хорошаго.

Когда я пришелъ обѣдать, я засталъ въ столовой только Мими, Катеньку, Любочку и St. Jérôme'a, папа не былъ дома, а Володя готовился къ экзамену съ товарищами въ своей комнатѣ и потребовалъ обѣды къ себѣ. Вообще это послѣднее время большей частью первое мѣсто за столомъ занимала Мими, которую мы никто не уважали, и обѣды много потерялъ своей прелести. Обѣды уже не были, какъ при мамѣ или бабушкѣ, какимъ-то обрядомъ, соединяющимъ въ извѣстный часъ все семейство и раздѣляющимъ день на двѣ половины. Мы позволяли себѣ опаздывать, приходилъ ко второму блюду, пить вино въ стаканахъ (чему подавалъ примѣръ самъ St. Jérôme), разваливаться на стулѣ, вставать не дообѣдавъ и тому подобныя вольности. Съ тѣхъ поръ обѣды перестали быть, какъ прежде, ежедневнымъ семейнымъ радостнымъ торжествомъ. То-ли дѣло бывало въ Петровскомъ, когда въ два часа всѣ умытые, одѣтые къ обѣду, сидятъ въ гостинной и весело разговаривая ждутъ условленнаго часа. Именно въ то самое время, какъ хрипятъ часы въ официантской, чтобъ бить два, съ салфеткой на рукѣ, съ достойнымъ и нѣсколько строгимъ лицомъ, тихими шагами входитъ Фока. «Кушанье готово!» провозглашаетъ онъ громкимъ протяжнымъ голосомъ и всѣ съ веселыми, довольными лицами, старшіе впереди, младшіе сзади, шумя крахмаленными юбками и поскрипывая сапогами и башмаками идутъ въ столовую, и негромко переговариваясь разсаживаются на извѣстныхъ мѣстахъ. Или то-ли дѣло бывало въ Москвѣ, когда всѣ тихо переговариваясь стоятъ передъ накрытымъ столомъ въ залѣ, дожидаясь бабушки, которой Гаврило уже прошелъ доложить, что кушанье поставлено—вдругъ отворяется дверь, слышенъ шорохъ платья, шарканье ногъ, и бабушка въ чепцѣ съ какимъ нибудь необыкновеннымъ лиловымъ бантомъ, бочкомъ, улыбаясь или мрачно косясь (смотря по состоянію здоровья) выплываетъ изъ своей комнаты. Гаврило бросается къ ея креслу, стулья шумятъ, и чувствуя, какъ по спинѣ пробѣгаетъ какой-то холодъ—предвѣстникъ аппетита, берешься за сыроватую крахмаленную салфетку, съѣдаешь корочку хлѣба и съ нетерпѣливой и радостной жадностью потирая подъ столомъ руки, поглядываешь на дымящія тарелки супа, которыя по чинамъ, годамъ и вниманію бабушки, разливаютъ дворецкіи.

Теперь я уже не испытывалъ никакой ни радости, ни волненія, приходя къ обѣду.

Болтовня Мими, St. Jérôme'a и дѣвчонокъ о томъ, какіе ужасные сапоги носить русскій учитель, какъ у княженъ Корнаковыхъ платья съ воланами и

т. д.,—болтовня ихъ, прежде внушавшая мнѣ искреннее презрѣніе, которое я особенно въ отношеніи Любочки и Катеньки не старался скрывать, не вывела меня изъ моего новаго добродѣтельнаго расположенія духа. Я былъ необыкновенно кротокъ; улыбаясь слушалъ ихъ особенно ласково, почти-тельно просилъ передать мнѣ квасу и согласился съ St. Jérôme'омъ, поправившимъ меня въ фразѣ, которую я сказалъ за обѣдомъ, говоря, что красивѣе говорить, je suis чѣмъ je reux. Долженъ однако сознаться, что мнѣ было нѣсколько непріятно то, что никто не обратилъ особеннаго вниманія на мою кротость и добродѣтель. Любочка показала мнѣ послѣ обѣды бумажку, на которой она записала всѣ свои грѣхи; я нашель, что очень хорошо, но что еще лучше въ душѣ своей записать всѣ свои грѣхи и что «все это не то.»

— Отчего же не то? спросила Любочка.

— Ну, да и это хорошо; ты меня не поймешь—и я пошелъ къ себѣ наверхъ, сказавъ St. Jérôme'y, что иду заниматься, но собственно съ тѣмъ, чтобы до исповѣди, до которой оставалось часа полтора, написать себѣ на всю жизнь росписаніе своихъ обязанностей и занятій, изложить на бумагѣ цѣль своей жизни и правила, по которымъ всегда уже не отступая дѣйствовать.

ГЛАВА V.

П Р А В И Л А.

Я досталъ листъ бумаги и прежде всего хотѣлъ приняться за росписаніе обязанностей и занятій на слѣдующій годъ. Надо было разлиновать бумагу. Но такъ какъ линейки у меня не нашлось, я употребилъ для этого латинскій лексиконъ. Кромѣ того, что проведя перомъ вдоль лексикона и потомъ отодвинувъ его, оказалось, что вмѣсто черты я сдѣлалъ по бумагѣ продолговатую лужу чернилъ,—лексиконъ не хваталъ на всю бумагу и черта загнулась по его мягкому углу. Я взялъ другую бумагу и передвигая лексиконъ разлиновывалъ кое-какъ. Раздѣливъ свои обязанности на три рода: на обязанности къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Богу, я началъ писать первыя, но ихъ оказалось такъ много и столько родовъ и подраздѣленій, что надо было прежде написать «Правила жизни,» а потомъ уже приняться за росписаніе. Я взялъ шесть листовъ бумаги, сшилъ тетрадь и написалъ сверху «Правила жизни.» Эти два слова были написаны такъ криво и неровно, что я долго думалъ, не переписать ли? и долго мучался, глядя на разорванное росписаніе и это уродливое заглавіе. Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня въ душѣ, и такъ безобразно выходитъ на бумагѣ и вообще въ жизни, когда я хочу примѣнять къ ней что нибудь изъ того, что думаю?..

— Духовникъ пріѣхали, пожалуйста внизъ пришла слушать,—пришелъ доложить Николай.

Я спряталъ тетрадь въ столъ, посмотрѣлъ въ зеркало, причесалъ волосы кверху, что, по моему убѣжденію, давало мнѣ задумчивый видъ, и сошелъ въ диванную, гдѣ уже стоялъ накрытый столъ съ образомъ и горѣвшими восковыми свѣчами. Папа въ одно время со мною вошелъ изъ другой двери. Духовникъ, сѣдой монахъ, съ строгимъ старческимъ лицомъ, благословилъ папѣ. Папѣ поцаловалъ его небольшую широкую, сухую руку; я сдѣлалъ то же.

— Позовите Вольдемара, сказалъ папа. — Гдѣ онъ? Или нѣтъ, вѣдь онъ въ университетѣ говѣеть.

— Онъ занимается съ княземъ, сказала Катенька, и посмотрѣла на Любочку. Любочка вдругъ покраснѣла отъ чего-то, сморщилась, притворясь, что ей что-то больно и вышла изъ комнаты. Я вышелъ вслѣдъ за нею. Она остановилась въ гостиной и что-то снова записала карандашикомъ на свою бумажку.

— Что, еще новый грѣхъ сдѣлала? спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего, такъ, отвѣчала она краснѣя.

Въ это время въ передней послышался голосъ Дмитрія, который прощался съ Володей.

— Вотъ, тебѣ все искушеніе, сказала Катенька, входя въ комнату и обращаясь къ Любочкѣ.

Я не могъ понять, что дѣлалось съ сестрой: она была сконфужена такъ, что слезы выступили у нея на глаза, и что смущеніе ея, дойдя до крайней степени, перешло въ досаду на себя и на Катеньку, которая видимо дразнила ее.

— Вотъ видно, что ты *иностранка* (ничего не могло быть обиднѣе для Катеньки названія иностранки, съ этою-то цѣлью и употребила его Любочка) — передъ такимъ таинствомъ, продолжала она съ важностью въ голосъ: — и ты меня нарочно разстроиваешь... ты бы должна понимать... это совсѣмъ не шутка.

— Знаешь, Николинъка, что она написала? — сказала Катенька, разобиженная названіемъ *иностранки*: — она написала...

— Не ожидала я, чтобъ ты была такая злая, сказала Любочка совершенно разнюнившись, уходя отъ насъ: — въ такую минуту, и нарочно, цѣлый вѣкъ, все вводитъ въ грѣхъ. Я къ тебѣ не пристаю съ твоими чувствами и страданіями.

ГЛАВА VI.

И С П О В Ъ Д Ы.

Съ этими и подобными разсѣянными размышленіями, я вернулся въ диванную, когда всѣ собрались туда и духовникъ, вставъ, приготовился читать молитву передъ исповѣдью. Но какъ только, посреди общаго молчанія, раздался выразительный, строгій голосъ монаха, читавшаго молитву, и особенно когда произнесъ къ намъ слова: *откройте всѣ ваши прегрѣшенія безъ стыда, утайки и оправданія и душа ваша очистится предъ Богомъ, а ежели утаите что нибудь, большой грѣхъ будете*

имѣть, — ко мнѣ возвратилось чувство благоговѣйнаго трепета, которое я испытывалъ утромъ при мысли о предстоящемъ таинствѣ. Я даже находилъ наслажденіе въ сознаніи этого состоянія и старался удерживать его, останавливая всѣ мысли, которыя мнѣ приходили въ голову, и усиливаясь чего-то бояться.

Первый прошелъ исповѣдываться папа. Онъ очень долго пробылъ въ бабушкиной комнатѣ и во все это время мы всѣ въ диванной молчали, или шопотомъ переговаривались о томъ, кто пойдетъ прежде. Наконецъ опять изъ двери послышался голосъ монаха, читавшаго молитву, и шаги папа. Дверь скрипнула и онъ вышелъ оттуда, по своей привычкѣ покашливая, подергивая плечомъ и не глядя ни на кого изъ насъ.

— Ну, теперь ты ступай, Люба, да смотри все скажи. Ты вѣдь у меня большая грѣшница, весело сказалъ папа, щипнувъ ее за щеку.

Любочка поблѣднѣла и покраснѣла, вынула и опять спрятала записочку изъ фартука и, опустивъ голову, какъ-то укоровивъ шею, какъ будто ожидая удара сверху, прошла въ дверь. Она пробыла тамъ не долго, но, выходя оттуда, у нея плечи подергивались отъ всхлипываній.

Наконецъ послѣ хорошенькой Катеньки, которая улыбаясь вышла изъ двери, насталъ и мой чередъ. Я съ тѣмъ же тупымъ страхомъ и желаніемъ умышленно все больше и больше возбуждать, въ себѣ этотъ страхъ, вошелъ въ полусвѣщенную комнату. Духовникъ стоялъ передъ наложникомъ и медленно обратилъ ко мнѣ свое лицо.

Я пробылъ не болѣе пяти минутъ въ бабушкиной комнатѣ, но вышелъ оттуда счастливымъ и по моему тогдашнему убѣжденію совершенно чистымъ, нравственно переродившимся и новымъ человекомъ. Не смотря на то, что меня неприятно поражала вся старая обстановка жизни, тѣ же комнаты, тѣ же мебели, та же моя фигура (мнѣ бы хотѣлось, чтобъ все внѣшнее измѣнилось также, какъ, мнѣ казалось, я самъ измѣнился внутренно) — несмотря на это, я пробылъ въ этомъ отрадномъ настроеніи духа до самаго того времени, какъ легъ въ постель.

Я уже засыпалъ, перебирая воображеніемъ всѣ грѣхи, отъ которыхъ очистился, какъ вдругъ вспомнилъ одинъ стыдный грѣхъ, который утаилъ на исповѣди. Слова молитвы передъ исповѣдью вспомнились мнѣ и не переставая звучали у меня въ ушахъ. Все мое спокойствіе мгновенно исчезло. «А ежели утаите, большой грѣхъ будете имѣть»... слышалось мнѣ безпрестанно и я видѣлъ себя такимъ страшнымъ грѣшникомъ, что не было для меня достойнаго наказанія. Долго я ворочался съ боку на бокъ, передумывая свое положеніе и съ минуты на минуту ожидая Божьяго наказанія и даже внезапной смерти, — мысль, приводившая меня въ неописанный ужасъ. Но вдругъ мнѣ пришла счастливая мысль: чѣмъ свѣтъ идти или ѣхать въ монастырь къ духовнику и снова исповѣдаться — и я успокоился.

ГЛАВА VII.

ПОѢЗДКА ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Я нѣсколько разъ просыпался ночью, боясь проспать утро, и въ шестомъ часу ужъ былъ на ногахъ. Въ окнахъ едва брезжилось. Я надѣлъ свое платье и сапоги, которые, скомканные и нечищенные, лежали у постели, потому что Николай еще не успѣлъ убрать, и не молясь Богу, не умываясь, вышелъ въ первый разъ въ жизни одинъ на улицу.

На противоположной сторонѣ, изъ-за зеленой крыши большаго дома, краснѣлась туманная, студеная заря. Довольно сильный утренній весенній морозъ сковалъ грязь и ручьи, кололъ подъ ногами и щипалъ мнѣ лицо и руки. Въ нашемъ переулкѣ не было еще ни одного извозчика, на которыхъ я рассчитывалъ, чтобы скорѣе съѣздить и вернуться. Только тянулись какіе-то возы по Арбату и два рабочіе каменщика разговаривая прошли по тротуару. Пройдя шаговъ тысячу, стали попадаться люди и женщины, шедшіе съ корзинами на рынокъ; бочки ѣдущія за водой; на перекрестокѣ вышелъ пирожникъ; открылась одна калашная и у Арбатскихъ воротъ попался извозчикъ, старичекъ, спавшій покачиваясь на своихъ калиберныхъ, облѣзлыхъ, голубоватенькихъ и заплатанныхъ дрожжахъ. Онъ съ просонковъ, должно быть, запросилъ съ меня всего двугривенный до монастыря и назадъ, но потомъ вдругъ опомнился, и, только что я хотѣлъ садиться, захлесталъ свою лошадеку концами возжей и совсѣмъ было уѣхалъ отъ меня. «Кормить лошадь надо! нельзя баринъ,» бормоталъ онъ.

Насилу я уговорилъ его остановиться, предложивъ ему два двугривенныхъ. Онъ остановилъ лошадь, внимательно осмотрѣлъ меня и сказалъ: «садись, баринъ.» Признаюсь, я боялся нѣсколько, что онъ завезетъ меня въ глухой переулокъ и ограбить. Ухвативъ его за воротникъ изорваннаго армячишка, причемъ его сморщенная шея, надъ сильно сгорбленной спиной, какъ-то жалобно обнажалась, я влѣзъ верхомъ на волнообразное голубенькое колыхающееся сидѣнье и мы затряслись внизъ по Воздвиженкѣ. Дорогой я успѣлъ замѣтить, что спинка дрожекъ была обита кусочкомъ зеленоватенькой матеріи, изъ которой былъ и армякъ извозчика, это обстоятельство почему-то успокоило меня, и я уже не боялся, что извозчикъ завезетъ меня въ глухой переулокъ и ограбить.

Солнце уже поднялось довольно высоко и ярко золотило куполы церквей, когда мы подѣхали къ монастырю. Въ тѣни еще держался морозъ, но по всей дорогѣ текли быстрые, мутные ручьи и лошадь шлепала по оттаявшей грязи. Войдя въ монастырскую ограду, у перваго лица, которое я увидалъ, я спросилъ, какъ бы мнѣ найти дѣхонника.

— Вонъ его келья, сказалъ мнѣ проходившій монахъ, останавливаясь на минуту и указывая на маленькій домикъ съ крылечкомъ.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ я...

Но что обо мнѣ могли думать монахи, которые другъ за другомъ выходя изъ церкви, всѣ глядѣли на меня? Я былъ ни большой, ни ребенокъ; лицо мое было не умыто, волосы не причесаны, платье въ пуху, сапоги не чищены и еще въ грязи. Къ какому разряду людей относили меня мысленно монахи, глядѣвшіе на меня? А они смотрѣли на меня внимательно. Однако я все-таки шелъ по направленію, указанному мнѣ молодымъ монахомъ.

Старичокъ въ черной одеждѣ, съ густыми сѣдыми бровями, встрѣтился мнѣ на узенькой дорожкѣ, ведущей къ кельямъ, и спросилъ: «что мнѣ надо?»

Была минута, что я хотѣлъ сказать «ничего», бѣжать назадъ къ извозчику и ѣхать домой, но не смотря на надвинутыя брови, лицо старика внушало довѣріе. Я сказалъ, что мнѣ нужно видѣть духовника, назвавъ его по имени.

— Пойдемте, *барчукъ*, я васъ проведу, сказалъ онъ поворачиваясь назадъ и, повидимому, сразу угадавъ мое положеніе: — батюшка въ утрени — онъ скоро пожалуетъ.

Онъ отворилъ дверь, и черезъ чистенькія сѣни и переднюю, по чистому полотняному половику, провелъ меня въ келью.

— Вотъ тутъ и подождите, сказалъ онъ мнѣ съ добродушнымъ, успокоительнымъ выраженіемъ, и вышелъ.

Комнатка, въ которой я находился, была очень невелика и чрезвычайно опрятно убрана. Всю мебель составляли: столикъ, покрытый клеенкой, стоявшій между двумя маленькими створчатыми окнами, на которыхъ стояли два горшка геранія, стоичка съ образами и лампадка, висѣвшая передъ ними, одно кресло и два стула. Въ углу висѣли стѣнные часы съ разрисованнымъ цвѣточками циферблатомъ и подтянутыми на цѣпочкахъ мѣдными гириями; на перегородкѣ, соединявшейся съ потолкомъ деревянными, выкрашенными известкой, палочками (за которой, вѣрно, стояла кровать) висѣло на гвоздикахъ двѣ рясы.

Окна выходили на какую-то бѣлую стѣну, видѣвшуюся въ двухъ аршинахъ отъ нихъ. Между ими и стѣной былъ маленькій кустъ сирени. Никакой звукъ съ наружи не доходилъ въ комнату, такъ что въ этой тишинѣ равномерное, пріятное постукиваніе маятника казалось сильнымъ звукомъ. Какъ только я остался одинъ въ этомъ тихомъ уголкѣ, вдругъ всѣ мои прежнія мысли и воспоминанія выскочили у меня изъ головы, какъ будто ихъ никогда не было, и я весь погрузился въ какую-то невыразимо пріятную задумчивость. Эта нанковая, пожелтѣвшая ряса съ протертой подкладкой, эти истертые кожаные черные переплеты книгъ съ мѣдными застежками, эти мутно зеленые цвѣты съ тщательно политою землею и обмытыми листьями, а особенно этотъ однообразный прерывистый звукъ маятника, говорили мнѣ внятно про

какую-то новую, доселѣ бывшую мнѣ неизвѣстной, жизнь, про жизнь уединенія, молитвы, тихаго спокойнаго счастья...

«Проходятъ мѣсяцы, проходятъ годы — думалъ я—онъ все одинъ, онъ все спокоенъ, онъ все чувствуетъ, что совѣсть его чиста предъ Богомъ и молитва услышана Имъ.» Съ полчаса я просидѣлъ на стулѣ, стараясь не двигаться и не дышать громко, чтобы не нарушить гармонію звуковъ, говорившихъ мнѣ такъ много. А маятникъ все стучалъ также, направо громче, налево тише.

ГЛАВА VIII.

ВТОРАЯ ИСПОВѢДЬ.

Шаги духовника вывели меня изъ этой задумчивости.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, поправляя рукой свои сѣдые волосы.

— Что вамъ угодно?

Я попросилъ его благословить меня и съ особеннымъ удовольствіемъ поцаловалъ его желтоватую, небольшую руку.

Когда я объяснилъ ему свою просьбу, онъ ничего не сказалъ мнѣ, подошелъ къ иконамъ и началъ исповѣдь.

Когда исповѣдь кончилась и я, преодолевъ стыдъ, сказалъ все, что было у меня на душѣ, онъ положилъ мнѣ на голову руки и своимъ звучнымъ, тихимъ голосомъ произнесъ:—да будетъ, сынъ мой, надъ тобою благословеніе Отца небеснаго, да сохранить Онъ въ тебѣ навсегда вѣру, кротость и смиреніе. Аминь.

Я былъ совершенно счастливъ; слезы счастья подступали мнѣ къ горлу, я поцаловалъ складку его драдедамовой рясы и поднималъ голову. Лицо монаха было совершенно спокойно.

Я чувствовалъ, что наслаждаюсь чувствомъ умиленія и, боясь чѣмъ нибудь разогнать его, торопливо простился съ духовникомъ и, не глядя по сторонамъ, чтобы не разсѣяться, вышелъ за ограду и снова сѣлъ на колыхающіяся полосатыя дрожки. Но толчки экипажа, пестрота предметовъ, мелькавшихъ передъ глазами, скоро разогнали это чувство; и я уже думалъ о томъ, какъ теперь духовникъ, вѣрно, думаетъ, что такой прекрасной души молодого человѣка, какъ я, онъ никогда не встрѣчалъ въ жизни, да и не встрѣтитъ, что даже и не бываетъ подобныхъ. Я въ этомъ былъ убѣжденъ; и это убѣжденіе произвело во мнѣ чувство веселья такого рода, которое требовало того, чтобы кому нибудь сообщить его.

Мнѣ ужасно хотѣлось поговорить съ кѣмъ нибудь; но такъ какъ никого подъ рукой не было, кромѣ извозчика, я обратился къ нему.

— Что, долго я былъ? спросилъ я.

— Ничего-таки, долго, а лошадь давно кормить пора, вѣдь я *ночной*, отвѣчалъ старичокъ-извозчикъ,

теперь, повидимому, съ солнышкомъ повеселѣвшій сравнительно съ прежнимъ.

— А мнѣ показалось, что я былъ всего одну минуту, сказалъ я. — А знаешь, зачѣмъ я былъ въ монастырѣ? прибавилъ я, пересаживаясь въ углубленіи, которое было на дрожкахъ ближе къ старичку извозчику.

— Наше дѣло какое? Куда сѣдокъ скажетъ, туда и веземъ, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, все-таки, какъ ты думаешь? продолжалъ я допрашивая.

— Да, вѣрно, хоронить кого, ѣздили мѣсто покупать, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ; а знаешь, зачѣмъ я ѣздилъ?

— Не могу знать, баринъ, повторилъ онъ.

Голосъ извозчика показался мнѣ такимъ добрымъ, что я рѣшился въ назиданіе его разсказать ему причины моей поѣздки и даже чувство, которое я испытывалъ,

— Хочешь, я тебѣ расскажу? вотъ видишь ли...

И я разсказалъ ему все и описалъ всѣ свои прекрасныя чувства. Я даже теперь краснѣю при этомъ воспоминаніи.

— Такъ-съ, сказалъ извозчикъ недовѣрчиво.

И долго послѣ этого молчалъ и сидѣлъ недвижно, только изрѣдка, поправляя полу армяка, которая все выбивалась изъ-подъ его полосатой ноги, прыгавшей въ большомъ сапогѣ на подножкѣ калибера. Я уже думалъ, что и онъ думаетъ про меня то же, что духовникъ, то есть, что такого прекраснаго молодого человѣка, какъ я, другаго нѣтъ на свѣтѣ, но онъ вдругъ обратился ко мнѣ.

— А что, баринъ, ваше дѣло господское.

— Что? спросилъ я.

— Дѣло-то, дѣло господское, повторилъ онъ, шамкая беззубыми губами.

«Нѣтъ, онъ меня не понялъ»; подумалъ я, но уже больше не говорилъ съ нимъ до самаго дома.

Хотя не самое чувство умиленія и набожности, но самодовольство въ томъ, что я испыталъ его, удержалось во мнѣ всю дорогу, несмотря на народъ, который при яркомъ солнечномъ блескѣ пестрѣлъ вездѣ на улицахъ; но какъ только я пріѣхалъ домой, чувство это совершенно исчезло. У меня не было двухъ двугривенныхъ, чтобы заплатить извозчику. Дворецкій Гаврило, которому я уже былъ долженъ, не давалъ мнѣ больше взаймы. Извозчикъ, увидавъ, какъ я два раза пробѣжалъ по двору, чтобы доставать деньги, должно быть догадавшись, зачѣмъ я бѣгаю, слѣзъ съ дрожекъ и несмотря на то, что казался мнѣ такимъ добрымъ, громко началъ говорить, съ видимымъ желаніемъ уколоть меня, о томъ какъ бывають шаромыжники, которые не платятъ за ѣзду.

Дома еще всѣ спали, такъ что кромѣ людей, мнѣ не у кого было занять двухъ двугривенныхъ. Наконецъ Василій подъ самое честное, честное слово, которому (я по лицу его видѣлъ) онъ не вѣрилъ нисколько, но такъ, потому что любилъ меня и помнилъ услугу, которую я ему оказалъ,

заплатилъ за меня извозчику. Такъ дымомъ разлетѣлось это чувство. Когда я сталъ одѣваться въ церковь, чтобъ со всѣми вмѣстѣ итти причащаться и оказалось, что мое платье не было перешито и его нельзя было надѣть. Я пропасть нагрѣшилъ. Надѣвъ другое платье, я пошелъ къ причастію въ какомъ-то странномъ положеніи торопливости мыслей и съ совершеннымъ недовѣріемъ къ своимъ прекраснымъ наклонностямъ.

ГЛАВА IX.

КАКЪ Я ГОТОВЛЮСЬ КЪ ЭКЗАМЕНУ.

Въ четвергъ на Святой, папа, сестра и Мими съ Катенькой уѣхали въ деревню, такъ что во всемъ большомъ бабушкиномъ домѣ оставались только Володя, я и St. Jérôme. То настроеніе духа, въ которомъ я находился въ день исповѣди и поѣздки въ монастырь, совершенно прошло и оставило по себѣ только смутное, хотя и пріятное, воспоминаніе, которое все болѣе и болѣе заглушалось новыми впечатлѣніями свободной жизни.

Тетрадь съ заглавіемъ *Правила жизни* тоже была спрятана съ черновыми ученическими тетрадами. Несмотря на то, что мысль о возможности составить себѣ правила на всѣ обстоятельства жизни и всегда руководиться ими, нравилась мнѣ, казалась чрезвычайно простою и вмѣстѣ великою, и я намѣревался все-таки приложить ее къ жизни, я опять какъ будто забылъ, что это нужно было дѣлать сейчасъ же и все откладывалъ до какого-то времени. Меня утѣшало однако то, что всякая мысль, которая приходила мнѣ теперь въ голову, подходила какъ разъ подъ какое нибудь изъ подраздѣленій моихъ правилъ и обязанностей: или къ правиламъ въ отношеніи къ ближнимъ, или къ себѣ или къ Богу. «Вотъ тогда я это отнесу туда и еще много, много мыслей, которыя мнѣ придутъ тогда, по этому предмету», говорилъ я самъ себѣ. Часто теперь я спрашиваю себя: когда я былъ лучше и правѣе: тогда-ли, когда вѣрилъ во всемогущество ума человѣческаго, или теперь, когда потерявъ силу развитія, сомнѣваюсь въ силѣ и значеніи ума человѣческаго? и немогу себѣ дать положительнаго отвѣта.

Сознаніе свободы и то весеннее чувство ожиданія чего-то, про которое я говорилъ уже, до такой степени взволновали меня, что я рѣшительно не могъ совладѣть съ самимъ собою и приготавливался къ экзамену очень плохо. Бывало утромъ занимаешься въ классной комнатѣ, и знаешь, что необходимо работать, потому что завтра экзаменъ изъ предмета, въ которомъ цѣлыхъ два вопроса еще непрочитаны мной, но вдругъ пахнетъ изъ окна какимъ нибудь весеннимъ духомъ:—покажется, будто что-то крайне нужно сейчасъ вспомнить, руки сами собою опускаютъ книгу, ноги сами собою начинаютъ двигаться и ходить взадъ и впе-

редъ, а въ головѣ, какъ будто кто нибудь пожалъ пружинку и пустилъ въ ходъ машину, въ головѣ такъ легко и естественно и съ такою быстротою начинаютъ пробѣгать разныя пестрыя, веселыя мечты, что только успѣваешь замѣчать блескъ ихъ. И часть, и два проходятъ незамѣтно. Или тоже сидишь за книгой и кое-какъ сосредочишь все вниманіе на томъ, что читаешь, вдругъ по корридору услышишь женскіе шаги и шумъ платья — и все выскочило изъ головы, и нѣтъ возможности усидѣть на мѣстѣ, хотя очень хорошо знаешь, что кромѣ Гаши, старой бабушкиной горничной, никто не могъ пройти по корридору. «Ну, а ежели это вдругъ она? приходитъ въ голову:—ну, а если теперь-то вотъ и начнется, а я пропущу?» и выскакиваешь въ корридоръ, видишь, что это точно Гаша; но ужъ долго потомъ не совладѣешь съ головой. Пружинка жата и опять пошла кутерьма страшная. Или вечеромъ сидишь одинъ съ сальной свѣчой въ своей комнатѣ, вдругъ на секунду, чтобъ снять со свѣчки или поправиться на стулѣ, отрываешься отъ книги, и видишь, что вездѣ въ дверяхъ по угламъ темно, и слышишь, что вездѣ въ домѣ тихо,—опять невозможно не остановиться и не слушать этой тишины, и не смотрѣть на этотъ мракъ отворенной двери въ темную комнату, и долго-долго не пробить въ неподвижномъ положеніи, или не пойти внизъ и не пройти по всѣмъ пустымъ комнатамъ. Часто, тоже, долго по вечерамъ я просиживалъ незамѣченнымъ въ залѣ, прислушиваясь къ звуку «соловья», котораго двумя пальцами наигрывала на фортепьянахъ Гаша, сидя одна при сальной свѣчкѣ въ большой залѣ. А ужъ при лунномъ свѣтѣ, я рѣшительно не могъ не вставать съ постели и не ложиться на окно въ палисадникъ, и вглядываясь въ освѣщенную крышу Шапошникова дома, и стройную колокольню нашего прихода, и въ вечернюю тѣнь забора и куста, жившуюся на дорожку садика, не могъ не просиживать такъ долго, что потомъ просыпался съ трудомъ только въ десять часовъ утра.

Такъ, что ежели бы не учителя, которые продолжали ходить ко мнѣ, не St. Jérôme, который изрѣдка нехотя подстрекалъ мое самолюбіе, и главное, не желаніе показаться дѣльнымъ малымъ въ глазахъ моего друга Нехлюдова, т. е. выдержать отлично экзаменъ, что по его понятіямъ было очень важною вещью,—ежели бы не это, — то весна и свобода сдѣлали бы то, что я забылъ бы даже все то, что зналъ прежде и ни за что бы не выдержалъ экзамена.

ГЛАВА X.

ЭКЗАМЕНЪ ИСТОРИИ.

16 апрѣля я въ первый разъ подъ покровительствомъ St. Jérôme'a вошелъ въ большую университетскую залу. Мы приѣхали съ нимъ въ нашѣмъ

довольно щегольскомъ фазтонѣ. Я былъ во фракѣ въ первый разъ въ моей жизни, и все платье, даже бѣлье, чулки, было на мнѣ самое новое и лучшее. Когда швейцаръ снялъ съ меня внизу шинель и я предсталъ предъ нимъ во всей красотѣ своей одежды, мнѣ даже стало нѣсколько совѣстно за то, что я такъ ослѣпительнъ. Однако, едва только я вступилъ въ свѣтлую паркетную залу, наполненную народомъ и увидѣлъ сотни молодыхъ людей въ гимназическихъ мундирахъ и во фракахъ, изъ которыхъ нѣкоторые равнодушно взглянули на меня, и въ дальнемъ концѣ важныхъ профессоровъ, свободно ходившихъ около столовъ и сидѣвшихъ въ большихъ креслахъ, какъ я въ ту же минуту разочаровался въ надеждѣ обратить на себя общее вниманіе, и выраженіе моего лица, означавшее дома и еще въ сѣняхъ какъ бы сожалѣніе въ томъ, что я противъ моей воли имѣю видѣ такой благородный и значительный, замѣнилось выраженіемъ сильнѣйшей робости и нѣкотораго унынія. Я даже впалъ въ другую крайность и обрадовался весьма, увидавъ на ближайшей лавкѣ одного чрезвычайно дурно, нечистоплотно одѣтаго господина, еще не стараго, но почти совсѣмъ сѣдаго, который въ отдаленіи отъ другихъ сидѣлъ на задней лавкѣ. Я тотчасъ же подсѣлъ къ нему и сталъ разсматривать экзаменующихся и дѣлать о нихъ свои заключенія. Много тутъ было разнообразныхъ фигуръ и лицъ, но все онѣ по моимъ тогдашнимъ понятіямъ легко распредѣлялись на три рода.

Были такіе же какъ я, явившіеся на экзаменъ съ гувернерами или родителями и въ числѣ ихъ меньшой Ивинъ съ знакомымъ мнѣ Фростомъ и Илинъка Грапъ съ своимъ старымъ отцомъ. Всѣ таковые были съ пушистыми подбородками, имѣли выпущенное бѣлье и сидѣли смирно, не раскрывая книгъ и тетрадей, принесенныхъ съ собою, и съ видимой робостью смотрѣли на профессоровъ и экзаменные столы. Второго рода экзаменующіеся были молодые люди въ гимназическихъ мундирахъ, изъ которыхъ многіе уже брили бороды. Эти были большей частью знакомы между собой, говорили громко, по имени и отчеству называли профессоровъ, тутъ же готовили вопросы, передавали другъ другу тетради, шагали черезъ скамейки, изъ сѣней приносили пирожки и бутерброды, которые тутъ же съѣдали, только немного наклонивъ голову на уровень лавки. И наконецъ третьяго рода экзаменующіеся, которыхъ впрочемъ было немного, были совсѣмъ старые, во фракахъ, по большей частью въ сюртукахъ и безъ видимаго бѣлья. Эти держали себя весьма серьезно, сидѣли уединенно и имѣли видѣ очень мрачный. Тотъ, который утѣшилъ меня тѣмъ, что навѣрно былъ одѣтъ хуже меня, принадлежалъ къ этому послѣднему роду. Онъ, облокотившись на обѣ руки, сквозь пальцы которыхъ торчали всклокоченные, полусѣдые волосы, читалъ въ книгѣ и только на мгновеніе взглянувъ на меня несовсѣмъ доброжелательно своими блестящими глазами, мрачно нахмурилъ

ся и еще выставилъ въ мою сторону гляцовитый локоть, чтобъ я не могъ подвинуться къ нему ближе. Гимназисты напротивъ были слишкомъ общительны, и я ихъ немножко боялся. — Одинъ, сунувъ мнѣ въ руку книгу, сказалъ: «передайте вонъ ему»; другой, проходя мимо меня, сказалъ: «пустите-ка, батюшка»; третій, перелѣзая черезъ лавку, уперся на мое плечо какъ на скамейку. Все это мнѣ было дико и непріятно; я считалъ себя гораздо выше этихъ гимназистовъ и полагалъ, что они не должны были позволять себѣ со мною такой фамильярности. Наконецъ начали вызывать фамиліи; гимназисты выходили смѣло и отвѣчали большей частью хорошо, возвращались весело; наша братья робѣла гораздо болѣе, да и, какъ кажется, отвѣчала хуже. Изъ старыхъ нѣкоторые отвѣчали превосходно, другіе очень плохо. Когда вызвали Семенова, то мой сосѣдъ съ сѣдыми волосами и блестящими глазами, грубо толкнувъ меня, перелѣзъ черезъ мои ноги и пошелъ къ столу. Какъ было замѣтно по виду профессоровъ, онъ отвѣчалъ отлично и смѣло. Возвратившись къ своему мѣсту, онъ, не узнавая о томъ, сколько ему поставили, спокойно взялъ свои тетрадки и вышелъ. Уже нѣсколько разъ я содрагался при звукѣ голоса вызывающаго фамиліи, но еще до меня не доходила очередь по алфавитному списку, хотя уже вызывали фамиліи начинавшіяся съ К.—«Иконинъ и Теньевъ» вдругъ прокричалъ кто-то изъ профессорскаго угла. Морозъ пробѣжалъ у меня по спинѣ и въ волосахъ.

— Кого звали? Кто Бартеневъ? заговорили вокругъ меня.

— Иконинъ, иди, тебя зовутъ; да кто же Бартеневъ, Морденевъ? — я не знаю, признаваясь, говорилъ высокій румяный гимназистъ, стоявшій за мной.

— Вамъ, сказалъ St. Jérôme.

— Моя фамилія Иртеневъ, сказалъ я румяному гимназисту: развѣ Иртенева звали?

— Ну, да; что жъ вы неидете?... «Вишь какой франтъ!» прибавилъ онъ не громко, но такъ, что я слышалъ его слова выходя изъ-за скамейки. Впереди меня шелъ Иконинъ, высокій молодой чловѣкъ лѣтъ двадцати пяти, принадлежавшій къ третьему роду, старыхъ. На немъ былъ оливковый узенькій фракъ, атласный синій галстукъ, на которомъ лежали сзади длинные бѣлокурые волосы, тщательно причесанные à la мужикъ. Я замѣтилъ его наружность еще на лавкахъ. Онъ былъ недурень собою, разговорчивъ; и меня особенно поразили въ немъ странные рыжіе волосы, которые онъ отпустилъ себѣ на горлѣ, и еще болѣе, странная привычка, которую онъ имѣлъ—безпрестанно разстегивать жилетъ и чесать себѣ грудь подъ рубашкой.

Три профессора сидѣли за тѣмъ столомъ, къ которому я подошелъ вмѣстѣ съ Иконинымъ; ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Молодой профессоръ тасовалъ билеты, какъ колоду картъ, другой профессоръ, съ звѣздой на фракѣ,

смотрѣлъ на гимназиста, говорившаго что-то очень скоро про Карла Великаго, къ каждому слову прибавляя «наконецъ», и третій, старичокъ въ очкахъ, опустивъ голову, посмотрѣлъ на насъ черезъ очки и указалъ на билеты. Я чувствовалъ, что взгляды его были совокупно обращены на меня и Иконина, и что въ насъ не понравилось ему что-то (можетъ быть рыжіе волосы Иконина), потому что онъ сдѣлалъ, глядя опять-таки на обоихъ насъ вмѣстѣ, нетерпѣливый жестъ головой, чтобъ мы скорѣе брали билеты. Мнѣ было досадно и оскорбительно, во первыхъ то, что никто не отвѣтилъ на нашъ поклонъ, а во вторыхъ то, что меня видимо соединяли съ Иконинимъ въ одно понятіе *экзаменующихся*, и уже предубѣждены противъ меня, за рыжіе волосы Иконина. Я взялъ билетъ безъ робости и готовился отвѣчать; но профессоръ указалъ глазами на Иконина. Я прочелъ свой билетъ, онъ былъ мнѣ знакомъ и я, спокойно ожидая своей очереди, наблюдалъ то, что происходило передо мной. Иконинъ нисколько не оробѣлъ, и даже слишкомъ смѣло, какъ-то всѣмъ бокомъ двинулся, чтобъ взять билетъ, встряхнулъ волосами и бойко прочелъ то, что было написано на билетѣ. Онъ открылъ было ротъ, какъ мнѣ казалось, чтобъ начать отвѣчать, какъ вдругъ профессоръ со звѣздой, съ похвалой отпустивъ гимназиста, посмотрѣлъ на него. Иконинъ какъ будто что-то вспомнилъ и остановился. Общее молчаніе продолжалось минуты двѣ.

— Ну, сказалъ профессоръ въ очкахъ.

Иконинъ открылъ ротъ и снова замолчалъ.

— Вѣдь не вы одни; извольте отвѣчать, или нѣтъ? сказалъ молодой профессоръ, но Иконинъ даже не взглянулъ на него. Онъ пристально смотрѣлъ въ билетъ и не произнесъ ни одного слова. Профессоръ въ очкахъ смотрѣлъ на него, и сквозь очки, и черезъ очки, и безъ очковъ, потому что успѣлъ въ это время снять ихъ, тщательно протереть стекла и снова надѣть. Иконинъ не произнесъ ни одного слова. Вдругъ улыбка блеснула на его лицѣ, онъ встряхнулъ волосами, опять всѣмъ бокомъ развернувшись къ столу, положилъ билетъ, взглянулъ на всѣхъ профессоровъ поочередно, потомъ на меня, повернулся, и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, вернулся къ лавкамъ. Профессора переглянулись между собой.

— Хорошъ голубчикъ! сказалъ молодой профессоръ:—своекоштный!

Я подвинулся ближе къ столу, но профессора продолжали почти шопотомъ говорить между собой, какъ будто никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ моего присутствія. Я былъ тогда твердо убѣжденъ, что всѣхъ трехъ профессоровъ чрезвычайно занималъ вопросъ о томъ, выдержи ли я экзаменъ и хорошо ли я его выдержу, но что они такъ только, для важности притворялись, что это имъ совершенно все равно, и что они будто бы меня не замѣчаютъ.

Когда профессоръ въ очкахъ равнодушно обра-

тился ко мнѣ, приглашая отвѣчать на вопросъ, то взглянувъ ему въ глаза, мнѣ немножко совѣстно было за него, что онъ такъ лицемѣрилъ передо мной, и я нѣсколько замаялся въ началѣ отвѣта; но потомъ пошло легче и легче, и такъ какъ вопросъ былъ изъ русской исторіи, которую я зналъ отлично, то я кончилъ блистательно и даже до того расходился, что желая дать почувствовать профессорамъ, что я не Иконинъ и что меня смѣшивать съ нимъ нельзя, предложилъ взять еще билетъ; но профессоръ кивнувъ головой сказалъ: «хорошо-съ» и отмѣтилъ что-то въ журналѣ. Возвратившись къ лавкамъ, я тотчасъ же узналъ отъ гимназистовъ, которые, Богъ ихъ знаетъ, какъ все узнавали, что мнѣ было поставлено пять.

ГЛАВА XI.

ЭКЗАМЕНЪ МАТЕМАТИКИ.

На слѣдующихъ экзаменахъ, кромѣ Грапа, котораго я считалъ недостойнымъ своего знакомства и Ивина, который почему-то дичился меня, я уже имѣлъ много новыхъ знакомыхъ. Нѣкоторые уже здоровались со мной. Иконинъ даже обрадовался, увидавъ меня и сообщилъ мнѣ, что онъ будетъ переекзаменовываться изъ исторіи, что профессоръ исторіи золь на него еще съ прошлагодняго экзамена, на которомъ онъ будто бы тоже *сбилъ* его. Семеновъ, который поступалъ въ одинъ факультетъ со мной, въ математическій, до конца экзаменовъ все-таки дичился всѣхъ, сидѣлъ молча одинъ, облокотясь на руки и засунувъ пальцы въ свои сѣдые волосы, и экзаменовался отлично. Онъ былъ вторымъ; первымъ же былъ гимназистъ первой гимназіи. Это былъ высокій худощавый брюнетъ, весьма блѣдный, съ подвязанной чернымъ галстукомъ щекой и покрытымъ прыщами лбомъ. Руки у него были худыя, красныя, съ чрезвычайно длинными пальцами и ногти обкусаны такъ, что концы пальцевъ его казались перевязаны ниточками. Все это мнѣ казалось прекраснымъ и такимъ, какимъ должно было быть *у перваго гимназиста*. Онъ говорилъ со всѣми такъ же, какъ и всѣ, даже и я съ нимъ познакомился, но все-таки, какъ мнѣ казалось, въ его походкѣ, движеніяхъ губъ и черныхъ глазахъ было замѣтно что-то необыкновенное, *магнетическое*.

На экзаменъ математики я пришелъ раньше обыкновеннаго. Я зналъ предметъ порядочно, но было два вопроса изъ алгебры, которые я какъ-то утаилъ отъ учителя, и которые мнѣ были совершенно неизвѣстны. Это были, какъ теперь помню: теорія сочетаній и биномъ Ньютона. Я сѣлъ на заднюю лавку и просматривалъ два незнакомые вопроса; но непривычка заниматься въ шумной комнатѣ и недостаточность времени, которую я предчувствовалъ, мѣшали мнѣ вникнуть въ то, что я читалъ.

— Вотъ онъ, поди сюда, Нехлюдовъ, послышался за мной знакомый голосъ Володи.

Я обернулся и увидалъ брата и Дмитрія, которые въ разстегнутыхъ сюртукахъ, размахивая руками проходили ко мнѣ между лавокъ. Сейчас видны были студенты втораго курса, которые въ университетѣ, какъ дома. Одинъ видъ ихъ разстегнутыхъ сюртуковъ выражалъ презрѣніе къ нашему брату поступающему, и нашему брату поступающему внушалъ зависть и уваженіе. Мнѣ было весьма лестно думать, что всѣ окружающіе могли видѣть, что я знакомъ съ двумя студентами втораго курса, и я поскорѣе всталъ имъ навстрѣчу.

Володя даже не могъ удержаться, чтобъ не выразить чувства своего превосходства.

— Эхъ ты, горемычный! сказалъ онъ: — что, не экзаменовался еще?

— Нѣтъ.

— Что ты читаешь? Развѣ не приготовилъ?

— Да, два вопроса не совѣмъ. Тутъ не понимаю.

— Что? вотъ это? сказалъ Володя и началъ мнѣ объяснять биномъ Ньютона, но такъ скоро и не ясно, что въ моихъ глазахъ прочтя недовѣріе къ своему знанію, онъ взглянулъ на Дмитрія и въ его глазахъ должно быть прочтя тоже, покраснѣлъ но все-таки продолжалъ говорить что-то, чего я не понималъ.

— Нѣтъ, постой, Володя, дай я съ нимъ пройду, коли успѣемъ, сказалъ Дмитрій, взглянувъ на профессорскій уголь, и подсѣлъ ко мнѣ.

Я сейчасъ замѣтилъ, что другъ мой былъ въ томъ самодовольно кроткомъ расположеніи духа, которое всегда на него находило, когда онъ бывалъ доволенъ собой и которое я особенно любилъ въ немъ. Такъ какъ математику онъ зналъ хорошо и говорилъ ясно, онъ такъ славно прошелъ со мной вопросъ, что до сихъ поръ я его помню. Но едва онъ кончилъ, какъ St. Jérôme громкимъ шопотомъ проговорилъ: à vous, Nicolas!—и я вслѣдъ за Иконинымъ вышелъ изъ-за лавки, не успѣвъ пройти другаго незнакомаго вопроса. Я подошелъ къ столу, у котораго сидѣло два профессора и стоялъ гимназистъ передъ черной доской. Гимназистъ бойко выводилъ какую-то формулу, со стукомъ, ломая мѣлъ о доску, и все писалъ, несмотря на то, что профессоръ уже сказалъ ему: «довольно» и велѣлъ намъ взять билеты. «Ну, что, ежели достанется теорія сочетаній!» подумалъ я, доставая дрожащими пальцами билетъ изъ мягкой кипы наръзанныхъ бумажекъ. Иконинъ съ тѣмъ же смѣлымъ жестомъ, какъ и въ прошедшій экзаменъ, раскачнувшись всѣмъ бокомъ, не выбирая взялъ верхній билетъ, взглянулъ на него и сердито нахмурился.

— Все такіе черти попадаются! пробормоталъ онъ.

Я посмотрѣлъ на свой.

О, ужасъ! это была теорія сочетаній!...

— А у васъ какой? спросилъ Иконинъ.

Я показалъ ему.

— Этотъ я знаю, сказалъ онъ.

— Хотите мѣняться?

— Нѣтъ, все равно, я чувствую, что не въ духѣ, едва успѣлъ прошептать Иконинъ, какъ профессоръ ужъ подозвалъ насъ къ доскѣ.

«Ну, все пропало!—подумалъ я—вмѣсто блестящаго экзамена, который я думалъ сдѣлать, я навѣки покроюсь срамомъ, хуже Иконина.» Но вдругъ Иконинъ, въ глазахъ профессора, поворотился ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ мой билетъ и отдалъ мнѣ свой. Я взглянулъ на билетъ. Это былъ биномъ Ньютона.

Профессоръ былъ не старый человѣкъ, съ пріятнымъ умнымъ выраженіемъ, которое особенно давала ему чрезвычайно выпуклая нижняя часть лба.

— Что это, вы билетами мѣняетесь, господа? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это онъ такъ, давалъ мнѣ свой посмотреть, г. профессоръ, нашелся Иконинъ, — и опять слово *г. профессоръ*, было послѣднее слово, которое онъ произнесъ на этомъ мѣстѣ; и опять проходя назадъ мимо меня, онъ взглянулъ на профессоровъ, на меня, улыбнулся и пожалъ плечами, съ выраженіемъ, говорившимъ:

— Ничего, братъ! (Я послѣ узналъ, что Иконинъ уже третій годъ являлся на вступительный экзаменъ).

Я отвѣчалъ отлично на вопросъ, который только что прошелъ, — профессоръ даже сказалъ мнѣ, что лучше, чѣмъ можно требовать, и поставилъ — 5.

ГЛАВА XII.

ЛАТИНСКІЙ ЭКЗАМЕНЪ.

Все шло отлично до латинскаго экзамена. Подвязанный гимназистъ былъ первымъ, Семеновъ вторымъ, — я третьимъ. Я даже начиналъ гордиться и серьезно думать, что не смотря на мою молодость, я совѣмъ не шутка.

Еще съ перваго экзамена, всѣ съ трепетомъ рассказывали про латинскаго профессора, который былъ будто бы какой-то звѣрь наслаждавшійся гибелью молодыхъ людей, особенно своекоштныхъ, и говорившій будто-бы только на латинскомъ или греческомъ языкѣ. St. Jérôme, который былъ моимъ учителемъ латинскаго языка, ободрялъ меня, да и мнѣ казалось, что переводя безъ лексикона Цицерона, нѣсколько одѣ Горация и зная отлично Цумпта, я былъ приготовленъ не хуже другихъ, но вышло иначе. Все утро только и было слышно, что о погибели тѣхъ, которые выходили прежде меня: тому поставилъ нуль, тому единицу, того еще разобрали и хотѣлъ выгнать и т. д., и т. д. Только Семеновъ и первый гимназистъ, какъ всегда спокойно вышли и вернулись, получивъ по 5 каждый. Я уже предчувствовалъ несчастіе, когда насъ вызвали вмѣстѣ съ Иконинымъ къ маленькому столику, противъ

котораго страшный профессор сидѣлъ совершенно одинъ. Страшный профессор былъ маленькій, худой, желтый человѣкъ, съ длинными маслянными волосами и съ весьма задумчивой фizioноміей.

Онъ далъ Иконину книгу рѣчей Цицерона и поставилъ переводить его.

Къ великому удивленію моему, Иконинъ не только прочелъ, но и перевелъ нѣсколько строкъ съ помощью профессора, который ему подсказывалъ. Чувствуя свое превосходство передъ такимъ слабымъ соперникомъ, я не могъ не улыбнуться, и даже нѣсколько презрительно, когда дѣло дошло до анализа и Иконинъ по прежнему погрузился въ очевидно безвыходное молчаніе. Я этой умной, слегка насмѣшливой улыбкой хотѣлъ понравиться профессору, но вышло на оборотъ.

— Вы вѣрно лучше знаете, что улыбаются, сказалъ мнѣ профессоръ дурнымъ русскимъ языкомъ: — посмотримъ. Ну, скажите вы.

Впослѣдствіи я узналъ, что латинскій профессоръ покровительствовалъ Иконину и что Иконинъ даже жилъ у него. Я отвѣтилъ тотчасъ же на вопросъ изъ синтаксиса, который былъ предложенъ Иконину, но профессоръ сдѣлалъ печальное лицо, и отвернулся отъ меня.

— Хорошо-съ, придетъ и вашъ чередъ, увидимъ, какъ вы знаете, сказалъ онъ, не глядя на меня, и сталъ объяснять Иконину то, объ чемъ его спрашивалъ.

— Ступайте, добавилъ онъ; и я видѣлъ, какъ онъ въ тетради балловъ поставилъ Иконину 4. «Ну, подумалъ я, онъ совсѣмъ не такъ строгъ, какъ говорили». Послѣ ухода Иконина онъ вѣрныхъ минутъ пять, которыя мнѣ показались за пять часовъ, укладывалъ книги, билеты, сморкался, поправлялъ кресла, разваливался на нихъ, смотрѣлъ въ залу, по сторонамъ и повсюду, но только не на меня. Все это притворство показалось ему однако недостаточнымъ, онъ открылъ книгу и притворился, что читаетъ ее, какъ будто меня вовсе тутъ не было. Я подвинулся ближе и кашлянулъ.

— Ахъ, да! еще вы? ну, переведите-ка чтонибудь, сказалъ онъ, подавая мнѣ какую-то книгу, — да нѣтъ, лучше вотъ эту. — Онъ перелистывалъ книгу Горація и развернулъ мнѣ ее на такомъ мѣстѣ, которое, какъ мнѣ казалось, никто никогда не могъ бы перевести.

— Я этого не готовилъ, сказалъ я.

— А вы хотите отвѣчать то, что выучили наизусть, — хорошо! Нѣтъ, вотъ это переведите.

Кое-какъ я сталъ добиваться до смысла, но профессоръ, на каждый мой вопросительный взглядъ, качалъ головой, и, вздыхая, отвѣчалъ только «нѣтъ». Наконецъ онъ закрылъ книгу, такъ нервически быстро, что захлопнулъ между листьями свой палецъ; сердито выдернувъ его оттуда, онъ далъ мнѣ билетъ изъ грамматики и, откинувшись назадъ на кресла, сталъ молчать самымъ зловѣщимъ образомъ. Я сталъ было отвѣчать, но выраженіе его

лица сковывало мнѣ языкъ, и все, что бы я ни сказалъ, мнѣ казалось не то.

— Не то, не то, совсѣмъ не то, заговорилъ онъ вдругъ своимъ гадкимъ выговоромъ, быстро переменяя положеніе, облакачиваясь объ столъ и играя золотымъ перстнемъ, который у него слабо держался на худомъ пальцѣ лѣвой руки. — Такъ нельзя, господа, готовиться въ высшее учебное заведеніе; вы все хотите только мундиръ носить съ синимъ воротникомъ, верховъ нахватаетесь и думаете, что вы можете быть студентами; нѣтъ, господа, надо основательно изучать предметъ, и т. д., и т. д.

Во все время этой рѣчи, произносимой коверканнымъ языкомъ, я съ тупымъ вниманіемъ смотрѣлъ на его потупленные глаза. Сначала мучило меня разочарованіе не быть третьимъ, потомъ страхъ вовсе не выдержать экзамена и наконецъ къ этому присоединилось чувство сознанія несправедливости, оскорбленнаго самолюбія и незаслуженнаго униженія: сверхъ того, презрѣніе къ профессору за то, что онъ не былъ, по моимъ понятіямъ, изъ людей *comme il faut*, — что я открылъ, глядя на его короткіе, крѣпкіе и круглые ногти, — еще болѣе разжигало во мнѣ и дѣлало ядовитыми всѣ эти чувства. Взглянувъ на меня и замѣтивъ мои дрожащія губы и налитые слезами глаза, онъ перевелъ, должно быть, мое волненіе просьбой прибавить мнѣ баллъ, и, какъ будто сжалившись надо мной, сказалъ (и еще при другомъ профессорѣ, который подошелъ въ это время):

— Хорошо-съ, я поставлю вамъ переходный баллъ (это значило два), хотя вы его не заслуживаете, но это только въ уваженіе вашей молодости и въ надеждѣ, что вы въ университетѣ уже не будете такъ легкомысленны.

Послѣдняя фраза его, сказанная при постороннемъ профессорѣ, который смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто тоже говорилъ: «да, вотъ видите, молодой человѣкъ!» — окончательно смутила меня. Была одна минута, когда глаза у меня застлало туманомъ: страшный профессоръ съ своимъ столомъ показался мнѣ сидящимъ гдѣ-то вдали, и мнѣ съ страшной односторонней ясностью пришла въ голову дикая мысль: «а что, ежели...? что изъ этого будетъ?» Но я этого почему-то не сдѣлалъ, а напротивъ, безсознательно, особенно почтительно поклонился обоимъ профессорамъ и слегка улыбнувшись, кажется той же улыбкой, какой улыбался Иконинъ, отошелъ отъ стола.

Несправедливость эта до такой степени сильно подѣйствовала на меня тогда, что ежели бы я былъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, я бы не пошелъ больше экзаменоваться. Я потерялъ всякое честолюбіе (уже нельзя было и думать о томъ, чтобъ быть третьимъ) и остальные экзамены я спустилъ безъ всякаго старанія и даже волненія. Въ общемъ числѣ у меня было, однако, четыре слишкомъ, но это уже вовсе не интересовало меня; я самъ съ собою рѣшилъ и доказалъ это себѣ весьма ясно,

что чрезвычайно глупо и даже *mauvais genre* стараться быть первымъ, а надо такъ, чтобъ только ни слишкомъ дурно, ни слишкомъ хорошо, какъ Володя. Этого я намѣренъ былъ держаться и впредь въ университетѣ; несмотря на то, что въ этомъ случаѣ, я въ первый разъ расходился въ мнѣніяхъ съ своимъ другомъ.

Я думалъ уже только о мундирѣ, трехъугольной шляпѣ, собственныхъ дрожкахъ, собственной комнатѣ и, главное, о собственной свободѣ.

ГЛАВА XIII.

я большой.

Впрочемъ, и эти мысли имѣли свою прелесть.

8 мая, вернувшись съ послѣдняго экзамена Закона Божія, я нашелъ дома знакомаго мнѣ подмастерья отъ Розанова, который еще прежде приносилъ на живую нитку сметанные мундиръ и сюртукъ изъ глянцовитаго чернаго сукна съ отливомъ, и отбивалъ мѣломъ лацкана, а теперь принесъ совсѣмъ готовое платье, съ блестящими золотыми пуговицами, завернутыми бумажками.

Надѣвъ это платье и найдя его прекраснымъ, несмотря на то, что St. Jérôme увѣрялъ, что спина сюртука морщила, я сошелъ внизъ, съ самовольной улыбкой, которая совершенно невольно распускалась на моемъ лицѣ, и зашелъ къ Володѣ, чувствуя и какъ будто не замѣчая взгляды домашнихъ, которые изъ передней и изъ корридора съ жадностью были устремлены на меня. — Гаврило дворецкій догналъ меня въ залѣ, поздравилъ съ поступленіемъ, передалъ по приказанію папа четыре бѣленькія бумажки, и сказалъ, что тоже по приказанію папа, съ нынѣшняго дня кучеръ Кузьма, пролетка и гнѣдой Красавчикъ въ моемъ полномъ распоряженіи. Я такъ обрадовался этому почти неожиданному счастью, что никакъ не могъ притвориться равнодушнымъ передъ Гаврилой, и нѣсколько растерявшись и задохнувшись, сказалъ первое, что мнѣ пришло въ голову, — кажется, что «Красавчикъ отличный рысакъ». Взглянувъ на головы, которыя высывались изъ дверей передней и корридора, не въ силахъ болѣе удерживаться, рысью побѣжалъ черезъ залу въ своемъ новомъ сюртукѣ съ блестящими золотыми пуговицами. Въ то время, какъ я входилъ къ Володѣ, за мной слышались голоса Дубкова и Нехлюдова, которые пріѣхали поздравить меня и предложить ѣхать обѣдать куда нибудь и пить шампанское въ честь моего вступленія. Дмитрій сказалъ мнѣ, что онъ хотя и не любитъ пить шампанское, нынче поѣдетъ съ нами, чтобы выпить со мною *на ты*. Дубковъ сказалъ, что я почему-то похожъ вообще на полковника; Володя не поздравилъ меня и весьма сухо только сказалъ, что теперь мы послѣзавтра можемъ ѣхать въ деревню. Какъ будто, хотя онъ былъ и радъ моему поступленію, ему немножко

непріятно было, что теперь и я такой же большой, какъ и онъ. St. Jérôme, который тоже пришелъ къ намъ, сказалъ очень напыщенно, что его обязанность кончена, что онъ не знаетъ, хорошо ли, дурно ли она исполнена, но что онъ сдѣлалъ все что могъ, и что завтра онъ переѣзжаетъ къ своему графу. Въ отвѣтъ на все, что мнѣ говорили, я чувствовалъ, какъ противъ моей воли на лицѣ моемъ разцвѣтала сладкая, счастливая, нѣсколько глупо-самодовольная улыбка и замѣчалъ, что улыбка эта даже сообщалась всѣмъ, кто со мной говорилъ.

И вотъ у меня нѣтъ гувернера, у меня есть свои дрожки, имя мое напечатано въ списокѣ студентовъ, у меня шпага на портупеѣ, будочники могутъ иногда дѣлать мнѣ честь... я большой, я, кажется, счастливъ.

Обѣдать мы рѣшили у Яра въ пятомъ часу; но такъ какъ Володя поѣхалъ къ Дубкову, а Дмитрій тоже по своей привычкѣ исчезъ куда-то, сказавъ, что у него есть до обѣда одно дѣло, то я могъ употребить два часа времени, какъ мнѣ хотѣлось. Довольно долго я ходилъ по всѣмъ комнатамъ и смотрѣлся во всѣ зеркала, то въ застегнутомъ сюртукѣ, то совсѣмъ въ растегнутомъ, то въ застегнутомъ на одну верхнюю пуговицу, и все мнѣ казалось отлично. Потомъ, какъ мнѣ ни совѣстно было показывать слишкомъ большую радость, я не удержался, пошелъ въ конюшню и каретный сарай, посмотрѣлъ Красавчика, Кузьму и дрожки, потомъ снова вернулся и сталъ ходить по комнатамъ, поглядывая въ зеркала и рассчитывая деньги въ карманѣ, и все также счастливо улыбаясь. Однако не прошло и часу времени, какъ я почувствовалъ нѣкоторую скуку или сожалѣніе въ томъ, что никто меня не видитъ въ такомъ блестящемъ положеніи, и мнѣ захотѣлось движенія и дѣятельности. Вслѣдствіе этого, я велѣлъ заложить дрожки и рѣшилъ, что мнѣ лучше всего съѣздить на Кузнецкій мостъ сдѣлать покупки.

Я вспомнилъ, что Володя при вступленіи въ университетъ купилъ себѣ литографіи лошадей Виктора Адама, табаку и трубки, и мнѣ показалось необходимымъ сдѣлать тоже самое.

При обращенныхъ со всѣхъ сторонъ на меня взглядахъ и при яркомъ блескѣ солнца на моихъ пуговицахъ, кокардѣ шляпы и шпагѣ, я пріѣхалъ на Кузнецкій мостъ и остановился подлѣ магазина картинъ Даціаро. Оглядываясь на всѣ стороны, я вошелъ въ него. Я не хотѣлъ покупать лошадей В. Адама, для того, чтобы меня не могли упрекнуть въ обезьянствѣ Володѣ но торопясь отъ стыда въ безпокойствѣ, которое я доставлялъ услужливому магазинщику, выбрать поскорѣе, я взялъ гуашью сдѣланную женскую голову стоявшую на окнѣ, и заплатилъ за нее двадцать рублей. Однако, заплативъ въ магазинѣ двадцать рублей, мнѣ все-таки казалось совѣстно, что я обезпокоилъ двухъ красиво одѣтыхъ магазинщиковъ такими пустяками и притомъ казалось, что они все еще слишкомъ небрежно на меня смотрятъ. Желая имъ дать по-

чувствовать, кто я такой, я обратилъ вниманіе на серебряную штучку, которая лежала подъ стекломъ, и узнавъ, что это былъ porte-crayon, который стоилъ восемнадцать рублей, попросилъ завернуть его въ бумажку и, заплативъ деньги и узнавъ еще, что хорошіе чубуки и табакъ можно найти рядомъ въ табачномъ магазинѣ, учтиво поклонясь обоимъ магазинщикамъ, вышелъ на улицу съ картиной подъ мышкой. Въ сосѣднемъ магазинѣ, на вывѣскѣ котораго былъ написанъ негръ курящій сигару, я купилъ, тоже изъ желанія не подражать никому, не жукова, а султанскаго табаку, стамбулку трубку и два липовыхъ и розовыхъ чубука. Выходя изъ магазина къ дрожкамъ, я увидѣлъ Семенова, который въ штатскомъ сюртукѣ, опустивъ голову скорыми шагами шелъ по тротуару. Мнѣ было досадно, что онъ не узналъ меня. Я довольно громко сказалъ: «подавай!» и сбѣвъ на дрожки, догналъ Семенова.

— Здравствуйте-съ, сказалъ я ему.

— Мое почтеніе, отвѣчалъ онъ, продолжая идти.

— Что же вы не въ мундирѣ? спросилъ я.

Семеновъ остановился, прищурилъ глаза и, оскаливъ свои бѣлые зубы, какъ будто ему было больно смотрѣть на солнце, но собственно за тѣмъ, чтобы показать свое равнодушіе къ моимъ дрожкамъ и мундиру, молча посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше.

Съ Кузнецкаго моста я заѣхалъ въ кондитерскую на Тверской, и хотя желалъ притвориться, что меня въ кондитерской преимущественно интересуютъ газеты, не могъ удержаться и начать ѣсть одинъ сладкій пирожокъ за другимъ. Несмотря на то, что мнѣ было стыдно передъ господиномъ, который изъ-за газеты съ любопытствомъ посматривалъ на меня, я сбѣлъ чрезвычайно быстро пирожковъ восемь всѣхъ сортовъ, которые только были въ кондитерской.

Пріѣхавъ домой, я почувствовалъ маленькую изжогу; но не обративъ на нее никакого вниманія, занялся разсматриваніемъ покупокъ, изъ которыхъ картина такъ мнѣ не понравилась, что я не только не обдѣлалъ ее въ рамку и не повѣсилъ въ своей комнатѣ, какъ Володя, но даже тщательно спряталъ ее за комодъ, гдѣ никто не могъ ее видѣть. Porte-crayon дома мнѣ тоже не понравился; я положилъ его въ столъ, утѣшая себя однако мыслью, что это вещь серебряная, капитальная и для студента очень полезная. Курительные же препараты я тотчасъ рѣшилъ пустить въ дѣло и испробовать.

Распечатавъ четверку, тщательно набивъ стамбулку красножелтымъ, мелкой рѣзки, султанскимъ табакомъ, я положилъ на нее горящій труть и, взявъ чубукъ между среднимъ и безымяннымъ пальцемъ, (положеніе руки особенно мнѣ нравившееся) сталъ тянуть дымъ

Запахъ табака былъ очень пріятенъ, но во рту, было горько и дыханіе захватывало. Однако, скрѣпивъ сердце, я довольно долго втягивалъ въ себя дымъ, пробовалъ пускать кольца и затягиваться.

Скоро комната вся наполнилась голубоватыми облаками дыма, трубка начала хрипѣть, горячій табакъ подпрыгивать, а во рту я почувствовалъ горечь, и въ головѣ маленькое круженіе. Я хотѣлъ уже перестать и только посмотрѣться съ трубкой въ зеркало, какъ, къ удивленію моему, запатался на ногахъ; комната пошла кругомъ и, взглянувъ въ зеркало, къ которому я съ трудомъ подошелъ, я увидѣлъ, что лицо мое было блѣдно, какъ полотно. Едва я успѣлъ упасть на диванъ, какъ почувствовалъ такую тошноту и такую слабость, что, вообразивъ себѣ, что трубка для меня смертельна, мнѣ показалось, что я умираю. Я серьезно испугался, и хотѣлъ уже звать людей на помощь и посылать за докторомъ.

Однако страхъ этотъ продолжался недолго. Я скоро понялъ въ чемъ дѣло, и съ страшной головной болью, разслабленный, долго лежалъ на диванѣ, съ тупымъ вниманіемъ вглядываясь въ гербъ Бостанжогло, изображенный на четверткѣ, въ валявшуюся на полу трубку, окурки и остатки кондитерскихъ пирожковъ, и съ разочарованіемъ грустно думалъ: «вѣрно я еще несовсѣмъ большой, если не могу курить какъ другіе, и что, видно, мнѣ не судьба какъ другимъ, держать чубукъ между среднимъ и безымяннымъ пальцемъ, затягиваться и пускать дымъ черезъ русые усы.»

Дмитрій, заѣхавъ за мною въ пятомъ часу засталъ меня въ этомъ непріятномъ положеніи. Выпивъ стаканъ воды, однако, я почти оправился и былъ готовъ ѣхать съ нимъ.

— И что вамъ за охота курить, сказалъ онъ, глядя на слѣды моего куренія: — это все глупости и напрасная трата денегъ. Я далъ себѣ слово не курить... Однако, поѣдемъ скорѣй, еще надо заѣхать за Дубковымъ.

ГЛАВА XIV.

Чѣмъ занимались Володя съ Дубковымъ.

Какъ только Дмитрій вошелъ ко мнѣ въ комнату, по его лицу, походкѣ, и по свойственному ему жесту, во время дурнаго расположенія духа, подмигивая глазомъ гримасливо подергивать головой на бокъ, какъ будто для того, чтобы поправить галстухъ, я понялъ, что онъ находился въ своемъ холодно-упрямомъ расположеніи духа, которое на него находило, когда онъ былъ недоволенъ собой, и которое всегда производило охлаждающее дѣйствіе на мое къ нему чувство. Въ послѣднее время я уже начиналъ наблюдать и обсуживать характеръ моего друга, но дружба наша вслѣдствіе этого нисколько не измѣнилась: она еще была такъ молода и сильна, что съ какой бы стороны я ни смотрѣлъ на Дмитрія, я не могъ не видѣть его совершенствомъ. Въ немъ было два различные челоѣка, которые оба были для меня прекрасны. Одинъ, котораго я горячо любилъ,

добрый, ласковый, кроткий, веселый и съ сознаниемъ этихъ любезныхъ качествъ. Когда онъ былъ въ этомъ расположеніи духа, вся его наружность, звукъ голоса, всё движеніе говорили, казалось: «я кротокъ и добродѣтеленъ, наслаждаюсь тѣмъ, что я кротокъ и добродѣтеленъ, и вы всё это можете видѣть.» Другой — котораго я только теперь начиналъ узнавать, и передъ величавостью котораго преклонялся, былъ человѣкъ холодный, строгій къ себѣ и другимъ, гордый, религіозный до фанатизма и педантически нравственный. Въ настоящую минуту онъ былъ этимъ вторымъ человѣкомъ.

Съ открытностью, составлявшей необходимое условіе нашихъ отношеній, я сказалъ ему, когда мы сѣли въ дрожки, что мнѣ было грустно и больно видѣть его въ нынѣшній счастливый для меня день, въ такомъ тяжеломъ, непріятномъ для меня расположеніи духа.

— Вѣрно, что нибудь васъ разстроило: отчего вы мнѣ не скажете? спросилъ я его.

— Николинька! отвѣчалъ онъ неторопливо, нервно поворачивая голову на бокъ и подмигивая. — Ежели я далъ слово ничего не скрывать отъ васъ, то вы и не имѣете причинъ подозрѣвать во мнѣ скрытность. Нельзя всегда быть одинаково расположеннымъ, а ежели что нибудь меня разстроило, то я самъ не могу себѣ дать отчета. — «Какой это удивительно открытый, честный характеръ», подумалъ я и больше не заговаривалъ съ нимъ.

Мы молча приѣхали къ Дубкову. Квартира Дубкова была необыкновенно хороша, или показалась мнѣ такою. Вездѣ были ковры, картины, гардины, пестрые обои, портреты, изогнутыя кресла, волтеровскія кресла, на стѣнахъ висѣли ружья, пистолеты, кисеты и какія-то картонныя звѣриныя головы. При видѣ этого кабинета, я понялъ, кому подражалъ Володя въ убранствѣ своей комнаты. Мы застали Дубкова и Володю за картами. Какой-то незнакомый мнѣ господинъ (должно быть, неважный, судя по его скромному положенію) сидѣлъ подлѣ стола и очень внимательно смотрѣлъ на игру. Самъ Дубковъ былъ въ шелковомъ халатѣ и мягкихъ башмакахъ. Володя, безъ сюртука, сидѣлъ противъ него на диванѣ и, судя по покраснѣвшему лицу и недовольному, бѣглому взгляду, который онъ, на секунду оторвавъ отъ картъ, бросилъ на насъ, былъ очень занятъ игрой. Увидѣвъ меня, онъ покраснѣлъ еще больше.

— Ну, тебѣ сдавать, сказалъ онъ Дубкову. Я понялъ, что ему было непріятно, что я узналъ про то, что онъ играетъ въ карты. Но въ его выраженіи не было замѣтно смущенія, оно какъ будто говорило мнѣ: «да, играю, а ты удивляешься этому только потому, что еще молодъ. Это не только не дурно, но должно въ наши лѣта.»

Я тотчасъ почувствовалъ и понялъ это.

Дубковъ, однако, не сталъ сдавать карты, а всталъ, пожалъ намъ руки, усадилъ и предложилъ трубки, отъ которыхъ мы отказались.

— Такъ вотъ онъ, нашъ дипломатъ, виновникъ торжества, сказалъ Дубковъ. — Ей-Богу, ужасно похожъ на полковника.

— Гм! промышаль я, чувствуя опять на своемъ лицѣ распускающуюся глупо-самодовольную улыбку.

Я уважалъ Дубкова, какъ только можетъ уважать шестнадцатилѣтній мальчикъ двадцати-семи-лѣтняго адъютанта, про котораго всё большіе говорятъ, что онъ чрезвычайно порядочный молодой человѣкъ, который отлично танцуетъ, говорить по французски и который, въ душѣ презирая мою молодость, видимо старается скрывать это.

Несмотря на все мое уваженіе, во все время нашего съ нимъ знакомства, мнѣ Богъ знаетъ отчего бывало тяжело и неловко смотрѣть ему въ глаза. А я замѣтилъ послѣ, что мнѣ бываетъ неловко смотрѣть въ глаза, тремъ родамъ людей — тѣмъ, которые гораздо хуже меня, — тѣмъ, которые гораздо лучше меня и тѣмъ, съ которыми мы не рѣшаемся сказать другъ другу вещь, которую оба знаемъ. Можетъ быть, Дубковъ былъ и лучше, можетъ быть и хуже меня, но навѣрное уже было то, что онъ очень часто лгалъ не признаваясь въ этомъ, что я замѣтилъ въ немъ эту слабость и, разумѣется, не рѣшался ему говорить о ней.

— Стыграемъ еще одного короля, сказалъ Володя, подергивая плечомъ какъ папа и тасуя карты.

— Вотъ пристаешь! сказалъ Дубковъ: — послѣ доиграемъ. Ну, а впрочемъ одного — давай.

Въ то время, какъ они играли, я наблюдалъ ихъ руки. У Володи была большая красивая рука, отдѣлъ большого пальца и выгибъ остальныхъ, когда онъ держалъ карты, были такъ похожи на руку папа, что мнѣ даже одно время казалось, что Володя нарочно такъ держитъ руки, чтобъ быть похожимъ на большого; но взглянувъ на его лицо, сейчасъ видно было, что онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ игры. У Дубкова, напротивъ, руки были маленькія, пухлыя, загнутыя внутрь, чрезвычайно ловкія и съ мягкими пальцами; именно тотъ сортъ рукъ, на которыхъ бываютъ перстни и которыя принадлежатъ людямъ склоннымъ къ ручнымъ работамъ и любящимъ имѣть красивыя вещи.

Должно быть, Володя проигралъ, потому что господинъ смотрѣвшій ему въ карты замѣтилъ, что Владиміру Петровичу ужасное несчастье, и Дубковъ, доставъ портфель, записалъ туда что-то и показавъ записанное Володѣ, сказалъ: «такъ?»

— Такъ! сказалъ Володя, притворно разсѣянно взглянувъ въ записную книжку, — теперь поѣдемте.

Володя повезъ Дубкова, меня повезъ Дмитрій, въ своемъ фаетонѣ.

— Во что это они играли? спросилъ я Дмитрія.

— Въ пикетъ. Глупая игра, да и вообще игра глупая вещь.

— А они въ большія деньги играютъ?

— Не въ большія, однако не хорошо.

— А вы не играете?

— Нѣтъ, я далъ слово не играть; а Дубковъ не можетъ, чтобы не обыграть кого нибудь.

— Вѣдь это не хорошо съ его стороны, сказалъ я. — Володя вѣрно хуже его играетъ?

— Разумѣется, не хорошо; но дурнаго тутъ ничего особенно нѣтъ. Дубковъ любитъ играть и умѣетъ играть, а все-таки онъ отличный человѣкъ.

— Да я совсѣмъ и не думалъ... сказалъ я.

— Да и нельзя объ немъ ничего дурнаго думать, потому что онъ, точно, прекрасный человѣкъ. И я его очень люблю и всегда буду любить, не смотря на его слабости.

Мнѣ почему-то показалось, что именно потому, что Дмитрій слишкомъ горячо заступался за Дубкова, онъ уже не любилъ и не уважалъ его, но не признавался въ томъ, изъ упрямства и изъ за-того, чтобъ его никто не могъ упрекнуть въ непостоянствѣ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ друзей на всю жизнь, не столько потому, что эти друзья остаются имъ постоянно любезны, сколько потому, что разъ, даже по ошибкѣ, полюбивъ человѣка, они считаютъ безчестнымъ разлюбить его.

ГЛАВА XV.

МЕНЯ ПОЗДРАВЛЯЮТЪ.

Дубковъ и Володя знали у Яра всѣхъ людей по имени, и отъ швейцара до хозяина всѣ оказывали имъ большое уваженіе. Намъ тотчасъ отвели особенную комнату и подали какой-то удивительный обѣдъ, выбранный Дубковымъ по французской картѣ. Бутылка замороженнаго шампанскаго, на которую я старался смотрѣть какъ можно равнодушнѣе, уже была приготовлена. Обѣдъ прошелъ очень пріятно и весело, несмотря на то, что Дубковъ по своему обыкновенію, рассказывалъ самые странные, будто бы истинные случаи, — между прочимъ, какъ его бабушка убила изъ мушкетона трехъ напавшихъ на нее разбойниковъ (причемъ я покраснѣлъ и потупивъ глаза отвернулся отъ него) и несмотря на то, что Володя видимо робѣлъ всякій разъ, какъ я начиналъ говорить что нибудь (что было совершенно напрасно, потому что я не сказалъ, сколько помню, ничего особенно постыднаго). Когда подали шампанское, всѣ поздравили меня и я выпилъ черезъ руку «на ты» съ Дубковымъ и Дмитріемъ и поцаловался съ ними. Такъ какъ я не зналъ, кому принадлежитъ поданная бутылка шампанскаго (она была общая, какъ послѣ мнѣ объяснили) и я хотѣлъ угостить пріятелей на свои деньги, которые я безпрестанно ощущивалъ въ карманѣ, я досталъ потихоньку десятирублевую бумажку и, подозвавъ къ себѣ человѣка, далъ ему деньги и шопотомъ, но такъ что всѣ слышали, потому что молча смотрѣли на меня, сказалъ ему, чтобъ онъ принесъ *пожалуйста уже еще полбутылочку шампанскаго*. Володя такъ покраснѣлъ, такъ сталъ подергиваться и испуганно глядѣть на меня и на всѣхъ, что я почувствовалъ,

какъ я ошибся, но полбутылочку принесли и мы ее выпили съ большимъ удовольствіемъ. Продолжало казаться очень весело. Дубковъ вралъ безъ умолку и Володя тоже рассказывалъ такія смѣшныя штуки и такъ хорошо, что я никакъ не ожидалъ отъ него, и мы много смѣялись. Характеръ ихъ смѣшнаго, т. е. Володи и Дубкова, состоялъ въ подраженіи и усиленіи извѣстнаго анекдота: «что, вы были за границей? будто бы говорить одинъ. — Нѣтъ я не былъ, отвѣчаетъ другой, но братъ играетъ на скрипкѣ». Они въ этомъ родѣ комизма безсмыслія дошли до такого совершенства, что уже самый анекдотъ рассказывали такъ, что «братъ мой тоже никогда не игралъ на скрипкѣ». На каждый вопросъ они отвѣчали другъ другу въ томъ же родѣ, а иногда и безъ вопроса старались только соединить двѣ самыя несообразныя вещи, говорили эту безсмыслицу съ серьезнымъ лицомъ, — и выходило очень смѣшно. Я начиналъ понимать, въ чемъ было дѣло и хотѣлъ тоже рассказать смѣшное, но всѣ робко смотрѣли или старались не смотрѣть на меня въ то время, какъ я говорилъ и анекдотъ мой не вышелъ. Дубковъ сказалъ: «заврался, братъ, дипломатъ», но мнѣ было такъ пріятно отъ выпитаго шампанскаго и общества большихъ, что это замѣчаніе только чуть-чуть оцарапало меня. Одинъ Дмитрій, несмотря на то, что пилъ ровно съ нами, продолжалъ быть въ своемъ строгомъ, серьезномъ расположеніи духа, которое нѣсколько сдерживало общее веселье.

— Ну, послушайте, господа, сказалъ Дубковъ: — послѣ обѣда вѣдь надо дипломата въ руки забрать. Не поѣхать ли намъ къ *теткѣ*, тамъ ужъ мы съ нимъ распорядимся.

— Нехлюдовъ вѣдь не поѣдетъ, сказалъ Володя.

— Несносный смиренникъ! ты, несносный смиренникъ! сказалъ Дубковъ, обращаясь къ нему. — Поѣдемъ съ нами, увидишь, что отличная дама тетушка.

— Не только не поѣду, но и его не пушу, отвѣчалъ Дмитрій, краснѣя.

— Кого? дипломата? Вѣдь ты хочешь, дипломатъ? Смотри, онъ даже весь просіялъ, какъ только заговорили объ тетушкѣ.

— Не то, что не пушу, продолжалъ Дмитрій, вставая съ мѣста и начиная ходить по комнатѣ, не глядя на меня: — а не совѣтую ему, и не желаю, чтобъ онъ ѣхалъ. Онъ не ребенокъ теперь, и ежели хочетъ, то можетъ одинъ, безъ васъ, ѣхать. А тебѣ это должно быть стыдно, Дубковъ; что ты дѣлаешь не хорошо, такъ хочешь, чтобъ и другіе тоже дѣлали.

— Что жъ тутъ дурнаго, сказалъ Дубковъ подмигивая Володѣ — что я васъ всѣхъ приглашаю къ тетушкѣ на чашку чаю? Ну, а ежели тебѣ не пріятно, что мы ѣдемъ, такъ изволь: мы поѣдемъ съ Володей. Володя, поѣдешь?

— Гм, гм! утвердительно сказалъ Володя — съѣздимъ туда, а потомъ вернемся ко мнѣ и будемъ продолжать пикетъ.

— Что, ты хочешь ѣхать съ ними или нѣтъ? — сказалъ Дмитрій, подходя ко мнѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, подвигаясь на диванѣ, чтобъ дать ему мѣсто подлѣ себя, на которое онъ сѣлъ: — я и просто не хочу, а если ты не совѣтуешь, то я ни за что не поѣду.

— Нѣтъ, прибавилъ я потомъ, я неправду говорю, что мнѣ не хочется съ ними ѣхать; но я радъ, что не поѣду.

— И отлично, сказалъ онъ: — живи по своему и не пляши ни по чьей дудкѣ, это лучше всего.

Этотъ маленький споръ не только не разстроилъ нашего удовольствія, но еще увеличилъ его. Дмитрій вдругъ пришелъ въ мое любимое, кроткое расположение духа. Такое вліяніе имѣло на него, какъ я послѣ не разъ замѣчалъ, сознание хорошаго поступка. Онъ теперь былъ доволенъ собой, за то что отстоялъ меня. Онъ чрезвычайно развеселился, потребовалъ еще бутылку шампанскаго (что было противъ его правилъ), зазвалъ въ нашу комнату какого-то незнакомаго господина и сталъ поить его, пѣлъ *Gaudeamus igitur*, просилъ, чтобъ всѣ вторили ему, и предлагалъ ѣхать въ Сокольники кататься, на что Дубковъ замѣтилъ, что это слишкомъ чувствительно.

— Давайте нынче веселиться, говорилъ Дмитрій, улыбаясь: — въ честь его вступленія я въ первый разъ напьюсь пьянъ, ужъ такъ и быть. — Эта веселость какъ-то странно шла къ Дмитрію. Онъ былъ похожъ на гувернера или добраго отца, который доволенъ своими дѣтьми, разгулялся и хочетъ ихъ потѣшить и вмѣстѣ доказать, что можно честно и прилично веселиться; но несмотря на это, на меня и на другихъ, кажется, эта неожиданная веселость дѣйствовала заразительно; тѣмъ болѣе, что на каждого изъ насъ пришлось уже почти по полбутылкѣ шампанскаго.

Въ такомъ-то пріятномъ настроеніи духа, я вышелъ въ большую комнату съ тѣмъ, чтобъ закурить папироску, которую мнѣ далъ Дубковъ.

Когда я всталъ съ мѣста, я замѣтилъ, что голова у меня немного кружилась, и ноги шли и руки были въ естественномъ положеніи только тогда, когда я объ нихъ пристально думалъ. Въ противномъ же случаѣ, ноги забирали по сторонамъ, а руки выдѣлывали какіе-то жесты. Я устремилъ на эти члены все свое вниманіе, велѣлъ рукамъ подняться застегнуть скюртку и пригладить волосы (при чемъ онѣ какъ-то ужасно высоко подбросили локти), а ногамъ велѣлъ итти въ дверь, что онѣ исполнили, но ступали какъ-то очень твердо, или слишкомъ нѣжно, особенно лѣвая нога все становилась на ципочку. Какой-то голосъ прокричалъ мнѣ: «Куда ты идешь? принесутъ свѣчку». Я догадался, что этотъ голосъ принадлежалъ Володѣ, и мнѣ доставила удовольствіе мысль, что я таки догадался, но въ отвѣтъ ему я только слегка улыбнулся и пошелъ дальше.

Въ большой комнатѣ сидѣлъ за маленькимъ столомъ невысокій, плотный штатскій господинъ съ рыжими усами; и ѣлъ что-то. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ высокій брюнетъ безъ усовъ. Они говорили по-французски. Ихъ взглядъ смутилъ меня, но я все-таки рѣшился закурить папироску у горѣвшей свѣчки, которая стояла передъ ними. Поглядывая по сторонамъ, чтобъ не встрѣчать ихъ взглядовъ, я подошелъ къ столу и сталъ зажигать папироску. Когда папироска загорѣлась, я не утерпѣлъ и взглянулъ на обѣдавшаго господина. Его сѣрые глаза были пристально и недоброжелательно устремлены на меня. Только что я хотѣлъ отвернуться, рыжіе усы его зашевелились и онъ произнесъ по-французски: — не люблю, чтобъ курили, когда я обѣдаю, милостивый государь.

Я пробормоталъ что-то непонятное.

— Да-съ, не люблю, продолжалъ строго господинъ съ усами, бѣгло взглянувъ на господина безъ усовъ, какъ будто приглашая его полюбоваться на то, какъ онъ будетъ обрабатывать меня: — не люблю-съ, милостивый государь, и тѣхъ, которые, такъ невѣжливы, что приходятъ курить вамъ въ носъ, и тѣхъ не люблю. Я тотчасъ же сообразилъ, что этотъ господинъ меня распекаетъ, но мнѣ казалось въ первую минуту, что я былъ очень виновать передъ нимъ.

— Я не думалъ, что это вамъ помѣшаетъ, сказалъ я.

— А, вы не думали, что вы невѣжа, а я думалъ, закричалъ господинъ.

— Какое вы имѣете право кричать, сказалъ я, чувствуя, что онъ меня оскорбляетъ и начиная самъ сердиться.

— Такое, что я никогда ни кому не позволю мнѣ манкировать; и всегда буду учить такихъ молодцовъ, какъ вы. Какъ ваша фамилія, милостивый государь? и гдѣ вы живете?

Я былъ очень озлобленъ, губы у меня тряслись и дыханье захватывало. Но я все-таки чувствовалъ себя виноватымъ, должно быть за то, что я выпилъ много шампанскаго, и не сказалъ этому господину никакихъ грубостей, а напротивъ губы мои самымъ покорнымъ образомъ назвали фамилію и нашъ адресъ.

— Моя фамилія Колпиковъ, милостивый государь, а вы впередъ будьте учтивѣ. Мы еще увидимся съ вами (*vous aurez de mes nouvelles*), заключилъ онъ, такъ какъ весь разговоръ происходилъ по-французски.

Я сказалъ только: «очень радъ», стараясь дать голосу какъ можно болѣе твердости, повернулся и съ папироской, которая успѣла потухнуть, вернулся въ нашу комнату.

Я ничего не сказалъ о случившемся со мной ни брату, ни пріятелямъ; тѣмъ болѣе, что они были

заняты какимъ-то горячимъ споромъ и усѣлся одинъ въ уголку, разсуждая объ этомъ странномъ обстоятельстве. Слова: «вы невѣжа, милостивый государь», (*un mal élevé, Monsieur*), такъ и звучали у меня въ ушахъ, все болѣе и болѣе возмущая меня. Хмѣль у меня совершенно прошелъ. Когда я размышлялъ о томъ, какъ я поступилъ въ этомъ дѣлѣ, мнѣ вдругъ пришла страшная мысль, что я поступилъ, какъ трусъ. «Какое онъ имѣлъ право нападать на меня? Отчего онъ просто не сказалъ мнѣ, что это ему мѣшаетъ? Стало быть, онъ былъ виноватъ? Отчего же, когда онъ мнѣ сказалъ, что я невѣжа, я не сказалъ ему: невѣжа, милостивый государь, тотъ кто позволяетъ себѣ грубость; — или отчего я просто не крикнулъ на него: *молчать!* — это было бы отлично; зачѣмъ я не вызвалъ его на дуэль? Нѣтъ! я ничего этого не сдѣлалъ, а какъ подлый трусишка проглотилъ обиду». — «Вы невѣжа, милостивый государь!» безпрестанно раздражающе звучало у меня въ ушахъ. «Нѣтъ, этого нельзя такъ оставить», подумалъ я и всталъ съ твердымъ намѣреніемъ пойти опять къ этому господину и сказать ему что нибудь ужасное, а можетъ быть даже и прибить его подсвѣчникомъ по головѣ, коли придется. Я съ величайшимъ наслажденіемъ мечталъ о послѣднемъ намѣреніи, но не безъ сильнаго страха вошелъ снова въ большую комнату. Къ счастью г. Колпикова уже не было, одинъ лакей былъ въ большой комнатѣ и убиралъ столъ. Я хотѣлъ было сообщить лакею о случившемся и объяснить ему, что я нисколько не виноватъ, но почему-то раздумалъ, и въ самомъ мрачномъ расположеніи духа снова вернулся въ нашу комнату.

— Что это съ нашимъ дипломатомъ сдѣлалось? сказалъ Дубковъ: — онъ вѣрно рѣшаетъ теперь судьбу Европы.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ, сказалъ я угрюмо, отворачиваясь. Вслѣдъ за тѣмъ я, расхаживая по комнатѣ, началъ размышлять почему-то о томъ, что Дубковъ вовсе не хорошій человѣкъ. И что за вѣчныя шутки и названіе «дипломатъ» — ничего тутъ любезнаго нѣтъ. Ему бы только обыгрывать Володю, да ѣздить къ тетускѣ какой-то... И ничего нѣтъ въ немъ пріятнаго. Все, что ни скажешь, должетъ, или пошлость какая нибудь, и вѣчно тоже хочеть насмѣхаться. Мнѣ кажется онъ просто глупъ, да и дурной человѣкъ. Въ такихъ-то размышленіяхъ я провелъ минутъ пять, все болѣе и болѣе чувствуя почему-то враждебное чувство къ Дубкову. Дубковъ же не обращалъ на меня вниманія, и это злило меня еще болѣе. Я даже сердился на Володю и на Дмитрія за то, что они съ нимъ разговариваютъ.

— Знаете что, господа? — надо дипломата водой облить, сказалъ вдругъ Дубковъ, взглянувъ на меня съ улыбкой, которая мнѣ показалась насмѣшливою и даже предательскою: — а то онъ плохъ! Ей Богу, онъ плохъ!

— И васъ надо облить, сами вы плохи, — отвѣ-

чалъ я злостно улыбаясь, и забывъ даже, что ему говорилъ «ты».

Этотъ отвѣтъ должно быть удивилъ Дубкова, но онъ равнодушно отвернулся отъ меня и продолжалъ разговаривать съ Володей и Дмитриемъ.

Я попробовалъ было присоединиться къ ихъ бесѣдѣ, но чувствовалъ, что рѣшительно не могъ притворяться и снова удалился въ свой уголокъ, гдѣ и пробылъ до самаго отбѣзда.

Когда расплатились и стали надѣвать шинели, Дубковъ обратился къ Дмитрію. — «Ну, а Орестъ и Пиладъ куда пойдутъ? вѣрно домой бесѣдовать о *любви*; то-ли дѣло мы провѣдаемъ милую те-тушку, — лучше вашей кислой дружбы.

— Какъ вы смѣете говорить, смѣяться надъ нами? — заговорилъ я вдругъ, подходя къ нему очень близко и махая рукавами: — какъ вы смѣете смѣяться надъ чувствами, которыхъ не понимаете? Я вамъ этого не позволю. Молчать! — закричалъ я и самъ замолчалъ, не зная что говорить дальше и задыхаясь отъ волненія. Дубковъ сначала удивился; потомъ хотѣлъ улыбнуться и принять это въ шутку, но наконецъ, къ моему великому удивленію, испугался и опустилъ глаза.

— Я вовсе не смѣюсь надъ вами и вашими чувствами, я такъ только говорю, сказалъ онъ уклончиво.

— То-то! закричалъ я, но въ это же самое время мнѣ стало совѣстно за себя и жалко Дубкова, красное, смущенное лицо котораго выражало истинное страданіе.

— Что съ тобой? заговорили вмѣстѣ Володя и Дмитрій: — никто тебя не хотѣлъ обижать.

— Нѣтъ, онъ хотѣлъ оскорбить меня.

— Вотъ отчаянный господинъ твой братъ, сказалъ Дубковъ, въ то самое время, какъ онъ уже выходилъ изъ двери, такъ, что не могъ бы слышать того, что я скажу.

Можетъ быть я бросился бы догонять его и наговаривалъ бы ему еще грубостей, но въ это время тотъ самый лакей, который присутствовалъ при моей исторіи съ Колпиковымъ, подалъ мнѣ шинель и я тотчасъ же успокоился, притворяясь только, передъ Дмитриемъ, разсерженнымъ на столько, на сколько это было необходимо, чтобъ мгновенное успокоеніе не показалось страннымъ. На другой день мы съ Дубковымъ встрѣтились у Володи, не поминали объ этой исторіи, но остались на «вы» и смотрѣть другъ другу въ глаза стало намъ еще труднѣе.

Воспоминаніе о ссорѣ съ Колпиковымъ, который, впрочемъ, ни на другой день, ни послѣ, такъ и не далъ мнѣ *de ses nouvelles*, было многою года для меня ужасно живо и тяжело. Я подергивался и вскрикивалъ, лѣтъ пять послѣ этого, всякій разъ, какъ вспоминалъ неотплаченную обиду, и утѣшалъ себя, съ самодовольствіемъ вспоминая о томъ, какимъ я молодцомъ показалъ себя зато въ дѣлѣ съ Дубковымъ. Только гораздо послѣ, я сталъ совершенно иначе смотрѣть на это дѣло, и съ комиче-

скимъ удовольствіемъ вспоминать о ссорѣ съ Колпиковымъ и расказывать въ незаслуженномъ оскорбленіи, которое я нанесъ *доброму малому* Дубкову.

Когда я въ тотъ же день вечеромъ разсказалъ Дмитрію свое приключеніе съ Колпиковымъ, котораго наружность я описалъ ему подробно, онъ удивился чрезвычайно.

— Да это тотъ самый! сказалъ онъ: — можешь себѣ представить, что этотъ Колпиковъ извѣстный негодяй, шулеръ, а главное трусъ, выгнанъ товарищами изъ полка за то, что получилъ пощечину и не хотѣлъ драться. Откуда у него прыть взялась? прибавилъ онъ съ доброй улыбкой, глядя на меня: — вѣдь онъ больше ничего не сказалъ, какъ «невѣжа»?

— Да, отвѣчалъ я, краснѣя.

— Не хорошо, ну да еще не бѣда! утѣшалъ меня Дмитрій.

Только гораздо послѣ, размышляя уже спокойно объ этомъ обстоятельстве, я сдѣлалъ предположеніе довольно правдоподобное, что Колпиковъ послѣ многихъ лѣтъ почувствовавъ, что на меня напасть можно, выместилъ на мнѣ, въ присутствіи брюнета съ усами, полученную пощечину, точно также, какъ я тотчасъ же выместилъ его «невѣжу» на невинномъ Дубковѣ.

ГЛАВА XVII.

Я СОБИРАЮСЬ ДѢЛАТЬ ВИЗИТЫ.

Проснувшись на другой день, первую мыслью моею было приключеніе съ Колпиковымъ; опять я помычалъ, побѣгалъ по комнатѣ, но дѣлать было нечего; притомъ нынче былъ послѣдній день, который я проводилъ въ Москвѣ, и надо было сдѣлать по приказанію папа визиты, которые онъ мнѣ самъ написалъ на бумажкѣ. Заботою о насъ отца было не столько нравственность и образованіе, сколько свѣтскія отношенія. На бумажкѣ было написано его изломаннымъ быстрымъ почеркомъ: 1) къ князю Ивану Ивановичу *непретменно* 2) къ Ивинымъ *непретменно*; 3) къ князю Михайлѣ, 4) къ княгинѣ Нехлюдовой и къ Валахиной, ежели успеешь. И, разумѣется, къ попечителю, къ ректору и къ профессорамъ.

Послѣдніе визиты Дмитрій отсовѣтовалъ мнѣ дѣлать, говоря, что это не только не нужно, но даже было бы неприлично; но остальные надо было всѣ сдѣлать сегодня. Изъ нихъ особенно пугали меня два первые визита, подлѣ которыхъ было написано *непретменно*. Князь Иванъ Ивановичъ былъ генералъ-аншефъ, старикъ, богатъ и одинъ; стало быть я, шестнадцатилѣтній студентъ, долженъ былъ имѣть съ нимъ прямыя отношенія, которыя, я предчувствовалъ, не могли быть для меня лестны. Ивинны тоже были богачи и отецъ ихъ былъ какой-то важный штатскій генералъ, который всего только разъ, при бабушкѣ, самъ былъ у насъ. По-

слѣ же смерти бабушки, я замѣчалъ, младшій Ивинъ дичился насъ и какъ будто важничалъ. Старшій, какъ я зналъ по слухамъ, ужъ кончилъ курсъ въ Правовѣдѣніи и служилъ въ Петербургѣ; второй, Сергѣй, котораго я обожалъ нѣкогда, былъ тоже въ Петербургѣ большимъ толстымъ кадетомъ въ Пажескомъ корпусѣ.

Я въ юности не только не любилъ отношеній съ людьми, которые считали себя выше меня, но такія отношенія были для меня невыносимо мучительны, вслѣдствіе постоянного страха оскорбленія и напряженія всѣхъ умственныхъ силъ на то, чтобы доказать имъ свою самостоятельность. Однако не исполняя послѣдняго приказанія папа, надо загладить вину исполненіемъ первыхъ. Я ходилъ по комнатѣ, оглядывая разложенныя на стульяхъ платье, пиджакъ и шляпу и собирался ужъ ѣхать, когда ко мнѣ пришелъ съ поздравленіемъ старикъ Грапъ и привелъ съ собою Илинку. Отецъ Грапъ былъ обрусѣвшій нѣмецъ, невыносимо приторный, льстивый, и весьма часто нетрезвый; онъ приходилъ къ намъ большей частью только для того, чтобы просить о чемъ нибудь и папа сажалъ его иногда у себя въ кабинетѣ, но обѣдать его никогда не сажали съ нами. Его униженіе и попрошайничество такъ слилось съ какимъ-то внѣшнимъ добродушіемъ и привычкою къ нашему дому, что всѣ ставили ему въ большую заслугу его будто бы привязанность ко всѣмъ намъ, но я почему-то не любилъ его, и когда онъ говорилъ, мнѣ всегда бывало стыдно за него.

Я былъ очень недоволенъ приходомъ этихъ гостей и не старался скрывать своего неудовольствія. На Илинку я такъ привыкъ смотрѣть свысока и онъ такъ привыкъ считать насъ въ правѣ это дѣлать, что мнѣ было нѣсколько непріятно, что онъ такой же студентъ, какъ и я. Мнѣ казалось, что и ему было нѣсколько совѣстно передо мной за это равенство. Я холодно поздоровался съ нимъ, и не пригласивъ ихъ сѣсть, потому что мнѣ было совѣстно это сдѣлать, думая, что они это могутъ сдѣлать и безъ моего приглашенія, велѣлъ закладывать пролетку. Илинка былъ добрый, очень честный и весьма не глупый молодой человекъ, но онъ былъ то, что называется малый съ дурью; на него безпрестанно находило и, казалось, безъ всякихъ причинъ, какое нибудь крайнее расположеніе духа—то плаксивость, то смѣшливость, то обидчивость за всякую малость; и теперь, какъ кажется, онъ находился въ этомъ послѣднемъ настроеніи духа. Онъ ничего не говорилъ, злобно поглядывалъ на меня и на отца и только, когда къ нему обращались, улыбался своею покорной принужденной улыбкой, подъ которой онъ ужъ привыкъ скрывать всѣ свои чувства и особенно чувство стыда за своего отца, которое онъ не могъ не испытывать при насъ.

— Такъ-то-съ, Николай Петровичъ,—говорилъ мнѣ старикъ, слѣдуя за мной по комнатѣ въ то время, какъ я одѣвался, и почтительно медленно

ГЛАВА XVIII.

ВАЛАХИНЫ.

вертя между своими толстыми пальцами серебряную подаренную бабушкой табакерку: — какъ только узналъ отъ сына, что вы изволили такъ отлично выдержать экзаменъ, — вѣдь вашъ умъ всѣмъ извѣстенъ, — тотчасъ прибѣжалъ поздравить, батюшка; вѣдь я васъ на плечѣ носилъ, и Богъ видить, что всѣхъ васъ, какъ родныхъ люблю; и Илинъка мой все просился къ вамъ. Тоже и онъ привыкъ ужъ къ вамъ.

Илинъка въ это время сидѣлъ молча у окна, разсматривая будто бы мою треугольную шляпу, и чуть замѣтно, что-то сердито бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Ну, а я васъ хотѣлъ спросить, Николай Петровичъ, продолжалъ старикъ: — какъ мой-то Илюша хорошо экзаменовался? онъ говорилъ, что будетъ съ вами вмѣстѣ, такъ вы ужъ его не оставьте, присмотрите за нимъ, посовѣтуйте.

— Что же, онъ прекрасно выдержалъ, отвѣчалъ я, взглянувъ на Илинъку, который почувствовавъ на себѣ мой взглядъ, покраснѣлъ и пересталъ шевелить губами.

— А можно ему у васъ пробить нынче денекъ? — сказалъ старикъ, съ такой робкой улыбкой, какъ будто онъ очень боялся меня, и все, куда бы я ни подвинулся, оставаясь отъ меня въ такомъ близкомъ разстояніи, что винный и табачный запахъ, которымъ онъ весь былъ пропитанъ, ни на секунду не переставалъ мнѣ быть слышенъ. Мнѣ было досадно за то, что онъ ставилъ меня въ такое фальшивое положеніе къ своему сыну и за то, что отвлекалъ мое вниманіе отъ весьма важнаго для меня тогда занятія — одѣванья; а главное, этотъ преслѣдующій меня запахъ перегара такъ разстроилъ меня, что я очень холодно сказалъ ему, что я не могу быть съ Илинъкой, потому что цѣлый день не буду дома.

— Да вѣдь вы хотѣли идти къ сестрицѣ, батюшка, сказалъ Илинъка, улыбаясь и не глядя на меня: — да и мнѣ дѣло есть. — Мнѣ стало еще досаднѣе и совѣстнѣе, и чтобы загладить чѣмъ нибудь свой отказъ, я поспѣшилъ сообщить, что я не буду дома, потому что долженъ быть у князя Ивана Ивановича, у княгини Корнаковой, у Ивина, того самаго, что имѣетъ такое важное мѣсто, и что вѣрно буду обѣдать у княгини Нехлюдовой. Мнѣ казалось, что узнавъ, къ какимъ важнымъ людямъ я ѣду, они уже не могли претендовать на меня. Когда они собрались уходить, я пригласилъ Илинъку заходить ко мнѣ въ другой разъ; но Илинъка только промычалъ что-то и улыбнулся съ принужденнымъ выраженіемъ. Видно было, что нога его больше никогда у меня не будетъ.

Вслѣдъ за ними я поѣхалъ по своимъ визитамъ. Володя, котораго еще утромъ я просилъ ѣхать вмѣстѣ, чтобы мнѣ было не такъ неловко одному, отказался, подъ предлогомъ, что это было бы слишкомъ чувствительно, что два брата ѣздить вмѣстѣ на одной пролеточкѣ.

Итакъ я отправился одинъ. Первый визитъ былъ, по мѣстности, къ Валахиной, на Сивцовомъ Вражкѣ. Я года три не видалъ Сонички, и любовь моя къ ней, разумѣется, давнымъ давно прошла, но въ душѣ оставалось еще живое и трогательное воспоминаніе прошедшей дѣтской любви. Мнѣ случилось въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ вспомнить объ ней съ такой силой и ясностью, что я проливалъ слезы и чувствовалъ себя снова влюбленнымъ, но это продолжалось только нѣсколько минутъ и возвращалось снова не скоро.

Я зналъ, что Соничка съ матерью была за границую, гдѣ онѣ пробыли года два, и гдѣ, рассказывали, ихъ вывалили въ дилижансѣ и Соничкѣ изрѣзали лицо стеклами кареты, отчего она будто бы очень подурнѣла. Дорогой къ нимъ я живо вспоминалъ о прежней Соничкѣ и думалъ о томъ, какою теперь ее встрѣчу. Вслѣдствіе двухлѣтняго пребыванія ея за границей, я воображалъ ее почему-то чрезвычайно высокой, съ прекрасной таліей, серьезной и важной, но необыкновенно привлекательной. Воображеніе мое отказывалось представлять ее съ изуродованнымъ шрамами лицомъ; напротивъ, слышавъ гдѣ-то про страстнаго любовника, оставшагося вѣрнымъ своему предмету, не смотря на изуродовавшую его оспу, я старался думать, что я влюбленъ въ Соничку, для того, чтобы имѣть заслугу, не смотря на шрамы остаться ей вѣрнымъ. Вообще, подѣзжая къ дому Валахиныхъ, я не былъ влюбленъ, но разшевеливъ въ себѣ старыя воспоминанія любви, былъ хорошо приготовленъ влюбиться и очень желалъ этого; тѣмъ болѣе, что мнѣ уже давно было совѣстно, глядя на всѣхъ своихъ влюбленныхъ пріятелей, за то, что я такъ отсталъ отъ нихъ.

Валахины жили въ маленькомъ чистенькомъ деревянномъ домикѣ, входъ котораго былъ со двора. Дверь отперъ мнѣ, по звону въ колокольчикъ, который былъ тогда еще большою рѣдкостью въ Москвѣ, крошечный чисто одѣтый мальчикъ. Онъ не умѣлъ, или не хотѣлъ сказать мнѣ, дома ли господа, и оставивъ одного въ темной передней, убѣжалъ въ еще болѣе темный корридоръ.

Я довольно долго оставался одинъ въ этой темной комнатѣ, въ которой кромѣ входа и корридора была еще одна запертая дверь, и стѣнныя удивлялись этому мрачному характеру дома, отчасти полагая, что это такъ должно быть у людей, которые были за границей. Минуть черезъ пять, дверь въ залу отперлась изнутри посредствомъ того же мальчика, и онъ провелъ меня въ опрятную, но небогатую гостинную, въ которую вслѣдъ за мною вошла Соничка.

Ей было семнадцать лѣтъ. Она была очень мала ростомъ, очень худа и съ желтоватымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица. Шрамовъ на лицѣ не было

замѣтно никакихъ, но прелестные выпуклые глаза и свѣтлая, добродушно веселая улыбка были тѣ же, которые я зналъ и любилъ въ дѣтствѣ. Я совсѣмъ не ожидалъ ее такою, и по этому никакъ не могъ съ-разу излить на нее то чувство, которое приготовилъ дорогой. Она подала мнѣ руку, по англійскому обычаю, который былъ тогда такая же рѣдкость, какъ и колокольчикъ, пожала откровенно мою руку и усадила подлѣ себя на диванѣ.

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть, милый Nicolas, сказала она вглядываясь мнѣ въ лицо, съ такимъ искреннимъ выраженіемъ удовольствія, что въ словахъ: милый Nicolas, я замѣтилъ дружескій, а не покровительственный тонъ. Она, къ удивленію моему, послѣ поѣздки за границу была еще проще, милѣе, и родственнѣе въ обращеніи, чѣмъ прежде. Я замѣтилъ два маленькіе шрама около носу и на брови, но чудесные глаза и улыбка были совершенно вѣрны съ моими воспоминаніями и блестяли по старому.

— Какъ вы перемѣнились! говорила она:—совсѣмъ большой стали. Ну, а я — какъ вы приходите?

— Ахъ, я бы васъ не узналъ, отвѣчалъ я, не смотря на то, что въ это самое время думалъ, что я всегда бы узналъ ее. Я чувствовалъ себя снова въ томъ безпечно веселомъ расположеніи духа, въ которомъ я пять лѣтъ тому назадъ танцевалъ съ ней гротфатеръ на бабушкиномъ балѣ.

— Чтожь, я очень подурнѣла? спросила она, встрахивая головкой.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, выросли немного, старше стали, заторопился я отвѣчать:—но напротивъ... и даже...

— Ну да все равно; а помните наши танцы, игры, St. Jérôme'a, M-me Dorat (я не помнилъ никакой M-me Dorat; она видно увлекалась наслажденіемъ дѣтскихъ воспоминаній и смѣшивала ихъ). Ахъ, славное время было, продолжала она, и та же улыбка, даже лучше той, которую я носилъ въ воспоминаніи, и все тѣже глаза блестяли передо мною. Въ то время какъ она говорила, я успѣлъ подумать о томъ положеніи, въ которомъ я находился въ настоящую минуту, и рѣшилъ самъ съ собою, что въ настоящую минуту я былъ влюбленъ. Какъ только я рѣшилъ это, въ ту же секунду исчезло мое счастливое, безпечное расположеніе духа, какой-то туманъ покрылъ все, что было передо мной, — даже ея глаза и улыбку, мнѣ стало чего-то стыдно, я покраснѣлъ и потерялъ способность говорить.

— Теперь другія времена, продолжала она, вздохнувъ и поднявъ немного брови:—гораздо все хуже стало, и мы хуже стали, не правда ли, Nicolas?

Я не могъ отвѣчать и молча смотрѣлъ на нее.

— Гдѣ всѣ теперь тогдашніе Ивины, Корнаковы? Помните? продолжала она съ нѣкоторымъ любопытствомъ, вглядываясь въ мое раскраснѣвшееся, испуганное лицо:—славное было время!

Я все-таки не могъ отвѣчать.

Изъ этого тяжелаго положенія вывелъ меня на время приходъ въ комнату старой Валахиной. Я всталъ, поклонился, и снова получилъ способность говорить; но за то, съ приходомъ матери, съ Соничкой произошла странная перемѣна. Вся ея веселость и родственность вдругъ исчезли, даже улыбка сдѣлалась другая, и она вдругъ исключая высокаго роста, стала той пріѣхавшей изъ-за границы барышней, которую я воображалъ найти въ ней. Казалось, такая перемѣна не имѣла ни какой причины, потому что мать ея улыбалась также пріятно и во всѣхъ движеніяхъ выражала такую же кротость, какъ и встарину. Валахина сѣла на большія кресла и указала мнѣ мѣсто подлѣ себя. Дочери она сказала что-то по-англійски и Соничка тотчасъ же вышла, что меня еще болѣе облегчило. Валахина спрашивала про родныхъ, про брата, про отца, потомъ рассказала мнѣ про свое горе—потерю мужа, и уже наконецъ чувствуя, что со мною говорить нечего, смотрѣла на меня молча, какъ будто говоря: «ежели ты теперь встанешь, раскланяешься и уйдешь, то сдѣлаешь очень хорошо, мой милый»,—но со мной случилось странное обстоятельство. Соничка вернулась въ комнату съ работой и сѣла въ другомъ углу гостиной, такъ, что я чувствовалъ на себѣ ея взгляды. Во время разсказа Валахиной о потерѣ мужа, я еще разъ вспомнилъ о томъ, что я влюбленъ, и подумалъ еще, что вѣроятно и мать уже догадалась объ этомъ, и на меня снова нашелъ припадокъ застѣнчивости, такой сильной, что я чувствовалъ себя не въ состояніи пошевелиться ни однимъ членомъ естественно. Я зналъ, что для того чтобы встать и уйти, я долженъ буду думать о томъ, куда поставить ногу, что сдѣлать съ головой, что съ рукой, однимъ словомъ, я чувствовалъ почти то же самое, что и вчера, когда выпилъ полбутылки шампанскаго. Я предчувствовалъ, что со всемъ этимъ я не управлюсь и поэтому не могъ встать и дѣйствительно не могъ встать. Валахина вѣрно удивлялась, глядя на мое красное какъ сукно лицо и совершенную неподвижность; но я рѣшилъ, что лучше сидѣть въ этомъ глупомъ положеніи, чѣмъ рисковать какъ нибудь нелѣпо встать и выйти. Такъ я и сидѣлъ довольно долго, ожидая, что какой нибудь непредвидѣнный случай выведетъ меня изъ этого положенія. Случай этотъ представился въ лицѣ невиднаго молодого человѣка, который, съ пріемами домашняго, вошелъ въ комнату и учтиво поклонился мнѣ. Валахина встала, извиняясь, что ей надо поговорить съ своимъ homme d'affaires и взглянула на меня съ недоумѣвающимъ выраженіемъ, говорившимъ: ежели вы вѣкъ хотите сидѣть, то я васъ не выгоняю. Кое-какъ сдѣлавъ страшное усилие надъ собою, я всталъ, но уже не былъ въ состояніи поклониться, и выходя, провожаемый взглядами соболѣзнованія матери и дочери, зацѣпилъ за стулъ, который вовсе не стоялъ на моей дорожкѣ, — но зацѣпилъ потому, что все вниманіе мое

было устремлено на то, чтобы не зацѣпить за коверъ, который былъ подъ ногами. На чистомъ воздухѣ однако, — подергавшись и помычавъ такъ громко, что даже Кузьма нѣсколько разъ спрашивалъ: «что угодно?» — чувство это разсѣялось и я сталъ довольно спокойно размышлять объ моей любви къ Соничкѣ и о ея отношеніяхъ къ матери, которыя мнѣ показались странны. Когда я потомъ разсказалъ отцу объ моемъ замѣчаніи, что Валахина съ дочерью не въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ сказалъ:

— Да, она ее мучить, бѣдняжку, своей страшной скупостью, и странно, — прибавилъ онъ съ чувствомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которое могъ имѣть просто къ родственницѣ: — Какая была прелестная, милая, чудная женщина! Я не могу понять, отчего она такъ перемѣнилась. Ты не видѣлъ тамъ у ней, ея секретаря какого-то? И что за манера русской барыни имѣть секретаря? ска- залъ онъ, сердито отходя отъ меня.

— Видѣлъ, отвѣчалъ я.

— Что, онъ хорошъ собой, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не хорошъ.

— Непонятно, сказалъ папа, и сердито подергалъ плечомъ и покашлялъ.

«Вотъ и я влюбленъ», думалъ я, катясь далѣе въ своихъ дрожкахъ.

ГЛАВА XIX.

КОРНАКОВЫ.

Второй визитъ по дорогѣ былъ къ Корнаковымъ. Они жили въ бель-этажѣ большого дома на Арбатѣ. Лѣстница была чрезвычайно парадна и опрятна, но не роскошна. Вездѣ лежали полосухи, прикрѣпленные чисто на чисто вычищенными мѣдными прутами, но ни цвѣтовъ, ни зеркалъ не было. Зала, черезъ свѣтло наложенный полъ которой я прошелъ въ гостиную, была также строго, холодно и опрятно убрана, все блестѣло и казалось прочнымъ, хотя и не совсѣмъ новымъ, но ни картинъ, ни гардинъ, никакихъ украшеній нигдѣ не было замѣтно. Нѣсколько княженъ было въ гостиной. Онѣ сидѣли такъ акуратно и праздно, что сейчасъ было замѣтно: — онѣ не такъ сидятъ, когда у нихъ не бываетъ гостя.

— Мамап сейчасъ выйдетъ, сказала мнѣ старшая изъ нихъ, подсѣвъ ко мнѣ ближе. Съ четверть часа, эта княжна занимала меня разговоромъ весьма свободно и такъ ловко, что разговоръ ни на секунду не умолкалъ. Но ужь слишкомъ замѣтно было, что она занимаетъ меня, и поэтому она мнѣ не понравилась. Она разсказала мнѣ между прочимъ, что ихъ братъ Степанъ, котораго онѣ звали *Этьенъ* и котораго года два тому назадъ отдали въ Юнкерскую школу, былъ уже произведенъ въ офицеры. Когда она говорила о братѣ и особенно о томъ, что онъ противъ воли мамап пошелъ въ

гусары, она сдѣлала испуганное лицо, и всѣ младшія княжны, сидѣвшія молча, сдѣлали тоже испуганные лица; когда она говорила о кончинѣ бабушки, она сдѣлала печальное лицо, и всѣ младшія княжны сдѣлали тоже; когда она вспомнила о томъ, какъ я ударилъ St. Jérôm'a и меня вывели, она засмѣялась и показала дурные зубы, и всѣ княжны засмѣялись и показали дурные зубы.

Вошла княгиня; таже маленькая, сухая женщина съ бѣгающими глазами и привычкой оглядываться на другихъ въ то время, какъ она говорила съ вами. Она взяла меня за руку и подняла свою руку къ моимъ губамъ, чтобы я поцаловалъ ее, чего бы я иначе, не полагая этого необходимымъ, никакъ не сдѣлалъ.

— Какъ я рада васъ видѣть, заговорила она съ своей обыкновенной рѣчивостью, оглядываясь на дочерей. — Ахъ, какъ онъ похожъ на свою мамап. Неправда ли, Lise?

Lise сказала, что правда, хотя я знаю навѣрно, что во мнѣ не было ни малѣйшаго сходства съ матушкой.

— Такъ вотъ какъ вы, ужь и большой стали! — и мой Этьенъ, вы его помните, вѣдь онъ вашъ троюродный... нѣтъ, не троюродный, а какъ это, Lise? моя мать была Варвара Дмитриевна, дочь Дмитрія Николаевича, а ваша бабушка Наталья Николаевна.

— Такъ четвероюродный, мамап, сказала старшая княжна.

— Ахъ, ты все путаешь, сердито крикнула на нее мать: — совсѣмъ не троюродный, а *issus de germains* — вотъ какъ вы съ моимъ Этьеночкой. Онъ ужь офицеръ, знаете? Только не хорошо, что ужь слишкомъ на волѣ. Васъ, молодежь надо еще держать въ рукахъ, и вотъ какъ!... Вы на меня не сердитесь, на старую тетку, что я вамъ правду говорю; я Этьена держала строго и нахожу, что такъ надо.

— Да, вотъ какъ мы родня, продолжала она: — князь Иванъ Ивановичъ мнѣ дядя родной, и вашей матери былъ дядя. Стало быть двоюродные мы были съ вашей мамап, нѣтъ троюродные, да, такъ. Ну, а скажите: вы были, мой другъ, у *кнезь* Ивана?

Я сказалъ, что еще нѣтъ, но буду нынче.

— Ахъ, какъ это можно! воскликнула она: — это вамъ первый визитъ надо было сдѣлать. Вѣдь вы знаете, что *кнезь* Иванъ вамъ все равно, что отецъ. У него дѣтей нѣтъ, стало быть его наслѣдники только вы, да мои дѣти. Вамъ надо его уважать и по лѣтамъ, и по положенію въ свѣтѣ, и по всему. Я знаю, вы, молодежь нынѣшняго вѣка, ужь не считаете родство и не любите стариковъ; но вы меня послушайте, старую тетку, потому что я васъ люблю, и вашу мамап любила, и бабушку тоже очень, очень любила и уважала. Нѣтъ, вы поѣзжайте непременно, непременно поѣзжайте.

Я сказалъ, что непременно поѣду, и такъ какъ ужь визитъ, по моему мнѣнію, продолжался доста-

точно долго, я всталъ и хотѣлъ уѣхать, но она удержала меня.

— Нѣтъ, постойте минутку. Гдѣ вашъ отецъ, Лизе? позовите его сюда; онъ такъ радъ будетъ васъ видѣть, продолжала она, обращаясь ко мнѣ.

Черезъ минуты двѣ дѣйствительно вошелъ князь Михайло. Это былъ невысокій плотный господинъ, весьма неряшливо одѣтый, невыбритый и съ какимъ-то такимъ равнодушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, что оно походило даже на глупое. Онъ нисколько не былъ радъ меня видѣть, по крайней мѣрѣ не выразилъ этого. Но княгиня, которой онъ повидимому очень боялся, сказала ему:

— Не правда ли, какъ Вольдемаръ (она забыла вѣрно мое имя) похожъ на свою маман?—и сдѣлала такой жестъ глазами, что князь, должно быть догадавшись чего она хотѣла, подошелъ ко мнѣ и съ самымъ безстрастнымъ, даже недовольнымъ выраженіемъ лица, протянулъ мнѣ небритую щеку, въ которую я долженъ былъ поцаловать его.

— А ты еще не одѣтъ, а тебѣ надо ѣхать, тотчасъ же послѣ этого начала говорить ему княгиня, сердитымъ тономъ, который видимо былъ ей привыченъ въ отношеніи съ домашними:—опять, чтобъ на тебя сердились, опять хочешь возстановить противъ себя.

— Сейчасъ, сейчасъ, матушка, сказалъ князь Михайло и вышелъ. Я раскланялся и вышелъ тоже.

Я въ первый разъ слышалъ, что мы были наслѣдники князя Ивана Ивановича, и это извѣстіе непріятно поразило меня.

ГЛАВА XX.

ИВИНЫ.

Мнѣ еще тяжелѣй стало думать о предстоящемъ необходимомъ визитѣ. Но прежде чѣмъ къ князю, по дорогѣ надо было заѣхать къ Ивинымъ. Они жили на Тверской въ огромномъ красивомъ домѣ. Не безъ боязни вошелъ я на парадное крыльцо, у котораго стоялъ швейцаръ съ булавой.

Я спросилъ его— дома ли?

— Кого вамъ надо? Генеральскій сынъ дома, сказалъ мнѣ швейцаръ.

— А самъ генералъ, спросилъ я храбро.

— Надо доложить. Какъ прикажете? сказалъ швейцаръ и позвонилъ. Лакейскія ноги въ штиблетахъ показались на лѣстницѣ. Я такъ оробѣлъ, самъ не знаю чего, что сказалъ лакею, чтобъ онъ не докладывалъ генералу, а что я пройду прежде къ генеральскому сыну. Когда я шелъ вверхъ, по этой большой лѣстницѣ, мнѣ показалось, что я сдѣлался ужасно маленькій (и не въ переносномъ, а въ настоящемъ значеніи этого слова.) Тоже чувство я испыталъ и тогда, когда мои дрожки подъѣхали къ большому крыльцу: мнѣ показалось, что и дрожки, и лошадь, и кучеръ сдѣлались маленькіе. Генеральскій сынъ лежалъ на диванѣ съ от-

крытой передъ нимъ книгой и спалъ, когда я вошелъ къ нему. Его гувернеръ, г. Фростъ, который все еще оставался у нихъ въ домѣ, вслѣдъ за мной своей молодецкой походкой вошелъ въ комнату и разбудилъ своего воспитанника. Ивинъ не изъявилъ особенной радости при видѣ меня, и я замѣтилъ, что разговаривая со мной, онъ смотрѣлъ мнѣ въ брови. Хотя онъ былъ очень учтивъ, мнѣ казалось, что онъ занимаетъ меня также, какъ и княжна, и что особеннаго влеченія ко мнѣ онъ не чувствовалъ, а надобности въ моемъ знакомствѣ ему не было, такъ какъ у него вѣрно былъ свой другой кругъ знакомства. Все это я сообразилъ преимущественно потому, что онъ смотрѣлъ мнѣ въ брови. Однимъ словомъ, его отношенія со мной были, какъ мнѣ ни непріятно признаться въ этомъ, почти такія же, какъ мои съ Ильинькой. Я начиналъ приходить въ раздраженное состояніе духа, каждый взглядъ Ивина ловилъ на-лету, и когда онъ встрѣчался съ глазами Фроста, переводилъ его вопросомъ: «и зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ намъ?»

— Поговоривъ немного со мной, Ивинъ сказалъ, что его отецъ и мать дома, такъ не хочу ли я сойти къ нимъ вмѣстѣ.

— Сейчасъ я одѣнусь, прибавилъ онъ, выходя въ другую комнату, не смотря на то, что и въ этой комнатѣ былъ хорошо одѣтъ— въ новомъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и мы вмѣстѣ пошли внизъ. Парадная комната, черезъ которую мы прошли, были чрезвычайно велики, высоки и кажется роскошно убраны, что-то было тамъ мраморное, и золотое и обвернутое кисеей, и зеркальное. Ивина въ одно время съ нами изъ другой двери вошла въ маленькую комнату за гостиной. Она очень дружески-родственно приняла меня, усадила подлѣ себя и съ участіемъ спрашивала меня о всемъ нашемъ семействѣ.

Ивина, которую я прежде раза два видалъ мелькомъ, а теперь рассмотрѣлъ внимательно, очень понравилась мнѣ. Она была велика ростомъ, худая, очень бѣлая и казалась постоянно грустной и изнуренной. Улыбка у нея была печальная, но чрезвычайно добрая, глаза были большіе, усталые и нѣсколько косые, что давало ей еще болѣе печальное и привлекательное выраженіе. Она сидѣла не сгорбившись, а какъ-то опустившись всѣмъ тѣломъ, всѣ движенія ея были падающія. Она говорила вяло, но звукъ голоса ея и выговоръ съ неяснымъ произношеніемъ *р* и *л* были очень пріятны. Она не занимала меня. Ей видимо доставляли грустный интересъ мои отвѣты объ родныхъ, какъ будто она, слушая меня, съ грустью вспоминала лучшія времена. Сынъ ея вышелъ куда-то, она минуты двѣ молча смотрѣла на меня и вдругъ заплакала. Я сидѣлъ передъ ней и никакъ не могъ придумать, что бы мнѣ сказать или сдѣлать. Она продолжала плакать, не глядя на меня. Сначала мнѣ было жалко ея, потомъ я подумалъ: «не надо

ли утѣшать ее, и какъ это надо сдѣлать?» и наконецъ мнѣ стало досадно за то, что она ставила меня въ такое неловкое положеніе. «Неужели я имѣю такой жалкій видъ?» думалъ я, «или ужъ не нарочно ли она это дѣлаетъ, чтобъ узнать, какъ я поступлю въ этомъ случаѣ.»

«Уйти же теперь неловко, какъ будто я бѣгу отъ ея слезъ,» продолжалъ думать я. Я повернулся на стулѣ, чтобъ хоть напомнить ей о моемъ присутствіи.

— Ахъ, какая я глупая! сказала она, взглянувъ на меня и стараясь улыбнуться: — бывають такіе дни, что плачешь безъ всякой причины.

Она стала искать платокъ подлѣ себя на диванѣ и вдругъ заплакала еще сильнѣе.

— Ахъ, Боже мой! какъ это смѣшно, что я все плачу. Я такъ любила вашу мать, мы такъ дружны... были... и...

Она нашла платокъ, закрылась имъ и продолжала плакать. Опять повторилось мое неловкое положеніе и продолжалось довольно долго. Мнѣ было и досадно, и еще больше жалко ея. Слезы ея казались искренни, и мнѣ все думалось, что она не столько плакала объ моей матери, сколько о томъ, что ей самой было не хорошо теперь, и когда-то, въ тѣ времена, было гораздо лучше. Не знаю чѣмъ бы это кончилось, ежели бы не вошелъ молодой Ивинъ и не сказалъ, что старикъ Ивинъ ее спрашиваетъ. Она встала и хотѣла уже идти, когда самъ Ивинъ вошелъ въ комнату. Это былъ маленькій, крѣпкій, сѣдой господинъ съ густыми черными бровями, съ совершенно сѣдой, коротко обстриженной головой и чрезвычайно строгимъ и твердымъ выраженіемъ рта.

Я всталъ и поклонился ему, но Ивинъ, у котораго было три звѣзды на зеленомъ фракѣ, не только не отвѣтилъ на мой поклонъ, но почти не взглянулъ на меня, такъ что я вдругъ почувствовалъ, что я не человѣкъ, а какая-то нестоящая вниманія вещь — кресло или окошко, или ежели человѣкъ, то такой, который нисколько не отличается отъ кресла или окошка.

— А вы все не написали графинѣ, моя милая, сказалъ онъ женѣ по-французски, съ безстрастнымъ, но твердымъ выраженіемъ лица.

— Прощайте, M-r Irteneff, сказала мнѣ Ивина, вдругъ какъ-то гордо кивнувъ головой и также, какъ сынъ, посмотрѣвъ мнѣ въ брови. Я поклонился еще разъ ей и ея мужу, и опять на старика Ивина мой поклонъ подѣйствовалъ также, какъ ежели бы открыли или закрыли окошко. Студентъ Ивинъ проводилъ меня однако до двери и дорогой разсказалъ, что онъ переходитъ въ петербургскій университетъ, потому что отецъ его получилъ тамъ мѣсто (онъ называлъ мнѣ какое-то очень важное мѣсто).

«Ну, ужъ какъ папа хочетъ,» пробормоталъ я самъ себѣ, садясь въ дрожки: «а моя нога больше не будетъ здѣсь никогда; эта няня плачетъ на меня глядя, точно я несчастный какой нибудь, а

Ивинъ свинья, не кланяется; я же ему задамъ...» чѣмъ это я хотѣлъ задать ему, я рѣшительно не знаю, но такъ это пришлось къ слову.

Послѣ часто мнѣ надо было выдерживать увѣщанія отца, который говорилъ, что необходимо «*культивировать*» это знакомство, и что я не могу требовать, чтобъ человѣкъ въ такомъ положеніи, какъ Ивинъ, занимался мальчишкой какъ я; но я выдержалъ характеръ довольно долго.

ГЛАВА XXI.

князь иванъ иванычъ.

«Ну, теперь послѣдній визитъ на Никитскую,» сказалъ я Кузьмѣ, и мы покатили къ дому князя Ивана Иванныча.

Пройдя черезъ нѣсколько визитныхъ испытаній, я обыкновенно пріобрѣталъ самоувѣренность, и теперь подѣлжалъ было къ князю съ довольно спокойнымъ духомъ, какъ вдругъ мнѣ вспомнились слова княгини Корнаковой, что я наслѣдникъ; кромѣ того я увидѣлъ у крыльца два экипажа и почувствовалъ прежнюю робость.

Мнѣ казалось, что и старый швейцаръ, который отворилъ мнѣ дверь, и лакей, который снялъ съ меня шинель, и три дамы и два господина, которыхъ я нашелъ въ гостинной, и въ особенности самъ князь Иванъ Иваннычъ, который въ штатскомъ сюртукѣ сидѣлъ на диванѣ, — мнѣ казалось, что все смотрѣли на меня какъ на наслѣдника и, вслѣдствіе этого, недоброжелательно. Князь былъ со мной очень ласковъ, поцаловалъ меня, т. е. приложилъ на секунду къ моей щекѣ мягкія, сухія и холодныя губы, распрашивалъ о моихъ занятіяхъ, планахъ, шутилъ со мной, спрашивалъ, пишу ли я все стихи, какъ тѣ, которые написалъ въ именины бабушки, и сказалъ, чтобы я приходилъ нынче къ нему обѣдать. Но чѣмъ больше онъ былъ ласковъ, тѣмъ больше мнѣ все казалось, что онъ хочетъ обласкать меня только съ тѣмъ, чтобы не дать замѣтить, какъ ему непріятна мысль, что я его наслѣдникъ. Онъ имѣлъ привычку — пропихивая отъ фальшивыхъ зубовъ, которыхъ у него былъ полный ротъ, — сказавъ что нибудь, поднимать верхнюю губу къ носу, и производя легкій звукъ сопѣнія, какъ будто втягивать эту губу себѣ въ ноздри, и когда онъ это дѣлалъ теперь, мнѣ все казалось, что онъ про себя говорилъ: «мальчишка, мальчишка, и безъ тебя знаю: наслѣдникъ, наслѣдникъ,» и т. д.

Когда мы были дѣтьми, мы называли князя Ивана Иванныча дѣдушкой; но теперь, въ качествѣ наслѣдника, у меня языкъ не ворочался сказать ему дѣдушка, а сказать — ваше сіятельство, какъ говорилъ одинъ изъ господъ бывшихъ тутъ, мнѣ казалось унижительною, такъ что во все время разговора, я старался никакъ не называть его. Но болѣе всего меня смущала старая княжна, бывшая

тоже наслѣдницей князя и жившая въ его домѣ. Во все время обѣда, за которымъ я сидѣлъ рядомъ съ княжной, я предполагалъ, что княжна не говоритъ со мной потому, что ненавидитъ меня за то, что я такой же наслѣдникъ князя, какъ и она, и что князь не обращаетъ вниманія на нашу сторону стола потому, что мы — я и княжна, — наслѣдники, ему одинаково противны.

— Да, ты не повѣришь, какъ мнѣ было непріятно, говорилъ я въ тотъ же день вечеромъ Дмитрію, желая похвастаться передъ нимъ чувствомъ отвращенія къ мысли о томъ, что я наслѣдникъ (мнѣ казалось, что это чувство очень хорошее): — какъ мнѣ непріятно было нынче цѣлыхъ два часа пробить у князя. Онъ прекрасный человѣкъ и былъ очень ласковъ ко мнѣ, говорилъ я, желая между прочимъ внушить своему другу, что все это я говорю не вслѣдствіе того, чтобы я чувствовала себя униженнымъ передъ княземъ, — но, продолжалъ я, мысль о томъ, что на меня могутъ смотрѣть какъ на княжну, которая живетъ у него въ домѣ, и подличаетъ передъ нимъ, ужасная мысль. Онъ чудесный старикъ и со всѣми чрезвычайно добръ и деликатенъ, а больно смотрѣть, какъ онъ *мальтретируетъ* эту княжну. Эти отвратительныя деньги портятъ всѣ отношенія!

— Знаешь, я думаю гораздо бы лучше прямо объясниться съ княземъ, говорилъ я: — сказать ему, что я его уважаю, какъ человѣка, но о наслѣдствѣ его не думаю и прошу его, чтобы онъ мнѣ ничего не оставлялъ, и что только въ этомъ случаѣ я буду ѣздить къ нему. — Дмитрій не расхохотался, когда я сказалъ ему это, напротивъ онъ задумался, и помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ:

— Знаешь, что? Ты не правъ. Или тебѣ не должно вовсе предполагать, чтобы о тебѣ могли думать такъ же какъ объ этой вашей княжнѣ какой то, или ежели ужъ ты предполагаешь это, то предполагай дальше, т. е. что ты знаешь, что о тебѣ могутъ думать, но что мысли эти такъ далеки отъ тебя, что ты ихъ презираешь и на основаніи ихъ ничего не будешь дѣлать. Ты предполагай, что они предполагаютъ, что ты предполагаешь это... но однимъ словомъ, прибавилъ онъ, чувствуя, что путается въ своемъ разсужденіи: — гораздо лучше вовсе и не предполагать этого.

Мой другъ былъ совершенно правъ; только гораздо, гораздо позднѣе, я изъ опыта жизни убѣдился въ томъ, какъ вредно думать, и еще вреднѣе говорить многое, кажущееся очень благороднымъ, но что должно навсегда быть спрятано отъ всѣхъ въ сердцѣ каждаго человѣка, — и въ томъ, что благородныя слова рѣдко сходятся съ благородными дѣлами. Я убѣжденъ въ томъ, что уже по одному тому, что хорошее намѣреніе высказано, трудно, даже большей частью невозможно, исполнить это хорошее намѣреніе. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно-самодовольныя порывы юности? Только гораздо позже вспоминаешь

ихъ и жалѣешь о нихъ, какъ о цвѣткѣ, который не удержался — сорвалъ нераспустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ завялымъ и затоптаннымъ.

Я, который сейчасъ только говорилъ Дмитрію, своему другу, о томъ, какъ деньги портятъ отношенія, на другой день утромъ, передъ нашимъ отъѣздомъ въ деревню, когда оказалось, что я промоталъ всѣ свои деньги на разныя картинки и стамбулки, взявъ у него двадцать-пять рублей ассигнаціями на дорогу, которыя онъ предложилъ мнѣ, и потомъ очень долго оставался ему долженъ.

ГЛАВА XXII.

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ МОИМЪ ДРУГОМЪ.

Теперешній разговоръ нашъ происходилъ въ фэтонѣ на дорогѣ въ Кунцово. Дмитрій отсовѣтовалъ мнѣ ѣхать утромъ съ визитомъ къ своей матери, а заѣхалъ за мной послѣ обѣда, чтобы увести на весь вечеръ и даже ночевать на дачу, гдѣ жило его семейство. Только когда мы выѣхали изъ города и грязно-пестрыя улицы, и несносный оглушительный шумъ мостовой замѣнились просторнымъ видомъ полей и мягкимъ похрюскиваніемъ колесъ по пыльной дорогѣ, и весенній пахучій воздухъ и просторъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ, только тогда я немного опомнился отъ разнообразныхъ новыхъ впечатлѣній и сознанія свободы, которыя въ эти два дня совершенно меня запутали. Дмитрій былъ общителенъ и кротокъ не поправлялъ головой галстука, не подмигивалъ нервически и не зажмуривался; я былъ доволенъ тѣми благородными чувствами, которыя ему высказалъ, полагая, что за нихъ онъ совершенно простилъ мою постыдную исторію съ Колниковымъ, не презираетъ меня за нее, и мы дружно разговорились о многомъ такомъ задушевномъ, которое не во всякихъ условіяхъ говорится другъ другу. Дмитрій рассказывалъ мнѣ про свое семейство, котораго я еще не зналъ, про мать, тетку, сестру и ту, которую Володя и Дубковъ считали пассіей моего друга и называли *рыженькой*. Про мать онъ говорилъ съ нѣкоторой холодной и торжественной похвалой, какъ будто съ цѣлью предупредить всякое возраженіе по этому предмету, про тетку онъ отзывался съ восторгомъ, но и съ нѣкоторой снисходительностью, про сестру онъ говорилъ очень мало и какъ будто бы стыдясь мнѣ говорить о ней; но про *рыженькую*, которую по настоящему звали Любовью Сергѣевной, и которая была пожилая дѣвушка, жившая по какимъ-то семейнымъ отношеніямъ въ домѣ Нехлюдовыхъ, онъ говорилъ мнѣ съ одушевленіемъ.

— Да, она удивительная дѣвушка, говорилъ онъ, стыдливо краснѣя, но тѣмъ съ большей смѣлостью глядя мнѣ въ глаза: — она ужъ не молодая дѣвушка, даже скорѣй старая, и совсѣмъ не хороша собой, но вѣдь что за глупость, безмыс-

слица—любить красоту!—я этого не могу понять, такъ это глупо (онъ говорилъ это какъ будто только что открылъ самую новую, необыкновенную истину), а такой души, сердца и правиль... я увѣренъ, не найдешь подобной дѣвушки въ нынѣшнемъ свѣтѣ (не знаю, отъ кого перенялъ Дмитрій привычку говорить, что все хорошее рѣдко въ нынѣшнемъ свѣтѣ, онъ любилъ повторять это выраженіе и оно какъ-то шло къ нему).

— Только я боюсь, продолжалъ онъ спокойно, совершенно уже уничтоживъ своимъ разсужденіемъ людей, которые имѣли глупость любить красоту:— я боюсь, что ты не поймешь и не узнаешь ее скоро: она скромна и даже скрытна, не любитъ показывать свои прекрасныя, удивительныя качества. Вотъ матушка, которая, ты увидишь, прекрасная и умная женщина, — она знаетъ Любовь Сергѣевну уже нѣсколько лѣтъ, и не можетъ и не хочетъ понять ее. Я даже вчера... я скажу тебѣ, отчего я былъ не въ духѣ, когда ты у меня спрашивала. Третьяго дня Любовь Сергѣевна желала, чтобы я сѣзидилъ съ ней къ Ивану Яковлевичу,—ты слышалъ вѣрно про Ивана Яковлевича, который будто бы сумасшедшій, а дѣйствительно, замѣчательный человекъ. Любовь Сергѣевна чрезвычайно религіозна, надо тебѣ сказать, и понимаетъ совершенно Ивана Яковлевича. Она часто ѣздитъ къ нему, бесѣдуетъ съ нимъ и даетъ ему для бѣдныхъ деньги, которыя сама вырабатываетъ. Она удивительная женщина, ты увидишь. Ну, и я ѣзидилъ съ ней къ Ивану Яковлевичу, и очень благодаренъ ей за то, что видѣлъ этого замѣчательнаго человека. А матушка никакъ не хочетъ понять этого, видитъ въ этомъ суевѣріе. И вчера у меня съ матушкой въ первый разъ въ жизни былъ споръ, и довольно горячій, заключилъ онъ, сдѣлавъ судорожное движеніе шеей, какъ будто въ воспоминаніе о чувствѣ, которое онъ испытывалъ при этомъ спорѣ.

— Ну, и какъ же ты думаешь? то есть какъ, когда ты воображаешь, что выйдетъ... или вы съ нею говорите о томъ, что будетъ и чѣмъ кончится ваша любовь или дружба? спросилъ я, желая отвлечь его отъ непріятнаго воспоминанія.

— Ты спрашиваешь, думаю ли я жениться на ней? спросилъ онъ меня, снова краснѣя, но смѣло, повернувшись, глядя мнѣ въ лицо.

«Чтожь, въ самомъ дѣлѣ — подумалъ я, успокоивая себя — это ничего, мы *больше*, два друга ѣдемъ въ фазтонѣ и разсуждаемъ о нашей будущей жизни. Всякому даже пріятно бы было теперь со стороны послушать и посмотреть на насъ.»

— Отъ чегожь нѣтъ? продолжалъ онъ, послѣ моего утвердительнаго отвѣта: — вѣдь моя цѣль, какъ и всякаго благоразумнаго человека — быть счастливымъ и хорошимъ, сколько возможно; и съ ней, ежели только она захочетъ этого, когда я буду совершенно независимъ, я съ ней буду и счастливѣе и лучше, чѣмъ съ первой красавицей въ мірѣ.

Въ такихъ разговорахъ мы и не замѣтили, какъ

подъѣзжали къ Кунцову—не замѣтили и того, что небо заволокало, и собирался дождикъ. Солнце уже стояло не высоко на право, надъ старыми деревьями кунцовскаго сада, и половина блестящаго краснаго круга была закрыта сѣрой слабо-просвѣчивающей тучей; изъ другой половины брызгами вырывались раздробленные огненные лучи и поразительно ярко освѣщали старыя деревья сада, неподвижно блестящія своими зелеными густыми макушками еще на ясномъ, освѣщенномъ мѣстѣ лазури неба. Блескъ и свѣтъ этого края неба былъ рѣзко противоположенъ лиловой тяжелой тучѣ, которая залегла передъ нами надъ молодымъ березникомъ, виднѣвшимся на горизонтѣ.

Немного правѣ виднѣлись уже изъ-за кустовъ и деревъ разноцвѣтныя крыши дачныхъ домиковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя отражали на себѣ блестящіе лучи солнца, нѣкоторыя принимали на себя унылый характеръ другой стороны неба. На лѣво внизу синѣлъ неподвижный прудъ, окруженный блѣдно-зелеными ракидами, которые темно отражались на его матовой, какъ бы выпуклой поверхности. За прудомъ, по полугорью разстилалось паровое черняющее поле и прямая линія ярко зеленой межи пересѣкавшей его уходила въ даль, и упиралась въ свинцовый грозный горизонтъ. Съ обѣихъ сторонъ мягкой дороги, по которой мѣрно покачивался фазтонъ, рѣзко зеленѣла сочная уклонившаяся рожь, ужъ кое-гдѣ начинавшая выбивать въ трубку. Въ воздухѣ было совершенно тихо и пахло свѣжестью; зелень деревьевъ, листьевъ и ржи была неподвижна и необыкновенно чиста и ярка. Казалось, каждый листъ, каждая травка жили своей отдѣльной, полной и счастливой жизнью. Около дороги я замѣтилъ черноватую тропинку, которая вилась между темнозеленой, уже больше чѣмъ на четверть поднявшейся рожью, и эта тропинка почему-то мнѣ чрезвычайно живо напомнила деревню, и вслѣдствіе воспоминанія о деревнѣ, по какой-то странной связи мыслей, чрезвычайно живо напомнила мнѣ Соничку и то, что я влюбленъ въ нее.

Несмотря на всю дружбу мою къ Дмитрію и на удовольствіе, которое доставляла мнѣ его откровенность, мнѣ не хотѣлось болѣе ничего знать о его чувствахъ и намѣреніяхъ въ отношеніи Любови Сергѣевны, а непременно хотѣлось сообщить про свою любовь къ Соничкѣ, которая мнѣ казалась любовью гораздо высшаго разбора. Но я почему-то не рѣшился сказать ему прямо свои предположенія о томъ, какъ будетъ хорошо, когда я, женившись на Соничкѣ, буду жить въ деревнѣ, какъ у меня будутъ маленькія дѣти, которыя ползая по полу, будутъ называть меня папой, и, какъ я обрадуюсь, когда онъ съ своей женой, Любовью Сергѣевной, пріѣдетъ ко мнѣ въ дорожномъ платьѣ... а сказалъ вмѣсто всего этого, указывая на заходящее солнце: «Дмитрій, посмотри какая прелесть!»

Дмитрій ничего не сказалъ мнѣ, видимо недовольный тѣмъ, что на его признаніе, которое, вѣроятно, стоило ему труда, я отвѣчалъ, обращая его

вниманіе на природу, къ которой онъ вообще былъ хладнокровенъ. Природа дѣйствовала на него совсѣмъ иначе, чѣмъ на меня, она дѣйствовала на него не столько красотой, сколько занимательностью, онъ любилъ ее болѣе умомъ, чѣмъ чувствомъ.

— Я очень счастливъ, сказалъ я ему вслѣдъ за этимъ, не обращая вниманія на то, что онъ видимо былъ занятъ своими мыслями и совершенно равнодушенъ къ тому, что я могъ сказать ему:—я вѣдь тебѣ говорилъ, помнишь, про одну барышню, въ которую я былъ влюбленъ бывши ребенкомъ; я видѣлъ ее нынче, продолжалъ я съ увлеченіемъ:—и теперь я рѣшительно влюбленъ въ нее...

И я рассказалъ ему, несмотря на продолжавшееся на лицѣ его выраженіе равнодушія, про свою любовь и про всѣ планы о будущемъ супружескомъ счастіи. И странно, что какъ только я рассказалъ подробно про всю силу своего чувства, такъ въ то же мгновеніе я почувствовалъ, какъ чувство это стало уменьшаться.

Дождикъ захватилъ насъ, когда уже мы повернули въ березовую аллею, ведущую къ дачѣ. Но онъ не замочилъ насъ. Я зналъ, что шелъ дождикъ, только потому, что нѣсколько капель упало мнѣ на носъ и на руку, и что что-то зашлепало по молодымъ клейкимъ листьямъ березъ, которыя неподвижно повѣсивъ свои кудрявыя вѣтви, казалось съ наслажденіемъ, выражающимся тѣмъ сильнымъ запахомъ, которымъ онѣ наполняли аллею, принимали на себя эти чистыя, прозрачныя капли. Мы вышли изъ коляски, чтобъ поскорѣе до дома пробѣжать садомъ. Но у самого входа въ домъ столкнулись съ четырьмя дамами, изъ которыхъ двѣ съ работами, одна съ книгой, а другая съ собачкой скорыми шагами шли съ другой стороны. Дмитрій тутъ же представилъ меня своей матери, сестрѣ, теткѣ и Любовь Сергѣевнѣ. На секунду онѣ остановились, но дождикъ начиналъ капывать чаще и чаще.

— Пойдемте на галерею, тамъ ты его еще разъ представишь, сказала та, которую я принялъ за мать Дмитрія, и мы вмѣстѣ съ дамами вошли на лѣстницу.

ГЛАВА XXIII.

Н Е Х Л Ю Д О В Ы.

Въ первую минуту, изъ всего этого общества болѣе всѣхъ поразила меня Любовь Сергѣевна, которая держа на рукахъ болонку, сзади всѣхъ въ толстыхъ, вязаныхъ башмакахъ, всходила на лѣстницу и раза два, остановившись, внимательно оглянулась на меня и тотчасъ послѣ этого поцаловала свою собачку. Она была очень нехороша собой: рыжа, худа, невелика ростомъ, немного кривобока. Что еще болѣе дѣлало некрасивымъ ея некрасивое лицо; была странная прическа съ проборомъ съ

боку (одна изъ тѣхъ причесокъ, которыя придумываютъ для себя плѣшивыя женщины). Какъ я ни старался въ угодность своему другу, я не могъ въ ней найти ни одной красивой черты. Даже каріе глаза ея, хотя и выразившіе добродушіе, были слишкомъ малы и тусклы, и рѣшительно нехороши; даже руки, эта характеристическая черта, хотя и не большія и не дурной формы, были красны и шершавы.

Когда я вслѣдъ за нимъ вошелъ на террасу, — исключая Вариньки, сестры Дмитрія, которая только внимательно посмотрѣла на меня своими большими, темно-сѣрыми глазами, — каждая изъ дамъ сказала мнѣ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ онѣ снова взяли каждая свою работу, а Варинька вслухъ начала читать книгу, которую она держала у себя на коленяхъ заложивъ пальцемъ.

Княгиня Марья Ивановна была высокая, стройная женщина лѣтъ сорока. Ей можно бы было дать больше, судя по букамъ полусѣдыхъ волосъ, откровенно выставленныхъ изъ-подъ чепца. Но по свѣжему, чрезвычайно нѣжному, почти безъ морщинъ лицу, въ особенности же по живому, веселому блеску большихъ глазъ, ей казалось гораздо меньше. Глаза у нея были каріе, очень открытые, губы слишкомъ тонкія, немного строгія, носъ довольно правильный и немного на лѣвую сторону, рука у нея была безъ колець, большая, почти мужская, съ прекрасными продолговатыми пальцами. На ней было темно-синее закрытое платье, крѣпко стягивающее ея стройную и еще молодую талію, которой она видимо щеголяла. Она сидѣла чрезвычайно прямо и шила какое-то платье. Когда я вошелъ на галерею, она взяла мою руку, притянула меня къ себѣ, какъ будто съ желаніемъ разсмотрѣть меня поближе, и сказала, взглянувъ на меня тѣмъ же нѣсколько холоднымъ открытымъ взглядомъ, который былъ у ея сына, что она меня давно знаетъ по рассказамъ Дмитрія, и что для того, чтобы ознакомиться хорошенько съ ними, она приглашаетъ меня пробить у нихъ цѣлыя сутки. Дѣлайте все, что вамъ вздумается, нисколько не стѣсняясь нами, такъ же, какъ и мы не будемъ стѣсняться вами, — гуляйте, читайте, слушайте или спите ежели вамъ это веселѣе, прибавила она.

Софья Ивановна была старая дѣвушка и младшая сестра княгини, но на видъ она казалась старше. Она имѣла тотъ особенный переполненный характеръ сложенія, который только встрѣчается у невысокихъ ростомъ, очень полныхъ старухъ дѣвъ, носящихъ корсеты. Какъ будто все здоровье ея ей подступило кверху съ такой силой, что всякую минуту угрожало задушить ее. Ея коротенькія толстыя ручки не могли соединяться ниже выгнутого мыска лифа, и самый туго-на-туго натянутый мысокъ лифа она уже не могла видѣть.

Несмотря на то, что княгиня Марья Ивановна была черноволоса и черноглаза, а Софья Ивановна бѣлокура и съ большими живыми и вмѣстѣ съ тѣмъ (что большая рѣдкость) спокойными голубыми гла-

зами, между сестрами было большое семейное сходство: то же выражение, тот же носъ, тѣ же губы; только у Софьи Ивановны и носъ и губы были потолще немного, и на правую сторону, когда она улыбалась, тогда какъ у княгини онѣ были на лѣвую. Софья Ивановна, судя по одеждѣ и прическѣ, еще видимо молодилась и не выставила бы сѣдыхъ буклей, ежели бы онѣ у нея были. Ея взглядъ и обращеніе со мною показались мнѣ въ первую минуту очень гордыми и смутили меня; тогда какъ съ княгиней, напротивъ, я чувствовалъ себя совершенно развязнымъ. Можетъ быть, эта толщина и нѣкоторое сходство съ портретомъ Екатерины Великой, которое поразило меня въ ней, придавали ей въ моихъ глазахъ гордый видъ; но я совершенно оробѣлъ, когда она, пристально глядя на меня, сказала мнѣ: «друзья нашихъ друзей — наши друзья». Я успокоился и вдругъ совершенно перемѣнилъ о ней мнѣніе только тогда, когда она сказавъ эти слова, замолчала и, открывъ ротъ, тяжело вздохнула. Должно быть отъ полноты, у нея была привычка, послѣ нѣсколькихъ сказанныхъ словъ, глубоко вздыхать, открывая немного ротъ и нѣсколько закатывая свои большіе голубые глаза. Въ этой привычкѣ почему-то выражалось такое милое добродушіе, что, вслѣдъ за этимъ вздохомъ, я потерялъ къ ней страхъ, и она даже мнѣ очень понравилась. Глаза ея были прелестны, голосъ звученъ и пріятенъ, даже эти очень круглыя линіи сложенія, въ ту пору моей юности, казались мнѣ не лишенными красоты.

Любовь Сергѣевна, какъ другъ моего друга (я полагалъ) должна была сейчасъ же сказать мнѣ что нибудь очень дружеское и задушевное, и она даже смотрѣла на меня довольно долго молча, какъ будто въ нерѣшимости — не будетъ ли ужъ слишкомъ дружески то, что она намѣрена сказать мнѣ; но она прервала это молчаніе только для того, чтобы спросить меня, въ какомъ я факультетѣ. Потѣмъ снова она довольно долго пристально смотрѣла на меня, видимо колеблясь: сказать, или не сказать это задушевное дружеское слово, и я, замѣтивъ это сомнѣніе, выраженіемъ лица умолялъ ее сказать мнѣ все, но она сказала: «нынче, говорятъ, въ университетѣ уже мало занимаются науками» и подозвала свою собачку Сюзетку.

Любовь Сергѣевна весь этотъ вечеръ говорила такими, большею частію нейдущими ни къ дѣлу, ни другъ къ другу изреченіями; но я такъ вѣрилъ Дмитрію, и онъ такъ заботливо весь этотъ вечеръ смотрѣлъ то на меня, то на нее, съ выраженіемъ, спрашивавшимъ: «ну, что?» — что я, какъ это часто случается, хотя въ душѣ былъ уже убѣжденъ, что въ Любовь Сергѣевнѣ ничего особеннаго нѣтъ, еще чрезвычайно далека былъ отъ того, чтобы высказать эту мысль даже самому себѣ.

Наконецъ послѣднее лицо этого семейства, Варинька, была очень полная дѣвушка лѣтъ шестнадцати.

Только темно-сѣрые большіе глаза, выраженіемъ,

соединявшимъ веселость и спокойную внимательность, чрезвычайно похожіе на глаза тетки, очень большая русая коса и чрезвычайно нѣжная и красивая рука — были хороши въ ней.

— Вамъ, я думаю скучно, M-r Nicolas, слушать изъ середины, сказала мнѣ Софья Ивановна съ своимъ добродушнымъ вздохомъ, переворачивая куски платя, которое она шила.

Чтеніе въ это время прекратилось, потому что Дмитрій куда-то вышелъ изъ комнаты.

— Или, можетъ быть, вы уже читали «Роброя»?

Въ то время я считалъ своею обязанностію, вслѣдствіе уже одного того, что носилъ студенческій мундиръ, съ людьми мало мнѣ знакомыми, на каждый самый простой вопросъ отвѣчать непременно очень *умно и оригинально*, и считалъ величайшимъ стыдомъ короткіе и ясные отвѣты, какъ: да, нѣтъ, скучно, весело и тому подобное. Взглянувъ на свои новые модные панталоны и блестящія пуговицы сюртука, я отвѣчалъ, что не читалъ «Роброя», но что мнѣ было очень интересно слушать, потому что я больше люблю читать книги изъ середины, чѣмъ сначала.

— Вдвое интереснѣй: догадываешься о томъ, что было и что будетъ, добавилъ я, самодовольно улыбаясь.

Княгиня засмѣялась, какъ будто бы неестественнымъ смѣхомъ (впослѣдствіи я замѣтилъ, что у нея не было другого смѣха).

— Однако, это должно быть правда, сказала она: — а что, вы долго здѣсь пробудете, Nicolas? Вы не обидитесь, что я васъ зову безъ monsieur. Когда вы ѣдете?

— Не знаю, можетъ быть завтра, а можетъ быть пробудемъ еще довольно долго, отвѣчалъ я почему-то, несмотря на то, что мы навѣрное должны были ѣхать завтра.

— Я бы желала, чтобъ вы остались, и для васъ, и для моего Дмитрія, замѣтила княгиня, глядя куда-то далеко: — въ ваши года дружба славная вещь.

Я чувствовалъ, что всѣ смотрѣли на меня и ожидали того, что я скажу, хотя Варинька и притворялась, что смотритъ работу тетки; я чувствовалъ, что мнѣ дѣлаютъ въ нѣкоторомъ родѣ экзаменъ и что надо показаться какъ можно выгоднѣй.

— Да, для меня, сказалъ я: — дружба Дмитрія полезна, но я не могу ему быть полезенъ: онъ въ тысячу разъ лучше меня. (Дмитрій не могъ слышать того, что я говорилъ, иначе я бы боялся, что онъ почувствуетъ неискренность моихъ словъ).

Княгиня засмѣялась снова неестественнымъ, ей естественнымъ смѣхомъ.

— Ну, а послушать его, сказала она: — такъ c'est vous qui êtes un petit monstre de perfection.

«Monstre de perfection — это отлично, надо запомнить», подумалъ я.

— Но, впрочемъ, не говоря объ васъ, онъ на это мастеръ, продолжала она, понизивъ голосъ (что мнѣ было особенно пріятно) и указывая гла-

зами на Любовь Сергѣевну:—онъ открылъ въ *буд-ной тетенькѣ* (такъ называлась у нихъ Любовь Сергѣевна), которую я двадцать лѣтъ знаю съ ея Сюзеткой, такія совершенства, какихъ я и не подозревала... Варя, вели мнѣ дать стаканъ воды, прибавила она, снова взглянувъ въ даль, должно быть найдя, что было еще рано, или вовсе не нужно посвящать меня въ семейныя отношенія:—или нѣтъ, лучше онъ сходить. Онъ ничего не дѣлаетъ, а ты читай. Идите, мой другъ, прямо въ дверь и, пройдя пятнадцать шаговъ, остановитесь и скажите громкимъ голосомъ: «Петръ, подай Марьѣ Ивановнѣ стаканъ воды со льдомъ», сказала она мнѣ и снова слегка засмѣялась своимъ неестественнымъ смѣхомъ.

«Вѣрно, она хочетъ про меня поговорить, подумалъ я выходя изъ комнаты: — вѣрно, хочетъ сказать, что она замѣтила, что я очень и очень умный молодой человѣкъ». Я еще не успѣлъ пройти пятнадцати шаговъ, какъ толстая, запыхавшаяся Софья Ивановна, однако скорыми, и легкими шагами, догнала меня.

— Mercі, mon cher, сказала она: — я сама иду туда, такъ скажу.

ГЛАВА XXIV.

ЛЮБОВЬ.

Софья Ивановна, какъ я ее послѣ узналъ, была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ немолодыхъ женщинъ, рожденныхъ для семейной жизни, которымъ судьба отказала въ этомъ счастьи и которыя, вслѣдствіе этого отказа, весь тотъ запасъ любви, который такъ долго хранился, росъ и крѣпъ въ ихъ сердцахъ для дѣтей и мужа, рѣшаются вдругъ излить на нѣкоторыхъ избранныхъ. И запасъ этотъ у старыхъ дѣвушекъ такого рода бываетъ такъ неистощимъ, что несмотря на то, что избранныхъ много, еще остается много любви, которую онѣ изливаютъ на всѣхъ окружающихъ, на всѣхъ добрыхъ и злыхъ людей, которые только сталкиваются съ ними въ жизни.

Есть три рода любви:

- 1) Любовь красивая,
- 2) Любовь самоотверженная и
- 3) Любовь дѣятельная.

Я говорю не о любви молодого мужчины къ молодой дѣвицѣ и на оборотъ, я боюсь этихъ нѣжностей, и былъ такъ несчастливъ въ жизни, что никогда не видалъ въ этомъ родѣ любви ни одной искры правды, а только ложь, въ которой чувственность, супружескія отношенія, деньги, желаніе связать или развязать себѣ руки, до того запутывали самое чувство, что ничего разобрать нельзя было. Я говорю про любовь къ человѣку, которая, смотря по большей или меньшей силѣ души, сосредоточивается на одномъ, на нѣкоторыхъ, или изливается на многихъ, про любовь къ матери, къ

отцу, къ брату, къ дѣтямъ, къ товарищу, къ другу, къ соотечественнику, про любовь къ человеку.

Любовь красивая заключается въ любви красоты самого чувства и его выраженія. Для людей, которые такъ любятъ—любимый предметъ любезенъ только на столько, на сколько онъ возбуждаетъ то пріятное чувство, сознаниемъ и выраженіемъ котораго они наслаждаются. Люди, которые любятъ красивой любовью, очень мало заботятся о взаимности, какъ о обстоятельствѣ неимѣющемъ никакого вліянія на красоту и пріятность чувства. Они часто перемѣняютъ предметы своей любви, такъ какъ ихъ главная цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы пріятное чувство любви было постоянно возбуждаемо. Для того, чтобы поддержать въ себѣ это пріятное чувство, они постоянно въ самыхъ изящныхъ выраженіяхъ говорятъ о своей любви, какъ самому предмету, такъ и всѣмъ тѣмъ, кому даже и нѣтъ до этой любви никакого дѣла. Въ нашемъ отечествѣ люди извѣстнаго класса, любящіе *красиво*, не только всѣмъ рассказываютъ про свою любовь, но рассказываютъ про нее непременно по-французски. Смѣшно и странно сказать, но я увѣренъ, что было очень много и теперь есть много людей извѣстнаго общества, въ особенности женщинъ, которыхъ любовь къ друзьямъ, мужьямъ, дѣтямъ, сейчасъ бы уничтожилась, ежели бы имъ только запретили про нее говорить по-французски.

Второго рода любовь—любовь самоотверженная, заключается въ любви къ процессу жертвованія собой для любимаго предмета, не обращая никакого вниманія на то, хуже или лучше отъ этихъ жертвъ любимому предмету. «Нѣтъ никакой непріятности, которую бы я не рѣшился сдѣлать самому себѣ, для того, чтобы доказать всему свѣту и *ему* или *ей* свою преданность». Вотъ формула этого рода любви. Люди любящіе такъ, никогда не вѣрятъ взаимности (потому что еще достойнѣе жертвовать собою для того, кто меня не понимаетъ), всегда бываютъ болѣзненны, что тоже увеличиваетъ заслугу жертвъ; большей частью постоянны, потому что имъ тяжело бы было потерять заслугу тѣхъ жертвъ, которыя они сдѣлали любимому предмету; всегда готовы умереть для того, чтобы доказать *ему* или *ей* всю свою преданность, но пренебрегаютъ мелкими ежедневными доказательствами любви, въ которыхъ не нужно особенныхъ порывовъ самоотверженія. Имъ все равно, хорошо ли вы ѣли, хорошо ли спали, весело ли вамъ, здоровы ли вы, и они ничего не сдѣлаютъ, чтобы доставить вамъ эти удобства, ежели они въ ихъ власти; но стать подъ пулю, броситься въ воду, въ огонь, зачехнуть отъ любви—на это они всегда готовы, ежели только встрѣтится случай. Кромѣ того люди склонные къ любви самоотверженной бываютъ всегда горды своею любовью, взыскательны, ревнивы, недоувѣрчивы и, странно сказать, желаютъ своимъ предметамъ опасностей, чтобы изба-

влять отъ нихъ, несчастій, чтобъ утѣшать, и даже пороковъ, чтобъ исправлять отъ нихъ.

Вы одни живете въ деревнѣ съ своей женой, которая любитъ васъ съ самоотверженіемъ. Вы здоровы, спокойны, у васъ есть занятія, которыя вы любите,—любящая жена ваша такъ слаба, что не можетъ заниматься ни домашнимъ хозяйствомъ, которое передано на руки слугъ, ни дѣтьми, которыя на рукахъ нянекъ, ни даже какимъ нибудь дѣломъ, которое бы она любила, потому что она ничего не любить кромѣ васъ. Она *видимо* больна, но не желая васъ огорчить не хочетъ говорить вамъ этого, она *видимо* скучаетъ, но для васъ она готова скучать всю свою жизнь; ее *видимо* убиваетъ то, что вы такъ пристально занимаетесь своимъ дѣломъ (какое бы оно ни было: охота, книги, хозяйство, служба), она видитъ, что эти занятія погубятъ васъ,—но она молчитъ и терпитъ. Но вотъ вы сдѣлались больны,—любящая жена ваша забываетъ свою болѣзнь и неотлучно, не смотря на ваши просьбы не мучить себя напрасно, сидитъ у вашей постели, и вы всякую секунду чувствуете на себѣ ея соболѣзную взглядъ, говорящій: «что же, я говорила, но мнѣ все равно и я все-таки не оставлю тебя». Утромъ вамъ немного лучше, вы выходите въ другую комнату. Комната не протоплена, не убрана; супъ, который одинъ вамъ можно ѣсть, не заказанъ повару; за лекарствомъ не послано; но изнуренная отъ ночнаго бдѣнія любящая жена ваша все съ такимъ же выраженіемъ соболѣзнованія смотритъ на васъ, ходитъ на цыпочкахъ и шопотомъ отдаетъ слугамъ непривычныя и неясныя приказанія. Вы хотите читать—любящая жена съ вздохомъ говоритъ вамъ, что она знаетъ, что вы ее непослушаетесь, будете сердиться на нее, но она ужъ привыкла къ этому,—вамъ лучше не читать; вы хотите пройтись по комнатамъ—вамъ этого тоже лучше не дѣлать; вы хотите поговорить съ пріѣхавшимъ пріелемъ—вамъ лучше не говорить. Ночью у васъ снова жаръ, вы хотите забыться но любящая жена ваша, худая, блѣдная, изрѣдка вздыхая, въ полусвѣтѣ ночника сидитъ противъ васъ на креслѣ и малѣйшимъ движеніемъ, малѣйшимъ звукомъ возбуждаетъ въ васъ чувства досады и нетерпѣнія. У васъ есть слуга, съ которымъ вы живете ужъ двадцать лѣтъ, къ которому вы привыкли, который съ удовольствіемъ и отлично служитъ вамъ, потому что днемъ выспался и получаетъ за свою службу жалованье, но она не позволяетъ ему служить вамъ. Она все дѣлаетъ сама своими слабыми, непривычными пальцами, за которыми вы не можете не слѣдить съ сдержанной злобой, когда эти бѣлые пальцы тщетно стараются откупорить стклянку, тушатъ свѣчку, проливаютъ лекарство, или брызгливо дотрогиваются до васъ. Ежели вы нетерпѣливый, горячій человекъ и попросите ее уйти, вы услышите своимъ раздраженнымъ, болѣзненнымъ слухомъ, какъ она за дверью будетъ покорно вздыхать и плакать и шептать какой нибудь вздоръ вашему человеку.

Наконецъ, ежели вы не умерли, любящая жена ваша, которая не спала двадцать ночей во время вашей болѣзни (что она безпрестанно вамъ повторяетъ) дѣлается больна, чахнетъ, страдаетъ и становится еще меньше способна къ какому нибудь занятію, и въ то время, какъ вы находитесь въ нормальномъ состояніи, выражаетъ свою любовь самоотверженія только кроткой скукой, которая невольно сообщается вамъ и всѣмъ окружающимъ.

Третій родъ—любовь дѣятельная, заключается въ стремленіи удовлетворять всѣ нужды, всѣ желанія, прихоти, даже пороки любимаго существа. Люди, которые любятъ такъ, любятъ всегда на всю жизнь, потому что чѣмъ больше они любятъ, тѣмъ больше узнаютъ любимый предметъ, и тѣмъ легче имъ любить, т. е. удовлетворять его желанія. Любовь ихъ рѣдко выражается словами, и если выражается, то не только не самодовольно, красиво, но стыдливо, неловко, потому что они всегда боятся, что любятъ недостаточно. Люди эти любятъ даже пороки любимаго существа, потому что пороки эти даютъ имъ возможность удовлетворять еще новыя желанія. Они ищутъ взаимности, охотно даже обманывая себя, вѣрятъ въ нее, и счастливы, если имѣютъ ее; но любятъ все также даже и въ противномъ случаѣ, и не только желаютъ счастья для любимаго предмета, но всѣми тѣми моральными и матеріальными, большими и мелкими средствами, которыя находятся въ ихъ власти, постоянно стараются доставить его.

И вотъ эта-то дѣятельная любовь къ своему племяннику, племянницѣ, къ сестрѣ, къ Любови Сергѣевнѣ, ко мнѣ даже, за то, что меня любилъ Дмитрій, свѣтилась въ глазахъ, въ каждомъ словѣ и движеніи Софьи Ивановны.

Только гораздо послѣ я оцѣнилъ вполне Софью Ивановну, но и тогда мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: почему Дмитрій, старавшійся понимать любовь совершенно иначе, чѣмъ обыкновенно молодые люди, и имѣвшій всегда передъ глазами милую, любящую Софью Ивановну, вдругъ страстно полюбилъ непонятную Любовь Сергѣевну и только допускалъ, что въ его теткѣ есть тоже хорошія качества. Видно справедливо изреченіе: «нѣтъ порока въ отечествѣ своемъ». Одно изъ двухъ: или дѣйствительно въ каждомъ человѣкѣ больше дурнаго, чѣмъ хорошаго, или человѣкъ больше воспріимчивъ къ дурному, чѣмъ къ хорошему. Любовь Сергѣевну онъ зналъ недавно, а любовь тет-ки онъ испытывалъ съ тѣхъ поръ, какъ родился.

ГЛАВА XXV.

Я ОЗНАКОМЛЮСЯ СЪ.

Когда я вернулся на галлерею, тамъ вовсе не говорили обо мнѣ, какъ я предполагалъ; но Варинька не читала, а отложивъ въ сторону книгу, съ жаромъ спорила съ Дмитріемъ, который расха-

живая взадъ и впередъ, поправлялъ шеей галстухъ и зажмурился. Предметъ споровъ былъ будто бы Иванъ Яковлевичъ и суевѣріе; но споръ былъ слишкомъ горячъ для того, чтобы подразумѣваемый смыслъ его не былъ другой, болѣе близкій всему семейству. Княгиня и Любовь Сергѣевна сидѣли молча, вслушиваясь въ каждое слово, видимо желая иногда принять участіе въ спорѣ, но удерживаясь и предоставляя говорить за себя, одна—Варинькѣ, другая—Дмитрію. Когда я вошелъ, Варинька взглянула на меня съ выраженіемъ такого равнодушія, что видно было, споръ сильно занималъ ее, и ей было все равно, буду ли я или не буду слышать то, что она говорила. Такое же выраженіе имѣлъ взглядъ княгини, которая видимо была на сторонѣ Вариньки. Но Дмитрій еще горячѣе сталъ спорить при мнѣ, а Любовь Сергѣевна какъ будто очень испугалась моего прихода, и сказала не обращаясь ни къ кому въ особенности:—Правду говорятъ старые люди—*si jeunesse savait, si vieillesse pouvait*.

Но это изреченіе не прекратило спора, а только навело меня на мысль, что сторона Любовь Сергѣевны и моего друга была неправая сторона. Хотя мнѣ было нѣсколько совѣстно присутствовать при маленькомъ семейномъ раздорѣ, однако и было пріятно видѣть настоящія отношенія этого семейства, выказывавшіяся вслѣдствіе спора, и чувствовать, что мое присутствіе не мѣшало имъ выказываться.

Какъ часто бываетъ, что вы годъ видите семейство подъ одной и той же ложной завѣсой приличія и истинныя отношенія его членовъ остаются для васъ тайной (я даже замѣчалъ, что чѣмъ непроницаемѣе и потому красивѣе эта завѣса, тѣмъ грубѣе бываютъ истинныя, скрытыя отъ васъ отношенія!) Но случится разъ, совершенно неожиданно поднимется въ кругу этого семейства, какойнибудь, иногда кажущійся незначущимъ, вопросъ о какойнибудь блондѣ или визитѣ на мужниныхъ лошадяхъ, — и безъ всякой видимой причины, споръ становится ожесточеннѣе и ожесточеннѣе, подъ завѣсой уже становится тѣсно для разбирательства дѣла и вдругъ, къ ужасу самихъ спорящихъ и къ удивленію присутствующихъ, всѣ истинныя, грубыя отношенія выльзаютъ наружу, завѣса, уже ничего не прикрывая, праздно болтается между воюющими сторонами и только напоминаетъ вамъ о томъ, какъ долго вы были ею обмануты. Часто не такъ больно со всего размаху удариться головой о притолоку, какъ чуть-чуть, легонько дотронуться до наболѣвшаго, натруженнаго мѣста. И такое натруженное, больное мѣсто бываетъ почти въ каждомъ семействѣ. Въ семействѣ Нехлюдовыхъ такое натруженное мѣсто была странная любовь Дмитрія къ Любови Сергѣевнѣ, возбуждавшая къ сестрѣ и матери, если не чувство зависти, то оскорбленное родственное чувство. Поэтому-то и споръ объ Иванѣ Яковлевичѣ и суевѣрїи имѣлъ для всѣхъ ихъ такое серьезное значеніе.

— Ты всегда стараешься видѣть въ томъ, надъ чѣмъ другіе смѣются и что всѣ презираютъ, говорила Варинька своимъ звучнымъ голосомъ и отчетливо выговарывая каждую букву: — ты, именно, во всемъ этомъ стараешься находить чтонибудь необыкновенно хорошее.

— Во-первыхъ, только самый *легкомысленный человекъ* можетъ говорить о презрѣнїи къ такому замѣчательному человѣку, какъ Иванъ Яковлевичъ, отвѣчалъ Дмитрій, судорожно подергивая головою въ противную сторону отъ сестры, а во-вторыхъ, напротивъ, *ты* стараешься нарочно не видать хорошаго, которое у тебя стоитъ передъ глазами.

Вернувшись къ намъ, Софья Ивановна нѣсколько разъ испуганно посмотрѣла, то на племянника, то на племянницу, то на меня, и раза два, какъ будто сказавъ что-то мысленно, открывъ ротъ, тяжело вздохнула.

— Варя, пожалуйста, читай поскорѣе, сказала она, подавая ей книгу и ласково потрепавъ ее по рукѣ, — я непременно хочу знать, нашелъ ли онъ ее опять. (Кажется, что въ романѣ и рѣчи не было о томъ, чтобы ктонибудь находилъ когонибудь). — А ты, Митя, лучше бы завязалъ щеку, мой дружокъ, а то свѣжо, и опять у тебя разболѣются зубы, сказала она племяннику, несмотря на недовольный взглядъ, который онъ бросилъ на нее, должно быть за то, что она прервала логическую нить его выводовъ. — Чтеніе продолжалось.

Эта маленькая ссора нисколько не разстроила того семейнаго спокойствія и разумнаго согласія, которымъ дышалъ этотъ женскій кружокъ.

Этотъ кружокъ, которому направленіе и характеръ видимо давала княгиня Марья Ивановна, имѣлъ для меня совершенно новый и привлекательный характеръ какой-то логичности и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты и изящества. Этотъ характеръ выражался для меня и въ красотѣ, чистотѣ и прочности вещей — колокольчика, переплета книги, кресла, стола — и въ прямой, поддержанной корсетомъ, позѣ княгини, и въ выставленныхъ на показъ букляхъ сѣдыхъ волосъ, и въ манерѣ называть меня при первомъ свиданїи просто *Nicolas* и *онъ*, въ ихъ занятяхъ, въ чтенїи и въ шитьѣ платья, и въ необыкновенной бѣлизнѣ дамскихъ рукъ. (У нихъ у всѣхъ была въ рукѣ общая семейная черта состоящая въ томъ, что мякоть ладони со внѣшней стороны была алаго цвѣта и отдѣлялась рѣзкой прямой чертой отъ необыкновенной бѣлизны верхней части руки). Но болѣе всего этотъ характеръ выражался въ ихъ манерѣ, всѣхъ трехъ, отлично говорить по-русски и по-французски, отчетливо выговаривать каждую букву, съ педантической точностью доканчивая каждое слово и предложеніе. Все это, и особенно то, что въ этомъ обществѣ со мной обращались просто и серьезно, какъ съ большимъ, говорили мнѣ свои, слушали мои мнѣнія, — къ этому я такъ мало привыкъ, что несмотря на блестящія пуговицы и голубые обшлага, я все боялся, что вдругъ мнѣ скажутъ: «неужели

вы думаете, что съ вами серьезно разговаривают? ступайте-ка учиться», — все это дѣлало то, что въ этомъ обществѣ я не чувствовалъ ни малѣйшей застѣнчивости. Я вставалъ, пересаживался съ мѣста на мѣсто и смѣло говорилъ со всѣми, исключая Вариньки, съ которой мнѣ казалось еще неприлично; почему-то запрещено было говорить для перваго разу.

Во время чтенія, слушая ея пріятный звучный голосъ, я поглядывая то на нее, то на песчаную дорожку цвѣтника, на которой образовались круглыя, темнѣющія пятна дождя, и на липы, по листьямъ которыхъ продолжали шлепать рѣдкія капли дождя изъ блѣднаго просвѣчивающаго синевой края тучи, которымъ захватило насъ, то снова на нее, то на послѣдніе багряные лучи заходившаго солнца, освѣщающаго мокрую отъ дождя, густыя старыя березы, и снова на Вариньку, — я подумалъ, что она вовсе не дурна, какъ мнѣ показалась сначала.

«А жалко, что я уже влюбленъ», подумалъ я: — «и что Варинька не Соничка; какъ бы хорошо было, вдругъ сдѣлаться членомъ этого семейства: вдругъ бы у меня сдѣлалась и мать, и тетка, и жена». Въ то же самое время, какъ я думалъ это, я пристально глядѣлъ на читавшую Вариньку и думалъ, что я ее магнетизирую, и что она должна взглянуть на меня. Варинька подняла голову отъ книги, взглянула на меня и, встрѣтившись съ моими глазами отвернулась.

— Однако, дождикъ не перестаетъ, сказала она.

И вдругъ я испыталъ странное чувство: мнѣ вспомнилось, что именно все, что было теперь со мною, — повтореніе того, что было уже со мною одинъ разъ: что и тогда точно также шелъ маленький дождикъ и заходило солнце за березами, и я смотрѣлъ на нее, и она читала, и я магнетизировалъ ее, и она оглянулась, и даже я вспомнилъ, что это еще разъ прежде было.

«Неужели она... она?» подумалъ я. — «Неужели начинается?» Но я скоро рѣшилъ, что она не она и что еще не начинается. «Во первыхъ, она нехороша», подумалъ я: — «да и она просто барышня, и съ ней я познакомился самымъ обыкновеннымъ манеромъ, а та будетъ необыкновенная, съ той я встрѣчусь гдѣ нибудь въ необыкновенномъ мѣстѣ; и потомъ мнѣ такъ правится это семейство только потому, что еще я не видѣлъ ничего, разсудилъ я, а такія вѣрно всегда бываютъ, и ихъ еще очень много я встрѣчу въ жизни».

ГЛАВА XXVI.

я показываюсь съ самой выгодной стороны.

Во время чая, чтеніе прекратилось, и дамы занялись разговоромъ между собой о лицахъ и обстоятельствахъ мнѣ незнакомыхъ какъ мнѣ казалось только для того, чтобы несмотря на

ласковый пріемъ все-таки дать мнѣ почувствовать ту разницу, которая по годамъ и по положенію въ свѣтѣ была между мною и имп. Въ разговорахъ же общихъ, въ которыхъ я могъ принимать участіе, искупая свое предшествовавшее молчаніе, я старался выказать свой необыкновенный умъ и оригинальность, къ чему особенно я считалъ себя обязаннымъ своимъ мундиромъ. Когда зашелъ разговоръ о дачахъ, я вдругъ рассказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотрѣть изъ Лондона и изъ Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которая стоитъ триста-восемьдесятъ тысячъ, и что князь Иванъ Ивановичъ мнѣ очень близкій родственникъ, и я нынче у него обѣдалъ, и онъ звалъ меня непременно пріѣхать къ нему на эту дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто, но что я отказался, потому что знаю хорошо эту дачу, нѣсколько разъ бывалъ на ней, и что всѣ эти рѣшетки и мосты для меня нисколько не занимательны, потому что я терпѣть не могу роскоши особенно въ деревнѣ, я люблю, чтобы въ деревнѣ ужъ было совсѣмъ какъ въ деревнѣ... Сказавъ эту страшную сложную ложь, я сконфузился и покраснѣлъ, такъ что всѣ вѣрно замѣтили, что я лгу. Варинька передававшая мнѣ въ это время чашку чая, и Софья Ивановна смотрѣвшая на меня въ то время, какъ я говорилъ, обѣ отвернулись отъ меня и заговорили о другомъ, съ выраженіемъ лица, которое потомъ я часто встрѣчалъ у добрыхъ людей, когда очень молодой человѣкъ начинаетъ очевидно лгать имъ въ глаза, и которое значитъ: «вѣдь мы знаемъ, что онъ лжетъ, и зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, бѣдняжка!..»

Что я сказалъ что у князя Ивана Ивановича есть дача — это потому, что я не нашелъ лучшаго предлога рассказать про свое родство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ и про то, что я нынче у него обѣдалъ; но для чего я рассказалъ про рѣшетку стоившую триста-восемьдесятъ тысячъ, и про то, что я такъ часто бывалъ у него, тогда какъ я ни разу не былъ и не могу быть у князя Ивана Ивановича, жившаго только въ Москвѣ или Неполѣ, что очень хорошо знали Нехлюдовы, — для чего я это сказалъ? я рѣшительно не могу дать себѣ отчета. Ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ, ни потомъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, я не замѣчалъ за собой порока лжи; напротивъ, я скорѣе былъ слишкомъ правдивъ и откровененъ; но въ эту первую эпоху юности на меня часто находило странное желаніе, безъ всякой видимой причины лгать самымъ отчаяннымъ образомъ. Я говорю именно «отчаяннымъ образомъ», потому что я лгалъ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ очень легко было поймать меня. Мнѣ кажется, что тщеславное желаніе выказать себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ есть, соединенное съ несбыточною въ жизни надеждой лгать, не бывъ уличеннымъ во лжи, было главной причиной этой странной склонности.

Послѣ чая, такъ какъ дождикъ прошелъ и погода на вечерней зарѣ была тихая и ясная, кня-

гиня предложила идти гулять въ нижній садъ и полюбоваться ея любимымъ мѣстомъ. Слѣдуя своему правилу быть всегда оригинальнымъ и считая, что такіе умные люди, какъ я и княгиня, должны стоять выше банальной учтивости, я отвѣчалъ, что терпѣть не могу гулять безъ всякой цѣли и ежели ужъ люблю гулять, то совершенно одинъ. Я вовсе не сообразилъ, что это было просто грубо; но мнѣ тогда казалось, что такъ же, какъ нѣтъ ничего стыднѣе пошлыхъ комплиментовъ такъ и нѣтъ ничего милѣе и оригинальнѣе нѣкоторой невѣжливо откровенности. Однако, очень довольный своимъ отвѣтомъ, я пошелъ-таки гулять вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ.

Любимое мѣсто княгини было совершенно внизу, въ самой глуши сада, на маленькомъ мостикѣ перекинутомъ черезъ узкое болотце. Видъ былъ очень ограниченный, но очень задумчивый и граціозный. Мы такъ привыкли смѣшивать искусство съ природою, что очень часто тѣ явленія природы, которыя никогда не встрѣчали въ живописи, намъ кажутся неестественными, какъ будто природа ненатуральна, и наоборотъ, тѣ явленія, которыя слишкомъ часто повторялись въ живописи, кажутся намъ избитыми, нѣкоторые же виды, слишкомъ проникнутые одной мыслью и чувствомъ, встрѣчающіеся намъ въ дѣйствительности, кажутся вычурными. Видъ съ любимаго мѣста княгини былъ въ такомъ родѣ. Его составляли небольшой заросшій съ краевъ прудикъ; сейчасъ же за нимъ крутая гора вверхъ, поросшая огромными старыми деревьями и кустами, часто перемѣшивающими свою разнообразную зелень и перекинутая надъ прудомъ у начала горы старая береза, которая, держась частью своихъ толстыхъ корней въ влажномъ берегу пруда, макушкой оперлась на высокую, стройную осину и повѣсила кудрявыя вѣтви надъ гладкой поверхностью пруда, отражавшаго въ себѣ эти висіящія вѣтки и окружающую зелень.

— Что за прелесть! сказала княгиня, покачивая головой и не обращая ни къ кому въ особенности.

— Да, чудесно, но только, мнѣ кажется, ужасно похоже на декорацію, сказалъ я, желая доказать, что я во всемъ имѣю свое собственное мнѣніе.

Какъ будто не слыхавъ моего замѣчанія, княгиня продолжала любоваться видомъ, и обращаясь къ сестрѣ и Любови Сергѣевнѣ, указывала на частности: на кривой висѣвшій сукъ, и на его отраженіе, которое ей особенно нравились. Софья Ивановна говорила, что все это прекрасно, и что сестра ея по нѣсколькимъ часамъ проводить здѣсь, но видно было, что все это она говорила только для удовольствія княгини. Я замѣчалъ, что люди одаренные способностью любви, рѣдко бываютъ воспримчивы къ красотамъ природы, Любовь Сергѣевна восхищалась тоже, спрашивала между прочимъ: «чѣмъ эта береза держится? долго ли она простоятъ?» и безпрестанно поглядывала на свою Сюжетку, которая махая пушистымъ хвостомъ, вздвѣ и впередъ бѣгала на своихъ кривыхъ ножкахъ по

мостику, съ такимъ хлопотливымъ выраженіемъ, какъ будто ей въ первый разъ въ жизни довелось быть не въ комнатѣ. Дмитрій завелъ съ матерью очень логическое разсужденіе о томъ, что никакъ не можетъ быть прекрасенъ видъ, въ которомъ горизонтъ ограниченъ. Варинька ничего не говорила. Когда я оглянулся на нее, она опершись на перила мостика, стояла ко мнѣ въ профиль и смотрѣла впередъ. Что-то, вѣрно, сильно занимало ее и даже трогало, потому что она видимо забылась, и мысли не имѣла о себѣ и о томъ, что на нее смотреть. Въ выраженіи ея большихъ глазъ было столько пристального вниманія и спокойной ясной мысли; въ позѣ ея столько непринужденности, и несмотря на ея небольшой ростъ, даже величавости, что снова меня поразило какъ будто воспоминаніе о ней, и снова я спросилъ себя «не начинается ли?» И снова я отвѣтилъ себѣ, что я уже влюбленъ въ Соничку, а что Варинька просто барышня, сестра моего друга. Но она мнѣ понравилась въ эту минуту, и вслѣдствіе этого я почувствовалъ неопредѣленное желаніе сдѣлать или сказать ей какую нибудь небольшую непріятность.

— Знаешь что, Дмитрій, сказалъ я моему другу, подходя ближе къ Варинькѣ, такъ чтобы она могла слышать то, что я буду говорить: — я нахожу, что ежели бы не было комаровъ, и то ничего хорошаго нѣтъ въ этомъ мѣстѣ, а ужъ теперь, прибавилъ я, щелкнувъ себя по лбу, и дѣйствительно раздавивъ комара, — это совсѣмъ плохо.

— Вы, кажется, не любите природы? сказала мнѣ Варинька, не поворачивая головы.

— Я нахожу, что это праздное, бесполезное занятіе, отвѣчалъ я очень довольный тѣмъ, что я сказалъ-таки ей маленькую непріятность и притомъ оригинальную. Варинька чуть-чуть подняла на мгновеніе брови съ выраженіемъ сожалѣнія и точно также спокойно продолжала смотрѣть прямо.

Мнѣ стало досадно на нее, но несмотря на это, сѣренкія съ полинявшей краской перильца мостика, на которыя она оперлась, отраженіе въ темномъ прудѣ опустившагося сука перекинутой березы, которое казалось хотѣло соединиться съ висящими вѣтками, болотный запахъ, чувство на лбу раздавленнаго комара, и ея внимательный взглядъ и величавая поза, часто потомъ совершенно неожиданно являлись вдругъ въ моемъ воображеніи.

ГЛАВА XXVII.

ДМИТРІЙ.

Когда послѣ прогулки мы вернулись домой, Варинька не хотѣла пѣть, какъ она обыкновенно дѣлала по вечерамъ, и я былъ такъ самонадѣянъ, что принялъ это на свой счетъ, воображая, что причиной тому было то, что я ей сказалъ на мостикѣ. Нехлюдовы не ужинали и расходились рано а въ этотъ день, такъ какъ у Дмитрія, по пред-

сказанію Софьи Ивановны, точно разболѣлись зубы, мы ушли въ его комнату еще раньше обыкновеннаго. Полагая, что я исполнилъ все, что требовали отъ меня мой синій воротникъ и поговицы, и что всѣмъ очень понравился, я находился въ весьма пріятномъ самодовольномъ расположеніи духа; Дмитрій же, напротивъ, вслѣдствіе спора и зубной боли, былъ молчаливъ и мраченъ. Онъ сѣлъ къ столу, досталъ свои тетради — дневникъ и тетрадь, въ которой онъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ записывать свои будущія и прошедшія занятія, и безпрестанно морщась и дотрогиваясь рукой до щеки, довольно долго писалъ въ нихъ.

— Ахъ оставьте меня въ покоѣ, закричалъ онъ на горничную, которая отъ Софьи Ивановны пришла спросить его: — какъ его зубы? и не хочетъ ли онъ сдѣлать себѣ припарку? — Вслѣдъ за тѣмъ, сказавъ, что постель мнѣ сейчасъ постелать и что онъ сейчасъ вернется, онъ пошелъ къ Любови Сергѣевнѣ.

«Какъ жалко, что Варинька не хорошенькая и вообще не Соничка», мечталъ я, оставшись одинъ въ комнатѣ; — «какъ бы хорошо было, выйдя изъ университета пріѣхать къ нимъ и предложить ей руку. Я бы сказалъ: княжна, я уже не молодъ — не могу любить страстно, но буду постоянно любить васъ, какъ милую сестру. Васъ я уже уважаю, я сказалъ бы матери, а васъ, Софья Ивановна повѣрьте, что очень цѣню. Такъ скажите просто и прямо: — хотите ли вы быть моей женой? — Да» — И она подастъ мнѣ руку, я пожму ее и скажу: «любовь моя не на словахъ, а на дѣлѣ». — Ну а что, пришло мнѣ въ голову, ежели бы вдругъ Дмитрій влюбился въ Любочку, — вѣдь Любочка влюблена въ него, — и захотѣлъ бы жениться на ней? Тогда комунибудь изъ насъ вѣдь нельзя бы было жениться. И это было бы отлично. Тогда быя вотъ что сдѣлалъ. Я бы сейчасъ замѣтилъ это, ничего бы не сказалъ, пришелъ бы къ Дмитрію и сказалъ бы: «напрасно, мой другъ, мы стали бы скрываться другъ отъ друга: ты знаешь, что моя любовь къ твоей сестрѣ кончится только съ моей жизнью; но я все знаю, ты лишилъ меня лучшей надежды, ты сдѣлалъ меня несчастнымъ; но знаешь какъ Николай Иртеневъ отплачиваетъ за несчастіе всей своей жизни? — Вотъ тебѣ моя сестра», — и подаль бы ему руку Любочки. Онъ бы сказалъ: «нѣтъ, ни за что!.. а я сказалъ бы: «князь Нехлюдовъ! напрасно вы хотите быть великодушнѣе Николая Иртенева. Нѣтъ въ мірѣ человѣка великодушнѣе его». Поклонился бы и вышелъ. — Дмитрій и Любочка въ слезахъ выбѣжали бы за мною и умоляли бы, чтобы я принялъ ихъ жертву. — И я бы могъ согласиться и могъ бы быть очень счастливъ, ежели бы только я былъ влюбленъ въ Вариньку...» Мечты эти были такъ пріятны, что мнѣ очень хотѣлось сообщить ихъ моему другу, но не смотря на нашъ обѣтъ взаимной откровенности, я чувствовалъ почему то, что нѣтъ физической возможности сказать этого.

Дмитрій вернулся отъ Любови Сергѣевны съ каплями на зубу, которыя она дала ему, еще болѣе страдающій и, вслѣдствіе этого, еще болѣе мрачный. Постель мнѣ была еще не постлана, и мальчикъ, слуга Дмитрія, пришелъ спросить его, гдѣ я буду спать.

— Убирайся къ чорту! крикнулъ Дмитрій, топнувъ ногой. — Васька! Васька! Васька! закричалъ онъ, только что мальчикъ вышелъ, съ каждымъ разомъ возвышая голосъ: — Васька! стели мнѣ на полу.

— Нѣтъ, лучше я лягу на полу, сказалъ я.

— Ну, все равно, стели гдѣнибудь, тѣмъ же сердитымъ тономъ продолжалъ Дмитрій. — Васька! чтожь ты не стелешь?

Но Васька видимо не понималъ, чего отъ него требовали, и стоялъ не двигаясь.

— Ну, чтожь ты? стели, стели! Васька! Васька! закричалъ Дмитрій, входя вдругъ въ какое-то бѣшенство.

Но Васька все еще, не понимая и оробѣвъ, не шевелился.

— Такъ ты поклялся меня погуб... взбѣсить?

И Дмитрій, вскочивъ со стула и подбѣжавъ къ мальчику, изъ всѣхъ силъ нѣсколько разъ ударилъ по головѣ кулакомъ Ваську, который стремглавъ убѣжалъ изъ комнаты. Остановившись у двери, Дмитрій оглянулся на меня и выраженіе бѣшенства и жестокости, которое за секунду было на его лицѣ, замѣнилось такимъ кроткимъ, пристыженнымъ и любящимъ дѣтскимъ выраженіемъ, что мнѣ стало жалко его и какъ ни хотѣлось отвернуться, я не рѣшился этого сдѣлать. Онъ ничего не сказалъ мнѣ, но долго молча ходилъ по комнатѣ, изрѣдка поглядывая на меня, съ тѣмъ же просящимъ прощенія выраженіемъ, потомъ досталъ изъ стола тетрадь, записалъ что-то въ нее, снялъ сюртукъ, тщательно сложилъ его, подошелъ къ углу, гдѣ висѣлъ образъ, сложилъ на груди свои большія бѣлыя руки и сталъ молиться. Онъ молился такъ долго, что Васька успѣлъ привести тюфякъ и постлатъ на полу, что я ему объяснилъ шопотомъ. Я раздѣлся и легъ на постланную на полу постель, а Дмитрій еще все продолжалъ молиться. Глядя на немного сутуловатую спину Дмитрія и его подошвы, которыя какъ-то покорно выставлялись передо мной, когда онъ клалъ земные поклоны, я еще сильнѣе любилъ Дмитрія, чѣмъ прежде, и думалъ все о томъ: «сказать или не сказать ему то, что я мечталъ объ нашихъ сестрахъ?» Окончивъ молитву, Дмитрій легъ ко мнѣ на постель и, облокотясь на руку, долго, молча, ласковымъ и пристыженнымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня. Ему видимо было тяжело это, но онъ какъ будто наказывалъ себя. Я улыбнулся, глядя на него. Онъ улыбнулся тоже.

— А отчего жъ ты мнѣ не скажешь, сказалъ онъ: — что я гадко поступилъ? вѣдь ты объ этомъ сейчасъ думалъ?

— Да, отвѣчалъ я, хотя и думалъ о другомъ.

но мнѣ показалось, что дѣйствительно я объ этомъ думалъ: — да, это очень нехорошо, я даже и не ожидалъ отъ тебя этого, сказалъ я, чувствуя въ эту минуту особенное удовольствіе въ томъ, что я говорилъ ему *ты*. Ну, что зубы твои? прибавилъ я.

— Прощи. Ахъ, Николинъка, мой другъ! заговорилъ Дмитрій такъ ласково, что слезы, казалось, стояли въ его блестящихъ глазахъ: — я знаю и чувствую, какъ я дурень, и Богъ видитъ, какъ я желаю и прошу Его, чтобъ Онъ сдѣлалъ меня лучше; но что жъ мнѣ дѣлать, ежели у меня такой несчастный, отвратительный характеръ? что же мнѣ дѣлать? Я стараюсь удерживаться, исправляться, но вѣдь это невозможно вдругъ и невозможно одному. Надо, чтобы кто нибудь поддерживалъ, помогалъ мнѣ. Вотъ Любовь Сергѣевна, она понимаетъ меня и много помогла мнѣ въ этомъ. Я знаю по своимъ запискамъ, что я впродолженіе года ужъ много исправился. Ахъ, Николинъка, душа моя! продолжалъ онъ съ особенной непривычной нѣжностью и ужъ болѣе спокойнымъ тономъ послѣ этого признанія: — какъ это много значить, влияние такой женщины, какъ она! Боже мой, какъ можетъ быть хорошо, когда я буду самостоятеленъ, съ такимъ другомъ, какъ она! Я съ ней совершенно другой человѣкъ.

И вслѣдъ за этимъ Дмитрій началъ развивать мнѣ свои планы женитьбы, деревенской жизни и постоянной работы надъ самимъ собою.

— Я буду жить въ деревнѣ, ты пріѣдешь ко мнѣ, можетъ быть и ты будешь женатъ на Соничкѣ, говорилъ онъ: — дѣти наши будутъ играть. Вѣдь все это кажется смѣшно и глупо, а можетъ вѣдь случиться.

— Еще бы! и очень можетъ, сказалъ я улыбаясь и думая въ это время о томъ, что было бы еще лучше, ежели бы я женился на его сестрѣ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу? сказалъ онъ мнѣ, помолчавъ немного: — вѣдь ты только воображаешь, что ты влюбленъ въ Соничку, а какъ я вижу — это пустяки, и ты еще не знаешь, что такое настоящее чувство.

Я не возражалъ, потому что почти соглашался съ нимъ. Мы помолчали немного.

— Ты замѣтилъ, вѣрно, что я нынче опять былъ въ гадкомъ духѣ и не хорошо спорилъ съ Варей. Мнѣ потомъ ужасно непріятно было, особенно потому, что это было при тебѣ. Хотя она о многомъ думаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, но она славная дѣвочка, очень хорошая, вотъ ты ее покороче узнаешь.

Его переходъ въ разговоръ отъ того, что я не влюбленъ, къ похваламъ своей сестрѣ, чрезвычайно обрадовалъ меня и заставилъ покраснѣть, но я все таки ничего не сказалъ ему о его сестрѣ и мы продолжали говорить о другомъ.

Такъ мы проболтали до вторыхъ пѣтуховъ и блѣдная заря уже глядѣла въ окно, когда Дмитрій перешелъ на свою постель и потушилъ свѣчку.

— Ну, теперь спать, сказалъ онъ.

— Да, отвѣчалъ я: — только одно слово.

— Ну.

— Отлично жить на свѣтѣ? сказалъ я.

— Отлично жить на свѣтѣ, отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, что я въ темнотѣ, казалось, видѣлъ выраженіе его веселыхъ, ласкающихся глазъ и дѣтской улыбки.

ГЛАВА XXVIII.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

На другой день, мы съ Володей на почтовыхъ уѣхали въ деревню. Дорогой перебирая въ головѣ разныя московскія воспоминанія, я вспомнилъ про Соничку Валахину, но и то вечеромъ, когда мы уже отъѣхали пять станцій. «Однако, странно — подумалъ я — что я влюбленъ, и вовсе забылъ объ этомъ; надо думать объ ней.» И я сталъ думать объ ней такъ, какъ думается дорогой, несвязно, но живо, и додумался до того, что пріѣхавъ въ деревню, два дня почему-то считалъ необходимымъ казаться грустнымъ и задумчивымъ передъ всѣми домашними, и особенно передъ Катенькой, которую считалъ большимъ знатокомъ въ дѣлахъ этого рода и которой я намекнулъ кое-что о состояніи, въ которомъ находилось мое сердце. Но, несмотря на все стараніе притворства передъ другими и самимъ собой, не смотря на умышленное усвоеніе всѣхъ признаковъ, которые я замѣчалъ въ другихъ, въ влюбленномъ состояніи, я только впродолженіе двухъ дней, и то непостоянно, а преимущественно по вечерамъ, вспоминалъ, что я влюбленъ, и наконецъ какъ скоро вошелъ въ новую колею деревенской жизни и занятій, совсѣмъ забылъ о своей любви къ Соничкѣ.

Мы пріѣхали въ Петровское ночью и я спалъ такъ крѣпко, что не видалъ ни дома, ни березовой аллеи и никого изъ домашнихъ, которые уже всѣ разошлись и давно спали. Сгорбленный старикъ Фока, босикомъ, въ какой-то женинной ваточной кофточкѣ, съ свѣчей въ рукахъ, отложилъ намъ крючокъ двери. Увидавъ насъ, онъ затрясся отъ радости, расдаловалъ насъ въ плечи, торопливо убралъ свой войлокъ и сталъ одѣваться. Сѣни и лѣстницу я прошелъ еще не проснувшись хорошенъко, но въ передней замѣлъ двери, задвижка, косая половица, ларь, старый подсвѣчникъ, закапанный саломъ по старому, тѣни отъ кривой, холодной, только что зажженной свѣтильни сальной свѣчи, всегда пыльное, не выставлявшееся двойное окно, за которымъ, какъ я помнилъ, росла рябина, — все это такъ было знакомо, такъ полно воспоминаніями, такъ дружно между собой, какъ будто соединено одной мыслью, что я вдругъ почувствовалъ на себѣ ласку этого милаго, стараго дома. Мнѣ невольно представился вопросъ: какъ могли мы, я и домъ, быть такъ долго другъ безъ друга?—

и торопясь куда-то, я побѣжалъ смотрѣть, все тѣ же ли другія комнаты? Все было то же, только все сдѣлалось меньше, ниже, а я какъ будто сдѣлался выше, тяжелѣе и грубѣе; но и такимъ, какимъ я былъ, домъ радостно принималъ меня въ свои объятія и каждой половицей, каждымъ окномъ, каждой ступенькой лѣстницы, каждымъ звукомъ, пробуждалъ во мнѣ тѣмъ образомъ, чувствъ, событій невозвратимаго счастливаго прошедшаго. Мы пришли въ нашу дѣтскую спальню: всѣ дѣтскіе ужасы снова тѣ же таились во мракѣ угловъ и дверей; прошли гостинную — та же тихая, нѣжная материнская любовь была разлита по всѣмъ предметамъ, стоявшимъ въ комнатахъ; прошли залу — шумливое, безпечное, дѣтское веселье казалось, остановилось въ этой комнатѣ и ждало только того, чтобы снова оживили его. Въ диванной, куда насъ провелъ Фока и гдѣ онъ постлалъ намъ постели, казалось, все — зеркало, ширмы, старый деревянный образъ, каждая неровность стѣны, оклеенной бѣлой бумагой, все говорило про страданія, про смерть, про то, чего уже больше никогда не будетъ.

Мы улеглись и Фока, пожелавъ спокойной ночи, оставилъ насъ.

— А вѣдь въ этой комнатѣ умерла маман? сказалъ Володя.

Я не отвѣчалъ ему и притворился спящимъ. Если бы я сказалъ что нибудь, я бы заплакалъ. Когда я проснулся на другой день утромъ, папа еще не одѣтый, въ торжковскихъ сапожкахъ и халатѣ, съ сигарой въ зубахъ, сидѣлъ на постели у Володи и разговаривалъ и смѣялся съ нимъ. Онъ, съ веселымъ подергиваньемъ, вскочилъ отъ Володи, подошелъ ко мнѣ, и шлепнувъ меня своей большой рукой по спинѣ, подставилъ мнѣ щеку и прижалъ ее къ моимъ губамъ.

— Ну, отлично, спасибо, дипломатъ, говорилъ онъ съ своей особенной шутиливой лаской, взглядываясь въ меня своими маленькими блестящими глазками. — Володя говоритъ, что хорошо выдержалъ, молодцомъ, — ну и славно. Ты коли хочешь не дурить, ты у меня тоже славный малый. Спасибо, дружокъ. Теперь мы тутъ заживемъ славно, а зимой, можетъ, въ Петербургъ переѣдемъ; только жалко, охота кончилась, а то бы я васъ потѣшилъ; ну, съ ружьемъ можешь охотиться, Вольдемаръ? дичи пропасть, я, пожалуй, самъ пойду съ тобой когда нибудь. Ну, а зимой, Богъ дастъ, въ Петербургъ переѣдемъ, увидите людей, связи сдѣлаете; вы теперь у меня ребята большіе, вотъ я сейчасъ Вольдемару говорилъ, вы теперь стойте на дорогѣ и мое дѣло кончено, можете идти сами, а со мной коли хотите совѣтоваться, совѣтуйтесь, а теперь вашъ не дядька, а другъ, по крайней мѣрѣ, хочу быть другомъ и товарищемъ и совѣтникомъ, гдѣ могу, и больше ничего. Какъ это по твоей философіи выходитъ, Коко? А? хорошо или дурно! а?

Я разумѣлся сказалъ, что отлично, и дѣйствительно находилъ это таковымъ. Папа въ этотъ день

имѣлъ какое-то особенно-привлекательное, веселое, счастливое выраженіе, и эти новыя отношенія со мной, какъ съ равнымъ, какъ съ товарищемъ, еще болѣе заставляли меня любить его.

— Ну, рассказывай же мнѣ, былъ ты у всѣхъ родныхъ? у Ивиныхъ? видѣлъ старика? что онъ тебѣ сказалъ? продолжалъ онъ спрашивать меня. — Былъ у князя Ивана Ивановича?

И мы такъ долго разговаривали не одѣваясь, что солнце уже начинало уходить изъ оконъ диванной и Яковъ, (который все точно также былъ старъ, все также вертѣлъ пальцами за спиной, и говорилъ *опять-таки*) пришелъ въ нашу комнату и доложилъ папѣ, что колясочка готова.

— Куда ты ѣдешь? спросилъ я папа.

— Ахъ, я и забылъ было, сказалъ папа съ *до-садливимъ* подергиваньемъ и покашливаньемъ: — я къ Епифановымъ общалъ ѣхать нынче. Помнишь Епифанову, la belle Flamande? — еще ѣзжала къ вашей маман. Они славные люди. — И папа, какъ мнѣ показалось застѣнчиво подергивая плечомъ, вышелъ изъ комнаты.

Любочка во время нашей болтовни уже нѣсколько разъ подходила къ двери и все спрашивала: — «можно ли войти къ вамъ?» но всякій разъ папа кричалъ ей черезъ дверь, что «никакъ нельзя, потому что мы не одѣты».

— Что за бѣда! вѣдь я видала тебя въ халатѣ?

— Нельзя тебѣ видѣть братьевъ безъ *невъязимыхъ*, кричалъ онъ ей: — а вотъ каждый изъ нихъ постучитъ тебѣ въ дверь, довольно съ тебя? Постучите. А даже и говорить съ тобой въ такомъ неглиже имъ неприлично.

— Ахъ, какіе вы несносные! Такъ приходите по крайней мѣрѣ скорѣй въ гостинную, Мими такъ хочетъ васъ видѣть, кричала изъ-за двери Любочка.

Какъ только папа ушелъ, я живо одѣлся въ студенческій сюртукъ, и пришелъ въ гостинную; Володя же напротивъ не торопился и долго проспидѣлъ наверху, разговаривая съ Яковомъ о томъ, гдѣ водятся дупеля и бекасы. Онъ, какъ я уже говорилъ, ничего въ мірѣ такъ не боялся, какъ нѣжностей съ братцемъ, папашей или сестрицей, какъ онъ выражался, и избѣгая всякаго выраженія чувства, впадалъ въ другую крайность — холодности, часто больно оскорблявшую людей не понимавшихъ причинъ ея. Въ передней я столкнулся съ папа, который мелкими, скорыми шажками шелъ садиться въ экипажъ. Онъ былъ въ своемъ новомъ модномъ московскомъ сюртукѣ, и отъ него пахло духами. Увидавъ меня, онъ весело кивнулъ мнѣ головой, какъ будто говоря: «видишь, славно?» и снова меня поразило то счастливое выраженіе его глазъ, которое я еще утромъ замѣтилъ.

Гостинная была все та же свѣтлая, высокая комната съ желтенькимъ англійскимъ роялемъ и съ большими открытыми окнами, въ которыхъ весело смотрѣли зеленныя деревья и желтыя красноватыя дорожки сада. Разцаловавшись съ Мими и Любоч-

кой и подходя къ Катенькѣ, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что уже неприлично цаловаться съ ней, и я молча и краснѣя остановился. Катенька, не сконфузившись нисколько, протянула мнѣ свою бѣлую ручку и поздравила съ вступленіемъ въ университетъ. Когда Володя пришелъ въ гостиную, съ нимъ, при свиданіи съ Катенькой, случилось тоже самое. Дѣйствительно, трудно было рѣшить послѣ того, какъ мы вмѣстѣ выросли и въ продолженіе всего этого времени видѣлись каждый день, какъ теперь послѣ первой разлуки, намъ должно было встрѣчаться. Катенька гораздо больше по-краснѣла, чѣмъ мы всѣ; Володя нисколько не смутился, и слегка поклонившись ей, отошелъ къ Любочкѣ, съ которой тоже поговоривъ немного и то не серьезно, пошелъ одинъ гулять куда-то.

ГЛАВА XXIX.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ НАМИ И ДѢВЧОНКАМИ.

Володя имѣлъ такой странный взглядъ на дѣвочекъ, что его могло занимать: сыты ли онѣ, выпались ли, прилично ли одѣты, не дѣлаютъ ли ошибокъ по-французски, за которыя бы ему было стыдно передъ посторонними,—но онъ не допускалъ мысли, чтобы онѣ могли думать или чувствовать что нибудь человѣческое и еще меньше допускалъ возможность разсуждать съ ними о чемъ нибудь. Когда имъ случалось обращаться къ нему съ какимъ нибудь серьезнымъ вопросомъ (чего онѣ, впрочемъ, уже старались избѣгать), если онѣ спрашивали его мнѣнія про какой нибудь романъ, или про его занятія въ университетѣ, онъ дѣлалъ имъ гримасу и молча уходилъ, или отвѣчалъ какой нибудь исковерканной французской фразой: *комъ си три жолл* и т. п., или сдѣлавъ серьезное, умышленно глупое лицо, говорилъ какое нибудь слово, неимѣющее никакого смысла и отношенія съ вопросомъ, произносилъ вдругъ сдѣлавъ мутные глаза, слова: *булку*, или *пояхали*, или *капусту* или что нибудь въ этомъ родѣ. Когда случалось, что я повторялъ ему слова, сказанныя мнѣ Любочкой или Катенькой, онъ всегда говорилъ мнѣ:

— Гм! Такъ ты еще разсуждаешь съ ними? Нѣтъ, ты, я вижу, еще плохъ.

И надо было слышать и видѣть его въ это время, чтобы оцѣнить, то глубокое, неизмѣнное презрѣніе, которое выражалось въ этой фразѣ. Володя уже два года былъ большой, влюблялся безпрестанно во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которыхъ встрѣчалъ; но, несмотря на то, что каждый день видѣлся съ Катенькой, которая тоже уже два года какъ носила длинное платье и съ каждымъ днемъ хорошѣла, ему и въ голову не приходила мысль о возможности влюбиться въ нее. Происходило ли это отъ того, что прозаическія воспоминанія дѣтства—линейка, простыня, капризничанье, были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, или

отъ отвращенія, которое имѣютъ очень молодые люди ко всему домашнему, или отъ общей людской слабости, встрѣчая на первомъ пути хорошее и прекрасное, обходить его, говоря себѣ: «Э! еще такого я много встрѣчу въ жизни»,—но только Володя еще до сихъ поръ не смотрѣлъ на Катеньку, какъ на женщину.

Володя все это лѣто видимо очень скучалъ; скука его происходила отъ презрѣнія къ намъ, которое, какъ я говорилъ, онъ и не старался скрывать. Постоянное выраженіе его лица говорило: «фу! скука какая; и поговорить не съ кѣмъ!» Бывало, съ утра, онъ или уйдетъ съ ружьемъ на охоту, или въ своей комнатѣ не одѣваясь до обѣда читаетъ книгу. Если папа не было дома, онъ даже къ обѣду приходилъ съ книгой, продолжая читать ее, и не разговаривая ни съ кѣмъ изъ насъ, отчего мы всѣ чувствовали себя передъ нимъ какъ будто виноватыми. Вечеромъ тоже онъ ложился съ ногами на диванъ въ гостиной, спалъ облокотившись на руку, или вралъ, съ серьезнѣйшимъ лицомъ, страшную бессмыслицу, иногда и не совсѣмъ приличную, отъ которой Мими злилась и краснѣла пятнами, а мы помирали со смѣху; но никогда ни съ кѣмъ изъ нашего семейства, кромѣ съ папа и изрѣдка со мною, онъ не удостоивалъ говорить серьезно. Я совершенно невольно, во взглядѣ на дѣвочекъ, подражалъ брату, не смотря на то, что не боялся нѣжностей такъ, какъ онъ и презрѣніе мое къ дѣвочкамъ еще далеко не было такъ твердо и глубоко. Я даже въ это лѣто пробовалъ нѣсколько разъ отъ скуки сблизиться и бесѣдовать съ Любочкой и Катенькой, но всякій разъ встрѣчалъ въ нихъ такое отсутствіе способности логическаго мышленія и такое незнаніе самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ вещей, какъ напримѣръ, что такое деньги, чему учатся въ университетѣ, что такое война и т. п., и такое равнодушіе къ объясненію всѣхъ этихъ вещей, что эти попытки только больше подтверждали мое о нихъ невыгодное мнѣніе.

Помню, разъ вечеромъ Любочка въ сотый разъ твердила на фортепьяно какой-то невыносимо надоевшій пассажъ, Володя лежалъ въ гостиной дремля на диванѣ, и изрѣдка съ нѣкоторой злобной ироніей, не обращаясь ни къ кому въ особенности, бормоталъ: «ай да валяетъ... музыкантша... *Витховенъ!*... (это имя онъ произносилъ съ особенной ироніей), лихо... ну еще разъ... вотъ такъ» и т. п.—Катенька и я оставались за чайнымъ столомъ, и не помню, какъ Катенька навела разговоръ, о своемъ любимомъ предметѣ — любви. Я былъ въ расположеніи духа пофилософствовать и началъ съ высока опредѣлять любовь желаніемъ приобрести въ другомъ то, чего самъ не имѣешь и т. д. Но Катенька отвѣчала мнѣ, что напротивъ, это уже не любовь, коли дѣвушка думаетъ выдти за мужъ за богача, и что по ея мнѣнію состояніе самая пустая вещь, а что истинная любовь только та, которая можетъ выдержать разлуку (это я понималъ, она намекала на свою любовь къ Дубкову). Воло-

дя, который вѣрно слышалъ нашъ разговоръ, вдругъ приподнялся на локтѣ и вопросительно вскричалъ: Катенька! Русскій?

— Вѣчно вздоръ! сказала Катенька.

— Въ перешнину? продолжалъ Володя, ударяя на каждую гласную. И я не могъ не подумать, что Володя былъ совершенно правъ.

Отдѣльно отъ общихъ, болѣе или менѣе развитыхъ въ лицахъ способностей ума, чувствительности, художническаго чувства, существуетъ частная, болѣе или менѣе развитая въ различныхъ кружкахъ общества и особенно въ семействахъ способность, которую я назову *пониманіемъ*. Сущность этой способности состоитъ въ условленномъ чувствѣ мѣры, и въ условленномъ одностороннемъ взглядѣ на предметы. Два человѣка одного кружка или одного семейства, имѣющіе эту способность всегда до одной и той же точки допускаютъ выраженіе чувства, далѣе которой они оба вмѣстѣ уже видятъ фразу; въ одну и ту же минуту они видятъ, гдѣ кончается похвала и начинается пропія, гдѣ кончается увлеченіе и начинается притворство, — что для людей съ другимъ понятіемъ можетъ казаться совершенно иначе. Для людей съ однимъ пониманіемъ, каждый предметъ одинаково для обоихъ бросается въ глаза преимущественно своей смѣшной, или красивой, или грязной стороной. Для облегченія этого одинаковаго пониманія, между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой языкъ, свои обороты рѣчи, даже — слова опредѣляющія тѣ отбѣнки понятій, которые для другихъ не существуютъ. Въ нашемъ семействѣ, между папа и нами братьями, пониманіе это было развито въ высшей степени. Дубковъ тоже какъ-то хорошо пришелся къ нашему кружку и *понималъ*, но Дмитрій не смотря на то, что былъ гораздо умнѣе его, былъ тупъ на это. Но ни съ кѣмъ, какъ съ Володей, съ которымъ мы развивались въ одинаковыхъ условіяхъ, не довели мы этой способности до такой тонкости. Уже и папа давно отсталъ отъ насъ, и многое, что для насъ было также ясно, какъ дважды два, было ему непонятно. Напримѣръ у насъ съ Володей установились Богъ знаетъ какъ, слѣдующія слова съ соотвѣствующими понятіями: *изюмъ* означало тщеславное желаніе показать, что у меня есть деньги, *шишка* (при чемъ надо было соединить пальцы и сдѣлать особенное удареніе на оба ш) означало что-то свѣжее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное употребленное во множественномъ числѣ означало несправедливое пристрастіе къ этому предмету и т. д., и т. д. Но впрочемъ значеніе зависѣло больше отъ выраженія лица, отъ общаго разговора, такъ что, какое бы новое выраженіе для новаго отбѣнка ни придумалъ одинъ изъ насъ, другой по одному намеку уже понималъ его точно также. Дѣвочки не имѣли нашего пониманія и это было главною причиною нашего моральнаго разъединенія и презрѣнія, которое мы къ нимъ чувствовали.

Можетъ быть, у нихъ было свое *пониманіе*, но оно до того не сходилось съ нашимъ, что тамъ гдѣ мы уже видѣли фразу, онѣ видѣли чувство, наша иронія была для нихъ правдой и т. д. Но тогда я не понималъ того, что онѣ не виноваты въ этомъ отношеніи, и что это отсутствіе пониманія не мѣшаетъ имъ быть и хорошенькими и умными дѣвочками, а я презиралъ ихъ. При томъ, разъ напавъ на мысль объ откровенности, доведя приложеніе этой мысли до крайности въ себѣ, я обвинялъ въ скрытности и притворствѣ спокойную, довѣрчивую натуру Любочки, не видѣвшей ни какой необходимости въ выкапываніи и разсматриваніи всѣхъ своихъ мыслей и душевныхъ влеченій. Напримѣръ, то что Любочка каждый день на ночь крестила папа, то что она и Катенька плакали въ часовнѣ, когда ѣздили служить панихиду по матушкѣ, то что Катенька вздыхала и закатывала глаза, играя на фортепьянахъ, все это мнѣ казалось чрезвычайнымъ притворствомъ и я спрашивалъ себя: когда онѣ выучились такъ притворяться, какъ большія и какъ это имъ не совѣстно?

ГЛАВА XXX.

МОИ ЗАНЯТІЯ.

Не смотря на это, я въ нынѣшнее лѣто больше, чѣмъ въ другіе года сблизился съ нашими барышнями по случаю явившейся во мнѣ страсти къ музыкѣ. Весной къ намъ въ деревню пріѣзжалъ рекомендоваться одинъ сосѣдъ, молодой человѣкъ, который, какъ только вошелъ въ гостинную, все смотрѣлъ на фортепьяно и незамѣтно подвигалъ къ нему стулъ, разговаривая, между прочимъ, съ Мими и Катенькой. Поговоривъ о погодѣ и пріятностяхъ деревенской жизни, онъ искусно навелъ разговоръ на настройщика, на музыку, на фортепьяно и наконецъ объявилъ, что онъ играетъ, и очень скоро сыгралъ три вальса, при чемъ Любочка, Мими и Катенька стояли около фортепьяна и смотрѣли на него. Молодой человѣкъ этотъ послѣ ни разу не былъ у насъ, но мнѣ очень нравилась его игра, поза за фортепьянами, встряхиванье волосами и особенно манера брать октавы лѣвой рукой, быстро расправляя мизинецъ и большой палецъ на ширину октавы и потомъ медленно сводя ихъ и снова быстро расправляя. Этотъ граціозный жестъ, небрежная поза, встряхиванье волосами и вниманіе, которое оказали наши дамы его таланту, дали мнѣ мысль играть на фортепьяно. Вслѣдствіе этой мысли убѣдившись, что я имѣю талантъ и страсть къ музыкѣ, я принялся учиться. Въ этомъ отношеніи я дѣйствовалъ такъ же, какъ миллионы мужескаго и особенно женскаго пола учащихся безъ хорошаго учителя, безъ истиннаго призванія и безъ малѣйшаго понятія о томъ, что можетъ дать искусство и какъ нужно приняться за него, чтобы оно дало что нибудь. Для меня музыка, или,

скорѣе, игра на фортепьяно, была средством прельщать дѣвицъ своими чувствами. Съ помощью Катеньки, выучившись нотамъ и выломавъ немного свои толстые пальцы, на что я, впрочемъ, употребилъ мѣсяца два такого усердія, что даже за обѣдомъ на колѣнѣхъ и въ постелѣ на подушкѣ я работалъ непокорнымъ безъимяннымъ пальцемъ, я тотчасъ же принялся играть *пьесы*, и игралъ ихъ, разумѣется, съ душой, *авес ате*, въ чемъ соглашалась и Катенька но совершенно безъ такта.

Выборъ пьесъ былъ извѣстный—вальсы, галопы, романсы, аранжировки и т. п.,—все тѣхъ милыхъ композиторовъ, которыхъ всякій человѣкъ съ немного здравымъ вкусомъ отберетъ вамъ въ нотномъ магазинѣ небольшую кипу изъ кучи прекрасныхъ вещей, и скажетъ: «вотъ чего не надо играть, потому что хуже, безвкуснѣе и бессмысленнѣе этого никогда ничего не было писано на нотной бумагѣ»,—и которыхъ, должно быть именно по этому, вы найдете на фортепьянахъ у каждой русской барышни. Правда, у насъ были и несчастныя, на вѣки изуродованныя барышнями «Sonate Pathétique» и Cis mol-ная соната Бетховена, которая въ воспоминаніе тамап играла Любочка, и еще другія хорошія вещи, которыя ей задалъ ея московскій учитель, но были и сочиненія этого учителя, недѣлѣйшіе марши и галопы, которыя тоже играла Любочка. Мы же съ Катенькой не любили серьезныхъ вещей, а предпочитали всему «Le Fou» и «Соловья», котораго Катенька играла такъ, что пальцевъ не было видно, и я уже начиналъ играть довольно громко и слитно. Я усвоилъ себѣ жестъ молодаго человѣка и часто жалѣлъ о томъ, что некому изъ постороннихъ посмотреть, какъ я играю. Но скоро Листъ и Калькбренеръ показались мнѣ не по силамъ, и я увидѣлъ невозможность догнать Катеньку. Вслѣдствіе этого, вообразивъ себѣ, что классическая музыка легче, и отчасти для оригинальности, я рѣшилъ вдругъ, что я люблю ученую нѣмецкую музыку, сталъ приходить въ восторгъ, когда Любочка играла «Sonate Pathétique», не смотря на то, что по правдѣ сказать, эта соната давно уже опротивѣла мнѣ до крайности, самъ сталъ играть Бетховена и выговаривать *Бееетховенъ*. Сквозь всю эту путаницу и притворство, какъ я теперь вспоминаю, во мнѣ, однако, было что-то въ родѣ таланта, потому что часто музыка дѣлала на меня до слезъ сильное впечатлѣніе и тѣ вещи, которыя мнѣ нравились, я кое-какъ умѣлъ самъ безъ нотъ отыскивать на фортепьяно; такъ что, ежели бы тогда кто нибудь научилъ меня смотрѣть на музыку, какъ на цѣль, какъ на самостоятельное наслажденіе, а не на средство прельщать дѣвицъ быстротой и чувствительностью своей игры, можетъ быть, я бы сдѣлался, дѣйствительно, порядочнымъ музыкантомъ.

Чтеніе французскихъ романовъ, которыхъ много привезъ съ собой Володя, было другимъ моимъ занятіемъ въ это лѣто. Въ то время только начинали появляться Монтекристы и разныя «Тайны,»

и я зачитывался романами Сю, Дюма и Поль-де-Кока. Всѣ самыя неестественныя лица и событія были для меня такъ же живы, какъ дѣйствительность, я не только не смѣлъ заподозрить автора во лжи, но самъ авторъ не существовалъ для меня, а сами собой являлись передо мной, изъ печатной книги, живые дѣйствительные люди и событія. Ежели я нигдѣ не встрѣчалъ лицъ, похожихъ на тѣ, про которыхъ я читалъ, то я ни секунды не сомнѣвался въ томъ, что они *будутъ*.

Я находилъ въ себѣ всѣ описываемыя страсти и сходство со всѣми характерами, и съ героями и съ злодѣями каждаго романа, какъ мнительный человѣкъ находить въ себѣ признаки всѣхъ возможныхъ болѣзней, читая медицинскую книгу. Правились мнѣ въ этихъ романахъ и хитрыя мысли, и пылкія чувства, и волшебныя событія, и цѣльные характеры: — добрый, такъ ужъ совсѣмъ добрый; злой, такъ ужъ совсѣмъ злой—именно такъ, какъ я воображалъ себѣ людей въ первой молодости; правилось очень, очень много и то, что все это было по-французски, и что тѣ благородныя слова, которыя говорили благородные герои, я могъ запомнить, упомянуть при случаѣ въ благородномъ дѣлѣ. Сколько я съ помощью романовъ придумалъ различныхъ французскихъ фразъ для Колпикова, ежели бы я когда нибудь съ нимъ встрѣтился и для *нея*, когда я ее наконецъ встрѣчу и буду открываться ей въ любви! Я приготовилъ имъ сказать *такое*, что они погибли бы, услышавъ меня. На основаніи романовъ, у меня даже составились новыя идеалы нравственныхъ достоинствъ, которыхъ я желалъ достигнуть. Прежде всего я желалъ быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ «noble» (я говорю noble, а не благородный, потому что французское слово имѣетъ другое значеніе, что поняли нѣмцы, принявъ слово nobel и не смѣшивая съ нимъ понятія ehrlich), потомъ быть *страстнымъ* и наконецъ, къ чему у меня и прежде была склонность, быть какъ можно болѣе *comme il faut*. Я даже наружностью и привычками старался быть похожимъ на героевъ имѣвшихъ какое нибудь изъ этихъ достоинствъ. Помню, что въ одномъ изъ прочитанныхъ мною въ это лѣто сотни романовъ, былъ одинъ чрезвычайно страстный герой съ густыми бровями, и мнѣ такъ захотѣлось быть похожимъ на него наружностью (морально я чувствовалъ себя точно такимъ, какъ онъ), что я, разсматривая свои брови передъ зеркаломъ, вздумалъ простричь ихъ слегка, чтобъ онѣ выросли гуще, но разъ, начавъ стричь, случилось такъ, что я выстригъ въ одномъ мѣстѣ больше, — надо было подравнивать, и кончилось тѣмъ, что я къ ужасу своему увидѣлъ себя въ зеркало безбровымъ и, вслѣдствіе этого, очень некрасивымъ. Однако, надѣясь, что скоро у меня вырастутъ густыя брови, какъ у страднаго человѣка, я утѣшился, и только беспокоился о томъ, что сказать всѣмъ нашимъ, когда они увидятъ меня безбровымъ. Я досталъ пороху у Володи, натеръ имъ брови и поджогъ. Хотя порохъ не

вспыхнулъ, я былъ достаточно похожъ на опаленнаго, никто не узналъ моей хитрости и, дѣйствительно, у меня, когда я уже забылъ про страстнаго человѣка, выросли брови гораздо гуще.

ГЛАВА XXXI.

СОММЕ ИЛ ФАУТ.

Уже нѣсколько разъ въ продолженіе этого разсказа я намекалъ на понятіе соотвѣтствующее этому французскому заглавію, и теперь чувствую необходимость посвятить цѣлую главу этому понятію, которое въ моей жизни было однимъ изъ самыхъ пагубныхъ, ложныхъ понятій, привитыхъ мнѣ воспитаніемъ и обществомъ.

Родъ человѣческій можно раздѣлять на множество отдѣловъ — на богатыхъ и бѣдныхъ, на добрыхъ и злыхъ, на военныхъ и статскихъ, на умныхъ и глупыхъ, и т. д., и т. д.; но у каждого человѣка есть непремѣнно свое любимое главное подраздѣленіе, подъ которое онъ безсознательно подводитъ каждое новое лицо. Мое любимое и главное подраздѣленіе людей, въ то время, о которомъ я пишу, было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*. Второй родъ подраздѣлялся еще, на людей собственно не *comme il faut* и простой народъ. Людей *comme il faut* я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равныя отношенія; вторыхъ — притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности, третьи для меня не существовали — я ихъ презиралъ совершенно. Мое *comme il faut* состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ дурно выговаривавшій по-французски тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить какъ мы, когда не умѣешь?» съ ядовитой насмѣшкой спрашивалъ я его мысленно. Второе условіе *comme il faut* были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки. Кромѣ того у меня были общіе признаки, по которымъ я не говоря съ человѣкомъ, рѣшалъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ. Главнымъ изъ этихъ признаковъ, кромѣ убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги. Отношеніе сапогъ къ панталонамъ тотчасъ рѣшало въ моихъ глазахъ положеніе человѣка. Сапоги безъ каблука съ угловатымъ носкомъ, и концы панталонъ узкіе безъ штрипокъ — это былъ *простой*; сапогъ съ узкимъ круглымъ носкомъ и каблукомъ и панталоны узкіе внизу со штрипками, облегающіе ногу, или широкія со штрипками, какъ балдахинъ стоящіе надъ носкомъ — это былъ человѣкъ *mauvais genre*, и т. п.

Странно то, что ко мнѣ, который имѣлъ положительную неспособность къ *somme il faut*, до такой степени привилось это понятіе. А можетъ быть, пменно, оно такъ сильно вросло въ меня отъ того, что мнѣ стоило огромнаго труда, чтобы пріобрѣсти это *somme il faut*. Страшно вспомнить, сколько безцѣннаго, лучшаго въ жизни шестнадцатилѣтняго времени я потратилъ на пріобрѣтеніе этого качества. Всѣмъ, кому я подражалъ, — Володѣ, Дубкову, и большей части моихъ знакомыхъ, все это, казалось, доставалось легко. Я съ завистью смотрѣлъ на нихъ, и въ-тихомолку, работалъ надъ французскимъ языкомъ, надъ наукой кланяться, не глядя на того, кому кланяешься, надъ разговоромъ, танцованьемъ, надъ выработываньемъ въ себѣ ко всему равнодушія и скуки, надъ ногтями, на которыхъ я рѣзалъ себѣ мясо ножницами, — и все-таки чувствовалъ, что мнѣ еще много оставалось труда для достиженія цѣли. А комнату, письменный столъ, экипажъ, все это я никакъ не умѣлъ устроить такъ, чтобы было *comme il faut*, хотя усиливался, несмотря на отвращеніе къ практическимъ дѣламъ, заниматься этимъ. У другихъ же, безъ всякаго, казалось, труда, все шло отлично, какъ будто не могло быть иначе. Помню разъ, послѣ усиленнаго и тщетнаго труда надъ ногтями, я спросилъ у Дубкова, у котораго ногти были удивительно хороши, давно ли они у него такіе, и какъ онъ это сдѣлалъ? Дубковъ мнѣ отвѣчалъ: — «съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, никогда ничего не дѣлалъ, чтобы они были такіе, и не понимаю, какъ могутъ быть другіе ногти у порядочнаго человѣка.» Этотъ отвѣтъ сильно огорчилъ меня. Я тогда еще не зналъ, что однимъ изъ главныхъ условій *comme il faut* была скрытность въ отношеніи тѣхъ трудовъ, которыми достигается *somme il faut*. *Comme il faut* было для меня не только важной заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, если бы онъ не былъ *comme il faut*. Человѣкъ *comme il faut* стоялъ выше и внѣ сравненія съ ними; онъ предоставлялъ имъ писать картины, ноты, книги, дѣлать добро — онъ даже хвалилъ ихъ за это, отъ чего же не похвалить хорошаго, въ комъ бы оно ни было, — но онъ не могъ становиться съ ними подъ одинъ уровень, онъ былъ *comme il faut*, а они нѣтъ — и довольно. Мнѣ кажется даже, что ежели бы у насъ былъ братъ, мать или отецъ, которые бы не были *comme il faut*, я бы сказалъ, что это несчастіе, но что ужъ тутъ между мной и ими не можетъ быть ничего общаго. Но ни потеря золотаго времени, употребленнаго на постоянную заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій *comme il faut*, исключавшихъ всякое серьезное увлеченіе, ни ненависть и презрѣніе къ девяти-десятымъ рода человѣческаго,

ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка сомме il faut, все это еще было не главное зло, которое мнѣ причинило это понятіе. Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что сомме il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ сомме il faut; что, достигнувъ этого положенія, онъ ужъ исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше большей части людей.

Въ извѣстную пору молодости, послѣ многихъ ошибокъ и увлеченій, каждый человѣкъ обыкновенно становится въ необходимость дѣятельнаго участія въ общественной жизни, избираетъ какую нибудь отрасль труда и посвящаетъ себя ей; но съ человѣкомъ сомме il faut это рѣдко случается. Я зналъ и знаю очень, очень много людей старыхъ, гордыхъ, самоувѣренныхъ, рѣзкихъ въ сужденіяхъ, которые на вопросъ, если такой задается имъ на томъ свѣтѣ: «кто ты такой? И что ты тамъ дѣлалъ?» не будутъ въ состояніи отвѣтить иначе какъ: je fus un homme très comme il faut.»

Эта участь ожидала меня.

ГЛАВА XXXII.

ЮНОСТЬ.

Несмотря на происходившую у меня въ головѣ путаницу понятій, я въ это лѣто былъ юнъ, невиненъ, свободенъ и по этому почти счастливъ.

Иногда, и довольно часто, я вставалъ рано. (Я спалъ на открытомъ воздухѣ, на террасѣ, и яркіе косые лучи утренняго солнца будили меня). Я живо одѣвался, бралъ подъ мышку полотенце и книгу французскаго романа, и шелъ купаться въ рѣкѣ въ тѣни березника, который былъ въ полверстѣ отъ дома. Тамъ я ложился въ тѣни на травѣ и читалъ, изрѣдка отрывая глаза отъ книги, чтобы взглянуть на лиловатую въ тѣни поверхность рѣки, начинающую колыхаться отъ утренняго вѣтра, на поле желтѣющей ржи, на томъ берегу, на свѣтло-красный утренній свѣтъ лучей, ниже и ниже окрашивающій бѣлые стволы березъ, которыя причесъ одна за другую, уходили отъ меня въ даль чистаго лѣса, и наслаждался сознаніемъ въ себѣ точно такой же свѣжей молодой силы жизни, какой вездѣ кругомъ меня дышала природа. Когда на небѣ были утреннія сѣрыя тучки и я озябалъ послѣ купанья, я часто безъ дороги отправлялся ходить по полямъ и лѣсамъ, съ наслажденіемъ, сквозь сапоги, промачивая ноги по свѣжей росѣ. Въ это время я живо мечталъ о герояхъ послѣдняго прочитаннаго романа и воображалъ себя то полководцемъ, то министромъ, то силачемъ необыкновеннымъ, то страстнымъ человѣкомъ, и съ нѣкоторымъ трепетомъ оглядывался безпрестанно кругомъ, въ надеждѣ вдругъ встрѣтить гдѣ

нибудь ее на полянкѣ или за деревомъ. Когда, въ такихъ прогулкахъ, я встрѣчалъ крестьянъ и крестьянокъ на работахъ, несмотря на то, что *простой народъ* не существовалъ для меня, я всегда испытывалъ безсознательное, сильное смущеніе и старался, чтобы они меня не видѣли. Когда уже становилось жарко, но дамы наши еще не выходили къ чаю, я часто ходилъ въ огородъ или садъ, ѣсть всѣ тѣ овощи и фрукты, которые поспѣвали. И это занятіе доставляло мнѣ одно изъ главныхъ удовольствій. Заберешься бывало въ яблочный садъ, въ самую середину высокой, заросшей, густой малины. Надъ головой яркое горячее небо, кругомъ блѣдно-зеленая, колючая зелень кустовъ малины, перемѣшанныхъ съ сорною заростью. Темнозеленая крапива, съ тонкой цвѣтущей макушкой, стройно тянется вверхъ, разлапистый репейникъ съ неестественно лиловыми колючими цвѣтками грубо растетъ выше малины и выше головы, и кое-гдѣ вмѣстѣ съ крапивою достаетъ даже до развѣсистыхъ, блѣдно-зеленыхъ вѣтвей старыхъ яблонь, на которыхъ на верху, въ упоръ жаркому солнцу, зрѣютъ глянцовитыя, какъ косточки, круглыя, еще сырыя яблоки. Внизу молодой кустъ малины, почти сухой, безъ листьевъ, искривившись тянется къ солнцу, зеленая игловатая трава и молодой лопухъ, пробившись сквозь прошлогодній листъ, увлажненные росой, сочно зеленѣютъ въ вѣчной тѣни, какъ будто и не знаютъ о томъ, какъ на листьяхъ яблони ярко играетъ солнце.

Въ чащѣ этой всегда сыро, пахнетъ густой постоянной тѣнью, паутиной, падалью-яблокомъ, которое чернѣя уже валяется на прѣлой землѣ, малиной, иногда и лѣснымъ клопомъ, котораго проглотишь нечаянно съ ягодой и поскорѣе заѣшь другою. Подвигаясь впередъ, спугиваешь воробьевъ, которые всегда живутъ въ этой глуши, слышишь ихъ торопливое чириканье и удары о вѣтки ихъ маленькихъ, быстрыхъ крыльевъ, слышишь жужжаніе на одномъ мѣстѣ жировой пчелы и гдѣ нибудь по дорожкѣ, шаги садовника, дурачка Акима и его вѣчное мурлыканье себѣ подъ носъ. Думаешь себѣ: нѣтъ! ни ему, ни кому на свѣтѣ не найти меня тутъ... обѣими руками, на право и на лѣво, снимаешь съ бѣлыхъ коническихъ стебельковъ сочныя ягоды и съ наслажденіемъ глотаешь одну за другою. Ноги, даже выше колѣнъ, насквозь мокры, въ головѣ какой нибудь ужаснѣйшій вздоръ (твердишь тысячу разъ сряду мысленно и-и-и по-о-о-о двад-ца-а-ать и-и-и-по-семь), руки и ноги сквозь промоченные панталоны обожжены крапивою, голову уже начинаютъ печь прорывающіеся въ чащу прямые лучи солнца, ѣсть уже давно не хочется, а все сидишь въ чащѣ, поглядываешь, послушиваешь, подумываешь и машинально обрываешь и глотаешь лучшія ягоды.

Часу въ одиннадцатомъ я обыкновенно приходилъ въ гостинную, большей частью послѣ чаю, когда уже дамы сидѣли за занятіями. Около перваго окна, съ опущенной на солнцѣ небѣленой

холстинной сторой, сквозь скважины которой яркое солнце кладетъ на все, что ни попадется, такіе блестящіе огненные кружки, что глазамъ больно смотрѣть на нихъ, стоятъ пальцы, по бѣлому полотну которыхъ тихо гуляютъ мухи. За пальцами сидятъ Мими, безпрестанно сердито встряхивая головой и передвигаясь съ мѣста на мѣсто отъ солнца, которое вдругъ прорвавшись гдѣ нибудь, проложить ей то тамъ, то сямъ на лицѣ или на рукѣ огненную полосу. Сквозь другія три окна, съ тѣнями рамъ, лежатъ цѣльные, яркіе четырехугольники, на некрашенномъ полу гостиной, на одномъ изъ нихъ, по старой привычкѣ, лежитъ Милка и настороживъ уши, вглядывается въ ходящихъ мухъ по свѣтлому четырехугольнику. Катенька вяжетъ или читаетъ, сидя на диванѣ, и нетерпѣливо отмахивается своими бѣленькими, кажущимися прозрачными въ яркомъ свѣтѣ, руками, или сморщившись, трясетъ головкой, чтобъ выгнать забившуюся въ золотистые густые волосы, бьющуюся тамъ муху. Любочка или ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ за спину руки, дожидаясь того, чтобъ пошли въ садъ, или играетъ на фортепьяно какую нибудь пьесу, которой я давно знаю каждую нотку. Я сажусь гдѣ нибудь, слушаю эту музыку или чтеніе, и дожидаясь того, чтобы мнѣ можно было самому сѣсть за фортепьяно. Послѣ обѣда я иногда удостоивалъ дѣвочекъ ѣздить верхомъ съ ними (ходить гулять пѣшкомъ я считалъ несообразнымъ съ моими годами и положеніемъ въ свѣтѣ). И наши прогулки, въ которыхъ я провожу ихъ по необыкновеннымъ мѣстамъ и оврагамъ, бывають очень пріятны. Съ нами случаются иногда приключенія, въ которыхъ я себя показываю молодцомъ, и дамы хвалятъ мою ѣзду и смѣлость, и считаютъ меня своимъ покровителемъ. Вечеромъ, ежели гостей никого нѣтъ, послѣ чаю, который мы пьемъ въ тѣнистой галлерей и послѣ прогулки съ папа по хозяйству, я ложусь на старое свое мѣсто, въ вольтеровское кресло, и слушаю катенькину или любочкину музыку, читаю и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаю по старому. Иногда, оставшись одинъ въ гостиной, когда Любочка играетъ какую нибудь старинную музыку, я невольно оставляю книгу, и вглядываясь въ растворенную дверь балкона въ кудрявыя висячія вѣтви высокихъ березъ, на которыхъ уже заходитъ вечерняя тѣнь, и въ чистое небо, на которомъ, какъ смотришь пристально, вдругъ показывается какъ будто пыльное, желтоватое пятнышко и снова исчезаетъ, и вслушиваясь въ звуки музыки изъ залы, слыша ворота, бабьихъ голосовъ и возвращающагося стада на деревнѣ, я вдругъ живо вспоминаю и Наталью Савишну, и тамап, и Карла Ивановича, и мнѣ на минуту становится грустно. Но душа моя такъ полна въ это время жизнью и надеждами, что воспоминаніе это только крыломъ касается меня и летитъ дальше.

Послѣ ужина и иногда ночной прогулки съ кѣмъ нибудь по саду — одинъ я боялся ходить по тем-

нымъ аллеямъ — я уходилъ одинъ спать на полу на галлерей, что несмотря на миллионы ночныхъ комаровъ пожиравшихъ меня, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Въ полнолуніе я часто цѣлыя ночи на пролетъ проводилъ сидя на своемъ тюфякѣ, вглядываясь въ свѣтъ и тѣни, вслушиваясь въ тишину и звуки, мечтая о различныхъ предметахъ, преимущественно о поэтическомъ, сладострастномъ счастьи, которое мнѣ тогда казалось высшимъ счастьемъ въ жизни, и тоскуя о томъ, что мнѣ до сихъ поръ дано было только воображать его. Бывало, только что всѣ разойдутся и огни въ гостиной перейдутъ въ верхнія комнаты, гдѣ слышны становятся женскіе голоса и стукъ отворяющихся и затворяющихся оконъ, я отправляюсь на галлерей и расхаживаю по ней, жадно прислушиваясь ко всѣмъ звукамъ засыпающаго дома. До тѣхъ поръ, пока есть маленькая, безпричинная надежда, хотя на неполное такое счастье, о которомъ я мечтаю, я еще не могу спокойно строить для себя воображаемое счастье.

При каждомъ звукѣ босыхъ шаговъ, кашлѣ, вздохѣ, толчкѣ окошка, шорохѣ платья, я вскакиваю съ постели, воровски прислушиваюсь, приглядываюсь и безъ видимой причины прихожу въ волненіе. Но вотъ огни исчезаютъ въ верхнихъ окнахъ, звуки шаговъ и говора замѣняются храпѣніемъ, караульщикъ по ночному начинаетъ стучать въ доску, садъ сталъ и мрачнѣе и свѣтлѣе, какъ скоро исчезли на немъ полосы краснаго свѣта изъ оконъ, послѣдній огонь изъ буфета переходитъ въ переднюю, прокладывая полосу свѣта по росистому саду, и мнѣ видна черезъ окно сгорбленная фигура Фоки, который въ кофточкѣ, со свѣчей въ рукахъ, идетъ къ своей постелѣ. Часто я находилъ большое, волнующее наслажденіе, крадучись по мокрой травѣ въ черной тѣни дома, подходить къ окну передней и не переводя дыханія слушать храпѣніе мальчика, побряхтыванье Фоки, полагавшаго, что никто его не слышитъ и звукъ его старческаго голоса, долго, долго читавшаго молитвы. Наконецъ тушилась его послѣдняя свѣчка, окно захлопывалось, я оставался совершенно одинъ и робко оглядываясь по сторонамъ, не видно ли гдѣ нибудь, подлѣ клумбы или подлѣ моей постели, бѣлой женщины, — рысью бѣжалъ на галлерей. И вотъ тогда-то я ложился на свою постель, лицомъ къ саду и закрывшись сколько возможно было отъ комаровъ и летучихъ мышей, смотрѣлъ въ садъ, слушалъ звуки ночи и мечталъ о любви и счастьи.

Тогда все получало для меня другой смыслъ: и видъ старыхъ березъ блестящихъ съ одной стороны на лунномъ небѣ своими кудрявыми вѣтвями, съ другой — мрачно застилавшихъ кусты и дорогу своими черными тѣнями, и спокойный, пышный, равномѣрно какъ звукъ возраставшій, блестя пруда, и лунный блескъ капель росы на цвѣтахъ передъ галлереей, тоже кладущихъ поперекъ сѣрой рабати свои граціозныя тѣни, и звукъ перепела за прудомъ, и голосъ человѣка съ большой дороги,

и тихій, чуть слышный скрипъ двухъ старыхъ березъ другъ о друга, и жужжаніе комара надъ ухомъ подъ одѣломъ, и паденіе зацѣпившагося за вѣтку яблока на сухіе листья, и прыжки лягушекъ, которыя иногда добирались до ступеней террасы и какъ-то таинственно блестя на мѣсяцѣ своими зеленоватыми спинками,—все это получало для меня странный смыслъ—смыслъ слишкомъ большой красоты и какого-то недоконченного счастья. И вотъ, являлась она съ длинной черной косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, съ обнаженными руками, съ сладострастными объятіями. Она любила меня, я жертвовалъ для одной минуты ея любви всей жизнью. Но луна все выше, выше, свѣтлѣе и свѣтлѣе стояла на небѣ, пышный блескъ пруда, равномерно усиливающийся какъ звукъ, становился яснѣе и яснѣе, тѣни становились чернѣе и чернѣе, свѣтъ позрачнѣе и прозрачнѣе, и вглядываясь и вслушиваясь во все это, что-то говорило мнѣ, что и она съ обнаженными руками и пылкими объятіями, еще далеко, далеко не все счастье, что и любовь къ ней далеко, далеко еще не все благо; и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благаго, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза.

И все я былъ одинъ, и все мнѣ казалось, что таинственно величавая природа, притягивающій къ себѣ свѣтлый кругъ мѣсяца, остановившійся за чѣмъ-то на одномъ высокомъ неопредѣленномъ мѣстѣ блѣдно-голубаго неба и вмѣстѣ стоящій вездѣ и какъ будто наполняющій собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червякъ, уже оскверненный всѣми мелкими, бѣдными людскими страстями, но со всей необъятной могучей силой воображенія и любви,—мнѣ все казалось въ эти минуты, что какъ будто природа, и луна, и я, мы были одно и тоже.

ГЛАВА XXXIII.

сосѣди.

Меня очень удивило въ первый день нашего приѣзда то, что папа назвалъ нашихъ сосѣдей Епифановыхъ славными людьми, и еще больше удивило то, что онъ ѣздилъ къ нимъ. У насъ съ Епифановыми съ давнихъ поръ была тяжба за какую-то землю. Будучи ребенкомъ, не разъ я слышалъ, какъ папа сердился за эту тяжбу, бранилъ Епифановыхъ, призывалъ различныхъ людей, чтобы, по моимъ понятіямъ, защититься отъ нихъ, слышалъ, какъ Яковъ называлъ ихъ нашими непріятелями и *черными людьми*, и помню, какъ тамап просила, чтобы въ ея домѣ и при ней, даже не упоминали про этихъ людей.

По этимъ даннымъ, я въ дѣтствѣ составилъ себѣ такое твердое и ясное понятіе о томъ, что Епифановы наши *враги*, которые готовы зарѣзать или задушить не только папа, но и сына его, ежели бы онъ имъ попался, и что они въ буквальномъ смыслѣ *черные люди*, что увидѣвъ, въ годъ кончины матушки, Авдотью Васильевну Епифанову, la belle Flamande, ухаживающей за матушкой, я съ трудомъ могъ повѣрить тому, что она была изъ семейства черныхъ людей, все-таки удержалъ объ этомъ семействѣ самое низкое понятіе. Несмотря на то, что въ это лѣто мы часто видѣлись съ ними, я продолжалъ быть странно предубѣжденъ противъ всего этого семейства. Въ сущности же, вотъ кто такіе были Епифановы. Семейство ихъ состояло изъ матери, пятидесятилѣтней вдовы, еще свѣженькой и веселенькой старушки, красавицы дочери Авдотьи Васильевны и сына, зайки, Петра Васильевича, отставнаго холостаго поручика, весьма серьезнаго характера.

Анна Дмитріевна Епифанова лѣтъ двадцать до смерти мужа жила врозь съ нимъ, изрѣдка въ Петербургѣ, гдѣ у нея были родственники, но большею частью въ своей деревнѣ Мытищахъ, которая была въ трехъ верстахъ отъ насъ. Въ окологдѣ рассказывали про ея образъ жизни такіе ужасы, что Мессалина въ сравненіи съ нею была невинное дитя. Вслѣдствіе этого-то матушка и просила, чтобы въ ея домѣ не поминали даже имени Епифановой; но совершенно не проницески говоря, нельзя было вѣрить и десятой долѣ, самыхъ злостныхъ изъ всѣхъ родовъ сплетней—деревенскихъ сосѣдскихъ сплетней. Но въ то время, когда я узналъ Анну Дмитріевну, хотя и былъ у нея въ домѣ изъ крѣпостныхъ конторщикъ Митюша, который всегда напoмаженный, завитой и въ сюртукѣ на черкесскій манеръ, стоялъ во время обѣда за стуломъ Анны Дмитріевны и она часто при немъ по-французски приглашала гостей полюбоваться его прекрасными глазами и ртомъ, ничего и похожаго не было на то, что продолжала говорить молва. Дѣйствительно, кажется ужъ лѣтъ десять тому назадъ, именно съ того времени, какъ Анна Дмитріевна выписала изъ службы къ себѣ своего почтительнаго сына Петрушу, она совершенно перемѣнила свой образъ жизни. Имѣніе Анны Дмитріевны было небольшое, всего съ чѣмъ-то сто душъ, а расходовъ во времена ея веселой жизни было много, такъ что лѣтъ десять тому назадъ, разумѣется заложенное и перезаложенное, имѣніе было просрочено и неминуемо должно было продаться съ аукціона. Въ этихъ-то крайнихъ обстоятельствахъ полагая, что опека, опись имѣнія, приѣздъ суда и тому подобныя непріятности, происходятъ не столько отъ неплатежа процентовъ, сколько отъ того, что она женщина, Анна Дмитріевна писала въ полкъ къ сыну, чтобы онъ приѣхалъ спасти свою мать въ этомъ случаѣ. Несмотря на то, что служба Петра Васильевича шла такъ хорошо, что онъ скоро надѣялся имѣть свой кусокъ хлѣба, онъ все бросилъ,

вышелъ въ отставку и какъ почтительный сынъ, считавшій своею первою обязанностію успокоивать старость матери (что онъ совершенно искренно и писалъ ей въ письмахъ) пріѣхалъ въ деревню.

Петръ Васильевичъ, несмотря на свое некрасивое лицо, неуклюжесть и заиканье, былъ чело-вѣкъ съ чрезвычайно твердыми правилами и необыкновеннымъ практическимъ умомъ. Кое-какъ мелкими займами, оборотами, просьбами и общаніями, онъ удержалъ имѣніе. Сдѣлавшись помѣщикомъ, Петръ Васильевичъ надѣлъ отцовскую бекешу, хранившуюся въ кладовой, уничтожилъ экипажи и лошадей, отучилъ гостей ѣздить въ Мытища, а раскопалъ копани, увеличилъ запашку, уменьшилъ крестьянской земли, срубилъ своими и хозяйственно продалъ рошу и поправилъ дѣла. Петръ Васильевичъ далъ себѣ и сдержалъ слово до тѣхъ поръ, пока не уплатится всѣ долги, не носить другого платья, какъ отцовскую бекешу и парусинное пальто, которое онъ сшилъ себѣ, и не ѣздить иначе, какъ въ телѣжкѣ, на крестьянскихъ лошадяхъ. Этотъ стоическій образъ жизни онъ старался распространить на все семейство, сколько позволяло ему подобострастное уваженіе къ матери, которое онъ считалъ своимъ долгомъ. Въ гостиной онъ заикаясь раболѣпствовалъ передъ матерью, исполнялъ всѣ ея желанія, бранилъ людей, ежели они не дѣлали того, что приказывала Анна Дмитриевна, у себя же въ кабинетѣ и въ конторѣ строго взыскивалъ за то, что взяли къ столу безъ его приказанія утку, или послали къ сосѣдкѣ мужика по приказанію Анны Дмитриевны узнать о здоровьѣ, или крестьянскихъ дѣвокъ, вмѣсто того, чтобы полоть въ огородѣ, послали въ лѣсъ за малиной.

Года черезъ четыре долги всѣ были заплачены и Петръ Васильевичъ, съѣздивъ въ Москву, вернулся оттуда въ новомъ платьѣ и тарантасѣ. Но, несмотря на это цвѣтущее положеніе дѣла, онъ удержалъ тѣ же стоическія наклонности, которыми казалось мрачно гордился передъ своими и посторонними, и часто заикаясь говорилъ, что «кто меня истинно хочетъ видѣть, тотъ радъ будетъ видѣть меня и въ тулупѣ, тотъ будетъ и щи и кашу мою ѣсть. — Я же ѣмъ ее», прибавлялъ онъ. Въ каждомъ словѣ и движеніи его выражалась гордость, основанная на сознаніи того, что онъ пожертвовалъ собой для матери и выкупилъ имѣніе, и презрѣніе къ другимъ за то, что они ничего подобнаго не сдѣлали.

Мать и дочь были совершенно другихъ характеровъ и во многомъ различны между собою. Мать была одна изъ самыхъ пріятныхъ, всегда одинаково добродушно веселыхъ въ обществѣ, женщинъ. Все милое, веселое, истинно радовало ее. Даже—черта встрѣчаемая только у самыхъ добродушныхъ старыхъ людей — способность наслаждаться видомъ веселящейся молодежи, была у нея въ высшей степени. Дочь ея, Авдотья Васильевна, была напротивъ, серьезнаго характера или скорѣе того особеннаго равнодушно разсѣяннаго и безъ всякаго

основанія высокомернаго нрава, котораго обыкновенно бываютъ незамужнія красавицы. Когда же она хотѣла быть веселой, то веселье ея выходило какое-то странное, не то она смѣялась надъ собою, не то надъ тѣмъ съ кѣмъ говорила, не то надъ всѣмъ свѣтомъ, чего она вѣрно не хотѣла. Часто я удивлялся и спрашивалъ себя, что она хотѣла этимъ сказать, когда говорила подобныя фразы: *да, я ужасно какъ хороша собой; какъ же, всѣ въ меня влюблены*, и т. п. Анна Дмитриевна была всегда дѣятельна; имѣла страсть къ устройству домика и сада, къ цвѣтамъ, канарейкамъ, и хорошенькимъ вещицамъ. Ея комнатки и садикъ были небольшіе и небогатые, но все это было устроено такъ аккуратно, чисто и все носило такой общій характеръ той легонькой веселости, которую выражаетъ хорошенькій вальсъ или полька, что слово *игрушечка*, употребляемое часто въ похвалу гостями, чрезвычайно шло къ садику и комнаткамъ Анны Дмитриевны. И сама Анна Дмитриевна была игрушечка — маленькая, худенькая, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ хорошенькими маленькими ручками, всегда веселая, и всегда къ лицу одѣтая. Только немного слишкомъ выпукло обозначавшіяся темно-лиловыя жилки на ея маленькихъ ручкахъ разстроивали этотъ общій характеръ. Авдотья Васильевна, напротивъ, почти никогда ничего не дѣлала, и не только не любила заниматься какими нибудь вещицами или цвѣточками, но даже слишкомъ мало занималась собою и всегда убѣгала одѣваться, когда пріѣзжали гости. Но, одѣтая, возвратившись въ комнату, она бывала необыкновенно хороша, исключая общаго всѣмъ очень красивымъ лицамъ холоднаго и однообразнаго выраженія глазъ и улыбки. Ея строго правильное, прекрасное лицо и ея стройная фигура казалось постоянно говорили вамъ: «извольте, можете смотрѣть на меня».

Но не смотря на живой характеръ матери и равнодушно разсѣянную виѣшность дочери, что-то говорило вамъ, что первая никогда, ни прежде, ни теперь ничего не любила, исключая хорошенькаго и веселенькаго, а что Авдотья Васильевна была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя ежели разъ полюбить, то жертвуютъ уже всею жизнію тому, кого они полюбаютъ.

ГЛАВА XXXIV.

ЖЕНИТЬБА ОТЦА.

Отцу было сорокъ восемь лѣтъ, когда онъ во второй разъ женился на Авдотѣ Васильевнѣ Епифановой.

Пріѣхавъ одинъ весной съ дѣвочками въ деревню, папа, я воображаю, находился въ томъ особенномъ тревожно счастливомъ и общительномъ расположеніи духа, въ которомъ обыкновенно бываютъ игроки, забастовавъ послѣ большаго выш-

грыша. Онъ чувствовалъ, что много еще оставалось у него неизрасходованнаго счастья, которое, ежели онъ не хотѣлъ больше употреблять на карты, онъ могъ употребить вообще на успѣхи въ жизни. При томъ была весна, у него было неожиданно много денегъ, онъ былъ совершенно одинъ и скучалъ. Толкуя съ Яковомъ о дѣлахъ и вспоминая о безконечной тяжбѣ съ Епифановымъ и о красавицѣ Авдотѣ Васильевнѣ, которую онъ давно не видѣлъ, я воображаю, какъ онъ сказалъ Якову: «знаешь, Яковъ Харлампичъ, — чѣмъ намъ возиться съ этой тяжбой, я думаю просто уступить имъ эту проклятую землю, а? какъ ты думаешь?...»

Воображаю, какъ отрицательно завертѣлись за спиной пальцы Якова при такомъ вопросѣ и какъ онъ доказывалъ, что «*опять-таки* дѣло наше правое, Петръ Александровичъ.»

Но папа велѣлъ заложить колясочку, надѣлъ свою модную оливковую бекешу, зачесалъ остатки волосъ, вспрыснулъ платокъ духами и въ самомъ веселомъ расположеніи духа, въ которое приводило его убѣжденіе, что онъ поступаетъ по-барски, а главное, надежда увидеть хорошенькую женщину, поѣхалъ къ сосѣдямъ.

Мнѣ извѣстно только то, что папа въ первый свой визитъ не засталъ Петра Васильевича, который былъ въ полѣ и пробылъ одинъ часа два съ дамами. Я воображаю, какъ онъ разсыпался въ любезностяхъ, какъ обворожалъ ихъ, притопывая своимъ мягкимъ сапогомъ, пришепечывая и дѣлая сладенькіе глазки. Я воображаю тоже, какъ его вдругъ нѣжно полюбила веселенькая старушка и какъ развеселилась ея холодная красавица дочь.

Когда дворовая дѣвка, запыхавшись, прибѣжала доложить Петру Васильевичу, что самъ старый Иртеньевъ пріѣхалъ, я воображаю, какъ онъ сердито отвѣчалъ: — «ну, чтожъ, что пріѣхалъ?» — и какъ вслѣдствіе этого онъ пошелъ домой какъ можно тише, можетъ быть еще, вернувшись въ кабинетъ, нарочно надѣлъ самое грязное пальто и послалъ сказать повару, чтобы отнюдь не смѣлъ, ежели барыни прикажутъ, ничего прибавлять къ обѣду.

Я потомъ часто видалъ папа съ Епифановымъ, поэтому живо представляю себѣ это первое свиданіе. Воображаю, какъ несмотря на то, что папа предложилъ ему мировой окончить тяжбу, Петръ Васильевичъ былъ мраченъ и сердитъ за то, что пожертвовалъ своей карьерой матери, и папа подобнаго ничего не сдѣлалъ, какъ ничто не удивляло его и какъ папа, будто не замѣчая этой мрачности, былъ игривъ, веселъ и обращался съ нимъ, какъ съ удивительнымъ шутникомъ, чѣмъ иногда обижался Петръ Васильевичъ, и чему иногда противъ своего желанія не могъ не поддаваться. Папа съ своею склонностію изъ всего дѣлать шутку называлъ Петра Васильевича почему-то полковникомъ, и несмотря на то, что Епифановъ при мнѣ разъ, хуже чѣмъ обыкновенно заикнувшись и покраснѣвъ отъ досады, замѣтилъ, что онъ не по-

по-по-полковникъ, а по-по-по-поручикъ, папа черезъ пять минутъ назвалъ его опять полковникомъ.

Любочка рассказывала мнѣ, что когда еще насъ не было въ деревнѣ, онъ каждый день видѣлся съ Епифановыми, и было чрезвычайно весело. Папа съ своимъ умѣніемъ устроить все какъ то оригинально, шутливо и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и изящно, затѣивалъ то охоты, то рыбныя ловли, то какіе-то фейерверки, на которыхъ присутствовали Епифановы. И было бы еще веселѣе, ежели бы не этотъ несносный Петръ Васильевичъ, который дулся, заикался и все разстроивалъ, говорила Любочка.

Съ тѣхъ поръ какъ мы пріѣхали, Епифановы только два раза были у насъ и разъ мы всѣ ѣздили къ нимъ. Послѣ же Петрова дня, въ который, на именинахъ папа, были они и пропасть гостей, отношенія наши съ Епифановыми почему-то совершенно прекратились и только папа одинъ продолжалъ ѣздить къ нимъ.

Въ то короткое время, въ которое я видѣлъ папа вмѣстѣ съ Дуничкой, какъ ее звала мать, вотъ что я успѣлъ замѣтить. Папа былъ постоянно въ томъ же счастливомъ расположеніи духа, которое поразило меня въ немъ въ день нашего пріѣзда. Онъ былъ такъ веселъ, молодъ, полонъ жизни и счастливъ, что лучи этого счастья распространялись на всѣхъ окружающихъ и невольно сообщали имъ такое же расположеніе. Онъ ни на шагъ не отходилъ отъ Авдотьи Васильевны, когда она была въ комнатѣ, безпрестанно говорилъ ей такіе сладенькіе комплименты, что мнѣ совѣстно было за него, или молча, глядя на нее, какъ-то страстно и самодовольно подергивалъ плечомъ и покашливалъ, а иногда улыбаясь говорилъ съ ней даже шепотомъ; но все это дѣлалъ съ тѣмъ выраженіемъ, *такъ, шутя*, которое въ самыхъ серьезныхъ вещахъ было ему свойственно.

Авдотья Васильевна, казалось, усвоила себѣ отъ папа выраженіе счастья, которое въ это время блестяло въ ея большихъ, голубыхъ глазахъ почти постоянно, исключая тѣхъ минутъ, когда на нее вдругъ находила такая застѣнчивость, что мнѣ, знавшему это чувство, было жалко и больно смотреть на нее. Въ такія минуты, она видимо боялась каждаго взгляда и движенія, ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее, думаютъ только объ ней и все въ ней находятъ неприличнымъ. Она испуганно оглядывалась на всѣхъ, краска безпрестанно приливала и отливала отъ ея лица и она начинала громко и смѣло говорить, большею частію глупости, чувствуя это, чувствуя, что всѣ, и папа, слышатъ это, и краснѣла еще больше. Но въ такихъ случаяхъ папа и не замѣчалъ глупостей, онъ все также страстно покашливая, съ веселымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее. Я замѣтилъ, что припадки застѣнчивости, хотя и находили на Авдотью Васильевну, безъ всякой причины, иногда слѣдовали тотчасъ же за тѣмъ, какъ при папа упоминали о какой нибудь молодой и красивой женщинѣ. Час-

тые переходы отъ задумчивости къ тому роду ея странной, неловкой веселости, про которую я уже говорилъ, повтореніе любимыхъ словъ и оборотовъ рѣчи папа, продолженіе съ другими, начатыхъ съ папа разговоровъ, все это, еслибъ дѣйствующимъ лицомъ былъ не мой отецъ и я бы былъ постарше, объяснило бы мнѣ отношенія папа и Авдотьи Васильевны, но я ничего не подозрѣвалъ въ то время даже и тогда, когда при мнѣ папа, получивъ какое-то письмо отъ Петра Васильича очень разстроился имъ и до конца августа пересталъ ѣздить къ Епифановымъ.

Въ концѣ августа, папа снова сталъ ѣздить къ сосѣдямъ и за день до нашего (моего и Володи) отъѣзда въ Москву, объявилъ намъ, что онъ женится на Авдотѣ Васильевнѣ Епифановой.

ГЛАВА XXXV.

КАКЪ МЫ ПРИНЯЛИ ЭТО ИЗВѢСТІЕ.

Наканунъ этого оффиціального извѣщенія, всѣ въ домѣ уже знали и различно судили объ этомъ обстоятельстве. Мими не выходила цѣлый день изъ своей комнаты и плакала. Катенька сидѣла съ ней и вышла только къ обѣду, съ какимъ-то оскорбленнымъ выраженіемъ лица, явно заимствованнымъ отъ своей матери; Любочка, напротивъ, была очень весела и говорила за обѣдомъ, что она знаетъ отличный секретъ, который, однако, она никому не расскажетъ.

— Ничего нѣтъ отличнаго въ твоёмъ секретѣ, сказалъ ей Володя, не раздѣляя ея удовольствія: — коли бы ты могла думать о чемънибудь серьезно, ты бы поняла, что это, напротивъ, очень худо.

Любочка съ удивленіемъ, пристально посмотрѣла на него и замолчала.

Послѣ обѣда Володя хотѣлъ меня взять за руку, но испугавшись, должно быть, что это будетъ похоже на нѣжность, только тронулъ меня за локоть и кивнулъ въ залу.

— Ты знаешь, про какой секретъ говорила Любочка? сказалъ онъ мнѣ, убѣдившись, что мы были одни.

Мы рѣдко говорили съ Володей съ глазу на глазъ и о чемънибудь серьезно, такъ что когда это случалось, мы испытывали какую-то взаимную неловкость и въ глазахъ у насъ начинали прыгать мальчишки, какъ говорилъ Володя; но теперь въ отвѣтъ на смущеніе, выразившееся въ моихъ глазахъ, онъ пристально и серьезно продолжалъ глядѣть мнѣ въ глаза, съ выраженіемъ говорившимъ: «тутъ нечего смущаться, все-таки мы братья и должны посовѣтоваться между собой о важномъ семейномъ дѣлѣ.» Я понялъ его и онъ продолжалъ:

— Папа женится на Епифановой, ты знаешь?

Я кивнулъ головой, потому что уже слышалъ про это.

— Вѣдь это очень не хорошо, продолжалъ Володя.

— Отчего же?

— Отчего? отвѣчалъ онъ съ досадой: — очень пріятно имѣть этакого дядюшку-зайку полковника и все это родство. Да и она теперь только кажется добрая и ничего, а кто ее знаетъ, что будетъ. Намъ, положимъ, все равно, но Любочка скоро должна выѣзжать въ свѣтъ. Съ этакой belle-mère не очень пріятно, она даже по-французски плохо говорить, и какія манеры она можетъ ей дать. Пуассардка и больше ничего; положимъ добрая, но все-таки пуассардка, заключаю Володя, видимо очень довольный этимъ наименованіемъ «пуассардки».

Какъ ни странно мнѣ было слышать, что Володя такъ спокойно судить о выборѣ папа, мнѣ казалось, что онъ правъ.

— Изъ чего же папа женится? спросилъ я.

— Это темная исторія, Богъ ихъ знаетъ; я знаю только, что Петръ Васильичъ уговаривалъ его жениться, требовалъ, что папа не хотѣлъ, а потомъ ему пришла фантазія, какое-то рыцарство; — темная исторія. Я теперь только началъ понимать отца, продолжалъ Володя (то, что онъ называлъ его отцемъ, а не папа, больно кольнуло меня): — что онъ прекрасный человѣкъ, добръ и уменъ, но такого легкомыслія и вѣтренности... это удивительно! онъ не можетъ видѣть хладнокровно женщину. Вѣдь ты знаешь, что нѣтъ женщины, которую бы онъ зналъ и въ которую бы не влюбился. Ты знаешь, Мими вѣдь тоже.

— Что ты?

— Я тебѣ говорю, я недавно узналъ, онъ былъ влюбленъ въ Мими, когда она была молода, стихи ей писалъ, и что-то у нихъ было. Мими до сихъ поръ страдаетъ.—И Володя засмѣялся.

— Не можетъ быть! сказалъ я съ удивленіемъ.

— Но главное, продолжалъ Володя снова серьезно, и вдругъ начиная говорить по-французски: — всей роднѣ нашей какъ будетъ пріятна такъ я жениться! И дѣти вѣдь у нея вѣрно будутъ.

Меня такъ поразилъ здравый смыслъ и предвидѣнье Володи, что я не зналъ, что отвѣчать.

Въ это время къ намъ подошла Любочка.

— Такъ вы знаете? спросила она съ радостнымъ лицомъ.

— Да, сказалъ Володя: — только я удивляюсь, Любочка: вѣдь ты уже не въ пеленкахъ дитя, что тебѣ можетъ быть радости, что папа женится на какойнибудь дрянн?

Любочка вдругъ сдѣлала серьезное лицо и задумалась.

— Володя! отчего же дрянн? какъ ты смѣешь такъ говорить про Авдотью Васильевну? коли папа на ней женится, такъ стало быть она не дрянн.

— Да, не дрянн, я такъ сказалъ, но все-таки...

— Нечего «но все-таки» перебила Любочка разгорячившись: — я не говорила, что дрянн эта барышня, въ которую ты влюбленъ; какъ же ты

можешь говорить про папа и про отличную женщину? хоть ты старший братъ, но ты мнѣ не говори, ты не долженъ говорить.

— Да отчего жъ нельзя разсуждать про...

— Нельзя разсуждать, опять перебила Любочка:—нельзя разсуждать про такого отца, какъ нашъ. Мими можетъ разсуждать, а не ты, старший братъ.

— Нѣтъ, ты еще ничего не понимаешь, сказалъ Володя презрительно: — ты пойми. Что, это хорошо, что какая нибудь Епифанова *Дуничка* замѣнитъ тебѣ татапа покойницу?

Любочка замолчала на минутку, и вдругъ слезы выступили у нее на глаза.

— Я знала, что ты гордецъ, но не думала, чтобъ ты былъ такой злой, сказала она, и ушла отъ насъ.

— *Въ булку*, сказалъ Володя, сдѣлавъ серьезно комическое лицо и мутные глаза. Вотъ разсуждай съ ними, продолжалъ онъ, какъ будто упрекая себя въ томъ, что онъ до того забылся, что рѣшилъ снизойти до разговора съ Любочкой.

На другой день погода была дурная, и еще ни папа, ни дамы не выходили къ чаю, когда я пришелъ въ гостинную. Ночью былъ осенній холодный дождикъ, по небу бѣжали остатки вылившейся ночью тучи, сквозь которую не ярко просвѣчивало обозначавшееся свѣтлымъ кругомъ, довольно высоко уже стоявшее солнце. Было вѣтрено, сыро и сиверко. Дверь въ садъ была открыта, на почернѣвшемъ отъ мокроты полу террасы высыхали лужи ночного дождя. Открытая дверь подергивалась отъ вѣтра на желѣзномъ крючкѣ, дорожки были сыры и грязны, старыя березы съ оголенными бѣлыми вѣтвями, кусты и трава, — крапива, смородина, бузина съ вывернутыми блѣдной стороной листьями, бились на одномъ мѣстѣ, и казалось хотѣли оторваться отъ корней; изъ липовой аллеи, вертась и обгоняя другъ друга, летѣли желтые круглые листья, и промокая ложились на мокрую дорогу и на мокрую темнозеленую отаву луга. Мысли мои заняты были будущей женитьбой отца, съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нее Володя. Будущее сестры, насъ и самого отца не представляло мнѣ ничего хорошаго. Меня возмущала мысль, что посторонняя, чужая и, главное *молодая* женщина, не имѣя на то никакого права, вдругъ займетъ мѣсто во многихъ отношеніяхъ — кого же? — простая *молодая* барышня, и займетъ мѣсто покойницы матушки! Мнѣ было грустно, и отецъ казался мнѣ все больше и больше виноватымъ. Въ это время я слышалъ его и Володинъ голоса, говорившіе во официантской. Я не хотѣлъ видѣть отца въ эту минуту и отошелъ отъ двери; но Любочка пришла за мною, и сказала, что папа меня спрашиваетъ.

Онъ стоялъ въ гостинной, опершись рукой о фортепьяно, и нетерпѣливо и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно смотрѣлъ въ мою сторону. На лицѣ его уже не было того выраженія молодости и счастья, которое я замѣчалъ на немъ все это время. Онъ былъ печаленъ. Володя съ трубкой въ рукѣ хо-

дилъ по комнатѣ. Я подошелъ къ отцу и поздоровался съ нимъ.

— Ну, друзья мои, сказалъ онъ рѣшительно, поднимая голову, и тѣмъ особеннымъ быстрымъ тономъ, которымъ говорятъ вещи очевидно неприятныя, но о которыхъ судить уже поздно:—вы знаете, я думаю, что я женюсь на Авдотѣ Васильевнѣ.—Онъ помолчалъ немного. — Я никогда не хотѣлъ жениться послѣ вашей татапа, но... онъ остановился на минуту:—но... по видно судьба. *Дуничка* добрая, — милая дѣвушка и ужъ не очень молода; я надѣюсь, вы ее полюбите, дѣти, а она уже васъ любитъ отъ души, она хорошая. — Теперь вамъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и Володѣ, и какъ будто торопясь говорить, чтобъ мы не успѣли перебить его: — вамъ пора ужъ ѣхать, а я пробуду здѣсь до Новаго года и приѣду въ Москву—опять онъ замаялся—уже съ женою и съ Любочкой.—Мнѣ стало больно видѣть отца, какъ будто робѣющаго и виноватаго передъ нами, я подошелъ къ нему ближе, но Володя, продолжая курить, опутивъ голову, все ходилъ по комнатѣ.

— Такъ-то, друзья мои, вотъ вашъ старикъ что выдумалъ, заключилъ папа, краснѣя, покашливая и подавая мнѣ и Володѣ руки. Слезы у него были на глазахъ, когда онъ сказалъ это, и рука, которую онъ протянулъ Володѣ, бывшему въ это время въ другомъ концѣ комнаты, я замѣтилъ немного дрожала. Видъ этой дрожащей руки больно поразилъ меня, и мнѣ пришла странная мысль, еще болѣе тронувшая меня, мнѣ пришла мысль, что папа служилъ въ 12-томъ году и былъ, извѣстно, храбрымъ офицеромъ. Я задержалъ его большую жилистую руку и поцаловалъ ее. Онъ крѣпко пожалъ мою и вдругъ всхлипнувъ отъ слезъ, взялъ обѣими руками Любочку за ея черную головку и сталъ цаловать ее въ глаза. Володя притворился, что уронилъ трубку и, нагнувшись, потихоньку вытеръ глаза кулакомъ и, стараясь быть незамѣченнымъ, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XXXVI.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Свадьба должна была быть черезъ двѣ недѣли; но лекціи наши начинались, и мы съ Володей въ началѣ сентября поѣхали въ Москву. Нехлюдовы тоже вернулись изъ деревни. Дмитрій (съ которымъ мы, разставаясь, дали слово писать другъ другу и, разумѣется, не писали ни разу) тотчасъ же приѣхалъ ко мнѣ и мы рѣшили, что онъ меня на другой день повезетъ въ первый разъ въ университетъ на лекціи.

Былъ яркій солнечный день.

Какъ только вошелъ я въ аудиторію, я почувствовалъ, какъ личность моя исчезаетъ въ этой толпѣ молодыхъ веселыхъ лицъ, которая, въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, проникавшемъ въ большія окна,

шумно колебалась по всѣмъ дверямъ и корридорамъ. Чувство сознанія себя членомъ этого огромнаго общества было очень пріятно. Но изъ всѣхъ этихъ лицъ не много было мнѣ знакомыхъ, да и съ тѣми знакомство ограничивалось кивкомъ головы и словами: «здравствуйте, Иртеньевъ!» Вокругъ же меня жали другъ другу руки, толкались, слова дружбы, улыбки, пріязни, шуточки сыпались со всѣхъ сторонъ. Я вездѣ чувствовалъ связь, соединяющую все это молодое общество, и съ грустью чувствовалъ, что связь эта какъ-то обошла меня. Но это было только минутное впечатлѣніе. Вслѣдствіе его и досады, порожденной имъ, напротивъ, я даже скоро нашелъ, что очень хорошо, что я не принадлежу ко всему этому обществу, что у меня долженъ быть свой кружокъ, людей порядочныхъ, и усѣлся на третьей лавкѣ, гдѣ сидѣли графъ Б., баронъ З., князь Р., Ивинъ и другіе господа въ томъ же родѣ, изъ которыхъ я былъ знакомъ съ Ивинымъ и графомъ В. Но и эти господа смотрѣли на меня такъ, что я чувствовалъ себя не со всѣмъ принадлежащимъ и къ ихъ обществу. Я сталъ наблюдать все, что происходило вокругъ меня. Семеновъ, съ своими сѣдыми всклокоченными волосами и бѣлыми зубами, въ растегнутомъ сюртукѣ сидѣлъ недалеко отъ меня и, облокотясь, грызъ перо. Гимназистъ, выдержавшій первымъ экзаменъ, сидѣлъ на первой лавкѣ, все съ подвязанной чернымъ галстукомъ щекой и игралъ серебрянымъ ключикомъ часовъ на атласномъ жилетѣ. Иконинъ, который поступилъ-таки въ университетъ, сидя на верхней лавкѣ въ голубыхъ панталонахъ съ кантомъ, закрывавшихъ весь сапогъ, хохоталъ и кричалъ, что онъ на Парнасѣ. Илинъ, который, къ удивленію моему, не только холодно, но даже презрительно мнѣ поклонился, какъ будто желая напомнить о томъ, что здѣсь мы всѣ равны, сидѣлъ передо мной и, поставивъ особенно развязно свои худыя ноги на лавку (какъ мнѣ казалось, на мой счетъ), разговаривалъ съ другимъ студентомъ и изрѣдка взглядывалъ на меня. Подлѣ меня компанія Ивина говорила по-французски. Эти господа казались мнѣ ужасно глупы. Всякое слово, которое я слышалъ изъ ихъ разговора, не только казалось мнѣ бессмысленно, но неправильно, просто, не по-французски (*ce n'est pas français*, говорилъ я себѣ мысленно), а позы, рѣчи и поступки Семенова, Илинъ и другихъ казались мнѣ неблагородны, не порядочны, не «*comme il faut*».

Я не принадлежалъ ни къ какой компаніи и, чувствуя себя одинокимъ и неспособнымъ къ сближенію, злился. Одинъ студентъ на лавкѣ передо мной грызъ ногти, которые были всѣ въ красныхъ заусенцахъ, и это мнѣ показалось до того противно, что я даже пересѣлъ отъ него подальше. Въ душѣ же мнѣ, помню, въ этотъ первый день было очень грустно.

Когда вошелъ профессоръ и всѣ, зашевелились, замолкли, я помню, что я на профессора распространилъ свой сатирическій взглядъ, и меня по-

разило то, что профессоръ началъ лекцію вводной фразой, въ которой, по моему мнѣнію, не было никакого толка. Я хотѣлъ, чтобы лекція, отъ начала до конца, была такая умная, чтобы изъ нея нельзя было выкинуть и нельзя было къ ней прибавить ни одного слова. Разочаровавшись въ этомъ, я сейчасъ же, подъ заглавіемъ «первая лекція», написаннымъ въ красиво переплетенной тетрадкѣ, которую я принесъ съ собою, нарисовалъ восемнадцать профилей, которые соединялись въ кружокъ въ видѣ цвѣтка, и только изрѣдка водилъ рукой по бумагѣ, для того, чтобы профессоръ (который я былъ увѣренъ, очень занимается мною) думалъ, что я записываю. На этой же лекціи рѣшивъ, что записываніе всего, что будетъ говорить всякій профессоръ, не нужно, и даже было бы глупо, я держался этого правила до конца курса.

На слѣдующихъ лекціяхъ я уже не чувствовалъ такъ сильно одиночества, познакомился со многими, жалъ руки, разговаривалъ, но между мной и товарищами настоящаго сближенія все-таки не дѣлалось отчего-то, и еще часто мнѣ случалось въ душѣ грустить и притворяться. Съ компаніей Ивина и аристократовъ, какъ ихъ всѣ называли, я не могъ сойтись, потому что, какъ теперь вспоминаю, я былъ дикъ и грубъ съ ними и кланялся имъ только тогда, когда они мнѣ кланялись, а они очень мало, повидимому, нуждались въ моемъ знакомствѣ. Съ большинствомъ же это происходило отъ совершенно другой причины. Какъ только я чувствовалъ, что товарищъ начиналъ быть ко мнѣ расположенъ, я тотчасъ же давалъ ему понять, что я обѣдаю у князя Ивана Ивановича и что у меня есть дрожки. Все это я говорилъ только для того, чтобы показать себя съ болѣе выгодной стороны и чтобы товарищъ меня полюбилъ еще больше за это, но почти всякій разъ, напротивъ, вслѣдствіе сообщеннаго извѣстія о моемъ родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ и дрожкахъ, къ удивленію моему, товарищъ вдругъ становился со мной гордъ и холоденъ.

Былъ у насъ казеннокоштный студентъ Оперовъ, скромный, очень способный и усердный молодой человекъ, который подавалъ всегда руку, какъ доску, не сгибая пальцевъ и не дѣлая ею никакого движенія, такъ-что шутники-товарищи иногда также подавали ему руку и называли это подавать руку «дощечкой». Я почти всегда садился съ нимъ рядомъ и часто разговаривалъ. Оперовъ особенно понравился мнѣ тѣми свободными мнѣніями, которыя онъ высказывалъ о профессорахъ. Онъ очень ясно и отчетливо опредѣлялъ достоинства и недостатки преподаванія каждаго профессора и даже иногда подтрунивалъ надъ ними, что особенно странно и поразительно дѣйствовало на меня, сказанное его тихимъ голосомъ, выходящимъ изъ его крошечнаго ротика. Несмотря на то, онъ, однако, тщательно записывалъ своимъ мелкимъ почеркомъ, безъ исключенія, всѣ лекціи. Мы начинали уже сходиться съ нимъ, рѣшились готовиться вмѣстѣ,

и его маленькіе сѣрые близорукіе глазки уже начали съ удовольствіемъ обращаться на меня, когда я приходилъ садиться рядомъ съ нимъ на свое мѣсто. Но я нашелъ нужнымъ разъ въ разговорѣ объяснить ему, что моя матушка, умирая, просила отца не отдавать насъ въ казенное заведеніе, и что всѣ казенные воспитанники можетъ и очень учены, но они для меня... *совсѣмъ не то, se ne sont pas des gens comme il faut*, сказалъ я, запинаясь и чувствуя, что я почему-то покраснѣлъ. Оперовъ ничего не сказалъ мнѣ, но на слѣдующихъ лекціяхъ не здоровался со мною первый, не подавалъ своей дощечки, не разговаривалъ, и когда я сѣдился на мѣсто, то онъ бочкомъ пригнувъ голову на палецъ отъ тетрадей, дѣлалъ какъ будто вглядывался въ нихъ. Я удивлялся безпричинному охлажденію Оперова. Но *pour un jeune homme de bonne maison* я считалъ неприличнымъ заискивать въ казеннокоштномъ студентѣ Оперовѣ и оставилъ его въ покоѣ, хотя признаюсь, его охлажденіе мнѣ было грустно. Разъ я пришелъ прежде его и такъ какъ лекція была любимого профессора, на которую сошлись студенты, не имѣвшіе обыкновенія всегда ходить на лекціи мѣста всѣ были заняты, я сѣлъ на мѣсто Оперова, положилъ на пюпитръ свои тетради, а самъ вышелъ. Возвратясь въ аудиторію, я увидѣлъ, что мои тетради переложены на заднюю лавку, а Оперовъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Я замѣтилъ ему, что я тутъ положилъ тетради.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ вдругъ вспыхнувъ и не глядя на меня.

— Я вамъ говорю, что я положилъ тутъ тетради, сказалъ я начиная нарочно горячиться, думая испугать его своей храбростью.—Всѣ видѣли, прибавилъ я, оглядываясь на студентовъ, но хотя многіе съ любопытствомъ смотрѣли на меня, никто не отвѣтилъ.

— Тутъ мѣстъ не откупаютъ, а кто пришелъ прежде, тотъ и садится, сказалъ Оперовъ, сердито поправляясь на своемъ мѣстѣ и на мгновеніе взглянувъ на меня возмущеннымъ взглядомъ.

— Это значитъ, что вы невѣжа, сказалъ я.

Кажется, что Оперовъ пробормоталъ что-то, кажется даже, что онъ пробормоталъ: «а ты глупый мальчишка», но я рѣшительно не слышалъ этого. Да и какая была бы польза, ежели бы я это слышалъ? браниться какъ *manants* какіе нибудь, больше ничего? (Я очень любилъ это слово *manant* и оно мнѣ было отвѣтомъ и разрѣшеніемъ многихъ запутанныхъ отношеній). Можетъ быть я бы сказалъ еще что нибудь, но въ это время хлопнула дверь и профессоръ въ синемъ фракѣ, расшаркиваясь, торопливо прошелъ на кафедру.

Однако передъ экзаменомъ, когда мнѣ понадобились тетради, Оперовъ, помня свое обѣщаніе, предложилъ мнѣ свои и пригласилъ заниматься вмѣстѣ.

ГЛАВА XXXVII.

СЕРДЕЧНЫЯ ДѢЛА.

Сердечныя дѣла занимали меня въ эту зиму довольно много. Я былъ влюбленъ три раза. Разъ я страстно влюбился въ очень полную даму, которая ѣздила при мнѣ въ манежѣ Фрейтага, вслѣдствіе чего, каждый вторникъ и пятницу, — дни въ которые она ѣздила, я приходилъ въ манежъ смотрѣть на нее, — но всякій разъ такъ боялся, что она меня увидитъ и потому такъ далеко всегда становился отъ нея и бѣжалъ такъ скоро съ того мѣста, гдѣ она должна была пройти, и такъ небрежно отворачивался, когда она взглядывала въ мою сторону, что я даже не рассмотрѣлъ хорошенько ея лица и до сихъ поръ не знаю, была ли она точно хороша собой или нѣтъ.

Дубковъ, который былъ знакомъ съ этой дамой, заставъ меня однажды въ манежѣ, гдѣ я стоялъ спрятавшись за лакеями и шубами, которыя они держали, и узнавъ отъ Дмитрія о моей страсти, такъ испугалъ меня предложеніемъ познакомить меня съ этой амазонкой, что я опрометью убѣжалъ изъ манежа и при одной мысли о томъ, что онъ ей сказалъ обо мнѣ, больше не смѣлъ входить въ манежъ, даже до лакеевъ, боясь встрѣтить ее.

Когда я бывалъ влюбленъ въ незнакомыхъ и особенно замужнихъ женщинъ, на меня находила застѣнчивость еще въ тысячу разъ сильнѣе той, которую я испытывалъ съ Соничкой. Я боялся больше всего на свѣтѣ того, чтобы мой предметъ не узналъ о моей любви и даже о моемъ существованіи. Мнѣ казалось, что ежели бы она узнала о томъ чувствѣ, которое я къ ней испытывалъ, то это было бы для нея такимъ оскорбленіемъ, котораго она не могла бы мнѣ простить никогда. И въ самомъ дѣлѣ, ежели бы эта амазонка знала подробно, какъ я глядя на нее изъ-за лакеевъ, воображалъ, похитивъ ее, увезти въ деревню, и какъ съ ней жить тамъ и что съ ней дѣлать, можетъ быть она справедливо бы очень оскорбилась. Но я не могъ ясно сообразить того, что зная меня, она не могла еще узнать вдругъ всѣ мои объ ней мысли, и что поэтому ничего не было постыднаго просто познакомиться съ ней.

Въ другой разъ я влюбился въ Соничку, увидавъ ее у сестры. Вторая любовь моя къ ней уже давно прошла, но я влюбился въ третій разъ, вслѣдствіе того, что Любочка дала мнѣ тетрадку стиховъ, переписанныхъ Соничкой, въ которой «Демонъ» Лермонтова былъ во многихъ мрачно-любовныхъ мѣстахъ подчеркнутъ красными чернилами и заложень цвѣточками. Вспомнивъ, какъ Володя цаловалъ прошлаго года кошелекъ своей барышни, я попробовалъ сдѣлать тоже и, дѣйствительно когда я одинъ вечеромъ въ своей комнатѣ сталъ мечтать, глядя на цвѣтокъ, и прикладывать его къ губамъ, я почувствовалъ нѣкоторое пріятно слезливое рас-

положеніе и снова былъ влюбленъ, или такъ предполагалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Въ третій разъ, наконецъ, въ эту зиму, я влюбился въ барышню, въ которую былъ влюбленъ Володя и которая ѣзжала къ намъ. Въ барышнѣ этой, какъ я теперь вспоминаю, ровно ничего не было хорошаго и именно того хорошаго, что мнѣ обыкновенно нравилось. Она была дочь извѣстной московской умной и ученой дамы, маленькая, худенькая, съ длинными русыми англійскими бровями и съ прозрачнымъ профилемъ. Всѣ говорили, что эта барышня умнѣе и ученѣе своей матери; но я никакъ не могъ судить объ этомъ, потому что, чувствуя какой то подобострастный страхъ при мысли о ея умѣ и учености, я только одинъ разъ говорилъ съ ней, и то съ неизъяснимымъ трепетомъ. Но восторгъ Володи, который никогда не стѣснялся присутствующими въ выраженіи своего восторга, сообщилъ мнѣ съ такой силой, что я страстно влюбился въ эту барышню. Чувствуя, что Володѣ будетъ непріятно извѣстіе о томъ, что *два брата влюблены въ одну дѣвицу*, я не говорилъ ему о своей любзи. Мнѣ же напротивъ, въ этомъ чувствѣ больше всего доставляла удовольствіе мысль, что любовь наша такъ чиста, что не смотря на то, что предметъ ея одно и тоже прелестное существо, мы остаемся дружны и готовы, ежели встрѣтятся необходимость, жертвовать собой другъ для друга. Впрочемъ насчетъ готовности жертвовать, Володя, кажется, не совсѣмъ раздѣлялъ мое мнѣніе, потому что онъ былъ влюбленъ такъ страстно, что хотѣлъ дать пощечину и вызвать на дуэль одного настоящаго дипломата, который, говорили долженъ былъ жениться на ней. Мнѣ же очень пріятно было жертвовать своимъ чувствомъ, можетъ быть отъ того, что не стоило большаго труда, такъ какъ я съ этой барышней только разъ вычурно поговорилъ о достоинствѣ ученой музыки, и любовь моя, какъ я ни старался поддерживать ее, прошла на слѣдующей недѣлѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

СВѢТЪ.

Свѣтскія удовольствія, которымъ, вступая въ университетъ, я мечталъ предаться въ подражаніе старшему брату, совершенно разочаровали меня въ эту зиму. Володя танцевалъ очень много, папа тоже ѣзжалъ на балы съ своей молодой женой; но меня, должно быть, считали или еще слишкомъ молодымъ или неспособнымъ для этихъ удовольствій и никто не представлялъ меня въ тѣ дома, гдѣ давались балы. Несмотря на обѣщаніе откровенности съ Дмитріемъ, я никому, и ему тоже, не говорилъ о томъ, какъ мнѣ хотѣлось ѣздить на балы и какъ больно и досадно было-то, что про меня забывали и видимо смотрѣли какъ на какого-то философа, которымъ я вслѣдствіе того и прикидывался.

Но въ эту зиму былъ вечеръ у княгини Корнаковой. Она сама пригласила всѣхъ насъ, и между прочими меня, и я въ первый разъ долженъ былъ ѣхать на балъ. Володя передъ тѣмъ, какъ ѣхать, пришелъ ко мнѣ въ комнату и желалъ видѣть, какъ я одѣнусь. Меня очень удивилъ и озадачилъ этотъ поступокъ съ его стороны. Мнѣ казалось, что желаніе быть хорошо одѣтымъ весьма стыдно и что нужно скрывать его; онъ же напротивъ считалъ это желаніе до такой степени естественнымъ и необходимымъ, что совершенно откровенно говорилъ, что боится, чтобы я не осрамился. Онъ велѣлъ мнѣ непременно надѣть лаковые сапоги, пришелъ въ ужасъ, когда я хотѣлъ надѣть замшевыя перчатки, надѣлъ мнѣ часы какъ-то особеннымъ манеромъ, и повезъ на Кузнецкій мостъ къ парикмахеру. Меня завили. Володя отошелъ и посмотрѣлъ на меня издали.

— Вотъ, теперь хорошо, только неужели нельзя пригласить этихъ вихровъ? сказалъ онъ, обращаясь къ парикмахеру.

Но сколько ни мазалъ Mr Charles какой-то липкой эссенціей мои вихры, они все-таки встали, когда я надѣлъ шляпу, и вообще моя завитая фигура мнѣ казалась еще гораздо хуже, чѣмъ прежде. Мое одно спасеніе была афектація небрежности. Только въ такомъ видѣ наружность моя была на что нибудь похожа.

Володя, кажется, былъ того же мнѣнія, потому что попросивъ меня разбить завивку, и когда я это сдѣлалъ и все-таки было не хорошо, онъ больше не смотрѣлъ на меня, и всю дорогу до Корнаковыхъ былъ молчаливъ и печаленъ.

Къ Корнаковымъ вмѣстѣ съ Володей я вошелъ смѣло; но когда меня княгиня пригласила танцевать, и я почему-то, не смотря на то, что ѣхалъ съ одною мыслью танцевать очень много, сказалъ, что я не танцую, я оробѣлъ и оставшись одинъ между незнакомыми людьми, впалъ въ свою обычную непреодолимую, все возрастающую застѣнчивость. Я молча стоялъ на одномъ мѣстѣ цѣлый вечеръ.

Во время вальса, одна изъ княженъ подошла ко мнѣ и, съ общей всему семейству официальной любезностью, спросила меня: «отчего я не танцую?» Помню, какъ я оробѣлъ при этомъ вопросѣ, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно невольно для меня, на лицѣ моемъ распустилась самодовольная улыбка и я началъ готворить по-французски самымъ напыщеннымъ языкомъ съ вводными предложеніями такой вздоръ, который мнѣ теперь, даже послѣ десятковъ лѣтъ, совѣстно вспомнить. Должно быть такъ подѣйствовала на меня музыка, возбуждавшая мои нервы и заглушавшая, какъ я полагалъ, не совсѣмъ понятную часть моей рѣчи. Я говорилъ что-то про высшее общество, про пустоту людей и женщинъ, и наконецъ такъ заврался, что остановился на половинѣ слова какой-то фразы, которую не было никакой возможности кончить.

Даже свѣтская по породѣ княжна смутилась и съ упрекомъ посмотрѣла на меня. Я улыбался. Въ эту критическую минуту Володя, который, замѣтивъ, что я разговариваю горячо, вѣрно желалъ знать, каково я въ разговорахъ искупаю то, что не танцую, подошелъ къ намъ вмѣстѣ съ Дубковымъ. Увидавъ мое улыбающееся лицо и испуганную мину княжны, и услыжавъ тотъ ужасный вздоръ, которымъ я кончилъ, онъ покраснѣлъ и отвернулся. Княжна встала и отошла отъ меня. Я все-таки улыбался, но такъ страдалъ сознаниемъ своей глупости, что готовъ былъ провалиться сквозь землю, и что во что бы то ни стало чувствовалъ потребность шевелиться и говорить что нибудь, что бы какъ нибудь измѣнить свое положеніе. Я подошелъ къ Дубкову и спросилъ его, много ли онъ протанцовалъ вальсовъ съ ней. Это я будто бы былъ игривъ и веселъ, но въ сущности умолялъ о помощи того самаго Дубкова, которому я прокричалъ: «молчать!» на обѣдѣ у Яра. Дубковъ сдѣлалъ будто не слышитъ меня и повернулся въ другую сторону. Я подошелъ къ Володѣ и сказалъ черезъ силу, стараясь дать тоже шутливый тонъ голосу: — «Ну что, Володя, *уменьшася?*» Но Володя посмотрѣлъ на меня такъ какъ будто хотѣлъ сказать: — «ты такъ не говоришь со мной, когда мы одни», и молча отошелъ отъ меня, видимо боясь, чтобы я еще не прицѣпился къ нему какъ нибудь.

«Боже мой, и братъ мой покидаетъ меня!» подумалъ я.

Однако у меня почему-то не достало силы уѣхать. Я до конца вечера мрачно простоялъ на одномъ мѣстѣ и только, когда всѣ разѣзжаясь столпились въ передней и лакей надѣлъ мнѣ шинель на конецъ шляпы, такъ что она поднялась, я сквозь слезы болѣзненно засмѣялся и не обращаясь ни къ кому въ особенности, сказалъ таки: «comme c'est gracieux».

ГЛАВА XXXIX.

КУТЕЖЪ.

Несмотря на то, что подъ вліяніемъ Дмитрія, я еще не предавался обыкновеннымъ студенческимъ удовольствіямъ, называемымъ *кутежами*, мнѣ случилось уже въ эту зиму разъ участвовать въ такомъ увеселеніи, и я вынесъ изъ него не совсѣмъ пріятное чувство. Вотъ какъ это было. Въ началѣ года, разъ на лекціи, баронъ З., высокій, бѣлокурый молодой человѣкъ, съ весьма серьезнымъ выраженіемъ правильнаго лица, пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ на товарищескій вечеръ. Всѣхъ насъ, значитъ всѣхъ товарищей болѣе или менѣе comme il faut нашего курса, въ числѣ которыхъ, разумѣется не были ни Грапъ, ни Семеновъ, ни Оперовъ, ни всѣ эти плохенькіе господа. Володя презрительно улыбнулся, узнавъ, что я ѣду на

кутежъ первокурсниковъ; но я ожидалъ необыкновеннаго и большаго удовольствія отъ этого еще совершенно неизвѣстнаго мнѣ препровожденія времени и пунктуально въ назначенное время, въ восемь часовъ, былъ у барона З.

Баронъ З., въ разстегнутомъ скортукѣ и бѣломъ жилетѣ, принималъ гостей въ освѣщенной залѣ и гостинной небольшого домика, въ которомъ жили его родители, уступившіе ему на вечеръ этого торжества парадныя комнаты. Въ корридорѣ виднѣлись платья и головы любопытныхъ горничныхъ, и въ буфетѣ мелькнуло разъ платье дамы, которую я принялъ за самую баронессу. Гости были: человѣкъ двадцать и всѣ были студенты, исключая г. Фроста, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Ивинымъ, и одного румяннаго высокаго штатскаго господина, распоряжавшагося пиршествомъ, и котораго со всѣми знакомили, какъ родственника барона и бывшаго студента дерптскаго университета. Слишкомъ яркое освѣщеніе и обыкновенное казенное убранство парадныхъ комнатъ, сначала дѣйствовали такъ охлаждающе на все это молодое общество, что всѣ невольно держались по стѣнкамъ, исключая нѣкоторыхъ смѣльчаковъ и дерптскаго студента, который уже разстегнувъ жилетъ, казалось находился въ одно и тоже время въ каждой комнатѣ и въ каждомъ углу каждой комнаты, и наполнялъ казалось всю комнату своимъ звучнымъ, пріятнымъ, неумолкающимъ теноромъ. Товарищи же больше молчали или скромно разговаривали о профессорахъ, наукахъ, экзаменахъ, вообще серьезныхъ и интересныхъ предметахъ. Всѣ безъ исключенія поглядывали на дверь буфета, и хотя старались скрывать это, имѣли выраженіе говорившее: «что жь, пора бы и начинать.» Я тоже чувствовалъ, что пора бы начинать, и ожидалъ *начала* съ нетерпѣливою радостью.

Послѣ чая, которымъ лакеи обнесли гостей, дерптскій студентъ спросилъ у Фроста по-русски:

— Умѣешь дѣлать жонку, Фростъ?

— О, ја! отвѣчалъ Фростъ потрясая икрами, но дерптскій студентъ снова по-русски сказалъ ему:

— Такъ ты возмись за это дѣло (они были на «ты», какъ товарищи по дерптскому университету) и Фростъ, дѣлая большіе шаги своими выгнутыми мускулистыми ногами, сталъ переходить изъ гостинной въ буфетъ, изъ буфета въ гостинную, и скоро на столѣ оказалась большая суповая чаша съ стоящей на ней десяти-фунтовой головкой сахару, посредствомъ трехъ перекрещенныхъ студенческихъ шпагъ. Баронъ З. въ это время безпрестанно подходилъ ко всѣмъ гостямъ, которые собрались въ гостинной, глядя на суповую чашу, и съ неизмѣнно серьезнымъ лицомъ говорилъ всѣмъ почти одно и тоже: «давайте, господа, выпьемте всѣ по студенчески круговую, брудершафтъ, а то у насъ совсѣмъ нѣтъ товарищества въ нашемъ курсѣ. Да растегнитесь же,

или совѣмъ снимите, вотъ какъ онъ». Дѣйстви- тельно, дерптскій студентъ, снявъ скюртку и за- сучивъ бѣлые рукава рубашки выше бѣлыхъ лок- тей и рѣшительно разставивъ ноги, уже поджи- галъ ромъ въ суповой чашѣ.

— Господа! тушите свѣчи, закричалъ вдругъ дерптскій студентъ такъ пріемисто и громко, какъ только можно было крикнуть тогда, когда бы мы всѣ кричали. Мы же всѣ безмолвно смотрѣли на суповую чашу и бѣлую рубашку дерптскаго сту- дента и всѣ чувствовали, что наступила торжествен- ная минута.

— Löschen sie die Lichter aus, Frost! снова про- кричалъ дерптскій студентъ уже по-нѣмецки, долж- но быть слишкомъ разгорячившись. Фростъ и мы всѣ принялись тушить свѣчи. Въ комнатѣ стало темно, одни бѣлые рукава и руки поддерживавшія голову сахару на шпагахъ, освѣщались голубова- тымъ пламенемъ. Громкій теноръ дерптскаго сту- дента уже не былъ одинокимъ, потому что во всѣхъ углахъ комнаты заговорило и засмѣялось. Многіе сняли скюртки (особенно тѣ, у которыхъ были тонкія и совершенно свѣжія рубашки), я сдѣлалъ тоже и понялъ, что началось. Хотя ве- селого еще ничего не было, я былъ твердо увѣ- ренъ, что все-таки будетъ отлично, когда мы всѣ выпьемъ по стакану готовившагося напитка.

Напитокъ поспѣлъ. Дерптскій студентъ, сильно закапавъ столъ, разлилъ жжонку по стаканамъ и закричалъ: «пу, теперь, господа, давайте». Когда мы каждый взяли въ руку по полному липкому стакану, дерптскій студентъ и Фростъ запѣли нѣ- мецкую пѣсню, въ которой часто повторялось вос- кличаніе *Юхе!* мы всѣ нескладно запѣли за ними, стали чокаться, кричать что то, хвалить жжонку, и другъ съ другомъ черезъ руку и просто пить сладкую и крѣпкую жидкость. Теперь ужъ нечего было дожидаться, кутежъ былъ во всемъ разгарѣ. Я выпилъ уже цѣлый стаканъ жжонки, мнѣ на- лили другой, въ вискахъ у меня стучало, огонь казался багровымъ, кругомъ меня все кричало и смѣялось, но все-таки не только не казалось ве- село, но я даже былъ увѣренъ, что и мнѣ и всѣмъ было скучно, и что я и всѣ только почему-то счита- ли необходимымъ притворяться, что имъ очень весело. Не притворялся можетъ быть только дерпт- скій студентъ: онъ все болѣе и болѣе становился румянымъ и вездѣсущимъ, всѣмъ подливалъ пу- стые стаканы, и все больше и больше заливалъ столъ, который весь сдѣлался сладкимъ и липкимъ. Не помню, какъ и что слѣдовало одно за другимъ, но помню, что въ этотъ вечеръ я ужасно любилъ дерптскаго студента и Фроста, училъ наизусть нѣмецкую пѣсню, и обоимъ ихъ цаловалъ въ слад- кія губы; помню тоже, что въ этотъ вечеръ я не- навидѣлъ дерптскаго студента, и хотѣлъ пустить въ него стуломъ, но удержался; помню, что кромѣ того чувства неповиновенія всѣхъ членовъ, кото- рое я испыталъ и въ день обѣда у Яра, у меня въ этотъ вечеръ такъ болѣла и кружилась голова,

что я ужасно боялся умереть сію же минуту; помню тоже, что мы за чѣмъ-то всѣ сѣли на полъ, ма- хали руками, подражая движенію веслами, пѣли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и что я въ это время думалъ о томъ, что этого вовсе не нужно было дѣлать; помню еще, что я, лежа на полу, цѣпляясь нога за ногу, боролся по цыгански, ко- му-то свихнулъ шею и подумалъ, что этого не слу- чилось бы, ежели бы онъ не былъ пьянъ; помню еще, что ужинали и пили что-то другое, что я выходилъ на дворъ освѣжиться и моей головѣ было холодно, и что уѣзжая, я замѣтилъ, что было ужасно темно, что подножка пролетки сдѣлалась покатаая и скользкая, и за Кузьму нельзя было держаться, потому что онъ сдѣлался слабъ и качался какъ тряпка; но помню, главное, что въ продолженіе всего этого вечера, я безпрестанно чувствовалъ, что я очень глупо дѣлаю, притворяясь будто бы мнѣ очень весело, будто бы я люблю очень много пить и будто бы я и не думалъ быть пьянымъ, и без- престанно чувствовалъ, что и другіе очень глупо дѣлаютъ, притворяясь въ томъ же. Мнѣ казалось, что каждому отдѣльно было непріятно, какъ и мнѣ, но полагая, что такое непріятное чувство испытывалъ онъ одинъ, каждый считалъ себя обя- заннымъ притворяться веселымъ для того, чтобы не разстроить общаго веселья; притомъ же, стран- но сказать, я себя считалъ обязаннымъ къ при- творству по одному тому, что въ суповую чашу влито было три бутылки шампанскаго по десяти рублей и десять бутылокъ рому по четыре рубля, что всего составляло семьдесятъ рублей, кромѣ ужина. Я такъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что на другой день на лекціи меня чрезвычайно удивило то, что товарищи мои, бывшіе на вечерѣ борона 3., не только не стыдились вспоминать о томъ, что они тамъ дѣлали, но рассказывали про вечеръ такъ, чтобы другіе студенты могли слышать. Они говорили, что былъ отличнѣйшій кутежъ, что дерпт- скіе—молодцы на эти дѣла, и что тамъ было вы- пито на двадцать человѣкъ сорокъ бутылокъ рому и что многіе за-мертво остались подъ столами. Я не могъ понять, для чего они не только расска- зывали, но и лгали на себя.

ГЛАВА XL.

ДРУЖБА СЪ НЕХЛЮДОВЫМИ.

Въ эту зиму я очень часто видѣлся не только съ однимъ Дмитріемъ, который ѣздилъ перѣдко къ намъ, но и со всѣмъ его семействомъ, съ ко- торымъ я начиналъ сходитьсь.

Нехлюдовы — мать, тетка и дочь, всѣ вечера проводили дома и княгиня любила, чтобы по ве- черамъ пріѣзжала къ ней молодежь, мужчины та- кого рода, которые, какъ она говорила, въ со- стояніи провести весь вечеръ безъ картъ и тан- цевъ. Но должно быть такихъ мужчинъ было мало

потому что я, который ѣздилъ къ нимъ почти каждый вечеръ, рѣдко встрѣчалъ у нихъ гостей. Я привыкъ къ лицамъ этого семейства, къ различнымъ ихъ настроеніямъ, сдѣлалъ себѣ уже ясное понятіе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, привыкъ къ комнатамъ и мебели, и когда гостей не было, чувствовалъ себя совершенно свободнымъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда оставался одинъ въ комнатѣ съ Варинькой. Мнѣ все казалось, что она, какъ не очень красивая дѣвушка, очень бы желала, чтобы я влюбился въ нее. Но и это смущеніе начинало проходить. Она такъ естественно показывала видъ, что ей было все равно говорить со мной, съ братомъ или съ Любовью Сергѣевной, что и я усвоилъ привычку смотрѣть на нее просто, какъ на человѣка, которому ничего нѣтъ постыднаго и опаснаго выказывать удовольствіе, доставляемое его обществомъ. Во все время моего съ ней знакомства, она мнѣ казалась—днями, то очень некрасивой, то не слишкомъ дурной дѣвушкой, но я даже не спрашивалъ себя на счетъ ея ни разу: влюбленъ ли я или нѣтъ. Мнѣ случалось разговаривать съ ней прямо, но чаще я разговаривалъ съ нею, обращая при ней рѣчь къ Любови Сергѣевнѣ или къ Дмитрію, и этотъ послѣдній способъ особенно мнѣ нравился. Я находилъ большое удовольствіе говорить при ней, слушать ея пѣніе, и вообще знать о ея присутствіи въ той же комнатѣ, въ которой былъ я; но мысль о томъ, какія будутъ въ послѣдствіи мои отношенія съ Варинькой, и мечты о самопожертвованіи для своего друга, ежели онъ влюбится въ мою сестру, уже рѣдко приходили мнѣ въ голову. Ежели же мнѣ приходили такіе мечты и мысли, то я, чувствуя себя довольнымъ настоящимъ, безсознательно старался отгонять мысль о будущемъ.

Несмотря, однако, на это сближеніе, я продолжалъ считать своею непремѣнною обязанностью скрывать отъ всего общества Нехлюдовыхъ и въ особенности отъ Вариньки свои настоящіе чувства и наклонности, и старался выказывать себя совершенно другимъ молодымъ человѣкомъ отъ того, какимъ я былъ въ дѣйствительности, и даже такимъ, какого не могло быть въ дѣйствительности. Я старался казаться страстнымъ, восторгался, ахалъ, дѣлалъ страстные жесты, когда чтонибудь мнѣ будто бы очень нравилось, вмѣстѣ съ тѣмъ старался казаться равнодушнымъ ко всякому необыкновенному случаю, который видѣлъ, или про который мнѣ рассказывали; старался казаться злымъ насмѣшникомъ, не имѣющимъ ничего святаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ наблюдателемъ; старался казаться логическимъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, точнымъ и акуратнымъ въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ презирающимъ все матеріальное. Могу смѣло сказать, что я былъ гораздо лучше въ дѣйствительности, чѣмъ то странное существо, которое я пытался представлять изъ себя; но все-таки и такимъ, какимъ я притворялся, Нехлюдовы меня полюбили и, къ счастью моему, не вѣрили, какъ

кажется, моему притворству. Одна Любовь Сергѣевна, считавшая меня величайшимъ эгоистомъ, безбожникомъ и насмѣшникомъ, какъ кажется, не любила меня и часто спорила со мной, сердилась и поражала меня своими отрывочными, безсвязными фразами. Но Дмитрій оставался все въ тѣхъ же странныхъ, больше чѣмъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею и говорилъ, что ее никто не понимаетъ и что она чрезвычайно много дѣлаетъ ему добра. Его дружба съ нею точно также продолжала огорчать все семейство.

Разъ Варинька, разговаривая со мной про эту непонятную для всѣхъ насъ связь, объяснила ее такъ:

— Дмитрій самолюбивъ. Онъ слишкомъ гордъ и, несмотря на весь свой умъ, очень любитъ похвалу и удивленіе, любитъ быть всегда первымъ, а *тетенька* въ невинности души находится въ адмиращіи передъ нимъ и не имѣетъ довольно такту, чтобы скрывать отъ него эту адмиращію, и выходитъ, что она льститъ ему, только не притворно, а искренно.

Это разсужденіе запомнилось мнѣ и потомъ разбирая его я не могъ не подуматъ, что Варинька очень умна, и съ удовольствіемъ, вслѣдствіе этого, возвысилъ ее въ своемъ мнѣніи. Такого рода возвышенія, вслѣдствіе открываемаго мною въ ней ума и другихъ моральныхъ достоинствъ, я производилъ хотя и съ удовольствіемъ, съ нѣкоторой строгой умѣренностью и никогда не доходилъ до восторга, крайней точки этого возвышенія. Такъ, когда Софья Ивановна, не устававшая говорить про свою племянницу, рассказала мнѣ, какъ Варинька въ деревнѣ, будучи ребенкомъ, четыре года тому назадъ, отдала безъ позволенія всѣ свои платья и башмаки крестьянскимъ дѣтямъ, такъ что ихъ надо было отобрать послѣ, я еще не съ разу принялъ этотъ фактъ, какъ достойный къ возвышенію ея въ моемъ мнѣніи, а еще подтрунивалъ мысленно надъ нею за такой непрактическій взглядъ на вещи.

Когда у Нехлюдовыхъ бывали гости, и между прочими иногда Володя и Дубковъ, я самодовольно и съ нѣкоторымъ спокойнымъ сознаніемъ силы домашняго человѣка, удалялся на послѣдній планъ, не разговаривалъ и только слушалъ, что говорили другіе. И все, что говорили другіе, мнѣ казалось до того неимовѣрно глупо, что я внутренно удивлялся, какъ такая умная, логическая женщина, какъ княгиня, и все ея логическое семейство могло слушать эти глупости и отвѣчать на нихъ. Ежелибъ мнѣ тогда пришло въ голову сравнить съ тѣмъ, что говорили другіе, то, что я говорилъ самъ, когда бывалъ одинъ, я бы вѣрно нисколько не удивлялся. Еще бы меньше я удивлялся, ежели бы я повѣрилъ, что наши домашнія—Авдотья Васильевна, Любочка и Катенька были такіе же женщины, какъ и всѣ, нисколько не ниже другихъ, и вспомнилъ бы, что по цѣлымъ вечерамъ говорили весело улыбаясь Дубковъ, Катенька и Авдотья

Васильевна; какъ почти всякій разъ Дубковъ, придравшись къ чему нибудь, читалъ съ чувствомъ стихи: «Au banquet de la vie infortuné convive...» или отрывки «Демона», и вообще съ какимъ удовольствіемъ и какой вздоръ они говорили въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду.

Разумѣется, что когда бывали гости, Варинька меньше обращала на меня вниманія, чѣмъ когда мы были одни—и тогда уже не было ни чтенія, ни музыки, которую я очень любилъ слушать. Разговаривая съ гостями, она теряла для меня главную свою прелесть—спокойной разсудительности и простоты. Помню, какъ ея разговоры о театрѣ и погодѣ съ братомъ моимъ Володей, странно поразили меня. Я зналъ, что Володя больше всего на свѣтѣ избѣгалъ и презиралъ банальности, Варинька тоже всегда смѣялась надъ притворно занимательными разговорами о погодѣ и т. п.,—почему же, сойдясь вмѣстѣ, они оба постоянно говорили самыя несносныя пошлости, и какъ будто стыдятся другъ за друга? Всякій разъ послѣ такихъ разговоровъ, я въ тихомолку злился на Вариньку, на другой день подсмѣивался надъ бывшими гостями, но находилъ еще больше удовольствія быть одному въ семейномъ кружкѣ Нехлюдовыхъ.

Какъ бы то ни было, я начиналъ находить больше удовольствія быть съ Дмитріемъ въ гостинной его матери, чѣмъ съ нимъ однимъ съ глазу на глазъ.

ГЛАВА ХLI.

ДРУЖБА СЪ НЕХЛУДОВЫМЪ.

Именно въ эту пору дружба моя съ Дмитріемъ держалась только на волоскѣ. Я уже слишкомъ давно началъ обсуживать его, для того, чтобы не найти въ немъ недостатковъ; а въ первой молодости мы любимъ только страстно и по этому только людей совершенныхъ. Но какъ скоро начинаетъ мало по малу уменьшаться туманъ страсти, или сквозь него невольно начинаешь пробивать ясные лучи разсудка и мы видимъ предметъ нашей страсти въ его настоящемъ видѣ, съ достоинствами и недостатками, одни недостатки, какъ неожиданность, ярко, преувеличенно бросаются намъ въ глаза, чувства влеченія къ новизнѣ и надежды на то, что не невозможно совершенно въ другомъ человѣкѣ, поощряютъ насъ, не только къ охлажденію, но къ отвращенію къ прежнему предмету страсти, и мы не жалѣя бросаемъ его и бѣжимъ впередъ искать новаго совершенства. Ежели со мною не случилось того же въ отношеніи Дмитрія, то я обязанъ только его упорной, педантической, болѣе разсудочной, чѣмъ сердечной привязанности, которой бы мнѣ слишкомъ совѣстно было измѣнить. Сверхъ того насъ связывало наше странное правило откровенности. Разойдѣсь, мы слишкомъ боялись оставить во власти одинъ другаго всѣ по-

вѣренныя, постыдныя для себя, моральныя тайны. Вродеишь, наше правило откровенности уже давно, очевидно для насъ, не соблюдалось и часто стѣсняло насъ и производило странныя между нами отношенія.

У Дмитрія, въ эту зиму, я почти всякій разъ, какъ пріѣзжалъ, заставлялъ его товарища по университету, студента Безобѣдова, съ которымъ онъ занимался. Безобѣдовъ былъ маленький, рябой, худой человѣчекъ, съ крошечными, покрытыми вѣснушками ручками и огромными нечесанными рыжими волосами, всегда оборванный, грязный, необразованный и даже плохо занимавшійся. Отношенія Дмитрія съ нимъ, также какъ и съ Любовью Сергѣевной, были мнѣ непонятны. Единственная причина, по которой онъ могъ выбрать его изъ всѣхъ товарищей и сойтись съ нимъ, могла быть только та, что хуже Безобѣдова на видъ не было студента во всемъ университетѣ. Но должно быть именно по этому Дмитрію пріятно было на перекоръ всѣмъ оказывать ему дружбу. Во всѣхъ его отношеніяхъ съ этимъ студентомъ выражалось это гордое чувство: «Вотъ, молю, мнѣ все равно, кто бы вы ни были, мнѣ всѣ равны, и его люблю, значить и онъ хорошъ».

Я удивлялся, какъ ему не тяжело было постоянно принуждать себя, и какъ несчастный Безобѣдовъ выдерживалъ свое неловкое положеніе. Мнѣ очень не нравилась эта дружба.

Разъ я пріѣхалъ вечеромъ къ Дмитрію съ тѣмъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ провести вечеръ въ гостинной его матери, разговаривать и слушать чтеніе или чтеніе Вариньки; но Безобѣдовъ сидѣлъ наверху. Дмитрій рѣзкимъ тономъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ не можетъ идти внизъ, потому что, какъ я вижу, у него гости.

— И что тамъ веселаго? прибавилъ онъ:—гораздо лучше здѣсь посидимъ, поболтаемъ.—Хотя меня вовсе не прельщала мысль просидѣть часа два съ Безобѣдовымъ, я не рѣшался одинъ пойти въ гостинную, и съ досадой въ душѣ на странности моего друга, уселся на качающемся креслѣ и молча сталъ качаться. Мнѣ очень досадно было на Дмитрія и на Безобѣдова, за то, что они лишили меня удовольствія быть внизу; я ждалъ, скоро ли уйдетъ Безобѣдовъ и злился на него и на Дмитрія, молча слушая ихъ разговоръ. «Очень пріятный гость! Сиди съ нимъ!» думалъ я, когда лакей принесъ чай и Дмитрій долженъ былъ разъ пять просить Безобѣдова взять стаканъ, потому что робкій гость при первомъ и второмъ стаканѣ считалъ своей обязанностью отказываться и говорить: «кушайте сами». Дмитрій, видимо принуждая себя, занималъ гостя разговоромъ, въ который тщетно нѣсколько разъ хотѣлъ втянуть меня. Я мрачно молчалъ.

— «Нечего дѣлать такое лицо, что никто не смѣй подозрѣвать, что я скучаю», мысленно обращаясь я къ Дмитрію, молча, равнодушно раскачиваясь на креслѣ. Я все больше и больше, съ нѣ-

которымъ удовольствіемъ, разжигалъ въ себѣ чувство тихой ненависти къ своему другу. «Вотъ дуракъ, думалъ я про него: — могъ бы провести пріятно вечеръ съ милыми родными, нѣтъ, сидитъ съ этимъ скотомъ, а теперь время проходитъ, будетъ уже поздно идти въ гостинную», — и я взглядывалъ изъ-за края кресла на своего друга. И рука его, и поза, и шея, и въ особенности затылокъ и колѣнки казались мнѣ до того противны и оскорбительны, что я бы съ наслажденіемъ въ эту минуту сдѣлалъ ему какую нибудь, даже большую непріятность.

Наконецъ Безобѣдовъ всталъ, но Дмитрій не могъ съ-разу отпустить такого пріятнаго гостя: онъ ему предложилъ ночевать, на что, къ счастью, Безобѣдовъ не согласился, и вышелъ.

Проводивъ его, Дмитрій вернулся и слегка самодовольно улыбаясь и потирая руки, — должно быть и тому, что онъ таки выдержалъ характеръ, и тому, что избавился наконецъ отъ скуки, сталъ ходить по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на меня. Онъ былъ мнѣ еще противнѣе. «Какъ онъ смѣетъ ходить и улыбаться?» думалъ я.

— За чѣмъ ты злишься? сказалъ онъ вдругъ, останавливаясь противъ меня.

— Я совсѣмъ не злюсь, отвѣчалъ я, какъ всегда отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ: — а только мнѣ досадно, что ты притворяешься и передо мной, и передъ Безобѣдовымъ, и передъ самимъ собою.

— Какой вздоръ! Я никогда ни передъ кѣмъ не притворяюсь.

— Я не забываю нашего правила откровенности, я тебѣ говорю прямо. — Какъ я увѣренъ, сказалъ я, тебѣ несносенъ этотъ Безобѣдовъ также какъ и мнѣ, потому что онъ глупъ и Богъ знаетъ что такое, но тебѣ пріятно важничать передъ нимъ.

— Нѣтъ! И во первыхъ Безобѣдовъ прекрасный человѣкъ...

— А я говорю, да; я скажу тебѣ даже, что и твоя дружба къ Любому Сергѣевнѣ основана тоже на томъ, что она считаетъ тебя богомъ.

— Да я тебѣ говорю, что нѣтъ.

— А я говорю, что да, потому что я знаю это по себѣ, отвѣчалъ я съ жаромъ сдержанной досады и своею откровенностью желая обезоружить его: — я тебѣ говорилъ и повторяю, что мнѣ всегда кажется, что я люблю тѣхъ людей, которые мнѣ говорятъ пріятное, а какъ разберу хорошенько, то вижу, что настоящей привязанности нѣтъ.

— Нѣтъ, продолжалъ Дмитрій, сердитымъ движеніемъ шеи поправляя галстухъ: — когда я люблю, то ни похвалы, ни брань не могутъ измѣнить моего чувства.

— Неправда; вѣдь я тебѣ признавался, что когда папа меня называлъ дрянью, я нѣсколько времени ненавидѣлъ его и желалъ его смерти, также и ты...

— Говори за себя. Очень жалко, коли ты такой...

— Напротивъ, вскричалъ я вскакивая съ кресла и съ отчаянной храбростью глядя ему въ

глаза: — это не хорошо, что ты говоришь; развѣ ты мнѣ не говорилъ про брата, — я тебѣ про это не поминаю, потому что это бы было нечестно, — развѣ ты мнѣ не говорилъ... а я тебѣ скажу, какъ я тебя теперь понимаю...

И я, стараясь уколоть его еще больнѣе, чѣмъ онъ меня, сталъ доказывать ему, что онъ никого не любитъ, и высказывать ему все то, въ чемъ, мнѣ казалось, я имѣлъ право упрекнуть его. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что высказалъ ему все, совершенно забывая то, что единственно возможная цѣль этого высказыванія, состоящая въ томъ, чтобъ онъ признался въ недостаткахъ, которые я обличалъ въ немъ, не могла быть достигнута въ настоящую минуту, когда онъ былъ разгоряченъ. Въ спокойномъ же состояніи, когда онъ могъ сознаться, я никогда не говорилъ ему этого.

Споръ уже переходилъ въ ссору, когда вдругъ Дмитрій замолчалъ и ушелъ отъ меня въ другую комнату. Я пошелъ было за нимъ, продолжая говорить, но онъ не отвѣчалъ мнѣ. Я зналъ, что въ графѣ его пороковъ была вспыльчивость, и онъ теперь преодолевалъ себя. Я проклиналъ всѣ его росписанія.

Такъ вотъ къ чему повело насъ наше правило: *говорить другъ другу все, что мы чувствовали и никогда третьему ничего не говорить другъ о другѣ*. Мы доходили иногда въ увлеченіи откровенностью до самыхъ безстыдныхъ признаній, выдавая къ своему стыду предположеніе, мечту за желаніе и чувство, какъ на примѣръ то, что я сейчасъ сказалъ ему; и эти признанія не только не стягивали больше связь, соединявшую насъ, но сушили самое чувство и разъединяли насъ; а теперь вдругъ самолюбіе не допустило его сдѣлать самое пустое признанье, и мы въ жару спора воспользовались тѣми оружіями, которыя прежде сами дали другъ другу, и которыя поражали ужасно больно.

ГЛАВА XLII.

МАЧИХА.

Несмотря на то, что папа хотѣлъ пріѣхать съ женою въ Москву только послѣ Нового года, онъ пріѣхалъ въ октябрѣ осенью, въ то время, когда была еще отличная ѣзда съ собаками. Папа говорилъ, что онъ измѣнилъ свое намѣреніе потому, что дѣло его въ Сенатѣ должно было слушаться; но Мими рассказывала, что Авдотья Васильевна въ деревнѣ такъ скучала, такъ часто говорила про Москву и такъ притворялась нездоровою, что папа рѣшился исполнить ея желаніе. Потому что она никогда не любила его, а только всѣмъ уши прожужжала своей любовью, желая выйти замужъ за богатаго человѣка, прибавляла Мими, задумчиво вздыхая, какъ бы говоря: «не то бы сдѣлали для него *нѣкоторые люди*, если бы онъ сумѣлъ оцѣнить ихъ».

Нѣкоторые люди были несправедливы къ Авдотѣ Васильевнѣ; ея любовь къ папа, страстная, преданная любовь самоотверженія была видна въ каждомъ словѣ, взглядѣ и движеніи. Но такая любовь не мѣшала ей нисколько, вмѣстѣ съ желаніемъ не разставаться съ обожаемымъ мужемъ, желать необыкновеннаго чепчика отъ мадамъ Аннетъ, шляпы съ необыкновеннымъ голубымъ страусовымъ перомъ и синяго венеціанскаго бархата платья, которое бы искусно обнажало стройную, бѣлую грудь и руки, до сихъ поръ еще никому непоказанныя, кромѣ мужа и горничныхъ. Катенька, разумѣется, была на сторонѣ матери, между же нами и мачихой установились съ разу, со дня ея пріѣзда, какія-то странныя, шуточныя отношенія. Какъ только она вышла изъ кареты, Володя сдѣлавъ серьезное лицо и мутные глаза, расшаркиваясь и раскачиваясь подошелъ къ ея рукѣ и сказалъ, какъ будто представляя кого-то.

— Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ милую мамашу, и цловать ея ручку.

— А, милый сыночекъ! сказала Авдотья Васильевна, улыбаясь своей красивой, однообразной улыбкой.

— И втораго сына не забудьте, сказалъ я, подходя тоже къ ея рукѣ и стараясь невольно перенять выраженіе лица и голоса Володи.

Ежели бы мы и мачиха были увѣрены во взаимной привязанности, это выраженіе могло бы означать пренебреженіе къ изъявленію признаковъ любви; ежели бы мы уже были дурно расположены другъ къ другу, оно могло бы означать пронію или презрѣніе къ притворству, или желаніе скрыть отъ присутствующаго отца наши настоящія отношенія, и еще много другихъ чувствъ и мыслей; но въ настоящемъ случаѣ, выраженіе это, которое очень пришлось къ духу Авдотьи Васильевны, ровно ничего не значило и только скрывало отсутствіе всякихъ отношеній. Я впоследствии часто замѣчалъ и въ другихъ семействахъ, когда члены ихъ предчувствуютъ, что настоящія отношенія будутъ не совсѣмъ хороши, такого рода шуточныя, подставныя отношенія; и эти-то отношенія, невольно установились между нами и Авдотьей Васильевной. Мы почти никогда не выходили изъ нихъ, мы всегда были притворно учтивы съ ней, говорили по-французски, расшаркивались и называли ее *chère maman*, на что она всегда отвѣчала шутками въ томъ же родѣ, и красивой однообразной улыбкой. Одна плаксивая Любочка, съ ея гусиными ногами и нехитрыми разговорами, полюбила мачиху и весьма наивно и иногда неловко старалась сблизить ее со всѣмъ нашимъ семействомъ; за то и единственное лицо во всемъ мірѣ, къ которому, кромѣ ея страстной любви къ папа, Авдотья Васильевна имѣла хоть каплю привязанности, была Любочка. Авдотья Васильевна оказывала ей даже какое-то восторженное удивленіе и робкое уваженіе, очень удивлявшее меня.

Авдотья Васильевна въ первое время часто любила, называя себя мачихой, намекать на то, какъ

всегда дѣти и домашніе дурно и несправедливо смотрятъ на мачиху и вслѣдствіе этого, какъ тяжело бываетъ ея положеніе. Но предвидя всю непріятность этого положенія, она ничего не сдѣлала, чтобы избѣжать его: приласкать того, подарить этого, не быть ворчливой, чтобъ бы ей было очень легко, потому что она была отъ природы невзыскательна и очень добра. И не только она не сдѣлала этого, но напротивъ, предвидя всю непріятность своего положенія, она безъ нападенія приготовилась къ защитѣ, и предполагая, что всѣ домашніе хотя бы всѣми средствами дѣлать ей непріятности и оскорбленія, она во всемъ видѣла умыселъ и полагала самымъ достойнымъ для себя, терпѣть молча, и разумѣется своимъ бездѣйствіемъ, не снискивая любви, снискивала нерасположеніе. При томъ въ ней было такое отсутствіе той, въ высшей степени развитой въ нашемъ домѣ способности пониманія, о которой я уже говорилъ, и привычки ея были такъ противоположны тѣмъ, которыя укоренились въ нашемъ домѣ, что уже это одно дурно располагало въ ея пользу. Въ нашемъ аккуратномъ, опрятномъ домѣ, она вѣчно жила, какъ будто только сейчасъ пріѣхала, вставала и ложилась то поздно, то рано, то выходила, то не выходила къ обѣду, то ужинала, то не ужинала. Ходила почти всегда, когда не было гостей, полуодѣтая, и не стыдилась намъ и даже слугамъ показываться въ бѣлой юбкѣ и накинутаго шали, съ голыми руками. Сначала эта простота понравилась мнѣ, но потомъ очень скоро, именно вслѣдствіе этой простоты, я потерялъ послѣднее уваженіе, которое имѣлъ къ ней. Еще страннѣе было для насъ то, что въ ней было, при гостяхъ и безъ гостей, двѣ совершенно различныя женщины: одна, при гостяхъ, молодая, здоровая и холодная красавица, пышно одѣтая, не глупая, не умная, по веселая; другая, безъ гостей, была уже немолодая, изнуренная, тоскующая женщина, неряшливая и скучающая, хотя и любящая. Часто, глядя на нее, когда она улыбающаяся, румяная отъ зимняго холоду, счастливая сознаніемъ своей красоты, возвращалась съ визитовъ и снявъ шляпу, подходила осмотрѣться въ зеркало, или шумя пышнымъ балынымъ открытымъ платьемъ, стыдясь и вмѣстѣ гордась передъ слугами, проходила въ карету, или дома, когда у насъ бывали маленькіе вечера, въ закрытомъ шелковомъ платьѣ и какихъ-то тонкихъ кружевахъ около нѣжной шеи, сіяла на всѣ стороны однообразной, но красивой улыбкой, я думалъ, глядя на нее, чтобъ бы сказали тѣ, которые восхищались ею, ежелибъ видѣли ее такою, какъ я видѣлъ ее, когда она по вечерамъ оставаясь дома, послѣ двѣнадцати часовъ, дожидаясь мужа изъ клуба, въ какомъ нибудь капотѣ, съ нечесанными волосами, какъ тѣнь ходила по слабоосвѣщеннымъ комнатамъ. То она подходила къ фортепьянамъ и играла на нихъ, морщась отъ напряженія, единственный вальсъ, который знала, то брала книгу романа и прочла нѣсколько строкъ изъ середины,

бросала его, то, чтобъ не будить людей, сама подходила къ буфету, доставала оттуда огурецъ и холодную телятину и съѣдала ее, стоя у окошка буфета, то снова, усталая, тоскующая, безъ цѣли шлепая изъ комнаты въ комнату. Но болѣе всего разъединяло насъ съ ней отсутствіе пониманія, выражавшееся преимущественно въ свойственной ей манерѣ снисходительнаго вниманія, когда съ ней говорили о вещахъ, для нея непонятныхъ. Она была не виновата въ томъ, что сдѣлала безсознательную привычку слегка улыбаться одними губами и наклонять голову, когда ей рассказывали вещи, для нея мало занимательныя (а кромѣ ея самой и ея мужа, ничто ее не занимало), но эта улыбка и наклоненіе головы, часто повторенныя, были невыносимо отталкивающія. Ея веселость, какъ будто подсмѣивающаяся надъ собой, надъ вами и надъ всѣмъ свѣтомъ, была тоже неловкая, никому не сообщавшаяся, ея чувствительность слишкомъ приторная. А главное, она не стыдилась безпрестанно говорить всякому о своей любви къ папа. Хотя она нисколько не лгала, говоря про то, что вся жизнь ея заключается въ любви къ мужу, и хотя она доказывала это всей своей жизнью, но по нашему пониманію, такое беззащитное, безпрестанное тверженіе про свою любовь было отвратительно, и мы стыдились за нее, когда она говорила это при постороннихъ, еще болѣе, чѣмъ когда она дѣлала ошибки во французскомъ языкѣ.

Она любила своего мужа болѣе всего на свѣтѣ, и мужъ любилъ ее, особенно первое время, и когда онъ видѣлъ, что она не ему одному нравилась. Единственная цѣль ея жизни была приобрѣтеніе любви своего мужа; но она дѣлала, казалось, нарочно все, что только могло быть ему непріятно, и все съ цѣлью доказать ему всю силу своей любви и готовности самопожертвованія.

Она любила наряды, отецъ любилъ видѣть ее въ свѣтѣ красавицей, возбуждавшей похвалы и удивленіе; она жертвовала своей страстью къ нарядамъ для отца, и больше и больше привыкала сидѣть дома въ сѣрой блузѣ. Папа, считавшій всегда свободу и равенство необходимымъ условіемъ въ семейныхъ отношеніяхъ, надѣялся, что его любимца Любочка и добрая молодая жена сойдутся искренно и дружески; но Авдотья Васильевна жертвовала собой и считала необходимымъ оказывать *настоящей хозяйкѣ дома*, какъ она называла Любочку, неприличное уваженіе, больно оскорблявшее папа. Онъ игралъ много въ эту зиму, подъ конецъ много проигрывалъ и, какъ всегда, не желая смѣшивать игру съ семейною жизнью, скрывалъ свои игорныя дѣла отъ всѣхъ домашнихъ. Авдотья Васильевна жертвовала собой, и иногда больная, подъ конецъ зимы даже беременная, считала своей обязанностью, въ сѣрой блузѣ, съ нечесанной головой, хоть въ четыре или пять часовъ утра, раскачиваясь, идти навстрѣчу папа, когда онъ иногда усталый, проигравшійся, пристыженный, послѣ восьмага штрафа возвращался

изъ клуба. Она спрашивала его разсѣянно о томъ, былъ ли онъ счастливъ въ игрѣ, и съ снисходительной внимательностью, улыбаясь и покачивая головою слушала, что онъ говорилъ ей о томъ, что онъ дѣлалъ въ клубѣ и о томъ, что онъ въ сотый разъ ее проситъ никогда не дожидаться его. Но хотя проигрышъ и выигрышъ, отъ котораго, по его игрѣ, зависѣло все состояніе папа, нисколько не интересовали ее, она снова каждую ночь первая встрѣчала его, когда онъ возвращался изъ клуба. Къ этимъ встрѣчамъ, впрочемъ, кромѣ своей страсти къ самопожертвованію, побуждала ее еще затаенная ревность, отъ которой она страдала въ сильнѣйшей степени. Никто въ мірѣ не могъ бы ее убѣдить, что папа возвращался поздно изъ клуба, а не отъ любовницы. Она старалась прочесть на лицѣ папа его любовныя тайны; и не прочтя ничего, съ нѣкоторымъ наслажденіемъ горя, вздыхала и предавалась созерцанію своего несчастья.

Вслѣдствіе этихъ и многихъ другихъ безпрестанныхъ жертвъ, въ обращеніи папа съ его женою, въ послѣдніе мѣсяцы этой зимы, въ которые онъ много проигрывалъ и оттого былъ большей частью не въ духѣ, стало уже замѣтно перемежающееся чувство *тихой ненависти*, того сдержаннаго отвращенія къ предмету привязанности, которое выражается безсознательнымъ стремленіемъ дѣлать всѣ возможныя мелкія моральныя непріятности этому предмету.

ГЛАВА XLIII.

НОВЫЕ ТОВАРИЩИ.

Зима прошла незамѣтно и уже опять начинало таять, и въ университетѣ уже было прибито росписаніе экзаменовъ, когда я вдругъ вспомнилъ, что надо было отвѣчать изъ восемнадцати предметовъ, которые я слушалъ, и изъ которыхъ я не слышалъ, не записывалъ и не приготовилъ ни одного. Странно, какъ такой ясный вопросъ: какъ держать экзаменъ? ни разу мнѣ не представился. Но я былъ всю зиму эту въ такомъ туманѣ, происходившемъ отъ наслажденія тѣмъ, что я большой и что я «*comme il faut*,» что когда мнѣ и приходило въ голову: какъ держать экзаменъ? я сравнивалъ себя съ своими товарищами и думалъ: они же будутъ держать, а большая часть ихъ еще не «*comme il faut*,» стало быть у меня еще лишнее передъ ними преимущество, и я долженъ выдержать. Я приходилъ на лекціи только потому, что ужъ такъ привыкъ и что папа усылалъ меня изъ дома. Притомъ же, знакомыхъ у меня было много, и мнѣ было часто весело въ университетѣ. Я любилъ этотъ шумъ, говоръ, хохотню по аудиторіямъ, любилъ во время лекціи, сидя на задней лавкѣ, при равномерномъ звукѣ голоса профессора мечтать о чемъ нибудь и наблюдать товари-

щей, любилъ иногда съ кѣмъ нибудь сбѣгать къ Матерну выпить водки и закусить, и зная, что за это могутъ распечь, послѣ профессора, робко скрыпнувъ дверью, войти въ аудиторію, любилъ участвовать въ продѣлкѣ, когда курсъ на курсъ съ хохотомъ толпился въ корридорѣ. Все это было очень весело.

Когда уже всѣ начали ходить аккуратноѣе на лекціи, профессоръ физики кончилъ свой курсъ и простился до экзаменовъ, студенты стали собирать тетрадки и партіями готовиться, я тоже подумалъ, что надо готовиться. Оперовъ, съ которымъ мы продолжали кланяться, но были въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ, какъ я говорилъ уже, предложилъ мнѣ не только тетрадки, но и пригласилъ готовиться по нимъ вмѣстѣ съ нимъ и другими студентами. Я поблагодарилъ его и согласился, надеясь этой честью совершенно загладить свою бывшую размолвку съ нимъ, но просилъ только, чтобъ непременно всѣ собирались у меня всякій разъ, такъ какъ у меня квартира хорошая.

Мнѣ отвѣчали, что будутъ готовиться по перемѣнкамъ, то у того, то у другаго, и тамъ, гдѣ ближе. Въ первый разъ собрались у Зухина. Это была маленькая комнатка за перегородкой, въ большомъ домѣ, на Трубно́мъ Бульварѣ. Въ первый назначенный день я опоздалъ, и пришелъ, когда уже читали. Маленькая комнатка была вся закурена, даже не вакштафомъ, а махоркой, которую курилъ Зухинъ. На столѣ стоялъ штофъ водки, рюмка, хлѣбъ, соль и кость баранины.

Зухинъ, не вставая, пригласилъ меня выпить водки и снять сюртукъ.

— Вы, я думаю, къ такому угощенію не привыкли, прибавилъ онъ.

Всѣ были въ грязныхъ-ситцевыхъ рубашкахъ и нагрудникахъ. Стараясь не выказать своего къ нимъ презрѣнія, я снялъ сюртукъ и легъ по товарищески на диванъ. Зухинъ, изрѣдка справляясь по тетрадкамъ, читалъ, другіе останавливали его, дѣлая вопросы, а онъ объяснялъ сжато, умно и точно. Я сталъ вслушиваться и не понимая многого, потому что не звалъ предыдущаго, сдѣлалъ вопросъ.

— Э, батюшка, да вамъ нельзя слушать, коли вы этого не знаете, сказалъ Зухинъ:—я вамъ дамъ тетрадки, вы пройдите это къ завтраму; а то чтожь вамъ объяснять.

Мнѣ стало совѣстно за свое незнаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя всю справедливость замѣчанія Зухина, я пересталъ слушать и занялся наблюденіями надъ этими новыми товарищами. По подраздѣленію людей на *somme il faut* и не *somme il faut*, они принадлежали очевидно къ второму разряду и вслѣдствіе этого возбуждали во мнѣ не только чувство презрѣнія, но и нѣкоторой личной ненависти, которую я испытывалъ къ нимъ за то, что не бывъ *somme il faut*, они какъ будто считали меня не только равнымъ себѣ, но даже добро-

душно покровительствовали меня. Это чувство возбуждали во мнѣ ихъ ноги и грязныя руки съ обгрызанными ногтями и одинъ отпущенный на пятомъ пальцѣ длинный ноготь у Оперова, и розовыя рубашки, и нагрудники, и ругательства, которыя они ласкательно обращали другъ къ другу, и грязная комната, и привычка Зухина безпрестанно немножко сморкаться, прижавъ одну ноздрю пальцемъ и въ особенности ихъ манера говорить, употреблять и интонировать нѣкоторыя слова. Напримѣръ, они употребляли слова *глупецъ*, вмѣсто дуракъ, *словно* вмѣсто *точно*, *великолюбно* вмѣсто *прекрасно*, *движучи* и т. п., что мнѣ казалось книжно и отвратительно непорядочно. Но еще болѣе возбуждали во мнѣ эту комилфотную ненависть интонаціи, которыя они дѣлали на нѣкоторыя русскія и въ особенности иностранныя слова: они говорили *машина*, вмѣсто *машина*, *дѣятельность*, вмѣсто *дѣятельность*, *нарочно*, вмѣсто *нарочно*, *въ каминѣ*, вмѣсто *въ каминѣ*, *Шекспиръ*, вмѣсто *Шекспиръ* и т. д., и т. д.

Не смотря однако на эту, въ то время для меня непреодолимо-отталкивающую, виѣшность, я, предчувствуя что-то хорошее въ этихъ людяхъ и завидуя тому веселому товариществу, которое, соединяло ихъ, испытывалъ къ нимъ влеченіе и желалъ сблизиться съ ними, какъ это ни было для меня трудно. Кроткаго и честнаго Оперова я уже зналъ; теперь же бойкій, необыкновенно умный Зухинъ, который видимо первенствовалъ въ этомъ кружкѣ, чрезвычайно нравился мнѣ. Это былъ маленькій, плотный брюнетъ съ нѣсколько оплывшимъ и всегда глянцовитымъ, но чрезвычайно умнымъ, живымъ и независимымъ лицомъ. Это выраженіе особенно придавали ему невысокій, но горбатый надъ глубокими черными глазами лобъ, щетинистые короткіе волосы и частая, черная борода, казавшаяся всегда не бритой. Онъ казался не думалъ о себѣ (что всегда мнѣ особенно нравилось въ людяхъ), но видно было, что никогда умъ его не оставался безъ работы. У него было одно изъ тѣхъ выразительныхъ лицъ, которыя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ вы ихъ увидите въ первый разъ, вдругъ совершенно измѣняются въ вашихъ глазахъ. Это случилось подъ конецъ вечера, въ моихъ глазахъ, съ лицомъ Зухина. Вдругъ на его лицѣ показались новыя морщины, глаза ушли глубже, улыбка стала другая и все лицо такъ измѣнилось, что я съ трудомъ бы узналъ его.

Когда кончили читать, Зухинъ, другіе студенты и я, чтобъ доказать свое желаніе быть товарищемъ, выпили по рюмкѣ водки и въ штофѣ почти ничего не осталось. Зухинъ спросилъ у кого есть четвертакъ, чтобъ еще послать за водкой какую-то старую женщину, которая прислуживала ему. Я предложилъ было своихъ денегъ, но Зухинъ, какъ будто не слыжавъ меня, обратился къ Оперову, и Оперовъ, доставъ бисерный кошелекъ, далъ ему требуемую монету.

— Ты смотри не запей, сказалъ Оперовъ, который самъ ничего не пилъ.

— Небось, отвѣчалъ Зухинъ, высасывая мозгъ изъ бараньей кости, (я помню, въ это время я думалъ: отъ этого то онъ такъ уменъ, что ѣсть много мозгу.)

— Небось продолжалъ Зухинъ, слегка улыбаясь; а улыбка у него была такая, что вы невольно замѣчали ее и были ему благодарны за эту улыбку.

— Хоть и запью, такъ не бѣда, ужъ теперь братъ посмотримъ, кто кого собьетъ, онъ ли меня или я его. Ужъ готово, братъ, добавилъ онъ, хвастливо щелкнувъ себя по лбу: вотъ Семеновъ не провалился бы, онъ что то сильно закутилъ.

Дѣйствительно, тотъ самый Семеновъ съ сѣдыми волосами, который въ первый экзаменъ меня такъ обрадовалъ тѣмъ, что на видъ былъ хуже меня, и который, выдержавъ вторымъ вступительный экзаменъ, первый мѣсяцъ студенчества аккуратно ходилъ на лекціи, закутилъ, еще до репетицій и подъ конецъ курса уже совсѣмъ не показывался въ университетѣ. Гдѣ онъ? спросилъ кто-то.

— Ужъ и я его изъ виду потерялъ, продолжалъ Зухинъ: — въ послѣдній разъ мы съ нимъ вмѣстѣ Лиссабонъ разбили. Великолѣпная штука вышла. Потомъ, говорятъ, какая-то исторія была... Вотъ голова! Что огня въ этомъ человѣкѣ! Что ума! Жаль коли пропадетъ. А пропадетъ на вѣрно; не такой мальчикъ, чтобъ съ его порывами онъ усидѣлъ въ университетѣ.

Поговоривъ еще немного, всѣ стали расходиться, условившись и на слѣдующіе дни собираться къ Зухину, потому что его квартира была ближе ко всѣмъ прочимъ. Когда всѣ вышли на дворъ, мнѣ стало нѣсколько совѣстно, что всѣ шли пѣшкомъ, а я одинъ ѣхалъ на дрожкахъ, и я, стыдась, предложилъ Оперову довести его. Зухинъ вышелъ вмѣстѣ съ нами и, занявъ у Оперова цѣлковый, пошелъ на всю ночь куда-то въ гости. Дорогой, Оперовъ разсказалъ мнѣ многое про характеръ и образъ жизни Зухина и, пріѣхавъ домой, я долго не спалъ, думая объ этихъ новыхъ узникахъ мною людяхъ. Я, долго не засыпая, колебался съ одной стороны между уваженіемъ къ нимъ, къ которому располагали меня ихъ знанія, простота, честность и поэзія молодости и удалства, съ другой стороны между отталкивающей меня, ихъ непорядочной внѣшностью. Не смотря на все желаніе, мнѣ было въ то время буквально невозможно сойтись съ ними. Наше пониманіе было совершенно различно. Была бездна отбѣжковъ, составлявшихъ для меня всю прелесть и весь смыслъ жизни, совершенно непонятныхъ для нихъ и наоборотъ. Но главною причиною невозможности сближенія были мое двадцати-рублевое сукно на сюртукъ, дрожки и голландская рубашка. Эта причина была въ особенности важна

для меня: мнѣ казалось, что я невольно оскорбляю ихъ признаками своего благосостоянія. Я чувствовалъ себя передъ ними виноватымъ и то смиряясь, то возмущаясь противъ своего незаслуженнаго смиренія, и переходя къ самонадѣянности, ни какъ не могъ войти съ ними въ ровныя, искреннія отношенія. Грубая же, порочная сторона въ характерѣ Зухина до такой степени заглушалась въ то время для меня той сильной поэзіей удалства, которую я предчувствовалъ въ немъ, что она нисколько не неприятно дѣйствовала на меня.

Недѣли двѣ, почти каждый день я ходилъ по вечерамъ заниматься къ Зухину. Занимался я очень мало, потому что, какъ говорилъ уже, отсталъ отъ товарищей и, не имѣя силъ одинъ заниматься, чтобъ догнать ихъ, только притворялся, что слушаю и понимаю то, что они читаютъ. Мнѣ кажется, что и товарищи догадывались о моемъ притворствѣ и часто я замѣчалъ, что они пропускали мѣста, которыя сами знали и никогда не спрашивали меня.

Съ каждымъ днемъ я больше и больше извинялъ непорядочность этого кружка, втягиваясь въ ихъ бытъ и находя въ немъ много поэтического. Только одно честное слово, данное мною Дмитрію, не ѣздить никуда кутить съ ними, удержало меня отъ желанія раздѣлять ихъ удовольствія.

Разъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними своими знаніями въ литературѣ, въ особенности французской и завелъ разговоръ на эту тему. Къ удивленію моему, оказалось, что, хотя они выговаривали иностранныя заглавія по-русски, они читали гораздо больше меня, знали, цѣнили англійскихъ и даже испанскихъ писателей, Лесажа, про которыхъ я даже и не слышалъ. Пушкинъ и Жуковскій были для нихъ литература (а не такъ, какъ для меня, книжки въ желтомъ переплетѣ, которыя я читалъ и училъ ребенкомъ). Они презирали равно Дюма, Сю и Феваля и судили, въ особенности Зухинъ, гораздо лучше и яснѣе о литературѣ, чѣмъ я, въ чемъ я не могъ не сознаться. Въ знанія музыки я тоже не имѣлъ передъ ними никакого преимущества. Еще къ большому удивленію моему, Оперовъ игралъ на скрипкѣ, другой изъ занимавшихся съ нами студентовъ игралъ на віолончели и фортепьяно, и оба играли въ университетскомъ оркестрѣ, порядочно знали музыку и цѣнили хорошую. О нимъ словомъ, все, чѣмъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними, исключая выговора французскаго и нѣмецкаго языковъ, они знали лучше меня и нисколько не гордились этимъ. Могъ бы я похвастаться въ моемъ положеніи свѣтскостью, но ея я не имѣлъ, какъ Володя; — такъ что же такое было та высота, съ которой я смотрѣлъ на нихъ? Мое знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? Выговоръ французскаго языка? дрожки? голландская рубашка? ногти? Да ужъ не вздоръ ли все это? — начинало мнѣ глухо приходить иногда въ голову, подъ вліяніемъ чув-

ства зависти къ товариществу и добродушному молодому веселью, которое я видѣлъ передъ собой. Они всѣ были на ты. Простота ихъ обращенія доходила до грубости, но и подъ этой грубой внѣшностью былъ постоянно виденъ страхъ, хотъ чуть-чуть оскорбить другъ друга, *Подлецъ, свинья*, употребляемые ими въ ласкательномъ смыслѣ, только коробили меня и мнѣ подавали поводъ къ внутреннему подсмѣиванію, но эти слова не оскорбляли ихъ и не мѣшали имъ быть между собою на самой искренней дружеской ногѣ. Въ обращеніи между собою они были такъ осторожны и деликатны, какъ только бываютъ очень бѣдные и очень молодые люди. Главное же, что-то широкое, разгульное чулось мнѣ въ этомъ характерѣ Зухина и его похожденіяхъ въ Лиссабонѣ. Я предчувствовалъ, что эти кутежи должны были быть что-то совсѣмъ другое, чѣмъ то притворство съ жоннымъ ромомъ и шампанскимъ, въ которомъ я участвовалъ у барона З.

ГЛАВА XLIV.

ЗУХИНЪ И СЕМЕНОВЪ.

Не знаю, къ какому сословію принадлежалъ Зухинъ, но знаю, что онъ былъ изъ С. гимназій, безъ всякаго состоянія и, кажется, не дворянинъ. Ему было въ то время лѣтъ восемнадцать, хотя на видъ казалось гораздо больше. Онъ былъ необычайно уменъ, въ особенности понятливъ: ему легче было съ разу объять цѣлый, многосложный предметъ, предвидѣть всѣ его частности и вывести, чѣмъ посредствомъ сознанія обсудить законы, по которымъ производились эти выводы. Онъ зналъ, что онъ былъ уменъ, гордился этимъ и, вслѣдствіи этой гордости, былъ одинаково со всѣми простъ въ обращеніи и добродушенъ. Должно быть онъ много испыталъ въ жизни. Его пылкая, воспримчивая натура уже успѣла отразить въ себѣ и любовь, и дружбу, и дѣла, и деньги. Хотя въ малой мѣрѣ, хотя въ низшихъ слояхъ общества, но не было вещи, къ которой бы онъ, испытавъ ее, не имѣлъ, не то презрѣнія, не то какого-то равнодушія и невниманія, происходящихъ отъ слишкомъ большой легкости, съ которой ему все доставалось. Онъ, казалось, съ такимъ жаромъ брался за все новое только для того, чтобъ, достигнувъ цѣли, презирать то, чего онъ достигнулъ, и способная натура его достигала всегда и цѣли и права на презрѣніе. Въ отношеніи науки было тоже самое: занимаясь мало, не записывая, онъ зналъ математику превосходно и не хвастался, говоря, что събѣтъ профессора. Ему казалось много вздоромъ въ томъ, что ему читали, но, съ свойственнымъ его натурѣ *безсознательнымъ прак-*

тическимъ плутовствомъ, онъ тотчасъ же поддавался подъ то, что было нужно профессору, и всѣ профессора его любили. Онъ былъ *прямо* въ отношеніяхъ съ начальствомъ, но начальство уважало его. Онъ не только не уважалъ и не любилъ науки, но презиралъ даже тѣхъ, которые серьезно занимались тѣмъ, что ему такъ легко доставалось. Науки, какъ онъ понималъ ихъ, не занимали десятой доли его способностей; жизнь въ его студенческомъ положеніи не представляла ничего такого, чему бы онъ могъ весь отдаться, а пылкая, дѣятельная, какъ онъ говорилъ, натура требовала жизни и онъ вдаль въ кутежъ такого рода, какой возможенъ былъ по его средствамъ, и предавался ему съ жаромъ и желаніемъ уходить себя *чѣмъ больше во мнѣ силы*. Теперь, передъ экзаменами, предсказаніе Оперова сбылось. Онъ пропалъ недѣли на двѣ, такъ что мы готовились уже послѣднее время у другаго студента. Но въ первый экзаменъ, онъ, блѣдный, изнуренный, съ дрожащими руками, явился въ залу и блестящимъ образомъ перешелъ во второй курсъ.

Сначала курса, въ шайкѣ кутиль, главою которыхъ былъ Зухинъ, было человекъ восемь. Въ числѣ ихъ сначала были Иконинъ и Семеновъ, но первый удалился отъ общества, невynesи того неистоваго разгула, которому они предавались въ началѣ года, второй же удалился потому, что ему и этого казалось мало. Въ первыя времена, всѣ въ нашемъ курсѣ съ какимъ-то ужасомъ смотрѣли на нихъ и рассказывали другъ другу ихъ подвиги.

Главными героями этихъ подвиговъ были Зухинъ, а въ концѣ курса Семеновъ. На Семенова всѣ послѣднее время смотрѣли съ какимъ-то даже ужасомъ, и когда онъ приходилъ на лекцію, что случалось довольно рѣдко, то въ аудиторіи происходило волненіе.

Семеновъ передъ самими экзаменами кончилъ свое кутежное поприще самымъ энергическимъ и оригинальнымъ образомъ, чему я былъ свидѣтелемъ, благодаря своему знакомству съ Зухинымъ. Вотъ какъ это было. Разъ, вечеромъ, только что мы сошлись къ Зухину и Оперовъ, припнувъ головой къ тетрадкамъ и поставивъ около себя, кромѣ сальной свѣчи въ подсвѣчникѣ, сальную свѣчу въ бутылкѣ, началъ читать своимъ тоненькимъ голоскомъ свои мелко-исписанныя тетрадки физики, какъ въ комнату вошла хозяйка и объявила Зухину, что къ нему пришелъ кто-то съ запиской...

ГЛАВА XLV.

Я ПРОВАЛИВАЮСЯ.

Наконецъ насталъ первый экзаменъ, дифференціаловъ и интеграловъ, а я все былъ въ какомъ-то странномъ туманѣ и не отдавалъ себѣ яснаго

отчета о томъ, что меня ожидало. По вечерамъ, на меня, послѣ общества Зухина и другихъ товарищей, находила мысль о томъ, что надо переменить что-то въ своихъ убѣжденияхъ, что что-то въ нихъ не такъ и не хорошо, но утромъ, съ солнечнымъ свѣтомъ, я снова становился *comme il faut*, былъ очень доволенъ этимъ и не желалъ въ себѣ никакихъ измѣненій.

Въ такомъ расположеніи духа я пріѣхалъ на первый экзаменъ. Я сѣлъ на лавку въ той сторонѣ, гдѣ сидѣли князья, графы и бароны, сталъ разговаривать съ ними по-французски и (какъ ни странно сказать) мнѣ и мысль не приходила о томъ, что сейчасъ надо будетъ отвѣчать изъ предмета, который я вовсе не знаю. Я хладнокровно смотрѣлъ на тѣхъ, которые подходили экзаменоваться и даже позволялъ себѣ подтрунивать надъ нѣкоторыми.

— Ну что, Графъ? сказалъ я Илинкѣ, когда онъ возвращался отъ стола: — набрались страха?

— Посмотримъ, какъ вы, сказалъ Илинъка, который съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ университетъ, совершенно взбунтовался противъ моего вліянія, не улыбался, когда я говорилъ съ нимъ, и былъ дурно расположенъ ко мнѣ.

Я презрительно улыбнулся на отвѣтъ Илинъки, не смотря на то, что сомнѣніе, которое онъ выразилъ, на минуту заставило меня испугаться. Но туманъ снова засталъ это чувство и я продолжалъ быть разсѣянъ и равнодушенъ, такъ, что даже тотчасъ послѣ того, какъ меня проэкзаменуютъ (какъ будто для меня это было самое пустячное дѣло), я общался пойти вмѣстѣ съ барономъ З* закусить къ Матерну. Когда меня вызвали вмѣстѣ съ Иконинымъ, я оправилъ фалды мундира и весьма хладнокровно подошелъ къ экзаменному столу.

Легкій морозъ испуга пробѣжалъ у меня по спинѣ только тогда, когда молодой профессоръ, тотъ самый, который экзаменовалъ меня на вступительномъ экзаменѣ, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо и я дотронулся до почтовой бумаги, на которой были написаны билеты. Иконинъ хотя взялъ билетъ съ тѣмъ же расклевываньемъ всѣмъ тѣломъ, съ какимъ онъ это дѣлалъ на предъидущихъ экзаменахъ, отвѣчалъ кое-что, хотя и очень плохо, я же сдѣлалъ то, что онъ дѣлалъ на первыхъ экзаменахъ, я сдѣлалъ даже хуже, потому что взялъ другой билетъ, и на другой ничего не отвѣтилъ. Профессоръ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и тихимъ, но твердымъ голосомъ сказалъ:

— Вы не перейдете на второй курсъ, г. Иртеневъ. Лучше не ходите экзаменоваться. Надо очистить факультетъ. И вы тоже, господинъ Иконинъ, добавилъ онъ.

Иконинъ просилъ позволенія переэкзаменоваться, какъ будто милостыни, но профессоръ отвѣчалъ ему, что онъ въ два дня не успѣетъ сдѣлать того, чего не сдѣлалъ въ продолженіе года, и что онъ ни-

какъ не перейдетъ. Иконинъ снова жалобно, униженно умолялъ; но профессоръ снова отказалъ.

— Можете идти, господа, сказалъ онъ тѣмъ же не громкимъ, но твердымъ голосомъ.

Только тогда я рѣшился отойти отъ стола и мнѣ стало стыдно за то, что я своимъ молчаливымъ присутствіемъ какъ будто принималъ участіе въ униженныхъ мольбахъ Иконина. Не помню, какъ я прошелъ залу мимо студентовъ, что отвѣчалъ на ихъ вопросы, какъ вышелъ въ сѣни и какъ добрался до дому. Я былъ оскорбленъ, униженъ, я былъ истинно несчастливъ.

Три дня я не выходилъ изъ комнаты, никого не видѣлъ, находилъ, какъ въ дѣтствѣ, наслажденіе въ слезахъ и плакалъ много. Я искалъ пистолетовъ, которыми бы могъ застрѣлиться, ежели бы мнѣ этого ужъ очень захотѣлось. Я думалъ, что Илинъка Графъ плюнетъ мнѣ въ лицо, когда меня встрѣтитъ, и сдѣлавъ это, поступитъ справедливо; что Оперовъ радуется моему несчастью и всѣмъ про него рассказываетъ; что Колпиковъ былъ совершенно правъ, осрамивъ меня у Яра; что мои глупыя рѣчи съ княжной Корнаковой не могли имѣть другихъ послѣдствій, и т. д., и т. д. Всѣ тяжелыя, мучительныя для самолюбія минуты въ жизни, одна за другой приходили мнѣ въ голову, я старался обвинить кого нибудь въ своемъ несчастьи; думалъ, что кто нибудь все это сдѣлалъ нарочно, придумывалъ противъ себя цѣлую интригу, ропталъ на профессоровъ, на товарищей, на Володю, на Дмитрія, на папа за то, что онъ меня отдалъ въ университетъ, ропталъ на провидѣніе за то, что оно допустило меня дожить до такого позора. Наконецъ, чувствуя свою окончательную гибель въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто меня зналъ, я просился у папа идти въ гусары или на Кавказъ. Папа былъ недоволенъ мною, но видя мое страшное огорченіе, утѣшалъ меня, говоря, что какъ это ни скверно, еще все дѣло можно поправить, ежели я перейду на другой факультетъ. Володя, который тоже не видѣлъ въ моей бѣдѣ ничего ужаснаго, говорилъ, что на другомъ факультетѣ мнѣ по крайней мѣрѣ не будетъ совѣстно передъ новыми товарищами.

Наши дамы вовсе не понимали и не хотѣли или не могли понять, что такое экзаменъ, что такое не перейти, и жалѣли обо мнѣ только потому, что видѣли мое горе.

Дмитрій ѣздилъ ко мнѣ каждый день и былъ все время чресвычайно нѣженъ и кротокъ; но мнѣ именно по этому казалось, что онъ охладѣлъ ко мнѣ. Мнѣ казалось всегда больно и оскорбительно, когда онъ, приходя ко мнѣ навѣрхъ, молча близко подсаживался ко мнѣ, немножко съ тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ докторъ садится на постель тяжелаго больного. Софья Ивановна и Варинъка прислали мнѣ чрезъ него книги, которыя я прежде желалъ имѣть и желали, чтобы я пришелъ къ нимъ; но именно въ этомъ вниманіи я видѣлъ гордое, оскорбительное для меня снисхожденіе къ чело-

вѣку, упавшему уже слишкомъ низко. Дня черезъ три я немного успокоился, но до самаго отъѣзда въ деревню я никуда не выходилъ изъ дома, и все думая о своемъ горѣ, праздно шлеялся изъ комнаты въ комнату, стараясь избѣгать всѣхъ домашнихъ.

Я думалъ, думалъ и наконецъ разъ поздно вечеромъ, сидя одинъ внизу и слушая вальсъ Авдотьи Васильевны, вдругъ вскочилъ, взбѣжалъ на верхъ, досталъ тетрадь, на которой написано было: «Правила жизни», открылъ ее и на меня нашла минута

раскаянія и моральнаго порыва. Я заплакалъ, но уже не слезами отчаянія. Оправившись, я рѣшился снова писать правила жизни и твердо былъ убѣжденъ, что я уже никогда не буду дѣлать ничего дурнаго, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не измѣню своимъ правиламъ.

Долго ли продолжался этотъ моральный порывъ, въ чемъ онъ заключался, и какія новыя начала положилъ онъ моему моральному развитію, я разскажу въ слѣдующей, болѣе счастливой половинѣ юности.

УТРО ПОМѢЩИКА.

ПОВѢСТЬ.

АНДРЕЙ ОУИ

1900

УТРО ПОМѢЩИКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Князю Нехлюдову было девятнадцать лѣтъ, когда онъ изъ 3-го курса университета пріѣхалъ на лѣтнія ваканціи въ свою деревню, и одинъ пробылъ въ ней все лѣто. Осенью онъ неустановившейся ребяческой рукой написалъ къ своей теткѣ, графинѣ Бѣлорѣцкой, которая, по его понятіямъ, была его лучший другъ и самая гениальная женщина въ мірѣ, слѣдующее переведенное здѣсь французское письмо:

«Милая тетушка.

«Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь всей моей жизни. Я выхожу изъ университета, чтобъ посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому-что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая тетушка, не смѣйтесь надо мной. Вы скажете, что я молодъ; можетъ-быть, точно я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать дѣлать добро и любить его.

«Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неопisanномъ разстройствѣ. Желая ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я открылъ, что главное зло заключается въ самомъ жалкомъ, бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Еслибъ вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами, я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ бы васъ больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобъ объяснить мое намѣреніе. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И

зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобъ быть имъ, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которые вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно-особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастію. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правила дѣйствій, и, если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи.

«Не показывайте письма этого брату Васѣ: я боюсь его насмѣшекъ; онъ привыкъ первенствовать надо мной, а я привыкъ подчиняться ему. Ваня если и не одобритъ мое намѣреніе, то пойметъ его.»

Графиня отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ, тоже переведеннымъ здѣсь съ французскаго:

«Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда и не сомнѣвалась. Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведение твое огорчаетъ меня, но постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастіе своихъ крестьянъ и что надѣешься быть добрымъ хозяиномъ. 1) Я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда ужъ разъ ошибемся въ немъ; 2) что легче сдѣлать собственное счастіе, чѣмъ счастіе другихъ, и 3) что для того, чтобъ быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ человѣкомъ, чѣмъ ты

едва-ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться такимъ.

«Ты считаешь свои разсужденія непреложными и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни; но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрятъ въ разсужденія и въ правила, а вѣрятъ только въ опытъ; а опытъ говоритъ мнѣ, что твои планы—ребячество. Мнѣ уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, и я много знавала достойныхъ людей, но никогда не слыхивала, чтобъ молодой человѣкъ съ именемъ и способностями, подъ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревнѣ. Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ, а твоя оригинальность ни что иное, какъ излишнее самолюбіе. И, мой другъ! выбирай лучше торныя дорожки: онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ, если ужъ не нуженъ для тебя какъ успѣхъ, то необходимъ для того, чтобъ имѣть возможность дѣлать добро, которое ты любишь.

«Нищета нѣсколькихъ крестьянъ — зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ обществу, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, съ твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха; но выбирай по-крайней-мѣрѣ такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь.

«Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе — добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами; но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человѣкъ уже не въ состояніи удовлетворить этой страсти. И ты испытаешь это, если не измѣнишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя. Мнѣ кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелѣпый, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай, какъ знаешь, но, признаюсь, не могу согласиться съ тобой.»

Молодой человѣкъ, получивъ это письмо, долго думалъ надъ нимъ и, наконецъ рѣшивъ, что и геніальная женщина можетъ ошибаться, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета и навсегда остался въ деревнѣ.

II.

У молодаго помѣщика, какъ онъ писалъ своей теткѣ, были составлены правила дѣйствій по своему хозяйству, и вся жизнь и занятія его были расpredѣлены по часамъ, днямъ и мѣсяцамъ. Воскресенье было назначено для пріема просителей, дворовыхъ и мужиковъ, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для подаванія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать. Въ такихъ занятіяхъ прошло болѣе года, и молодой человѣкъ былъ уже не совсѣмъ новичокъ ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ знаніи хозяйства.

Было ясное іюньское воскресенье, когда Нехлюдовъ, напившись кофе и пробѣжавъ главу «Maison Rustique,» съ записной книжкой и пачкой ассигнацій въ карманѣ своего легонькаго пальто, вышелъ изъ большаго съ колоннадами и террасами деревенскаго дома, въ которомъ занималъ внизу одну маленькую комнатку, и по нечищеннымъ, заросшимъ дорожкамъ стараго англійскаго сада направился къ селу, расположенному по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Нехлюдовъ былъ высокій, стройный молодой человѣкъ съ большими, густыми, вьющимися темнорусыми волосами, съ свѣтлымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ, свѣжими щеками и румяными губами, надъ которыми только показывался первый пушокъ юности. Во всѣхъ движеніяхъ его и походѣхъ замѣтны были сила, энергія и добродушное самодовольство молодости. Крестьянскій народъ пестрыми толпами возвращался изъ церкви; старики, дѣвки, дѣти, бабы съ грудными младенцами, въ праздничныхъ одеждахъ, расходились по своимъ избамъ, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя въ улицу, Нехлюдовъ остановился, вынулъ изъ кармана записную книжку, и на послѣдней, испсанной дѣтскимъ почеркомъ страницѣ прочелъ нѣсколько крестьянскихъ именъ съ отмѣтками. *Иванъ Чурисенко* — *просилъ сошекъ*, прочелъ онъ, и, войдя въ улицу, подошелъ къ воротамъ второй избы справа.

Жилище Чурисенка составляли: полусгнившій, подопрѣлый съ угловъ срубъ, погнувшійся на-бокъ и вросшій въ землю такъ, что надъ самой навозной завалиной виднѣлись одно разбитое красное волоковое оконце съ полуоторваннымъ ставнемъ, и другое, волчье, заткнутое хлопкомъ. Рубленныя сѣни, съ грязнымъ порогомъ и низкой дверью, другой маленькій срубецъ, еще древнѣе и еще ниже сѣней, ворота и плетеная клѣть лѣпились около главной избы. Все это было когда-то покрыто подъ одну неровную крышу; теперь же только на застрѣхѣ густо нависла черная, гниющая солома; наверху же мѣстами видны были рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодезь съ развалившимся срубикомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной, истоптанной скотиною лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старыя, треснувшія и надломленныя ракиты, съ рѣдкими, блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто-то и когда-то заботился объ украшеніи этого мѣста, сидѣла восьмилѣтняя бѣлокурая дѣвочка и заставляла ползать вокругъ себя другую двухлѣтнюю дѣвчонку. Дворной щенокъ, влившій около нихъ, увидавъ барина, опрометью бросился подъ ворота и залаялъ оттуда испуганнымъ, дребезжащимъ лаемъ.

— Дома ли Иванъ? спросилъ Нехлюдовъ.

Старшая дѣвочка какъ-будто остоленѣла при этомъ вопросѣ и начала все болѣе-и-болѣе открывать глаза, ничего не отвѣчая; меньшая же открыла ротъ и собиралась плакать. Небольшая ста-

рушонка, въ изорванной клѣтчатой панѣвѣ, низко-подпоясанной старенькимъ, красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ-за двери и тоже ничего не отвѣчала. Нехлюдовъ подошелъ къ сѣнямъ и повторилъ вопросъ.

— Дома, кормилецъ, проговорила дребезжащимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и вся приходя въ какое-то испуганное волненіе.

Когда Нехлюдовъ, поздоровавшись съ ней, прошелъ черезъ сѣни на тѣсный дворъ, старуха подперлась ладонью, подошла къ двери и, не спуская глазъ съ барина, тихо стала покачивать головой. На дворѣ бѣдно; кое-гдѣ лежалъ старый, невоженный, почернѣвшій навозъ; на навозѣ беспорядочно валялись прѣлая колода, вилы и двѣ бороны. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми съ одной стороны стояли соха, телѣга безъ колеса и лежала куча сваленныхъ другъ на друга, пустыхъ, негодныхъ пчелиныхъ колодокъ, были почти все раскрыты и одна сторона ихъ обрушилась, такъ-что спереди перемѣты лежали уже не на сохахъ, а на навозѣ. Чурисенокъ топоромъ и обухомъ выламывалъ плетень, который придавила крыша. Иванъ Чурисъ былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, ниже обыкновеннаго роста. Черты его загорѣлаго, продолговатаго лица, окруженнаго темнорусой съ просѣдью бородою и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые, полузакрытые глаза глядѣли умно и добродушно-беззаботно. Небольшой, правильный ротъ, рѣзко-обозначившійся изъ-подъ русыхъ, рѣдкихъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ спокойную увѣренность въ себѣ и нѣсколько-насмѣшливое равнодушіе ко всему окружающему. По грубости кожи, глубокимъ морщинамъ, рѣзко-обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, по неестественной сутуловатости и кривому, дугообразному положенію ногъ видно было, что вся жизнь его прошла въ непосильной, слишкомъ-тяжелой работѣ. Одежда его состояла изъ бѣлыхъ посконныхъ портокъ, съ синими заплатками на колѣняхъ, и такой же грязной, расползавшейся на спинѣ и рукахъ рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висѣвшимъ на ней мѣднымъ ключикомъ.

— Богъ помощь! сказалъ баринъ, входя на дворъ.

Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиліе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только воткнулъ топоръ въ колоду, и, оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство! сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо, любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать, съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика. — Покажи-ка мнѣ, на что тебѣ сохи, которыя ты просилъ у меня на сходкѣ.

— Сошки-то? Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть маломальски подпереть хо-

тѣлось, сами изволите видѣть; вотъ анадьсы уголь завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ, говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сарай. — Теперь и стропила, и откосы, и перемѣты только тронь, глядишь дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

— Такъ на что жъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, перемѣты, столбы — все новое нужно, сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало-быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

— Вѣстимо нужно, да взять то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ, на счетъ дубовыхъ макушекъ, что на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла лежатъ, сказалъ онъ кланяясь и переминаясь съ ноги на ногу: — такъ, може, я, которыя подмѣню, которыя поурѣжу и изъ стараго какъ нибудь соорудю.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголь обвалился, завтра тотъ, послѣзавтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать, такъ дѣлать, все заново, чтобъ не даромъ работа пропадала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму, или нѣтъ?

— А кто е знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь? завалится онъ, или нѣтъ?

Чурисъ на минуту задумался.

— Должонъ весь завалится, сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ пристроить, а не однѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью, недовѣрчиво и не глядя на барина, отвѣчалъ Чурисенокъ. — Мнѣ хотъ бы бревна четыре, да сошекъ пожаловали, такъ я, можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдетъ.

— А развѣ у тебя и изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавить кого нибудь, равнодушно сказалъ Чурисъ. — Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сіятельство: — по спинѣ какъ полыхнѣтъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что жъ, прошло?

— Прошло-то прошло, да все хвораетъ. Она точно и отъ-роду хвора.

— Что ты, больна? спросил Нехлюдовъ у бабы, продолжавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пускаетъ меня, да и шабашъ, отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять! съ досадою сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами: — отчего же ты больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не повѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки — все одна! Дѣло наше одинокое...

III.

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя, закопченныя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной, шести-аршинной избѣнки, въ потолкѣ, была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха, сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавить насъ, и ребятишекъ задавить, начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатами.

— Ты не говори! строго сказалъ Чурисъ, и съ тонкой, чуть замѣтной улыбкой, обозначившейся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину: — и ума не приложу, что съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой-то; и подпорки, и подкладки клалъ — ничего нельзя сдѣлать!

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о! сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ настлатъ, перебилъ ее мужъ, съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ: — да кой-гдѣ перемѣты перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь — вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоитъ, держится, заключилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ, съ самаго своего пріѣзда, ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувство-

валъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса, превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ? съ упрекомъ замѣтилъ онъ, сядя на грязную, кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Чурисъ съ той же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными, босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ прійти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!... начала было, всхлипывая, баба.

— Ну, гуторъ, снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ! сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени. — А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

— Слушаю-съ, отозвался Чурисъ.

— Видѣлъ ты каменные герардовскія избы, что я построилъ на новомъ хуторѣ, что съ пустыми стѣнами?

— Какъ не видать-съ, отвѣчалъ Чурисъ, открывая улыбкой свои еще цѣлыя, бѣлыя зубы: — еще не мало дивились, какъ клали-то ихъ — мудренныя избы! Ребята смѣялись, что не магазины ли будутъ, отъ крысъ въ стѣны засыпать. Избы важныя! заключилъ онъ съ выраженіемъ насмѣшливаго недоумѣнія, покачавъ головой: — остроги словно.

— Да, избы славныя, сухія и теплыя, и отъ пожара не такъ опасны, возразилъ баринъ, нахмуривъ свое молодое лицо, видимо недовольный насмѣшкой мужика.

— Неспорно, ваше сіятельство, избы важныя.

— Ну, такъ вотъ, одна изба ужъ совсѣмъ готова. Она десяти-аршинная, съ сѣнями, съ клѣтью и совсѣмъ ужъ готова. Я ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну; ты когда нибудь отдашь, сказалъ баринъ съ самодовольной улыбкой, которую онъ не могъ удержать при мысли о томъ, что дѣлается благодѣяніе. — Ты свою старую сломаешь, продолжалъ онъ: — она на амбаръ пойдетъ; дворъ тоже перенесемъ. Вода тамъ славная, огороды вырѣжу изъ новины, земли твои во всѣхъ трехъ кланяхъ тоже тамъ, подъ бокомъ, вырѣжу. Отлично заживешь! Что жъ, развѣ это тебѣ не нравится? спросилъ Нехлюдовъ, замѣтивъ, что какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурисъ погрузился въ совершенную неподвижность и уже не улыбаясь смотрѣлъ въ землю.

— Воля вашего сіятельства, отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

Старушка выдвинулась впередъ, какъ будто задѣтая за-живо и готовилась сказать что-то, но мужъ предупредилъ ее:

— Воля вашего сіятельства, повторилъ онъ рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно, взглядывая

на барина и встряхивая волосами: — а на новомъ хуторѣ намъ жить не приходится.

— Отчего?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, коли насъ туда переселите, мы и здѣсь то плохи, а тамъ вамъ навѣкъ мужиками не будемъ. Какіе мы тамъ мужики будемъ? Да тамъ и жить-то нельзя, воля ваша!

— Да отчего жъ?

— Изъ послѣдняго раззоримся, ваше сіятельство.

— Отчего жъ тамъ жить нельзя?

— Какая же тамъ жизнь? Ты посуди: мѣсто не жилое, вода неизвѣстная, выгона нѣту-ти. Конопляники у насъ здѣсь искони навозныя, а тамъ что? Да и что тамъ? голь! Ни плетней, ни овиновъ, ни сараевъ, ничего нѣту-ти. Раззоримся мы, ваше сіятельство, коли насъ туда погонишь, въ конецъ раззоримся! Мѣсто новое, неизвѣстное... повторилъ онъ задумчиво, но рѣшительно покачивая головой.

Нехлюдовъ сталъ было доказывать мужику, что переселеніе, напротивъ, очень выгодно для него, что плетни и сарай тамъ построить, что вода тамъ хорошая, и т. д., но тупое молчаніе Чуриса смущало его, и онъ почему-то чувствовалъ, что говорить не такъ, какъ бы слѣдовало. Чурисенокъ не возражалъ ему; но когда баринъ замолчалъ, онъ, слегка улыбнувшись, замѣтилъ, что лучше бы всего было поселить на этомъ хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алѣшу-дурачка, чтобъ они тамъ хлѣбъ караулили.

— Вотъ бы важно-то было! замѣтилъ онъ, и снова усмѣхнулся. — Пустое это дѣло, ваше сіятельство!

— Да что жъ что мѣсто нежилое? терпѣливо настаивалъ Нехлюдовъ: — вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ же люди; и тамъ, вотъ, ты только первый поселился съ легкой руки... Ты непременно поселись...

— И, батюшка, ваше сіятельство, какъ можно сличить! съ живостью отвѣчалъ Чурисъ, какъ-будто испугавшись, чтобъ баринъ не принялъ окончательнаго рѣшенія: — здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога и прудъ тебѣ, бѣлье что-ли бабѣ стирать, скотину ли поить — и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони-заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы — вотъ, что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить—много довольны вашей милостью останемся; а нѣтъ, такъ и въ старенькой своей вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставъ вѣкъ Бога молить, продолжалъ онъ, низко кланаясь: — не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка!...

Въ то время, какъ Чурисъ говорилъ, подъ полатями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его жена, слышны были все усиливавшіяся и усиливавшіяся всхлипыванія, и когда мужъ сказалъ: «батюшка»

жена его неожиданно выскочила впередъ и, въ слезахъ, ударила въ ноги барину:

— Не погуби, кормилецъ! Ты нашъ отецъ, ты наша мать! Куда намъ селиться? Мы люди старые, одинокіе. Какъ Богъ, такъ и ты... завопила она.

Нехлюдовъ вскочилъ съ лавки и хотѣлъ поднять старуху, но она съ какимъ-то сладострастьемъ отчаянія билась головой о земляной полъ и отталкивала руку барина.

— Что ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, такъ не надо; я принуждать не стану, говорилъ онъ, махая руками и отступая къ двери.

Когда Нехлюдовъ сѣлъ опять на лавку и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, снова удалившейся подъ полати и утиравшей тамъ слезы рукавомъ рубахи, молодой помѣщикъ понялъ, что значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избенка, обвалившійся колодезь съ грязной лужей, гніющія хлевушки, сарайчики и треснувшія ветлы, виднѣвшіяся передъ кривымъ оконцемъ — и ему стало что-то тяжело, грустно, и чего-то совѣстно.

— Какъ же ты, Иванъ, не сказалъ при мірѣ прошлое воскресенье, что тебѣ нужна изба? Я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ на первой сходкѣ, что я поселился въ деревнѣ и посвятилъ свою жизнь для васъ; что я готовъ самъ лишиться себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы — и я передъ Богомъ клянусь, что сдержу свое слово, говорилъ юный помѣщикъ, не зная того, что такого рода изліянія неспособны возбуждать довѣрія ни въ какомъ, и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло, и неохотникѣ до выраженія чувствъ, какихъ бы то ни было прекрасныхъ.

Но простодушный молодой человѣкъ былъ такъ счастливъ тѣмъ чувствомъ, которое испытывалъ, что не могъ не излить его.

Чурисъ погнулъ голову на сторону и, медленно моргая, съ принужденнымъ вниманіемъ слушалъ своего барина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говоритъ вещи не совсѣмъ хорошія и совершенно до насъ не касающіяся.

— Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что у меня просятъ. Еслибъ я нѣкому не отказывалъ, кто у меня проситъ лѣса, у меня самого скоро бы ничего не осталось, и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ то я и отдѣлалъ заказъ, опредѣливъ его для исправленія крестьянскаго строенія и совсѣмъ отдалъ міру. Лѣсъ этотъ теперь ужъ не мой, а вашъ, крестьянскій, и уже я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается міръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку; я міру поговорю о твоей просьбѣ: коли онъ присудитъ тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю тебѣ помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дѣло уже не мое, а мірское. Ты понимаешь меня?

— Много довольны вашей милостью, отвѣчалъ смущенный Чурисъ. — Коли на дворъ лѣску ублаготворите, такъ мы и такъ поправимся. — Что мѣръ? Дѣло извѣстное...

— Нѣтъ, ты приходи.

— Слушаю. Я приду. Отчего не прійдти? Только ужь я у міра просить не стану.

IV.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую, нетопленную печь.

— Что, вы ужь обѣдали? наконецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначалась насмѣшливая улыбка, какъ-будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ? тяжело вздыхая, проговорила баба: — хлѣбушка поснѣдали — вотъ и обѣдъ нашъ. За сняткой нынче ходить неколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство, вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы: — хлѣбъ да лукъ — вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава-ти Господи, хлѣбушка-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба-то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михайла-огородника авадьсь посылали, за пучекъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату не откуда. Съ пасхи почитай-то и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ ужь давно зналъ не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находился его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо-тяжело и грустно, какъ-будто воспоминаніе о какомъ-то совершенномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны? сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какъ-жъ намъ и быть батюшка, ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая — вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно прогнѣвили и мы Бога, вотъ ужь съ холеры почитай хлѣба на родить. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые позаказали въ экономію, которые тоже въ барскія поля попридрали. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и

радъ бы похлопоталъ — силъ моихъ нѣту. Старуха моя больная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсь, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хотъ бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе: и мнѣ бы легче было, да и имъ-то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ! громко вздохнула баба, какъ-бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ, продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго, шаршаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время, робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, оставивъ исподлбѣя удивленные глаза на барина, обѣими рученками держался за рубаху Чуриса. — Вотъ и подсобка моя вся тутъ, продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своей шаршавой рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка: — когда его дождешься? а мнѣ ужь работа не въ мочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хотъ крикомъ кричи, а вѣдь ужь мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Ермиловъ, Демкинъ, Зябревъ — всѣ моложе меня давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого — вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь, ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебя облегчить, точно. Какъ же быть? сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо — ужь порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только будетъ милость ваша на счетъ училища его увольте; а то намеренъ земскій приходилъ, тоже говорить, и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужь его-то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслить.

— Нѣтъ, ужь это, братъ, какъ хочешь, сказалъ баринъ: — мальчикъ твой ужь можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди, какъ онъ у тебя подрастетъ, хозяиномъ станеть, да будетъ грамотъ знать и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать — вѣдь все у тебя дома съ Божьей помощью поидеть, говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ-можно-понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то краснѣя и заминаясь.

— Неспорно, ваше сіятельство: — вы намъ худа не желаете, да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ — ну а онъ хотъ и маленекъ, а все подсобляетъ, и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ, и Чурисенокъ съ улыбкой взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

— Все-таки ты присылай его, когда самъ дома и когда ему время — слышишь? непременно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

V.

— Да я еще хотѣлъ сказать тебѣ, сказалъ Нехлюдовъ: — отчего у тебя навозъ не вывезенъ?

— Какой у меня навозъ, батюшка, ваше сіятельство! И возить то нечего, Скотина моя какая? кобыленка одна да жеребенокъ, а телушку осенью изъ телятъ дворику отдалъ — вотъ и скотина моя вся.

— Такъ какъ же у тебя скотины мало, а ты еще телку изъ телятъ отдалъ? съ удивленіемъ спросилъ баринъ.

— А чѣмъ кормить станешь?

— Развѣ у тебя соломы-то не достанетъ, чтобъ корову прокормить? У другихъ достаетъ же.

— У другихъ земли навозныя, а моя земля глина одна, ничего не сдѣлаешь.

— Такъ вотъ и навозъ ее, чтобъ небыло глины; а земля хлѣбъ родить, и будетъ чѣмъ скотину кормить.

— Да и скотины-то нѣту, такъ какой навозъ будетъ?

«Это странный *cercle vicieux*» подумалъ Нехлюдовъ, но рѣшительно не могъ придумать, что посоветовать мужику.

— Опять и то сказать, ваше сіятельство, не навозъ хлѣбъ родить, а все Богъ, продолжалъ Чурисъ. — Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осминникѣ шесть копенъ стало, а съ навозкой и крестца не собрали. Никто какъ Богъ! прибавилъ онъ со вздохомъ. — Да и скотина ко двору нейдетъ къ нашему. Вотъ шестой годъ не живетъ. Лѣтось, одна телка издохла, другую продалъ: кормиться нечѣмъ было; а въ прошлый годъ важная корова пала: пригнали изъ стада, ничего не было, вдругъ зашаталась, зашаталась, и паръ вонъ. Все мое несчастье!

— Ну, братецъ, чтобъ ты не говорилъ, что у тебя скотины нѣтъ оттого, что корму нѣтъ, а корму нѣтъ оттого, что скотины нѣтъ, вотъ тебѣ на корову, сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя и доставая изъ кармана шараваръ скомканную пачку асигнацій и разбирая ее: — купи себѣ на мое счастье корову, а кормъ бери съ гумна — я прикажу. Смотри же, чтобъ къ будущему воскресенью у тебя была корова: я зайду.

Чурисъ, такъ долго съ улыбкой переминаясь, не подвигалъ руку за деньгами, что Нехлюдовъ положилъ ихъ на конецъ стола и покраснѣлъ еще больше.

— Много довольны вашей милостью, сказалъ Чурисъ съ своей обыкновенной, немного-насмѣшливой улыбкой.

Старуха нѣсколько разъ тяжело вздохнула подъ палатами и какъ-будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко; онъ торопливо всталъ съ лавки вышелъ въ сѣни и позвалъ за

собою Чуриса. Видъ человѣка, которому онъ сдѣлалъ добро, былъ такъ пріятенъ, что ему не хотѣлось скоро разстаться съ нимъ.

— Я радъ тебѣ помогать, сказалъ онъ, останавливаясь у колодца: — тебѣ помогать можно, потому что, я знаю, ты не лѣнишься. Будешь трудиться — и я буду помогать: съ Божіею помощію и поправишься.

— Ужъ не то, что поправиться, ваше сіятельство, сказалъ Чурисъ, принимая вдругъ серьезное, даже строгое выраженіе лица, какъ-будто весьма-недовольный предположеніемъ барина, что онъ можетъ поправиться. — Жили при бацкѣ съ братьями, ни въ чемъ нужды не видали; а вотъ какъ померъ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже да хуже пошло. Все одиночество!

— Зачѣмъ же вы разошлись?

— Все изъ-за бабъ вышло, ваше сіятельство. Тогда уже дѣдушки вашего не было, а то при немъ бы не посмѣли: тогда настоящіе порядки были. Онъ также, какъ и вы, до всего самъ доходилъ — и думать бы не смѣли расходиться. Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать; а нами послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Андрей Ильичъ — не тѣмъ будь помянутъ — человѣкъ былъ пьяный, необстоятельный. Пришли къ нему проситься разъ, другой — нѣтъ, молъ, житья отъ бабъ, позволь разойтись; ну, подралъ, подралъ, а наконецъ, тому дѣлу вышло, все-таки поставили бабы на своемъ, врозь стали жить; а ужъ одинокій мужикъ извѣстно какой! Ну да и порядковъ то никакихъ не было: орудовалъ нами Андрей Ильичъ, какъ хотѣлъ. «Чтобъ было у тебя все», а изъ чего мужику взять, того не спрашивалъ. Тутъ подушныя прибавили, столовый запасъ тоже собирать больше стали, а земель меньше стало и хлѣбъ рожать пересталъ. Ну, а какъ межевка пришла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли въ господскій клинъ отрѣзалъ, злодѣй, и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай! Батюшка вашъ — царство небесное — баринъ добрый былъ, да мы его и не видали почитай: все въ Москвѣ жилъ; ну, извѣстно и подводы туда чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣтъ, а вези! Нельзя же и барину безъ того. Мы этимъ обижаться не смѣемъ; да порядковъ не было. Какъ теперь ваша милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и мы другіе стали, и прикащикъ то другой человѣкъ сталъ. Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть. И ужъ и сказать нельзя, какъ мужички твоей милости благодарны. А то въ опеку настоящаго барина не было; всякій баринъ былъ: и опекунъ баринъ, и Ильичъ баринъ, и жена его барыня, и писарь изъ стану тотъ же баринъ. Тутъ-то много — ухъ! много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдовъ испыталъ чувство, похожее на стыдъ или угрызеніе совѣсти. Онъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

VI.

«Юхванка-Мудреный хочет лошадь продать» прочелъ Нехлюдовъ въ записной книжечкѣ и перешелъ чрезъ улицу, ко двору Юхванки-Мудренаго. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго свѣтлосѣраго осиноваго лѣса (тоже изъ барскаго заказа), съ двумя выкрашенными красными ставнями у оконъ и крылечкомъ съ навѣсомъ и съ затѣйливыми, вырѣзанными изъ тесинъ перильцами. Сѣнцы и холодная изба были тоже исправныя; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушался нѣсколько-пригороженной къ воротикамъ клѣткою съ недоплетеннымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, виднѣвшимся изъ за нея. Въ то самое время, какъ Нехлюдовъ подходилъ съ одной стороны къ крыльцу съ другой подходили двѣ крестьянскія женщины съ полнымъ ушатомъ. Одна изъ нихъ была жена, другая мать Юхванки-Мудренаго. Первая была плотная, румяная баба, съ необыкновенно-развитой грудью и широкими, мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавахъ и воротникѣ рубаха, такая же занавѣска, новая понева, коты, бусы, и вышитая красной бумагой и блестками, четвероугольная, щегольская кичка.

Конецъ водоноса не покачивался, а плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ красномъ лицѣ ея, въ изгибѣ спины и мѣрномъ движеніи рукъ и ногъ, выказывали въ ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванкина мать, несшая другой конецъ водоноса, была, напротивъ, одна изъ тѣхъ старухъ, которыя кажутся дошедшими до послѣдняго предѣла старости и разрушенія въ живомъ человѣкѣ. Костлявый остовъ ея, на которомъ надѣта была черная, изорванная рубаха и безцвѣтная понева былъ согнутъ, такъ что водоносъ лежалъ больше на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея, съ искривленными пальцами, которыми она, какъ будто ухватившись, держалась за водоносъ, были какого то темнобураго цвѣта и, казалось, не могли ужъ разгибаться; понурая голова, обвязанная какимъ то тряпьемъ, носила на себѣ самые уродливые слѣды нищеты и глубокой старости. Изъ подъ узкаго лба, изрытаго по всемъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенные рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ подъ верхней впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла похожи были на какіе то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движеніи. Она тяжело и хрипло дышала; но боясь, искривленные ноги, хотя, казалось, черезъ силу волочась по землѣ, мѣрно двигались одна за другою.

VII.

Почти столкнувшись съ бариномъ, молодая баба, бойко составила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими глазами исподлобья взглянула на барина, и, стараясь рукавомъ вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая котами, взбѣжала на сходцы.

— Ты, матушка, водоносъ то теткѣ Настасѣ отнеси, сказала она, останавливаясь въ двери и обращаясь къ старухѣ.

Скромный молодой помѣщикъ строго, но внимательно посмотрѣлъ на румяную бабу, нахмурился и обратился къ старухѣ, которая, выпроставъ корявыми пальцами водоносъ, взвалила его на плечи и покорно направилась было къ соседней избѣ.

— Дома сынъ твой? спросилъ баринъ.

Старуха, согнувъ еще болѣе свой согнутый станъ, поклонилась и хотѣла сказать что то, но, приложивъ руки ко рту, такъ закашлялась, что Нехлюдовъ, не дождавшись, вошелъ въ избу. Юхванка, сидѣвшій въ красномъ углу на лавкѣ, увидѣвъ барина, бросился къ печи, какъ-будто хотѣлъ спрятаться отъ него, поспѣшно сунулъ на полати какую то вещь и, подергивая ртомъ и глазами, прижался около стѣны, какъ будто давая дорогу барину. Юхванка былъ русый парень, лѣтъ тридцати, худощавый, стройный, съ молодой, остренькой бородкой, довольно-красивый, еслибъ не бѣгающіе каріе глазки, непріятно-выглядывавшіе изъ подъ сморщенныхъ бровей, и не недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, который тотчасъ бросался въ глаза, потому что губы его были коротки и безпрестанно шевелились. На немъ была праздничная рубаха съ ярко-красными ластовиками, полосатые набойчатые портки и тяжелые сапоги съ сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была такъ тѣсна и мрачна, какъ внутренность избы Чуриса, хотя въ ней такъ же было душно, пахло дымомъ и тулупомъ, и такъ же безпорядочно было раскинуто мужицкое платье и утварь. Двѣ вещи здѣсь какъ-то странно останавливали вниманіе: небольшой погнутый самоваръ, стоявшій на полкѣ, и черная рамка съ остаткомъ грязнаго стекла и портретомъ какого-то генерала въ красномъ мундирѣ, висѣвшая около иконъ. Нехлюдовъ, недружелюбно посмотрѣвъ на самоваръ, на портретъ генерала и на полати, на которыхъ торчалъ изъ подъ какой то ветошки конецъ трубки въ мѣдной оправѣ, обратился къ мужику:

— Здравствуй, Епифанъ, сказалъ онъ, глядя ему въ глаза.

Епифанъ поклонился, пробормоталъ: «здравія желаю, васясо», особенно-нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣжали всю фигуру барина, избу, полъ и потолокъ, не

останавливаясь ни на чемъ; потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатамъ, стащилъ оттуда зипунъ и сталъ надѣвать его.

— Зачѣмъ ты одѣваешься? сказалъ Нехлюдовъ, сядя на лавку и видимо стараясь какъ можно строже смотрѣть на Епифана.

— Какъ же, помилуйте, васясо, развѣ можно? Мы, кажется, можемъ понимать...

— Я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь продать хочешь? сухо сказалъ баринъ, видимо повторяя приготовленные вопросы.

— Мы много довольны вашему сясу, что не побрезгали зайти ко мнѣ, къ мужику, отвѣчалъ Юхванка, бросая быстрые взгляды на портретъ генерала, на печку, на сапоги барина и на всѣ предметы, исключая лица Нехлюдова: — мы всегда за вашего сяса Богу молимъ...

— Зачѣмъ тебѣ лошадь продать? повторилъ Нехлюдовъ, возвышая голосъ и прокашливаясь.

Юхванка вздохнулъ, встряхнулъ волосами (взглядъ его опять обѣжалъ избу) и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавкѣ, крикнулъ на нее «брысь, подлая» и торопливо оборотился къ барину. — Лошадь, которая, васясо, негодная... Коли бы животное добрая была, я бы продавать не сталъ, васясо.

— А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— Три лошади, васясо.

— А жеребятъ нѣтъ?

— Какъ можно-съ, васясо! И жеребенокъ есть.

VIII.

— Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей; онѣ у тебя на дворѣ?

— Такъ точно-съ, васясо; какъ мнѣ приказано, такъ и сдѣлано, васясо. Развѣ мы можемъ слушаться вашего сяса? Мнѣ приказалъ Яковъ Ильичъ, чтобъ, молъ, лошадей завтра въ поле не пущать: князь смотрѣть будутъ, мы и не пущали. Ужъ мы не смѣемъ слушаться вашего сяса.

Покуда Нехлюдовъ выходилъ въ двери, Юхванка досталъ трубку съ полатей и закинулъ ее за печку; губы его все также безпокойно передергивались и въ то время, какъ баринъ не смотрѣлъ на него.

Худая сивая кобыленка поребирала подъ навѣсомъ прѣлую солому; двухмѣсячный длинноногій жеребенокъ какого-то неопредѣленного цвѣта, съ голубоватыми ногами и мордой, не отходилъ отъ нея тощаго засореннаго рѣпьями хвоста. Посерединѣ двора, зажмурившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ, съ виду хорошая мужицкая лошадка.

— Такъ тутъ всѣ твои лошади?

— Никакъ нѣтъ-съ, васясо; вотъ еще кобылка, да вотъ жеребеночекъ, отвѣчалъ Юхванка, указы-

вая на лошадей, которыхъ баринъ не могъ не видѣть.

— Я вижу. Такъ какую же ты хочешь продать?

— А вотъ ешту-съ, васясо, отвѣчалъ онъ, махая полой зипуна на задремавшаго меренка и безпрестанно мигая и передергивая губами. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

— Онъ не старый на видъ и собою лошадка плотная, сказалъ Нехлюдовъ, — Поймай-ка его да покажи мнѣ зубы. Я узнаю, стара ли она.

— Никакъ невозможно поймать-съ одному, васясо. Вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая — и зубомъ и передомъ, васясо, отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза въ разныя стороны.

— Что за вздоръ! Поймай, тебѣ говорятъ.

Юхванка долго улыбался, переминался, и только тогда, когда Нехлюдовъ сердито крикнулъ: «Ну! что жъ ты?» бросился подъ навѣсъ, принесъ обротъ и сталъ гоняться за лошадью, пугая ее и подходя сзади а не спереди.

Молодому барину видимо надоѣло смотрѣть на это, да и хотѣлось, можетъ быть, показать свою ловкость. — Дай сюда обротъ! сказалъ онъ.

— Помилуйте! какъ можно васясу? не извольте...

Но Нехлюдовъ прямо съ головы подошелъ къ лошади и, вдругъ ухвативъ ее за уши, пригнулъ къ землѣ съ такой силой, что меренокъ, который, какъ оказывалось, была очень смирная мужицкая лошадка, зашатался и захрипѣлъ, стараясь вырваться. Когда Нехлюдовъ замѣтилъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилія, и взглянулъ на Юхванку, который не переставалъ улыбаться, ему пришла въ голову самая обидная въ его лѣта мысль, что Юхванка смѣется надъ нимъ и мысленно считаетъ его ребенкомъ. Онъ покраснѣлъ, выпустилъ уши лошади, и безъ помощи оброта открывъ ей ротъ, посмотрѣлъ въ зубы: клыки были цѣлы, чашки полныя, что все уже успѣлъ выучить молодой хозяинъ: стало быть лошадь молодая.

Юхванка въ это время отошелъ къ навѣсу и, замѣтивъ, что борона лежала не на мѣстѣ, поднялъ ее и; прислонилъ къ плетню, поставилъ стоймя.

— Поди сюда! крикнулъ баринъ съ дѣтски раздосадованнымъ выраженіемъ въ лицѣ и чуть не со слезами досады и злобы въ голосѣ. — Что, эта лошадь, старая?

— Помилуйте, васясо, очень стара, годовъ двадцать будетъ... которая лошадь...

— Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать: ему незачѣмъ! сказалъ Нехлюдовъ, задыхаясь отъ гнѣвныхъ слезъ, которыя подступили ему къ горлу. Онъ замолчалъ, чтобъ не осрамиться, расплакавшись при мужикѣ. Юхванка тоже молчалъ и съ видомъ человѣка, который сейчасъ заплачетъ, посапывалъ носомъ и слегка подергивалъ головой. — Ну, на чемъ же ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь? продолжалъ Нехлюдовъ, успокоившись достаточно, чтобъ говорить обыкновеннымъ голосомъ: — тебя нароч-

но посылаютъ напѣшія работы, чтобъ ты поправлялся лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продать? а главное, зачѣмъ ты лжешь?

Какъ только баринъ успокоился, и Юхванка успокоился. Онъ стоялъ прямо, и все также передергивая губами, перебѣгалъ глазами отъ одного предмета къ другому.

— Мы вашему сясу, отвѣчалъ онъ: — не хуже другихъ на работу выйдемъ.

— Да на чемъ же ты выйдешь?

— Ужь будьте покойны, вашего сяса работу справилъ, отвѣчалъ онъ, нукая на мерина и отгоняя его.—Коли бы не нужны деньги, то сталъ бы, развѣ, продавать?

— Зачѣмъ же тебѣ нужны деньги?

— Хлѣба нѣту-ти ничего, васясо, да и долги отдать мужичкамъ надо-ти, васясо.

— Какъ хлѣба нѣту? Отчего же у другихъ у семейныхъ еще есть, а у тебя, безсемейнаго, нѣту? Куда жъ онъ дѣвался?

— Ёли, вашего сяса, а теперь ни крохи нѣтъ. Лошадь я къ осени куплю, васясо.

— Лошадь продавать и думать не смѣй!

— Что жъ, васясо, коли такъ, то какая же наша жизнь будетъ? и хлѣба нѣту, и продавать ничего не смѣй, отвѣчалъ онъ совсѣмъ на сторону, передергивая губы и кидая вдругъ дерзкій взглядъ прямо на лицо барина:—значить, съ голоду помирать надо.

— Смотри, братъ! закричалъ Нехлюдовъ, блѣднѣя и испытывая злобное чувство личности противъ мужика:—такихъ мужиковъ, какъ ты, я держать не стану. Тебѣ дурно будетъ.

— На то воля вашего сясо, отвѣчалъ онъ, закрывая глаза съ притворно-покорнымъ выраженіемъ: коли я вамъ не заслужилъ. А, кажется, за мной никакого пороку незамѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему сясу не полюбился, то все въ волѣ вашей состоитъ; только не знаю за что я страдать долженъ.

— А вотъ за что: за то, что у тебя дворъ раскрытъ, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку куришь, а не работаешь; за то, что ты своей матери, которая тебѣ все хозяйство отдала, куска хлѣба не даешь, позволяешь ее своей женѣ бить, и доводишь до того, что она ко мнѣ жаловаться приходила.

— Помилуйте, ваше сясо, я и не знаю, какія эти трубки бываютъ, смущенно отвѣчалъ Юхванка, котораго, видно, преимущественно оскорбило обвиненіе въ куреніи трубки.—Про человѣка все сказать можно.

— Вотъ ты опять лжешь! Я самъ видѣлъ...

— Какъ я смѣю лгать вашему сясу!

Нехлюдовъ замолчалъ и, кусая губу, сталъ ходить взадъ и впередъ по двору. Юхванка, стоя на одномъ мѣстѣ, не поднимая глазъ, слѣдилъ за ногами барина.

— Послушай, Епифанъ, сказалъ Нехлюдовъ дѣтски-кроткимъ голосомъ, останавливаясь передъ мужикомъ и стараясь скрыть свое волненіе:—этакъ жить

нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько. Если ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою жизнь перемѣни, оставь свои привычки дурныя, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Вѣдь я про тебя все знаю. Занимайся хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобъ казенный лѣсъ воровать да въ кабакъ ходить. Подумай, что тутъ хорошаго! Коли тебѣ въ чемъ нибудь нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что нужно и зачѣмъ, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что только могу сдѣлать.

— Помилуйте, васясо, мы, кажется, можемъ понимать вашего сяса! отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь, какъ будто вполне понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и отвѣтъ совершенно разочаровали Нехлюдова въ надеждѣ тронуть мужика и увѣщаніями обратить на путь истинный. Притомъ ему все казалось, что неприлично ему, имѣющему власть, усовѣщивать своего мужика, и что все, что онъ говорилъ, совсѣмъ не то, что слѣдуетъ говорить. Онъ грустно опустилъ голову и вышелъ въ сѣни. На порогѣ сидѣла старуха и громко стонала, какъ казалось въ знакъ сочувствія словамъ барина, которыя она слышала.

— Вотъ вамъ на хлѣбъ, сказалъ ей на ухо Нехлюдовъ, кладя въ руку ассигнацію; только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропьетъ.

Старуха костлявой рукой ухватила за притолку, чтобъ встать и собралась благодарить барина; голова ея закачалась, но Нехлюдовъ уже былъ на другомъ концѣ улицы, когда она встала.

IX.

«Давыдка Бѣлый просилъ хлѣба и колъевъ», значилось въ записной книжкѣ послѣ Юхванки.

Пройдя нѣсколько дворовъ, Нехлюдовъ, при поворотѣ въ переулокъ, встрѣтился съ своимъ прикащикомъ, Яковомъ Алпатычемъ, который, издавѣ увидѣвъ барина, снялъ клеенчатую фуражку и, доставъ фулярный платокъ, сталъ обтирать толстое, красное лицо.

— Надѣнь, Яковъ! Яковъ, надѣнь же, я тебѣ говорю...

— Гдѣ изволили быть, ваше сіятельство? спросилъ Яковъ, защищаясь фуражкой отъ солнца, но не надѣвая ея,

— Былъ у Мудренаго. Скажи пожалуйста, отчего онъ такой сдѣлался? сказалъ баринъ, продолжая идти впередъ по улицѣ.

— А что, ваше сіятельство? отозвался управляющій, который въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ за бариномъ и, надѣвъ фуражку, расправлялъ усы.

— Какъ что? онъ совершенный негодай, лѣнтяй, воръ, лгунъ, мать свою мучить и какъ видно, такой закоренѣлый негодай, что никогда не исправится.

— Не знаю, ваше сіятельство, что онъ вамъ такъ не понравился...

— И жена его, перебилъ баринъ управляющаго: кажется прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одѣта, ѣсть нечего, а она разряженная, и онъ тоже. Что съ нимъ дѣлать—я рѣшительно не знаю.

Яковъ замѣтно смутился, когда Нехлюдовъ заговорилъ про жену Юхванки.

— Что жъ, коли онъ такъ себя попустилъ, ваше сіятельство, началъ онъ:—то надо мѣры изыскать. Онъ точно въ бѣдности, какъ и всѣ одинокіе мужики, но онъ все-таки себя сколько нибудь наблюдаетъ, не такъ, какъ другіе. Онъ мужикъ умный, грамотный, и ничего, честный, кажется, мужикъ. При сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ. И старостой при моемъ ужъ управленіи три года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьемъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нѣшто какъ въ городу на почтѣ живалъ, то хмѣлемъ немного позашибется, такъ надо мѣры изыскать. Бывало, запалитъ, постращаешь—онъ опять въ свой разумъ приходитъ: и ему хорошо, и въ семействѣ ладъ; а какъ вамъ неугодно, значитъ, эти мѣры употребить, то ужъ я и не знаю, что съ нимъ будемъ дѣлать. Онъ точно себя очень попустилъ. Въ солдаты опять негодится, потому, какъ изволили замѣтить, двухъ зубовъ нѣтъ. Да и не онъ одинъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что совершенно страху не имѣютъ...

— Ужъ это оставь, Яковъ, отвѣчалъ Нехлюдовъ, слегка улыбаясь:—про это мы съ тобой говорили и переговаривали. Ты знаешь, какъ я объ этомъ думаю, и что ты мнѣ ни говори, я все также буду думать.

— Конечно, ваше сіятельство, вамъ это все извѣстно, сказалъ Яковъ, пожимая плечами и глядя сзади на барина такъ какъ будто то, что онъ видѣлъ, не общало ничего хорошаго. — А что насчетъ старухи вы изволите безпокоиться, то это напрасно, продолжалъ онъ: — оно, конечно, что она сиротъ воспитала, вскормила и женила Юхвана, и все такое; но вѣдь это вообще въ крестьянствѣ, когда мать или отецъ сыну хозяйство передали, то ужъ хозяинъ сынъ и сноха, а старуха ужъ должна свой хлѣбъ зарабатывать по силѣ-по-мочи. Они, конечно, тѣхъ чувствъ нѣжныхъ не имѣютъ, но ужъ въ крестьянствѣ вообще такъ ведется. То и осмѣлюсь вамъ доложить, что напрасно старуха васъ трудила. Она старуха умная и хозяйка; да что жъ господина изъ-за всего безпокоить? Ну, поссорилась съ снохой, та, можетъ быть, ее и толкнула — бабѣ дѣло! и помпрились бы опять, чѣмъ васъ безпокоить. Ужъ вы и такъ слишкомъ все изволите къ сердцу принимать, говорилъ управляющій съ нѣкоторой нѣжностью и снисходительностью, глядя на барина, который молча большими шагами шелъ передъ нимъ вверхъ по улицѣ.

— Домой изволите, спросилъ онъ?

— Нѣтъ, къ Давыдкѣ Бѣлому, или Козлу... какъ онъ прозывается?

— Вотъ тоже, ладъ-то, доложу вамъ.—Ужъ эта вся порода Козловъ такая. Чего-чего съ нимъ не дѣлалъ—ничто не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхалъ, а у него и гречиха не посѣяна; что прикажете дѣлать съ такимъ народцомъ? Хотѣ бы старикъ-то сына училъ, а то такой же ладъ: ни на себя, ни на барщину, все какъ черезъ пень колоду валить.—Ужъ что-то съ нимъ не дѣлали и опекуны и я: и въ станъ посылали, и дома наказывали — вотъ что вы не изволите любить...

— Кого неужели старика?

— Старика-съ. Опекуны сколько разъ, и при всей сходкѣ наказывалъ, такъ вѣрите ли ваше сіятельство хотѣ-бы те что: встряхнется, поидетъ, и все то же. И вѣдь Давыдка, доложу вамъ, мужикъ смирный, и неглупый мужикъ, и не куритъ—не пьетъ, то есть, объяснилъ Яковъ:—а вотъ хуже пьянаго другаго. Одно, что въ солдаты коли выйдетъ или на поселенье, больше дѣлать нечего. Эта вся ужъ порода Козловъ такая: и Матрешка, что въ черной живетъ, тоже ихней семьи, такая же ладъ проклятый. Такъ я вамъ не нуженъ, ваше сіятельство? прибавилъ управляющій, замѣчая, что баринъ не слушаетъ его.

— Нѣтъ, ступай, разсѣянно отвѣчалъ Нехлюдовъ и направился къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара; только какія-то грязныя хлѣвушки для скотины лѣпились съ одной стороны; съ другой стороны кучею навалены были пригоровлетные для двора хворостъ и бревна. Высокій зеленый бурьянъ росъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Никого, кромѣ свиньи, которая лежала въ грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдовъ постучалъ въ разбитое окно; но такъ какъ никто не отозвался ему, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: «хозяева!» И на это никто не откликнулся. Онъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ пустые хлѣвушки, и вошелъ въ отворенную избу. Старый красный пѣтухъ и двѣ курицы, подергивая ожерельями постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкамъ. Увидѣвъ человѣка, они съ отчаяннымъ кудахтаньемъ, распустивъ крылья, забились по стѣнамъ, и одна изъ нихъ вскочила на печку. Шести-аршинную избѣнку всю занимали печь съ разломанной трубой, ткацкій станъ, который, несмотря на лѣтнее время, не былъ вынесенъ, и почернѣвшій столъ съ выгнутою, треснувшею доскою.

Хотя на дворѣ было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся въ прежній дождь отъ течи въ потолокъ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобъ мѣсто это было жилое — такой рѣшительный видъ запустѣнія и безпорядка носила на себѣ какъ наружность, такъ и внутренность избы; однако, въ этой избѣ жилъ Давыдка Бѣлый со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ

настоящую минуту, несмотря на жаръ іюньскаго дня, Давыдка, свернувшись съ головой въ полушубокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще неуспокоившаяся отъ волненія, расхаживая по спинѣ Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого въ избѣ, Нехлюдовъ хотѣлъ уже выйти, какъ протяжный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

— Эй! кто тутъ? крикнулъ баринъ.

Съ печи послышался другой протяжный вздохъ.

— Кто тамъ? Поди сюда!

Еще вздохъ, мычанье и громкій зѣвокъ отозвались на крикъ барина.

— Ну, что жъ ты?

На печи медленно зашевелилось; показалась пола истертаго тулупа; спустилась одна большая нога въ изорванномъ лаптѣ, потомъ другая, и наконецъ показалась вся фигура Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и лѣниво и недовольно большимъ кулакомъ протиравшаго глаза. Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу, и увидѣвъ барина, сталъ поворачиваться немного скорѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ тихо, что Нехлюдовъ успѣлъ раза три пройти отъ лужи къ ткацкому стану и обратно, а Давыдка все еще слѣзалъ съ печи. Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно бѣлый: и волоса, и тѣло, и лицо его — все было чрезвычайно бѣло. Онъ высокъ ростомъ и очень толстъ, но толстъ, какъ бываютъ мужики, то есть не животомъ, а тѣломъ. Толщина его, однако, была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, съ свѣтло-голубыми, спокойными глазами и съ широкой окладистой бородой, носило на себѣ отпечатокъ болѣзненности. На немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца; оно все было какого-то блѣднаго, желтоватаго цвѣта, съ легкимъ лиловымъ оттѣнкомъ около глазъ, и какъ будто все заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, какъ руки людей больныхъ водяною, и покрыты тонкими бѣлыми волосами. Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глазъ и стоять не пошатываясь и не зѣвая.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно, началъ Нехлюдовъ: — середь бѣлаго дня спать, когда тебѣ дворъ строить надо, когда у тебя хлѣба нѣтъ?..

Какъ только Давыдка опомнился отъ сна и сталъ понимать, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ сложилъ руки подъ животъ, опустил голову, склонивъ ее немного набокъ, и не двигался ни однимъ членомъ. Онъ молчалъ; но выраженіе лица его и положеніе всего тѣла говорило: «Знаю, знаю; ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну бейте же; коли такъ надо—я снесу». Онъ, казалось, желалъ, чтобъ баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его, даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ, но оставилъ поскорѣе въ покоѣ. Замѣчая, что Давыдка не понимаетъ его, Нехлюдовъ разными вопросами старался вывести мужика изъ его покорно-терпѣливаго молчанія.

— Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ лежитъ и самое свободное время такъ лежитъ — а?

Давыдка упорно молчалъ и не двигался.

— Ну, отвѣчай же!

Давыдка промывалъ что-то и моргнулъ своими бѣлыми рѣсницами.

— Вѣдь надо работать, братецъ: безъ работы что же будетъ? Вотъ теперь у тебя хлѣба нѣтъ, а все это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвояна, да не въремя засѣяна—все отъ лѣни. Ты просишь у меня хлѣба: ну, положимъ, я тебѣ дамъ, потому что нельзя тебѣ съ голоду умирать, да вѣдь этакъ дѣлать негодится. Чей хлѣбъ я тебѣ дамъ? какъ ты думаешь, чей? Ты отвѣчай: чей хлѣбъ я тебѣ дамъ? упорно допрашивалъ Нехлюдовъ.

— Господскій, пробормоталъ Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

— А господскій-то откуда? разсуди-ка самъ, кто подъ него вспахалъ? заскородилъ? кто его посѣялъ, убралъ? — мужички? такъ? Такъ вотъ видишь ли: ужъ если раздавать хлѣбъ господскій мужикамъ, такъ надо раздавать тѣмъ больше, которые больше за нимъ работали, а ты меньше всѣхъ — на тебя и на барщинѣ жалуются — меньше всѣхъ работалъ, а больше всѣхъ господскаго хлѣба просишь. За что же тебѣ давать, а другимъ нѣтъ? Вѣдько ли бы всѣ, какъ ты, на боку лежали, такъ мы давно всѣ бы на свѣтѣ съ голоду умерли. Надо, братецъ, трудиться, а это дурно — слышишь, Давыдъ?

— Слушаю-съ, медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

X.

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотно на коромыслѣ, и чрезъ минуту въ избу вошла давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ пятидесяти, весьма-свѣжая и живая. Изрытое рябинами и морщинами лицо ея было некрасиво, но прямой, твердый носъ, сжатые, тонкія губы и быстрые сѣрые глаза выражали умъ и энергію. Угловатость плечъ, плоскость груди, сухость рукъ и развитіе мышцъ на черныхъ, босыхъ ногахъ ея, свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно перестала быть женщиной и была только работникомъ. Она бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула поневу и сердито взглянула на сына. Нехлюдовъ что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на выглядывавшую изъ-за ткацкаго стана черную деревянную икону. Окончивъ это дѣло, она оправила грязный клѣтчатый платокъ, которымъ была повязана голова ея, и низко поклонилась барину.

— Съ праздникомъ Христовымъ, ваше сіятельство, сказала она: — спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ...

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно смутился, согнулъ нѣсколько спину и еще ниже опустилъ шею.

— Спасибо, Арина, отвѣчалъ Нехлюдовъ. — Вотъ я сейчасъ съ твоимъ сыномъ говорилъ о вашемъ хозяйствѣ.

Арина, или какъ ея прозвали мужики еще въ дѣвкахъ, Аришка-Бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая опиралась на ладонь лѣвой, и не дослушавъ барина, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся изба наполнилась звукомъ ея голоса и со двора могло показаться, что вдругъ говорятъ нѣсколько бабьихъ голосовъ.

— Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить! Вѣдь онъ и говорить-то не можетъ какъ человѣкъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ, продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую, массивную фигуру Давыдки. — Какое мое хозяйство, батюшка, ваше сіятельство? Мы голъ; хуже насъ во всей слободѣ у тебя нѣтъ: ни на себя, ни на барщину — срамъ! А все онъ довелъ. Родили, кормили, поили, не чаяли дожидаться парня. Вотъ и дождались: хлѣбъ лопаешь, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой, вонъ той, колоды. Только знаетъ на печи лежать, либо вотъ стоитъ, башку свою дурацкую скребетъ, сказала она, передразнивая его. — Хотъ бы ты его, отецъ, постращай бы, что ли. Ужъ я сама прошу: накажи ты его ради Господа Бога, въ солдаты ли — одинъ конецъ. Мѣчи моей съ нимъ не стало — вотъ что.

— Ну, какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, доводить до этого свою мать? сказалъ Нехлюдовъ, съ укоризной обращаясь къ мужику.

Давыдка не двигался.

— Вѣдь добро бы мужикъ хворый былъ, съ тою же живостью и тѣми же жестами продолжала Арина: — а то вѣдь только смотрѣть на него, вѣдь словно боровъ съ мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ. Возьмется за что, такъ не глядѣли бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая съ боку на бокъ своими угловатыми плечами. — Вѣдь вотъ нынче, старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхалъ, а ему наказалъ ямы копать: такъ нѣтъ, вотъ, и лопаты въ руки не бралъ... (На-минуту она замолчала)... Загубилъ онъ меня спроту! взвизгнула она вдругъ, размахнувъ руками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ сыну. — Гладкая твоя морда лаящая, прости Господи! (Она презрительно и вмѣстѣ отчаянно отвернулась отъ него, плюнула и снова обратилась къ барину съ тѣмъ же одушевленіемъ и, съ слезами на глазахъ, продолжая размахивать руками). Вѣдь все одна, кормилецъ. Старикъ-отъ мой хворый, старый, да и тоже проку въ немъ нѣтъ, а я все одна да одна. Камень и тотъ треснетъ. Хотъ бы помереть, такъ легче было бъ: одинъ конецъ. Заморилъ онъ меня, подлецъ! Отецъ ты нашъ! мѣчи моей ужъ нѣтъ! Невѣстка съ работы извелась — и мнѣ то же будетъ.

XI.

— Какъ извелась? недовѣрчиво спросилъ Нехлюдовъ.

— Съ натуги, кормилецъ, какъ Богъ святъ, извелась. Взяли мы ее запрошлый годъ изъ Бабурина, продолжала она, вдругъ перемѣняя свое озлобленное выраженіе на слезливое и печальное: — ну, баба была молодая, свѣжая, смиренная, родной. Дома-то у отца, за золовками, въ холѣ жила, нужды не видала, и какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала — и на барщину, и дома, и вездѣ. Она да я — только и было. Мнѣ что? я баба привычная, она же въ тяжести была, отецъ ты мой, да горе стала терпѣть; а все черезъ силу работала — ну, и надорвалась, сердечная. Лѣтось, петровками, еще на бѣду мальчишку родила, а хлѣбушка не было, кой-что, кой-что ѣли, отецъ ты мой, работа же спѣшная подошла — у ней груди и пересохни. Дѣтенокъ первенькій былъ, коровенки нѣту-ти, да и дѣло наше мужицкое: гдѣ ужъ рожкомъ выкормить; ну извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ дѣтенокъ померъ, ужъ она съ той кручины выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, все хуже да хуже: такъ извелась въ лѣто, сердечная, что къ Покрову и сама кончилась. Онъ ее порѣшилъ, бестія! снова съ отчаянной злобой обратилась она къ сыну... Что я тебя просить хотѣла, ваше сіятельство, продолжала она послѣ небольшого молчанія, понижая голосъ и кланаясь.

— Что? разсѣянно спросилъ Нехлюдовъ, еще взволнованный ея рассказомъ.

— Вѣдь онъ мужикъ еще молодой. Отъ меня ужъ какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ жены быть? Вѣдь онъ тебѣ не мужикъ будетъ. Обдумай ты насъ какъ нибудь, отецъ ты нашъ.

— То-есть, ты женить его хочешь? Что жъ? это дѣло!

— Сдѣлай Божескую милость; вы наши отцы-матери.

И, сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги барину.

— Зачѣмъ ты въ землю кланяешься? говорилъ Нехлюдовъ, съ досадой поднимая ее за плечи. — Развѣ нельзя такъ сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуйста; я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣтѣ.

Старуха поднялась и стала рукавомъ утирать сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и, потерѣвъ глаза пухлымъ кулакомъ, въ томъ-же терпѣливо-покорномъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что говорила Арина.

— Невѣсты-то есть, какъ не быть! Вотъ Васютка Михейкина, дѣвка ничего, да вѣдь безъ твоей воли не пойдетъ.

— Развѣ она не согласна?

— Нѣтъ, кормилецъ, коли по согласію пойдетъ!

— Ну такъ что жъ дѣлать? Я принуждать не

могу; поищите другую: не у себя, так у чужих; я выкуплю, только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдать замужъ нельзя. И закона такого нѣтъ, да и грѣхъ это большой.

— Э-э-эхъ, кормилецъ! да статочное ли дѣло, глядя на нашу жизнь, да на нашу нищету, чтобъ охотой пошла? Солдатка самая и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ дѣвку къ намъ во дворъ отдастъ? Отчаянный не отдастъ. Вѣдь мы голь, нищета. Одну, скажутъ, почитай, что съ голоду заморили, такъ и моей то же будетъ. Кто отдастъ? прибавила она, недовѣрчиво качая головой: — разсуди, ваше сіятельство.

— Такъ что жъ я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насъ какъ-нибудь, родимый! повторила убѣдительно Арина: — что жъ намъ дѣлать?

— Да что жъ я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ случаѣ.

— Кто жъ насъ обдумаетъ, коли не ты? сказала Арина, опустивъ голову и съ выраженіемъ печальнаго недоумѣнія, разводя руками.

— Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить, сказалъ баринъ послѣ небольшого молчанія, во время котораго Арина вздыхала и Давыдка вторилъ ей. — А больше я ничего не могу сдѣлать.

Нехлюдовъ вышелъ въ сѣни. Мать и сынъ, кланяясь, вышли за барининомъ.

ХП.

— О-охъ сиротство мое! сказала Арина, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчасъ повернулся и, тяжело переваливъ черезъ порогъ свою толстую ногу въ огромный, грязномъ лаптѣ, скрылся въ противоположной двери.

— Что я съ нимъ буду дѣлать, отецъ? продолжала Арина, обращаясь къ барину. — Вѣдь самъ видишь, какой онъ! Онъ вѣдь мужикъ не плохой, не пьяный и смирный мужикъ, ребенка малаго не обидитъ — грѣхъ напрасно сказать; худаго за нимъ ничего нѣту, а ужъ и Богъ знаетъ, что такое съ нимъ поприitchилось, что онъ самъ себѣ злодѣй сталъ. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Вѣришь ли, батюшка, сердце кровью обливается на него глядя, какую онъ муку принимаетъ. Вѣдь какой ни есть, а моя утроба носила; жалѣю его, ужъ какъ жалѣю!.. Вѣдь онъ не то, чтобъ супротивъ меня, али отца, али начальства что бѣ дѣлалъ, онъ мужикъ боязливый, сказать, что дитя малое. Какъ ему вдовцомъ быть? Обдумай ты насъ, кормилецъ, повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое ея брань могла произвести на барина... Я батюшка, ваше сіятельство, продолжала она довѣрчивымъ шопотомъ: — и такъ клала и такъ прикидывала: ума не приложу, отчего онъ такой. Не иначе, какъ испортили его злые люди.

(Она помолчала немного). Коли найдти человѣка, его излечить можно.

— Какой вздоръ ты говоришь Арина! какъ можно испортить?

— И, отецъ ты мой, такъ испортятъ, что и навѣкъ нечеловѣкомъ сдѣлаютъ! Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! По злобѣ вынетъ горсть земли изъ-подъ слѣду... или что тамъ... и на-вѣкъ нечеловѣкомъ сдѣлаетъ; долго ли до грѣха? Я такъ-себѣ думаю, не сходить ли мнѣ къ Дундуку, старикъ, что въ Воробьевкѣ живетъ: онъ знаетъ всякія слова, и травы знаетъ, и порчу снимаетъ, и съ креста воду спускаетъ; такъ не пособить ли онъ? говорила баба: — може онъ его излечитъ.

«Вотъ она, нищета-то и невѣжество!» думалъ молодой баринъ, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. «Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Оставить его въ этомъ положеніи невозможно и для себя, и для примѣра другихъ, и для него самого, невозможно» говорилъ онъ себѣ, вычитывая на пальцахъ эти причины. «Я не могу видѣть его въ этомъ положеніи, а чѣмъ вывести его? Онъ уничтожаетъ всѣ мои лучшіе планы въ хозяйствѣ. Если останутся такіе мужики, мечты мои никогда не сбудутся» подумалъ онъ, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушеніе его плановъ. «Сослать на поселенье, какъ говоритъ Яковъ, коли онъ самъ не хочетъ, чтобъ ему было хорошо, или въ солдаты? точно: по-крайней-мѣрѣ и отъ него избавлюсь и еще замѣню хорошаго мужика» разсуждалъ онъ.

Онъ думалъ объ этомъ съ удовольствіемъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то неясное сознаніе говорило ему, что онъ думаетъ только одной стороною ума и что-то нехорошо. Онъ остановился. «Постой, о чемъ я думаю» сказалъ онъ самъ себѣ: «да, въ солдаты, на поселенье. За что? Онъ хорошій человѣкъ, лучше многихъ, да и почему я знаю... Отпустить на волю?» подумалъ онъ, разсматривая вопросъ не одной стороною ума, какъ прежде — «несправедливо, да и невозможно.» Но вдругъ ему пришла мысль, которая очень обрадовала его; онъ улыбнулся съ выраженіемъ человѣка, разрѣшившаго себѣ трудную задачу. «Взять во дворъ» сказалъ онъ самъ себѣ: «самому наблюдать за нимъ, и кротостью, и увѣщаніями, выборомъ занятій приучать къ работамъ и исправлять его.»

ХІІІ.

«Такъ и сдѣлаю» съ радостнымъ самодовольствомъ сказалъ самъ себѣ Нехлюдовъ, и вспомнивъ, что ему надо было еще зайти къ богатому мужику Дутлову, онъ направился къ высокой и просторной связи, съ двумя трубами, стоявшей посреди деревни. Подходя къ ней, онъ столкнулся у сосѣдней избы съ высокой, ненарядной бабой, лѣтъ сорока, шедшей ему на встрѣчу.

— Съ праздникомъ, батюшка, сказала ему, насколько не робѣя, баба, останавливаясь подлѣ него и радушно улыбаясь и кланаясь.

— Здравствуй, кормилица, отвѣчалъ онъ: — какъ поживаешь? Вотъ иду къ твоему сосѣду.

— Такъ-съ, батюшка, ваше сіятельство, хорошее дѣло. А что, къ намъ не пожалуете? Ужь какъ бы мой старикъ радъ былъ!

— Что жь, зайду, потолкуемъ съ тобой, кормилица. Эта твоя изба?

— Эта самая, батюшка.

И кормилица побѣжала впередъ. Войдя вслѣдъ за нею въ сѣни, Нехлюдовъ сѣлъ на кадушку, досталъ и закурилъ палиросу.

— Тамъ жарко; лучше здѣсь посидимъ, потолкуемъ, отвѣчалъ онъ на приглашеніе кормилицы войти въ избу. Кормилица была еще свѣжая и красивая женщина. Въ чертахъ лица ея и особенно въ большихъ черныхъ глазахъ было большое сходство съ лицомъ барина. Она сложила руки подъ занавѣской и, смѣло глядя на барина и безпрестанно вилая головой, начала говорить съ нимъ:

— Что жь это, батюшка, зачѣмъ изволите къ Дутлову жаловать?

— Да хочу, чтобъ онъ у меня землю нанялъ, десятинъ тридцать, и свое бы хозяйство завелъ, да еще чтобъ лѣсъ онъ купилъ со мной вмѣстѣ. Вѣдь деньги у него есть, такъ что жь имъ, такъ, даромъ лежать? Какъ ты объ этомъ думаешь, кормилица?

— Да что жь? Извѣстно, батюшка, Дутловы люди сильные; во всей вотчинѣ почитай первый мужикъ, отвѣчала кормилица, помахивая головой. — Лѣтъ съ другую связь изъ своего лѣса поставилъ, господъ не трудили. Лошадей у нихъ, окромя жеребятъ да подростковъ, троекъ шесть соберется, а скотины, коровъ да овецъ какъ съ поля гонять да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъто сопрется, что бѣда; да и пчелъ-то колодокъ сотни двѣ, не то больше живеть. Мужикъ очень-очень сильный, и деньги должны быть.

— А какъ ты думаешь, много у него денегъ? спросилъ баринъ.

— Люди говорятъ, извѣстно по злобѣ, можетъ, что у старика деньги немалыя; ну да про то онъ сказывать не станетъ и сыновьямъ не открываетъ, а должны быть. Отчего ему рожей не заняться? Нѣшто побоится славу про деньги пустить. Онъ тоже, годовъ пять тому, лугами было съ Шкаликъ-мъ дворникомъ въ долѣ, помалости сталъ заниматься, да обманулъ, что ли, его Шкаликъ-то, такъ рублевъ триста пропало у старика; съ-тѣхъ-поръ и бросилъ. Да какъ имъ исправнымъ не быть, батюшка, ваше сіятельство! продолжала кормилица: — при трехъ земляхъ живутъ, семья большая, все работники, да и старикъ-отъ — что же худо говорить — сказать, что хозяинъ настоящий. Во всемъ-то ему задача, что дивится народъ даже; и на

хлѣбъ, и на лошадей, и на скотину, и на пчелъ, и на ребятъ-то счастье. Теперь всѣхъ поженилъ. То у своихъ дѣвокъ бралъ, а теперь Илюшку на вольной женилъ, самъ откупилъ. И тоже баба хорошая вышла.

— Что жь они, ладно живутъ? спросилъ баринъ.

— Какъ въ дому настоящая голова есть, то и ладъ будетъ. Хоть бы Дутловы — извѣстно бабѣ дѣло: невѣстки за печкой полаются; полаются, а все подъ старикомъ-то и сыновья ладно живутъ.

Кормилица помолчала немного.

— Теперь старикъ большаго сына, Карпа, слышать, хочетъ хозяиномъ въ дому поставить. Старъ, моль, ужъ сталъ; мое дѣло около пчелъ. Ну Карпъ-то и хороший мужикъ, мужикъ акуратный, а все далеко противъ старика хозяиномъ не выйдетъ. Ужь того разума нѣту!

— Такъ вотъ Карпъ захочетъ, можетъ-быть, заняться и землей и рощами — какъ ты думаешь? сказалъ баринъ, желавшій отъ кормилицы выпытать все, что она знала про своихъ сосѣдей.

— Врядъ ли, батюшка, продолжала кормилица: — старикъ сыну денегъ не открывалъ. Пока самъ живъ да деньги у него въ домѣ, значить, все стариковъ разумъ орудуетъ; да и они больше извозомъ занимаются.

— А старикъ не согласится?

— Побойтся.

— Чего жь онъ побоится?

— Да какъ же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неравенъ случай, и всѣхъ денегъ рѣшится! Вотъ съ дворникомъ въ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ жь ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги; а съ помѣщикомъ то ужъ и вовсе квити какъ-разъ будетъ.

— Дѣ, отъ этого... сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя. Прощай, кормилица.

— Прощайте, батюшка, ваше сіятельство. Покорно благодаримъ.

XIV.

«Нейдти ли домой?» подумалъ Нехлюдовъ, подходя къ воротамъ Дутловыхъ и чувствуя какую-то неопредѣленную грусть и моральную усталость.

Но въ это время новыя тесовыя ворота со скрипомъ отворились передъ нимъ, и красивый, румяный бѣлокурый парень, лѣтъ восемнадцати, въ ямской одеждѣ, показался въ воротахъ, ведя за собой тройку крѣпконогихъ, еще потныхъ косматыхъ лошадей, и, бойко встряхнувъ бѣлыми волосами, поклонился барину.

— Что, отецъ дома, Илья? спросилъ Нехлюдовъ.

— На осикѣ, за дворомъ, отвѣчалъ парень, проводя, одну за другою, лошадей въ полуотворенныя ворота.

«Нѣтъ, выдержу характеръ, предложу ему, сдѣлаю, что отъ меня зависитъ» подумалъ Нехлюдовъ и, пропустивъ лошадей, вошелъ на просторный дворъ Дутлова. Видно было, что со двора недавно былъ вывезенъ навозъ: земля была еще черная, потная, и мѣстами, особенно въ воротникахъ, валялись красные волокнистые клочья. На дворѣ и подъ высокими навѣсами въ порядкѣ стояло много телѣгъ, сохъ, саней, колодокъ, кадокъ и всякаго крестьянскаго добра; голуби перепархивали и ворковали въ тѣни подъ широкими, прочными стропилами; пахло навозомъ и дегтемъ. Въ одномъ углу Карпъ и Игнатъ прилаживали новую подушку подъ большую трюичную, окованную телѣгу. Всѣ три сына Дутловы были почти на одно лицо. Меньшой, Илья, встрѣтившійся Нехлюдову въ воротахъ, былъ безъ бороды, поменьше ростомъ, румянѣе и наряднѣе старшихъ; второй, Игнатъ, былъ повыше ростомъ, почернѣе, имѣлъ бородку клиномъ, и хотя былъ тоже въ сапогахъ, ямской рубахѣ и поярковой шляпѣ, не имѣлъ того праздничнаго, беззаботнаго вида, какъ меньшой братъ. Старшій, Карпъ, былъ еще выше ростомъ, носилъ лапти, сѣрый кафтанъ и рубаху безъ ластовиковъ, имѣлъ окладистую рыжую бороду и видъ не только серьезный, но почти мрачный.

— Прикажете батюшку послать, ваше сіятельство? сказалъ онъ, подходя къ барину и слегка и неловко кланаясь.

— Нѣтъ, я самъ пройду къ нему на осикъ, посмотрю его устройство тамъ; а мнѣ съ тобой поговорить нужно, сказалъ Нехлюдовъ, отходя въ другую сторону двора, съ тѣмъ, чтобъ Игнатъ не могъ слышать того, что онъ намѣренъ былъ говорить съ Карпомъ.

Самоувѣренность и нѣкоторая гордость, замѣтная во всѣхъ пріемахъ этихъ двухъ мужиковъ, и то, что сказала ему кормилица, такъ смущали молодого барина, что ему трудно было рѣшиться говорить съ ними о предполагаемомъ дѣлѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ-будто виноватымъ, и ему казалось легче говорить съ однимъ братомъ такъ, чтобъ другой не слышалъ. Карпъ какъ-будто удивился, зачѣмъ баринъ отводитъ его въ сторону, но послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ что, началъ Нехлюдовъ, заминаясь: — я хотѣлъ тебя спросить: много у васъ лошадей?

— Троекъ пять наберется, жеребятки есть тоже, развязно отвѣчалъ Карпъ, почесывая спину.

— Что, братья твои на почтѣ ѣздятъ?

— Гоняемъ почту на трехъ тройкахъ, а то Илюшка въ извозъ ходилъ; вотъ только вернулся.

— Что жъ, это вамъ выгодно? Сколько вы этимъ зарабатываете?

— Да какая выгода, ваше сіятельство? По крайности кормимся съ лошадьми — и то слава Богу.

— Такъ зачѣмъ же вы другимъ чѣмъ-нибудь не займетесь? Вѣдь можно бы вамъ лѣса покупать, или землю нанимать.

— Оно, конечно, ваше сіятельство, землю нанять можно, когда бѣ гдѣ сподручная была.

— Я вотъ что хочу вамъ предложить, чѣмъ вамъ извозомъ заниматься, чтобъ только кормиться. Наймите вы лучше землю десятины тридцать у меня. Весь клинъ, что за Саповымъ я вамъ отдамъ, да заведите свое хозяйство большое.

И Нехлюдовъ, увлеченный своимъ планомъ о крестьянской фермѣ, который онъ не разъ самъ съ собою повторялъ и передумывалъ, уже не запинаясь сталъ объяснять мужику свое предположеніе о мушкетерской фермѣ.

Карпъ слушалъ очень-внимательно слова барина.

— Мы много довольны вашей милостью, сказалъ онъ, когда Нехлюдовъ замолчалъ, посмотрѣвъ на него, ожидая отвѣта. Извѣсто, тутъ худаго ничего нѣтъ. Землей заниматься мужику лучше, чѣмъ съ кнутикомъ ѣздить. По чужимъ людямъ ходить, всякаго народа видить, балуется нашъ братъ. Самое хорошее дѣло, что землей мужику заниматься.

— Такъ какъ ты думаешь?

— Поколи батюшка живъ, такъ я что жъ думать могу, ваше сіятельство? На то воля его.

— Проведи-ка меня на осикъ; я поговорю съ нимъ.

— Сюда пожалуйста, сказалъ Карпъ, медленно направляясь къ заднему сараю. Онъ отворилъ низенькую калитку, ведущую на осикъ, и, пропустивъ въ нее барина и затворивъ ее, подошелъ къ Игнату и молча принялся за прерванную работу.

XV.

Нехлюдовъ, нагнувшись, прошелъ черезъ низенькую калитку, изъ-подъ тѣнистаго навѣса, на находившійся за дворомъ осикъ. Небольшое пространство, окруженное соломой и просвѣчивающими плетнями, въ которомъ симметрично стояли покрытые обрѣзками досокъ улья, съ шумно-вьющеюся около нихъ золотистою пчелою, было все залито горячими, блестящими лучами юнскаго солнца. Отъ калитки протоптанная тропинка вела на середину къ деревянному голубцу съ стоявшимъ на немъ фольговымъ образкомъ, ярко-блестѣвшимъ на солнцѣ. Нѣсколько молодыхъ липъ, стройно подымавшихся выше соломенной крыши сосѣднаго двора свои кудрявыя макушки, вмѣстѣ съ звукомъ жужжанія пчелъ, чуть слышно колыхались своей темнозеленой, свѣжей листвою. Всѣ тѣни, отъ крытаго забора, отъ липъ и отъ ульевъ, покрытыхъ досками, черно и коротко падали на мелкую, курчавую траву, пробивавшуюся между ульями. Согнутая небольшая фигурка старика съ блестящей на солнцѣ, открытой сѣдой головой и плѣшью, виднѣлась около двери рубленнаго, крытаго свѣжей соломой мшеника, своявшаго между липами. Услышавъ скрипъ калитки, старикъ оглянулся и, отирая

полой рубахи свое потное, загорѣлое лицо, и кротко, радостно улыбаясь, пошелъ на встрѣчу барину.

Въ пчельникѣ было такъ уютно, радостно, тихо, прозрачно; фигура сѣдаго старичка съ лучеобразными, частыми морщинками около глазъ, въ какихъ-то широкихъ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу, который, переваливаясь и добродушно, самодовольно улыбаясь, привѣтствовалъ барина въ своихъ исключительныхъ владѣніяхъ, была такъ простодушно-ласкова, что Нехлюдовъ мгновенно забылъ тяжелыя впечатлѣнія нынѣшняго утра, и его любимая мечта живо представилась ему. Онъ видѣлъ уже всѣхъ своихъ крестьянъ такими же богатыми, добродушными, какъ старикъ Дутловъ, и всѣ ласково и радостно улыбались ему; потому что ему одному были обязаны своимъ богатствомъ и счастьемъ.

— Не прикажете ли, сѣтку ваше сіятельство? Теперь пчела злая, кусаетъ, сказалъ старикъ, снимая съ забора пахнуцій медомъ, грязный холстинный мѣшокъ, пришитый къ лубку, и предлагая его барину. — Меня пчела знаетъ, не кусаетъ, прибавилъ онъ съ кроткой улыбкой, которая почти не сходила съ его красиваго, загорѣлаго лица.

— Такъ и мнѣ не нужно. Чтѣ, ронется ужъ? спросилъ Нехлюдовъ, самъ не зная чему, тоже улыбаясь.

— Коли ронется, батюшка Митрій Миколаичъ, отвѣчалъ старикъ, выражая какую-то особенную ласку въ этомъ названіи барина по имени и отчеству: — вотъ только, только-что братъ зачала какъ слѣдъ. Нынче весна холодная была, изволите знать.

— А вотъ я читалъ въ книжкѣ, началъ Нехлюдовъ, отмахиваясь отъ пчелы, которая, забившись ему въ волосы, жужжала подъ самымъ ухомъ: — что коли вощина прямо стоитъ, по жердочкамъ, то пчела раньше ронется. Для этого дѣлаютъ такіе улья изъ досокъ... съ перекладин...

— Вы не извольте махать: она хуже, сказалъ старичокъ; а то сѣтку, не прикажете ли подать?

Нехлюдову было больно; но по какому-то дѣтскому самолюбію ему не хотѣлось признаться въ этомъ, и онъ, еще разъ отказавшись отъ сѣтки, продолжалъ рассказывать старичку о томъ устройствѣ ульевъ, про которое онъ читалъ въ «Maison rustique», и при которомъ, по его мнѣнію, должно было въ два раза больше рониться; но пчела ужалила его въ шею, и онъ сбился и замылся въ срединѣ разсужденія.

— Оно точно, батюшка Митрій Миколаичъ, сказалъ старикъ съ отеческимъ покровительствомъ, глядя на барина: — точно въ книжкѣ пишутъ. Да, можетъ, это такъ дурно писано, что вотъ молъ онъ сдѣлаетъ, какъ мы пишемъ, а мы посмѣемся потомъ. И это бываетъ! Какъ можно пчелу учить, куда ей вощину крѣпить? Она сама по колодкѣ наровитъ, другой разъ поперегъ, а то прямо. Вотъ извольте посмотрѣть; прибавилъ онъ, оттыкая одну изъ ближайшихъ колодокъ и заглядывая въ от-

верстіе покрытое шумящей и ползающей пчелой по кривымъ вощинамъ: — вотъ эта молодая; она видать, въ головѣ у ней матка сидитъ, а вощину она и прямо и въ бокъ ведетъ, какъ ей по колодкѣ лучше, говорилъ старикъ видимо увлекаясь своимъ любимымъ предметомъ и не замѣчая положенія барина: — вотъ нынче она съ калошкой идетъ, нынче день теплый, все видать, прибавилъ онъ, затыкая опять улей и прижимая тряпкой ползающую пчелу, и потомъ огребая грубой ладонью нѣсколько пчелъ съ морщинистаго затылка. Пчелы не кусали его; но за то Нехлюдовъ ужъ едва могъ удерживаться отъ желанія выбѣжать изъ пчельника: пчелы мѣстахъ въ трехъ ужалили его и жужжали со всѣхъ сторонъ около его головы и шеи.

— А много у тебя колодокъ? спросилъ онъ, отступая къ калиткѣ.

— Что Богъ далъ, отвѣчалъ Дутловъ посмѣиваясь: — считать не надо, батюшка: пчела не любить. Вотъ, ваше сіятельство, я просить вашу милость хотѣлъ, продолжалъ онъ, указывая на тоненькія колодки, стоящія у забора, объ Осипѣ, кормилицыномъ мужѣ; хотѣ-бы вы ему заказали: въ своей деревнѣ такъ дурно дѣлать по сосѣдству, нехорошо.

— Какъ дурно дѣлать?.. Ахъ, однако, онѣ, кусаютъ! отвѣчалъ баринъ, уже взявшись за ручку калитки.

— Да вотъ что ни годъ, свою пчелу на моихъ молодыхъ напускаетъ. Имъ бы поправляться, а чужая пчела у нихъ вощину повытаскаетъ да и подсѣкаетъ, говорилъ старикъ, не замѣчая ужимокъ барина.

— Хорошо, послѣ, сейчасъ... проговорилъ Нехлюдовъ и, не въ силахъ уже болѣе терпѣть, отмахиваясь обѣими руками, рысью выбѣжалъ въ калитку.

— Землей потеряетъ: оно ничего, сказалъ старикъ, выходя на дворъ вслѣдъ за бариномъ. Баринъ потеръ землею то мѣсто, гдѣ былъ ужаленъ, краснѣя, быстро оглянулся на Карна и Игната, которые не смотрѣли на него, и сердито нахмурился.

XVI.

— Чтѣ я насчетъ ребятъ хотѣлъ просить ваше сіятельство, сказалъ старикъ, какъ будто, или дѣйствительно не замѣчая грознаго вида барина.

— Что?

— Да вотъ лошадами, слава-те Господи, мы исправны, и батракъ есть, такъ барщина за нами не постоитъ.

— Такъ что жъ?

— Коли бы милость ваша была, ребятъ на оброкъ отпустить, такъ Илюшка съ Игнатомъ въ извозъ бы на трехъ тройкахъ пошли на все лѣто: може, что бы и заработали.

— Куда жъ они пойдутъ?

— Да какъ прійдется, вмѣшался Илюшка, который въ это время, привязавъ лошадей подъ навѣстъ, подошелъ къ отцу. Кадминскіе ребята на восьми тройкахъ въ Ромень ѣздили, такъ, говорятъ, прокормились, да десятка по три на тройку домой привезли; а то и въ Одесѣ, говорятъ, кормы дешевые.

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобой, сказалъ баринъ, обращаясь къ старику и желая половчѣе навести его на разговоръ о фермѣ. — Скажи, пожалуйста, развѣ выгодиѣ ѣздить въ извозъ, чѣмъ дома хлѣбопашествомъ заниматься?

— Когда не выгодиѣ, ваше сіятельство! опять вмѣшался Илья, бойко встряхивая волосами: — дома-то лошадей кормить нечѣмъ.

— Ну, а сколько ты въ лѣто выработаешь?

— Да вотъ съ весны, на что корма дорогіе были, мы въ Кіевъ съ товаромъ ѣздили, въ Курскомъ опять до Москвы крупу наложили, такъ и сами прокормились, и лошади сыты были, да и пятнадцать рублѣвъ денегъ привезъ.

— Оно не бѣда заниматься честнымъ промысломъ, какимъ бы то ни было, сказалъ баринъ, снова обращаясь къ старику: — но мнѣ кажется, что можно бы другое занятіе найдти; да и работа эта такая, что ѣздить молодой малый вездѣ, всякій народъ видитъ, избаловаться можетъ, прибавилъ онъ, повторяя слова Карпа.

— Чѣмъ же нашему брату, мужику, заниматься, какъ не извозомъ? возразилъ старикъ съ своей кроткой улыбкой. — Съѣздишь хорошо — и самъ сытъ, и лошади сыты; а что насчетъ баловства, такъ они у меня, слава-ти Господи, не первый годъ ѣздятъ, да и самъ я ѣзжалъ, и дурнаго ни отъ кого не видалъ, кромѣ добраго.

— Мало ли чѣмъ другимъ вы бы могли заняться дома: и землей, и лугами...

— Какъ можно, ваше сіятельство! подхватилъ Илюшка съ одушевленіемъ: — ужъ мы съ этимъ родились, всѣ эти порядки намъ извѣстны, способное для насъ дѣло, самое любезное дѣло, ваше сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ѣздить!

— А что, ваше сіятельство, просимъ чести, въ избу не пожалуете ли? На новосельи еще не изволили быть, сказалъ старикъ, низко кланаясь и мигая сыну. Илюшка рысью побѣжалъ въ избу, а вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ старикомъ, вошелъ и Нехлюдовъ.

XVI.

Войдя въ избу, старикъ еще разъ поклонился, смахнулъ полой зипуна съ лавки передняго угла и, улыбаясь, спросилъ:

— Чѣмъ васъ просить, ваше сіятельство?

Изва была бѣлая (съ трубой), просторная, съ полатями и нарами. Свѣжія осиновыя бревна, между которыми виднѣлся недавно-завядшій мохъ, еще

не почернѣли; новыя лавки и полати не огладились и полъ еще не убился. Одна молодая, худощавая, съ продолговатымъ, задумчивымъ лицомъ крестьянская женщина, жена Ильи, сидѣла на нарахъ и качала ногой зыбку, на длинномъ шестѣ привѣшенную къ потолку. Въ зыбкѣ, чуть замѣтно дыша и закрывъ глазенки, раскинувшись, дремалъ грудной ребенокъ; другая, плотная, краснощекая баба, хозяйка Карпа, засучивъ выше локтя сильныя, загорѣлыя выше кисти руки, передъ печью крошила лукъ въ деревянной чашкѣ. Рябая беременная баба, закрываясь рукавомъ, стояла около печи. Въ избѣ, кромѣ солнечнаго жара, было жарко отъ печи и сильно пахло только что испеченнымъ хлѣбомъ. Съ полатей съ любопытствомъ поглядывали внизъ, на барина, бѣлокурныя головки двухъ парнишекъ и дѣвочки, забравшихся туда въ ожиданіи обѣда.

Нехлюдову было радостно видѣть это довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ было почему то совѣстно передъ бабами и дѣтьми, которые всѣ смотрѣли на него. Онъ краснѣя, сѣлъ на лавку.

— Дай мнѣ горячаго хлѣба кусочекъ, я его люблю, сказалъ онъ и покраснѣлъ еще больше.

Карпова хозяйка отрѣзала большой кусокъ хлѣба и на тарелкѣ подала его барину. Нехлюдовъ молчалъ, не зная, что сказать; бабы тоже молчали; старикъ кротко улыбался.

«Однако, чего жъ я стыжусь? точно я виноватъ въ чемъ нибудь» подумалъ Нехлюдовъ: «отчего жъ мнѣ не сдѣлать предложеніе о фермѣ? Какая глупость!» Однако онъ все молчалъ.

— Что жъ, батюшка Митрій Миколаичъ, какъ насчетъ ребятъ то прикажете? сказалъ старикъ.

— Да я бы тебѣ совѣтовалъ вовсе не отпускать ихъ, а найдти здѣсь имъ работу, вдругъ собравшись съ духомъ, выговорилъ Нехлюдовъ. — Я, знаешь, что тебѣ придумалъ: купи ты со мной пополамъ рошу въ казенномъ лѣсу, да еще землю...

— Какъ же, ваше сіятельство, на какія же деньги покупать будемъ? перебилъ онъ барина.

— Да вѣдь небольшую рошу, рублей въ двѣсти, замѣтилъ Нехлюдовъ.

Старикъ сердито усмѣхнулся.

— Хорошо, кабы были, отчего бы не купить, сказалъ онъ.

— Развѣ у тебя ужъ этихъ денегъ нѣтъ? съ упрекомъ сказалъ баринъ.

— Охъ, батюшка ваше сіятельство! отвѣчалъ съ грустью въ голосѣ, старикъ, оглядываясь въ двери: только бы семью прокормить, а ужъ намъ не роши покупать.

— Да вѣдь есть у тебя деньги, что жъ имъ лежать? настаивалъ Нехлюдовъ.

Старикъ вдругъ пришелъ въ сильное волненіе; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

— Може злые люди про меня сказали, заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — такъ, вѣрите Богу, говорилъ онъ, одушевляясь все болѣе и болѣе

и обращая глаза къ иконѣ:—что вотъ лопни мои глаза, провались я на семь мѣстѣ, коли у меня что есть окромѣ пятнадцати цѣлковыхъ, что Ильшка привезъ, и то подушныя платить надо — вы сами изволите знать: избѣ поставили...

— Ну, хорошо, хорошо! сказалъ баринъ, вставая съ лавки.—Прощайте, хозяева.

XVII.

«Боже мой! Боже мой» думалъ Нехлюдовъ, большими шагами направляясь къ дому по тѣнистымъ аллеямъ заросшаго сада и разсѣянно обрывая листья и вѣтви, попадавшіеся ему на дорогѣ: «неужели вздоръ были всѣ мои мечты о цѣли и обязанностяхъ моей жизни? Отчего мнѣ тяжело, грустно, какъ будто я недоволенъ собой, тогда какъ я воображалъ, что, разъ найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно удовлетвореннаго чувства, которую испыталъ въ то время, когда мнѣ въ первый разъ пришли эти мысли?» И онъ съ необыкновенной живостью и ясностью перенесся воображеніемъ за годъ тому назадъ, къ этой счастливой минутѣ.

Рано—рано утромъ онъ всталъ прежде всѣхъ въ домѣ и, мучительно волнуемый какими то затаенными, невыраженными порывами юности, безъ цѣли вышелъ въ садъ, оттуда въ лѣсъ, и среди майской, сильной, сочной, но спокойной природы, долго бродилъ одинъ, безъ всякихъ мыслей, страдая избыткомъ какого то чувства и не находя выраженія ему. То со всею прелестью неизвѣстнаго юное воображеніе его представляло ему сладострастный образъ женщины, и ему казалось, что вотъ оно, невыраженное желаніе. Но какое-то другое, высшее чувство говорило *не то* и заставляло его искать чего-то другаго. То неопытный, пылкій умъ его, возносясь все выше и выше, въ сферу отвлеченія, открывалъ, какъ казалось ему, законы бытія, и онъ съ гордымъ наслажденіемъ останавливался на этихъ мысляхъ. Но снова высшее чувство говорило *не то* и снова заставляло его искать и волноваться. Безъ мыслей и желаній, какъ это всегда бываетъ послѣ усиленной дѣятельности, онъ легъ на спину подъ деревомъ и сталъ смотрѣть на прозрачныя утреннія облака, пробѣгавшія надъ нимъ по глубокому, безконечному небу. Вдругъ, безъ всякой причины, на глаза его навернулись слезы и, Богъ знаетъ какимъ путемъ, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую онъ ухватился съ наслажденіемъ—мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье въ мірѣ. Высшее чувство неговорило *не то*; онъ приподнялся и сталъ повѣрять эту мысль. «Оно, оно, такъ!» говорилъ онъ себѣ, съ восторгомъ, мѣряя всѣ прежнія убѣжденія, всѣ явленія жизни на вновь-открытую, ему казалось, совершенно-новую истину. «Какая глупость все то, что я зналъ, чему вѣрилъ

и что любилъ» говорилъ онъ самъ себѣ: «любовь, самоотверженіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастье!» твердилъ онъ, улыбаясь и размахивая руками. Со всѣхъ сторонъ прикладывая эту мысль къ жизни и находя ей подтвержденіе и въ жизни и въ томъ внутреннемъ голосѣ, говорившемъ ему, что это *то*, онъ испытывалъ новое для него чувство радостнаго волненія и восторга. «Итакъ, я долженъ дѣлать добро, чтобъ быть счастливымъ» думалъ онъ и вся будущность его уже отвлеченно, а въ образахъ, въ формѣ помѣщичьей жизни живо рисовалась предъ нимъ.

Онъ видѣлъ передъ собой огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятить на добро, и въ которой слѣдовательно, будетъ счастливъ. Ему не надо искать сферы дѣятельности: она готова; у него есть прямая обязанность — у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный трудъ представляется ему — «дѣйствовать на этотъ простой, воспримчивый, неспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ, по-счастью, я пользуюсь, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду дѣлать это для собственного счастья, я буду наслаждаться благодарностью ихъ, буду видѣть, какъ, съ каждымъ днемъ, я дальше-и-дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность! Какъ могъ я прежде не видѣть этого?»

«И кромѣ этого» въ то же время думалъ онъ: «кто мнѣ мѣшаетъ самому быть счастливымъ въ любви къ женщинѣ, въ счастьи семейной жизни?» И юное воображеніе рисовало ему еще болѣе-обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто, никогда, никого не любилъ на свѣтѣ, мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ быть, съ старухой теткой: у насъ есть наша взаимная любовь, любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе — добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія, справедливыя пособія, завожу фермы, сберегательныя кассы, мастерскія; а она, съ своей хорошенькой головкой, въ простомъ бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройной ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазаретъ, къ несчастному мужику, по справедливости, незаслуживающему помощи, и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ... Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее, какъ на какого-то ангела, на Провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила къ несчастному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее и крѣпко и нѣжно целую ея прелестныя глаза, стыдливо-краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы»

XVIII.

«Гдѣ эти мечты?» думалъ теперь юноша, послѣ своихъ посѣщеній подходя къ дому: «вотъ ужъ больше года, что я ишу счастья на этой дорогѣ, и что жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою; но это какое то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ, потому-что я здѣсь не знаю счастья, а желаю, страстно желаю счастья. Я не испыталъ наслажденій, уже отрицалъ отъ себя все, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легче? Правду писала тѣтка, что легче самому найти счастье, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, беспомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни» подумалъ онъ, и ему почему-то вспоминалось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при многочисленной публикѣ, пустили въ входъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями. И вдругъ такъ же живо, какъ прежде, представлялась ему деревенская прогулка по лѣсу и мечта о помѣщичьей жизни, такъ же живо представилась ему его московская студенческая комнатка, въ которой онъ поздно ночью сидѣлъ, при одной свѣчкѣ, съ своимъ товарищемъ и обожаемымъ шестнадцатилѣтнимъ другомъ. Они часовъ пять сряду читали и повторяли какія-то скучныя записки гражданскаго права, и, окончивъ ихъ, послали за ужиномъ, сложились на бутылку шампанскаго и разговорились о будущности, которая ожидаетъ ихъ. Какъ совѣмъ-иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслажденій, разнообразной дѣятельности, блеска, успѣховъ и несомнѣнно вела ихъ обоихъ къ лучшему, какъ тогда казалось, благо въ мірѣ — къ славѣ.

«Онъ ужъ идетъ и быстро идетъ по этой дорогѣ» подумалъ Нехлюдовъ про своего друга: «а я...»

Но въ это время онъ уже подходилъ къ крыльцу дома, около котораго стояло человѣкъ десять мужиковъ и дворовыхъ, съ различными просьбами дождавшихся барина, и отъ мечтаній онъ долженъ былъ обратиться къ дѣйствительности.

Тутъ была и оборванная, растрепанная и окровавленная крестьянская женщина, которая съ пла-

чемъ жаловалась на свекора, будто-бы хотѣвшаго убить ее; тутъ были два брата, ужъ второй годъ дѣлившіе между собой свое крестьянское хозяйство и съ отчаянной злобой смотрѣвшіе другъ на друга; тутъ былъ и небритый сѣдой дворовый, съ дрожащими отъ пьянства руками, котораго сынъ его, садовникъ, привелъ къ барину, жалуясь на его безпутное поведеніе; тутъ былъ мужикъ, выгнавшій свою бабу изъ дома за то, что она цѣлую весну не работала; тутъ была и эта больная баба, его жена, которая всхлипывая и ничего не говоря, сидѣла на травѣ у крыльца и выказывала свою воспаленную, небрежно-обязанную какимъ-то грязнымъ тряпьемъ, распухшую ногу...

Нехлюдовъ выслушалъ всѣ просьбы и жалобы, и посовѣтовавъ однимъ, разобравъ другихъ и обѣщавъ третьимъ, испытывая какое-то смѣшанное чувство усталости, стыда, безсилія и раскаянія, прошелъ въ свою комнату.

XIX.

Въ небольшой комнатѣ, которую занималъ Нехлюдовъ, стоялъ старый кожаный диванъ, обитый мѣдными гвоздиками; нѣсколько такихъ креселъ; раскинутый старинный бостонный столъ съ инкрустациями, углубленіями и мѣдной оправой, на которомъ лежали бумаги, и старинный, желтенькій, открытый англійскій рояль съ истертыми, погнувшимися узенькими клавишами. Между окнами висѣло большое зеркало въ старой, позолоченной рѣзной рамѣ. На полу, около стола, лежали кппы бумагъ, книгъ и счетовъ. Вообще вся комната имѣла безхарактерный и безпорядочный видъ; и этотъ живой безпорядокъ составлялъ рѣзкую противоположность съ чопорнымъ старинно-барскимъ убранствомъ другихъ комнатъ большаго дома. Войдя въ комнату, Нехлюдовъ сердито бросилъ шляпу на столъ и сѣлъ на стулъ, стоявшій предъ роялемъ, положивъ ногу на ногу и опустивъ голову.

— Что завтракать будете, ваше сіятельство? сказала вошедшая въ это время высокая, худая, сморщенная старуха, въ чепцѣ, большомъ платкѣ и ситцевомъ платьѣ.

Нехлюдовъ оглянулся на нее и помолчалъ немного, какъ-будто опоминаясь.

— Нѣтъ, не хочется, няня, сказалъ онъ, и снова задумался.

Няня сердито покачала на него головой и вздохнула:

— Эхъ, батюшка, Дмитрій Николаичъ, что скучаете? И не такое горе бываетъ, все пройдетъ — ей-Богу...

— Да я и не скучаю. Съ чего ты взяла, матушка Маланья Оиногеновна? отвѣчалъ Нехлюдовъ, стараясь улыбнуться.

— Да какъ не скучать, развѣ я не вижу? съ жаромъ начала говорить няня: — день-деньской одинъ-одинешенекъ. И все-то вы къ сердцу принимаете, до всего сами доходите; ужъ и кушать почти ничего не стали. Развѣ это резонъ? Хотѣ бы въ городъ поѣхали или къ сосѣдямъ, а то виданное ли дѣло? Ваши года молодые, такъ обо всемъ сокрушаться! Ты меня извини, батюшка, я сяду, продолжала няня, сядясь около двери: — вѣдь такую повадку дали, что ужъ никто не боится. Развѣ такъ господа дѣлаютъ? Ничего тутъ хорошаго нѣтъ; только себя губишь да и народъ-то балуется. Вѣдь нашъ народъ какой: онъ этого не чувствуетъ, право. Хотѣ бы къ тетенькѣ поѣхалъ: она правду писала... усовѣщевала его няня.

Нехлюдову все становилось грустнѣе и грустнѣе. Правая рука его, опиравшаяся на колѣнѣ, вяло дотронулась до клавишей. Вышелъ какой-то аккордъ, другой, третій... Нехлюдовъ подвинулся ближе, вынулъ изъ кармана другую руку и сталъ играть. Аккорды, которые онъ бралъ, были иногда неподготовлены, даже несовсѣмъ-правильны, часто были обыкновенны до пошлости и не показывали въ немъ никакого музыкальнаго таланта, но ему доставляло это занятіе какое-то неопредѣленное, грустное наслажденіе. При всякомъ измѣненіи гармоніи, онъ съ замираніемъ сердца ожидалъ, что изъ него выйдетъ и, когда выходило что-то, онъ смутно дополнялъ воображеніемъ то, чего не доставало. Ему казалось, что онъ слышитъ сотни мелодій: и хоръ, и оркестръ, сообразный съ его гармоніей. Главное же наслажденіе доставляла ему усиленная дѣятельность воображенія, безсвязно и отрывисто, но съ поразительною ясностью представлявшаго ему въ это время самые разнообразныя, перемѣшанные и нелѣпыя образы и картины изъ прошедшаго и будущаго. То представляется ему пухлая фигура Давыдки-Бѣлаго, испуганно-мигающаго бѣлыми рѣсницами при видѣ чернаго, жилистаго кулака своей матери, его круглая спина и огромныя руки, покрытыя бѣлыми волосами, однимъ терпѣніемъ и преданностью судьбѣ отвѣчающія на истязанія и лишенія. То онъ видитъ бойкую, осмѣлившуюся на дворнѣ кормилицу и почему-то воображаетъ, какъ она ходитъ по деревнямъ и проповѣдуетъ мужикамъ, что отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно, и онъ безсознательно повторяетъ самъ себѣ: «да, отъ помѣщиковъ деньги прятать нужно». То вдругъ ему представляется русая головка его будущей жены, почему-то въ слезахъ и въ глубокомъ горѣ склоняющаяся къ нему на плечо; то онъ видитъ добрые, голубые глаза Чурнса, съ нѣжностью глядящіе на единственнаго пузатаго сынишку. Да онъ въ немъ, кромѣ сына, видитъ помощника и спасителя. «Вотъ это любовь!» шепчетъ онъ. Потомъ вспоминаетъ онъ о матери Юхванки, вспоминаетъ о выраженіи терпѣнія и всепрощенія, которое, несмотря на торчащій зубъ и уродливыя черты, онъ замѣтилъ на старческомъ лицѣ ея. «Должно быть, въ семде-

сятъ лѣтъ ея жизни я первый замѣтилъ это» думаетъ онъ и шепчетъ «странно!» продолжая безсознательно перебирать клавиши и вслушиваться въ звуки. Потомъ онъ живо вспоминаетъ свое бѣгство съ пчельника и выраженіе лицъ Игната и Карпа, которымъ видимо хочется смѣяться, но которые какъ-будто не смотрятъ на него. Онъ краснѣетъ и невольно оглядывается на няню, которая продолжаетъ сидѣть около двери и молча, пристально глядя на него, изрѣдка покачивая сѣдой головой. Вотъ вдругъ ему представляется тройка потныхъ лошадей и красивая, сильная фигура Илюшки съ свѣтлыми кудрями, весело-блестящими, узкими голубыми глазами, свѣжимъ румянцемъ и свѣтлымъ пухомъ, только-что начинающимъ покрывать его губу и подбородокъ. Онъ вспоминаетъ, какъ боялся Илюшка, чтобъ его не пустили въ извозъ и какъ горячо заступался за это, любезное для него дѣло; и онъ видитъ сѣрое, раннее туманное утро, подсклизлую шоссеиную дорогу и длинный рядъ высоко-нагруженныхъ и покрытыхъ рогожами тропичныхъ воевъ съ большими черными буквами. Толстоногіе, сытые кони, погрохивая бубенчиками, выгибая спину и натягивая постромки, дружно тянутъ въ гору, напряженно цѣпляя длинными шипами за склизкую дорогу. На встрѣчу обоза, подъ гору, шибко бѣжитъ почта, звеня колокольчиками, которые отзываются далеко по крупному лѣсу, тянущемуся съ обѣихъ сторонъ дороги.

— А-а-ай! громко ребяческимъ голосомъ кричитъ передовой ящикъ съ бляхой на поярковой шляпѣ, подымая кнутъ надъ головой.

У передняго колеса перваго воза тяжело шагаетъ въ огромныхъ сапогахъ Карпъ съ своей рыжей бородой и угрюмымъ взглядомъ. На второмъ возу высовывается красивая голова Илюшки, который, подъ рогожей передка, славно пригрѣлся на зорькѣ. Три тройки, нагруженные чемоданами, съ грохотомъ колесъ, звономъ колокольчиковъ и крикомъ пронесли мимо; Илюшка снова прячетъ свою красивую голову подъ рогожу и засыпаетъ. Вотъ и ясный теплый вечеръ. Передъ усталыми, столпившимися у постоялаго двора тройками, скрипятъ тесовыя ворота, и одинъ за другимъ, подпрыгивая по доскѣ, лежащей въ воротахъ, скрываются высокіе рогожные возы, подъ просторными навѣсами. Илюшка весело здоровается съ бѣлолицой, широкогрудой хозяйкой, которая спрашиваетъ: «Изда-лече ли? и много ли ужинать будутъ?» съ удовольствіемъ поглядывая на красиваго парня своими блестящими, сладкими глазами. Вотъ онъ, убравъ коней, идетъ въ жаркую, набитую народомъ избу, крестится, садится за полную деревянную чашку, ведя веселую рѣчь съ хозяйкой и товарищами. А вотъ и ночлегъ его подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ, виднѣющимся изъ-подъ навѣса, на пахучемъ сѣнѣ, около лошадей, которыя, переминаясь и похрапывая, перебираютъ кормъ въ деревянныхъ ясляхъ. Онъ подошелъ къ сѣну, повернулся на востокъ и, разъ тридцать сряду перекрестивъ свою

широкую, сильную грудь и встряхнувъ свѣтлыми кудрями, прочелъ «Отче» и разъ двадцать «Господи помилуй», и, увернувшись съ головой въ армякъ, засыпаетъ здоровымъ беззаботнымъ сномъ сильнаго, свѣжаго человѣка. И вотъ видитъ онъ во снѣ города Кіевъ съ угодниками и толпами богомольцевъ, Роменъ съ купцами и товарами, видитъ Одесѣ и далекое синее море съ бѣлыми парусами, и городъ Царьградъ съ золотыми домами

и бѣлогрудыми, чернобровыми турчанками, куда онъ летитъ, поднявшись на какихъ-то невидимыхъ крыльяхъ. Онъ свободно и легко летитъ все дальше-и-дальше, и видитъ внизу золотые города, облитые яркимъ сіяньемъ, и синее небо съ чистыми звѣздами, и синее море съ бѣлыми парусами — и ему сладко и весело летѣть все дальше-и-дальше...

«Славно!» шепчетъ себѣ Нехлюдовъ, и мысль: зачѣмъ онъ не Илюшка—тоже приходитъ ему.

ЗАПИСКИ МАРКЕРА.

ПОВѢСТЬ.

ЗАПИСКИ МАРКЕРА.

ПОВѢСТЬ.

Такъ, часу въ третьемъ было дѣло. Играли господа: гость большой (такъ его наши прозвали), князь былъ, (что съ нимъ все ѣздить), усатый баринъ тоже былъ, гусаръ маленький, Оливеръ, что въ актерахъ былъ, *Панъ* были. Народу было порядочно.

Гость большой съ княземъ играли. Только вотъ я себѣ съ машинкой кругъ бильярда похаживаю, считаю: десять и сорокъ-восемь, двѣнадцать и сорокъ-восемь. Извѣстно, наше дѣло маркерское; у тебя еще во рту куска не было и не спалъ-то ты двѣ ночи; а все знай покрикивай, да шары вынимай. Считаю себѣ, смотрю, новый баринъ какой-то въ дверь вошелъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и сѣлъ на диванчикъ. Хорошо.

Кто, молъ, это такой будетъ? изъ какихъ, то есть, думаю про себя.

Одѣтъ чисто, ужъ такъ чисто, что какъ съ иглочки все платье на немъ: брюки триковые клѣтчатые, скюрточокъ модный, коротенькой, жилетъ плюшевый и цѣпь золотая, а на ней всякія штучки висятъ.

Одѣтъ чисто, а ужъ изъ себя еще того чище: тонкій, высокій, волосы завиты напередъ, по модному, и съ лица бѣлый, румяный, ну, сказать, молодецъ.

Оно извѣстно, наше дѣло такое, что народу всякаго видимъ; и самаго, что ни есть важнаго и дряни-то много бываетъ; такъ все хоти и маркеръ, а къ людямъ принаровишься; то есть въ томъ разѣ, что въ политикѣ-то кое-что смыслишь.

Посмотрѣлъ я на барина, вижу, сидитъ тихо, ни съ кѣмъ не знакомъ и платье-то на немъ новехонько, думаю себѣ: али изъ иностранцевъ, англичанъ будетъ, али изъ графовъ какихъ пріѣзжихъ. И даромъ что молодой, видъ имѣетъ въ себѣ. Подлѣ него Оливеръ сидѣлъ, такъ посторо- нился даже.

Кончили партію; большой проигралъ. Кричитъ на меня:

— Ты, говоритъ, все врешь, не такъ считаешь, по сторонамъ смотришь.

Бранится, кій шваркнулъ и ушелъ. Вотъ поди ты! По вечерамъ съ княземъ по пятидесяти цѣлковыхъ партію играютъ, а тутъ бутылку *макону* проигралъ и самъ не въ себѣ. Ужъ такой характеръ! Другой разъ до двухъ часовъ играютъ съ княземъ; денегъ въ лузу не кладутъ, и ужъ знаю, денегъ нѣтъ ни у того, ни у другаго, а все фарсать:

— Идетъ, говоритъ, отъ двадцати-пяти уголъ?

— Идетъ!

Зѣвни только, али шара не такъ поставь — вѣдь не каменный человѣкъ? — такъ только послушай:

— Не на щепки, говоритъ, играютъ, а на деньги.

Ужъ этотъ пуще всѣхъ меня донимаетъ.

Ну хорошо. Только князь и говоритъ новому барину-то, какъ большой ушелъ:

— Не угодно ли, говоритъ, со мной сыграть?

— Съ удовольствіемъ, говоритъ.

Сидѣлъ онъ, такъ такимъ фофаномъ смотреть, что ну! Куражный то есть изъ себя, ну а какъ всталъ, подошелъ къ бильярду, и не то заробѣлъ. Заробѣлъ, не заробѣлъ, а видно, что ужъ не въ своемъ духѣ. Въ платьѣ, что ли, въ повомъ неловко, али боится, что смотрятъ всѣ на него, только ужъ форцу того нѣтъ. Ходитъ бокомъ какъ-то, карманомъ за лузы цѣпляетъ, станеть кій мѣлить, мѣлъ уронить. Гдѣ бы и сдѣлалъ шара, такъ все оглядывается, да краснѣетъ. Не то, что князь: тотъ ужъ привыкъ — намѣлить, намѣлить себѣ руку, рукава засучить, да какъ пойдетъ садить, такъ лузы трещать, даромъ что маленькой.

Сыграли двѣ или три партіи, ужъ не помню, князь кій положилъ, говоритъ:

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія.
— Нехлюдовъ, говорить.
— Вашъ, говорить, батюшка корпусомъ командоваль?

— Да, говорить.
Тутъ по-французски что-то часто заговорили; ужъ я не понималъ. Должно, все родство вспоминали.

— А ревуаръ, говорить князь: — очень радъ съ вами познакомиться.

Вымылъ руки и ушелъ кушать; а тотъ стоитъ съ кіемъ у бильярда, шарикъ поталкиваетъ.

Наше дѣло, извѣстно, съ новымъ человѣкомъ, что грубѣй быть, то лучше: я взялъ шары да и собираю. Онъ покраснѣлъ, говорить:

— Можно еще сыграть?

— Извѣстно, говорю, на то бильярдъ стоитъ, чтобъ играть.

А самъ на него не смотрю, кіи уставляю.

— Хочешь со мной играть?

— Извѣстно, говорю, сударь.

Шары поставилъ.

— На пролазъ угодно?

— Что такое значитъ, говорить, на пролазъ?

— Да такъ, я говорю, вы мнѣ полтинничекъ, а я подъ бильярдъ пролѣзу.

Извѣстно, ничего не видавши, чудно ему показалось, смѣется.

— Давай, говорить.

— Хорошо. Я говорю: мнѣ впередъ сколько пожалеете?

— Развѣ, говорить, ты хуже меня играешь?

— Какъ можно, я говорю, у насъ противъ васъ и игровыхъ мало.

Стали играть. Ужъ онъ и точно думаетъ, что мастеръ: стучить такъ, что бѣда; а Панъ сидитъ да все приговариваетъ:

— Вотъ такъ шаръ! вотъ такъ ударъ!

А какой!... ударишка точно былъ, да расчету ничего не знаетъ. Ну, какъ водится, проигралъ я первую партію: полѣзъ, крихчу. Тутъ Оливеръ, Панъ съ мѣстовъ пососкочили, кіями стучать.

— Славно! Еще! говорятъ — еще!

А ужъ чего «еще»! особенно Панъ-то за полтинникъ радъ бы не то подъ бильярдъ, подъ Синій мостъ пролѣзть. А то туда же кричить:

— Славно, говорить, пыль не всю еще вытеръ.

Петрушка маркель. я чай, всѣмъ извѣстенъ. Тюрикъ былъ да Петрушка маркель.

Только игры, извѣстно, не открылъ: проигралъ другую.

— Мнѣ, говорю — съ вами, сударь — такъ и такъ не сыграть.

Смѣется. Потомъ какъ выигралъ я три партіи — у нихъ сорокъ-девять было, у меня никого — я положилъ кіи на бильярдъ, говорю:

— Угодно, баринъ, на всю?

— Какъ на всю? говорить.

— Либо три рубли за вами, либо ничего, говорю.

— Какъ, говорить, развѣ я съ тобой на деньги играю? Дуракъ!

Покраснѣлъ даже.

Хорошо. Проигралъ онъ партію.

— Довольно, говорить.

Досталъ бумажникъ, новенькой такой, въ аглицкомъ магазинѣ купленъ, открылъ, ужъ я вижу, пофорсить хотѣлъ. Полнехонекъ денегъ, да все сторублевья.

— Нѣтъ, говорить, тутъ мелочи нѣтъ.

Досталъ изъ кошелька три рубля.

— Тебѣ, говорить, два, да за партіи, а остальное возьми на водку.

Благодарю, молъ, покорно. Вижу баринъ славный! Для такого можно полазить. Одно жаль, на деньги не хочетъ играть; а то, думаю, ужъ я бы изловчился: глядишь, рублей двадцать, а то и сорокъ потянулъ бы.

Какъ Панъ увидѣлъ деньги у молодого баринато. — Не угодно ли, говорить, со мной партію? Вы такъ отлично играете. Такой лисой подѣхалъ.

— Нѣтъ, говорить, извините; мнѣ некогда. И ушелъ.

И не знай, кто онъ такой былъ Панъ этотъ. Прозвалъ его кто-то *паномъ*, такъ и пошло. День денской, бывало, сидитъ въ бильярдной, все смотритъ. Ужъ его и въ игру ни въ какую не принимали, все сидитъ себѣ, принесетъ трубку и курить. Да ужъ и игралъ чисто.

Хорошо. Пришелъ Нехлюдовъ въ другой разъ, въ третій: сталъ часто ходить. И утромъ и вечеромъ бывало ходить. Въ три шара, алагеръ, пирамидку: все узналъ. Смѣлѣй сталъ, познакомился со всѣми и играть сталъ порядочно. Извѣстно человѣкъ молодой, большой фамиліи, съ деньгами, такъ и уважалъ каждый. Только съ однимъ съ гостемъ съ большимъ разъ какъ-то повздорилъ.

И изъ-за пустяковъ дѣло вышло.

Играли алагеръ князь, гость большой, Нехлюдовъ, Оливеръ и еще кто то. Нехлюдовъ стоитъ около печки, говорить съ кѣмъ-то; а большому играть. Только шаръ его и придишь какъ разъ противъ самой печки: тѣсненько тамъ, да и любить онъ размахнуться.

Вотъ онъ, не видаль, что ли, Нехлюдова, али нарочито, какъ размахнется въ шара, да Нехлюдова въ грудь турникомъ ка-акъ стукнетъ! Охнулъ даже сердечный. Такъ чтожъ? Нѣтъ того, чтобъ извиниться — грубый такой! Пошелъ себѣ дальше, на него и не посмотрѣлъ; да еще бормочетъ:

— Чего, говорить, тутъ суются? Отъ этого шара не сдѣлалъ. Развѣ нѣтъ мѣста?

Тотъ подошелъ къ нему, поблѣднѣлъ весь, а говорить какъ ни въ чемъ не былъ, учтиво такъ:

— Вы бы прежде, сударь, должны извиниться; вы меня толкнули, говорить.

— Не до извиненій мнѣ теперь; я бы, говорить, долженъ выиграть, а теперь, говорить, вотъ моего шара сдѣлають.

Тотъ ему опять говорить:

— Вы должны, говорить, извиниться.

— Убирайтесь вы, говорить. — Вотъ присталь!
А самъ все на своего шара смотреть.

Нехлюдовъ подошелъ къ нему еще ближе да за руку его.

— Вы невѣжа, говорить, милостивый государь!

Даромъ что тоненькій молоденькій, какъ дѣвушка красная, а какой задорный: глазенки горятъ, вотъ такъ съѣсть его хочетъ. Большой-то гость мужчина здоровый, высокій, куда Нехлюдову!

— Что-о? говорить — я невѣжа!

Да какъ закричить, да какъ замахнется на него. Тутъ подскочили, кто былъ, за руки ихъ поймали обоихъ, растащили.

Тары да бары, Нехлюдовъ говорить:

— Пусть онъ мнѣ удовольворенье дастъ, онъ меня оскорбилъ, дескать.

— Никакого, говорить, удовольворенья знать не хочу, онъ мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

— Ежели вы, говорить, не хотите дать мнѣ удовольвореніе, такъ вы не благородный человѣкъ.

А самъ чуть не плачетъ.

— А ты, говорить, мальчишка, я отъ тебя ничѣмъ не обижусь.

Ну, развели ихъ, какъ водится, по разнымъ комнатамъ. Нехлюдовъ съ княземъ дружны были. — Поди, говорить, ради Бога, уговори его...

Пошелъ князь. Большой говорить:

— Я, говорить, ничего не боюсь. Не стану говорить, съ мальчишкой объясняться. Не хочу да и шабашъ.

Чтожъ! поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой пересталъ къ намъ ѣздить.

Насчетъ этого, то ѣсть канфузу, какой пѣтушекъ былъ; амбиціонный былъ... то есть Нехлюдовъ-то... а ужъ что касается чего другого прочаго, такъ вовсе не смыслилъ. Помню разъ:

— Кто у тебя здѣсь есть? говорить князь Нехлюдову-то.

— Никого, говорить.

— Какже, говорить, никого.

— Зачѣмъ? говорить.

— Какъ? зачѣмъ?

— Я, говорить, до сихъ поръ такъ жилъ, такъ отчего же нельзя?

— Какъ: такъ жилъ? Не можетъ быть!

И заливается хохочетъ, и усатый баринъ тоже хохочетъ. Совсѣмъ на смѣхъ подняли.

— Такъ никогда? говорить.

— Никогда.

Помираютъ со смѣху. Я, извѣстно, сейчасъ понылъ, что они такъ надъ нимъ смѣются. Смотрю: что, мыль, будетъ изъ него?

— Поѣдемъ, говорить князь: — сейчасъ.

— Нѣтъ, ни за что! говорить.

— Ну, полно; это смѣшно, говорить. — Поѣдемъ. Поѣхали.

Приѣхали часу въ первомъ. Сѣли ужинать, и собралось ихъ много, что ни есть самые лучшіе господа: Атановъ, князь Разинъ, графъ Шустахъ,

Мирцовъ. И всѣ Нехлюдова поздравляютъ, смѣются. Меня позвали, вижу веселы порядочно.

— Поздравляй, говорить, барина.

— Съ чѣмъ? говорю.

Какъ бишь онъ сказалъ? съ посвященіемъ м, съ просвѣщеніемъ м? не помню ужъ хорошенько.

— Честь имѣю, говорю, поздравить.

А онъ красный сидитъ; улыбается только. Тото смѣху-то было.

Хорошо. Приходятъ потомъ въ бильярдную, веселы всѣ, а онъ подошелъ къ бильярду, облокотился да и говорить:

— Вамъ, говорить, смѣшно, а мнѣ грустно. Зачѣмъ говорить, я это сдѣлалъ; и тебѣ, говорить, князь, и себѣ въ жизнь свою этого не прощу.

Да какъ залетится, заплачетъ. Извѣстно: самъ не знаетъ, что говорить. Подошелъ къ нему князь, улыбается самъ.

— Полно говорить пустяки! Поѣдемъ домой, Анатолій.

— Никуда, говорить, не поѣду. Зачѣмъ я это сдѣлалъ?

А самъ-то заливается. Неидетъ отъ бильярда да и шабашъ.

Что значить чѣловѣкъ молодой, непривычный.... —

Такимъ-то родомъ ѣзжалъ онъ къ намъ часто. Приѣзжаютъ разъ съ княземъ и съ усатымъ господиномъ, который все съ княземъ ходилъ. Оедоткой его все господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходилъ чисто и въ каретѣ ѣзжалъ. За что его господа такъ любили? ужъ право не вѣдаю. Оедотка, Оедотка, а глядишь его и кормятъ, и поятъ, и деньги за него платятъ. Да ужъ и продувной же былъ! проиграетъ, не платитъ; а выиграетъ такъ не бойсь! Ужъ чего ему не доставалось.... а все съ княземъ подъ ручку ходить.

— Ты, говорить, пропадешь безъ меня. Я Оедотъ, говорить, да не тотъ.

Шутникъ такой! Ну ладно. Приѣхали, говорить:

— Давай алагерь втроемъ составимъ.

— Давай говорить.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдовъ съ княземъ тары да бары.

— Ты говорить, посмотри, какая у нея ножка. Нѣтъ говорить, что ножка? у нея коса, говорить, хороша.

Извѣстно на игру не смотрятъ: только все промежъ себя разговариваютъ. А Оедотка свое дѣло помнить, знай съ накатцемъ сыграетъ, а тѣ промахъ али вовсе на себя. И зашибъ по шести рублей съ брата. Съ княземъ-то у нихъ Богъ знаетъ какіе счеты были, никогда другъ друру денегъ не платили, а Нехлюдовъ досталъ двѣ зелененькихъ, подаетъ ему.

— Нѣтъ, говорить, я не хочу съ тебя денегъ брать. Давай простую сыграемъ: китудубль, то есть: либо вдвое либо ничья.

Поставилъ я шаровъ. Оедотка впередъ взялъ и стали играть. Нехлюдовъ-то бьетъ, чтобъ пофарсить,

другой разъ на партіи стоитъ, нѣтъ — говоритъ — не хочу, легко, миль, слишкомъ; а Оедотка свое дѣло не забываетъ, знай себѣ подбираетъ. Извѣстно игру скрылъ, да какъ будто невзначай и выигралъ партію.

— Давай, говоритъ, еще на всѣ.

— Давай.

Опять выигралъ.

— Съ пустяковъ, говоритъ, началось; я не хочу у тебя много выигрывать. Идетъ на всѣ?

— Идетъ.

Оно какъ бы ни было, пятидесяти-то рублей жалко; ужъ Нехлюдовъ проситъ: «давай на всю». Пошла да пошла, дальше да больше, двести-восемьдесятъ рублей на него и набилъ. Оедотка сноровку знаетъ: простую проигрываетъ, а уголь выигрываетъ. А князь сидитъ, видитъ, что дѣло въ серъезъ пошло.

— Асе, говоритъ, асе.

Какой!... все кушъ прибавляютъ.

Наконецъ тому дѣло вышло, за Нехлюдовымъ пять-сотъ съ чѣмъ-то рублей. Оедотка кій положилъ, говоритъ:

— Недольно ли? я усталъ, говоритъ.

А самъ до зори готовъ играть, только бѣ денежки были; политика, извѣстно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

— Нѣтъ, говоритъ, ей Богу усталъ. Пойдемъ, говоритъ, наверхъ; тамъ реваншъ возьмешь.

А наверху у насъ въ карты играли господа.

Вотъ съ того самаго числа, такъ его Оедотка окрутилъ, что началъ онъ къ намъ каждый день ѣздить. Сыграетъ партію-другую да и наверхъ, да и наверхъ.

Ужъ что тамъ у нихъ бывало? Богъ ихъ знаетъ; только, что совсѣмъ другой человѣкъ сталъ и съ Оедоткой все пошло за одно. Прежде бывало модный, чистенькій, завитой, а нынче только съ утра еще въ настоящемъ видѣ; а какъ наверху побывалъ, придетъ: на себя не похожъ!

Разъ этакимъ манеромъ приходитъ оттуда съ княземъ, блѣдный, губы трясутся и спорить что то.

— Я, миль, не позволю ему, говоритъ, мнѣ (какъ бишь онъ сказалъ?)... что я не великатенъ, что ли, и что онъ не будетъ со мной играть. Я, говоритъ, ему десять тысячъ заплатилъ, такъ онъ могъ бы при другихъ-то быть осторожнѣе.

— Ну, полно, говоритъ князь, стоитъ ли на Оедотку сердиться.

— Нѣтъ, говоритъ, я этого такъ не оставляю.

— Перестань, говоритъ, какъ можно до того унижаться, чтобъ съ Оедоткой имѣть исторію.

— Да вѣдь тутъ были посторонніе.

— Чтожъ, говоритъ, посторонніе? Ну хочешь я его сейчасъ заставлю у тебя прощенья просить.

— Нѣтъ, говоритъ.

И забормотали что-то по французски, ужъ я не понималъ. Чтожъ? тотъ же вечеръ съ Оедоткой вмѣстѣ ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придетъ другой разъ одинъ.

— Что, говоритъ, хорошо я играю?

Наше дѣло, извѣстно, потрафлять каждому надо, скажешь: хорошо; а какой хорошо, стучить дуромъ, а расчету ничего нѣтъ. И съ того самаго время какъ съ Оедоткой связался, все на деньги играть сталъ. Прежде не любилъ; ни на что, ни на кушанье, ни на шампанское. Бывало, князь скажетъ:

— Давай на бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, говоритъ, я лучше такъ велю принести. Гей! дай бутылку.

А нынче все на интересъ сталъ играть. Ходить, бывало, день деньской у насъ: или съ кѣмъ въ билъярдъ играетъ, или наверхъ пойдетъ. Я себѣ и думаю: что же другимъ, а не мнѣ все будетъ доставаться.

— Что, говорю, сударь со мной давно не играли?

Вотъ и стали играть.

Какъ набилъ я на него полтинниковъ десять, — на квитъ, говорю, хотите, сударь?

Молчитъ. Не то что прежде дурака сказалъ. Вотъ и стали играть: на квитъ да на квитъ; я на него рублей восемьдесятъ и набилъ. Такъ чтожъ? Каждый день со мной играть сталъ. Того и ждетъ бывало, чтобы не было никого, а то, извѣстно, при другихъ стыдно ему съ маркеломъ играть. Разъ какъ-то погорячился онъ, а рублей ужъ за нимъ съ шестьдесятъ было.

— Хочешь, говоритъ, на всѣ.

— Идетъ, говорю.

Выигралъ я.

— Сто-двадцать на сто на двадцать?

— Идетъ, говорю.

Опять выигралъ.

— Двѣсти-сорокъ на двѣсти на сорокъ?

— Не много ли будетъ, говорю.

Молчитъ. Стали играть: опять моя партія.

— Четыреста-восемьдесятъ на четыреста на восемьдесятъ.

Я говорю:

— Чтожъ, сударь, мнѣ васъ обижать. Сто-то рубликовъ пожалуйста; а то пусть такъ будетъ.

Такъ онъ какъ крикнетъ! А вѣдь какой тихой былъ.

— Играй, или не играй.

Ну вижу дѣлать нечего.

— Триста восемьдесятъ, говорю, извольте.

Извѣстно хотѣлъ проиграть.

Даль я сорокъ впередъ. У него пятьдесятъ-два было, у меня тридцать-шесть. Сталъ онъ желтаго рѣзать, да и положи на себя восемнадцать очковъ, а мой — на перекатѣ стоялъ.

Ударилъ я такъ, чтобъ выскочилъ шаръ. Не тутъ-то было, онъ дулетомъ и упади. Опять моя партія.

— «Послушай, говоритъ, Петръ (Петрушкой не называлъ) я тебѣ сейчасъ не могу отдать всѣхъ; а черезъ два мѣсяца хоть три тысячи могу заплатить.

А самъ весь краа-сный сталъ, дрожитъ ажно голосъ у него.

— Хорошо, говорю, сударь.

Да и поставилъ кій. Онъ походилъ, походилъ, потъ такъ съ него и леть.

— Петръ, говоритъ, давай на всѣ.

А самъ чуть не плачетъ.

Я говорю:

— Что, сударь, играть!

— Ну, давай, пожалуйста.

И самъ кій мнѣ подаетъ. Я взялъ кій, да шары на бильярдъ такъ шваркнулъ, что на полъ полетѣли — извѣстно, нелзя не пофарсить; говорю:

— *Давай, сударь.*

А ужъ онъ такъ заторопилъ, что самъ шаръ поднялъ. Думаю себѣ: «не получить мнѣ семи-сотъ рублей; все равно проиграю.» Сталъ нарочно играть. Такъ что же?

— Зачѣмъ, говоритъ, нарочно дурно играешь.

А у самого руки дрожатъ; а какъ шаръ къ лузѣ бѣжитъ, такъ пальцы растарашить, ротъ скривить, да все къ лузѣ и головой-то и руками тянетъ. Ужъ я говорю:

— Этимъ не поможешь, сударь.

Хорошо. Какъ выигралъ онъ эту партію, я говорю:

— Сто-восемьдесятъ рубликовъ за вами будетъ, да полтора ста партій; а я, молъ, ужинать пойду.

Поставилъ кій и ушелъ.

Сѣлъ я себѣ за столикъ противъ двери; а самъ смотрю: что, молъ, изъ него будетъ? такъ чтожъ? Походить, походить — чай думаетъ: никто на него не глядитъ — да за волосы себя какъ дернетъ и опять ходитъ, бормочетъ все что-то; да опять какъ дернетъ.

Послѣ того дней съ восемь не видать его было. Пришелъ въ столовую разъ, угрюмый такой, и въ бильярдную не зашелъ.

Увидаль его князь:

— Пойдемъ, говоритъ, сыиграемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я больше играть не буду.

— Да, полно пойдемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, не пойду. Тебѣ, говоритъ, добра не сдѣлаетъ, что я пойду, а мнѣ дурно отъ этого будетъ.

Такъ и не ходилъ дней съ десять еще. А потомъ на праздникахъ какъ-то заѣхалъ, во фракъ, видно въ гостяхъ былъ — и цѣлый день пробылъ: все игралъ, на другой день пріѣхалъ, на третій... Пошло по-старому. Хотѣлъ я, было, съ нимъ еще поиграть.

— Такъ нѣтъ, говоритъ, съ тобой играть не стану: а сто-восемьдесятъ рублей, что я тебѣ долженъ, приди ко мнѣ черезъ мѣсяцъ: получишь.

Хорошо. Пришелъ къ нему черезъ мѣсяцъ.

— Ей-Богу, говоритъ, нѣтъ, а въ четвергъ приди.

Пришелъ я въ четвергъ; славную такую кватерку занималъ.

— Чтѣ? говорю — дома?

— Почиваетъ, говорятъ.

Хорошо, подожду.

Камердинъ у него изъ своихъ былъ: старичокъ такой сѣденькой, простой, ничего политики не зналъ. Вотъ и поразговорились мы съ нимъ.

«Что, говоритъ, мы тутъ живемъ съ бариномъ? Совсѣмъ замотались и никакой намъ ни чести, ни пользы нѣтъ отъ Петербургу отъ этого. Изъ деревни ѣхали, думали: будемъ какъ при покойникѣ баринѣ, царство небесное, по князьямъ, по графамъ да по генераламъ ѣздить; думали: возьмемъ себѣ какую изъ графинь кралю, съ приданымъ, да и заживемъ по-дворянски; а выходитъ на повѣрку, что мы только по трактирамъ бѣгаемъ — совсѣмъ плохо! Княгиня-то Ртищева вѣдь намъ тетка родная, а князь Воротынцевъ тятенька хресный. Чтожъ? только на Рождество былъ разъ, да и носу не кажетъ. Ужъ ихніе люди и то смѣются мнѣ: что, мыль, вашъ баринъ-то видно не въ папеньку пошелъ. Я разъ и говорю ему:

— «Что, сударь, къ тетенькѣ не изволите ѣздить. Они скучаютъ, что васъ давно не видали.

— «Скучно, говоритъ, тамъ, Демьянычъ.

«Поди ты! только и веселья нашель, что въ трактирѣ. Хоть бы служилъ бы, что ли, а то нѣтъ: занялся картами да прочимъ; а ужъ евши дѣла никогда къ добру не поведутъ... Э-эхъ! пропадаемъ мы, такъ ни за грошъ пропадаемъ!.. У насъ отъ барыни покойницы, царство небесное, богатѣйшее имѣнье осталось: тысяча душъ слишкомъ, тысячь на триста лѣсу было. Все заложилъ теперь. Лѣсъ продалъ, имѣние раззорилъ, и все нѣтъ ничего. Безъ господина, извѣстно, управляющій самъ больше господина. Ему что? набить бы только карманъ; а тамъ хоть все пропадай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли отъ всей вотчины.

— «Раззорилъ, говорятъ, въ конецъ имѣние.

«Чтожъ? прочиталъ жалобы, далъ по десяти рублей мужичкамъ. — Я, говоритъ, самъ скоро буду. Получу деньги, говоритъ, расплачусь, тогда уѣду.

«А гдѣ расплатиться, когда мы все долги дѣлаемъ. Вѣдь много ли, мало ли тутъ зиму прожили, тысячь восемьдесятъ спустили; а теперь въ домъ рубля серебромъ нѣту. А все отъ добродѣтели своей. Ужъ такой простой баринъ, что и сказать нельзя. Отъ этого самого и пропадаетъ, такъ вотъ, ни за что пропадаетъ.»

И самъ чуть не плачетъ старикъ-то.

Проснулся часу въ одиннадцатомъ, позвалъ меня.

— Не прислали мнѣ, говоритъ, денегъ, только я не виноватъ. Затвори, говоритъ, дверь.

Я затворилъ.

— Вотъ, говоритъ, возьми часы или булавку брилльянтовую и заложу ихъ. Тебѣ, говоритъ, за нихъ больше ста-восемьдесятъ рублей дадутъ, а когда я получу деньги, то выкуплю, говоритъ.

— Чтожъ, я говорю, сударь, коли денегъ у васъ нѣтъ, нечего дѣлать: пожалуйста хоть часы. Я для васъ могу уважить.

А самъ вижу, что часы рублей триста стоятъ.

Хорошо. Заложилъ я часы за сто рублей, а записку ему принесъ.

— Восемьдесят, говорю, рублей за вами будутъ; а часы сами извольте выкупить.

Такъ и по сіе время, восемьдесят рублей моихъ денегъ за нимъ осталось.

Такимъ-то родомъ сталъ онъ къ намъ опять каждый день ходить. Уже не знаю, какіе у нихъ промежъ себя расчеты были, только все вмѣстѣ съ княземъ ѣзжали. Или съ Ѳедоткой навѣрхъ пойдутъ играть. И тоже какіе-то у нихъ въ троѣмъ мудреные счеты были: тотъ тому даетъ, тотъ тому даетъ; а кто кому долженъ? не разберешь никакъ.

И бывалъ онъ такимъ манеромъ у насъ два года, почитай, что каждый день: только видъ ужъ свой потерялъ: бойкой сталъ и другой разъ до того доходилъ, что у меня по цѣлковому занималъ извошкику отдать; а по сту рублей съ княземъ партію играли.

Скучной, худой, желтый сталъ. Приѣдетъ, бывало, абсину сейчасъ рюмочку велитъ подать, *канате* закусить, да портвейномъ запьетъ; ну и повеселѣй какъ будто.

Приѣзжаетъ разъ передъ обѣдомъ, на масляницѣ дѣло было, и сталъ съ какимъ-то гусаромъ играть.

— Хотите, говоритъ заинтересовать партію?

— Извольте, говоритъ. — На что?

— Бутылку Клодвужо, хотите?

— Идетъ.

Хорошо. Гусаръ выигралъ и пошли кушать. Сѣли за столъ; только Нехлюдовъ и говоритъ:

— Simon! бутылку клодвужо; да смотри согрѣть хорошенько.

Simon ушелъ, приносить кушанье, бутылки нѣтъ.

— Чтожъ, говоритъ, вино?

Simon побѣжалъ, приносить жаркое.

— Подавай же вино, говоритъ.

Simon молчитъ.

— Что ты съума сошелъ! мы ужъ кончаемъ обѣдать, а вина нѣтъ. Ктожъ его пьетъ съ десертомъ? Побѣжалъ Simon.

— Хозяинъ, говоритъ, васъ проситъ.

Покраснѣлъ весь, вскочилъ изъ-за стола.

— Что, говоритъ, ему надо?

А хозяинъ стоитъ у двери.

— Я, говоритъ, не могу вамъ больше вѣрить, коли вы мнѣ по счету не заплатите.

— Да я, говоритъ, вамъ сказалъ, что я въ первыхъ числахъ отдамъ.

— Какъ вамъ угодно, говоритъ, будетъ; а я въ долгъ не могу безпрестанно давать и ничего не получать. У меня и такъ, говоритъ, десятки тысячъ въ долгахъ пропадаютъ.

— Ну, полно, *моншерь*, говоритъ; ужъ мнѣ-то можно повѣрить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вамъ поскорѣе отдать.

И убѣжалъ самъ.

— Что это, васъ зачѣмъ вызывали? гусаръ говоритъ.

— Тамъ, говоритъ, просилъ меня объ одной вещи.

— А славно бы, говоритъ гусаръ, теперь винца тепленькаго стаканъ выпить.

— Simon, что же?!

Побѣжалъ мой Simon. Опять нѣтъ ни вина, ничего. Плохо. Вышелъ изъ-за стола, побѣжалъ комнѣ.

— Ради Бога, говоритъ, Петруша, дай мнѣ шесть цѣлковыхъ.

А на самомъ лица нѣтъ.

— Нѣту, говорю, сударь, ей-Богу, да и ужъ и такъ за вами моихъ много.

— Я тебѣ, говоритъ, сорокъ цѣлковыхъ за шесть черезъ недѣлю отдамъ.

— Коли бы были, говорю, я бы не смѣлъ отказать, а то ей-ей нѣту.

Такъ что же? выскочилъ, зубы стиснулъ, кулаки сжалъ, какъ шальной по корридору бѣгаетъ, да по лбу себя какъ треснетъ.

— Ахъ! говоритъ — Господи! Что это?

Даже не зашелъ въ столовую, вскочилъ въ карету и ускакалъ.

То-то смѣху было. Гусаръ говоритъ:

— Гдѣ, молъ, баринъ, что со мной обѣдалъ?

— Уѣхалъ, говорятъ.

— Какъ уѣхалъ? Чтожъ онъ сказать велѣлъ?

— Ничего, говорятъ, не велѣли сказывать: сѣли да и уѣхали.

— Хорошъ, говоритъ, гусь!

Ну, думаю себѣ, теперь долго ѣздить не будетъ, послѣ то есть сраму такого. Такъ нѣтъ. На другой день въ вечеру приѣзжаетъ. Пришелъ въ бильярдную и ящикъ какой-то съ собой принесъ. Снял пальто.

— Давай играть, говоритъ.

Глядитъ изъ подлобья, сердитый такой.

Сыграли партію.

— Довольно, говоритъ, поди принеси мнѣ перо и бумаги — письмо нужно написать.

Я ничего не думамши не гадамши, принесъ бумаги, положилъ на столъ въ маленькую комнату.

— Готово, говорю, сударь.

Хорошо. Сѣлъ за столъ. Уже онъ писалъ, писалъ, бормоталъ все что-то; вскочилъ, потомъ нахмуренный такой:

— Поди, говоритъ, посмотри, приѣхала ли моя карета?

Дѣло въ пятницу на масляной было, такъ никого изъ гостей не было: всѣ по баламъ.

Я пошелъ было узнать объ каретѣ, только за дверь вышелъ:

— Петрушка! Петрушка! кричитъ, точно испугался чего.

Я вернулся. Смотрю, онъ бѣлый, вотъ какъ плотно, стоитъ на меня смотреть.

— Звать, говорю, изволили, сударь?

Молчитъ.

— Что, говорю, вамъ угодно?

Молчитъ.

— Ахъ, да! давай еще играть, говоритъ.

— Что, говоритъ, хорошо я научился играть?

Хорошо. Выигралъ онъ партію.

— Да, я говорю.

— То-то. Поди, говорить, теперь узнай, что карета?

А самъ по комнатѣ ходить.

Я себѣ, ничего не думая, вышелъ на крыльцо: вижу кареты никакой нѣтъ, иду назадъ.

Только иду назадъ, слышу кіемъ ровно стукнулъ кто-то. Вхожу въ биллиардную: пахнетъ что-то чудно.

Глядь: а онъ на полу лежитъ ве-есь въ крови и пистоль подлѣ брошена. Такъ я до того испужался, что слова сказать не могъ.

А онъ дрыгнетъ, дрыгнетъ ногой, да и потянется. Захрапѣлъ потомъ, да и растянулся вотъ этакимъ родомъ.

И отчего такой грѣхъ съ нимъ случился, что душу свою загубилъ, то есть Богъ его знаетъ; только что бумагу эту оставилъ, да и то я никакъ не соображу.

Подлинно, ужъ чего не дѣлается на свѣтѣ!

«Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затоптать въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго.

«Я не обезчещенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость.

«Я опутанъ грязной сѣтью, изъ которой не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю, падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться.

— . —

.... «И что погубило меня? Была ли во мнѣ какая нибудь сильная страсть, которая бы извинила меня. Нѣтъ.

.... «Хороши мои воспоминанія.

«Одна ужасная минута забвенія, которой я ни-

когда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности.

Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностію и силой наполнили мою душу. Гдѣ безпредметная сила любви, отрадной теплотой согрѣвавшая мое сердце? Гдѣ надежда на развитіе, сочувствіе ко всему прекрасному, любовь къ роднымъ, къ ближнимъ, къ труду, къ славѣ? Гдѣ понятіе обязанности?

— . —

.... «А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, ежели бы шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выйдти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собой. Когда я былъ съ другими, я забывалъ *неволью* свои убѣжденія, не слышалъ болѣе внутреннего голоса и снова падалъ.

«Наконецъ я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ.

— . —

«Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я также вижу, также слышу, также думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ. — . —

«Непостижимое созданіе человѣкъ!

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
КНЯЗЯ Д. НЕХЛЮДОВА.

ЛЮЦЕРНЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КНЯЗЯ Д. НЕХЛЮДОВА.

ЛЮЦЕРНЪ.

8 іюля.

Вчера вечеромъ я пріѣхалъ въ Люцернъ и остановился въ лучшей здѣшной гостинницѣ, Швейцергофѣ.

«Люцернъ, старинный кантональный городъ, лежащій на берегу озера четырехъ кантоновъ, говоритъ Мунгау, одно изъ самыхъ романтическихъ мѣстоположеній Швейцаріи; въ немъ скрещиваются три главныя дороги; и только на часъ ѣзды на пароходѣ находится гора Риги, съ которой открывается одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ видовъ въ мірѣ.»

Справедливо или нѣтъ, другіе *иды* говорятъ то же, и потому путешественниковъ всѣхъ націй, и въ особенности англичанъ, въ Люцернѣ — бездна.

Великолѣпный, пяти-этажный домъ Швейцергофа построенъ недавно на набережной, надъ самымъ озеромъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встарину былъ деревянный, крытый, извилистый мостъ, съ часовнями на углахъ и образами на стропилахъ. Теперь, благодаря огромному наѣзду англичанъ, ихъ потребностямъ, ихъ вкусу и ихъ деньгамъ, старый мостъ сломали и на его мѣстѣ сдѣлали цокольную, прямую, какъ палка, набережную; на набережной построили прямые четвероугольные пяти-этажные дома; а передъ домами въ два ряда посадили липки, поставили подпорки, а между липками, какъ водится, зеленыя лавочки. Это — гулянье; и тутъ взадъ и впередъ ходятъ англичанки въ швейцарскихъ соломенныхъ шляпахъ и англичане въ прочныхъ и удобныхъ одеждахъ, и радуются своему произведенію. Можетъ быть, что эти набережныя, и дома, и липки, и англичане — очень хороши гдѣ нибудь, но только не здѣсь, среди этой странно-величавой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыразимо гармонической и мягкой природы.

Когда я вошелъ наверхъ въ свою комнату и отворилъ окно на озеро, красота этой воды, этихъ

горъ и этого неба въ первое мгновеніе буквально ослѣпила и потрясла меня. Я почувствовалъ внутреннее безпокойство и потребность выразить какъ нибудь избытокъ чего-то, вдругъ переполнившего мою душу. Мнѣ захотѣлось въ эту минуту обнять кого нибудь, крѣпко обнять, зашекотать, ущипнуть его, вообще сдѣлать съ нимъ и съ собой что нибудь необыкновенное.

Былъ седьмой часъ вечера. Цѣлый день шелъ дождь и теперь разгуливалось. Голубое, какъ горящая сѣра, озеро, съ точками лодокъ и ихъ пропадающими слѣдами, неподвижно, гладко, какъ будто выпукло разстилалось передъ окнами между разнообразными зелеными берегами, уходило впередъ, сжимаясь между двумя громадными уступами и, темнѣя, упиралось и исчезало въ нагроможденныхъ другъ на другѣ долинахъ, горахъ, облакахъ и льдинахъ. На первомъ планѣ мокрые свѣтло-зеленые разбѣгающіеся берега съ тростникомъ, лугами, садами и дачами; далѣе, темно-зеленые поросшіе уступы съ развалинами замковъ; на днѣ скомканная, бѣло-лиловая горная даль съ причудливыми скалистыми и бѣло-матовыми снѣговыми вершинами; и все залитое нѣжной, прозрачной лазурью воздуха и освѣщенное прорвавшимися съ разорваннаго неба, жаркими лучами заката. Ни на озерѣ, ни на горахъ, ни на небѣ ни одной цѣльной линіи, ни одного цѣльнаго цвѣта, ни одного одинаковаго момента, вездѣ движеніе, несимметричность, причудливость, безконечная смѣсь и разнообразіе тѣней и линій, и во всемъ спокойствіе, мягкость, единство и необходимость прекраснаго. И тутъ, среди неопредѣленной, запутанной свободной красоты, передъ самымъ моимъ окномъ, глупо, фокусно торчала бѣлая палка набережной, липки съ подпорками и зеленыя лавочки, — бѣдныя поплывы людскія произведенія, не утонувшія, такъ какъ дальнія дачи и развалины, въ общей гармо-

ни красоты, а напротивъ, грубо противорѣчащія ей. Безпрестанно, невольно мой взглядъ сталкивался съ этой ужасно прямой линіей набережной и мысленно хотѣлъ оттолкнуть, уничтожить ее, какъ черное пятно, которое сидитъ на носу подъ глазомъ; но набережная съ гуляющими англичанами оставалась на мѣстѣ, и я невольно старался найти точку зрѣнія, съ которой бы мнѣ ея было не видно. Я выучился смотрѣть такъ, и до обѣда одинъ самъ съ собою наслаждался тѣмъ неполнымъ, но тѣмъ слаще, томительнымъ чувствомъ, которое испытываешь при одинокомъ созерцаніи красоты природы.

Въ половинѣ восьмага меня позвали обѣдать. Въ большой великолѣпно убранной комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ, были накрыты два длинные стола, по крайней мѣрѣ, человекъ на сто. Минуты три продолжалось молчаливое движеніе сбора гостей: шуршанье женскихъ платьевъ, легкіе шаги, тихіе переговоры съ учтивѣйшими и изящнѣйшими кельнерами; и всѣ приборы были заняты мужчинами и дамами, весьма красиво, даже богато и вообще необыкновенно чистоплотно одѣтыми. Какъ вообще въ Швейцаріи, большая часть гостей англичане, и потому главныя черты общаго стола — строгое, закономъ признанное приличіе, несообщительность, основанная не на гордости, но на отсутствіи потребности сближенія и одинокое довольство въ удобномъ и пріятномъ удовлетвореніи своихъ потребностей. Со всѣхъ сторонъ блестятъ бѣлѣйшія кружева, бѣлѣйшіе воротнички, бѣлѣйшіе настоящие и вставные зубы, бѣлѣйшія лица и руки. Но лица, изъ которыхъ многія очень красивы, выражаютъ только сознаніе собственнаго благосостоянія и совершенное отсутствіе вниманія ко всему окружающему, что не прямо относится къ собственной особѣ, и бѣлѣйшія руки съ перстнями и въ митеняхъ движутся только для поправленія воротничковъ, разрѣзыванія говядины и наливанія вина въ стаканы: никакое душевное волненіе не отражается въ ихъ движеніяхъ. Семейства изрѣдка тихимъ голосомъ перекидываются словами о пріятномъ вкусѣ такого-то кушанья или вина и красивомъ видѣ съ горы Риги. Одинокіе путешественники и путешественницы одиноко, молча, сидятъ рядомъ, даже не глядя другъ на друга. Если изрѣдка изъ этихъ ста человекъ, два разговариваютъ между собою, то навѣрно о погодѣ и восхожденіи на гору Риги. Ножи и вилки чуть слышно двигаются по тарелкамъ, кушанье берется по немногу, горошекъ и овощи ѣдятся непременно вилкой; кельнеры, невольно подчиняясь общей молчаливости, шопотомъ спрашиваютъ о томъ, какого вина прикажете? На такихъ обѣдахъ мнѣ всегда становилось тяжело, непріятно и подъ конецъ грустно. Мнѣ все кажется, что я виноватъ въ чемънибудь, что я наказанъ, какъ въ дѣтствѣ, когда за шалость меня сажали на стулъ и иронически говорили: «отдохни, мой любезный!» въ то время, какъ въ жилахъ бьется молодая кровь и въ другой

комнатѣ слышны веселые крики братьевъ. Я прежде старался взбунтоваться противъ этого чувства задушенности, которое испытывалъ на такихъ обѣдахъ, но тщетно; всѣ эти мертвыя лица имѣютъ на меня неотразимое вліяніе, и я становлюсь такимъ же мертвымъ. Я ничего не хочу, не думаю, даже не наблюдаю. Сначала я пробовалъ заговаривать съ сосѣдями; но кромѣ фразъ, которыя очевидно повторялись въ сто-тысячный разъ на томъ же мѣстѣ и въ сто-тысячный разъ тѣмъ же лицомъ, я не получалъ другихъ отвѣтовъ. И вѣдь всѣ эти люди не глупые же и не безчувственные, а навѣрное, у многихъ изъ этихъ замерзшихъ людей происходитъ такая же внутренняя жизнь, какъ и во мнѣ, у многихъ и гораздо сложнѣе и интереснѣе. Такъ зачѣмъ же они лишаютъ себя одного изъ лучшихъ удовольствій жизни, наслажденія другъ съ другомъ, наслажденія человекомъ?

То ли дѣло бывало въ нашемъ парижскомъ пансіонѣ, гдѣ мы, двадцать человекъ самыхъ разнообразныхъ націй, профессій и характеровъ, подъ вліяніемъ французской общительности, сходились къ общему столу, какъ на забаву. Тамъ сейчасъ, съ одного конца стола на другой, разговоръ, пересыпанный шуточками и каламбурами, хотя часто и на ломанномъ языкѣ, становился общимъ. Тамъ всякій, не заботясь о томъ, какъ выйдетъ, болталъ, что приходило въ голову; тамъ у насъ были свой философъ, свой спорщикъ, свой *bel esprit*, свой пластронъ, все было общее. Тамъ, тотчасъ послѣ обѣда, мы отодвигали столъ, и въ тактъ ли, не въ тактъ ли, принимались по пыльному ковру танцевать *la polka* до самого вечера. Тамъ мы были хоть и кокетливые, не очень умные и почтенные люди, но мы были люди. И испанская графиня съ романическими приключеніями, и итальянскій аббатъ, декламировавшій Божественную Комедію послѣ обѣда, и американскій докторъ, имѣвшій входъ въ Тюльери, и юный драматургъ съ длинными волосами, и пьянистка, сочинившая, по собственнымъ словамъ, лучшую польку въ мірѣ, и несчастная красавица-вдова съ тремя перстнями на каждомъ пальцѣ, мы всѣ по-человѣчески, хотя поверхностно, но пріязненно относились другъ къ другу и унесли другъ отъ друга кто легкія, а кто искреннія сердечныя воспоминанія. За англійскими же *table d'hôte* ами, я часто думаю, глядя на всѣ эти кружева, ленты, перстни, помаженные волосы и шелковыя платья, сколько бы живыхъ женщинъ были счастливы и сдѣлали бы другихъ счастливыми этими нарядами. Странно подумать, сколько тутъ друзей и любовниковъ, самыхъ счастливыхъ друзей и любовниковъ сидятъ рядомъ, можетъ быть, не зная этого. И Богъ знаетъ, отчего, никогда не узнаютъ этого и никогда не дадутъ другъ другу того счастья, которое такъ легко могутъ дать и котораго имъ такъ хочется.

Мнѣ сдѣлалось грустно, какъ всегда послѣ такихъ обѣдовъ, и, не доѣвъ десерта, въ самомъ невеселомъ расположеніи духа, я пошелъ шпаться

по городу. Узенькія грязныя улицы, безъ освѣщенія, запираемыя лавки, встрѣчи съ пьяными работниками и женщинами, идущими за водой, или въ шляпкахъ по стѣнамъ оглядываясь, шмыгающими по переулкамъ, не только не разогнали, но еще усилили мое грустное расположеніе духа. Въ улицахъ ужъ было совсѣмъ темно, когда я, не оглядываясь кругомъ себя, безъ всякой мысли въ головѣ, пошелъ къ дому, надѣясь снова избавиться отъ мрачнаго настроенія духа. Мнѣ становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжело, какъ это случается иногда безъ видимой причины при переѣздахъ на новое мѣсто.

Я, глядя только себѣ подъ ноги, шелъ по набережной къ Швейцгергофу, какъ вдругъ меня поразили звуки странной, но чрезвычайно пріятной и милой музыки. Эти звуки мгновенно живительно подѣйствовали на меня. Какъ будто яркій веселый свѣтъ проникъ въ мою душу. Мнѣ стало хорошо, в село. Заснувшее вниманіе мое снова устремилось на всѣ окружающіе предметы. И красота ночи и озера, къ которымъ я прежде былъ равнодушенъ, вдругъ, какъ новость, отрадно поразили меня. Я невольно въ одно мгновеніе успѣлъ замѣтить и пасмурное сѣрыми кусками на темной синевѣ небо, освѣщенное поднимающимся мѣсяцомъ, и темно-зеленое гладкое озеро, съ отражающимися въ немъ огоньками, и вдали мглистыя горы, и крики лягушекъ изъ Фрешенбурга, и росистый свѣжій свистъ перепеловъ съ того берега. Прямо же передо мной, съ того мѣста, съ котораго слышались звуки и на которое преимущественно было устремлено мое вниманіе, я увидалъ въ полу-мракѣ на срединѣ улицы полукругомъ стѣснившуюся толпу народа, а передъ толпой, въ нѣкоторомъ разстояніи, крошечнаго человѣка въ черной одеждѣ. Сзади толпы и человѣчка, на темномъ сѣромъ и синемъ разорванномъ небѣ, стройно отдѣлялось нѣсколько черныхъ раицъ сада и величаво возвышались по обѣимъ сторонамъ стариннаго собора два строгіе шпица башенъ.

Я подходилъ ближе, звуки становились яснѣе. Я разбиралъ ясно дальніе, сладко колеблющіеся въ вечернемъ воздухѣ полные аккорды гитары и нѣсколько голосовъ, которые, перебывая другъ друга, не пѣли тему, а кое-гдѣ выпѣвая самыя выступающія мѣста, давали ее чувствовать. Тема была что-то въ родѣ милой и граціозной мазурки. Голоса казались то близки, то далеки, то слышались теноръ, то басъ, то горловая фистула, съ воркующими тирольскими переливами. Это была не пѣсня, а легкій мастерской эскизъ пѣсни. Я не могъ понять, что это такое; но это было прекрасно. Эти сладострастные слабые аккорды гитары, эта милая легкая мелодія, и эта одинокая фигурка чернаго человѣчка, среди фантастической обстановки темнаго озера, просвѣчивающей луны и молчаливо возвышающихся двухъ громадныхъ шпицовъ башенъ, и черныхъ раицъ сада, все было странно, но невыразимо прекрасно или показалось мнѣ такимъ.

Всѣ спутанныя, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ будто распустился свѣжій благоухающій цвѣтокъ. вмѣсто усталости, разбѣянья, равнодушія ко всему на свѣтѣ, которыя я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ потребность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? сказалося мнѣ невольно, вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими полными глотками на сколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо....

Я подошелъ ближе. Маленькій человѣчекъ былъ, какъ казалось, странствующій тиролецъ. Онъ стоялъ передъ окнами гостинницы, выставивъ ножку, закинувъ къ верху голову, и, бреча на гитарѣ, пѣлъ на разные голоса свою граціозную пѣсню. Я тотчасъ же почувствовалъ нѣжность къ этому человеку и благодарность за тотъ переворотъ, который онъ произвелъ во мнѣ. Пѣвецъ, сколько я могъ разсмотрѣть, былъ одѣтъ въ старенькій черныи сюртукъ, волоса у него были черные, короткіе, и на головѣ была самая мѣщанская простая старенькая фуражка. Въ одеждѣ его ничего не было артистическаго, но лихая, дѣтски веселая поза и движенія, съ его крошечнымъ ростомъ, составляли трогательное и вмѣстѣ забавное зрѣлище. Въ подѣздѣ, окнахъ и балконахъ великолѣпно освѣщенной гостинницы стояли блестящія наряды, широкоюбныя барыни, господа съ бѣлѣйшими воротниками, швейцаръ и лакей въ золотопитыяхъ ливреяхъ, на улицѣ, въ полукругѣ толпы и дальше по бульвару, между липками, собрались и остановились изящно одѣтые кельнеры, повара въ бѣлѣйшихъ колпакахъ и курткахъ, обнявшіяся дѣвчцы и гуляющіе. Всѣ, казалось, испытывали то же самое чувство, которое испытывалъ и я. Всѣ молча стояли вокругъ пѣвца и внимательно слушали. Все было тихо, только въ промежуткахъ пѣсни, гдѣ-то вдалекѣ, равномерно по водѣ, долеталъ звукъ молота, и изъ Фрешенбурга разсыпчатой трелью неслись голоса лягушекъ, перебиваемые влажнымъ однозвучнымъ свистомъ перепеловъ.

Маленькій человѣчекъ, въ темнотѣ среди улицы, заливался какъ соловей, куплетъ за куплетомъ и пѣсня за пѣсней. Не смотря на то, что я подошелъ вплотъ къ нему, его пѣнье продолжало доставлять мнѣ большое удовольствіе. Небольшой голосъ его былъ чрезвычайно пріятенъ, нѣжность же, вкусъ и чувство мѣры, съ которыми онъ владелъ этимъ голосомъ, были необыкновенны и показывали въ немъ огромное природное дарованье. Прицѣвъ каждаго куплета онъ всякій разъ пѣлъ различно, и видно было, что всѣ эти граціозныя измѣненія свободно, мгновенно приходили ему.

Въ толпѣ, и на верху въ Швейцгергофѣ, и внизу на бульварѣ слышался часто одобрителный шопотъ, и царствовало почтительное молчаніе. На балконахъ и въ окнахъ все болѣе и болѣе прибав-

лялось нарядныхъ, живописно въ свѣтѣ огней дома облокотившихся, мужчинъ и женщинъ. Гуляющіе останавливались, и въ тѣни на набережной повсюду кучками около липокъ стояли мужчины и женщины. Около меня, куры сигары, стояли, нѣсколько отдѣлившись отъ всей толпы, аристократическіе лакей и поваръ. Поваръ сильно чувствовалъ прелесть музыки и при каждой высокой фистульной нотѣ, восторженно недоумѣваяще подмигивалъ всей головой лакею, и толкалъ его локтемъ, съ выраженіемъ, говорившимъ: каково поетъ, а? Лакей, по распустившейся улыбкѣ котораго я замѣчалъ все имъ испытываемое удовольствіе, на толчки повара отвѣчалъ пожиманіемъ плечъ, показывавшимъ, что его удивить довольно трудно, и что онъ слышалъ многое лучше этого.

Въ промежуткѣ пѣсни, когда пѣвецъ прокашливался, я спросилъ у лакея, кто онъ такой, и часто ли сюда приходитъ.

— Да въ лѣто раза два приходитъ, отвѣчалъ лакей: — онъ изъ Arg vin. Такъ нищенствуетъ.

— А что, много ихъ такихъ ходитъ? спросилъ я.

— Да, да, отвѣчалъ лакей, не понявъ сразу того, о чемъ я спрашивалъ, но разобравъ ужъ потомъ мой вопросъ, прибавилъ: — о нѣтъ! Здѣсь я только одного его видаю. Больше нѣту.

Въ это время маленькій человѣчекъ кончилъ первую пѣсню, бойко перевернулъ гитару, и сказалъ что-то про себя на своемъ нѣмецкомъ *patois*, чего я не могъ понять, но что произвело хохотъ въ окружающей толпѣ.

— Что это онъ говоритъ? спросилъ я.

— Говоритъ, что горло пересохло, выпилъ бы вина, перевелъ мнѣ лакей, стоявшій подлѣ меня.

— А что, онъ вѣрно любитъ пить?

— Да эти всѣ люди такіе, отвѣчалъ лакей, улыбнувшись и махнувъ на него рукою.

Пѣвецъ снялъ фуражку и, размахнувъ гитарой, приблизился къ дому. Закинувъ голову, онъ обратился къ господамъ, стоявшимъ у оконъ и на балконахъ: «Messieurs et mesdames, сказалъ онъ полуитальянскимъ, полунѣмецкимъ акцентомъ, и съ тѣми интонаціями, съ которыми фокусники обращаются къ публикѣ: «Si vous croyez que je gagne quelque chose, vous vous trompez; je ne suis qu'un baveux tiaple». Онъ остановился, помолчалъ немного; но такъ какъ никто ему ничего не далъ, онъ снова вскинулъ гитару и сказалъ: «A présent messieurs et mesdames, je vous chanterai l'air du Righi». Наверху публика молчала, но продолжала стоять въ ожиданіи слѣдующей пѣсни, внизу въ толпѣ засмѣялись, должно быть тому, что онъ такъ странно выражался, и тому, что ему ничего не дали. Я далъ ему нѣсколько сантимовъ, онъ ловко перекинулъ ихъ изъ руки въ руку, засунулъ въ карманъ жилета, и надѣвъ фуражку, снова началъ пѣть граціозную милую тирольскую пѣсенку, которую онъ называлъ l'air du Righi. Эта пѣсня, которую онъ оставлялъ для заключенія, была еще лучше всѣхъ прежнихъ, и со всѣхъ сторонъ въ

увеличившейся толпѣ слышались звуки одобренія. Онъ кончилъ. Снова онъ размахнулъ гитарой, снялъ фуражку, выставилъ ее впередъ себя на два шага приблизился къ окнамъ и снова сказалъ свою непонятную фразу: «Messieurs et mesdames, si vous croyez que je gagne quelque chose», которую онъ видно считалъ очень ловкой и остроумной, но въ голосѣ и въ движеніяхъ его я замѣтилъ теперь нѣкоторую нерѣшительность и дѣтскую робость, которая были особенно поразительны съ его маленькимъ ростомъ. Элегантная публика все также живописно въ свѣтѣ огней стояла на балконахъ и въ окнахъ, блестя богатыми одеждами; нѣкоторые умѣренно приличнымъ голосомъ разговаривали между собой, очевидно, про пѣвца, который съ вытянутой рукою стоялъ передъ ними, другіе внимательно съ любопытствомъ смотрѣли внизъ на эту маленькую черную фигурку; на одномъ балконѣ послышался звучный и веселый смѣхъ молодой дѣвушки. Въ толпѣ внизу громче и громче слышался говоръ и посмѣиванье. Пѣвецъ въ третій разъ повторилъ свою фразу, но еще слабѣйшимъ голосомъ, и даже не dokonчилъ ее, и снова вытянулъ руку съ фуражкой, но тотчасъ же и опустилъ ее. И во второй разъ изъ этихъ сотни блестяще-одѣтыхъ людей, столпившихся слушать его, ни одинъ не бросилъ ему *копѣйки*. Толпа безжалостно захохотала. Маленькій пѣвецъ, какъ мнѣ показалось, сдѣлался еще меньше, взялъ въ другую руку гитару, подиалъ надъ головой фуражку и сказалъ: «Messieurs et mesdames, je vous remercie et je vous souhaite une bonne nuit» и надѣлъ фуражку. Толпа загготала отъ радостнаго смѣха. Съ балконовъ стали понемногу скрываться красивые мужчины и дамы, спокойно разговаривая между собою. На бульварѣ снова возобновилось гулянье. Молчаливая во время пѣнія, улица снова оживилась, нѣсколько человѣкъ только, не подходя къ нему, смотрѣли издалека на пѣвца и смѣялись. Я слышалъ, какъ маленькій человѣкъ что-то проговорилъ себѣ подъ носъ, повернулся и, какъ будто, сдѣлавшись еще меньше, скорыми шагами пошелъ къ городу. Веселые гуляки, смотрѣвшіе на него, все также въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали за нимъ и смѣялись...

Я совсѣмъ растерялся, не понималъ, что это все значить и, стоя на одномъ мѣстѣ, безсмысленно смотрѣлъ въ темноту, на удалявшагося крошечнаго человѣка, который, растягивая большіе шаги, быстро шелъ къ городу, и на смѣющихся гулякѣ, которые слѣдовали за нимъ. Мнѣ сдѣлалось больно, горько, и главное стыдно за маленькаго человѣка, за толпу, за себя какъ будто бы я просилъ денегъ, мнѣ ничего не дали, и надо мною смѣялись. Я, тоже не оглядываясь, съ защемленнымъ сердцемъ, скорыми шагами пошелъ къ себѣ домой на крыльцо Шейдергофа. Я не отдавалъ еще себѣ отчета въ томъ, что испытывалъ, только что-то тяжелое, неразрѣшившееся, наполняло мнѣ душу и давило меня.

На великолѣпномъ, освѣщенномъ подъѣздѣ, мнѣ встрѣтился учтиво сторонившійся швейцаръ и англійское семейство. Плотный, красивый и высокій мужчина, съ черными англійскими бакенбардами, въ черной шляпѣ и съ пледомъ на рукѣ, въ которой онъ держалъ богатую трость, лѣнливо, самоувѣренно шелъ подъ руку съ дамой, въ дикомъ шелковомъ платьѣ, въ чепцѣ съ блестящими лентами и прелестнѣйшихъ кружевахъ. Рядомъ съ ними шла хорошенькая, свѣженькая барышня, въ граціозной швейцарской шляпѣ съ перомъ, à la mousquetaire, изъ подъ которой, вокругъ ея бѣленькаго личика, падали мягкія, длинныя, свѣтлорусыя булки. Впереди подпрыгивала десяти-лѣтняя, румяная дѣвочка, съ полными бѣлыми колѣнками, виднѣвшіеся изъ-подъ тончайшихъ кружевъ.

— Прелестная ночь, сказала дама сладкимъ счастливымъ голосомъ въ то время, какъ я проходилъ.

— Оhe! промычалъ лѣнливо англичанинъ, которому видимо было такъ хорошо жить на свѣтѣ, что и говорить не хотѣлось. И всемъ имъ, казалось, такъ было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свѣтѣ, такое въ ихъ движеніяхъ и лицахъ выражалось равнодушіе ко всякой чужой жизни, и такая увѣренность въ томъ, что швейцаръ имъ посторонится и поклонится, и что, воротясь, они найдутъ чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это имѣютъ право, — что я вдругъ невольно противопоставилъ имъ странствующаго пѣвца, который усталый, можетъ быть голодный, со стыдомъ убѣгалъ теперь отъ смѣющейся толпы — понялъ, что такимъ тяжелымъ камнемъ давило мнѣ сердце, и почувствовалъ невыразимую злобу на этихъ людей. Я два раза прошелъ туда и назадъ мимо англичанина, съ невыразимымъ наслажденіемъ оба раза, не сторонясь ему, толкнувъ его локтемъ и, спустившись съ подъѣзда, побѣжалъ въ темнотѣ, по направленію къ городу, куда скрылся маленькій человѣкъ.

Догнавъ трехъ человѣкъ, шедшихъ вмѣстѣ, я спросилъ у нихъ, гдѣ пѣвецъ; они, смѣясь, указали мнѣ его впереди. Онъ шелъ одинъ, скорыми шагами, никто не приближался къ нему, онъ все что-то, какъ мнѣ показалось, сердито бормоталъ себѣ подъ носъ. Я поровнялся съ нимъ и предложилъ ему пойти куда нибудь вмѣстѣ выпить бутылку вина. Онъ шелъ все также скоро, и недовольно оглянулся на меня; но разобравъ въ чемъ дѣло, остановился.

— Чтожъ, я не откажусь, ежели вы такъ добры, сказалъ онъ.

— Вотъ тутъ есть маленькій кафе, тутъ зайти можно, простенькое, прибавилъ онъ, указывая на распивочную лавочку, которая была еще отворена.

Его слово: простенькое, невольно навело меня на мысль не идти въ простенькое кафе, а идти въ Швейцергофъ, туда, гдѣ были тѣ, которые его слушали. Несмотря на то, что онъ съ робкимъ волненіемъ нѣсколько разъ отказывался отъ Швейцергофа, говоря что тамъ слишкомъ наряд-

но, я настоялъ на своемъ, и онъ, притворяясь уже, что нисколько не смущенъ, весело размахивая гитарой, пошелъ со мной назадъ по набережной. Нѣсколько праздныхъ гулякъ, какъ только я подошелъ къ пѣвцу, пододвинулись, прислушались къ тому, что я говорилъ, и теперь, разсуждая между собой, пошли за нами до самого подъѣзда, ожидая вѣрно отъ тирольца еще какого нибудь представленія.

Я спросилъ бутылку вина у кельнера, который встрѣтился мнѣ въ сѣняхъ. Кельнеръ, улыбаясь, посмотрѣлъ на насъ и, ничего не отвѣтивъ, побѣжалъ мимо. Старшій кельнеръ, къ которому я обратился съ той же просьбой, серьезно выслушалъ меня и, оглядѣвъ съ ногъ до головы робкую, маленькую фигуру пѣвца, строго сказалъ швейцару, чтобъ насъ провели въ залу налѣво. Зала на лѣво была распивная комната для простаго народа. Въ углу этой комнаты, горбатая служанка мыла посуду, и вся мебель состояла въ деревянныхъ голыхъ столахъ и лавкахъ. Кельнеръ, который пришелъ служить намъ, поглядывая на насъ съ кроткой насмѣшливой улыбкой и засунувъ руки въ карманы, переговаривался о чемъ-то съ горбатой судомойкой. Онъ видимо старался дать намъ замѣтить, что, чувствуя себя по общественному положенію и достоинствамъ неизмѣримо выше пѣвца, ему не только не обидно, но истинно забавно служить намъ.

— Простаго вина прикажете? сказалъ онъ, съ знающимъ видомъ, подмигивая мнѣ на моего собесѣдника, и изъ руки въ руку перекидывая салфетку.

— Шампанскаго и самаго лучшаго, сказалъ я, стараясь принять самый гордый и величественный видъ. Но ни шампанское, ни мой будто бы гордый и величественный видъ не подѣйствовали на лакея; онъ усмѣхнулся, постоялъ немножко, глядя на насъ, не торопясь посмотрѣлъ на золотые часы и тихими шагами, какъ бы прогуливаясь, вышелъ изъ комнаты. Скоро онъ возвратился съ виномъ и еще двумя лакеями. Два изъ нихъ сѣли около судомойки, и съ веселой внимательностью и кроткой улыбкой на лицахъ, любовались на насъ, какъ любятъ родители на милыхъ дѣтей, когда они мило играютъ. Одна только горбатая судомойка, казалось, не насмѣшливо, а съ участіемъ смотрѣла на насъ. Хотя мнѣ было и очень тяжело и неловко подъ огнемъ этихъ лакейскихъ глазъ бесѣдовать съ пѣвцомъ и угощать его, я старался дѣлать свое дѣло столь возможно независимо. При огнѣ, я его разсмотрѣлъ лучше. Это былъ крошечный, пропорціонально сложенный, жилистый человѣкъ, почти карликъ, съ щетинистыми черными волосами, всегда плачущими большими черными глазами, лишенными рѣсницъ и чрезвычайно пріятнымъ, умильно сложеннымъ ротикомъ. У него были маленькіе бакенбарды, волосы были недлинные, одежда была самая простая и бѣдная. Онъ былъ нечистъ, оборванъ, загорѣлъ и вообще имѣлъ видъ трудового человѣка. Онъ скорѣй былъ

похожъ на бѣднаго торговца, чѣмъ на артиста. Только въ постоянно влажныхъ, блестящихъ глазахъ и собранномъ ротикѣ, было что-то оригинальное и трогательное. На видъ ему можно было дать отъ двадцати-пяти до сорока лѣтъ; дѣйствительно же ему было тридцать-восемь.

Вотъ что онъ, съ добродушной готовностью и очевидной искренностью, рассказалъ про свою жизнь. Онъ изъ Арговіи. Въ дѣтствѣ еще онъ потерялъ отца и мать, другихъ родныхъ у него нѣтъ. Состоянія онъ никогда не имѣлъ никакого. Онъ обучался столярному мастерству, но двадцать-два года тому назадъ, у него сдѣлался костоѣдъ въ рукѣ, лишившій его возможности работать. Онъ съ дѣтства имѣлъ охоту къ пѣнію и сталъ пѣть. Иностранцы давали ему изрѣдка деньги. Онъ сдѣлалъ изъ этого профессію, купилъ гитару, и вотъ восемнадцатый годъ странствуетъ по Швейцаріи и Италіи, распѣвая передъ гостиницами. Весь его багажъ — гитара и кошелекъ, въ которомъ у него теперь было только полтора франка, которые онъ долженъ проспавъ и проѣсть нынче же вечеромъ. Онъ каждый годъ, ужъ восемнадцать разъ, проходитъ всѣ лучшія, наиболѣе посѣщаемыя мѣста Швейцаріи, Цюрихъ, Люцернъ, Интерлакенъ, Шамуни и т. д.; черезъ St.-Bernard проходитъ въ Италію и возвращается черезъ St.-Gottard или черезъ Савойю. Теперь ему тяжело становится ходить, потому что отъ простуды онъ чувствуетъ, что боль въ ногахъ, которую онъ называетъ глдерзухтъ, съ каждымъ годомъ усиливается, и что глаза и голосъ его становятся слабѣе. Несмотря на это, онъ теперь отправляется въ Интерлакенъ, Aix-les-Bains и, черезъ малый St.-Bernard, въ Италію, которую онъ особенно любитъ; вообще, какъ кажется, онъ очень доволенъ своей жизнью. Когда я спросилъ у него, зачѣмъ онъ возвращается домой, есть ли у него тамъ родные или домъ и земля, ротикъ его, какъ будто на сборкахъ, собрался въ веселую улыбочку, и онъ отвѣчалъ мнѣ;

— Oui, le sucre est bon, il est doux pour les enfans! и подмигнувъ на лакеевъ.

Я ничего не понялъ, но въ лакейской группѣ засмѣялись.

— Ничего нѣтъ, а то развѣ я бы сталъ ходить такъ, объяснилъ онъ мнѣ: — а прихожу домой, потому что все-таки какъ-то тянетъ къ себѣ на родину.

И онъ еще разъ съ хитро-самодовольной улыбкой повторилъ фразу: «Oui le sucre est bon» и добродушно разсмѣялся. Лакеи очень были довольны и хохотали, одна горбатая судомойка большими добрыми глазами серьезно смотрѣла на маленькаго человѣчка и подняла ему шапку, которую онъ, во время разговора, уронилъ съ лавки. Я замѣчалъ, что странствующие пѣвцы, акробаты, даже фокусники, любятъ называть себя артистами и потому нѣсколько разъ намекалъ своему собесѣднику на то, что онъ артистъ, но онъ вовсе

не признавалъ за собой этого качества, а весьма просто, какъ на средство къ жизни, смотрѣлъ на свое дѣло. Когда я спросилъ его, не самъ ли онъ сочиняетъ пѣсни, которыя поетъ, онъ удивился такому странному вопросу и отвѣчалъ, что куда ему, это все старинныя тирольскія пѣсни.

— А какже пѣсня Риги, я думаю, не старинная, сказалъ я.

— Да это лѣтъ пятнадцать тому назадъ сочинена. Былъ одинъ нѣмецъ въ Базелѣ, умнѣйшій былъ человѣкъ, это онъ сочинилъ ее. Отличная пѣсня! Это, видите, онъ для путешественниковъ сочинилъ.

И онъ началъ мнѣ, переводя по-французски, рассказывать слова пѣсни Риги, которая ему очень нравилась:

Коли хочешь идти на Риги,
До Вегиса не нужно башмаковъ,
(Потому что на пароходѣ ѣдутъ),
А отъ Вегиса возьми большую палку,
Да еще подъ руку возьми дѣвицу,
Да зайди выпить стаканчикъ вина.
Только пей не слишкомъ много,
Потому что тотъ, кто хочетъ пить,
Долженъ заслужить прежде...

— О, отличная пѣсня! заключилъ онъ.

Лакеи находили, вѣроятно, эту пѣсню весьма хорошей, потому что приблизились къ намъ.

— Ну, а музыку кто же сочинялъ? спросилъ я.

— Да никто, это такъ, знаете, чтобы пѣть для иностранцевъ, надо что нибудь новенькое.

Когда намъ принесли льду и я налилъ моему собесѣднику стаканъ шампанскаго, ему, видимо, стало неловко и онъ, оглядываясь на лакеевъ, поворачивался на своей лавкѣ. Мы чокнулись за здоровье артистовъ; онъ отпилъ полстакана и нашелъ нужнымъ задуматься и глубокомысленно повести бровями.

— Давно я не пилъ такого вина, je ne vous dis que ça. Въ Италіи вино d'Asti хорошо, но это еще лучше. Ахъ, Италія! славно тамъ быть! прибавилъ онъ.

— Да, тамъ умѣютъ пѣнить музыку и артистовъ, сказалъ я, желая навести его на вечернюю неудачу передъ Швейцергофомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — тамъ насчетъ музыки я никому не могу удовольствія доставить. Итальянцы сами музыканты, какихъ нѣтъ на свѣтѣ; но я только насчетъ тирольскихъ пѣсенъ. Это имъ все-таки новость.

— Чтожъ, тамъ щедрѣе господа? продолжалъ я, желая его заставить раздѣлить мою злобу на обитателей Швейцергофа. Тамъ не случится такъ, какъ здѣсь, чтобы изъ огромнаго отеля, гдѣ богачи живутъ, сто человѣкъ бы слушали артиста и ничего бы ему не дали...

Мой вопросъ подѣйствовалъ совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. Онъ и не думалъ негодовать на нихъ; напротивъ, въ моемъ замѣчаніи онъ видѣлъ упрекъ своему таланту, который не вызвалъ наградъ, и старался оправдаться передо мной.

— Не всякій разъ много получишь, отвѣчалъ онъ. — Иногда и голосъ пропадетъ, устанешь, вѣдь я нынче девять часовъ прошелъ и пѣлъ цѣлый день почти. Оно трудно. А важные господа аристократы, имъ иногда и не хочется слушать тирольскія пѣсни.

— Все-таки какъ же ничего не дать, повторилъ я. Онъ не понялъ моего замѣчанія.

— Не то, сказалъ онъ: — а здѣсь главное *он est très serré pour la police*, вотъ что. Здѣсь по этимъ республиканскимъ законамъ вамъ не позволяютъ пѣть, а въ Италіи вы можете ходить сколько хотите, никто вамъ слова не скажетъ. Здѣсь ежели захотятъ вамъ позволить, то позволяютъ, а не захотятъ, то васъ въ тюрьму посадить могутъ.

— Какъ, неужели?

— Да. Ежели вамъ разъ замѣтятъ, а вы будете еще пѣть, васъ могутъ въ тюрьму посадить. Я ужь просидѣлъ три мѣсяца, сказалъ онъ, улыбаясь, какъ будто это было одно изъ самыхъ пріятныхъ его воспоминаній.

— Ахъ, это ужасно! сказалъ я. — За что же?

— Это такъ у нихъ, по новымъ законамъ республики, продолжалъ онъ, одушевляясь. — Они этого не хотятъ разсудить, что надо, чтобы и бѣднякъ жилъ какъ нибудь. Ежели бы я былъ не калѣка, я бы работалъ. А что я пою, такъ развѣ я кому нибудь вредъ этимъ дѣлаю. Чтожъ это такое! богатымъ жить можно какъ хотятъ, а *un pauvre tiarle*, какъ я, ужь и жить не можетъ. Чтожъ это за законы республики? Коли такъ, то мы не хотимъ республики, не такъ ли, милостивый государь? мы не хотимъ республики, а мы хотимъ... мы хотимъ просто... мы хотимъ... онъ замаялся немного: — мы хотимъ натуральные законы.

Я подлилъ ему еще въ стаканъ.

— Вы не пьете, сказалъ я ему.

Онъ взялъ въ руку стаканъ и поклонился мнѣ.

— Я знаю, что вы хотите, сказалъ онъ, прищуривая глазъ и грозя мнѣ пальцемъ: — вы хотите подпортить меня, посмотрѣть, что изъ меня будетъ; но, нѣтъ, это вамъ не удастся.

— Зачѣмъ же мнѣ васъ напоить, сказалъ я: — я только желалъ бы вамъ сдѣлать удовольствіе.

Ему вѣрно жалко стало, что онъ обидѣлъ меня, дурно объяснивъ мое намѣреніе, онъ смутился, привсталъ и пожалъ меня за локоть.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, съ умоляющимъ выраженіемъ глядя на меня своими влажными глазами: — я такъ только шучу.

И вслѣдъ за этимъ онъ произнесъ какую-то ужасно запутанную, хитрую фразу, долженствовавшую означать, что я все-таки добрый малый. *Je ne vous dis que ça!* заключилъ онъ.

Такимъ образомъ, мы продолжали пить и бесѣдовать съ пѣвцомъ, а лакей продолжали, не стѣсняясь, любоваться нами и, кажется, подтрунивать. Несмотря на интересъ моего разговора, я не могъ не замѣчать ихъ и, признаюсь, сердился все больше и больше. Одинъ изъ нихъ привсталъ, подошелъ къ маленькому человѣчку и, глядя ему въ маковку,

сталъ улыбаться. У меня ужь былъ готовый запасъ злобы на обитателей Швейцаргофа, который я не успѣлъ еще сорвать ни на комъ, и теперь, признаюсь, эта лакейская публика такъ и подмывала меня. Швейцаръ, не снимая фуражки, вошелъ въ комнату и, облокотившись на столъ, сѣлъ подлѣ меня. Это послѣднее обстоятельство, задѣвъ мое самолюбіе или тщеславіе, окончательно взорвало меня и дало исходъ той давившей злобѣ, которая весь вечеръ собиралась во мнѣ. Зачѣмъ у подвѣзда, когда я одинъ, онъ мнѣ униженно кланяется, а теперь, потому что я сижу съ странствующимъ пѣвцомъ, онъ грубо разсаживается рядомъ со мной? Я совсѣмъ озлился той кипящей злобой негодованія, которую я люблю въ себѣ, возбуждаю даже, когда на меня находятъ, потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей.

Я вскочилъ съ мѣста.

— Чему вы смѣтаетесь? закричалъ я на лакея, чувствуя какъ лицо мое блѣднѣетъ и губы невольно подергиваются.

— Я не смѣюсь, я такъ, отвѣчалъ лакей, отступая отъ меня.

— Нѣтъ, вы смѣтаетесь надъ этимъ господиномъ. И какое право вы имѣете тутъ быть и сидѣть здѣсь, когда тутъ гости. Не смѣть сидѣть! закричалъ я.

Швейцаръ, ворча что-то, всталъ, и отодвинулся къ двери.

— Какое вы имѣете право смѣяться надъ этимъ господиномъ и сидѣть съ нимъ рядомъ, когда онъ гость, а вы лакей? Отчего вы не смѣялись надо мной нынче за обѣдомъ и не сажались со мной рядомъ? Отъ того, что онъ бѣдно одѣтъ и поетъ на улицѣ? отъ этого; а на мнѣ хорошее платье. Онъ бѣденъ, но въ тысячу разъ лучше васъ, въ этомъ я увѣренъ. Потому, что онъ никого не оскорбилъ, а вы оскорбляете его.

— Да я ничего, что вы, робко отвѣчалъ мой врагъ-лакей. — Развѣ я мѣшаю ему сидѣть.

Лакей не понималъ меня, и моя нѣмецкая рѣчь пропадала даромъ. Грубый швейцаръ вступился было за лакея, но я напалъ на него такъ стремительно, что швейцаръ притворился, что тоже не понимаетъ меня, и махнулъ рукой. Горбатая судомойка, замѣтивъ ли мое разгоряченное состояніе и боясь скандалу, или раздѣляя мое мнѣніе, приняла мою сторону, и, стараясь стать между мной и швейцаромъ, уговаривала его молчать, говоря, что я правъ, а меня просила успокоиться. «*Der Herr hat Recht; Sie haben Recht,*» твердила она. Пѣвецъ представлялъ самое жалкое испуганное лицо, и, видимо не понимая изъ чего я горячусь, и чего я хочу, просилъ меня уйти поскорѣе отсюда. Но во мнѣ все больше и больше разгоралась злобная словоохотливость. Я все напоминалъ: и толпу, которая смѣялась надъ нимъ, и слушателей ничего не давшихъ ему, и ни за что на

свѣтъ не хотѣлъ успокоиться. Я думаю, что если бы кельнеры и швейцаръ не были такъ уклончивы, я бы съ наслажденіемъ подрался съ ними, или палкой по головѣ прибилъ бы беззащитную англійскую барышню. Если бы въ эту минуту я былъ въ Севастополѣ, я бы съ наслажденіемъ бросился колоть и рубить въ англійскую траншею. — И отчего вы провели меня съ этимъ господиномъ въ эту, а не въ ту залу? А? допрашивалъ я швейцара, ухвативъ его за руку съ тѣмъ, что бы онъ не ушелъ отъ меня. Какое вы имѣли право по виду рѣшати, что этотъ господинъ долженъ быть въ этой, а не въ той залѣ? Развѣ, кто платить, не всѣ равны въ гостинницахъ? Не только въ республикѣ, но во всемъ мірѣ. Паршивая ваша республика!... Вотъ оно равенство. Англичанъ вы бы не смѣли провести въ эту комнату, тѣхъ самыхъ англичанъ, которые даромъ слушали этого господина, то есть украли у него каждый по нѣскольکو сантимовъ, которые должны были дать ему. Какъ вы смѣли указать эту залу?

— Та зала заперта, отвѣчалъ швейцаръ.

— Нѣтъ, закричалъ я: — неправда, не заперта зала.

— Такъ вы лучше знаете.

— Знаю, знаю, что вы ждете.

Швейцаръ повернулся плечомъ прочь отъ меня.

— Э! что говорить! проворчалъ онъ.

— Нѣтъ, не «что говорить,» закричалъ я: — а ведите меня сію минуту въ залу.

Несмотря на увѣщанія горбуны и просьбы пѣвца идти лучше по домамъ, я потребовалъ оберъ-кельнера и пошелъ въ залу, вмѣстѣ съ моимъ собесѣдникомъ. Оберъ-кельнеръ, услышавъ мой озлобленный голосъ и увидавъ мое взволнованное лицо, не сталъ спорить и съ презрительной учтивостью сказалъ, что я могу идти куда мнѣ угодно. Я не могъ доказать швейцару его лжи, потому что онъ скрылся еще прежде, чѣмъ я вошелъ въ залу.

Зала была дѣйствительно отперта, освѣщена и за однимъ изъ столовъ сидѣли ужиная англичанинъ съ дамой. Не смотря на то, что намъ указывали особый столъ, я съ грязнымъ пѣвцомъ, подсѣлъ къ самому англичанину и велѣлъ сюда подать намъ неконченную бутылку.

Англичане сначала удивленно, потомъ озлобленно посмотрѣли на маленькаго человѣчка, который ни живъ ни мертвъ сидѣлъ подлѣ меня; они что-то сказали между собой, она оттолкнула тарелку, зашумѣла шелковымъ платьемъ и оба скрылись. За стеклянными дверьми, я видѣлъ, какъ англичанинъ что-то озлобленно говорилъ кельнеру, безпрестанно указывая рукой по нашему направленію. Кельнеръ высунулся въ дверь и взглянулъ въ нее. Я съ радостью ожидалъ, что придутъ выводить насъ и можно будетъ наконецъ выйти на нихъ все свое негодованіе. Но къ счастью, хотя это тогда мнѣ было непріятно, насъ оставили въ покоѣ.

Пѣвецъ, прежде отказывавшійся отъ вина, теперь торопливо допилъ все, что оставалось въ бу-

тылкѣ, съ тѣмъ, что бы только поскорѣй выбратъсѣ отсюда. Однако онъ съ чувствомъ, какъ мнѣ показалось, отблагодарилъ меня за угощеніе. Плачущіе глаза его сдѣлались еще болѣе плачущими и блестящими и онъ сказалъ мнѣ самую странную, запутанную фразу благодарности. Но все-таки эта фраза, въ которой онъ говорилъ, что сжали бы всѣ такъ уважали артистовъ, какъ я, то ему было бы хорошо и что онъ желаетъ мнѣ всякаго счастья, была мнѣ очень пріятна. Мы вмѣстѣ съ нимъ вышли въ сѣни. Тутъ стояли лакеи и мой врагъ швейцаръ, кажется жаловавшійся имъ на меня. Всѣ они, кажется, смотрѣли на меня, какъ на умалишеннаго. Я далъ маленькому человѣчку поровняться со всей этой публикой и тутъ со всей почтительностью, которую только въ состояніи выразить въ своей особѣ, я снялъ шляпу и пожалъ ему руку съ заостренными отсохшими пальцами. Лакеи сдѣлали, какъ будто не обращаютъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Только одинъ изъ нихъ засмѣялся сардоническимъ смѣхомъ.

Когда пѣвецъ, раскланиваясь, скрылся въ темнотѣ, я пошелъ къ себѣ на верхъ, желая заспать всѣ эти впечатлѣнія и глупую дѣтскую злобу, которая такъ неожиданно нашла на меня. Но чувствуя себя слишкомъ взволнованнымъ для сна, я опять пошелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы ходить до тѣхъ поръ, пока успокоюсь, и, признаюсь, кромѣ того, въ смутной надеждѣ, что найдется случай сдѣлаться съ швейцаромъ, лакеемъ или англичаниномъ и доказать имъ всю ихъ жестокость и, главное, несправедливость. Но кромѣ швейцара, который увидавъ меня повернулся ко мнѣ спиной, я никого не встрѣтилъ и одинъ одинешенекъ сталъ взадъ и впередъ ходить по набережной.

«Вотъ она, странная судьба поэзіи, рассуждалъ я, успокоившись немного. Всѣ любятъ, ищутъ ее, одну ее желаютъ и ищутъ въ жизни и никто не признаетъ ея силы, никто не цѣнитъ этого лучшаго блага міра, не цѣнитъ и не благодаритъ тѣхъ, которые даютъ его людямъ. Спросите у кого хотите, у всѣхъ этихъ обитателей Швейцаргофа, что лучшее благо въ мірѣ? и всѣ, или девяносто девять на сто, принявъ сардоническое выраженіе, скажутъ вамъ, что лучшее благо міра — деньги. «Можетъ быть мысль эта вамъ не нравится и не сходится съ вашими возвышенными идеями, скажетъ онъ, но чтожъ дѣлать, ежели жизнь человѣческая такъ устроена, что однѣ деньги составляютъ счастье человѣка. Я не могъ не позволить моему уму видѣть свѣтъ, какъ онъ есть, прибавить онъ, то есть видѣть правду». Жалкій твой умъ, жалкое то счастье, котораго ты желаешь, и несчастное ты созданіе, само незнающее, чего тебѣ надобно... Зачѣмъ вы всѣ покинули свое отечество, родныхъ, занятія и денежныя дѣла и столпились въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Люцернѣ? Зачѣмъ вы всѣ нынче вечеромъ высыпали на балконы и въ почтительномъ молчаніи слушали пѣсню маленькаго нищаго? И ежели бы онъ захотѣлъ пѣть еще,

еще бы молчали и слушали. Что, за деньги, хоть за миллионы, васъ можно бы было всѣхъ выгнать изъ отечества и собрать въ маленькомъ уголкѣ Люцернѣ? За деньги васъ можно бы было всѣхъ собрать на балконахъ и въ продолженіе получаса заставить стоять молчаливо и неподвижно? Нѣтъ! А заставляетъ васъ дѣйствовать одно, и вѣчно будетъ двигать сильнѣе всѣхъ другихъ двигателей жизни, потребность поэзіи, которую не сознаете, но чувствуете и вѣкъ будете чувствовать, пока въ васъ останется что нибудь человѣческое. Слово «поэзія» вамъ смѣшно, вы употребляете его въ видѣ насмѣшливаго упрека, вы допускаете любовь къ поэтическому нечто въ дѣтихъ и глупыхъ барышняхъ, и то вы надъ ними смѣетесь; для васъ же нужно положительное. Да дѣти-то здраво смотрятъ на жизнь, они любятъ и знаютъ то, что долженъ любить человѣкъ, и то, что дастъ счастье, а васъ жизнь до того запутала и развратила, что вы смѣетесь надъ тѣмъ, что одно любите, и ищете одного того, что ненавидите и что дѣлаетъ ваше несчастье. Вы такъ запутались, что не понимаете того обязательства, которое вы имѣете передъ бѣднымъ тирольцемъ, доставившимъ вамъ чистое наслажденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаете себя обязанными даромъ, безъ пользы и удовольствія, унижаться передъ лордомъ и зачѣмъ-то жертвовать ему своимъ спокойствіемъ и удобствомъ. Что за вздоръ, что за неразрѣшимая бессмыслица! Но не это сильнѣй всего поразило меня нынче вечеромъ. Это невѣденіе того, что даетъ счастье, эту безсознательность поэтическихъ наслажденій я почти понимаю, или привыкъ къ ней, встрѣчавъ ее часто въ жизни: грубая, безсознательная жестокость толпы тоже была для меня не новость; что бы ни говорили защитники народнаго смысла, толпа есть соединеніе хотя бы и хорошихъ людей, но соприкасающихся только животными гнусными сторонами и выражающая только слабость и жестокость человѣческой природы. Но какъ вы, дѣти свободнаго, человѣчнаго народа, вы христіане, вы просто люди, на чистое наслажденіе, которое вамъ доставилъ несчастный просящій человѣкъ, отвѣтили холодною и насмѣшкой. Но нѣтъ, въ вашемъ отечествѣ есть пріюты для нищихъ.—Нищихъ нѣтъ, ихъ не должно быть, и не должно быть чувства состраданія, на которомъ основано нищенство.—Но онъ трудился, онъ радовалъ васъ, онъ умолялъ васъ дать ему что нибудь отъ вашего излишка за свой трудъ, которымъ вы воспользовались. А вы съ холодной улыбкой наблюдали его какъ рѣдкость изъ своихъ высокихъ блестящихъ палатъ и изъ сотни васъ, счастливыхъ, богатыхъ, не нашлось ни одного, ни одной, которая бы бросила ему что нибудь! Пристыженный, онъ пошелъ прочь отъ васъ и бессмысленная толпа, смѣясь, преслѣдовала и оскорбляла не васъ, а его, за то, что вы холодны, жестоки и безчестны; за то, что вы украли у него наслажденіе, которое онъ вамъ доставилъ, за это его оскорбляли.

«Седьмого іюля 1857 года, въ Люцернѣ передъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій тѣнецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человекъ слушало его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что нибудь. Ни одинъ человекъ не далъ ему ничего и многіе смѣялись надъ нимъ».

Это не выдумка, а фактъ положительный, который могутъ изслѣдовать тѣ, которые хотятъ, у постоянныхъ жителей Швейцергофа, справившись по газетамъ, кто были иностранцы, занимавшіе Швейцергофъ 7 іюля.

Вотъ событіе, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событіе значительнѣе, серьезнѣе и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ. Что англичане убили еще тысячу китайцевъ за то, что китайцы ничего не покупаютъ на деньги, а ихъ край поглощаетъ звонкую монету, что французы убили еще тысячу кабилловъ за то, что хлѣбъ хорошо родится въ Африкѣ и что постоянная война полезна для формированія войскъ, что турецкій посланникъ въ Неаполѣ не можетъ быть жидъ и что императоръ Наполеонъ гуляетъ пѣшкомъ въ Plombières и печатно увѣряетъ народъ, что онъ царствуетъ только по волѣ всего народа,—это все слова, скрывающія или показывающія давно извѣстное; но событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7-го іюля, мнѣ кажется совершенно ново, странно, и относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, но къ извѣстной эпохѣ развитія общества. Это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизаціи.

Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ широкой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе, самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Отчего эти люди, въ своихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ горячо заботящіеся о состояніи безбрачныхъ китайцевъ въ Индіи, о распространеніи христіанства и образованія въ Африкѣ, о составленіи обществъ исправленія всего человѣчества, не находятъ въ душѣ своей простаго первобытнаго чувства человѣка къ человѣку? Неужели нѣтъ этого чувства, и мѣсто его заняли тщеславіе, честолюбіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ? Неужели распространеніе разумной, себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И неужели это то равенство, за которое пролито было столько невинной крови, и столько совершенно

преступлений? Неужели народы, какъ дѣти, могутъ быть счастливы однимъ звукомъ слова равенство?

Равенство передъ закономъ? Да развѣ вся жизнь людей происходитъ въ сферѣ закона? Только одна тысячная доля ея подлежитъ закону, остальная часть происходитъ внѣ его; въ сферѣ нравовъ и воззрѣнія общества. А въ обществѣ, лакей одѣтъ лучше пѣвца и безнаказанно оскорбляетъ его. Я лучше одѣтъ лакея и безнаказанно оскорбляю лакея. Швейцаръ считаетъ меня выше, а пѣвца ниже себя; когда я соединился съ пѣвцомъ, онъ счелъ себя равнымъ съ нами и сталъ грубъ. Я сталъ наглъ съ швейцаромъ и швейцаръ призналъ себя ниже меня. Лакей сталъ наглъ съ пѣвцомъ и пѣвецъ призналъ себя ниже его. И неужели это свободное то, что люди называютъ, положительно свободное государство то, въ которомъ есть хоть одинъ гражданинъ, котораго сажаютъ въ тюрьму за то, что онъ никому не вредя, никому не мѣшая, дѣлаетъ одно, что можетъ, для того, чтобы не умереть съ голода?

Несчастное, жалкое созданіе, человѣкъ съ своей потребностью положительныхъ рѣшеній, брошенный въ этотъ вѣчнодвижущійся, безконечный океанъ добра и зла фактовъ, соображеній и противорѣчій. Вѣками бьются и трудятся люди, чтобы отодвинуть къ одной сторонѣ благо, къ другой неблаго. Проходятъ вѣка и гдѣ бы, что бы ни прикинулъ безпристрастный умъ на вѣсы добраго и злаго, вѣсы не колеблятся и на каждой сторонѣ столько же блага, сколько и неблаго. Ежели бы только человѣкъ выучился не судить и не мыслить рѣзко и положительно, и не давать отвѣты на вопросы, данные ему только для того, чтобы они вѣчно оставались вопросами! Ежели бы только онъ понималъ, что всякая мысль и ложна и справедлива! Ложна односторонностью, по невозможности человѣка обнять всей истины и справедлива по выраженію одной стороны человѣческихъ стремлений. Сдѣлали себѣ подраздѣленія въ этомъ вѣчномъ движущемся безконечномъ, безконечно-перемѣшанномъ хаосѣ добра и зла, провели воображаемыя черты по этому морю и ждутъ, что море такъ и раздѣлится. Точно нѣтъ миллионъ другихъ подраздѣленій совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, въ другой плоскости. Правда, вырабатываются эти новыя подраздѣленія вѣками, но и вѣковъ прошли и пройдутъ миллионы. Цивилизація—благо; варварство—зло; свобода—благо; неволя—зло. Вотъ это-то воображаемое знаніе уничтожаетъ инстинктивные, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ. И кто опредѣлитъ мнѣ, что свобода, что деспотизмъ, что цивилизація, что варварство? И гдѣ границы одного и другаго? У кого въ душѣ такъ непоколебимо это мѣрило добра и зла, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгушіе запутанные факты? У кого такъ великъ умъ, чтобы хотя въ неподвижномъ прошедшемъ обнять всѣ факты и свѣситъ ихъ? И кто ви-

дѣлъ такое состояніе, въ которомъ бы не было добра и зла вмѣстѣ. И почему я знаю, что вижу больше одного, чѣмъ другаго, не отъ того, что стою не на настоящемъ мѣстѣ? И кто въ состояніи такъ совершенно оторваться умомъ хоть на мгновеніе отъ жизни, чтобы независимо сверху взглянуть на нее? Одинъ, только одинъ есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждого какъ единицу, влагающій въ каждого стремленіе къ тому, что должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени, и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу.

И этотъ-то одинъ непогрѣшимый блаженный голосъ заглушаетъ шумное торопливое развитіе цивилизаціи. Кто больше человѣкъ и кто больше варваръ: тотъ ли лордъ, который, увидавъ затаканное платье пѣвца, съ злобой убѣжалъ изъ-за стола, за его труды не далъ ему миллионной доли своего состоянія, и теперь, сытый, сидя въ свѣтлой покойной комнатѣ, спокойно судить о дѣлахъ Китая, находя справедливыми совершаемыя тамъ убійства, или маленькій пѣвецъ, который, рискуя тюрьмой, съ франкомъ въ карманѣ, двадцать лѣтъ, никому не дѣлая вреда, ходитъ по горамъ и доламъ, утѣшая людей своимъ пѣніемъ, котораго оскорбили, чуть не вытолкали нынче, и который усталый, голодный, пристыженный, пошелъ спать куда нибудь на гниющей соломѣ?

Въ это время изъ города, въ мертвой тишинѣ ночи, я далеко, далеко, услыхалъ гитару маленькаго человѣчка и его голосъ.

Нѣтъ, казалось мнѣ невольно, ты не имѣешь права жалѣть о немъ и негодовать на благосостояніе лорда. Кто свѣсилъ внутреннее счастье, которое лежитъ въ душѣ каждого изъ этихъ людей? Вонъ онъ сидитъ теперь гдѣ нибудь на грязномъ порогѣ, смотритъ въ блестящее лунное небо, и радостно поетъ среди тихой, благоуханной ночи, въ душѣ его нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянья. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей, за этими богатыми высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли въ нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка? Безконечна благодать и премудрость Того, Кто позволилъ и велѣлъ существовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ. Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, незаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія, только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ съ своей свѣтлой неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой всѣ противорѣчиво безконечно движется. Въ своей гордости ты думаешь вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ, пошленькимъ негодованіемъ на лакеевъ, и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго...

АЛЬБЕРТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

АЛЬБЕРТЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Пять человѣкъ богатыхъ и молодыхъ людей прѣхали въ третьемъ часу ночи веселиться на петербургскій баликъ.

Шампанскаго было выпито много, большая часть господъ были очень молоды, дѣвицы были красивы, фортепьяно и скрипка неумоимо играли одну польку за другою, танцы и шумъ не переставали; но было какъ-то скучно, неловко, каждому казалось почему-то (какъ это часто случается), что все это не то и ненужно.

Нѣсколько разъ они усиливались поднять веселье, но притворное веселье, было еще хуже скуки.

Одинъ изъ пяти молодыхъ людей, болѣе другихъ недовольный и собой, и другими и всѣмъ вечеромъ, съ чувствомъ отвращенія всталъ, отыскалъ шляпу и вышелъ съ намѣреніемъ потихоньку уѣхать.

Въ передней никого не было, но въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, онъ услышалъ два голоса, спорившіе между собою. Молодой человѣкъ пріостановился и сталъ слушать.

— Нельзя, тамъ гости, говорилъ женскій голосъ.

— Пустите, пожалуйста, я ничего! умолялъ слабый мужской голосъ.

— Да ужъ не пущу безъ позволенія мадамы, говорила женщина:— куда вы? ахъ какой!..

Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась странная мужская фигура. Увидавъ гостя, служанка перестала удерживать, а странная фигура, робко поклонившись, шатаясь на согнутыхъ ногахъ, вошла въ комнату. Это былъ средняго роста мужчина, съ узкой согнутой спиной и длинными всклоченными волосами. На немъ были короткое пальто и прорванные узкіе панталоны, надъ шершавыми нечищенными сапогами. Скрутившійся веревкой галстукъ повязывалъ длинную бѣлую шею. Грязная рубаша высовывалась изъ рукавовъ надъ худыми руками. Но несмотря на чрезвычайную ху-

добу тѣла, лицо его было нѣжно, бѣло и даже свѣжій румянецъ игралъ на щекахъ, надъ черной рѣдкой бородой и бакенбардами. Нечесанные волосы, закинутые кверху, открывали невысокій и чрезвычайно чистый лобъ. Темные усталые глаза смотрѣли впередъ мягко, искательно и вмѣстѣ важно. Выраженіе ихъ плѣнительно сливалось съ выраженіемъ свѣжихъ, изогнутыхъ въ углахъ губъ, виднѣвшихся изъ-за рѣдкихъ усовъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ пріостановился, повернулся къ молодому человѣку и улыбнулся. Онъ улыбнулся какъ будто съ трудомъ; но когда улыбка озарила его лицо, молодой человѣкъ, — самъ не зная чему, — улыбнулся тоже.

— Кто это такой? спросилъ онъ шопотомъ у служанки, когда странная фигура прошла въ комнату, изъ которой слышались танцы.

— Помѣшанный музыкантъ изъ театра, отвѣчала служанка: — онъ иногда приходитъ къ хозяйкѣ.

— Куда ты ушелъ, Делесовъ? кричали въ это время изъ залы.

Молодой человѣкъ, котораго звали Делесовымъ, вернулся въ залу.

Музыкантъ стоялъ у двери и, глядя на танцующихъ, улыбкой, взглядомъ и притоптываніемъ ногъ, выказывалъ удовольствіе, доставляемое ему этимъ зрѣлищемъ.

— Что же, идите и вы танцовать, сказалъ ему одинъ изъ гостей.

Музыкантъ поклонился и вопросительно взглянулъ на хозяйку.

— Идите, идите, — чтожь, когда васъ господа приглашаютъ, вмѣшалась хозяйка.

Худые, слабые члены музыканта вдругъ пришли въ усиленное движеніе, и онъ, подмигивая, улыбаясь и подергиваясь, тяжело, неловко пошелъ прыгать по залѣ. Въ серединѣ кадрили, веселый офицеръ, танцовавшій очень красиво и одушевленно, нечаянно толкнулъ спиной музыканта. Слабая, усталая нога не удержали равновѣсія, и му-

зыкантъ, сдѣлавъ нѣсколько подкашивающихся шаговъ въ сторону, *со всего роста* упалъ на полъ. Несмотря на рѣзкій, сухой звукъ, произведенный паденіемъ, почти всѣ засмѣялись въ первую минуту.

Но музыкантъ не вставалъ. Гости замолчали, даже фортепьяно перестало играть, и Делесовъ съ хозяйкой первые подбѣжали къ упавшему. Онъ лежалъ на локтѣ и тускло смотрѣлъ въ землю. Когда его подняли и посадили на стулъ, онъ откинулъ быстрымъ движеніемъ костлявой руки волосы со лба и сталъ улыбаться, ничего не отвѣчая на вопросы.

— Господинъ Альбертъ! господинъ Альбертъ! говорила хозяйка: — что, ушиблись? гдѣ? Вотъ я говорила, что не надо было танцевать. Онъ такой слабый! продолжала она, обращаясь къ гостямъ: — насилу ходитъ, гдѣ ему!

— Кто онъ такой? спрашивали хозяйку.

— Бѣдный человѣкъ, артистъ. Очень хорошій малый, только жалкій, какъ видите.

Она говорила это, не стѣняясь присутствіемъ музыканта. Музыкантъ очнулся и, какъ будто испугавшись чего-то, съежился и оттолкнулъ окружающихъ его.

— Это все ничего, вдругъ сказалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ привставая со стула.

И чтобы доказать, что ему нисколько не больно, вышелъ на середину комнаты и хотѣлъ прыгнуть, но пошатнулся и опять бы упалъ ежели бы его не поддержали.

Всѣмъ сдѣлалось неловко; глядя на него, всѣ молчали.

Взглядъ музыканта снова потухъ, и онъ, видимо забывъ о всѣхъ, потиралъ рукою колѣно. Вдругъ онъ поднялъ голову, выставилъ впередъ дрожащую ногу, тѣмъ же, какъ и прежде, пошлымъ жестомъ откинулъ волосы и, подойдя къ скрипачу, взялъ у него скрипку.

— Все ничего! повторилъ онъ еще разъ, взмахнувъ скрипкой: — господа будемъ музицировать.

— Что за странное лицо! говорили между собой гости.

— Можетъ быть, большой талантъ погибаетъ въ этомъ несчастномъ существѣ! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да, жалкій, жалкій! говорилъ другой.

— Какое лицо прекрасное!.. Въ немъ есть что-то необыкновенное, говорилъ Делесовъ: — вотъ посмотримъ...

II.

Альбертъ въ это время, не обращая ни на кого вниманія, прижавъ скрипку къ плечу, медленно ходилъ вдоль фортепьяно и настраивалъ ее. Губы его сложились въ безстрастное выраженіе, глазъ не было видно; но узкая костлявая спина, длинная бѣлая шея, кривыя ноги и косматая черная голова представляли чудное, но почему-то вовсе несмѣшное зрѣлище. Настроивъ скрипку, онъ бойко

взялъ аккордъ и, вскинувъ голову, обратился къ пьянисту, приготовившемуся акомпанировать.

— «*Mélancolie G-dur!*» сказалъ онъ съ повелительнымъ жестомъ, обращаясь къ пьянисту.

И вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы прося прощенія за повелительный жестъ, кротко улыбнулся, и съ этой улыбкой оглянулъ публику. Вскинувъ волосы рукой, которой онъ держалъ смычекъ, Альбертъ остановился передъ угломъ фортепьяно и плавнымъ движеніемъ смычка провелъ по струнамъ. Въ комнатѣ пронесся чистый, стройный звукъ, и сдѣлалось совершенное молчаніе.

Звуки темы свободно, изящно полились вслѣдъ за первымъ какимъ-то неожиданнымъ и успокоительнымъ свѣтомъ, вдругъ озаряя внутренній міръ каждого слушателя. Ни одинъ ложный или неумѣренный звукъ не нарушилъ покорности внимающихъ, всѣ звуки были ясны, изящны и значительны. Всѣ молча, съ трепетомъ надежды, слѣдили за развитіемъ ихъ. Изъ состоянія скуки, шумнаго разсѣянія и душевнаго сна, въ которомъ находились эти люди, они вдругъ незамѣтно перенесены были въ совершенно другой забытый ими міръ. То въ душѣ ихъ возникало чувство тихаго созерцанія прошедшаго, то страстного воспоминанія чего-то счастливаго, то безграничной потребности власти и блеска, то чувства покорности, неудовлетворенной любви и грусти. То грустно-нѣжные, то порывисто-отчаянные звуки, свободно перемѣшиваясь между собой, лились и лились другъ за другомъ такъ изящно, такъ сильно и такъ бессознательно, что не звуки слышны были, а самъ собой лился въ душу каждого какой-то прекрасный потокъ, давно знакомый, но въ первый разъ высказанной поэзіи. Альбертъ съ каждой нотой выросталъ выше и выше. Онъ далеко не былъ уродливъ или страненъ. Прижавъ подбородкомъ скрипку и съ выраженіемъ страстного вниманія прислушиваясь къ своимъ звукамъ, онъ судорожно передвигалъ ногами. То онъ выпрямлялся во весь ростъ, то старательно сгибалъ спину. Лѣвая напряженно-согнутая рука, казалось, замерла въ своемъ положеніи и только судорожно перебирала костлявыми пальцами; правая двигалась плавно, изящно, незамѣтно. Лицо сіяло непрерывной, восторженной радостью; глаза горѣли свѣтлымъ сухимъ блескомъ, ноздри раздувались, красныя губы раскрывались отъ наслажденія.

Иногда голова ближе наклонялась къ скрипкѣ, глаза закрывались и полузакрытое волосами лицо освѣщалось улыбкой кроткаго блаженства. Иногда онъ быстро выпрямлялся, выставлялъ ногу; и чистый лобъ, и блестящій взглядъ, которыми онъ окидывалъ комнату, сіяли гордостью, величіемъ, сознаніемъ власти. Одинъ разъ пьянистъ ошибся и взялъ невѣрный аккордъ. Физическое страданіе выразилось во всей фигурѣ и лицѣ музыканта. Онъ остановился на секунду и, съ выраженіемъ дѣтской злобы, топая ногой, закричалъ: «*mollce-moll*». Пьянистъ поправился, Альбертъ закрылъ

глаза, улыбнулся и, снова забывъ себя, другихъ и весь міръ, съ блаженствомъ отдался своему долгу.

Всѣ находившіеся въ комнатѣ во время игры Альберта хранили покорное молчаніе и, казалось, жили и дышали только его звуками.

Веселый офицеръ неподвижно сидѣлъ на стулѣ у окна, устремивъ на полъ безжизненный взглядъ, и тяжело и рѣдко переводилъ дыханіе. Дѣвицы въ совершенномъ молчаніи сидѣли по стѣнамъ, и только изрѣдка, съ одобреніемъ, доходящимъ до недоумѣнія, переглядывались между собою. Толстое, улыбающееся лицо хозяйки расплывалось отъ наслажденія. Пьянствъ впивался глазами въ лицо Альберта и со страхомъ ошибиться, выражавшемся во всей его вытягивавшейся фигурѣ, старался слѣдить за нимъ. Одинъ изъ гостей, выпившій больше другихъ, ничкомъ лежалъ на диванѣ и старался не двигаться, чтобы не выдать своего волненія. Делесовъ испытывалъ непривычное чувство. Какой-то холодный кругъ, то суживаясь, то расширяясь, сжималъ его голову. Корни волосъ становились чувствительны, морозъ пробѣгалъ вверхъ по спинѣ, что-то все выше и выше подступая къ горлу, какъ тоненькими иглками кололо въ носу и небѣ, и слезы незамѣтно мочили ему щеки. Онъ встряхивался, старался незамѣтно втягивать ихъ назадъ и отирать, но новыя выступали опять и текли по его лицу. По какому-то странному сцѣпленію впечатлѣній, первые звуки скрипки Альберта перенесли Делесова къ его первой молодости. Онъ — не молодой, усталый отъ жизни, изнуренный чловѣкъ, вдругъ почувствовалъ себя семнадцатилѣтнимъ, самодовольно-красивымъ, блаженно-глупымъ и безсознательно-счастливымъ существомъ. Ему вспоминалась первая любовь къ кузинѣ, въ розовомъ платицѣ, вспоминалось первое признаніе въ липовой аллеѣ, вспомнился жаръ и непонятная прелесть случайнаго поцѣлуя, вспоминалось волшебство и неразгаданная таинственность тогда окружавшей природы. Въ его возвратившемся назадъ воображеніи, блистала она въ туманѣ неопредѣленныхъ надеждъ, непонятныхъ желаній и несомнѣнной вѣры въ возможность невозможнаго счастья. Всѣ неопѣянные минуты того времени, одна за другою, возставали передъ нимъ, но не какъ незначущія мгновенія бѣгущаго настоящаго, а какъ остановившіеся, разрастающіеся и укоряющіе образы прошедшаго. Онъ съ наслажденіемъ созерцалъ ихъ и плакалъ, — плакалъ не отъ того, что прошло то время, которое онъ могъ употребить лучше (ежели бы ему дали назадъ это время, онъ не брался употребить его лучше), но онъ плакалъ отъ того только, что прошло это время и никогда не воротится. Воспоминанія возникали сами собою, а скрипка Альберта говорила одно и одно. Она говорила: «прошло для тебя, навсегда прошло время силы, любви и счастья, прошло и никогда не воротится. Плачь о немъ, выплачь всѣ

слезы, умри въ слезахъ объ этомъ времени, — это одно лучшее счастье, которое осталось у тебя.»

Къ концу послѣдней варіаціи, лицо Альберта сдѣлалось красно, глаза горѣли, не потухая, крупныя капли пота струились по щекамъ. На лбу надулись жилы, все тѣло больше и больше приходило въ движеніе, поблѣднѣвшія губы уже не закрывались, и вся фигура выражала восторженную жадность наслажденія.

Отчаянно размахнувшись всѣмъ тѣломъ и встряхнувъ волосами, онъ опустилъ скрипку и съ улыбкой гордаго величія и счастья оглянувшись присутствующихъ. Потомъ спина его согнулась, голова опустилась, губы сложились, глаза потухли, и онъ, какъ бы стыдась себя, робко оглядываясь и путаясь ногами, прошелъ въ другую комнату.

III.

Что-то странное произошло со всѣми присутствующими и что-то странное чувствовалось въ мертвомъ молчаніи, послѣдовавшемъ за игрой Альберта. Какъ будто каждый хотѣлъ и не умѣлъ высказать того, что все это значило. Что такое значить — свѣтлая и жаркая комната, блестящія женщины, заря въ окнахъ, взволнованная кровь и чистое впечатлѣніе пролетѣвшихъ звуковъ? Но никто и не попытался сказать того, что это значить; напротивъ, почти всѣ, чувствуя себя не въ силахъ перейти вполнѣ на сторону того, что открыло имъ новое впечатлѣніе, возмущились противъ него.

— А вѣдь онъ точно хорошо играетъ, сказалъ офицеръ.

— Удивительно! отвѣчалъ, украдкой рукавомъ отирая щеки, Делесовъ.

— Однако, пора ѣхать, господа, сказалъ оправившись нѣсколько тотъ, который лежалъ на диванѣ. Надо будетъ дать ему что нибудь, господа. Давайте складчину.

Альбертъ сидѣлъ въ это время одинъ, въ другой комнатѣ на диванѣ. Облокотившись локтями на костлявыя колѣни, онъ потными, грязными руками гладилъ себѣ лицо, взбивалъ волосы и самъ съ собою счастливо улыбался.

Складчину сдѣлали богатую и Делесовъ взялся передать ее.

Кромѣ того, Делесову, на котораго музыка произвела такое сильное и непривычное впечатлѣніе, пришла мысль сдѣлать добро этому чловѣку. Ему пришло въ голову взять его къ себѣ, одѣть, пристроить къ какому нибудь мѣсту — вообще, вырвать изъ этого грязнаго положенія.

— Что вы устали? спросилъ Делесовъ, подходя къ нему.

Альбертъ улыбался.

— У васъ дѣйствительный талантъ; вамъ надо бы серьезно заниматься музыкой, играть въ публикѣ.

— Я бы выпилъ чего нибудь, сказалъ Альбертъ, какъ будто проснувшись.

Делесовъ принесъ вина и музыкантъ съ жадностію выпилъ два стакана.

— Какое славное вино, сказалъ онъ.

— Меланхолія, какая прелестная вещь, сказалъ Делесовъ.

— О! да, да, отвѣчалъ улыбаясь Альбертъ: — но извините меня, я не знаю съ кѣмъ имѣю честь говорить; можетъ быть, вы графъ или князь: не можете ли вы мнѣ ссудить немного денегъ? Онъ помолчалъ немного. Я ничего не имѣю... я бѣдный человѣкъ. Я не могу отдать вамъ.

Делесовъ покраснѣлъ, ему неловко стало, и онъ торопливо передалъ музыканту собранныя деньги.

— Очень благодарю васъ, сказалъ Альбертъ, схвативъ деньги: — теперь давайте музицировать; я, сколько хотите, буду играть вамъ. Только выпить чего нибудь, выпить, прибавилъ онъ, вставая.

Делесовъ принесъ ему еще вина и попросилъ сѣсть подлѣ себя.

— Извините меня, ежели я буду откровененъ съ вами, сказалъ Делесовъ: — вашъ талантъ такъ заинтересовалъ меня. Мнѣ кажется, что вы не въ хорошемъ положеніи?

Альбертъ поглядывалъ то на Делесова, то на хозяйку, которая вошла въ комнату.

— Позвольте мнѣ вамъ предложить свои услуги, продолжалъ Делесовъ: — ежели вы въ чемъ нибудь нуждаетесь, то я бы очень радъ былъ, ежели бы вы на время поселились у меня. Я живу одинъ и можетъ быть я былъ бы вамъ полезенъ.

Альбертъ улыбнулся и ничего не отвѣчалъ.

— Что же вы не благодарите, сказала хозяйка: — разумѣется, для васъ это благодареніе. Только я бы вамъ не совѣтовала, продолжала она, обращаясь къ Делесову и отрицательно качая головой.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ Альбертъ, мокрыми руками пожимая руку Делесова: — только теперь давайте музицировать, пожалуйста.

Но остальные гости уже собрались ѣхать и, какъ ихъ не уговаривалъ Альбертъ, вышли въ переднюю.

Альбертъ простился съ хозяйкой и надѣвъ истертую шляпу съ широкими полями и лѣтнюю старую альмавиву, составлявшія всю его зимнюю одежду, вмѣстѣ съ Делесовымъ вышелъ на крыльцо.

Когда Делесовъ сѣлъ съ своимъ новымъ знакомцемъ въ карету и почуствовалъ тотъ непріятный запахъ пьяницы и нечистоты, которымъ былъ пропитанъ музыкантъ, онъ сталъ раскисаться въ своемъ поступкѣ и обвинять себя въ ребяческой мягкости сердца и неразсудительности. Притомъ все, что говорилъ Альбертъ, было такъ глупо и пошло и онъ такъ вдругъ грязно опьянѣлъ на воздухъ, что Делесову сдѣлалось гадко. «Что я съ нимъ буду дѣлать?» подумалъ онъ.

Проѣхавъ съ четверть часа, Альбертъ замолкъ, шляпа съ него свалилась въ ноги, онъ самъ повалился въ уголъ кареты и захрапѣлъ. Колеса

равномѣрно скрипѣли по морозному снѣгу; слабый свѣтъ зари едва проникалъ сквозь замерзшія окна.

Делесовъ оглянулся на своего сосѣда. Длинное тѣло, прикрытое плащомъ, безжизненно лежало подлѣ него. Делесову казалось, что длинная голова съ большимъ темнымъ носомъ качалась на этомъ туловищѣ; но взглянувъ ближе онъ увидѣлъ, что то, что онъ принималъ за носъ и лицо, были волосы, а что настоящее лицо было ниже. Онъ нагнулся и разобралъ черты лица Альберта. Тогда красота лба и спокойно сложенного рта снова поразили его.

Подъ вліяніемъ усталости нервъ, раздражающаго безсоннаго часа утра и слышанной музыки, Делесовъ, глядя на это лицо, снова перенесся въ тотъ блаженный міръ, въ который онъ заглянулъ нынче ночью; снова ему вспомнилось счастливое и великодушное время молодости и онъ пересталъ раскисаться въ своемъ поступкѣ. Онъ въ эту минуту искренно, горячо любилъ Альберта и твердо рѣшился сдѣлать добро ему.

IV.

На другой день утромъ, когда его разбудили, чтобы идти на службу, Делесовъ съ непріятнымъ удивленіемъ увидалъ вокругъ себя свои старыя ширмы, своего стараго человѣка и часы на столѣ. Такъ что же бы я хотѣлъ видѣть, какъ не то, что всегда окружаетъ меня? спросилъ онъ самъ себя. Тутъ ему вспомнились черные глаза и счастливая улыбка музыканта; мотивъ «меланхоліи» и вся странная вчерашняя ночь пронеслись въ его воображеніи.

Ему некогда было, однако, размышлять о томъ, хорошо или дурно онъ поступилъ, взявъ къ себѣ музыканта. Одѣваясь, онъ мысленно распредѣлялъ свой день: взялъ бумаги, отдалъ необходимыя приказанія дома и торопясь надѣлъ шинель и галоши. Проходя мимо столовой, онъ заглянулъ въ дверь. Альбертъ, уткнувъ лицо въ подушку и раскидавшись въ грязной изорванной рубахѣ, мертвымъ сномъ спалъ на сафьянномъ диванѣ, куда его безчувственного положили вчера вечеромъ. Что-то не хорошо, невольно казалось Делесову.

— Сходи, пожалуйста, отъ меня къ Борюзовскому, попроси скрипку дня на два для нихъ, сказалъ онъ своему человѣку: — да когда они проснутся, напой ихъ кофеемъ и дай надѣть изъ моего бѣлья и стараго платья что нибудь. Вообще удовлетвори его хорошенько. Пожалуйста.

Возвратившись домой поздно вечеромъ, Делесовъ, къ удивленію своему, не нашелъ Альберта.

— Гдѣ же онъ? спросилъ онъ у человѣка.

— Тотчасъ послѣ обѣда ушли, отвѣчалъ слуга: — взяли скрипку и ушли, обѣщались придти черезъ часъ, да вотъ до сей поры нѣту.

— Та! та! досадно, проговорилъ Делесовъ: — какъ же ты его пустилъ, Захаръ?

Захаръ былъ петербургскій лакей, уже восемь лѣтъ служившій у Делесова. Делесовъ, какъ *одинокій холостякъ*, невольно повѣрялъ ему свои намеренія и любилъ знать его мнѣнiе на счетъ каждаго изъ своихъ предпріятій.

— Какъ же я смѣлъ его не пустить, отвѣчалъ Захаръ, играя печаткой своихъ часовъ: — ежели бы вы мнѣ сказали, Дмитрій Ивановичъ, чтобы его удерживать, я бы дома могъ занять. Но вы только на счетъ платяя сказали.

— Та! досадно! Ну а что онъ тутъ дѣлалъ безъ меня?

Захаръ усмѣхнулся.

— Ужъ точно, можно назвать артистомъ, Дмитрій Ивановичъ. Какъ проснулись, такъ попросили мадеры, потомъ съ кухаркой и съ сосѣдскимъ человѣкомъ все занимались. Смѣшныя такіе... Однако характера очень хорошаго. Я имъ чаю далъ, обѣдать принесъ, ничего не хотѣли одни ѣсть, все меня приглашали. А ужъ на скрипкѣ какъ играютъ, такъ это точно, что такихъ артистовъ у Излера мало. Такого человѣка можно держать. Какъ онъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» намъ сыгралъ, такъ точно, какъ человѣкъ плачетъ. Слишкомъ хорошо! Даже со всѣхъ этажей пришли люди къ намъ въ сѣни слушать.

— Ну, а одѣлъ ты его? перебилъ баринъ.

— Какже-съ; я ему вашу ночную рубашку далъ и свое пальто ему надѣлъ. Этому человѣку можно помогать, точно милый человѣкъ. Захаръ улыбнулся. Все спрашивали меня, какого вы чина, имѣете ли знакомства значительныя? и сколько у васъ душъ крестьянъ?

— Ну хорошо, только надо будетъ его найти теперь и впередъ ему ничего не давать пить, а то ему еще хуже сдѣлаешь.

— Это правда, перебилъ Захаръ: — онъ видно слабъ здоровьемъ, у насъ такой же у барина былъ приказчикъ...

Делесовъ, уже давно знавшій исторію пившаго запоемъ приказчика, не далъ ее докончить Захару и, велѣвъ приготовить себѣ все для ночи, послалъ его отыскать и привести Альберта.

Онъ легъ въ постель, потушилъ свѣчу, но долго не могъ заснуть, все думалъ объ Альбертѣ. «Хоть это все страннымъ можетъ показаться многимъ изъ моихъ знакомыхъ, думалъ Делесовъ, но вѣдь такъ рѣдко дѣлаешь что нибудь не для себя, что надо благодарить Бога, когда представляется такой случай, и я не упущу его. Все сдѣлаю, рѣшительно все сдѣлаю, что могу, чтобы помочь ему. Можетъ быть, онъ и вовсе не съумасшедшій, а только спился. Стоить это мнѣ будетъ совсѣмъ не дорого: гдѣ одинъ, тамъ и двое сыты будутъ. Пускай поживетъ сначала у меня, а потомъ устроимъ ему мѣсто или концертъ, стащимъ его съ мели, а тамъ видно будетъ.»

Пріятное чувство самодовольствія овладѣло имъ послѣ такого разсужденія.

«Право, я не совсѣмъ дурной человѣкъ; даже совсѣмъ недурной человѣкъ, подумалъ онъ. Даже очень хорошій человѣкъ, какъ сравню себя съ другими...»

Онъ уже засыпалъ, когда звуки отворяемыхъ дверей и шаговъ въ передней развлекли его.

«Ну, обращусь съ нимъ постороже, подумалъ онъ: — это лучше; и я долженъ это сдѣлать.»

Онъ позвонилъ.

— Что, привелъ? спросилъ онъ у вошедшаго Захара.

— Жалкой человѣкъ, Дмитрій Ивановичъ, сказалъ Захаръ, значительно покачавъ головой и закрывъ глаза.

— Что, пьянъ?

— Очень слабъ.

— А скрипка съ нимъ?

— Принесъ, хозяйка отдала.

— Ну, пожалуйста, не пускай его теперь ко мнѣ, уложи спать и завтра отнюдь не выпускай изъ дома.

Но еще Захаръ не успѣлъ выйти, какъ въ комнату вошелъ Альбертъ.

V.

— Вы ужъ спать хотите? сказалъ Альбертъ, улыбаясь: — а я былъ тамъ, у Анны Ивановны. Очень пріятно провелъ вечеръ: музицировали, смѣялись, пріятное общество было. Позвольте мнѣ выпить стаканъ чего нибудь, прибавилъ онъ, взявшись за графинъ съ водой, стоявшій на столикѣ: — только не воды.

Альбертъ былъ такой же, какъ и вчера: таже красивая улыбка глазъ и губъ, тотъ же свѣтлый, вдохновенный лобъ и слабые члены. Пальто Захара пришлось ему какъ разъ въ пору, и чистый, длинный не крахмаленный воротникъ ночной рубашки живописно откидывался вокругъ его тонкой бѣлой шеи, придавая ему что-то особенно дѣтское и невинное. Онъ присѣлъ на постель Делесова и молча, радостно и благодарно улыбаясь, посмотрѣлъ на него. Делесовъ посмотрѣлъ въ глаза Альберта и вдругъ снова почувствовалъ себя во власти его улыбки. Ему перестало хотѣться спать, онъ забылъ о своей обязанности быть строгимъ, ему захотѣлось напротивъ веселиться, слушать музыку и хоть до утра дружески болтать съ Альбертомъ. Делесовъ велѣлъ Захару принести бутылку вина, папиросъ и скрипку.

— Вотъ это отлично, сказалъ Альбертъ: — еще рано, будемъ музицировать, я вамъ буду играть сколько хотите.

Захаръ съ видимымъ удовольствіемъ принесъ бутылку лафиту, два стакана, слабыхъ папиросъ, которыя курилъ Альбертъ, и скрипку. Но вмѣсто

того, чтобы ложиться спать, какъ ему приказалъ баринъ, самъ, закуривъ сигару, сѣлъ въ сосѣднюю комнату.

— Поговоримте лучше, сказалъ Делесовъ музыканту, взявшемуся было за скрипку.

Альбертъ покорно сѣлъ на постель и снова радостно улыбнулся.

— Ахъ да, сказалъ онъ, вдругъ стукнувъ себя рукой по лбу и принявъ озабоченно-любопытное выраженіе. (Выраженіе лица его всегда предшествовало тому, что онъ хотѣлъ говорить). Позвольте спросить... онъ пріостановился немного: — этотъ господинъ, который былъ съ вами тамъ, вчера вечеромъ... вы его называли N., онъ не сынъ знаменитаго N?

— Родной сынъ, отвѣчалъ Делесовъ, никакъ не понимая, почему это могло быть интересно Альберту.

— То-то, самодовольно улыбаясь, сказалъ онъ: — я сейчасъ замѣтилъ въ его манерахъ что-то особенно аристократическое. Я люблю аристократовъ: что-то прекрасное и изящное видно въ аристократѣ. А этотъ офицеръ, который такъ прекрасно танцуетъ, спросилъ онъ: — онъ мнѣ тоже очень понравился, такой веселый и благородный. Онъ адъютантъ NN, кажется.

— Который? спросилъ Делесовъ.

— Тотъ, который столкнулся со мной, когда мы танцевали. Онъ славный долженъ быть человѣкъ.

— Нѣтъ, онъ пустой малый, отвѣчалъ Делесовъ.

— Ахъ, нѣтъ! горячо заступился Альбертъ: — въ немъ что-то есть очень, очень пріятное. И онъ славный музыкантъ, прибавилъ Альбертъ: — онъ игралъ тамъ изъ оперы что-то. Давно мнѣ никто такъ не нравился.

— Да, онъ хорошо играетъ, но я не люблю его игры, сказалъ Делесовъ, желая навести своего собесѣдника на разговоръ о музыкѣ: — онъ классической музыки не понимаетъ; а вѣдь Доницетти и Беллини — вѣдь это не музыка. Вы вѣрно этого же мнѣнія?

— О нѣтъ, нѣтъ, извините меня, заговорилъ Альбертъ, съ мягкимъ заступническимъ выраженіемъ: — старая музыка — музыка, и новая музыка — музыка. И въ новой есть красоты необыкновенныя: а Сомнамбула?! а финалъ Лючин?! а *Chopin*, а Робертъ?! Я часто думаю... онъ пріостановился, видимо собирая мысли: — что ежели бы Бетховенъ былъ живъ, вѣдь онъ бы плакалъ отъ радости, слушая Сомнамбулу. Вездѣ есть прекрасное. Я слышалъ въ первый разъ Сомнамбулу, когда здѣсь были Віардо и Рубини, — это было вотъ что, сказалъ онъ, блистая глазами и дѣлая жестъ обѣими руками, какъ будто вырывая что-то изъ своей груди. Еще бы немного, то это невозможно бы было вынести.

— Ну, а теперь какъ вы находите оперу? спросилъ Делесовъ.

— Бозіо хороша, очень хороша, отвѣчалъ онъ: — изящна необыкновенно, но тутъ не трогаетъ, сказалъ онъ, указывая на ввалившуюся грудь.

— Для пѣвицы нужна страсть, а у нея нѣтъ. Она радуется, но не мучается.

— Ну, а Лаблашъ?

— Я его слышалъ еще въ Парижѣ въ Севильскомъ цирюльничѣ; тогда онъ былъ единственъ, а теперь онъ старъ, — онъ не можетъ быть артистомъ, онъ старъ.

— Чтожъ, что старъ, все-таки хорошъ въ *morceaux d'ensemble*, сказалъ Делесовъ, всегда говорившій это о Лаблашѣ.

— Какъ что же что старъ? возразилъ Альбертъ строго. Онъ не долженъ быть старъ. Художникъ не долженъ быть старъ. Много нужно для искусства, но главное — огонь! сказалъ онъ, блистая глазами и поднимая обѣ руки вверхъ.

И дѣйствительно, страшный внутренній огонь горѣлъ во всей его фигурѣ. Ахъ Боже мой! сказалъ онъ вдругъ: — вы не знаете Петрова — художника?

— Нѣтъ не знаю, улыбаясь отвѣчалъ Делесовъ.

— Какъ бы я желалъ, чтобы вы съ нимъ познакомились! Вы бы нашли удовольствіе говорить съ нимъ. Какъ онъ тоже понимаетъ искусство! Мы съ нимъ встрѣчались прежде часто у Анны Ивановны, но она теперь за что-то разсердилась на него. А я очень желалъ бы, чтобы вы съ нимъ познакомились. Онъ большой, большой талантъ.

— Чтожъ, онъ картины пишетъ? спросилъ Делесовъ.

— Не знаю; нѣтъ, кажется, но онъ былъ художникъ академіи. Какія у него мысли! — Когда онъ иногда говоритъ, то это удивительно. О, Петровъ большой талантъ, только онъ ведетъ жизнь очень веселую. Вотъ жалко, улыбаясь прибавилъ Альбертъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ всталъ съ постели, взялъ скрипку и началъ строить.

— Что, вы давно не были въ оперѣ? спросилъ его Делесовъ.

Альбертъ оглянулся и вздохнулъ.

— Ахъ, я ужъ не могу, сказалъ онъ, схватившись за голову. Онъ снова подсѣлъ къ Делесову.

— Я вамъ скажу, проговорилъ онъ почти шопотомъ; — я не могу туда ходить, я не могу тамъ играть, у меня ничего нѣтъ, ничего платя нѣтъ, квартиры нѣтъ, скрипки нѣтъ. Скверная жизнь! скверная жизнь! повторялъ онъ нѣсколько разъ, да и зачѣмъ мнѣ туда ходить? Зачѣмъ это? не надо, сказалъ онъ, улыбаясь. — Ахъ, «Донъ-Жуанъ!»

И онъ ударилъ себя по головѣ.

— Такъ поѣдемъ когда нибудь вмѣстѣ, сказалъ Делесовъ.

Альбертъ не отвѣчая вскочилъ, схватилъ скрипку и началъ играть финалъ перваго акта «Донъ-Жуана», своими словами рассказывая содержаніе оперы.

У Делесова зашевелились волосы на головѣ, когда онъ игралъ голосъ умирающаго командора.

— Нѣтъ, не могу играть нынче, сказалъ онъ, кладя скрипку: я много пилъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ подошелъ къ столу, на-

лил себѣ полный стаканъ вина, залпомъ выпилъ и сѣлъ опять на кровать къ Делесову.

Делесовъ не спуская глазъ смотрѣлъ на Альберта; Альбертъ изрѣдка улыбался и Делесовъ улыбался тоже. Они оба молчали; но между ними взглядомъ и улыбкой ближе и ближе устанавливались любовныя отношенія. Делесовъ чувствовалъ, что онъ все больше и больше любитъ этого человѣка, и испытывалъ непонятную радость.—Вы были влюблены? вдругъ спросилъ онъ.

Альбертъ задумался на нѣсколько секундъ, потомъ лицо его озарилось грустной улыбкой. Онъ нагнулся къ Делесову и внимательно посмотрѣлъ ему въ самые глаза. Зачѣмъ вы это спросили у меня? проговорилъ онъ шопотомъ.

Но я вамъ все расскажу, вы мнѣ понравились, продолжалъ онъ, посмотрѣвъ немного и оглянувшись. Я не буду васъ обманывать, я вамъ расскажу все какъ было сначала. Онъ остановился и глаза его странно, дико остановились. Вы знаете, что я слабъ разсудкомъ, сказалъ онъ вдругъ. Да, да, продолжалъ онъ:—Анна Ивановна вамъ вѣрно рассказывала. Она всѣмъ говоритъ, что я сума-шедшій! Это неправда, она изъ шутки говоритъ это, она добрая женщина, а я точно несовершенно здоровъ сталъ съ нѣкотораго времени. Альбертъ опять замолчалъ и остановившимися, широко открытыми глазами посмотрѣлъ въ темную дверь.

Вы спрашивали, былъ ли я влюбленъ? Да, я былъ влюбленъ, прошепталъ онъ, поднимая брови.

— Это случилось давно, еще въ то время, когда я былъ при мѣстѣ въ театрѣ. Я ходилъ играть вторую скрипку въ оперѣ, а она ѣздила въ ли-терный бенуаръ съ лѣвой стороны.

Альбертъ всталъ и перегнулся на ухо Делесову.

— Нѣтъ, зачѣмъ называть ее, сказалъ онъ. Вы вѣрно знаете ее, всѣ знаютъ ее. Я молчалъ и только смотрѣлъ на нее; я зналъ, что я бѣдный артистъ, а она аристократическая дама. Я очень зналъ это. Я только смотрѣлъ на нее и ничего не думалъ.

Альбертъ задумался припоминая.

— Какъ это случилось, я не помню; но меня позвали одинъ разъ аккомпанировать ей на скрипкѣ. Ну, что я бѣдный артистъ! сказалъ онъ, покачивая головой и улыбаясь:—но нѣтъ, я не умѣю рассказывать, не умѣю... прибавилъ онъ, схватившись за голову.—Какъ я былъ счастливъ!

— Что же, вы часто были у нея? спросилъ Делесовъ.

— Одинъ разъ, одинъ разъ только... но я самъ виноватъ былъ, я сума сошелъ. Я бѣдный артистъ, а она аристократическая дама. Я не долженъ былъ ничего говорить ей. Но я сошелъ съ ума, я сдѣлалъ глупости. Съ тѣхъ поръ для меня все кончилось. Петровъ правду сказалъ мнѣ: лучше бы было видѣть ее только въ театрѣ...

— Что же вы сдѣлали? спросилъ Делесовъ.

— Ахъ, постойте, постойте, я не могу рассказывать этого.

И закрывъ лицо руками, онъ помолчалъ нѣсколько времени.

— Я пришелъ въ оркестръ поздно. Мы пили съ Петровымъ этотъ вечеръ и я былъ разстроены. Она сидѣла въ своей ложѣ и говорила съ генераломъ. Я не знаю, кто былъ этотъ генералъ. Она сидѣла у самого края, положила руку на рампу; на ней было бѣлое платье и перлы на шеѣ. Она говорила съ нимъ и смотрѣла на меня. Два раза она посмотрѣла на меня. Прическа у ней была вотъ такъ; я не игралъ, а стоялъ подлѣ баса и смотрѣлъ. Тутъ въ первый разъ со мной сдѣлалось странно. Она улыбнулась генералу и посмотрѣла на меня. Я чувствовалъ, что она говоритъ обо мнѣ и вдругъ я увидѣлъ, что я не въ оркестрѣ, а въ ложѣ стою съ ней и держу ее за руку за это мѣсто. Что это такое? спросилъ Альбертъ помолчавъ.

— Это живость воображенія, сказалъ Делесовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... да я не умѣю рассказывать, сморщившись отвѣчалъ Альбертъ. Я уже и тогда былъ бѣденъ, квартиры у меня не было, и когда ходилъ въ театръ, иногда оставался ночевать тамъ?

— Какъ? въ театрѣ? въ темной пустой залѣ.

— Ахъ! я не боюсь этихъ глупостей. Ахъ постойте. Какъ только всѣ уходили, я шелъ къ тому бенуару, гдѣ она сидѣла, и спалъ. Это была одна моя радость. Какія ночи я проводилъ тамъ. Только одинъ разъ опять началось со мной. Мнѣ ночью стало представляться много, но я не могу рассказать вамъ много. Альбертъ, опустивъ зрачки, смотрѣлъ на Делесова. Что это такое? спросилъ онъ.

— Странно! сказалъ Делесовъ.

— Нѣтъ постойте, постойте! онъ на ухо шопотомъ продолжалъ. Я цаловалъ ее руку, плакалъ тутъ подлѣ нея, я много говорилъ съ ней. Я слышалъ запахъ ея духовъ, слышалъ ея голосъ. Она много сказала мнѣ въ одну ночь. Потомъ я взялъ скрипку и потихоньку сталъ играть. И я отлично игралъ. Но мнѣ стало страшно. Я не боюсь этихъ глупостей и не вѣрю; но мнѣ стало страшно за свою голову, сказалъ онъ, любезно улыбаясь и дотрогиваясь рукою до лба:—за свой бѣдный умъ мнѣ стало страшно, мнѣ казалось, что-то сдѣлалось у меня въ головѣ. Можетъ быть это и ничего? Какъ вы думаете?

Оба помолчали нѣсколько минутъ.

Und wenn die Wolken sie verhüllen
Die Sonne bleibt doch ewig klar.

Пропѣлъ Альбертъ, тихо улыбаясь.—Неправда ли? прибавилъ онъ.

Ich auch habe gelebt und genossen.

— Ахъ! старикъ Петровъ какъ бы все это растолковалъ вамъ.

Делесовъ молча, съ ужасомъ смотрѣлъ на взволнованное и поблѣднѣвшее лицо своего собесѣдника.

— Вы знаете «Юристенъ - вальцеръ,» вдругъ вскричалъ Альбертъ и, не дождавшись отвѣта,

вскочилъ, схватилъ скрипку, и началъ играть веселый вальсъ. Совершенно забывшись и видимо полагая, что цѣлый оркестръ играетъ за нимъ, Альбертъ улыбался, раскачивался, передвигалъ ногами и игралъ превосходно.

— Э, будетъ веселиться! сказалъ онъ, кончивъ и размахнувъ скрипкой.

— Я пойду, сказалъ онъ, молча посидѣвъ немного: — а вы не пойдете!

— Куда? съ удивленіемъ спросилъ Делесовъ.

— Пойдемъ опять къ Аннѣ Ивановнѣ; тамъ весело: шумъ, народъ, музыка.

Делесовъ въ первую минуту чуть было не согласился. Однако опомнившись, онъ сталъ уговаривать Альберта не ходить нынче.

— Я бы на минуту.

— Право не ходите.

Альбертъ вздохнулъ и положилъ скрипку.

— Такъ остаться?

Онъ посмотрѣлъ еще на столъ; (вина не было) и, пожелавъ покойной ночи, вышелъ.

Делесовъ позвонилъ. — Смотри не выпускай никуда господина Альберта безъ моего спроса, сказалъ онъ Захару.

VI.

На другой день былъ праздникъ. Делесовъ проснувшись сидѣлъ у себя въ гостиной за кофеемъ и читалъ книгу. Альбертъ въ сосѣдней комнатѣ еще не шевелился.

Захаръ осторожно отворилъ дверь и посмотрѣлъ въ столовую.

— Вѣрите-ль, Дмитрій Ивановичъ, такъ на голѣмъ диванѣ и спитъ! Ничего не хотѣлъ подослать, ей Богу. Какъ дитя малое. Право артистъ.

Въ двѣнадцатомъ часу за дверью послышалось кряхтеніе и кашель.

Захаръ снова пришелъ въ столовую; и баринъ слышалъ ласковый голосъ Захара и слабый просящій голосъ Альберта.

— Ну, что? спросилъ баринъ у Захара, когда онъ вышелъ.

— Скучаетъ, Дмитрій Ивановичъ; умываться не хочетъ, пасмурный такой. Все проситъ выпить.

— Нѣтъ ужъ если взялся, надо выдержать характеръ, сказалъ себѣ Делесовъ.

И не приказавъ давать вина, снова принялся за свою книгу, невольно, однако, прислушиваясь къ тому, что происходило въ столовой. Тамъ ничего не двигалось, только изрѣдка слышался грудной тяжелый кашель и плеванье. Прошло часа два. Делесовъ одѣвшись передъ тѣмъ, какъ выйти со двора, рѣшился заглянуть къ своему сожителю. Альбертъ неподвижно сидѣлъ у окна, опустивъ голову на руки. Онъ оглянулся. Лицо его было желто, сморщено и не только грустно, но глубоко несчастно. Онъ попробовалъ улыбнуться въ видѣ привѣтствія, но лицо его приняло еще болѣе горе-

стное выраженіе. Казалось, онъ готовъ былъ заплакать. Онъ съ трудомъ всталъ и поклонился.

— Если бы можно рюмочку простой водки, сказалъ онъ съ просящимъ выраженіемъ: — я такъ слабъ... пожалуйста!

— Кофей васъ лучше подкрѣпитъ. Я бы вамъ совѣтовалъ.

Лицо Альберта вдругъ потеряло дѣтское выраженіе; онъ холодно, тускло посмотрѣлъ въ окно, и слабо опустилсѣ на стулъ.

— Или позавтракать не хотите ли?

— Нѣтъ, благодарю, не имѣю аппетита.

— Если вамъ захочется играть на скрипкѣ, то вы мнѣ не будете мѣшать, сказалъ Делесовъ, кладя скрипку на столъ.

Альбертъ съ презрительной улыбкой посмотрѣлъ на скрипку.

— Нѣтъ; я слишкомъ слабъ, я не могу играть, сказалъ онъ и отодвинулъ отъ себя инструментъ.

Послѣ этого, что ни говорилъ Делесовъ, предлагая ему и пройтись, и вечеромъ ѣхать въ театръ, онъ только покорно кланялся и упорно молчалъ. Делесовъ уѣхалъ со двора, сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ въ гостяхъ, и передъ театромъ заѣхалъ домой переодѣться и узнать, что дѣлаетъ музыкантъ. Альбертъ сидѣлъ въ темной передней и, облокотивъ голову на руки, смотрѣлъ въ топившуюся печь. Онъ былъ одѣтъ опрятно, вымытъ и причесанъ; но глаза его были тусклы, мертвы, и во всей фигурѣ выражалась слабость и изнуреніе, еще большія, чѣмъ утромъ.

— Что, вы обѣдали, господинъ Альбертъ? спросилъ Делесовъ.

Альбертъ сдѣлавъ утвердительный знакъ головой и, взглянувъ въ лицо Делесова испуганно, опустилъ глаза.

Делесову сдѣлалось неловко.

— Я говорилъ нынче о васъ директору, сказалъ онъ тоже опуская глаза: — онъ очень радъ принять васъ, если вы позволите себя послушать.

— Благодарю, я не могу играть, проговорилъ себѣ подъ носъ Альбертъ и прошелъ въ свою комнату, особенно тихо затворивъ за собою дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ, замочная ручка такъ же тихо повернулась и онъ вышелъ изъ своей комнаты со скрипкой. Злобно и бѣгло взглянувъ на Делесова, онъ положилъ скрипку на стулъ и снова скрылся.

Делесовъ пожалъ плечами и улыбнулся.

«Чтожъ мнѣ еще дѣлать? въ чемъ я виноватъ? подумалъ онъ».

— Ну, что музыкантъ? былъ первый вопросъ его, когда онъ поздно возвратился домой.

— Плохъ! коротко и звучно отвѣчалъ Захаръ. Все вздыхаетъ, кашляетъ и ничего не говоритъ, только разъ пять принимался просить водки. Ужъ я ему далъ одну. А то какъ бы намъ его не загубить такъ, Дмитрій Ивановичъ. Такъ-то приказчикъ...

— А на скрипкѣ не играетъ?

— Не дотрогивается даже. Я тоже къ нему ее приносилъ раза два,—такъ возьметъ ее потихоньку и вынесетъ, отвѣчалъ Захаръ съ улыбкой. Такъ пить не прикажете давать?

— Нѣтъ, еще подождемъ день, посмотримъ, что будетъ. А теперь онъ что?

— Заперся въ гостинной.

Делесовъ прошелъ въ кабинетъ, отобралъ нѣсколько французскихъ книгъ и нѣмецкое евангеліе. Положи эти завтра ему въ комнату, да смотри не выпускай, сказалъ онъ Захару.

На другое утро Захаръ донесъ барину, что музыкантъ не спалъ цѣлую ночь: все ходилъ по комнатамъ и приходилъ въ буфетъ, пытаясь отворить шкафъ и дверь, но что все, по его старанію, было заперто. Захаръ рассказывалъ, что, притворившись спящимъ, онъ слышалъ, какъ Альбертъ въ темнотѣ самъ съ собой бормоталъ что-то и размахивалъ руками.

Альбертъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и молчаливѣе. Делесова онъ, казалось, боялся, и въ лицѣ его выражался болѣзненный испугъ, когда глаза ихъ встрѣчались. Онъ не бралъ въ руки ни книгъ, ни скрипки, и не отвѣчалъ на вопросы, которые ему дѣлали.

На третій день пребыванія у него музыканта, Делесовъ пріѣхалъ домой поздно вечеромъ, усталый и разстроенный. Онъ цѣлый день ѣздилъ, хлопоталъ по дѣлу, казавшемуся очень простымъ и легкимъ, и, какъ это часто бываетъ, рѣшительно ни шагу не сдѣлалъ впередъ, несмотря на усиленное стараніе. Кромѣ того, заѣхавъ въ клубъ, онъ проигралъ въ вистъ. Онъ былъ не въ духѣ.

— Ну, Богъ съ нимъ совсѣмъ! отвѣчалъ онъ Захару, который объяснилъ ему печальное положеніе Альберта. Завтра добьюсь отъ него рѣшительно: хочетъ ли онъ, или нѣтъ, оставаться у меня и слѣдовать моимъ совѣтамъ? Нѣтъ — такъ и ненадо. Кажется, что я сдѣлалъ все, что могъ.

«Вотъ дѣлай добро людямъ! думалъ онъ самъ съ собой:—я для него стѣсняюсь, держу у себя въ домѣ это грязное существо, такъ что утромъ принять не могу незнакомаго человѣка, хлопочу, бѣгаю, а онъ на меня смотритъ, какъ на какого-то злодѣя, который изъ своего удовольствія заперъ его въ клѣтку. А главное, самъ для себя и шагу не хочетъ сдѣлать. Такъ они и всѣ (это «всѣ» относилось вообще къ людямъ, и особенно къ тѣмъ, до которыхъ у него нынче было дѣло). И что съ нимъ дѣлается теперь? О чемъ онъ думаетъ и груститъ? Груститъ о развратѣ, изъ котораго я его вырвалъ? Объ униженіи, въ которомъ онъ былъ? О нищетѣ, отъ которой я его спасъ? Видно ужъ онъ такъ упалъ, что тяжело ему смотрѣть на честную жизнь...

Нѣтъ, это былъ дѣтскій поступокъ, — рѣшилъ самъ съ собою Делесовъ. Куда мнѣ браться другихъ исправлять, когда только дай Богъ съ самимъ собою сладить. Онъ хотѣлъ было сейчасъ отпустить его, но, подумавъ немного, отложилъ до завтра.

Ночью Делесова разбудилъ стукъ упавшаго стола въ передней и звукъ голосовъ и топота. Онъ зажегъ свѣчу и съ удивленіемъ сталъ прислушиваться... Погодите, я Дмитрію Ивановичу скажу, говорилъ Захаръ; голосъ Альберта бормоталъ что-то горячо и несвязно. Делесовъ вскочилъ и со свѣчею выбѣжалъ въ переднюю. Захаръ въ ночномъ костюмѣ стоялъ противъ двери, Альбертъ въ шляпѣ и альмавивѣ отталкивалъ его отъ двери и слезливымъ голосомъ кричалъ на него.

— Вы не можете не пустить меня. У меня па-спортъ, я ничего не унесъ у васъ. Можете об-искать меня. Я къ полиціймейстеру пойду. — Позвольте, Дмитрій Ивановичъ! обратился Захаръ къ барину, продолжая спиной защищать дверь. Они ночью встали, нашли ключъ въ моемъ пальто и выпили цѣлый графинъ сладкой водки. Это развѣ хорошо? А теперь уйти хотятъ. Вы не приказали, потому я и не могу пустить ихъ.

Альбертъ, увидавъ Делесова, еще горячѣе сталъ приступать къ Захару. Не можетъ меня никто держать! не имѣетъ права! кричалъ онъ, все больше и больше возвышая голосъ.

— Отойди, Захаръ, сказалъ Делесовъ:—я васъ держать не хочу и не могу, но я совѣтовалъ бы вамъ остаться до завтра, обратился онъ къ Альберту.

— Никто меня держать не можетъ. Я къ полиціймейстеру пойду, все сильнѣе и сильнѣе кричалъ Альбертъ, обращаясь только къ Захару и не глядя на Делесова:—караулъ! вдругъ завопилъ онъ неистовымъ голосомъ.

— Да что же вы кричите такъ-то? вѣдь васъ не держатъ, сказалъ Захаръ, отворяя дверь.

Альбертъ пересталъ кричать. «Не удалось? Хотѣли уморить меня. Нѣтъ!» бормоталъ онъ про себя, надѣвая галоши. Не простившись и, продолжая говорить что-то непонятное, онъ вышелъ въ дверь. Захаръ освѣтилъ ему до воротъ и вернулся.

— И слава Богу, Дмитрій Ивановичъ! а то долго ли до грѣха, сказалъ онъ барину: — и теперь се-ребро повѣрить надо.

Делесовъ только покачалъ головой и ничего не отвѣчалъ. Ему живо вспомнились теперь два первые вечера, которые онъ провелъ съ музыкантомъ, вспомнились послѣдніе печальные дни, которые, по его винѣ, провелъ здѣсь Альбертъ, и главное онъ вспомнилъ то сладкое, смѣшанное чувство удивленія, любви и состраданія, которое возбудилъ въ немъ съ перваго взгляда этотъ странный человѣкъ и ему стало жалко его. И что-то съ нимъ будетъ теперь? подумалъ онъ. Безъ денегъ, безъ теплаго платья, одинъ посреди ночи... Онъ хотѣлъ было уже послать за нимъ Захара, но было поздно.

— А холодно на дворѣ? спросилъ Делесовъ.

— Морозъ здоровый, Дмитрій Ивановичъ, отвѣчалъ Захаръ:—я забылъ вамъ доложить, до весны еще дровъ купить придется.

— А какъ же ты говорилъ, что останутся?

VII.

На дворѣ дѣйствительно было холодно, но Альбертъ не чувствовалъ холода,—такъ онъ былъ разгоряченъ выпитымъ виномъ и споромъ.

Выйдя на улицу, онъ оглянулся и радостно потеръ руки. На улицѣ было пусто, но длинный рядъ фонарей еще свѣтилъ красными огнями, на небѣ было ясно и звѣздно. «Что?» сказалъ онъ, обращаясь къ свѣтившемуся окну въ квартирѣ Делесова; и, засунувъ руки подъ пальто въ карманы панталонъ и перегнувшись впередъ, Альбертъ тяжелыми и невѣрными шагами пошелъ направо по улицѣ. Онъ чувствовалъ въ ногахъ и желудкѣ чрезвычайную тяжесть, въ головѣ его что-то шумѣло, какая-то невидимая сила бросала его изъ стороны въ сторону но онъ все шелъ впередъ по направлению къ квартирѣ Анны Ивановны. Въ головѣ его бродили странныя, несвязныя мысли. То онъ вспоминалъ послѣдній споръ съ Захаромъ, то почему-то море и первый свой прїѣздъ на пароходѣ въ Россію, то счастливую ночь, проведенную съ другомъ въ лавочкѣ, мимо которой онъ проходилъ; то вдругъ знакомый мотивъ начиналъ пѣть въ его воображеніи, и онъ вспоминалъ предметъ своей страсти и страшную ночь въ театрѣ. Но, несмотря на несвязность, всѣ эти воспоминанія съ такой яркостью представлялись его воображенію, что закрывъ глаза онъ не зналъ, что было больше дѣйствительность: то, что онъ дѣлалъ, или то, что онъ думалъ? Онъ не помнилъ и не чувствовалъ, какъ переставлялись его ноги, какъ шатаясь онъ толкался объ стѣну, какъ онъ смотрѣлъ вокругъ себя, и какъ переходилъ съ улицы на улицу. Онъ помнилъ и чувствовалъ только то, что, причудливо смѣняясь и перепутываясь, представлялось ему.

Проходя по Малой Морской, Альбертъ споткнулся и упалъ. Очнувшись на мгновеніе, онъ увидалъ передъ собой какое-то громадное, великолѣпное зданіе и пошелъ дальше. На небѣ не было видно ни звѣздъ, ни зари, ни мѣсяца, фонарей тоже не было, но всѣ предметы обозначались ясно. Въ окнахъ зданія, возвышавшагося въ концѣ улицы, свѣтились огни, но огни эти колебались, какъ отраженіе. Зданіе все ближе и ближе, яснѣе и яснѣе выросло передъ Альбертомъ. Но огни исчезли какъ только Альбертъ вошелъ въ широкія двори. Внутри было темно. Одинокіе шаги звучно раздавались подъ сводами и какія-то тѣни, скользя убѣгали при его приближеніи. Зачѣмъ я пошелъ сюда? подумалъ Альбертъ; но какая-то непреодолимая сила тянула его впередъ къ углубленію огромной залы... Тамъ стояло какое-то возвышеніе и вокругъ его молча стояли какіе-то маленькіе люди. «Кто это будетъ говорить?» спросилъ Альбертъ. Никто не отвѣтилъ, только одинъ указалъ ему на возвышеніе. На возвышеніи уже стоялъ высокій, худой человѣкъ, съ щетинистыми волосами и въ пестромъ халатѣ. Альбертъ тотчасъ узналъ своего друга Петрова. «Какъ странно, что онъ

здѣсь!» подумалъ Альбертъ. «Нѣтъ, братья! говорилъ Петровъ, указывая на кого-то. Вы не поняли человѣка, жившаго между вами; вы не поняли его! Онъ не продажный артистъ, не механическій исполнитель, не сѣумасшедшій, не потерянный человѣкъ. Онъ гений, великій музыкальный гений, погибшій среди васъ незамѣченнымъ и неопѣненнымъ». Альбертъ тотчасъ же понялъ, о комъ говорилъ его другъ; но, не желая стѣснять его, изъ скромности опустилъ голову.

«Онъ, какъ соломинка, сгорѣлъ весь отъ того священнаго огня, которому мы всѣ служимъ, продолжалъ голосъ:—но онъ исполнилъ все то, что было вложено въ него Богомъ; за то онъ и долженъ назваться великимъ человѣкомъ. Вы могли презирать его, мучить, унижать, продолжалъ голосъ громче и громче:—а онъ былъ, есть и будетъ неизмѣримо выше всѣхъ васъ. Онъ счастливъ, онъ добръ. Онъ всѣхъ одинаково любить или презираетъ, что все равно; а служить только тому, что вложено въ него свыше. Онъ любитъ одно—красоту, единственно-несомнѣнное благо въ мірѣ. Да, вотъ кто онъ такой! Ницъ падайте всѣ передъ нимъ, на колѣна, закричалъ онъ громко».

Но другой голосъ тихо заговорилъ изъ противоположнаго угла залы. «Я не хочу падать передъ нимъ на колѣна, говорилъ голосъ, въ которомъ Альбертъ тотчасъ узналъ голосъ Делесова.» «Чѣмъ же онъ великъ? И зачѣмъ намъ кланяться передъ нимъ? Развѣ онъ велъ себя честно и справедливо? Развѣ онъ принесъ пользу обществу? Развѣ мы не знаемъ, какъ онъ бралъ взаймы деньги и не отдавалъ ихъ, какъ онъ унесъ скрипку у своего товарища-артиста и заложилъ ее?.. (Боже мой! какъ онъ это все знаетъ! подумалъ Альбертъ, еще ниже опуская голову).

«Развѣ мы не знаемъ, какъ онъ льстилъ самымъ ничтожнымъ людямъ, льстилъ изъ-за денегъ? продолжалъ Делесовъ. Незнаемъ, какъ его выгнали изъ театра? Какъ Анна Ивановна хотѣла въ полицію послать его?» «Боже мой! это все правда, но заступись за меня, проговорилъ Альбертъ:—ты одинъ знаешь, почему я это дѣлалъ. «Перестаньте, стыдитесь, заговорилъ опять голосъ Петрова, какое право имѣете вы обвинять его. Развѣ вы жили его жизнью? Испытывали его восторги? «Правда, правда! шепталъ Альбертъ. Искусство есть высочайшее проявленіе могущества въ человѣкѣ. Оно дается рѣдкимъ избраннымъ и поднимаетъ избранника на такую высоту, на которой голова кружится и трудно удержаться здравымъ. Въ искусствѣ, какъ во всякой борьбѣ, есть герои, отдавшіеся всѣмъ своему служенію и гибнувшіе, не достигнувъ цѣли.

Петровъ замолчалъ, а Альбертъ поднялъ голову и громко закричалъ: «Правда! правда! Но голосъ его замеръ безъ звука.

— Не до васъ это дѣло, строго обратился къ нему художникъ Петровъ.—Да, унижайте, презирайте его, продолжалъ онъ:—а изъ всѣхъ насъ онъ лучший и счастливѣйшій!

Альбертъ, съ блаженствомъ въ душѣ слушавшій эти слова, не выдержалъ, подошелъ къ другу и хотѣлъ поцаловать его.

— Убирайся, я тебя не знаю, отвѣчалъ Петровъ:—проходи своей дорогой, а то не дойдешь...

— Вишь тебя разобрало! не дойдешь, прокричалъ будочникъ на перекресткѣ.

Альбертъ приостановился, собралъ все силы и, стараясь не шататься, повернулъ въ переулокъ.

До Анны Ивановны оставалось нѣсколько шаговъ. Изъ сѣней ея дома падалъ свѣтъ на снѣгъ двора и у калитки стояли сани и кареты.

Хватаясь охолодѣвшими руками за перила, онъ взбѣжалъ на лѣстницу и позвонилъ.

Заспанное лицо служанки высунулось въ отверстіе двери и сердито взглянуло на Альберта. «Нельзя! прокричала она:—не велѣно пускать», и захлопнула отверстіе. На лѣстницу доходили звуки музыки и женскихъ голосовъ. Альбертъ сѣлъ на полъ, прислонился головой къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Въ то же мгновеніе толпы несвязныхъ, но родственныхъ видѣній, съ новой силой обступили его, приняли въ свои волны и понесли куда-то туда, въ свободную и прекрасную область мечтанія. Да, онъ лучшій и счастливѣйшій! невольно повторялось въ его воображеніи. Изъ двери слышались звуки польки. Эти звуки говорили тоже, что онъ лучшій и счастливѣйшій! Въ ближайшей церкви слышался благовѣстъ и благовѣстъ этотъ говорилъ: да, онъ лучшій и счастливѣйшій. Но пойду опять въ залу, подумалъ Альбертъ. Петровъ еще много долженъ сказать мнѣ. Въ залѣ уже никого не было и, вмѣсто художника Петрова, на возвышеніи стоялъ самъ Альбертъ и самъ игралъ на скрипкѣ все то, что прежде говорилъ голосъ. Но скрипка была страннаго устройства: она вся была сдѣлана изъ стекла. И ее надо было обнимать обѣими руками и медленно прижимать къ груди для того, чтобы она издавала звуки. Звуки были такіе нѣжные и прелестные, какихъ никогда не слыхалъ Альбертъ. Чѣмъ крѣпче прижималъ онъ къ груди скрипку, тѣмъ отраднѣе и слаще ему становилось. Чѣмъ громче становились звуки, тѣмъ шибче разбѣгались тѣни и больше освѣщались стѣны залы прозрачнымъ свѣтомъ. Но надо было очень осторожно играть на скрипкѣ, чтобы не раздавить ее. Альбертъ игралъ на стеклянномъ инструментѣ очень осторожно и хорошо. Онъ игралъ такія вещи, которыхъ онъ чувствовалъ, что никто никогда больше не услышитъ. Онъ начиналъ уже уставать, когда другой дальній глухой звукъ развлекъ его. Это былъ звукъ колокола: но звукъ этотъ произносилъ слово: «да, говорилъ колоколъ, далеко и высоко гудя гдѣ-то. Онъ вамъ жалокъ кажется, вы его презираете, а онъ лучшій и счастливѣйшій! Никто никогда больше не будетъ играть на этомъ инструментѣ»,

Эти знакомыя слова показались внезапно такъ умны, такъ новы и справедливы Альберту, что онъ

пересталъ играть и, стараясь не двигаться, поднялъ руки и глаза къ небу. Онъ чувствовалъ себя прекраснымъ и счастливымъ. Несмотря на то, что въ залѣ никого не было Альбертъ выпрямилъ грудь и, гордо поднявъ голову, стоялъ на возвышеніи такъ, чтобы все могли его видѣть. Вдругъ чья-то рука слегка дотронулась до его плеча; онъ обернулся и въ полусвѣтѣ увидалъ женщину. Она печально смотрѣла на него и отрицательно покачала головой. Онъ точтася же понялъ, что то, что онъ дѣлалъ, было дурно и ему стало стыдно за себя. «Куда же?» спросилъ онъ ее. Она еще разъ долго, пристально посмотрѣла на него и печально наклонила голову. Она была та, совершенно та, которую онъ любилъ, и одежда ея была та же, на полной бѣлой шеѣ была нитка жемчуга и прелестныя руки были обнажены выше локтя. Она взяла его за руки и повела вонъ изъ залы. «Выходи съ той стороны, сказалъ Альбертъ: но она не отвѣчая улыбнулась и вывела его изъ залы. На порогѣ залы Альбертъ увидалъ луну и воду. Но вода не была внизу, какъ обыкновенно бываетъ, а луна не была наверху: бѣлый кругъ въ одномъ мѣстѣ, какъ обыкновенно бываетъ. Луна и вода были вмѣстѣ и вездѣ, и на верху и внизу и сбоку и вокругъ ихъ обоихъ. Альбертъ вмѣстѣ съ нею бросился въ луну и воду и понялъ, что теперь можно ему обнять ту, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ; онъ обнялъ ее и почувствовалъ невыносимое счастье. «Ужъ не во снѣ ли это?» спросилъ онъ себя; но нѣтъ! эта была дѣйствительность, это было больше, чѣмъ дѣйствительность: это было дѣйствительность и воспоминаніе. Онъ чувствовалъ, что то невыразимое счастье, которымъ онъ наслаждался въ настоящую минуту, прошло и никогда не воротится. «О чемъ же я плачу?» спросилъ онъ у нея. Она молча, печально посмотрѣла на него. Альбертъ понялъ, что она хотѣла сказать этимъ. «Да какъ же, когда я живъ проговорилъ онъ. Она, не стѣжая, неподвижно смотрѣла впередъ. Это ужасно! Какъ растолковать ей, что я живъ, съ ужасомъ подумалъ онъ». Боже мой! да я живъ, поймите меня,» шепталъ онъ. «Онъ лучшій и счастливѣйшій,» говорилъ голосъ. Но что—то все сильнѣе и сильнѣе давило Альберта. Было ли то луна и вода; ея объятія, или слезы, — онъ не зналъ, но чувствовалъ, что не скажетъ всего, что надо, и что скоро все кончится.

Двое гостей, выходившіе отъ Анны Ивановны, наткнулись на растянувшагося на порогѣ Альберта. Одинъ изъ нихъ вернулся и вызвалъ хозяйку.

Вѣдь это безбожно, сказалъ онъ,—вы могли такъ заморозить челоуѣка.

— Ахъ, ужъ этотъ мнѣ Альбертъ,—вотъ гдѣ сидитъ, отвѣчала хозяйка: Аннушка! положите его гдѣнибудь въ комнату, обратилась она къ служанкѣ.

— Да я живъ, зачѣмъ же хоронить меня? бормоталъ Альбертъ въ то время, какъ его безчувственного вносили въ комнату.

ДВА ГУСАРА.

ПОВѢСТЬ.

ДВА ГУСАРА.

П О В Ъ С Т Ь.

.....Жомини да Жомини,
А объ водкѣ ни полслова.
Д. Давыдовъ.

Въ 1800-хъ годахъ, въ тѣ времена, когда не было еще ни желѣзныхъ, ни шоссеиныхъ дорогъ, ни газового, ни стеаринового свѣта, ни пружинныхъ, низкихъ дивановъ, ни мебели безъ лаку, ни разочарованныхъ юношей со стеклышками, ни либеральныхъ философовъ-женщинъ, ни милыхъ дамъ-каamelій, которыхъ такъ много развелось въ наше время, — въ тѣ наивныя времена, когда изъ Москвы выѣзжая въ Петербургъ, въ повозкѣ или каретѣ, брали съ собой цѣлую кухню домашняго приготовления, ѣхали восемь сутокъ по мягкой, пыльной или грязной дорогѣ и вѣрили въ пожарскія котлеты, въ валдайскіе колокольчики и бублики, — когда въ длинные, осенніе вечера нагарами салныя свѣчи, освѣщая семейные кружки изъ двадцати и тридцати человѣкъ, на балахъ въ канделябры вставлялись восковыя и спермацетовыя свѣчи, когда мебель ставили симметрично, когда наши отцы были еще молоды не однимъ отсутствіемъ морщинъ и сѣдыхъ волъ съ, а стрѣлялись за женщинъ и съ другаго угла комнаты бросались поднимать нечаянно и не нечаянно уроненные платочки, наши матери носили коротенькія талии и огромныя рукава и рѣшали семейныя дѣла выниманіемъ билетиковъ; когда прелестныя дамы-каamelіи прятались отъ дневнаго свѣта — въ наивныя времена масонскихъ ложъ, мартинистовъ, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовыхъ, Пушкиныхъ, въ губернскомъ городѣ К. былъ съѣздъ помѣщиковъ и кончались дворянскіе выборы.

I.

— Ну, все равно, хоть въ залу, говорилъ молодой офицеръ, въ шубѣ и гусарской фуражкѣ, только что изъ дорожныхъ саней, входя въ лучшую гостинницу города К.

— Съѣздъ такой, батюшка, ваше сіятельство, огромный, говорилъ корридорный, успѣвшій уже отъ деньщика узнать, что фамилія гусара была графъ Турбинъ, и поэтому величавшій его: «ваше сіятельство.» — Афремовская помѣщица съ дочерью общались къ вечеру выѣхать: такъ вотъ и изволите занять, какъ опростается, одиннадцатый номеръ, говорилъ онъ, мягко ступая впереди графа по корридору и безпрестанно оглядываясь.

Въ общей залѣ, передъ маленькимъ столомъ, подлѣ почернѣвшаго, во весь ростъ, портрета императора Александра, сидѣли за шампанскимъ нѣсколько человѣкъ *здѣшнихъ* дворянъ, должно быть, и въ сторонкѣ какіе-то купцы проѣзжающіе, въ синихъ шубахъ.

Войдя въ комнату и зазвавъ туда *Блюхера*, огромную сѣрую меделянскую собаку, пріѣхавшую съ нимъ, графъ сбросилъ заплывшую еще на воротникѣ шинель, спросилъ водки и, оставшись въ атласномъ, синемъ архалукѣ, подсѣлъ къ столу и вступилъ въ разговоръ съ господами, сидѣвшими тутъ, которые, сейчасъ же расположенные въ пользу пріѣзжаго его прекрасной и открытой наружностью, предложили ему бокалъ шампанскаго. Графъ выпилъ сначала стаканчикъ водки, а потомъ тоже спросилъ бутылку, чтобъ угостить новыхъ знакомыхъ. Вошелъ ямщикъ просить на водку.

— Сашка! крикнулъ графъ: — дай ему.

Ямщикъ вышелъ съ Сашкой и снова вернулся, держа въ рукѣ деньги.

— Чтѣжь, батюшка, васясо, какъ, кажется, старался твоей милости! полтинникъ общалъ, а онъ четвертакъ пожаловали.

— Сашка! дай ему цѣлковый!

Сашка, потупясь, посмотрѣлъ на ноги ямщика.

— Будетъ съ него, сказалъ онъ басомъ: — да у меня и денегъ нѣтъ больше.

Графъ досталъ изъ бумажника единственныя двѣ синенькія, которыя были въ немъ, и далъ одну ямщику, который поцаловалъ его въ ручку и вышелъ.

— Вотъ пригналъ! сказалъ графъ: — послѣдніе пять рублей.

— По-гусарски, графъ, улыбаясь, сказалъ одинъ изъ дворянъ, по усамъ, голосу и какой-то энергической развязности въ ногахъ, очевидно, отставной кавалеристъ. — Вы здѣсь долго намѣрены пробыть, графъ?

— Денегъ достать нужно; а то бы я не остался. Да и нумеровъ нѣтъ. Чортъ ихъ дерн, въ этомъ кабацкѣ проклятомъ...

— Позвольте, графъ, возразилъ кавалеристъ: — да не угодно ли ко мнѣ? я вотъ здѣсь въ седьмомъ номерѣ. Коли не побрезгаете покамѣстъ проночевать. А вы пробудьте у насъ денька три. Нынѣ же балъ у предводителя. Какъ бы онъ радъ былъ!

— Право, графъ, погостите, подхватилъ другой изъ собесѣдниковъ, красивый молодой человѣкъ: — куда вамъ торопиться! А вѣдь это въ три года разъ бываетъ — выборы. Посмотрѣли бы хоть на нашихъ барышень, графъ!

— Сашка! давай бѣлье: поѣду въ баню, сказалъ графъ, вставая. — А отсюда посмотримъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ къ предводителю дернуть.

Потомъ онъ позвалъ полового, поговорилъ о чемъ-то съ нимъ, на что половой, усмѣхнувшись, отвѣтилъ: «что все дѣло рукъ человѣческихъ,» и вышелъ.

— Такъ я, батюшка, къ вамъ въ номеръ велю перенести чемоданъ, крикнулъ графъ изъ-за двери.

— Сдѣлайте одолженіе, осчастливите, отвѣчалъ кавалеристъ, подбѣгая къ двери. — Седьмой номеръ! не забудьте.

Когда шаги его уже перестали быть слышны, кавалеристъ вернулся на свое мѣсто и, подсѣвъ ближе къ чиновнику и взглянувъ ему прямо улыбающимися глазами въ лицо, сказалъ:

— А вѣдь это тотъ самый.

— Ну?

— Ужъ я тебѣ говорю, что тотъ самый дуэлистъ-гусарь, — ну Турбинъ, извѣстный. Онъ меня узналъ, пари держу, что узналъ. Какже, мы въ Лебедяни съ нимъ кутили вмѣстѣ три недѣли безъ просыпу, когда я за ремонтомъ былъ. Тамъ одна штука была — мы вмѣстѣ сотворили — отъ этого онъ какъ будто ничего. А молодчина, а?

— Молодецъ. И какой онъ пріятный въ обращеніи! ничего такъ не замѣтно, отвѣчалъ красивый молодой человѣкъ: — какъ мы скорѣ сошлись... Чтб, ему лѣтъ двадцать-пять, не больше?

— Нѣтъ, оно такъ кажется; только ему больше. Да вѣдь надо знать, кто это? Мигунову кто увезъ? онъ. Саблина онъ убилъ, Матнева онъ изъ окошка за ноги спустилъ, князя Нестерова онъ обшарилъ на триста тысячъ. Вѣдь это какая отчаянная башка, надо знать. Картежникъ, дуэлистъ, соблазнитель; но гусарь-душа, ужъ истинно душа. Вѣдь только на насъ слава, а коли бы понималъ кто нибудь, чтб такое значить гусаръ истинный. Ахъ, времячко было!

И кавалеристъ разсказалъ своему собесѣднику такой лебедянскій кутежъ съ графомъ, котораго не только никогда не было, но и не могло быть. Не могло быть, во первыхъ, потому, что графа онъ никогда прежде не видывалъ и вышелъ въ отставку двумя годами раньше, чѣмъ графъ поступилъ на службу, а во вторыхъ, потому, что кавалеристъ никогда даже не служилъ въ кавалеріи, а четыре года служилъ самымъ скромнымъ юнкеромъ въ Бѣлевскомъ полку и, какъ только былъ произведенъ въ прапорщики, вышелъ въ отставку. Но десять лѣтъ тому назадъ, получивъ наслѣдство, онъ ѣздилъ, дѣйствительно, въ Лебедянь, прокутилъ тамъ съ ремонтрами семьсотъ рублей и сшилъ себѣ уже было уланскій мундиръ, съ оранжевыми отворотами, съ тѣмъ, чтобы поступить въ уланы. Желаніе поступить въ кавалерію, и три недѣли, проведенныя съ ремонтрами въ Лебедяни, осталось самымъ свѣтлымъ, счастливымъ періодомъ въ его жизни, такъ что желаніе это сначала онъ перенесъ въ дѣйствительность, потомъ въ воспоминаніе и самъ уже сталъ твердо вѣрить въ свое кавалерійское прошлое, чтб не мѣшало ему быть, по мягкосердечію и честности, истинно достойнѣйшимъ человѣкомъ.

— Да кто не служилъ въ кавалеріи, тотъ никогда не пойметъ нашего брата. — Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ, и, выставивъ нижнюю челюсть, заговорилъ басомъ. — Ёдешь, бывало, передъ эскадрономъ; подъ тобой чортъ, а не лошадъ, въ ланцахъ вся; сидишь, бывало, этакъ чортомъ. Подъѣдетъ эскадронный командиръ на смотръ. «Поручикъ, говоритъ, пожалуйста — безъ васъ ничего не будетъ — проведите эскадронъ церемоніаломъ.» Хорошо, молъ, а ужъ тутъ есть, оглянешься, крикнешь, бывало, на усацей на своихъ. Ахъ, чортъ возьми, времячко было!

Вернулся графъ, весь красный и съ мокрыми волосами, изъ бани, и вошелъ прямо въ седьмой номеръ, въ которомъ уже сидѣлъ кавалеристъ, въ халатѣ, съ трубкой, съ наслажденіемъ и нѣкоторымъ страхомъ размышлявшій о томъ счастьи, которое ему выпало на долю — жить въ одной комнатѣ съ извѣстнымъ Турбиннымъ. «Ну, чтб — приходило ему въ голову — какъ вдругъ возьметъ да раздѣнетъ меня голаго, вывезетъ за заставу да посадить въ снѣгъ или... дегтемъ вымажетъ, или просто... нѣтъ, по-товарищески не сдѣлаетъ...» утѣшалъ онъ себя.

— Блюхера накормить. Сашка! крикнулъ графъ. Явился Сашка, съ дороги выпившій стаканъ водки и захмѣлѣвшій порядочно.

— Ты ужъ не утерпѣлъ: напился, каналья!... Накормить Блюхера.

— И такъ не издохнетъ: вишь, какой гладкій! отвѣчалъ Сашка, поглаживая собаку.

— Ну, не разговаривать! пошелъ, накорми.

— Вамъ только бы собака сыта была, а человѣкъ выпилъ рюмку, такъ и пь прекаете.

— Эй, прибью! крикнулъ графъ такимъ голо-

сомъ, что стекла задрожали въ окнахъ и кавалеристу даже стало немного страшно.

— Вы бы спросили, ѣлъ ли еще нынче Сашка-то чтонибудь. Чтожь, бейте, коли вамъ собака дороже человѣка, проговорилъ Сашка. Но тутъ же получилъ такой страшный ударъ кулакомъ въ лицо, что упалъ, стукнулся головой о перегородку и, схвативъ рукой за носъ, выскочилъ въ дверь и повалился на ларѣ въ корридорѣ.

— Онъ мнѣ зубы разбилъ, ворчалъ Сашка, вытирая одной рукой окровавленный носъ, а другой почесывая спину облизывавшагося Блюхера: — онъ мнѣ зубы разбилъ, Блюшка, а все онъ мой графъ, и я за него могу пойти въ огонь — вотъ что! Потому, онъ мой графъ, понимаешь, Блюшка? А ѣсть хочешь?

Полежавъ немного, онъ всталъ, накормилъ собаку и почти трезвый пошелъ прислуживать и предлагать чаю своему графу.

— Вы меня просто обидите, говорилъ робко кавалеристъ, стоя передъ графомъ, который, задржавъ ноги на перегородку, лежалъ на его постели: — я вѣдь тоже старый военный и товарищъ, могу сказать: чѣмъ вамъ у когонибудь занимать, я вамъ съ радостію готовъ служить рублей двѣсти. У меня теперь нѣтъ ихъ, а только сто; но я нынче же достану. Вы меня просто обидите, графъ!

— Спасибо, батюшка, сказалъ графъ, сразу угадавъ тотъ родъ отношеній, который долженъ былъ установиться между ними, трепля по плечу кавалериста: — спасибо. Ну, такъ и на балъ поѣдемъ, коли такъ. А теперь что будемъ дѣлать? Разсказывай, что у васъ въ городѣ есть: хорошенькія кто? кутить кто? въ карты кто играетъ?

Кавалеристъ объяснилъ, что хорошенькихъ пропасть на балѣ будетъ, кто кутить больше всѣхъ исправникъ Колковъ, вновь выбранный, только что удали нѣтъ въ немъ настоящей гусарской, а такъ только малый добрый; что илюшкинъ хоръ цыганъ здѣсь съ начала выборовъ поетъ, Стешка заливаетъ, и что нынче къ нимъ *всѣ* отъ предводителя собираются. И игра есть порядочная, разсказывалъ онъ. «Лухновъ, пріѣзжій, играетъ съ деньгами, и Ильинъ, что въ 8-мъ номерѣ стоитъ, уланскій корнетъ, тоже много проигрываетъ. У него уже началось. Каждый вечеръ играютъ, и какой малый чудесный, я вамъ скажу, графъ, Ильинъ этотъ: вотъ ужъ не скупой — послѣднюю рубашку отдастъ.»

— Такъ пойдѣмъ къ нему. Посмотримъ, что за народъ такой, сказалъ графъ.

— Пойдемте, пойдемте! Они ужасно рады будутъ.

II.

Уланскій корнетъ Ильинъ недавно проснулся. Наканунѣ онъ сѣлъ за игру въ восемь часовъ вечера и проигралъ пятнадцать часовъ сряду, до одиннадцати утра. Онъ проигралъ что-то много, но сколько именно, онъ не зналъ, потому что у

него было тысячи три своихъ денегъ и пятнадцать тысячъ казенныхъ, которыя онъ давно смѣшавалъ вмѣстѣ съ своими и боялся считать, чтобы не уѣдѣться въ томъ, что онъ предчувствовалъ, что уже и казенныхъ недоставало сколько-то. Онъ заснулъ почти въ полдень и спалъ тѣмъ тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній, которымъ спится только очень молодому человѣку и послѣ очень большаго проигрыша. Проснувшись въ шесть часовъ вечера, въ то самое время, какъ графъ Турбинъ пріѣхалъ въ гостиницу, и увидавъ вокругъ себя на полу карты, мѣлъ и испачканные столы посреди комнаты, онъ съ ужасомъ вспомнилъ вчерашнюю игру и послѣднюю карту валета, которую ему убили на пятьсотъ рублей, но, не вѣря еще хорошенько дѣйствительности, досталъ изъ-подъ подушки деньги и сталъ считать. Онъ узналъ нѣкоторыя ассигнаціи, которыя углами и транспортами нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, вспомнилъ весь ходъ игры. Своихъ трехъ тысячъ уже не было и изъ казенныхъ недоставало уже двухъ съ половиною тысячъ.

Уланъ игралъ четыре ночи сряду.

Онъ ѣхалъ изъ Москвы, гдѣ получилъ казенныя деньги. Въ К. его задержалъ смотритель, подъ предлогомъ неимѣнія лошадей, но въ сущности по уговору, который онъ сдѣлалъ давно съ содержателемъ гостиницы — задерживать на день всѣхъ проѣзжающихъ. Уланъ, молоденькій, веселый мальчикъ, только что получившій въ Москвѣ отъ родителей три тысячи на обзаведеніе въ полку, былъ радъ пробывать во время выборовъ нѣсколько дней въ городѣ К. и надѣялся тутъ на славу повеселиться. Одинъ помѣщикъ семейный былъ ему знакомъ, и онъ собирался поѣхать къ нему, поволочиться за его дочерью, когда кавалеристъ явился знакомиться къ улану и въ тотъ же вечеръ, безъ всякой дурной мысли свелъ его съ своими знакомыми, Лухновымъ и другими игроками, въ общей залѣ. Съ того же вечера уланъ сѣлъ за игру и не только не ѣздилъ къ знакомому помѣщику, но не спрашивалъ больше про лошадей и не выходилъ четыре дня изъ комнаты.

Одѣвшись и напившись чаю, онъ подошелъ къ окну. Ему захотѣлось пройтись, чтобы прогнать неотвязчивыя игорныя воспоминанія. Онъ надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Солнце уже спряталось за бѣлыя дома съ красными крышами; наступали уже сумерки. Было тепло. На грязныя улицы тихо падалъ хлопьями влажный снѣгъ. Ему вдругъ стало невыносимо грустно отъ мысли, что онъ проспалъ весь этотъ день, который уже кончался.

«Ужъ этого дня, который прошелъ, никогда не воротить», подумалъ онъ.

«Погубилъ я свою молодость», сказалъ онъ вдругъ самъ себѣ, не потому, чтобы онъ дѣйствительно думалъ, что онъ погубилъ свою молодость — онъ даже вовсе и не думалъ объ этомъ — но такъ ему пришла въ голову эта фраза.

«Что теперь я буду дѣлать?» разсуждалъ онъ. «Занять у когонибудь и уѣхать.» Какая-то барыня прошла по тротуару. «Вотъ такъ глупая барыня», подумалъ онъ отчего-то. «Занять-то не у кого. Погубилъ я свою молодость.» Онъ подошелъ къ рядамъ. Купецъ въ лисьей шубѣ стоялъ у дверей лавки и зазывалъ къ себѣ. «Коли бы восьмерку я не снялъ, я бы отыгрался.» Нищая старуха хныкала, слѣдуя за нимъ. «Занять-то не у кого.» Какой-то господинъ въ медвѣжьей шубѣ проѣхалъ, будочникъ стоитъ. «Что бы сдѣлать такое необыкновенное? Выстрѣлить въ нихъ? Нѣтъ, скучно! погубилъ я свою молодость. Ахъ, хомуты славные съ наборомъ висятъ. Вотъ бы на тройку сѣсть. Эхъ вы, голубчики! Пойду домой. Лухновъ скоро прійдетъ, играть станемъ.» Онъ вернулся домой, еще разъ счелъ деньги. Нѣтъ, онъ не ошибся въ первый разъ: опять изъ казенныхъ недоставало 2,500 рублей. «Поставлю первую 25, вторую уголь... на семь кушей, на 15, на 30, на 60...— 3.000. Куплю хомуты и уѣду. Не дастъ злодѣй! Погубилъ я свою молодость.» Вотъ что происходило въ головѣ улана въ то время, какъ Лухновъ, дѣйствительно, вошелъ къ нему.

— Что, давно встали, Михайло Васильичъ? спросилъ Лухновъ, медлительно снимая съ сухаго носа золотыя очки и старательно вытирая ихъ краснымъ шелковымъ платкомъ.

— Нѣтъ, сейчасъ только. Отлично спалъ.

— Какой-то гусаръ пріѣхалъ, остановился у Завальшевскаго... не слышали?

— Нѣтъ, не слыжалъ. А что же, еще никого нѣтъ?

— Зашли, кажется, къ Прахину. Сейчасъ прійдутъ.

Дѣйствительно, скоро вошли въ номеръ: гарнизонный офицеръ, всегда сопутствовавшій Лухнову; купецъ какой-то изъ грековъ, съ огромнымъ горбатымъ носомъ коричневаго цвѣта и впалыми черными глазами; толстый, пухлый помѣщикъ, винокуранный заводчикъ, игравшій по цѣлымъ ночамъ, всегда семпелями по полтиннику. Всѣмъ хотѣлось начать игру поскорѣе; но главные игроки ничего не говорили объ этомъ предметѣ, особенно Лухновъ чрезвычайно спокойно разсказывалъ о мошенничествѣ въ Москвѣ.

— Надо вообразить, говорилъ онъ:—Москва—первопрестольный градъ, столица—и по ночамъ ходятъ съ крюками, въ чертей наряжены, глупую чернь пугаютъ, грабятъ проѣзжихъ—и конецъ. Что полиція смотритъ? Вотъ что мудрено.

Уланъ слушалъ внимательно разсказъ о мошенникахъ, но въ концѣ его всталъ и велѣлъ потихоньку подать карты. Толстый помѣщикъ первый высказался.

— Что жъ, господа золотое-то времячко терять! За дѣло, такъ за дѣло.

— Да вы по полтинничкамъ натаскали вчера, такъ вамъ и нравится, сказалъ грекъ.

— Точно, нора бы, сказалъ гарнизонный офицеръ.

Ильинъ посмотрѣлъ на Лухнова. Лухновъ продолжалъ спокойно, глядя ему въ глаза, исторію о мошенникахъ, наряженныхъ въ чертей съ когтями.

— Будете метать? спросилъ уланъ.

— Не рано ли?

— Вѣловъ! крикнулъ уланъ, покраснѣвъ отчего-то:—принеси мнѣ обѣдать... я еще не ѣлъ ничего, господа... шампанскаго принеси и карты подай.

Въ это время въ номеръ вошли графъ и Завальшевскій. Оказалось, что Турбинъ и Ильинъ были одной дивизіи. Они тотчасъ же сошлись, чокнувшись выпили шампанскаго и черезъ пять минутъ ужъ были на ты. Казалось, Ильинъ очень понравился графу. Графъ все улыбался, глядя на него, и подтрунивалъ надъ его молодостью.

— Экой молодчина уланъ! говорилъ онъ.—Усищи-то, усищи-то!

У Ильина и пушокъ на губѣ былъ совершенно бѣлый.

— Что, вы играть собираетесь, кажется? сказалъ графъ.—Ну, желаю тебѣ выиграть, Ильинъ! Ты, я думаю, мастеръ! прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Да вотъ собираются, отвѣчалъ Лухновъ, раздирая дюжину картъ:—а вы, графъ, не изволите?

— Нѣтъ, нынче не буду. А то бъ я васъ всѣхъ вздулъ. Я какъ пойду гнуть, такъ у меня всякій банкъ затрещитъ! Не на что. Проигрался подъ Волочкомъ на станціи. Попался мнѣ тамъ пѣхоташка какой-то, съ перстнями, должно быть, шулеръ,—и облапошилъ до-чиста.

— Развѣ ты долго сидѣлъ тамъ на станціи, спросилъ Ильинъ.

— Двадцать-два часа просидѣлъ. Памятна эта станція, проклятая! ну, да и смотритель не забудеть.

— А что?

— Пріѣзжаю, знаешь: выскочилъ смотритель, мошенническая рожа, плутовская,—лошадей нѣтъ, говоритъ,—а у меня, надо тебѣ сказать законъ: какъ лошадей нѣтъ, я не снимаю шубы и отправляюсь къ смотрителю въ комнату, знаешь, не въ казенную, а къ смотрителю, и приказываю отворить настежь всѣ двери и форточки: угарно будто бы. Ну, и тутъ тоже. А морозы, помнишь, какіе были въ прошломъ мѣсяцѣ—градусовъ двадцать было. Смотритель разговаривать было сталъ, я его въ зубы. Тутъ старуха какая-то, дѣвчонки, бабы пискъ подняли, похватили горшки и бѣжать было на деревню... Я къ двери; говорю, давай лошадей, такъ уѣду,—а то не выпущу, всѣхъ заморожу!

— Вотъ такъ отличная манера! сказалъ пухлый помѣщикъ, заливаясь хохотомъ:—это какъ таракановъ вымораживаютъ!

— Только не укараулилъ я какъ-то, вышелъ; и удралъ отъ меня смотритель со всѣми бабами. Одна старуха осталась у меня подъ залогъ, на печкѣ она все чихала и Богу молилась. Потомъ ужъ мы переговоры вели: смотритель приходилъ и издалека все уговаривалъ, чтобы отпустить старуху,

а а его Блюхеромъ притравливалъ: отлично беретъ зрителей Блюхеръ. Такъ и не далъ мерзавецъ лошадей до другаго утра. Да тутъ подѣхалъ этотъ пѣхоташка. Я ушелъ въ другую комнату и стали играть. Вы видѣли Блюхера?.. Блюхеръ!.. Фю!

Вбѣжалъ Блюхеръ. Игроки снисходительно занялись имъ, хотя видно было, что имъ хотѣлось заниматься совершенно другимъ дѣломъ.

— Однако, что же вы, господа, не играете? Пожалуйста, чтобъ я вамъ не мѣшалъ. Вѣдь я болтунъ, сказалъ Турбинъ:—*любишь не любишь*, дѣло хорошее.

III.

Лухновъ придвинулъ къ себѣ двѣ свѣчи, досталъ огромный, наполненный деньгами, коричневый бумажникъ, медлительно, какъ бы совершая какое-то таинство, открылъ его на столѣ, вынулъ оттуда двѣ сто-рублевыхъ бумажки и положилъ ихъ подъ карты.

— Такъ же, какъ вчера—банку двѣсти, сказалъ онъ, поправляя очки и распечатывая колоду.

— Хорошо, сказалъ, не глядя на него, Ильинъ, между разговоромъ, который онъ велъ съ Турбинымъ.

Игра завязалась. Лухновъ металъ отчетливо, какъ машина, изрѣдка останавливаясь и неторопливо записывая или строго взглядывая сверхъ очковъ и слабымъ голосомъ говоря: «пришлите». Толстый помѣщикъ говорилъ громче всѣхъ, дѣлая самъ съ собой вслухъ различныя соображенія, и мусолилъ пухлые пальцы, загибая карты. Гарнизонный офицеръ, молча, красиво подписывалъ подъ картой и подъ столомъ загибалъ маленькіе уголки. Грекъ сидѣлъ съ боку банкмета и внимательно слѣдилъ своими впалыми, черными глазами за игрой, выжидая чего-то. Завальшевскій, стоя у стола, вдругъ весь приходилъ въ движеніе, доставалъ изъ кармана штановъ красненькую или синенькую, клалъ сверхъ нея карту, прихлопывалъ по ней ладонью, приговаривалъ: «вывези семерочка!» закусывалъ усы, переминался съ ноги на ногу, краснѣлъ и приходилъ весь въ движеніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока не выходила карта. Ильинъ ѣлъ телятину съ огурцами, поставленную подлѣ него на волосяномъ диванѣ, и, быстро обтирая руки о скрутокъ, ставилъ одну карту за другою. Турбинъ, сидѣвшій сначала на диванѣ, тотчасъ же замѣтилъ, въ чемъ дѣло. Лухновъ не глядѣлъ вовсе на улана и ничего не говорилъ ему; только изрѣдка очки его на мгновеніе направлялись на руки улана, но большая часть его картъ проигрывала.

— Вотъ бы мнѣ эту карточку убить, приговаривалъ Лухновъ про карту толстаго помѣщика, игравшаго по полтинѣ.

— Вы бейте у Ильина, а мнѣ-то что, замѣчалъ помѣщикъ.

И, дѣйствительно, Ильина карты бились чаще другихъ. Онъ нервически раздиралъ подъ столомъ

проигравшую карту и дрожащими руками выбиралъ другую. Турбинъ всталъ съ дивана и попросилъ грека пустить его сѣсть подлѣ банкмета. Грекъ пересѣлъ на другое мѣсто, а графъ, сѣвъ на его стулъ, не спуская глазъ, пристально началъ смотрѣть на руки Лухнова.

— Ильинъ! сказалъ онъ вдругъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, который совершенно невольно для него, заглушалъ всѣ другіе:—зачѣмъ рутерокъ держишься? Ты не умѣешь играть!

— Ужь какъ ни играй, все равно.

— Такъ ты навѣрно проиграешь. Дай, я за тебя попонтирую.

— Нѣтъ, извини, пожалуйста: ужъ я всегда самъ. Играй за себя, ежели хочешь.

— За себя, я сказалъ, что не буду играть; я за тебя хочу. Мнѣ досадно, что ты проигрываешься.

— Ужь, видно, судьба!

Графъ замолчалъ и, облокотясь, опять также пристально сталъ смотрѣть на руки банкмета.

— Скверно! вдругъ проговорилъ онъ громко и протяжно.

Лухновъ оглянулся на него.

— Скверно, скверно! проговорилъ онъ еще громче, глядя прямо въ глаза Лухнову.

Игра продолжалась.

— Не-хо-ро-шо! опять сказалъ Турбинъ, только что Лухновъ убилъ большую карту Ильина.

— Что это вамъ не нравится, графъ? учтиво и равнодушно спросилъ банкметъ.

— А то, что вы Ильину семпеля даете, а углы бьете. Вотъ что скверно.

Лухновъ сдѣлалъ плечами и бровями легкое движеніе, выражавшее совѣтъ во всемъ предаваться судьбѣ и продолжалъ играть.

— Блюхеръ! фю! крикнулъ графъ, вставая:—узи его! прибавилъ онъ быстро.

Блюхеръ, стукнувшись спиной объ диванъ и чуть не сбивъ съ ногъ гарнизоннаго офицера, выскочилъ оттуда, подбѣжалъ къ своему хозяину и зарычалъ, оглядываясь на всѣхъ и махая хвостомъ, какъ будто спрашивая: «кто тутъ грубитъ? а?»

Лухновъ положилъ карты и со столомъ отодвинулся въ сторону.

— Этакъ нельзя играть, сказалъ онъ:—я ужасно собакъ не люблю. Что жъ за игра, когда цѣлую псарню приведутъ!

— Особенно эти собаки: онѣ півки называются, кажется, поддакнулъ гарнизонный офицеръ.

— Что жъ, будемъ играть, Василий Михайлычъ, или нѣтъ? сказалъ Лухновъ хозяину.

— Не мѣшай намъ, пожалуйста, графъ! обратился Ильинъ къ Турбину.

— Поди сюда на минутку, сказалъ Турбинъ, взявъ Ильина за руку, и вышелъ съ нимъ за перегородку.

Оттуда были совершенно ясно слышны слова графа, говорившаго своимъ обыкновеннымъ голосомъ. А голосъ у него былъ такой, что его всегда было слышно за три комнаты.

— Что ты, ошалѣлъ, что ли? Развѣ не видишь, что этотъ господинъ въ очкахъ — шулеръ первой руки.

— Э, полно! что ты говоришь!

— Не полно, а брось, я тебѣ говорю. Мнѣ бы все равно. Въ другой разъ, я бы самъ тебя обигралъ; да такъ, мнѣ что-то жалко, что ты продаешься. Еще нѣтъ ли у тебя казенныхъ денегъ?..

— Нѣтъ; да и съ чего ты выдумалъ?

— Я, братъ, самъ по этой дорожкѣ бѣгалъ, такъ всѣ шулерскіе приемы знаю: я тебѣ говорю, что въ очкахъ — это шулеръ. Брось, пожалуйста. Я тебя прошу, какъ товарища.

— Ну, вотъ я только одну талію и кончу.

— Знаю, какъ одну; ну, да посмотримъ.

Вернулись. Въ одну талію Ильинъ поставилъ столько картъ и столько ихъ ему убили, что онъ проигралъ много.

Турбинъ положилъ руки на середину стола.

— Ну, баста! Поѣдемъ.

— Нѣтъ, ужъ я не могу; оставь меня, пожалуйста, сказалъ съ досадой Ильинъ, тасуя гнутыя карты и не глядя на Турбина.

— Ну, чортъ съ тобой! проигрывай навѣрняка, коли тебѣ нравится, а мнѣ пора.

— Завальшевскій! поѣдемъ къ предводителю.

И они вышли. Всѣ молчали, и Лухновъ не металъ до тѣхъ поръ, пока стукъ ихъ шаговъ и когтей Блюхера не замеръ по корридору.

— Эка башка! сказалъ помѣщикъ, смѣясь.

— Ну, теперь не будетъ мѣшать, прибавилъ топорливо и еще шопотомъ гарнизонный офицеръ.

И игра продолжалась.

IV.

Музыканты, дворовые люди предводителя, стоя въ буфетѣ, очищенномъ на случай бала, уже заворотивъ рукава сюртуковъ, по данному знаку, заиграли старинный польскій «Александръ, Елисавета» и, при яркомъ и мягкомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчъ, по большой паркетной залѣ, начинали плавно проходить: екатерининскій генералъ губернаторъ, со звѣздой, подъ руку съ художавой предводительшей, предводитель подъ руку съ губернаторшей, и т. д. губернскаго власти, въ различныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, когда Завальшевскій, въ синемъ фракѣ съ огромнымъ воротникомъ и буфами на плечахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, распространяя вокругъ себя запахъ жасминныхъ духовъ, которыми были обильно спрыснуты его усы, лацкана и платокъ, вмѣстѣ съ красавцемъ-гусаромъ, въ голубыхъ обтянутыхъ рейтузахъ и шитомъ золотомъ красномъ ментикѣ, на которомъ висѣли владимірскій крестъ и медаль двѣнадцатаго года, вошли въ залу. Графъ былъ невысокъ ростомъ, но отлично красиво сложенъ. Ясно-голубые и чрезвычайно блестящіе глаза и до-

вольно большіе, выщипанные густыми кольцами, темно-русые волосы придавали его красотѣ замѣчательный характеръ. Приѣздъ графа на балъ былъ ожидаемъ: красивый молодой человекъ, видѣвшій его въ гостинницѣ, уже повѣстилъ о томъ предводителю. Впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было различно, но вообще не совсѣмъ пріятно. «Еще на смѣхъ подыметъ этотъ мальчишка», было мнѣніе старухъ и мужчинъ. «Что, если онъ меня похититъ?» было болѣе или менѣе мнѣніе молодыхъ женщинъ и барышень.

Какъ только польскій кончился и пары взаимно раскланивались, снова отдѣляясь женщины къ женщинамъ, мужчины къ мужчинамъ, Завальшевскій, счастливый и гордый, подвелъ графа къ хозяйкѣ. Предводительша, испытывая нѣкоторый внутренний трепетъ, чтобы гусаръ этотъ не сдѣлалъ съ ней при всѣхъ какого нибудь скандала, гордо и презрительно отворотясь сказала: «очень рада-съ, надѣюсь, будете танцовать», и недовѣрчиво взглянула на него, съ выраженіемъ, говорившимъ: «ужъ ежели ты женщину обидишь, то ты совершенный подлецъ послѣ этого». Графъ, однако, скоро побѣдилъ это предубѣжденіе, своей любезностью, внимательностью и прекрасной, веселой наружностью, такъ что чрезъ пять минутъ выраженіе лица предводительши уже говорило всѣмъ окружающимъ: «я знаю, какъ вести этихъ господъ: онъ сейчасъ понялъ, съ кѣмъ говорить. Вотъ и будетъ со мной весь вечеръ любезничать». Однако, тутъ же подошелъ къ графу губернаторъ, знавшій его отца, и весьма благосклонно отвелъ его въ сторону и поговорилъ съ нимъ, что еще больше успокоило губернскую публику и возвысило въ ея мнѣніи графа. Потомъ Завальшевскій подвелъ его знакомить къ своей сестрѣ — молодой, полненькой вдовушкѣ, съ самаго приѣзда графа влившейся въ него своими большими, черными глазами. Графъ позвалъ вдовушку танцовать вальсъ, который заиграли въ это время музыканты, и уже окончательно своимъ искусствомъ танцовать побѣдилъ общее предубѣжденіе.

— А мастеръ танцовать! сказала толстая помѣщица, слѣдя за ногами въ синихъ рейтузахъ, мелькавшими по залѣ, и мысленно считая: разъ, два, три; разъ, два, три... мастеръ.

— Такъ и строчить, такъ и строчить, сказала другая приѣзжая, считавшаяся дурного тона въ губернскомъ обществѣ: — какъ онъ шпорами не задѣнетъ! Удивительно, очень ловокъ!

Графъ затмилъ своимъ искусствомъ танцовать трехъ лучшихъ танцоровъ въ губерніи: и высокаго бѣлобрысаго адъютанта губернаторскаго, отличавшагося своей быстротой въ танцахъ и тѣмъ, что онъ держалъ даму очень близко, и кавалериста, отличавшагося граціознымъ раскачиваніемъ во время вальса и частымъ, но легкимъ притопываніемъ каблучка, и еще другаго штатскаго, про котораго всѣ говорили, что хотя онъ и не далекъ по уму, но танцоръ превосходный и душа всѣхъ баловъ. Дѣйствительно, этотъ штатскій съ начала бала и

до конца приглашалъ всѣхъ дамъ, по порядку, какъ онѣ сидѣли, не переставалъ танцовать ни на минуту и только изрѣдка останавливался, чтобъ обтереть, сдѣлавшимся совершенно мокрымъ, батистовымъ платочкомъ, изнуренное, но веселое лицо. Графъ затмилъ всѣхъ ихъ, и танцевалъ съ тремя главными дамами: съ большой—богатой, красивой и глупой, съ средней—худощавой, не слишкомъ красивой, но прекрасно одѣвающейся и съ маленькой—не красивой, но очень умной дамой. Онъ танцевалъ и съ другими, со всѣми хорошенькими, а хорошенькихъ было много. Но вдовушка, сестра Завальшевскаго, больше всѣхъ понравилась графу: съ ней онъ танцевалъ и кадрили, и экосесъ, и мазурку. Онъ началъ съ того, когда они усѣлись въ кадрили, что наговорилъ ей много комплиментовъ, сравнивая ее съ Венерой и съ Діаной и съ розаномъ и еще съ какимъ-то цвѣткомъ. На всѣ эти любезности вдовушка только сгибала бѣлую шейку, опускала глазки, глядя на свое бѣлое, кисейное платьице, или изъ одной руки въ другую перекладывая опало. Когда же она говорила: «полноте, графъ, вы шутите» и т. п., голосъ ея, немного горловой, звучалъ такимъ наивнымъ простодушіемъ и смѣшною глупостью, что, глядя на нее, дѣйствительно, приходило въ голову, что это не женщина, а цвѣтокъ, и не розанъ, а какой-то дикій, бѣлорозовый, пышный цвѣтокъ, безъ запаха, выросшій одинъ изъ дѣвственнаго, снѣжнаго сугроба въ какой нибудь очень далекой землѣ.

Такое странное впечатлѣніе производило на графа это соединеніе наивности и отсутствія всего условнаго съ свѣжей красотой, что нѣсколько разъ въ промежутки разговора, когда онъ молча смотрѣлъ ей въ глаза или на прекрасныя линіи рукъ и шеи, ему приходило въ голову съ такой силой желаніе вдругъ схватить ее на руки и расцаловать, что онъ серьезно долженъ былъ удерживаться. Вдовушка съ удовольствіемъ замѣчала впечатлѣніе, которое она производила; но что-то ее начинало тревожить и пугать въ обращеніи графа, несмотря на то, что молодой гусаръ былъ, вмѣстѣ съ заискивающей любезностью, почтителенъ, по теперешнимъ понятіямъ, до приторности. Онъ бѣгалъ ей за оршатомъ, подымалъ платокъ, вырвалъ стулъ изъ рукъ какого-то золотушнаго молодого помѣщика, который хотѣлъ тоже прислужить ей, чтобы подать его скорѣе, и т. д.

Замѣтивъ, что свѣтская тогдашняго времени любезность мало дѣйствовала на его даму, онъ попробовалъ смѣнить ее, рассказывая ей забавныя анекдоты: увѣрялъ, что онъ, если она прикажетъ, готовъ сейчасъ стать на голову, закричать пѣтухомъ, выскочить въ окно или броситься въ прорубь. Это совершенно удалось: вдовушка развеселилась и какъ-то переливами смѣялась, показывая чудныя бѣлыя зубки, и была совершенно довольна своимъ кавалеромъ. Графу же она съ каждой минутой все болѣе и болѣе нравилась, такъ что, подъ конецъ кадрили, онъ былъ искренно влюбленъ въ нее.

Когда, послѣ кадрили, къ вдовушкѣ подошелъ ея давнишній, восемнадцатилѣтній, обожатель, неслужащій сынъ самаго богатаго помѣщика, золотушный молодой человѣкъ, тотъ самый, у котораго вырвалъ стулъ Турбинъ, она приняла его чрезвычайно холодно, и въ ней не было замѣтно и десятой доли того смущенія, которое она испытывала съ графомъ.

— Хороши вы, сказала она ему, глядя въ это время на спину Турбина и безсознательно соображая сколько аршинъ золотого шнура пошло на всю куртку:—хороши вы: общали за мной заѣхать кататься и конфетъ мнѣ привезти.

— Да я вѣдь пріѣзжалъ, Анна Ѳедоровна, а васъ уже небыло, и конфеты самыя лучшіе оставилъ, сказалъ молодой человѣкъ, несмотря на vysokій ростъ, очень тоненькимъ голоскомъ.

— Вы найдете всегда отговорки! не нужно мнѣ вашихъ конфетъ. Пожалуйста, не думайте...

— Я ужъ вижу, Анна Ѳедоровна, какъ вы ко мнѣ перемѣнились, и знаю отчего. Только это не хорошо, прибавилъ онъ, но видимо не докончивъ своей рѣчи отъ какого-то внутренняго сильнаго волненія, заставившаго весьма быстро и странно дрожать его губы.

Анна Ѳедоровна не слушала его и продолжала слѣдить глазами за Турбинымъ.

Предводитель, хозяинъ дома, величаво-толстый, беззубый старикъ, подошелъ къ графу, и взявъ его подъ руку, пригласилъ въ кабинетъ покурить и выпить, ежели угодно. Какъ только Турбинъ вышелъ, Анна Ѳедоровна почувствовала, что въ залѣ совершенно нечего дѣлать, и, взявъ подъ руку старую, сухую барышню, свою пріятельницу, вышла съ ней въ уборную.

— Ну, что? милъ? спросила барышня.

— Только ужасно какъ пристаётъ, отвѣчала Анна Ѳедоровна, подходя къ зеркалу и глядясь въ него.

Лицо ея просіяло, глаза засмѣялись, она покраснѣла даже, и вдругъ, подражая балетнымъ танцовщицамъ, которыхъ видѣла на этихъ выборахъ, перевернулась на одной ножкѣ, потомъ засмѣялась своимъ горловымъ, но милымъ смѣхомъ и припрыгнула даже, поджавъ колѣни.

— Каковъ? онъ у меня сувениръ просилъ, сказала она пріятельницѣ: — только ничего ему небу-у-детъ, пропѣла она послѣднее слово и подняла одинъ палецъ въ лайковой, до локтя высокой, перчаткѣ...

Въ кабинетѣ, куда привелъ предводитель Турбина, стояли разныхъ сортовъ водки, наливки, закуски и шампанское. Въ табачномъ дымѣ сидѣли и ходили дворяне, разговаривая о выборахъ.

— Когда все благородное дворянство нашего уѣзда почтило его выборомъ, говорилъ вновь выбранный исправникъ, уже значительно выпившій: — то онъ не долженъ былъ манкировать передъ всѣмъ обществомъ, никогда не долженъ былъ...

Приходъ графа прервалъ разговоръ. Всѣ стали

съ нимъ знакомиться, и особенно исправникъ обѣими руками долго жалъ его руку и нѣсколько разъ просилъ, чтобы онъ не отказался ѣхать съ ними въ компаніи послѣ бала въ новый трактиръ, гдѣ онъ угашиваетъ дворянъ и гдѣ цыгане пѣтъ будутъ. Графъ обѣщалъ непременно быть и выпилъ съ нимъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

— Что жъ вы не танцуете, господа? спросилъ онъ передъ тѣмъ, какъ выходить изъ комнаты.

— Мы не танцоры, отвѣчалъ исправникъ, смѣясь:—мы больше насчетъ вина, графъ... А впрочемъ, вѣдь это при мнѣ выросло, всѣ эти барышни, графъ! Я этакъ иногда тоже въ экосесъ пройдуся, графъ... могу, графъ...

— А пойдемъ, теперь пройдемся, сказалъ Турбинъ:—разгуляемся передъ цыганами.

— Что жъ, пойдемте, господа! потѣшимъ хозяина.

И человѣкъ три дворянъ, съ самаго начала бала пившіе въ кабинетѣ, съ красными лицами, надѣли кто черныя, кто шелковыя вязаныя перчатки и вмѣстѣ съ графомъ уже собрались идти въ залу, когда ихъ задержалъ золотушный молодой человѣкъ, весь блѣдный и едва удерживая слезы, подошедшій къ Турбину.

— Вы думаете, что вы графъ, такъ можете толкаться, какъ на базарѣ, говорилъ онъ, съ трудомъ переводя дыханіе:—оттого, что это неучтиво...

Снова противъ его воли запрыгавшія губы оставили потокъ его рѣчи.

— Что? крикнулъ Турбинъ, вдругъ нахмурившись.—Что? Мальчишка! крикнулъ онъ, схвативъ его за руки и сжавъ такъ, что у молодого человѣка кровь въ голову бросилась, не столько отъ досады, сколько отъ страха:—что вы, стрѣляться хотите, такъ я къ вашимъ услугамъ.

Едва Турбинъ выпустилъ руки, которыя онъ сжалъ такъ крѣпко, какъ уже двое дворянъ подхватили подъ руки молодого человѣка и потащили къ задней двери.—«Что, вы съ ума сошли Вы напились вѣрно. Вотъ папенькѣ сказать. Что съ вами?» говорили они ему.

— Нѣтъ, не напился, а онъ толкается и не извиняется. Онъ свинья! вотъ что! пицалъ молодой человѣкъ, уже совершенно расплакавшись.

Однако его не послушали и увезли домой.

— Полноте, графъ! увѣщевали, съ своей стороны, Турбина исправникъ и Завальшевскій:—вѣдь ребенокъ, его сѣкутъ еще, ему вѣдь шесть-надцать лѣтъ. И что съ нимъ сдѣлалось, нельзя понять. Какая его муха укусила? И отецъ его почтенный такой человѣкъ, кандидатъ нашъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, коли не хочетъ...

И графъ вернулся въ залу и, такъ же, какъ и прежде весело танцевалъ экосесъ съ хорошенькой вдовушкой и отъ всей души хохоталъ, глядя на па, которыя выдѣлывали господа, вышедшіе съ нимъ изъ кабинета, и залился звонкимъ хохотомъ на всю залу, когда исправникъ поскользнулся и во весь ростъ шлепнулся по срединѣ танцующихъ.

V.

Анна Ѳедоровна, въ то время, какъ графъ ходилъ въ кабинетъ, подошла къ брату и, почему-то сообразивъ, что нужно притвориться весьма мало интересующеюся графомъ, стала разспрашивать: «Что это за гусаръ такой, что со мной танцевалъ? скажите, братецъ.» Кавалеристъ объяснилъ, сколько могъ, сестрицѣ, какой былъ великій человѣкъ этотъ гусаръ, и при этомъ разсказалъ, что графъ здѣсь остался потому только, что у него деньги дорогой украли и что онъ самъ далъ ему сто рублей въ займы, но этого мало, такъ не можетъ ли сестрица ссудить ему еще рублей двѣсти; но Завальшевскій просилъ про это никому, и особенно графу, отнюдь ничего не говорить. Анна Ѳедоровна обѣщала прислать нынче же и держать дѣло въ секретѣ, но почему-то, во время экосеса, ей ужасно захотѣлось предложить самой графу сколько онъ хочетъ денегъ. Она долго собиралась, краснѣла и наконецъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, такимъ образомъ приступила къ дѣлу.

— Мнѣ братецъ говорилъ, что у васъ, графъ, на дорогѣ несчастіе было и денегъ теперь нѣтъ. А если нужны вамъ, не хотите ли у меня взять? я бы ужасно рада была.

Но выговоривъ это, Анна Ѳедоровна вдругъ чего-то испугалась и покраснѣла. Вся веселость мгновенно исчезла съ лица графа.

— Вашъ братецъ дуракъ! сказалъ онъ рѣзко.— Вы знаете, что когда мужчина оскорбляетъ мужчину, тогда стрѣляются; а когда женщина оскорбляетъ мужчину, тогда что дѣлаютъ, знаете ли вы?

У бѣдной Анны Ѳедоровны покраснѣли шея и уши отъ смущенія. Она потупилась и не отвѣчала.

— Женщину целуютъ при всѣхъ, тихо сказалъ графъ, нагнувшись ей на ухо. Мнѣ позвольте хоть вашу ручку поцеловать, потихоньку прибавилъ онъ, послѣ долгаго молчанія, сжавшись надъ смущеніемъ своей дамы.

— Ахъ, только не сейчасъ, проговорила Анна Ѳедоровна, тяжело вздыхая.

— Такъ когда же? Я завтра рано ѣду... А ужъ вы мнѣ это должны.

— Ну, такъ, стало быть, нельзя, сказала Анна Ѳедоровна, улыбаясь.

— Вы только позвольте мнѣ найти случай видѣть васъ нынче, чтобы поцеловать вашу руку. Я ужъ найду его.

— Да какъ же вы найдете?

— Это не ваше дѣло. Чтобы видѣть васъ, для меня все возможно... Такъ хорошо?

— Хорошо.

Экосесъ кончился; протанцевали еще мазурку, въ которой графъ дѣлалъ чудеса, ловя платки, становясь на одно колѣно и прихлопывая шпорами, какъ-то особенно, по-варшавски, такъ что всѣ старики вышли изъ-за бостона смострѣть въ залу, и кавалеристъ, лучший танцоръ, созналъ себя превзойденнымъ. Поужинали, протанцевали еще

грозь-фатеръ и стали разѣзжаться. Графъ во все время не спускалъ глазъ съ вдовушки. Онъ не притворялся, говоря что для нея готовъ былъ броситься въ прорубь. Прихоть ли, любовь ли, упорство ли, но въ этотъ вечеръ всѣ его душевныя силы были сосредоточены на одномъ желаніи — видѣть и любить ее. Только что онъ замѣтилъ, что Анна Ѳедоровна стала прощаться съ хозяйкой, онъ выбѣжалъ въ лакейскую, а оттуда, безъ шубы, на дворъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояли экипажи.

— Анны Ѳедоровны Зайцовой экипажъ! закричалъ онъ. — Высокая четверомѣстная карета съ фонарями сдвинулась съ мѣста и поѣхала къ крыльцу. — Стой! закричалъ онъ кучеру, по колѣно въ снѣгу подбѣгая къ каретѣ.

— Чего надо? отозвался кучеръ.

— Въ карету надо сѣсть, отвѣчалъ графъ, на ходу отворяя дверцы и стараясь влѣзть. — Стой же, чортъ! Дурень!

— Васька! стой! крикнулъ кучеръ на фореитора и остановилъ лошадей. — Что жъ въ чужую карету лѣзете? это барыни Анны Ѳедоровны карета, а не вашей милости карета.

— Ну, молчи жъ, болванъ! На тебѣ цѣлковый, да слѣзь, закрой дверцы, говорилъ графъ. Но такъ какъ кучеръ не шевелился, то онъ самъ подобралъ ступеньки и, открывъ окно, кое-какъ захлопнулъ дверцы. Въ каретѣ, какъ и во всѣхъ старыхъ каретахъ, въ особенности обитыхъ желтымъ басономъ, пахло какой-то гнилью и горѣлой щетиной. Ноги графа были по колѣно въ таломъ снѣгу и сильно зябли въ тонкихъ сапогахъ и рейтузахъ, да и все тѣло прохватывалъ зимній холодъ. Кучеръ ворчалъ на козлахъ и, кажется, собирался лѣзть. Но графъ ничего не слыхалъ и не чувствовалъ. Лицо его горѣло, сердце его сильно стучало. Онъ напряженно схватился за желтый ремень, высунулся въ боковое окно, и вся жизнь его сосредоточилась въ одномъ ожиданіи. Ожиданіе это продолжалось недолго. На крыльцѣ закричали: «Зайцовой карету! кучеръ зашевелилъ возжами, кузовъ заколыхался на высокихъ рессорахъ, освѣщенные окна дома побѣжали одно за другимъ мимо окна кареты.

— Смотри, ежели ты, шельма, скажешь лакею, что я здѣсь, сказалъ графъ, высовываясь въ переднее окошко къ кучеру: — я тебя вздую; а не скажешь, еще десять рублей.

Едва онъ успѣлъ опустить окно, какъ кузовъ ужъ снова сильнѣе закачался и карета остановилась. Онъ прижался къ углу, пересталъ дышать, даже зажмурился: такъ ему страшно было, что почему нибудь не сбудется его страстное ожиданіе. Дверцы отворились, одна за другой съ шумомъ попадали ступеньки, зашумѣло женское платье, въ затхлую карету ворвался запахъ жасминныхъ духовъ, быстрыя ножки взбѣжали по ступенькамъ, и Анна Ѳедоровна, задѣвъ полой распахнушагося салона по ногѣ графа, молча, но тяжело дыша, опустилась на сидѣнье подлѣ него.

Видѣла ли она его или нѣтъ, этого никто бы не могъ рѣшить, даже сама Анна Ѳедоровна; но когда онъ взялъ ее за руку и сказалъ: «ну ужъ теперь поцалую-таки вашу ручку», она очень мало изъяснила испуга, ничего не отвѣчала, но отдала ему руку, которую онъ покрылъ поцалуюми, гораздо выше перчатки. Карета тронулась.

— Скажи жъ что нибудь. Ты не сердилась? говорилъ онъ ей.

Она молча прижалась въ свой уголокъ, но вдругъ отчего-то заплакала и сама упала головой къ его груди.

VI.

Вновь выбранный исправникъ, съ своей компаніей, кавалеристъ и другіе дворяне, уже давно слушали цыганъ и пили въ новомъ трактирѣ, когда графъ, въ медвѣжьей, крытой синимъ сукномъ шубѣ, принадлежавшей покойному мужу Анны Ѳедоровны, присоединился къ ихъ компаніи.

— Батюшка ваше сіятельство! ждали не дождались, говорилъ косой черный цыганъ, показывая свои блестящіе усы, встрѣтивъ его еще въ снѣгахъ и бросаясь снимать шубу. — Съ Лебедяни не видали... Стеша зачала совсѣмъ по васъ...

Стеша, стройная, молоденькая цыганочка, съ кирпично-краснымъ румянцемъ на коричневомъ лицѣ, съ блестящими, глубокими черными глазами, освѣненными длинными рѣсницами, выбѣжала тоже навстрѣчу.

— А! графчикъ! голубчикъ! золотой! вотъ радость-то! заговорила она сквозь зубы, съ веселой улыбкой.

Самъ Илюшка выбѣжалъ навстрѣчу, притворяясь, что очень радуется. Старухи, бабы, дѣвки повскакали съ мѣстъ и окружили гостя. Кто считался кумовствомъ, кто крестовымъ братствомъ.

Молодыхъ цыганокъ Турбинъ всѣхъ расцаловалъ въ губы; старухи и мужчины цаловали его въ плечико и въ ручку. Дворяне тоже были очень обрадованы пріѣздомъ гостя, тѣмъ болѣе, что гульба, дойдя до своего апогея, теперь уже остывала, каждый начиналъ испытывать пресыщеніе, вино, потерявъ возбуждательное дѣйствіе на нервы, только тяготило желудокъ. Каждый уже выпустилъ весь свой зарядъ ухорства и приглядѣлся одинъ къ другому; всѣ пѣсни были пропѣты и перемѣшались въ головѣ каждого, оставляя какое-то шумное, распушенное впечатлѣніе. Что бы кто ни сдѣлалъ страннаго и лихаго, всѣмъ начинало приходить въ голову, что ничего тутъ нѣтъ любезнаго и смѣшнаго. Исправникъ, лежа, въ безобразномъ видѣ, на полу, у ногъ какой-то старухи, заболталъ ногами и закричалъ:

— Шампанскаго!... графъ пріѣхалъ!... шампанскаго... пріѣхалъ!... ну, шампанскаго... ванну сдѣлаю изъ шампанскаго и буду купаться... Господа

дворяне! люблю благородное дворянское общество... Стешка! пой «Дорожку».

Кавалеристъ былъ тоже навеселѣ, но въ другомъ видѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ уголкѣ, очень близко, рядомъ съ высокой, красивой цыганкой Любашей и, чувствуя, какъ хмѣль туманилъ его глаза, хлопалъ ими, помахивалъ головою и, повторяя одни и тѣ же слова, шопотомъ уговаривалъ цыганку бѣжать съ нимъ куда-то. Любаша, улыбаясь, слушала его такъ, какъ будто то, что онъ ей говорилъ, было очень весело и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько печально, бросала изрѣдка взгляды на своего мужа, косяго Сашку, стоявшаго за стуломъ противъ нея, и, въ отвѣтъ на признаніе въ любви кавалериста, нагибалась ему на ухо и просила купить ей потихоньку, чтобъ другіе не видали, душковъ и ленту.

— Ура! закричалъ кавалеристъ, когда вошелъ графъ.

Красивый молодой человѣкъ, съ озабоченнымъ видомъ, старательно твердыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и напѣвалъ мотивы изъ «Возстанія въ сералѣ».

Старый отецъ семейства, увлеченный къ цыганкамъ неотвязными просьбами господъ дворянъ, которые говорили, что безъ него все разстроится, и лучше не ѣхать, лежалъ на диванѣ, куда онъ повалился тотчасъ, какъ пріѣхалъ, и никто на него не обращалъ вниманія. Какой-то чиновникъ бывшій тутъ же, снявъ фракъ, съ ногами сидѣлъ на столѣ, ерошилъ свои волосы и тѣмъ самъ доказывалъ, что онъ очень кутитъ. Какъ только вошелъ графъ, онъ разстегнулъ воротъ рубашки и подсѣлъ еще выше на столъ. Вообще съ пріѣздомъ графа кутежъ оживился.

Цыганки, разбредшіяся было по комнатѣ, опять сѣли кружкомъ. Графъ посадилъ Стешку, запѣвалу себѣ на колѣни и велѣлъ еще подать шампанскаго.

Илюшка съ гитарой сталъ передъ запѣвалой, и началась *пляска*, то есть цыганскія пѣсни: «Хожу ль я по улицѣ», «Эй вы, гусары...» «Слышишь, разумѣешь...», и т. д., въ извѣстномъ порядкѣ. Стешка славно пѣла. Ея гибкій, звучный, изъ самой груди выливавшійся контральто, ея улыбки во время пѣнья, смѣющіеся, страстные глазки и ножка, шевелившаяся невольнo въ тактъ пѣсни, ея отчаянное вскрикиванье при началѣ хора, — все это задѣвало за какую-то звонкую, но рѣдко задѣваемую струну. Видно было, что она вся жила только въ той пѣснѣ, которую пѣла. Илюшка, улыбкой, спиной, ногами, всѣмъ существомъ, изображая сочувствіе пѣснѣ, сопровождалъ ей на гитарѣ и, впившись въ нее глазами, какъ будто въ первый разъ слушая пѣсню, внимательно, озабоченно, въ тактъ пѣсни наклонялъ и поднималъ голову. Потомъ онъ вдругъ выпрямлялся при послѣдней пѣвучей нотѣ и, какъ будто чувствуя себя выше всѣхъ въ мірѣ, гордо, рѣшительно скидывалъ ногой гитару, перевертывалъ ее, притопывалъ, встряхивалъ волосами и нахмурившись,

оглядывался на хоръ. Все его тѣло, отъ шеи и до пятокъ, начинало плясать, каждой жилкой... И двадцать энергическихъ, сильныхъ голосовъ, каждый изъ всѣхъ силъ стараясь странно и необыкновенно вторить одинъ другому, переливались въ воздухъ. Старухи подпрыгивали на стульяхъ, помахивая платочками и оскаливая зубы, вскрикивали, въ ладъ и въ тактъ, одна громче другой. Басы склонивъ головы на бокъ и напруживъ шею, гудѣли, стоя за стульями.

Когда Стеша выводила тонкія ноты, Илюшка подносилъ къ ней ближе гитару, какъ будто желая помочь ей, а красивый молодой человѣкъ въ восторгѣ вскрикивалъ, что теперь бемоли пошли.

Когда заиграли плясовую и, дрожа плечами и грудью, прошлась Дуняша и, развернувшись передъ графомъ поплыла дальше, Турбинъ вскочилъ съ мѣста, скинулъ мундиръ и, оставшись въ одной красной рубахѣ, лихо прошелся съ нею въ самый разъ и тактъ, выдѣлывая ногами такія штуки, что цыгане, одобрительно улыбаясь, переглядывались другъ съ другомъ.

Исправникъ сѣлъ по-турецки, хлопнулъ себя кулакомъ по груди и закричалъ: «Вивать!» а потомъ, ухвативъ графа за ногу, сталъ рассказывать, что у него было двѣ тысячи рублей, а теперь всего пятьсотъ осталось, и что онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ, ежели только графъ позволитъ. Старый отецъ семейства проснулся и хотѣлъ уѣхать; но его не пустили. Красивый молодой человѣкъ упрасивалъ цыганку протанцовать съ нимъ вальсъ. Кавалеристъ, желая похвастаться своей дружбой съ графомъ, всталъ изъ своего угла и обнялъ Турбина.

— Ахъ ты, мой голубчикъ! сказалъ онъ: — зачѣмъ ты только отъ насъ уѣхалъ! — А? Графъ молчалъ, видимо думая о другомъ. Куда ѣздилъ? Ахъ ты, плутъ, графъ, ужъ я знаю куда ѣздилъ.

Турбину отчего-то не понравилось это палибратство. Онъ, не улыбаясь, молча посмотрѣлъ въ лицо кавалериста и вдругъ пустилъ въ упоръ на него, такое страшное и грубое ругательство, что кавалеристъ огорчился и долго не зналъ, какъ ему принять такую обиду—въ шутку или не въ шутку. Наконецъ онъ рѣшилъ, что въ шутку, улыбнулся и пошелъ опять къ своей цыганкѣ, увѣрялъ ее, что онъ на ней непременно женится, послѣ Святой. Запѣли другую пѣсню, третью, еще разъ поплясали, провеличали и всѣмъ продолжало казаться весело. Шампанское не кончалось. Графъ пилъ много. Глаза его какъ бы покрылись влагою; но онъ не шатался, плясалъ еще лучше, говорилъ твердо и даже самъ славно подпѣвалъ въ хоръ и вторилъ Стешѣ, когда она пѣла «Дружбы нѣжное волненье». Въ серединѣ пляски, купецъ, содержатель трактира, пришелъ просить гостей ѣхать по домамъ, потомъ учтoу же былъ третій часъ утра.

Графъ схватилъ купца за шиворотъ и велѣлъ ему плясать въ присядку. Купецъ отказывался. Графъ схватилъ бутылку шампанскаго и, повер-

нужь купца ногами кверху, велѣлъ его держать такъ и, къ общему хохоту, медленно вылил на него всю бутылку.

Уже разсвѣтало. Всѣ были блѣдны и изнурены, исключая графа.

— Однако, мнѣ пора въ Москву, сказалъ онъ вдругъ, вставая. — Пойдемъ всѣ ко мнѣ, ребята. Проводите меня... и чаю напьемся.

Всѣ согласились, исключая заснувшего помѣщика, который тутъ и остался, набились биткомъ въ трое саней, стоявшихъ у подъѣзда и поѣхали въ гостиницу.

VII.

— Закладывать! крикнулъ графъ, входя въ общую залу гостиницы со всѣми гостями и цыганами. — Сашка! не цыганъ Сашка, а мой, скажи зрителю, что прибью, коли лошади плохи будутъ. Да чаю давай намъ! Завальшевскій! распоряжайся чаемъ, а я пройду къ Ильину—посмотрю, чтó онъ, прибавилъ Турбинъ и, выйдя въ корридоръ, направился въ номеръ улана.

Ильинъ только что кончилъ игру, и проигравъ всѣ деньги до копѣйки, внизъ лицомъ лежалъ на диванѣ изъ разорванной волосяной матеріи, одинъ за однимъ выдергивая волосы, кладя ихъ въ ротъ, перекусывая и выплевывая. Двѣ сальныя свѣчи, изъ которыхъ одна уже догорѣла до бумажки, стоя на ломберномъ заваленномъ картами столѣ, слабо боролись съ свѣтомъ утра, проникавшимъ въ окна. Мыслей въ головѣ улана никакихъ не было: какой-то густой туманъ игорной страсти застилалъ всѣ его душевныя способности, даже раскаянія не было. Онъ попробовалъ разъ подумать о томъ, чтó ему теперь дѣлать, какъ выѣхать безъ копѣйки денегъ, какъ заплатить пятнадцать тысячъ проигранныхъ казенныхъ денегъ, что скажетъ полковой командиръ что скажетъ его мать, что скажутъ товарищи — и на него нашелъ такой страхъ и такое отвращеніе къ самому себѣ, что онъ, желая забыться чѣмънибудь, всталъ, сталъ ходить по комнатѣ, стараясь ступать только на щели половицъ, и снова началъ припоминать себѣ всѣ мельчайшія обстоятельства происходившей игры: онъ живо воображалъ, что уже отыгрывается и снимаетъ девятку, кладетъ короля пикъ на двѣ тысячи рублей, на право ложится дама, на лѣво тузъ, на право король бубень, — и все пропало; а ежели бы на право шестерка, а на лѣво король бубень, тогда совсѣмъ бы отыгрался, поставилъ бы еще все на не и выигралъ бы тысячу пятнадцать чистыхъ, купилъ бы себѣ тогда иноходца у полковаго командира, еще пару лошадей, фазтонъ купилъ бы. Ну чтó же еще потомъ? да ну и славная, славная бы штука была.

Онъ опять легъ на диванъ и сталъ грызть волосы.

— Зачѣмъ это поютъ пѣсни въ седьмомъ ну-

мерѣ — подумалъ онъ — это, вѣрно, у Турбина веселятся. Пойти нешто туда да выпить хорошенько.

Въ это время вошелъ графъ.

— Ну, что? продулся, братъ, а? крикнулъ онъ.

Притворюсь, что сплю — подумалъ Ильинъ — а то надо съ нимъ говорить, а мнѣ ужъ спать хочется.

Однако, Турбинъ подошелъ къ нему и погладилъ его по головѣ.

— Ну чтó, дружокъ любезный, продулся? проигрался? говори.

Ильинъ не отвѣчалъ.

Графъ дернулъ его за руку.

— Проигралъ. Ну, чтó тебѣ? пробормоталъ Ильинъ, соннымъ и равнодушно недовольнымъ голосомъ, не перемѣняя положенія.

— Все?

— Ну, да. Что жъ за бѣда. Все. Тебѣ чтó?

— Послушай, говори правду, какъ товарищу, сказалъ графъ, подъ влияніемъ выпитаго вина расположенный къ нѣжности, продолжая гладить его по волосамъ. — Право, я тебя полюбилъ. Говори правду: ежели проигралъ казенныя, я тебя выручу; а то поздно будетъ... Казенныя деньги были?

Ильинъ вскочилъ съ дивана.

— Ужъ ежели ты хочешь, чтобъ я говорилъ, такъ не говори со мной, оттого, что... и, пожалуйста, не говори со мной... пулю въ лобъ — вотъ что мнѣ осталось одно! проговорилъ онъ съ истиннымъ отчаяніемъ упавъ головой на руки и заливаясь слезами, несмотря на то, что за минуту передъ этимъ преспокойно думалъ объ иноходцахъ.

— Эхъ, ты, красная дѣвушка! Ну, съ кѣмъ этого не бывало! Не бѣда: еще авось поправимъ. Подожди-ка меня тутъ.

Графъ вышелъ изъ комнаты.

— Гдѣ стоитъ Лухновъ, помѣщикъ? спросилъ онъ у корридорнаго.

Корридорный вызвался проводить графа. Графъ, несмотря на замѣчаніе лакея, что баринъ сейчасъ только пожаловали и раздѣваться изволятъ, вошелъ въ комнату. Лухновъ, въ халатѣ, сидѣлъ передъ столомъ, считая нѣсколько кипъ ассигнацій, лежавшихъ передъ нимъ. На столѣ стояла бутылка рейнвейна, который онъ очень любилъ. Съ выигрыша онъ позволилъ себѣ это удовольствіе. Лухновъ холодно, строго, черезъ очки, какъ бы не узнавая, поглядѣлъ на графа.

— Вы, кажется, меня не узнаете? сказалъ графъ, рѣшительными шагами подходя къ столу.

Лухновъ узналъ графа и спросилъ:

— Чтó вамъ угодно?

— Мнѣ хочется поиграть съ вами, сказалъ Турбинъ, садясь на диванъ.

— Теперь?

— Да.

— Въ другой разъ съ моимъ удовольствіемъ, графъ! а теперь я усталъ и соснуть собираюсь. Не угодно ли винца? доброе винцо.

— А я теперь хочу поиграть немножко.

— Не располагаю больше играть. Можетъ, кто изъ господъ станетъ; а я не буду, графъ! Вы ужъ, пожалуйста, меня извините.

— Такъ не будете?

Лухновъ сдѣлалъ плечами жестъ, выражающій сожалѣніе о невозможности исполнить желаніе графа.

— Ни за что не будете?

Опять тотъ же жестъ.

— А я васъ очень прошу... Что жъ, будете играть?...

Молчаніе.

— Будете играть? второй разъ спросилъ графъ: — смотрите!

То же молчаніе и быстрый взглядъ сверхъ очковъ на начинавшее хмуриться лицо графа.

— Будете играть? громкимъ голосомъ крикнулъ графъ, стукнувъ рукой по столу такъ, что бутылка рейнвейна упала и разлилась. — Вѣдь вы нечисто выиграли? Будете играть? третій разъ спрашиваю.

— Я сказалъ, что нѣтъ. Это, право, странно, графъ! и вовсе неприлично придти съ ножомъ къ горлу къ человѣку, замѣтилъ Лухновъ, не поднимая глазъ.

Послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время котораго лицо графа блѣднѣло больше и больше. Вдругъ страшный ударъ въ голову ошеломилъ Лухнова. Онъ упалъ на диванъ, стараясь захватить деньги — и закричалъ такимъ пронзительно-отчаяннымъ голосомъ, котораго нельзя было ожидать, отъ его всегда спокойной и всегда представительной фигуры. Турбинъ собралъ лежащія на столѣ остальные деньги, оттолкнулъ слугу, который вбѣжалъ было на помощь барину, и скорыми шагами вышелъ изъ комнаты.

— Ежели вы хотите удовлетворенія, то я къ вашимъ услугамъ, въ своемъ номерѣ еще пробуду полчаса, прибавилъ графъ, вернувшись къ двери Лухнова.

— Мошенникъ! грабитель!.. слышалось оттуда. — Подъ уголовный поведу!

Ильинъ все также, не обративъ никакого вниманія на обѣщанія графа выручить его, лежалъ у себя въ номерѣ на диванѣ и слезы отчаянія давили его. Сознаніе дѣйствительности, которое сквозъ странную путаницу чувствъ, мыслей и воспоминаній, наполнявшихъ его душу, вызвала ласка участія графа, не покидало его. Богатая надеждами молодость, честь, общественное уваженіе, мечты любви и дружбы — все было навѣки потеряно. Источникъ слезъ начиналъ высыхать, слишкомъ спокойное чувство безнадежности овладѣло имъ больше и больше и мысль о самоубійствѣ уже не возбуждая отвращенія и ужаса, чаще и чаще останавливала его вниманіе. Въ это время послышались твердые шаги графа.

На лицѣ Турбина еще были видны слѣды гнѣва, руки его нѣсколько дрожали, но въ глазахъ сіяла добрая веселость и самодовольство.

— На! отыгрался! сказалъ онъ, бросая на столъ нѣсколько кипъ ассигнацій. — Сочти, всѣ ли? Да

приходи скорѣе въ общую залу, я сейчасъ ѣду, прибавилъ онъ, какъ будто не замѣчая страшнаго волненія радости и благодарности, выразившагося на лицѣ улана; и насвистывая какую-то цыганскую пѣсню, вышелъ изъ комнаты.

VIII.

Сашка, перетянувшись кушакомъ, доложилъ, что лошади готовы, но требовалъ, чтобъ сходить прежде взять графскую шинель, которая будто бы триста рублей съ воротникомъ стоитъ, и отдать поганую синюю шубу тому мерзавцу, который ее перемѣнилъ на шинель у предводителя; но Турбинъ сказалъ, что искать шинель не нужно, и пошелъ въ свой номеръ переодеваться.

Кавалеристъ безпрестанно икалъ, сидя молча подлѣ своей цыганки. Исправникъ потребовалъ водки, приглашалъ всѣхъ господъ ѣхать сейчасъ къ нему завтракать, обѣщая, что его жена сама непременно пойдетъ плясать съ цыганками. Красивый молодой человѣкъ глубокомысленно растолковывалъ Илюшкѣ, что на фортепьянахъ души больше, а на гитарѣ бемолей нельзя брать. Чиновникъ грустно пилъ чай въ уголку и, казалось, при дневномъ свѣтѣ, стыдился своего разврата. Цыгане спорили между собой по-цыгански и настаивали на томъ, чтобъ повеличать еще господъ, чему Стеша противилась, говоря, что *барорай* (по-цыгански: графъ или князь, или, точнѣе, большой баринъ) прогнѣвается. Вообще уже догорала во всѣхъ послѣдняя искра разгула.

— Ну, на прощанье еще пѣсню и маршъ по домамъ, сказалъ графъ, свѣжій, веселый, красивый, болѣе, чѣмъ когда нибудь, входя въ залу въ дорожномъ платьѣ.

Цыгане снова расположились кружкомъ и только было собрались запѣть, какъ вошелъ Ильинъ съ пачкой ассигнацій въ рукѣ и отозвалъ въ сторону графа.

— У меня всего было пятнадцать-тысячъ казенныхъ, а ты мнѣ далъ шестнадцать-тысячъ-триста, сказалъ онъ: — это твой, стало быть.

— Хорошее дѣло! давай!

Ильинъ отдалъ деньги, робко глядя на графа, открылъ было ротъ, желая сказать что-то, только покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили на глаза, потомъ схватилъ руку графа и началъ жать ее.

— Убирайся, Илюшка!.. слушай меня... на вотъ тебѣ деньги; только провожать меня съ пѣснями до заставы. И онъ бросилъ ему на гитару тысячу-триста рублей, которые принесъ Ильинъ. Но кавалеристу графъ такъ и забылъ отдать сто рублей, которые занялъ у него вчера.

Уже было десять часовъ утра. Солнышко поднялось выше крышъ, народъ сновалъ по улицамъ, купцы давно отворили лавки, дворяне и чиновники ѣздили по улицамъ, барыни ходили по Гостинному двору, когда

ватага цыганъ, исправникъ, кавалеристъ, красивый молодой человекъ, Ильинъ и графъ, въ синей медвѣжьей шубѣ, вышли на крыльцо гостиницы. Былъ солнечный день и оттепель. Три ямскія тройки, съ коротко подвязанными хвостами, шлепая ногами пожидкой грязи, подѣхали къ крыльцу, и вся веселая компанія начала разсаживаться. Графъ, Ильинъ, Стеша, Илюшка и Сашка-деньщикъ сѣли въ первыя сани. Блюхеръ выходилъ изъ себя и, махая хвостомъ, лаялъ на коренную. Въ другія сани усѣлись другіе господа, тоже съ цыганками и цыганами. Отъ самой гостиницы сани выровнялись, и цыгане затянули хоровую пѣсню.

Тройки съ пѣснями и колокольчиками, сбивая на самые тротуары всѣхъ встрѣчавшихся проѣзжающихъ, проѣхали весь городъ до заставы.

Немало дивились купцы и прохожіе, незнакомые и особенно знакомые, видя благородныхъ дворянъ, ѣдущихъ среди бѣлаго дня по улицамъ съ пѣснями, цыганками и пьяными цыганами.

Когда выѣхали за заставу, тройки остановились и всѣ стали прощаться съ графомъ.

Ильинъ выпившій довольно много на прощаньи и все время правившій самъ лошадьми, вдругъ сдѣлался печаленъ, сталъ уговаривать графа остаться еще на денекъ, но когда убѣдился, что это было невозможно, совершенно неожиданно со слезами бросился цаловать своего новаго друга и общалъ, что, когда пріѣдетъ, будетъ просить о переводѣ въ гусары въ тотъ самый полкъ, въ которомъ служилъ Турбинъ. Графъ былъ особенно веселъ, кавалериста, который утромъ уже окончательно говорилъ ему ты, толкнулъ въ сугробъ, исправника травилъ Блюхеромъ, Стешку подхватилъ на руки и хотѣлъ увести съ собой въ Москву и наконецъ вскочилъ въ сани, усадилъ рядомъ съ собой Блюхера, который все хотѣлъ стоять на серединѣ. Сашка попросивъ еще разъ кавалериста отобрать-таки у *нихъ* графскую шинель и прислать ее, тоже вскочилъ на козлы. Графъ крикнулъ: «пошелъ!», снявъ фуражку, замахалъ ею надъ головой и по-ямски засвисталъ на лошадей. Тройки разѣхались.

Далеко впереди виднѣлась однообразная снѣжная равнина, по которой извивалась желтоватогрязная полоса дороги. Яркое солнце, играя, блестѣло на таломъ, прозрачной корой обледенѣвшемъ снѣгу и пріятно пригрѣвало лицо и спину. Отъ потныхъ лошадей валилъ паръ. Колокольчикъ побрякивалъ. Какой-то мужичекъ съ возомъ на раскатывающихся санишкахъ, подергивая веревочными возжами, торопливо сторонился, бѣгомъ шлепая промокнувшими лаптишками по оттаявшей дорогѣ; толстая, красная, крестьянская баба, съ ребенкомъ за овчинной пазухой, сидѣла на другомъ возу, погоняя концами возжей бѣлую шелохвостую клеченку. Графу вдругъ вспомнилась Анна Ѳедоровна.

— Назадъ! крикнулъ онъ.

Ямщикъ не понялъ вдругъ.

— Поворачивай назадъ! пошелъ въ городъ! живо!

Тройка опять проѣхала заставу и бойко подкатила къ досчатому крыльцу дома госпожи Зайцовой. Графъ быстро взбѣжалъ на лѣстницу, прошелъ переднюю, гостиную и, заставъ вдовушку еще спящею, взялъ ее на руки, приподнялъ съ постели, поцаловалъ въ заспанныя глазки и живо выбѣжалъ назадъ. Анна Ѳедоровна съ просонокъ только облизывалась и спрашивала: что случилось? Графъ вскочилъ въ сани, крикнулъ на ямщика и, уже не останавливаясь и даже не вспоминая ни о Лухновѣ, ни о вдовушкѣ, ни о Стешкѣ, а только думая о томъ, что его ожидало въ Москвѣ, выѣхалъ навсегда изъ города К.

IX.

Прошло лѣтъ двадцать. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарѣлось, еще больше родилось и умерло мыслей; много прекраснаго и много дурнаго стараго погибло, много прекраснаго молодого выросло и еще больше недорослаго уродливаго молодого появилось на свѣтъ Божій.

Графъ Ѳедоръ Турбинъ уже давно былъ убитъ на дуэли съ какимъ-то иностранцемъ, котораго онъ высѣкъ арапникомъ на улицѣ: сынъ двѣ капли воды похожій на него, былъ уже двадцати-трехлѣтній прелестный юноша и служилъ въ кавалергардахъ. Молодой графъ Турбинъ морально вовсе не былъ похожъ на отца. Даже и тѣни въ немъ не было тѣхъ буйныхъ, страстныхъ и, говоря правду, развратныхъ наклонностей прошлаго вѣка. Вмѣстѣ съ умомъ, образованіемъ и наслѣдственной доровитостью натуры, любовь къ приличію и удобствамъ жизни, практическій взглядъ на людей и обстоятельства, благоразуміе и предусмотрительность были его отличительными качествами. По службѣ молодой графъ шелъ славно: двадцати-трехлѣтъ уже былъ поручикомъ... При открытіи военныхъ дѣйствій, онъ рѣшилъ, что выгоднѣе, для производства, перейти въ дѣйствующую армію, и перешелъ въ гусарскій полкъ ротмистромъ, гдѣ и получилъ скоро эскадронъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года, С. гусарскій полкъ проходилъ походомъ К. губернію, и тотъ самый эскадронъ, которымъ командовалъ молодой графъ Турбинъ, долженъ былъ ночевать въ Морозовкѣ, деревнѣ Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна была жива, но уже такъ немолода, что сама не считала себя больше молодою, что много значить для женщины. Она очень растолстѣла, что говорятъ молодить женщину; но и на этой бѣлой толщинѣ были замѣтны крупныя мягкія морщины. Она ужъ не ѣздила никогда въ городъ, съ трудомъ даже влѣзала въ экипажъ, но также была добродушна и все также глупенька, можно теперь сказать правду, когда она уже не подкупаетъ своей красотой. Съ ней вмѣстѣ жили ея дочь Лиза, двад-

цати-трехлѣтняя русская деревенская красавица, и братецъ, намъ знакомый кавалеристъ, промотавшій, по добродушію, все свое имѣніе и старикомъ пріотившійся у Анны Ѳедоровны. Волоса на головѣ его были сѣдые совершенно; верхняя губа упала, но надъ нею усы тщательно были вычернены. Морщины покрывали не только его лобъ и щеки, но даже носъ и шею, спина согнулась: а все-таки въ слабыхъ, кривыхъ ногахъ видны были приемы стараго кавалериста.

Въ небольшой гостиной стараго домика, съ открытыми балконной дверью и окнами на старинный звѣздообразный лицевой садъ, сидѣло все семейство и домашніе Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна, съ сѣдой головой, въ лиловой кацавейкѣ, на диванѣ передъ круглымъ столомъ краснаго дерева, раскладыала карты. Старый братецъ, расположившись у окна, въ чистенькихъ бѣлыхъ панталончикахъ и синемъ сюртучѣ, вязалъ на рогулькѣ снурочекъ изъ бѣлой бумаги—занятіе, которому его научила племянница и которое онъ очень полюбилъ, такъ какъ дѣлать онъ ужъ ничего не могъ и для чтенія газеты, любимаго его занятія, глаза были уже слабы. Пимочка, воспитанница Анны Ѳедоровны, подлѣ него твердила урокъ, подѣ руководствомъ Лизы, вязавшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, на деревянныхъ спицахъ, чулки изъ козьяго пуха для дяди. Послѣдніе лучи заходящаго солнца, какъ и всегда въ эту пору, бросали сквозь липовую аллею раздробленные косые лучи на крайнее окно и этажерку, стоявшую около него. Въ саду и въ комнатѣ было такъ тихо, что слышалось, какъ за окномъ быстро прошумитъ крыльями ласточка, или въ комнатѣ тихо вздохнетъ Анна Ѳедоровна или побряхтитъ старичекъ, перекладывая ногу на ногу.

— Какъ это кладется? Лизанька, покажи-ка. Я все забываю, сказала Анна Ѳедоровна, остановясь въ раскладываньи пасьянса.

Лиза, не переставая работать, подошла къ матери и взглянувъ на карты.

— Ахъ, вы перепутали, голубушка мамаша! сказала она, перекладывая карты:— вотъ такъ надо было. Все-таки сбудется, что вы загадали, прибавила она, незамѣтно снимая одну карту.

— Ну, ужъ ты всегда меня обманываешь: говоришь, что вышло.

— Нѣтъ, право, значить, удастся. Вышло.

— Ну, хорошо, хорошо, баловница! Да не пора ли чаю?

— Я ужъ велѣла разогрѣвать самоваръ. Сейчасъ пойду. Вамъ сюда принести?.. Ну, кончай, Пимочка, скорѣй урокъ и пойдемъ бѣгать.

И Лиза вышла изъ двери.

— Лизочка! Лизанька! заговорилъ дядя, пристально взглядываясь въ свою рогульку:— опять, кажется, спустилъ петлю. Подними, голубчикъ!

— Сейчасъ, сейчасъ! только сахаръ отдамъ наколоть.

И, дѣйствительно, она черезъ три минуты вбѣжала въ комнату, подошла къ дядѣ и взяла его за ухо.

— Вотъ вамъ, чтобы не спускали петлей, сказала она, смѣясь:— урокъ и не довязали.

— Ну, полно, полно; поправь же, какой-то узелочекъ былъ видно.

Лиза взяла рогульку, вынула булавку у себя изъ косыночки, которую при этомъ распахнуло немного. вѣтромъ изъ окна, и какъ-то булавочкой добыла петлю, протянула раза два и передала рогульку дядѣ.

— Ну, поцалуйте же меня за это, сказала она, подставивъ ему румяную щечку и закалывая косынку:— вамъ съ ромомъ нынче чаю. Нынче вѣдь пятница.

И она опять ушла въ чайную.

— Дяденька, идите смотрѣть; гусары идутъ къ намъ! послышался оттуда звучный голосокъ.

Анна Ѳедоровна, вмѣстѣ съ братцемъ, вошли въ чайную комнату, изъ которой окна были на деревню, посмотрѣть гусаровъ. Изъ окна очень мало было видно, замѣтно было только сквозь пыль, что какая-то толпа движется.

— А жаль, сестрица, замѣтилъ дядя Аннѣ Ѳедоровнѣ:— жаль, что такъ тѣсно, и флигель не отстроены еще, попросить бы къ намъ офицеровъ. Гусарскіе офицеры, вѣдь это все такая молодежь, славная, веселая; посмотрѣлъ бы хоть на нихъ.

— Чтожъ, я бы душой рада; да вѣдь вы сами знаете, братецъ, что негдѣ: моя спальня, Лизина горница, гостиная, да вотъ эта ваша комната— вотъ и все. Гдѣ же ихъ тутъ помѣстить; сами посудите. Имъ старостину избу очистилъ Михайло Матвѣевъ, говорить: чисто тоже.

— А мы бы тебѣ, Лизочка, изъ нихъ жениха приискали, славнаго гусара! сказалъ дядя.

— Нѣтъ, я не хочу гусара; я хочу улана: вѣдь вы въ уланахъ служили, дядя?... А я этихъ знать не хочу. Они всѣ отчаянные, говорятъ.

И Лиза покраснѣла немного; но снова засмѣялась своимъ звучнымъ смѣхомъ.

— Вотъ и Устюшка бѣжить; надо спросить ее, что видѣла, сказала она.

Анна Ѳедоровна велѣла позвать Устюшку.

— Нѣтъ того, чтобы посидѣть за работой; какая надобность, бѣгать, на солдатъ смотрѣть, сказала Анна Ѳедоровна:— ну что, гдѣ помѣстились офицеры.

— У Еремкиныхъ, сударыня. Два ихъ, красавцы такіе: одинъ графъ, сказываютъ.

— А фамилія какъ?

— Казаровъ ли, Турбиновъ ли; не запомнила, виновата-съ.

— Вотъ, дура, ничего и рассказать не умѣетъ. Хотѣла бы узнала, какъ фамилія.

— Чтожъ, я сбѣгаю.

— Да ужъ я знаю, что ты на это мастерица:— нѣтъ, пускай Данило сходить; скажите ему, братецъ, чтобы онъ сходилъ, да спросилъ: не нужно

ли чего нибудь офицерамъ-то; все учтивость надо сдѣлать, что барышня *молъ* спросить велѣла.

Старики снова усѣлись въ чайную, а Лиза пошла въ дѣвичью положить въ ящикъ наколотый сахаръ. Устюша рассказывала тамъ про гусаровъ:

— Барышня, голубушка, вотъ красавчикъ этотъ, графъ-то, говорила она, просто херувимчикъ чернобровый. Вотъ бы вамъ такого женишка, такъ ужъ, точно бы, парочка была.

Другія горничныя одобрительно улынулись; старая няня, сидѣвшая у окна съ чулкомъ, вздохнула и прочитала, даже втягивая въ себя духъ, какую то молитву.

— Такъ вотъ, какъ тебѣ понравились гусары, сказала Лиза: — да вѣдь ты мастерица рассказывать. Принеси, пожалуйста, морсу, Устюша, — кисленькимъ гусаровъ поить.

И Лиза, смѣясь, съ сахарницей вышла изъ комнаты.

— А хотѣлось бы посмотрѣть, что это за гусаръ такой, думала она, брюнетъ или блондинъ? И онъ вѣдь радъ бы былъ, я думаю, познакомиться съ нами. А пройдетъ, такъ и не узнаетъ, что я тутъ была и объ немъ думала. И сколько ужъ такихъ прошло мимо меня. Никто меня не видитъ, кромѣ дяденьки да Устюши. Какъ бы я ни зачесалась, какія бы рукава ни надѣла — никто и не полюбуется, подумала она, вздохнувъ, глядя на свою бѣлую, полную руку. Онъ долженъ быть высокъ ростомъ, большіе глаза, вѣрно маленькіе черные усики. Нѣтъ, вотъ ужъ двадцать два года минуло, а никто въ меня не влюбился, кромѣ Иванъ Ипатыча, рябаго; а четыре года тому назадъ, я еще лучше была: итакъ, никому не на радость прошла моя дѣвичья молодость. — Ахъ, я несчастная, несчастная деревенская барышня.

Голосъ матери, звавшей ее разливать чай, вызвалъ деревенскую барышню изъ этой минутной задумчивости. Она встряхнула головкой и вошла въ чайную.

Лучшія вещи всегда выходятъ нечаянно; а чѣмъ больше стараешься, тѣмъ выходитъ хуже. Въ деревняхъ рѣдко стараются давать воспитаніе и потому нечаянно большею частію даютъ прекрасное. Такъ и случилось, въ особенности съ Лизой. Анна Ѳедоровна, по ограниченности ума и беззаботности нрава, не давала никакого воспитанія Лизѣ: не учила ее ни музыкѣ, ни столь полезному французскому языку, а нечаянно родила отъ покойнаго мужа здоровенькое, хорошенькое дитя — дочку, отдала ее кормилицѣ и нянѣкѣ, кормила ее, одѣвала въ ситцевыя платья и козловые башмачки, посылала гулять и собирать грибы и ягоды, учила ее грамотѣ и ариѳметикѣ, посредствомъ нанятаго семинариста, и нечаянно, чрезъ шестнадцать лѣтъ, увидѣла въ Лизѣ подругу и всегда веселую, добродушную и дѣятельную хозяйку въ домѣ. У Анны Ѳедоровны, по добродушію ея, всегда бывали воспитанницы, или изъ крѣпостныхъ, или изъ подкидышей. Лиза съ десяти лѣтъ уже стала заниматься ими: учить,

одѣвать, водить въ церковь и останавливать, когда онѣ уже слишкомъ шалили. Потомъ явился дряхлый, добродушный дядя, за которымъ надо было ходить, какъ за ребенкомъ. Потомъ дворовые и мужики, обращавшіеся къ молодой барышнѣ съ просьбами и съ недугами, которые она лечила бузиной, мятой и камфорнымъ спиртомъ. Потомъ домашнее хозяйство, перешедшее нечаянно все въ ея руки. Потомъ неудовлетворенная потребность любви, находившая выраженіе въ одной природѣ и религіи. И изъ Лизы нечаянно вышла дѣятельная, добродушно-веселая, самостоятельная, чистая и глубоко-религіозная женщина. Правда, были маленькія тщеславныя страданія при видѣ сосѣдокъ въ модныхъ шляпкахъ, привезенныхъ изъ К*, стоящихъ рядомъ съ ней въ церкви; были досады до слезъ на старую, ворчливую мать за ея капризы; были и любовныя мечты въ самыхъ нелѣпыхъ и иногда грубыхъ формахъ, — но полезная и сдѣлавшаяся необходимостью дѣятельность разгоняла ихъ, и въ двадцать два года ни одного пятна, ни одного угрызенія не запало въ свѣтлую, спокойную душу полной физической и моральной красоты, развивавшейся дѣвушки. Лиза была средняго роста, скорѣе полная, чѣмъ худая; глаза у ней были каріе, небольшіе, съ легкимъ, тѣмнымъ оттѣнкомъ на нижней вѣкѣ; длинная и русая коса. Походка у ней была широкая съ развальцемъ — уточкой, какъ говорится. Выраженіе лица ея, когда она была занята дѣломъ и ничто особенно не волновало ее, такъ и говорило всѣмъ, кто вглядывался въ него: хорошо и весело жить тому на свѣтѣ, у кого есть кого любить и совѣсть чиста. Даже въ минуты досады, смущенія, тревоги или печали, сквозь слезу, нахмуренную лѣвую бровку, сжатые губки такъ и свѣтилось, какъ на зло ея желанію, на ямкахъ щекъ, на краяхъ губъ и въ блестящихъ глазкахъ, привыкшихъ улыбаться и радоваться жизни, — такъ и свѣтилось неиспорченное умомъ, доброе, прямое сердце.

Х.

Было еще жарко въ воздухѣ, хотя солнце уже спускалось, когда эскадронъ вступалъ въ Морозовку. Впереди, по пыльной улицѣ деревни, рысцой, оглядываясь и съ мычаньемъ изрѣдка останавливаясь, бѣжала отбившаяся отъ стада пестрая корова, никакъ не догадываясь, что надо было просто своротить въ сторону. Крестьянскіе старики, бабы, дѣти и дворовые жадно смотрѣли на гусаръ, толпясь по обѣимъ сторонамъ улицы. Въ густомъ облакѣ пыли, на вороныхъ, замуштученныхъ, изрѣдка пофыркивающихъ коняхъ, толая, двигались гусары. Съ правой стороны эскадрона, распушенно сидя на красивыхъ воронихъ лошадяхъ, ѣхали два офицера. Одинъ былъ командиръ,

графъ Турбинъ, другой — очень молодой человѣкъ, недавно произведенный изъ юнкеровъ, Полозовъ.

Изъ лучшей избы вышелъ гусаръ въ бѣломъ кителѣ, и снявъ фуражку, подошелъ къ офицерамъ.

— Гдѣ квартира для насъ отведена? спросилъ его графъ.

— Для вашего сіятельства? отвѣчалъ квартирьеръ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ: — здѣсь, у старосты, избу очистилъ. Требовалъ на барскомъ дворѣ, такъ, говорятъ, нѣту-ти. Помѣщица такая злющая.

— Ну, хорошо, сказалъ графъ, слѣзая и направляя ноги у старостиной избы: — а что, коляска моя пріѣхала?

— Изволила прибыть, ваше сіятельство! отвѣчалъ квартирьеръ, указывая фуражкой на кожаный кузовъ коляски, виднѣвшійся въ воротахъ, и бросаясь впередъ въ сѣни избы, набитой крестьянскимъ семействомъ, собравшимся посмотреть на офицера. Одну старушку онъ даже столкнулъ съ ногъ, бойко отворяя дверь въ очищенную избу и сторонясь передъ графомъ.

Изба была довольно большая и просторная, но не совсѣмъ чистая. Нѣмецъ-камердинеръ, одѣтый какъ баринъ, стоялъ въ избѣ, и уставивъ желѣзную кровать и постлавъ ее, разбиралъ бѣлье изъ чемодана.

— Фу, мерзость какая квартира! сказалъ графъ съ досадой. — Дяденко! развѣ нельзя было лучше отвести у помѣщика гдѣ нибудь?

— Коли ваше сіятельство прикажете, я пойду выгоню кого на барскій дворъ, отвѣчалъ Дяденко: — да домишко-то некорыстный, не лучше избы показываетъ.

— Теперь ужъ не надо. Ступай.

И графъ легъ на постель, закинувъ за голову руки.

— Иоганнъ! крикнулъ онъ на камердинера: — опять бугоръ по серединѣ сдѣлалъ! Какъ ты не умѣешь постелить хорошенько.

Иоганнъ хотѣлъ поправить.

— Нѣтъ, ужъ не надо теперь... А халатъ гдѣ? продолжалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Слуга подалъ халатъ.

Графъ, прежде чѣмъ надѣвать его, посмотрѣлъ полу.

— Такъ и есть, не вывелъ пятна. То есть можно ли хуже тебя служить! прибавилъ онъ, вырывая у него изъ рукъ халатъ и надѣвая его: — ты, скажи, это нарочно дѣлаешь?... Чай готовъ?..

— Я не могъ успѣвать, отвѣчалъ Иоганнъ.

— Дуракъ!

Послѣ этого графъ, взявъ приготовленный французскій романъ и довольно долго, молча, читалъ его; а Иоганнъ вышелъ въ сѣни раздувать самоваръ. Видно было, что графъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, — должно быть, подъ вліяніемъ усталости, пыльнаго лица, узкаго платья и голоднаго желудка.

— Иоганнъ! крикнулъ онъ снова: — подай счетъ десяти рублей. — Что ты купилъ въ городѣ?

Графъ посмотрѣлъ поданный счетъ и сдѣлалъ недовольныя замѣчанія насчетъ дороговизны покупокъ.

— Къ чаю рому подай.

— Рому не покупалъ, сказалъ Иванъ.

— Отлично! сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ былъ ромъ!

— Денегъ неоставало.

— Отчего же Полозовъ не купилъ? Ты бы у его человѣка взялъ.

— Корнетъ Полозовъ? не знаю. Они купили чаю и сахару.

— Скотина!.. Ступай!.. Только ты одинъ умѣешь выводить меня изъ терпѣнія... знаешь, что я всегда пью чай въ походѣ съ ромомъ.

— Вотъ два письма изъ штаба къ вамъ, сказалъ камердинеръ,

Графъ, лежа распечаталъ письма и началъ читать. Вошелъ съ веселымъ лицомъ корнетъ, отводившій эскадронъ.

— Ну, что, Турбинъ? Тутъ, кажется, хорошо. А усталъ-та-ки я, признаюсь. Жарко было.

— Очень хорошо! Поганая, вонючая изба и рому нѣтъ по твоей милости: твой болванъ не купилъ, и этотъ тоже. Ты бы хоть сказалъ.

И онъ продолжалъ читать. Дочитавъ до конца письмо, онъ смялъ его и бросилъ на полъ.

— Отчего же ты не купилъ рому? спрашивалъ въ это время въ сѣняхъ корнетъ шопотомъ у своего деньщика: — вѣдь у тебя деньги были?

— Да что жъ мы одни все покупать будемъ! И такъ все я расхожу держу; а ихній нѣмецъ только трубку курить, — да и все.

Второе письмо было, видно, не непріятно, потому что графъ улыбаясь читалъ его.

— Отъ кого это? спросилъ Полозовъ, возвращаясь въ комнату и устроивая себѣ ночлегъ на доскахъ, подлѣ печки.

— Отъ Минны, весело отвѣчалъ графъ, подавая ему письмо. — Хочешь прочесть? Что это за прелесть женщина!.. ну, право, лучше нашихъ барышень... Посмотри, сколько тутъ чувства и ума, въ этомъ письмѣ!.. Одно нехорошо — денегъ просить.

— Да, это нехорошо, замѣтилъ корнетъ.

— Я ей, правда, обѣщалъ; да тутъ походъ, да и... впрочемъ, ежели прокомандую еще мѣсяца три эскадрономъ, я ей пошлю. Не жалко, право: что за прелесть!.. а? говорилъ онъ улыбаясь, слѣдя глазами за выраженіемъ лица Полозова, который читалъ письмо.

— Безграмотно ужасно, но мило, и кажется, что она точно тебя любитъ, отвѣчалъ корнетъ.

— Гм! еще бы! Только эти женщины и любятъ истинно, когда ужъ любить.

— А то письмо отъ кого? спросилъ корнетъ, передавая то, которое онъ читалъ.

— Такъ... это тамъ есть господинъ одинъ, дрянной очень, которому я долженъ по картамъ, и онъ уже третій разъ напоминаетъ... не могу я отдать теперь... глупое письмо! отвѣчалъ графъ, видимо огорченный этимъ воспоминаніемъ.

Довольно долго послѣ этого разговора оба офицера молчали. Корнетъ, видимо находившійся подъ влияніемъ графа, молча пилъ чай, изрѣдка поглядывая на красивую, отуманившуюся наружность Турбина, пристально глядѣвшаго въ окно, и не рѣшался начать разговора.

— А что, вѣдь можетъ отлично выйти, вдругъ обернувшись къ Полозову и весело тряхнувъ головой, сказалъ графъ: — ежели у насъ, по линіи, будетъ въ нынѣшнемъ году производство, да еще въ дѣло попадемъ, я могу своихъ ротмистровъ гвардіи перегнуть.

Разговоръ и за вторымъ стаканомъ чаю продолжался на эту тему, когда вошелъ старый Данило и передалъ приказаніе Анны Ѳеодоровны.

— Да еще приказали спросить, не сынокъ ли изволите быть графа Ѳеодора Ивановича Турбина, добавилъ отъ себя Данило, узнавшій фамилію офицера и помнившій еще пріѣздъ покойнаго графа въ городъ К*: — наша барыня, Анна Ѳеодоровна, очень съ ними знакомы были.

— Это мой отецъ. былъ, да доложи барынѣ, что очень благодаренъ, ничего не нужно, только, молъ, приказали просить, ежели бы можно, комнатку почище гдѣ нибудь, въ домѣ или гдѣ нибудь.

— Ну, зачѣмъ ты это? сказалъ Полозовъ, когда Данило вышелъ: — развѣ не все равно? одна ночь здѣсь развѣ не все равно; а они будутъ стѣсняться.

— Вотъ еще! кажется, довольно мы пошлялись по курнымъ избамъ!.. Сейчасъ видно, что ты не практическій человѣкъ!.. отчего же не воспользоваться, когда можно хоть на одну ночь помѣститься какъ людямъ? А они—напротивъ—ужасно довольны будутъ.

— Одно только противно: ежели эта барыня точно знала отца, продолжалъ графъ, открывая улыбкой свои бѣлые, блестящіе зубы: — какъ-то всегда совѣстно за *папашу* покойнаго: всегда какая нибудь исторія скандальная или долгъ какой нибудь. Отъ этого я терпѣть не могу встрѣчать этихъ отцовскихъ знакомыхъ. Впрочемъ, тогда вѣкъ такой былъ, добавилъ онъ уже серьезно.

— А я тебѣ не рассказывалъ, сказалъ Полозовъ: — я какъ-то встрѣтилъ уланской бригады командира Ильина. Онъ тебя очень хотѣлъ видѣть и безъ памяти любитъ твоего отца.

— Онъ, кажется, ужасная дрянь, этотъ Ильинъ. А главное, что всѣ эти господа, которые увѣряютъ, что знали моего отца, чтобъ поддѣлаться ко мнѣ, и какъ будто очень милыя вещи рассказываютъ про отца, такія штуки, что слушать совѣстно. Оно правда, — я не увлекаюсь и безпристрастно смотрю на вещи — онъ былъ слишкомъ пылкій человѣкъ, иногда и не совсѣмъ хорошія штуки дѣлалъ. Впрочемъ, все дѣло времени. Въ нашъ вѣкъ онъ, можетъ быть, вышелъ бы и очень дѣльный человѣкъ, потому что способности-то у него были огромныя, надо отдать справедливость.

Черезъ четверть часа вернулся слуга и передалъ просьбу помѣщицы пожаловать ночевать въ домъ.

XI.

Узнавъ, что гусарскій офицеръ былъ сынъ графа Ѳеодора Турбина, Анна Ѳеодоровна захлопоталась.

— А, батюшки мои! голубчикъ онъ мой!.. Данило! скорѣй бѣги, скажи, барыня къ себѣ просить, заговорила она, вскакивая и скорыми шагами направляясь въ дѣвичью. — Лизанька! Устюшка! приготовить надо твою комнату, Лиза. Ты перейди къ дядѣ; а вы, братецъ... братецъ! вы въ гостинной ужъ ночуйте. Одну ночь ничего.

— Ничего сестрица! я на полу лягу.

— Красавчикъ, я чай, коли на отца похожъ. Хоть погляжу на него, на голубчика!.. Вотъ ты посмотри, Лиза! А отецъ красавецъ былъ... Куда несешь столъ? оставь тутъ, суетилась Анна Ѳеодоровна: — да двѣ кровати принеси — одну у прикащика возьми — да на этажеркѣ подсвѣчникъ хрустальный возьми, что мнѣ братецъ въ именины подарилъ, и калетовскую свѣчу поставь.

Наконецъ все было готово. Лиза, несмотря на вмѣшательство матери, устроила по своему свою комнатку для двухъ офицеровъ. Она достала чистое, надушенное резедой постельное бѣлье и приготовила постели, велѣла поставить графинъ воды и свѣчи, подлѣ, на столикѣ; накурила бумажкой въ дѣвичьей и сама перебралась съ своею постелькой въ комнату дяди. Анна Ѳеодоровна успокоилась немного, усѣлась опять на свое мѣсто, взяла было даже въ руки карты, но, не раскладывая ихъ, оперлась на пухлый локоть и задумалась. «Времячко-то, времячко какъ летитъ! шопотомъ, про себя, твердила она. Давно ли, кажется? какъ теперь гляжу на него. Ахъ шалунъ былъ! — И у нея слезы выступили на глаза. — Теперь Лизанька... но все она не то, что я была въ ея года-то... хороша дѣвочка, но нѣтъ, не то...»

— Лизанька, ты бы платице муслинъ-де-леневое надѣла къ вечеру.

— Да развѣ вы ихъ будете звать, мамаша? Лучше не надо, отвѣчала Лиза, испытывая непреодолимое волненіе при мысли видѣть офицеровъ: — лучше не надо, мамаша!

Дѣйствительно, она не столько желала ихъ видѣть, сколько боялась какого-то волнующаго счастья, которое, какъ ей казалось, ожидало ее.

— Можетъ быть, сами захотятъ познакомиться, Лизочка! сказала Анна Ѳеодоровна, глядя ее по волосамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думая: «нѣтъ, не тѣ волоса, какіе у меня были въ ея годы... Нѣтъ, Лизочка, какъ бы я желала тебѣ...» И она точно чего-то очень желала для своей дочери; но женитьбы съ графомъ она не могла предполагать, тѣхъ отношеній, которыя были съ отцомъ его, она не могла желать, — но чего-то такого она очень, очень желала для своей дочери. Ей хотѣлось, можетъ быть, пожить еще разъ въ душѣ дочери той же жизнью, которую она жила съ покойникомъ.

Старичекъ-кавалеристъ тоже былъ нѣсколько взволнованъ пріѣздомъ графа. Онъ вышелъ въ свою

комнату и заперся въ ней. Черезъ четверть часа онъ явился оттуда въ венгерскѣ и голубыхъ панталонахъ, и съ смущенно-довольнымъ выраженіемъ лица, съ которымъ дѣвушка въ первый разъ надѣваетъ бальное платье, пошелъ въ назначенную для гостей комнату.

— Посмотрю на нынѣшнихъ гусаровъ, сестрица! покойникъ графъ, точно, истинный гусаръ былъ. Посмотрю, посмотрю.

Офицеры пришли уже, съ задняго крыльца, въ назначенную для нихъ комнату.

— Ну, вотъ видишь ли, сказалъ графъ, какъ былъ, въ пыльных сапогахъ ложась на приготовленную постель: — развѣ тутъ не лучше, чѣмъ въ избѣ съ тараканами!

— Лучше-то, лучше; да какъ-то обязываться хозяйевать...

— Вотъ вздоръ! Надо во всемъ быть практическимъ человѣкомъ. Они ужасно довольны, навѣрно... Человѣкъ! крикнулъ онъ... спроси чего нибудь завѣсить это окошко; а то ночью дуть будетъ.

Въ это время вошелъ старичекъ знакомиться съ офицерами. Онъ, хотя и краснѣя нѣсколько, разумѣется, не преминулъ рассказать о томъ, что былъ товарищемъ покойнаго графа, что пользовался его расположеніемъ, и даже сказалъ, что онъ не разъ былъ благодѣтельствованъ покойникомъ. Разумѣлъ ли онъ подѣл благодареніями покойнаго то, что тотъ такъ и не отдалъ ему занятыхъ ста рублей, или то, что бросилъ его въ сугробъ, или что ругалъ его, — старичекъ не объяснилъ нисколько. Графъ былъ весьма учтивъ съ старичкомъ-кавалеристомъ и благодарилъ за помѣщеніе.

— Ужъ извините, что нероскошно, графъ (онъ чуть было не сказалъ: ваше сіятельство — такъ ужъ отвыкъ отъ обращенія съ важными людьми): домикъ сестрицы маленький. А вотъ это сейчасъ завѣсимъ чѣмъ нибудь, и будетъ хорошо, прибавилъ старичекъ и, подѣл предлогомъ занавѣски, но главное, чтобъ рассказать поскорѣе про офицеровъ, шаркая, вышелъ изъ комнаты.

Хорошенькая Устюша съ барынной шалью пришла завѣсить окно. Кромѣ того барыня приказала ей спросить, не угодно ли господамъ чаю.

Хорошее помѣщеніе, повидимому, благопріятно подѣйствовало на расположеніе духа графа: онъ весело, улыбаясь, пошутить съ Устюшей, такъ что Устюша назвала его даже шалуномъ, разспросить ее, хороша ли ихъ барышня, и, на вопросъ ея, не угодно ли чаю, отвѣчалъ, что чаю пожалуй пусть принесутъ, а главное, что свой ужинъ еще не готовъ, такъ нельзя ли теперь водки, закусить чего нибудь, и хересу, ежели есть.

Дядюшка былъ въ восторгѣ отъ учтивости молодого графа и превозносилъ до небесъ молодое поколѣніе офицеровъ, говоря, что нынѣшніе люди не въ примѣръ авантюристе прежнихъ.

Анна Ѳедоровна не соглашалась — лучше графа Ѳедора Иваныча никто не былъ, — и наконецъ уже серьезно разсердилась, сухо замѣчала только, что

«для васъ, братецъ, кто послѣдній васъ обласкалъ, тотъ и лучше. Извѣстно, теперь, конечно, люди умнѣе стали, а что все-таки графъ Ѳедоръ Ивановичъ такъ танцевалъ экосесъ и такъ любезенъ былъ, что тогда всѣ, можно сказать, безъ ума отъ него были; только онъ ни съ кѣмъ кромѣ меня не занимался. Стало быть, и въ старину были хорошіе люди.»

Въ это время пришло извѣстіе о требованіи водки, закуски и хереса.

— Ну вотъ, какже вы, братецъ! Вы всегда не то сдѣлаете. Надо было заказать ужинать, заговорила Анна Ѳедоровна. — Лиза! распорядись, дружокъ!

Лиза побѣжала въ кладовую за грибами и свѣжимъ сливочнымъ масломъ, повару заказали битки.

— Только хересу у васъ осталось, братецъ?

— Нѣту, сестрица! у меня и не было.

— Какже нѣту! а вы что-то пьете такое съ чаемъ.

— Это ромъ, Анна Ѳедоровна.

— Развѣ не все равно? Вы дайте этого, все равно — ромъ. Да ужъ не попросить ли ихъ лучше сюда, братецъ? Вы все знаете. Они, кажется, не обидятся?

Кавалеристъ объявилъ, что онъ ручается за то, что графъ, по добротѣ своей, не откажется, и что онъ приведетъ ихъ непременно. Анна Ѳедоровна пошла надѣть для чего-то платье гро-гро и новый чепецъ; а Лиза такъ была занята, что и не успѣла снять розоваго холстинковаго платья, съ широкими рукавами, которое было на ней. Притомъ, она была ужасно взволнована: ей казалось, что ждетъ ее что-то поразительное, точно низкая, черная туча нависла надъ ея душой. Этотъ графъ-гусаръ, красавецъ, казался ей какимъ-то совершенно новымъ для нея, непонятнымъ, но прекраснымъ существомъ. Его нравъ, его привычки, его рѣчи, — все должно было быть такое необыкновенное, какого она никогда не встрѣчала. Все, что онъ думаетъ и говоритъ, должно быть умно и правда; все, что онъ дѣлаетъ, должно быть честно; вся его наружность должна быть прекрасна. Она не сомнѣвалась въ этомъ. Ежели бы онъ не только потребовалъ закуски и хересу, но ванну изъ шалфея съ духами, она бы не удивилась, не обвиняла бы его и была бы твердо увѣрена, что это такъ нужно и должно.

Графъ тотчасъ же согласился, когда кавалеристъ выразилъ ему желаніе сестрицы, причесалъ волосы, надѣлъ шинель и взялъ сигарочницу.

— Пойдемъ же, сказалъ онъ Полозову.

— Право, лучше не ходить, отвѣчалъ корнетъ: — ils feront des frais pour nous recevoir.

— Вздоръ! это ихъ осчастливить. Да я ужъ и навелъ справки: тамъ дочка хорошенькая есть... Пойдемъ, сказалъ графъ по французски.

— Je vous en prie, messieurs! сказалъ кавалеристъ, только для того, чтобы дать почувствовать, что и онъ знаетъ по-французски и понялъ то, что сказали офицеры.

ХII.

Лиза покраснѣла и, потупясь, будто бы занялась доливаніемъ чайника, боясь взглянуть на офицеровъ, когда они вошли въ комнату. Анна Ѳедоровна, напротивъ, торопливо вскочила, поклонилась и, не отрывая глазъ отъ лица графа, начала говорить ему, то находя необыкновенное сходство съ отцомъ, то рекомендуя свою дочь, то предлагала чаю, варенья или постилы деревенской. На корнета, по его скромному виду, никто не обращалъ вниманія, чему онъ былъ очень радъ, потому что, сколько возможно было прилично, всматривался и до подробностей разбиралъ красоту Лизы, которая, какъ видно, неожиданно поразила его. Дядя, слушая разговоръ сестры съ графомъ, съ готовой рѣчью на устахъ, выжидалъ случая поразказать свои кавалерійскія воспоминанія. Графъ за чаемъ, закуривъ свою крѣпкую сигару, отъ которой съ трудомъ сдерживала кашель Лиза, былъ очень разговорчивъ, любезенъ, сначала, въ промежутки непрерывныхъ рѣчей Анны Ѳедоровны, вставляя свои рассказы, а подъ конецъ одинъ овладѣвъ разговоромъ. Одно немного странно поражаало его слушателей: въ разказахъ своихъ онъ часто говорилъ слова, которыя, не считаясь предосудительными въ его обществѣ, здѣсь были нѣсколько смѣлы. При чемъ Анна Ѳедоровна пугалась немного, а Лиза до ушей краснѣла; но графъ не замѣчалъ этого и былъ все также спокойно простъ и любезенъ. Лиза, молча, наливая стаканы, не подавая въ руки гостямъ, ставила ихъ поближе къ нимъ и, еще не оправясь отъ волненія, жадно вслушивалась въ рѣчи графа. Его незамысловатые рассказы, запинки въ разговорѣ по-немногу успокоивали ее. Она не слышала отъ него предполагаемыхъ ею очень умныхъ вещей, не видѣла той изящности во всемъ, которую она смутно ожидала найти въ немъ. Даже при третьемъ стаканѣ чаю, послѣ того, какъ робкіе глаза ея встрѣтились разъ съ его глазами и онъ не опустил ихъ, а какъ-то слишкомъ спокойно продолжалъ, чуть-чуть улыбаясь, глядѣть на нее, она почувствовала себя даже нѣсколько враждебно расположенной къ нему и скоро нашла, что не только ничего не было въ немъ особеннаго, но онъ нисколько не отличался отъ всѣхъ тѣхъ, кого она видѣла, что не стоило бояться его, только ногти чистые, длинные, а даже и красоты особенной нѣтъ въ немъ. Лиза вдругъ не безъ нѣкоторой внутренней тоски разставшись съ своей мечтой, успокоилась и только взглядъ молчаливаго корнета, который она чувствовала устремленнымъ на себя, безпокоилъ ее. «Можетъ быть это не онъ, а онъ!» думала она.

ХIII.

Послѣ чаю старушка пригласила гостей въ другую комнату и снова усѣлась на свое мѣсто.

— Да вы отдохнуть не хотите ли, графъ? спрашивала она. — Такъ чѣмъ бы васъ занять, дорогихъ гостей? продолжала она послѣ отрицательнаго отвѣта: — вы играете въ карты, графъ? Вотъ бы вы, братецъ, заняли, партію бы составили во чтонибудь...

— Да вѣдь вы сами играете въ преферансъ, отвѣчалъ кавалеристъ: — такъ ужъ вмѣстѣ давайте. Будете, графъ? и вы будете?

Офицеры изъявили согласіе дѣлать все то, что угодно будетъ любезнымъ хозяевамъ.

Лиза принесла изъ своей комнаты свои старыя карты, въ которыя она гадала о томъ, скоро ли пройдетъ флюсъ у Анны Ѳедоровны, вернется ли нынче дядя изъ города, когда онъ уѣзжалъ, пріѣдетъ ли сегодня сосѣдка, и т. д. Карты эти, хотя служили уже мѣсяца два, были почище тѣхъ, въ которыя гадала Анна Ѳедоровна.

— Только вы не станете по маленькой играть, можетъ быть? спросилъ дядя. — Мы играемъ съ Анной Ѳедоровной по полкопѣйки... И то она насъ всѣхъ обзигрываетъ.

— Ахъ, почему прикажете, я очень радъ, отвѣчалъ графъ.

— Ну, такъ по копѣйкѣ ассигнаціями! ужъ для дорогихъ гостей идетъ: пускай они меня обзигрываютъ, старуху, сказала Анна Ѳедоровна, широко усаживаясь въ своемъ креслѣ и расправляя свою мантилію.

«А можетъ, и выиграю у нихъ цѣлковый,» подумала Анна Ѳедоровна, получившая подъ старость маленькую страсть къ картамъ.

— Хотите, я васъ выучу съ табелькой играть, сказалъ графъ — и съ мизерами! Это очень весело.

Всѣмъ очень понравилась новая петербургская манера. Дядя увѣрялъ даже, что онъ ее зналъ, и это то же, что въ бостонѣ было, но забылъ только немного. Анна же Ѳедоровна ничего не поняла и такъ долго не понимала, что нашлась вынужденной, улыбаясь и одобрительно кивая головой, утверждать, что теперь она пойметъ и все для нея ясно. Немало было смѣху въ серединѣ игры, когда Анна Ѳедоровна съ тузомъ и королемъ бланкъ говорила мизеръ и оставалась съ шестью. Она даже начинала теряться, робко улыбаться и торопливо увѣрять, что не совсѣмъ еще привыкла по новому. Однако, на нее записывали, и много, тѣмъ болѣе, что графъ, по привычкѣ играть большую коммерческую игру, игралъ сдержанно, подводилъ очень хорошо и никакъ не понималъ толчковъ подъ столомъ ногой корнета и грубыхъ его ошибокъ въ вистованьи.

Лиза принесла еще постилы, трехъ сортовъ варенья и сохранившіяся особеннаго моченья опоротвыя яблоки и остановилась за спиной матери, вглядываясь въ игру и изрѣдка поглядывая на офицеровъ и въ особенности на бѣлые, съ тонкими, розовыми, отдѣланными ногтями, руки графа, которыя такъ опытно, увѣренно и красиво бросали карты и брали взятки.

Опять Анна Оедоровна, съ нѣкоторымъ азартомъ перебивая у другихъ, докупившись до семи, обремизилась безъ трехъ и, по требованію братца, уродливо изобразивъ какую-то цифру, совершенно растерялась и заторопилась.

— Ничего, мамаша: еще отыграетесь! улыбаясь, сказала Лиза, желая вывести мать изъ смѣшнаго положенія. — Вы дяденьку обремизите разъ: тогда онъ попадется.

— Хоть бы ты мнѣ помогла, Лизочка! сказала Анна Оедоровна, испуганно глядя на дочь. — Я не знаю, какъ это...

— Да и я не знаю по этому играть, отвѣчала Лиза, мысленно считая ремизы матери. — А вы этакъ много проиграете, мамаша! и Пимочкѣ на платѣ не останется, прибавила она шутя.

— Да этакъ легко можно рублей десять серебромъ проиграть, сказалъ корнетъ, глядя на Лизу и желая вступить съ ней въ разговоръ.

— Развѣ мы не ассигнаціями играемъ? оглядываясь на всѣхъ, спросила Анна Оедоровна.

— Я не знаю какъ, только я не умѣю считать ассигнаціями, сказалъ графъ. — Какъ это? то есть что это ассигнаціи?

— Да теперь ужъ никто ассигнаціями не считаетъ, подхватилъ дядюшка, который игралъ кремешкомъ и былъ въ выигрышѣ.

Старушка велѣла подать шипучки, выпила сама два бокала, раскраснѣлась и, казалось, на все махнула рукой. Даже одна прядь сѣдыхъ волосъ выбилась у ней изъ-подъ чепца, и она не поправила ее. Ей, вѣрно, казалось, что она проиграла миллионы, и что она совсѣмъ пропала. Корнетъ все чаще и чаще толкалъ ногой графа. Графъ списывалъ ремизы старушки. Наконецъ партія кончилась. Какъ ни старалась Анна Оедоровна, кривя душою, прибавлять свои записи и притворяться, что она ошибается въ счетѣ и не можетъ счесть, какъ ни приходила въ ужасъ отъ величины своего проигрыша, въ концѣ разчета оказалось, что она проиграла девятьсотъ-двадцать призовъ. «Это ассигнаціями выходитъ девять рублей?» нѣсколько разъ спрашивала Анна Оедоровна и до тѣхъ поръ не поняла всей громадности своего проигрыша, пока братецъ, къ ужасу ея, не объяснилъ, что она проиграла тридцать-два рубля съ полтиной ассигнаціями, и что ихъ нужно заплатить непременно. Графъ даже не считалъ своего выигрыша, а тотчасъ, по окончаніи игры, всталъ и подошелъ къ окну, у котораго Лиза устанавливала закуску и выкладывала на тарелку грибки изъ банки къ ужину, и совершенно спокойно и просто сдѣлалъ то, чего весь вечеръ такъ желалъ и не могъ сдѣлать корнетъ — вступилъ съ ней въ разговоръ о погодѣ.

Корнетъ же въ это время находился въ весьма непріятномъ положеніи. Анна Оедоровна съ уходомъ графа и особенно Лизы, поддерживавшей ее въ веселомъ расположеніи духа, откровенно рассердилась.

— Однако, какъ досадно, что мы васъ такъ обыграли, сказалъ Полозовъ, чтобъ сказать что нибудь. — Это, просто, безсовѣстно.

— Да еще бы выдумали какіе-то табели да мизеры! Я въ нихъ не умѣю: какъ же ассигнаціями-то сколько же выходитъ всего? спрашивала она.

— Тридцать-два рубля, тридцать-два съ полтинкой, твердилъ кавалеристъ, находясь, подъ вліяніемъ выигрыша, въ игривомъ расположеніи духа: — давайте-ка, денежки, сестрица... давайте-ка.

— И дамъ вамъ всѣ; только ужъ больше не поймаете, — нѣтъ! Это я и въ жизнь не отыграюсь.

И Анна Оедоровна ушла къ себѣ, быстро расклевываясь, вернулась назадъ и принесла девять рублей ассигнаціями. Только по настоящему требованію старичка, она заплатила всѣ.

На Полозова нашелъ нѣкоторый страхъ, чтобы Анна Оедоровна не выбрала его, ежели онъ заговорить съ ней. Онъ, молча, потихоньку отошелъ отъ нея и присоединился къ графу и Лизѣ, которые разговаривали у открытаго окна.

Въ комнатѣ, на накрытомъ для ужина столѣ, стояли двѣ сальныя свѣчи. Свѣтъ ихъ изрѣдка колыхался отъ свѣжаго, теплаго дуновенія майской ночи. Въ окнѣ, открытомъ въ садъ, было тоже свѣтло, но совершенно иначе, чѣмъ въ комнатѣ. Почти полный мѣсяцъ, уже теряя золотистый отблескъ, всплывалъ надъ верхушками высокихъ липъ и больше и больше освѣщалъ бѣлыя, тонкія тучки, изрѣдка застилавшія его. На прудѣ, котораго поверхность, въ одномъ мѣстѣ посеребренная мѣсяцемъ, виднѣлась сквозь аллею, заливались лягушки. Въ сиреневомъ, душистомъ кустѣ, подъ самымъ окномъ, изрѣдка медленно качавшемъ влажными цвѣтами, чуть-чуть перепрыгивали и встряхивались какія-то птички.

— Какая чудная погода! сказалъ графъ, подходя къ Лизѣ и садясь на низкое окно: — вы, я думаю, много гуляете?

— Да, отвѣчала Лиза, не чувствуя, почему-то, уже ни малѣйшаго смущенія въ бесѣдѣ съ графомъ: — я, по утрамъ, часовъ въ семь, по хозяйству хожу, такъ и гуляю немножко съ Пимочкой — маменькиной воспитанницей.

— Пріятно въ деревнѣ жить! сказалъ графъ, вставивъ въ глазъ стеклышко, глядя то на садъ, то на Лизу: — а по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, вы не ходите гулять?

— Нѣтъ. А вотъ, въ третьемъ годѣ, мы съ дяденькой каждую ночь гуляли, когда луна была. На него странная какая-то болѣзнь — безсонница — находила. Какъ полная луна, такъ онъ заснуть не могъ. Комнатка же его, вотъ эта прямо на садъ, и окошко низенькое: луна прямо къ нему ударяла.

— Странно, замѣтилъ графъ: — да вѣдь это ваша комнатка, кажется?

— Нѣтъ, я только нынче тутъ ночую. Мою комнату вы занимаете.

— Неужели?.. Ахъ, Боже мой! Вѣкъ себѣ не прощу этого безпокойства, сказалъ графъ, въ знакъ

искренности чувства, выбрасывая стеклышко из глаза: — ежели бы я зналъ, что я васъ тревожу...

— Что за беспокойство! Напротивъ, я очень рада: дядинькина комнатка такая чудесная, веселенькая, окошечко низенькое; я буду тамъ себѣ сидѣть, пока не засну, или въ садъ перелѣзу, прогуляю еще на ночь.

— Экая славная дѣвочка! подумаль графъ, снова вставивъ стеклышко, глядя на нее, и, какъ будто усаживаясь на окнѣ, стараясь ногой тронуть ее ножку. — И какъ она хитро дала мнѣ почувствовать, что я могу увидѣть ее въ саду у окна, коли захочу. Лиза даже потеряла въ его глазахъ большую часть прелести: такъ легка ему показалась побѣда надъ нею.

— А какое должно быть наслажденіе, сказалъ онъ, задумчиво вглядываясь въ темныя аллеи: — провести такую ночь въ саду съ существомъ, которое любишь.

Лиза смутилась нѣсколько этими словами и повтореннымъ, какъ будто нечаяннымъ прикосновениемъ ноги. Она прежде, чѣмъ подумала, сказала что-то, для того только, чтобы смущеніе ея не было замѣтно. Она сказала: «Да, славно въ лунныя ночи гулять». Ей становилось что-то непріятно. Она увязала банку, изъ которой выкладывала грибки, и собиралась уйти отъ окна, когда къ нимъ подошелъ корнетъ, и ей захотѣлось узнать, что это за человѣкъ такой.

— Какая прелестная ночь! сказалъ онъ.

«Однако, только про погоду и разговариваютъ», подумала Лиза.

— Какой видъ чудесный! продолжалъ корнетъ: — только вамъ, я думаю, ужъ надоѣло, прибавилъ онъ, по странной, свойственной ему склонности говорить вещи, немного непріятныя людямъ, которые ему очень нравились.

— Отчего жъ вы такъ думаете: кушанье, одно и то же, платье — надоѣсть, а садъ хороший не надоѣсть, когда любишь гулять, особенно, когда мѣсяцъ еще повыше поднимется. Изъ дяденькиной комнаты весь прудъ видѣнь. Вотъ я нынче буду смотрѣть.

— А словесевъ у васъ нѣтъ, кажется? спросилъ графъ, весьма недовольный тѣмъ, что пришелъ Полозовъ и помѣшалъ ему узнать положительнѣе условія свиданья.

— Нѣтъ, у насъ всегда были; только въ прошломъ году охотники одного поймали, и нынче, на прошлой недѣлѣ, славно запѣлъ было, да становой пріѣхалъ съ колокольчикомъ и спугнулъ. Мы, бывало, въ третьемъ году, сядемъ съ дяденькой въ крытой аллеѣ и часа два слушаемъ.

— Что эта болтушка вамъ рассказываетъ? сказалъ дядя, подходя къ разговаривающимъ: — закусить не угодно ли?

Послѣ ужина, во время котораго графъ похваливаніемъ кушаній и аппетитомъ, успѣлъ какъ-то разбѣгать нѣсколько дурное расположеніе духа хозяйки; офицеры распрощались и пошли въ свою

комнату. Графъ пожалъ руку дядѣ, къ удивленію Анны Ѳедоровны, и ея руку, не цалуя, пожалъ только, пожалъ даже и руку Лизы, при чемъ взглянулъ ей прямо въ глаза и слегка улыбнулся своею пріятной улыбкой. Этотъ взглядъ снова смутилъ дѣвушку.

«А очень хорошъ — подумала она — только ужъ слишкомъ занимается собой».

XIV.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно? сказалъ Полозовъ, когда офицеры вернулись въ свою комнату: — я старался нарочно проиграть, толкалъ тебя подъ столomъ. Ну, какъ тебѣ не совѣстно? вѣдь старушка совсѣмъ огорчилась.

Графъ ужасно расхохотался.

— Уморительная госпожа! какъ она обидѣлась!

И онъ опять принялся хохотать, такъ весело, что даже Іоганнъ, стоявшій передъ нимъ, потупился и слегка улыбнулся въ сторону.

— Вотъ-те и сынъ друга семейства!... ха, ха, ха! продолжалъ смѣяться графъ.

— Нѣтъ, право, это нехорошо. Мнѣ ее жалко даже стало, сказалъ корнетъ.

— Вотъ вздоръ! Какъ ты еще молодъ! Чтожъ ты хотѣлъ, чтобъ я проигралъ. Зачѣмъ же я бы проигралъ? И я проигрывалъ, когда не умѣлъ. Десять рублей, братецъ пригодятся. Надо смотрѣть практически на жизнь; а то всегда въ дуракахъ будешь.

Полозовъ замолчалъ; притомъ, ему хотѣлось одному думать о Лизѣ, которая казалась ему необыкновенно чистымъ, прекраснымъ созданіемъ. Онъ раздѣлся и легъ въ мягкую и чистую постель, приготовленную для него.

«Что за вздоръ эти почести и слава военная! — думалъ онъ глядя на завѣшанное шалью окно, сквозь которое прокрадывались блѣдныя лучи мѣсяца. — Вотъ счастье — жить въ тихомъ уголкѣ, съ милой, умной, простой женою! вотъ это прочное, истинное счастье!»

Но почему-то онъ не сообщилъ этихъ мечтаній своему другу и даже не упомянулъ о деревенской дѣвушкѣ, несмотря на то, что былъ увѣренъ, что и графъ о ней думалъ.

— Что жъ ты не раздѣваешься? спросилъ онъ графа, который ходилъ по комнатѣ.

— Не хочется еще спать что-то. Туши свѣчу, коли хочешь; я такъ лягу.

И онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

— Не хочется еще спать что-то, повторилъ Полозовъ, чувствуя себя, послѣ нынѣшняго вечера, больше, чѣмъ когда нибудь, недовольнымъ вліяніемъ графа и расположеннымъ взбунтоваться противъ него. «Я воображаю, — разсуждалъ онъ мысленно, обращаясь къ Турбину — какія въ твоей причесанной головѣ теперь мысли ходятъ! я ви-

дѣлъ какъ тебѣ она понравилась. Но ты не въ состояніи понять это простое, честное существо: тебѣ Миню надобно, полковничьи эполеты. Право, спрошу его, какъ она ему понравилась».

И Полозовъ было обернулся къ нему, но раздумалъ: онъ чувствовалъ, что не только не въ состояніи будетъ спорить съ нимъ, если взгляды графа на Лизу тотъ, который онъ предполагалъ, но что даже не въ силахъ будетъ не согласиться съ нимъ; такъ ужъ онъ привыкъ подчиняться вліянію которое становилось для него съ каждымъ днемъ тяжелѣе и несправедливѣе.

— Куда ты? спросилъ онъ, когда графъ надѣлъ фуражку и подошелъ къ двери.

— Пойду на конюшню, посмотрю: все ли въ порядкѣ.

«Странно!» подумалъ корнетъ, но потушилъ свѣчу и, стараясь разогнать нѣпо-ревнивыя и враждебныя къ прежнему своему другу мысли, лѣзшія ему въ голову, перевернулся на другой бокъ.

Анна Ѳедоровна этимъ временемъ, перекрестивъ и расцаловавъ по обыкновенію, нѣжно брата, дочь и воспитанницу, тоже удалась въ свою комнату. Давно ужъ въ одинъ день не испытывала старушка столь сильныхъ впечатлѣній, такъ что и молиться она не могла спокойно: все грустно-живое воспоминаніе о покойномъ графѣ и о молодомъ франтикѣ, который такъ безбожно обигралъ ее, не выходило у нея изъ головы. Однако же, по обыкновенію, раздѣвшись, выпивъ полстакана квасу, приготовленнаго у постели на столикѣ, она легла въ постель. Любимая ея кошка тихо вползла въ комнату. Анна Ѳедоровна подозвала ее и стала гладить, вслушиваясь въ ея мурлыканье, и все не засыпала.

«Это кошка мѣшаетъ», подумала она и прогнала ее. Кошка мягко упала на полъ, медленно поворачивая пушистымъ хвостомъ, вскочила на лежанку; но тутъ дѣвка, спавшая на полу въ комнатѣ, принесла стлать свой войлокъ, тушить свѣчку и зажигать лампадку. Наконецъ и дѣвка захрапѣла; но сонъ все еще не приходилъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, и не успокоивалъ ея разстроеннаго воображенія. Лицо гусара такъ и представлялось ей, когда она закрывала глаза и, казалось, являлось въ различныхъ странныхъ видахъ въ комнатѣ, когда она съ открытыми глазами, при слабомъ свѣтѣ лампадки, смотрѣла на комодъ, на столикъ, на висѣвшее бѣлое платье. То ей казалось жарко въ перинѣ, то несносно били часы на столикѣ и невыносимо носомъ храпѣла дѣвка. Она разбудила ее и велѣла перестать храпѣть. Опять мысли о дочери, о старомъ и молодомъ графѣ, преферансѣ странно перебивались въ ея головѣ. То она видѣла себя въ вальсѣ съ старымъ графомъ, видѣла свои полныя, бѣлыя плечи, чувствовала на нихъ чьи-то поцалуй и потомъ видѣла свою дочь въ объятіяхъ молодаго графа. Опять храпѣть начала Устюшка...

«Нѣтъ, что-то не то теперь, люди не тѣ. Тотъ въ огонь за меня готовъ былъ. Да и было за что. А этотъ, небось, спитъ себѣ дуракъ дуракомъ, радъ, что выигралъ, нѣтъ того, чтобъ поволочиться. Какъ тотъ, бывало, говоритъ на колѣняхъ: «что ты хочешь, чтобъ я сдѣлалъ: убилъ бы себя сейчасъ, и что хочешь?» и убилъ бы, колибъ я сказала.

Вдругъ чьи-то босые шаги раздались по корридорѣ, и Лиза, въ одномъ накинутаго платкѣ, вся блѣдная и дрожащая, вбѣжала въ комнату и почти упала къ матери на постель...

Простаясь съ матерью, Лиза одна пошла въ бывшую дядину комнату. Надѣвъ бѣлую кофточку и спрятавъ въ платокъ свою густую длинную косу, она потушила свѣчу, подняла окно и съ ногамп сѣла на стулъ, устремивъ задумчивые глаза на прудъ; теперь ужъ весь блестящій серебрянымъ сіяньемъ.

Всѣ ея привычныя занятія и интересы вдругъ явились передъ ней совершенно въ новомъ свѣтѣ: старая, капризная мать, несудящая любовь къ которой сдѣлалась частью ея души, дряхлый, но любезный дядя, дворовые, мужики, обожающіе барышню, дойныя коровы и телки, — вся эта все таже столько разъ умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой съ любовью къ другимъ и отъ другихъ она выросла, все что давала ей такой легкой, пріятный душевный отдыхъ, — все это вдругъ показалось не *то*, все это показалось *скучно, ненужно*. Какъ будто кто нибудь сказалъ ей: «дурочка, дурочка! двадцать лѣтъ дѣлала вздоръ, служила кому то, зачѣмъ то и не знала, что такое жизнь и счастье!» Она это думала теперь, вглядываясь въ глубину свѣтлаго, неподвижнаго сада, сильнѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли? нисколько не внезапная любовь къ графу, какъ бы это можно было предположить. Напротивъ, онъ ей не нравился. Корнетъ могъ бы скорѣе занимать ее; но онъ дурень, бѣдный, и молчаливъ какъ-то. Она невольно забывала его и съ злобой и съ досадою вызывала въ воображеніи образъ графа. «Нѣтъ, не то», говорила она сама себѣ. Идеаль ея былъ такъ прелестенъ! Это былъ идеаль, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ея красоты, могъ бы быть любимымъ, идеаль, ни разу не обрѣзанный, для того, чтобы слить его съ какой нибудь грубой дѣйствительностью.

Сначала уединеніе и отсутствіе людей, которые бы могли обратить ея вниманіе, сдѣлали то, что вся сила любви, которую въ душу каждаго изъ насъ одинаково вложило Провидѣніе, была еще цѣла и невозмутима въ ея сердцѣ; теперь же уже слишкомъ долго она жила грустнымъ счастьемъ чувствовать въ себѣ присутствіе этого чего-то, и изрѣдка открывая таинственный сердечный сосудъ наслаждаться созерцаніемъ его богатствъ, чтобы необдуманно излить на кого нибудь все то, что тамъ было. Дай Богъ, чтобы она до гроба наслаж-

далась этимъ скупымъ счастьемъ. Кто знаетъ, не лучше ли и не сильнѣе ли оно? и не одно ли оно истинно и возможно?

«Господи Боже мой! — думала она — неужели я даромъ потеряла счастье и молодость и уже не будетъ... никогда не будетъ? не ужели это правда?» и она вглядывалась въ высокое свѣтлое около мѣсяца небо, покрытое бѣлыми волнистыми тучами, которыя, застилая звѣздочки, подвигались къ мѣсяцу. «Если захватить мѣсяцъ это верхнее бѣлое облочко, значитъ правда» подумала она. Туманная, дымчатая полоса пробѣжала по нижней половинѣ свѣтлаго круга, и понемногу свѣтъ слабѣлъ на травѣ, на верхушкахъ липъ, на прудѣ: черныя тѣни деревьевъ стали менѣе замѣтны. И, какъ будто вторя мрачной тѣни, осѣнившей природу, легкій вѣтерокъ пронесся по листьямъ и донесъ до окна, росистый запахъ листьевъ, влажной земли и цвѣтущей сирени.

«Нѣтъ, это неправда — утѣшала она себя — а вотъ если соловей запоетъ нынче ночью, то значитъ вздоръ все, что я думаю, и не надо отчаиваться», подумала она. И долго еще сидѣла молча, дожидаясь кого-то, не смотря на то, что снова все освѣтилось и ожило и снова нѣсколько разъ набѣгали на мѣсяцъ тучки и все померкало. Она уже засыпала такъ, сидя у окна, когда соловей разбудилъ ее частой трелью, раздававшейся звонко низомъ по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опять съ новымъ наслажденіемъ вся душа ея обновилась этимъ таинственнымъ соединеніемъ съ природой, которая такъ спокойно и свѣтло раскинулась передъ ней. Она облокотилась на обѣ руки. Какое-то томительное сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и слезы чистой, широкой любви, жаждущей удовлетворенія, хорошія, утѣшительныя слезы, налили въ глаза ея. Она сложила руки на подоконникъ и на нихъ положила голову. Любимая ея молитва, какъ-то сама пришла ей въ душу, и она такъ и задремала съ мокрыми глазами.

Прикосновеніе чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновеніе это было легко и приятно. Рука сжимала крѣпче ея руку. Вдругъ она вспомнила дѣйствительность, вскрикнула, вскочила, и сама себя увѣряя, что не узнала графа, который стоялъ подъ окномъ, весь облитый луннымъ свѣтомъ, выбѣжала изъ комнаты...

XV.

Дѣйствительно, это былъ графъ. Услышавъ крикъ дѣвушки и кряхтенье сторожа за заборомъ, отозвавшагося на этотъ крикъ, онъ опрометью, съ чувствомъ пойманнаго вора, бросился бѣжать по мокрой, росистой травѣ въ глубину сада. «Ахъ, я дуракъ! — твердилъ онъ безсознательно. Я ее ис-

пугалъ. Надо было тише, словами разбудить. Ахъ, я скотина неловкая!» Онъ остановился и прислушался: сторожъ черезъ калитку прошелъ въ садъ, волоча палку по песчаной дорожкѣ. Надо было спрятаться. Онъ спустился къ пруду. Лягушки торопливо заставляли его вздрагивать, побултыкали изъ-подъ ногъ его въ воду. Здѣсь, несмотря на промоченныя ноги, онъ сѣлъ на корточки и сталъ припоминать все, что онъ дѣлалъ — какъ онъ перелѣзъ черезъ заборъ, искалъ ея окно и наконецъ увидѣлъ бѣлую тѣнь, какъ нѣсколько разъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, онъ подходилъ и отходилъ отъ окна, какъ то ему казалось несомнѣнно, что она съ досадою на его медлительность ожидаетъ его, то казалось, что это невозможно, чтобы она такъ легко рѣшилась на свиданіе, какъ, наконецъ, предполагая, что она только отъ конфузливости уѣздной барышни притворяется, что спитъ, онъ рѣшительно подошелъ и увидалъ ясно ея положеніе, но тутъ вдругъ почему-то убѣжалъ опрометью назадъ и, только сильно устыдивъ трусостью самого себя, подошелъ къ ней смѣло и тронулъ ее за руку. Сторожъ снова крякнулъ и, скрипнувъ калиткой, вышелъ изъ сада. Окно барышниной комнаты захлопнулось и заставилось ставешкомъ изнутри. Графу это было ужасно досадно видѣть. Онъ бы дорого далъ, чтобы только можно было начать опять все сначала: ужъ теперь бы онъ не поступилъ такъ глупо... А чудесная барышня! свѣженькая какая! просто прелесть! и такъ прозѣваль. «Глупая скотина я!» При томъ, спать уже ему не хотѣлось, и онъ рѣшительными шагами раздосадованнаго человѣка пошелъ на удачу впередъ по дорожкѣ крытой липовой аллеи.

И тутъ и для него эта ночь приносила свои миротворные дары какой-то успокоительной грусти и потребности любви. Глинистая, кой-гдѣ съ пробивающейся травкой или сухой вѣткой дорожка освѣщалась кружками, сквозь густую листву липъ, прямыми блѣдными лучами мѣсяца. Какой нибудь загнутый сукъ, какъ обросшій бѣлымъ мхомъ, освѣщался съ боку. Листья, серебрясь, шептались изрѣдка. Въ домѣ потухли огни, замолкли все звуки; только соловей наполнялъ собой, казалось, все необъятное, молчаливое и свѣтлое пространство. «Боже, какая ночь! какая чудная ночь! — думалъ графъ, вдыхая въ себя пахучую свѣжесть сада. — Чего-то жалко. Какъ будто не доволенъ и собой и другими и всей жизнью не доволенъ. А славная, милая дѣвочка. Можетъ быть, она точно огорчилась...» Тутъ мечты его перемѣшались, онъ воображалъ себя въ этомъ саду вмѣстѣ съ уѣздной барышней, въ различныхъ самыхъ странныхъ положеніяхъ; потомъ роль барышни заняла его любезная Мина. «Экой я дуракъ! надо было просто ее схватить за талію и поцеловать.» И съ этимъ раскаяніемъ графъ вернулся въ комнату.

Корнетъ не спалъ еще. Онъ тотчасъ повернулся на постели лицомъ къ графу.

— Ты не спишь? спросилъ графъ.

— Нѣтъ.

— Разсказать тебѣ, что было?

— Ну?

— Нѣтъ, лучше не разсказывать... или разскажу. Подожди ноги.

И графъ махнулъ уже мысленно рукой на прозвванную имъ интрижку, съ оживленною улыбкой подселъ на постель товарища.

— Можешь себѣ представить, что вѣдь барышня эта мнѣ назначила rendez-vous!

— Что ты говоришь? вскрикнулъ Полозовъ, вскакивая съ постели.

— Ну, слушай.

— Да какъ же? когда же? Не можетъ быть!

— А вотъ, пока вы считали преферансъ, она мнѣ сказала, что будетъ ночью сидѣть у окна и что въ окно можно влѣзть. Вотъ что значить практическій человѣкъ, куда вы тамъ со старухой считали, я это дѣльце обдѣлалъ. Да вѣдь ты слышалъ, она при тебѣ даже сказала, что она будетъ сидѣть нынче у окна, на прудъ смотрѣть.

— Да это она такъ сказала.

— Вотъ то-то я и не знаю, нечаянно или нѣтъ, она это сказала. Можетъ быть, и точно она еще не хотѣла съ разу, только было похоже на то. Вышла-то странная штука. Я дуракомъ совсѣмъ поступилъ! прибавилъ онъ, презрительно улыбаясь на себя.

— Да что же? Гдѣ ты былъ?

Графъ, исключая своихъ нерѣшительныхъ неоднократныхъ подступовъ, разсказалъ все, какъ было.

— Я самъ испортилъ: надо было смѣлѣе. Закричала и убѣжала отъ окошка.

— Такъ она закричала и убѣжала, сказалъ корнетъ съ неловкой улыбкой, отвѣчая на улыбку графа, имѣвшую на него такое долгое и сильное вліяніе.

— Да. Ну, теперь спать пора.

Корнетъ повернулся опять спиной къ двери и молча полежалъ минутъ десять. Богъ знаетъ, что дѣлалось у него въ душѣ; но, когда онъ повернулся снова, лицо его выражало страданіе и рѣшительность.

— Графъ Турбинъ! сказалъ онъ прерывистымъ голосомъ.

— Что ты, бредишь или нѣтъ? спокойно отозвался графъ — Что корнетъ Полозовъ?

— Графъ Турбинъ! вы подлецъ! крикнулъ Полозовъ и вскочилъ съ постели.

XV.

На другой день эскадронъ выступилъ. Офицеры не видали хозяевъ и не простились съ ними. Между собой они тоже не говорили. По приходѣ на первую дневку предположено было драться. Но ротмистръ Шульдъ, добрый товарищъ, отличнѣйшій фздокъ, любимый всѣми въ полку и выбранный графомъ въ секунданты, такъ успѣлъ уладить это дѣло, что не только не дрались, но никто въ полку не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, и даже Турбинъ и Полозовъ, хотя не въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, но остались на «ты» и встрѣчались за обѣдами и за партіями.

ТРИ СМЕРТИ.

РАЗСКАЗЪ.

ТРИ СМЕРТИ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Была осень. По большой дорогѣ скорой рысью ѣхали два экипажа. Въ передней каретѣ сидѣли двѣ женщины. Одна была госпожа, худая и блѣдная. Другая — горничная, глянцовито-румяная и полная. Короткіе сухіе волосы выбивались изъ подъ полинявшей шляпки, красная рука въ прорванной перчаткѣ порывисто поправляла ихъ. Высокая грудь, покрытая ковровымъ платкомъ, дышала здоровьемъ, быстрые черные глаза, то слѣдили черезъ окно за убѣгающими полями, то робко взглядывали на госпожу, то безпокойно окидывали углы кареты. Передъ носомъ горничной, качалась привѣшенная къ сѣткѣ барынина шляпка, на колѣняхъ ея лежалъ щенокъ, ноги ея поднимались отъ шкатулокъ, стоявшихъ на полу и чуть слышно подбарабанивали по нимъ подъ звукъ тряски рессоръ и побрякиванья стеколъ.

Сложивъ руки на колѣняхъ и закрывъ глаза, госпожа слабо покачивалась на подушкахъ, заложенныхъ ей за спину и, слегка наморщившись, внутренно покашливала. На головѣ ея былъ бѣлый ночной чепчикъ и голубая косыночка, завязанная на нѣжной, блѣдной шеѣ. Прямой рядъ, уходя подъ чепчикъ, раздѣлялъ русые, чрезвычайно плоскіе напомаженные волосы, и было что то сухое, мертвенное въ бѣлизнѣ кожи этого просторнаго рада. Вялая, нѣсколько желтоватая кожа не плотно обтягивала тонкія и красивыя очертанія лица и краснѣлась на щекахъ и скулахъ. Губы были сухи и беспокойны, рѣдкія рѣсницы не курчавились, и дорожный суконый капотъ дѣлалъ прямые складки на впалой груди. Не смотря на то, что глаза были закрыты, лице госпожи выражало усталость, раздраженіе и привычное страданье.

Лакей, облокотившись на свое кресло, дремалъ на козлахъ, почтовый ящикъ, покрикивая бойко, гналъ крупную потную четверку, изрѣдка оглядываясь на другаго ящика, покрикивавшаго сзади

въ лоляскѣ. Паралельные широкіе слѣды шинъ ровно и шибко стлались по известковой грязи дороги. Небо было сѣро и холодно, сырая мгла сыпалась на поля и дорогу. Въ каретѣ было душно и пахло одеколономъ и пылью. Больная потянула назадъ голову и медленно открыла глаза. Большіе глаза были блестящи и прекраснаго темнаго цвѣта.

— Опять, сказала она, нервически отталкивая красивой худощавой рукой конецъ салона горничной, чуть чуть прикасавшійся къ ея ногѣ, — и ротъ ея болѣзненно изогнулся. Матреша подобрала обѣими руками салонъ, приподнялась на сильныхъ ногахъ и сѣла дальше. Свѣжее лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. Прекрасные темные глаза больной жадно слѣдили за движеніями горничной. Госпожа уперлась обѣими руками о сидѣнье и также хотѣла приподняться, чтобъ подсесть выше; но силы отказали ей. Ротъ ея изогнулся, и все лицо ея исказилось выраженіемъ безсильной, злой ироніи. «Хоть-бы ты помогла мнѣ!...» «Ахъ! не нужно! Я сама могу, только не клади за меня свои какіе-то мѣшки, сдѣлай милость!»... «Да ужь не трогай лучше, коли ты не умѣешь!» Госпожа закрыла глаза и, снова быстро поднявъ вѣки, взглянула на горничную. Матреша, глядя на нее, кусала нижнюю красную губу. Тяжелый вздохъ поднялся изъ груди больной, но вздохъ, не кончившись, превратился въ кашель. Она отвернулась, сморщилась и обѣими руками схватилась за грудь. Когда кашель прошелъ, она снова закрыла глаза и продолжала сидѣть неподвижно. Карета и коляска вѣхали въ деревню. Матреша высунула толстую руку изъ-подъ платка и перекрестилась.

— Что это? спросила госпожа.

— Станція, сударыня.

— Что жъ ты крестишься, я спрашиваю?

— Церковь, сударыня.

Больная повернулась къ окну и стала медленно креститься, глядя во всѣ большіе глаза на

большую деревенскую церковь, которую объѣзжала карета больной.

Карета и коляска вмѣстѣ остановились у станціи. Изъ коляски вышли мужъ больной женщины и докторъ и подошли къ каретѣ.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ докторъ, щупая пульсъ.

— Ну, какъ ты, мой другъ, не устала? спросилъ мужъ по-французски—не хочешь ли выдти? Матреша, подобравъ узелки, жалась въ уголь, чтобы не мѣшать разговаривать.

— Ничего, тоже самое, отвѣчала больная. Я не выйду. Мужъ, постоявъ немного, вошелъ въ станціонный домъ, Матреша, выскочивъ изъ кареты, на ципочкахъ побѣжала по грязи въ ворота.

— Коли мнѣ плохо, это не резонъ, чтобы вамъ не завтракать, — слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоялъ у окна.

— Никому имъ до меня дѣла нѣтъ, прибавила она про себя, какъ только докторъ, тихимъ шагомъ отойдя отъ нея, рысью взбѣжалъ на ступени станціи. Имъ хорошо, такъ и все равно. О! Боже жой!

— Ну что, Эдуардъ Ивановичъ, сказалъ мужъ, встрѣчая доктора, и съ веселой улыбкой потирая руки; — я велѣлъ погребецъ принести, вы какъ думаете насчетъ этого?

— Можно, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, что она? со вздохомъ спросилъ мужъ, понижая голосъ и поднимая брови.

— Я говорилъ, она не можетъ доѣхать не только до Италіи, до Москвы дай Богъ. Особенно по этой погодѣ.

— Такъ чтожъ дѣлать? Ахъ Боже мой! Боже мой! Мужъ закрылъ глаза рукою. — Поддай сюда, прибавилъ онъ человѣку, вносившему погребецъ.

— Оставаться надо было, пожавъ плечами, отвѣчалъ докторъ.

— Да скажите, что же я могъ сдѣлать? возразилъ мужъ;—вѣдь я употребилъ все, чтобы удерживать ее, я говорилъ и о средствахъ, и о дѣтяхъ, которыхъ мы должны оставить, и о моихъ дѣлахъ, — она ничего слышать не хочетъ. Она дѣлаетъ планы о жизни за границей, какъ бы здоровая. А сказать ей о ея положеніи, вѣдь это значило бы убить ее.

— Да она уже убита, вамъ надо знать это, Василій Дмитричъ. Человѣкъ не можетъ жить, когда у него нѣтъ легкихъ, и легкія опять вырасти не могутъ. Грустно, тяжело, но чтожъ дѣлать? Наше и ваше дѣло только въ томъ, чтобы конецъ ея былъ сколь возможно спокоенъ. Тутъ духовникъ нуженъ.

— Ахъ, Боже мой! да вы поймите мое положеніе, напоминая ей о послѣдней волѣ. Пусть будетъ, что будетъ, а я не скажу ей этого. Вѣдь вы знаете, какъ она добра...

— Все-таки попробуйте уговорить ее остаться до зимняго пути, сказалъ докторъ, значительно

покачивая головой, а то дорогой можетъ быть худо...

— Аксюша, а Аксюша! визжала смотрительская дочь, накинувъ на голову кацавейку и топчась на грязномъ заднемъ крыльцѣ; — пойдемъ, Ширкинскую барыню посмотримъ, говорятъ, отъ грудной болѣзни за границу везутъ. Я никогда еще не видела, какія въ чахоткѣ бываютъ.

Аксюша выскочила на порогъ, и обѣ, схватившись за руки, побѣжали за ворота. Уменьшивъ шагъ, онѣ прошли мимо кареты и заглянули въ опущенное окно. Больная повернула къ нимъ голову; но, замѣтивъ ихъ любопытство, нахмурилась и отвернулась.

— Мм-а-тушки! сказала смотрительская дочь, быстро оборачивая голову. Какая была красавица чудная, нынче что стало? Страшно даже. Видѣла, видѣла, Аксюша?

— Да, какая худая! поддакивала Аксюша. Пойдемъ еще посмотримъ, будто къ колодцу. Вишь отвернулась, а я еще видѣла. Какъ жалко, Маша.

— Да и грязь же какая! отвѣчала Маша, — и обѣ побѣжали назадъ въ ворота.

— Видно я страшна стала, думала больная. Только бы поскорѣй, поскорѣй за границу, тамъ я скоро поправлюсь.

— Что, какъ ты, мой другъ? сказалъ мужъ, подходя къ каретѣ и прожевывая кусокъ.

— Все одинъ и тотъ же вопросъ, подумала больная, а самъ ѣстъ! Ничего, пропустила она сквозь зубы.

— Знаешь ли, мой другъ, я боюсь, тебѣ хуже будетъ отъ дороги въ эту погоду, и Эдуардъ Ивановичъ тоже говорить. Не вернуться ли намъ?

Она сердито молчала.

— Погода поправится, можетъ быть путь установится, и тебѣ бы лучше стало; мы бы и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Извини меня. Ежели бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь въ Берлинѣ и была бы совсѣмъ здорова.

— Чтожъ дѣлать, мой ангелъ, невозможно было, ты знаешь. А теперь, ежели бы ты осталась на мѣсяцъ, ты бы славно поправилась, а бы кончилъ дѣла и дѣтей бы мы взяли...

— Дѣти здоровы, а я нѣтъ.

— Да вѣдь пойми, мой другъ, что съ этой погодой, ежели тебѣ сдѣлается хуже дорогой... тогда, по крайней мѣрѣ, дома.

— Чтожъ что дома?... Умереть дома? всплывчиво отвѣчала больная. Но слово *умереть*, видимо испугало ее, она умоляюще и вопросительно посмотрѣла на мужа. Онъ опустилъ глаза и молчалъ. Ротъ больной вдругъ дѣтски изогнулся, и слезы полились изъ ея глазъ. Мужъ закрылъ лицо платкомъ и, молча, отошелъ отъ кареты.

— Нѣтъ, я поѣду, сказала больная, подняла глаза къ небу, сложила руки и стала шептать несвязныя слова. Боже мой! за что же? говорила она, и слезы лились сильнѣе. Она долго и горячо

молилась, но въ груди также было больно и тѣсно, въ небѣ, въ поляхъ и по дорогѣ было также сѣро и пасмурно, и таже осенняя мгла, ни чаще, ни рѣже, а все также сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиковъ, которые, переговариваясь сильными, веселыми головами, мазали и закладывали карету...

II.

Карета была заложена; но ямщикъ мѣшкалъ. Онъ зашелъ въ ямскую избу. Въ избѣ было жарко, душно, темно и тяжело, пахло жильемъ, печенымъ хлѣбомъ, капустой и овчиной. Нѣсколько человѣкъ ямщиковъ было въ горницѣ, кухарка возилась у печи, на печи въ овчинахъ лежалъ больной.

— Дядя Хведоръ! а дядя Хведоръ, сказалъ молодой парень, ямщикъ въ тулупѣ и съ кнутомъ за поясомъ, входя въ комнату и обращаясь къ больному.

— Ты чаво, шабала, Федьку спрашиваешь? отозвался одинъ изъ ямщиковъ; вишь тебя въ карету ждутъ.

— Хочу сапогъ попросить; свои избилъ, отвѣчалъ парень, вскидывая волосами и оправляя рукавицы за поясомъ. Аль спать? А дядя Хведоръ? повторилъ онъ, подходя къ печи.

— Чаво? послышался слабый голосъ, и рыжее худое лицо нагнулось съ печи. Широкая, исхудалая и поблѣднѣвшая рука, покрытая волосами, натягивала армякъ на острое плечо въ грязной рубахѣ. Дай испить, братъ, ты чаво?

Парень подаль ковшикъ съ водой.

— Да что, Федя, сказалъ онъ, переминаясь, тебѣ, чай, сапогъ новыхъ не надо теперь; отдай мнѣ, ходить чай не будешь.

Больной, припавъ усталой головой къ глянцовитому ковшу и мокая рѣдкіе, отвисшіе усы въ темной водѣ, слабо и жадно пилъ. Спутанная борода его была не чиста, впалые, тусклые глаза съ трудомъ поднялись на лицо парня. Отставъ отъ воды, онъ хотѣлъ поднять руку, чтобы отереть мокрыя губы, но не могъ, и отерся о рукавъ армяка. Молча и тяжело дыша носомъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза парню, собираясь съ силами.

— Може ты кому пообѣщалъ уже, сказалъ парень, такъ даромъ. Главное дѣло, мокреть на дворѣ, а мнѣ съ работой ѣхать, я и подумалъ себѣ, дай у Федьки сапогъ попрошу, ему, чай, не надо. Може тебѣ самому надобны, ты скажи...

Въ груди больного что-то стало переливаться и бурчать; онъ перегнулся и сталъ давиться горловымъ, неразрѣшавшимся кашлемъ.

— Ужъ гдѣ надобны, неожиданно сердито на всю избу затрещала кухарка; второй мѣсяцъ съ печи не слѣзаетъ. Вишь надрывается, даже у самой

внутренность болить, какъ слышишь только. Гдѣ ему сапоги надобны? Въ новыхъ сапогахъ хоронить не стануть. А ужъ давно пора, прости Господи согрѣшеніе. Вишь надрывается. Либо перевести его чтоль въ избу въ другую или куда! Такія больницы, слышь, въ городу есть; а то развѣ дѣло, занялъ весь уголь, да и шабашъ. Нѣтъ тебѣ простору никакого. А тоже чистоту спрашиваютъ.

— Эй, Серега! иди, садись, господа ждутъ, крикнулъ въ дверь почтовый староста.

Серега хотѣлъ уйти, не дождавшись отвѣта, но больной глазами, во время кашля, давалъ ему знать, что хочетъ отвѣтить.

— Ты сапоги возьми, Серега, сказалъ онъ, подавивъ кашель и отдохнувъ немного. Только, слышь, камень купи, какъ помру, хрипя, прибавилъ онъ.

— Спасибо дядя, такъ я возьму, а камень, ей-ей, куплю.

— Вотъ ребята, слышали, могъ выговорить еще больной и снова перегнулся внизъ и сталъ давиться.

— Ладно, слышали, сказалъ одинъ изъ ямщиковъ, иди, Серега, садись, а то вонъ опять староста бѣжитъ. Барыня вишь Ширкинская больная.

Серега живо скинулъ свои прорванные, несоразмѣрно большіе сапоги и швырнулъ подъ лавку. Новые сапоги дяди Федора пришлись какъ разъ по ногамъ, и Серега, поглядывая на нихъ, вышелъ къ каретѣ.

— Экъ сапоги важные! дай, помажу, сказалъ ямщикъ съ помазкою въ рукѣ, въ то время, какъ Серега, влѣзая на козлы, подбиралъ возжи. Даромъ отдалъ?

— Аль завидно, отвѣчалъ Серега, приподнимаясь и повертывая около ногъ полы армяка. — Пуцай! Эхъ вы, любезныя, крикнулъ онъ на лошадей, взмахнувъ кнутикомъ; и карета и коляска съ своими сѣдоками, чемоданами и важами, скрываясь въ сѣромъ осеннемъ туманѣ, шибко покатились по мокрой дорогѣ.

Больной ямщикъ остался въ душной избѣ на печи и, не выкашлявшись, черезъ силу перевернулся на другой бокъ и затихъ. — Въ избѣ до вечера приходили, уходили, обѣдали, — больного было не слышно. Передъ ночью, кухарка влѣзла на печь и черезъ его ноги достала тулупъ.

— Ты на меня не серчай, Настасья, проговорилъ больной, — скоро опростаю уголь-то твой.

— Ладно, ладно, чтожъ, ничаво, пробормотала Настасья. — Да что у тебя болить-то, дядя. Ты скажи.

— Нутро все изныло. Богъ его знаетъ что.

— Небось, и глотка болить, какъ кашляешь?

— Вездѣ больно. Смерть моя пришла — вотъ что. Охъ, охъ, охъ! простоналъ больной.

— Ты ноги-то укрой вотъ такъ, сказала Настасья, по дорогѣ натягивая на него армякъ и слѣзая съ печи.

Ночью въ избѣ слабо свѣтилъ ночникъ. Настасья и человѣкъ 10 ямщиковъ съ громкимъ храпомъ

спали на полу и по лавкамъ. Одинъ больной слабо кряхтѣлъ, кашлялъ и ворочался на печи. Къ утру онъ затихъ совершенно.

— Чудно что-то я нынче во снѣ видѣла, говорила кухарка, въ полусвѣтѣ потягиваясь на другое утро. Вижу я, будто дядя Хведоръ съ печи слѣзъ и пошелъ дрова рубить. Дай, говоритъ, Настя, я тебѣ подсоблю; а я ему говорю — куда ужъ тебѣ дрова рубить, а онъ какъ схватитъ топоръ, да и почнетъ рубить, такъ шибко, шибко, только щепки летятъ. Что-жъ, я говорю, ты вѣдь боленъ былъ. Нѣтъ, говоритъ я здоровъ, да какъ замахнется, на меня страхъ и нашелъ. Какъ я закричу, и проснулась. — Уже не померъ-ли? Дядя Хведоръ! а дядя! — Федоръ не откликался.

— И то не померъ-ли? Пойти посмотрѣть, сказалъ одинъ изъ проснувшихся ямщиковъ.

Свисшая съ печи худая рука, покрытая рыжеватыми волосами, была холодна и блѣдна.

— Пойти смотрителю сказать, какъ-ся, померъ; сказалъ ямщикъ.

Родныхъ у Федора не было — онъ былъ дальній. На другой день его похоронили на новомъ кладбищѣ за рощей, и Настасья нѣсколько дней рассказывала всѣмъ про сонъ, который она видѣла и про то, что она первая хватилась дяди Федора.

III.

Пришла весна. По мокрымъ улицамъ города, между навозными льдинками, журчали торопливые ручьи; цвѣта одеждъ и звуки говора движущагося народа были ярки. Въ садикахъ за заборами пухнули почки деревь, и вѣтви ихъ чуть слышно покачивались отъ свѣжаго вѣтра. Вездѣ лились и капали прозрачныя капли... Воробьи нескладно подпискивали и подпархивали на своихъ маленькихъ крыльяхъ. На солнечной сторонѣ, на заборахъ, домахъ и деревьяхъ, все двигалось и блестѣло. Радостно, молодо было и на небѣ, и на землѣ, и въ сердцѣ человѣка.

На одной изъ главныхъ улицъ, передъ большимъ барскимъ домомъ, была послана свѣжая солома; въ домѣ была та самая умирающая больная, которая спѣшила за-границу.

У затворенныхъ дверей комнаты стояли мужъ больной и пожилая женщина. — На диванѣ сидѣлъ священникъ, опустивъ глаза и держа что-то завернутымъ въ эпитрахили. Въ углу, въ вольтеровскомъ креслѣ, лежала старушка — мать больной, и горько плакала. Подлѣ нея горничная держала на рукѣ чистый носовой платокъ, дожидаясь, чтобы старушка спросила его; другая чѣмъ-то терла виски старушки и дула ей подъ чепчикъ въ сѣдую голову.

— Ну, Христосъ съ вами, мой другъ, говорилъ мужъ пожилой женщинѣ, стоявшей съ нимъ у двери, — она такое имѣетъ довѣріе къ вамъ, вы такъ умѣете говорить съ ней, уговорите ее хоро-

шенько, голубушка, идите-же. Онъ хотѣлъ уже отворить ей дверь; но кухня удержала его, приложила нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ и встряхнула головой. — Вотъ теперь, кажется, я не заплакана, сказала она, и, сама отворивъ дверь, прошла въ нее.

Мужъ былъ въ сильномъ волненіи и казался совершенно растерянъ. Онъ направился было къ старушкѣ; но, не дойдя нѣсколько шаговъ, повернулся, прошелъ по комнатѣ и подошелъ къ священнику. Священникъ посмотрѣлъ на него, поднялъ брови къ небу и вздохнулъ. Густая съ просѣдью борода тоже поднялась кверху и опустилась.

— Боже мой! Боже мой! сказалъ мужъ.

— Что дѣлать? вздыхая сказалъ священникъ, — и снова брови и борода его поднялись кверху и опустились.

— И матушка тутъ! почти съ отчаяньемъ сказалъ мужъ. Она не вынесетъ этого. Вѣдь такъ любить, такъ любить ее, какъ она... я не знаю. Хотя бы вы, батюшка, попытались успокоить ее и уговорить уйти отсюда.

Священникъ всталъ и подошелъ къ старушкѣ.

— Точно-съ, материнское сердце никто оцѣнить не можетъ, сказалъ онъ, однако Богъ милосердъ.

Лице старушки вдругъ стало все подергиваться и съ ней сдѣлалась истерическая икота.

— Богъ милосердъ, продолжалъ священникъ, когда она успокоилась немного. Я вамъ доложу, въ моемъ приходѣ, былъ одинъ больной, много хуже Марьи Дмитревны, и что же, простой мѣщанинъ травами вылечилъ въ короткое время. И даже мѣщанинъ этотъ самый теперь въ Москвѣ. Я говорилъ Василью Дмитриевичу — можно бы испытать. По крайности, утѣшеніе для больной бы было. Для Бога все возможно.

— Нѣтъ, уже ей не жить, проговорила старушка; чѣмъ бы меня, а ее Богъ беретъ. И истерическая икота усилилась такъ, что чувства оставили ее.

Мужъ больной закрылъ лицо руками и выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ корридорѣ первое лицо, встрѣтившее его, былъ шести-лѣтній мальчикъ, во весь духъ догнавшій младшую дѣвочку.

— Чтожъ дѣтей то, не прикажете къ мамашѣ сводить? спросила няня.

— Нѣтъ, она не хочетъ ихъ видѣть. Это разстроить ее.

Мальчикъ остановился на минуту, пристально всматриваясь въ лицо отца, и вдругъ подбрыкнулъ ногой и съ веселымъ крикомъ побѣжалъ дальше. — Это она будто-бы ворона, папаша! прокричалъ мальчикъ, указывая на сестру.

Между тѣмъ, въ другой комнатѣ, кухня сидѣла подлѣ больной, и искусно веденнымъ разговоромъ, старалась приготовить ее къ мысли о смерти. Докторъ у другаго окна мѣшалъ питье.

Больная, въ бѣломъ капотѣ, вся обложенная

подушками, сидѣла на постели и молча смотрѣла на кухню.

— Ахъ, мой другъ, сказала она, неожиданно перебивая ее, не приговаривайте меня. Не считайте меня за дитя. Я христіанка. Я все знаю. Я знаю, что мнѣ жить недолго, я знаю, что ежели бы мужъ мой раньше послушалъ меня, я бы была въ Италіи, и, можетъ быть, даже навѣрно, была бы здорова. Это всѣ ему говорили. Но что жъ дѣлать, видно Богу было такъ угодно. На всѣхъ насъ много грѣховъ, я знаю это; но надѣюсь на милость Бога, всѣмъ простится, должно быть всѣмъ простится. Я стараюсь понять себя. И на мнѣ было много грѣховъ, мой другъ. Но за то, сколько я страдала. Я старалась сносить съ терпѣньемъ свои страданья...

— Такъ позвать батюшку, мой другъ? вамъ будетъ еще легче простившись, сказала кухня.

Больная нагнула голову въ знакъ согласія. — Боже! прости меня грѣшную, прощентала она.

Кухина вышла и мигнула батюшкѣ. — Это ангелъ! сказала она мужу, съ слезами на глазахъ. Мужъ заплакалъ, священникъ прошелъ въ дверь, старушка все еще была безъ памяти, и въ первой комнатѣ стало совершенно тихо. Черезъ пять минутъ священникъ вышелъ изъ двери и, снявъ эпитрахиль, оправилъ волосы. — Слава Богу, онѣ спокойнѣе теперь, сказалъ онъ, желаютъ васъ видѣть.

Кухина и мужъ вышли. Больная тихо плакала, глядя на образъ.

— Поздравляю тебя, мой другъ, сказалъ мужъ.

— Благодарствуй! Какъ мнѣ теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю, говорила больная, — и легкая улыбка играла на ея тонкихъ губахъ. Какъ Богъ милостивъ! Неправда-ли? Онъ милостивъ и всемогущъ! И она снова съ жадной мольбой смотрѣла полными слезъ глазами на образъ.

Потомъ вдругъ какъ будто что то вспомнилось ей. Она знаками подозвала къ себѣ мужа.

— Ты никогда не хочешь сдѣлать, что я прошу, сказала она слабымъ и недовольнымъ голосомъ...

Мужъ, вытянувъ шею, покорно слушалъ ее.

— Что, мой другъ?

— Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ, есть простыя лекарки, онѣ лечиваютъ... Вотъ батюшка говорилъ... мѣщанинъ... Пошли.

— За кѣмъ, мой другъ?

— Боже мой, ничего не хочетъ понимать... И больная сморщилась и закрыла глаза.

Докторъ, подойдя къ ней, взялъ ее за руку. Пульсъ замѣтно бился слабѣе и слабѣе. Онъ мигнулъ мужу. Больная замѣтила этотъ жестъ и испуганно оглянулась. Кухина отвернулась и заплакала.

— Не плачь, не мучь себя и меня, говорила больная, это отнимаетъ у меня послѣднее спокойствіе.

— Ты ангелъ! сказала кухня, цѣлуя ея руку.

— Нѣтъ, сюда поцѣлуй, только мертвыхъ цѣлуютъ въ руку. Боже мой! Боже мой!

Въ тотъ же вечеръ больная уже была тѣло, и тѣло въ гробу стояло въ залѣ большого дома. Въ большой комнатѣ съ затворенными дверями сидѣлъ одинъ дьячекъ и въ носъ, мѣрнымъ голосомъ, читалъ пѣсни Давида. Яркій восковой свѣтъ съ высокихъ серебрянныхъ подсвѣчников падалъ на блѣдный лобъ усопшей, на тяжелыя восковыя руки и окаменѣлыя складки покрыва, страшно поднимающагося на колѣняхъ и пальцахъ ногъ. Дьячекъ, не понимая своихъ словъ, мѣрно читалъ, и въ тихой комнатѣ странно звучали и замирали слова. Изрѣдка изъ дальней комнаты долетали звуки дѣтскихъ голосовъ и ихъ топота.

«Сокроешь лицо Твое — смущаются, гласилъ псалтырь, возьмешь отъ нихъ духъ — умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой — созидаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава во вѣки.»

Лицо усопшей было строго и величаво. Ни въ чистомъ холодномъ лбѣ, ни въ твердо сложенныхъ устахъ ничто не двигалось. Она вся была вниманіе. Но понимала ли она хоть теперь великія слова эти?

IV.

Черезъ мѣсяцъ, надъ могилой усопшей воздвиглась каменная часовня. Надъ могилой ямщика все еще не было камня, и только свѣтлозеленая трава пробивалась надъ бугоркомъ, служившимъ единственнымъ признакомъ прошедшаго существованія челоука.

— А грѣхъ тебѣ будетъ, Серега, говорила разъ кухарка на станціи, коли ты Хведору камня не купишь. То говорилъ зима, зима, а нынче что жъ слова не держишь? Вѣдь при мнѣ было. Онъ ужъ приходилъ къ тебѣ разъ просить, не купишь, еще разъ придетъ, душить станетъ.

— Да что, я развѣ отрекаюсь, отвѣчалъ Серега, я камень куплю, какъ сказалъ куплю, въ полтора цѣлковыхъ куплю. Я не забылъ, да вѣдь привезть надо. Какъ случай въ городъ будетъ, такъ и куплю.

— Ты бы хошь крестъ поставилъ, вотъ что, отозвался старый ямщикъ, а то впрямь дурно. Сапоги-то носишь.

— Гдѣ его возьмешь крестъ-то? изъ полѣна не вытешешь?

— Что говоришь-то? Изъ полѣна не вытешешь, возьми топоръ, да въ рошу пораньше сходи, вотъ и вытешешь. Ясенку ли, что ли срубишь. Вотъ и голубецъ будетъ. А то поди еще объѣздчика пой водкой. За всякой дрянью поить не наготовишься. Вонъ я наемни вагу сломалъ, новую вырубилъ важную, никто слова не сказалъ.

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рошу.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснилъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами, сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева, или шелеста по землѣ, нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся, и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномерно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ мокушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочные бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрог-

нуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свиснула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя поблѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянные, щебетали что-то счастливое, сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страни.
1. ДѢТСТВО. Повѣсть	7.
2. ОТРОЧЕСТВО. Повѣсть	49.
3. ЮНОСТЬ. Повѣсть.	83.
4. УТРО ПОМѢЩИКА. Повѣсть.	149.
5. ЗАПИСКИ МАРКЕРА. Разсказъ.	173.
6. «ЛЮЦЕРНЪ». Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова.	183.
7. АЛЬВЕРТЪ. Разсказъ.	195.
8. ДВА ГУСАРА. Повѣсть	209.
9. ТРИ СМЕРТИ. Разсказъ.	235.

OF THE BUREAU

1	General Introduction
2	Organization of the Bureau
3	Functions of the Bureau
4	Methods of Work
5	Results of the Work
6	Conclusions
7	Appendix
8	Index
9	Bibliography
10	Summary

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе и собственность Θ. Стелловскаго,
поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 13-го Мая 1864 года.

Въ типографіи **Θ. Стелловскаго**, поставщика Двора Его Императорскаго Величества.

ЧАСТЬ II.

И ДУОАР

НАБЪГЪ.

РАЗСКАЗЪ ВОЛОНТЕРА.

НАБѢГЪ

РАЗСКАЗЪ ВОЛОНТЕРА.

I.

Двѣнадцатаго іюля, капитанъ Хлоповъ, въ эпo-летахъ и шашкѣ — форма, въ которой со времени моего пріѣзда на Кавказъ я еще не видалъ его — вошелъ въ низкую дверь моей землянки.

— Я прямо отъ полковника, сказалъ онъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ, которымъ я его встрѣтилъ: — завтра батальонъ нашъ выступаетъ.

— Куда? спросилъ я.

— Въ NN. Тамъ назначенъ сборъ войскамъ.

— А оттуда, вѣрно, будетъ какое нибудь движеніе?

— Должно быть.

— Куда же? какъ вы думаете?

— Чтò думать? я вамъ говорю, что знаю. Прискакалъ вчера ночью татаринъ отъ генерала — привезъ приказъ, чтобы батальону выступать и взять съ собою на два дня сухарей; а куда, зачѣмъ, на долго ли? этого, батюшка, не спрашиваютъ: велѣно итти и — довольно.

— Однако, если сухарей берутъ только на два дня, стало, и войска продержатъ не долѣе.

— Ну, это еще ничего не значитъ...

— Да какъ же такъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ же! Въ Дарги ходили, на недѣлю сухарей взяли, а пробыли чуть не мѣсяцъ!

— А мнѣ можно будетъ съ вами итти? спросилъ я, помолчавъ немного.

— Можно-то можно, да мой совѣтъ лучше не ходить. Изъ чего вамъ рисковать?...

— Нѣтъ ужъ, позвольте мнѣ не послушаться вашего совѣта: я цѣлый мѣсяцъ жилъ здѣсь только за-тѣмъ, чтобы дожидаться случая видѣть дѣло, — и вы хотите, чтобы я пропустилъ его.

— Пожалуй, идите; только, право, не лучше ли бы вамъ остаться? Вы бы тутъ насъ подождали, охотились бы; а мы бы пошли съ Богомъ. И славно бы! сказалъ онъ такимъ убѣдительнымъ тономъ, что мнѣ въ первую минуту дѣйствительно показалось, что это было бы славно; однако я рѣши-тельно сказалъ, что ни за чтò не останусь.

— И чего вы не видали тамъ? продолжалъ убѣ-ждать меня капитанъ. — Хочется вамъ узнать, ка-кія сраженія бываютъ? прочтите Михайловскаго-Данилевскаго «Описаніе войны» — прекрасная кни-га: тамъ все подробно описано — и гдѣ какой кор-пусъ стоялъ, и какъ сраженія происходятъ.

— Напротивъ, это-то меня и не занимаетъ от-вѣчалъ я.

— Ну, такъ чтò же? вамъ, просто, хочется, вид-но, посмотрѣть, какъ людей убиваютъ?... Вотъ, въ тридцать-второмъ году, былъ тутъ тоже неслужа-щій какой-то, изъ испанцевъ, кажется. Два похо-да съ нами ходилъ, въ синемъ плащѣ въ какомъ-то... таки ухлопали молодца. Здѣсь, батюшка, ни-кого не удивить.

Какъ мнѣ не совѣстно было, что капитанъ такъ дурно объяснялъ мое намѣреніе, я и не покушал-ся разуверять его.

— Чтò, онъ храбрый былъ? спросилъ я его.

— А Богъ его знаетъ: все, бывало, впереди ѣздить; гдѣ перестрѣлка, тамъ и онъ.

— Такъ, стало быть, храбрый, сказалъ я.

— Нѣтъ, это не значитъ храбрый, что суется туда, гдѣ его не спрашиваютъ...

— Чтò же вы называете храбрымъ?

— Храбрый? храбрый? повторилъ капитанъ съ видомъ челоуѣка, которому въ первый разъ пред-ставляется подобный вопросъ: — *храбрый тотъ, который ведетъ себя какъ смѣдуетъ*, сказалъ онъ, подумавъ немного.

Я вспомнилъ, что Платонъ опредѣляетъ храбрость знаніемъ того, чего нужно и чего не нужно бояться, и, несмотря на общность и неясность выраженія въ опредѣленія капитана, я подумалъ, что основная мысль обоихъ не такъ различна, какъ могло бы показаться, и что даже опредѣленіе ка-питана вѣрнѣе опредѣленія греческаго философа, потому что, если бы онъ могъ выражаться такъ же, какъ Платонъ, онъ, вѣрно, сказалъ бы, что храбръ тотъ, кто боится только того, *чего смѣдуетъ бояться*, а не того, *чего не нужно бояться*.

Мнѣ хотѣлось объяснить свою мысль капитану.

— Да, сказалъ я: — мнѣ кажется, что въ каж-

дой опасности есть выборъ, и выборъ, сдѣланный подъ вліяніемъ, на примѣръ, чувства долга, есть храбрость, а выборъ, сдѣланный подъ вліяніемъ низкаго чувства — трусость: поэтому человѣка, который изъ тщеславія, или изъ любопытства, или изъ алчности рискуетъ жизнію, нельзя назвать храбрымъ, и, наоборотъ, человѣка, который, подъ вліяніемъ честнаго чувства семейной обязанности или просто убѣжденія, откажется отъ опасности, нельзя назвать трусомъ.

Капитанъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ смотрѣлъ на меня въ то время, какъ я говорилъ.

— Ну ужъ этого не умѣю вамъ доказать, ска- залъ онъ, накладывая трубку: — а вотъ у насъ есть юнкеръ, такъ тотъ любитъ пофилософствовать. Вы съ нимъ поговорите. Онъ и стихи пишетъ.

Я только на Кавказѣ познакомился съ капита- номъ, но еще въ Россіи зналъ его. Мать его, Марья Ивановна Хлопова, мелкопомѣстная помѣщи- ца, живетъ въ двухъ верстахъ отъ моего имѣнія. Передъ отъѣздомъ моимъ на Кавказъ я былъ у нея: старушка очень обрадовалась, что я увижу ея Пашеньку (какъ она называла стараго, сѣдаго капитана) и — живая грамота — могу рассказать ему про ея жите-быте и передать посылочку. Накормивъ меня славнымъ пирогомъ и полотками, Марья Ивановна вышла въ свою спальню и воз- вратилась оттуда съ черной, довольно большой ла- донкой, къ которой была пришита такая же шел- ковая ленточка.

— Вотъ это Неопалимой купины наша матушка заступница, сказала она, съ крестомъ поцаловавъ изображеніе Божіей Матери и передавая мнѣ въ руки: — потрудитесь, батюшка, доставьте ему. Ви- дите ли: какъ онъ поѣхалъ на *Капказъ*, я отслужи- ла молебень и дала обѣщаніе, коли онъ будетъ живъ и невредимъ, заказать этотъ образокъ Бо- жіей Матери. Вотъ ужъ восемнадцать лѣтъ, какъ Заступница и угодники святые милуютъ его: ни разу раненъ не былъ, а ужъ въ какихъ, кажется, сраженіяхъ не былъ... Какъ мнѣ Михайло, что съ нимъ былъ, поразказалъ, такъ, вѣрите ли, во- лось дыбомъ становится. Вѣдь я что и знаю про него, такъ только отъ чужихъ: онъ мнѣ, мой го- лубчикъ, ничего про свои походы не пишетъ — ме- ня напугать боится.

(Уже на Кавказѣ я узналъ, и то не отъ капи- тана, что онъ былъ четыре раза тяжело раненъ, и, само собою разумѣется, какъ о ранахъ, такъ и о походахъ ничего не писалъ своей матери).

— Такъ пусть теперь онъ это святое изображе- ніе на себѣ носить, продолжала она: — я его имъ благословляю. Заступница Пресвятая защититъ его! Особенно въ сраженіяхъ, чтобы онъ всегда его на себѣ имѣлъ. Такъ и скажи, мой батюшка, что мать твоя такъ тебѣ велѣла.

Я обѣщался въ точности исполнить порученіе.

— Я знаю, вы его полюбите моего Пашеньку, продолжала старушка: — онъ такой славный! Вѣ- рите ли, году не проходитъ, чтобы онъ мнѣ де-

негъ не присылалъ, и Аннушкѣ, моей дочери, то- же много помогаетъ; а все изъ одного жалованья! Истинно вѣкъ благодарю Бога, заключила она, со слезами на глазахъ: — что далъ онъ мнѣ та- кое дитя.

— Часто онъ вамъ пишетъ? спросилъ я.

— Рѣдко, батюшка: нечто въ годъ разъ, и то когда съ деньгами, такъ словечко напишетъ, а то нѣтъ. Ежели, говорить, маменька, я вамъ не пи- шу, значитъ живъ и здоровъ; а коли что, избави Богъ, случится, такъ и безъ меня напишутъ.

Когда я отдалъ капитану подарокъ матери (это было на моей квартирѣ), онъ попросилъ оберточ- ной бумажки, тщательно завернулъ его и спря- талъ. Я много говорилъ ему о подробностяхъ жиз- ни его матери: капитанъ молчалъ. Когда я кон- чилъ, онъ отошелъ въ уголъ и что-то очень дол- го накладывалъ трубку.

— Да, славная старуха! сказалъ онъ оттуда, нѣ- сколько глухимъ голосомъ: — приведетъ ли еще Богъ свидѣться.

Въ этихъ простыхъ словахъ выражалось очень много любви и печали.

— Зачѣмъ вы здѣсь служите? сказалъ я.

— Надо же служить, отвѣчалъ онъ съ убѣж- деніемъ. — А двойное жалованье для нашего брата бѣднаго человѣка много значитъ.

Капитанъ жилъ бережливо: въ карты не игралъ, кутилъ рѣдко и курилъ простой табакъ, который, онъ, неизвѣстно почему, называлъ не тютюнъ, а *самбротамическій табакъ*. Капитанъ еще прежде нравился мнѣ: у него была одна изъ тѣхъ про- стыхъ, спокойныхъ русскихъ фizioномій, которымъ пріятно и легко смотрѣть прямо въ глаза; но по- слѣ этого разговора я почувствовалъ къ нему истин- ное уваженіе.

II.

Въ четыре часа утра, на другой день, капитанъ заѣхалъ за мной. На немъ были старый, истертый сюртукъ безъ эполетъ, лезгинскіе широкіе штаны, бѣлая попашка, съ опустившимся пожелтѣвшимъ курпеемъ (*), и незавидная азіятская шашка че- резъ плечо. Бѣленькій маштачекъ (**), на ко- торомъ онъ ѣхалъ, шелъ понуря голову, мелкою иноходью и безпрестанно взмахивалъ жиденькимъ хвостомъ. Несмотря на то, что въ фигурѣ добраго капитана было не только мало воинственнаго, но и красиваго, въ ней выражалось такъ много равно- душія ко всему окружающему, что она внушала невольное уваженіе.

Я ни минуты не заставилъ его дожидаться, тот- часъ сѣлъ на лошадь, и мы вмѣстѣ выѣхали за ворота крѣпости.

(*) *Курпей* на кавказскомъ нарѣчій значитъ овчина.

(**) *Маштакъ* на кавказскомъ нарѣчій значитъ небольшая лошадь.

Батальонъ былъ уже сажень двѣсти впереди насъ и казался какой-то черной, сплошной, колеблющейся массой. Можно было догадаться, что это была пѣхота, только потому, что, какъ частыя длинныя иглы, видѣлись птыки и изрѣдка долетали до слуха звуки солдатской пѣсни, барабана и прелестнаго тенора подголоска шестой роты, которымъ я не разъ восхищался еще въ укрѣпленіи. Дорога шла серединой глубокой, и широкой балки (*), подлѣ берега небольшой рѣчки, которая въ это время *ирала*, то есть была въ разливѣ. Стада дикихъ голубей вились около нея: то садились на каменный берегъ, то, поворачиваясь на воздухъ и дѣлая быстрые круги, улетали изъ вида. Солнца еще не было видно, но верхушка правой стороны балки начинала освѣщаться. Сѣрые и бѣловатые камни, желто-зеленый мохъ, покрытые росой, кусты держидерева, кизила и карагача обозначались съ чрезвычайной ясностію и выпуклостію на прозрачномъ, золотистомъ свѣтѣ восхода; зато другая сторона и лощина, покрытая густымъ туманомъ, который волновался дымчатыми, неровными слоями, были сыры, мрачны и представляли неувимую смѣсь цвѣтовъ: блѣдно-лиловаго, почти чернаго, темно-зеленаго и бѣлаго. Прямо передъ нами, на темной лазури горизонта, съ поражающей ясностію видѣлись ярко-бѣлыя, матовыя массы снѣговыхъ горъ, съ ихъ причудливыми, но до малѣйшихъ подробностей изящными тѣнями и очертаніями. Сверчки, стрекозы и тысячи другихъ насѣкомыхъ проснулись въ высокой травѣ и наполняли воздухъ своими ясными, непрерывными звуками: казалось, безчисленное множество крошечныхъ колокольчиковъ звенѣло въ самыхъ ушахъ. Въ воздухѣ пахло водой, травой, туманомъ,—однимъ словомъ, пахло раннимъ прекраснымъ лѣтнимъ утромъ. Капитанъ вырубилъ огня и закурилъ трубку; запахъ *самбромалическаго табаку* и трута показался мнѣ необыкновенно пріятнымъ.

Мы ѣхали стороною дороги, чтобы скорѣе догнать пѣхоту. Капитанъ казался задумчивѣе обыкновеннаго, не выпускалъ изо рта дагестанской трубочки и съ каждымъ шагомъ пятками подталкивалъ ногами свою лошадку, которая, перекачиваясь съ боку на бокъ, прокладывала чуть замѣтный темно-зеленый слѣдъ по мокрой высокой травѣ. Изъ подъ самыхъ ногъ ея, съ *тордоканьемъ* (**) и тѣмъ звукомъ крыльевъ, который невольно заставляетъ вздрагивать охотника, вылетѣлъ фазанъ и медленно сталъ подниматься вверхъ. Капитанъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Мы уже почти догоняли батальонъ, когда сзади насъ послышался топотъ скачущей лошади, и въ ту же минуту проскакалъ мимо очень хорошенкѣй и молоденькѣй юноша въ офицерскомъ сюртукѣ и высокой бѣлой попохѣ. Поровнявшись съ нами,

онъ улыбнулся, кивнулъ головой капитану и въмахнулъ плетью.... Я успѣлъ замѣтить только, что онъ какъ-то особенно граціозно сидѣлъ на сѣдлѣ и держалъ поводья, и что у него были прекрасные черные глаза, тонкій носикъ и едва пробивавшіеся усики. Мнѣ особенно понравилось въ немъ то, что онъ не могъ не улыбнуться, замѣтивъ, что мы любимся имъ. По одной этой улыбкѣ можно было заключить, что онъ еще очень молодъ.

— И куда скачетъ? съ недовольнымъ видомъ пробормоталъ капитанъ, не выпуская чубука изо рта.

— Кто это такой? спросилъ я его.

— Прапорщикъ Аланинъ, субалтеръ-офицеръ моей роты.... Еще только въ прошломъ мѣсяцѣ прибылъ изъ корпуса.

— Вѣрно, онъ въ первый разъ идетъ въ дѣло? сказалъ я.

— То-то и радешенекъ! отвѣчалъ капитанъ глубокомысленно покачивая головой—Молодость!

— Да какъ же не радоваться? я понимаю, что для молодаго офицера это должно быть очень интересно.

Капитанъ помолчалъ минуты двѣ.

— То-то я и говорю молодость! продолжалъ онъ басомъ.—Чему радоваться, ничего не видя! Вотъ какъ походишь часто, такъ не порадуешься. Насъ вотъ, положимъ, теперь 20 человекъ офицеровъ идетъ: кому нибудь да убитымъ или раненымъ быть—ужь это вѣрно. Нынче мнѣ, завтра ему, а послѣ-завтра третьему: такъ чему же радоваться-то?

III.

Едва яркое солнце вышло изъ-за горы и стало освѣщать долину, по которой мы шли, волнистыя облака тумана разсѣялись, и сдѣлалось жарко. Солдаты съ ружьями и мѣшками на плечахъ, медленно шагали по пыльной дорогѣ; въ рядахъ слышались изрѣдка малороссійскій говоръ и смѣхъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ, въ бѣлыхъ кителяхъ—большую частію унтеръ—офицеры—шли, съ трубками, стороною дороги и степенно разговаривали. Троичныя, навьюченные верхомъ повозки подвигались шагъ за шагомъ и поднимали густую неподвижную пыль. Офицеры верхами ѣхали впереди: иные, какъ говорится на Кавказѣ, джигитовали (*), то есть, ударяя плетью по лошади, заставляли ее сдѣлать прыжка четыре и круто останавливались, оборачивая назадъ голову; другіе занимались пѣсенниками, которые, несмотря на жаръ и духоту, неутомимо играли одну пѣсню за другою.

Сажень сто впереди пѣхоты, на большомъ бѣломъ конѣ, съ конными татарами, ѣхалъ извѣст-

(*) Балка на кавказскомъ нарѣчій значить оврагъ, ущелье.

(**) Тордоканье—крикъ фазана.

(*) Джигитъ по-кумыцки значить храбрый; передѣланное же на русскій ладъ джигитовать соответствуетъ слову «храбриться».

ный въ полку за отчаяннаго храбреца и такого человѣка, *который хоть кому правду въ глаза от- ржетъ*, высокій и красивый офицеръ въ азіатской одеждѣ. На немъ были черныя бешметы съ галунами, такія же ноговицы, новыя, плотно обтягивающія ногу чубяки съ чиразами (*), желтая черкеска и высокая, заломленная назадъ похаха. На груди и спинѣ его лежали серебряныя галуны, на которыхъ надѣты были натруска и пистолеты за спиной; другой пистолетъ и кинжалъ, въ серебряной оправѣ, висѣли на поясѣ. Сверхъ всего этого была опоясана шашка въ красныхъ сафьянныхъ ножнахъ съ галунами и надѣта черезъ плечо винтовка въ черномъ чехлѣ. По его одеждѣ, посадкѣ, манерѣ держаться и вообще по всѣмъ движеніямъ, замѣтно было, что онъ старается быть похожимъ на татарина. Онъ даже говорилъ что-то на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ татарамъ, которые ѣхали съ нимъ; но, по недоумѣвающимъ, насмѣшливымъ взглядамъ, которые бросали эти послѣдніе другъ на друга, мнѣ показалось, что они не понимаютъ его. Это былъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ, удалцовъ-джигитовъ, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрятъ на Кавказъ не иначе, какъ сквозь призму героевъ нашего времени, Мулла-Нуровъ и т. п., и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются не собственными наклонностями, а примѣромъ этихъ образцовъ.

Поручикъ, напимѣръ, любилъ, можетъ быть, общество порядочныхъ женщинъ и важныхъ людей — генераловъ, полковниковъ, адъютантовъ — даже я увѣренъ, что онъ очень любилъ это общество, потому что онъ былъ тщеславенъ въ высшей степени, — но онъ считалъ своей непремѣнной обязанностью поворачиваться своей грубой стороной ко всѣмъ важнымъ людямъ, хотя грубилъ имъ весьма умѣренно, и когда появлялась какая нибудь барыня въ крѣпости, то считалъ своей обязанностью ходить мимо ея оконъ съ кунаками (**) въ одной красной рубахѣ и однихъ чубякахъ на босую ногу и какъ можно громче кричать и браниться, — но все это не столько съ желаніемъ оскорбить ее, сколько съ желаніемъ показать, какія у него прекрасныя бѣлыя ноги и какъ можно бы было влюбиться въ него, если бы онъ самъ захотѣлъ этого. Или, часто ходя съ двумя-тремя мирными татарами по ночамъ въ горы засаживаться на дороги, чтобъ подкарауливать и убивать немирныхъ проѣзжихъ татаръ, хотя сердце не разъ говорило ему, что ничего тутъ удалаго нѣтъ, онъ считалъ себя обязаннымъ заставлять страдать людей, въ которыхъ онъ будто разочарованъ за что-то и которыхъ онъ будто бы презиралъ и ненавидѣлъ. Онъ никогда не снималъ съ себя двухъ вещей: огромнаго образа на шеѣ и кинжала сверхъ

рубашки, съ которымъ онъ даже спать ложился. Онъ искренно вѣрилъ, что у него есть враги. Увѣрить себя, что ему надо отмстить кому нибудь и кровью смыть обиду, было для него величайшимъ наслажденіемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что чувства ненависти, мести и презрѣнія къ роду человѣческому были самыя высокія поэтическія чувства. Но любовница его, черкешенка, разумѣется, — съ которой мнѣ послѣ случалось видѣться, — говорила, что онъ былъ самый добрый и кроткій человѣкъ и что каждый вечеръ онъ писалъ вмѣстѣ свои мрачныя записки, сводилъ счеты на разграфленной бумагѣ и на колѣняхъ молился Богу. И сколько онъ выстрадалъ для того, чтобы только передъ самимъ собой казаться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, потому что товарищи его и солдаты не могли понять его такъ, какъ ему хотѣлось. Разъ, въ одну изъ своихъ ночныхъ экспедицій на дорогу съ кунаками, ему случилось ранить пулей въ ногу одного немирнаго чеченца и взять его въ плѣнъ. Чеченецъ этотъ семь недѣль послѣ этого жилъ у поручика, и поручикъ лечилъ его, ухаживалъ, какъ за ближайшимъ другомъ, и, когда тотъ вылезся, съ подарками отпустилъ его. Послѣ этого, во время одной экспедиціи, когда поручикъ отступалъ съ цѣпью, отстрѣливаясь отъ непріятеля, онъ услышалъ между врагами, что кто-то его звалъ по имени, и его раненый кунакъ выѣхалъ впередъ и знаками приглашалъ поручика слѣдовать тоже. Поручикъ подѣхалъ къ своему кунаку и пожалъ ему руку. Горцы стояли поодаль и не стрѣляли; но, какъ только поручикъ повернулъ лошадь назадъ, нѣсколько человѣкъ выстрѣлили въ него, и одна пуля попала вскользь ему ниже спины. Другой разъ я самъ видѣлъ, какъ въ крѣпости, ночью, былъ пожаръ и двѣ роты солдатъ тушили его. Среди толпы, освѣщенная багровымъ пламенемъ пожара, появилась вдругъ высокая фигура человѣка на вороной лошади. Фигура расталкивала толпу и ѣхала къ самому огню. Подѣхавъ уже вплотъ, поручикъ соскочилъ съ лошади и побѣжалъ въ горящій съ одного края домъ. Черезъ пять минутъ поручикъ вышелъ отсюда съ опаленными волосами и обожженнымъ локтемъ, неся за пазухой двухъ голубковъ, которыхъ онъ спасъ отъ пламени.

Фамилія его была *Розенкранцъ*; но онъ часто говорилъ о своемъ происхожденіи, выводилъ его какъ-то отъ варяговъ и ясно доказывалъ, что онъ и предки его были чистые русскіе.

IV.

Солнце прошло половину пути и кидало сквозь раскаленный воздухъ жаркіе лучи на сухую землю. Темно-синее небо было совершенно чисто; только подошвы горъ начинали одѣваться бѣло-лиловыми облаками. Неподвижный воздухъ, казалось, былъ наполненъ какою-то прозрачною пылью: становилось нестерпимо жарко. Дойдя до небольшого ру-

(*) Чиразы значить галуны, на кавказскомъ нарѣчій.

(**) Кунакъ — пріятель, другъ, на кавказскомъ нарѣчій.

чья, который текъ на половинѣ дороги, войска сдѣлали привалъ. Солдаты, составивъ ружья, бросились къ ручью; батальонный командиръ сѣлъ въ тѣни, на барабанъ, и, выразивъ на полномъ лицѣ степень своего чина, съ нѣкоторыми офицерами расположился закусывать; капитанъ легъ на травѣ подъ ротной повозкой; храбрый поручикъ Розенкранцъ и еще нѣсколько молодыхъ офицеровъ, помѣстясь на разостланныхъ буркахъ, собрались кутить, какъ то замѣтно было по разставленнымъ около нихъ фляжкамъ и бутылкамъ и по особенному одушевленію пѣсенниковъ, которые, стоя полу-кругомъ передъ ними, съ присвистомъ играли плясовую кавказскую пѣсню на голосъ лезгинки:

Шамилъ вздумалъ бунтоваться

Въ прошедшіе годы...

Трай-рай, ра-та-тай...

Въ прошедшіе годы.

Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и молоденькій прапорщикъ, который обогналъ насъ утромъ. Онъ былъ очень забавенъ: глаза его блестѣли, языкъ немного пугался; ему хотѣлось цѣловаться и изъясняться въ любви со всѣми... Бѣдный мальчикъ! онъ еще не зналъ, что въ этомъ положеніи можно быть смѣшнымъ, что его откровенность и нѣжности, съ которыми онъ ко всѣмъ навязывался, расположить другихъ не къ любви, которой ему такъ хотѣлось, а къ насмѣшкѣ, — не зналъ и того, что когда онъ, разгорѣвшись, бросился наконецъ на бурку и, облокотясь на руку, откинулъ назадъ свои черные густые волосы, онъ былъ необыкновенно милъ.

Два офицера сидѣли подъ повозкой и на погребцѣ играли въ дурачки.

Я съ любопытствомъ вслушивался въ разговоры солдатъ и офицеровъ и внимательно всматривался въ выраженія ихъ физіономій; но рѣшительно ни въ комъ я не могъ замѣтить и тѣни того безпокойства, которое испытывалъ самъ: шуточки, смѣхи, рассказы выражали общую беззаботность и равнодушіе къ предстоящей опасности. Какъ будто нельзя и предположить, что нѣкоторымъ уже не суждено вернуться по этой дорогѣ!

V.

Въ седьмомъ часу вечера, пыльные и усталые, мы вступили въ широкія, укрѣпленныя ворота крѣпости NN. Солнце садилось и бросало косые розовые лучи на живописныя батареи и сады съ высокими раннами, окружавшія крѣпость, на засѣяныя, желтѣющія поля и на бѣлыя облака, которыя, столпясь около снѣговыхъ горъ, какъ будто подражая имъ, образовывали цѣпь не менѣе причудливую и красивую. Молодой полумѣсяцъ, какъ прозрачное облачко, виднѣлся на горизонтѣ. Въ аулѣ, расположенномъ около воротъ, татаринъ, на крышѣ сакли, сзывалъ правобѣрныхъ къ молитвѣ;

пѣсенники заливались съ новой удалью и энергіей.

Отдохнувъ и оправаясь немного, я отправился къ знакомому мнѣ адъютанту, съ тѣмъ, чтобы попросить его доложить о моемъ намѣреніи генералу. По дорогѣ отъ форштата, гдѣ я остановился, я успѣлъ замѣтить въ крѣпости NN то, чего никакъ не ожидалъ. Хорошенькая двумѣстная каретка, въ которой видна была модная шляпка и слышался французскій говоръ, обогнала меня. Изъ раствореннаго окна комендантскаго дома долетали звуки какой-то «Лизаньки» или «Катенька-полька», играемой на плохомъ, разстроенномъ фортепьяно. Въ духанѣ, мимо котораго я проходилъ, съ папирсами въ рукахъ, за стаканами вина, сидѣли нѣсколько писарей, и я слышалъ, какъ одинъ говорилъ другому. «Ужъ позволите... что насчетъ политики Марья Григорьевна у насъ первая дама». Сгорбленный жидъ, въ изношенномъ сюртукѣ, съ болѣзненной физіономіей, тащилъ пискливую, сломанную шарманку, и по всему форштату разносились звуки финала изъ «Лучіи». Двѣ женщины, въ шумящихъ платьяхъ, повязанныя шелковыми платками и съ ярко-цвѣтными зонтиками въ рукахъ, плавно прошли мимо меня по досчатому тротуару. Двѣ дѣвицы, одна въ розовомъ, другая въ голубомъ платьѣ, съ открытыми головами, стояли у завалинки низенькаго домика и принужденно заливались тоненькимъ смѣхомъ, съ видимымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе проходящихъ офицеровъ. Офицеры, въ новыхъ сюртукахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и блестящихъ эполетахъ, щеголяли по улицамъ и бульвару.

Я нашелъ своего знакомаго въ нижнемъ этажѣ генеральскаго дома. Только что я успѣлъ объяснить ему свое желаніе, и онъ — сказалъ мнѣ, что оно очень можетъ быть исполнено, какъ мимо окна, у котораго мы сидѣли, простучала хорошенькая каретка, которую я замѣтилъ у крыльца. Изъ кареты вышелъ высокій, стройный мужчина въ пѣхотномъ мундирѣ съ майорскими эполетами и прошелъ къ генералу.

— Ахъ, извините, пожалуйста, сказалъ мнѣ адъютантъ, вставая съ мѣста: — мнѣ непременно нужно доложить генералу.

— Кто это пріѣхалъ? спросилъ я.

— Графиня, отвѣчалъ онъ и, застегивая мундиръ, побѣжалъ наверхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на крыльцо вышелъ невысокій, но весьма красивый человѣкъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлымъ крестомъ въ петличкѣ. За нимъ вышли майоръ, адъютантъ и еще какихъ-то два офицера. Въ походкѣ, голосѣ, во всѣхъ движеніяхъ генерала выказывался человѣкъ, который себѣ очень хорошо знаетъ высокую цѣну.

— Bonsoir, madame la comtesse, сказалъ онъ подавая руку въ окно кареты.

Ручка въ лайковой перчаткѣ пожала его руку, и хорошенькое, улыбающееся личико въ желтой шляпкѣ показалось въ окнѣ кареты.

Изъ всего разговора, продолжавшагося нѣсколько минутъ, я слышалъ только, проходя мимо, какъ генераль, улыбаясь, сказалъ:

— Vous savez, que j'ai fait vœu de combattre les infidèles, prenez donc garde de le devenir.

Въ каретѣ засмѣялись.

— Adieu donc, cher général.

— Non à revoir, сказалъ генераль, всходя на ступеньки лѣстницы: — n'oubliez pas, que je m'invite pour la soirée de demain.

Карета застучала дальше.

«Вотъ еще человѣкъ — думалъ я, возвращаясь домой — имѣющій все, чего только добиваются русскіе люди: чинъ, богатство, знатность, — и этотъ человѣкъ передъ боемъ, который Богъ одинъ знаетъ чѣмъ кончится, шутить съ хорошенькой женщиной и общается пить у нея чай на другой день, точно такъ же, какъ будто онъ встрѣтился съ нею на балѣ!»

Тутъ же, у этого же адъютанта, я встрѣтилъ одного человѣка, который еще больше удивилъ меня: это — молодой поручикъ К. полка, отличавшійся своей почти женской кротостью и робостью, который пришелъ къ адъютанту изливать свою досаду и негодованіе на людей, которые будто интриговали противъ него, чтобы его не назначили въ предстоящее дѣло. Онъ говорилъ, что это гадость такъ поступать, что это не по-товарищески, что онъ будетъ это помнить ему, и т. д. Сколько я ни вглядывался въ выраженіе его лица, сколько ни вслушивался въ звукъ его голоса, я не могъ не убѣдиться, что онъ нисколько не притворялся, а былъ глубоко возмущенъ и огорченъ, что ему не позволили идти стрѣлять въ черкесовъ и находиться подъ ихъ выстрѣлами; онъ былъ такъ огорченъ, какъ бываетъ огорченъ ребенокъ, котораго только что несправедливо высѣкли... Я совершенно ничего не понималъ.

VI.

Въ десять часовъ вечера должны были выступить войска. Въ половинѣ девятаго я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ генералу; но, предполагая, что онъ и адъютантъ его заняты, я остановился на улицѣ, привязалъ лошадь къ забору и сѣлъ на завалянку, съ тѣмъ, чтобы, какъ только выйдетъ генераль, догнать его.

Солнечный жаръ и блескъ уже смѣнились прохладой ночи и неяркимъ свѣтомъ молодого мѣсяца, который, образуя около себя блѣдный свѣтъ, начиналъ опускаться; въ окнахъ домовъ и щеляхъ ставень землянокъ засвѣтились огни. Стройныя раины садовъ, виднѣвшіяся на горизонтѣ изъ-за выбѣленныхъ, освѣщаемыхъ луною землянокъ съ камышевыми крышами, казались еще выше и чернѣе.

Длинные тѣни домовъ, деревьевъ, заборовъ лежали красиво по свѣтлой пыльной дорогѣ... На

рѣкѣ безъ умолку звенѣли лягушки (*), на улицахъ слышны были то торопливые шаги и говоръ, то скокъ лошади; съ форштата изрѣдка долетали звуки шарманки: то *вюль витры*, то какого нибудь «Aurora-Walzer».

Я не скажу, о чемъ я задумался: во первыхъ, потому, что мнѣ совѣстно было бы признаться въ мрачныхъ мысляхъ, которыя неотвязчивой чередой набѣгали мнѣ въ душу, тогда какъ кругомъ себя я замѣчалъ только веселость и радость, а во вторыхъ, потому, что это нейдетъ къ моему разсказу. Я задумался такъ, что даже не замѣтилъ, какъ колоколъ пробилъ одиннадцать часовъ и генераль со свитою проѣхалъ мимо меня.

Арберггардъ еще былъ въ воротахъ крѣпости. Насилу пробрался я по мосту между столпившимися орудіями, ящиками, ротными повозками и шумно распоряжающимися офицерами. Выѣхавъ за ворота, я рысью обѣхалъ чуть не на версту растянувшіяся, молчаливо двигающіяся въ темнотѣ войска и догналъ генерала. Проѣзжая мимо вытянувшейся въ одно орудіе артиллеріи и ѣхавшихъ верхомъ, между орудіями, офицеровъ, меня, какъ оскорбительный диссонансъ среди тихой и торжественной гармоніи, поразилъ нѣмецкій голосъ, кричавшій: «Агхтингхисте, падай паааальникъ!» и голосъ солдата, торопливо кричавшій: «Шевченко! поручикъ огня спрашиваютъ».

Большая часть неба покрылась длинными темно-сѣрыми тучами; только кое-гдѣ между ними блестѣли неяркія звѣзды. Мѣсяцъ скрылся уже за близкимъ горизонтомъ черныхъ горъ, которыя виднѣлись направо, и бросалъ на верхушки ихъ слабый и дрожащій полу-свѣтъ, рѣзко противоположный съ непроницаемымъ мракомъ, показавшимъ ихъ подошвы. Въ воздухѣ было тепло и такъ тихо, что, казалось, ни одна травка, ни одно облачко не шевелились. Было такъ темно, что на самомъ близкомъ разстояніи невозможно было опредѣлять предметы: по сторонамъ дороги представлялись мнѣ то скалы, то животныя, то какіе-то странные люди, — и я узнавалъ, что это были кусты, только тогда, когда слышалъ ихъ шелестъ и чувствовалъ свѣжесть росы, которою они были покрыты. Передъ собой я видѣлъ сплошную, колеблющуюся, черную стѣну, за которой слѣдовало нѣсколько движущихся пятенъ: это были авангардъ конницы и генераль со свитой. Среди насъ подвигалась такая же мрачная масса; но она была ниже первой: это была пѣхота. Во всемъ отрядѣ царствовала такая тишина, что ясно слышались всѣ сливающіеся, исполненные таинственной прелести звуки ночи: далекій, заунывный вой чакаловъ, похожій то на отчаянный плачъ, то на хохотъ, звонкія, однообразныя пѣсни сверчка, лягушки, перепела, какой-то приближающійся гулъ, причины ко-

(*) Лягушки на Кавказѣ производятъ звукъ, не имѣющій ничего общаго съ кваканьемъ русскихъ лягушекъ.

тораго я никакъ не могъ объяснить себѣ, и всё тѣ ночныя, чуть слышныя движенія природы, которыя невозможно ни понять, ни опредѣлить, сливались въ одинъ полный прекрасный звукъ, который мы называемъ тишиною ночи. Тишина эта нарушалась, или, скорѣе, сливалась съ глухимъ топотомъ копытъ и шелестомъ высокой травы, которые производилъ медленно двигающійся отрядъ.

Только изрѣдка слышался въ рядахъ звонъ тяжелаго орудія, звукъ столкнувшихся штыковъ, сдержанный говоръ и фыркание лошади.

Природа дышала примирительной красотой и силой.

Неужели тѣсно жить людямъ на этомъ прекрасномъ свѣтѣ, подъ этимъ неизмѣримымъ звѣзднымъ небомъ? Неужели можетъ, среди этой обаятельной природы, удержаться въ душѣ человѣка чувство злобы, мщенія или страсти истребленія себѣ подобныхъ? Все недоброе въ сердцѣ человѣка должно бы, кажется, исчезнуть въ прикосновеніи съ природой—этимъ непосредственнымъ выраженіемъ красоты и добра.

VII.

Мы ѣхали уже болѣе двухъ часовъ. Меня пробирала дрожь и начинало клонить ко сну. Во мракѣ смутно представлялись тѣ же неясные предметы: въ нѣкоторомъ отдаленіи черная стѣна, такія же движущіяся пятна; подлѣ самаго меня крупъ бѣлой лошади, которая, помахивая хвостомъ, широко раздвигала задними ногами; спина въ бѣлой черкескѣ, на которой показывалась винтовка въ черномъ чехлѣ и виднѣлась бѣлая головка пистолета въ шитомъ кабурѣ; огонекъ папиросы, освѣщающій русые усы, бровь и воротникъ и руку въ замшевой перчаткѣ. Я нагнулся къ шеѣ лошади, закрывалъ глаза и забывался на нѣсколько минутъ; потомъ вдругъ знакомый топотъ и шелестъ поражали меня: я озирался, — и мнѣ казалось, что я стою на мѣстѣ, что черная стѣна, которая была передо мной, двигается на меня, или что стѣна эта остановилась и я сейчасъ найду на нее. Въ одну изъ такихъ минутъ меня поразили еще сильнѣе тотъ приближающійся непрерывный гулъ, причины котораго я не могъ отгадать. Это былъ шумъ воды. Мы входили въ глубокое ущелье и приближались къ горной рѣкѣ, которая была въ это время во всемъ разливѣ (*). Гулъ усиливался, сырая трава становилась гуще и выше, кусты попадались чаще, и горизонтъ постепенно суживался. Изрѣдка на мрачномъ фонѣ горъ вспыхивали, въ различныхъ мѣстахъ, яркіе огни и тотчасъ же исчезали.

— Скажите, пожалуйста, что это за огни? спросилъ я шопотомъ у татарина, ѣхавшаго подлѣ меня.

— А ты не знаешь? отвѣчалъ онъ.

— Не знаю.

— Это горской солома на таякъ ⁽¹⁾ связалъ и огонь махать будетъ.

— Зачѣмъ же это?

— Чтобы всякій человекъ зналъ — русской пришеи. — Теперь въ аулахъ, прибавилъ онъ, засмѣявшись: — ай-ай, томаши ⁽²⁾ идетъ, всякій хурда-мурда ⁽³⁾ будетъ въ балка тащить.

— Развѣ въ горахъ уже знаютъ, что отрядъ идетъ? спросилъ я.

— Эй! какъ можно не знаетъ! всегда знаетъ: наши народъ такой!

— Такъ и Шамиль теперь собирается въ походъ? сказалъ я.

— Йокъ ⁽⁴⁾, отвѣчалъ онъ, качая головой, въ знакъ отрицанія. — Шамиль на похода ходитъ не будетъ: Шамиль наибъ ⁽⁵⁾ пошлетъ, а самъ труба смотреть будетъ, наверху.

— А далеко онъ живетъ?

— Далеко нѣтъ. Вотъ, лѣвая сторона, верста десять будетъ.

— Почему же ты знаешь? спросилъ я: — развѣ ты былъ тамъ?

— Былъ; наша все въ горахъ былъ.

— И Шамиля видѣлъ?

— Пикъ! Шамиля наша видно не будетъ. Сто, триста, тысяча мюридъ ⁽⁶⁾ крупомъ. Шамиль середка будетъ! съ выраженіемъ подобострастнаго уваженія.

Взглянувъ вверхъ, можно было замѣтить, что выяснившееся небо начинало свѣтлѣть на востокѣ и столбы опускались къ горизонту; но въ ущельѣ, по которому мы шли, было сыро и мрачно.

Вдругъ немного впереди насъ, въ темнотѣ, зажглось нѣсколько огоньковъ; въ то же мгновеніе съ визгомъ прожужжали пули, и среди окружающей тишины далеко раздалась выстрѣлы и громкій пронзительный крикъ. Это былъ непріятельскій передовой пикетъ. Татары, составлявшіе его, гикнули, выстрѣлили наудачу и разбѣжались.

Все смолкло. Генераль подозвалъ переводчика. Татаринъ въ бѣлой черкескѣ подѣхалъ къ нему и о чемъ-то шепотомъ и съ жестами довольно долго говорилъ съ нимъ.

— Полковникъ Хасановъ! прикажите разсыпать цѣпь, сказалъ генераль тихимъ, протяжнымъ, но внятнымъ голосомъ.

(1) Таякъ значитъ шесть, на кавказскомъ нарѣчій.

(2) Томаши значитъ хлопоты, на особенномъ нарѣчій, изобрѣтенномъ русскими и татарами для разговора между собой. Есть много словъ на этомъ странномъ нарѣчій, корень которыхъ нѣтъ возможности отыскать ни въ русскомъ, ни въ татарскомъ языкахъ.

(3) Хурда-мурда—пожитки, на томъ же нарѣчій.

(4) Йокъ по татарски значитъ нѣтъ.

(5) Наибамы называютъ людей, которымъ ввѣрена отъ Шамиля какая нибудь часть управленія.

(6) Слово мюридъ имѣетъ много значеній, но въ томъ смыслѣ, въ которомъ употреблено здѣсь, значитъ что-то среднее между адъютантомъ и тѣлохранителемъ.

(*) Разливъ рѣкъ на Кавказѣ бываетъ въ іюль мѣсяцѣ.

Отрядъ подошелъ къ рѣкѣ. Черныя горы ущелья остались сзади; начинало свѣтать. Небосклонъ, на которомъ чуть замѣтны были блѣдныя, неяркія звѣзды, казался выше; зарница начинала ярко блеснуть на востокѣ; свѣжій, прохватывающій вѣтерокъ тянулъ съ запада, и свѣтлый туманъ, какъ паръ, подымался надъ шумящей рѣкой.

VIII.

Вожакъ показалъ бродъ, и авангардъ конницы, а вслѣдъ за нимъ и генералъ со свитою стали переправляться. Вода была лошадямъ по-грудь, съ необыкновенной силой рвалась между бѣлыхъ камней, которые въ иныхъ мѣстахъ виднѣлись на уровнѣ воды, и образовывала около ногъ лошадей пѣнящіяся, шумящія струи. Лошади удивлялись шуму воды, подымали головы, настороживали уши, но мѣрно и осторожно шагали противъ теченія, по неровному дну. Сѣдоки подбирали ноги и оружіе. Пѣхотные солдаты, буквально, въ однѣхъ рубахахъ, поднимая надъ водою ружья, на которыя надѣты были узлы съ одеждой, схватясь человѣкъ по двадцати рука съ рукою, съ замѣтнымъ по ихъ напряженнымъ лицамъ, усиліемъ старались противостоять теченію. Артиллерійскіе ѣздовые, съ громкимъ крикомъ, рысью пускали лошадей въ воду. Орудія и зеленые ящики, черезъ которые изрѣдка хлестала вода, звенѣли о каменное дно; но добрыя черноморки дружно натягивали уносы, пѣнили воду и съ мокрымъ хвостомъ и гривой выбирались на другой берегъ.

Какъ скоро переправа кончилась, генералъ вдругъ выразилъ на своемъ лицѣ какую-то задумчивость и серьезность, повернулъ лошадь и съ конницей рысью поѣхалъ по широкой, окруженной лѣсомъ полянѣ, открывшейся передъ нами. Казачьи конныя цѣпи разсыпались вдоль опушекъ.

Въ лѣсу виднѣется пѣшій человѣкъ въ черкескѣ и попахѣ, другой, третій... Кто-то изъ офицеровъ говоритъ: «это татары». Вотъ показался дымокъ изъ-за дерева... выстрѣлъ; другой... Наши частые выстрѣлы заглушаютъ непріятельскіе. Только изрѣдка пуля, съ медленнымъ звукомъ, похожимъ на полетъ пчелы, пролетая мимо, доказываетъ, что не всѣ выстрѣлы наши. Вотъ пѣхота бѣглымъ шагомъ и орудія на рысяхъ прошли въ цѣпь: слышатся гудящіе выстрѣлы изъ орудій, металлическій звукъ полета картечи, шипѣніе ракетъ, трескотня ружей. Конница, пѣхота и артиллерія виднѣются со всѣхъ сторонъ по обширной полянѣ. Дымки орудій, ракетъ и ружей сливаются съ покрытой росой зеленью и туманомъ. Полковникъ Хасановъ подсказываетъ къ генералу и на всемъ маршѣ-маршѣ круто останавливаетъ лошадь.

— Ваше превосходительство! говорилъ онъ, приставляя руку къ попахѣ:—прикажете пустить ка-

валерію: показались значки (*), — и онъ указываетъ плетью на конныхъ татаръ, впереди которыхъ ѣдутъ два человѣка на бѣлыхъ лошадяхъ, съ красными и синими лоскутами на палкахъ.

— Съ Богомъ, Иванъ Михайлычъ! говоритъ генералъ.

Полковникъ на мѣстѣ поворачиваетъ лошадь выхватываетъ шашку и кричитъ: «Ура!»

«Урра! Урра! Урра!» раздается въ рядахъ, и конница несется за нимъ.

Всѣ смотрятъ съ участіемъ: вонъ значекъ, другой, третій, четвертый....

Непріятель, не дожидаясь атаки, скрывается въ лѣсъ и открываетъ оттуда ружейный огонь. Пули летаютъ чаще.

— *Quel charmant coup d'oeil!* говоритъ генералъ, слегка припрыгивая по-англійски на своей вороной, тонконогой лошади.

— *Charmant!* отвѣчаетъ, грассируя, майоръ и, ударяя плетью по лошади, подѣзжаетъ къ генералу. — *C'est un vrai plaisir, que la guerre dans un aussi beau pays,* говоритъ онъ.

— *Et surtout en bonne compagnie,* прибавляетъ генералъ съ пріятной улыбкой.

Майоръ наклонился.

Въ это время, съ быстрымъ, непріятнымъ шипѣніемъ, пролетаетъ непріятельское ядро и ударяется во что-то: сзади слышенъ стонъ раненаго. Этотъ стонъ такъ странно поражаетъ меня, что воинственная картина мгновенно теряетъ для меня всю свою прелесть; но никто кромѣ меня какъ будто не замѣчаетъ этого: майоръ смѣется, какъ кажется, съ большимъ увлеченіемъ; другой офицеръ совершенно спокойно повторяетъ начатыя слова рѣчи; генералъ смотритъ въ противоположную сторону и со спокойнѣйшей улыбкой говоритъ что-то по-французски.

— Прикажете отвѣчать на ихъ выстрѣлы? спрашиваетъ, подскакивая, начальникъ артиллеріи.

— Да, поугайте ихъ, небрежно говоритъ генералъ, закуривая сигару.

Батарея выстраивается, и начинается пальба. Земля стонетъ отъ выстрѣловъ, огни безпрестанно вспыхиваютъ, и дымъ, въ которомъ едва можно различить движущуюся прислугу около орудій, застилаетъ глаза.

Аулъ обстрѣленъ. Снова подѣзжаетъ полковникъ Хасановъ и, по приказанію генерала, летитъ въ аулъ. Крикъ войны снова раздается, и конница исчезаетъ въ поднятомъ ею облакѣ пыли.

Зрѣлище было истинно величественное. Одно только для меня, какъ человѣка, не принимавшаго участія въ дѣлѣ и непривычнаго, портило вообще впечатлѣніе, было то, что мнѣ казалось лишнимъ — и это движеніе, и одушевленіе, и крики. Невольно

(*) Значки между горцами имѣютъ почти значеніе знаменъ, съ тою только разницею, что всякій джигит можетъ сдѣлать себѣ значекъ и возить его.

приходило сравненіе челоѣка, который сплеча топоромъ рубилъ бы воздухъ.

IX.

Аулъ уже былъ занятъ нашими войсками, и ни одной непріятельской души не оставалось въ немъ, когда генераль, со свитою, въ которую вмѣшался и я, подѣхалъ къ нему.

Длинные, чистыя сакли, съ плоскими, земляными крышами и красивыми трубами, были расположены по неровнымъ, каменистымъ буграмъ, между которыми текла небольшая рѣчка. Съ одной стороны видѣлись освѣщенные яркимъ солнечнымъ свѣтомъ зеленые сады, съ огромными грушевыми и личевыми (*) деревьями; съ другой — торчали какія-то странныя тѣни, перпендикулярно стоящіе высокіе камни кладбища и длинные деревянные шесты, съ придѣланными къ концамъ шарами и разноцвѣтными флагами. (Это были могилы джигитовъ.)

Войска въ порядѣ стояли за воротами.

Черезъ минуту драгуны, казаки, пѣхотинцы съ видимой радостью разсыпались по кривымъ переулкамъ, и пустой аулъ мгновенно оживился. Тамъ рушится кровля, стучитъ топоръ по крѣпкому дереву и выламываютъ досчатую дверь; тутъ загораются стогъ сѣна, заборъ, сакля, и густой дымъ столбомъ подымается по ясному воздуху. Вотъ казакъ тащитъ кулъ муки и коверъ; солдатъ, съ радостнымъ лицомъ, выноситъ изъ сакли жестяной тазъ и какую-то тряпку; другой, разставивъ руки, старается поймать двухъ куръ, которыя, съ кудаханьемъ, бьются около забора; третій нашелъ гдѣ-то огромный кумганъ (**) съ молокомъ, пьетъ изъ него и съ громкимъ хохотомъ бросаетъ потомъ на землю.

Батальонъ, съ которымъ я шелъ изъ крѣпости N, тоже былъ въ аулѣ. Капитанъ сидѣлъ на крышѣ сакли и пускалъ изъ коротенькой трубочки струйки дыма *самбротамическаго табаку*, съ такимъ равнодушнымъ видомъ, что, когда я увидѣлъ его, я забылъ, что я въ немирномъ аулѣ, и мнѣ показалось, что я въ немъ совершенно дома.

— А! и вы тутъ? сказалъ онъ, замѣтивъ меня.

Высокая фигура поручика Розенкранца то тамъ, то сямъ мелькала въ аулѣ: онъ безъ умолку распоряжался и имѣлъ видъ челоѣка, чѣмъ-то крайне озабоченнаго. Я видѣлъ, какъ онъ, съ торжествующимъ видомъ, вышелъ изъ одной сакли; вслѣдъ за нимъ двое солдатъ вели связаннаго стараго татарина. Старикъ, всю одежду котораго составляли распадавшіеся въ лохмотьяхъ пестрый беннетъ и лоскутные портки, былъ такъ хилъ, что туго стянутыя за сторбенной спиной костлявыя руки его, казалось, едва держались на плечахъ, и кривыя

босыя ноги насилу передвигались. Лицо его и даже часть бритой головы были изрыты глубокими морщинами, — искривленный, беззубый ротъ, окруженный сѣдыми подстриженными усами и бородой, безпрестанно шевелился, какъ будто жуя что-то; но въ красныхъ, лишенныхъ рѣсницъ глазахъ еще блисталъ огонь и ясно выражалось старческое равнодушіе къ жизни.

Розенкранцъ, черезъ переводчика, спросилъ его, зачѣмъ онъ не ушелъ съ другими.

— Куда мнѣ идти? сказалъ онъ, спокойно глядя въ сторону.

— Туда, куда другіе ушли, замѣтилъ кто-то.

— Джигиты пошли драться съ русскими, а я старикъ.

— Развѣ ты не боишься русскихъ?

— Чтѣ мнѣ русскіе сдѣлаютъ? Я старикъ, сказалъ онъ опять, небрежно оглядывая кружокъ, составившійся около него.

Возвращаясь назадъ, я видѣлъ, какъ этотъ старикъ, безъ шапки, со связанными руками, трясся за сѣдломъ линейнаго казака и съ тѣмъ же безстрастнымъ выраженіемъ смотрѣлъ вокругъ себя. Онъ былъ необходимъ для размѣна плѣнныхъ.

Я влѣзъ на крышу и расположился подлѣ капитана.

— Непріятеля, кажется, было немного, сказалъ я ему, желая узнать его мнѣніе о бывшемъ дѣлѣ.

— Непріятеля? повторилъ онъ, съ удивленіемъ: — да его вовсе не было. Развѣ это называется неприятедь?... Вотъ вечеркомъ посмотрите, какъ мы отступать станемъ: увидите, какъ провожать начнутъ: что ихъ тамъ высыплеть! прибавилъ онъ, указывая трубкой на перелѣсокъ, который мы проходили утромъ.

— Что это такое? спросилъ я, съ безпокойствомъ, прерывая капитана и указывая на собравшихся недалеко отъ насъ около чего-то донскихъ казаковъ.

Между ними слышались что-то похожее на плачь ребенка и слова:

— Э, не руби... стой... увидятъ. . ножъ есть, Евстигнѣичъ?... давай ножъ...

— Что нибудь дѣлать подлецы, спокойно сказалъ капитанъ.

Но въ то же самое время, съ разгорѣвшимся, испуганнымъ лицомъ, вдругъ выбѣжалъ изъ-за угла хорошенькій прапорщикъ и, махая руками, бросился къ казакамъ.

— Не трогайте, не бейте его! кричалъ онъ дѣтскимъ голосомъ.

Увидѣвъ офицера, казаки разступились и выпустили изъ рукъ бѣлаго козленка. Молодой прапорщикъ совершенно растерялся, забормоталъ что-то и со сконфуженной фізіономіей остановился передъ нимъ. Увидавъ на крышѣ меня и капитана, онъ покраснѣлъ еще больше и, припрыгивая, подбѣжалъ къ намъ.

— Я думалъ, что это они ребенка хотятъ убить, сказалъ онъ, робко улыбаясь.

(*) Лича — мелкая слива.

(**) Кумганъ — горшокъ.

Х.

Генераль съ конницей поѣхалъ впередъ. Батальонъ, съ которымъ я шелъ изъ крѣпости N, остался въ аррьергардѣ. Роты капитана Хлопова и поручика Розенкранца отступали вмѣстѣ.

Предсказаніе капитана въполнѣ оправдалось: какъ только мы вступили въ узкій перелѣсокъ, про который онъ говорилъ, съ обѣихъ сторонъ стали безпрестанно мелькать конные и пѣшіе горды, и такъ близко, что я очень хорошо видѣлъ, какъ нѣкоторые, согнувшись, съ винтовкой въ рукахъ, перебѣгали отъ одного дерева къ другому.

Капитанъ снялъ шапку и набожно перекрестился; нѣкоторые старые солдаты сдѣлали то же. Въ лѣсу послышались гиканье, слова: «іай Гяуръ! Урусъ іай!» Сухіе, короткіе винтовочные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ, и пули визжали съ обѣихъ сторонъ. Наши молча отвѣчали бѣглымъ огнемъ; въ рядахъ ихъ только изрѣдка слышались замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «онъ (*) откуда палитъ, ему хорошо изъ-за лѣса, орудію бы нужно...» и т. д.

Орудія визжали въ цѣпь, и, послѣ нѣсколькихъ залповъ картечью, непріятель, казалось, ослабѣвалъ, но черезъ минуту и съ каждымъ шагомъ, который дѣлали войска, снова усиливалъ огонь, крики и гиканье.

Едва мы отступили сажень на триста отъ аула, какъ надъ нами со свистомъ стали летать непріятельскія ядра. Я видѣлъ, какъ ядромъ убило солдата... но зачѣмъ рассказывать подробности этой страшной картины, когда я самъ дорого бы далъ, чтобы забыть ее!

Поручикъ Розенкранцъ самъ стрѣлялъ изъ винтовки, не умолкая ни на минуту, хриплымъ голосомъ кричалъ на солдатъ и во весь духъ скакалъ съ одного конца цѣпи на другой. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, и это очень шло къ его воинственному лицу.

Хорошенькій прапорщикъ былъ въ восторгѣ: прекрасные черные глаза его блестѣли отвагой, ротъ слегка улыбался; онъ безпрестанно подбѣждалъ къ капитану и просилъ его позволенія броситься на ура.

— Мы ихъ отобьемъ, убѣдительно говорилъ онъ: — право, отобьемъ.

— Не нужно, кротко отвѣчалъ капитанъ: — надо отступить.

Рота капитана занимала опушку лѣса и лежа отстрѣливались отъ непріятеля. Капитанъ, въ своемъ изношенномъ сюртукѣ и взъерошенной шапочкѣ, опустивъ поводья бѣлому мантачку и подкорчивъ на короткихъ стременахъ ноги, молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. (Солдаты такъ хорошо знали и дѣлали свое дѣло, что нечего было приказывать имъ.) Только изрѣдка онъ возвышалъ голосъ, прикрикивая

на тѣхъ, которые подымали головы. Въ фигурѣ капитана было очень мало воинственного; но за то въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня, «Вотъ кто истинно храбръ», сказалось мнѣ невольно.

Онъ былъ *точно такимъ же, какимъ я всегда видѣлъ его*: тѣ же спокойныя движенія, тотъ же ровный голосъ, то же выраженіе безхитростности на его не красивомъ, но простомъ лицѣ; только по болѣе, чѣмъ обыкновенно, свѣтлому взгляду можно было замѣтить въ немъ вниманіе человека, спокойно занятаго своимъ дѣломъ. Легко сказать: *такимъ же, какъ и всегда*; но сколько различныхъ оттѣнковъ я замѣчалъ въ другихъ: одинъ хочетъ казаться спокойнѣе, другой суровѣе, третій веселѣе, чѣмъ обыкновенно; по лицу же капитана замѣтно, что онъ и не понимаетъ, зачѣмъ казаться.

Французъ, который при Ватерлоо сказалъ: «la garde meurt, mais ne se rend pas», и другіе, въ особенности французскіе герои, которые говорили достопамятныя изреченія, были храбры и дѣйствительно говорили достопамятныя изреченія; но между ихъ храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, въ какомъ бы то ни было случаѣ, даже шевелилось въ душѣ моего героя, я увѣренъ, онъ не сказалъ бы его: во первыхъ, потому, что, сказавъ великое слово, онъ боялся бы этимъ самымъ испортить великое дѣло, а во вторыхъ, потому, что когда человекъ чувствуетъ въ себѣ силы сдѣлать великое дѣло, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по моему мнѣнію, особенная и высокая черта русской храбрости; и какъ же послѣ этого не болѣтъ русскому сердцу, когда между нашими молодыми воинами слышишь французскія пошлыя фразы, имѣющія претензію на подражаніе устарѣлому французскому рыцарству?..

Вдругъ въ той сторонѣ, гдѣ стоялъ хорошенькій прапорщикъ со взводомъ, послышалось недружное и негромкое ура. Оглянувшись на этотъ крикъ, я увидѣлъ человекъ тридцать солдатъ, которые, съ ружьями въ рукахъ и мѣшками на плечахъ, насилиу-насилу бѣжали по вспаханному полю. Они спотыкались, но все двигались впередъ и кричали. Впереди ихъ, выхвативъ шашку, скакалъ молодой прапорщикъ.

Все скрылось въ лѣсу...

Черезъ нѣсколько минутъ гиканья и трескотни, изъ лѣсу выбѣжала испуганная лошадь, и въ опушкѣ показались солдаты, выносившіе убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ молодой прапорщикъ. Два солдата держали его подъ мышки. Онъ былъ блѣденъ, какъ платокъ, и хорошенькая головка, на которой замѣтна была только тѣнь того воинственного восторга, который одушевлялъ ее за минуту передъ этимъ, какъ-то страшно углубилась между плечъ и спустилась на грудь. На бѣлой рубашкѣ, подъ разстегнутымъ сюртукомъ, виднѣлось небольшое кровавое пятнышко.

— Ахъ, какая жалость! сказалъ я невольно, отворачиваясь отъ этого печальнаго зрѣлища.

(*) Онъ — собирательное названіе, подъ которымъ кавказскіе солдаты разумѣютъ вообще непріятеля.

— Извѣстно, жалко, сказалъ старый солдатъ, который, съ угрюмымъ видомъ, облокотясь на ружье, стоялъ подлѣ меня. — Ничего не боится: какже такъ можно! прибавилъ онъ, пристально глядя на раненаго. Глупъ еще — вотъ и поплатился.

— А ты развѣ боишься? спросилъ я.

— А то нѣтъ!

XI.

Четыре солдата на носилкахъ несли прапорщика; за ними форштатскій солдатъ велъ худую, разбитую лошадь, съ навьюченными на нее двумя зелеными ящиками, въ которыхъ хранилась фельдшерская принадлежность. Дожидались доктора. Офицеры подъѣзжали къ носилкамъ и старались ободрить и утѣшить раненаго.

— Ну, братъ Аланинъ, нескоро опять можно будетъ поплясать съ ложечками, сказалъ, съ улыбкой, подъѣхавшій поручикъ Розенкранцъ.

Онъ, должно быть, полагалъ, что слова эти поддержать бодрость хорошенькаго прапорщика; но, сколько можно было замѣтить по холодно-печальному выраженію взгляда послѣдняго, слова эти не произвели желаннаго дѣйствія.

Подъѣхалъ и капитанъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на раненаго и на всегда равнодушно-холодною лицѣ его выразилось искреннее сожалѣніе.

— Что, дорогой мой Анатолій Ивановичъ? сказалъ онъ, голосомъ, звучащимъ такимъ нѣжнымъ участіемъ, какого я не ожидалъ отъ него:—видно, такъ Богу угодно.

Раненый оглянулся: блѣдное лицо его оживилось печальной улыбкой.

— Да, васъ не послушался.

— Скажите лучше, такъ Богу угодно, повторилъ капитанъ.

Приѣхавшій докторъ принялъ отъ фельдшера бинты, зондъ и другую принадлежность и, засучивая

рукава, съ ободрительной улыбкой подошелъ къ раненому.

— Что, видно, и вамъ сдѣлали дырочку на цѣломъ мѣстѣ, сказалъ онъ шутливо-небрежнымъ тономъ: — покажите-ка.

Прапорщикъ повиновался; но въ выраженіи, съ которымъ онъ взглянулъ на веселаго доктора, были удивленіе и упрекъ, которыхъ не замѣтилъ этотъ послѣдній. Онъ принялся зондировать рану и осматривать ее со всѣхъ сторонъ; но, выведенный изъ терпѣнія, раненый съ тяжелымъ стономъ отодвинулъ его руку....

— Оставьте меня, сказалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ: — все равно: я умру.

Съ этими словами онъ упалъ на спину, и черезъ пять минутъ, какъ я, подходя къ группѣ, образовавшейся подлѣ него, спросилъ у солдата: «что прапорщикъ?» мнѣ отвѣчали: «*отходитъ.*»

XII.

Уже было поздно, когда отрядъ, построившись широкой колонной, съ пѣснями подходилъ къ крѣпости. Солнце скрылось за снѣговымъ хребтомъ и бросало послѣдніе розовые лучи на длинное, тонкое облако, остановившееся на ясномъ, прозрачномъ горизонтѣ. Снѣговыя горы начинали скрываться въ лиловомъ туманѣ; только верхняя линія ихъ обозначалась съ чрезвычайной ясностью на багровомъ свѣтѣ заката. Давно взошедшій прозрачный мѣсяцъ начиналъ блѣлѣть на темной лазури. Зеленъ травы и деревьевъ чернѣла и покрывалась росой. Темныя массы войскъ мѣрно шумѣли и двигались по роскошному лугу; въ различныхъ сторонахъ слышались бубны, барабаны и веселыя пѣсни. Подголосокъ шестой роты звучалъ изо всѣхъ силъ, и, исполненные чувства и силы, звуки его чистаго, груднаго тенора далеко разносились по прозрачному вечернему воздуху.

РУБКА ЛѢСА.

РАЗСКАЗЪ ЮНКЕРА.

PAPER 1864

BY THE BOARD OF

РУБКА ЛѢСА.

РАЗСКАЗЪ ЮНКЕРА.

I.

Въ серединѣ зимы 185. года дивизіонъ нашей батареи стоялъ въ отрядѣ въ Большой Чечнѣ. Вечеромъ 14-го февраля, узнавъ, что взводъ, которымъ я командовалъ, за отсутствіемъ офицера, назначенъ въ завтрашней колоннѣ на рубку лѣса, и съ вечера же получивъ и передавъ нужныя приказанія, я раньше обыкновеннаго отправился въ свою палатку и, не имѣя дурной привычки нагрѣвать ее горячими углями, не раздѣваясь, легъ на свою построенную на колышкахъ постель, надвинулъ на глаза попаху, закутался въ шубу и заснулъ тѣмъ особеннымъ крѣпкимъ и тяжелымъ сномъ, которымъ спится въ минуты тревоги и безпокойства передъ опасностью. Ожиданіе дѣла на завтра привело меня въ это состояніе.

Въ три часа утра, когда еще было совершенно темно, съ меня сдернули обогрѣтый тулупъ, и багровый огонь свѣчки непріятно поразилъ мои заspanные глаза.

«Извольте вставать», сказалъ чей-то голосъ. Я закрылъ глаза, безсознательно натянулъ на себя опять тулупъ и заснулъ. «Извольте вставать», повторилъ Дмитрій, безжалостно раскачивая меня за плечо. «Пѣхота выступаетъ». Я вдругъ вспомнилъ дѣйствительность, вздрогнулъ и вскочилъ на ноги. Наскоро выпивъ стаканъ чаю и умывшись оледенѣлой водой, я вылъзъ изъ палатки и пошелъ въ паркъ (мѣсто, гдѣ стоятъ орудія). Было темно, туманно и холодно. Ночные костры, свѣтившіеся тамъ и сямъ по лагерю, освѣщая фигуры сонныхъ солдатъ, расположившихся около нихъ, увеличивали темноту своимъ неярымъ багровымъ свѣтомъ. Вблизи слышался равномерный, спокойный храпъ, вдали движеніе, говоръ и бряцанье ружей пѣхоты, готовившейся къ выступленію; пахло дымомъ, навозомъ, фитилемъ и туманомъ; по спинѣ пробѣгала утренняя дрожь, и зубы противъ воли ощупывали другъ друга.

Только по фырканию и рѣдкому топоту можно было разобрать въ этой непроницаемой темнотѣ, гдѣ стоятъ запряженные передки и ящики, и по

свѣтящимся точкамъ пальниковъ—гдѣ стоятъ орудія. Со словами: «съ Богомъ», зазвенѣло первое орудіе, за нимъ зашумѣлъ ящикъ, и взводъ тронулся. Мы все сняли шапки и перекрестились. Вступивъ въ интервалъ между пѣхотою, взводъ остановился и съ четверть часа дожидался сбора всей колонны и выѣзда начальника.

— А у насъ одного солдатика нѣтъ, Николай Петровичъ! сказала, подходя ко мнѣ, черная фигура, которую я только по голосу узналъ за взводнаго фейерверкера Максимова.

— Кого?

— Веленчука нѣтъ-съ. Какъ запрягали, онъ все тутъ былъ—я его видалъ—а теперь нѣтъ.

Такъ какъ нельзя было предполагать, чтобы колонна тронулась сейчасъ же, мы рѣшили послать отыскать Веленчука, строеваго ефрейтора Антонова. Скоро послѣ этого мимо насъ въ темнотѣ прорысало нѣсколько конныхъ: это былъ начальник со свитой; а вслѣдъ затѣмъ зашевелилась и тронулась голова колонны, наконецъ и мы, — а Антонова и Веленчука не было. Однако, не успѣли мы пройти сто шаговъ, какъ оба солдата догнали насъ.

— Гдѣ онъ былъ? спросилъ я у Антонова.

— Въ паркѣ спалъ.

— Что, онъ хмѣленъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ отчего же онъ заснулъ?

— Не могу знать.

Часа три мы медленно двигались по какимъ-то непаханнымъ, безнѣжнымъ полямъ и низкимъ кустамъ, хрустѣвшимъ подъ колесами орудій, въ томъ же безмолвіи и мракѣ. Наконецъ, перейдя неглубокій, но чрезвычайно быстрый ручей, насъ остановили, и въ авангардѣ послышались отрывчатые винтовочные выстрѣлы. Звукъ эти, какъ и всегда, особенно возбуждительно подѣйствовали на всехъ. Отрядъ какъ бы проснулся: въ рядахъ послышались говоръ, движеніе и смѣхъ. Солдаты, кто боролся съ товарищемъ, кто перепрыгивалъ съ ноги на ногу, кто жевалъ сухарь или, для препровожденія времени, отбивалъ на караулъ и къ ногѣ.

Притомъ, туманъ замѣтно начиналъ бѣлѣть на востокѣ, сырость становилась ошутительнѣе, и окружающіе предметы постепенно выходили изъ мрака. Я различалъ уже зеленые лафеты и ящики, покрытую туманной сыростью мѣдъ орудій, знакомыя, невольно изученныя до малѣйшихъ подробностей, фигуры моихъ солдатъ, гнѣдыхъ лошадей и ряды пѣхоты съ ихъ свѣтлыми штыками, торбами, пыжовниками и котелками за спинами.

Скоро насъ снова тронули и, проведя нѣсколько сотъ шаговъ безъ дороги, указали мѣсто. Справа виднѣлись кругой берегъ извилистой рѣчки и высокіе деревянные столбы татарскаго кладбища; слѣва и спереди, сквозь туманъ, проглядывала черная полоса. Вздвѣсь сѣлся съ передковъ. Восьмая рота, прикрывавшая насъ, составила ружья въ козлы, и батальонъ солдатъ съ ружьями и топорами вошелъ въ лѣсъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ со всѣхъ сторонъ затрещали и задымились костры, рассыпались солдаты, раздувая огни руками и ногами, таская сучья и бревна, и въ лѣсу неумолкаемо зазвучали сотни топоровъ и падающихъ деревьевъ.

Артиллеристы, съ нѣкоторымъ соперничествомъ передъ пѣхотными, разложили свой костеръ, и, хотя онъ уже такъ разгорѣлся, что на два шага подойти нельзя было и густой черный дымъ проходилъ сквозь обледенѣлыя вѣтви, съ которыхъ капли шинѣли на огнѣ и которыя нажимали на огонь солдаты, снизу образовывались угли и помертвѣлая бѣлая трава кругомъ костра. Солдатамъ все казалось мало: они тащили цѣлыя бревна, подсовывали бурьянъ и раздували все больше и больше.

Когда я подошелъ къ костру, чтобы закурить папиросу, Веленчукъ, и всегда хлопотунъ, но теперь, какъ провинившійся, больше всѣхъ старавшійся около костра, въ припадкѣ усердія, досталъ изъ самой середины голой рукой уголь, перебралъ раза два изъ руки въ руку и бросилъ на землю.

«Ты форостинку зажги да подай», сказалъ другой. «Пальникъ, братцы, подайте», сказалъ третій. Когда я наконецъ безъ помощи Веленчука, который опять было руками хотѣлъ взять уголь, зажегъ папиросу, онъ потеръ обожженные пальцы о заднія полы полушубка и, должно быть, чтобъ что нибудь дѣлать, поднялъ большой чинаровый отрубокъ и съ размаху бросилъ его на костеръ. Когда наконецъ ему показалось, что можно отдохнуть, онъ подошелъ къ самому жару, распахнулъ шинель, надѣтую, на немъ, въ видѣ епанчи, на задней пуговицѣ, разставилъ ноги, выставилъ впередъ свои большія черныя руки и, скрививъ немного ротъ, зажмурился.

— Эхъ-ма! трубку забылъ. Вотъ-горе-то, братцы мои! сказалъ онъ, помолчавъ немного и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

II.

Въ Россіи есть три преобладающіе типа солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и т. д.

Главные эти типы, со многими подраздѣленіями и соединеніями, слѣдующіе:

- 1) Покорныхъ.
- 2) Начальствующихъ и
- 3) Отчаянныхъ.

Покорные подраздѣляются на а) покорныхъ хладнокровныхъ, б) покорныхъ хлопотливыхъ.

Начальствующіе подраздѣляются на а) начальствующихъ суровыхъ и б) начальствующихъ политическихъ.

Отчаянные подраздѣляются на а) отчаянныхъ забавниковъ и б) отчаянныхъ.

Чаще другихъ встрѣчающійся типъ, — типъ болѣе всего милый, симпатичный и болѣею частью соединенный съ лучшими христіанскими добродѣтелями: кротостью, набожностью, терпѣніемъ и преданностью волѣ Божей, есть типъ покорнаго вообще. Отличительная черта покорнаго хладнокровнаго есть ничѣмъ несокрушимое спокойствіе и презрѣніе ко всѣмъ превратностямъ судьбы, могущимъ постигнуть его. Отличительная черта покорнаго-пьющаго есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотливаго — ограниченность умственныхъ способностей, соединенная съ безцѣльнымъ трудолюбіемъ и усердіемъ.

Типъ же начальствующихъ вообще встрѣчается преимущественно въ высшей солдатской сферѣ: ефрейторовъ, унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и т. д., и, по первому подраздѣленію начальствующихъ суровыхъ, есть типъ весьма благородный, энергическій, преимущественно военный, не исключаяющій высокихъ поэтическихъ порывовъ (къ этому-то типу принадлежалъ ефрейторъ Антоновъ, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателя). Второе подраздѣленіе составляютъ начальствующіе политичные, съ нѣкотораго времени начинающіе сильно распространяться. Начальствующій политичный бываетъ всегда краснорѣчивъ, грамотенъ, ходитъ въ розовой рубашкѣ, не ѣстъ изъ общаго котла, куритъ иногда мусатовъ табакъ, считаетъ себя несравненно выше простаго солдата и рѣдко самъ бываетъ столь хорошимъ солдатомъ, какъ начальствующіе перваго разряда.

Типъ отчаяннаго, точно такъ же, какъ и типъ начальствующаго, хорошъ въ первомъ подраздѣленіи — отчаянныхъ забавниковъ, отличительными чертами которыхъ суть непоколебимая веселость, огромныя способности ко всему, богатство натуры и удалъ, — и также ужасно дуренъ во второмъ подраздѣленіи — отчаянныхъ развратныхъ, которые, однако, нужно сказать къ чести русскаго войска, встрѣчаются весьма рѣдко и если встрѣчаются, то бываютъ удаляемы отъ товарищества самимъ оф-

ществомъ солдатскимъ. Невѣріе и какое-то удайство въ перокѣ — главные черты характера этого разряда.

Веленчукъ принадлежалъ къ разряду покорныхъ хлопотливыхъ. Онъ былъ малороссіянинъ родомъ, уже 15 лѣтъ на службѣ и хотя невидный и не слишкомъ ловкій солдатъ, но простодушный, добрый, чрезвычайно усердный, хотя большей частью не кстати, и чрезвычайно честный. Я говорю: чрезвычайно честный, потому, что въ прошломъ году былъ случай, въ которомъ онъ показалъ весьма очевидно это характеристическое свойство. Надобно замѣтить, что почти каждый изъ солдатъ имѣетъ мастерство. Болѣе распространенныя мастерства: портняжное и сапожное. Веленчукъ самъ научился первому и даже, судя по тому, что самъ Михаилъ Дорофѣичъ, фельдфебель, давалъ ему шить на себя, дошелъ до извѣстной степени совершенства. Въ прошломъ году въ лагерѣ Веленчукъ взялся шить тонкую шинель Михаилу Дорофѣичу; но въ ту самую ночь, когда онъ, скропвъ сукно и прикинувъ прикладъ, положилъ къ себѣ въ палаткѣ подъ голову, съ нимъ случилось несчастіе: сукно, которое стоило *семь рублей*, въ ночь пропало! Веленчукъ, со слезами на глазахъ, съ дрожащими блѣдными губами и сдержанными рыданіями, объявилъ о томъ фельдфебелю. Михаилъ Дорофѣичъ прогнѣвался. Въ первую минуту досады онъ пригрозилъ портному, но потомъ, какъ человѣкъ съ достаткомъ и хорошій, махнулъ рукой и не требовалъ съ Веленчука возвращенія цѣнности шинели. Какъ ни хлопоталъ хлопотливый Веленчукъ, какъ ни плакалъ, рассказывая про свое несчастіе, воръ не нашелся. Хотя и были сильныя подозрѣнія на одного отчаяннаго развратнаго солдата, Чернова, спавшаго съ нимъ въ одной палаткѣ, но не было положительныхъ доказательствъ. Начальствующій политичный Михаилъ Дорофѣичъ, какъ человѣкъ съ достаткомъ, занимаясь кое-какими сдѣлочками съ каптенармусомъ и артельщикомъ, аристократами батареи, скоро совершенно забылъ о пропажѣ партикулярной шинели; Веленчукъ же, напротивъ, не забылъ своего несчастія. Солдаты говорили, что въ это время они боялись за него, какъ бы онъ не наложилъ на себя рукъ или не бѣжалъ въ горы: такъ сильно на него подействовало это несчастіе. Онъ не пилъ, не ѣлъ, работать даже не могъ и все плакалъ. Черезъ три дня онъ явился къ Михаилу Дорофѣичу и, весь блѣдный, дрожащей рукой досталъ изъ-за обшлага золотой и подалъ ему. «Ей-Богу, послѣдніе, Михаилъ Дорофѣичъ, — и тѣ у Жданова занялъ», сказалъ онъ, снова всхлипывая, «а еще 2 рубля ей-ей отдамъ, какъ заработаю. Онъ (кто былъ онъ, не зналъ самъ и Веленчукъ) меня передъ вашими глазами плутомъ сдѣлалъ. Онъ ехидная, его мерзкая душа у своего брата солдата послѣднее изъ души взялъ; а я, 15 лѣтъ служа...» Къ чести Михаила Дорофѣича, должно сказать, что онъ не взялъ съ Веленчука недостающихъ двухъ

рублей, хотя Веленчукъ черезъ два мѣсяца и приносилъ ихъ.

III.

Кромѣ Веленчука около костра грѣлись еще пять человѣкъ солдатъ моего взвода.

На лучшемъ мѣстѣ, за вѣтромъ, на баклагѣ, сидѣлъ взводный фейерверкеръ Максимовъ и курилъ трубку. Въ позѣ, во взглядѣ и во всѣхъ движеніяхъ этого человѣка замѣтны были привычка повелѣвать и сознаніе собственного достоинства, не говоря уже о баклагѣ, на которой онъ сидѣлъ, составляющей на привалѣ эмблему власти, и крытомъ нанкой полшубкѣ.

Когда я подошелъ, онъ повернулъ голову ко мнѣ; но глаза его оставались устремленными на огонь, и только гораздо послѣ взгляда его, вслѣдъ за направленіемъ головы, обратился на меня. Максимовъ былъ изъ однодворцевъ, имѣлъ деньги и въ учебной бригадѣ получилъ классъ и набрался учености. Онъ былъ ужасно богатъ и ужасно ученъ, какъ говорили солдаты. Я помню, какъ разъ, на практической навѣсной стрѣльбѣ съ квадрантомъ, онъ объяснялъ собравшимся вокругъ него солдатамъ, что ватерпасъ *ничто иное есть, какъ происходитъ, что атмосферическая ртуть свое движеніе имѣетъ*. Въ сущности Максимовъ былъ далеко не глупъ и отлично зналъ свое дѣло; но у него была несчастная странность говорить иногда нарочно такъ, что не было никакой возможности понять его и что, я увѣренъ, онъ самъ не понималъ своихъ словъ. Особенно онъ любилъ слова: «происходить» и «продолжать», и когда, бывало, скажетъ: происходитъ, или: продолжая, то уже я впередъ знаю, что изъ всего послѣдующаго я не пойму ничего. Солдаты же, напротивъ, сколько я могъ замѣтить, любили слушать его «происходить» и подозрѣвали въ немъ глубокий смыслъ, хотя, такъ же, какъ и я, не понимали ни слова. Но непониманіе это они относили только къ своей глупости и тѣмъ болѣе уважали Ѳедора Максимыча. Однимъ словомъ, Максимовъ былъ начальствующій политичный.

Второй солдатъ, переобувавшій около огня свои жилистые, красныя ноги, былъ Антоновъ, — тотъ самый бомбардиръ Антоновъ, который еще въ 37 году, втроемъ, оставшись при одномъ орудіи, безъ прикрытія, отстрѣливался отъ сильнаго непріятеля и съ двумя пулями въ ляжки продолжалъ итти около орудія и заряжать его. «Давно бы ужъ ему быть фейерверкеромъ, коли бы не карахтеръ его», говорили про него солдаты. И, дѣйствительно, странный у него былъ характеръ: въ трезвомъ видѣ не было человѣка покойнѣе, смиреннѣе и исправнѣе; когда же онъ зашивалъ, становился совсѣмъ другимъ человѣкомъ — непризнавая власти, дрался, буянилъ и дѣлался никуда негоднымъ солдатомъ. Не дальше, какъ недѣлю тому назадъ,

онъ запили на масляницѣ и, несмотря ни на какія угрозы, увѣщанія и привязыванья къ орудію, пьянствовалъ и буянилъ до самаго чистаго понедѣльника. Весь постъ же, несмотря на приказъ по отряду всѣмъ людямъ ѣсть скоромное, пытался онъ одними сухарями и на первой недѣлѣ не бралъ даже положенной крышки водки. Впрочемъ, надобно было видѣть эту невысокую, сбитую, какъ желѣзо, фигуру, съ короткими, выгнутыми ножками и глянцовитой усатой рожей, когда, онъ бывало, подъ хмѣлькомъ, возьметъ въ жилистыя руки балалайку и, небрежно поглядывая по сторонамъ, завтраетъ «барыню», или съ шинелью въ накидку, на которой болтаются ордена, и заложивъ руки въ карманы синихъ нанковыхъ штаповъ, пройдетъ по улицѣ, — надо было видѣть выраженіе солдатской гордости и презрѣнія ко всему не-солдатскому, игравшей въ это время на его физиономіи, чтобы понять, какимъ образомъ не подражаться въ такія минуты, съ загрузившимъ или просто повернувшимся деньщикомъ, казакомъ пѣхотнымъ или переселенцемъ, вообще не-артиллеристомъ, было для него совершенно невозможно. Онъ дрался и буянилъ не столько для собственнаго удовольствія, сколько для поддержанія духа всего солдатева, котораго онъ чувствовалъ себя представителемъ.

Третій солдатъ, съ сергой въ ухѣ, щетинистыми усиками, птичьею кожей и фарфоровой трубкой въ зубахъ, на корточкахъ сидѣвшій около костра, былъ ѣздовой Чикинъ. Милый человекъ Чикинъ, какъ его прозвали солдаты, былъ забавникъ. Въ трескучій ли морозъ, по колѣно въ грязи, два дня не ѣвши, въ походѣ, на смотру, на ученьи милый человекъ всегда и вездѣ корчилъ гримасы, выдѣлывалъ ногами колѣнцы и отливалъ такія штуки, что весь взводъ покатывался со смѣху. На привалѣ или въ лагерѣ вокругъ Чикина всегда собирался кружокъ молодыхъ солдатъ, съ которыми онъ или затѣвалъ «Фильку» (*), или рассказывалъ сказки про хитраго солдата и англійскаго милорда, или представлялъ татарина, нѣмца, или просто дѣлалъ свои замѣчанія, отъ которыхъ всѣ помирали со смѣху. Правда, что репутація его какъ забавника была ужъ такъ утверждена въ батареѣ, что стоило ему только открыть ротъ и подмигнуть, чтобы произвести общій хохотъ; но, дѣйствительно, въ немъ много было истинно комическаго и неожиданнаго. Онъ въ каждой вещи умѣлъ видѣть что-то особенное, такое, что другимъ и въ голову не приходило, и — главное — способность эта во всемъ видѣть смѣшное не уступала никакимъ испытаніямъ.

Четвертый солдатъ былъ молодой, невзрачный мальчишка рекрутъ прошлагодняго пригона, въ первый еще разъ бывшій въ походѣ. Онъ стоялъ въ самомъ дыму и такъ близко отъ огня, что, казалось, истертый полушубокъ его сейчасъ заго-

рится: но, несмотря на это, по его распахнутымъ поламъ, спокойной, самодовольной позѣ, съ выгнутыми икрами, видно было, что онъ испытывалъ большое удовольствіе.

И, наконецъ, пятый солдатъ, немного поодаль сидѣвшій отъ костра и строгавшій какую-то палочку, былъ дядинька Ждановъ. Ждановъ былъ старше всѣхъ солдатъ въ батареѣ на службѣ, всѣхъ зналъ еще рекрутами, и всѣ, по старой привычкѣ, называли его дядинькой. Онъ, какъ говорили, никогда не пилъ, не курилъ, не игралъ въ карты (даже въ носки), не бранился дурнымъ словомъ. Все свободное отъ службы время онъ занимался сапожнымъ мастерствомъ, по праздникамъ ходилъ въ церковь, гдѣ было возможно, или ставилъ копѣечную свѣчку передъ образомъ и раскрывалъ псалтырь, единственную книгу, по которой онъ умѣлъ читать. Съ солдатами онъ водился мало, — со старшими чиномъ, хотя и младшими лѣтами, онъ былъ холодно почтителенъ, съ равными, какъ не пьющій, онъ имѣлъ мало случаевъ сходитьсь; но особенно онъ любилъ рекрутовъ и молодыхъ солдатъ: ихъ онъ всегда покровительствовалъ, читалъ имъ наставленія и помогалъ часто. Всѣ въ батареѣ считали его капиталистомъ, потому что онъ имѣлъ рублей 25, которыми охотно ссужалъ солдата, который дѣйствительно нуждался. Тотъ самый Максимовъ, который теперь былъ фейерверкеромъ, рассказывалъ мнѣ, что когда, 10 лѣтъ тому назадъ, онъ рекрутомъ пришелъ и старые пьющіе солдаты пропили съ нимъ деньги, которыя у него были, Ждановъ, замѣтивъ его несчастное положеніе, призвалъ къ себѣ, строго выговорилъ ему за его поведение, побилъ даже, прочелъ наставленіе, какъ и въ солдатствѣ жить нужно, и отпустилъ, давъ ему рубаху, которыхъ ужъ не было у Максимова, и полтину денегъ. «Онъ изъ меня человека сдѣлалъ», говорилъ про него всегда съ уваженіемъ и благодарностью самъ Максимовъ. Онъ же помогъ Веленчуку, котораго онъ вообще покровительствовалъ съ самаго рекрутства, во время несчастія пропажи шинели, и многимъ, многимъ другимъ во время своей 25-лѣтней службы.

По службѣ нельзя было ждать лучше знающаго дѣло, храбрѣе и исправнѣе солдата; но онъ былъ слишкомъ смиренъ и невиденъ, чтобы быть произведеннымъ въ фейерверкеры, хотя уже былъ 15 лѣтъ бомбардиромъ. Одна радость и даже страсть Жданова были пѣсни; особенно нѣкоторыя онъ очень любилъ и всегда собиралъ кружокъ пѣсенниковъ изъ молодыхъ солдатъ и, хотя самъ не умѣлъ пѣть, стоялъ съ ними и, заложивъ руки въ карманы полушубка и зажмурившись, движеніями головы и скулъ выражалъ свое сочувствіе. Незнаю почему, въ этомъ равномерномъ движеніи скулъ подъ ушами, которое я замѣчалъ только у него одного, я почему-то находилъ чрезвычайно много выраженья. Бѣлая, какъ лунь, голова, нафабранные черные усы и загорѣлое морщинистое лицо придавали ему, на первый взглядъ, выраженіе стро-

(*) Солдатская игра въ карты.

гое и суровое; но, взглянув ближе въ его большіе, круглые глаза, особенно, когда они улыбались (губами онъ никогда не смѣялся), что-то необыкновенно кроткое, почти дѣтское вдругъ поражаало васъ.

IV.

— Эхъ-ма! трубку забылъ. Вотъ горе-то, братцы мои! повторилъ Веленчукъ.

— А ты бы *сигарки* курилъ, милый человѣкъ! заговорилъ Чикинъ, скрививъ ротъ и подмигивая. — Я такъ все сигарки дома курю: она слаще.

Разумѣется, всѣ покатались со смѣху.

— То-то трубку забылъ, перебилъ Максимовъ, не обращая вниманія на общій хохотъ и начальнически, гордо выбивая трубку о ладонь лѣвой руки. — Ты гдѣ тамъ пропадалъ? а, Веленчукъ?

Веленчукъ полусоборотился къ нему, поднялъ было руку къ шапкѣ, но потомъ опустилъ ее.

— Видно, со вчерашняго не проспался, что ужъ стоя засыпаешь: За это вашему брату спасибо не говорятъ.

— Разорви меня на семь мѣстъ, Федоръ Максимовичъ, коли у меня капля во рту была; а я и самъ не знаю, что со мной сдѣлалось, отвѣчалъ Веленчукъ. — Съ какой радости напился! проворчалъ онъ.

— То-то; а изъ-за вашего брата отвѣтствуешь передъ начальствомъ своимъ, а вы этакъ продолжаете—вовсе безобразно, заключилъ краснорѣзый Максимовъ, уже болѣе спокойнымъ тономъ.

— Вѣдь вотъ чудо-то, братцы мои, продолжалъ Веленчукъ, послѣ минутнаго молчанія, почесывая въ затылкѣ и не обращаясь ни къ кому въ особенности:—право, чудо, братцы мои! Шестнадцать лѣтъ служу—такого со мной не бывало. Какъ сказали къ расчету строиться, я собрался какъ слѣдуетъ—ничего не было, да вдругъ у паркѣ какъ она схватитъ меня.... схватила, схватила, повалила повалила меня на земь, да и все.... И какъ заснулъ самъ, не слышалъ, братцы мои! Должно, она самая спячка и есть, заключилъ онъ.

— Вѣдь и то насилу я тебя разбудилъ, сказалъ Антоновъ, натягивая сапогъ:—ужъ я тебя толкалъ, толкалъ.... ровво чурбанъ какой!

— Вишь ты, замѣтилъ Веленчукъ:—добро ужъ пьяный былъ....

— Такъ-то унасъ дома баба была, началъ Чикинъ:—такъ съ печи почитай два года не сходила. Стали ее будить разъ, думали, что спитъ, а ужъ она мертвая лежитъ,—такъ тоже все на нее сонъ находилъ. Такъ-то, милый человѣкъ!

— А расскажи-ка, Чикинъ, какъ ты въ отпускъ тонъ задавалъ себѣ, сказалъ Максимовъ, улыбаясь и поглядывая на меня, какъ будто говоря: «не угодно ли тоже послушать глупаго человѣка?»

— Какой тонъ, Федоръ Максимовичъ! сказалъ

Чикинъ, бросая искоса на меня бѣглый взглядъ:—извѣстно, рассказывалъ, какой такой Капкасъ есть.

— Ну да, какже, какже! Ты не модничай.... расскажи, какъ ты имъ *предводительствовалъ*?

— Извѣстно, какъ предводительствовалъ: спрашивали, какъ мы живемъ, началъ Чикинъ скороговоркой, съ видомъ человѣка, нѣсколько разъ рассказывавшаго то же самое:—я говорю, живемъ хорошо, милый человѣкъ: провіантъ сполна получаемъ, утро и вечеръ по чашкѣ *шиколата*—идеть на *солдата*, а въ обѣдъ идетъ господскій *супъ* изъ перловыхъ *крутъ*, а замѣстъ водки *модера* полагается по крышкѣ. Модера Дивирье, что безъ посуды, молъ, сорокъ-двѣ!

— Важная модера! громче другихъ, заливаясь смѣхомъ, подхватилъ Веленчукъ:—вотъ такъ модера!

— Ну, а про эзіятовъ какъ рассказывалъ? продолжалъ допрашивать Максимовъ, когда общій смѣхъ утихъ нѣсколько.

Чикинъ нагнулся къ огню, досталъ палочкой уголекъ, наложилъ его на трубку и молча, какъ будто не замѣчая возбужденнаго въ слушателяхъ молчаливаго любопытства, долго раскуривалъ свои корешки. Когда наконецъ онъ набрался достаточно дыму, сбросилъ уголекъ, сдвинулъ еще болѣе назадъ свою шапочку и, подергиваясь и слегка улыбаясь, продолжалъ:—тоже спрашиваютъ, какой—говорить—тамъ малый черкесъ—говорить—или турка у васъ на Капкасъ—говорить—бьетъ? Я говорю, у насъ черкесъ, милый человѣкъ, не одинъ, а разные есть. Есть такіе тавлинцы, что въ каменныхъ горахъ живутъ и камни замѣстъ хлѣба ѣдятъ. Тѣ большіе, говорю, ровно какъ колода добрая, по одному глазу во лбу, и шапки на нихъ красныя, вотъ такъ и горятъ, ровно какъ на тебѣ, милый человѣкъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ молодому рекрутику, на которомъ, дѣйствительно, была уморительная шапочка съ краснымъ верхомъ.

Рекрутикъ, при этомъ неожиданномъ обращеніи, вдругъ присѣлъ къ землѣ, ударилъ себя по колѣнямъ и расхохотался и расканился дотога, что едва могъ выговорить задыхающимъ голосомъ: «вотъ такъ тавлинцы!»

— А то еще, говорю, мумры есть, продолжалъ Чикинъ, движеніемъ головы надвигая на лобъ свою шапочку:—тѣ другіе двойнешки маленькіе, вотъ такіе. Все по парочкамъ, говорю, рука съ рукой держатся и такъ-то бѣгаютъ, говорю, пивытко, что ты его на конѣ не догонишь. Какже, говорить, малый, какже они, мумры-то, рука съ рукой такъ и родятся, что ли, воображая передразнивать мужика, сказалъ онъ горловымъ басомъ. — Да, говорю, милый человѣкъ, онъ такой отъ природи. Ты имъ руки разорви, такъ кровь пойдетъ, все равно, что китаецъ: шапку съ него сними, она, кровь, пойдетъ. — А кажи, малый, какъ они бьютъ-то? говорить. — Да такъ, говорю, поймаютъ тебя, животъ распорятъ да кишки тебѣ на руку и мотають и

мотають. Они мотають, а ты смѣнешся, дотелева смѣнешся, что духъ вонъ...

— Ну, что жь, и имѣли къ тебѣ довѣріе, Чикинъ? сказалъ Максимовъ, слегка улыбаясь, тогда какъ остальные помирали со смѣху.

— И такой, право, народъ чудной, Оедоръ Максимычъ: вѣрютъ всему, ей-Богу, вѣрютъ. А сталъ имъ про гору *Кизбекъ* сказывать, что на ней все лѣто снѣгъ не таетъ, такъ вовсе на смѣхъ подняли, милый человекъ!—Что ты, говоритъ, малый, фастаешь? Видано ли дѣло: большая гора, да на ней снѣгъ не будетъ таять. У насъ, малый, въ растопель такъ какой бугоръ, и то прежде растаетъ, а въ лощинѣ снѣгъ лежитъ.—Поди-ты, заключилъ Чикинъ, подмигивая.

V.

Свѣтлый кругъ солнца, просвѣчивающій сквозь молочно-бѣлый туманъ, уже поднялся довольно высоко; сѣро-лиловый горизонтъ постепенно расширялся и хотя гораздо дальше, но также рѣзко ограничивался обманчивою бѣлою стѣною тумана.

Впереди насъ, за срубленнымъ лѣсомъ, открылась довольно большая поляна. По полянѣ со всѣхъ сторонъ разстилался гдѣ черный, гдѣ молочно-бѣлый, гдѣ лиловый дымъ костровъ, и страшными фигурами носились бѣлые слои тумана. Далеко впереди, изрѣдка, показывались группы верховыхъ татаръ и слышались нечастые выстрѣлы нашихъ штуцеровъ, изъ винтовокъ и орудія.

«Это еще было не дѣло, а одна потѣха-съ», какъ говорилъ добрый капитанъ Хлоновъ.

Командиръ 9-й егерской роты, бывший у насъ въ прикрытіи, подошелъ къ своимъ орудіямъ и, указывая на трехъ верховыхъ татаръ, ѣхавшихъ въ это время подъ лѣсомъ, на разстояніи отъ насъ болѣе 600 сажень, просилъ, по свойственной веѣмъ вообще пѣхотнымъ офицерамъ любви къ артиллерійской стрѣльбѣ, просилъ меня пустить по нимъ ядро или гранату.

— Видите, говорилъ онъ, съ доброй и убѣдительною улыбкой, протягивая руку изъ-за моего плеча:—гдѣ два большія дерева, такъ впереди, одинъ на бѣлой лошади и въ черной черкескѣ, а вонъ сзади еще два. Видите. Нельзя ли ихъ, пожалуйста...

— А вонъ еще трое ѣдутъ, по-подъ лѣсомъ, прибавилъ Антоновъ, отличавшійся удивительнымъ глазомъ, подходя къ намъ и пряча за спину трубку, которую курилъ въ это время:—еще передней винтовку изъ чехла вынулъ. Знатко видать, ваш-бородіе!

— Вишь, выпалилъ, братцы мои! вонъ дымокъ забѣлѣлся, сказалъ Веленчукъ, въ группѣ солдатъ, стоявшихъ немного сзади насъ.

— Должно, въ нашу цѣпь прохвость! замѣтилъ другой.

— Вишь, ихъ изъ-за лѣсу-то сколько выснило, должно, мѣсто глядятъ—орудію поставить хотятъ, добавилъ третій. Гхранату кабы имъ туда въ кучку пустить, то то-бы заплевали...

— А какъ думаешь, какъ разъ дотелева фатить, милый человекъ? спросилъ Чикинъ.

— Пятсотъ либо пятсотъ-двадцать сажень—больше не будетъ, какъ будто говоря самъ съ собой, хладнокровно сказалъ Максимовъ, хотя видно было, что ему, также, какъ и другимъ, ужасно хотѣлось выпалить:—коли 45 линій изъ единорога дать, то въ самый пунктъ понасть можно, то есть, совершенно.

— Знаете теперь, коли въ эту кучку направить, непременно въ кого нибудь попадете. Вотъ-вотъ теперь, какъ они стѣхались, пожалуйста, поскорѣй велите выстрѣлить, продолжалъ упрашивать меня ротный командиръ.

— Прикажете навести орудіе? отрывистымъ басомъ вдругъ спросилъ Антоновъ, съ видомъ какой-то угрюмой злобы.

Признаюсь, мнѣ и самому этого очень хотѣлось, и я велѣлъ навести 2-е орудіе.

Едва я успѣлъ сказать, какъ граната была распудрена, дослана, и Антоновъ, прильнувъ въ станинѣ и приставивъ къ затылку свои два толстые пальца, уже командовалъ хоботъ вправо и влѣво.

— Чуть-чуть влѣво... самую малость вправо... еще, еще трошки... такъ, ладно, сказалъ онъ съ гордымъ видомъ, отходя отъ орудія.

Пѣхотный офицеръ, я, Максимовъ, одинъ за другимъ, приложились къ прицѣлу и всѣ подали свои разнообразныя мнѣнія.

— Ей-Богу, перенесетъ, замѣтилъ Веленчукъ, пощелкивая языкомъ, несмотря на то, что онъ только смотрѣлъ черезъ плечо Антонова и поэтому не имѣлъ никакого основанія предполагать это.—Е-е-ей-Богу, перенесетъ прямо, въ ту дерево попанетъ, братцы мои!

— Второе! скомандовалъ я.

Прислуга разступилась. Антоновъ отбѣжалъ въ сторону, чтобы видѣть полетъ снаряда—труба вспыхнула и зазвенѣла мѣдъ. Въ то же мгновеніе насъ обдало пороховымъ дымомъ, и изъ поразительнаго гула выстрѣла отдѣлился металлическій, фукащій, съ быстротою молніи удалявшійся звукъ полета, посреди всеобщаго молчанія замершій въ отдаленіи.

Немного позади группы верховыхъ показался бѣлый дымокъ, татары разскакались въ разныя стороны, и до насъ долетѣлъ звукъ разрыва.

«Вотъ важно-то! Экъ поскакали! Вишь, черти, не любятъ!» слышались одобренія и смѣшки въ рядахъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ солдатъ.

— Коли бы трошки ниже пустить, въ самую его бы попало, замѣтилъ Веленчукъ:—говорилъ, въ дереву попанетъ: оно и есть—взяло вправо.

VI.

Оставив солдатъ разсуждать о томъ, какъ татары усакали, когда увидѣли гранату, и зачѣмъ они тутъ ѣздили, и много ли ихъ еще въ лѣсу есть, я отошелъ, съ ротнымъ командиромъ, за нѣсколько шаговъ и сѣлъ подъ деревомъ, ожидая разогрѣвавшихся битковъ, которые онъ предложилъ мнѣ. Ротный командиръ Болховъ былъ одинъ изъ офицеровъ, называемыхъ въ полку *бонжуролли*. Онъ имѣлъ состояніе, служилъ прежде въ гвардіи и говорилъ по-французски. Но, несмотря на это, товарищи любили его. Онъ былъ довольно уменъ и имѣлъ достачно такта, чтобы носить петербургскій скюртукъ, ѣсть хорошій обѣдъ и говорить по-французски, не слишкомъ оскорбляя общество офицеровъ. Поговоривъ о погодѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ, объ общихъ знакомыхъ офицерахъ и убѣдившись, по вопросамъ и отвѣтамъ, по взгляду на вещи, въ удовлетворительности понятій одинъ другаго, мы невольно перешли къ разговору болѣе короткому. Притомъ же, на Кавказѣ между встрѣчающимися одного круга людьми хотя невысказанно, но весьма очевидно проявляется вопросъ: зачѣмъ вы здѣсь? и на этотъ-то мой молчаливый вопросъ, мнѣ казалось, собесѣдникъ мой хотѣлъ отвѣтить.

— Когда этотъ отрядъ кончится? сказалъ онъ лѣниво: — скучно.

— Мнѣ не скучно, сказалъ я:—вѣдь въ штабѣ еще скучнѣе.

— О, въ штабѣ въ десять тысячъ разъ хуже, сказалъ онъ со злобью. — Нѣтъ! когда все это совсѣмъ кончится?

— Чтѣ же вы хотите, чтобъ кончилось? спросилъ я.

— Все, совсѣмъ!... Чтѣ же, готовы битки, Николаевъ? спросилъ онъ.

— Для чего же вы пошли служить на Кавказъ, сказалъ я:—коли Кавказъ вамъ такъ не нравится?

— Знаете, для чего, отвѣчалъ онъ съ рѣшительной откровенностью: — по преданію. Въ Россіи вѣдь существуетъ престранное преданіе про Кавказъ: будто это какая-то обѣтованная земля для всякаго рода несчастныхъ людей.

— Да, это почти правда, сказалъ я: — бѣлая часть изъ насъ...

— Но чтѣ лучше всего, перебилъ онъ меня:— что всѣ мы, по преданію ѣдущіе на Кавказъ, ужасно ошибаемся въ своихъ расчетахъ, — и рѣшительно я не вижу, почему вслѣдствіе несчастной любви или разстройства дѣлъ скорѣе ѣхать служить на Кавказъ, чѣмъ въ Казань или въ Калугу. Вѣдь въ Россіи воображаютъ Кавказъ какъ-то величественно, съ вѣчными дѣвственными льдами, бурными потоками, съ кинжалами, бурками, черкешенками, — все это страшное что-то, а въ сущности ничего въ этомъ нѣту веселаго. Ежели бы они знали, по крайней мѣрѣ, что въ дѣвственныхъ льдахъ мы никогда не бываемъ, да и быть-то въ нихъ ничего веселаго нѣтъ, а что Кавказъ раз-

дѣляется на губерніяхъ: Ставропольскую, Тифлискую и т. д....

— Да, сказалъ я, смѣясь: — мы въ Россіи совсѣмъ иначе смотримъ на Кавказъ, чѣмъ здѣсь. Это испытывали ли вы когда нибудь? Какъ читать стихи на языкѣ, который плохо знаешь, воображаешь себя гораздо лучше, чѣмъ есть?...

— Не знаю, право, но ужасно не нравится мнѣ этотъ Кавказъ, перебилъ онъ меня.

— Нѣтъ, Кавказъ для меня и теперь хорошъ, но только иначе...

— Можетъ быть, и хорошъ, продолжалъ онъ съ какою-то раздражительностью: — знаю только то, что я не хорошъ на Кавказѣ.

— Отчего же такъ? сказалъ я, чтобъ сказать что нибудь.

— Оттого, что, во первыхъ, онъ обманулъ меня. Все то, отъ чего я, по преданію, поѣхалъ лечиться на Кавказъ, все пріѣхало со мною сюда,—только съ той разницей, что прежде все это было на большой лѣстницѣ, а теперь на маленькой, на грязненькой, на каждой ступенькѣ которой я нахожу миллионы маленькихъ тревогъ, гадостей, оскорбленій; во вторыхъ, оттого, что я чувствую, какъ я съ каждымъ днемъ морально падаю ниже и ниже, и главное то, что чувствую себя неспособнымъ къ здѣшней службѣ: я не могу переносить опасности... просто, я не храбръ...

Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня безъ шутокъ.

Хотя это непрошенное признаніе чрезвычайно удивило меня, я не противорѣчилъ, какъ видимо хотѣлось того моему собесѣднику, но ожидалъ отъ него самого опроверженія своихъ словъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Знаете, я въ нынѣшній отрядъ въ первый разъ въ дѣлѣ, продолжалъ онъ:—и вы не можете себя представить, чтѣ со мной вчера было. Когда фельдфебель принесъ приказаніе, что моя рота назначена въ колонну, я поблѣднѣлъ, какъ полотно, и не могъ говорить отъ волненія. А какъ я провелъ ночь, ежели бы вы знали! Если правда, что сѣдѣютъ отъ страха, то я бы долженъ быть совершенно бѣлый нынче, потому что, вѣрно, ни одинъ приговоренный къ смерти не прострадалъ въ одну ночь столько, какъ я; даже и теперь хотя мнѣ и легче немного, чѣмъ ночью, но у меня здѣсь вотъ чтѣ идетъ, прибавилъ онъ, вертя кулакъ передъ своею грудью.—И чтѣ смѣшно, продолжалъ онъ:—что здѣсь ужаснѣйшая драма разыгрывается, а самъ ѣшь битки съ лукомъ и уверяешь, что очень весело.—Вино есть, Николаевъ? прибавилъ онъ, зѣвая.

— Это онъ, братцы мои! слышался въ это время встревоженный голосъ одного изъ солдатъ, —и всѣ глаза обратились на опушку дальняго лѣса.

Вдали увеличивалось и, уносясь по вѣтру, поднималось голубоватое облако дыма. Когда я понялъ, что это былъ противъ насъ выстрѣлъ непріятеля, все, чтѣ было на моихъ глазахъ въ эту ми-

нуту, все вдругъ приняло какой-то новый величественный характеръ. И козлы ружей, и дымъ костровъ, и голубое небо, и зеленые лафеты, и загорѣлое, усатое лицо Николаева, — все это какъ будто говорило мнѣ, что ядро, которое вылетѣло уже изъ дыма и летитъ въ это мгновеніе въ пространство, можетъ быть направлено прямо въ мою грудь.

— Вы гдѣ брали вино? лѣниво спросилъ я Болхова, между тѣмъ, какъ въ глубинѣ души моей одинаково внятно говорили два голоса: одинъ — Господи, прими духъ мой съ міромъ, другой — надѣюсь не нагнуться, а улыбаться, въ то время, какъ будетъ пролетать ядро, — и въ то же мгновеніе надъ головой просвистѣло что-то ужасно неприятно и въ двухъ шагахъ отъ насъ шлепнулось ядро.

— Вотъ если бы я былъ Наполеонъ или Фридрихъ, сказалъ въ это время Болховъ, совершенно хладнокровно поворачиваясь ко мнѣ: — я бы непременно сказалъ какую нибудь любезность.

— Да вы и теперь сказали, отвѣчалъ я, съ трудомъ скрывая тревогу, произведениую во мнѣ прошедшей мнѣ опасностью.

— Да что жъ что сказалъ: никто не запишетъ.

— А я запишу.

— Да вы ежели и запишете, такъ въ критику, какъ говоритъ Мищенковъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Тыфу ты проклятый! сказалъ въ это время сзади насъ Антоновъ, съ досадой плюя въ сторону, — тропки по ногамъ не задѣла.

Все мое старанье казаться хладнокровнымъ и всѣ наши хитрыя фразы показались мнѣ вдругъ невыносимо глупыми послѣ этого простодушнаго восклицанія.

VII.

Непріятель, дѣйствительно, поставилъ два орудія на томъ мѣстѣ, гдѣ разбѣжали татары. Каждая минутъ 20 или 30 посылалъ по выстрѣлу въ нашихъ рубщиковъ. Мой взводъ выдвинули впередъ на поляну и приказали отвѣчать ему. Въ опушкѣ лѣса показался дымокъ, слышались выстрѣлы, свистъ, и ядро падало сзади или впереди насъ. Снаряды непріятеля ложились счастливо, и потери не было.

Артиллеристы, какъ и всегда, вели себя превосходно, проворно заряжали, старательно наводили по показавшемуся дыму и спокойно шутили между собой. Пѣхотное прикрытіе, въ молчаливомъ бездѣйствіи, лежало около насъ, дожидая своей очереди. Рубщики лѣса дѣлали свое дѣло: топоры звучали по лѣсу быстрее и чаще; только въ то время, какъ слышался свистъ снаряда, все вдругъ замолкало, средъ мертвой тишины раздавались не совсѣмъ спокойные голоса: «сторонись, ребята!» и всѣ глаза устремлялись на ядро, риконетировавшее по кострамъ и срученнымъ сучьямъ.

Туманъ уже совершенно поднялся и, принимая формы облаковъ, постепенно исчезалъ въ темно-голубой синевѣ неба; открывшееся солнце ярко свѣтило и бросало веселые отблески на сталь штыковъ, мѣдь орудій, оттаявающую землю и блески инея. Въ воздухѣ слышалась свѣжесть утренняго мороза, вмѣстѣ съ тепломъ весенняго солнца; тысячи различныхъ тѣней и цвѣтовъ мѣшались въ сухихъ листьяхъ лѣса, и на торной глянцевитой дорогѣ отчетливо виднѣлись слѣды шинъ и подковныхъ шиповъ.

Между войсками движеніе становилось сильнѣе и замѣтнѣе. Со всѣхъ сторонъ показывались чаще и чаще голубоватые дымки выстрѣловъ. Драгуны, съ развѣвающимися флюгерами пикъ, выѣхали впередъ; въ пѣхотныхъ ротахъ слышались пѣсни, и обозъ съ дровами сталъ строиться въ арбергардъ. Къ нашему взводу подѣхалъ генераль и приказалъ готовиться къ отступленію. Непріятель засѣлъ въ кусты противъ нашего лѣваго фланга и сталъ сильно беспокоить насъ ружейнымъ огнемъ. Съ лѣвой стороны изъ лѣсу прожужжала пуля и ударила въ лафетъ, потомъ другая, третья... Пѣхотное прикрытіе, лежавшее около насъ, шумно поднялось, взяло ружья и заняло цѣпь. Ружейные выстрѣлы усиливались и пули стали летать чаще и чаще. Началось отступленіе и, слѣдовательно, настоящее дѣло, какъ это всегда бываетъ на Кавказѣ.

По всему видно было, что артиллеристамъ не нравились пули, какъ прежде ядра — пѣхотнымъ. Антоновъ принахмурился. Чикинъ передразнивалъ пули и подшучивалъ надъ нимъ; но видно было, что онъ ему не нравились. Про одну говорилъ онъ: «какъ торопится», другую называлъ «пчелкой», третью, которая, какъ-то медленно и жалобно визжа, пролетѣла надъ нами, называлъ «сиротой», чѣмъ произвелъ общій хохотъ.

Рекрутикъ, съ непривычки, при каждой пулѣ сгибалъ на бокъ голову и вытягивалъ шею, что тоже заставляло смѣяться солдатиковъ, «что, знакомая, что ли, что кланяешься?» говорили ему. И Веленчукъ, всегда чрезвычайно равнодушный къ опасности, теперь былъ въ тревожномъ состояніи: его видимо сердило то, что мы не стрѣляемъ картечью по тому направленію, откуда летали пули. Онъ нѣсколько разъ недовольнымъ голосомъ повторилъ: «Что жъ онъ насъ даромъ-то бьетъ? Кабы туда орудію поворотить да картечью бы дунуть, такъ затихъ бы небось.»

Дѣйствительно, пора было это сдѣлать: я приказалъ выпустить послѣднюю гранату и зарядить картечью.

— Картечь! крикнулъ Антоновъ, лихо, въ самомъ дыму, подходя съ банникомъ къ орудію, только что зарядъ былъ выпущенъ.

Въ это время, недалеко сзади себя, я услышалъ вдругъ прекратившійся сухимъ ударомъ во что-то быстрый жужжащій звукъ пули. Сердце сжалось во мнѣ. «Кажется, кого-то изъ нашихъ задѣло», подумалъ я, но вмѣстѣ съ тѣмъ боясь оглянуться,

подъ вліяніемъ тяжелаго предчувствія. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ звукомъ послышалось тяжелое паденіе тѣла и «о-о-о-ой» — раздрающій стонъ раненаго. «Задѣло, братцы мои!» проговорилъ съ трудомъ голосъ, который я узналъ. Это былъ Веленчукъ. Онъ лежалъ навзничъ между передкомъ и орудіемъ. Сума, которую онъ несъ, была отброшена въ сторону. Лобъ его былъ весь въ крови, и по правому глазу и носу текла густая красная струя. Рана его была въ животѣ, но въ ней почти не было крови; лобъ же онъ разбилъ о пень во время паденія.

Все это я разобралъ гораздо послѣ; въ первую же минуту я видѣлъ только какую-то неясную массу и ужасно много, какъ мнѣ казалось, крови.

Никто изъ солдатъ, заряжавшихъ орудіе, не сказалъ слова, — только рекрутикъ пробормоталъ что-то въ родѣ: «вишь ты, какъ въ кровь», и Антоновъ, нахмурившись, крикнулъ сердито; но по всему замѣтно было, что мысль о смерти пробѣжала въ душѣ cadaго. Всѣ съ болѣею дѣятельностью принялись за дѣло. Орудіе было заряжено въ одно мгновеніе, и вожатый, принося картечь, шага на два обошелъ то мѣсто, на которомъ, продолжая стонать, лежалъ раненый.

VIII.

Каждый бывшій въ дѣлѣ, вѣрно, испытывалъ то странное, хотя и не логическое, но сильное чувство отвращенія отъ того мѣста, на которомъ былъ убитъ или раненъ кто нибудь. Этому чувству замѣтно поддались въ первую минуту мои солдаты, когда нужно было поднять Веленчука и перенести его на подтѣхавшую повозку. Ждановъ сердито подошелъ къ раненому, несмотря на усилившійся крикъ его, взялъ подъ мышки и поднялъ его. — «Что стали! берись!» крикнулъ онъ, и тотчасъ же раненаго окружили человѣкъ десять, даже ненужныхъ помощниковъ. Но едва сдвинули его съ мѣста, какъ Веленчукъ началъ кричать ужасно и рваться.

— Чтò кричишь, какъ заяцъ! сказалъ Антоновъ, грубо удерживая его за ногу: — а не то бросимъ.

И раненый затихъ дѣйствительно, только изрѣдка приговаривая: «охъ, смерть моя! о-охъ, братцы мои!»

Когда же его положили на повозку, онъ даже пересталъ охать, и я слышалъ, что онъ что-то говорилъ съ товарищами — должно быть прощался — тихимъ, но внятнымъ голосомъ.

Въ дѣлѣ никто не любитъ смотрѣть на раненаго, и я, инстинктивно торопясь удалиться отъ этого зрѣлища, приказалъ скорѣй везти его на перевязочный пунктъ и отошелъ къ орудіямъ; но черезъ нѣсколько минутъ мнѣ сказали, что Веленчукъ зоветъ меня, и я подошелъ къ повозкѣ.

На днѣ ея, ухватясь обѣими руками за края, лежалъ раненый. Здоровое широкое лицо его въ нѣсколько секундъ совершенно измѣнилось: онъ какъ будто похудѣлъ и постарѣлъ нѣсколькими го-

дами; губы его были тонки, блѣдны и сжаты съ видимымъ напряженіемъ; торопливое и тупое выраженіе его взгляда замѣнилъ какой-то ясный, спокойный блескъ, и на окровавленныхъ лбу и носу уже лежали черты смерти.

Несмотря на то, что малѣйшее движеніе причиняло ему нестерпимыя страданія, онъ просилъ снять съ лѣвой ноги чересокъ (*) съ деньгами.

Ужасно тяжелое чувство произвелъ во мнѣ видъ его голой бѣлой и здоровой ноги, когда съ нея сняли сапогъ и развязывали чересь.

— Тутъ три монеты и полтинникъ, сказалъ онъ мнѣ въ то время, какъ я бралъ въ руки чересь: — ужъ вы ихъ сбережете.

Повозка было тронулась; но онъ остановилъ ее. — Я поручику Сулимовскому шинель работалъ. О-они мнѣ 2 монеты дали. На 1½ я пуговицы купилъ; а полтина у меня въ мѣшкѣ съ пуговицами лежитъ. Отдайте.

— Хорошо, хорошо, сказалъ я: — выздоравливай, братецъ!

Онъ не отвѣчалъ мнѣ, повозка тронулась, и онъ снова началъ стонать и охать самымъ ужаснымъ, раздрающимъ душу голосомъ. Какъ будто окончивъ мірскія дѣла, онъ не находилъ больше причинъ удерживаться и считалъ теперь позволительнымъ себѣ это облегченіе.

IX.

— Ты куда? Вернись. Куда ты идешь? закричалъ я рекрутику, который, положивъ подъ мышку свой запасный пальникъ, съ какой-то палочкой въ рукахъ, прехладнокровно отправлялся за повозкой, повезшей раненаго.

Но рекрутикъ только лѣнливо оглянулся на меня, пробормоталъ что-то и пошелъ дальше, такъ что я долженъ былъ послать солдата, чтобы привести его. Онъ снялъ свою красную шапочку и, глупо улыбаясь, глядѣлъ на меня.

— Куда ты шель? спросилъ я.

«Въ лагерь.» «Зачѣмъ?» «А какже — Веленчука-то ранили», сказалъ онъ, опять улыбаясь.

— Такъ тебѣ-то чтò? ты долженъ здѣсь оставаться.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ хладнокровно повернулся, надѣлъ шапку и пошелъ къ своему мѣсту.

Дѣло вообще было счастливо: казаки, слышно было, сдѣлали славную атаку и взяли три татарскихъ тѣла; пѣхота занаслась дровами и потеряла всего человѣкъ шесть ранеными; въ артиллеріи были изъ строя всего одинъ Веленчукъ и двѣ ло-

(*) Чересь — кошелекъ въ видѣ полска, который солдаты носятъ обыкновенно подъ кобѣномъ.

шади. Зато вырубили лѣса версты на три и очистили мѣсто такъ, что его узнать нельзя было: вмѣсто прежде видѣвшейся опушки лѣса открывалась огромная поляна, покрытая дымящимися кострами и двигающимися къ лагерю кавалеріей и пѣхотой. Несмотря на то, что непріятель не переставалъ преслѣдовать насъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, до самой рѣчки съ кладбищемъ, которую мы переходили утромъ, отступленіе сдѣлано было счастливо. Уже я начиналъ мечтать о щажъ и бараньемъ бокъ съ кашей, ожидавшихъ меня въ лагерѣ, когда пришло извѣстіе, что генералъ приказалъ построить на рѣчкѣ редутъ и оставить въ немъ до завтра 3-й батальонъ К. полка и взводъ 4-хъ-батарейной. Повозки съ дровами и ранеными, казаки, артиллерія, пѣхота съ ружьями и дровами на плечахъ,—всѣ съ шумомъ и пѣснями прошли мимо насъ. На всѣхъ лицахъ видны были одушевленіе и удовольствіе, внушенная минувшей опасностью и надеждой на отдыхъ. Только мы съ 3 батальономъ должны были ожидать этихъ пріятныхъ чувствъ еще до завтра.

Х.

Покуда мы, артиллеристы, хлопотали около орудій: разставляли передки, ящики, разбивали коновязь, пѣхота уже составила ружья, разложила костры, построила изъ сучьевъ и кукурузной соломы балаганчики и варила кашницу.

Начинало смеркаться. По небу ползли сине-бѣловатые тучи. Туманъ, превратившійся въ мелкую сырую мглу, мочилъ землю и солдатскія шинели; горизонтъ суживался, и вся окрестность принимала мрачныя тѣни. Сырость, которую я чувствовалъ сквозь сапоги, за шеей, неумолкаемое движеніе и говоръ, въ которыхъ я не принималъ участія, липкая грязь, по которой раскатывались мои ноги, и пустой желудокъ наводили на меня самое тяжелое, непріятное расположеніе духа послѣ дня физической и моральной усталости. Веленчукъ не выходилъ у меня изъ головы. Вся простая исторія его солдатской жизни неотвязчиво представлялась моему воображенію.

Послѣднія минуты его были также ясны и спокойны, какъ и вся жизнь его. Онъ слишкомъ жилъ честно и просто, чтобы простодушная вѣра его въ ту будущую, небесную жизнь могла поколебаться въ рѣшительную минуту,

— Ваше здоровье, сказалъ мнѣ подошедшій Николаевъ:—пожалуйте къ капитану: просятъ чай кушать.

Кое-какъ пробираясь между козлами и кострами, я вслѣдъ за Николаевымъ пошелъ къ Болхову, съ удовольствіемъ мечтая о стаканѣ горячаго чаю и веселой бесѣдѣ, которая бы разогнала мои мрачныя мысли. «Что, нашелъ?» слышался голосъ

Болхова изъ кукурузнаго шалаша, въ которомъ свѣтился огонекъ.

— Привель, ваше благородіе! басомъ отвѣчалъ Николаевъ.

Въ балаганѣ, на сухой буркѣ, сидѣлъ Болховъ, разстегнувшись и безъ понахи. Подлѣ него кипѣлъ самоваръ, стоялъ барабанъ съ закуской. Въ землю былъ воткнутъ штыкъ со свѣчкой. «Каково?» съ гордостью сказалъ онъ, оглядывая свое уютное хозяйство. Дѣйствительно, въ балаганѣ было такъ хорошо, что за чаемъ я совсѣмъ забылъ про сырость, темноту и рану Веленчука. Мы разговаривали про Москву, про предметы, не имѣющіе никакого отношенія съ войной и Кавказомъ.

Послѣ одной изъ тѣхъ минутъ молчанія, которыя прерываютъ иногда самые оживленные разговоры, Болховъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня.

— А я думаю, вамъ очень страннымъ показался нашъ разговоръ утромъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Отчего же? Мнѣ только показалось, что вы слишкомъ откровенны, а есть вещи, которыя мы всѣ знаемъ, но которыхъ никогда говорить не надо.

— Отчего? Нѣтъ! ежели бы была какая нибудь возможность промѣнять эту жизнь, хоть на жизнь самую пошлую и бѣдную, только безъ опасностей и службы, я бы ни минуты не задумался.

— Отчего же вы не переѣдете въ Россію? сказалъ я.

— Отчего? повторилъ онъ.—О! я давно уже объ этомъ думалъ. Я не могу теперь вернуться въ Россію до тѣхъ поръ, пока не получу Анны и Владиміра, Анны на шею и майора, какъ и предполагалъ, ѣхавши сюда.

— Отчего же, ежели вы чувствуете себя неспособнымъ, какъ вы говорите, къ здѣшней службѣ?

— Но когда я еще болѣе чувствую себя неспособнымъ къ тому, чтобы вернуться въ Россію тѣмъ, чѣмъ я поѣхалъ. Это тоже одно изъ преданій, существующихъ въ Россіи, которое утвердили Пасекъ, Слѣпцовъ и др., что на Кавказъ стѣбитъ пріѣхать, чтобы осыпаться наградами. И отъ насъ ожидаютъ и требуютъ этого; а я вотъ два года здѣсь, въ двухъ экспедиціяхъ былъ и ничего не получилъ. Но все-таки у меня столько самолюбія, что я не уѣду отсюда ни за что до тѣхъ поръ, пока не буду майоромъ съ Владиміромъ и Анной на шеѣ. Я ужъ втянулся до того, что меня всего коробитъ, когда Гнилокишину дадутъ награду, а мнѣ нѣтъ. И потомъ, какъ я покажусь на глаза въ Россіи своему старостѣ, купцу Котельникову, которому я хлѣбъ продаю, тетускѣ московской и всѣмъ этимъ господамъ, послѣ двухъ лѣтъ на Кавказѣ, безъ всякой награды? Правда что я этихъ господъ знать не хочу, и, вѣрно, они тоже очень мало обо мнѣ заботятся; но ужъ такъ устроенъ человекъ, что я ихъ знать не хочу, а изъ-за нихъ гублю лучшіе года, все счастье жизни, всю будущность свою погублю.

XI.

Въ это время послышался снаружи голосъ батальоннаго командира: «съ кѣмъ это вы, Николай Ѳедоровичъ?»

Болховъ назвалъ меня, и вслѣдъ затѣмъ въ балаганъ влѣзли три офицера: майоръ Кирсановъ, адъютантъ его батальона и ротный командиръ Тросенко.

Кирсановъ былъ невысокій, полный мужчина, съ черными усиками, румяными щеками и масляными глазками. Глазки эти были самой замѣчательной чертой въ его фizioноміи. Когда онъ смѣялся, то отъ нихъ оставались только двѣ влажныя звѣздочки, и звѣздочки эти, вмѣстѣ съ натянутыми губами и вытянутой шеей, принимали иногда престранное выраженіе безсмысленности. Кирсановъ въ полку вель и держалъ себя лучше всякаго другаго: подчиненные не бранили, а начальники уважали его, хотя общее мнѣніе о немъ было, что онъ очень недалекъ. Онъ зналъ службу, былъ исправенъ и усерденъ, всегда былъ при деньгахъ, имѣлъ коляску и повара и весьма натурально умѣлъ притворяться гордымъ.

— О чемъ это толкуете, Николай Ѳедоровичъ? сказалъ онъ, входя.

— Да вотъ о пріятностяхъ здѣшней службы.

Но въ это время Кирсановъ замѣтилъ меня — юнкера—и потому, чтобы дать почувствовать мнѣ свое значеніе, какъ будто не слушая отвѣта Болхова, и глядя на барабанъ, спросилъ:

— Что, устали, Николай Ѳедорычъ?

— Нѣтъ, вѣдь мы... началъ было Болховъ.

Но опять, должно быть достоинство батальоннаго командира требовало перебить и сдѣлать новый вопросъ:

— А вѣдь славное дѣло было нынче?

Батальонный адъютантъ былъ молодой прапорщикъ, недавно произведенный изъ юнкеровъ, скромный и тихій мальчикъ, со стыдливомъ и добродушно пріятнымъ лицомъ. Я видалъ его прежде у Болхова. Молодой человѣкъ часто приходилъ къ нему, раскланивался, садился въ уголокъ и по нѣскольку часовъ молчалъ, дѣлалъ папирсы, курилъ ихъ, потомъ вставалъ, раскланивался и уходилъ. Это былъ типъ бѣднаго русскаго дворянскаго сына, выбравшаго военную карьеру, какъ одну возможную при своемъ образованіи, и ставящаго выше всего въ мірѣ свое офицерское званіе,—типъ простодушный и милый, несмотря на смѣшныя неотъемлемыя принадлежности: кisetъ, халатъ, гитару и щеточку для усовъ, съ которыми мы привыкли воображать его. Въ полку рассказывали про него, будто онъ хвастался тѣмъ, что онъ со своимъ деньщикомъ справедливъ, но строгъ, будто онъ говорилъ: «я рѣдко наказываю; но ужъ когда меня доведутъ до этого, то бѣда», и что когда пьяный деньщикъ обокралъ его совсѣмъ и сталъ даже ругать своего барина, будто онъ привелъ его на гауптвахту, велѣлъ приготовить все для наказанія

но при видѣ приготовленій до того смутился, что могъ только говорить: «ну, вотъ видишь... вѣдь я могу...» и, совершенно растерявшись, убѣжалъ домой и съ той поры боялся смотрѣть въ глаза своему Чернову. Товарищи не давали ему покоя, дразнили его этимъ, и я нѣсколько разъ слышалъ, какъ простодушный мальчикъ отговаривался и, краснѣя до ушей, увѣрялъ, что это неправда, а совсѣмъ напротивъ.

Третье лицо — капитанъ Тросенко былъ старый кавказецъ, въ полномъ значеніи этого слова, т. е. человѣкъ, для котораго рота, которою онъ командовалъ, сдѣлалась семействомъ, крѣпость, гдѣ былъ штабъ — родиной, а пѣсенники — единственными удовольствіями жизни,—человѣкъ, для котораго все, что не было Кавказъ, было достойно презрѣнія да и почти недостойно вѣроятія; все же, что было Кавказъ, раздѣлялось на двѣ половины: нашу и не нашу; первую онъ любилъ, вторую ненавидѣлъ всѣми силами своей души, и, главное, онъ былъ человѣкъ, закаленной, спокойной храбрости, рѣдкой доброты въ отношеніи къ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ и отчаянной прямоты и даже дерзости въ отношеніи къ ненавистнымъ для него почему-то адъютантамъ и бонжурамъ. Входя въ балаганъ, онъ чуть не пробилъ головой крышу, потомъ вдругъ опустился и сѣлъ на землю.

— Ну, что? сказалъ онъ и, вдругъ замѣтивъ мое незнакомое для него лицо, остановился, вперилъ въ меня мутный пристальный взглядъ.

— Такъ о чемъ это вы бесѣдовали? спросилъ майоръ, вынимая часы и глядя на нихъ, хотя, я твердо увѣренъ, ему совсѣмъ не нужно было дѣлать этого.

— Да вотъ спрашивалъ меня, зачѣмъ я служу здѣсь.

— Разумѣется, Николай Ѳедорычъ, хочетъ здѣсь отличиться и потомъ во-своица.

— Ну, а вы скажите, Абрамъ Ильичъ, зачѣмъ вы служите на Кавказѣ?

— Я потому, знаете, что, во-первыхъ, мы всѣ обязаны по своему долгу служить. Что? прибавилъ онъ, хотя всѣ молчали.—Вчера я получилъ письмо изъ Россіи, Николай Ѳедорычъ, продолжалъ онъ, видимо желая перемѣнить разговоръ: — мнѣ пишутъ, что... такіе вопросы странные дѣлаютъ.

— Какіе же вопросы? спросилъ Болховъ.

Онъ засмѣялся.

— Право, странные вопросы... мнѣ пишутъ, что можетъ ли быть ревность безъ любви... Что? спросилъ онъ, оглядываясь на всѣхъ насъ.

— Вотъ какъ! сказалъ, улыбаясь, Болховъ.

— Да, знаете, въ Россіи хорошо, продолжалъ онъ, какъ будто фразы его весьма натурально текли одна изъ другой.—Когда я въ 52 г. былъ въ Тамбовѣ, то меня принимали вездѣ, какъ флигель-адъютанта какого нибудь. Повѣрите ли, на балу у губернатора, какъ я вошелъ, такъ, знаете... очень хорошо принимали. Сама губернаторша, знаете, со мной разговаривала и спрашивала про Кав-

казъ, и всё такъ... что я не зналъ... Мою золотую шапку смотрятъ, какъ рѣдкость какую нибудь, спрашиваютъ: за что шапку получили, за что Анну, за что Владиміра,—и я имъ такъ рассказывалъ... Что? — Вотъ этимъ-то Кавказъ хорошъ, Николай Ѳедорычъ! продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта: — тамъ смотрятъ на нашего брата, кавказца, очень хорошо. Молодой человѣкъ, знаете, штабъ-офицеръ съ Анной и Владиміромъ—это много значитъ въ Россіи... Что?

— Вы и прихвастнули-таки, я думаю, Абрамъ Ильичъ? сказалъ Болховъ.

— Хи-хи! засмѣялся онъ своимъ глупымъ смѣхомъ. — Знаете, это нужно. Да и поѣлъ я славно эти два мѣсяца!

— А что, хорошо тамъ. въ Россіи-то? сказалъ Тросенко, спрашивая про Россію, какъ про какой-то Китай или Японію.

— Да-съ, ужъ что мы тамъ шампанскаго выпили въ два мѣсяца, такъ это страхъ!

— Да что вы! Вы, вѣрно лимонадъ пили. Вотъ я такъ ужъ бы треснулъ тамъ, что знали бы, какъ кавказцы пьютъ. Не даромъ бы слава прошла. Я бы показалъ, какъ пьютъ... А, Болховъ? прибавилъ онъ.

— Да вѣдь ты, дядя, ужъ за десять лѣтъ на Кавказѣ, сказалъ Болховъ:—а помнишь, что Ермоловъ сказалъ; а Абрамъ Ильичъ только шесть...

— Какой десять! скоро шестнадцать.

— Вели же, Болховъ, *шолфею* дать. Сыро, бррр!... А? прибавилъ онъ, улыбаясь: — выпьемъ, майоръ!

Но майоръ былъ недоволенъ и первымъ обращеніемъ къ нему стараго капитана, теперь же видимо съежился и искалъ убѣжища въ собственномъ величій. Онъ зашѣлъ что-то и снова посмотрѣлъ на часы.

— Вотъ я такъ ужъ никогда туда не поѣду, продолжалъ Тросенко, не обращая вниманія на насупившагося майора: — я и ходить и говорить-то по русскому отвыкъ. Скажутъ: что за чудо такая пріѣхало. Сказано, Азія. Такъ, Николай Ѳедорычъ? Да и что мнѣ въ Россіи! Все равно, тутъ когда нибудь подстрѣлятъ. Спросятъ: гдѣ Тросенко? подстрѣлили. Что вы тогда съ восьмой ротой сдѣлаете... а? прибавилъ онъ обращаясь постоянно къ майору.

— Послать дежурнаго по батальону! крикнулъ Кирсановъ, не отвѣчая капитану, хотя я опять увѣренъ былъ, ему ненужно было отдавать никакихъ приказаній.

— А вы, я думаю, теперь рады, молодой человѣкъ, что на двойномъ окладѣ, сказалъ майоръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, баталіонному адъютанту.

— Какъ же-съ, очень-съ.

— Я нахожу, что наше жалованье теперь очень большое, Николай Ѳедорычъ, продолжалъ онъ: — молодому человѣку можно жить весьма прилично и даже позволить себѣ роскошь маленькую.

— Нѣтъ, право, Абрамъ Ильичъ, робко ска-

залъ адъютантъ: хотя онъ и двойное, а только что такъ... вѣдь лошадь надо имѣть...

— Что вы мнѣ говорите, молодой человѣкъ! я самъ прапорщикомъ былъ и знаю. Повѣрьте, съ порядкомъ жить очень можно. Да вотъ вамъ, сочтите, прибавилъ онъ, загибая мизинецъ лѣвой руки.

— Все впередъ жалованье забираемъ—вотъ вамъ и счетъ, сказалъ Тросенко, выпивая рюмку водки.

— Ну, да вѣдь на это что же вы хотите... что?

Въ это время въ отверстіе балагана всунулась бѣлая голова со сплюснутымъ носомъ, и рѣзкій голосъ съ нѣмецкимъ выговоромъ сказалъ:

— Вы здѣсь, Абрамъ Ильичъ? а дежурный ищетъ васъ.

— Заходите, Крафтъ! сказалъ Болховъ.

Длинная фигура въ сюртукѣ генеральнаго штаба пролѣзла въ двери и съ особеннымъ азартомъ принялась пожимать всѣмъ руки.

— А, милый капитанъ! и вы тутъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Тросенку.

Новый гость, несмотря на темноту, пролѣзъ до него и, къ чрезвычайному, какъ мнѣ показалось, удивленію и неудовольствію капитана, поцаловалъ его въ губы.

«Эго нѣмецъ, который хочетъ быть хорошимъ товарищемъ», подумалъ я.

XII.

Предположеніе мое тотчасъ же подтвердилось. Капитанъ Крафтъ попросилъ водки, назвавъ ее *горилкой*, и ужасно крикнулъ и закинулъ голову, выпивая рюмку.

— Что, господа, поколесовали мы нынче по равнинамъ Чечни... началъ было онъ, но, увидавъ дежурнаго офицера, тотчасъ замолчалъ, предоставивъ майору отдавать свои приказанія.

— Что, вы обошли цѣпь?

— Обошелъ-съ.

— А секреты высланы?

— Высланы-съ.

— Такъ вы передайте приказаніе ротнымъ командирамъ, чтобъ были какъ можно осторожнѣе.

— Слушаю-съ.

Майоръ прищурилъ глаза и глубокомысленно задумался.

— Да скажите, что люди могутъ теперь варить кашу.

— Они ужъ варятъ.

— Хорошо. Можете идти-съ.

— Ну-съ, такъ вотъ мы считали, что нужно офицеру, продолжалъ майоръ со снисходительной улыбкой, обращаясь къ намъ. — Давайте считать.

— Нужно вамъ одинъ мундиръ и брюки... такъ-съ?

— Такъ-съ.—Это, положимъ, пятьдесятъ рублей на два года, стало быть, въ годъ двадцать-пять рублей на одежду; пототъ на ѣду, каждый день по два абазы... такъ-съ?

— Такъ-съ; это даже много.

— Ну, да я кладу. Ну, на лошадь съ сѣдломъ для ремонта 30 руб.—вотъ и все. Выходить всего 25 да 120, да 30=175. Все вамъ остается еще на роскошь, на чай и на сахаръ, на табакъ—рублей двадцать. Изволите видѣть?.. Правда, Николай Оедорычъ?

— Нѣтъ-съ. Позвольте, Абрамъ Ильичъ! робко сказалъ адъютантъ:—ничего-съ на чай и сахаръ не останется. Вы кладете одну пару на два года, а тутъ по походамъ панталонъ не наготовишься; а сапоги? я вѣдь почти каждый мѣсяцъ пару истреблю-съ. Потомъ-съ бѣлье-съ, рубашки, полотенца, подвертки: все вѣдь это нужно купить-съ. А какъ сочтешь, ничего не останется-съ. Это, ей-Богу-съ, Абрамъ Ильичъ!

— Да, подвертки прекрасно носить, сказалъ вдругъ Крафтъ, послѣ минутнаго молчанія, съ особенной любовью произнося слово: подвертки:—знаете, просто, по-русски.

— Я вамъ скажу, замѣтилъ Тросенко:—какъ ни считай, все выходитъ, что нашему брату зубы на полку класть приходится, а на дѣлѣ выходитъ, что всѣ живемъ, и чай пьемъ, и табакъ куримъ, и водку пьемъ. Послужишь съ мое, продолжалъ онъ, обращаясь къ прапорщику: — тоже выучишься жить. Вѣдь, знаете, господа, какъ онъ съ деньщиками обращается.

И Тросенко, помирая со смѣху, рассказалъ намъ всю исторію прапорщика съ своимъ деньщикомъ, хотя мы всѣ ее тысячу разъ слышали.

— Да ты что, братъ, такимъ розаномъ смотришь? продолжалъ онъ, обращаясь къ прапорщику, который краснѣлъ, потѣлъ и улыбался, такъ что жалко было смотрѣть на него.

— Ничего, братъ, и я такой же былъ, какъ ты, а теперь, видишь, молодецъ сталъ. Пусты-ка сюда какого мелодчика изъ Россіи—видали мы ихъ—такъ у него тутъ и спазмы и ревматизмы какіе-то сдѣлались бы; а я вотъ, сѣлъ тутъ—мнѣ здѣсь и домъ, и постель, и все. Видишь...

При этомъ онъ выпилъ еще рюмку водки.

— А? прибавилъ онъ, пристально глядя въ глаза Крафту.

— Вотъ это я уважаю! вотъ это истинно старый кавказецъ! Позвольте вашу руку.

И Крафтъ растолкалъ всѣхъ насъ, продрался къ Тросенку и, схвативъ его руку, потрясъ ее съ особеннымъ чувствомъ.

— Да мы можемъ сказать, что испытали здѣсь всего, продолжалъ онъ:—въ сорокъ-пятомъ году... вѣдь вы изволили быть тамъ, капитанъ? Помните ночь съ 12 на 13, когда по колѣнки въ грязи ночевали, а на другой день пошли на завалы. Я тогда былъ при главнокомандующемъ, и мы 15 заваловъ взяли въ одинъ день. Помните, капитанъ?

Тросенко сдѣлалъ головой знакъ согласія и, выдвинувъ впередъ нижнюю губу, зажмурился.

— Извольте видѣть... началъ Крафтъ, чрезвычайно одушевленно, дѣлая руками неумѣстные жесты и обращаясь къ майору.

Но майоръ, должно быть, неоднократно слышавшій уже этотъ рассказъ, вдругъ сдѣлалъ такіе мутные, тупые глаза, глядя на своего собесѣдника, что Крафтъ отвернулся отъ него и обратился къ мнѣ и Болхову, попеременно глядя то на того, то на другаго. На Тросенку же онъ ни разу не взглянулъ во время всего своего рассказа.

— Вотъ изволите видѣть, какъ вышли мы утромъ, главнокомандующій и говорить мнѣ: «Крафтъ! возьми эти завалы». Знаете, наша военная служба, безъ разсужденій — руку къ козырьку. «Слушаю, ваше сіятельство!» и пошелъ. Только какъ мы подошли къ первому завалу, я обернулся и говорю солдатамъ: «Ребята! не робѣть! въ оба смотрѣть! Кто отстанетъ, своей рукой изрублю». Съ русскимъ солдатомъ, знаете, надо просто. Только вдругъ граната... я смотрю, одинъ солдатъ, другой солдатъ, третій солдатъ, потомъ пули... взжигъ! взжигъ! взжигъ!.. Я говорю: «впередъ, ребята, за мной!» Только мы подошли, знаете, посмотримъ, я вижу тутъ, какъ это... знаете... какъ это называется? и раскащикъ замахалъ руками, отбискивая слово.

— Обрывъ, подсказалъ Болховъ.

— Нѣтъ... Ахъ, какъ это? Боже мой! ну, какъ это?.. обрывъ, сказалъ онъ скоро. — Только ружья наперевѣсь... ура! та-ра-та-та-та! Непріятеля ни души. Знаете, всѣ удивились. Только хорошо: идемъ мы дальше — второй заваль. Это совсѣмъ другое дѣло. У насъ ужъ ретивое закипѣло, знаете. Только подошли мы, посмотримъ, я вижу, второй заваль — нельзя итти. Тутъ... какъ это, ну, какъ называется этакая... Ахъ! какъ это...

— Опять обрывъ, подсказалъ я.

— Совсѣмъ нѣтъ, продолжалъ онъ съ сердцемъ: — не обрывъ, а... ну, вотъ, какъ это называется, — и онъ сдѣлалъ рукой какой-то нелѣпый жестъ. — Ахъ, Боже мой! какъ это...

Онъ видимо такъ мучился, что невольно хотѣлось подсказать ему.

— Рѣка, можетъ, сказалъ Болховъ.

— Нѣтъ, просто обрывъ. Только мы туда, тутъ, повѣрите ли, такой огонь, адъ...

Въ это время за балаганомъ кто-то спросилъ меня. Это былъ Максимовъ. А такъ какъ за прослушаніемъ разнообразной исторіи двухъ заваловъ мнѣ оставалось еще тринадцать, я радъ былъ придраться къ этому случаю, чтобы пойти къ своему взводу. Тросенко вышелъ вмѣстѣ со мной. «Все вретъ», сказалъ онъ мнѣ, когда мы на нѣскольکو шаговъ отошли отъ балагана, «его и не было во все на завалахъ», — и Тросенко такъ добродушно расхохотался, что и мнѣ смѣшно стало.

XIII.

Уже была темная ночь, и только костры тускло освѣщали лагерь, когда я, окончивъ уборку, подошелъ къ своимъ солдатамъ. Большой пень, тлѣя,

лежалъ на угляхъ. Вокругъ него сидѣли только трое: Антоновъ, поварачивавшій въ огнѣ котелокъ, въ которомъ варился *рябо* (*), Ждановъ, хворостинкой задумчиво разгребавшій золу, и Чикинъ, съ своей вѣчно-нераскуренной трубочкой. Остальные уже расположились на отдыхъ, кто подъ ящиками, кто въ сѣнѣ, кто около костровъ. При слабомъ свѣтѣ углей, я различалъ знакомыя мнѣ спины, ноги, головы: въ числѣ послѣднихъ былъ и рекрутикъ, который, придвинувшись къ самому огню, казалось, спалъ уже. Антоновъ далъ мнѣ мѣсто. Я сѣлъ подлѣ него и закурилъ папиросу. Запахъ тумана и дыма отъ сырыхъ дровъ, распространяясь по всему воздуху, ѣлъ глаза, и та же сырая мгла сыпалась съ мрачнаго неба.

Подлѣ насъ слышались мѣрное храпѣнье, трескъ сучьевъ въ огнѣ, легкій говоръ и изрѣдкабряцанье ружей пѣхоты. Вездѣ кругомъ пылали костры, освѣщая въ небольшомъ кругѣ вокругъ себя черныя тѣни солдатъ. Около ближайшихъ костровъ я различалъ на освѣщенныхъ мѣстахъ фигуры голыхъ солдатъ, надъ самымъ пламенемъ, махающихъ своими рубахами. Еще много людей не спало, двигалось и говорило на пространствахъ пятнадцати квадратныхъ саженъ; но мрачная, глухая ночь давала свой особенный таинственный тонъ всему этому движенію, какъ будто каждый чувствовалъ эту мрачную тишину и боялся нарушить ея спокойную гармонію. Когда я заговорилъ, я почувствовалъ, что мой голосъ звучитъ иначе; на лицахъ всѣхъ солдатъ, сидѣвшихъ около огня, я читалъ то же настроеніе. Я думалъ, что до моего прихода они говорили о раненомъ товарищѣ; но ничуть не бывало: Чикинъ рассказывалъ про пріемку вещей въ Тифлисѣ и про тамошнихъ школьниковъ.

Я всегда и вездѣ, особенно на Кавказѣ, замѣчалъ особенный тактъ у нашего солдата во время опасности умалчивать и обходить тѣ вещи, которыя могли бы невыгодно дѣйствовать на духъ товарищей. Духъ русскаго солдата не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоро воспламеняемомъ и остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить упасть духомъ. Для него не нужны эффекты, рѣчи, воинственные крики, пѣсни и барабаны: для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутого. Въ русскомъ, настоящемъ русскомъ солдатѣ никогда не замѣтите хвастовства, ухорства, желанія отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротивъ, скромность, простота и способность видѣть въ опасности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность, составляютъ отличительныя черты его характера. Я видѣлъ солдата, раненаго въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго только о пробитомъ новомъ полубубкѣ, ѣздоваго, выльзающаго изъ-подъ убитой подлѣ нимъ лошади и растегивающаго подпругу, чтобы снять сѣдло. Кто не

помнить случай при осадѣ Гергебили, когда въ лабораторіи загорѣлась трубка начиненной бомбы и фейерверкеръ двумъ солдатамъ велѣлъ взять бомбу и бѣжать бросить ее въ обрывъ, и какъ солдаты не бросили ея въ ближайшемъ мѣстѣ около палатки полковника, стоявшей надъ обрывомъ, а понесли дальше, чтобы не разбудить господъ, которые почивали въ палаткѣ, и оба были разорваны на части. Помню я еще, въ отрядѣ 1852 года, одинъ изъ молодыхъ солдатъ къ чему-то сказалъ, во время дѣла, что ужъ кажется, взводу не вникти отсюда, и какъ весь взводъ съ злобой напустился на него за такія дурныя слова, которыя они и повторять не хотѣли. Вотъ теперь, когда у каждаго въ душѣ должна быть мысль о Веленчукѣ, и когда всякую секунду могъ быть по насъ залпъ подкравшихся татаръ, всѣ слушали бойкій рассказъ Чикина, и никто не упоминалъ ни о нынѣшнемъ дѣлѣ, ни о предстоящей опасности, ни о раненомъ, какъ будто это было Богъ знаетъ какъ давно или вовсе никогда не было. Но мнѣ показалось только, что лица ихъ были нѣсколько пасмурнѣе обыкновеннаго; они не слишкомъ внимательно слушали рассказъ Чикина, и даже Чикинъ чувствовалъ, что его не слушаютъ, но говорилъ ужъ такъ себѣ.

Къ костру подошелъ Максимовъ и сѣлъ подлѣ меня. Чикинъ далъ ему мѣсто, замолчалъ и снова началъ сосать свою трубочку.

— Пѣхотные въ лагерь за водкой посылали, сказалъ Максимовъ, послѣ довольно долгаго молчанія: — сейчасъ воротились. — Онъ плюнулъ въ огонь. — Унтеръ-офицеръ сказывалъ, нашего видали.

— Что, живъ еще? спросилъ Антоновъ, поворачивая котелокъ.

— Нѣтъ, померъ.

Рекрутикъ вдругъ поднялъ надъ огнемъ свою маленькую голову въ красной шапочкѣ, съ минуту пристально посмотрѣлъ на Максимова и на меня, потомъ быстро опустил ее и закутался шинелью.

— Вишь, смерть-то не даромъ къ нему по утру приходила, какъ я будилъ его въ паркѣ, сказалъ Антоновъ.

— Пустое! сказалъ Ждановъ, поворачивая тлѣющій пень, — и всѣ замолчали.

Среди общей тишины, сзади насъ послышался выстрѣлъ въ лагерь. Барабанщики у насъ приняли его и заиграли зорю. Когда затихла послѣдняя дробь, Ждановъ первый всталъ и снялъ шапку. Мы всѣ послѣдовали его примѣру.

Среди глубокой тишины ночи, раздался стройный хоръ мужественныхъ голосовъ:

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое; да придетъ Царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь; и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

— Такъ-то у насъ, въ 45 году, солдатикъ одинъ въ это мѣсто контуженъ былъ, сказалъ Антоновъ,

(*) Солдатское кушанье—моченные сухари съ саломъ.

когда мы надѣли шапки и сѣли опять около огня:— такъ мы его два дня на орудіи возили... помнишь Шевченку, Ждановъ?.. да такъ и оставили тамъ подъ деревомъ.

Въ это время пѣхотный солдатъ, съ огромными бакенбардами и усами, съ ружьемъ и сумкой, подошелъ къ нашему костру.

— Позвольте, землячки, огоньку закурить трубочку, сказалъ онъ.

— Что жь, закуривайте: огню достаточно, замѣтилъ Чикинъ.

— Это, вѣрно, про Дарги, землякъ, рассказываете? обратился пѣхотный къ Антонову.

— Про 45 годъ, про Дарги, отвѣтилъ Антоновъ.

Пѣхотный покачалъ головой, зажмурился и присѣлъ около насъ на корточки.

— Да ужъ было тамъ всего, замѣтилъ онъ.

— Отчего жь бросили? спросилъ я Антонова.

— Отъ живота крѣпко мучался. Какъ стоимъ, бывало, ничего, а какъ тронемся, то крикомъ кричить. Богомъ просилъ, чтобъ оставили, да все жалко было. Ну, а какъ онъ сталъ насъ ужъ крѣпко донимать, трехъ людей у насъ убилъ въ орудіи, офицера убилъ, да и отъ батареи своей отбилъ насъ какъ-то. Бѣда! совсѣмъ не думали орудія увезти. Грязь же была.

— Пуще всего, что подъ Индѣйской горой грязно было, замѣтилъ какой-то солдатъ.

— Да вотъ тамъ то ему пуще хуже стало! Подумали мы, съ Аношенкой—старый фейерверкинъ былъ—что жь, въ самомъ дѣлѣ, живому ему не быть, а Богомъ просить—оставимъ, молъ, его здѣсь. Такъ и порѣшили. Дерево росло тамъ вѣтлєватая такая. Взяли мы сухариковъ моченыхъ ему положили—у Жданова были—прислонили его къ дереву къ этому; надѣли на него рубаху чистую, простились какъ слѣдуетъ да такъ и оставили.

— И важный солдатъ былъ?

— Ничего, солдатъ былъ, замѣтилъ Ждановъ.

— И что съ нимъ случилось, Богъ его знаетъ, продолжалъ Антоновъ.—Много тамъ всякаго нашего брата осталось.

— Въ Даргахъ-то? сказалъ пѣхотный, вставая и расковыривая трубку и снова зажмурившись и покачивая головой:—ужъ было тамъ всего.

И онъ отошелъ отъ насъ.

— А что, много еще у насъ въ батарее солдатъ, которые въ Дарго были? спросилъ я.

— Да что? вотъ Ждановъ, я, Пацанъ, что въ отпуску теперь, да еще человекъ шесть. Больше не будетъ.

— А что, Пацанъ-то нашъ загулялъ въ отпуску? сказалъ Чикинъ, спуская ноги и укладываясь головой на бревно.—Почитай, годъ скоро, что его нѣтъ.

— А что, ты ходилъ въ годовой? спросилъ я у Жданова.

— Нѣтъ, не ходилъ, отвѣчалъ онъ, неохотно.

— Вѣдь хорошо идти, сказалъ Антоновъ:—отъ богатаго домъ али когда самъ въ силахъ работать, такъ и идти лестно, и тебѣ дома рады будутъ.

— А то что идти, когда отъ двухъ братьевъ! продолжалъ Ждановъ:—самимъ только бы прокормиться, а не нашего брата солдата кормить. Подмога плохая, какъ ужъ 25 лѣтъ прослужилъ. Да и живы ли—кто е знаетъ.

— А развѣ ты не писалъ? спросилъ я.

— Какъ не писать! два письма послалъ, да все въ отвѣтъ не присылаютъ. Али померли, али такъ не посылаютъ, что, значить, сами въ бѣдности живутъ: такъ гдѣ тутъ!

— А давно ты писалъ?

— Пришедши съ Дарговъ, писалъ послѣднее письмо.

— Да ты березушку сѣлъ бы, сказалъ Ждановъ Антонову, который въ это время, облокотясь на колѣни, мурлыкалъ какую-то пѣсню.

Антоновъ запѣлъ «березушку».

— Эта что ни на есть самая любимая пѣсня дяденьки Жданова, сказалъ мнѣ шопотомъ Чикинъ, дернувъ меня за шинель:—другой разъ, какъ заиграетъ ее Филиппъ Антоничъ, такъ онъ ажно плачетъ.

Ждановъ сидѣлъ сначала совершенно неподвижно, съ глазами, устремленными на тлѣвшіе уголья, и лицо его, освѣщенное красноватымъ свѣтомъ, казалось чрезвычайно мрачнымъ: потомъ скулы его подъ ушами стали двигаться все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ, онъ всталъ и, разостлавъ шинель, легъ въ тѣни сзади костра. Или онъ ворочался и кряхтѣлъ, укладываясь спать, или же смерть Веленчука и эта печальная погода такъ настроили меня, но мнѣ, дѣйствительно, показалось, что онъ плачетъ.

Низъ пня, превратившійся въ уголь, изрѣдка вспыхивая, освѣщалъ фигуру Антонова, съ его сѣдыми усами, красной рожей и орденами на накинутаой шинели, чьи нибудь сапоги, голову или спину. Сверху сыпалась та же печальная мгла, въ воздухѣ слышался тотъ же запахъ сырости и дыма, вокругъ видны были тѣ же свѣтлыя точки потухавшихъ костровъ и слышны были среди общей тишины звуки заунывной пѣсни Антонова; а когда она замолкла на мгновение, звуки слабого ночнаго движенія лагеря, храпѣнія, бряцанія ружей часовыхъ и тихаго говора вторили ей.

— Вторая смѣна! Макатюкъ и Ждановъ! крикнулъ Максимовъ.

Антоновъ пересталъ пѣть, Ждановъ всталъ, вздохнулъ, перешагнувъ черезъ бревно и побрелъ къ орудіямъ.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРѢ 1854. ВЪ МАѢ и ВЪ АВГУСТѢ 1855 г.

СЕРБАТОРИЈА

ПОДЪЕМНИКЪ 1894 ПО МАШ. И МЕХ. РАБОТАМЪ

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ ДЕКАБРЬ МѢСЯЦЪ.

Утренняя заря только что начинаетъ окрашивать небосклонъ надъ Сапунъ-горою; темно-синяя поверхность моря сбросила съ себя уже сумракъ ночи и ждетъ перваго луча, чтобы заиграть веселымъ блескомъ; съ бухты несетъ холодомъ и туманомъ; снѣга нѣтъ—все черно—но утренній морозъ хватается за лицо и трещитъ подъ ногами, и далекій неумолкаемый гулъ моря, изрѣдка прерываемый раскатистыми выстрѣлами въ Севастополь, одинъ нарушаетъ тишину утра. На корабляхъ глухо бьетъ 8-я стеклянка.

На Сѣверной денная дѣятельность понемногу начинаетъ замѣнять спокойствіе ночи: гдѣ прошла смѣна часовыхъ, побрякивая ружьями, гдѣ докторъ уже спѣшитъ къ госпиталю, гдѣ солдатикъ вылѣзъ изъ землянки, моетъ оледенѣлой водой загорѣлое лицо и, оборотясь на зардѣвшійся востокъ, быстро крестясь, молился Богу; гдѣ высокая тяжелая *маджара*, на верблюдахъ со скрипомъ протаскала на кладбище хоронить окровавленныхъ покойниковъ, которыми она чуть не доверху наложена... Вы подходите къ пристани—особенный запахъ каменнаго угля, навоза, сырости и говядины поражаетъ васъ; тысячи разнородныхъ предметов—дрова, мясо, туры, мука, желѣзо и т. д.—кучей лежатъ около пристани; солдаты разныхъ полковъ, съ мѣшками и ружьями, безъ мѣшковъ и безъ ружей, толпятся тутъ, курятъ, бранятся, перетаскиваютъ тяжести на пароходъ, который, дымясь стоитъ около помоста; вольные ялики, наполненные всякаго рода народомъ—солдатами, моряками, купцами, женщинами—причаливаютъ и отчаливаютъ отъ пристани.

«На Графскую? ваше благородіе! пожалуйста», предлагаютъ вамъ свои услуги два или три оставшихся матроса, вставая изъ яликовъ. Вы выбираете тотъ, который къ вамъ поближе, шагаете черезъ полусгнившій трупъ какой-то гнѣдой лошади, которая тутъ въ грязи лежитъ около лодки, и проходите къ рулю. Вы отчалили отъ берега. Кругомъ васъ блестящее уже на утреннемъ солнцѣ море, впереди—старый матросъ въ верблюжемъ пальто и молодой бѣлоголовый мальчикъ, которые

молча усердно работаютъ веслами. Вы смотрите на полосатые громады кораблей, близко и далеко разсыпанныхъ по бухтѣ, и на черныя небольшія точки шлюпокъ, движущихся по блестящей лазури, и на красивыя свѣтлыя строенія города, окрашенныя розовыми лучами утренняго солнца, виднѣющіяся на той сторонѣ, и на пѣнящуюся бѣлую линію мола и затопленныхъ кораблей, отъ которыхъ коигдѣ грустно торчатъ черныя концы мачтъ, и на далекій непріятельскій флотъ, маячащій на хрустальномъ горизонтѣ моря, и на пѣнящіяся струи, въ которыхъ прыгаютъ соляные пузырьки, поднимаемые веслами; вы слушаете равномерные звуки голосовъ, по водѣ долетающихъ до васъ, и величественные звуки стрѣльбы, которая, какъ вамъ кажется, усиливается въ Севастополь.

Не можетъ быть, чтобы при мысли, что и вы въ Севастополь, не проникнуло въ душу вашу чувства какого-то мужества, гордости, и чтобы кровь не стала быстрѣе обращаться въ вашихъ жилахъ.

—Ваше благородіе! прямо подъ Кистентина (*) держите, скажетъ вамъ старикъ матросъ, оборотятъ назадъ, чтобы повѣрить направленіе, которое вы даете лодкѣ, вправо руля.

«А на немъ пушки-то еще всѣ», замѣтитъ бѣловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.—«А то какже: онъ новый, на немъ Корниловъ жилъ», замѣтитъ старикъ, тоже взглядывая на корабль. «Вишь ты, гдѣ разорвало!» скажетъ мальчикъ, послѣ долгаго молчанія, взглядывая на бѣлое облачко расходящагося дыма, вдругъ появившагося высоко надъ Южной бухтой и сопровождаемаго рѣзкимъ звукомъ разрыва бомбы. «Это онъ съ новой батареи нынче палитъ», прибавитъ старикъ, равнодушно поплеывая на руку.—«Ну, навались, Мишка! баркасъ перегонимъ.» И вашъ яликъ быстрѣе подвигается впередъ по широкой зыби бухты, дѣйствительно, перегоняетъ тяжелый баркасъ, на которомъ навалены какіе-то

(*) Корабль «Константинъ».

кули и неровно гребутъ неловкіе солдаты, и пристаетъ между множествомъ причаленныхъ всякаго рода лодокъ къ Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы сѣрыхъ солдатъ, черныхъ матросовъ и пестрыхъ женщинъ. Бабы продаютъ булки, русскіе мужики съ самова-рами кричатъ: *сбитень горячій*; и тутъ же на первыхъ ступеняхъ валяются заржавѣвшія ядры, бомбы, картечи и чугунныя пушки разныхъ калибровъ; немного далѣе большая площадь, на которой валяются какіе-то огромные бруссы, пушечные станки, спящіе солдаты, стоятъ лошади, повозки, зеленые орудія и ящики, пѣхотные козлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дѣти и купцы; ѣздятъ телѣги съ сѣномъ, съ кулями и съ бочками; кой-гдѣ проѣдутъ казакъ и офицеръ верхомъ, генералъ на дрожкахъ. Направо улица загорожена баррикадой, на которой въ амбразурахъ стоятъ какія-то маленькія пушки, и около нихъ сидятъ матросы, покуривая трубочку. Налѣво красивый домъ съ римскими цифрами на фронтонѣ, подъ которымъ стоятъ солдаты и окровавленные носилки—вездѣ вы видите непріятныя слѣды военнаго лагеря. Первое впечатлѣніе ваше непременно самое непріятное: странное смѣшеніе лагерной и городской жизни, красиваго города и грязнаго бивуака не только не красиво, но кажется отвратительнымъ безпорядкомъ; вамъ даже покажется, что всѣ перепуганы, суетятся, не знаютъ, что дѣлать. Но взгляните ближе въ лица этихъ людей, движущихся вокругъ васъ, и вы поймете совсѣмъ другое. Посмотрите хоть на этого фуриштатскаго солдата, который ведетъ поить какую-то гнѣдую тройку и такъ спокойно мурлыкаетъ себѣ что-то подъ носъ, что, очевидно, онъ не заблудится въ этой разнородной толпѣ, которой для него и не существуетъ, но что онъ исполняетъ свое дѣло, какое бы оно ни было—поить лошадей, или таскать орудія—такъ же спокойно и самоувѣренно и равнодушно, какъ бы все это происходило гдѣ нибудь въ Тулѣ или въ Саранскѣ. То же выраженіе читаете вы и на лицѣ этого офицера, который, въ безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ, проходитъ мимо, и въ лицѣ матроса, который куритъ, сидя на баррикадѣ, и въ лицѣ рабочихъ солдатъ, съ носилками ожидающихъ на крыльцѣ бывшаго собранія, и въ лицѣ этой дѣвицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкамъ перепрыгиваетъ чрезъ улицу.

Да! вамъ непременно предстоитъ разочарованіе, если вы въ первый разъ вѣзжаете въ Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, растерянности или даже энтузіазма, готовности къ смерти, рѣшимости: ничего этого нѣтъ—вы видите будничныхъ людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ, такъ что, можетъ быть, вы упрекнете себя въ излишней восторженности, усомнитесь немного въ справедливости понятія о геройствѣ защитниковъ Севастополя, которое составилось въ васъ по рассказамъ,

описаніямъ и вида и звуковъ съ Сѣверной стороны. Но, прежде, чѣмъ сомнѣваться, сходите на бастіоны, посмотрите защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты, или, лучше, зайдите прямо напротивъ въ этотъ домъ, бывшій прежде севастопольскимъ Собраніемъ и на крыльцѣ котораго стоятъ солдаты съ носилками, вы увидите тамъ защитниковъ Севастополя, увидите тамъ ужасныя и грустныя, великія и забавныя, но изумительныя, возвышающія душу зрѣлища.

Вы сходите въ большую залу Собранія. Только что вы отворили дверь, видъ и запахъ 40 или 50 ампутаціонныхъ и самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большей частью на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрьте чувству, которое удерживаетъ васъ на порогѣ залы—это дурное чувство—идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли *смотреть* на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть человеческое сочувствующее лицо, любятъ разсказать про свои страданія и услышать слова любви и участія. Вы проходите по срединѣ постелей и ищите лицо менѣе строгое и страдающее, къ которому вы рѣшитесь подойти, чтобы побесѣдовать.

«Ты куда раненъ?» спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго, исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: «робко спрашиваете», потому, что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто перенесетъ ихъ.

— Въ ногу, отвѣчаетъ солдатъ,—но въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одеяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.—Слава Богу теперь, прибавляетъ онъ:—на выписку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты это былъ раненъ?

— На 5-мъ баксіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка была: навелъ пушку, сталъ отходить, такимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, какъ онъ ударить меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился, глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ будто. Оно первое дѣло, ваше благородіе, *не думать ничего*: какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше оттого, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ вамъ подходитъ женщина въ сѣренкомъ полосатомъ платьѣ и повязанная чернымъ платкомъ; она вмѣшивается въ вашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ рассказывать про него, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ, бывши раненъ, остановилъ носилки, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ нашей батареи, какъ Великіе Князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 рублей, и какъ онъ сказалъ Имѣ, что онъ опять хочетъ на бастионъ, съ тѣмъ, чтобы учить молодыхъ, ежели уже самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотритъ то на васъ, то на матроса, который, отвернувшись и какъ будто не слухая ее, щиплетъ у себя на подушкѣ коршю, и глаза ея блестятъ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорить: «ужъ вы ее извините. Извѣстно, бабье дѣло—глупыя слова говорить.»

Вы начинаете понимать защитниковъ Севастополя; вамъ становится почему-то совѣстно за самаго себя передъ этимъ человѣкомъ, Вамъ хотѣлось бы сказать ему слишкомъ много, чтобы выразить ему свое сочувствіе и удивленіе; но вы не находите словъ или не довольны тѣми, которыя приходятъ вамъ въ голову,—и вы молча склоняетесь передъ этимъ молчаливымъ, безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, этой стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ.

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣ поправиться, говорите вы ему и останавливаетесь передъ другимъ больнымъ, который лежитъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти.

Это бѣлокурый, съ пухлымъ и блѣднымъ лицомъ человѣкъ. Онъ лежитъ навзничъ, закинувъ назадъ лѣвую руку, въ положеніи, выражающемъ жестокое страданіе. Сухой открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закатаны кверху, и изъ-подъ сбившагося одѣяла высунутъ остатокъ правой руки, обернутый бинтами. Тяжелый запахъ мертвого тѣла сильнѣе поражаетъ васъ, и пожирающій внутренний жаръ, проникающій всѣ члены страдальца, проникаетъ какъ будто и васъ.

— Что, онъ безъ памяти? спрашиваете вы у женщины, которая идетъ за вами и ласково, какъ на роднаго, смотритъ на васъ.

— Нѣтъ еще, слышитъ, да ужъ очень плохъ, прибавляетъ она шопотомъ.—Я его нынче чаемъ поила—что жъ, хоть и чужой, все надо жалость имѣть—такъ ужъ не пилъ почти.

— Какъ ты себя чувствуешь? спрашиваете вы его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на вашъ голосъ, но не видитъ и не понимаетъ васъ.

— У сердцѣ гхорить.

Немного далѣе вы видите стараго солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его ка-

кого-то коричневаго цвѣта и худы, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣтъ: она выщелущена въ плечѣ. Онъ сидитъ бодро, онъ поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобѣ и морщинамъ лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

Съ другой стороны, вы увидите на койкѣ страдальческое блѣдное и нѣжное лицо женщины, на которомъ играетъ во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу за дѣло бомбой, скажетъ вамъ ваша путеводительница:—она мужу на бастионъ обѣдать носила.

— Что жъ, отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали.

Теперь, ежели нервы ваши крѣпки, пройдите въ дверь налѣво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и операціи. Вы увидите тамъ докторовъ съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми фizioноміями, занятыхъ около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, бессмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый, подъ вліяніемъ хлороформа. Доктора заняты отвратительнымъ, но благотѣльнымъ дѣломъ ампутацій. Вы увидите, какъ острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое, здоровое тѣло, увидите, какъ, съ ужаснымъ, раздрающимъ крикомъ и проклятіями, раненый вдругъ приходитъ въ чувство, увидите, какъ фельдшеръ броситъ въ уголь отрѣзанную руку, увидите, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцію товарища, корчится и стонетъ, не столько отъ физической боли, сколько отъ моральныхъ страданій ожиданія, — увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища, увидите войну не въ правильномъ, красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну въ настоящемъ ея выраженіи—въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти...

Выходя изъ этого дома страданій, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій, почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости пойдете на бастионы...

«Что значатъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и столькими страданіями?» Но видъ чистаго неба, блестящаго солнца, красиваго города, отворенной церкви и движущагося по разнымъ направленіямъ военнаго люда скоро приведетъ вашъ духъ въ нормальное состояніе легкомыслія, маленькихъ заботъ и увлеченія однимъ настоящимъ.

Навстрѣчу попадутся вамъ, можетъ быть, изъ церкви похороны какого нибудь офицера, съ розовымъ гробомъ и музыкой и развѣвающимися хоругвями; до слуха вашего долетятъ, можетъ быть, звуки стрѣльбы съ бастионовъ, но это не наведетъ

васъ на прежнія мысли, похороны покажутся вамъ весьма красивымъ воинственнымъ зрѣлищемъ, звуки—весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни съ этимъ зрѣлищемъ, ни съ этими звуками мысли ясной, перенесенной на себя, о страданіяхъ и смерти, какъ вы это сдѣлали на перевязочномъ пунктѣ.

Пройдя перковъ и баррикаду, вы войдете въ самую оживленную, внутреннюю жизнь, часть города. Съ обѣихъ сторонъ вывѣски лавокъ, трактировъ. Купцы, женщины, въ шляпкахъ и платочкахъ, щеголеватые офицеры,—все говоритъ вамъ о твердости духа, самоувѣренности, безопасности жителей.

Зайдите въ трактиръ направо, ежели вы хотите послушать толки моряковъ и офицеровъ: тамъ ужъ вѣрно идутъ рассказы про нынѣшнюю ночь, про Оеньку, про дѣло 24-го, про то, какъ дорого и нехорошо подають котлетки, и про то, какъ убить тотъ-то и тотъ-то товарищъ.

— Чортъ возьми, какъ нынче у насъ плохо! говоритъ басомъ бѣлобрысенскій, безусый морской офицерикъ въ зеленомъ вязаномъ шарфѣ.

— Гдѣ у насъ? спрашиваетъ его другой.

— На 4-мъ бастіонѣ, отвѣчаетъ молоденькій офицеръ,—и вы непременно съ большимъ вниманіемъ и даже нѣкоторымъ уваженіемъ посмотрите на бѣлобрысенскаго офицера при словахъ: «на 4-мъ бастіонѣ». Его слишкомъ большая развязность, размахиваніе руками, громкій смѣхъ и голосъ, казавшіеся вамъ нахальствомъ, покажутся вамъ тѣмъ особеннымъ бретерскимъ настроеніемъ духа, которое приобрѣтають иные очень молодые люди послѣ опасности; но все-таки вы подумаете, что онъ станетъ вамъ рассказывать, какъ плохо на 4-мъ бастіонѣ отъ бомбъ и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно. «Пройти на батарею нельзя», скажетъ онъ, показывая на сапоги, выше икоръ покрытые грязью. «А у меня нынче лучшаго комендора убило, прямо въ лобъ влѣпило», скажетъ другой. «Кого это? Митюхина? Нѣтъ... да что, дадутъ ли мнѣ телятины? вотъ каналы! прибавилъ онъ къ трактирному слугѣ... Не Митюхина, а Абросимова. Молодецъ такой—въ 6-ти вылазкахъ былъ».

На другомъ углу стола, за тарелками котлетъ съ горошкомъ и бутылкой кислаго крымскаго вина, называемаго «бордо», сидятъ два пѣхотныхъ офицера: одинъ, съ краснымъ воротникомъ, молодой и съ двумя звѣздочками на шинели, рассказываетъ другому, съ чернымъ воротникомъ и безъ звѣздочекъ, про алминское дѣло. Первый уже немного выпилъ, и по остановкамъ, которыя бывають въ его разсказѣ, по нерѣшительному взгляду, выражающему сомнѣніе въ томъ, что ему вѣрять, и главное, что слишкомъ велика роль, которую онъ игралъ во всемъ этомъ, и слишкомъ все страшно, замѣтно, что онъ сильно отклоняется отъ строгаго повѣствованія истины. Но вамъ не до этихъ разсказовъ, которые вы долго еще будете слушать

во всѣхъ углахъ Россіи: вы хотите скорѣе итти на бастіоны, именно на 4-й, про который вамъ такъ много и такъ различно рассказывали. Когда кто нибудь говоритъ, что онъ былъ на 4-мъ бастіонѣ, онъ говоритъ это съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью; когда кто говоритъ: я иду на 4-й бастіонъ, непременно замѣтны въ немъ маленькое волненіе или слишкомъ большое равнодушіе; когда хотятъ подшутить надъ кѣмъ нибудь, говорятъ: тебя бы поставить на 4-й бастіонъ; когда встрѣчаютъ носилки и спрашиваютъ, откуда, болѣею частью отвѣчаютъ: съ 4-го бастіона. Вообще же существуютъ два, совершенно различныхъ, мнѣнія про этотъ страшный бастіонъ: тѣхъ, которые никогда на немъ не были, и которые убѣждены, что 4-й бастіонъ есть вѣрная могила для каждаго, кто пойдетъ на него, и тѣхъ, которые живутъ на немъ, какъ бѣлобрысенскій мичманъ, и которые, говоря про 4-й бастіонъ, скажутъ вамъ, сухо или грязно тамъ, тепло или холодно въ землянкѣ, и т. д.

Въ полчаса, которые вы провели въ трактирѣ, погода успѣла перемѣниться: туманъ разстилавшійся по морю, собрался въ сѣрыя скучныя сѣрыя тучи и закрылъ солнце; какая-то печальная изморозь сыплется сверху и мочить крыши, тротуары и солдатскія шинели...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите изъ дверей направо и поднимаетесь вверхъ по большой улицѣ. За этой баррикадой дома по обѣимъ сторонамъ улицы необитаемы, вывѣсокъ нѣтъ, двери закрыты досками, окна выбиты, гдѣ отбитъ уголъ стѣны, гдѣ пробита крыша. Строенія кажутся старыми, испытанными всякое горе и нужду ветеранами и какъ будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. По дорогѣ спотыкаетесь вы на валяющіяся ядра и въ ямы съ водой, вырытыя въ каменномъ грунтѣ бомбами. По улицѣ встрѣчаете вы и обгоняете команды солдатъ, пластовъ, офицеровъ; изрѣдка встрѣчаются женщина или ребенокъ, но женщина уже не въ шляпкѣ, а матроска, въ старой шубейкѣ и въ солдатскихъ сапогахъ. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ маленькій изволокъ, вы замѣчаете вокругъ себя уже не дома, а какія-то странныя груды развалинъ камней, досокъ, глины, бревенъ: впереди себя на крутой горѣ видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастіонъ... Здѣсь народу встрѣчается еще меньше, женщинъ совсѣмъ не видно, солдаты идутъ скоро, по дорогѣ попадаются капли крови и непременно встрѣтите тутъ четырехъ солдатъ съ носилками и на носилкахъ блѣдно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: «куда раненъ?» носильщики сердито, не поворачиваясь къ вамъ скажутъ: въ ногу или въ руку, ежели онъ раненъ легко, или сурово промолчатъ, ежели изъ-за носилокъ не видно головы и онъ уже умеръ или тяжело раненъ.

Недалекій свистъ ядра или бомбы, въ то самое время какъ вы станете подниматься на гору, не-

приятно поразить васъ. Вы вдругъ поймете, и совсемъ иначе, чѣмъ понимали прежде, значеніе тѣхъ звуковъ выстрѣловъ, которые вы слушали въ городѣ. Какое нибудь тихо-отрадное воспоминаніе вдругъ блеснетъ въ вашемъ воображеніи; собственная ваша личность начнетъ занимать васъ больше, чѣмъ наблюденія: у васъ станетъ меньше вниманія ко всему окружающему, и какое-то непріятное чувство нерѣшимости вдругъ овладѣетъ вами. Несмотря на этотъ подленькій голосъ при видѣ опасности, вдругъ заговорившій внутри васъ, вы, особенно взглянувъ на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь подъ гору по жидкой грязи, рысью, со смѣхомъ бѣжитъ мимо васъ,—вы заставляете молчать этотъ голосъ, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверхъ на скользкую глинистую гору. Только что вы немного выбрались въ гору, справа и слѣва васъ, начинаютъ жужжать пушечныя пули, и вы, можетъ быть, призадумаетесь, не идти ли вамъ по траншеѣ, которая ведетъ параллельно съ дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой желтой вонючей грязью, выше колѣна, что вы непременно выберете дорогу по горѣ, тѣмъ болѣе, что вы видите, *всѣ идутъ по горѣ*. Пройдя шаговъ двѣсти, вы выходите въ изрытое, грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ турами, насыпями, погребями, платформами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія и правильными кучами лежатъ ядра. Все это кажется вамъ нагроможденнымъ безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ на батарее сидитъ кучка матросовъ, гдѣ по срединѣ площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка, гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій черезъ батарею и съ трудомъ вытаскивающий ноги изъ липкой грязи. Но вездѣ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, слѣды лагеря, и все это затопленное въ жидкой, вязкой грязи. Какъ вамъ кажется, недалеко отъ себя слышите вы ударъ ядра, со всѣхъ сторонъ, кажется слышите различные звуки пуль—жужжащія, какъ пчела, свистящія, быстрые или визжащія, какъ струна,—слышите ужасный гулъ выстрѣла, потрясающій всѣхъ васъ кажется чѣмъ-то ужасно страшнымъ.

«Такъ вотъ онъ, 4-й бастіонъ, вотъ оно, это страшное, дѣйствительно ужасное мѣсто!» думаете вы себѣ, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастіонъ. Это Язоновскій редутъ—мѣсто, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на 4-й бастіонъ, возьмите направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой встрѣтите вы, можетъ быть, опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, увидите проводники мнѣ, землянки, въ грязи которыхъ, согнувшись могутъ влѣзть только два человѣка, и тамъ увидите пластуновъ черноморскихъ батальо-

новъ, которые тамъ перебуваются, ѣдятъ, курятъ трубки, живутъ, и увидите опять вездѣ ту же вонючую грязь, слѣды лагеря и брошенный чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Пройдя еще шаговъ триста, вы снова выходите на батарею—на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудіями на платформахъ и землянными валами. Здѣсь увидите вы, можетъ быть, человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ брустверомъ, и морскаго офицера, который, замѣтивъ въ васъ новаго человѣка, любопытнаго, съ удовольствіемъ покажетъ вамъ свое хозяйство и все, что для васъ можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертываетъ папиросу изъ желтой бумаги, сидя на орудіи, такъ спокойно прохаживается отъ одной амбразуры къ другой, такъ спокойно, безъ малѣйшей афектаціи говоритъ съ вами, что, несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжатъ надъ вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно спрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицеръ этотъ расскажетъ вамъ—но только, ежели вы его спросите—про бомбардированье 5 числа, расскажетъ, какъ на его батарею только одно орудіе могло дѣйствовать и изъ всей прислуги осталось 8 человѣкъ и какъ все-таки на другое утро 6-го, онъ *палъ* (*) изъ всѣхъ орудій; расскажетъ вамъ, какъ 5-го попала бомба въ матросскую землянку и положила одиннадцать человѣкъ; покажетъ вамъ изъ амбразуры батареи и траншеи непріятельскія, которыя не дальше здѣсь, какъ въ 30, 40 саженьяхъ. Одного я боюсь, что, подъ вліяніемъ жужжанія пуль, высовываясь изъ амбразуры, чтобы посмотреть непріятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этотъ бѣлый каменный валъ, который такъ близко отъ васъ и на которомъ вспыхиваютъ бѣлые дымики, этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель—онъ, какъ говорятъ солдаты и матросы.

Даже очень можетъ быть, что морской офицеръ, изъ тщеславія или просто такъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе, захочетъ при васъ пострѣлять немного. «Послать комендора и прислугу къ пушкѣ», и человѣкъ четырнадцать матросовъ живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, подойдутъ къ пушкѣ и зарядятъ ее. Вглядитесь въ лица, въ осанки и въ движенія этихъ людей: въ каждой морщинѣ этого загорѣлаго, скуластаго лица, въ каждой мышцѣ, въ ширинѣ этихъ плечъ, въ толщинѣ этихъ ногъ, обитыхъ въ громадные сапоги, въ каждомъ движеніи, спокойномъ, твердомъ, неторопливомъ, видны эти главные черты, составляющія силу русскаго—простоты и упрямства; но здѣсь на каждомъ лицѣ кажется вамъ, что опасность, злоба и страданія войны, кромѣ этихъ главныхъ признаковъ, проложили

(*) Моряки всѣ говорятъ палить, а не стрѣлять.

еще слѣды сознанія своего достоинства и высокой мысли чувства.

Вдругъ ужаснѣйшій, потрясающій не одни ушные органы, но все существо ваше, гулъ поражаетъ васъ такъ, что вы вздрагиваете всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ вы слышите удаляющійся свистъ снаряда, и густой пороховой дымъ застилаетъ васъ, платформу и черныя фигуры движущихся по ней матросовъ. По случаю этого нашего выстрѣла вы услышите различные толки матросовъ и увидите ихъ одушевление и проявление чувства, котораго вы не ожидали видѣть, можетъ быть,—это чувство злобы, мщенія врагу, которое таится въ душѣ каждого. Въ самую *амбразуру* попало; кажись, убило двухъ,.. вонъ понесли», услышите вы радостныя восклицанія. «А вотъ онъ разсерчаесть: сейчасъ пустить сюда», скажетъ кто нибудь, и, дѣйствительно, скоро вслѣдъ за этимъ вы увидите впереди себя молнію, дымъ; часовой стоящій на брустверѣ, крикнетъ; «пу-ушка!» И вслѣдъ за этимъ мимо васъ взвизгнетъ ядро, шлепнется въ землю и воронкой взброситъ вокругъ себя брызги и камни. Батарейный командиръ разсердится за это ядро, прикажетъ зарядить другое и третье орудія, непріятель тоже станетъ отвѣчать намъ, и вы испытаете интересныя чувства, услышите и увидите интересныя вещи. Часовой опять закричитъ: «пушка!» и вы услышите тотъ же звукъ и ударъ, тѣ же брызги, или закричитъ: «маркела» (*), и вы услышите равномерное, довольно пріятное и такое, съ которымъ съ трудомъ соединяется мысль объ ужасномъ, посвистываніе бомбы, услышите приближающееся къ вамъ и ускоряющееся это посвистываніе, потомъ увидите черный шаръ, ударъ о землю, ощутительный, звенящій разрывъ бомбы. Со свистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, зашуршатъ въ воздухъ камни и забрызгаетъ васъ грязью. При этихъ звукахъ, вы испытаете странное чувство наслажденія и вмѣстѣ страха. Въ ту минуту, какъ снарядъ, вы знаете, летитъ на васъ, вамъ непременно придетъ въ голову, что снарядъ этотъ убьетъ васъ; но чувство самолюбія поддерживаетъ васъ, и никто не замѣчаетъ ножа, который рѣжетъ вамъ сердце. Но зато когда снарядъ пролетѣлъ, не задѣвъ васъ, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо пріятное чувство, но только на мгновеніе, овладѣваетъ вами, такъ что вы находите какую-то особенную прелесть въ опасности, въ этой игрѣ жизнью и смертію, вамъ хочется, чтобы еще и еще поближе упали около васъ ядро или бомба. Но вотъ еще часовой прокричалъ, своимъ громкимъ, густымъ голосомъ: «маркела!» еще посвистыванье, ударъ и разрывъ бомбы; но вмѣстѣ съ этимъ звукомъ васъ поражаетъ стонъ человѣка. Вы подходите къ раненому, который въ крови и грязи, имѣетъ какой-то странный, нечеловѣческій видъ, въ одно время съ но-

силками. У матроса вырвана часть груди. Въ первыя минуты на забрызганномъ грязью лицѣ его видны одинъ испугъ и какое-то притворное преждевременное выраженіе страданія, свойственное человѣку въ такомъ положеніи; но въ то время, какъ ему приносятъ носилки и онъ самъ на здоровый бокъ ложится на нихъ, вы замѣчаете, что выраженіе это смѣняется выраженіемъ какой-то восторженности и высокой не высказанной мысли: глаза горятъ ярче, зубы сжимаются, голова съ усиленіемъ поднимается выше, и въ то время, какъ его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и съ трудомъ, дрожащимъ голосомъ говоритъ товарищамъ: «простите, братцы!» еще хочетъ сказать что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ еще разъ: «простите, братцы!» Въ это время товарищ-матросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на голову, которую подставляетъ ему раненый, и спокойно, равнодушно размахивая руками, возвращается къ своему орудію. «Это каждый день такъ человѣкъ семь или восемь», говоритъ вамъ морской офицеръ, отвѣчая на выраженіе ужаса, выражающагося въ вашемъ лицѣ, зѣвая и свертывая папиросу изъ желтой бумаги...

Итакъ, вы видѣли защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты и идете назадъ, почему-то, не обращая никакого вниманія на ядра и пули, продолжающія свистать по всей дорогѣ до разрушеннаго театра,—идете съ спокойнымъ, возвысившимся духомъ. Главное отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли — это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа,—и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитросплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли, но видѣли ее въ глазахъ, рѣчахъ, приемахъ, въ томъ, что называется духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало напряженно и усиленно, что, вы убѣждены, они еще могутъ сдѣлать во сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, также спокойно живущихъ подъ ядрами, при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ угрозы не могутъ принять люди эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждого—любовь къ родинѣ. Только теперь рассказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрѣп-

(*) Мортира.

лений, не было войскъ, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю,—времена, когда этотъ герой, достойный древней Греціи — Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: «умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя», и наши русскіе, неспособные къ фразёрству, отвѣчали: «умремъ! ура!» только теперь рассказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностью, фактомъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видите, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ, и съ нас-

лажденіемъ готовились къ смерти, не за городъ, а за родину. Надолго оставить въ Россіи виликіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...

Уже вечерѣетъ. Солнце передъ самымъ закатомъ вышло изъ-за сѣрыхъ тучъ, покрывающихъ небо, и вдругъ багрянымъ свѣтомъ освѣтило лиловыя тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и бѣлыя строенія города и народъ движущійся по улицамъ. По водѣ разносятся звуки какого-то стариннаго вальса, который играетъ полковая музыка на бульварѣ, и звуки выстрѣловъ съ бастіоновъ, которые странно вторятъ имъ.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ МАѢ МѢСЯЦѢ.

I.

Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ просвистало первое ядро съ бастіоновъ Севастополя и взрыло землю на работахъ непріятеля, и съ тѣхъ поръ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастіоновъ въ траншеи и изъ траншей на бастіоны, и ангель смерти не переставалъ парить надъ ними.

Тысячи людскихъ самолюбіи успѣли оскорбиться, тысячи успѣли удовлетвориться, надуться, тысячи—успокоиться въ объятіяхъ смерти. Сколько розовыхъ гробовъ и полотняныхъ покрововъ! А всѣ тѣ же звуки раздаются съ бастіоновъ, все также съ невольнымъ трепетомъ и страхомъ смотреть, въ ясный вечеръ, французы изъ своего лагеря на желтоватую, изрытую землю бастіоновъ Севастополя, на черныя движущіяся по нимъ фигуры нашихъ матросовъ и считаютъ амбразуры, изъ которыхъ сердито торчатъ чугуныя пушки; все также въ трубу разсматриваетъ, съ вышки телеграфа, штурманскій унтеръ-офицеръ пестрыя фигуры французовъ, ихъ батареи, палатки, колонны, движущіяся по зеленой горѣ, и дымки, вспыхивающіе въ траншеяхъ,—и все съ тѣмъ же жаромъ стремятся съ различныхъ сторонъ свѣта разнородныя толпы людей, съ еще болѣе разнородными желаніями, къ этому роковому мѣсту. А вопросъ, нерѣшенный дипломатами, все еще не рѣшается порохомъ и кровью.

II.

Въ осажденномъ городѣ Севастополѣ, на бульварѣ, около павильона играла полковая музыка, и толпы военного народа и женщинъ празднично двигались по дорожкамъ. Свѣтлое весеннее солнце вышло съ утра надъ англійскими работами, перешло на бастіоны, потомъ на городъ, на Николаевскую казарму и, одинаково радостно свѣтя для всѣхъ, теперь спускалось къ далекому синему морю, которое, мѣрно колыхаясь, свѣтилось серебрянымъ блескомъ.

Высокій, немного сутуловатый пѣхотный офицеръ, натягивая на руку не совсѣмъ бѣлую, но опрятную перчатку, вышелъ изъ калитки одного изъ маленькихъ матросскихъ домиковъ, настроенныхъ на лѣвой сторонѣ Морской улицы, и, задумчиво глядя себѣ подъ ноги, направился въ гору къ бульвару. Выраженіе некрасиваго лица этого офицера не изобличало большихъ умственныхъ способностей, но простодушіе, разсудительность, честность и склонность къ порядочности. Онъ былъ дурно сложенъ, не совсѣмъ ловокъ и какъ будто стыдливъ въ движеніяхъ. На немъ была мало поношенная фуражка, тонкая, немного страннаго лиловатаго цвѣта шинель, изъ-подъ борта которой виднѣлась золотая цѣпочка часовъ; панталоны со штрипками и чистые, блестящіе опойковые сапоги. Онъ долженъ былъ быть или нѣмецъ, ежели бы не изобличали черты лица его чистаго русскаго происхожденія, или адъютантъ, или квартирмейстеръ полковой (но тогда бы у него были шпоры), или офицеръ, на время кампаніи перешедшій изъ кавалеріи, а можетъ и изъ гвардіи. Онъ, дѣйствительно, былъ офицеръ, перешедшій изъ кавалеріи, и въ настоящую минуту, поднимаясь къ бульвару, думалъ о письмѣ, которое сейчасъ получилъ отъ бывшаго товарища, теперь отставнаго помѣщика Т. губерніи, и жены его, блѣдной голубо-глазой Наташи, своей большой пріятельницы. Онъ вспомнилъ одно мѣсто письма, въ которомъ товарищъ пишетъ:

«Когда приносятъ намъ «Инвалидъ», то *Пунка* (такъ отставной уланъ называлъ жену свою) бросается опрометью въ переднюю, хватаетъ газету и бѣжитъ съ ней на *эсъ въ бесѣдку, въ юстиную*, (въ которой, помнишь, какъ славно мы проводили съ тобой зимніе вечера, когда полкъ стоялъ у насъ въ городѣ), и съ такимъ жаромъ читаетъ *ваши* геройскіе подвиги, что ты себѣ представить не можешь. Она часто про тебя говоритъ: Вотъ Михайловъ—говоритъ она—такъ это «*душка чело-вѣкъ*». Я готова расцеловать его, когда увижу. Онъ *сражается на бастіонахъ* и непременно получитъ Георгіевскій крестъ, и про него въ газе-

такъ напишутъ... и т. д., и т. д... такъ что я рѣшительно начинаю ревновать къ тебѣ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «До насъ газеты доходятъ ужасно поздно, а хотя изустныхъ новостей и много, не всѣмъ можно вѣрить. Напримѣръ, знакомыя тебѣ *барышни съ музыкой* рассказывали вчера, что ужъ будто Наполеонъ пойманъ нашими казаками и отосланъ къ Петербургъ; но ты понимаешь, какъ много я этому вѣрю. Рассказывалъ же намъ одинъ прїѣзжій изъ Петербурга (онъ у министра по особымъ порученіямъ, премилый человекъ и теперь, какъ въ городѣ никого нѣтъ, такая для насъ *рисурсъ*, что ты себѣ представить не можешь)... такъ онъ говоритъ навѣрно, что наши заняли Евпаторію, *такъ что французамъ нѣтъ уже сообщенія съ Балаклавой*, и что у насъ при этомъ убито 200 человекъ, а у французовъ до 15 тысячъ. Жена была въ такомъ восторгѣ по этому случаю, что *кутила* цѣлую ночь, и говоритъ, что ты навѣрное, по ея предчувствію, былъ въ этомъ дѣлѣ и отличился».

Несмотря на тѣ слова и выраженія, которыя я нарочно отмѣтилъ курсивомъ, и на весь тонъ письма, штабсъ-капитанъ Михайловъ съ невыразимо грустнымъ наслажденіемъ вспомнилъ о своемъ губернскомъ блѣдномъ другѣ и какъ онъ сиживалъ, бывало, съ нимъ по вечерамъ въ бесѣдкѣ и говорилъ о *чувствѣ*, вспомнилъ о добромъ товарищѣ-уланѣ, какъ онъ сердился и ремизился, когда они, бывало, въ кабинетѣ составляли пульку по копѣйкѣ, какъ жена смѣялась надъ нимъ, — вспомнилъ о дружбѣ къ себѣ этихъ людей (можетъ быть, ему казалось, что было что-то больше со стороны блѣднаго друга): всѣ эти лица съ своей обстановкой мелькнули въ его воображеніи въ удивительно-сладекомъ, отрадно-розовомъ свѣтѣ, и онъ, улыбаясь своимъ воспоминаніямъ, дотронулся рукою до кармана, въ которомъ лежало это *милое* для него письмо.

Отъ воспоминаній штабсъ-капитанъ Михайловъ невольно перешелъ къ мечтамъ и надеждамъ. «И каково будетъ удивленіе и радость Наташи — думалъ онъ, шагая по узенькому переулочку — когда она вдругъ прочтетъ въ «Инвалидѣ» описаніе, какъ я первый влѣзъ на пушку и получилъ Георгія! Капитана я долженъ получить по старому представленію. Потомъ очень легко я въ этомъ же году могу получить майора, по линіи, потому что много перебито, да и еще, вѣрно, много перебыютъ нашего брата въ эту кампанію. А потомъ опять будетъ дѣло, и мнѣ, какъ извѣстному человеку, поручатъ полкъ... подполковникъ... Анну на шею... полковникъ...» и онъ былъ уже генераломъ, удостоивающимся посѣщенія Наташу, вдову товарища, который, по его мечтамъ, умереть къ этому времени, когда звуки бульварной музыки яснѣе долетѣли до слуха, толпы народа кинулись ему въ глаза и онъ очутился на бульварѣ прежнимъ пѣхотнымъ штабсъ-капитаномъ.

III.

Онъ подошелъ сначала къ павильону, подлѣ котораго стояли музканты, которымъ вмѣсто пюпитровъ другіе солдаты того же полка, раскрывъ, держали ноты и около которыхъ, больше смотря, чѣмъ слушая, составили кружокъ писаря, юнкера, няньки съ дѣтьми. Кругомъ павильона стояли, сидѣли и ходили большею частію моряки, адъютанты и офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ. По большой аллеѣ бульвара ходили всякихъ сортовъ офицеры и всякихъ сортовъ женщины, изрѣдка въ шляпкахъ, большею частію въ платочкахъ (были безъ платочковъ и безъ шляпокъ), но ни одной не было старой, а замѣчательно, что всѣ молодыя. Внизу, по тѣнистымъ, пахучимъ аллеямъ бѣлыхъ акацій, ходили и сидѣли уединенныя группы.

Никто особенно радъ не былъ, встрѣтивъ на бульварѣ штабсъ-капитана Михайлова, исключая, можетъ быть, его полка капитана Обжогова и капитана Сусликова, которые съ горячностію пожали ему руки: но первый былъ въ верблюжьихъ штанахъ, безъ перчатокъ, въ обношенной шинели и съ такимъ краснымъ, вспотѣвшимъ лицомъ, а второй кричалъ такъ громко и развязно, что совѣстно было ходить съ ними, особенно передъ офицерами въ бѣлыхъ перчаткахъ (изъ которыхъ съ однимъ адъютантомъ штабсъ-капитанъ Михайловъ кланялся, а съ другимъ штабъ-офицеромъ могъ бы кланяться потому, что два раза встрѣчалъ его у общаго знакомаго). Притомъ же, что веселаго было ему гулять съ этими господами Обжоговымъ и Сусликовымъ, когда онъ и безъ того по шести разъ на день встрѣчалъ ихъ и пожималъ имъ руки? Не для этого же онъ пришелъ *на музыку*.

Ему бы хотѣлось подойти къ адъютанту, съ которымъ онъ кланялся, и поговорить съ этими господами совѣмъ не для того, чтобы капитаны Обжоговъ и Сусликовъ и поручикъ Паштедкій и другіе видѣли, что онъ говоритъ съ ними, но просто для того, что они прїятные люди, притомъ знаютъ всѣ новости — поразсказали бы.

Но отчего же штабсъ-капитанъ Михайловъ боится и не рѣшается подойти къ нимъ? «Что, ежели они вдругъ мнѣ не поклонятся, — думаетъ онъ — или поклонятся и будутъ продолжать говорить между собою, какъ будто меня нѣтъ, или вовсе уйдутъ отъ меня, и я тамъ останусь одинъ между *аристократами*? Слово аристократы (въ смыслѣ высшаго, отборнаго круга, въ какомъ бы то ни было сословіи) получило у насъ, въ Россіи, гдѣ бы, кажется, вовсе не должно было быть его, съ нѣкотораго времени большую популярность и проникло во всѣ края и во всѣ слои общества, куда проникло только тщеславіе (а въ какія условія времени и обстоятельства не проникаетъ эта жалкая наклонность?): между купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, въ Саратовѣ, въ Мамадыши, въ Винницы, вездѣ, гдѣ есть люди. А такъ какъ въ осажденномъ городѣ Севастополѣ

людей много, слѣдовательно и тщеславія много, то есть и *аристократы*, несмотря на то, что ежеминутно виситъ смерть надъ головой каждаго *аристократа* и *не-аристократа*.

Для капитана Обжогова штабсъ-капитанъ Михайловъ *аристократъ*, для штабсъ-капитана Михайлова адъютантъ Калугинъ *аристократъ*, потому что онъ адъютантъ и на «ты» съ другимъ адъютантомъ. Для адъютанта Калугина графъ Нордовъ *аристократъ*, потому, что онъ флигель-адъютантъ.

Тщеславіе, тщеславіе и тщеславіе вездѣ, даже на краю гроба и между людьми, готовыми къ смерти изъ-за высокаго убѣжденія. Тщеславіе. Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болѣзнь нашего вѣка. Отчего между прежними людьми не слышно было объ этой страсти, какъ объ оспѣ или холерѣ? Отчего въ нашъ вѣкъ есть только три рода людей: однихъ — принимающихъ начало тщеславія, какъ фактъ необходимо существующій, поэтому справедливый, и свободно подчиняющихся ему; другихъ — принимающихъ его какъ несчастное, но непреодолимое условіе, и третьихъ — бессознательно-рабски дѣйствующихъ подъ его вліяніемъ? Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу, про страданія, а литература нашего вѣка есть только безконечная повѣсть снобсовъ и тщеславія?

Штабсъ-капитанъ два раза въ нерѣшительности прошелъ мимо кружка *своихъ аристократовъ*, въ третій разъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и подошелъ къ нимъ. Кружокъ этотъ составляли четыре офицера: адъютантъ Калугинъ, знакомый Михайлова, адъютантъ князь Гальцинъ, бывший даже немножко аристократомъ для самого Калугина, полковникъ Нефердовъ, одинъ изъ такъ называемыхъ *ста-двадцати-двухъ* свѣтскихъ людей (поступившихъ на службу въ эту кампанію изъ отставки), и ротмистръ Праскухинъ, тоже одинъ изъ этихъ *ста-двадцати-двухъ*. Къ счастью Михайлова, Калугинъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа (генераль только что поговорилъ съ нимъ весьма довѣренно и князь Гальцинъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, остановился у него): онъ счелъ не унизительнымъ подать руку штабсъ-капитану Михайлову, чего не рѣшился, однако, сдѣлать Праскухинъ, весьма часто встрѣчавшійся на бастіонѣ съ Михайловымъ, неоднократно пившій его вино и водею и даже должный ему по преферансу двѣнадцать рублей съ полтиной. Не зная еще хорошенько князя Гальцина, ему не хотѣлось изобличить передъ нимъ свое знакомство съ простымъ пѣхотнымъ штабсъ-капитаномъ. Онъ слегка поклонился ему.

— Что, капитанъ, сказалъ Калугинъ: — когда опять на бастіончикъ? Помните, какъ мы съ вами встрѣтились на Шварцовомъ редутѣ — жарко было? а?

— Да, жарко, сказалъ Михайловъ, вспоминая о томъ, какъ онъ въ ту ночь пробираясь по тран-

шеѣ на бастіонъ, встрѣтилъ Калугина, который шелъ такимъ молодцомъ, бодро побрякивая саблей.

— Миѣ, по настоящему, приходится завтра идти; но у насъ болѣзнь, продолжалъ Михайловъ: — одинъ офицеръ, такъ...

Онъ хотѣлъ разсказать, что чередъ былъ не его, но такъ какъ командиръ 8-й роты былъ нездоровъ, а въ ротѣ оставался прапорщикъ только, то онъ счелъ своею обязанностью предложить себя на мѣсто поручика Непшисецкаго и потому шелъ нынче на бастіонъ. Калугинъ не дослушалъ его.

— А я чувствую, что на дняхъ что нибудь будетъ, сказалъ онъ князю Гальцину.

— А что, не будетъ ли нынче чего нибудъ? робко спросилъ Михайловъ, поглядывая то на Калугина, то на Гальцина.

Никто не отвѣчалъ ему. Князь Гальцинъ только сморщился какъ-то, пустилъ глаза мимо его фуражки и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Славная дѣвочка эта въ красномъ платочкѣ. Вы ее не знаете, капитанъ?

— Это около моей квартиры дочь одного матроса, отвѣчалъ штабсъ-капитанъ.

— Пойдемте, посмотримъ ее хорошенько.

И князь Гальцинъ взялъ подъ руку съ одной стороны Калугина, съ другой штабсъ-капитана, впередъ увѣренный, что это не можетъ не доставить послѣднему большаго удовольствія, что, дѣйствительно, было справедливо.

Штабсъ-капитанъ былъ суевѣренъ и считалъ большимъ грѣхомъ передъ дѣломъ заниматься женщинами; но въ этомъ случаѣ онъ притворился развратникомъ, чему видимо не вѣрили князь Гальцинъ и Калугинъ и что чрезвычайно удивляло дѣвицу въ красномъ платочкѣ, которая не разъ замѣчала, какъ штабсъ-капитанъ краснѣлъ, проходя мимо ея окошка. Праскухинъ шелъ сзади и все толкалъ за руку князя Гальцина, дѣлая разныя замѣчанія на французскомъ языкѣ; но, такъ какъ вчетверомъ нельзя было идти по дорожкѣ, онъ принужденъ былъ идти одинъ и только на второмъ кругѣ взялъ подъ руку подошедшаго и заговорившаго съ нимъ извѣстнаго храбраго морскаго офицера *Сервягина*, желавшаго тоже присоединиться къ кружку *аристократовъ*. И извѣстный храбрецъ съ радостью просунулъ свою мускулистую честную руку за локоть, всѣмъ и самому *Сервягину* хорошо извѣстному за неслишкомъ *хорошаго* чловѣка, Праскухину. Когда Праскухинъ, объясняя князю Гальцину свое знакомство съ *этимъ* морякомъ, шепнулъ ему, что это былъ извѣстный храбрецъ, князь Гальцинъ, бывший вчера въ четвертомъ бастіонѣ и видѣвшій отъ себя въ двадцати шагахъ лопнувшую бомбу, считая себя не меньшимъ храбрецомъ, чѣмъ этотъ господинъ, и предполагая, что весьма много репутацій пріобрѣтается задаромъ, не обратилъ на Сервягина никакого вниманія.

Штабсъ-капитану Михайлову такъ пріятно было гулять въ этомъ обществѣ, что онъ забылъ про

милое письмо изъ Т. и про мрачныя мысли, осаждавшія его при предстоящемъ отправленіи на бастіонъ. Онъ пробылъ съ ними до тѣхъ поръ, пока они неговорили исключительно между собой, избѣгая его взглядовъ, давая тѣмъ знать, что онъ можетъ идти, и наконецъ совсѣмъ ушли отъ него. Но штабсъ-капитанъ все-таки былъ доволенъ и, проходя мимо юнкера барона Песта, который былъ особенно гордъ и самонадѣянъ со вчерашней ночи, которую онъ въ первый разъ провелъ въ блиндажѣятаго бастіона, и считалъ себя, вслѣдствіе этого, героемъ, онъ нисколько не огорчился подозрительно-высокомѣрнымъ выраженіемъ, съ которымъ юнкеръ вытянулся и снялъ передъ нимъ фуражку.

IV.

Но едва штабсъ-капитанъ перешагнулъ порогъ своей квартиры, какъ совсѣмъ другія мысли попили ему въ голову. Онъ увидалъ свою маленькую комнату съ землянымъ неровнымъ поломъ и кривыми окнами; залѣпленными бумагой, свою старую кровать съ прибитымъ надъ ней ковромъ, на которой изображена была амазонка и висѣли два тульскіе пистолета, грязную, съ ситцевымъ одѣяломъ постель юнкера, который жилъ съ нимъ; увидалъ своего Никиту, который со взбодараженными, салынными волосами, почесываясь, всталъ съ полу; увидалъ свою старую шинель, личные сапоги и узелокъ, изъ котораго торчали концы сыра и горлышко портерной бутылки съ водкой, приготовленной для него на бастіонъ, и вдругъ вспомнилъ, что ему нынче на цѣлую ночь идти съ ротой въ ложементы.

«Навѣрное, мнѣ быть убитымъ нынче—думалъ штабсъ-капитанъ—я чувствую. И главное, что не мнѣ надо было идти, а я самъ вызвался. И ужъ это всегда убьютъ того, кто напрашивается. И чѣмъ болѣе этотъ проклятый Непшисецкій? Очень можетъ быть, что и вовсе не болѣе; а тутъ изъза него убьютъ человѣка, непременно убьютъ. Впрочемъ, ежели не убьютъ, то, вѣрно, представлять. Я видѣлъ, какъ полковому командиру понравилось, когда я сказалъ, что позвольте мнѣ идти, ежели поручикъ Непшисецкій болѣе. Ежели не выйдетъ майора, то Владимира навѣрно. Вѣдь я ужъ тринадцатый разъ иду на бастіонъ. Охъ, 13 скверное число. Непременно убьютъ, чувствую, что убьютъ; но надо же было кому нибудь идти, нельзя съ прапорщикомъ ротѣ идти. А что нибудь бы случилось, вѣдь это честь полка, честь арміи отъ этого зависеть. Мой долгъ былъ идти... да, святой долгъ. А есть предчувствіе.» Штабсъ-капитанъ забывалъ, что подобное предчувствіе, въ болѣе или менѣе сильной степени, приходило ему не въ первый разъ, когда нужно было идти на бастіонъ, и не зналъ, что то же, въ болѣе или менѣе сильной степени, предчувствіе испытываетъ всякій, кто идетъ въ дѣло. Успокоивъ

себя понятіемъ долга, которое у штабсъ-капитана было особенно развито и сильно, онъ сѣлъ къ столу и сталъ писать прощальное письмо отцу. Черезъ десять минутъ написавъ письмо, онъ всталъ отъ стола съ мокрыми отъ слезъ глазами и, мысленно читая всѣ молитвы, которыя зналъ, сталъ одѣваться. Пьяноватый и грубый слуга лѣнливо подалъ ему новый сюртукъ (старый, который обыкновенно надѣвалъ штабсъ-капитанъ, идя на бастіонъ, не былъ починенъ).

— Отчего не починенъ сюртукъ? Тебѣ только бы все спать, этакой! сердито сказалъ Михайловъ.

— Чего спать? проворчалъ Никита:—день-деньской бѣгаешь, какъ собака: умаешься небось, — а тутъ не засни еще!

— Ты опять пьянъ, я вижу.

— Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

— Молчи, болванъ! крикнулъ штабсъ-капитанъ, готовый ударить человѣка, еще прежде разстроенный, а теперь окончательно выведенный изъ терпѣнія и огорченный грубостью Никиты, котораго онъ любилъ, баловалъ даже, и съ которымъ жилъ уже 12 лѣтъ.

— Болванъ? болванъ? повторилъ слуга:—и что ругаетесь болваномъ, сударь? вѣдь теперь время какое? нехорошо ругать.

Михайловъ вспомнилъ, куда онъ идетъ, и ему стыдно стало.

— Вѣдь ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія, Никита! сказалъ онъ кроткимъ голосомъ.—Письмо это къ батюшкѣ на столѣ оставь, такъ и не трогай, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Слушаю-съ, сказалъ Никита, разчувствовавшийся подъ вліяніемъ вина, которое онъ выпилъ, какъ говорилъ, на свои деньги, и съ видимымъ желаніемъ заплакать, хлопая глазами.

Когда же на крыльцѣ штабсъ-капитанъ сказалъ: «прощай, Никита!» то Никита вдругъ разразился принужденными рыданіями и бросился целовать руки своего барина. «Прощайте, баринъ!» всхлипывая, говорилъ онъ. Старуха матроска, стоявшая на крыльцѣ, какъ женщина, не могла не присоединиться тоже къ этой чувствительной сценѣ, начала утирать глаза грязнымъ рукавомъ и приговаривать что-то о томъ, что ужъ на что господа, и тѣ какія муки принимаютъ, и что она, бѣдный человѣкъ, вдовой осталась, и рассказала въ сотый разъ пьяному Никитѣ о своемъ горѣ: какъ ея мужа убили еще въ первую бандировку и какъ ея домнико весь разбили (тотъ, въ которомъ она жила, принадлежалъ не ей) и т. д. По уходѣ барина, Никита закурилъ трубку, попросилъ хозяйскую дѣвочку сходить за водкой и весьма скоро пересталъ плакать, а, напротивъ, побранился со старухой за какую-то ведерку, которую она ему будто бы раздавила.

«А можетъ быть, только ранять, рассуждалъ самъ съ собою штабсъ-капитанъ, уже сумерками, подходя съ ротой къ бастіону. Но куда? какъ? сюда или сюда? думалъ онъ мысленно, указывая

на животъ и на грудь. — Вотъ ежели бы сюда (онъ думалъ о верхней части ноги) да кругомъ бы обошла. Ну, а какъ сюда да осколкомъ—кончено!»

Штабсъ-капитанъ по траншеямъ благополучно дошелъ до ложементовъ, расставилъ съ сапернымъ офицеромъ, уже въ совершенной темнотѣ, людей на работу и сѣлъ въ ямочку подъ брустверомъ. Стрѣльба была малая; только изрѣдка вспыхивали то у насъ, то у него молніи, и свѣтящаяся трубка бомбы прокладывала огненную дугу на темномъ звѣздномъ небѣ. Но всѣ бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента. въ которомъ въ ямочкѣ сидѣлъ штабсъ-капитанъ. Онъ выпилъ водки, закусилъ сыромъ, закурилъ папиросу и, помолясь Богу, хотѣлъ заснуть немного.

V.

Князь Гальцинъ, подполковникъ Нефердовъ и Праскухинъ, котораго никто не звалъ, съ которымъ никто не говорилъ, но который не отставалъ отъ нихъ, всѣ съ бульвара пошли пить чай къ Калугину.

— Ну такъ ты мнѣ не досказалъ про Васю Менделя, говорилъ Калугинъ, снявъ шинель, сидя около окна, на мягкомъ покойномъ креслѣ, и растегивая воротникъ чистой крахмальной голландской рубашки: — какъ же онъ женился?

— Умора, братецъ! *je vous dis, il y avait un temps, on ne parlait, que de ça à Pg*, сказалъ, смѣясь, князь Гальцинъ, вскакивая отъ фортепьянъ, у которыхъ онъ сидѣлъ, и сядя на окно подлѣ окна Калугина: — просто умора. Ужъ я все это знаю подробно...

И онъ весело, умно и бойко сталъ рассказывать какую-то любовную исторію, которую мы пропустимъ потому, что она для насъ неинтересна. Но замѣчательно то, что не только князь Гальцинъ, но и всѣ эти господа, расположившись здѣсь кто на окнѣ, кто задравъ ноги, кто за фортепьянами, казались совсѣмъ другими людьми, чѣмъ на бульварѣ: не было этой смѣшной надутости, высокомерности, которыя они выказывали пѣхотнымъ офицерамъ; здѣсь они были между своими въ натурѣ, особенно Калугинъ и князь Гальцинъ, очень милыми, веселыми и добрыми ребятами. Разговоръ шелъ о петербургскихъ сослуживцахъ и знакомыхъ.

Что Масловскій?

— Который? лейбъ-уланъ или конно-гвардеецъ?

— Я ихъ обоихъ знаю. Конно-гвардеецъ при мнѣ мальчишка былъ, только что изъ школы вышелъ.

Что старшій — ротмистръ?

— О! ужъ давно.

— Что, все возится съ своей цыганкой?

— Нѣтъ, бросилъ... и т. д. въ этомъ родѣ.

Потомъ князь Гальцинъ сѣлъ къ фортепьянамъ и славно спѣлъ цыганскую пѣсенку. Праскухинъ,

хотя никто не просилъ его, сталъ вторить, и такъ хорошо, что его ужъ просили вторить, чему онъ былъ очень доволенъ.

Человѣкъ вошелъ съ чаемъ со сливками и крендельками на серебрянномъ подносѣ.

— Подай князю, сказалъ Калугинъ.

— А вѣдь странно подумать, сказалъ Гальцинъ, взявъ стаканъ и отходя къ окну: — что мы здѣсь въ осажденномъ городѣ: *фортапласы*, чай со сливками, квартира такая, что я, право, желалъ бы такую имѣть въ Петербургѣ.

— Да ужъ ежели бы еще этого не было, сказалъ всѣмъ недовольный, старый подполковникъ: — просто было бы не выносимо это постоянное ожиданіе чего-то... видѣть, какъ каждый день бьютъ, бьютъ — и все нѣтъ конца, ежели при этомъ бы жить въ грязи и не было бы удобствъ.

— А какже наши пѣхотные офицеры, сказалъ Калугинъ: — которые живутъ на бастіонахъ съ солдатами, въ блиндажѣ и ѣдятъ солдатскій борщъ, — какъ имъ-то?

— Какъ имъ-то? Они хотъ, правда, по десяти дней бѣлья не перемѣняютъ, а это герои, удивительные люди.

Въ это время въ комнату вошелъ пѣхотный офицеръ.

— Я... мнѣ приказано... я могу ли явиться къ ген... къ его превосходительству отъ генерала N? спросилъ онъ застѣнчиво, кланяясь.

Калугинъ всталъ, но, не отвѣчая на поклонъ офицера, съ оскорбительной учтивостью и натанутой официальной улыбкой, спросилъ офицера, не угодно ли *имъ* подождать, и, не попросивъ его сѣсть, не обращая на него больше вниманія, повернулся къ Гальцину и заговорилъ по-французски, такъ что бѣдный офицеръ, оставшись по срединѣ комнаты, рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ своей персоной.

— По крайне нужному дѣлу-съ, сказалъ офицеръ, послѣ минутнаго молчанія.

— А! такъ пожалуйста, сказалъ Калугинъ, надѣвая шинель и провожая его къ двери.

— *Eh bien, messieurs, je crois que cela chauffera cette nuit*, сказалъ Калугинъ, выходя отъ генерала.

— А? что? вылазка? стали спрашивать всѣ.

— Ужъ не знаю — сами увидите, отвѣчалъ Калугинъ съ таинственной улыбкой.

— И мой командиръ на бастіонѣ, — стало быть, и мнѣ надо итти, сказалъ Праскухинъ, надѣвая саблю.

Но никто не отвѣчалъ ему: онъ самъ долженъ былъ знать, итти ли ему, или нѣтъ.

Праскухинъ и Нефердовъ вышли, чтобъ отправиться къ своимъ мѣстамъ. «Прощайте, господа!» «До свиданья, господа! Еще нынче ночью увидимся!» прокричалъ Калугинъ изъ окошка, когда Праскухинъ и Нефердовъ, нагнувшись на луки казачьихъ сѣделъ, прорысили по дорогѣ. Топотъ казачьихъ лошадей скоро стихъ въ темной улицѣ.

— Non, dites moi, est-ce qu'il y aura véritablement quelque chose cette nuit, сказал Гальцинъ, лежа съ Калугинымъ на окошѣхъ и глядя на бомбы, которыя поднимались надъ бастіонами.

— Тебѣ я могу рассказать — видишь ли — вѣдь ты былъ на бастіонахъ? (Гальцинъ сдѣлалъ знакъ согласія, хотя онъ былъ только разъ на 4 бастіонѣ). Такъ противъ нашего люнета была траншея, — и Калугинъ, какъ человѣкъ не спеціальнѣй, хотя и считавшій свои военныя сужденія весьма вѣрными, началъ, немного запутанно и перевирая фортификаціонныя выраженія, рассказывать положеніе нашихъ и непріятельскихъ работъ и планъ предполагавшагося дѣла.

— Однако, начинаютъ попускать около ложементовъ. Ого! это наша или его? вотъ лопнула, говорили они, лежа на окнѣ, глядя на огненные линіи бомбъ, скрещивающіяся въ воздухѣ, на молніи выстрѣловъ, на мгновеніе освѣщавшія темно-синее небо, и бѣлый дымъ пороха и прислушиваясь къ звукамъ все усиливающейся и усиливающейся стрѣльбы.

— Quel charmant coup d'oeil! а? сказалъ Калугинъ, обращая вниманіе своего гостя на это дѣйствительно красивое зрѣлище. — Знаешь, не различить звѣзды отъ бомбы иногда.

— Да, я сейчасъ думалъ, что это звѣзда; а она опустилась... вотъ лопнула. А эта большая звѣзда — какъ ее зовутъ? точно какъ бомба.

— Знаешь, я дотога привыкъ къ этимъ бомбамъ, что, я увѣренъ, въ Россіи въ звѣздную ночь мнѣ будетъ казаться, что это все бомбы: такъ привыкнешь.

— Однако, не пойти ли мнѣ на эту вылазку? сказалъ князь Гальцинъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Полно, братецъ! и не думай; да я тебя и не пушу, отвѣчалъ Калугинъ. — Еще успѣешь, братецъ!

— Серьезно? Такъ думаешь, что не надо ходить? а?...

Въ это время, въ томъ направленіи, по которому смотрѣли эти господа, за артиллерійскимъ гуломъ послышалась ужасная трескотня ружей, и тысячи маленькихъ огней, безпрестанно вспыхивая, заблестѣли по всей линіи.

— Вотъ оно когда пошло настоящее! сказалъ Калугинъ. — Этого звука ружейнаго я слышать не могу хладнокровно: какъ-то, знаешь, за душу беретъ. Вонъ и «ура», прибавилъ онъ, прислушиваясь къ дальнему протяжному гулу сотенъ голосомъ: «а-а-а-а», доносившихся до него съ бастіона.

— Чье это «ура»? ихъ или наше?

— Не знаю; но это ужъ рукопашная пошла, потому что стрѣльба затихла.

Въ это время подъ окномъ, къ крыльцу, подскакалъ офицеръ съ казакомъ и слѣзъ съ лошади.

— Откуда?

— Съ бастіона. Генерала нужно.

— Пойдемте. Ну, что?

— Атаковали ложементы... заняли... французы подвели огромные резервы... атаковали нашихъ... было только два батальона, говорили, запыхавшись, тотъ же самый офицеръ, который приходилъ вечеромъ, съ трудомъ переводя духъ, но совершенно развязно направляясь къ двери.

— Что жъ, отступили? спросилъ Гальцинъ.

— Нѣтъ, сердито отвѣчалъ офицеръ: — подошлѣ батальонъ—отбили; но полковой командиръ убить, офицеровъ много, приказано просить подкрѣпленія...

И съ этими словами онъ съ Калугинымъ прошелъ къ генералу, куда уже мы не послѣдуемъ за ними.

Черезъ пять минутъ Калугинъ уже сидѣлъ верхомъ на казачьей лошади (и опять той особенной quasi-казацкой посадкой, въ которой, я замѣчалъ, всѣ адъютанты видятъ, почему-то, что-то особенно пріятное), рысцой ѣхалъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобы передать туда нѣкоторыя приказанія и дожидаться извѣстій объ окончательномъ результатѣ дѣла; а князь Гальцинъ, подъ влияніемъ того тяжелаго волненія, которое производятъ обыкновенно близкіе признаки дѣла на зрителя, не принимавшаго въ немъ участія, вышелъ на улицу и безъ всякой цѣли сталъ вездѣ и впередъ ходить по ней.

VI.

Солдаты несли на носилкахъ и вели подъ руки раненыхъ. На улицѣ было совершенно темно; только рѣдко кое-гдѣ свѣтились окна въ госпиталѣ или у засидѣвшихъ офицеровъ. Съ бастіоновъ доносился тотъ же грохотъ орудій и ружейной перепалки, и тѣ же огни вспыхивали на черномъ небѣ. Изрѣдка слышались топотъ лошади проскакавшаго ординарца, стонъ раненаго, шаги и говоръ носильщиковъ или женскій говоръ испуганныхъ жителей, вышедшихъ на крылечко посмотреть на канонаду.

Въ числѣ послѣднихъ были и знакомый намъ Никита, старая матроска, съ которой онъ помирился уже, и десятилѣтняя дочь ея. «Господи, Мати Пресвятыя Богородицы! говорила, въ себя и вздыхая, старуха, глядя на бомбы, которыя, какъ огненные мячики, безпрестанно перелетали съ одной стороны на другую: — страсти-то, страсти какія! И-и-хи-хи! Такого и въ первую бандировку не было. Вишь, гдѣ лопнула проклятая! прямо надъ нашимъ домомъ въ слободкѣ.»

— Нѣтъ, это дальше, къ тетенькѣ Аринкѣ въ садъ все попадаютъ, сказала дѣвочка.

— И гдѣ-то, гдѣ-то баринъ мой тапереча? сказалъ Никита, нараспѣвъ и еще пьяный немного. — Ужъ какъ я люблю еваго барина своего, такъ самъ не знаю, — такъ люблю, что если, избави Богъ, да убьютъ его грѣшнымъ дѣломъ, такъ, вѣрите ли, тетенька, я послѣ еваго самъ не знаю, что могу надъ собою произвести, — ей Богу. Ужъ

такой баринъ, что одно слово! Развѣ съ евреями смѣнить, что тутъ въ карты играютъ? это что — тѣфу! одно слово! заключилъ Никита, указывая на свѣтящееся окно комнаты барина, въ которой, во время отсутствія штабсъ-капитана, юнкеръ Жвадческій позвалъ къ себѣ на кутежъ; по случаю подлеченія креста, гостей: подпоручика Угровича и поручика Непишесцаго, который былъ нездоровъ флюсомъ.

— Звѣздочки-то, звѣздочки такъ и катятся! глядя на небо, прервала дѣвочка молчаніе, послѣдовавшее за словами Никиты:—вонъ, вонъ еще скатилась. Къ чему это такъ? а, маменька?

— Совсѣмъ разобьютъ домишко нашъ, сказала старуха, вздыхая и не отвѣчая на вопросъ дѣвочки.

— А какъ мы нынче съ дянькой ходили туда маменька, продолжала пѣвучимъ голосомъ разговарившая дѣвочка: — такъ большущая такая ядро въ самой комнатѣхъ подлѣ шкапа лежитъ: она сѣнцы, видно, пробила да въ горницу и влетѣла... такая большущая, что не поднимаешь.

— У кого были мужья да деньги, такъ повыѣхали, говорила старуха: — а тутъ послѣдній домишко и тотъ разбили. Вишь какъ, вишь какъ палить злодѣи! Господи, Господи!

— А какъ намъ только выходить, какъ одна бомба прилетитъ, какъ лопнитъ, какъ засыплетъ землю, такъ даже чуть-чуть насъ съ дянькой однимъ оскреткомъ не задѣло.

VII.

Все больше и больше раненыхъ на носилкахъ и пѣшкомъ, поддерживаемыхъ одни другими и громко разговаривающихъ между собою, встрѣчалось князю Гальцину.

— Какъ они подскочили, братцы мои, говоритъ басомъ одинъ высокій солдатъ, несшій два ружья за плечами: — какъ подскочили, какъ крикнуть: «Алла, Алла (*)!» такъ другъ на друга и лѣзутъ. Однихъ бьешь, а другіе лѣзутъ — ничего не здѣлаешь. Видимо-не-видимо...

Но въ этомъ мѣстѣ разсказа Гальцинъ остановилъ его.

— Ты съ бастіона?

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Ну, что тамъ было? Разскажи.

— Да что было? Подступила ихъ, ваше благородіе, *сила*, лѣзутъ на валъ, да и шабашъ. Одолѣли совсѣмъ, ваше благородіе!

— Какъ одолѣли? Да вѣдь вы отбили же?

— Гдѣ тутъ отбить, когда *его* вся *сила* подошла: перебилъ всѣхъ нашихъ, а сикурсу не подаютъ.

Солдатъ ошибался, потому что траншея была за нами; но это — странность, которую всякій можетъ замѣтить: солдатъ, раненый въ дѣлѣ, всегда считаетъ его проиграннымъ и ужасно кровопролитнымъ.

— Какже мнѣ говорили, что отбили, съ досадой сказалъ Гальцинъ: — можетъ быть, послѣ тебя отбили? Ты давно оттуда?

— Сейчасъ, ваше благородіе! отвѣчалъ солдатъ: — врядъ ли: должно, за нимъ траншея осталась... совсѣмъ одолѣлъ.

— Ну, какъ вамъ не стыдно — отдали траншею. Это ужасно! сказалъ Гальцинъ, огорченный этимъ равнодушіемъ.

— Что жъ, когда *сила*! проворчалъ солдатъ.

— И, ваши благородія, заговорилъ въ это время солдатъ съ носилокъ, поровнявшихся съ ними: — какже не отдать, когда перебилъ всѣхъ почитай? Когда бы наша сила была, ни въ жисть бы не отдали. А то что сдѣлаешь? Я одного закололъ, а тутъ меня какъ ударить... О-охъ, легче, братцы, ровнѣе, братцы, ровнѣе иди... о-о-о, застоналъ раненый.

— А въ самомъ дѣлѣ, кажется, много лишняго народа идетъ, сказалъ Гальцинъ, останавливая опять того же высокаго солдата съ двумя ружьями. — Ты зачѣмъ идешь? Эй, ты, остановись!

Солдатъ остановился и лѣвой рукой снялъ шапку.

— Куда ты идешь и зачѣмъ? закричалъ онъ на него строго. — Него...

Но въ это время, совсѣмъ вплотъ подойдя къ солдату, онъ замѣтилъ, что правая рука его была за обшлагомъ и въ крови выше локтя.

— Раненъ, ваше благородіе!

— Чѣмъ раненъ?

— Сюда-то, должно, пулей, сказалъ солдатъ, указывая на руку: — а ужъ здѣсь не могу знать, чѣмъ голову-то прошибло, и, нагнувъ ее, показалъ окровавленные и слипшіеся волосы на затылкѣ.

— А ружье другое чье?

— Стуцерь французскій, ваше благородіе! отнялъ. Да я бы не пошелъ, кабы не евтого солдата проводить; а то упадетъ неравно, прибавилъ онъ, указывая на солдата, который шелъ немного впереди, опираясь на ружье и съ трудомъ таща и передвигая лѣвую ногу.

Князю Гальцину вдругъ ужасно стыдно стало за свои несправедливыя подозрѣнія. Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ, отвернулся и, уже больше не распрашивая раненыхъ и не наблюдая за ними, пошелъ на перевязочный пунктъ.

Съ трудомъ пробившись на крыльцѣ между пѣшкомъ шедшими ранеными и носильщиками входившими съ ранеными и выходившими съ мертвыми, Гальцинъ вошелъ въ первую комнату, взглянулъ и тотчасъ же невольно повернулся назадъ и выбѣжалъ на улицу: это было слишкомъ ужасно!

(*) Наши солдаты, воюя съ турками, такъ привыкли къ этому крику враговъ, что теперь всегда разсказываютъ, что французы тоже кричать «Алла!»

Уже разъ проникнувъ въ душу, страхъ не скоро уступаетъ мѣсто другому чувству. Онъ, который всегда хвастался, что никогда не нагибается, ускоренными шагами и чѣтъ-чѣтъ не ползкомъ пошелъ по траншеѣ. «Ахъ, нехорошо!» подумалъ онъ, спо-

тыкнувшись, «непремѣнно убьютъ», и, чувствуя, какъ трудно дышалось ему и какъ потъ выступалъ по всему тѣлу, онъ удивлялся самому себѣ, но уже не пытался преодолѣть своего чувства.

Вдругъ чьи-то шаги послышались впереди его. Онъ быстро разогнулся, поднялъ голову и, бодро побрякивая саблей, пошелъ уже не такими скорыми шагами, какъ прежде. Онъ не узнавалъ себя. Когда онъ сошелся со встрѣтившимся ему сапернымъ офицеромъ и матросомъ, и первый крикнулъ ему: «ложитесь!» указывая на свѣтлую точку бомбы, которая, свѣтлѣе и свѣтлѣе, быстрѣе и быстрѣе приближаясь, шлепнулась около траншеи, онъ только немного и невольно, подъ вліяніемъ испуганнаго крика, нагнулъ голову и пошелъ дальше.

— Вишь, какой бравый! сказалъ матросъ, который преспокойно смотрѣлъ на падавшую бомбу и опытнымъ глазомъ сразу разсчелъ, что осколки ея не могутъ задѣть въ траншеѣ:—и ложится не хочетъ.

Уже нѣсколько шаговъ только оставалось Калугину перейти черезъ площадку до блиндажа командира бастіона, какъ опять на него нашли затмѣніе и этотъ глупый страхъ; сердце забилося сильнѣе, кровь хлынула въ голову, и ему нужно было усиліе надъ собою, чтобы пробѣжать до блиндажа.

— Что вы такъ запыхались? сказалъ генераль, когда онъ ему передалъ приказанія.

— Шелъ скоро очень, ваше превосходительство!

— Не хотите ли вина стаканъ?

Калугинъ выпилъ стаканъ вина и закурилъ папиросу. Дѣло уже прекратилось; только сильная канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ. Въ блиндажѣ сидѣли генераль Н, командиръ бастіона и еще человекъ шесть офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и Праскухинъ, и говорили про разные подробности дѣла. Сидя въ этой уютной комнатѣ, обитой голубыми обоями, съ диваномъ, кроватью, столомъ, на которомъ лежатъ бумаги, стѣнными часами и образомъ, передъ которымъ горѣла лампада, глядя на эти признаки жилья и на толстыя аршинныя балки, составлявшія потолокъ, и, слушая выстрѣлы, казавшіеся слабыми въ блиндажѣ, Калугинъ рѣшительно понять не могъ, какъ онъ два раза позволилъ себя одолѣть такой непростительной слабости. Онъ сердился на себя, и ему хотѣлось опасно-сти, чтобы снова испытать себя.

— А вотъ я радъ, что и вы здѣсь, капитанъ, сказалъ онъ морскому офицеру, въ штабъ-офицерской шинели, съ большими усами и Георгіемъ, который вошелъ въ это время въ блиндажъ и просилъ генерала дать ему рабочихъ, чтобы исправить на его батарее двѣ амбразуры, которыя были засыпаны. — Мнѣ генераль приказалъ узнать, продолжалъ Калугинъ, когда командиръ батареи пересталъ говорить съ генераломъ:—могутъ ли ваши орудія стрѣлять по траншеѣ картечью?

— Одно только орудіе можетъ, угрюмо отвѣчалъ капитанъ,

— Все-таки пойдемте посмотримъ.

Капитанъ нахмурился и сердито крикнулъ.

— Ужъ всю ночь тамъ простоялъ, пришелъ хоть отдохнуть немного, сказалъ онъ:—нельзя ли вамъ однимъ сходить? тамъ мой помощникъ, лейтенантъ Карцъ, вамъ все покажетъ.

Капитанъ уже шесть мѣсяцевъ командовалъ этой одной изъ самыхъ опасныхъ батарей—и даже, когда не было блиндажей—не выходя, съ начала осады жилъ на бастіонѣ и между моряками имѣлъ репутацію храбрости. Поэтомуто отказъ его особенно поразилъ и удивилъ Калугина. «Вотъ репутаціи!» подумалъ онъ.

— Ну, такъ я пойду одинъ, если вы позволите, сказалъ онъ нѣсколько насмѣшливымъ тономъ капитану, который, однако, не обратилъ на его слова никакого вниманія.

Но Калугинъ не сообразилъ того, что онъ въ разные времена всего-на-все провелъ часовъ пять-десять на бастіонахъ, тогда какъ капитанъ жилъ тамъ шесть мѣсяцевъ. Калугина еще возбуждали тщеславіе—желаніе блеснуть, надежда на награды, на репутацію и прелесть риска; капитанъ же ужъ прошелъ черезъ все это: сначала тщеславился, храбрился, рисковалъ, надѣялся на награды и репутацію и даже приобрѣлъ ихъ, но теперь уже всѣ эти побудительныя средства потеряли для него силу, и онъ смотрѣлъ на дѣло иначе: исполнялъ въ точности свою обязанность, но, хорошо понимая, какъ мало ему оставалось случайностей жизни, послѣ шести-мѣсячнаго пребыванія на бастіонѣ, уже не рисковалъ этими случайностями безъ строгой необходимости, такъ что молодой лейтенантъ, съ недѣлю тому назадъ поступившій на батарею и показывавшій теперь ее Калугину, съ которымъ они бесполезно другъ передъ другомъ высовывались въ амбразуры и вылѣзали на банкеты, казался въ десять разъ храбрѣе капитана.

Осмотрѣвъ батарею и направляясь назадъ къ блиндажу, Калугинъ наткнулся въ темнотѣ на генерала, который сосвоими ординарцами шелъ на вышку.

— Ротмистръ Праскухинъ! сказалъ генераль:—сходите, пожалуйста, въ правый ложементъ и скажите второму батальону М* полка, который тамъ на работѣ, чтобъ онъ оставилъ работу, не шумя вышелъ оттуда и присоединился къ своему полку, который стоитъ подъ горой въ резервѣ.... Понимаете? Сами отведите къ полку.

— Слушаю-съ.

И Праскухинъ рысью побѣжалъ къ ложементу. Стрѣлба становилась рѣже.

X.

— Это второй батальонъ М* полка? спросилъ Праскухинъ, приближалъ къ мѣсту и наткнувшись на солдатъ, которые въ мѣшкахъ носили землю.

— Такъ точно-съ.

— Гдѣ командиръ?

Михайловъ, полагая, что спрашиваютъ ротнаго командира, выльзъ изъ своей ямки и, принимая Праскухина за начальника, держа руку у козырька, подошелъ къ нему.

— Генераль приказалъ.... вамъ.... извольте идти... поскорѣе.... и, главное, потише.... назадъ не назадъ, а къ резерву, говорилъ Праскухинъ, искоса поглядывая по направленію огней непріятеля.

Узнавъ Праскухина, опустивъ руку и разобравъ, въ чемъ дѣло, Михайловъ передалъ приказаніе, и батальонъ зашевелился, забралъ ружья, надѣлъ шинели и двинулся.

Кто не испыталъ, тотъ не можетъ вообразить себѣ того наслажденія, которое ощущаетъ человѣкъ, уходя, послѣ трехъ часовъ бомбардированія, изъ такого опаснаго мѣста, какъ ложементы. Михайловъ въ эти три часа, уже нѣсколько разъ, не безъ основанія, считавшій свой конецъ неизбѣжнымъ, успѣлъ свыкнуться съ убѣжденіемъ, что его непременно убьютъ и что онъ уже не принадлежитъ этому міру. Несмотря на то, однако, ему большаго труда стоило удерживать свои ноги, чтобы они не бѣжали, когда онъ передъ ротой, рядомъ съ Праскухинымъ, вышелъ изъ ложементовъ.

— До свиданья, сказалъ ему майоръ, командиръ другаго батальона, который оставался въ ложементахъ и съ которымъ они вмѣстѣ закусывали сыромъ, сидя въ ямочкѣ около бруствера:—счастливаго пути.

— И вамъ желаю счастливо отстоять. Теперь, кажется, затихло.

Но только что онъ успѣлъ сказать это, какъ непріятель, должно быть, замѣтивъ движеніе въ ложементахъ, сталъ палить чаще и чаще. Наши стали отвѣчать ему, и опять поднялась сильная канонада. Звѣзды высоко, но не ярко блестѣли на небѣ. Ночь была темна — хоть глазъ выколи; только огни выстрѣловъ и разрыва бомбъ мгновенно освѣщали предметы. Солдаты шли скоро и молча и невольно перегоняя другъ друга; только слышны были за безпрестанными раскатами выстрѣловъ мѣрный звукъ ихъ шаговъ по сухой дорогѣ, звуки столкнувшихся штыковъ или вздохъ и молитва какаго нибудь солдата: «Господи, Господи! что это такое!» Иногда слышался стонъ раненаго и крики: «носики!» (Въ ротѣ, которой командовалъ Михайловъ, отъ одного артиллерійскаго огня вышло въ ночь 26 человѣкъ). Вспыхивала молнія на мрачномъ, далекомъ горизонтѣ, часовой съ бастіона кричалъ: «пу-шка!», и ядро, жужжа надъ ротой, взрывало землю и всбрасывало камни.

«Чортъ возьми! какъ они тихо идутъ — думалъ Праскухинъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, шагая подлѣ Михайлова — право, лучше побѣгу впередъ: вѣдь я передалъ приказанье... Впрочемъ, нѣтъ: вѣдь могутъ рассказывать потомъ, что я трусь. Что будетъ, то будетъ: пойду рядомъ.»

«И зачѣмъ онъ идетъ за мной—думалъ, съ своей стороны, Михайловъ—сколько я ни замѣчалъ, онъ

всегда приноситъ несчастье. Вотъ она летитъ, прямо сюда, кажется.»

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они столкнулись съ Калугинымъ, который, бодро побрякивая саблей, шелъ къ ложементамъ, съ тѣмъ, чтобы, по приказанію генерала, узнать, какъ подвинулись тамъ работы. Но, встрѣтивъ Михайлова, онъ подумалъ, что, чѣмъ ему самому подъ этимъ страшнымъ огнемъ идти туда, чего и не было ему приказано, онъ можетъ разспросить все подробно у офицера, который былъ тамъ. И, дѣйствительно, Михайловъ подробно рассказалъ про работы. Пройдя еще немного съ нимъ, Калугинъ повернулъ въ траншею, ведущую къ блиндажу.

— Ну, что новенькаго? спросилъ офицеръ, который, ужиная, одинъ сидѣлъ въ комнатѣ.

— Да ничего; кажется, что ужъ больше дѣла не будетъ.

— Какъ не будетъ? напротивъ, генераль сейчасъ опять пошелъ на вышку. Еще полкъ пришелъ. Да вотъ она... слышите? опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачѣмъ вамъ? прибавилъ офицеръ, замѣтивъ движеніе, которое сдѣлалъ Калугинъ.

«А мнѣ, по настоящему, непрѣменно надо тамъ быть — подумалъ Калугинъ — но ужъ я и такъ нынче много подвергалъ себя опасности: стрѣльба ужасная.»

— И, въ самомъ дѣлѣ, я ихъ лучше тутъ подожду, сказалъ онъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать генераль вернулся вмѣстѣ съ офицерами, которые были при немъ; въ числѣ ихъ былъ и юнкеръ баронъ Пестъ, но Праскухина не было. Ложементы были отбиты и заняты нами.

Получивъ подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ, Калугинъ, вмѣстѣ съ Пестомъ, вышелъ изъ блиндажа.

XI.

— У васъ шинель въ крови: неужели вы дрались въ рукопашномъ? спросилъ его Калугинъ.

— Ахъ, ужасно! можете себѣ представить...

И Пестъ сталъ рассказывать, какъ велъ свою роту, какъ ротный командиръ убить, какъ онъ закололъ француза и какъ, если бы не онъ, дѣло было бы проиграно.

Основанія этого разсказа, что ротный командиръ былъ убитъ и что Пестъ убилъ француза, были справедливы; но, передавая подробности, юнкеръ выдумывалъ и хвасталъ.

Хвасталъ онъ невольно, потому что, во время всего дѣла, находился въ какомъ-то туманѣ и забытъ до такой степени, что все, что случилось, казалось ему случившимся гдѣ-то, когда-то и съ кѣмъ-то, очень естественно, онъ старался воспроизвести эти подробности съ выгодной для себя стороны. Но вотъ какъ это было дѣйствительно.

Батальонъ, къ которому прикомандированъ былъ юнкеръ для вылазки, часа два подъ огнемъ стоялъ

около какой-то стѣнки; потомъ батальонный командиръ впереди сказалъ что-то—ротные командиры зашевелились, батальонъ тронулся, вышелъ изъ-за бруствера и, пройдя шаговъ сто, остановился, построясь въ ротныя колонны. Песту сказали, чтобы онъ сталъ на правомъ флангѣ второй роты.

Рѣшительно не отдавая себѣ отчета, гдѣ и зачѣмъ онъ былъ, юнкеръ сталъ на мѣсто и, съ невольнo сдержаннымъ дыханіемъ и холодною дрожью, пробѣгавшей по спинѣ, безсознательно смотрѣлъ впередъ въ темную даль, ожидая чего-то страшнаго. Ему, впрочемъ, не столько страшно было потому что стрѣльбы не было, сколько дико, странно было подумать, что онъ находился внѣ крѣпости, въ полѣ. Опять батальонный командиръ впереди сказалъ что-то. Опять шопотомъ заговорили офицеры, передавая приказанія, и черная стѣна первой роты вдругъ опустилась. Приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пестъ, ложась, накололъ руку на какую-то колючку. Не легъ только одинъ командиръ второй роты. Его невысокая фигура, съ вытянутой шпагой, которой онъ размахивалъ, не переставая говорить, двигались передъ ротой.

— Ребята! смотри, молодцами у меня! Съ ружей не палить, а штыками ихъ каналій! Когда я крикну: «ура!» за мной и не отставать.... дружиѣй, главное дѣло.... покажемъ себя, не ударимъ лицомъ въ грязь.... а, ребята? За Царя-батюшку!

— Какъ фамилія нашего ротнаго командира? спросилъ Пестъ у юнкера, который лежалъ рядомъ съ нимъ:—какой онъ храбрый!

— Да, какъ въ дѣло, всегда.... отвѣчалъ юнкеръ.— Лисинкоскій его фамилія.

Въ это время передъ самой ротой мгновенно вспыхнуло пламя, раздался трескъ, оглушившій всю роту, высоко въ воздухѣ зашуршѣли камни и осколки (по крайней мѣрѣ, секундъ черезъ пятьдесятъ одинъ камень упалъ сверху и отбилъ ногу солдату). Это была бомба съ элевационнаго станка, и то, что она попала въ роту, доказывало, что французы замѣтили колонну.

— Бомбами пускать!... Дай только добратся, тогда попробуешь штыка трехграннаго русскаго, проклятый! заговорилъ ротный командиръ такъ громко, что батальонный командиръ долженъ былъ приказать ему молчать и не шумѣть такъ много.

Вслѣдъ за этимъ первая рота встала, за ней вторая. Приказано было взять ружья на перевѣсъ, и батальонъ пошелъ впередъ, — Пестъ былъ въ такомъ страхѣ, что рѣшительно не помнилъ, долго ли, куда и кто что. Онъ шелъ, какъ пьяный. Но вдругъ со всѣхъ сторонъ заблестѣло миллионъ огней, засвистѣло, затрещало что-то. Онъ закричалъ и побѣжалъ куда-то, потому что всѣ бѣжали и всѣ кричали. Потомъ онъ споткнулся и упалъ на что-то. Это былъ ротный командиръ (который былъ раненъ впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватилъ его за ногу.) Потомъ, когда онъ вырвалъ ногу и приподнялся, на него въ темнотѣ спиной наскочилъ какой-то человѣкъ и чуть опять

не сбилъ съ ногъ; другой человѣкъ кричалъ: «коли его! что смотришь!» Кто-то взялъ ружье и воткнулъ штыкъ во что-то мягкое. «Ah Dieu!» закричалъ кто-то страшнымъ пронзительнымъ голосомъ, и тутъ только Пестъ понялъ, что онъ закололъ француза. Холодный потъ выступилъ у него по всему тѣлу, онъ затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и бросилъ ружье. Но это продолжалось только одно мгновеніе: ему тотчасъ же пришло въ голову, что онъ герой. Онъ схватилъ ружье и, вмѣстѣ съ толпой крича «ура!», побѣжалъ прочь отъ убитаго француза. Пробѣжавъ шаговъ двадцать, онъ прибѣжалъ въ траншею. Тамъ были наши и батальонный командиръ.

— А я закололъ одного! сказалъ онъ батальонному командиру.

— Молодцомъ, баронъ!

ХП.

— А, знаете, Праскухинъ убить, сказалъ Пестъ, провожая Калугина, который шелъ къ нему.

— Не можетъ быть!

— Какже: я самъ его видѣлъ.

— Прощайте, однако: мнѣ надо скорѣе.

«Я очень доволенъ — думалъ Калугинъ, возвращаясь къ дому—въ первый разъ на мое дежурство счастье. Отличное дѣло: я и живъ и цѣлъ, представленія будутъ отличныя и ужъ непременно золотая сабля. Да, впрочемъ, я и стою ея.»

Доложивъ генералу все, что нужно было, онъ пришелъ въ свою комнату, въ которой, ужъ давно вернувшись и дожидаясь его, сидѣлъ князь Гальцинъ, читая книгу, которую нашелъ на столѣ Калугина.

Съ удивительнымъ наслажденіемъ Калугинъ почувствовалъ себя дома, внѣ опасности, и, надѣвъ ночную рубашку, лежа въ постели, ужъ рассказалъ Гальцину подробности дѣла, передавая ихъ, весьма естественно, съ той точки зрѣнія, съ которой подробности эти доказывали, что онъ, Калугинъ, весьма дѣльный и храбрый офицеръ, на что, мнѣ кажется, излишне было бы намекать, потому что это всѣ знали и не имѣли никакого права и повода сомнѣваться, исключая, можетъ быть, покойнаго ротмистра Праскухина, который, несмотря на то, что, бывало, считалъ за счастье ходить подъ руку съ Калугиннымъ, вчера только по секрету рассказывалъ одному пріятелю, что Калугинъ очень хорошій человѣкъ, но, между нами будь сказано, ужасно не любитъ ходить на бастионы.

Только что Праскухинъ, идя рядомъ съ Михайловымъ, разошелся съ Калугиннымъ и, подходя къ менѣе опасному мѣсту, начиналъ уже оживать немного, какъ онъ увидѣлъ молнію, ярко блеснувшую сзади себя, услыхалъ крикъ часоваго: «марше!» и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: «какъ разъ на бастионъ прилетитъ!»

Михайловъ оглянулся. Свѣтлая точка бомбы, казавшаяся, остановилась на своемъ зенитѣ — въ томъ положеніи, когда рѣшительно нельзя опредѣлить ея направленіе. Но это продолжалось только мгновенье: бомба быстрѣе и быстрѣе, ближе и ближе, такъ что уже видны были искры трубки и слышно, роковое посвистываніе, опускалась прямо въ середину батальона.

— Ложись, крикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмурясь слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ — бомбу не рвало. Праскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсиль? можетъ быть, бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка пипитъ тутъ же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его, недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновенье встрѣтились съ свѣтящейся трубкой въ аршинъ отъ него крутившейся бомбы.

Ужасъ — холодный, исключаящій всѣ другія мысли и чувства ужасъ — объялъ все существо его. Онъ закрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда, — секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей, надеждъ, воспоминаній промелькнулъ въ его воображеніи.

«Кого убьетъ — меня или Михайлова? или обоихъ вмѣстѣ? А коли меня, то куда? въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ, и я попрошу, чтобы непременно съ хлороформомъ, — и я могу еще живъ остаться. А, можетъ быть, одного Михайлова убьетъ: тогда я буду рассказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нѣтъ, ко мнѣ ближе... меня!»

Тутъ онъ вспомнилъ про двѣнадцать рублей, которые былъ долженъ Михайлову, вспомнилъ еще про одинъ долгъ въ Петербургѣ, который давно надо было заплатить; цыганскій мотивъ, который онъ пѣлъ вечеромъ, пришелъ ему въ голову. Женщина, которую онъ любилъ, явилась ему въ воображеніи въ чепцѣ съ лиловыми лентами, человѣкъ, которымъ онъ былъ оскорбленъ пять лѣтъ тому назадъ и которому не отплатилъ за оскорбленіе, вспомнился ему, хотя вмѣстѣ нераздѣльно съ этими и тысячами другихъ воспоминаній чувство настоящего — ожиданія смерти — ни на мгновенье не покидало его. «Впрочемъ, можетъ быть, не лопнетъ», подумалъ онъ и съ отчаянной рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновенье, еще сквозь закрытыя вѣки, глаза его поразили красный огонь, съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ середину груди; онъ побѣжалъ куда-то, спотыкнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

«Слава Богу! я только контуженъ», было его первую мыслью, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди; но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ безсознательно считалъ

ихъ: «одинъ, два, три солдата; а вотъ въ подвернутой шинели, офицеръ», думалъ онъ. Потомъ молнія блеснула въ его глазахъ, и онъ думалъ, изъ чего это выстрѣлили: изъ мортиры или изъ пушки? Должно быть, изъ пушки. А вотъ еще выстрѣлили; а вотъ еще солдаты: пять, шесть, семь солдатъ, идутъ все мимо. Ему вдругъ стало страшно, что они раздавятъ его. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ; но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ нѣбу, и ужасная жажда мучила его. Онъ чувствовалъ, какъ мокро было у него около груди: это ощущеніе мокроты напоминало ему о водѣ, и ему хотѣлось бы даже выпить то, чѣмъ это было мокро. «Вѣрно, я въ кровь разбился, какъ упалъ», подумалъ онъ, и все болѣе и болѣе начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавятъ его, онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ закричать: «возьмите меня!» но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ, — а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни все прыгали рѣже и рѣже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ середину груди.

XIII.

Михайловъ, увидавъ бомбу, упалъ на землю и такъ же, какъ Праскухинъ, необъятно много передумалъ и перечувствовалъ въ эти двѣ секунды, во время которыхъ бомба лежала неразорванной. Онъ мысленно молился Богу и все твердилъ: «да будетъ воля Твоя! И зачѣмъ я пошелъ въ военную службу — вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ онъ — и еще перешелъ въ пѣхоту, чтобы участвовать въ кампаніи. Не лучше ли было мнѣ оставаться въ уланскомъ полку въ городѣ Т., проводить время съ моимъ другомъ Наташей? А теперь вотъ что.» И онъ началъ считать: разъ, два, три, четыре, загадывая, что ежели разорветъ въ четъ, то онъ будетъ живъ, а въ нечетъ, то будетъ убитъ. «Все кончено: убитъ», подумалъ онъ, когда бомбу разорвало (онъ не помнилъ, въ четъ или нечетъ), и онъ почувствовалъ ударъ и жестокою боль въ головѣ. «Господи! прости мои согрѣшенія», проговорилъ онъ, всплеснувъ руками, приподнялся и безъ чувствъ упалъ навзничъ.

Первое ощущеніе, когда онъ очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль въ головѣ, становившейся гораздо слабѣе. «Это душа отходить — подумалъ онъ — что будетъ тамъ? Господи! прійми духъ мой съ миромъ. — Только одно странно — рассуждалъ онъ — что, умирая, я такъ ясно слышу шаги солдатъ и звуки выстрѣловъ.»

— Давай носилки... эй!.. рогатого убило! крикнулъ надъ его головой голосъ, который онъ невольно узналъ за голосъ барабанщика Игнатьева.

Кто-то взялъ его за плечи. Онъ попробовалъ открыть глаза и увидалъ надъ головой темно-синее небо, группы звѣздъ и двѣ бомбы, которыя летѣли надъ нимъ, догоняя одна другую; увидалъ Игнатьева, солдатъ съ носилками и ружьями, валъ траншеи и вдругъ повѣрилъ, что онъ еще не на томъ свѣтѣ.

Онъ былъ камнемъ легко раненъ въ голову. Самое первое впечатлѣніе его было какъ будто сожалѣніе: онъ такъ было хорошо и спокойно приготовился къ переходу *туда*, что на него непріятно подѣйствовало возвращеніе къ дѣйствительности, съ бомбами, траншеями, и кровью; второе впечатлѣніе его была безсознательная радость, что онъ живъ, а третье—желаніе уйти скорѣе съ бастіона. Барабанщикъ платкомъ завязалъ голову своему командиру и, взявъ его подъ руку, повелъ къ перевязочному пункту.

«Куда и зачѣмъ я иду, однако?» подумалъ штабсъ-капитанъ, когда онъ опомнился немного. — Мой долгъ оставаться съ ротой, а не уходить впередъ», — «тѣмъ болѣе, что и рота скоро выйдетъ изъ подъ огня», шепнулъ ему какой-то голосъ.

— Не нужно, братецъ, сказалъ онъ, вырывая руку отъ услужливаго барабанщика: — я не пойду на перевязочный пунктъ: я останусь съ ротой.

И онъ повернулъ назадъ.

— Вамъ бы лучше перевязаться, ваше благородіе, какъ слѣдуетъ, сказалъ Игнатьевъ:—вѣдь это сгоряча она только оказываетъ, что ничего; а то хуже бы не сдѣлать: вѣдь тутъ вонъ какая жарня идетъ... право, ваше благородіе!

Михайловъ остановился на минуту въ нерѣшимости и, кажется, послѣдовалъ бы совѣту Игнатьева, ежели бы не вспомнилось, какъ много тяжело-раненныхъ на перевязочномъ пунктѣ. «Можетъ быть, доктора улыбнутся моей царапинѣ», подумалъ штабсъ-капитанъ и рѣшительно, несмотря на доводы барабанщика, пошелъ назадъ къ ротѣ.

— А гдѣ ординарецъ Праскухинъ, который шелъ со мной? спросилъ онъ прапорщика, который велъ роту, когда они встрѣтились.

— Не знаю... убить, кажется, неохотно отвѣчалъ прапорщикъ.

— Убить или раненъ, какже вы не знаете? вѣдь онъ съ нами шелъ. И отчего вы его не взяли?

— Гдѣ тутъ было брать, когда жарня такая!

— Ахъ, какже это вы, Михаилъ Ивановичъ, сказалъ Михайловъ сердито: — какже бросить, ежели онъ живъ; да и убить, такъ все-таки тѣло надо было взять.

— Гдѣ живъ, когда я вамъ говорю, я самъ подходилъ и видѣлъ! сказалъ прапорщикъ. — Помните! только бы своихъ уносить. Вонъ каналья! ядрами теперь сталъ пускать, прибавилъ онъ..

Михайловъ присѣлъ и схватился за голову, которая отъ движенія ужасно заболѣла у него.

— Нѣтъ, непременно надо сходить взять: можетъ быть, онъ еще живъ, сказалъ Михайловъ. Это нашъ *домъ*, Михаилъ Ивановичъ!

Михаилъ Ивановичъ не отвѣчалъ.

«Вотъ онъ не взялъ тогда, а теперь надо солдата послать однихъ; а и послать какъ? подъ этимъ страшнымъ огнемъ могутъ убить задаромъ», думалъ Михайловъ.

— Ребята! надо сходить назадъ — взять офицера, что раненъ тамъ въ канавѣ, сказалъ онъ не слишкомъ громко и повелительно, чувствуя, какъ непріятно будетъ солдатамъ исполнять это приказаніе, — и, дѣйствительно, такъ какъ онъ ни къ кому именно не обращался, никто не вышелъ, чтобы исполнить его.

«И точно: можетъ, онъ уже умеръ и не стоитъ подвергать людей напрасной опасности; а виновать одинъ я, что не позаботился. Схожу самъ узнаю, живъ ли онъ. Это мой *домъ*», сказалъ самъ себѣ Михайловъ.

— Михаилъ Ивановичъ! ведите роту, а я васъ догону, сказалъ онъ и, одной рукой подобравъ шинель, другой рукой дотрогиваясь безпрестанно до образа Митрофанія угодника, въ котораго онъ имѣлъ особенную вѣру, рысью побѣжалъ по траншеѣ.

Убѣдясь въ томъ, что Праскухинъ былъ убитъ, Михайловъ, пыхтя и придерживая рукой сбившуюся повязку и голову, которая сильно начинала болѣть у него, потащился назадъ. Батальонъ былъ уже подъ горой на мѣстѣ и почти внѣ выстрѣловъ, когда Михайловъ догналъ его. Я говорю: почти внѣ выстрѣловъ, потому, что изрѣдка залетали и сюда шальные бомбы.

«Однако, надо будетъ завтра сходить на перевязочный пунктъ записаться», подумалъ штабсъ-капитанъ, въ то время, какъ пришедшій фельдшеръ перевязывалъ его.

XIV.

Сотни свѣжихъ окровавленныхъ тѣлъ людей, за два часа тому назадъ полныхъ разнообразныхъ, высокихъ и мелкихъ, надеждъ и желаній, съ оконченными членами, лежали на росистой цвѣтущей долинѣ, отдѣляющей бастіонъ отъ траншеи, и на ровномъ полу часовни мертвыхъ въ Севастополѣ сотни людей, съ проклятіями и молитвами на пересохшихъ устахъ, ползали, ворочались и стонали, — одни между трупами на цвѣтущей долинѣ, другіе на носилкахъ, на койкахъ и на окровавленномъ полу перевязочнаго пункта; а все такъ же, какъ и въ прежніе дни, загорѣлась зарница надъ Сапунъ-горою, поблѣднѣли мерцающія звѣзды, потянулъ бѣлый туманъ съ шумящаго темнаго моря, зажглась алая заря на востокѣ, разбѣжались багровыя длинныя тучки по свѣтло-лазурному горизонту, и все такъ же, какъ и въ прежніе дни, общая родость, любовь и счастье всему ожившему міру, выплывало могучее, прекрасное свѣтило.

XV.

На другой день вечеромъ, опять егерская музыка играла на бульварѣ, и опять офицеры, юнкера, солдаты и молодыя женщины празднично гуляли около павильона и по нижнимъ аллеямъ изъ цвѣтущихъ душистыхъ бѣлыхъ акацій.

Калугинъ, князь Гальцинъ и какой-то полковникъ ходилъ подъ руки около павильона и говорили о вчерашнемъ дѣлѣ. Главную путеводительную нитью разговора, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, было не самое дѣло, а то участіе, которое принималъ рассказывающій въ дѣлѣ. Лица и звукъ голосовъ ихъ имѣли серьезное, почти печальное выраженіе, какъ будто потерю вчерашняго дня сильно трогали и огорчали какъ-то; но, сказать по правдѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не потерялъ очень близкаго человѣка, это выраженіе печали было выраженіе официальное, которое они только считали обязанностію выказывать. Напротивъ, Калугинъ и полковникъ были бы готовы каждый день видѣть такое дѣло съ тѣмъ, чтобы только каждый разъ получать золотую саблю и генераль-майора, несмотря на то, что они были прекрасные люди. Я люблю, когда называютъ извергомъ какого нибудь завоевателя, для своего честолюбія губящаго миллионы. Да спросите по совѣсти прапорщика Петрушова и подпоручика Антонова и т. д., всякій изъ насъ маленькій Наполеонъ, маленькій извергъ и сейчасъ готовъ затѣять сраженіе, убить человѣкъ сотню для того только, чтобы получить лишнюю звѣздочку или треть жалованья.

— Нѣтъ, извините, говорилъ полковникъ: — прежде началось на лѣвомъ флангѣ. *Видѣ я былъ тамъ.*

— А можетъ быть, отвѣчалъ Калугинъ: — я больше былъ на правомъ; я два раза туда ходилъ: одинъ разъ отыскивалъ генерала, а другой разъ такъ, посмотрѣть ложементы пошелъ. *Вотъ идѣ жарко было.*

— Да ужь, вѣрно, Калугинъ знаетъ, сказалъ полковнику князь Гальцинъ. — Ты знаешь, мнѣ нынче В... про тебя говорилъ, что ты молодцомъ...

— Потери только, потери ужасныя, сказалъ полковникъ: — у меня въ полку четыреста человѣкъ выбыло. Удивительно, какъ я живъ вышелъ оттуда.

Въ это время навстрѣчу этимъ господамъ, на другомъ концѣ бульвара, показалась фигура Михайлова съ повязанной головой.

— Что, вы ранены, капитанъ? сказалъ Калугинъ?

— Да, немножко, камнемъ, отвѣчалъ Михайловъ.

— Est-ce que le pavillon est baissé déjà? спросилъ князь Гальцинъ, глядя на фуражку штабсъ-капитана и не обращая ни къ кому въ особенности.

— Non, pas encore, отвѣчалъ Михайловъ, которому хотѣлось показать, что онъ знаетъ и поговорить по-французски.

— Неужели продолжается еще перемиріе? сказалъ Гальцинъ, учтиво обращаясь къ нему по-рус-

ски и тѣмъ говоря—какъ это показалось штабсъ-капитану—что вамъ, должно быть, тяжело будетъ говорить по-французски, такъ не лучше ли ужь просто?... И съ этимъ адъютанты отошли отъ него. Штабсъ-капитанъ такъ же, какъ и вчера, почувствовалъ себя чрезвычайно одинокимъ и, поклоняясь съ разными господами — съ одними не желая сходитьсь, а къ другимъ не рѣшаясь подойти—сѣлъ около памятника Казарскаго и закурилъ папиросу.

Баронъ Пестъ тоже пришелъ на бульваръ. Онъ рассказывалъ, что былъ на перемиріи и говорилъ съ французскими офицерами, что будто одинъ французскій офицеръ сказалъ ему: S'il n'avait pas fait clair encore pendant une demi-heure, les embuscades auraient été reprises, и какъ онъ отвѣчалъ ему: Monsieur! je ne dis pas non, pour ne pas vous donner un démenti и какъ это хорошо онъ сказалъ и т. д.

Въ сущности же, хотя и былъ на перемиріи, онъ не успѣлъ сказать тамъ ничего особеннаго, хотя ему и очень хотѣлось поговорить съ французами (вѣдь это ужасно весело говорить съ французами). Юнкеръ баронъ Пестъ долго ходилъ по линіи и все спрашивалъ французовъ, которые были близко къ нему: de quel régiment êtes vous? Ему отвѣчали — и больше ничего. Когда же онъ зашелъ слишкомъ далеко за линію, то французскій часовой, не подозрѣвая, что этотъ солдатъ знаетъ по-французски, въ третьемъ лицѣ выругалъ его. Il vient regarder nos travaux se sacre... сказалъ онъ, вслѣдствіе чего, не находя больше интереса на перемиріи, юнкеръ баронъ Пестъ поѣхалъ домой и уже дорогой придумалъ тѣ французскія фразы, которыя теперь рассказывалъ. На бульварѣ были и капитанъ Зобовъ, который громко разговаривалъ, и капитанъ Обжоговъ въ растерзанномъ видѣ, и артиллерійскій капитанъ, который ни въ комъ не заискиваетъ, и счастливый въ любви юнкеръ, и все тѣ же вчерашнія лица и все съ тѣми же вѣчными побужденіями. Недоставало только Праскухина, Нефердова и еще кой-кого, о которыхъ здѣсь едва ли помнилъ и думалъ кто нибудь теперь, когда тѣла ихъ еще не успѣли быть обмыты, убраны и зарыты въ землю.

XVI.

На нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги, и между ними, въ цвѣтущей долині, кучками лежатъ, безъ сапоговъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ, изуродованные трупы, которые сносятъ рабочіе и накладываютъ на повозки. Запахъ мертваго тѣла наполняетъ воздухъ. Изъ Севастополя и изъ французскаго лагеря толпы народа высипали смотрѣть на это зрѣлище и съ жаднымъ и благосклоннымъ любопытствомъ стремятся одинъ къ другимъ.

Послушайте, что говорятъ между собой эти люди.

Вотъ въ кружкѣ собравшихся около него русскихъ и французовъ, молодой офицеръ, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтобъ его понимали, говорящій по-французски, разсматриваетъ гвардейскую сумку.

— Э сеси пуркуа се уазо ле? говоритъ онъ.

— Parceque c'est une giberne d'un régiment de la garde, Monsieur, qui porte l'aigle impérial.

— Э ву де ла гардъ?

— Pardon, Monsieur, du 6-ème de ligne.

— Э сеси у аште? спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, въ которой французъ курить папиросу.

— A Balaclava, Monsieur! C'est tout simple en bois de palme.

— Жоли, говоритъ офицеръ, руководимый въ разговорѣ не столько собственнымъ произволомъ, сколько словами, которыя онъ знаетъ.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу, съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ даетъ ему свою, и всѣ присутствующие въ группѣ какъ французы, такъ и русскіе кажутся очень довольными и улыбаются.

Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и шинелью въ накидку, въ сопровожденіи другихъ солдатъ, которые, руки за спину, съ веселыми, любопытными лицами, стоятъ за нимъ подошелъ къ французу и попросилъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ бунъ, говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, — и зрители улыбаются.

— Oui, bon tabac, tabac turc, говоритъ французъ: — et chez vous autres tabac—russe? bon?

— Русъ — бунъ, говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чемъ присутствующие покатываются со смѣху. — Франсе нѣтъ бунъ, бонжуръ, мусье! говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, сразу ужъ выпуская весь свой зарядъ знаній языка, и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— Ils ne sont pas jolis ces b... de Russes, говоритъ одинъ зуавъ изъ толпы французовъ.

— De quoi de ce qu'ils rient donc? говоритъ другой черный съ итальянскимъ выговоромъ, подходя къ нашимъ.

— Кафтанъ бунъ, говоритъ бойкій солдатъ, разсматривая шитыя полы зуава, и опять смѣются.

— Ne sortez pas de ta ligne, a vos places sacre nom! кричитъ французскій капралъ, и солдаты съ видимымъ неудовольствіемъ расходятся.

А вотъ въ кружкѣ французскихъ офицеровъ, нашъ молодой кавалерійскій офицеръ такъ и рассыпается. Рѣчь идетъ о какомъ-то comte Sazonoff que j'ai beaucoup connu M., говоритъ французскій офицеръ съ однимъ эполетомъ: — c'est un de ces vrais comtes russes, comme nous les aimons.

— Il y a un Sazonoff que j'ai connu, говоритъ кавалеристъ: — mais il n'est pas comte, à moins que je sâche, un petit brun de votre âge à peu près.

— C'est ça, M., c'est lui. Oh que je voudrais le voir ce cher comte. Si vous le voyez, je vous prie bien de lui faire mes compliments.—Capitaine Latour, говоритъ онъ, кланаясь.

— N'est-ce pas terrible la triste besogne que nous faisons? Ça chauffait cette nuit, n'est-ce pas? говоритъ кавалеристъ, желая поддержать разговоръ и указывая на трупы.

— Oh, M., c'est affreux! Mais quels gaillards vos soldats, quels gaillards! C'est un plaisir que de se battre avec des gaillards comme-eux.

— Il faut avouer que les vôtres ne se mouchent pas du pied non plus, говоритъ кавалеристъ, кланаясь и воображая, что онъ очень милъ.

Но довольно.

Посмотрите лучше на этого десятилѣтняго мальчишку, который, въ старомъ — должно быть, отцовскомъ — картузѣ, въ башмакахъ на босу ногу и нанковыхъ штанишкахъ, поддерживаемыхъ одною помощью, съ самаго начала перемирія вышелъ за валъ и все ходилъ по лощинѣ, съ тупымъ любопытствомъ глядя на французовъ и на трупы, лежащія на землѣ, и набиралъ полевые голубые цвѣты, которыми усыпана эта долина. Возвращаясь домой съ большимъ букетомъ, онъ, закрывъ носъ отъ запаха, который наносило на него вѣтромъ, остановился около кучки снесенныхъ тѣлъ и долго смотрѣлъ на одинъ страшный безголовый трупъ, бывший ближе къ нему. Постоявъ довольно долго, онъ подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой околѣнѣвшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Онъ тронулъ ее еще разъ и крѣпче. Рука покачнулась и опять стала на свое мѣсто. Мальчикъ вдругъ вскрикнулъ, спряталъ лицо въ цвѣты и во весь духъ побѣжалъ прочь, къ крѣпости.

Да, на бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотреть, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди-христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждого вмѣстѣ съ страхомъ смерти любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья? Нѣтъ! Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаемъ только родной край, родную землю. Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія.

Вотъ я и сказалъ, что хотѣлъ сказать на этотъ разъ. Но тяжелое раздумье одолеваетъ меня. Можетъ, не надо было говорить этого, можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.

Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны.

Ни Калугинъ съ своей блестящей храбростью—bravoure de gentilhomme—и тщеславіемъ, двигателемъ всѣхъ поступковъ, ни Праскухинъ, пустой, безвредный человѣкъ, хотя и павшій на брани за вѣру, престолъ и отечество, ни Михайловъ съ своей застѣнчивостью, ни Пестъ, ребенокъ безъ твердыхъ убѣжденій и правилъ, не могутъ быть ни злодѣями, ни героями повѣсти.

Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда.

СЕВАСТОПОЛЬ

ВЪ АВГУСТЪ МѢСЯЦѢ.

I.

Въ концѣ августа, по большой ущелистой сева-стопольской дорогѣ, между Дуванкой (*) и Бахчисараемъ, шагомъ, въ густой и жаркой пыли, ѣхала офицерская телѣжка (та особенная, больше нигдѣ не встрѣчаемая телѣжка, составляющая нѣчто среднее между жидовской бричкой, русской повозкой и корзинкой).

Въ повозкѣ, спереди, на корточкахъ, сидѣлъ деньщикъ, въ нанковомъ сюртукѣ и сдѣлавшейся совершенно мягкой, бывшей офицерской фуражкѣ, подергивавшій возжами; сзади, на узлахъ и вьюкахъ, покрытыхъ солдатской шинелью, сидѣлъ пѣхотный офицеръ въ лѣтней шинели. Офицеръ былъ, сколько можно было заключить о немъ въ сидячемъ положеніи, не высокъ ростомъ, но чрезвычайно широкъ, и не столько отъ плеча до плеча, сколько отъ груди до спины, онъ былъ широкъ и плотенъ. Шея и затылокъ были у него очень развиты и напряжены. Такъ называемой талии—перехвата въ срединѣ туловища—у него не было, но и живота тоже не было; напротивъ, онъ былъ скорѣе худъ, особенно въ лицѣ, покрытомъ нездоровымъ желтоватымъ загаромъ. Лицо его было бы красиво, если бы не какая-то одутловатость и мягкія, нестарческія крупныя морщины, сливавшія и увеличивавшія черты и дававшія всему лицу общее выраженіе несвѣжести и грубости. Глаза у него были небольшие каріе, чрезвычайно бойкіе, даже наглые; усы очень густые, но не широкіе и обкусанные; а подбородокъ и особенно скулы покрыты были чрезвычайно крѣпкой, частой и черной двухдневной бородой. Офицеръ былъ раненъ 10 мая, осколкомъ въ голову, на которой еще до сихъ поръ онъ носилъ повязку, и теперь, чувствуя себя уже съ нѣдѣлю совершенно здоровымъ, изъ симферопольскаго госпиталя ѣхалъ къ полку, который стоялъ гдѣ-то тамъ, откуда слышались выстрѣлы,—но въ самомъ ли Севастополѣ, на Сѣверной или на Инкерманѣ, онъ еще ни отъ кого не могъ узнать хорошенько. Выстрѣлы уже слышались, особенно иногда, когда не мѣшали горы или доносили въ-

теръ, чрезвычайно ясно, часто и, казалось, близко: то какъ будто взрывъ потрясалъ воздухъ и невольно заставлялъ вздрагивать, то быстро другъ за другомъ слѣдовали менѣе сильные звуки, какъ барабанная дробь, перебиваемая иногда поразительнымъ гуломъ, то все сливалось въ какой-то перекатывающийся трескъ, похожій на громовые удары, когда гроза во всемъ разгарѣ и только что полилъ ливень. Всѣ говорили, да и слышно было, что бомбардированіе идетъ ужасное. Офицеръ погонялъ деньщика: ему, казалось, хотѣлось какъ можно скорѣй пріѣхать. Навстрѣчу шелъ большой обозъ русскихъ мужиковъ, привозившихъ провіантъ въ Севастополь, и теперь шедшій оттуда, наполненный больными и ранеными солдатами въ сѣрыхъ шинеляхъ, матросами въ черныхъ пальто, волонтерами въ красныхъ фескахъ и ополченцами съ бородами. Офицерская повозка должна была остановиться въ густомъ, неподвижномъ облакѣ пыли, поднятомъ обозомъ, и офицеръ, щурясь и морщась отъ пыли, набивавшейся ему въ глаза и уши, смотрѣлъ на лица больныхъ и раненыхъ, двигавшихся мимо него.

— А, это съ нашей роты солдатикъ слабый, сказалъ деньщикъ, оборачиваясь къ барину и указывая на повозку, наполненную ранеными, въ это время поровнявшуюся съ ними.

На повозкѣ, спереди, сидѣлъ бокомъ русскій бородачъ, въ поярковой шляпѣ, и, локтемъ придерживая кнутовище, связывалъ кнутъ. За нимъ въ телѣжѣ тряслись человекъ пять солдатъ, въ различныхъ положеніяхъ. Одинъ, съ подвязанной рукой, съ шинелью въ накидку на рубахѣ, хотя худой и блѣдный, сидѣлъ бодро въ срединѣ телѣжки и взялся было за шапку, увидавъ офицера, но потомъ, вспомнивъ, вѣрно, что онъ раненый, сдѣлалъ видъ, какъ будто только хотѣлъ почесать голову. Другой, рядомъ съ нимъ, лежалъ на самомъ днѣ повозки; видны были только двѣ руки, которыми онъ держался за грядки повозки, и поднятыя колѣни, какъ мочалы, мотавшіяся въ разныя стороны. Третій, съ опухшимъ лицомъ и обвязанной головой, на которой сверху торчала солдатская шапка, сидѣлъ съ боку, спустивъ ноги къ колесу, и, облокотясь руками на колѣни, дремалъ, казалось. Къ нему-то и обратился проѣзжій офицеръ.

(*) Последняя станція къ Севастополю.

— Должниковъ! крикнулъ онъ.

— Я-о! отвѣчалъ солдатъ, открывая глаза и снимая фуражку, такимъ густымъ и отрывистымъ басомъ, какъ будто человекъ двадцать солдатъ крикнули вмѣстѣ.

— Когда ты раненъ, братецъ?

Оловянные, заплавленные глаза солдата оживились: онъ видимо узналъ своего офицера.

— Здравія желаемъ, вашбородіе! тѣмъ же отрывистымъ басомъ проговорилъ онъ.

— Гдѣ нынче полкъ стоитъ?

— Въ Севастополѣ стояли, въ середу переходить хотѣли, вашбородіе!

— Куда?

— Неизвѣстно.... должно, на Сивѣрную, вашбородіе! Нынче, вашбородіе, прибавилъ онъ протяжнымъ голосомъ и надѣвая шапку:—уже скрость палить сталъ, все больше съ бомбовъ, ажно въ бухту доносить; нынче такъ бьетъ, что бѣда, ажно....

Дальше нельзя было слышать, что говорилъ солдатъ; но по выраженію его лица и позы видно было, что онъ, съ нѣкоторой злобой страдающаго человека, говорилъ вещи неутѣшительныя.

Проѣзжій офицеръ, поручикъ Козельцовъ, былъ офицеръ недюжинный. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые живутъ такъ-то и дѣлаютъ то-то, потому что такъ живутъ и дѣлаютъ другіе: онъ дѣлалъ все, что ему хотѣлось, а другіе ужъ дѣлали то же самое и были увѣрены, что это хорошо. Его натура была довольно богата мелкими дарами: онъ хорошо пѣлъ, игралъ на гитарѣ, говорилъ очень бойко и писалъ весьма легко, особенно казенныя бумаги, на которыя набилъ руку въ свою бытность батальоннымъ-адъютантомъ; но болѣе всего замѣчательна была его натура самолюбивой энергіей, которая, хотя и болѣе всего основанная на этой мелкой даровитости, была сама по себѣ черта рѣзкая и поразительная. У него было одно изъ тѣхъ самолюбій, которое до такой степени сплосъ съ жизнью и которое чаще всего развивается въ однихъ мужскихъ и особенно военныхъ кружкахъ, что онъ не понималъ другаго выбора, какъ первенствовать или уничтожаться, и что самолюбіе было двигателемъ даже его внутреннихъ побужденій: онъ самъ съ собой любилъ первенствовать надъ людьми, съ которыми себя сравнивалъ.

— Какже! очень буду слушать, что *Москва* (*) болтаетъ! пробормоталъ поручикъ, ощущая какую-то тяжесть апатій на сердцѣ и туманность мыслей, оставленныхъ въ немъ видомъ транспорта раненыхъ и словами солдата, значеніе которыхъ невольно усиливалось и подтверждалось звуками бомбардированія. — *Смѣшная эта Москва....* Пошелъ, Николаевъ! трогай же.... Что ты заснулъ! приба-

вилъ онъ нѣсколько ворчливо на деньщика поправляя полы шинели.

Возжи задержались, Николаевъ зачмокалъ, и повозка покатила рысью.

— Только покормимъ минутку и сейчасъ, нынче же.... дальше, сказалъ офицеръ.

II.

Уже въѣзжая въ улицу разваленныхъ остатковъ каменныхъ стѣнъ татарскихъ домовъ Дуванки, поручикъ Козельцовъ былъ задержанъ транспортомъ бомбъ и ядеръ, шедшихъ въ Севастополь и столпившихся на дорогѣ.

Два пѣхотныхъ солдата сидѣли въ самой пыли на камняхъ разваленнаго забора, около дороги, и ѣли арбузы съ хлѣбомъ.

— Далече идете, землячекъ? сказалъ одинъ изъ нихъ, пережевывая хлѣбъ, солдату, который, съ небольшимъ мѣшкомъ за плечами, остановился около нихъ.

— Въ роту идемъ изъ губерніи, отвѣчалъ солдатъ, глядя въ сторону отъ арбуза и поправляя мѣшокъ за спиной.—Мы вотъ, почитай, что третью недѣлю при стѣнѣ ротномъ находились; а теперь вишь потребовали всѣхъ; да неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ полкъ находится въ теперешнее время. Сказываютъ, что на Корабельную заступили наши въ прошлой недѣлѣ. Вы не слыхали, господа?

— Въ городу, братъ, стоитъ, въ городу, проговорилъ другой, старый фураштовскій солдатъ, копавшій складнымъ ножомъ въ неспѣломъ, бѣлѣсомъ арбузѣ. Мы вотъ только съ полдня оттеле идемъ. Такая страсть, братецъ ты мой!

— А что такъ, господа?

— Рази не слышишь, нынче кругомъ палитъ, ажъ и мѣста цѣлаго нѣтъ. Что нашего брата перебилъ, и сказать нельзя!

И говорившій махнулъ рукой и поправилъ шапку.

Прохожій солдатъ задумчиво покачалъ головой, почм-калъ языкомъ, потомъ досталъ изъ голенища трубочку, не накладывая, а расковырялъ пригорѣлый табакъ, зажегъ кусочекъ труга у курившаго солдата и приподнял шапочку.

— Никто, какъ Богъ, господа! прощенья просимъ! сказалъ онъ и, встряхнувъ за спиною мѣшокъ, пошелъ по дорогѣ.

— Эхъ, обождалъ бы лучше! сказалъ убѣдительно ковырявшій арбузъ.

— Все одно! пробормоталъ прохожій, пролѣзая между колесъ столпившихся повозокъ.

III.

Станція была полна народомъ, когда Козельцовъ подѣлхалъ къ ней. Первое лицо, встрѣтившееся ему еще на крыльцѣ, былъ худощавый, очень молодой человекъ, смотритель, который продолжалъ

(*) Во многихъ армейскихъ полкахъ офицеры, полупрезрительно, полуласкательно, называютъ солдата *Москва* или еще *приса*.

перебраниваться съ слѣдовавшими за нимъ двумя офицерами.

— И не то, что трое сутокъ, и десятеро сутокъ подождете! и генералы ждутъ, батюшка! говорилъ смотритель, съ желаніемъ кольнуть проѣзжающихъ:—а я вамъ не запрягусь же.

— Такъ никому не давать лошадей, коли нѣту!.. А зачѣмъ далъ какому-то лакею съ вещами? кричалъ старшій изъ двухъ офицеровъ, со стаканомъ чаю въ рукахъ и видимо избѣгая мѣстоименія, но давая чувствовать, что очень легко и *ты* сказать смотрителю.

— Вѣдь вы сами разсудите, господинъ смотритель, говорилъ съ запинками другой, молоденькій офицеръ:—намъ не для своего удовольствія нужно ѣхать. Вѣдь мы тоже, стало быть, нужны, коли насъ требовали. А то я, право, генералу непременно скажу. А то вѣдь это что жъ... вы, значить, не уважаете офицерскаго званія.

— Вы всегда испортите! перебилъ его съ досадою старшій:—вы только мѣшаете мнѣ; надо умѣть съ нимъ говорить. Вотъ онъ и потерялъ уваженіе. Лошадей сію минуту! я говорю.

— И радъ бы, батюшка, да гдѣ ихъ взять-то?...

Смотритель помолчалъ немного и вдругъ разгорячился и, размахивая руками, началъ говорить:

— Я, батюшка, самъ понимаю и все знаю; да что станете дѣлать! Вотъ дайте мнѣ только (на лицахъ офицеровъ выразилась надежда)... дайте только до конца мѣсяца дожить—и меня здѣсь не будетъ. Лучше на Малаховъ курганъ пойду, чѣмъ здѣсь оставаться, ей Богу! Пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. На всей станціи теперь ни одной повозки крѣпкой нѣтъ, и клочка сѣна ужъ третій день лошади не видали.

И смотритель скрылся въ воротахъ.

Козельцовъ вмѣстѣ съ офицерами вошелъ въ комнату.

— Что жъ! совершенно спокойно сказалъ старшій офицеръ младшему, хотя за секунду передъ этимъ онъ казался разъяреннымъ:—ужъ три мѣсяца ѣдемъ, подождемъ еще. Не бѣда—успѣемъ.

Дымная, грязная комната была такъ полна офицерами и чемоданами, что Козельцовъ едва нашелъ мѣсто на окнѣ, гдѣ и присѣлъ; вглядываясь въ лица и вслушиваясь въ разговоры, онъ началъ дѣлать папироску. Направо отъ двери, около криваго, сальнаго стола, на которомъ стояло два самовара съ позеленѣлой кое-гдѣ мѣдью и разложенъ былъ сахаръ въ разныхъ бумагахъ, сидѣла главная группа: молодой, безусый офицеръ, въ новомъ стеганомъ архалукѣ, наливалъ чайникъ; человѣка четыре такихъ же молоденькихъ офицеровъ находились въ разныхъ углахъ комнаты: одинъ изъ нихъ, подложивъ подъ голову какую-то шубу, спалъ на диванѣ; другой, стоя у стола, рѣзалъ жареную баранину безрукому офицеру, сидѣвшему у стола. Два офицера, одинъ—въ адъютантской шинели, другой—въ пѣхотной, но тонкой и съ сумкой черезъ плечо, сидѣли около лежанки, и, по одному

тому, какъ они смотрѣли на другихъ и какъ тотъ, который былъ съ сумкой, курилъ сигару, видно было, что они не фронтовые пѣхотные офицеры, и что они довольны этимъ. Не то, чтобы видно было презрѣніе въ ихъ манерѣ, но какое-то самодовольное спокойствіе, основанное частью на деньгахъ, частью на близкихъ сношеніяхъ съ генералами—сознаніе превосходства, доходящаго даже до желанія скрыть его. Еще молодой губастый докторъ и артиллеристъ съ нѣмецкой фizioноміей сидѣли почти на ногахъ молодого офицера, спящаго на диванѣ, и считали деньги. Человѣка четыре деньщиковъ—одни дремали, другіе возились съ чемоданами и узлами около двери. Козельцовъ, между всѣми лицами, не нашелъ ни одного знакомаго; но онъ съ любопытствомъ сталъ вслушиваться въ разговоры. Молодые офицеры, которые, какъ онъ тотчасъ же по одному виду рѣшилъ, только что ѣхали изъ корпуса, понравились ему и, главное, напомнили, что брать его, тоже изъ корпуса, на дняхъ долженъ былъ пріѣхать въ одну изъ батарей Севастополя. Въ офицерѣ же съ сумкой, котораго лицо онъ видалъ гдѣ-то, ему все казалось противно и нагло. Онъ даже съ мыслью: «осадить его, если бы онъ вздумалъ, что нибудь сказать», перешелъ отъ окна къ лежанкѣ и сѣлъ на нее. Вообще, какъ чистый фронтовой и хорошій офицеръ, не любилъ онъ «штабныхъ», которыми съ перваго взгляда призналъ этихъ двухъ офицеровъ.

IV.

— Однако, это ужасно какъ досадно, говорилъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ:—что такъ уже близко, а нельзя доѣхать. Можетъ быть, нынче будетъ дѣло, а насъ не будетъ.

Въ пискливомъ тонѣ голоса и въ пятновидномъ свѣжѣмъ румянцѣ, набѣжавшемъ на молодое лицо этого офицера въ то время, какъ онъ говорилъ, видна была эта милая молодая робость человѣка, который безпрестанно боится, что не такъ выйдетъ его каждое слово.

Безрукій офицеръ съ улыбкой посмотрѣлъ на него.

— Поспѣете еще, повѣрьте, сказалъ онъ.

Молодой офицеръ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на исхудалое лицо безрукаго, неожиданно просвѣтлѣвшее улыбкою, замолчалъ и снова занялся чаемъ. Дѣйствительно, въ лицѣ безрукаго офицера, въ его позѣ и особенно въ этомъ пустомъ рукавѣ шинели выражалось много того спокойнаго равнодушія, которое можно объяснить такъ, что при всякомъ дѣлѣ или разговорѣ онъ смотрѣлъ, какъ будто говоря: «все это прекрасно, все это я знаю и все это я могу сдѣлать, если бы я захотѣлъ только.»

— Какже мы рѣшимъ, сказалъ снова молодой офицеръ своему товарищу въ архалукѣ:—ночуемъ здѣсь или поѣдемъ на своей лошади?

Товарищъ отказался ѣхать.

— Вы можете себя представить, капитанъ! продолжалъ разливавшій чай, обращаясь къ безрукому и поднимая ножикъ, который уронилъ тотъ:— намъ сказали, что лошади ужасно дороги въ Севастополѣ, мы и купили сообща лошадь въ Симферополѣ.

— Дорого, я думаю, съ васъ содрали?

— Право, не знаю, капитанъ: мы заплатили съ повозкой девяносто рублей. Это очень дорого? прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и къ Козельцову, который смотрѣлъ на него.

— Недорого, коли молодая лошадь, сказалъ Козельцовъ.

— Неправда ли? а намъ говорили, что дорого... Только она хромая немножко; только это пройдетъ. Намъ говорили, она крѣпкая такая.

— Вы изъ какого корпуса? спросилъ Козельцовъ, который хотѣлъ узнать о братѣ.

— Мы теперь изъ Дворянскаго полка, насъ шесть человекъ, мы всѣ ѣдемъ въ Севастополь по собственному желанію, говорилъ словоохотливый офицерикъ:—только мы не знаемъ, гдѣ наши батареи: одни говорятъ, что въ Севастополѣ, а вотъ они говорили, что въ Одессѣ.

— Въ Симферополѣ развѣ нельзя было узнать? спросилъ Козельцовъ.

— Не знаютъ... Можете себя представить, нашъ товарищъ ходилъ тамъ въ канцелярію: ему грубостей наговорили... можете себя представить, какъ неприятно!.. Угодно вамъ готовую папироску, сказалъ онъ въ это время безрукому офицеру, который хотѣлъ достать свою сигарочницу.

Онъ съ какимъ-то подобоострастнымъ восторгомъ услуживалъ ему.

— А вы тоже изъ Севастополя? продолжалъ онъ.—Ахъ, Боже мой, какъ это удивительно! Вѣдь какъ мы всѣ въ Петербургѣ думали о васъ, о всѣхъ герояхъ! сказалъ онъ обращаясь къ Козельцову съ уваженіемъ и добродушной лаской.

— Какже, вамъ, можетъ, назадъ придется ѣхать? спросилъ поручикъ.

— Вотъ этого-то мы и боимся. Можете себя представить, что мы какъ купили лошадь и обзавелись всѣмъ нужнымъ — кофейникъ спиртовой и еще разныя мелочи, необходимыя — у насъ денегъ совсѣмъ не осталось, сказалъ онъ тихимъ голосомъ и оглядываясь на своего товарища: — такъ что, если ѣхать назадъ, мы ужъ и не знаемъ, какъ быть.

— Развѣ вы не получили подъемныхъ денегъ? спросилъ Козельцовъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ шопотомъ:—только намъ обѣщали тутъ дать.

— А свидѣтельство у васъ есть?

— Я знаю, что главное свидѣтельство; но мнѣ въ Москвѣ сенаторъ одинъ—онъ мнѣ дядя—какъ я у него былъ, онъ сказалъ, что тутъ дадутъ; а то бы онъ самъ мнѣ далъ. Такъ дадутъ тамъ?

— Непремѣнно дадутъ.

— И я думаю, что тамъ дадутъ, сказалъ онъ такимъ тономъ, который доказывалъ, что, спрашивая на тридцати станціяхъ одно и то же и вездѣ получая различные отвѣты, онъ уже никому не вѣрилъ хорошенько.

V.

— Кто борщу требовалъ? провозгласила довольно грязная хозяйка, толстая женщина лѣтъ сорока, съ миской щей входя въ комнату.

Разговоръ тотчасъ же замолкъ, и всѣ бывшіе въ комнатѣ устремили глаза на харчевницу. Одинъ офицеръ даже подмигнулъ на нее другому.

— Ахъ, это Козельцовъ спрашивалъ, сказалъ молодой офицеръ:—надо его разбудить. Вставай, обѣдать, сказалъ онъ, подходя къ спящему на диванѣ и толкая его за плечо.

Молодой мальчикъ лѣтъ семнадцати, съ веселыми черными глазами и румянцемъ во всю щеку, вскочилъ энергически съ дивана и, протирая глаза, остановился по срединѣ комнаты.

— Ахъ, извините, пожалуйста, сказалъ онъ доктору, котораго толкнулъ, вставая.

Поручикъ Козельцовъ тотчасъ же узналъ брата и подошелъ къ нему.

— Не узнаешь? сказалъ онъ, улыбаясь.

— А-а-а! закричалъ меньшей братъ:—вотъ удивительно!—и сталъ целовать брата.

Они поцеловались три раза, но на третьемъ разѣ загнулись, какъ будто обоимъ пришла мысль: зачѣмъ же непременно нужно три раза?

— Ну, какъ я радъ! сказалъ старшій, взглядываясь въ брата.—Пойдемъ на крыльцо—поговоримъ.

— Пойдемъ, пойдемъ. Я не хочу борщу... ѣшь ты, Федерсонъ! сказалъ онъ товарищу.

— Да вѣдь ты хотѣлъ ѣсть.

— Не хочу ничего.

Когда они вышли на крыльцо, меньшей все спрашивалъ у брата: ну, что ты, какъ, Расскажи, и все говорилъ, какъ онъ радъ его видѣть, но самъ ничего не рассказывалъ.

Когда прошло минутъ пять, во время которыхъ они успѣли помолчать немного, старшій братъ спросилъ, отчего меньшей вышелъ не въ гвардію, какъ этого всѣ ожидали.

— Поскорѣй въ Севастополь хотѣлось: вѣдь если здѣсь счастливо пойдетъ, такъ можно еще скорѣе выиграть, чѣмъ въ гвардіи: тамъ въ десять лѣтъ въ полковники, а здѣсь Тотлебенъ такъ въ два года изъ подполковниковъ въ генералы. Ну, а убьютъ, такъ что жъ дѣлать!

— Вотъ ты какой! сказалъ братъ, улыбаясь.

— А главное, знаешь ли, что, братъ, сказалъ меньшей, улыбаясь и краснѣя, какъ будто сбирался сказать что нибудь очень стыдное:—все это пустяки; главное я затѣмъ просился, что все-таки какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ

умирають за отечество. Да и съ тобой мнѣ хотѣлось быть, прибавилъ онъ еще застѣнчивѣе.

— Какой ты смѣшной! сказалъ старшій братъ, доставая папиросницу и не глядя на него. Жалко только, что мы не вмѣстѣ будемъ.

— А чтó, скажи по правдѣ, страшно на бастіонахъ? спросилъ вдругъ младшій.

— Сначала страшно, потомъ привыкнешь—ничего. Самъ увидишь.

— А вотъ еще чтó скажи: какъ ты думаешь, возьмутъ Севастополь? Я думаю, что ни за чтó не возьмутъ.

— Богъ знаетъ.

— Одно только досадно... Можешь вообразить, какое несчастье: у насъ вѣдь дорогой цѣлый узелъ украли, и у меня въ немъ киверъ былъ, такъ что я теперь въ ужасномъ положеніи и не знаю, какъ я буду являться.

Козельцовъ второй, Владиміръ, былъ очень похожъ на брата Михайлу, но похожъ такъ, какъ похожъ распускающийся розанъ на отцвѣтшій шиповникъ. Волоса у него были тоже русые, но густые и вьющіеся на вискахъ. На бѣломъ, нѣжномъ затылкѣ у него была русая косичка — признакъ счастья, какъ говорятъ нянюшки. По нѣжному, бѣлому цвѣту кожи лица не стоялъ, а вспыхивалъ, выдавая всѣ движенія души, полнокровный молодой румянецъ. Тѣ же глаза, какъ и у брата, были у него открытѣе и свѣтлѣе, чтó особенно казалось оттого, что они часто покрывались легкой влагой. Русский пушокъ пробивался по щекамъ и надъ красными губами, весьма часто складывавшимися въ застѣнчивую улыбку и открывавшими бѣлые, блестящіе зубы. Стройный, широкоплечій, въ разстегнутой шинели, изъ-подъ которой виднѣлась красная рубашка съ косымъ воротомъ, съ папироской въ рукахъ, облокотясь на перила крыльца, съ наивной радостью въ лицѣ и жестѣ, какъ онъ стоялъ передъ братомъ, это былъ такой пріятно-хорошенькій мальчикъ, что все бы такъ и смотрѣлъ на него. Онъ чрезвычайно радъ былъ брату, съ уваженіемъ и гордостью смотрѣлъ на него, воображая его героемъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ разсужденіи свѣтскаго образованія, умѣнья говорить по-французски, быть въ обществѣ важныхъ людей, танцовать и т. д., онъ немножко стыдился за него, смотрѣлъ свысока и даже надѣялся, ежели можно, образовать его. Всѣ впечатлѣнія его еще были изъ Петербурга, изъ дома одной барыни, любившей хорошенькихъ и бравшей его къ себѣ на праздники, и изъ дома сенатора въ Москвѣ, гдѣ онъ разъ танцевалъ на большомъ балѣ.

VI.

Наговорясь почти досыта и дойдя наконецъ до того чувства, которое часто испытываешь, что общаго мало, хотя и любишь другъ друга, братья помолчали довольно долго.

— Такъ бери же свои вещи и ѣдемъ сейчасъ, сказалъ старшій.

Младшій вдругъ покраснѣлъ и замялся.

— Прямо въ Севастополь ѣхать? спросилъ онъ, послѣ минуты молчанія.

— Ну да. Вѣдь у тебя немного вещей, я думаю: уложимъ.

— Прекрасно! сейчасъ и поѣдемъ, сказалъ младшій со вздохомъ и пошелъ въ комнату.

Но, не отворяя двери, онъ остановился въ сѣняхъ, печально опустивъ голову, и началъ думать:

«Сейчасъ прямо въ Севастополь, подѣ бомбы... ужасно! Однако, все равно: когда нибудь надо же было. Теперь, по крайней мѣрѣ, съ братомъ...»

Дѣло въ томъ, что только теперь, при мысли, что, сѣвъ въ телѣжку, онъ, не выйдя изъ нея, будетъ въ Севастополѣ, и что никакая случайность уже не можетъ задержать его, ему ясно представилась опасность, которой онъ искалъ, и онъ смутился при одной мысли о близости ея. Кое-какъ успокоивъ себя, онъ вошелъ въ комнату; но прошло четверть часа, а онъ все не выходилъ къ брату, такъ что этотъ послѣдній отворилъ наконецъ дверь, чтобъ вызвать его. Меньшой Козельцовъ, въ положеніи провинившагося школьника, говорилъ о чемъ-то съ офицеромъ П. Когда братъ отворилъ дверь, онъ совершенно растерялся.

— Сейчасъ, сейчасъ я выйду! заговорилъ онъ, махая рукой брату. — Подожди меня, пожалуйста, тамъ.

Черезъ минуту онъ вышелъ, дѣйствительно, и съ глубокимъ вздохомъ подошелъ къ брату.

— Можешь себѣ представить, я не могу съ тобой ѣхать, братъ! сказалъ онъ.

— Какъ? чтó за вздоръ!

— Я тебѣ всю правду скажу, Миша! У насъ ужъ ни у кого денегъ нѣтъ, и мы всѣ должны этому штабсъ-капитану, чтó ты тамъ видѣлъ. Ужасно стыдно!

Старшій братъ нахмурился и долго не прерывалъ молчанія.

— Много долженъ? спросилъ онъ, изподлѣбя взглядывая на брата.

— Много... нѣтъ, не очень много; но совѣстно ужасно. Онъ на трехъ станціяхъ за меня платилъ, и сахаръ все его шелъ... такъ что я не знаю... да и въ преферансъ мы играли... я ему немножко остался долженъ.

— Это скверно, Володя! Ну, чтóбы ты сдѣлалъ, если бы меня не встрѣтилъ? сказалъ строго, не глядя на брата, старшій.

— Да я думалъ, братецъ, что получу эти подъемныя въ Севастополѣ, такъ отдамъ. Вѣдь можно такъ сдѣлать; да и лучше ужъ завтра я съ нимъ приѣду.

Старшій братъ досталъ кошелекъ и съ нѣкоторымъ дрожаніемъ пальцевъ досталъ оттуда двѣ десятирублевныя и одну трехрублевую бумажку.

— Вотъ мои деньги, сказалъ онъ. — Сколько ты долженъ?

Сказавъ, что это были всѣ его деньги, Козельцовъ говорилъ не совсѣмъ правду: у него было еще четыре золотыхъ, зашитыхъ на всякій случай въ обшлагѣ, но которыхъ, онъ далъ себѣ слово, ни за что не трогать.

Оказалось, что Козельцовъ, и съ преферансомъ и сахаромъ былъ долженъ только восемь рублей. Старшій братъ далъ ихъ ему, замѣтивъ только, что этакъ нельзя, когда денегъ нѣтъ, еще въ преферансъ играть.

— На что жъ ты играешь?

Младшій братъ не отвѣчалъ ни слова. Вопросъ брата показался ему сомнѣніемъ въ его честности. Досада на самого себя, стыдъ въ поступкѣ, который могъ подавать такія подозрѣнія, и оскорбленіе отъ брата, котораго онъ такъ любилъ, произвели на впечатлительную натуру такое сильное болѣзненное чувство, что онъ ничего не отвѣчалъ. Чувствуя, что не въ состояніи будетъ удержаться отъ слезливыхъ звуковъ, которые подступали ему къ горлу, онъ взялъ, не глядя, деньги и пошелъ къ товарищамъ.

VII.

Николаевъ, подкрѣпившій себя въ Дуванкѣ двумя крышками водки, купленными у солдата, продававшего ее на мосту, подергивалъ возжами, повозка подпрыгивала по каменной, кое-гдѣ тѣнистой дорогѣ, ведущей вдоль Бельбека къ Севастополю, а брата поталкиваясь нога объ ногу, хотя всякую минуту думали другъ о другѣ, упорно молчали.

«Зачѣмъ онъ меня оскорбилъ — думалъ меньшой — развѣ онъ не могъ не говорить про это? Точно, какъ будто онъ думалъ, что я воръ, да и теперь, кажется, сердится, такъ что мы ужъ на всегда разстроились. А какъ бы славно намъ было вдвоемъ въ Севастополь! Два брата, дружные между собой, оба сражаются съ врагомъ: одинъ старшій уже, хотя не очень образованный, но храбрый воинъ, и другой молодой... но тоже молодецъ... Черезъ недѣлю я бы всѣмъ доказалъ, что я ужъ не очень молоденькій! Я и краснѣть перестану, въ лицѣ будетъ мужество, да и усы небольшие, но порядочные, вырастутъ къ тому времени», и онъ ущипнулъ себя за пушокъ, показавшійся у краевъ рта. «Можетъ быть, мы нынче придемъ и сейчасъ же попадемъ въ дѣло, вмѣстѣ съ братомъ. А онъ, долженъ быть упорный и очень храбрый, такой, что много не говоритъ, а дѣлаетъ лучше другихъ. Я бы желалъ знать — продолжалъ онъ — нарочно или нѣтъ онъ прижимаетъ меня къ самому краю повозки. Онъ, вѣрно, чувствуетъ, что мнѣ неловко, и дѣлаетъ видъ, что будто не замѣчаетъ меня. Вотъ мы нынче придемъ — продолжалъ онъ разсуждать, прижимаясь къ краю повозки и боясь пошевелиться, чтобы не дать замѣтить брату, что ему неловко — и вдругъ прямо на бастионъ: я съ орудіями а братъ съ ротой, и вмѣ-

стѣ пойдемъ. Только вдругъ французы бросятся на насъ. Я стрѣлять, стрѣлять: перебью ужасно много; но они все-таки бѣгутъ прямо на меня. Ужъ стрѣлять нельзя, и, конечно, мнѣ нѣтъ спасенія; только вдругъ братъ выбѣжитъ впередъ съ саблей, и я схвачу ружье, и мы вмѣстѣ съ солдатами побѣдимъ. Французы бросятся на брата. Я побѣгу, убью одного француза, другаго и спасаю брата. Меня ранятъ въ одну руку, я схвачу ружье въ другую и все-таки бѣгу; только брата убьютъ пулей подлѣ меня. Я остановлюсь на минутку, посмотрю на него этакъ грустно, поднимусь и закричу. «За мной! отмстимъ! Я любилъ брата больше всего на свѣтѣ, я скажу, и потерялъ его. Отмстимъ, уничтожимъ враговъ или всѣ умремъ тутъ!» Всѣ закричатъ, бросятся за мной. Тутъ все войско французское выйдетъ, самъ Пелиссье. Мы всѣхъ перебьемъ; но наконецъ меня ранятъ другой разъ, третій разъ, и я упаду при смерти. Тогда всѣ прибѣгутъ ко мнѣ. Горчаковъ придетъ и будетъ спрашивать, чего я хочу. Я скажу, что ничего не хочу, — только, чтобы меня положили рядомъ съ братомъ, что я хочу умереть съ нимъ. Меня принесутъ и положатъ подлѣ окровавленнаго трупа брата. Я приподнимусь и скажу только: «да, вы не умѣли цѣнить двухъ человѣкъ, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да проститъ вамъ Богъ!» и умру.

Кто знаетъ, въ какой мѣрѣ сбудутся эти мечты!

— Что, ты былъ когда нибудь въ схваткѣ? спросилъ онъ вдругъ у брата, совершенно забывъ, что не хотѣлъ говорить съ нимъ.

— Нѣтъ, ни разу, отвѣчалъ старшій — у насъ двѣ тысячи человѣкъ изъ полка вышло, все на работахъ, и я раненъ тоже на работѣ. Война совсѣмъ не такъ дѣлается, какъ ты думаешь, Володя!

Слово «Володя» тронуло меньшаго брата: ему захотѣлось объясниться съ братомъ который вовсе и не думалъ, что оскорбилъ Володю.

— Ты на меня не сердись, Миша? сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— За что?

— Нѣтъ, такъ... что у насъ было такъ... ничего.

— Нисколько, отвѣчалъ старшій, поворачиваясь къ нему и похлопывая его по ногѣ.

— Такъ ты меня извини, Миша, если я тебя огорчилъ.

И меньшой братъ отвернулся, чтобы скрыть слезы, которыя вдругъ выступили у него изъ глазъ.

VIII.

— Неужели это уже Севастополь? спросилъ меньшой братъ, когда они поднялись на гору.

И передъ ними открылись бухта съ мачтами кораблей, море, съ непріятельскимъ далекимъ флотомъ, бѣлыя приморскія батареи, казармы, водо-

проводы, доки и строенія города, и бѣлыя, лиловатя облака дыма, безпрестанно поднимавшіяся по желтымъ горамъ, окружающимъ городъ и стоявшимъ въ синемъ небѣ, при розоватыхъ лучахъ солнца, уже съ блескомъ отражавшагося и спускавшагося къ горизонту темнаго моря.

Володя безъ малѣйшаго содроганія увидѣлъ это страшное мѣсто, про которое онъ такъ много думалъ; напротивъ, онъ съ эстетическимъ наслажденіемъ и героическимъ чувствомъ самодовольства, что вотъ и онъ черезъ полчаса будетъ тамъ, смотрѣть на это, дѣйствительно, прелестно-оригинальное зрѣлище, и смотрѣлъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ до самаго того времени, пока они не пріѣхали на Сѣверную, въ обозъ полка брата, гдѣ должны были узнать навѣрное о мѣстѣ расположенія полка и батареи.

Офицеръ, завѣдывавшій обозомъ, жилъ около, такъ называемаго, новаго городка—досчатыхъ бараковъ, построенныхъ матросскими семействами, въ палаткѣ, соединенной съ довольно большимъ балаганомъ, построеннымъ изъ зеленыхъ дубовыхъ вѣтокъ, не успѣвшихъ еще совершенно засохнуть.

Братья застали офицера передъ грязнымъ столомъ, на которомъ стоялъ стаканъ холоднаго чаю, подносъ съ водкой и крошками сухой икры и хлѣба, въ одной желтовато-грязной рубашкѣ, считающаго на большихъ счетахъ огромную кипу ассигнацій. Но прежде, чѣмъ говорить о личности офицера и его разговорѣ, необходимо пристальнѣе взглянуть на внутренность его балагана и познакомиться хотя немного съ его образомъ жизни и занятіями. Новый балаганъ былъ такъ великъ, прочно заплетенъ и удобно построенъ, со столиками и лавочками, плетеными и изъ дерна, какъ строятъ только для генераловъ или полковыхъ командировъ; бока и верхъ, чтобы листъ не сыпался, были завѣшены тремя коврами, хотя весьма уродливыми, но новыми и, вѣрно, дорогими. На желѣзной кровати, стоявшей подъ главнымъ ковромъ, съ изображенной на ней амазонкой, лежали плюшевое, ярко-красное одѣяло, грязная прорванная подушка и енотовая шуба; на столѣ стояло зеркало въ серебряной рамѣ; серебряная, ужасно грязная щетка; изломанный, набитый масляными волосами роговой гребень, серебряный подсвѣчникъ, бутылка ликѣра, съ золотымъ, краснымъ, огромнымъ ярлыкомъ, золотые часы съ изображеніемъ Петра I, два золотыхъ пера, коробочка съ какими-то капсюлями, корка хлѣба и набросанныя старыя карты и пустыя и полныя бутылки подъ кроватью. Офицеръ этотъ завѣдывалъ обозомъ полка и продовольствіемъ лошадей. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ его большой пріятель, комиссіонеръ, занимающійся операціями. Онъ, въ то время, какъ вошли братья, спалъ въ палаткѣ, обозный же офицеръ дѣлалъ счеты казенныхъ денегъ, передъ концомъ мѣсяца. Наружность обознаго офицера была очень красивая и воинственная: большой ростъ, большіе усы, благородная плотность. Непріятны были въ немъ только какая-

то потность и опухлость всего лица, почти скрывавшая маленькіе сѣрые глаза (какъ будто онъ весь былъ налитъ портеромъ), и чрезвычайная нечистоплотность, отъ жидкихъ масляныхъ волосъ до большихъ босыхъ ногъ въ какихъ-то горностаевыхъ туфляхъ.

— Денегъ-то, денегъ-то! сказалъ Козельцовъ 1-й, входя въ балаганъ и съ невольною жадностью устремляя глаза на кучу ассигнацій:—хоть бы половину займы дали, Василій Михайлычъ!

Обозный офицеръ покоробился, увидавъ гостя, и, собирая деньги, не поднимаясь, поклонился.

— Охъ, коли бы мои были! казенныя, батюшка!.. А это кто съ вами? сказалъ онъ, укладывая деньги въ шкатулку, которая стояла около него, и глядя на Володю.

— Это мой братъ, изъ корпуса пріѣхалъ. Да вотъ мы заѣхали узнать у васъ, гдѣ полкъ стоитъ.

— Садитесь, господа, сказалъ онъ, вставая, не обращая вниманія на гостей и уходя въ палатку.— Выпить не хотите ли? портерку, можетъ быть! сказалъ онъ.

— Не мѣшаетъ, Василій Михайлычъ!

Володя былъ пораженъ величіемъ обознаго офицера, его небрежной манерой и уваженіемъ, съ которымъ обращался къ нему братъ.

«Должно быть, это очень хорошій у нихъ офицеръ, котораго всѣ почитаютъ: вѣрно, простой, но гостепріимный и храбрый», подумалъ онъ, скромно и робко садясь на диванъ.

— Такъ гдѣ же нашъ полкъ стоитъ? спросилъ черезъ палатку старшій братъ,

— Чтò?

Онъ повторилъ вопросъ.

— Нынче у меня Зейферъ былъ: онъ рассказывалъ, что перешли на пятый бастионъ.

— Навѣрное?

— Коли я говорю, стало быть, вѣрно; а, впрочемъ, чортъ его знаетъ! Онъ и совратъ недорого возьметъ. Чтò жъ, будете портеръ пить? сказалъ обозный офицеръ, все изъ-за палатки.

— А, пожалуй, выпью, сказалъ Козельцовъ.

— А вы выпьете, Осипъ Игнатьевичъ? продолжалъ голосъ въ палаткѣ, вѣрно, обращаясь къ спавшему комиссіонеру.— Полноте спать: ужъ пятый часъ.

— Чтò вы пристааете ко мнѣ! я не сплю, отвѣчалъ лѣнивый тоненькій голосокъ.

— Ну, вставайте: мнѣ безъ васъ скучно.

И обозный офицеръ вышелъ къ гостямъ.

— Дай портеру симферопольскаго! крикнулъ онъ.

Деньщикъ, съ гордымъ выраженіемъ лица, какъ показалось Володѣ, вошелъ въ балаганъ и, толкнувъ Володю, досталъ портеръ изъ-подъ лавки.

Бутылка портера уже была выпита, и разговоръ продолжался довольно долго въ томъ же родѣ, когда полы палатки распахнулись и изъ нея выступилъ невысокій, свѣжій мужчина, въ синемъ халатѣ съ кисточками, въ фуражкѣ съ краснымъ

околышемъ и кокардой. Онъ явился, поправляя свои черные усики, и, глядя куда-то на коверъ, едва замѣтнымъ движеніемъ плеча, отвѣтилъ на поклоны офицеровъ.

— Дай-ка и я выпью стаканчикъ! сказалъ онъ, садясь подлѣ стола.—Что это, вы изъ Петербурга ѣдете, молодой человекъ? сказалъ онъ, ласково обращаясь къ Володѣ.

— Да-съ, въ Севастополь ѣду.

— Самы просились?

— Да-съ.

— И что вамъ за охота, господа! я не понимаю! продолжалъ комиссіонеръ.—Я бы теперь, кажется, пѣшкомъ готовъ уйти, если бы пустили, въ Петербургъ. Опостылѣла, ей Богу, эта жизнь проклятая!

— Чѣмъ же тутъ плохо вамъ? сказалъ старшій Козельцовъ, обращаясь къ нему:—еще вамъ бы не жизнь здѣсь!

Комиссіонеръ посмотрѣлъ на него и отвернулся.

— Эта опасность, лишенія, ничего достать нельзя, продолжалъ онъ, обращаясь къ Володѣ.—И что вамъ за охота, я рѣшительно васъ не понимаю, господа! Хотя бы выгоды какія нибудь были, а то такъ. Ну, хорошо ли это, въ ваши лѣта, вдругъ останетесь калѣкой на всю жизнь?

— Кому нужны доходы, а кто изъ чести служить! съ досадою въ голосъ, опять вмѣшался Козельцовъ старшій.

— Что за честь, когда нечего ѣсть! презрительно смѣясь, сказалъ комиссіонеръ, обращаясь къ обозному офицеру, который тоже засмѣялся при этомъ.—Заведи-ка изъ «Лучія»: мы послушаемъ, сказалъ онъ, указывая на коробочку съ музыкой:—я люблю ее.

— Что, онъ хорошій человекъ, этотъ Василій Михайлычъ? спросилъ Володя у брата, когда они, уже въ сумерки, вышли изъ балагана и поѣхали дальше къ Севастополю.

— Ничего; только такъ скупъ, что ужасъ! А комиссіонера этого я видѣть не могу, я его побью когда нибудь.

IX.

Володя не то чтобы былъ не въ духѣ, когда, уже почти ночью, подъѣзжалъ къ большому мосту черезъ бухту, но онъ ощущалъ какую-то тяжесть на сердцѣ. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, было такъ мало сообразно съ его прошедшими недавними впечатлѣніями: паркетная, свѣтлая большая зала экзамена, веселые, добрые голоса и смѣхъ товарищей, новый мундиръ, любимый Царь, котораго онъ семь лѣтъ привыкъ видѣть и который, прощаясь съ ними, со слезами, называлъ ихъ дѣтьми своими,—и такъ мало все, что онъ видѣлъ, похоже на его прекрасныя радужныя, великодупныя мечты.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! сказалъ старшій

братъ, когда они подъѣхали къ Михайловской батарее, выйдя изъ повозки.—Если насъ пропустятъ по мосту, мы сейчасъ же пойдѣмъ въ Николаевскія казармы. Ты тамъ останься до утра, а я пойду въ полкъ—узнаю, гдѣ твоя батарея стоитъ, и завтра прійду за тобой.

— Зачѣмъ же? лучше вмѣстѣ пойдѣмъ, сказалъ Володя.—И я пойду съ тобой на бастіонъ. Вѣдь уже все равно: привыкать надо. Если ты пойдешь, и я могу.

— Лучше не ходить.

— Нѣтъ, пожалуйста: я, по крайней мѣрѣ узнаю, какъ...

— Мой совѣтъ: не ходить, а пожалуй...

Небо было чисто и темно; звѣзды и безпрестанно двужущіеся огни бомбъ и выстрѣловъ уже ярко свѣтились во мракѣ. Большое бѣлое зданіе батареи и начало моста выдавались изъ темноты. Буквально, каждую секунду нѣсколько оружейныхъ выстрѣловъ и взрывовъ, быстро слѣдуя другъ за другомъ или вмѣстѣ, громче и отчетливѣе потрясали воздухъ. Изъ-за этого гула, какъ будто вторя ему, слышалось пасмурное ворчаніе бухты. Съ моря тянулъ вѣтерокъ и пахло сыростью. Братья подошли къ мосту. Какой-то ополченецъ стукнулъ неловко ружьемъ на руку и крикнулъ:

— Кто идетъ?

— Солдатъ.

— Не велѣно пущать!

— Да какже! намъ нужно.

— Офицера спросите.

Офицеръ, дремавшій, сидя на якорѣ, приподнялся и велѣлъ пропустить.

— Туда можно, оттуда нельзя. Куда лезешь? всѣ разомъ! крикнулъ онъ на половыя повозки, высоко наложенныя турами, которые толпились у выѣзда.

Спускаясь на первый понтонъ, братья столкнулись съ солдатами, которые, громко разговаривая, шли оттуда.

— Когда онъ амуничныя получилъ, значить, онъ въ расчетѣ съ полностью—вотъ что.

— Эхъ, братцы! сказалъ другой голосъ:—какъ на Сиверную перевалишь, свѣтъ увидишь, ей Богу! Совсѣмъ воздухъ другой.

— Говори больше! сказалъ первый:—намедни съ тутъ же прилетѣла окаянная—двумъ матросамъ ноги пооборвала такъ...

Братья прошли первый понтонъ, дожидаясь повозки, и остановились на второмъ, который мѣстами уже заливало водой. Вѣтеръ, казавшійся слабымъ въ полѣ, здѣсь былъ весьма силенъ и порывистъ; мостъ качало, и волны, съ шумомъ ударяясь о бревна и разрѣзаясь на якоряхъ и канатахъ, заливали доски. Напрасно туманно-враждебно шумѣло и чернѣло море, отдѣляясь безконечной, ровной, черной линіей отъ звѣзднаго, свѣтло-сѣроваго въ сіяніи горизонта; далеко гдѣ-то свѣтились огни на не пріятельскомъ флотѣ; налѣво чернѣла темная масса нашего корабля и слышались удары волнъ

о борта его; видѣлся пароходъ, шумно и быстро двигающійся отъ Сѣверной. Огонь разорвавшейся около него бомбы освѣтилъ мгновенно высоко наваленные туры на палубѣ, двухъ человѣкъ, стоящихъ на верху и бѣлую пѣну и брызги зеленоватыхъ волнъ, разрѣзанныхъ пароходомъ. У края моста сидѣлъ, опустивъ ноги въ воду, какой-то человѣкъ въ одной рубахѣ и чинилъ что-то въ понтонѣ. Впередѣ надъ Севастополемъ носились тѣ же огни и громче громче, долетали страшные звуки. Набѣжавшая волна съ моря разлилась по правой сторонѣ моста и замочила ноги Володѣ; два солдата, шлепая ногами по водѣ, прошли мимо него. Что-то вдругъ съ трескомъ освѣтило мостъ впереди, ѣдущую по немъ повозку и верхового, и осколки, со свистомъ поднимая брызги, попадали въ воду.

— А, Михайло Семенычъ! сказалъ верховой, останавливая лошадь противъ старшаго Козельцова:—что, уже совсѣмъ поправились?

— Какъ видите. Куда васъ Богъ несетъ?

— На Сѣверную за патронами: вѣдь я нынче за полковаго адъютанта... штурма ждемъ съ часу на часъ.

— А гдѣ же Марцовъ?

— Вчера ногу оторвало... въ городѣ, въ комнатѣ спать... Можетъ, вы его знаете?

— Полкъ на пятомъ, правда?

— Да, на мѣсто м...цовъ заступили. Вы зайдите на перевязочный пунктъ: тамъ наши есть — васъ проводить.

— Ну а квартирка моя, по Морской, цѣла?

— И, батюшка! ужъ давно всю разбили бомбами. Вы не узнаете теперь Севастополя: ужъ женщинъ ни души нѣтъ, ни трактировъ, ни музыки; вчера послѣднее заведеніе переѣхало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицеръ рысью поѣхалъ дальше.

Володѣ вдругъ сдѣлалось ужасно страшно: ему все казалось, что сейчасъ прилетитъ ядро или осколокъ и ударитъ его прямо въ голову. Этотъ сырой мракъ, всѣ звуки эти, особенно ворчливый плескъ волнъ, казалось, все говорило ему, чтобы онъ не шелъ дальше, что не ждетъ его здѣсь ничего добраго, что нога его ужъ никогда больше не ступитъ на землю по ту сторону бухты, чтобы сейчасъ же онъ вернулся и бѣжалъ куда нибудь, какъ можно дальше отъ этого страшнаго мѣста смерти. «Но, можетъ, ужъ поздно, ужъ рѣшено теперь», подумалъ онъ, содрогаясь частью отъ этой мысли, частью оттого, что вода прошла ему сквозь сапоги и мочила ноги.

Володя глубоко вздохнулъ и отошелъ немного въ сторону отъ брата.

«Господи! неужели же меня убьютъ, именно меня? Господи, помилуй меня!» сказалъ онъ шопотомъ и перекрестился.

— Ну, пойдѣмъ, Володя! сказалъ старшій братъ, когда повозочка вѣхала на мостъ. — Видѣлъ бомбу?

На мосту встрѣчались братьямъ повозки съ ранеными, съ турами, одна съ мебелью, которую везла какая-то женщина. На той же сторонѣ никто не задержалъ ихъ.

Инстинктивно придерживаясь стѣнки Николаевской батареи, братья, молча, прислушиваясь къ звукамъ бомбъ, лопавшихся уже тутъ надъ головами, и къ реву осколковъ, валившихся сверху, пришли къ тому мѣсту батареи, гдѣ образъ. Тутъ узнали они, что пятая легкая, въ которую назначенъ былъ Володя, стоитъ на Корабельной, и рѣшили вмѣстѣ, несмотря на опасность, идти почевать къ старшему брату на пятый бастионъ, а оттуда, завтра, въ батарею. Повернувъ въ корридоръ, шагая черезъ ноги спящихъ солдатъ, которые лежали вдоль всей стѣны батареи, они наконецъ пришли на перевязочный пунктъ.

X.

Войдя въ первую комнату, обставленную койками, на которыхъ лежали раненые, и пропитанную тяжелымъ, отвратительно-ужаснымъ госпитальнымъ запахомъ, они встрѣтили двухъ сестеръ милосердія, выходившихъ имъ навстрѣчу.

Одна женщина, лѣтъ пятидесяти, съ черными глазами и строгимъ выраженіемъ лица, несла бинты и корпію и отдавала приказанія молодому мальчику, фельдшеру, который шелъ за ней; другая, весьма хорошенькая дѣвушка, лѣтъ двадцати, съ блѣднымъ и нѣжнымъ бѣлокурнымъ личикомъ, какъ-то особенно мило безпомощно смотрѣвшимъ изъ-подъ бѣлаго чепчика, руки въ карманахъ передничка, шла подлѣ старшей и, казалось, боялась отставать отъ нея.

Козельцовъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, не знаютъ ли онѣ, гдѣ Марцовъ, которому вчера оторвало ногу.

— Это, кажется, П. полка? спросила старшая. — Что, онъ вамъ родственникъ?

— Нѣтъ-съ, товарищъ.

— Проводите ихъ, сказала она молодой сестрѣ, по-французски:—вотъ сюда,—и сама подошла съ фельдшеромъ къ раненому.

— Пойдемъ же... что ты смотришь! сказалъ Козельцовъ Володѣ, который, поднявъ брови, съ какимъ-то страдальческимъ выраженіемъ, не могъ оторваться, смотрѣлъ на раненыхъ.—Пойдемъ же.

Володя пошелъ съ братомъ, но все продолжая оглядываться и безсознательно повторяя:

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!

— Вѣрно, они недавно здѣсь? спросила сестра у Козельцова, указывая на Володю, который, ахая и вздыхая, шелъ за ними по корридору.

— Только что пріѣхалъ.

Хорошенькая сестра посмотрѣла на Володю и вдругъ заплакала. «Боже мой, Боже мой! когда это все кончится?» сказала она, съ отчаяніемъ въ голосъ. Они вошли въ офицерскую палату. Мар-

цовъ лежалъ навзничъ, закинувъ жилистыя, обнаженные до локтей руки за голову и съ выраженіемъ на желтомъ лицѣ чловѣка, который стиснулъ зубы, чтобы не кричать отъ боли. Цѣлая нога была въ чулкѣ, высунута изъ-подъ одѣяла, и видно было, какъ онъ на ней судорожно перебиралъ пальцами.

— Ну, что, какъ вамъ? спросила сестра, своими тоненькими, нѣжными пальцами, на одномъ изъ которыхъ Володя замѣтилъ золотое кольцо, поднимая его немного плѣшивую голову и поправляя подушку. — Вотъ ваши товарищи пришли васъ провѣдать.

— Разумѣется, больно, сердито сказалъ онъ. — Оставьте! такъ хорошо, — и пальцы въ чулкѣ зашевелились еще быстрѣе. — Здравствуйте! Какъ васъ зовутъ? Извините, сказалъ онъ, обращаясь къ Козельцову... Ахъ, да! виноваты! тутъ все забудешь, сказалъ онъ, когда тотъ сказалъ ему свою фамилію. — Вѣдь мы съ тобой вмѣстѣ жили, прибавилъ онъ, безъ всякаго выраженія удовольствія, вопросительно глядя на Володю.

— Это мой братъ, нынче пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Гм! А я-то вотъ и полный выслужилъ, сказалъ онъ, морщась. — Ахъ, какъ больно!.. Да, ужъ лучше бы конецъ скорѣе.

Онъ вздернулъ ноги и, продолжая съ усиленной быстротой шевелить пальцами, закрылъ лицо руками.

— Его надо оставить, сказала шопотомъ сестра, со слезами на глазахъ: — ужъ онъ очень плохъ.

Братья еще на Сѣверной рѣшили идти на 5 батіонъ; но, выходя изъ Николаевской батареи, они какъ будто условились не подвергаться напрасной опасности и, ничего не говоря объ этомъ предметѣ, рѣшили идти каждому порознь.

— Только какъ ты найдешь, Володя, сказалъ старшій. — Впрочемъ, Николаевъ тебя проводитъ на Корабельную; а я пойду одинъ и завтра у тебя буду.

Больше ничего не было сказано въ это послѣднее прощанье между двумя братьями.

XI.

Громъ пушекъ продолжался съ той же силой; но Екатерининская улица, по которой шелъ Володя, со слѣдовавшимъ за нимъ молчаливымъ Николаевымъ, была пустынна и тиха. Во мракѣ виднѣлась ему только широкая улица, съ бѣлыми, во многихъ мѣстахъ разрушенными, стѣнами большихъ домовъ, и каменный тротуаръ, по которому онъ шелъ; изрѣдка встрѣчались солдаты и офицеры. Проходя по лѣвой сторонѣ улицы около Адмиралтейства, при свѣтѣ какого-то яркаго огня, горѣвшаго за стѣной, онъ увидалъ насаженные вдоль тротуара акаціи, съ зелеными подпорками, и жалкіе запыленные листья этихъ акацій. Шаги

свои и Николаева, тяжело дышавшаго, шедшаго за нимъ, онъ слышалъ явственно. Онъ ничего не думалъ: хорошенькая сестра милосердія, нога Марцова съ движущимися въ чулкѣ пальцами, мракъ, бомбы и различные образы смерти смутно носились въ его воображеніи. Вся его молодая, впечатлительная душа сжалась и ныла подъ вліяніемъ сознанія одиночества и всеобщаго равнодушія къ его участи въ опасности! «Убьютъ, буду мучиться, страдать, и никто не заплачетъ». И все это вмѣсто исполненной энергіи и сочувствія жизни героя, о которой онъ мечталъ такъ славно. Бомбы лопались и свистали ближе и ближе, Николаевъ вздыхалъ чаще и не нарушая молчанія. Проходя черезъ мостъ, ведущій на Корабельную, онъ увидѣлъ, какъ что-то, свистя, влетѣло недалеко отъ него въ бухту, на секунду багрово освѣтило лиловыя волны, исчезло и потомъ съ брызгами поднялось оттуда.

— Вишь, не задохлась! сказалъ хрипло Николаевъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, невольно и неожиданно для себя, какимъ-то тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ.

Встрѣчались носилки съ ранеными, опять полковые повозки съ турами; какой-то полкъ встрѣтился на Корабельной; верховые проѣзжали мимо. Одинъ изъ нихъ былъ офицеръ съ казакомъ. Онъ ѣхалъ рысью, но, увидавъ Володю, пріостановилъ лошадь около него, взглянулъ ему въ лицо, отвернулся и поѣхалъ прочь, ударивъ плетью по лошади. «Одинъ, одинъ; все равно, есть ли я, или нѣтъ», подумалъ мальчикъ, и ему безъ шутокъ захотѣлось плакать.

Поднявшись на гору, мимо какой-то высокой бѣлой стѣны, онъ вошелъ въ улицу разбитыхъ маленькихъ домиковъ, безпрестанно освѣщаемыхъ бомбами. Пьяная, растерзанная женщина, выходя изъ калитки съ матросомъ, наткнулась на него. «Потому, коли бы онъ былъ благородный чужаекъ — пробормотала она — пардонъ, ваше благородіе офицеръ!» Сердце все больше и больше ныло у бѣднаго мальчика; а на черномъ горизонтѣ чаще и чаще вспыхивала молнія, и бомбы чаще и чаще свистѣли и лопались около него. Николаевъ вздохнулъ и вдругъ началъ говорить какимъ-то, какъ показалось Володѣ, испуганно-сдержаннымъ голосомъ:

— Вотъ все торопились изъ губерніи ѣхать. Ёхать да ѣхать. Есть куда торопиться!

— Да что жъ, коли братъ ужъ здоровъ теперь, отвѣчалъ Володя, надѣясь хоть разговоромъ разогнать ужасное чувство, овладѣвшее имъ.

— Здоровъ! Какое его здоровье, когда онъ все болѣнъ! Которые и настояще здоровые-то и, тѣмъ лучше бы жить въ госпиталѣ въ это время. Что тутъ-то радости много, что ли? Либо ногу, либо руку оторветъ — вотъ те и все! Долго ли до грѣха! Ужъ на что здѣсь, въ городу, не то, что на баксіонѣ, и то страсть какая. Идешь — молитвы

всѣ перечитываешь. Ишь, бестія, такъ мимо тебя и дзвонитъ! прибавилъ онъ, обращая вниманіе на звукъ близко прожужжавшаго осколка. Вотъ теперича, продолжалъ Николаевъ: — велѣлъ ваше благородіе проводить. Наше дѣло извѣстно, что приказано, то долженъ исполнить; а вѣдь повозку такъ на какого-то солдатишку бросили, и узелъ развязанъ... Иди да иди; а что изъ имѣнья пропадетъ, Николаевъ отвѣчай.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они вышли на площадь. Николаевъ молчалъ и вздыхалъ.

— Вонъ артилерія ваша стоитъ, ваше благородіе! сказалъ онъ вдругъ: — у часоваго спросите: онъ вамъ покажетъ.

И Володя, пройдя нѣсколько шаговъ, пересталъ слышать за собой звуки вздоховъ Николаева.

Онъ вдругъ почувствовалъ себя совершенно, окончательно однимъ. Это сознаніе одиночества въ опасности передъ смертью, какъ ему казалось, ужасно тяжелымъ холоднымъ камнемъ легко ему на сердце. Онъ остановился посреди площади, оглянувшись, не видитъ ли его кто нибудь, схватился за голову и съ ужасомъ проговорилъ и подумалъ: «Господи! неужели я трусъ, подлый, гадкій, ничтожный трусъ... неужели за отечество, за Царя, за котораго съ наслажденіемъ мечталъ умереть недавно? Нѣтъ! я несчастное, жалкое созданіе!» И Володя, съ истиннымъ чувствомъ отчаянія и разочарованія въ самомъ себѣ, спросилъ у часоваго домъ батарейнаго командира и пошелъ по указанному направленію.

XII.

Жилище батарейнаго командира, которое указалъ ему часовой, было небольшою двухэтажною домишкою, со входомъ со двора. Въ одномъ изъ оконъ, залѣпленномъ бумагой, свѣтился слабый огонекъ свѣчки. Деньщикъ сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку. Онъ пошелъ доложить батареинному командиру и ввелъ Володю въ комнату. Въ комнатѣ между двухъ оконъ, подъ разбитымъ зеркаломъ, стоялъ столъ, заваленный казенными бумагами, нѣсколько стульевъ и желѣзная кровать съ чистой постелью и маленькимъ коврикомъ около нея.

Около самой двери стоялъ красивый мужчина съ большими усами—фельдфебель,—въ тесахъ и шинели, на которомъ висѣли крестъ и венгерская медаль. По срединѣ комнаты взадъ и впередъ ходилъ невысокій, лѣтъ сорока штабъ-офицеръ, съ подвязанной распухшей щекой, въ тонкой старенькой шинели.

— Честь имѣю явиться, прикомандированный въ 5-ю легкую прапорщикъ Козельцовъ 2-й, проговорилъ Володя заученную фразу, входя въ комнату.

Батареинный командиръ сухо отвѣтилъ на поклонъ и, не подавая руки, пригласилъ его садиться.

Володя робко опустился на стулъ, подлѣ письменнаго стола, и сталъ перебирать въ пальцахъ ножницы, попавшіяся ему въ руки. Батареинный командиръ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову, только изрѣдка поглядывая на руки, вертѣвшія ножницы, молча, продолжалъ ходить по комнатѣ, съ видомъ человѣка, припоминающаго что-то.

Батареинный командиръ былъ довольно толстый человѣкъ, съ большею плѣшью на маковкѣ, густыми усами, пущенными прямо и закрывшими ротъ, и пріятными карими глазами. Руки у него были красивыя, чистыя и пухлыя, ножки очень вывернутыя и ступавшія съ увѣренностью и нѣкоторымъ щегольствомъ, показывавшимъ, что батареинный командиръ былъ человѣкъ незастрѣчивый.

— Да, сказалъ онъ, останавливаясь противъ фельдфебеля:—ящичнымъ надо будетъ съ завтрашняго дня еще по гарнцу прибавить: а то онѣ у насъ худы. Какъ ты думаешь?

— Что жъ, прибавить можно, ваше высокоблагородіе! Теперь все подешевле овесъ сталъ, отвѣчалъ фельдфебель, шевеля пальцы на рукахъ, которые онъ держалъ по швамъ, но которые очевидно любили жестомъ помогать разговору. — А еще фуражиръ нашъ Французъ вчера мнѣ изъ обоза записку прислалъ, ваше высокоблагородіе, что осей непременно намъ нужно будетъ тамъ купить—говорятъ, дешевы—такъ какъ изволите приказать?

— Что жъ, купить: вѣдь у него деньги есть.— И батареинный командиръ снова сталъ ходить по комнатѣ.—А гдѣ ваши вещи? спросилъ онъ вдругъ у Володи, останавливаясь противъ него.

Бѣднаго Володю такъ одолевала мысль, что онъ трусъ, что въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ онъ находилъ презрѣніе къ себѣ, какъ къ жалкому трусу. Ему показалось, что батареинный командиръ уже проникъ его тайну и подтруниваетъ надъ нимъ. Онъ, смутившись, отвѣчалъ, что вещи на Графской и что завтра братъ обѣщалъ ихъ доставить ему.

Но подполковникъ не дослушалъ его и, обратясь къ фельдфебелю, спросилъ:

— Гдѣ бы намъ помѣстить прапорщика?

— Прапорщика-съ? сказалъ фельдфебель, еще больше смущая Володю бѣглымъ, брошеннымъ на него взглядомъ, выражавшимъ какъ будто вопросъ: «что это за прапорщикъ?» — Да вотъ-съ внизу, ваше высокоблагородіе, у штабъ-капитана, могутъ помѣститься ихъ благородіе, продолжалъ онъ, подумавъ немного:—теперь штабъ-капитанъ на бакстѣонѣ, такъ ихняя койка пустая остается.

— Такъ вотъ не угодно ли-съ покамѣсть? сказалъ батареинный командиръ.—Вы, я думаю, устали; а завтра лучше устроимъ.

Володя всталъ и поклонился.

— Не угодно ли чаю? сказалъ батареинный командиръ, когда онъ уже подходилъ къ двери. — Можно самоваръ поставить.

Володя поклонился и вышел. Подполковничій деньщикъ провелъ его внизъ и ввелъ въ голую, грязную комнату, въ которой валялся разный хламъ и стояла желѣзная кровать безъ бѣлья и одѣяла. На кровати, накрывшись толстой шинелью, спалъ какой-то человекъ въ розовой рубашкѣ.

Володя принялъ его за солдата.

— Петръ Николаичъ! сказалъ деньщикъ, толкая за плечо спящаго. — Тутъ прапорщикъ лягутъ... Это нашъ юнкеръ, прибавилъ онъ, обращаясь къ прапорщику.

— Ахъ, не беспокойтесь, пожалуйста! сказалъ Володя; но юнкеръ, высокій, плотный, молодой мужчина, съ красивой, но весьма глупой физиономіей, всталъ съ кровати, накиннулъ шинель и, видимо, не проснувшись еще хорошенько, вышелъ изъ комнаты.

— Ничего, я на дворѣ лягу, пробормоталъ онъ.

XIII.

Оставшись наединѣ съ своими мыслями, первымъ чувствомъ Володи былъ страхъ того безпорядочнаго, безотраднаго состоянія, въ которомъ находилась душа его. Ему захотѣлось заснуть и забыть все окружающее и, главное, самого себя. Онъ потушилъ свѣчку, легъ на постель и, снявъ съ себя шинель, закрылся ею съ головою, чтобы избавиться отъ страха темноты, которому онъ еще съ дѣтства былъ подверженъ. Но вдругъ ему пришла мысль, что прилетитъ бомба, пробьетъ крышу и убьетъ его. Онъ сталъ вслушиваться; надъ самой его головой слышались шаги батареинаго командира.

«Впрочемъ, если и прилетитъ — подумалъ онъ — то прежде убьетъ наверху, а потомъ меня; по крайней мѣрѣ, не меня одного». Эта мысль успокоила его немного; онъ сталъ было засыпать. «Ну, что, если вдругъ ночью возьмутъ Севастополь и французы ворвутся сюда? Чѣмъ я буду защищаться? — Онъ опять всталъ и походилъ по комнатѣ. Страхъ дѣйствительной опасности подавилъ таинственный страхъ мрака. Кромѣ сѣдла и савара въ комнатѣ ничего твердаго не было. «Я подлецъ, я трусъ, мерзкій трусъ!» вдругъ подумалъ онъ и снова перешелъ къ тяжкому чувству презрѣнія, отвращенія даже къ самому себѣ. Онъ снова легъ и старался не думать. Тогда впечатлѣнія дня невольно возникали въ воображеніи, при непрерывающихся звукахъ, заставлявшихъ дрожать стекла въ единственномъ окнѣ, и снова наминали объ опасности: то ему грезились раненные и кровь, то бомбы и осколки, которые влетаютъ въ комнату, то хорошенькая сестра милосердія, дѣлающая ему, умирающему, перевязку и плачущая надъ нимъ, то мать его, провожающая его въ уѣздномъ городѣ и горячо со слезами молящаяся передъ чудотворной иконой, и снова сонъ кажется ему невозможнымъ. Но вдругъ мысль о Богѣ

всемогущемъ, Который все можетъ сдѣлать и услышать всякую молитву, ясно пришла ему въ голову. Онъ сталъ на колѣни, перекрестился и сложилъ руки такъ, какъ его въ дѣтствѣ еще учили молиться. Этотъ жестъ вдругъ перенесъ его къ давно забытому, отрадному чувству.

«Если нужно умереть, нужно, чтобъ меня не было, сдѣлай это, Господи — подумалъ онъ — скорѣе сдѣлай это; но если нужна храбрость, нужна твердость, которыхъ у меня нѣтъ, дай мнѣ ихъ, избави отъ стыда и позора, которыхъ я не могу переносить, но научи, что мнѣ дѣлать, чтобы исполнить Твою волю».

Дѣтская, запуганная, ограниченная душа вдругъ возмужала, просвѣтлѣла и увидѣла новые, обширные, свѣтлые горизонты. Много еще передумалъ и перечувствовалъ онъ въ то короткое время, пока продолжалось это чувство, онъ заснулъ скоро покойно и безопасно, подъ звуки продолжавшагося гула бомбардированія и дрожанія стеколъ.

Господи Великій! только Ты одинъ слышалъ и знаешь тѣ простыя, но жаркія и отчаянныя мольбы невѣдѣнія, смутнаго раскаянія, просьбы исцѣленія тѣла и просвѣтлѣнія души, которыя восходили къ Тебѣ изъ этого страшнаго мѣста смерти, отъ генерала, за секунду передъ этимъ думавшаго о Георгіи на шею и со страхомъ чужаго близость Твою, до простаго солдата, повалившагося на голѣмъ полу Николаевской батареи и просящаго Тебя дать ему тамъ безсознательно предчувствуемую имъ награду за всѣ страданія!..

XIV.

Старшій Козельцовъ, встрѣтивъ на улицѣ солдата своего полка, съ нимъ вмѣстѣ направился прямо къ 5-му бастиону.

— Подъ стѣнкой держитесь, ваше благородіе! сказалъ солдатъ.

— А что?

— Опасно, ваше благородіе: вонъ она уже черезъ несетъ, сказалъ солдатъ, прислушиваясь къ звуку просвистѣвшаго ядра, ударившагося о сухую дорожку по той сторонѣ улицы.

Козельцовъ, не слушая солдата, бодро пошелъ по срединѣ улицы.

Все тѣ же были улицы, тѣ же, даже болѣе частые, огни, звуки, стоны, встрѣчи съ ранеными и тѣ же батареи, бруствера и траншеи, какіе были весною, когда онъ былъ въ Севастополѣ; но все это почему-то было теперь грустнѣе и вмѣстѣ энергичнѣе, пробойнѣ въ домахъ больше, огней въ окнахъ уже совѣтъ нѣтъ, исключая Кушнина дома (госпиталя), женщины ни одной не встрѣчается, на всемъ лежитъ не прежній характеръ привычки и безопасности, а какая-то печать тѣлаго ожиданія, усталости и усиленности.

Но вотъ уже послѣдняя траншея, вотъ и голѣмъ солдатика И. полка, узнавшаго своего прежняго

ротнаго командира, вотъ и третій батальонъ стоитъ въ темнотѣ, прижавшись у стѣнки, изрѣдка, на мгновеніе освѣщаемый выстрѣлами и слышныи сдержаннымъ говоромъ и побрякиваніемъ ружей.

— Гдѣ командиръ полка? спросилъ Козельцовъ.

— Въ блиндажѣ, у флотскихъ, ваше благородіе! отвѣчалъ услужливый солдатикъ. — Пожалуйте, я васъ провожу.

Изъ траншеи въ траншею солдатъ привелъ Козельцова къ канавкѣ въ траншеѣ. Въ канавкѣ сидѣлъ матросъ, покуривая трубочку; за нимъ виднѣлась дверь, въ щели которой просвѣчивалъ огонь.

— Можно войти?

— Сейчасъ доложу, — и матросъ вошелъ въ дверь.

Два голоса говорили за дверью.

— Если Пруссія будетъ продолжать держать нейтралитетъ, говорилъ одинъ голосъ: — то Австрія тоже...

— Да что Австрія, говорилъ другой, — когда славянскія земли... ну, проси.

Козельцовъ никогда не былъ въ этомъ блиндажѣ. Онъ поразилъ его своей щеголеватостью. Полъ былъ паркетный, ширмочки закрывали дверь. Двѣ кровати стояли по стѣнамъ, въ углу стояла большая, въ золотой ризѣ, икона Вожіей Матери, и передъ ней горѣла розовая лампадка. На одной изъ кроватей спалъ морякъ, совершенно одѣтый, на другой, передъ столомъ, на которомъ стояли двѣ бутылки начатаго вина, сидѣли разговаривавшіе — новый полковой командиръ и адъютантъ. Хотя Козельцовъ далеко былъ не трусъ и рѣшительно ни въ чемъ не былъ виноватъ ни передъ правительствомъ, ни передъ полковымъ командиромъ, но онъ робѣлъ при видѣ полковника, бывшаго недавняго своего товарища: такъ гордо всталъ этотъ полковникъ и выслушалъ его. «Странно — подумалъ Козельцовъ, глядя на своего командира — только семь недѣль, какъ онъ принялъ полкъ, а какъ ужъ во всемъ его окружающемъ, въ его одеждѣ, осанкѣ, взглядѣ видна власть полковаго командира. Давно ли — думалъ онъ — этотъ самый Батрищевъ кучивалъ съ нами, носилъ по недѣлямъ ситцевую немаркую рубашку и фдаль, никого не приглашая къ себѣ, вѣчные битки и вареники? а теперь! и въ глазахъ это выраженіе холодной гордости, которая говоритъ вамъ: хотя я тебѣ и товарищъ, потому что я полковой командиръ новой школы, но повѣрь, что я знаю, какъ ты готовъ бы полжизни отдать за то только, чтобы быть на моемъ мѣстѣ!»

— Вы долгопью лечились, сказалъ полковникъ Козельцову, холодно глядя на него.

— Болѣвъ былъ, полковникъ! еще и теперь рана хорошенько не закрылась.

— Такъ вы напрасно пріѣхали, съ недоувѣрчивымъ взглядомъ на плотную фигуру офицера, сказалъ полковникъ. — Вы можете, однако, исполнять службу?

— Какже-съ, я могу-съ.

— Ну, и очень радъ-съ. Такъ вы примите отъ прапорщика Зайцева девятую роту — вашу прежнюю; сейчасъ же вы получите приказъ.

— Слушаю-съ.

— Потрудитесь, когда вы пойдете, послать ко мнѣ полковаго адъютанта, заключилъ полковой командиръ, легкимъ поклономъ давая чувствовать, что аудіенція кончена.

Выйди изъ блиндажа, Козельцовъ нѣсколько разъ промышалъ что-то и подернулъ плечами, какъ будто ему было отчего-то больно, неловко или досадно, и досадно не на полковаго командира (не за что), а самъ собою и всѣмъ окружающимъ онъ былъ какъ будто недоволенъ.

XV.

Козельцовъ, прежде чѣмъ идти къ своимъ офицерамъ, пошелъ поздороваться съ своей ротой и посмотреть, гдѣ она стоитъ. Бруствера изъ туровъ, фигуры траншей, пушки, мимо которыхъ онъ проходилъ, даже осколки, бомбы, на которые онъ спотыкался по дорогѣ, — все это, безпрестанно освѣщаемое огнями выстрѣловъ, было ему хорошо знакомо; все это живо врѣзалось у него въ памяти, три мѣсяца тому назадъ, впродолженіе двухъ недѣль, которыя онъ безвыходно провелъ на этомъ самомъ бастионѣ. Хотя много было ужаснаго въ этомъ воспоминаніи, но какая-то прелесть прошедшаго примѣшивалась къ нему, и онъ съ удовольствіемъ, какъ будто пріятны были проведенныя здѣсь двѣ недѣли, узнавалъ знакомые мѣста и предметы. Рота была расположена по оборонительной стѣнкѣ къ 6-му бастиону.

Козельцовъ вошелъ въ длинный, совершенно открытый со стороны входа блиндажъ, въ которомъ, ему сказали, стоитъ 9-я рота. Буквально ноги некуда было поставить во всемъ блиндажѣ: такъ онъ отъ самаго входа наполненъ былъ солдатами. Въ одной сторонѣ его свѣтилась сальная кривая свѣчка, которую лека держалъ солдатикъ, освѣщая книгу, которую по складамъ читалъ другой. Около свѣчки въ смрадномъ полусвѣтѣ блиндажа видны были поднятыя головы, жадно слушающія чтеца. Книжка была азбука. Входя въ блиндажъ, Козельцовъ услышалъ слѣдующее:

Мо-ли-тва послѣ уче-нія. Благодарю Те-бя Соз-да-те-лю... Снимите со свѣчки-то! сказалъ голосъ. — Книжка славная. Богъ... мой... продолжалъ чтець.

Когда Козельцовъ спросилъ фельдфебеля, чтець замолеть, солдаты зашевелились, закашляли, засморкались, какъ всегда послѣ сдержаннаго молчанія, фельдфебель, застегиваясь, поднялся около группы чтеца и, шагая черезъ и по ногамъ тѣхъ, которыми некуда было убрать ихъ, вышелъ къ офицеру.

— Здравствуй, братъ! Что, это все наша рота?

— Здравія желаемъ! съ прїѣздомъ, ваше благородіе! отвѣчалъ фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова. — Какъ здоровьемъ поправились, ваше благородіе? Ну, и слава Богу. А то мы безъ васъ соскучились.

Видно было сейчасъ, что Козельцова любили въ ротѣ. Въ глубинѣ блиндажа послышались голоса: старый ротный прїѣхалъ, что раненый былъ, Козельцовъ, Михайлъ Семенычъ, и т. п.; нѣкоторые даже пододвинулись къ нему, барабанщикъ поздравился.

— Здравствуй, Обанчукъ! сказалъ Козельцовъ: — цѣль? — Здорово, ребята! сказалъ онъ потомъ, возвышая голосъ.

— Здравія желаю! загудѣло въ блиндажѣ.

— Какъ поживаете, ребята?

— Плохо, ваше благородіе: одолѣваетъ французъ — такъ дурно бѣтъ изъ-за шанцевъ, да и шабанъ! а въ поле не выходитъ.

— Авось, на мое счастье, Богъ дастъ, и выйдутъ въ поле, ребята! сказалъ Козельцовъ. — Ужъ мнѣ съ вами не въ первый разъ: опять поколотимъ.

— Радъ стараться, ваше благородіе! сказала нѣсколько голосовъ.

— Что же, они, точно, смѣлые?

— Ужасно какіе смѣлые! сказалъ барабанщикъ, не громко, но такъ, что слышно было, обращаясь къ другому солдату, какъ будто оправдываясь передъ нимъ въ словахъ ротнаго командира и убѣждая его, что въ этихъ словахъ ничего не было хвастливаго и неправдоподобнаго.

Отъ солдатиковъ Козельцовъ перешелъ въ обшительную казарму, къ товарищамъ-офицерамъ.

XVI.

Въ большой комнатѣ казармы было пропасть народа: морскіе, артиллерійскіе и нѣхотные офицеры. Одни спали, другіе разговаривали, сидя на какомъ-то ящикѣ и лафетѣ крѣпостной пушки; третьи составляли самую большую и шумную группу за сводомъ, сидѣли на полу, на двухъ разостланныхъ буркахъ, пили портеръ и играли въ карты.

— А! Козельцовъ, Козельцовъ! хорошо, что прїѣхалъ! молодецъ!.. Что рана? послышалось съ разныхъ сторонъ. — И здѣсь видно было, что его любили и рады его прїѣзду.

Пожавъ руки знакомымъ, Козельцовъ присоединился къ шумной группѣ, составившейся изъ нѣсколькихъ офицеровъ, игравшихъ въ карты. Между ними были тоже его знакомые. Красивый, худощавый брюнетъ, съ длиннымъ, сухимъ носомъ и большими усами, продолжавшимися отъ щекъ, металъ банкъ бѣлыми, сухими пальцами, на одномъ изъ которыхъ былъ большой золотой перстень съ гербомъ. Онъ металъ прямо и неаккуратно, видимо чѣмъ-то взволнованный, — только желая казаться небрежнымъ. Подлѣ него, по правую руку, лежалъ,

облокотясь, сѣдой майоръ и съ афектаціей хладнокровія понтировалъ по полтиннику и тотчасъ же расплачивался. По лѣвую руку, на короточкахъ, сидѣлъ красный, съ потнымъ лицомъ офицерикъ, принужденно улыбался и шутилъ. Когда били его карты, онъ шевелилъ безпрестанно одной рукой въ пустомъ карманѣ шароваръ. Онъ игралъ большою маркой, но очевидно уже не на чистыя, что именно и коробило красиваго брюнета. По комнатѣ, держа въ рукахъ большую кину ассигнацій, ходилъ плѣшивый, съ огромнымъ носомъ, ртомъ, худой и блѣдный офицеръ и все ставилъ ва-банкъ, наличныя деньги и выигрывалъ.

Козельцовъ выпилъ водки и подсѣлъ къ играющимъ.

— Понтирните-ка, Михайлъ Семенычъ! сказалъ ему банкометъ: — денегъ пропасть, я чай, привезли.

— Откуда у меня деньгамъ быть! напротивъ, послѣднія въ городѣ спустилъ.

— Какже! вздѣли ужъ вѣрно кого нибудь въ Симферополѣ.

— Право, мало, сказалъ Козельцовъ, но, видимо не желая, чтобы ему вѣрили, растегнулъ и взялъ въ руки старыя карты.

— Попытаться нечто: чѣмъ чортъ не шутить! и комаръ бываетъ, что, знаете, какія штуки дѣлаетъ. Выпить только надо для храбрости.

И въ непродолжительномъ времени онъ выпилъ еще рюмочку водки и нѣсколько портера и проигрывалъ послѣдніе три рубля.

На маленькомъ, вспотѣвшемъ офицерѣ было написано полтора рубля.

— Нѣтъ, не везетъ, сказалъ онъ, небрежно приготавливая новую карту.

— Потрудитесь прислать, сказалъ ему банкометъ, на минуту останавливаясь метать и взглядывая на него.

— Позвольте завтра прислать, отвѣчалъ потный офицеръ, вставая и усиленно перебирая рукой въ пустомъ карманѣ.

— Гг! промывалъ банкометъ и, злостно бросая направо, налево, дometалъ талію. — Однако, этакъ нельзя, сказалъ онъ, положивъ карты: — я бастую. Этакъ нельзя, Захаръ Ивановичъ, прибавилъ онъ: — мы играли на чистыя, а не на мѣлокъ.

— Что жъ развѣ вы во мнѣ сомнѣваетесь? Странно, право!

— Съ кого прикажете получить? пробормоталъ майоръ, выигравшій что-то рублей восемь. — Я прислалъ уже больше двадцати рублей, а выигралъ — ничего не получаю.

— Откуда же и я заплачу? сказалъ банкометъ: — когда на столѣ денегъ нѣтъ?

— Я знать не хочу! закричалъ майоръ, поднимаясь: — я играю съ вами, а не съ ними.

Потный офицеръ вдругъ разгорячился.

— Я говорю, что заплачу завтра: какже вы смѣете мнѣ говорить дерзости?

— Я говорю, что хочу! такъ не дѣлаютъ — вотъ что! кричалъ майоръ.

— Полноте, Ѳеодоръ Ѳеодорычъ! заговорили всѣ, удерживая майора.

Но опустимъ скорѣе завѣсу надъ этой сценой. Завтра, нынче же, можетъ быть, каждый изъ этихъ людей весело и гордо пойдетъ навстрѣчу смерти и умереть твердо и спокойно; но одна отрада жизни въ тѣхъ ужасающихъ самое холодное воображеніе условіяхъ отсутствія всего человѣческаго и безнадежности выхода изъ нихъ, одна отрада есть забвеніе, уничтоженіе сознанія. На днѣ души каждаго лежитъ та благородная искра, которая сдѣлаетъ изъ него героя; но искра эта устаетъ горѣть ярко— придетъ роковая минута, она вспыхнетъ пламенемъ и освѣтитъ великія дѣла.

XVII.

На другой день бомбардированіе продолжалось съ тою же силою. Часовъ въ одиннадцать утра, Володя Козельцовъ сидѣлъ въ кружкѣ батарейныхъ офицеровъ и, уже успѣвъ немного привыкнуть къ нимъ, всматривался въ новыя лица, наблюдалъ, спрашивалъ и рассказывалъ. Скромная, нѣсколько притязательная на ученость, бесѣда артиллерійскихъ офицеровъ внушала ему уваженіе и нравилась. Стыдливая же, невинная и красивая наружность Володи располагала къ нему офицеровъ. Старшій офицеръ въ батареѣ, капитанъ, невысокій, рыжеватый мужчина, съ хохолкомъ и гладенькими височками, воспитанный по старымъ преданіямъ артиллеріи, дамскій кавалеръ и будто бы ученый, спрашивалъ Володю о знаніяхъ его въ артиллеріи, новыхъ изобрѣтеніяхъ, ласково подтрунивая надъ его молодостью и хорошенькимъ личикомъ и вообще обращаясь съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ, что очень пріятно было Володѣ. Подпоручикъ Диденко, молодой офицеръ, говорившій хохлацкимъ выговоромъ, въ оборванной шинели и со взъерошенными волосами, хотя и говорилъ весьма громко и безпрестанно ловилъ случаи о чемъ нибудь жолчно поспорить и имѣлъ рѣзкія движенія, все-таки нравился Володѣ, который подъ этой грубой внѣшностью не могъ не видѣть въ немъ очень хорошаго и чрезвычайно добраго человѣка. Диденко предлагалъ безпрестанно Володѣ свои услуги и доказывалъ ему, что всѣ орудія въ Севастополѣ поставлены не по правиламъ. Поручикъ Черновицкій, съ высоко поднятыми бровями, хотя и былъ учтивѣ всѣхъ и одѣтъ въ сюртукъ, довольно чистый, хотя и не новый, то тщательно заплатаанный, и выказывалъ золотую цѣпочку на атласномъ жилетѣ, не нравился Володѣ. Онъ все спрашивалъ, что дѣлаютъ Государь и военный министръ, и рассказывалъ ему съ ненатуральнымъ востергомъ подвиги храбрости, свершенные въ Севастополѣ, жалѣлъ о томъ, какъ мало истинныхъ патріотовъ, вообще выказывалъ много знанія, ума и благородныхъ чувствъ; но почему-то все это казалось Володѣ непріятнымъ и неесте-

ственнымъ. Главное онъ замѣчалъ, что прочіе офицеры почти не говорили съ Черновицкимъ. Юнкеръ Влангъ, котораго онъ разбудилъ вчера, тоже былъ тутъ. Онъ ничего не говорилъ, но, скромно сидя въ уголку, смѣялся, когда было что нибудь смѣшное, вспоминая, когда забывали что нибудь, подавалъ водку и дѣлалъ папироски для всѣхъ офицеровъ. Скромныя ли, учтивыя манеры Володи, который обращался съ нимъ такъ же, какъ и съ офицеромъ, и не помыкалъ имъ, какъ мальчишкой, или пріятная наружность плѣнили Влангу, какъ называли его солдаты, склоняя почему-то въ женскомъ родѣ его фамилію, только онъ не спускалъ своихъ добрыхъ, большихъ глазъ съ лица новаго офицера, предугадывалъ и предупреждалъ всѣ его желанія и все время находился въ какомъ-то любовномъ экстазѣ, который, разумѣется, замѣтили и подняли на смѣхъ офицеры.

Передъ обѣдомъ смѣнился штабсъ-капитанъ съ бастиона и присоединился къ ихъ обществу. Штабсъ-капитанъ Краутъ былъ блокурый, красивый, бойкій офицеръ, съ большими рыжими усами и бакенбартами; онъ говорилъ по-русски отлично, но слишкомъ правильно и красиво для русскаго. Въ службѣ и въ жизни онъ былъ такъ же, какъ въ языкѣ: онъ служилъ прекрасно, былъ отличный товарищъ, самый вѣрный человѣкъ по денежнымъ отношеніямъ; но просто, какъ человѣкъ, именно оттого, что все было какъ-то хорошо, чего-то не доставало. Какъ всѣ русскіе нѣмцы, по странной противоположности съ идеальными нѣмецкими нѣмцами, онъ былъ «praktisch» въ высшей степени.

— Вотъ онъ, нашъ герой является! сказалъ капитанъ, въ то время, какъ Краутъ, размахивая руками и побрякивая шпорами, входилъ въ комнату.—Чего хотите, Фридрихъ Крестьянычъ—чаю или водки?

— Я ужъ приказалъ себѣ чайку поставить, отвѣчалъ онъ:—а водочки покамѣстъ хватить можно, для услажденія души. Очень пріятно познакомиться; прошу насъ любить и жаловать, сказалъ онъ Володѣ, который, вставъ, поклонился ему:—штабсъ-капитанъ Краутъ... Миѣ на бастионѣ фейерверкеръ сказывалъ, что вы прибыли еще вчера.

— Очень вамъ благодаренъ за вашу постель: я ночевалъ на ней.

— Покойно ли вамъ только было? тамъ одна ножка сломана; да все некому починить—въ осадномъ-то положеніи—ее поддѣлывать надо.

— Ну, что, счастливо отдежурили? спросилъ Диденко.

— Да, ничего; только Скворцову досталось да лафетъ одинъ вчера починили. Въ дребезги разбили станену.

Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить: видно было, что онъ весь находился подъ вліяніемъ пріятнаго чувства человѣка, только что вышедшаго изъ опасности.

— Что, Дмитрій Гаврилычъ, сказалъ онъ, потрясая капитана за колѣнки:—какъ поживаете,

батюшка? что ваше представление — молчать еще?

— Ничего еще нет.

— Да и не будет ничего, заговорил Дяденко: — я вам доказывал это прежде.

— Отчего же не будет?

— Оттого, что не так написали реляцию.

— Ах вы, спорщик, спорщик! сказал Краутъ, весело улыбаясь: — настоящий хохоль неуступчивый! Ну, вот вам на зло же, выйдет вам поручика.

— Нетъ, не выйдет.

— Влангъ! принесите-ка мне мою трубочку да набейте, сказал онъ, обротясь къ юнкеру, который тотчас же охотно побѣжалъ за трубкой.

Краутъ всѣхъ оживилъ: рассказывалъ про бомбардированіе, спрашивалъ, что безъ него дѣлалось, заговаривалъ со всѣми.

XVIII.

— Ну, какъ? вы ужь устроились у насъ спросил Краутъ у Володи... Извините, какъ ваше имя и отчество? у насъ, вы знаете, ужь такой обычай въ артиллеріи. Лошадку верховую приобрѣли?

— Нетъ, сказал Володя: — я не знаю, какъ быть. Я капитану говорилъ; у меня лошади нѣтъ, да и денегъ тоже нѣтъ, покуда я не получу фуражныхъ и подъемныхъ. Я хочу просить покамѣстъ лошади у батареиннаго командира, да боюсь, какъ бы онъ не отказалъ мнѣ.

— Аполлонъ Сергѣичъ-то? — онъ произвелъ губами звукъ, выражающій сильное сомнѣніе, и посмотрѣлъ на капитана: — врядъ!

— Что жь? откажетъ, не бѣда, сказалъ капитанъ: — тутъ-то лошади, по правдѣ, и не нужно, а все попытать можно; я спрошу нынче.

Какъ! вы его не знаете, вмѣшался Дяденко: — другое что откажетъ, а имъ не за что... хотите пари?..

— Ну, да вѣдь ужь извѣстно, вы всегда противорѣчите.

— Оттого противорѣчу, что я знаю: онъ на другое скупъ, а лошадь дать, потому что ему нѣтъ разсчета отказать.

— Какъ нѣтъ разсчета, когда ему здѣсь по восьми рублей овесъ обходится! сказалъ Краутъ: — разсчитать, то есть, не держать лишней лошади?

— Вы просите себѣ Скворца, Владиміръ Семеновичъ! сказалъ Влангъ, вернувшійся съ трубкой Краута: — отличная лошадка.

— Съ которой вы въ Сорокахъ въ канаву упали? А? Вланга? замѣтилъ штабсъ-капитанъ.

— Нетъ, да что жь вы говорите, по восьми рублей овесъ, продолжалъ спорить Дяденко: — когда у него справка по десяти съ полтиной; разумѣется, не разсчитать.

— А еще бы у него ничего не оставалось! Побось вы будете батареиннымъ командиромъ, такъ въ городъ не дадите лошади съѣздить?

— Когда я буду батареиннымъ командиромъ, у меня будутъ, батюшка, лошади по четыре гарника кушать, доходовъ не буду собирать, не бойтесь.

— Поживемъ, посмотримъ, сказалъ штабсъ-капитанъ: — и вы будете также поступать, и они, какъ будутъ батареей командовать, тоже, прибавилъ онъ, указывая на Володю.

— Отчего же вы думаете, Фридрихъ Крестьянычъ, что и они захотятъ воспользоваться? вмѣшался Черновицкій: — можетъ у нихъ состояніе есть: такъ зачѣмъ же они станутъ пользоваться?

— Нетъ-съ, ужь я... извините меня, капитанъ, сказалъ Володя, покраснѣвъ до ушей: — ужь я это считаю неблагогородно.

— Эге-ге! какой онъ бѣдовый! сказалъ Краутъ.

— Да это все равно: я только думаю, что если не мои деньги, то я не могу ихъ брать.

— А я вамъ вотъ что скажу, молодой человекъ, началъ болѣе серьезнымъ тономъ штабсъ-капитанъ: — вы знаете ли, что когда вы командуете батареей, то вы, если хорошо поведете дѣла, ну и ладно; въ солдатское продовольствіе батареинный командиръ не вмѣшивается: ужь это такъ исконно ведется въ артиллеріи. Если вы дурной хозяинъ, у васъ ничего не останется. Теперь, вы должны издерживать, противъ положенія, на ковку разъ (онъ загнулъ одинъ палецъ), на аптеку два (онъ загнулъ другой палецъ), на канцелярію три, на подручныхъ лошадей по пятисотъ цѣлковыхъ платять, батюшка — это четыре — вы должны воротники перемѣнить солдатамъ на уголь у васъ много выходитъ, столъ вы держите для офицеровъ. Если батареинный командиръ, вы должны жить прилично: вамъ и коляску нужно, и шубу, и другое, и третье, и десятое... да что и говорить!..

— А главное, подхватилъ капитанъ, молчавшій все время: — вотъ что, Владиміръ Семеновичъ: вы представьте себѣ, что человекъ, какъ я, напри- мѣръ, служить двадцать лѣтъ сперва на двухъ, а потомъ на трехстахъ рубляхъ жалованья: какъ не дать ему, хоть за его службу, кусокъ хлѣба подъ старость?

— Э! да что тутъ! снова заговорилъ штабсъ-капитанъ: — вы не торопитесь судить, а поживите-ка да послужите.

Володѣ ужасно стало совѣстно и стыдно за то, что онъ такъ необдуманно сказалъ, и онъ пробормоталъ что-то и молча продолжалъ слушать: какъ Дяденко съ величайшимъ азартомъ привился спорить и доказывалъ противное.

Споръ былъ прерванъ приходомъ деньщика полковника, который звалъ кушать.

— А вы нынче скажите Аполлону Сергѣичу, чтобы онъ вина поставилъ, сказалъ Черновицкій, застѣгиваясь, капитану. — И что онъ скупится, убьютъ, такъ никому не достанется!

— Да вы сами скажите.

— Нетъ ужь. Вы старшій офицеръ: надо порядокъ во всемъ.

XIX.

Столъ былъ отодвинутъ отъ стѣны и грязной скатертью накрытъ въ той самой комнатѣ, въ которой вчера Володя являлся полковнику. Батарейный командиръ нынче подаль ему руку и спрашивалъ про Петербургъ и про дорогу.

— Ну-съ, господа, кто водку пьеть, милости просимъ. Прапорщики не пьютъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Вообще батарейный командиръ казался нынче вовсе не такимъ суровымъ, какъ вчера; напротивъ, онъ имѣлъ видъ добраго, гостепріимнаго хозяина и старшаго товарища между офицерами. Но, несмотря на то, всѣ офицеры, отъ стараго капитана до прапорщика Дяденки, по одному тому, какъ они говорили, учтиво глядя въ глаза командиру, и какъ робко подходили другъ за другомъ пить водку, показывали къ нему большое уваженіе.

Обѣдъ состоялъ изъ большой миски щей, въ которой плавали жирные куски говядины и огромное количество перцу и лавроваго листа, польскихъ эрзовъ съ горчицей и колдуновъ съ несомѣннымъ свѣжимъ масломъ. Салфетокъ не было, ложки были жестяныя и деревянныя, стакановъ было два, и на столѣ стоялъ только графинъ воды съ отбитымъ горлышкомъ; но обѣдъ былъ не скученъ: разговоръ не умолкалъ. Сначала рѣчь шла объ инкерманскомъ сраженіи, въ которомъ участвовала батарея и изъ котораго каждый рассказывалъ свои впечатлѣнія и соображенія о причинахъ неудачи и умолкалъ, когда начиналъ говорить самъ батарейный командиръ; потомъ разговоръ естественно перешелъ къ недостаточности калибра легкихъ орудій, къ новымъ, облегченнымъ пушкамъ, причемъ Володя успѣлъ показать свои знанія въ артиллеріи. Но на настоящемъ ужасномъ положеніи Севастополя разговоръ не останавливался, какъ будто каждый слишкомъ много думалъ объ этомъ предметѣ, чтобы еще говорить о немъ. Тоже объ обязанностяхъ службы, которыя долженъ былъ нести Володя, къ его удивленію и огорченію, совсѣмъ не было рѣчи, какъ будто онъ пріѣхалъ въ Севастополь только за тѣмъ, чтобы рассказывать объ облегченныхъ орудіяхъ и обѣдать у батарейнаго командира. Во время обѣда, недалеко отъ дома, въ которомъ они сидѣли, упала бомба. Полъ и стѣны задрожали, какъ отъ землетрясенія, и окна застлало пороховымъ дымомъ.

— Вы этого, я думаю, въ Петербургѣ не видали; а здѣсь часто бываютъ такіе сюрризы, сказалъ батарейный командиръ.

— Посмотрите, Влангъ, гдѣ это лопнула.

Влангъ посмотрѣлъ и донесъ, что на площади, и о бомбѣ больше рѣчи не было.

Передъ самымъ концомъ обѣда старичекъ батарейный писарь вошелъ въ комнату съ тремя запечатанными конвертами и подаль ихъ батарейному командиру. «Вотъ этотъ весьма нужный, сейчасъ казакъ привезъ отъ начальника артиллеріи.»

Всѣ офицеры съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ смотрѣли на опытные въ этомъ дѣлѣ пальцы батарейнаго командира, сламывавшіе печать конверта и достававшіе *весьма нужную* бумагу. «Что это могло быть?» дѣлалъ себѣ вопросъ каждый. Могло быть совсѣмъ выступленіе на отдыхъ изъ Севастополя, могло быть назначеніе всей батареи на бастіоны.

— Опять! сказалъ батарейный командиръ, сердито швырнувъ на столъ бумагу.

— О чемъ, Аполлонъ Сергѣичъ? спросилъ старшій офицеръ.

— Требуютъ офицера съ прислугой на какую-то тамъ мортирную батарею. У меня и такъ всего четыре человѣка офицеровъ и прислуги полной въ строй не выходитъ, ворчалъ батарейный командиръ:—а тутъ требуютъ еще.—Однако, надо кому нибудь идти, господа, сказалъ онъ, помолчавъ немного: — приказано въ семь часовъ быть на рогаткѣ... послать фельдфебеля! Кому же идти, господа? рѣшайте, повторилъ онъ.

— Да вотъ они еще нигдѣ не были, сказалъ Черновицкій, указывая на Володю.

Батарейный командиръ ничего не отвѣтилъ.

— Да, я желалъ бы, сказалъ Володя, чувствуя, какъ холодный потъ выступалъ у него на спинѣ и шеѣ.

— Нѣтъ, зачѣмъ! перебилъ капитанъ. — Разумѣется, никто не откажется, но и напрашиваться неслѣдъ; а коли Аполлонъ Сергѣичъ предоставляет это намъ, то кинуть жребій, какъ и тотъ разъ дѣлали.

Всѣ согласились. Краутъ нарѣзалъ бумажекъ, скаталъ ихъ и насыпалъ въ фуражку. Капитанъ шутилъ и даже рѣшился при этомъ случаѣ просить вина у полковника, для храбрости, какъ онъ сказалъ. Дяденко сидѣлъ мрачный, Володя улыбался чему-то. Черновицкій увѣрялъ, что непременно ему достанется, Краутъ былъ совершенно спокоенъ.

Володѣ первому дали выбирать. Онъ взялъ одну бумажку, которая была подлиннѣе, но тутъ же ему пришло въ голову перемѣнить,—взялъ другую, поменьше и тоньше, и, развернувъ, прочелъ на ней: «идти.»

— Миѣ, сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Ну, и съ Богомъ. Вотъ вы и обстрѣляетесь сразу, сказалъ батарейный, съ доброй улыбкой глядя на смущенное лицо прапорщика: — только поскорѣй собирайтесь. А чтобы вамъ веселѣе было, Влангъ пойдетъ съ вами за орудійнаго фейерверкера.

XX.

Влангъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ назначеніемъ и живо побѣждалъ собираться и, одѣтый, пришелъ помогать Володѣ и все уговаривалъ его взять съ собой и койку, и шубу, и старыя «Отечественныя Записки», и кофейникъ спирто-

вой, и другія ненужныя вещи. Капитанъ посовѣтовалъ Володѣ прочесть сначала по «Руководству» (*) о стрѣльбѣ изъ мортиръ и выписать тотчасъ же оттуда таблицы. Володя тотчасъ же принялся за дѣло, и къ удивленію и радости своей, замѣтилъ, что хотя чувства страха опасности и еще болѣе того, что онъ будетъ трусомъ, беспокоили еще его немного, но далеко не въ той степени, въ какой это было наканунѣ. Отчасти причиной тому было вліяніе дня и дѣятельности, отчасти и, главное, то, что страхъ, какъ и каждое сильное чувство, не можетъ въ одной степени продолжаться долго. Однимъ словомъ, онъ уже успѣлъ переболѣть. Часовъ въ семь, только что солнце начинало прятаться за Николаевской казармой, фельдфебель вошелъ къ нему и объявилъ, что люди готовы и ждутъ.

— Я *Влангъ* списокъ отдалъ. Вы у него извольте спросить, ваше благородіе! сказалъ онъ.

Человѣкъ двадцать артиллерійскихъ солдатъ, въ тесакахъ безъ принадлежности, стояли за угломъ дома. Володя вмѣстѣ съ юнкеромъ подошли къ нимъ. «Сказать ли имъ маленькую рѣчь, или просто сказать: здорово, ребята! или ничего не сказать?» подумалъ онъ. — «Да и отчего жъ не сказать: здорово, ребята! это должно даже.» И онъ смѣло крикнулъ своимъ звучнымъ голосомъ: «здорово, ребята!» Солдаты весело отозвались: «молодой, свѣжій голосъ пріятно прозвучалъ въ ушахъ каждого. Володя бодро шелъ впередъ солдатъ, и хотя сердце у него стучало такъ, какъ будто онъ пробѣжалъ во весь духъ нѣсколько верстъ, походка у него была легкая и лицо веселое. Подходя уже къ самому Малахову кургану, поднимаясь на гору, онъ замѣтилъ, что *Влангъ*, ни на шагъ не отстававшій отъ него и дома казавшійся такимъ храбрымъ, безпрестанно сторонился и нагибалъ голову, какъ будто всѣ бомбы и ядра, уже очень часто свистѣвшія тутъ, летали прямо на него. Нѣкоторые изъ солдатиковъ дѣлали тоже, и вообще на большей части ихъ лицъ выражалось если не боязнь, то беспокойство. Эти обстоятельства окончательно успокоили и ободрили Володю.

«Такъ вотъ и я на Малаховомъ курганѣ, который я воображалъ въ тысячу разъ страшнѣе! И я могу идти не кланаясь ядрамъ и трушу даже гораздо меньше другихъ! Такъ я не трусъ?» подумалъ онъ съ наслажденіемъ и даже нѣкоторымъ восторгомъ самодовольства.

Однако это чувство было скоро поколеблено зрѣлищемъ, на которое онъ наткнулся въ сумеркахъ на Корниловской батарее, отыскивая начальника батальона. Четыре человѣка матросовъ, около бруствера, за ноги и за руки держали окровавленный трупъ какого-то человѣка безъ сапоговъ и шинели и раскачивали, желая перекинуть черезъ бруст-

веръ. (На второй день бомбардированія не вездѣ успѣвали убирать тѣла на бастіонахъ и выкидывали ихъ въ ровъ, чтобы они не мѣшали на батареяхъ.) Володя съ минуту остолебенѣлъ, увидавъ, какъ трупъ ударился на вершину бруствера и потомъ скатился оттуда въ канаву; но, на его счастье, тутъ же начальникъ бастіона встрѣтился ему, отдалъ приказанія и далъ проводника на батарею и въ блиндажъ, назначенный для прислуги. Не будемъ разсказывать, сколько еще опасностей, разочарованій испыталъ нашъ герой въ тотъ вечеръ: какъ вмѣсто такой стрѣльбы, которую онъ видѣлъ на Волковомъ полѣ, при всѣхъ условіяхъ точности и порядка, которыя онъ надѣялся найти здѣсь, онъ нашелъ двѣ разбитыя мортирки, изъ которыхъ одна была смята ядромъ въ дулъ, а другая стояла на щепкахъ разбитой платформы, какъ онъ не могъ до утра добиться рабочихъ, чтобы починить платформу, какъ ни одинъ зарядъ не былъ того вѣса, который означенъ былъ въ «Руководствѣ», какъ ранили двухъ солдатъ его команды и какъ двадцать разъ онъ былъ на волоскѣ отъ смерти. По счастью, въ помощь ему назначенъ былъ огромный роста комендоръ, морякъ, сначала осады бывшій при мортирахъ и убѣдившій его въ возможности дѣйствовать изъ нихъ, съ фонаремъ водившій его почью по всему бастіону, точно какъ по своему огороду, и общавшій къ завтраму все устроить. Блиндажъ, къ которому провелъ его проводникъ, была вырытая въ каменномъ грунтѣ, въ двѣ кубическія сажени, продолговатая яма, накрытая аршинными дубовыми бревнами. Въ ней-то онъ помѣстился со всѣми своими солдатами. *Влангъ* первый, какъ только увидалъ въ аршинѣ низенькую дверь блиндажа, опрометью, прежде всѣхъ, вошелъ въ нее и, чуть не разбившись о каменный полъ, забился въ уголъ, изъ котораго уже не выходилъ больше. Володя же, когда всѣ солдаты помѣстились вдоль стѣнъ, на полу, и нѣкоторые закурили трубочки, разбилъ свою кровать въ углу, зажегъ свѣчку и, закуривъ папироску, легъ на койку. Надъ блиндажемъ слышались безпрестанные выстрѣлы, но не слишкомъ громко, исключая одной пушки, стоявшей рядомъ и потрясавшей блиндажъ своимъ громомъ. Въ самомъ блиндажѣ было тихо; только солдаты, еще дичась новаго офицера, изрѣдка переговаривались, прося одинъ другаго посторониться или огоньку трубочку закурить. Крыса скреблась гдѣ-то между камнями или *Влангъ*, не пришедшій еще въ себя и еще дико смотрѣвшій кругомъ, вздыхалъ вдругъ громкимъ вздохомъ. Володя на своей кровати, въ набитомъ народомъ, тихомъ уголкѣ и освѣщенномъ одной свѣчкой, испытывалъ то чувство уюта, которое было у него, когда ребенкомъ, играя въ прятки, бывало, онъ залѣзалъ въ шкапъ или подъ юбку матери и, не переводя дыханія, слушалъ, боялся мрака и вмѣстѣ наслаждался чѣмъ-то. Ему было и жутко немножко, и весело.

(*) «Руководство для артиллерійскихъ офицеровъ», изданное Безакомъ.

XXI.

Минуть через десять солдатикъ поосмѣдились и поразговорились. Поближе къ огню и кровати офицера расположились люди позначительнѣе — два фейерверкера: — одинъ съдой, старый, со всѣми медалями и крестами, исключая георгиевскаго; другой — молодой изъ кантонистовъ, курившій верченныя папироски. Барабанщикъ, какъ и всегда, взялъ на себя обязанность прислуживать офицеру. Бомбардиръ и кавалеры сидѣли поближе; а ужъ тамъ, въ тѣни около входа, помѣстились покорные. Между ними-то и начался разговоръ. Поводомъ къ нему былъ шумъ быстро вваливагося въ блиндажъ человѣка.

— Что братъ на улицѣ не посидѣлъ? али не весело дѣвки играютъ? сказалъ одинъ голосъ.

— Такія пѣсни играютъ чудныя, что въ деревнѣ никогда не слыхивали, сказалъ, смѣясь, тотъ, который воѣжалъ въ блиндажъ.

— А не любитъ Васинъ бомбовъ, ахъ, не любить! сказалъ одинъ изъ аристократическаго угла.

— Что жъ! когда нужно, совсѣмъ другая статья! сказалъ медленно голосъ Васи́на, который когда говорилъ, то всѣ другіе замолкали. — 24-го числа такъ палили по крайности; а то что жъ дурно-то? даромъ убьютъ, и начальство за это нашему брату спасибо не говорить.

При этихъ словахъ Васи́на всѣ засмѣялись.

— Вотъ Мельниковъ, тотъ, небось, все на дворѣ сидитъ, сказалъ кто-то.

— А пошлите его сюда, Мельникова-то, прибавилъ старый фейерверкеръ: — и, въ самомъ дѣлѣ, убьютъ, такъ понапрасну.

— Что это за Мельниковъ? спросилъ Володя.

— А такой у насъ, ваше благородіе, глупый солдатикъ есть. Онъ ничего какъ есть не боится и теперь все на дворѣ ходитъ. Вы его извольте посмотрѣть: онъ и изъ себя-то на медвѣдя похожъ.

— Онъ заговоръ знаетъ, сказалъ медлительный голосъ Васи́на изъ другаго угла.

Мельниковъ вошелъ въ блиндажъ. Это былъ толстый (что чрезвычайная рѣдкость между солдатами), рыжій, красный мужчина, съ огромнымъ выпуклымъ лбомъ и выпуклыми, ясно-голубыми глазами.

— Что ты боишься бомбъ? спросилъ его Володя.

— Чего бояться бомбовъ-то! отвѣчалъ Мельниковъ, пожимаясь и почесываясь: — меня изъ бомбы не убьютъ, я знаю.

— Такъ ты бы захотѣлъ тутъ жить?

— А, извѣстно, захотѣлъ бы. Тутъ весело! сказалъ онъ, вдругъ расхохотавшись.

— О, такъ тебя надо на вылазку взять! хочешь, я скажу генералу? сказалъ Володя, хотя онъ не зналъ здѣсь ни одного генерала.

— А какъ не хотѣтъ! хочу!

И Мельниковъ спрятался за другихъ.

— Давайте въ носки, ребята! У кого карты есть? послышался его торопливый голосъ.

Дѣйствительно, скоро въ заднемъ углу завязалась игра. — слышались удары по носу, смѣхъ и возмущеніе. Володя нацѣлся чаю изъ самовара, который наставилъ ему барабанщикъ, угощалъ фейерверкеромъ, шутилъ, разговаривалъ съ ними, желая заслужить популярности и, очень довольный тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали. Солдатикъ тоже, замѣтивъ, что баринъ простой, поразговорились. Одинъ рассказывалъ, какъ скоро кончится осадное положеніе Севастополя, потому что ему вѣрный флотскій человѣкъ рассказывалъ, какъ Константинъ, Царевъ братъ, съ мериканскимъ флотомъ, идетъ къ намъ на выручку и еще какъ скоро договоръ будетъ, чтобы не палить двѣ недѣли и отдыхъ дать, а коли кто выпалитъ, то за каждый выстрѣлъ семьдесятъ-пять копѣекъ платить будутъ.

Васинъ, который, какъ успѣлъ рассмотреть Володя, былъ маленькій, съ большими добрыми глазами, бакенбардистъ, рассказывалъ, при общемъ сначала молчаніи, а потомъ хохотѣ, какъ, пріѣхавъ въ отпускъ, сначала ему были рады, а потомъ отецъ сталъ его посылать на работу, а за женой лѣсничій поручикъ дрожжи присылалъ. Все это чрезвычайно забавляло Володю. Онъ не только не чувствовалъ ни малѣйшаго страха или неудовольствія отъ тѣсноты и тяжелаго запаха въ блиндажѣ, но ему чрезвычайно весело и пріятно было.

Уже многіе солдаты храпѣли. Влангъ тоже растянулся на полу, и старый фейерверкеръ, разостлавъ шинель, крестясь, бормоталъ молитвы передъ сномъ, когда Володѣ захотѣлось выйти изъ блиндажа — посмотреть, что на дворѣ дѣлается.

— Подбирай ноги! закричали другъ другу солдаты, только что онъ всталъ, и, ноги поджимаясь, дали ему дорогу.

Влангъ, казавшійся спящимъ, вдругъ поднялъ голову и схватилъ за полу шинели Володю.

— Ну, полноте, не ходите, какъ можно! заговорилъ онъ слезливо-убѣдительнымъ тономъ: — вы еще не знаете: тамъ безпрестанно падаютъ ядра; лучше здѣсь.

Но, не смотря на просьбы Вланга, Володя выбрался изъ блиндажа и сѣлъ на порогъ, на которомъ уже сидѣлъ Мельниковъ.

Воздухъ былъ чистый и свѣжій, — особенно послѣ блиндажа, — ночь была ясная и тихая. За гуломъ выстрѣловъ слышались звукъ колесъ телѣгъ, привозившихъ туры, и говоръ людей, работающихъ на пороховомъ погребѣ. Надъ головами стояло высокое звѣздное небо, по которому пробѣгали огненные полосы бомбъ; налѣво въ аршинъ маленькое отверстіе вело въ другой блиндажъ, изъ котораго виднѣлись ноги и спины матросовъ, жившихъ тамъ, и слышались голоса ихъ; впереди виднѣлось возвышеніе пороховаго погреба, мимо котораго мелькали фигуры согнувшихся людей и на которомъ, на самомъ верху, подъ пулями и бомбами, которыя безпрестанно свистѣли въ этомъ мѣстѣ, стояла какая-то высокая фигура въ черномъ пальто,

съ руками въ карманахъ, и ногами притаптывала землю, которую мѣшками носили туда другіе люди. Часто бомба пролетала и рвалась весьма близко отъ погреба. Солдаты, носившіе землю, пригибались, сторонились; черная же фигура не двигалась, спокойно утаптывая землю ногами, и все въ томъ же положеніи оставалась на мѣстѣ.

— Кто этотъ черный? спросилъ Володя у Мельникова.

— Не могу знать; пойду — посмотрю.

— Не ходи: не нужно.

Но Мельниковъ, не слушая, всталъ, подошелъ къ черному человѣку и весьма долго также равнодушно и недвижно стоялъ около него.

— Это погребной, ваше благородіе! сказалъ онъ, возвратясь:—погребокъ пробило бомбой, такъ пѣхотные землю носятъ.

Изрѣдка бомбы летѣли прямо, казалось, въ дверь блиндажа. Тогда Володя прижимался за уголъ и снова высовывался, глядя наверхъ, не летитъ ли еще сюда. Хотя Влангъ нѣсколько разъ изъ блиндажа умолялъ Володю вернуться, онъ часа три просидѣлъ на порогѣ, находя какое-то удовольствіе въ испытываніи судьбы и наблюденіи за полетомъ бомбъ. Подъ конецъ вечера ужъ онъ зналъ, откуда столько стрѣляетъ орудій и куда ложатся ихъ снаряды.

XXIII.

На другой день, 27-го числа, послѣ десятичасоваго сна, Володя, свѣжій, бодрый, рано утромъ вышелъ на порогъ блиндажа. Влангъ тоже было вылѣзъ вмѣстѣ съ нимъ, но, при первомъ звукѣ пули, стремглавъ, пробивая себѣ головой дорогу, бросился назадъ въ отверстіе блиндажа, при общемъ хохотѣ тоже бѣльшей частью повыведшихъ на воздухъ солдатиковъ. Только Влангъ, старикъ фейерверкеръ и нѣсколько другихъ выходили рѣдко въ траншею; остальныхъ нельзя было удержать: всѣ они повысыпали на свѣжій утренній воздухъ изъ смраднаго блиндажа и, несмотря на столь же сильное, какъ и наканунѣ, бомбардированіе, расположились около порога, кто подъ брустверомъ. Мельниковъ уже съ самой зорьки прогуливался по батареямъ, равнодушно поглядывая вверхъ.

Около порога сидѣли два старыхъ и одинъ молодой, курчавый солдатъ, изъ жидовъ, прикомандированный изъ пѣхоты. Солдатъ этотъ, поднявъ одну изъ валявшихся пуль и черепкомъ расплюснувъ ее о камень, ножомъ вырѣзалъ изъ нея крестъ на манеръ георгіевскаго; другіе, разговаривая, смотрѣли на его работу. Крестъ, дѣйствительно, выходилъ очень красивъ.

— А чтó, какъ еще постоямъ здѣсь скольконибудь, говорилъ одинъ изъ нихъ: — такъ по замиреніи всѣмъ въ отставку срокъ выйдетъ.

— Какже мнѣ и то всего четыре года до отставки оставалось, а теперь пять мѣсяцевъ предстоитъ въ Севастополѣ.

— Къ отставкѣ не считается, слышь, сказалъ другой.

Въ это время ядро просвистѣло надъ головами говорившихъ и въ аршинъ ударило отъ Мельникова, подходившаго къ нимъ по траншеѣ.

— Чуть не убило Мельникова, сказалъ одинъ.

— Не убьетъ, отвѣчалъ Мельниковъ.

— Вотъ на же тебѣ крестъ за храбрость, сказалъ молодой солдатъ, дѣлавшій крестъ и отдавая его Мельникову.

— Нѣтъ, братъ, тутъ, значитъ, мѣсяцъ за годъ ко всему считается—на то приказъ былъ, продолжался разговоръ.

— Какъ ни суди, безпремѣнно, по замиреніи, сдѣлаютъ смотръ царскій, въ Оршавѣ, и коли не отставка, такъ въ безрочные выпустятъ.

Въ это время, визгливая, зацѣпившаяся пуля пролетѣла надъ самыми головами разговаривающихъ и ударила о камень.

— Смотри, еще до вечера въ чистую выйдешь, сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Всѣ засмѣялись.

И не только до вечера, но черезъ два часа уже двое изъ нихъ получили чистую, а пять были ранены; но остальные шутили точно также.

Дѣйствительно, къ утру двѣ мортирки были приведены въ такое положеніе, что можно было стрѣлять изъ нихъ. Часу въ десятомъ, по полученному приказанію отъ начальника бастіона, Володя вызвалъ свою команду и съ нею вмѣстѣ пошелъ на батарею.

Въ людяхъ незамѣтно было и капли того чувства боязни, которое выражалось вчѣра, какъ скоро они принялись за дѣло. Только Влангъ не могъ преодолѣть себя: прятался и гнулся все также, и Васинъ потерялъ нѣсколько свое спокойствіе, суетился и присѣдалъ безпрестанно. Володя же былъ въ чрезвычайномъ восторгѣ: ему не приходила и мысль объ опасности. Радость, что онъ исполняетъ свою обязанность, что онъ не только не трусь, но даже храбръ, чувство командованія и присутствіе двадцати человѣкъ, которые, онъ зналъ, съ любопытствомъ смотрѣли на него, сдѣлали изъ него совершеннаго молодца. Онъ даже тщеславился своей храбростью, франтилъ передъ солдатами, вылѣзалъ на банкетъ и нарочно разстегнулъ шинель, чтобы его замѣтнѣе было. Начальникъ бастіона, обходившій въ это время свое хозяйство, какъ онъ выражался, какъ ни привыкъ въ восемь мѣсяцевъ ко всѣмъ родамъ храбрости, не могъ не полюбоваться на этого хорошенькаго мальчика, въ разстегнутой шинели, изъ-подъ которой видна была красная рубашка, обхватывающая бѣлую, нѣжную шею, съ разгорѣвшимся лицомъ и глазами, похлопывающаго руками и звонкимъ голоскомъ командующаго: «Первое, второе!» и весело вѣгающаго на брустверъ, чтобы посмотрѣть, куда падаетъ его бомба. Въ половинѣ двѣнадцатаго стрѣльба съ обѣихъ сторонъ затихла, а ровно въ двѣнадцать часовъ начался штурмъ Малахова кургана, 2, 3 и 5 бастіоновъ.

XXIV.

По ю сторону бухты между Инкерманомъ и Сѣвернымъ укрѣпленіемъ, на холмѣ телеграфа, около полудня, стояли два моряка: одинъ офицеръ, смотрѣвшій въ трубу на Севастополь, и другой вмѣстѣ съ казакомъ, только что подѣхавшій къ большой вежѣ.

Солнце свѣтло и высоко стояло надъ бухтой, игравшей съ своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками веселымъ и теплымъ блескомъ. Легкій ветерокъ едва шевелилъ листья засыхающихъ дубовыхъ кустовъ около телеграфа, надувалъ паруса лодокъ и колыхалъ волны. Севастополь, все тотъ же, съ своей недостроенной церковью, колонной, набережной, зеленѣющимъ на горѣ бульваромъ и изящнымъ строеніемъ библіотеки, съ своими маленькими лазуревыми бухточками, наполненными мачтами, живописными арками водопроводовъ и съ облаками синяго порохового дыма, освѣщаемыхъ иногда багровымъ пламенемъ выстрѣловъ, все тотъ же красивый, праздничный, гордый Севастополь, окруженный съ одной стороны желтыми дымящимися горами, съ другой — ярко-синимъ, играющимъ на солнцѣ моремъ, виднѣлся на той сторонѣ бухты. Надъ горизонтомъ моря, по которому дымила полоса чернаго дыма какого-то парохода, ползли длинныя, бѣлыя облака, обѣщая вѣтеръ. По всей линіи укрѣпленій, особенно по горамъ лѣвой стороны, по нѣскольکو вдругъ, безпрестанно, съ молніей, блестящей иногда даже въ полуденномъ свѣтѣ, рождались клубки густаго, сжатаго, бѣлаго дыма, разрастались, принимая различныя формы, поднимались и темнѣе окрашивались въ небѣ. Дымки эти, мелькая, то тамъ, то здѣсь, рождались по горамъ, на батареяхъ непріятельскихъ, и въ городѣ и высоко на небѣ. Звуки взрывовъ не умолкали и, переливаясь, потрясали воздухъ...

Къ двѣнадцати часамъ дымки стали показываться рѣже и рѣже, воздухъ меньше колебался отъ гула.

— Однако 2-й бастіонъ ужь совсѣмъ не отвѣчаетъ, сказалъ гусарскій офицеръ, сидѣвшій верхомъ: — весь разбитъ! ужасно!

— Да и Малаховъ нечто на три ихъ выстрѣла посылаетъ одинъ, отвѣчалъ тотъ, который смотрѣлъ въ трубу: — это меня бѣситъ, что они молчатъ. Все прямо въ Корниловскую попадаютъ и онъ ничего не отвѣчаетъ.

— А посмотри, къ двѣнадцати часамъ, я говорилъ, они всегда перестаютъ бомбардировать. Вотъ и нынче также. Поѣдемъ лучше завтракать... насъ ждуть уже теперь... нечего смотрѣть.

— Постой, не мѣшай! отвѣчалъ смотрѣвшій въ трубу, съ особенной жадностью глядя на Севастополь.

— Что тамъ? что?

— Движеніе въ траншеяхъ, густыя колонны идутъ.

— Да и такъ видно, сказалъ морякъ: — идутъ колоннами. Надо дать сигналъ.

— Смотри, смотри! вышли изъ траншеи.

Дѣйствительно, простымъ глазомъ видно было, какъ будто темныя пятна двигались съ горы, черезъ балку отъ французскихъ батарей къ бастіонамъ. Впереди этихъ пятенъ видны были темныя полосы, уже около нашей линіи. На бастіонахъ вспыхнули, въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы перебѣгая бѣлые дымки выстрѣловъ. Вѣтеръ донесъ звуки ружейной, частой, какъ дождь бьетъ по окнамъ, перестрѣлки. Черныя полосы двигались въ самомъ дыму, ближе и ближе. Звуки стрѣльбы, усиливаясь и усиливаясь, слились въ продолжительный перекатывающийся грохотъ. Дымъ, поднимаясь чаще и чаще, расходился быстро по линіи и слился наконецъ въ одно лиловатое, свивающееся и развивающееся облако, въ которомъ кое-гдѣ едва мелькали огни и черныя точки — всѣ звуки соединились въ одинъ перекатывающийся трескъ.

— Штурмъ, сказалъ офицеръ, съ блѣднымъ лицомъ, отдавая трубку моряку.

Казаки проскакали по дорогѣ, офицеры верхами, главнокомандующій въ коляскѣ и со свитой, проѣхалъ мимо. На каждомъ лицѣ видны были тяжелое волненіе и ожиданіе.

— Не можетъ быть, чтобъ взяли! сказалъ офицеръ на лошади.

— Ей-Богу, знамя! посмотри, посмотри! сказалъ другой, задыхаясь, отходя отъ трубы: — французское на Малаховомъ.

— Не можетъ быть!

XXV.

Козельцовъ старшій, успѣвшій отыгаться въ ночь и снова спустить все, даже и зашитые въ обшлагѣ золотые, передъ утромъ спалъ еще нездоровымъ, тяжелымъ, но крѣпкимъ сномъ, въ оборонительной казармѣ 5-го баталіона, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крикъ:

— Тревога!..

— Что вы спите, Михайло Семенычъ! штурмъ! крикнулъ ему чей-то голосъ.

— Вѣрно, школьникъ какой нибудь, сказалъ онъ, открывая глаза и не вѣря.

Но вдругъ онъ увидалъ офицера, бѣгающаго безъ всякой видимой цѣли изъ угла въ уголъ, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что онъ все понялъ. Мысль, что его могутъ принять за труса, не хотѣвшаго выйти къ ротѣ въ критическую минуту, поразила его ужасно. Онъ во весь духъ побѣжалъ къ ротѣ. Стрѣльба орудійная кончилась; но трескотня ружей была во всемъ разгарѣ. Пули свистѣли не по одной, какъ штуцерныя, а роями, какъ стадо осеннихъ птичекъ, пролетаетъ надъ головами. Все то мѣсто, на которомъ стоялъ вчера его батальонъ, было застлано дымомъ, были слышны недружные

крики и возгласы. Солдаты, раненные и не раненные, толпами попадались ему навстрѣчу. Пробѣжавъ еще шаговъ тридцать, онъ увидалъ свою роту, прижавшуюся къ стѣнкѣ.

— Заняли Шварца, сказалъ молодой офицеръ. — Все пропало!

— Вздоръ! сказалъ онъ сердито, выхватилъ свою маленькую желѣзную тупую сабельку и закричалъ:

— Впередъ, ребята! ура-а!

Голосъ былъ звучный и громкій; онъ возбудилъ самого Козельцова. Онъ побѣжалъ впередъ вдоль траверса; человекъ пятьдесятъ солдатъ, съ криками, побѣжали за нимъ. Онъ выбѣжалъ изъ-за траверса на открытую площадку. Пули посыпались, буквально, какъ градъ. Двѣ ударились въ него, — но куда и что онѣ сдѣлали, контузили, ранили его, онъ не имѣлъ времени рѣшить. Впереди, въ дыму, видны были ему уже синіе мундиры, красные панталоны и слышны не русскіе крики; одинъ французъ стоялъ на брустверѣ, махалъ шапкой и кричалъ что-то. Козельцовъ былъ увѣренъ, что его убьютъ: это-то и придавало ему храбрости. Онъ бѣжалъ впередъ и впередъ. Нѣсколько солдатъ обогнали его; другіе солдаты показались откуда-то съ боку и бѣжали тоже. Синіе мундиры оставались въ томъ же разстояніи, убѣгая отъ него назадъ къ своимъ траншеямъ; но подъ ногами попадались раненные и убитые. Добѣжавъ уже до внѣшняго рва, всѣ смѣшались въ глазахъ Козельцова, и онъ почувствовалъ боль въ груди.

Черезъ полчаса онъ лежалъ на носилкахъ, около Николаевской казармы, и зналъ, что онъ раненъ, но боли почти не чувствовалъ; ему только хотѣлось напиться чего нибудь холоднаго и лечь по покойнѣе.

Маленькій, толстый, съ большими черными бакенбардами докторъ подошелъ къ нему и разстегнулъ шинель. Козельцовъ черезъ подбородокъ смотрѣлъ на то, что дѣлаетъ докторъ съ его раной, на лицо доктора, но боли никакой не чувствовалъ. Докторъ закрылъ рану рубашкой, отеръ пальцы обѣими пальцами, молча, не глядя на раненаго, отошелъ къ другому. Козельцовъ безсознательно слѣдилъ глазами за тѣмъ, что дѣлалось передъ нимъ; и, вспомнивъ то, что было на 5-мъ бастионѣ, съ чрезвычайно отраднымъ чувствомъ самодовольствія подумалъ, что онъ хорошо исполнилъ свой долгъ; что въ первый разъ за всю службу онъ поступилъ хорошо, какъ только можно было, и ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Докторъ, перевязывая другаго раненаго офицера, сказалъ что-то, указывая на Козельцова, священнику, съ большой рыжей бородой, съ крестомъ стоявшему тутъ.

— Что, я умру? спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подалъ крестъ раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакалъ.

— Что выбиты французы? твердо спросилъ онъ у священника.

— Вездѣ побѣда за нами осталась, отвѣчалъ священникъ, чтобы утѣшить раненаго, скрывая отъ него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя.

— Слава Богу, проговорилъ раненный, не чувствуя, какъ слезы текли по его щекамъ.

Мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ. «Дай Богъ ему такое же счастье», подумалъ онъ.

XXVI.

Но не такая участь ожидала Володю. Онъ слушалъ сказку, которую рассказывалъ ему Васинъ, когда закричали: «французы идутъ!» Кровь прилила мгновенно къ сердцу Володи, и онъ почувствовалъ, какъ похолодѣли и поблѣднѣли его щеки. Съ секунду онъ оставался недвижимъ; но, взглянувъ кругомъ, онъ увидѣлъ, что солдаты довольно спокойно застегивали шинели и выѣзжали одинъ за другимъ, — одинъ даже — кажется Мельниковъ, — шутиливо сказалъ:

— Выходи съ хлѣбомъ-солью, ребята!

Володя вмѣстѣ съ Влангой, который ни на шагъ не отставалъ отъ него, выѣзъ изъ блиндажа и побѣжалъ на батарею. Артиллерійской стрѣльбы ни съ той, ни съ другой стороны совершенно не было. Не столько видъ спокойствія солдатъ, сколько жалкой, не скрываемой трусости юнкера возбудилъ его. «Неужели я могу быть похожъ на него?» подумалъ онъ и весело побѣжалъ къ брустверу, около котораго стояли его мортиры. Ему ясно было видно, какъ французы бѣжали прямо на него по чистому мѣсту и какъ толпы ихъ, съ блестящими на солнцѣ штыками, шевелились въ ближайшихъ траншеяхъ. Одинъ, маленький, широкоплечій, въ зуавскомъ мундирѣ и со шпагой, бѣжалъ впереди и перепрыгивалъ черезъ ямы. «Стрѣлять картечью!» крикнулъ Володя, сбѣгая съ банкета; но уже солдаты распорядились безъ него, и металлическій звукъ выпущенной картечи просвисталъ надъ его головой, сначала изъ одной, потомъ изъ другой мортиры. «Первая! вторая!» командовалъ Володя, перебѣгая въ длину отъ одной мортиры къ другой и совершенно забывъ объ опасности. Съ боку слышались близкая трескотня ружей нашего прикрытія и суетливые крики.

Вдругъ поразительный крикъ отчаянія, повторенный нѣсколькими голосами, послышался слѣва: «Обходить! обходить!» Володя оглянулся на крикъ. Человекъ двадцать французовъ показалиcя сзади. Одинъ изъ нихъ, съ черной бородой, красивый мужчина, былъ впереди всѣхъ, но, добѣжавъ шаговъ на десять отъ батареи, остановился и выстрѣлилъ прямо въ Володю и потомъ снова побѣжалъ къ нему. Съ секунду Володя стоялъ, какъ окаменѣлый, и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Когда

онъ опомнился и оглянулся, впереди его на брусверѣ были синіе мундиры; даже два французъ, въ десяти шагахъ отъ него, заклепывали пушку. Кругомъ него, кромѣ Мельникова, убитаго пулею рядомъ съ нимъ, и Вланга, схватившаго въ руки хандшпугъ и, съ яростнымъ выраженіемъ лица, опущенными зрачками, бросившагося впередъ, никого не было. «За мной, Владиміръ Семенычъ! за мной!» кричалъ отчаянный голосъ Вланга, хандшпугомъ махавшаго на французовъ, зашедшихъ сзади. Яростная фигура юнкера озадачила ихъ. Одного, передняго, онъ ударилъ по головѣ, другіе невольно пріостановились, и Влангъ продолжалъ оглядываться и отчаянно кричать: «За мной, Владиміръ Семенычъ! что вы стоите? бѣгите!» подбѣжалъ къ траншеѣ, въ которой лежала наша пѣхота, стрѣляя по французамъ. Вскочивъ въ траншею, онъ снова высунулся изъ нея, чтобы посмотреть, что дѣлаетъ его обожаемый прапорщикъ. Что-то въ шинели ничкомъ лежало на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Володя, и все это мѣсто было наполнено французами стрѣлявшими въ нашихъ.

XXVII.

Влангъ нашелъ свою батарею на 2-й оборонительной линіи. Изъ числа двадцати солдатъ, бывшихъ на мортирной батарѣе, спаслось только восемь.

Въ девятomъ часу вечера Влангъ съ батареей, на пароконѣ, наполненномъ солдатами, пушками, лошадьми и ранеными, переправлялся на Сѣверную. Выстрѣловъ нигдѣ не было. Звѣзды, такъ же, какъ и прошлую ночь, ярко блестѣли на небѣ; но сильный вѣтеръ колыхалъ море. На 1-мъ и 2-мъ бастіонахъ вспыхивали по землѣ молніи; взрывы потрясали воздухъ и освѣщали вокругъ себя какія-то черные, странные предметы и камни, взлетавшіе на воздухъ. Что-то горѣло около доковъ, и красное пламя отражалось въ водѣ. Мостъ, наполненный народомъ, освѣщался огнемъ съ Николаевской батареей. Большое пламя стояло, казалось, надъ водой на далекомъ мысу Александровской батареей и освѣщало низъ облака дыма, стоявшаго надъ нимъ, и тѣже, какъ и вчера, спокойные, дерзкіе, далекіе огни блестѣли въ морѣ на непріятельскомъ флотѣ. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ бухту. При свѣтѣ зарева пожаровъ видны были мачты нашихъ утопающихъ кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили въ воду. Говора не слышно было на палубѣ: только изъ-за равномернаго звука разрыванныхъ волнъ и пара слышно было, какъ лошади фыркали и топали ногами на шаландѣ, слышны были командныя слова капитана и стоны раненыхъ. Влангъ, не ѣвшій цѣлый день, досталъ кусокъ хлѣба изъ кармана и началъ жевать, но вдругъ, вспомнивъ о Володѣ, заплакалъ такъ громко, что солдаты, бывшіе подлѣ него, услышали.

— Вишь, самъ хлѣбъ ѣстъ, а самъ плачетъ Вланга-то нашъ, сказалъ Васинъ.

— Чудно! сказалъ другой.

— Вишь, и наши казармы позажгли, продолжалъ онъ, вздыхая: — и сколько тамъ нашего брата пропало, а ни за что французу досталось!

— По крайности сами живые вышли; и то слава те, Господи, сказалъ Васинъ.

— А все обидно!

— Да что обидно-то? Развѣ онъ тутъ разгуляется? Какже! гляди, наши опять отберутъ. Ужъ сколько бѣ нашего брата ни пропало, а, какъ Богъ святъ, велитъ Императоръ—и отберутъ. Развѣ наши такъ оставляютъ ему? Какже! на вотъ тебѣ голыя стѣны; а шанцы-то всѣ повзорвали... Небось свой значекъ на курганѣ поставилъ, а въ горло не суется.

— Погоди, еще расчетъ будетъ съ тобой настоящій — дай срокъ, заключилъ онъ, обращаясь къ французамъ.

— Извѣстно, будетъ! сказалъ другой съ убѣжденіемъ.

По всей линіи севастопольскихъ бастіоновъ, столько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенной энергической жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ смѣняемыхъ смертью, однихъ за другими умирающихъ героевъ, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть и наконецъ восхищеніе враговъ, на севастопольскихъ бастіонахъ уже нигдѣ никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, — но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свѣжими взрывами обсыпанной землѣ вездѣ валялись искорверканные лафеты, придавившіе человѣческіе русскіе и вражескіе трупы, тяжелыя, замолкнувшія навсегда чугунныя пушки, страшной силой сброшенные въ ямы и до половины засыпанные землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревень, блиндажей и опять молчаливыя трупы въ сѣрыхъ и синихъ шинеляхъ. Все это часто содрогалось еще и освѣщалось багровымъ пламенемъ взрывовъ, продолжавшихъ потрясать воздухъ.

Враги видѣли, что что-то непонятное творилось въ грозномъ Севастополѣ. Взрывы эти и мертвое молчаніе на бастіонахъ заставляли ихъ содрогаться; но они не смѣли вѣрить еще подъ вліяніемъ сильнаго спокойнаго отпора дня, чтобы исчезъ ихъ непоколебимый врагъ, и, молча, не шевелясь, съ трепетомъ, ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, какъ море въ зыбливую мрачную ночь сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Сѣверной, медленно двигалось въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ мѣста, на которомъ столько оно оставило храбрыхъ братьевъ, — отъ мѣста, всего облитаго его кровью, — отъ мѣста, 11 мѣсяцевъ отстаиваемаго отъ вдвое сильнѣйшаго врага и которое теперь велѣно было оставить безъ боя.

Непонятно тяжело было для каждаго русскаго первое впечатлѣніе этого приказанія. Второе чувство было страхъ преслѣдованія. Люди чувствова-

ли себя беззащитными, какъ только оставили тѣ мѣста, на которыхъ привыкли драться, и тревожно толпясь во мракѣ у входа моста, который качалъ сильный вѣтеръ. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополченіями, жалась пѣхота, проталкивались конные офицеры съ приказаніями, плакали и умоляли жители и деньщики съ клажею, которую не пропускали; шума колесами, пробивалась къ бухтѣ артиллерія, торопившаяся убираться. Несмотря на увлеченіе разнородными суетливыми занятіями, чувство самосохраненія и желанія выбраться какъ можно скорѣе изъ этого страшнаго мѣста смерти присутствовало въ душѣ каждого. Это чувство было и у смертельно раненаго солдата, лежащаго между пѣтьюстами такими же ранеными, на каменномъ полу Павловской набережной, и просящаго Бога о смерти, и у ополченца, изъ послѣднихъ силъ втиснувшася въ плотную толпу, чтобы дать дорогу верхомъ порывающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающагося переправой и удерживающаго то-

ропливость солдатъ, и у матроса, попавшаго въ движущійся батальонъ, до лишенія дыханія сдавленнаго колеблющейся толпой, и у раненаго офицера, котораго на носилкахъ несли четыре солдата и, остановленные спершимся народомъ, положили наземь у Николаевской батареи, и у артиллериста, 16 лѣтъ служившаго при своемъ орудіи и, по непонятному для него приказанію начальства, сталкивающаго орудіе, съ помощію товарищей, съ крутаго берега въ бухту, и у флотскихъ, только что выбившихъ закладки въ корабляхъ и, бойко гребя на баркасахъ, отплывающихъ отъ нихъ. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдатъ снималъ шапку и крестился. Но за этимъ чувствомъ было другое, тяжелое, сосущее и болѣе глубокое чувство: это было чувство, какъ будто похожее на раскаяніе, стыдъ и злоба. Почти каждый солдатъ, взглянувъ съ Сѣверной стороны на оставленный Севастополь, съ невыразимой горечью въ сердцѣ вздыхалъ и грозился врагамъ.

ВСТРѢЧА ВЪ ОТРЯДѢ

СЪ МОСКОВСКИМЪ ЗНАКОМЫМЪ.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ЗАПИСОКЪ КНЯЗЯ НЕХЛЮДОВА.

ВСТРѢЧА ВЪ ОТРЯДѢ

СЪ МОСКОВСКИМЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Изъ Кавказскихъ записокъ князя Нехлюдова.

Мы стояли въ отрядѣ. — Дѣла уже кончались, дорубали просѣку и съ каждымъ днемъ ожидали изъ штаба приказа объ отступленіи въ крѣпость. Нашъ дивизионъ батарейныхъ орудій стоялъ на скатѣ крутаго горнаго хребта, оканчивающагося быстрой горной рѣчкой Мечикомъ и долженъ былъ обстрѣливать растилавшуюся впереди равнину. На живописной равнинѣ этой, вѣтъ выстрѣла, изрѣдка, особенно передъ вечеромъ, тамъ и сямъ показывались не враждебныя группы конныхъ горцевъ, выѣзжавшихъ изъ любопытства посмотреть на русскій лагерь. Вечеръ былъ ясный, тихій и свѣжій, какъ обыкновенно декабрскіе вечера на Кавказѣ, солнце спускалось за крутымъ отрогомъ горъ на лѣво и бросало розовые лучи на палатки, разсыпанныя по горѣ, на движущіяся группы солдатъ и на наши два орудія, тяжело какъ будто вытянувъ шею, неподвижно стоявшія въ двухъ шагахъ отъ насъ на земляной батарее. Пѣхотный пикетъ, расположенный на бугрѣ на лѣво, отчетливо обозначался на прозрачномъ свѣтѣ заката, съ своими козлами ружей, фигурой часоваго, группой солдатъ и дымомъ разложеннаго костра. На право и на лѣво по полугорѣ на черной, притоптанной землѣ, бѣлѣли палатки, а за палатками чернѣли голые стволы чинарнаго лѣса, въ которомъ безпрестанно стучали топорами, трещали костры и съ грохотомъ падали подрубленныя деревья. Голубоватый дымъ трубой подымался со всѣхъ сторонъ въ свѣтлосинее морозное небо. Мимо палатокъ и низами около ручья тянулись съ топотомъ и фырканьемъ казаки, драгуны и артиллеристы, возвращавшіеся съ водопоя. Начинало подмораживать, всѣ звуки были слышны особенно явственно, — и далеко впередъ по равнинѣ было видно въ чистомъ, рѣдкомъ воздухѣ. Непріятельскія кучки, уже не возбуждая любопытства солдатъ, тихо разѣзжались по свѣтложелтому жневью кукурузныхъ полей, кой-гдѣ, изъ за деревьевъ, видѣлись высокія столбы кладбищъ и дымящіеся аулы.

Наша палатка стояла недалеко отъ орудій на сухомъ и высокомъ мѣстѣ, съ котораго видъ былъ особенно обширенъ. Подлѣ палатки, около самой батареи на разчищенной площадкѣ была устроена нами игра въ городки или чушки. Услужливые солдатики тутъ же придѣлали для насъ плетенныя лавочки и столикъ. По причинѣ всѣхъ этихъ удобствъ артиллерійскіе офицеры, наши товарищи, и нѣсколько пѣхотныхъ, любили по вечерамъ собираться къ нашей батарее и называли это мѣсто клубомъ.

Вечеръ былъ славный, лучшіе игроки собрались и мы играли въ городки. Я, прапорщикъ Д. и поручикъ О. проиграли сряду двѣ партіи и къ общему удовольствію и смѣху зрителей — офицеровъ, солдатъ и деньщиковъ, глядѣвшихъ на насъ изъ своихъ палатокъ, провели два раза на своихъ спинахъ выигравшую партію отъ одного кона до другаго. Особенно забавно было положеніе огромнаго, толстаго штабсъ-капитана Ш., который, задыхаясь и добродушно улыбаясь, съ волочащимися по землѣ ногами проѣхалъ на маленькомъ и щедущемъ поручикѣ О. Но становилось уже поздно, деньщики вынесли намъ, на всѣхъ шесть человѣкъ три стакана чая, безъ блюдецекъ, и мы, окончивъ игру, подошли къ плетенымъ лавочкамъ. Около нихъ стоялъ незнакомый намъ небольшой человѣчекъ съ кривыми ногами, въ нагольномъ тулупѣ, и въ папахѣ съ длинною висящей бѣлой шерстью. Какъ только мы подошли близко къ нему, онъ нерѣшительно, нѣсколько разъ снялъ и надѣлъ шапку, и нѣсколько разъ какъ будто собирався подойти къ намъ и снова останавливался. Но рѣшивъ, должно быть, что уже больше нельзя оставаться незамѣченнымъ, знакомый человѣкъ этотъ снялъ шапку и обходя насъ кругомъ, подошелъ къ штабсъ-капитану Ш.

— А, Гуськантини! Ну что, батенька, сказалъ ему Ш., добродушно улыбаясь еще подъ вліяніемъ своей побѣды.

Гуськантини, какъ его назвалъ Ш., тотчасъ же надѣлъ шапку и сдѣлалъ видъ, что онъ засовываетъ руки въ карманы полушубка, но съ той стороны, съ которой онъ стоялъ ко мнѣ, кармана на полушубкѣ не было и маленькая, красная рука его осталась въ неловкомъ положеніи. Мнѣ хотѣлось рѣшить, кто такой былъ этотъ человѣкъ (юнкеръ или разжалованный?) и я, не замѣчая того, что мой взглядъ (т. е. взглядъ незнакомаго офицера) смущалъ его, вглядывался пристально въ его одежду и наружность. Ему казалось лѣтъ тридцать. Маленькіе, сѣрые, круглые глаза его какъ-то заспанно, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойно вглядывали изъ за грязнаго, бѣлаго курпея папахи, висѣвшаго ему на лицо. Толстый, неправильный носъ, среди ввалившихся щекъ, изобличалъ болѣзненную, не естественную худобу. Губы, весьма мало закрытыя рѣдкими, мягкими, бѣлесоватыми усами, безпрестанно находились въ безпокойномъ состояніи, какъ будто пытались принять то то, то другое выраженіе. Но всѣ эти выраженія были какъ-то не докончены; на лицѣ его оставалось постоянно одно преобладающее выраженіе испуга и торопливости. Худую жилистую шею его обвивалъ шерстяной зеленый шарфъ, скрывающійся подъ полушубкомъ. Полушубокъ былъ затертый, короткій, съ нашитой собакой на воротникѣ и на фальшивыхъ карманахъ. Панталоны были клѣтчатые, пепельнаго цвѣта, и сапоги съ короткими черненными солдатскими голенищами.

— Пожалуйста, не безпокойтесь, сказалъ я ему, когда онъ снова, робко взглянувъ на меня, снялъ было шапку.

Онъ поклонился мнѣ съ благодарнымъ выраженіемъ, надѣлъ шапку, и доставъ изъ кармана грязный, ситцевый кисетъ на шнурочкахъ, сталъ дѣлать папирску.

Я самъ недавно былъ юнкеромъ, старымъ юнкеромъ, не способнымъ уже быть добродушно услужливымъ младшимъ товарищемъ и юнкеромъ безъ состоянія, поэтому хорошо зная всю моральную тяжесть этого положенія для не молодаго, и самолюбиваго человѣка, я сочувствовалъ всѣмъ людямъ, находящимся въ такомъ положеніи, и старался объяснить себѣ ихъ характеръ и степень и направленіе умственныхъ способностей, для того, чтобы по этому судить о степени ихъ моральныхъ страданій. Этотъ юнкеръ или разжалованный, по своему безпокойному взгляду, и тому умышленному безпрестанному измѣненію выраженія лица, которое я замѣтилъ въ немъ, казался мнѣ человѣкомъ очень не глупымъ и крайне самолюбивымъ и по этому очень жалкимъ.

Штабсъ-капитанъ Ш. предложилъ намъ сыграть еще партію въ городки, съ тѣмъ, чтобы проигравшая партія, кромѣ перевозу, заплатила за нѣсколько бутылокъ краснаго вина, рому, сахару, корицы и гвоздики для глинтвейна, который въ эту зиму, по случаю холода, былъ въ большой модѣ въ нашемъ отрядѣ. Гуськантини, какъ его опять назвалъ Ш.,

тоже пригласили въ партію, но передъ тѣмъ, какъ начинать игру, онъ видимо борясь между удовольствіемъ, которое ему доставило это приглашеніе и какимъ то страхомъ, отвелъ въ сторону штабсъ-капитана Ш. и сталъ что-то нашептывать ему. Добродушный штабсъ-капитанъ ударилъ его своей пухлой, большой ладонью по животу и громко отвѣчалъ: «Ничего, батенька, я вамъ повѣрю».

Когда игра кончилась, и та партія, въ которой былъ незнакомый нижній чинъ выиграла и ему пришлось ѣхать верхомъ на одномъ изъ нашихъ офицеровъ, прапорщикѣ Д., — прапорщикъ покраснѣлъ, отошелъ къ диванчикамъ и предложилъ нижнему чину папирсъ въ видѣ выкупа. Пока заказали глинтвейнъ и въ деньщицкой палаткѣ слышалось хлопотливое хозяйничанье Никиты, посылавшаго вѣстоваго за корицей и гвоздикой, и спина его натягивала то тамъ, то сямъ грязныя полы палатки, мы всѣ семь человѣкъ, усѣлись около лавочки и по перемѣнно попивая чай изъ трехъ стакановъ и поглядывая впередъ на начинавшую одѣваться сумерками равнину, разговаривали и смѣялись, о разныхъ обстоятельствахъ игры. Незнакомый человѣкъ въ полушубкѣ не принималъ участія въ разговорѣ, упорно отказываясь отъ чая, который я нѣсколько разъ предлагалъ ему и сидя на землѣ по-татарски, одну за другою дѣлалъ изъ мелкаго табаку папирски и выкуривалъ ихъ, какъ видно было не столько для своего удовольствія, сколько для того, чтобы дать себѣ видъ чѣмъ нибудь занятаго человѣка. Когда заговорили о томъ, что на завтра ожидаютъ отступленія и, можетъ быть, дѣла, онъ приподнялся на колѣни и обращаясь къ одному штабсъ-капитану Ш., сказалъ, что онъ былъ теперь дома у адъютанта и самъ писалъ приказъ о выступленіи на завтра. Мы всѣ молчали въ то время, какъ онъ говорилъ и не смотря на то, что онъ видимо робѣлъ, заставили его повторить это крайне для насъ интересное извѣстіе. Онъ повторилъ сказанное, прибавивъ однако, что онъ *былъ* и *сидѣлъ* у адъютанта, съ которымъ онъ *живетъ вмѣстѣ*, въ то время, какъ принесли приказаніе.

— Смотрите, коли вы не лжете, батенька, такъ мнѣ надо къ своей ротѣ идти приказать кой-что къ завтраму, сказалъ штабсъ-капитанъ Ш.

— Нѣтъ... отчего же?... какъ же можно, я навѣрно... заговорилъ нижній чинъ, но вдругъ замолчалъ и видимо рѣшившись обидѣться, пенатурально нахмурилъ брови и шепча что-то себѣ подъ носъ, снова началъ дѣлать папирску. Но высыпаннаго мельчайшаго табаку уже было не достаточно въ его ситцевомъ кисетѣ и онъ попросилъ Ш., *одолжитъ* ему *папирсочку*. Мы довольно долго продолжали между собою ту однообразную военную болтовню, которую знаетъ каждый, кто бывалъ въ походахъ, жаловались все одними и тѣми же выраженіями на скуку и продолжительность похода, однимъ и тѣмъ же манеромъ разсуждали о начальствѣ, все также, какъ много разъ прежде,

хвалили одного товарища, жалѣли другаго, удивлялись, какъ много выигралъ тотъ, какъ много проигралъ этотъ и т. д., и т. д.

— Вотъ, батенька, адъютантъ-то нашъ прорвался такъ прорвался, сказалъ штабсъ-капитанъ Ш., въ штабѣ вѣчно въ выигрышѣ былъ, съ кѣмъ ни сидеть, бывало, загребеть, а теперь ужъ второй мѣсяцъ все проигрываетъ. Не задался ему нынѣшній отрядъ. Я думаю монетовъ 1.000 спустилъ да и вещей монетовъ на 500, коверъ, что у Мухина выигралъ, пистолеты Никитинскіе, часы золотые, отъ Сады, что ему Воронцовъ подарилъ, все ухнуло.

— По дѣломъ ему, сказалъ поручикъ О., а то ужъ онъ очень всѣхъ обдуралъ:—съ нимъ играть нельзя было.

— Всѣхъ обдуралъ, а теперь весь въ трубу вылетѣлъ, и штабсъ-капитанъ Ш. добродушно разсмѣялся, вотъ Гуськовъ у него живетъ—онъ и его чуть не проигралъ, право. Такъ, батенька? обратился онъ къ Гуськову.

Гуськовъ засмѣялся. У него былъ жалкій болѣзненный смѣхъ, совершенно измѣнявшій выраженіе его лица. При этомъ измѣненіи мнѣ показалось, что я прежде зналъ и видалъ этого человѣка, притомъ и настоящая фамилія его, Гуськовъ, была мнѣ знакома, но какъ и когда я его зналъ и видалъ—я рѣшительно не могъ припомнить.

— Да, сказалъ Гуськовъ, безпрестанно поднимая руки къ усамъ и не дотронувшись до нихъ, опускающая ихъ снова, — Павлу Дмитріевичу очень въ этотъ отрядъ не повезло, такая *veine de malheur*, добавилъ онъ старательнымъ, но чистымъ французскимъ выговоромъ, причемъ мнѣ снова показалось, что я уже видалъ, и даже часто видалъ его гдѣ-то. Я хорошо знаю Павла Дмитріевича, онъ мнѣ все довѣряетъ, продолжалъ онъ, мы съ нимъ еще старые знакомые, т. е. онъ меня любитъ, прибавилъ онъ, видимо испугавшись слишкомъ смѣлаго утвержденія, что онъ старый знакомый адъютанта. Павелъ Дмитріевичъ отлично играетъ, но теперь удивительно, что съ нимъ сдѣлалось, онъ совсѣмъ какъ потерянный, — *la chance a tourné* — добавилъ онъ, обращаясь преимущественно ко мнѣ.

Мы сначала съ снисходительнымъ вниманіемъ слушали Гуськова, но какъ только онъ сказалъ еще эту французскую фразу, мы всѣ невольно отвернулись отъ него.

— Я съ нимъ тысячу разъ игралъ и вѣдь согласитесь, что это странно, сказалъ поручикъ О. съ особеннымъ удареніемъ на этомъ словѣ, удивительно *странно*: я ни разу у него не выигралъ ни абазы. Отчего же я у другихъ выигрываю?

— Павелъ Дмитріевичъ отлично играетъ, я его давно знаю, сказалъ я. Дѣйствительно я зналъ адъютанта уже нѣсколько лѣтъ, не разъ видалъ его въ игрѣ большой по средствамъ офицеровъ и восхищался его красивой, немного мрачной и всегда не возмутимо спокойной фizioноміей, его медлительнымъ малороссійскимъ выговоромъ, его

красивыми вещами и лошадьми, его неторопливой хохлацкой молодцоватостью и особенно его умѣніемъ сдержанно, отчетливо и пріятно вести игру. Не разъ, каюсъ въ томъ, глядя на его полныя и бѣлыя руки съ брилліантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, которыя мнѣ били одну карту за другою, я злился на этотъ перстень, на бѣлыя руки, на всю особу адъютанта, и мнѣ приходили на его счетъ дурныя мысли; но обсуживая потомъ хладнокровно, я убѣждался, что онъ просто игрокъ умнѣе всѣхъ тѣхъ, съ которыми ему приходится играть. Тѣмъ болѣе, что слушая его общія разсужденія объ игрѣ, о томъ, какъ слѣдуетъ не отгибаться, поднявшись съ маленькаго куша, какъ слѣдуетъ бастовать въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ первое правило играть на *чистыя* и т. д., и т. д., было ясно, что онъ всегда въ выигрышѣ только отъ того, что умнѣе и характернѣе всѣхъ насъ. Теперь же оказалось, что этотъ воздержный характерный игрокъ проигрался въ пухъ въ отрядѣ не только деньгами, но и вещами, что означаетъ послѣднюю степень проигрыша для офицера.

— Ему чертовски всегда везетъ со мной, продолжалъ поручикъ О. Я ужъ далъ себѣ слово больше не играть съ нимъ.

— Экой вы чудакъ, батенька, сказалъ Ш... подмигивая на меня всей головой и обращаясь къ О., проиграли ему монетовъ 300, вѣдь проиграли!

— Больше, сердито сказалъ поручикъ.

— А теперь хватились за умъ; да поздно, батенька, всѣмъ давно извѣстно, что онъ нашъ полковой шулеръ, сказалъ Ш., едва удерживаясь отъ смѣха и очень довольный своей выдумкой. Вотъ Гуськовъ на лицо, онъ ему и карты подготавливаетъ. Отъ этого-то у нихъ и дружба, батенька мой... и штабсъ-капитанъ Ш... такъ добродушно, колеблясь всѣмъ тѣломъ, расхохотался, что расплескалъ стаканъ глнтвейна, который держалъ въ рукѣ въ это время. На желтомъ исхудаломъ лицѣ Гуськова показалась какъ будто краска, онъ нѣсколько разъ открывалъ ротъ, поднималъ руки къ усамъ и снова опускалъ ихъ къ мѣсту, гдѣ должны были быть карманы; приподнимался и опускался и наконецъ, не своимъ голосомъ, сказалъ Ш...—Это не шутка, Николай Ивановичъ, вы говорите такія вещи и при людяхъ, которые меня не знаютъ и видятъ въ нагольномъ полушубкѣ... потому что... Голосъ у него оборвался и снова маленькія красныя ручки съ грязными ногтями заходили отъ полушубка къ лицу, то поправляя усы, волосы, носъ, то прочищая глазъ или почесывая безъ всякой надобности щеку.

— Да что и говорить, всѣмъ извѣстно, батенька, продолжалъ Ш., искренно довольный своей шуткой и вовсе не замѣчая волненія Гуськова. Гуськовъ еще прошепталъ что-то и уперевъ локоть правой руки на колѣнку лѣвой ноги, въ самомъ неестественномъ положеніи, глядя на Ш., сталъ дѣлать видъ какъ будто онъ презрительно улыбается.

— Нѣтъ, рѣшительно подумалъ я, глядя на эту улыбку, я не только видѣлъ его, но говорилъ съ нимъ гдѣ-то. — Мы съ вами гдѣ-то встрѣчались, сказалъ я ему, когда, подѣ влияніемъ общаго молчанія, началъ утихать смѣхъ Ш... Перемѣнчивое лицо Гуськова вдругъ просвѣтлѣло и его глаза въ первый разъ съ искренно веселымъ выраженіемъ устремились на меня.

— Какъ же, я васъ сейчасъ узналъ, заговорилъ онъ по-французски. Въ 48 году я васъ довольно часто имѣлъ удовольствіе видѣть въ Москвѣ у моей сестры Ивашиной.

Я извинился, что не узналъ его съ разу въ этомъ костюмѣ и въ этой новой одеждѣ. Онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и своей влажной рукой нерѣшительно, слабо пожалъ мою руку и сѣлъ подлѣ меня. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на меня, котораго онъ будто бы былъ такъ радъ видѣть, онъ съ выраженіемъ какого-то неприятнаго хвастовства оглянулся на офицеровъ. Отъ того ли, что я узналъ въ немъ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ видалъ во фракѣ въ гостиной, или отъ того, что при этомъ воспоминаніи онъ вдругъ поднялся въ своемъ собственномъ мнѣніи, мнѣ показалось, что его лицо и даже движенія совершенно измѣнились: они выражали теперь бойкій умъ, дѣтское самодовольство отъ сознанія этого ума и какую-то презрительную небрежность; такъ что, признаюсь, не смотря на жалкое положеніе, въ которомъ онъ находился, мой старый знакомый уже внушалъ мнѣ не состраданіе, а какое-то нѣсколько непріязненное чувство.

Я живо вспомнилъ нашу первую встрѣчу. Въ 48 году я часто въ бытность мою въ Москвѣ ѣзжалъ къ Ивашину, съ которымъ мы росли вмѣстѣ и были старые пріатели. Его жена была пріятная хозяйка дома, любезная женщина, что называется, но она мнѣ никогда не нравилась... Въ ту зиму, когда я ее зналъ, она часто говорила съ худо-скрываеваемой гордостью про своего брата, который недавно кончилъ курсъ и будто бы былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и любимыхъ молодыхъ людей въ лучшемъ петербургскомъ свѣтѣ. Зная по слухамъ отца Гуськовыхъ, который былъ очень богатъ и занималъ значительное мѣсто, и зная направленіе сестры, я встрѣтился съ молодымъ Гуськовымъ съ предубѣжденіемъ. Разъ, вечеромъ пріѣхавъ къ Ивашину, я засталъ у него невысокаго, весьма пріятнаго на видъ молодого человѣка въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, съ которымъ хозяинъ забылъ познакомиться меня. Молодой человѣкъ по видимому собиравшійся ѣхать на балъ, съ шляпой въ рукѣ, стоялъ передъ Ивашинымъ и горячо, но учтиво спорилъ съ нимъ, про общаго нашего знакомаго, отличившагося въ то время въ венгерской кампаніи. Онъ говорилъ, что этотъ знакомый былъ вовсе не герой и человѣкъ рожденный для войны, какъ его называли, а только умный и образован-

ный человѣкъ. Помню, я принималъ участіе въ спорѣ противъ Гуськова и увлекся въ крайность, доказывая даже, что умъ и образованіе всегда въ обратномъ отношеніи къ храбрости, и помню, какъ Гуськовъ пріятно и умно доказывалъ мнѣ, что храбрость есть необходимое слѣдствіе ума и извѣстной степени развитія, съ чѣмъ я, считая себя умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, не могъ втайнѣ не согласиться! Помню, что въ концѣ нашего разговора Ивашина познакомила меня съ своимъ братомъ и онъ, снисходительно улыбаясь, подаль мнѣ свою маленькую руку, на которую еще не совсѣмъ успѣлъ натянуть лайковую перчатку, и также слабо и нерѣшительно, какъ и теперь пожалъ мою руку. Хотя я и былъ предубѣжденъ противъ него, я не могъ тогда не отдать справедливости Гуськову, и не согласиться съ его сестрою, что онъ былъ дѣйствительно умный и пріятный молодой человѣкъ, который долженъ былъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ. Онъ былъ необыкновенно опрятенъ, изящно одѣтъ, свѣжъ, имѣлъ самоуверенно скромные приемы и видъ чрезвычайно милой, почти дѣтскій, за который вы невольно извиняли ему выраженіе самодовольства и желаніе умѣрить степень своего превосходства передъ вами, которое постоянно носили на себѣ его умное лицо и въ особенности улыбка. Говорили, что онъ въ эту зиму имѣлъ большой успѣхъ у московскихъ барынь. Видавъ его у сестры, я только по выраженію счастья и довольства, которое постоянно носила на себѣ его молодая наружность, и по его иногда нескромнымъ разговорамъ могъ заключить въ какой степени это было справедливо. Мы встрѣчались съ нимъ разъ шесть и говорили довольно много, или скорѣе много говорилъ онъ, а я слушалъ. Онъ говорилъ большею частію по-французски, весьма хорошимъ языкомъ, очень складно, фигурно и умѣлъ мягко, учтиво перебивать другихъ въ разговорѣ. Вообще онъ обращался со всѣми и со мною, довольно съ-высока, а я, какъ это всегда со мной бываетъ въ отношеніи людей, которые твердо увѣрены, что со мной слѣдуетъ обращаться съ-высока и которыхъ я мало знаю, — чувствовалъ, что онъ совершенно правъ въ этомъ отношеніи.

Теперь, когда онъ подселъ ко мнѣ и самъ подаль мнѣ руку, я живо узналъ въ немъ прежнее высокомерное выраженіе и мнѣ показалось, что онъ не совсѣмъ честно пользуется выгодой своего положенія нижняго чина передъ офицеромъ, такъ небрежно распрашивая меня о томъ, что я дѣлалъ все это время и какъ попалъ сюда? Не смотря на то, что я всякій разъ отвѣчалъ по-русски, онъ заговаривалъ на французскомъ языкѣ, на которомъ уже замѣтно выражался не такъ свободно, какъ прежде. Про себя онъ мнѣ мелькомъ сказалъ, что послѣ своей несчастной, глупой исторіи (въ чемъ состояла эта исторія — я зналъ и онъ не сказалъ мнѣ), онъ три мѣсяца сидѣлъ подѣ арестомъ, потомъ былъ посланъ на Кавказъ въ N. полкъ, —

теперь уже три года служить солдатомъ въ этомъ полку.

— Вы не повѣрите, сказалъ онъ мнѣ по-французски, сколько я долженъ былъ выстрадать въ этихъ полкахъ отъ общества офицеровъ; еще счастье мое, что я прежде зналъ адъютанта, про котораго мы сейчасъ говорили: онъ хорошій человѣкъ — право, замѣтилъ онъ снисходительно, я у него живу и для меня это все-таки маленькое облегченіе. *Oui, mon cher, les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas*, добавилъ онъ и вдругъ замаялся, покраснѣлъ и всталъ съ мѣста, замѣтивъ, что къ намъ подходилъ тотъ самый адъютантъ, про котораго мы говорили.

— Такая отрада встрѣтить такого человѣка, какъ вы, сказалъ мнѣ шопотомъ Гуськовъ, отходя отъ меня, — мнѣ бы много, много хотѣлось переговорить съ вами.

Я сказалъ, что я очень радъ этому, но въ сущности, признаюсь, Гуськовъ внушалъ мнѣ несимпатическое тяжелое состраданіе.

Я предчувствовалъ, что съ глазу на глазъ мнѣ будетъ не ловко съ нимъ, но мнѣ хотѣлось узнать отъ него многое, и въ особенности, почему, когда отецъ его былъ такъ богатъ, онъ былъ въ бѣдности, какъ это было замѣтно по его одеждѣ и пріемамъ.

Адъютантъ поздоровался со всѣми нами, исключая Гуськова, и подсѣлъ со мной рядомъ на мѣсто, которое занималъ разжалованный. Всегда спокойный и медлительный, характерный игрокъ и денежный человѣкъ, Павелъ Дмитріевичъ былъ теперь совершенно другимъ, какъ я его зналъ въ цвѣтущія времена его игры, онъ какъ-будто торопился куда-то, безпрестанно оглядывалъ всѣхъ и не прошло пяти минутъ, какъ онъ, всегда отказывавшійся отъ игры, предложилъ поручику О. составить банчикъ. Поручикъ О. отказался, подъ предлогомъ занятій по службѣ, собственно же потому, что зная, какъ мало вещей и денегъ оставалось у Павла Дмитріевича, онъ считалъ неблагоразумнымъ рисковать свои 300 рублей противъ 100 рублей, а можетъ меньше, которые онъ могъ выиграть.

— А что, Павелъ Дмитріевичъ, сказалъ поручикъ, видимо желая избавиться отъ повторенія просьбы, правда говорить—завтра выступленіе?

— Не знаю, замѣтилъ Павелъ Дмитріевичъ, только вѣрно приготовиться,—а право, лучше бы сыграть, я бы вамъ заложилъ моего кабардинца.

— Нѣтъ, ужъ нынче...

— Сѣраго, ужъ куда ни шло, а то, ежели хотите, деньгами. Чтожъ?..

— Да я чтожъ... Я бы готовъ, вы не думайте, заговорилъ поручикъ О... отвѣчая на свое собственное сомнѣніе, а то завтра можетъ набѣгъ или движеніе, выспаться надо.

Адъютантъ всталъ и заложивъ руки въ карманы сталъ ходить по площадкѣ. Лице его приняло обычное выраженіе холодности и нѣкоторой гордости, которыя я любилъ въ немъ.

— Не хотите ли стаканчикъ глинтвейну? сказалъ я ему.

— Можно-съ; — и онъ направился ко мнѣ, но Гуськовъ торопливо взялъ стаканъ у меня изъ рукъ и понесъ его адъютанту, стараясь притомъ не глядѣть на него. Но, не обративъ вниманія на веревку, натягивающую палатку, Гуськовъ спотыкнулся на нее и, выпустивъ изъ рукъ стаканъ, упалъ на руки.

— Эка филя! сказалъ адъютантъ, протянувшій уже руку къ стакану. Всѣ расхохотались, не исключая Гуськова, потиравшего рукой свою худую колѣнку, которую онъ никакъ не могъ зашибить при паденіи.

— Вотъ какъ медвѣдь пустынноу услужилъ, продолжалъ адъютантъ. Такъ-то онъ и мнѣ каждый день услуживаетъ, всѣ колушки на палаткахъ пооборвалъ—все спотыкается.

Гуськовъ, не слушая его, извинялся передъ нами и взглядывалъ на меня съ чуть замѣтной грустной улыбкой, которою онъ какъ-будто говорилъ, что я одинъ могу понимать его. Онъ былъ жалокъ, но адъютантъ, его покровитель, казался почему-то озлобленнымъ на своего сожителя и никакъ не хотѣлъ оставить его въ покоѣ.

— Какже, ловкой мальчикъ! куда не поверните.

— Да кто жъ не спотыкается на эти колушки, Павелъ Дмитріевичъ, сказалъ Гуськовъ: вы сами третьяго дня спотыкнулись.

— Я, батюшка, не нижній чинъ, съ меня ловкости не спрашивается.

— Онъ можетъ ноги волочить, подхватилъ штабс-капитанъ Ш., а нижній чинъ долженъ подпрыгивать...

— Странная шутки, сказалъ Гуськовъ почти шопотомъ и опустилъ глаза. Адъютантъ былъ видимо равнодушенъ къ своему сожителю, онъ съ алчностью вслушивался въ его каждое слово.

— Придется опять въ секретъ послать, сказалъ онъ, обращаясь къ Ш. и подмигивая на разжалованнаго.

— Чтожъ, опять слезы будутъ, сказалъ Ш., смѣясь. Гуськовъ не глядѣлъ уже на меня, а дѣлалъ видъ, что достаетъ табакъ изъ кисета, въ которомъ давно уже ничего не было.

— Сбирайтесь въ секретъ, батенька, сквозь смѣхъ проговорилъ Ш..., нынче лазутчики донесли, нападеніе на лагерь ночью будетъ, такъ надо надежныхъ ребятъ назначать. Гуськовъ нерѣшительно улыбался какъ будто собираясь сказать что-то и нѣсколько разъ поднималъ умоляющій взглядъ на Ш...

— Чтожъ, вѣдь я ходилъ и пойду еще, коли пошлютъ, пролепеталъ онъ.

— Да и пошлютъ.

— Ну и пойду. Чтожъ такое?

— Да, какъ на Аргунѣ, убѣжали изъ секрета и ружье бросили, сказалъ адъютантъ и, отвернувшись отъ него, началъ намъ рассказывать приказанія на завтрашній день.

Дѣйствительно, въ ночь ожидали со стороны не-
пріятеля стрѣльбу по лагерю, а на завтра какое-
то движеніе. Потолковавъ еще о разныхъ общихъ
предметахъ, адъютантъ какъ - будто нечаянно,
вдругъ вспомнивъ, предложилъ поручику О... про-
метать маленькую. Поручикъ О... совершенно не-
ожиданно согласился и они вмѣстѣ съ Ш... и пра-
порщикомъ пошли въ палатку адъютанта, у ко-
торого былъ складной зеленый столъ и карты. Ка-
питанъ, командиръ нашего дивизіона, пошелъ
спать въ палатку, другіе господа разошлись тоже
и мы остались одни съ Гуськовымъ. Я не оши-
бался, мнѣ дѣйствительно было съ нимъ не ловко
съ глазу на глазъ. Я невольно всталъ и сталъ хо-
дить взадъ и впередъ по батарее. Гуськовъ молча
пошелъ со мной рядомъ, торопливо и безпокойно
поворачиваясь, чтобы не отставать и не опере-
жать меня.

— Я вамъ не мѣшаю? сказалъ онъ кроткимъ,
печальнымъ голосомъ. Сколько я могъ рассмотреть
въ темнотѣ его лицо, оно мнѣ показалось глубоко
задумчивымъ и грустнымъ.

— Нисколько, отвѣчалъ я; но такъ какъ онъ
не начиналъ говорить и я не зналъ что сказать
ему, мы довольно долго ходили молча.

Сумерки уже совершенно замѣнились темнотою
ночи, надъ чернымъ профилемъ горъ зажглась яркая,
вечерняя зарница, надъ головами на свѣтло-синемъ
морозномъ небѣ мерцали мелкія звѣзды, со всѣхъ
сторонъ краснѣло во мракѣ пламя дымящихся ко-
стровъ, вблизи сѣрѣли палатки и мрачно чер-
нѣла насыпь нашей батареи. Отъ ближайшаго
костра, около котораго грѣясь тихо разговаривали
наши деньщики, изрѣдка блестѣла на батарее мѣдь
нашихъ тяжелыхъ орудій и показывалась фигура
часоваго въ шинели въ накидку, мѣрно двигав-
шагося вдоль насыпи.

— Вы не можете себѣ представить, какая от-
рада для меня говорить съ такимъ человѣкомъ,
какъ вы, сказалъ мнѣ Гуськовъ, хотя онъ еще ни
о чемъ не говорил со мной; это можетъ понять
только тотъ, кто побывалъ въ моемъ положеніи.

Я не зналъ что отвѣчать ему и мы снова мол-
чали, не смотря на то, что ему видимо хотѣлось
высказаться, а мнѣ выслушать его.

— За что вы были... за что вы пострадали?
спросилъ я его наконецъ, не придумавъ ничего
лучше, чтобы начать разговоръ.

— Развѣ вы не слышали про эту несчастную
исторію съ Метенинымъ?

— Да дуэль, кажется—слышалъ мелькомъ, от-
вѣчалъ я, вѣдь я уже давно на Кавказѣ.

— Нѣтъ, не дуэль, но эта глупая и ужасная
исторія! Я вамъ все расскажу, коли вы не знаете.
Это было въ тотъ самый годъ, когда мы съ вами
встрѣчались у сестры, я жилъ тогда въ Петербургѣ.
Надо вамъ сказать, я имѣлъ тогда то, что назы-
вается *une position dans le monde* и довольно вы-
годную, ежели не блестящую. *Mon père me don-
nait 10,000 par an.* Въ 49 году мнѣ обѣщали мѣсто

при посольствѣ въ Туринѣ, дядя мой по матери
могъ и всегда былъ гостемъ очень много для меня
сдѣлать. Дѣло, прошлое теперь, *j'étais reçu dans
la meilleure société de Pétersbourg*, je pouvais pré-
tendre на лучшую партію. Учился я, какъ всѣ мы
учились въ школѣ, такъ что особеннаго образова-
нія у меня не было; правда, я читалъ много послѣ,
mais j'avais surtout, знаете, *ce jargon du monde*
и, какъ бы то ни было, меня находили почему-то
однимъ изъ первыхъ молодыхъ людей Петербурга.
Что меня больше возвысило въ обществѣ мнѣнн,
c'est cette liaison, avec m-me D., про которую много
говорили въ Петербургѣ, но я былъ ужасно мо-
лодъ въ то время и мало цѣнилъ всѣ эти выгоды.
Просто я былъ молодъ и глупъ, чего мнѣ еще
нужно было? Въ то время въ Петербургѣ этотъ
Метенинъ имѣлъ репутацію... И Гуськовъ продол-
жалъ въ этомъ родѣ рассказывать мнѣ исторію
своего несчастія, которую, какъ вовсе не инте-
ресную, я пропушу здѣсь.—Два мѣсяца я сидѣлъ
подъ арестомъ, продолжалъ онъ, совершенно одинъ
и чего не передумалъ я въ это время. Но знаете,
когда все это кончилось, какъ будто ужъ оконча-
тельно была разорвана связь съ прошедшимъ,
мнѣ стало легче.—*Mon père, vous en avez entendu
parler* навѣрно, онъ человѣкъ съ характеромъ же-
лѣзнымъ и съ твердыми убѣжденіями, *il m'a des-
herité* и прекратилъ всѣ сношенія со мною.—По
его убѣжденіямъ такъ надо было сдѣлать и я ни
сколько не обвиняю его: *il a été conséquent.*—За-
то и я не сдѣлалъ шагу для того, чтобы онъ из-
мѣнилъ своему намѣренію. Сестра была за гра-
ницей, *M-me D.* одна писала ко мнѣ, когда позво-
лили, и предлагала помощь, но вы понимаете, что
я отказался. Такъ что у меня не было тѣхъ ме-
лочей, которыя облегчаютъ немного въ этомъ
положеніи, знаете, ни книгъ, ни бѣлья, ни пищи,
ни чего.—Я много, много передумалъ въ это время,
на все сталъ смотрѣть другими глазами, напри-
мѣръ, этотъ шумъ, толки свѣта обо мнѣ въ Пе-
тербургѣ не занимали меня, не льстили нисколько,
все это мнѣ казалось смѣшно. Я чувствовалъ, что
самъ былъ виноватъ, неостороженъ, молодъ, я ис-
портилъ свою карьеру и только думалъ о томъ,
какъ снова поправить ее. И я чувствовалъ въ себѣ
на это силы и энергію. Изъ-подъ ареста, какъ я
вамъ говорилъ, меня отослали сюда на Кавказъ
въ N. полкъ.

Я думалъ, продолжалъ онъ, воодушевляясь болѣе
и болѣе, что здѣсь на Кавказѣ—*la vie de camp*,
люди простые, честные, съ которыми я буду въ
сношеніяхъ, война, опасности, все это придется къ
моему настроенію духа, какъ нельзя лучше, что
я начну новую жизнь. *On me verra au feu*—по-
любить меня, будутъ уважать меня не за одно
имя,—крестъ, унтеръ-офицеръ, снимутъ штрафъ
и я опять вернусь *et vous savez avec ce prestige
du malheur!* Но quel *desenchantement!* Вы не мо-
жете себѣ представить, какъ я ошибся!.. Вы знаете
общество офицеровъ нашего полка? Онъ помол-

чалъ довольно долго, ожидая, какъ мнѣ показалось, что я скажу ему, что знаю какъ нехорошо общество здѣшнихъ офицеровъ; но я ничего не отвѣчалъ ему. Мнѣ было противно, что онъ, потому вѣрно, что я зналъ по-французски, предполагалъ, что я долженъ былъ быть возмущенъ противъ общества офицеровъ, которое я, напротивъ, пробывъ долго на Кавказѣ, успѣлъ оцѣнить вполне и уважалъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ то общество, изъ котораго вышелъ господинъ Гуськовъ. Я хотѣлъ ему сказать это, но его положеніе связывало меня.

— Въ N. полку, общество офицеровъ въ тысячу разъ хуже здѣшняго, продолжалъ онъ. *J'espère que c'est beaucoup dire*, т. е. вы не можете себѣ представить что это такое? Уже не говорю о юнкерахъ и солдатахъ. Это ужасъ что такое! Меня приняли сначала хорошо, это совершенная правда, но потомъ когда увидали, что я не могу не презирать ихъ, знаете, въ этихъ незамѣтныхъ мелкихъ отношеніяхъ, увидали, что я человѣкъ совершенно другой, стоящій гораздо выше ихъ, они озлобились на меня и стали оплачивать мнѣ разными мелкими униженіями. *Ce que j'ai eu à souffrir, vous ne vous faites pas une idée*. Потомъ эти невольныя отношенія съ юнкерами, а главное *avec les petits moyens que j'avais, je manquais de tout*, у меня было только то, что сестра мнѣ присылала. Вотъ вамъ доказательство, сколько я выстрадалъ, что я, съ моимъ характеромъ, *avec ma fierté, j'ai écrit à mon père, умолялъ его прислать мнѣ хоть что-нибудь*.—Я понимаю, что прожить 5 лѣтъ такой жизнью, можно сдѣлаться такимъ же, какъ нашъ разжалованный Дромовъ, который пьетъ съ солдатами и ко всѣмъ офицерамъ пишетъ записочки, прося *ссудить* его тремя рублями, и подписываетъ *tout à vous Дромовъ*. Надобно было имѣть такой характеръ, который я имѣлъ, чтобы совершенно не погрязнуть въ этомъ ужасномъ положеніи.—Онъ долго молча ходилъ подлѣ меня. *Avez vous un parapluie?* сказалъ онъ мнѣ. Да, такъ на чемъ я остановился? Да. Я не могъ этого выдержать, не физически, потому-что хотя и плохо, холодно и голодно было, я жилъ какъ солдатъ—но все-таки и офицеры имѣли какое-то уваженіе ко мнѣ. Какой-то *prestige* оставался на мнѣ и для нихъ. Они не посылали меня въ караулы, на ученіе. Я бы этого не вынесъ. Но морально страдалъ я ужасно. И главное, не видѣлъ выхода изъ этого положенія. Я писалъ дядѣ, умолялъ его перевести меня въ здѣшній полкъ, который по-крайней-мѣрѣ бываетъ въ дѣлахъ, и думалъ, что здѣсь Павелъ Дмитріевичъ, *qui est le fils de l'intendant de mon père*, все-таки онъ могъ быть мнѣ полезенъ. Дядя сдѣлалъ это для меня, перевели. Послѣ того полка, этотъ показался для меня собраніемъ камергеровъ. Потомъ Павелъ Дмитріевичъ тутъ, онъ зналъ кто я такой и меня приняли прекрасно. По просьбѣ дяди... Гуськовъ... *vous savez...* но я замѣтилъ, что съ этими людьми, безъ образованія и развитія,—они

не могутъ уважать человѣка и оказывать ему признаки уваженія, ежели на немъ нѣтъ этого ореола богатства, знатности, я замѣчалъ, какъ понемногу, когда увидали, что я бѣденъ, ихъ отношенія со мной становились небрежныѣе, небрежныѣе и, наконецъ, сдѣлались почти презрительныя. Это ужасно! но это совершенная правда.

— Здѣсь я былъ въ дѣлахъ, дрался, *on m'a vu au feu*, продолжалъ онъ, но когда это кончится? Я думаю, никогда! а силы мои и энергія уже начинаютъ истощаться. Потомъ я воображалъ *la guerre, la vie de camp*, но все это не такъ, какъ я вижу—въ полушубкѣ, немывые, въ солдатскихъ сапогахъ, вы идете въ секретъ и цѣлую ночь лежите въ оврагѣ съ какимъ-нибудь Антоновымъ, за пьянство отданнымъ въ солдаты, и всякую минуту васъ изъ-за куста могутъ застрѣлить, васъ или Антонова все равно.—Тутъ ужъ не храбрость—это ужасно. *C'est affreux, ça tue*.

— Чтожь, вы можете теперь за походъ получить унтеръ-офицера, а на будущій годъ прапорщика, сказалъ я.

— Да, могу, мнѣ обѣщали, но еще два года, и то едва ли. А что такое это два года, ежели бы зналъ кто-нибудь. Вы представьте себѣ эту жизнь съ этимъ Павломъ Дмитріевичемъ: карты, грубыя шутки, кутежъ, вы хотите сказать что-нибудь, что у васъ накопило на душѣ, васъ не понимаютъ, или надъ вами еще смѣются, съ вами говорятъ не для того, чтобы сообщать вамъ мысль, а такъ, чтобы ежели можно еще изъ васъ сдѣлать шута. Да и все это такъ пошло, грубо, гадко, и всегда вы чувствуете, что вы нижній чинъ, это вамъ всегда даютъ чувствовать. Отъ этого вы не поймете, какое наслажденіе поговорить *à coeur ouvert* съ такимъ человѣкомъ, какъ вы.

Я ни какъ не понималъ, какой это я былъ человѣкъ, и поэтому не зналъ что отвѣчать ему...

— Закусывать будете? сказалъ мнѣ въ это время Никита, незамѣтно подобравшійся ко мнѣ въ темнотѣ и, какъ я замѣтилъ, недовольный присутствіемъ гостя. Только вареники, да битой говядины немного осталось.

— А капитанъ ужъ закусывалъ?

— Они спятъ давно, угрюмо отвѣчалъ Никита. На мое приказаніе принести намъ сюда закусить и водочки, онъ недовольно проворчалъ что-то и потащился къ своей палаткѣ. Поворчавъ еще тамъ, онъ однако принесъ намъ погребецъ; на погребцѣ поставилъ свѣчку, обвязавъ ее напередъ бумагой, отъ вѣтру, кострюльку, горчицу въ банкѣ, жестяную рюмку съ ручкой и бутылку съ полынной настойкой. Устроивъ все это, Никита постоялъ еще нѣсколько времени около насъ и посмотрѣлъ, какъ я и Гуськовъ выпили водки, что ему видимо было очень непріятно. При матовомъ освѣщеніи свѣчи сквозь бумагу и среди окружающей темноты, видѣлись только тюленевая кожа погребца, ужинъ, стоявшій на ней, лицо, полушубокъ Гуськова и его маленькія, красныя ручки, которыми онъ при-

нялся выкладывать вареники изъ кострюльки. Кругомъ все было черно и только взглянувъ можно было различить черную батарею, такую же черную фигуру часового, видившуюся черезъ брустверь, по сторонамъ огни костровъ и наверху красноватыхъ звѣзды. Гуськовъ печально и стыдливо, чуть замѣтно улыбался, какъ будто ему неловко было глядѣть мнѣ въ глаза послѣ своего признанія. Онъ выпилъ еще рюмку водки и ѣлъ жадно, выскребая кострюльку.

— Да, для васъ все-таки облегченіе, сказалъ я ему, чтобы сказать что-нибудь, ваше знакомство съ адъютантомъ, онъ, я слышалъ, очень хороший человѣкъ.

— Да, отвѣчалъ разжалованный, онъ добрый человѣкъ, но онъ не можетъ быть другимъ, не можетъ быть человѣкомъ, съ его образованіемъ и нельзя требовать. Онъ вдругъ какъ-будто покраснѣлъ. Вы замѣтили его грубыя шутки нынче о секретѣ, и Гуськовъ, несмотря на то, что я нѣсколько разъ старался замять разговоръ, сталъ оправдываться передо мной и доказывать, что онъ не убѣжалъ изъ секрета и что онъ не трусъ, какъ это хотѣли дать замѣтить адъютантъ и Ш.

— Какъ я говорилъ вамъ, продолжалъ онъ, обтирая руки о полушубокъ, такіе люди не могутъ быть деликатны съ человѣкомъ — солдатомъ и у котораго мало денегъ; это выше ихъ силъ. И вотъ послѣднее время, какъ я пять мѣсяцевъ ужъ почему-то ничего не получаю отъ сестры, я замѣтилъ, какъ они перемѣнились ко мнѣ. Этотъ полушубокъ, который я купилъ у солдата, и который не грѣетъ, потому-что весь вытертъ (при этомъ онъ показалъ мнѣ голую полу), не внушаетъ ему состраданія или уваженія къ несчастью, а презрѣніе, которое онъ не въ состояніи скрывать. Какая бы ни была моя нужда какъ теперь, что мнѣ ѣсть нечего, кромѣ солдатской каши, и носить нечего, продолжалъ онъ потупившись, напивая себѣ еще рюмку водки, онъ не догадается предложить мнѣ денегъ займа, зная навѣрно, что я отдамъ ему, а ждетъ, чтобы я въ моемъ положеніи обратился къ нему. А вы понимаете, каково это мнѣ и съ нимъ. Вамъ бы на примѣръ я прямо сказалъ—*vous êtes au dessus de cela; mon cher, je n'ai pas le sou*. И знаете, сказалъ онъ, вдругъ отчаянно взглядывая мнѣ въ глаза, вамъ я прямо говорю, я теперь въ ужасномъ положеніи: *pouvez vous me prêter 10 roubles argent?* Сестра должна мнѣ прислать по слѣдующей почтѣ *et mon père...*

— Ахъ, я очень радъ, сказалъ я, тогда какъ, напротивъ, мнѣ было больно и досадно, особенно потому что наканунѣ, проигравшись въ карты, у меня у самого оставалось только рублей 5 съ чѣмъ-то у Никиты. Сейчасъ, сказалъ я вставая, я пойду возьму въ палаткѣ.

— Нѣтъ, послѣ, *ne vous dérangez pas*.

Однако, не слушая его, я пролѣзъ въ застегнутую палатку, гдѣ стояла моя постель и спалъ капитанъ. — Алексѣй Ивановичъ, дайте мнѣ пожалуй-

ста 10 р. до раціоновъ, сказалъ я капитану, расталкивая его.

— Что, опять продулись? а еще вчера хотѣли не играть больше, съ просонковъ проговорилъ капитанъ.

— Нѣтъ я не игралъ! а нужно, дайте пожалуйста.

— Макатюкъ! закричалъ капитанъ своему денщику, достань шкатулку съ деньгами и подай-сюда.

— Тихе, тихе, заговорилъ я, слушая за палаткой мѣрные шаги Гуськова.

— Что? отчего тихе?

— Это этотъ разжалованный просилъ у меня займа. Онъ тутъ.

— Вотъ зналъ бы, такъ не далъ, замѣтилъ капитанъ, я про него слыхалъ—первый пакостникъ мальчишка! — Однако капитанъ далъ-таки мнѣ деньги, велѣлъ спрятать шкатулку, хорошенько запахнуть палатку и снова повторилъ, вотъ коли бы зналъ на что, такъ не далъ бы, завернувшись съ головой подъ одеяло. — Теперь за вами 32, помните, прокричалъ онъ мнѣ. Когда я вышелъ изъ палатки, Гуськовъ ходилъ около диванчиковъ и маленькая фигура его съ кривыми ногами и въ уродливой папахѣ съ длинными бѣлыми волосами, выказывалась и скрывалась во мракѣ, когда онъ проходилъ мимо свѣчки. Онъ слѣбалъ видъ какъ будто не замѣчаетъ меня. — Я передалъ ему деньги. Онъ сказалъ мерси и скомкавъ положилъ бумажку въ карманъ панталонъ.

— Теперь у Павелъ Дмитріевича, я думаю игра во всемъ разгарѣ, вслѣдъ за этимъ началъ онъ.

— Да—я думаю.

— Онъ странно играетъ, всегда аребуръ и не отгибается; когда везетъ, это хорошо, но за то, когда уже не пойдетъ, можно ужасно проигратъся. Онъ и доказалъ это. Въ этотъ отрядъ, ежели считать съ вещами, онъ больше полуторы тысячи проигралъ. — А какъ игралъ воздержно прежде, такъ что этотъ вашъ офицеръ какъ будто сомнѣвался въ его честности.

— Да это онъ такъ... Никита, не осталось ли у насъ чихиря? сказалъ я, очень облегченный разговорчивостью Гуськова. — Никита поворчалъ еще, но принесъ намъ чихиря, и снова съ злобой посмотрѣлъ, какъ Гуськовъ выпилъ свой стаканъ. — Въ обращеніи Гуськова замѣтна стала прежняя развязность. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ ушелъ поскорѣе и казалось, что онъ этого не дѣлаетъ только потому, что ему совѣстно было уйдти тотчасъ послѣ того, какъ онъ получилъ деньги. Я молчалъ.

— Какъ это вы съ средствами, безъ всякой надобности, рѣшились *de gaieté de coeur* идти служить на Кавказъ? вотъ чего я не понимаю, сказалъ онъ мнѣ.

Я постарался оправдаться въ такомъ странномъ для него поступкѣ.

— Я воображаю и для васъ какъ тяжело общество этихъ офицеровъ, людей безъ понятія объ образованіи. Вы не можете съ ними понимать другъ друга. Вѣдь кромѣ картъ, вина и разговоровъ о наградахъ и

походахъ, вы десять лѣтъ проживете, ничего не увидите и не услышите.

Мнѣ было непріятно, что онъ хотѣлъ, чтобы я непременно раздѣлялъ его положеніе и совершенно искренно увѣрялъ его, что я очень любилъ и карты, и вино, и разговоры о походахъ, и что лучше тѣхъ товарищей, которые у меня были, я не желалъ имѣть. Но онъ не хотѣлъ вѣрить мнѣ. Ну, вы это такъ говорите, продолжалъ онъ, а отсутствіе женщинъ, т. е. я разумѣю *femmes comme il faut*, развѣ это не ужасное лишеніе? Я не знаю, чтобы я далъ теперь, чтобъ только на минутку перенестись въ гостиную и хоть сквозь щелочку посмотрѣть на милую женщину.

Онъ помолчалъ немного и выпилъ еще стаканъ чихири.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Можетъ случиться еще намъ когда нибудь встрѣтиться въ петербургѣ, у людей, быть и жить съ людьми, съ женщинами. Онъ выпилъ послѣднее вино, оставшееся въ бутылкѣ и выпивъ его, сказалъ: ахъ, *pardou*, можетъ быть, вы хотѣли еще, я ужасно разсѣянъ. Однако я, кажется, слишкомъ много выпилъ *et je n'ai pas la tête forte*. Было время, когда я жилъ на Морской *au rez de chaussée*, у меня была чудная квартира, мебель, знаете, я умѣлъ это устроить изящно, хотя не слишкомъ дорого, правда: *mon père* далъ мнѣ фарфоры, цвѣты, серебра чудеснаго. *Le matin je sortais*, визиты, *à 5 heures régulièrement* я ѣхалъ обѣдать къ ней, часто она была одна. *Il faut avouer que c'était une femme ravissante!* вы ее не знали? нисколько?

— Нѣтъ.

— Знаете, эта женственность была у нея въ высшей степени, нѣжность и потому что за любовь? Господи! я не умѣлъ цѣнить тогда этого счастья. Или послѣ театра, мы возвращались вдвоемъ и ужинали. Никогда съ ней скучно не было, *toujours gaie, toujours aimante*. Да, я и не предчувствовалъ какое это было рѣдкое счастье. *Et j'ai beaucoup à me reprocher* передъ нею. *Je l'ai fait souffrir et souvent*. Я былъ жестокъ. Ахъ, какое чудное было время! Вамъ скучно?

— Нѣтъ, нисколько.

— Такъ я вамъ расскажу наши вечера. Бывало я вхожу—эта лѣстница, каждый горшокъ цвѣтовъ я зналъ—ручка двери, все это такъ мило, знакомо, потомъ передняя ея комната... Нѣтъ, уже это никогда, никогда не возвратится! Она и теперь пишетъ мнѣ, я вамъ, пожалуй, покажу ея письма. Но я ужъ не тотъ, я погибъ, я уже не стою ее... Да, я окончательно погибъ! *Je suis cassé*. Нѣтъ во мнѣ ни энергіи ни гордости, ничего. Даже благородства нѣтъ... Да, я погибъ! И никто никогда не пойметъ моихъ страданій. Всѣмъ все равно. Я пропащій человѣкъ! никогда ужъ мнѣ не подняться, потому что я морально упалъ... въ грязь... упалъ... Въ эту минуту въ его словахъ слышно было искренное, глубокое отчаяніе: онъ не смотрѣлъ на меня и сидѣлъ неподвижно.

— Зачѣмъ такъ отчаяваться? сказалъ я.

— Оттого, что я мерзокъ, эта жизнь уничтожила меня, все что во мнѣ было, все убито.—Я терплю ужъ не съ гордостью, а съ подлостью, *dignité dans le malheur* уже нѣтъ. Меня унижаютъ ежеминутно, я все терплю, самъ лѣзу на униженія. Эта грязь *à déteint sur moi*, я самъ сталъ грубъ, я забылъ что зналъ, я по-французски ужъ не могу говорить, я чувствую, что я подлъ и низокъ. Дратъся я не могу въ этой обстановкѣ, рѣшительно не могу, я бы можетъ быть былъ герой: дайте мнѣ полкъ, золотые эполеты, трубачей, а идти рядомъ съ какимъ-то дикимъ Антономъ Бондаренко и т. д., и думать, что между мной и имъ нѣтъ ни какой разницы—что меня убьютъ или его убьютъ—все равно, эта мысль убиваетъ меня. Вы понимаете ли какъ ужасно думать, что какой нибудь оборванецъ убьетъ меня, человѣка, который думаетъ; чувствуетъ и что все равно бы было рядомъ со мной убить Антонова, существо ни чѣмъ не отличающееся отъ животнаго и что легко можетъ случиться, что убьютъ именно меня, а не Антонова, какъ всегда бываетъ *une fatalité* для всего высокаго и хорошаго. Я знаю, что они зовутъ меня трусомъ, пускай я трусъ, я точно трусъ и не могу быть другимъ. Мало того, что я трусъ, я по ихнему нищій и презрѣнный человѣкъ. Вотъ я у васъ сейчасъ выпросилъ денегъ и вы имѣете право презирать меня. Нѣтъ, возьмите назадъ ваши деньги, и онъ протянулъ мнѣ скомканную бумажку. Я хочу, чтобъ вы меня уважали. Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ; я рѣшительно не зналъ, что говорить и дѣлать.

— Успокойтесь, говорилъ я ему, вы слишкомъ чувствительны, не принимайте все къ сердцу, не анализируйте, смотрите на вещи проще. Вы сами говорите, что у васъ есть характеръ. Возьмите на себя, вамъ не долго уже осталось терпѣть, говорилъ я ему, но очень не складно, потому что былъ взволнованъ и чувствомъ состраданія, и чувствомъ раскаянія въ томъ, что я позволилъ себѣ мысленно осуждать человѣка истинно и глубоко несчастливаго.

— Да, началъ онъ; ежели бы я слышалъ хоть разъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ этомъ аду, хоть одно слово участія, совѣта, дружбы—человѣческое слово, такое, какое я отъ васъ слышу. Можетъ быть я бы могъ спокойно переносить все, можетъ я даже взялъ бы на себя и могъ быть даже солдатомъ, но теперь это ужасно... Когда я разсуждаю здраво я желаю смерти, да и зачѣмъ мнѣ любить опозоренную жизнь и себя, который погибъ для всего хорошаго въ мірѣ? а при малѣйшей опасности, я вдругъ невольно начинаю обожать эту подлую жизнь и беречь ее, какъ что-то драгоценное и не могу, *je ne puis pas*, преодолѣть себя. — То есть я могу, продолжалъ онъ опять послѣ минутнаго молчанія, но мнѣ это стоитъ слишкомъ большаго труда, громаднаго труда, коли я одинъ. Съ другими въ обыкновенныхъ условіяхъ, какъ вы идете въ дѣло, я храбръ, *j'ai fait mes preuves*, потому что я самолюбивъ и

гордь: это мой порокъ и при другихъ... Знаете, позвольте мнѣ ночевать у васъ, а то у насъ цѣлую ночь игра будетъ, мнѣ гдѣ нибудь, на землѣ.

Пока Никита устроивалъ постель, мы встали и стали снова ходить въ темнотѣ по батарее. Дѣйствительно, у Гуськова голова была, должно быть, очень слаба, потому что съ двухъ рюмокъ водки и двухъ стакановъ вина онъ покачивался. Когда мы встали и отошли отъ свѣчки, я замѣтилъ, что онъ, стараясь, чтобы я не видалъ этого, сунулъ снова въ карманъ десяти-рублевую бумажку, которую во все время предшествовавшего разговора держалъ въ ладони. Онъ продолжалъ говорить, что онъ чувствуетъ, что можетъ еще подняться, ежели бы былъ у него человекъ какъ я, который бы принималъ въ немъ участіе.

Мы уже хотѣли идти въ палатку ложиться спать, какъ вдругъ надъ нами просвистѣло ядро и не далеко ударилося въ землю. Такъ странно было, этотъ тихій спящій лагерь, нашъ разговоръ и вдругъ ядро непріятельское, которое, Богъ знаетъ откуда, влетѣло въ середину нашихъ палатокъ, такъ странно, что я долго не могъ дать себѣ отчета, что это такое.—Нашъ солдатикъ Андреевъ, ходившій на часахъ по батарее, подвинулся ко мнѣ.—Вишь подкрался! Вотъ тутъ огонь видать было, сказалъ онъ.

— Надо капитана разбудить, сказалъ я, и взглянулъ на Гуськова.

Онъ стоялъ пригнувшись совсѣмъ къ землѣ и заикался, желая выговорить что-то. Это... а то... непріа... это пре...смѣшно. Больше онъ не сказалъ ничего, и я не видалъ какъ и куда онъ исчезъ мгновенно.

Въ капитанской палаткѣ зажглась свѣча, послышался его всегдашній пробудный кашель и онъ самъ скоро вышелъ оттуда, требуя пальникъ, чтобы закурить свою маленькую трубочку.

— Что это, батюшка, сказалъ онъ улыбаясь, не хотятъ мнѣ нынче спать давать: то вы, съ своимъ разжалованнымъ, то Шамиль; что же мы будемъ дѣлать, отвѣчать или нѣтъ. Ничего не было объ этомъ въ приказаніи?

— Ничего. Вотъ онъ еще, сказалъ я, и изъ двухъ. Дѣйствительно во мракѣ, справа впереди, загорѣлось два огня, какъ два глаза, и скоро надъ нами пролетѣло одно ядро, и одна, должно быть наша, пустая граната, производившая громкій и пронзительный свистъ. Изъ сосѣднихъ палатокъ повывѣзали солдатики, слышно было ихъ побрякиванье и потягиванье и говоръ.

— Вишь, въ очко свиститъ, какъ соловей, замѣтилъ артиллеристъ.

— Позовите Никиту, сказалъ капитанъ, съ своей всегдашней доброй усмѣшкой. Никита! ты не прячься, а горныхъ соловьевъ послушай.

— Чтожъ, ваше высокоблагородіе, говорилъ Никита, стоя подлѣ капитана, я ихъ видалъ, соловьевъ-то, я небоюсь, а вотъ гость-то, что тутъ былъ, нашъ чихирь пилъ, какъ услышалъ, такъ

живо стречка далъ мимо нашей палатки, шаромъ прокатился, какъ звѣрь какой изогнулся!

— Однако, надо съѣздить къ начальнику артиллеріи, сказалъ мнѣ капитанъ серьезнымъ начальническимъ тономъ, спросить, стрѣлять ли на огонь, или нѣтъ, оно толку не будетъ, но все-таки можно. Потрудитесь, съѣздите и спросите. Велите лошадь осѣдлатъ, скорѣй будетъ, хоть моего Полкана возьмите.

Черезъ пять минутъ мнѣ подали лошадь и я отправился къ начальнику артиллеріи.—Смотрите, отъѣхавъ *дышло*, шепнулъ мнѣ пунктуальный капитанъ, а то въ цѣпи не пропустятъ.

До начальника артиллеріи было съ полверсты, вся дорога шла между палатокъ. Какъ только я отъѣхалъ отъ нашего костра, сдѣлалось такъ темно, что я не видалъ даже ушей лошади, а только огни костровъ, казавшіеся мнѣ то очень близко, то очень далеко, мерещились у меня въ глазахъ. Отъѣхавъ немного по милости лошади, которой я пустилъ поводья, я сталъ различать бѣлыя четвероугольныя палатки, потомъ и черныя колени дороги, черезъ полчаса, спросивъ раза три дорогу, раза два зацѣпивъ за колышки платокъ, за что получалъ всякій разъ ругательства изъ палатокъ, и раза два остановленный часовыми, я пріѣхалъ къ начальнику артиллеріи. Покуда я ѣхалъ, я слышалъ еще два выстрѣла по нашему лагерю, но снаряды не долетали до того мѣста, гдѣ стоялъ штабъ. Начальникъ артиллеріи не приказалъ отвѣчать на выстрѣлы, тѣмъ болѣе, что непріятель пріостановился, и я отправился домой, взявъ лошадь въ поводъ и пробираясь пѣшкомъ между пѣхотными палатками. Не разъ я уменьшалъ шагъ, проходя мимо солдатской палатки, въ которой свѣтился огонь и прислушивался или къ сказкѣ, которую рассказывалъ балагуръ, или къ книжкѣ, которую читалъ грамотѣй и слушало цѣлое отдѣленіе, биткомъ набившись въ палаткѣ и около нея, прерывая чтеца изрѣдка разными замѣчаніями, или просто къ толкамъ о походѣ, о родинѣ, о начальникахъ.

Проходя около одной изъ палатокъ 3-го баталіона, я услышалъ громкій голосъ Гуськова, который говорилъ очень весело и бойко. Ему отвѣчали молодые, тоже веселые господскіе, не солдатскіе голоса. Это очевидно была юнкерская или фельдфебельская палатка. Я остановился.

— Я его давно знаю, говорилъ Гуськовъ: когда я жилъ въ Петербургѣ, онъ ко мнѣ ходилъ часто и я бывалъ у него, онъ очень въ хорошемъ свѣтѣ жилъ.

— Про кого ты говоришь? спросилъ пьяный голосъ.

— Про князя, сказалъ Гуськовъ, Мы вѣдь родня съ нимъ, а главное старые пріятели. Оно, знаете, господа, хорошо этакого знакомаго имѣть. Онъ вѣдь богатъ страшно. Ему сто цѣлковыхъ пустяки. Вотъ и взялъ у него немного денегъ, пока мнѣ сестра приплетъ.

— Ну, посылай же.

— Сейчас. Савельичъ, голубчикъ! заговорилъ голосъ Гуськова, подвигаясь къ дверямъ палатки, вотъ тебѣ десять монетовъ, поди къ маркитанту возьми двѣ бутылки кахетинскаго и еще что? Господа? Говорите; и Гуськовъ шатаясь, съ спутанными волосами, безъ шапки, вышелъ изъ палатки. Отворотивъ полы полушубка и засунувъ руки въ карманы своихъ сѣренскихъ панталонъ, онъ оста-

новился въ двери. Хотя онъ былъ въ свѣту, а я въ темнотѣ, я дрожалъ отъ страха, чтобы онъ не увидалъ меня и, стараясь не дѣлать шума, пошелъ дальше.

— Кто тутъ? закричалъ на меня Гуськовъ совершенно пьянымъ голосомъ. Видно на холодѣ разобрало его. Какой тутъ чортъ съ лошадыю шляется?

Я не отвѣчалъ и молча выбрался на дорогу.

МЕТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

МЕТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ седьмомъ часу вечера, я, напившись чаю, выѣхалъ со станціи, которой названія уже не помню, но помню, гдѣ-то въ Землѣ Войска Донскаго, около Новочеркасска. Было уже темно, когда я, закутавшись въ шубу и полость, рядомъ съ Алешкой, усѣлся въ сани. За станціоннымъ домомъ казалось тепло и тихо. Хотя снѣгу не было сверху, надъ головой не виднѣлось ни одной звѣздочки и небо казалось чрезвычайно низкимъ и чернымъ сравнительно съ чистой снѣжной равниной, растлавшейся впереди насъ.

Едва миновавъ темныя фигуры мельницъ, изъ которыхъ одна неуклюже махала своими большими крыльями, и выѣхавъ за станицу, я замѣтилъ, что дорога стала тяжелѣе и засыпаннѣе, вѣтеръ сильнѣе сталъ дуть мнѣ въ лѣвую сторону, заносить въ бокъ хвосты и гривы лошадей и упрямо поднимать и относить снѣгъ, разрываемый полозьями и копытами. Колокольчикъ сталъ замирать, струйка холоднаго воздуха пробѣжала черезъ какое-отъ отверстіе въ рукавѣ, за спину, и мнѣ пришелъ въ голову совѣтъ зрителя не ѣздить лучше, чтобъ не проплутать всю ночь и не замерзнуть дорогой.

— Не заблудиться бы намъ? сказалъ я ямщику. — Но, не получивъ отвѣта, яснѣе предложилъ вопросъ: — Чтѣ, доѣдемъ до станціи, ямщикъ? не заблудимся?

— А Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, не поворачивая головы: — вишь, какая поземная расходится: ничего дороги не видать. Господи-батюшка!

— Да ты скажи лучше, надѣешься ты довезти до станціи или нѣтъ? продолжалъ я спрашивать. — Доѣдемъ ли?

— Должны доѣхать, сказалъ ямщикъ и еще продолжалъ говорить что-то, чего уже я не могъ слышать за вѣтромъ.

Ворочаться мнѣ не хотѣлось; но и проплутать всю ночь въ морозъ и метель въ совершенно голой степи, какова эта часть Земли Войска Донскаго, казалось очень невесело. Притомъ же, несмотря на то, что въ темнотѣ я не могъ размо-

трѣть его хорошенько, ямщикъ мой почему-то мнѣ не нравился и не внушалъ къ себѣ довѣрія. Онъ сидѣлъ совершенно по срединѣ, съ ногами, а не съ боку, роста былъ слишкомъ большаго, голосъ у него былъ лѣнивый, шапка какая-то не ямская — большая, раскачивающаяся въ разныя стороны; да и понукалъ онъ лошадей не такъ, какъ слѣдуетъ, а держа возжи въ обѣихъ рукахъ, точно какъ лакей, который сѣлъ на козлы за кучера, и, главное, не довѣрялъ я ему почему-то за то, что у него уши были подвязаны платкомъ. Однимъ словомъ, не нравилась и какъ будто не общала ничего хорошаго эта серьезная, сгорбленная спина, торчавшая передо мною.

— А по моему, лучше бы воротиться, сказалъ мнѣ Алешка: — плутать-то чтѣ веселаго!

— Господи-батюшка! вишь несетъ какая кура! ничего дороги не видать, всѣ глаза залѣпило... Господи-батюшка! ворчалъ ямщикъ.

Не проѣхали мы четверти часа, какъ ямщикъ, остановивъ лошадей, передалъ возжи Алешкѣ, неловко выпросталъ ноги изъ сидѣнья и, хрустя большими сапогами по снѣгу, пошелъ искать дорогу.

— Чтѣ? куда ты? сбился, что ли? спрашивалъ я; но ямщикъ не отвѣчалъ мнѣ, а, отвернувъ лицо въ сторону отъ вѣтра, который сѣкъ ему глаза, отошелъ отъ саней.

— Ну чтѣ? есть? повторилъ я, когда онъ вернулся.

— Нѣту ничего, сказалъ онъ мнѣ вдругъ нетерпѣливо и съ досадой, какъ будто я былъ виноватъ въ томъ, что онъ сбился съ дороги, и, медлительно опять просунувъ свои большія ноги въ передокъ, сталъ разбирать возжи замерзлыми рукавицами.

— Чтѣ жъ будемъ дѣлать? спросилъ я, когда мы снова тронулись.

— Чтѣ жъ дѣлать! поѣдемъ, куда Богъ дастъ.

И мы поѣхали тою же мелкой рысью, уже очевидно цѣликомъ, гдѣ по сыпучему въ четверть снѣгу, гдѣ по хрупкому, голому насту.

Несмотря на то, что было холодно, снѣгъ на воротникѣ таялъ весьма скоро; замѣтъ низовая

все усиливалась, и сверху начиналъ падать рѣдкій сухой снѣгъ.

Ясно было, что мы ѣдемъ Богъ знаетъ куда, потому что, проѣхавъ еще съ четверть часа, мы не видали ни одного верстоваго столба.

— Что, какъ ты думаешь, спросилъ я опять ямщика—доѣдемъ мы до станціи?

— До которой? Назадъ пріѣдемъ, коли дать волю лошадямъ: онѣ привезутъ; а на ту врядъ... только себя погубить можно.

— Ну, такъ пускай назадъ, сказалъ я: — и въ самомъ дѣлѣ...

— Стало, ворочаться? повторилъ ямщикъ.

— Да, да, ворочайся!

Ямщикъ пустилъ возжи. Лошади побѣжали шибче, и хотя я не замѣтилъ, чтобы мы поворачивали, вѣтеръ перемѣнился и скоро сквозь снѣгъ завиднѣлись мельницы. Ямщикъ пріободрился и сталъ разговаривать.

— Анадъсь такъ-то въ замѣть обратные съ той станціи поѣхали, сказалъ онъ: — да въ стогахъ и ночевали, къ утру только пріѣхали. Спасибо еще къ стогамъ прибились, а то всѣ бы чисто позамерзли — холодъ былъ. И то одинъ ноги позаморозилъ, — такъ три недѣли отъ нихъ умиралъ.

— А теперь вѣдь не холодно и потише стало, сказалъ я: — можно бы ѣхать?

— Оно тепло-то, тепло, да мятетъ. Теперь вздъ, такъ оно полегче кажетъ: а мятетъ дуже. Ёхать бы можно, кабы кулерьъ али что, по своей волѣ; а то вѣдь шутка ли — сѣдока заморозить. Какъ потомъ за вашу милость отвѣчать?

II.

Въ это время сзади насъ слышались колокольчики нѣсколькихъ троекъ, которыя шибко догоняли насъ.

— Колоколь кулерьскій, сказалъ мой ямщикъ: — одинъ такой на всей станціи есть.

И, дѣйствительно, колокольчикъ передовой тройки, звукъ котораго уже ясно доносился по вѣтру, былъ чрезвычайно хорошъ: чистый, звучный, басыстый и дребезжащій немного. Какъ я потомъ узналъ, это было охотничье заведеніе: три колокольчика — одинъ большой въ серединѣ, съ малиновымъ звономъ, какъ называется, и два маленькіе, подобранные въ терцію. Звукъ этой терціи и дребезжащей квинты, отзывавшейся въ воздухѣ, былъ необыкновенно поразителенъ и странно хорошъ, въ этой пустынной, глухой степи.

— Пошта бѣжитъ, сказалъ мой ямщикъ, когда передняя изъ трехъ троекъ поровнялась съ нами. — А что дорога? проѣхать можно? крикнулъ онъ заднему изъ ямщиковъ; но тотъ только крикнулъ на лошадей и не отвѣчалъ ему.

Звукъ колокольчиковъ быстро замеръ по вѣтру, какъ только почта миновала насъ.

Должно быть, моему ямщику стало стыдно.

— А то поѣдете, баринъ! сказалъ онъ мнѣ: — люди проѣхали — теперь же ихъ слѣдокъ свѣжій.

Я согласился, и мы снова повернули противъ вѣтра и потащились впередъ по глубокому снѣгу. Я смотрѣлъ съ боку на дорогу, чтобы не сбиться со слѣда, проложеннаго санями. Версты двѣ слѣдъ былъ видѣнъ ясно; потомъ замѣтна стала только маленькая неровность подъ полозьями, а скоро уже я рѣшительно не могъ узнать, слѣдъ ли это, или просто наметенный слой снѣга. Глаза притупѣли смотрѣть на однообразное убѣганіе снѣга подъ полозьями, и я сталъ глядѣть прямо. Третій верстовой столбъ мы еще видѣли, но четвертаго никакъ не могли найти; какъ и прежде, ѣздили и противъ вѣтра и по вѣтру, и вправо и влево и наконецъ дошли до того, что ямщикъ говорилъ будто мы сбились вправо, я говорилъ, что влево, а Алешка доказывалъ, что мы все ѣдемъ назадъ. Снова мы нѣсколько разъ останавливались, ямщикъ выпрастывалъ свои большія ноги и лазилъ искать дорогу; но все тщетно. Я тоже пошелъ было разъ посмотреть, не дорога ли то, что мнѣ мерещилось; но едва я съ трудомъ сдѣлалъ шаговъ шесть противъ вѣтра и убѣдился, что вездѣ были одинаковые, однообразные бѣлые слои снѣга и дорога мнѣ виднѣлась только въ воображеніи, какъ уже я не видалъ саней. Я закричалъ: «Ямщикъ! Алешка!» но голосъ мой — я чувствовалъ, какъ вѣтеръ подхватывалъ прямо изо рта и уносилъ въ одно мгновеніе куда-то прочь отъ меня. Я пошелъ туда, гдѣ были сани — саней не было, пошелъ направо — тоже нѣтъ. Мнѣ совѣстно вспомнить, какимъ громкимъ, пронзительнымъ, даже немного отчаяннымъ голосомъ я закричалъ еще разъ: «Ямщикъ!» тогда какъ онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Его черная фигура, съ кнутикомъ и съ огромной, свихнувшейся на бокъ шапкой, вдругъ выросла передо мной. Онъ провелъ меня къ санямъ.

— Еще спасибо — тепло, сказалъ онъ: — а морозомъ хватить — бѣда!.. Господи-батюшка!

— Пускай лошадей, пусть везутъ назадъ, сказалъ я, усѣвшись въ сани. — Привезутъ? а, ямщикъ?

— Должны привезть.

Онъ бросилъ возжи, ударилъ раза три кнутикомъ по сѣделкѣ коренную, и мы опять поѣхали куда-то. Мы ѣхали съ полчаса. Вдругъ впереди насъ слышались опять знакомый мнѣ охотничій колокольчикъ и еще два; но теперь они подвигались намъ на встрѣчу. Это были тѣ же три тройки, уже сложившія почту и съ обратными лошадьми, привязанными сзади, возвращавшіяся на станцію. Курьерская тройка крупныхъ лошадей съ охотничьимъ колокольчикомъ шибко бѣжала впереди. Въ ней сидѣлъ одинъ ямщикъ на облучкѣ и бойко покрикивалъ. Сзади, въ серединѣ пустыхъ саней, сидѣло по двое ямщиковъ, слышался ихъ громкій и веселый говоръ. Одинъ изъ нихъ курилъ трубку, и искра, вспыхнувъ на вѣтру, освѣтила часть его лица.

Глядя на нихъ, мнѣ стало стыдно, что я боялся ѣхать и ямщикъ мой, должно быть, испыталь то же чувство, потому что мы въ одинъ голосъ сказали: «Поѣдемъ за ними».

III.

Не пропустивъ еще послѣдней тройки, мой ямщикъ сталъ неловко поворачивать и наѣхалъ оглоблями на привязанныхъ лошадей. Одна тройка изъ нихъ шарахнулась, оторвала поводъ и поскакала въ сторону.

— Вишь, чортъ косоглазый не видитъ! куда воротить — на людей. Чортъ! принялся ругаться, хриплымъ, дребезжащимъ голосомъ, одинъ невысокій ямщикъ, старичокъ, сколько я могъ заключить, по голосу и сложенію, сидѣвшій въ задней тройкѣ, живо выскочилъ изъ саней и побѣжалъ за лошадьми, продолжая грубо и жестоко бранить моего ямщика.

Но лошади не давались. Ямщикъ побѣжалъ за ними и въ одну минуту и лошади и ямщикъ скрылись въ бѣлой мглѣ метели.

— Васили-ій! давай сюда буланаго: такъ не пойма-ешь, слышался еще его голосъ.

Одинъ изъ ямщиковъ, весьма высокій мужчина, вылѣзъ изъ саней, молча отвязалъ свою тройку, взлѣзъ по шлѣѣ на одну изъ лошадей и, хрустя по снѣгу, спутаннымъ галопцемъ скрылся по тому же направленію.

Мы же съ двумя другими тройками, вслѣдъ за курьерской, которая, звеня колокольчикомъ, полной рысью бѣжала впереди, безъ дороги пустились дальше.

— Какже! поймаешь! сказалъ мой ямщикъ на того, который побѣжалъ ловить лошадей. Ужъ коли къ лошадямъ не пошла, значить, оголтѣлая лошадь, туда заведетъ, что и... не выйдетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ямщикъ мой ѣхалъ сзади, онъ сдѣлался какъ будто веселѣе и разговорчивѣе, чѣмъ я, такъ какъ мнѣ еще спать не хотѣлось, разумѣется не преминулъ воспользоваться. Я сталъ его разспрашивать, откуда и какъ и что онъ, и скоро узналъ, что онъ землякъ мнѣ, тульскій, господскій, изъ села Кирпичнаго, что у нихъ земель мало стало и совсѣмъ хлѣбъ рожать перестали съ самой холеры, что ихъ въ семьѣ два брата, третій къ солдаты пошелъ, что хлѣба до Рождества недостаетъ и живутъ заработками, что меньшей братъ хозяинъ въ дому, потому что женатый, а самъ онъ вдовецъ; что изъ ихъ села каждый годъ сюда артели ямщиковъ ходятъ, что онъ хоть не ѣзжалъ ямщикомъ, а пошелъ на почту, чтобъ поддержка брату была, что живетъ здѣсь, слава Богу, по 120 р. ассигн. въ годъ, изъ которыхъ сто въ семью посылаетъ, и что жить бы хорошо, «да кульеры оченно звѣри да и народъ здѣсь все ругатель».

— Ну, чего ругался ямщикъ-то этотъ? Господи-батюшка! развѣ я нарочно ему лошадей оборвалъ? развѣ я кому злодѣй? И чего поскакалъ за ними! сами бы пришли; а то только лошадей заморить да и самъ пропадетъ, повторялъ богобоязненный мужичекъ.

— А это что чернѣется? спросилъ я, замѣчая нѣсколько черныхъ предметовъ впереди насъ.

— А обозъ. То-то любезная ѣзда! продолжалъ онъ, когда мы поровнялись съ огромными, покрытыми рогожами возами, шедшими другъ за другомъ на колесахъ. — Гляди, ни одного человѣка не видать—все спятъ. Сама умная лошадь знаетъ: не собьешь ее съ дороги никакъ. Мы тоже ѣзжали съ рядомъ, прибавилъ онъ, такъ знаемъ.

Дѣйствительно странно было смотрѣть на эти огромные возы, засыпанные отъ рогожного верху до колесъ снѣгомъ, двигавшіеся совершенно одни. Только въ переднемъ углу поднялась немного на два пальца покрытая снѣгомъ, рогожа, и на минуту высунулась оттуда шапка, когда наши колокольчики прозвенѣли около обоза. Большая пѣгая лошадь, вытянувъ шею и напругши спину, мѣрно ступала по совершенно занесенной дорогѣ, однообразно качала подъ побѣлѣвшей дугой своей косматой головой, и насторожила одно занесенное снѣгомъ ухо, когда мы поровнялись съ ней.

Проѣхавъ еще съ полчаса молча, ямщикъ снова обратился ко мнѣ.

— А что, какъ вы думаете, баринъ, мы хорошо ѣдемъ?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Прежде вѣтеръ во какъ былъ; а теперь мы вовсе подъ погодой ѣдемъ. Нѣтъ, мы не туда ѣдемъ, мы тоже плутаемъ, заключилъ онъ совершенно спокойно.

Видно было, что несмотря на то, что онъ былъ очень трусоватъ — на-міру и смерть красна — онъ совершенно сталъ спокоенъ съ тѣхъ поръ, какъ насъ было много и не онъ долженъ былъ быть руководителемъ и отвѣтчикомъ. Онъ прехладнокровно дѣлалъ наблюденія надъ ошибками передоваго ямщика, какъ будто ему до этого ни малѣйшаго дѣла не было. Дѣйствительно, я замѣчалъ, что иногда передовая тройка становилась мнѣ въ профиль слѣва, иногда справа; мнѣ даже казалось, что мы кружимся на очень маломъ пространствѣ. Впрочемъ, это могъ быть обманъ чувствъ, какъ и то, что мнѣ казалось иногда, что передовая тройка взѣзжаетъ на гору или ѣдетъ по кособогу или подъ гору, тогда какъ степь была вездѣ ровная.

Проѣхавъ еще нѣсколько времени, я увидѣлъ, какъ мнѣ показалось, далеко, на самомъ горизонтѣ, черную, длинную, двигавшуюся полосу; но черезъ минуту мнѣ уже ясно стало, что это былъ тотъ же самый обозъ, который мы обогнали. Точно также снѣгъ засыпалъ скрипучія колеса, изъ которыхъ нѣкоторые не вертѣлись даже; точно такъ же люди все спали подъ рогожами, и также пе-

редовая, пѣгая лошадь, раздувая ноздри, обнюхивала дорогу и настороживала уши.

— Вишь, кружили, кружили, опять къ тому же обозу выѣхали! сказалъ мой ямщикъ, недовольнымъ тономъ.—Кульерскія лошади добрыя: то-то онъ такъ и гонитъ дуромъ; а наши такъ и вовсе станутъ, коли такъ всю ночь проѣздимъ.

Онъ прокашлялся.

— Вернемся-ка баринъ отъ грѣха.

— Зачѣмъ? куда нибудь да приѣдемъ.

— Куда приѣхать? ужъ будемъ въ степи ночевать. Какъ мететь... Господи-батюшка!

Хотя меня удивило то, что передовой ямщикъ, очевидно уже потерявъ и дорогу и направление, не отыскивалъ дороги, а, весело покрикивая, продолжалъ ѣхать полной рысью, я уже не хотѣлъ отставать отъ нихъ.

— Пошелъ за ними, сказалъ я.

Ямщикъ поѣхалъ, но еще не охотнѣе погонялъ, чѣмъ врежде, и уже больше не заговаривалъ со мной.

IV.

Метель становилась сильнѣе и сильнѣе, и сверху снѣгъ шелъ сухой и мелкій; казалось, начинало подмораживать: носъ и щеки сильнѣе зябли, чаще пробѣгала подъ шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться. Изрѣдка сани постукивали по голому, обледенѣлому черепку, съ котораго снѣгъ сметало. Такъ какъ я, не почувя, ѣхалъ уже шестую сотню верстъ, несмотря на то, что меня очень интересовалъ исходъ нашего плутанья, я невольно закрывалъ глаза и задремывалъ. Разъ, когда я открылъ глаза, меня поразилъ, какъ мнѣ показалось въ первую минуту, яркій свѣтъ, освѣщавшій бѣлую равнину: горизонтъ значительно расширился, черное низкое небо вдругъ исчезло со всѣхъ сторонъ, видны были бѣлыя, косыя линіи падающаго снѣга; фигуры передовыхъ троихъ виднѣлись яснѣе, и, когда я посмотрѣлъ вверхъ, мнѣ показалось въ первую минуту, что тучи разошлись и что только падающій снѣгъ застилаетъ небо. Въ то время какъ я вздремнулъ, взошла луна и бросала, сквозь неплотныя тучи и падающій снѣгъ, свой холодный и яркій свѣтъ. Одно, чтó я видѣлъ ясно, это были мои сани, лошади, ямщикъ и три тройки, ѣхавшія впереди: первая—курьерская, въ которой все также на облукѣ сидѣлъ одинъ ямщикъ и гналъ крупной рысью; вторая, въ которой, бросивъ возжи и сдѣлавъ себѣ изъ армяка *затяжку*, сидѣли двое и, не переставая, курили трубочку, чтó видно было по искрамъ, блестящимъ оттуда, а третья, въ которой никого не видно было, и предположительно ямщикъ спалъ въ серединѣ. Передовой ямщикъ, однако, когда я проснулся, изрѣдка сталъ останавливать лошадей и искать дороги. Тогда, только-что мы останавливались, слышнѣе становилось завываніе вѣтра и виднѣе поразительно огромное количество снѣ-

га, носящагося въ воздухѣ. Мнѣ видно было, какъ, при лунномъ, застилаемомъ метелью свѣтѣ, невысокая фигура ямщика, съ кнутовищемъ въ рукѣ, которымъ онъ ощупывалъ снѣгъ впереди себя, двигалась взадъ и впередъ въ свѣтлой мглѣ, снова подходила къ санямъ, вскакивала бочкомъ на передокъ, и слышались снова, среди однообразнаго свистѣнія вѣтра, ловкое, звучное побрякиванье и звучаніе колокольчиковъ. Когда передовой ямщикъ вылѣзалъ, чтобы искать признаковъ дороги или стоговъ, изъ вторыхъ саней всякій разъ слышался бойкій, самоувѣренный голосъ одного изъ ямщиковъ, который кричалъ передовому:

— Слышь, Игнашка! влѣво совѣмъ забрали: правѣй забирай подъ погоду-то. — Или: чтó кружишь дуромъ? по снѣгу ступай, какъ снѣгъ лежитъ — какъ разъ выѣдешь. — Или: Вправо-то, вправо-то, пройди, братецъ ты мой! вишь, черпѣтъ что-то, столбъ никакъ. Или: чтó путаешь-то, чтó путаешь? Отпряжь-ка пѣгаго да пусти передомъ, такъ онъ какъ разъ тебя выведетъ на дорогу. Дѣло-то лучше будетъ!

Самъ же тотъ, который совѣтовалъ, не только не отпрягалъ пристяжной или не ходилъ по снѣгу искать дороги, но носу не высовывалъ изъ-за своего армяка, и когда Игнашка-передовой на одинъ изъ совѣтовъ его крикнулъ, чтобы онъ самъ ѣхалъ передомъ когда знаетъ куда ѣхать, то совѣтчикъ отвѣчалъ, что когда бы онъ на кульерскихъ ѣздилъ, то и поѣхалъ бы и вывелъ бы какъ разъ на дорогу. «А наши лошади въ замѣть передомъ не пойдутъ! крикнулъ онъ: — не такія лошади!»

— Такъ не мути! отвѣчалъ Игнашка, весело по-свистывая на лошадей.

Другой ямщикъ, сидѣвшій въ одинѣхъ саняхъ съ совѣтчикомъ, ничего не говорилъ Игнашкѣ и вообще не вмѣшивался въ это дѣло, хотя не спалъ еще, о чемъ я заключалъ по неугасаемой его трубочкѣ и потому, что, когда мы останавливались, я слышалъ его мѣрный, непрерываемый говоръ. Онъ рассказывалъ сказку. Разъ только, когда Игнашка, въ шестой или седьмой разъ остановился, ему видимо досадно стало, что прерывается его удовольствіе ѣзды, и онъ закричалъ ему:

— Ну чтó сталъ опять? Вишь, найти дорогу хочеть! Сказано метель! Теперь землемѣръ самый, и тотъ дороги не найдетъ. ѣхалъ бы, поколѣ лошади везутъ. Авось до смерти не замерзнемъ... пошелъ знай!

— Какже! небось, поштальонъ, въ прошломъ году, до смерти замерзъ! отозвался мой ямщикъ. Ямщикъ третьей тройки не просыпался все время. Только разъ, во время остановки, совѣтчикъ крикнулъ:

— Филиппъ! а, Филиппъ!

И, не получивъ отвѣта, замѣтилъ:

— Ужъ не замерзъ ли? Ты бы, Игнашка, посмотрѣлъ.

Игнашка, который поспѣвалъ на все, подошелъ къ санямъ и началъ толкать спящаго.

— Вишь, съ косушки какъ его разобрало! Замерзъ, такъ скажи! говорилъ онъ, раскачивая его. Спящій промычалъ что-то и ругнулся.

— Живъ, братцы! сказалъ Игнашка и снова побѣжалъ впередъ, и мы снова ѣхали, и даже такъ скоро, что маленькая гнѣдинькая пристяжная въ моей тройкѣ, безпрестанно постегиваемая въ хвостъ, не разъ попрыгивала неловкимъ галопцемъ.

V.

Уже, я думаю, около полуночи къ намъ подъѣхали старичокъ и Василій, догонявшіе оторвавшихся лошадей. Они поймали лошадей и нашли и догнали насъ; но какимъ образомъ сдѣлали они это въ темную, слѣпую метель, средь голой степи, мнѣ навсегда останется непонятнымъ. Старичокъ, размахивая локтями и ногами, рысью ѣхалъ на коренной (другія двѣ лошади были привязаны къ хомуту: въ метель нельзя бросать лошадей). Поровнявшись со мной, онъ снова принялся ругать моего ямщика:

— Вишь, чортъ косоглазый! право...

Э, дядя Митричъ! крикнулъ сказочникъ изъ вторыхъ саней: — живъ? полѣзай къ намъ.

Но старикъ не отвѣчалъ ему, а продолжалъ браниться. Когда ему показалось достаточнымъ, онъ подъѣхалъ ко вторымъ санямъ.

— Всѣхъ поймалъ? сказали ему оттуда.

— Ато нѣтъ!

И небольшая фигура его на рыси грудью взвалилась на сину лошади, потомъ соскочила на снѣгъ, не останавливаясь, пробѣжала за санями и ввалилась въ нихъ, съ выпущенными кверху черезъ грядку ногами. Высокій Василій, такъ же, какъ и прежде, молча сѣлъ въ переднія сани съ Игнашкой и съ нимъ вмѣстѣ сталъ искать дорогу.

— Вишь ругатель... Господи-батюшка! пробормоталъ мой ямщикъ.

Долго послѣ этого мы ѣхали, не останавливаясь, по бѣлой пустынѣ, въ холодномъ, прозрачномъ и колеблющемся свѣтѣ метели. Откроешь глаза—та же неуклюжая шапка и спина, занесенныя снѣгомъ, торчатъ передо мной, та же невысокая дуга, подъ которой между натянутыми ремнями поводками узды поматывается, все въ одномъ разстояніи, голова коренной съ черной гривой, мѣрно подбиваемой въ одну сторону вѣтромъ; виднѣтся изъ-за спины та же гнѣдинькая пристяжная направо, съ коротко подвязаннымъ хвостомъ и валькомъ, изрѣдка постукивающимъ о лубокъ саней. Посмотришь внизъ — тотъ же сыпучій снѣгъ разрываютъ полозья, и вѣтеръ упорно поднимаетъ и уноситъ все въ одну сторону. Впереди, на одномъ же разстояніи, убѣгаютъ передовыя тройки; справа, слѣва все бѣлѣетъ и мерещится. Напрасно глазъ ищетъ новаго предмета: ни столба, ни стога, ни забора—ничего не видно. Вездѣ все бѣло, бѣло и подвижно: то горизонтъ кажется необъятно далекимъ, то ска-

тымъ на два шага во всѣ стороны, то вдругъ бѣлая, высокая стѣна вырастаетъ справа и бѣжитъ вдоль саней, то вдругъ исчезаетъ и вырастаетъ спереди, чтобы убѣгать дальше и дальше и опять исчезнуть. Посмотришь ли наверхъ — покажется свѣтло въ первую минуту, кажется, сквозь туманъ видишь звѣзды; но звѣзды убѣгаютъ отъ взора выше и выше, и только видишь снѣгъ, который мимо глазъ падаетъ на лицо и воротникъ шубы; небо вездѣ одинаково свѣтло, одинаково бѣло, безцвѣтно однообразно и постоянно подвижно. Вѣтеръ какъ будто измѣняется: то дуетъ навстрѣчу и лѣпитъ глаза снѣгомъ, то съ боку досадно закидываетъ воротникъ шубы на голову и насмѣшливо треплетъ меня имъ по лицу, то сзади гудитъ въ какую нибудь скважину. Слышно слабое, неумолкаемое хрустѣніе копытъ и полозьевъ по снѣгу и замирающее, когда мы ѣдемъ по глубокому снѣгу, звяканье колокольчиковъ. Только изрѣдка, когда мы ѣдемъ противъ вѣтра и по голому намерзшему черепку, ясно долетаютъ до слуха энергическое по-свистыванье Игната и залихватный звонъ колокольчика, съ отзвучающей дребезжащей квинтой, и звуки эти вдругъ отрадно нарушаютъ унылый характеръ пустыни и потомъ снова звучатъ однообразно, съ несносной вѣрностью наигрывая все тотъ же самый мотивъ, который невольно я воображаю себѣ. Одна нога начала у меня зябнуть, и когда я поворачивался, чтобы лучше закрыться, снѣгъ, насыпавшійся на воротникъ и шапку про-скакивалъ за шею и заставлялъ меня вздрагивать; но мнѣ было, вообще, еще тепло въ обогрѣтой шубѣ, и дремота клонила меня.

VI.

Воспоминанія и представленія съ усиленной быстротой смѣнялись въ воображеніи.

«Совѣтчикъ, что все кричитъ изъ вторыхъ саней, какой это мужикъ долженъ быть? Вѣрно, рыжий, плотный, съ короткими ногами, думаю я—въ родѣ Ѳедора Филиппыча, нашего стараго буфетчика.» И вотъ я вижу лѣстницу нашего большого дома и пять человѣкъ дворовыхъ, которые, на полотенцахъ, тяжело ступая, тащатъ фортепьяно изъ флигеля; вижу Ѳедора Филиппыча, съ завороченными рукавами нанковаго сюртука, который несетъ одну педаль, забѣгаетъ впередъ, открываетъ задвижки, подергиваетъ тамъ за ручникъ, поталкиваетъ тутъ, пролѣзаетъ между ногъ; всѣмъ мѣшаетъ и озабоченнымъ голосомъ кричитъ, не переставая:

— На себя передовые-то, передовые. Вотъ такъ, хвостомъ-то въ гору, въ гору, въ гору, заноси въ дверь. Вотъ такъ.

— Уже вы позвольте, Ѳедоръ Филиппычъ! мы одни, робко замѣчаетъ садовникъ, прижатый къ периламъ, весь красный отъ напряженія, изъ послѣднихъ силъ поддерживая одинъ уголъ роля.

Но Ѳедоръ Филиппычъ не унимается.

«И что это?—разсуждать я—думаетъ онъ, что

онъ полезенъ, необходимъ для общаго дѣла, или, просто, радъ, что Богъ далъ ему это самоувѣренное, убѣдительно краснорѣчіе и съ наслажденіемъ расточаетъ его? Должно быть такъ.» И я вижу почему-то прудъ, усталыхъ дворовыхъ, которые, по колѣно въ водѣ, тянутъ неводъ, и опять Федоръ Филиппычъ, съ лейкой, крича на всѣхъ, бѣгаетъ по берегу и только изрѣдка подходитъ къ водѣ, чтобы, придерживавъ рукой золотистыхъ карасей, спустить мутную воду и набрать свѣжей. Но вотъ полдень, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Я, по только что скошенной травѣ сада, подъ жгучими прямыми лучами солнца, иду куда-то, я еще очень молодъ, мнѣ чего-то недостаетъ и чего-то хочется. Я иду къ пруду, на свое любимое мѣсто, между шиповниковой клумбой и березовой аллеей, и ложусь спать. Помню чувство, съ которымъ я, лежа, гляжу, сквозь красные, колючіе стволы шиповника, на черную, засохшую крупинками землю и на просвѣчивающее ярко-голубое зеркало пруда. Это было чувство какого-то наивнаго самодовольствія и грусти. Все вокругъ меня было такъ прекрасно, и такъ сильно дѣйствовала на меня эта красота, что, мнѣ казалось, я самъ хорошъ, и одно, чтò мнѣ досадно было, это то, что никто не удивляется мнѣ. Жарко. Я пытаюсь заснуть, чтобъ утѣшиться; но мухи, несносныя мухи, не даютъ мнѣ и здѣсь покоя, начинаютъ собираться около меня и упорно, туго какъ-то, какъ косточки, перепрыгиваютъ со лба на руки. Пчела жужжитъ недалеко отъ меня на самомъ припекѣ; желтокрылыя бабочки, какъ раскислыя, перелетаютъ съ травки на травку. Я гляжу вверхъ: глазамъ больно—солнце слишкомъ блеститъ черезъ свѣтлую листву кудрявой березы; высоко, но тихонько раскачивающейся надо мной своими вѣтвями, — и кажется еще жарче. Я закрываю лицо платкомъ: становится душно, и мухи какъ будто липнуть къ рукамъ, на которыхъ выступаетъ испарина. Въ шиповникѣ завозились воробьи въ самой чащѣ. Одинъ изъ нихъ спрыгнулъ на землю въ аршинѣ отъ меня, притворился раза два, что энергически клюнулъ землю, и, хрустя вѣтками и весело чиликнувъ, вылетѣлъ изъ клумбы; другой тоже соскочилъ на землю, подернулъ хвостикъ, оглянулся и также, какъ стрѣла, чиликая, вылетѣлъ за первымъ. На прудѣ слышны удары валька по мокрому бѣлью, и удары эти раздаются и разносятся какъ-то низомъ, вдоль по пруду. Слышны смѣхъ и говоръ и плесканье купающихся. Порывъ вѣтра зашумѣлъ верхушками березъ еще далеко отъ меня; вотъ ближе, слышу, онъ зашевелилъ траву, вотъ и листья шиповниковой клумбы заколебались, забились на своихъ вѣткахъ; а вотъ, поднимая уголь платка и щекотая потное лицо, до меня добѣжала свѣжая струя. Въ отверстіе поднятаго платка влетѣла муха и испуганно забилась около влажнаго рта. Какая-то сухая вѣтка жметъ мнѣ подъ спиной. Нѣтъ, не улетать: пойти выкупаться. Но вотъ, около самой клумбы, слышу торопливые шаги и испуганный женскій говоръ:

— Ахъ, батюшки! Да чтò жъ это! и мужчинъ никого нѣту!

— Чтò это, чтò? спрашиваю я, выбѣгая на солныце, у дворовой женщины, которая, охая, бѣжитъ мимо меня. Она только оглядывается, взмахиваетъ руками и бѣжитъ дальше. Но вотъ и сто-пятилѣтняя старуха Матрена, придерживая рукою платокъ, сби- вающійся съ головы, подпрыгивая и волоча одну ногу, въ шерстяномъ чулкѣ, бѣжитъ къ пруду. Двѣ дѣвочки бѣгутъ держась другъ за друга, и десяти- лѣтній мальчишка, въ отцовскомъ сюртукѣ, держась за посконную юбку одной изъ нихъ, поспѣваетъ сзади.

— Чтò случилось? спрашиваю я у нихъ.

— Мужикъ утонулъ.

— Гдѣ?

— Въ прудѣ.

— Какой? нашъ?

— Нѣтъ, прохожій.

Кучеръ Иванъ, ѣрзая большими сапогами по скошенной травѣ, и толстый прикащикъ Яковъ, съ трудомъ переводя духъ, бѣгутъ къ пруду, и я бѣгу за ними.

Помню чувство, которое мнѣ говорило: «Вотъ бросься и вытащи мужика, спаси его, и всѣ будутъ удивляться тебѣ», чего мнѣ именно и хочется.

— Гдѣ же, гдѣ? спрашиваю я у толпы дворовыхъ, собравшейся на берегу.

— Вонъ тамъ, въ самой пучинѣ, къ тому берегу, у бани почти, говоритъ прачка, убирая мокрое бѣлье на коромысло.—Я гляжу, что онъ ныряетъ; а онъ покажется такъ-то, да и уйдетъ опять, покажется еще, да какъ крикнетъ: «тону, батюшки!» и опять ушелъ нанизъ, — только пузырьки пошли. Тутъ я увидала, мужикъ тонетъ. Какъ взвою, батюшки: «мужикъ тонетъ.»

И прачка, взваливъ на плечо коромысло, вилая бокомъ, пошла по тропинкѣ прочь отъ пруда.

— Вишь, грѣхъ какой! говоритъ Яковъ Ивановъ, прикащикъ, отчаяннымъ голосомъ: — чтò теперь хлопотъ съ земскимъ судомъ будетъ—не оберешься.

Какой-то одинъ мужикъ съ косою пробрался сквозь толпу бабъ, дѣтей и стариковъ, столпившихся у того берега, и, повѣсивъ косу на сукъ ракиты, медленно разувается.

— Гдѣ же, гдѣ онъ утонулъ? все спрашиваю я, желая броситься туда и сдѣлать что нибудь необыкновенное.

Но мнѣ указываютъ на гладкую поверхность пруда, которую изрѣдка рябитъ проносящійся вѣтеръ. Мнѣ непонятно какъ же онъ утонулъ; а вода все также гладко, красиво, равнодушно стоитъ надъ нимъ, блестя золотомъ на полуденномъ солнцѣ, и мнѣ кажется, что я ничего не могу сдѣлать, никого не удивлю, тѣмъ болѣе, что весьма плохо плаваю; а мужикъ уже черезъ голову стаскиваетъ съ себя рубашку и сейчасъ бросится. Всѣ смотрятъ на него съ надеждой и замираніемъ; но войдя въ воду по плечи, мужикъ медленно возвращается и надѣваетъ рубашку: онъ не умѣетъ плавать.

Народъ все сбѣгается, толпа становится больше и больше, бабы держатся другъ за друга; но никто не подаетъ помощи. Тѣ которые только то приходятъ, подають совѣты, ахають и на лицахъ выражаютъ испугъ и отчаянне; изъ тѣхъ же, которые собрались прежде, нѣкоторые садятся, уставъ стоятъ, на траву, нѣкоторые возвращаются. Старуха Матрена спрашиваетъ у дочери, затворила ли она заслонку печи; мальчишка въ отцовскомъ скюртукѣ старательно бросаетъ камни въ воду.

Но вотъ отъ дому, съ лаемъ и въ недоумѣніи оглядываясь назадъ, бѣжитъ подъ гору Трезорка, собака Оедора Филиппыча; но вотъ и самая фигура его, бѣгущаго съ горы и кричащаго что-то, показывается изъ-за шиповниковой клумбы.

— Чтѣ стоите? кричитъ онъ, на бѣгу снимая скюртукъ.—Человѣкъ потонулъ, а они стоятъ! Давай веревку!

Всѣ съ надеждой и страхомъ смотрятъ на Оедора Филиппыча, пока онъ придерживаясь рукой за плечо услужливаго двороваго, снимаетъ носкомъ лѣвой ноги каблукъ правой.

— Вонъ тамъ, гдѣ народъ стоитъ, такъ вотъ поправѣ ракиты, Оедоръ Филиппычъ, вонъ тамъ-то, говорить ему кто-то.

— Знаю! отвѣчаетъ онъ и нахмутивъ брови, должно быть, въ отвѣтъ на признаки стыдливости, выражающейся въ толпѣ женщинъ, снимаетъ рубашку, крестикъ, передавая его мальчишкѣ садовнику, который подобострастно стоитъ передъ нимъ, и энергически ступая по скошенной травѣ, подходитъ къ пруду.

Трезорка, въ недоумѣніи насчетъ причинъ этой быстроты движеній своего господина, остановившись около толпы и чмокая, сбѣвъ нѣсколько травинокъ, около берега, вопросительно смотритъ на него и вдругъ весело взвизгнувъ, вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ бросается въ воду. Первую минуту ничего не видно, кромѣ пѣны и брызговъ, которые летятъ даже до насъ; но вотъ Оедоръ Филиппычъ граціозно размахивая руками и равномерно подымая и опуская спину, саженьями, бойко плыветъ къ тому берегу. Трезорка же, захлебнувшись, торопливо возвращается назадъ, отряхивается около толпы и на спинѣ вытирается по берегу. Въ одно и тоже время, какъ Оедоръ Филиппычъ подплываетъ къ тому берегу, два кучера прибѣгаютъ къ ракитѣ, съ свернутымъ на палкѣ неводомъ. Оедоръ Филиппычъ для чего-то поднимаетъ вверхъ руки, ныряетъ разъ, другой, третій, всякій разъ пуская изо рта струйку воды, и красиво встряхивая волосами и не отвѣчая на вопросы, которые со всѣхъ сторонъ сыплются на него. Наконецъ онъ выходитъ на берегъ и, сколько мнѣ видно, распоряжается только расправленіемъ невода. Неводъ вытаскивають, но въ кормѣ ничего нѣтъ, кромѣ тиши и нѣсколькихъ мелкихъ карасиковъ, бьющихся между нею. Въ то время, какъ неводъ еще разъ затаскивають, я перехожу на ту сторону.

Слышно только голосъ Оедора Филиппыча, от-

дающаго приказанія, поплескиванье по водѣ мокрой веревки и вздохи ужаса. Мокрая веревка, привязанная къ правому крылу, больше и больше покрытая травой, дальше и дальше выходитъ изъ воды.

— Теперь вмѣстѣ тани, дружныи, разомъ! кричитъ голосъ Оедора Филиппыча. Показываются камолла, облитыя водой.

— Есть что-то, тяжело идетъ, братцы, говорить чей-то голосъ.

Но вотъ и крылья, въ которыхъ бьются два-три карасика, моча и прижимая траву, вытягиваются на берегъ. И вотъ сквозь тонкій, колеблющийся слой возмущившейся воды, въ натянутой сѣти показывается что-то бѣлое. Не громкій, но поразительно слышный, средь мертвой тишины, вздохъ ужаса проносится въ толпѣ.

— Тащи, дружныи, на сухое, тащи! слышится рѣшительный голосъ Оедора Филиппыча, и утопленника, по скошеннымъ стеблямъ лопуха и репейника, волокомъ подтаскивають къ ракитѣ.

И вотъ я вижу мою добрую старую тетюшку въ шелковомъ платьѣ, вижу ея лиловый зонтикъ съ бахромой, который, почему-то, такъ несообразенъ съ этой ужасной по своей простотѣ картиной смерти, лицо, готовое сію минуту расплакаться. Помню выразившееся на этомъ лицѣ разочарованіе, что нельзя тутъ ни къ чему употребить арнику, и помню больное, скорбное чувство, которое я испыталъ, когда она мнѣ, съ наивнымъ эгоизмомъ любви, сказала: «Пойдемъ, мой другъ. Ахъ, какъ это ужасно! А вотъ ты все одинъ купаешься и плаваешь.»

Помню, какъ ярко и жарко пекло солнце сухую, разсыпчатую подъ ногами землю, какъ играло оно на зеркалѣ пруда, какъ бились у береговъ крупныя карпи, въ серединѣ зыбили гладь пруда стайки рыбокъ, какъ высоко въ небѣ вился ястребъ, стоя надъ утятами, которые бурля и плескаясь черезъ тростникъ, выплывали на середину; какъ грозовыя бѣлыя, кудрявыя тучи сбились на горизонтѣ, какъ грязь, вытащенная неводомъ у берега, понемногу расходилась, и какъ, проходя по плотинѣ, я снова услышалъ удары валька, разносящіеся по пруду.

Но валекъ этотъ звучитъ, какъ будто два валька звучатъ вмѣстѣ въ терцію, и звукъ этотъ мучитъ, томитъ меня, тѣмъ болѣе, что я знаю—этотъ валекъ есть колоколь, и Оедоръ Филиппычъ не заставитъ замолчать его. И валекъ этотъ, какъ инструментъ пытки, сжимаетъ мою ногу, которая зябнетъ, — я засыпаю.

Меня разбудило, какъ мнѣ показалось, то, что мы очень быстро скачемъ, и два голоса говорятъ подлѣ самого меня:

— Слышь, Игнатъ, а Игнатъ! говоритъ голосъ моего ямщика: — возьми сѣдока — тебѣ все одно ѣхать, а мнѣ чтѣ даромъ гонять!—возьми!

Голосъ Игната подлѣ самого меня отвѣчаетъ: А чтѣ мнѣ радости-то за сѣдока отвѣчать?... Поставишь полштофа?

— Ну, полштофа!... косушку ужь такъ и быть.

— Вишь, косушку! кричить другой голосъ: — лошадей помучить за косушку!

Я открываю глаза. Все тотъ же несносный колеблющийся снѣгъ мерещится въ глазахъ, тѣ же ямщики и лошади, но подлѣ себя я вижу какія-то сани. Мой ямщикъ догналъ Игната, и мы довольно долго ѣдемъ рядомъ. Несмотря на то, что голосъ изъ другихъ саней совѣтуетъ не брать меньше полуштофа, Игнатъ вдругъ останавливаетъ тройку.

Переключивай ужь такъ и быть твое счастье. Косушку поставь какъ завтра приѣдемъ. Клади много что ли?

Мой ямщикъ, съ несвойственной ему живостью, выскакиваетъ на снѣгъ, кланяется мнѣ и проситъ, чтобы я пересѣлъ къ Игнату. Я совершенно согласенъ; но видно, что богобоязненный мужичекъ такъ доволенъ, что ему хочется излить на когонибудь свою благодарность и радость: онъ кланяется, благодаритъ меня, Алешку, Игнашку.

— Ну вотъ и слава Богу! а то что это, Господи-батюшка! половина ночи ѣздимъ, сами не знаемъ, куда. Онъ то васъ доведетъ, батюшка баринъ, а мои ужь лошади вовсе стали.

И онъ выкладываетъ вещи съ усиленной дѣятельностью.

Пока переключивался, я, по вѣтру, который такъ и подносилъ меня, подошелъ ко вторымъ санямъ. Сани, особенно съ той стороны, съ которой отъ вѣтра завѣшенъ былъ на головахъ двухъ ямщиковъ армякъ, были на четверть занесены снѣгомъ; за армякомъ же было тихо и уютно. Старичокъ лежалъ также съ выпущенными ногами, а сказочникъ продолжалъ свою сказку: «Въ то самое время, какъ генераль отъ королевскаго, значить, имени, приходитъ значить къ Маріи въ темницу, въ то самое время Марія говоритъ ему: «Генераль! я въ тебѣ не нуждаюсь и не могу тебя любить, и, значить, ты мнѣ не любовникъ; а любовникъ мой есть тотъ самый принцъ.»

— Въ то самое время... продолжалъ было онъ, но, увидавъ меня, замолкъ на минуту и сталъ раздувать трубочку.

— Что, баринъ, сказочку пришли послушать? сказалъ другой, котораго я называлъ совѣтчикомъ.

— Да у васъ славно—весело! сказалъ я.

— Что жъ! отъ скуки, — покрайности не думается.

— А что, не знаете вы, гдѣ мы теперь?

Вопросъ этотъ, какъ мнѣ показалось, не понравился ямщикамъ.

— А кто е разбереть, гдѣ? може и къ калмыкамъ заѣхали вовсе, отвѣчалъ совѣтчикъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ я.

— А что дѣлать? Вотъ ѣдемъ, можъ и выѣдемъ, сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Ну, а какъ не выѣдемъ, да лошади стануть въ снѣгу, что тогда?

— А что! Ничего.

— Да замерзнуть можно.

— Извѣстно, можно, потому и стоговъ теперича не видать: значить, мы вовсе къ калмыкамъ заѣхали. Первое дѣло надо по снѣгу смотрѣть.

— А ты некакъ боишься замерзнуть, баринъ? сказалъ старичокъ, дрожащимъ голосомъ.

Несмотря на то, что онъ какъ будто подтрунивалъ надо мной, видно было, что онъ продрогъ до послѣдней косточки.

— Да, холодно очень становится, сказалъ я.

— Эхъ ты, баринъ! А ты бы какъ я: нѣтъ, нѣтъ да и пробѣгись — оно тебя и согрѣетъ.

— Первое дѣло, какъ пробѣжишь за санями, ска-заль совѣтчикъ.

VII.

— Пожалуйте: готово! кричалъ мнѣ Алешка изъ переднихъ саней.

Метель была такъ сильна, что насилу-насилу, перегнувшись совсѣмъ впередъ и ухватясь обѣими руками за полы шинели, я могъ по колеблющемуся снѣгу, который выносило вѣтромъ изъ-подъ ногъ, пройти тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли меня отъ саней. Прежній ямщикъ мой уже стоялъ на колѣнкахъ въ серединѣ пустыхъ саней, но, увидавъ меня, снялъ свою большую шапку, при чемъ вѣтеръ неистово подхватилъ его волосы кверху, и попросилъ на водку. Онъ, вѣрно, и не ожидалъ, чтобы я далъ ему, потому что отказъ мой нисколько не огорчилъ его. Онъ поблагодарилъ меня и на этомъ, надвинувъ шапку и сказалъ мнѣ: «Ну, дай Богъ вамъ, баринъ...» и, задергавъ возжами и зачмокавъ, тронулся отъ насъ. Вслѣдъ затѣмъ и Игнашка размахнулся всей спиной и крикнулъ на лошадей. Опять звуки хрустѣнья копытъ, покрякиванья и колокольчика замѣнили звукъ завыванія вѣтра, который былъ особенно слышенъ когда стояли на мѣстѣ.

Съ четверть часа послѣ перекладки я не спалъ и развлекался разсматриваніемъ фигуры новаго ямщика и лошадей. Игнашка сидѣлъ молодцомъ, безпрестанно подпрыгивалъ, замахивался рукою съ висающимъ кнутомъ на лошадей, покрякивалъ, постукивалъ ногой объ ногу и, перегибаясь впередъ, поправлялъ шлею коренной, которая все сбивалась на правую сторону. Онъ былъ невеликъ ростомъ, но хорошо сложенъ, какъ казалось. Сверхъ полушубка на немъ былъ надѣтъ неподпоясанный армякъ, котораго воротникъ былъ почти откинутъ, и шея совсѣмъ голая, сапоги были не валеные, а кожаные, и шапка маленькая, которую онъ снималъ и поправлялъ безпрестанно. Уши закрыты были только волосами. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна была не только энергія, но еще болѣе, какъ мнѣ казалось, желаніе возбудить въ себѣ энергію. Однако, чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ чаще и чаще, онъ, оправляясь, подпрыгивалъ на облучкѣ, похлопывалъ ногой объ ногу и заговаривалъ со мной и Алешкой:

мнѣ казалось, онъ боялся упасть духомъ. И было отъ чего: хотя лошади были добрыя, дорога съ каждымъ шагомъ становилась тяжелѣе и тяжелѣе, и замѣтно было, какъ лошади бѣжали неохотнѣе: уже надобно было постегивать, и коренная, добрая, большая косматая лошадь спотыкнулась раза два, хотя тотчасъ же, испугавшись, дернула впередъ и подкинула косматую голову чуть не подъ самый колокольчикъ. Правая пристяжная, которую я невольно наблюдалъ, вмѣстѣ съ длинной ременной кисточкой шлеп, бившейся и подпрыгивающей съ полевой стороны, замѣтно спускала постромки, требовала кнутика, но, по привычкѣ доброй, даже горячей лошади, какъ будто досадовала на свою слабость, сердито опускала и подымала голову, по прашивая повода. Дѣйствительно, страшно было видѣть, что метель и морозъ все усиливаются, лошади слабѣютъ, дорога становится хуже, и мы рѣшительно не знаемъ, гдѣ мы и куда ѣхать, не только на станцію, но къ какому нибудь пріюту, — и смѣшно и страшно слышать, что колокольчикъ звенитъ такъ непринужденно и весело, и Игнатка покрываетъ такъ бойко и красиво, какъ будто въ крещенскій морозный солнечный полдень мы катаемся, въ праздникъ, по деревенской улицѣ, — и главное странно было думать, что мы все ѣдемъ и шибко ѣдемъ куда-то прочь отъ того мѣста, на которомъ находились. Игнатка запѣлъ какую-то пѣсню, хотя весьма гаденькой фистулой, но такъ громко и съ такими остановками, во время которыхъ онъ посвистывалъ, что странно было робѣть, слушая его.

— Ге-гей! что горло-то дерешь, Игнатъ! слышался голосъ совѣтника: — постой на часъ!

— Чаво?

— Посто-о-о-ой!

Игнатъ остановился. Опять все замолкло, и загудѣлъ и запищалъ вѣтеръ, и снѣгъ сталъ, крутясь, гуще валить въ сани. Совѣтникъ подошелъ къ намъ.

— Ну, что?

— Да что! куда ѣхать-то?

— А кто е знаетъ!

— Что, ноги замерзли, что ль, что хлопаешь-то?

— Вовсе зашлись.

— А ты бы вотъ сходилъ: во-онъ маячить — некакъ калмыцкое кочевье. Оно бы и ноги-то посогрѣлъ.

— Ладно. Подержи лошадей... на.

И Игнатъ побѣжалъ по указанному направленію.

— Все надо смотрѣть да походить: оно и найдешь; а то такъ, что дуромъ-то ѣхать! говорилъ мнѣ совѣтникъ: — вишь, какъ лошадей упарилъ!

Все время, пока Игнатъ ходилъ — а это продолжалось такъ долго, что я даже боялся, какъ бы онъ не заблудился — совѣтникъ говорилъ мнѣ самоувереннымъ, спокойнымъ тономъ, какъ надо поступать во время метели, какъ лучше всего отпречь лошадь и пустить, что она, какъ Богъ святъ, выведетъ, или какъ иногда можно и по звѣздамъ смотрѣть, и какъ ежели бы онъ передомъ ѣхалъ, ужъ мы бы давно были на станціи.

— Ну что, есть? спросилъ онъ у Игната, который возвращался, съ трудомъ шагая, почти по колѣни въ снѣгу.

— Есть-то есть, кочевье видать, отвѣчалъ, задыхаясь, Игнатъ: — да не знамо, какое. Это мы, братъ, должно, вовсе на Пролговскую дачу заѣхали. Надо лѣвѣй брать.

— И что мелить! это вовсе наши кочевья, которые позадь станицы, возразилъ совѣтникъ.

— Да говорю, что нѣтъ!

— Ужъ я глянулъ, такъ знаю: оно и будетъ; а не оно, такъ Тамышевско. Все надо правѣй забирать: какъ разъ и выѣдемъ на большой мостъ — осьмью версту.

— Да говорить, что нѣтъ! Вѣдь я видалъ! съ досадой отвѣчалъ Игнатъ.

— О, братъ! а еще ямщикъ!

— То-то ямщикъ! ты сходи самъ.

— Что мнѣ ходить! я такъ знаю.

Игнатъ разсердился, видно: онъ, не отвѣчая, вскочилъ на облучокъ и погналъ дальше.

— Вишь, какъ зашлись ноги: ажъ не согрѣешь, сказали онъ Алешкѣ, продолжая похлопывать чаще и чаще и огребать и высыпать снѣгъ, который ему забился за голенищи.

Мнѣ ужасно хотѣлось спать.

VIII.

«Неужели это я уже замерзаю — думаю я сквозь сонъ — замерзаніе всегда начинается сномъ, говорятъ. Ужъ лучше утонуть, чѣмъ замерзнуть, пускай меня вытащатъ въ неводѣ; а впрочемъ, все равно, утонуть ли, замерзнуть, только бы подъ спину не толкала эта палка какая-то и забыться бы.»

Я забываюсь на секунду.

«Чѣмъ же, однако, все это кончится? вдругъ мысленно говорю я, на минуту открывая глаза и вглядываясь въ бѣлое пространство: — чѣмъ же это кончится, ежели мы не найдемъ стоговъ и лошади стануть, что, кажется, скоро случится — мы все замерзнемъ. Признаюсь, хотя я и боялся немного, желаніе, чтобы съ нами случилось что нибудь необыкновенное, нѣсколько трагическое, было во мнѣ сильнѣй маленькой боязни. Мнѣ казалось, что было бы недурно, если бы къ утру, въ какую нибудь далекую, неизвѣстную деревню, лошади бы ужъ сами привезли насъ полузамерзлыхъ, чтобы нѣкоторые даже замерзли совершенно. И въ этомъ смыслѣ мечты съ необыкновенной ясностью и быстротой носились передо мной. Лошади становятся, снѣгу наносится больше и больше, и вотъ отъ лошадей видны только дуга и уши; но вдругъ Игнашка является наверху съ своей тройкой и ѣдетъ мимо насъ. Мы умоляемъ его, кричимъ, чтобы онъ взялъ насъ; но вѣтромъ относитъ голосъ, голосу нѣтъ. Игнашка посмѣивается, кричитъ по лошадямъ, посвистываетъ и скрывается»

отъ насъ въ какомъ-то глубокомъ, занесенномъ снѣгомъ оврагѣ. Старичокъ вскакиваетъ верхомъ, размахиваетъ локтями и хочетъ ускорить, но не можетъ сдвинуться съ мѣста; мой старый ямщикъ съ большой шапкой, бросается на него, стаскиваетъ на землю и топчетъ въ снѣгу. «Ты колдунъ! кричитъ онъ:—ты ругатель! Будемъ плутать вмѣстѣ.» Но старичокъ пробиваетъ головой сугробъ: онъ не столько старичокъ, сколько заяцъ, и скачетъ прочь отъ насъ. Всѣ собаки скачутъ за нимъ. Совѣтчикъ, который есть Ѳеодоръ Филиппычъ, говоритъ, чтобы всѣ сѣли кружкомъ, что ничего, ежели насъ занесетъ снѣгомъ: намъ будетъ тепло. Дѣйствительно, намъ тепло и уютно; только хочется пить. Я достаю погребецъ, подчую всѣхъ ромомъ съ сахаромъ и самъ пью съ большимъ удовольствіемъ. Сказочникъ говоритъ какую-то сказку про радугу, — и надъ нами уже потолокъ изъ снѣга и радуга. «Теперь сдѣлаемъ себѣ каждый комнатку въ снѣгу и давайте спать!» говорю я. Снѣгъ мягкій и теплый, какъ мѣхъ. Я дѣлаю себѣ комнатку и хочу войти въ нее; но Ѳеодоръ Филиппычъ, который видѣлъ въ погребцѣ мои деньги, говоритъ: «Стои! давай деньги. Все одно умирать!» и хватаетъ меня за ногу. Я отдаю деньги и прошу только, чтобы меня отпустили; но они не вѣрятъ, что это всѣ мои деньги, и хотятъ меня убить. Я схватываю руку старичка и съ невыразимымъ наслажденіемъ начинаю цаловать ее: рука старичка нѣжная и сладкая. Онъ сначала вырываетъ ее, но потомъ отдаетъ мнѣ и даже самъ другой рукой ласкаетъ меня. Однако, Ѳеодоръ Филиппычъ приближается и грозитъ мнѣ. Я бѣгу въ свою комнату; но это не комната, а длинный, бѣлый корридоръ, и кто-то держитъ меня за ноги. Я вырываюсь. Въ рукахъ того, кто меня держитъ, остаются моя одежда и часть кожи; но мнѣ только холодно и стыдно, — стыдно тѣмъ болѣе, что тетюшка съ зонтикомъ и гомеопатической аптечкой, подъ руку съ утопленникомъ, идутъ мнѣ навстрѣчу. Они смѣются и не понимаютъ знаковъ, которые я имъ дѣлаю. Я бросаюсь на сани, ноги волокутся по снѣгу; но старичокъ гонится за мной, размахивая локтями. Старичокъ уже близко, но я слышу, впереди звонятъ два колокола и знаю, что я спасенъ, когда прибѣгу къ нимъ. Колокола звучатъ слышнѣй и слышнѣй; но старичокъ догналъ меня; и животомъ упалъ на мое лицо, такъ что колокола едва слышны. Я снова схватываю его руку и начинаю цаловать ее, но старичокъ не старичокъ, а утопленникъ... и кричитъ: «Игнашка! стой, вонъ Ахметкины стогы, кажись! Подъ-ка посмотри!» Это ужъ слишкомъ страшно. Нѣтъ! проснусь лучше...

Я открываю глаза. Вѣтеръ закинулъ мнѣ на лицо полу алешкиной шинели, колѣно у меня раскрыто, мы ѣдемъ по голому насту, и терція колокольчиковъ слышнѣе, нежели звучитъ въ воздухѣ съ своей дребезжащей квинтой.

Я смотрю, гдѣ стогы; но вмѣсто стоговъ, уже съ открытыми глазами, вижу какой-то домъ съ

балкономъ и зубчатую стѣну крѣпости. Меня мало интересуетъ разсмотрѣть хорошенько этотъ домъ и крѣпость: мнѣ главное хочется опять видѣть бѣлый корридоръ, по которому я бѣжааъ, слышать звонъ церковнаго колокола и цаловать руку старичка. Я снова закрываю глаза и засыпаю.

IX.

Я спалъ крѣпко; но терція колокольчиковъ все время была слышна и видѣлась мнѣ во снѣ, то въ видѣ собаки, которая лаетъ и бросается на меня, то органа, въ которомъ я составляю одну дудку, то въ видѣ французскихъ стиховъ, которые я сочиняю. То мнѣ казалось, что эта терція есть какой-то инструментъ пытки, которымъ не переставая сжимаютъ мою правую пятку. Это было такъ сильно, что я проснулся и открылъ глаза, потирая ногу. Она начинала замораживаться. Ночь была та же свѣтлая, мутная, бѣлая. То же движеніе поталкивало меня и сани; тотъ же Игнашка сидѣлъ бокомъ; и похлопывая ногами, та же пристяжная, вытянувъ шею и невысоко поднимая ноги, рысью бѣжала по глубокому снѣгу, кисточка подпрыгивала на шлѣ и хлесталась о брюхо лошади. Голова коренной съ развѣвающейся гривой, натягивая и отпуская поводья, привязанные къ дугѣ, мѣрно покачивалась. Но все это больше, чѣмъ прежде покрыто, занесено было снѣгомъ. Снѣгъ крутился спереди, съ боку засыпалъ полозья, ноги лошадей по колѣни и сверху валилъ на воротники и шапки. Вѣтеръ былъ то справа, то слѣва, игралъ воротникомъ, полой игнашкина армяка, гривой пристяжной и завывалъ надъ дугой и въ оглобляхъ.

Становилось ужасно холодно, и едва я высовывался изъ воротника, какъ морозный сухой снѣгъ, крутясь, набивался въ рѣсницы, носъ, ротъ и заскидывалъ за шею; посмотришь кругомъ—все бѣло, свѣтло и снѣжно, нигдѣ ничего, кромѣ мутнаго свѣта и снѣга. Мнѣ стало серьезно страшно. Алешка спалъ въ ногахъ и въ самой глубинѣ саней; вся спина его была покрыта густымъ слоемъ снѣга. Игнашка не унывалъ: онъ безпрестанно подергивалъ возжамы, покрикивалъ и хлопалъ ногами. Колокольчикъ звенѣлъ также чудно. Лошади похрапывали, но бѣжали, спотыкаясь чаще и чаще, и нѣсколько тише. Игнашка опять подпрыгнулъ, взмахнулъ рукавицей и запѣлъ пѣсню, своимъ тоненькимъ напряженнымъ голосомъ. Не допѣвъ пѣсни, онъ остановилъ тройку, перекинулъ возжи на передокъ и слѣзъ. Вѣтеръ завывалъ неистово; снѣгъ, какъ изъ совка, такъ и посыпалъ на полы шубы. Я оглянулся: третьей тройки ужъ за нами не было (она гдѣ-то отстала). Около вторыхъ саней, въ снѣжномъ туманѣ, видно было, какъ старичокъ подпрыгивалъ съ ноги на ногу. Игнашка шага три отошелъ отъ саней, сѣлъ на снѣгъ, распрясался и сталъ снимать сапоги.

— Что это ты дѣлаешь? спросилъ я.

— Перебуться надо; а то вовсе ноги заморозилъ, отвѣчалъ онъ и продолжалъ свое дѣло.

Мнѣ холодно было высунуть шею изъ-за воротника, чтобы посмотрѣть, какъ онъ это дѣлалъ. Я сидѣлъ прямо, глядя на пристяжную, которая, оставивъ ногу, болѣзненно, устало помахивала подвязаннымъ и занесеннымъ снѣгомъ хвостомъ. Толчокъ, который далъ Игнатъ санями, вскочивъ на облучокъ, разбудилъ меня.

— Что, гдѣ мы теперь? спросилъ я:— доѣдемъ ли хоть къ свѣту?

— Будьте покойны: доставимъ, отвѣчалъ онъ. Теперь важно ноги согрѣлись, какъ перебулся.

И онъ тронулъ, колоколъ зазвенѣлъ, сани снова стали раскачиваться и вѣтеръ свистѣть подъ полозьями. И мы снова пустились плыть по безпредѣльному морю снѣга.

X.

Я заснулъ крѣпко. Когда же Алешка толкнувъ меня ногой разбудилъ и я открылъ глаза, было уже утро. Казалось еще холоднѣй, чѣмъ ночью. Сверху снѣга не было; но сильный сухой вѣтеръ продолжалъ заносить снѣжную пыль, на полъ и особенно подъ копытами лошадей и полозьями. Небо справа на востокъ было тяжелое темно-синеваго цвѣта; но яркія, красно-оранжевыя косыя полосы яснѣе и яснѣе обозначались на немъ. Надъ головами, изъ-за бѣгущихъ, бѣлыхъ, едва окрашивающихся тучъ, виднѣлась блѣдная синева; налѣво облака были свѣтлы, легки и подвижны. Вездѣ кругомъ, что могъ окинуть глазъ, лежалъ на полѣ бѣлый, острыми слоями разсыпанный, глубокой снѣгъ. Кое-гдѣ виднѣлся сѣрѣющій бугорокъ, черезъ который упорно летѣла мелкая, сухая снѣжная пыль. Ни одного, ни саннаго, ни человѣческаго, ни звѣринаго слѣда не было видно. Очертанія и цвѣта, спины ямщика и лошадей виднѣлись ясно и рѣзко даже, на бѣломъ фонѣ.... Околышъ игнашкиной темно-синей шапки, его воротникъ, волосы, и даже сапоги были бѣлы. Сани были занесены совершенно. У сивой коренной вся правая часть головы и холки были набиты снѣгомъ; у моей пристяжной ноги обсыпаны были до колѣнъ, и весь сдѣлавшійся кудрявымъ потный крупъ облѣпленъ съ правой стороны. Кисточка подпрыгивала также въ тактъ какого бы не захотѣлъ воображать мотива, и сама пристяжная бѣжала также, только по впа- лому, часто поднимающемуся и опускающемуся животу и отвисшимъ ушамъ видно было, какъ она измучена. Одинъ только новый предметъ останавливалъ вниманіе: это былъ верстовой столбъ, съ котораго сыпало снѣгъ на землю и около котораго вѣтеръ намелъ цѣлую гору справа и все еще рвался и перебрасывалъ сыпкій снѣгъ съ одной стороны на другую. Меня ужасно удивило, что мы ѣхали цѣлую ночь на однѣхъ лошадяхъ двѣнадцать часовъ, не зная куда и не останавливаясь и

все-таки какъ-то пріѣхали. Нашъ колокольчикъ звенѣлъ какъ будто еще веселѣе. Игнатъ запахивался и покрикивалъ; сзади фыркали лошади и звенѣли колокольчики троекъ старичка и совѣтника; но тотъ, который спалъ рѣшительно, въ степи отбилъ отъ насъ. Проѣхавъ полверсты, попался свѣжій, едва занесенный слѣдокъ саней и тройки, и изрѣдка розоватыя пятна крови лошади, которая застѣкалась вѣрно, виднѣлись на немъ.

— Это Филиппъ! Вишь, раньше насъ угодили! сказалъ Игнашка.

Но вотъ домишко съ выѣской виднѣется одинъ около дороги посреди снѣга, который чуть не до крышъ и оконъ занесъ его. Около кабака стоитъ тройка сѣрыхъ лошадей, курчавыхъ отъ пота, съ отставленными ногами и понурыми головами. Около двери расчищено и стоитъ лопата; но съ крыши все мететъ еще и крутитъ снѣгъ гудящій вѣтеръ.

Изъ двери на звонъ нашихъ колоколовъ, выходитъ большой, красный, рыжій ямщикъ, со стаканомъ вина въ рукахъ, и кричитъ что-то. Игнашка обертывается ко мнѣ и проситъ позволенія остановиться. Тутъ я въ первый разъ вижу его рожу.

XI.

Лицо у него было не черноватое, сухое и прямоносое, какъ я ожидалъ, судя по его волосамъ и сложенію. Это была круглая, веселая, совершенно курносая рожа съ большимъ ртомъ, и свѣтло, ярко голубыми круглыми глазами. Щеки и шея его были красны, какъ натертыя суконкой; брови, длинныя рѣсницы и пушокъ, ровно покрывающій низъ его лица, были залѣплены снѣгомъ и совершенно бѣлы. До станціи оставалось всего полверсты, и мы остановились.

— Только поскорѣе, сказалъ я.

— Въ одну минуту, отвѣчалъ Игнашка, соскакивая съ облучка и подходя къ Филиппу.

— Давай, братъ, сказалъ онъ, снимая съ правой руки и бросая на снѣгъ рукавицу съ кнутомъ и, опрокинувъ голову, залпомъ выпилъ поданный ему стаканчикъ водки.

Цаловальникъ, должно быть, отставной казакъ, съ полуштофомъ въ рукѣ, вышелъ изъ двери.

— Кому подносить? сказалъ онъ.

Высокій Василій, худошавый, русый мужикъ съ козлиной бородкой, и совѣтникъ, толстый, бѣлобрысый, съ бѣлой густой бородой, обкладывавшей его красное лицо, подошли и тоже выпили по стаканчику. Старичокъ подошелъ было тоже къ группѣ пьющихъ, но ему не подносили, и онъ отошелъ къ своимъ привязаннымъ сзади лошадямъ и сталъ поглаживать одну изъ нихъ по спинѣ и задъ.

Старичокъ былъ точно такой, какимъ я воображалъ его: маленькій, худенькій, съ сморщеннымъ,

посинѣлымъ лицомъ, жиденъкой бородкой, острымъ носикомъ и сѣдеными желтыми зубами. Шалка на немъ была ямская, совершенно новая, но полущубчикъ истертый, испачканный дегтемъ и прорванный на плечѣ и полахъ, не закрывалъ колѣнъ и пасконнаго нижняго платья, всунутаго въ огромные валеные сапоги. Самъ онъ весь сгорбился, сморщился и, дрожа лицомъ и колѣнами, копошился около саней, видимо стараясь согрѣться.

— Чтожь, Митричъ, поставь косушку-то: согрѣлся бы, важно, сказалъ ему совѣтникъ.

Митрича подернуло. Онъ поправилъ шлею у воей лошади, поправилъ дугу и подошелъ ко мнѣ.

— Чтожь, барилъ, сказалъ онъ, снимая шапку съ своихъ сѣдыхъ волосъ и низко кланяясь:— всю ночь съ вами плутали, дорогу искали: хоть бы на косушечку пожаловали. Право, батюшка, ваше сіятельство! А то обогрѣться не на что, прибавилъ онъ, съ подобострастной улыбкой.

Я далъ ему четвертакъ. Цаловальникъ вынесъ косушку и поднесъ старичку. Онъ снялъ рукавицу съ кнутомъ и поднесъ маленькую, черную, корявую и немного посинѣвшую руку къ стакану; но большой палецъ его, какъ чужой не повиновался ему: онъ не могъ удержать стакана и, разливъ вино, уронилъ его на снѣгъ.

Всѣ ямщики расхохотались.

— Вишь, замерзъ Митричъ-то какъ! ажъ вина не сдержитъ.

Но Митричъ очень огорчился тѣмъ, что пролилъ вино.

Ему, однако, налили другой стаканъ и вылили въ ротъ. Онъ тотчасъ же развеселился, сбѣгалъ въ кабакъ, запалилъ трубку, сталъ оскабливать свои желтые, сѣденные зубы и ко всякому слову ру-

гаться. Допивъ послѣднюю косуху, ямщики разошлись къ тройкамъ, и мы поѣхали.

Снѣгъ все становился бѣлѣе и ярче, такъ что ломило глаза, глядя на него. Оранжевыя, красноватыя полосы выше и выше, ярче и ярче расходились вверхъ по небу; даже красный кругъ солнца завидѣлся на горизонтѣ сквозь сизыя тучи: лазурь стала блестяще и темнѣе. По дорогѣ, около станицы, слѣдъ былъ ясный, отчетливый, желтоватый, кой гдѣ были ухабы; въ морозномъ, скатомъ воздухѣ чувствительна была какая-то пріятная легкость и прохлада.

Моя тройка бѣжала очень шибко. Голова коренной и шея съ развѣвающейся по дугѣ гривой раскачивались быстро, почти на одномъ мѣстѣ, подъ охотничьимъ колокольчикомъ, язычекъ котораго уже не бился, а скоблилъ по стѣнкамъ. Добрыя пристяжны дружно натянули замерзлыя, кривыя постромки, энергически подпрыгивали, кисточка билась подъ самое брюхо и шлею. Иногда пристяжная сбивалась въ сугробъ съ пробитой дороги и запорашивала глаза снѣгомъ, бойко выбиваясь изъ него. Игнашка покрикивалъ веселымъ теноромъ; сухой морозъ повизгивалъ подъ полозьями; сзади звонко-празднично звенѣли два колокольчика и слышны были пьяныя покрикиванья ямщиковъ. Я оглянулся назадъ: сѣрые, курчавыя пристяжныя, вытянувъ шеи, равномерно сдерживая дыханіе, съ перекосившимися удилами, попрыгивали по снѣгу. Филиппъ, помахивая кнутомъ, поправлялъ шапку; старичокъ, задравъ ноги, такъ же, какъ и прежде, лежалъ въ серединѣ саней.

Черезъ двѣ минуты сани заскрипѣли по доскамъ сметеннаго подъѣзда станціоннаго дома, и Игнашка повернулъ ко мнѣ свое засыпанное снѣгомъ, дышащее морозомъ, веселое лицо.

— Доставили таки, баринъ! сказалъ онъ.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

РОМАНЪ.

CHURCH OF THE HOLY TRINITY

1884

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мы носили трауръ по матери, которая умерла осенью, и жили всю зиму въ деревнѣ, однѣ съ Катей и Соней.

Катя была старый другъ дома, гувернантка, вынужденная всѣхъ насъ, и которую я помнила и любила съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила. Соня была моя меньшая сестра. Мы проводили мрачную и грустную зиму въ нашемъ старомъ покровскомъ домѣ. Погода была холодная, вѣтреная, такъ что сугробы намело выше оконъ; окна почти всегда были замерзлы и тусклы, и почти цѣлую зиму мы никуда не ходили и не ѣздили. Рѣдко кто пріѣзжалъ къ намъ; да кто и пріѣзжалъ, не прибавлялъ веселья и радости въ нашемъ домѣ. У всѣхъ были печальныя лица, всѣ говорили тихо, какъ будто боясь разбудить кого-то, не смѣялись, вздыхали и часто плакали, глядя на меня и въ особенности на маленькую Соню въ черномъ платицѣ. Въ домѣ еще какъ будто чувствовалась смерть; печаль и ужасъ смерти стояли въ воздухѣ. Комната мамаша была заперта, и мнѣ становилось жутко, и что-то тянуло меня заглянуть въ эту холодную и пустую комнату, когда я проходила спать мимо нея.

Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, и въ самый годъ своей смерти мамаша хотѣла переѣхать въ городъ, чтобы вывезти меня. Потеря матери была для меня сильнымъ горемъ, но должна признаться, что изъ-за этого горя чувствовалось и то, что я молода, хороша, какъ всѣ мнѣ говорили, а вотъ вторую зиму, даромъ, въ уединеніи убиваю въ деревнѣ. Передъ концомъ зимы это чувство тоски одиночества и просто скуки увеличилось до такой степени, что я не выходила изъ комнаты, не открывала фортепьяно и не брала книги въ руки. Когда Катя уговаривала меня заняться тѣмъ или другимъ, я отвѣчала: не хочется, не могу, а въ душѣ мнѣ говорило: зачѣмъ? Зачѣмъ что-нибудь

дѣлать, когда такъ даромъ пропадаетъ мое лучшее время? Зачѣмъ? А на «зачѣмъ» не было другаго отвѣта, какъ слезы.

Мнѣ говорили, что я похудѣла и подурнѣла въ это время, но это даже не занимало меня. Зачѣмъ? для кого? Мнѣ казалось, что вся моя жизнь такъ и должна пройти въ этой одинокой глуши и безпомощной тоскѣ, изъ которой я сама, одна, не имѣла силы и даже желанья выйти. Катя подъ конецъ зимы стала бояться за меня и рѣшилась, во что бы то ни стало, везти меня за границу. Но для этого нужны были деньги, а мы почти не знали, что у насъ осталось послѣ матери, и съ каждымъ днемъ ждали опекуна, который долженъ былъ пріѣхать и разобрать наши дѣла.

Въ мартѣ пріѣхалъ опекунъ.

— Ну слава Богу! сказала мнѣ разъ Катя, когда я какъ тѣнь безъ дѣла, безъ мысли, безъ желаній, ходила изъ угла въ уголъ. — Сергѣй Михайлычъ пріѣхалъ, присылалъ спросить о насъ и хотѣлъ быть къ обѣду. Ты встряхнись, моя Машечка, прибавила она, — а то что онъ о тебѣ подумаетъ? Онъ такъ васъ любилъ всѣхъ.

Сергѣй Михайлычъ былъ близкій сосѣдь нашъ и другъ покойнаго отца, хотя и гораздо моложе его. Кромѣ того, что его пріѣздъ измѣнялъ наши планы и давалъ возможность уѣхать изъ деревни, я съ дѣтства привыкла любить и уважать его, и Катя, советуя мнѣ встряхнуться, угадала, что изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ бы больше всего было передъ Сергѣемъ Михайлычемъ показаться въ невыгодномъ свѣтѣ. Кромѣ того, что я, какъ и всѣ въ домѣ, начиная отъ Кати и Сони, его крестницы, до послѣдняго кучера, любили его по привычкѣ, онъ для меня имѣлъ особое значеніе по одному слову, сказанному при мнѣ мамашей. Она сказала, что такого мужа желала бы для меня. Тогда мнѣ это показалось удивительно и даже неприятно; герой мой былъ совсѣмъ другой. Герой мой былъ тонкій, сухощавый, блѣдный и печаль-

ный. Сергѣй же Михайлычъ былъ человѣкъ уже не молодой, высокій, плотный и, какъ мнѣ казалось, всегда веселый; но несмотря на то, эти слова мамыши запали мнѣ въ воображеніе, и еще шесть лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, и онъ говорилъ мнѣ *ты*, игралъ со мной и прозвалъ меня *дѣвочка-фіалка*, я не безъ страха иногда спрашивала себя, что я буду дѣлать, ежели онъ вдругъ захочетъ жениться на мнѣ?

Передъ обѣдомъ, къ которому Катя прибавила пирожное кремъ и соусъ изъ шпината, Сергѣй Михайлычъ пріѣхалъ. Я видѣла въ окно, какъ онъ подъѣзжалъ къ дому въ маленькихъ санкахъ, но какъ только онъ заѣхалъ за уголъ, я поспѣшила въ гостиную и хотѣла притвориться, что совсѣмъ не ожидала его. Но заслышавъ въ передней стукъ ногъ, его громкій голосъ и шаги Кати, я не утерпѣла, и сама пошла ему навстрѣчу. Онъ, держа Катю за руку, громко говорилъ и улыбался. Увидѣвъ меня, онъ остановился и нѣсколько времени смотрѣлъ на меня, не кланяясь. Мнѣ стало неловко, и я почувствовала, что покраснѣла.

— Ахъ! неужели это вы? сказалъ онъ съ своею рѣшительною и простою манерой, разводя руками и подходя ко мнѣ.

— Можно-ли такъ перемѣниться! какъ вы выросли! Вотъ-те и фіалка! Вы цѣлый розанъ стали.

Онъ взялъ своею большою рукой меня за руку пожалъ такъ крѣпко, честно, только что не больно. Я думала, что онъ поцѣлуетъ мою руку и нагнулась было къ нему, но онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и прямо въ глаза посмотрѣлъ своимъ твердымъ и веселымъ взглядомъ.

Я шесть лѣтъ не видала его. Онъ много перемѣнился; постарѣлъ, почернѣлъ и обросъ бакенбардами, что очень не шло къ нему; но тѣ же были простые приемы, открытое честное съ крупными чертами лицо, умные блестящіе глаза и ласковая, какъ будто дѣтская улыбка.

Черезъ пять минутъ онъ пересталъ быть гостемъ, а сдѣлался своимъ человѣкомъ для всѣхъ насъ, даже для людей, которые, видно было по ихъ услужливости, особенно радовались его пріѣзду.

Онъ велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ сосѣди, пріѣзжавшіе послѣ кончины матушки, и считавшіе нужнымъ молчать и плакать, сидя у насъ; онъ напротивъ былъ разговорчивъ, веселъ и ни слова не говорилъ о матушкѣ, такъ что сначала это равнодушіе мнѣ показалось странно и даже неприлично со стороны такого близкаго человѣка. Но потомъ я поняла, что это было не равнодушіе, а искренность, и была благодарна за нее. Вечеромъ Катя сѣла разливать чай, на старое мѣсто въ гостиной, какъ это бывало при мамашѣ; мы съ Соней сѣли около нея; старый Григорій принесъ ему еще бывшую папашину отыскавшуюся трубку, и онъ, какъ и въ старину, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Сколько страшныхъ перемѣнъ въ этомъ домѣ, какъ подумаешь! сказалъ онъ, останавливаясь.

— Да, сказала Катя со вздохомъ и, прикрывъ самоваръ крышечкой, посмотрѣла на него, ужъ готовая расплакаться.

— Вы я думаю помните вашего отца? обратился онъ ко мнѣ.

— Мало, отвѣчала я.

— А какъ бы вамъ теперь хорошо было бы съ нимъ! проговорилъ онъ, тихо и задумчиво глядя на мою голову выше моихъ глазъ. — Я очень любилъ вашего отца! прибавилъ онъ еще тише, и мнѣ показалось, что глаза его стали блестяще.

— А тутъ ее Богъ взялъ! проговорила Катя, и тотчасъ же положила салфетку на чайникъ, достала платокъ и заплакала.

— Да, страшныя перемѣны въ этомъ домѣ, повторилъ онъ, отвернувшись. — Соня, покажи игрушки, прибавилъ онъ черезъ нѣсколько времени и вышелъ въ залу. Полными слезъ глазами я посмотрѣла на Катю, когда онъ вышелъ.

— Это такой славный другъ! сказала она.

И дѣйствительно, какъ-то тепло и хорошо стало мнѣ, отъ сочувствія этого чужаго и хорошаго человѣка.

Изъ гостиной слышался пискъ Сони и его возня съ нею. Я выслала ему чай; и слышно было, какъ онъ сѣлъ за фортепьяно и Сониными ручонками сталъ бить по клавишамъ.

— Марья Александровна! слышался его голосъ. — Подите сюда, сыграйте что-нибудь.

Мнѣ пріятно было, что онъ такъ просто и дружески повелительно обращается ко мнѣ; я встала и подошла къ нему.

— Вотъ это сыграйте, сказалъ онъ, раскрывая тетрадь Бетговена на адажіо сонаты *quasi una fantasia*. Посмотримъ, какъ то вы играете, прибавилъ онъ и отошелъ съ стаканомъ въ уголъ залы.

Почему-то, я почувствовала, что съ нимъ мнѣ невозможно отказываться и дѣлать предисловія, что я дурно играю; я покорно сѣла за клавикуды и начала играть, какъ умѣла, хотя и боялась суда, зная, что онъ понимаетъ и любитъ музыку. Адажіо было въ тонѣ того чувства воспоминанія, которое было вызвано разговоромъ за чаемъ, и я сыграла, кажется, порядочно. Но *скерцо* онъ мнѣ не далъ играть. «Нѣтъ, это вы нехорошо играете, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ, это оставьте, а первое не дурно. Вы, кажется, понимаете музыку.» Эта умѣренная похвала такъ обрадовала меня, что я даже покраснѣла. Мнѣ такъ ново и пріятно было, что онъ, другъ и равный моего отца, говорилъ со мной одинъ на одинъ серьезно, а уже не какъ съ ребенкомъ, какъ прежде. Катя пошла на верхъ укладывать Соню и мы вдвоемъ остались въ залѣ.

Онъ рассказывалъ мнѣ про моего отца, про то, какъ онъ сошелся съ нимъ, какъ они весело жили когда-то, когда еще я сидѣла за книгами и игрушками; и отецъ мой въ его рассказахъ въ первый разъ представлялся мнѣ простымъ и милымъ человѣкомъ, какимъ я не знала его до сихъ поръ. Онъ спрашивалъ меня тоже про то, что я люблю,

что читаю, что намѣрена дѣлать, и давалъ совѣты. Онъ былъ теперь для меня не путникъ и весельчакъ, дразнившій меня и дѣлавшій игрушки, а человекъ серьезный, простой и любящій, къ которому я чувствовала невольное уваженіе и симпатію. Мнѣ было легко, приятно и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала невольную напряженность, говоря съ нимъ. Я боялась за каждое свое слово; мнѣ такъ хотѣлось самой заслужить его любовь, которая ужъ была приобретена мною только за то, что я была дочь моего отца.

Уложивъ Соню, Катя присоединилась къ намъ и нажаловалась ему на мою апатію, про которую я ничего не сказала.

— Самого-то главнаго она и не рассказала мнѣ, сказалъ онъ, улыбаясь и укоризненно качая на меня головой.

— Что жъ рассказывать! сказала я:— это очень скучно, да и пройдетъ. (Мнѣ дѣйствительно казалось теперь, что не только пройдетъ моя тоска, но что она уже прошла, и что ея никогда не было.)

— Это не хорошо не умѣть переносить одиночества, сказалъ онъ;— неужели вы барышня?

— Разумѣется, барышня, отвѣчала я, смѣясь.

— Нѣтъ, дурная барышня, которая только жива, пока на нее любятъ, а какъ только одна осталась, такъ и опустилась, и ничто ей не мило; все только для показу, а для себя ничего.

— Хорошаго вы мнѣнія обо мнѣ, сказала я, чтобы сказать что-нибудь.

— Нѣтъ! проговорилъ онъ, помолчавъ немного:— не даромъ вы похожи на вашего отца, въ васъ *есть*,—и его добрый внимательный взглядъ снова польстил мнѣ, и радостно смутилъ меня.

Только теперь я замѣтила изъ-за его, на первое впечатлѣніе, веселаго лица, этотъ ему одному принадлежащій взглядъ, сначала ясный, а потомъ все болѣе и болѣе внимательный и нѣсколько грустный.

— Вамъ не должно и нельзя скучать, сказалъ онъ,—у васъ есть музыка, которую вы понимаете, книги, ученіе, у васъ цѣлая жизнь впереди, къ которой теперь только и можно готовиться, чтобы потомъ не жалѣть. Черезъ годъ ужъ поздно будетъ.

Онъ говорилъ со мной какъ отецъ или дядя, и я чувствовала, что онъ безпрестанно удерживается, чтобы быть наравнѣ со мною. Мнѣ было и обидно, что онъ считаетъ меня ниже себя, и приятно, что для одной меня онъ считаетъ нужнымъ стараться быть другимъ.

Остальной вечеръ онъ о дѣлахъ говорилъ съ Катей.

— Ну прощайте, любезные друзья, сказалъ онъ, вставая и подходя ко мнѣ, и взявъ меня за руку.

— Когда же увидимся опять? спросила Катя.

— Весной, отвѣчалъ онъ, продолжая держать меня за руку;— теперь поѣду въ Даниловку (наша другая деревня); узнаю тамъ, устрою, что могу, заѣду въ Москву ужъ по своимъ дѣламъ, а лѣто будемъ видѣться.

— Ну что жъ это вы такъ надолго? сказала я ужасно грустно; и дѣйствительно, я надѣялась уже видѣть его каждый день, и мнѣ такъ вдругъ жалко стало и страшно, что опять вернется моя тоска. Должно-быть это выразилось въ моемъ взглядѣ и тонѣ.

— Да; побольше занимайтесь, не хандрите, сказалъ онъ, какъ мнѣ показалось, слишкомъ холодно-простымъ тономъ.— А весною я васъ проѣзжаю, прибавилъ онъ, выпуская мою руку и не глядя на меня.

Въ передней, гдѣ мы стояли, провожая его, онъ заторопился, надѣвая шубу и опять обошелъ меня взглядомъ. «Напрасно онъ старается! подумала я. Неужели онъ думаетъ, что мнѣ ужъ такъ приятно, чтобъ онъ смотрѣлъ на меня? Онъ хорошій человекъ, очень хорошій... но и только.»

Однако въ этотъ вечеръ мы съ Катей долго не засыпали и все говорили, не о немъ, а о томъ, какъ проведемъ нынѣшнее лѣто, гдѣ и какъ будемъ жить зиму. Страшный вопросъ: зачѣмъ? уже не представлялся мнѣ. Мнѣ казалось очень просто и ясно, что жить надо для того, чтобы быть счастливою, и въ будущемъ представлялось много счастья. Какъ будто вдругъ нашъ старый, мрачный покровскій домъ наполнился жизнью и свѣтомъ.

II.

Между тѣмъ пришла весна. Прежняя тоска моя прошла и замѣнилась весеннею мечтательною тоскою непонятныхъ надеждъ и желаній. Хотя я жила не такъ какъ въ началѣ зимы, а занималась и Соней, и музыкой, и чтеніемъ, я часто уходила въ садъ и долго, долго бродила одна по аллеямъ или сидѣла на скамейкѣ, Богъ знаетъ о чемъ думая, чего желая и надѣясь. Иногда и цѣлыя ночи, особенно мѣсячныя, я просиживала до утра у окна своей комнаты, иногда въ одной кофточкѣ, потихоньку отъ Кати, выходила въ садъ и по росѣ бѣгала до пруда, и одинъ разъ вышла даже въ поле, и одна ночью обошла весь садъ кругомъ.

Теперь мнѣ трудно вспомнить и понять тѣ мечты, которыя тогда наполняли мое воображеніе. Даже когда я вспомню, мнѣ не вѣрится, чтобы точно это были мои мечты. Такъ онѣ были странны и далеки отъ жизни.

Въ концѣ мая, Сергѣй Михайлычъ, какъ и общалъ, вернулся изъ своей поѣздки.

Въ первый разъ онъ пріѣхалъ вечеромъ, когда мы совсѣмъ не ожидали его. Мы сидѣли на террасѣ и собирались пить чай. Садъ уже былъ весь въ зелени и въ заросшихъ клумбахъ уже поселились соловьи на всѣ Петровки. Кудрявые кусты сирени кое-гдѣ какъ будто посыпаны были сверху чѣмъ-то бѣлымъ и лиловымъ. Это цвѣты готовились распускаться. Листва березовой аллеи была вся прозрачна на заходящемъ солнцѣ. На террасѣ была свѣжая тѣнь. Сильная вечерняя роса должна была

лечь на траву. На дворѣ за садомъ слышались послѣдніе звуки дня, шумъ пригнаннаго стада; дурачокъ Никонъ ѣздилъ съ бочкой передъ террасой по дорожкѣ, и холодная струя воды изъ лейки кругами чернила вскопанную землю около стволовъ георгинъ и подпорокъ. У насъ на террасѣ, на бѣлой скатерти, блестѣлъ и кипѣлъ свѣтло-вычищенный самоваръ, стояли сливки, крендельки, печенья. Катя пухлыми руками домовито перемывала чашки. Я, не дожидаясь чая и проголодавшись послѣ купанья, ѣла хлѣбъ съ густыми свѣжими сливками. На мнѣ была холстинковая блуза съ открытыми рукавами, и голова была повязана платкомъ по мокрому волосамъ. Катя первая, еще черезъ окно, увидала его. «А! Сергѣй Михайлыч! проговорила она, а мы только-что про васъ говорили.» Я встала и хотѣла уйти, чтобы переодѣться, но онъ засталъ меня въ то время, какъ я была уже въ дверяхъ.

— Ну что за церемоніи въ деревнѣ, сказалъ онъ, глядя на мою голову въ платкѣ и улыбаясь, — вѣдь вамъ не совѣстно Григорія, а я право для васъ Григорій. Но именно теперь мнѣ показалось, что онъ смотреть на меня совсѣмъ не такъ, какъ могъ смотрѣть Григорій, и мнѣ стало неловко.

— Я сейчасъ приду, сказала я, уходя отъ него.

— Чѣмъ же это дурно! прокричалъ онъ мнѣ вслѣдъ, — точно молодайка крестьянская.

«Какъ онъ странно посмотрѣлъ на меня, думала я, торопливо переодѣваясь наверху. Ну слава Богу, что онъ пріѣхалъ, веселѣй будетъ!» И посмотрѣвшись въ зеркало весело сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, и не скрывая того, что торопилась, запыхавшись вошла на террасу. Онъ сидѣлъ за столомъ и рассказывалъ Катѣ про наши дѣла. Взглянувъ на меня, онъ улыбнулся и продолжалъ говорить. Дѣла наши по его словамъ были въ отличномъ положеніи. Теперь намъ надо было только лѣто пробыть въ деревнѣ, а потомъ ѣхать или въ Петербургъ для воспитанія Сони, или за границу.

— Да вотъ ежели бы вы съ нами за границу поѣхали, сказала Катя, — а то мы одни какъ въ лѣсу тамъ будемъ.

— Ахъ! какъ бы я съ вами вокругъ свѣта поѣхалъ, сказалъ онъ, полушутя, полусерьезно.

— Такъ что жь, сказала я, — поѣдемте вокругъ свѣта.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой.

— А матушка? А дѣла? сказалъ онъ. — Ну да не въ томъ дѣло, расскажите-ка, какъ вы провели это время? Неужели опять хандрили?

Когда я ему рассказала, что безъ него занималась и не скучала, и Катя подтвердила мои слова, онъ похвалилъ меня и словами и взглядомъ обладалъ, какъ ребенка, какъ будто имѣлъ на то право. Мнѣ казалось необходимо подробно и особенно искренно сообщать ему все, что я дѣлала хорошаго, и признаваться какъ на исповѣди во всемъ, чѣмъ онъ могъ быть недоволенъ. Вечеръ былъ такъ хорошъ, что чай унесли, а мы остались

на террасѣ, и разговоръ былъ такъ интересенъ для меня, что я не замѣтила, какъ понемногу затихли вокругъ насъ людскіе звуки. Отовсюду сильнѣе запахло цвѣтами, обильная роса облила траву, соловей защекалъ недалеко въ кустѣ сирени и затихъ, услышавъ наши голоса; звѣздное небо какъ будто опустилось надъ нами.

Я замѣтила, что уже смерклось только потому, что летучая мышь вдругъ беззвучно влетѣла подъ парусину террасы и затрепыхалась около моего бѣлаго платка. Я прижалась къ стѣнѣ и хотѣла уже вскрикнуть, но мышь также беззвучно и быстро вынырнула изъ подъ навѣса и скрылась въ полутьмѣ сада.

— Какъ я люблю ваше Покровское, сказалъ онъ, прерывая разговоръ. — Такъ бы всю жизнь и сидѣлъ тутъ на террасѣ.

— Ну что жь, и сидите, сказала Катя.

— Да, сидите, проговорилъ онъ, — жизнь не сидитъ.

— Что вы не женитесь? сказала Катя. — Вы бы отличный мужъ были.

— Оттого, что я люблю сидѣть, засмѣялся онъ. — Нѣтъ, Катерина Карловна, намъ съ вами ужъ не жениться. На меня ужъ давно всѣ перестали смотрѣть, какъ на человѣка, котораго женить можно. А я самъ и подавно, и съ тѣхъ поръ мнѣ такъ хорошо стало, право.

Мнѣ показалось, что онъ какъ-то не естественно увлекательно говорить это.

— Вотъ хорошо! тридцать шесть лѣтъ, ужъ и отжилъ, сказала Катя.

— Да еще какъ отжилъ, продолжалъ онъ, — только сидѣть и хочется. А чтобъ жениться надо другое. Вотъ спросите-ка у нея, прибавилъ онъ, головой указывая на меня. — Вотъ этихъ женить надо. А мы съ вами будемъ на нихъ радоваться.

Въ тонѣ его была затаенная грусть и напряженность, не укрывшіяся отъ меня. Онъ помолчалъ немного; ни я, ни Катя ничего не сказали.

— Ну представьте себѣ, продолжалъ онъ, повернувшись на стулѣ, — ежели бы я вдругъ женился, какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ на семнадцати лѣтней дѣвочкѣ, хоть на Машѣ... на Марьѣ Александровнѣ. Это прекрасный примѣръ, я очень радъ, что это такъ выходитъ... и это самый лучшій примѣръ.

Я засмѣялась, и никакъ не понимала, чему онъ такъ радъ, и что такое такъ выходитъ...

— Ну скажите по правдѣ, руку на сердце, сказалъ онъ, шутливо обращаясь ко мнѣ, — развѣ не было бы для васъ несчастье, соединить свою жизнь съ человѣкомъ старымъ, отжившимъ, который только сидѣть хочетъ, тогда какъ у васъ тамъ Богъ знаетъ что бродитъ, чего хочется.

Мнѣ неловко стало, я молчала, не зная что отвѣтить.

— Вѣдь я не дѣлаю вамъ предложенія, сказалъ онъ, смѣясь, — но по правдѣ, скажите, вѣдь не о такомъ мужѣ вы мечтаете, когда по вечерамъ

однѣ гуляете по аллеѣ; и вѣдь это было бы несчастье?

— Не несчастье... начала я.

— Ну, а не хорошо, докончилъ онѣ.

— Да, но вѣдь я могу ошиба....

Но опять онѣ перебилъ меня.

— Ну вотъ видите, и она совершенно права, и я благодаренъ ей за искренность и очень радъ, что у насъ былъ этотъ разговоръ? Да мало этого, для меня бы это было величайшее несчастье, прибавилъ онѣ.

— Какой вы чудакъ, ничего не перемѣнились, сказала Катя и вышла съ террасы, чтобы велѣть накрывать ужинъ.

Мы оба затихли послѣ ухода Кати, и вокругъ насъ все было тихо. Только соловей уже не повчерашнему, отрывисто и нерѣшительно, а по ночному, неторопливо, спокойно, заливался на весь садъ, и другой снизу отъ оврага, въ первый разъ нынѣшній вечеръ, издалика откликнулся ему. Ближайшій замолкъ, какъ будто прислушался на минуту и еще рѣзче и напряженнѣе залился пересыпчатою звонкою трелью. И царственно спокойно раздавались эти голоса въ ихнемъ чуждомъ для насъ ночномъ мірѣ. Садовникъ прошелъ спать въ оранжерею, шаги его въ толстыхъ сапогахъ, все удаляясь, прозвучали по дорожкѣ. Кто-то пронзительно свистнулъ два раза подъ горой, и все опять затихло. Чуть слышно заколебался листъ, полыхнулось полотно террасы, и колеблясь въ воздухѣ донеслось что-то пахучее на террасу и разлилось по ней. Мнѣ неловко было молчать послѣ того, что было сказано, но что сказать я не знала. Я посмотрѣла на него. Блестящіе глаза въ полутѣмѣ оглянулись на меня.

— Отлично жить на свѣтѣ! проговорилъ онѣ.

Я вздохнула отчего-то.

— Что?

— Отлично жить на свѣтѣ! повторила я.

И опять мы замолчали, и мнѣ опять стало неловко. Мнѣ все приходило въ голову, что я огорчила его, согласившись съ нимъ, что онѣ старъ, и хотѣла утѣшить его, но не знала, какъ сдѣлать это.

— Однако прощайте, сказалъ онѣ, вставая, — матушка ждетъ меня къ ужину. Я почти не видалъ ея нынче.

— А я хотѣла сыграть вамъ новую сонату, сказала я.

— Въ другой разъ, сказалъ онѣ холодно, какъ мнѣ показалось.

— Прощайте.

Мнѣ еще больше показалось теперь, что я огорчила его, и стало жалко. Мы съ Катей проводили его до крыльца и постояли на дворѣ, глядя по дорогѣ, по которой онѣ скрылся. Когда затихъ уже топотъ его лошади, я пошла кругомъ на террасу и опять стала смотрѣть въ садъ, и въ росистомъ туманѣ, въ которомъ стояли ночные звуки, долго еще видѣла и слышала все то, что хотѣла видѣть и слышать.

Онѣ пріѣхалъ въ другой, въ третій разъ, и неловкость, произшедшая отъ страннаго разговора, бывшаго между нами, совершенно исчезла и больше не возобновлялась. Въ продолженіи всего лѣта, онѣ раза два-три въ недѣлю пріѣзжалъ къ намъ; и я привыкла къ нему такъ, что когда онѣ долго не пріѣзжалъ, мнѣ казалось неловко жить одной, и я сердилась на него и находила, что онѣ дурно поступаетъ, оставляя меня. Онѣ обращался со мной, какъ съ молодымъ любимымъ товарищемъ, разспрашивалъ меня, вызывалъ на самую задушевную откровенность, давалъ совѣты, поощрялъ, иногда бранилъ и останавливалъ. Но несмотря на все его старанье постоянно быть наравнѣ со мною, я чувствовала, что за тѣмъ, что я понимала въ немъ, оставался еще цѣлый чужой міръ, въ который онѣ не считалъ нужнымъ впускать меня, и это-то сильнѣе всего поддерживало во мнѣ уваженіе и притягивало къ нему. Я знала отъ Кати и отъ сосѣдей, что кромѣ заботъ о старой матери, съ которою онѣ жилъ, кромѣ своего хозяйства и нашего опекунства у него были какія-то дворянскія дѣла, за которыя ему дѣлали большія неприятности; но какъ онѣ смотрѣлъ на все это, какія были его убѣжденія, планы, надежды, я никогда ничего не могла узнать отъ него. Какъ только я наводила разговоръ на его дѣла, онѣ морщился своимъ особеннымъ манеромъ, какъ будто говоря: «полноте пожалуйста, что вамъ до этого», и переводилъ разговоръ на другое. Сначала это оскорбляло меня, но потомъ я такъ привыкла къ тому, что мы всегда говорили только о вещахъ касающихся меня, что уже находила это естественнымъ.

Что также сначала не нравилось мнѣ, а потомъ напротивъ сдѣлалось пріятно, было его совершенное равнодушіе и какъ бы презрѣніе къ моей наружности. Онѣ никогда ни взглядомъ, ни словомъ не намекалъ мнѣ на то, что я хороша; а напротивъ морщился и смѣялся, когда при немъ называли меня хорошенькою. Онѣ даже любилъ находить во мнѣ наружные недостатки и дразнилъ меня ими. Модныя платья и прически, въ которыя Катя любила наряжать меня по торжественнымъ днямъ, вызывали только его насмѣшки, огорчавшія добрую Катю и сначала сбивавшія меня съ толку. Катя, рѣшившая въ своемъ умѣ, что я ему нравлюсь, никакъ не могла понять, какъ не любить, чтобы нравящаяся женщина выказывалась въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Я же скоро поняла, чего ему было надо. Ему хотѣлось вѣрить, что во мнѣ нѣтъ кокетства. И когда я поняла это, во мнѣ дѣйствительно не осталось и тѣни кокетства нарядовъ, причесокъ, движеній; но за то явилось, бѣлыми нитками шитое, кокетство простоты, въ то время какъ я еще не могла быть проста. Я знала, что онѣ любитъ меня, — какъ ребенка, или какъ женщину, я еще не спрашивала себя; я дорожила этою любовью, и чувствуя, что онѣ считаетъ меня самою лучшею дѣвушкою въ мірѣ, я не могла не желать, чтобы этотъ обманъ оставался въ немъ,

И я невольно обманывала его. Но обманывая его, и сама становилась лучше. Я чувствовала, как лучше и достойнее мнѣ было показывать передъ нимъ лучшія стороны своей души, чѣмъ тѣла. Мои волосы, руки, лицо, привычки, какія бы они ни были, хорошія или дурныя, мнѣ казалось, онъ сразу оцѣнилъ и зналъ такъ, что я ничего, кромѣ желанія обмана, не могла прибавить къ своей наружности. Души же моей онъ не зналъ; потому что любилъ ее, потому что въ то самое время она росла и развивалась, и тутъ-то я могла обманывать и обманывала его. И какъ легко мнѣ стало съ нимъ, когда я ясно поняла это! Эти безпричинныя смущенія, стѣсненность движеній, совершенно исчезли во мнѣ. Я чувствовала, что спереди ли, сбоку ли, сидя или стоя, онъ видитъ меня, съ волосами кверху или книзу, онъ зналъ всю меня, и мнѣ казалось, былъ доволенъ мною, какою я была. Я думаю, что ежели бы онъ, противъ своихъ привычекъ, какъ другіе, вдругъ сказалъ мнѣ, что у меня прекрасное лицо, я бы даже нисколько не была рада. Но зато какъ отрадно и свѣтло на душѣ становилось мнѣ, когда онъ послѣ какого-нибудь моего слова, пристально поглядѣвъ на меня, говорилъ тронутымъ голосомъ, которому старался дать шутливый тонъ:

— Да, да, въ васъ *есть*. Вы славная дѣвушка, это я долженъ сказать вамъ.

И вѣдь за что я получала тогда такія награды, наполнявшія мое сердце гордостью и весельемъ? За то, что я говорила, что сочувствую любви стараго Григорья къ своей внучкѣ, или за то, что до слезъ трогалась прочитаннымъ стихотвореньемъ или романомъ, или за то, что предпочитала Моцарта Шумъгофу. И удивительно мнѣ подумалось, какимъ необыкновеннымъ чутьемъ угадывала я тогда все то, что хорошо и что надо бы любить; хотя я тогда еще рѣшительно не знала, что хорошо и что надо любить. Большая часть моихъ прежнихъ привычекъ и вкусовъ не нравились ему, и стоило движеньемъ брови, взглядомъ показать, что ему не нравится то, что я хочу сказать, сдѣлать свою особенную жалкую чуть-чуть презрительную мину, какъ мнѣ уже казалось, что я не люблю того, что любила прежде. Бывало онъ только хочетъ посовѣтовать мнѣ что-нибудь, а ужъ мнѣ кажется, что я знаю, что онъ скажетъ. Онъ спросить меня, глядя мнѣ въ глаза, и взглядъ его вытягиваетъ изъ меня ту мысль, какую ему хочется. Всѣ мои тогдашнія мысли, всѣ тогдашнія чувства, были не мои, а его мысли и чувства, которые вдругъ сдѣлались моими, перешли въ мою жизнь и освѣтили ее. Совершенно незамѣтно для себя, я на все стала смотрѣть другими глазами, и на Катю, и на нашихъ людей, и на Соню, и на себя, и на свои занятія. Книжки, которыя прежде я читывала, только для того, чтобы убавить скуку, сдѣлались вдругъ для меня однимъ изъ лучшихъ удовольствій въ жизни; и все только отъ того, что мы поговорили съ нимъ о книгахъ, читали съ нимъ

вмѣстѣ, и онъ привозилъ мнѣ ихъ. Прежде занятія съ Соней, уроки ей были для меня тяжелою обязанностью, которую я усиливалась исполнять только по сознанию долга; онъ посидѣлъ за урокомъ, и слѣдить за успѣхами Сони сдѣлалось для меня радостью. Выучить цѣлую музыкальную пьесу прежде казалось мнѣ невозможнымъ; а теперь, зная, что онъ будетъ слушать и похвалить можетъ быть, я по сорока разъ сряду проигрывала одинъ пассажъ, такъ что бѣдная Катя затыкала уши ватой, а мнѣ все не было скучно. Тѣ же старыя сонаты какъ-то совсѣмъ иначе фразировались теперь и выходили совсѣмъ иначе и гораздо лучше. Даже Катя, которую я знала и любила какъ себя, и та измѣнилась въ моихъ глазахъ. Теперь только я поняла, что она вовсе не была обязана быть матерью, другомъ, рабой, какой она была для насъ. Я поняла все самоотверженіе и преданность этого любящаго созданья, поняла все, чѣмъ я обязана ей; и еще больше стала любить ее. Онъ же научилъ меня смотрѣть на нашихъ людей, крестьянъ, дворовыхъ, дѣвушекъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Смѣшно сказать, а до семнадцати лѣтъ я прожила между этими людьми болѣе чужая для нихъ, чѣмъ для людей, которыхъ никогда не видала; ни разу не подумала, что эти люди также любятъ, желаютъ и сожалеютъ, какъ и я. Нашъ садъ, наши рощи, наши поля, которыя я такъ давно знала, вдругъ сдѣлались новыми и прекрасными для меня. Не даромъ онъ говорилъ, что въ жизни есть только одно несомнѣнное счастье—жить для другаго. Мнѣ тогда это странно казалось, я не понимала этого; но это убѣжденіе, помимо мысли, уже проходило мнѣ въ сердце. Онъ открылъ мнѣ цѣлую жизнь радостей въ настоящемъ, не измѣнивъ ничего въ моей жизни, ничего не прибавивъ, кромѣ себя, къ каждому впечатлѣнію. Все то же съ дѣтства безмолвно было вокругъ меня, а стоило ему только придти, чтобы все то же заговорило, и наперывъ запросилось въ душу, наполняя ее счастьемъ.

Часто въ это лѣто я приходила на верхъ, въ свою комнату, ложилась на постель, и вмѣсто прежней весенней тоски желаній и надеждъ въ будущемъ, тревога счастья въ настоящемъ обхватывала меня. Я не могла засыпать, вставала, садилась на постель къ Катѣ и говорила ей, что я совершенно счастлива, чего, какъ теперь я вспоминаю, совсѣмъ не нужно было говорить ей: она сама могла видѣть это. Но она говорила мнѣ, что и ей ничего не нужно, и что она тоже очень счастлива и цѣловала меня. Я вѣрила ей, мнѣ казалось такъ необходимо и справедливо, чтобы всѣ были счастливы. Но Катя могла тоже думать о снѣ и даже, притворяясь сердитою, прогоняла меня, бывало, съ своей постели и засыпала; а я долго перебирала все то, чѣмъ я такъ счастлива. Иногда я вставала и молилась въ другой разъ, своими словами молилась, чтобы благодарить Бога за все то счастье, которое Онъ далъ мнѣ.

И въ комнатѣ было тихо; только сонно и ровно

дышала Катя, часы тикали подлѣ нея, и я поворачивалась и шептала слова или крестилась и цѣловала крестъ на шеѣ. Двери были закрыты, ставешки были въ окнахъ, какая нибудь муха или комаръ колебался жужжали на одномъ мѣстѣ. И мнѣ хотѣлось никогда не выходить изъ этой комнаты, не хотѣлось, чтобы приходило утро, не хотѣлось, чтобы разлетѣлась эта моя душевная атмосфера, окружавшая меня. Мнѣ казалось, что мои мечты, мысли и молитвы — живныя существа, тутъ во мракѣ живущія со мной, летающія около моей постели, стоящія надо мной. И каждая мысль была его мысль, и каждое чувство — его чувство. Я тогда еще не знала, что это любовь, я думала, что это такъ всегда можетъ быть, что такъ даромъ дается это чувство.

III.

Одинъ день во время уборки хлѣба, мы съ Катей и Соней послѣ обѣда пошли въ садъ на нашу любимую скамейку въ тѣни липъ надъ оврагомъ, за которымъ открывался видъ лѣса и поля. Сергѣй Михайлычъ уже дня три не былъ у насъ, и въ этотъ день мы ожидали его, тѣмъ болѣе, что нашъ прикащикъ сказалъ, что онъ общалъ пріѣхать на поле. Часу во второмъ мы видѣли, какъ онъ верхомъ проѣхалъ на ржаное поле. Катя велѣла принести персиковъ и вишенъ, которые онъ очень любилъ, съ улыбкой взглянувъ на меня, прилегла на скамейку и задремала. Я оторвала кривую, плоскую вѣтку липы съ сочными листьями и сочною корой, обмочившею мнѣ руку, и, обмахивая Катю, продолжала читать, безпрестанно отрываясь и глядя на полевую дорогу, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать. Соня у корня старой липы строила бесѣдку для куколъ. День былъ жаркій, безвѣтренный, парило, тучи сrostались и чернѣли, и съ утра еще собиралась гроза. Я была взволнована, какъ всегда передъ грозой. Но послѣ полудня тучи стали разбираться по краямъ, солнце выплыло на чистое небо, и только на одномъ краю погромыхивало, и по тяжелой тучѣ, стоявшей надъ горизонтомъ и сливавшейся съ пылью на поляхъ, изрѣдка до земли прорѣзались блѣдныя зигзаги молнии. Ясно было, что на нынѣшній день разойдется, у насъ по крайней мѣрѣ. По виднѣвшейся мѣстами дорогѣ за садомъ, не прерываясь, то медленно тянулись высокія скрипящіе воза съ снопами, то быстро, на встрѣчу имъ, постукивали пустыя телѣги, дрожали ноги и развѣвались рубахи. Густая пыль не уносилась и не опускалась, а стояла за плетнемъ между прозрачною листвою деревьевъ сада. Подальше, на гумнѣ слышались тѣ же голоса, тотъ же скрипъ колесъ, и тѣ же желтые снопы, медленно подвигавшіеся мимо забора, тамъ летали по воздуху, и на моихъ глазахъ росли овалы дома, видѣлись ихъ острыя крыши и фигуры мужиковъ копошились на нихъ.

Впереди на пыльномъ полѣ тоже двигались телѣги, и тоже виднѣлись желтые снопы и также звуки телѣгъ, голосовъ и пѣсень доносились издали. Съ одного края все открытѣе и открытѣе становилось жневе, съ полосами полнью поросшей межи. По правѣ, внизу по некрасиво спутанному, скошенному полю виднѣлись яркія одежды вязавшихъ бабъ, нагибающихся, размахивающихъ руками, и спутанное поле очищалось, и красивые снопы часто разставлялись по немъ. Какъ будто вдругъ на моихъ глазахъ изъ лѣта сдѣлалась осень. Пыль и зной стояли вездѣ, исключая нашего любимого мѣстечка въ саду. Со всѣхъ сторонъ въ этой пыли и зноѣ на горячемъ солнцѣ говорилъ, шумѣлъ и двигался трудовой народъ.

А Катя такъ сладко похрапывала, подъ бѣлымъ батистовымъ платочкомъ, на нашей прохладной скамейкѣ, вишни такъ сочно-глянцовито чернѣли на тарелкѣ, платья наши были такъ свѣжи и чисты, вода въ кружкѣ такъ радужно свѣтло играла на солнцѣ, и мнѣ такъ было хорошо. Что же дѣлать? думала я, чѣмъ же я виновата, что я счастлива? Но какъ подѣлиться счастьемъ? какъ и кому отдать всю себя и все свое счастье?..

Солнце уже зашло за макушки березовой аллеи, пыль укладывалась въ полѣ, даль виднѣлась явственнѣе и свѣтлѣе въ боковомъ освѣщеніи, тучи совсѣмъ разошлись, на гумнѣ изъ-за деревьевъ видны были три новыя крыши скирдъ, и мужики сошли съ нихъ; телѣги, съ громкими криками, проскакали видно въ послѣдній разъ; бабы съ граблями на плечахъ и свясами на кушакахъ съ громкою пѣснью прошли домой, а Сергѣй Михайлычъ все не пріѣзжалъ, несмотря на то, что я давно видѣла, какъ онъ съѣхалъ подъ гору. Вдругъ по аллеѣ, съ той стороны, съ которой я вовсе не ожидала его, показалась его фигура (онъ обошелъ оврагомъ). Съ веселымъ, сіяющимъ лицомъ и снявъ шляпу, онъ скорыми шагами шелъ ко мнѣ. Увидавъ, что Катя спитъ, онъ закусилъ губу, закрылъ глаза и пошелъ на цыпочкахъ; я сейчасъ замѣтила, что онъ находился въ томъ особенномъ настроеніи безпричинной веселости, которое я ужасно любила въ немъ, и которое мы называли дикимъ восторгомъ. Онъ былъ точно школьникъ, вырвавшийся отъ ученья; все существо его, отъ лица и до ногъ, дышало довольствомъ, счастьемъ и дѣтскою рѣзвостію.

— Ну, здравствуйте, молодая фялка, какъ вы? хорошо? сказалъ онъ шопотомъ, подходя ко мнѣ и пожимая мнѣ руку... — А я отлично, отвѣчалъ онъ на мой вопросъ, — мнѣ нынче тринадцать лѣтъ, хочется въ лошадки играть и по деревьямъ лазить.

— Въ дикомъ восторгѣ? сказала я, глядя на его смѣющиеся глаза, и чувствуя, что этотъ *дикий восторгъ* сообщался мнѣ.

— Да, отвѣчалъ онъ, подмигивая однимъ глазомъ и удерживая улыбку. — Только за что же Катерину Карловну по носу бить?

Я и не замѣтила, глядя на него и продолжая махать вѣткѣй, какъ я сбила платокъ съ Кати и гладила ее по лицу листьями. Я засмѣялась.

— А она скажетъ, что не спала, проговорила я шопотомъ, будто бы для того, чтобы не разбудить Катю; но совѣмъ не затѣмъ; мнѣ просто пріятно было шопотомъ говорить съ нимъ.

Онъ зашевелилъ губами, передразнивая меня, будто я говорила уже такъ тихо, что ничего нельзя было слышать. Увидѣвъ тарелку съ вишнями, онъ какъ будто украдкой схватилъ ее, пошелъ къ Сонѣ подѣ лину и сѣлъ на ея кукулы. Соня разсердилась сначала, но онъ скоро помирился съ ней, устройвъ игру, въ которой онъ съ ней на перегонки долженъ былъ сѣдять вишни.

— Хотите, я велю еще принести, сказала я, — или пойдемте сами.

Онъ взялъ тарелку, посадилъ на нее куколъ, и мы втроемъ пошли къ сараю. Соня смѣясь бѣжала за нами, дергая его за пальто, чтобы онъ отдалъ куколъ. Онъ отдалъ ихъ и серьезно обратился ко мнѣ.

— Ну, какъ же вы не фіалка, сказалъ онъ мнѣ все еще тихо, хотя некого уже было бояться разбудить: — какъ только подошелъ къ вамъ послѣ всей этой пыли, жару, трудовъ, такъ и запахло фіалкой. И не душистою фіалкой, а знаете, этою первою, темненькою, которая пахнетъ снѣжкомъ талымъ и травкою весеннею.

— Ну, а что, хорошо все идетъ по хозяйству? спросила я его, чтобы скрыть радостное смущеніе, которое произвели во мнѣ его слова.

— Отлично! этотъ народъ вездѣ отличный. Чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше любишь.

— Да, сказала я, — нынче передъ вами я смотрѣла изъ саду на работы, и такъ мнѣ вдругъ совѣстно стало, что они трудятся, а мнѣ такъ хорошо, что...

— Не кокетничайте этимъ, мой другъ, перебилъ онъ меня, вдругъ серьезно, но ласково взглянувъ мнѣ въ глаза: — это дѣло свято. Избави васъ Богъ щеголять этимъ.

— Да я вамъ только говорю это.

— Ну да, я знаю. Ну, какъ же вишни?

Сарай былъ запертъ и садовниковъ никого не было (онъ ихъ всѣхъ усылалъ на работы). Соня побѣжала за ключомъ, но онъ, не дожидаясь ее, взлѣзъ на уголь, поднялъ сѣтку и прыгнулъ на другую сторону.

— Хотите, послушался мнѣ оттуда его голосъ, — давайте тарелку.

— Нѣтъ, я сама хочу рвать, я пойду за ключомъ, сказала я, — Соня не найдетъ...

Но въ то же время мнѣ захотѣлось посмотреть, что онъ тамъ дѣлаетъ, какъ смотритъ, какъ движется, полагая, что его никто не видитъ. Да, просто мнѣ въ это время ни на минуту не хотѣлось терять его изъ виду. Я на цыпочкахъ по крапивѣ обѣжала сарай съ другой стороны, гдѣ было ниже и вставъ на пустую бадку, такъ что стѣна мнѣ

приходилась ниже груди, перегнулась въ сарай. Я окинула глазами внутренность сарая съ его старыми изогнутыми деревьями и съ зубчатыми широкими листьями, изъ за которыхъ тяжело и прямо висѣли черныя сочныя ягоды, и подсунувъ голову подѣ сѣтку, изъ подѣ коряваго сука старой вишни увидала Сергѣя Михайлыча. Онъ вѣрно думалъ, что я ушла, что никто его не видитъ. Снявъ шляпу и закрывъ глаза, онъ сидѣлъ на развалинѣ старой вишни, и старательно скатывалъ въ шарикъ кусокъ вишневаго клею. Вдругъ онъ пожалъ плечами, открылъ глаза и проговоривъ что-то улыбнулся. Такъ не похоже на него было это слово и эта улыбка, что мнѣ совѣстно стало за то, что я подсматриваю его. Мнѣ показалось, что слово это было: Мама! не можетъ быть: думала я. «Милая Мама!» повторилъ онъ уже тише и еще нѣжнѣе. Но я уже явственно слышала эти два слова. Сердце забилося у меня такъ сильно, и такая волнующая, какъ будто запрещенная радость вдругъ обхватила меня, что я ухватила руками за стѣну, чтобы не упасть и не выдать себя. Онъ услышалъ мое движеніе, испуганно оглянулся и, вдругъ опустивъ глаза, покраснѣлъ, побагровѣлъ какъ ребенокъ. Онъ хотѣлъ сказать мнѣ что-то, но не могъ, и еще, и еще такъ и вспыхивало его лицо. Однако онъ улыбнулся, глядя на меня. Я улыбнулась тоже. Все лицо его просіяло радостью. Это былъ уже не старый дядя, ласкающій и поучающій меня, это былъ равный мнѣ человекъ, который любилъ и боялся меня, и котораго я боялась и любила. Мы ничего не говорили и только глядѣли другъ на друга. Но вдругъ онъ нахмурился, улыбка и блескъ въ глазахъ его исчезли, и онъ холодно, опять отечески обратился ко мнѣ, какъ будто мы дѣлали что нибудь дурное и какъ будто онъ опомнился и мнѣ совѣтовалъ опомниться.

— Однако слѣзайте, ушибетесь, сказалъ онъ. — Да поправьте волосы, посмотрите на что вы похожи.

«Зачѣмъ онъ притворяется? зачѣмъ хочетъ мнѣ дѣлать больно», съ досадою подумала я. И въ ту же минуту мнѣ пришло непреодолимое желаніе еще разъ смутить его и испытать на немъ мою силу.

— Нѣтъ, я хочу сама рвать, сказала я, и схватившись руками за ближайшій сукъ, ногами вскочила на стѣну. Онъ не успѣлъ поддержать меня, какъ я ужъ соскочила въ сарай на землю.

— Какія вы глупости дѣлаете! проговорилъ онъ, снова краснѣя и, подѣ видомъ досады, стараясь скрыть свое смущеніе: — вѣдь вы могли ушибиться. И какъ вы выйдете отсюда?

Онъ былъ смущенъ еще больше, чѣмъ прежде, но теперь это смущеніе уже не обрадовало, а испугало меня. Оно сообщилося мнѣ, я покраснѣла, и, избѣгая его и не зная что говорить, стала рвать ягоды которыхъ класть мнѣ было не куда. Я упрекала себя, я раскаивалась, я боялась, и мнѣ казалось, что я навѣки погубила себя въ его глазахъ

этимъ поступкомъ. Мы оба молчали, и обоимъ было тяжело. Соня, прибѣжавшая съ ключемъ, вывела насъ изъ этого тяжелаго положенія. Долго послѣ этого мы ничего не говорили другъ съ другомъ, и оба обращались къ Сонѣ. Когда мы вернулись къ Катѣ, которая увѣряла насъ, что не спала, а все слышала, я успокоилась, и онъ снова старался попасть въ свой покровительственный отеческій тонъ, но тонъ этотъ уже не удавался ему и не обманывалъ меня. Мнѣ живо вспомнился теперь разговоръ, бывшій нѣсколько дней тому назадъ между нами.

Катя говорила о томъ, какъ легче мужчинѣ любить и выражать любовь, чѣмъ женщинѣ.

— Муцина можетъ сказать, что онъ любитъ, а женщина—нѣтъ, говорила она.

— А мнѣ кажется, что и муцина не долженъ и не можетъ говорить, что онъ любитъ, сказалъ онъ.

— Отчего? спросила я.

— Оттого, что всегда это будетъ ложь. Что такое за открытіе, что человѣкъ любитъ? Какъ будто, какъ только онъ это скажетъ, что-то зашелкнется, хлопъ—любить. Какъ будто, какъ только онъ произнесъ это слово, что-то должно произойти необыкновенное, знаменія какія-нибудь, изъ всѣхъ пушекъ сразу выпалать. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ,—что люди, которые торжественно произносятъ эти слова: «я васъ люблю», или себя обманываютъ, или что еще хуже, обманываютъ другихъ.

— Такъ какъ же узнаетъ женщина, что ее любятъ, когда ей не скажутъ этого? спросила Катя.

— Этого я не знаю, отвѣчалъ онъ,—у каждого человѣка есть свои слова. А есть чувство, такъ оно выразится. Когда я читаю романы, мнѣ всегда представляется, какое должно быть озадаченное лицо у поручика Стрѣльскаго, или у Альфреда, когда онъ скажетъ: «я люблю тебя, Элеонора!» и думаетъ, что вдругъ произойдетъ необыкновенное; и ничего не происходитъ ни у ней ни у него; тѣ же самые глаза и носъ и все то же самое.

Я тогда уже въ этой шуткѣ чувствовала что-то серьезное, относящееся ко мнѣ, но Катя не позволяла легко обращаться съ героями романовъ.

— Вѣчно парадоксы, сказала она.—Ну скажите по правдѣ, развѣ вы сами никогда не говорили женщинамъ, что любите ее?

— Никогда не говорилъ и на колѣно на одно не становился, отвѣчалъ онъ смѣясь,—и не буду.

«Да, ему не нужно говорить мнѣ, что онъ меня любитъ, думала я теперь, живо вспоминая этотъ разговоръ. Онъ любитъ меня, я это знаю. И все стараніе его казаться равнодушнымъ не разувѣритъ меня.»

Весь этотъ вечеръ онъ мало говорилъ со мною, но въ каждомъ словѣ его къ Катѣ, къ Сонѣ, въ каждомъ движеніи и взглядѣ его, я видѣла любовь, и не сомнѣвалась въ ней. Мнѣ только досадно и жалко за него было, зачѣмъ онъ находитъ

нужнымъ еще таиться и притворяться холоднымъ, когда все уже такъ ясно, и когда такъ легко и просто можно бы было быть такъ невозможно счастливымъ. Но меня какъ преступленіе мучило то, что я прыгнула къ нему въ сарай. Мнѣ все казалось, что онъ перестанетъ уважать меня за это и сердить на меня.

Послѣ чаю я пошла къ фортепіано, и онъ пошелъ за мною.

— Сыграйте что-нибудь, давно я васъ не слышала, сказалъ онъ, догоняя меня въ гостиной.

— Я и хотѣла... Сергѣй Михайлычъ! сказала я, вдругъ глядя ему прямо въ глаза.—Вы не сердитесь на меня?

— За что? спросилъ онъ.

— Что я васъ не послушала послѣ обѣда, сказала я, краснѣя.

Онъ понялъ меня, покачалъ головою, и усмѣхнулся. Взглядъ его говорилъ, что слѣдовало бы побранить, но что онъ не чувствуетъ въ себѣ силы на это.

— Ничего не было, мы опять друзья, сказала я, садясь за фортепіано.

— Еще бы! сказалъ онъ.

Въ большой высокой залѣ было только двѣ свѣчи на фортепіано; остальное пространство было полутемно. Въ отворенныя окна глядѣла свѣтлая лѣтняя ночь. Все было тихо, только Катины шаги, съ перемежкой, поскрипывали въ темной гостиной, и его лошадь, привязанная подъ окномъ, фыркала и била копытомъ по лапуху. Онъ сидѣлъ сзади меня, такъ что мнѣ его не видно было; но вездѣ въ полутьмѣ этой комнаты, въ звукахъ, во мнѣ самой я чувствовала его присутствіе. Каждый взглядъ, каждое движеніе его, которыхъ я не видала, отзывались въ моемъ сердцѣ. Я играла сонату-фантазію Моцарта, которую онъ привезъ мнѣ, и которую я при немъ и для него выучила. Я вовсе не думала о томъ, что играю, но, кажется, играла хорошо, и мнѣ казалось, что ему нравится. Я чувствовала то наслажденіе, которое онъ испытывалъ, и, не глядя на него, чувствовала взглядъ, который сзади былъ устремленъ на меня. Совершенно невольно, продолжая безсознательно шевелить пальцами, я оглянулась на него. Голова его отдѣлялась на свѣтлѣвшемъ фонѣ ночи. Онъ самъ сидѣлъ облокотившись головою на руки, и пристально смотрѣлъ на меня блестящими глазами. Я улыбнулась, увидѣвъ этотъ взглядъ, и перестала играть. Онъ улыбнулся тоже, и укоризненно покачалъ головою на ноты, чтобъ я продолжала. Когда я кончила, мѣсяцъ освѣтилъ, поднялся высоко, и въ комнату, уже кромѣ слабого свѣта свѣтъ, входилъ изъ оконъ другой серебристый свѣтъ, падавшій на полъ. Катя сказала, что ни на что не похоже, какъ я остановилась на лучшемъ мѣстѣ, и что я дурно играла; но онъ сказалъ, что, напротивъ, я никогда такъ хорошо не играла, какъ нынче, и сталъ ходить по комнатамъ, черезъ залу въ темную гостиную и опять въ залу, всякій разъ

оглядываясь на меня и улыбаясь. И я улыбалась, мнѣ даже смѣяться хотѣлось безъ всякой причины, такъ я была рада чему-то, нынче только, сейчасъ случившемуся. Какъ только онъ скрывался въ дверь, я обнимала Катю, съ которою мы стояли у фортепiano, и начинала цѣловать ее въ любимое мое мѣстечко, въ цухлую шею подъ подбородокъ; какъ только онъ возвращался, я дѣлала какъ будто серьезное лицо, и насилу удерживалась отъ смѣха.

— Что съ нею сдѣлалось нынче? говорила ему Катя.

Но онъ не отвѣчалъ и только посмѣивался на меня. Онъ зналъ, что со мной сдѣлалось.

— Посмотрите, что за ночь! сказалъ онъ изъ гостиной, останавливаясь передъ открытою въ садъ балконною дверью...

Мы подошли къ нему, и точно, эта была такая ночь, какой ужъ я никогда не видала послѣ. Полный мѣсяцъ стоялъ надъ домомъ за нами, такъ что его не видно было, и половина тѣни крыши, столбовъ и полотна террасы, наискось ея тассой лежала на песчаной дорожкѣ и газонномъ кругѣ. Остальное все было свѣтло и обито серебряною росы и мѣсячнаго свѣта. Широкая цвѣточная дорожка, по которой съ одного края косо ложились тѣни георгинъ и подпорокъ, вся свѣтлая и холодная, блестя неровнымъ щебнемъ, уходила въ туманъ и въ даль. Изъ-за деревьевъ виднѣлась свѣтлая крыша оранжереи и изъ-подъ оврага поднимался растущій туманъ. Уже нѣсколько оголенные кусты сирени всѣ до сучьевъ были свѣтлы. Всѣ увлажненные росой, цвѣты можно было отличать одинъ отъ другаго. Въ аллеяхъ тѣнь и свѣтъ сливались такъ, что аллеи казались не деревьями и дорожками, а прозрачными, колышущимися и дрожащими домами. Направо въ тѣни дома все было черно, безразлично и страшно. Но за то еще свѣтлѣе выходила изъ этого мрака причудливо-раскидистая макушка тополя, которая почему-то странно остановилась тутъ не далеко отъ дома, наверху въ яркомъ свѣтѣ, а не улетѣла куда-то, туда далеко, въ уходящее синеватое небо.

— Пойдемте ходить, сказала я.

Катя согласилась, но сказала, чтобъ я надѣла колоши.

— Не надо, Катя, сказала я, — вотъ Сергѣй Михайлычъ дастъ мнѣ руку.

Какъ будто это могло помѣшать мнѣ промочить ноги. Но тогда это всѣмъ намъ тремъ было понятно и ни чуть не странно. Онъ никогда не подавалъ мнѣ руки, но теперь я сама взяла ее, и онъ не нашелъ этого страннымъ. Мы втроемъ сошли съ террасы. Весь этотъ міръ, это небо, этотъ садъ, этотъ воздухъ были не тѣ, которые я знала.

Когда я смотрѣла впередъ по аллеѣ, по которой мы шли, мнѣ все казалось, что туда дальше нельзя было идти, что тамъ кончился міръ возможнаго, что все это навсегда должно быть заковано

въ своей красотѣ. Но мы подвигались, и волшебная стѣна красоты раздвигалась, впускала насъ, и тамъ тоже, казалось, былъ нашъ знакомый садъ, деревья, дорожки, сухія листья. И мы точно ходили по дорожкамъ, наступали на круги свѣта и тѣни, и точно, сухой листъ шуршалъ подъ ногою, и свѣжая вѣтка задѣвала меня по лицу. И это точно былъ онъ, который, ровно и тихо ступая подлѣ меня, бережно несъ мою руку, и это точно была Катя, которая, скрипя, шла рядомъ съ нами. И должно-быть это былъ мѣсяцъ на небѣ, который свѣтилъ на насъ, сквозь неподвижныя вѣтви...

Но съ каждымъ шагомъ сзади насъ и спереди снова замыкалась волшебная стѣна, и я переставала вѣрить въ то, что можно еще идти дальше, переставала вѣрить во все, что было.

— Ахъ! лягушка! проговорила Катя.

«Кто и зачѣмъ это говорить?» подумала я. Но потомъ я вспомнила, что это Катя, что она боится лягушекъ, и я посмотрѣла подъ ноги. Маленькая лягушонка прыгнула и замерла передо мной, и отъ нея маленькая тѣнь виднѣлась на свѣтлой глинистой дорожке.

— А вы не боитесь? сказалъ онъ.

Я оглянулась на него. Одной липы въ аллеѣ не доставало въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы проходили, мнѣ ясно было видно его лицо. Оно было такъ прекрасно и счастливо...

Онъ сказалъ: «вы не боитесь?» а я слышала, что онъ говорилъ: люблю тебя, милая дѣвушка! Люблю! люблю! твердилъ его взглядъ, его рука, и свѣтъ, и тѣнь, и воздухъ, и все твердило то же самое.

Мы обошли весь садъ. Катя ходила рядомъ съ нами, своими маленькими шажками, и тяжело дышала отъ усталости. Она сказала, что время вернуться, и мнѣ жалко, жалко стало ее, бѣдняжку. «Зачѣмъ она не чувствуетъ того же, что мы? думала я. Зачѣмъ не всѣ молоды, не всѣ счастливы, какъ эта ночь и какъ мы съ нимъ?»

Мы вернулись домой, но онъ еще долго не уѣзжалъ, не смотря на то, что прокричали пѣтухи, что всѣ въ домѣ спали, и лошадь его все чаще и чаще била копытомъ по лошуху и фыркала подлѣ окномъ. Катя не напоминала намъ, что поздно, и мы разговаривая о самыхъ пустыхъ вещахъ, просидѣли, сами не зная того, до третьяго часа утра. Уже кричали третьи пѣтухи, и заря начала заниматься, когда онъ уѣхалъ. Онъ простился какъ обыкновенно, ничего не сказалъ особеннаго; но я знала, что съ нынѣшняго дня онъ мой, и я уже не потеряю его. Какъ только я призналась себѣ, что люблю его, я все рассказала и Катѣ. Она была рада и тронута тѣмъ, что я ей рассказала, но бѣдняжка могла заснуть въ эту ночь, а я долго, еще долго, ходила по террасѣ, сходилась въ садъ, и, припоминая каждое слово, каждое движеніе, прошла по тѣмъ аллеямъ, по которымъ мы прошли съ нимъ. Я неспала всю эту ночь, и въ

первый разъ въ жизни видѣла восходъ солнца и раннее утро. И ни такой ночи, ни такого утра, я уже никогда не видала послѣ. Только зачѣмъ онъ не скажетъ мнѣ просто, что любитъ меня? думала я. Зачѣмъ онъ выдумываетъ какія-то трудности, называетъ себя старикомъ, когда все такъ просто и прекрасно. Зачѣмъ онъ теряетъ золотое время, которое можетъ-быть уже никогда не возвратится? Пускай онъ скажетъ люблю, словами скажетъ люблю, пускай рукой возьметъ мою руку, пригнетъ къ ней голову и скажетъ: люблю. Пускай покраснѣетъ и опуститъ глаза передо мной, и я тогда все скажу ему. И не скажу, а обниму, прижмусь къ нему и заплачу. Но что ежели я ошибаюсь, и ежели онъ не любитъ меня? вдругъ пришло мнѣ въ голову.

Я испугалась своего чувства, Богъ знаетъ куда оно могло повести меня, и его и мое смущеніе въ сараѣ, когда я спрыгнула къ нему, вспомнились мнѣ, и мнѣ стало тяжело, тяжело на сердцѣ. Слезы полились изъ глазъ, я стала молиться. И мнѣ пришла странная успокоившая меня мысль и надежда. Я рѣшила говѣть съ нынѣшняго дня, причаститься въ день моего рожденія, и въ этотъ самый день сдѣлаться его невѣстою.

Зачѣмъ? почему? какъ это могло случиться? я ничего не знала, но я съ той минуты вѣрила и знала, что это такъ будетъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, и народъ сталъ подниматься, когда я вернулась въ свою комнату.

IV.

Быль успенскій постъ, и потому никого въ домѣ не удивило мое намѣреніе—говѣть въ это время.

Во всю эту недѣлю онъ ни разу не пріѣзжалъ къ намъ, и я не только не удивлялась, не тревожилась и не сердилась на него, но напротивъ была рада, что онъ не ѣздитъ, и ждала его только ко дню моего рожденія. Въ продолженіе этой недѣли я всякій день вставала рано, и покуда мнѣ закладывали лошадь, одна, гуляя по саду, перебирала въ умѣ грѣхи прошлаго дня, и, обдумывая, то что мнѣ нужно было дѣлать нынче, чтобы быть довольною своимъ днемъ и не согрѣшить ни разу. Тогда мнѣ казалось такъ легко быть совершенно безгрѣшною. Казалось, стоило только немножко постараться. Подоѣзжали лошади, я съ Катей или съ дѣвушкой садилась въ линейку, и мы ѣхали за три версты въ церковь. Входя въ церковь, я всякій разъ вспоминала, что молятся за всѣхъ, «со страхомъ Божиимъ входящихъ», и старалась именно съ этимъ чувствомъ всходить на двѣ поросшія травой ступени паперти. Въ церкви бывало въ это время не больше человѣкъ десяти, говѣвшихъ крестьянокъ и дворовыхъ; и я съ старательнымъ смиреніемъ старалась отвѣчать на ихъ поклоны, и сама, что мнѣ казалось подвигомъ, ходила къ свѣчному ящику брать свѣчи у стараго

старосты солдата, и ставила ихъ. Сквозь царскія двери видѣлся покровъ алтаря, вышитый мамашей, надъ иконостасомъ стояли два ангела съ звѣздами, казавшіеся мнѣ такими большими, когда я была маленькая, и голубокъ съ желтымъ сіяніемъ, тогда занимавшій меня. Изъ-за клироса видѣлась измятая купель, въ которой столько разъ я крестила дѣтей нашихъ дворовыхъ, и въ которой и меня крестили. Старый священникъ выходилъ въ ризѣ, сдѣланной изъ покрова гроба моего отца, и служилъ тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помню себя, служилась церковная служба въ нашемъ домѣ, и крестины Сони, и панихиды отца, и похороны матери. И тотъ же дребезжащій голосъ дьячка раздавался на клиросѣ, и та же старушка, которую я помню всегда въ церкви, при каждой службѣ согнувшись стояла у стѣны, и плачущими глазами смотрѣла на икону въ клиросѣ и прижимала сложенные персты къ полинялому платку, и беззубымъ ртомъ шептала что-то. И все это уже не любопытно, не по однимъ воспоминаніямъ близко мнѣ было, все это было теперь велико и свято въ моихъ глазахъ, и казалось мнѣ полнымъ глубокаго значенія. Я вслушивалась въ каждое слово читаемой молитвы, чувствомъ старалась отвѣчать на него, и ежели не понимала, то мысленно просила Бога просвѣтить меня, или придумывала на мѣсто не разслышанной свою молитву. Когда читались молитвы раскаянія, я вспоминала свое прошедшее, и это дѣтское, невинное прошедшее казалось мнѣ такъ черно въ сравненіи съ свѣтлымъ состояніемъ моей души, что я плакала и ужасалась надъ собой; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что все это простится, и что ежели бы и еще больше грѣховъ было на мнѣ, то еще и еще слаще бы было для меня раскаяніе. Когда священникъ въ концѣ службы, говорилъ: «благословеніе Господне на васъ», мнѣ казалось, что я испытывала мгновенно сообщаемое мнѣ физическое чувство благосостоянія. Какъ будто какіе-то свѣтъ и теплота вдругъ входили мнѣ въ сердце. Служба кончалась, батюшка выходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, не нужно ли, и когда пріѣхать къ намъ служить всенощную; но я трогательно благодарила его за то, что онъ хотѣлъ, какъ я думала, для меня сдѣлать; и говорила, что я сама приду или пріѣду.

— Сами потрудитесь хотите? говаривалъ онъ.

И я не знала что отвѣчать, чтобы не согрѣшить противъ гордости.

Отъ обѣдни я всегда отпускала лошадей, ежели была безъ Кати, возвращалась одна пѣшкомъ, низко со смиреніемъ кланяясь всѣмъ встрѣчавшимся мнѣ, и стараясь найти случай помочь, посоветовать, пожертвовать собой для кого-нибудь, пособить поднять возъ, покачать ребенка, дать дорогу и загрязниться. Одинъ разъ вечеромъ, я слышала, что прикащикъ, докладывая Катѣ, сказалъ, что Семень, мужикъ, приходилъ просить тесину на гробъ дочери и денегъ рубль на поминки, и что

онъ далъ ему.—Развѣ они такъ бѣдны? спросила я. «Очень бѣдны, сударыня, безъ соли сидятъ,» отвѣчалъ прикащикъ. Что-то защемило мнѣ въ сердцѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ будто обрадовалась, услышавъ это. Обманувъ Катю, что я пойду гулять, я побѣжала наверхъ, достала всѣ свои деньги (ихъ было очень мало, но все что у меня было), и, перекрестившись, пошла одна черезъ террасу и садъ на деревню, къ избѣ Семена. Она была съ края деревни, и я, никѣмъ не видимая, подошла къ окну, положила на окно деньги и стукнула въ него. Кто-то вышелъ изъ избы, скрипнулъ дверью и окликнулъ меня, я, дрожа и холодѣя отъ страха, какъ преступница, побѣжала домой. Катя спросила меня, гдѣ я была? что со мною? но я не поняла даже того, что она мнѣ говорила, и не отвѣтила ей. Все такъ ничтожно и мелко вдругъ показалось мнѣ. Я заперлась въ своей комнатѣ, и долго ходила одна взадъ и впередъ, не въ состояніи ничего дѣлать, думать, не въ состояніи дать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. Я думала и о радости всего семейства, о словахъ, которыми они назовутъ того, кто положилъ деньги, и мнѣ жалко становилось, что я не сама отдала ихъ. Я думала и о томъ, что бы сказалъ Сергѣй Михайлычъ, узнавъ этотъ поступокъ, и радовалась тому, что никто никогда не узнаетъ его. И такая радость была во мнѣ и такъ дурны казались всѣ, и я сама, и такъ кротко я смотрѣла на себя и на всѣхъ, что мысль о смерти, какъ мечта о счастьи, приходила мнѣ. Я улыбалась, и молилась, и плакала, и всѣхъ на свѣтѣ и себя такъ страстно горячо любила въ эту минуту. Между службами я читала Евангеліе, и все понятнѣе и понятнѣе мнѣ становилась эта книга, и трогательнѣе, и проще исторія этой божественной жизни, и ужаснѣе и непроницаемѣе тѣ глубины чувства и мысли, которыя я находила въ его ученіи. Но за то какъ ясно и просто мнѣ казалось все, когда я, вставая отъ этой книги, опять вглядывалась и вдумывалась въ жизнь, окружавшую меня. Казалось такъ трудно жить не хорошо, и такъ просто всѣхъ любить и быть любимой. Всѣ такъ добры, и кротки были со мной, даже Соня, которой я продолжала давать уроки, была совсѣмъ другая, старалась понимать, угождать и не огорчать меня. Какою я была, такими и всѣ были со мною. Перебирая тогда своихъ враговъ, у которыхъ мнѣ надо было просить прощенія передъ исповѣдью, я вспомнила только одну барышню, сосѣдку, надъ которой я посмѣялась годъ тому назадъ, при гостяхъ, и которая перестала къ намъ ѣздить. Я написала къ ней письмо, признавая свою вину и прося ея прощенія. Она отвѣчала мнѣ письмомъ, въ которомъ сама просила прощенія и прощала меня. Я плакала отъ радости, читая эти простые строки, въ которыхъ тогда мнѣ видѣлось также глубокое и трогательное чувство. Няня раслакалась, когда я просила ея прощенія. За что они всѣ такъ добры ко мнѣ? чѣмъ я заслужила такую любовь? спра-

шивала я себя. И я невольно вспоминала Сергѣя Михайлыча и подолгу думала о немъ. Я не могла дѣлать иначе и даже не считала это грѣхомъ. Но я думала теперь о немъ совсѣмъ не такъ, какъ въ ту ночь, когда въ первый разъ узнала, что люблю его, я думала о немъ какъ о себѣ, невольно присоединяя его къ каждой мысли о своемъ будущемъ. Подавляющее вліяніе, которое я испытывала въ его присутствіи, совершенно исчезло въ моемъ воображеніи. Я чувствовала себя теперь равною ему, и съ высоты духовнаго настроенія, въ которомъ находилась, совершенно понимала его. Мнѣ теперь ясно было въ немъ то, что прежде мнѣ казалось страннымъ. Только теперь я понимала, почему онъ говорилъ, что счастье только въ томъ, чтобы жить для другаго, и я теперь совершенно была согласна съ нимъ. Мнѣ казалось, что мы вдвоемъ будемъ такъ безконечно и спокойно счастливы. И мнѣ представлялись не поѣздки за границу, не свѣтъ, не блескъ, а совсѣмъ другая тихая семейная жизнь въ деревнѣ съ вѣчнымъ самопожертвованіемъ, съ вѣчною любовью другъ къ другу и съ вѣчнымъ сознаніемъ во всемъ кроткаго и помогающаго Провидѣнія.

Я причащалась, какъ и предполагала, въ день моего рожденія. Въ груди у меня было такое полное счастье, когда я возвращалась въ этотъ день изъ церкви, что я боялась жизни, боялась всякаго впечатлѣнія, всего того, что могло нарушить это счастье. Но только что мы вышли изъ линейки на крыльцо, какъ по мосту загремѣлъ знакомый кабріолетъ, и я увидала Сергѣя Михайлыча. Онъ поздравилъ меня, и мы вмѣстѣ вошли въ гостиную. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ я его знала, я не была такъ спокойна и самостоятельна съ нимъ, какъ въ это утро. Я чувствовала, что во мнѣ былъ цѣлый новый міръ, котораго онъ не понималъ, и который былъ выше его. Я не чувствовала съ нимъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ понималъ, должно быть, отчего это происходило, и былъ особенно нѣжно кротокъ и набожно уважителенъ со мной. Я подошла было къ фортепіано, но онъ заперъ его и спряталъ ключъ въ карманъ.

— Не портите своего настроенія, сказалъ онъ, — у васъ теперь въ душѣ такая музыка, которая лучше всякой на свѣтѣ.

Я благодарна была ему за это, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было немного непріятно, что онъ такъ слишкомъ легко и ясно понималъ все, что тайно для всѣхъ должно было быть въ моей душѣ. За обѣдомъ онъ сказалъ, что пріѣхалъ поздравить меня и вмѣстѣ проститься, потому что завтра ѣдетъ въ Москву. Говоря это онъ смотрѣлъ на Катю; но потомъ мелькомъ взглянулъ на меня, и я видѣла, какъ онъ боялся, что замѣтитъ волненіе на моемъ лицѣ. Но я не удивилась, не встревожилась, даже не спросила надолго ли? Я знала, что онъ это скажетъ и знала, что онъ не уѣдетъ. Какъ я это знала? Я теперь никакъ не могу объяснить себѣ; но въ этотъ памятный день, мнѣ ка-

залось, что я все знала, что было и что будетъ. Я была какъ въ счастливомъ снѣ, когда все, что ни случится, кажется, что уже было, и все это я давно знаю, и все это еще будетъ, и я знаю, что это будетъ.

Онъ хотѣлъ ѣхать сейчасъ послѣ обѣда, но Катя, уставшая отъ обѣдни, ушла полежать, и онъ долженъ былъ подождать, пока она проснется, чтобы проститься съ ней. Въ залѣ было солнце, мы вышли на террасу. Только-что мы сѣли, какъ я совершенно спокойно начала говорить, то что должно было рѣшить участь моей любви. И начала говорить ни раньше, ни позже, а въ ту самую минуту, какъ мы сѣли, и ничего еще не было сказано, не было еще никакого тона и характера разговора, который бы могъ помѣшать тому, что я хотѣла сказать. Я сама не понимаю, откуда брались у меня такое спокойствіе, рѣшимость и точность въ выраженіяхъ. Какъ будто не я, а что-то такое, независимо отъ моей воли, говорило во мнѣ. Онъ сидѣлъ противъ меня, облокотившись на перилы, и притянувъ къ себѣ вѣтку сирени, обрывалъ съ нея листья. Когда я начала говорить, онъ отпустилъ вѣтку и головой оперся на руку. Это могло быть положеніе человѣка, совершенно спокойнаго или очень взволнованнаго.

— Зачѣмъ вы ѣдете? спросила я, значительно, съ разстановкой, и прямо глядя на него.

Онъ не вдругъ отвѣтилъ.

— Дѣла! проговорилъ онъ, опуская глаза.

Я поняла, какъ трудно ему было лгать передо мной и на вопросъ сдѣланный такъ искренно.

— Послушайте, сказала я, — вы знаете, какой день нынче для меня. По многому, этотъ день очень важенъ. Ежели я васъ спрашиваю, то не для того, чтобы показать участіе (вы знаете, что я привыкла къ вамъ и люблю васъ), я спрашиваю потому, что мнѣ нужно знать. Зачѣмъ вы ѣдете?

— Очень трудно мнѣ вамъ сказать правду, зачѣмъ я ѣду, сказалъ онъ. — Въ эту недѣлю я много думалъ о васъ и о себѣ, и рѣшилъ, что мнѣ надо ѣхать. Вы понимаете, зачѣмъ? и ежели любите меня, не будете спрашивать. Онъ потеръ рукою и закрылъ ею глаза. — Это мнѣ тяжело... А вамъ понятно.

Сердце начало сильно биться у меня.

— Я не могу понять сказала я, — *не могу*, а вы скажите мнѣ, ради Бога, ради нынѣшняго дня скажите мнѣ, я все могу спокойно слышать, сказала я.

Онъ перемѣнилъ положеніе, взглянулъ на меня и снова притянулъ вѣтку.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, помолчавъ немного и голосомъ, который напрасно хотѣлъ казаться твердымъ, — хотѣ и глупо и невозможно рассказывать словами, хотѣ мнѣ и тяжело, я постараюсь объяснить вамъ, добавилъ онъ морщась, какъ будто отъ физической боли.

— Ну! сказала я.

— Представьте себѣ, что былъ одинъ господинъ, А положимъ, сказалъ онъ, — старый и отжившій, — и одна госпожа Б, молодая, счастливая, не выдавшая еще ни людей, ни жизни. По равнымъ семейнымъ отношеніямъ, онъ полюбилъ ее, какъ дочь, и не боялся полюбить иначе.

Онъ замолчалъ, но я не прерывала его.

— Но онъ забылъ, что Б такъ молода, что жизнь для нея еще игрушка, продолжалъ онъ вдругъ скоро и рѣшительно и не глядя на меня, — и что ее легко полюбить иначе, и что ей это весело будетъ. И онъ ошибся и вдругъ почувствовалъ, что другое чувство, тяжелое какъ раскаянье, пробирается въ его душу, и испугался. Испугался, что разстроится ихъ прежнія дружескія отношенія, и рѣшился уѣхать прежде, чѣмъ разстроится эти отношенія. Говоря это, онъ опять, какъ будто небрежно, сталъ потирать глаза рукою и закрыть ихъ.

— Отчего жъ онъ боялся полюбить иначе? чуть слышно сказала я, сдерживая свое волненіе, и голосъ мой былъ ровенъ; но ему онъ вѣрно казался шутливымъ. Онъ отвѣчалъ какъ будто оскорбленнымъ тономъ.

— Вы молоды, сказалъ онъ, — я не молодъ. Вамъ играть хочется, а мнѣ другаго нужно. Играйте только не со мной, а то я повѣрю, и мнѣ не хорошо будетъ, и вамъ станетъ совѣстно. Это А сказалъ, прибавилъ онъ, — ну да это все вздоръ, но вы понимаете, зачѣмъ я ѣду. И не будемте больше говорить объ этомъ. Пожалуста!

— Нѣтъ! нѣтъ! будемъ говорить! сказала я, и слезы задрожали у меня въ голосъ. — Онъ любилъ ее или нѣтъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— А ежели не любилъ, такъ зачѣмъ онъ игралъ съ ней, какъ съ ребенкомъ? проговорила я.

— Да, да, А. виноватъ былъ, отвѣчалъ онъ, то-ропливо перебивая меня, — но все было кончено и они разстались... друзьями.

— Но это ужасно! и развѣ нѣтъ другаго конца, едва проговорила я, и испугалась того, что сказала.

— Да, есть, сказалъ онъ, открывая взволнованное лицо и глядя прямо на меня. — Есть два различные конца. Только ради Бога не перебивайте и спокойно поймите меня. Одни говорятъ, началъ онъ, вставая и улыбаясь болѣзненною тяжелою улыбкой, — одни говорятъ, что А. сошелъ съ ума, безумно полюбилъ Б. и сказалъ ей это... А. она только засмѣялась. Для нея это были шутки, а для него дѣло цѣлой жизни.

— Вздрыгнула и хотѣла перебить его, сказать, чтобы онъ не смѣлъ говорить за меня, но онъ, удерживая меня, положилъ свою руку на мою.

— Поймите, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, другіе говорятъ, будто она скалилась надъ нимъ, вообразила себѣ, бѣдняжка, не выдавшая людей, что она точно можетъ любить его, и согласилась быть его женой. И онъ сумасшедшій повѣрилъ, повѣрилъ, что вся жизнь его начнется снова, но

она сама увидала, что обманула его, и что онъ обманулъ ее... Не будемте больше говорить про это, заключилъ онъ, видимо не въ силахъ говорить далѣе, и молча сталъ ходить противъ меня.

Онъ сказалъ: «не будемъ говорить», а я видѣла, что онъ всѣми силами души ждалъ моего слова. Я хотѣла говорить, но не могла, что-то жало мнѣ въ груди. Я взглянула на него, онъ былъ блѣденъ, и нижняя губа его дрожала. Мнѣ стало жалко его. Я сдѣлала усиліе и вдругъ, разорвавъ силу молчанія, сковывавшую меня, заговорила голосомъ тихимъ, внутреннимъ, который, я боялась, оборвется каждую секунду.

— А третій конецъ, сказала я, и остановилась, но онъ молчалъ. — а третій конецъ, что онъ не любилъ, а сдѣлалъ ей больно, больно, и думалъ, что правъ, ухалъ и еще гордился чѣмъ-то. Вамъ, а не мнѣ, вамъ шутки, я съ перваго дня полюбила, полюбила васъ, повторила я, и на этомъ словѣ «полюбила», голосъ мой невольно изъ тихаго внутреннего перешелъ въ дикій вскрикъ, испугавшій меня самою.

Онъ блѣдный стоялъ противъ меня, губа его тряслась сильнѣе и сильнѣе, и двѣ слезы выступили на щеки.

— Это дурно! почти прокричала я, чувствуя, что задыхаюсь отъ злыхъ невыплаканныхъ слезъ. — За что? проговорила я и встала, чтобъ уйти отъ него.

Но онъ не пустилъ меня. Голова его лежала на моихъ колѣняхъ, губы его цѣловали еще мои дрожавшія руки, и его слезы мочили ихъ. — Боже мой, ежели бы я зналъ, проговорилъ онъ.

— За что? За что? все еще твердила я, а въ душѣ у меня было счастье, навѣки ушедшее, невозвратившееся счастье.

Черезъ пять минутъ Соня бѣжала навверхъ къ Катѣ и на весь домъ кричала, что Маша хочетъ жениться на Сергѣѣ Мпхайловичѣ.

V.

Не было причинъ откладывать нашу свадьбу, и ни я, ни онъ не желали этого. Правда, Катя хотѣла было ѣхать въ Москву и покупать и заказывать приданое, и его мать требовала было, чтобъ онъ, прежде чѣмъ жениться, обзавелся новою каретой, мебелью, и оклеилъ бы домъ новыми обоями, но мы въ двоѣмъ настояли на томъ, чтобы сдѣлать все это послѣ, ежели уже это такъ необходимо, а вѣнчаться двѣ недѣли послѣ моего рожденія, тихо, безъ приданого, безъ гостей, безъ шаферовъ, ужиновъ, шампанскаго и всѣхъ этихъ условныхъ принадлежностей женитьбы. Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ его мать была недовольна тѣмъ, что свадьба должна была сдѣлаться безъ музыки, безъ горъ сундуковъ и безъ передѣлки заново всего дома, не такъ какъ ея свадьба, стоившая тридцать тысячъ, и какъ она серьезно и тайно отъ

него, перебирая въ кладовой сундуки, совѣщалась съ экономкой Марьюшкой о какихъ-то необходимыхъ для нашего счастья коврахъ, гардинахъ и подносахъ. Съ моей стороны Катя дѣлала то же съ няней Кузьминичной. И объ этомъ съ ней нельзя было говорить шутя. Она твердо была убѣждена, что мы, говоря между собой о нашемъ будущемъ, только нѣжничаемъ, дѣлаемъ пустяки, какъ и свойственно людямъ въ такомъ положеніи; но что существенное-то наше будущее счастье будетъ зависѣть только отъ правильной кройки и шитья сорочекъ и подрубки скатертей и салфетокъ. Между Покровскимъ и Никольскимъ каждый день по нѣскольку разъ сообщались тайныя извѣстія, о томъ, что гдѣ заготовлялось, и хотя наружно между Катей и его матерью казались самыя нѣжныя отношенія, между ними чувствовалось уже нѣсколько враждебная, но тончайшая дипломатія. Татьяна Семеновна, его мать, съ которою я теперь познакомилась ближе, была чопорная, строгая хозяйка дома и стараго вѣка барыня. Онъ любилъ ее не только какъ сынъ по долгу, но какъ человекъ по чувству, считая ее самою лучшею, самою умною, доброю и любящею женщиной въ мірѣ. Татьяна Семеновна всегда была добра къ намъ и ко мнѣ особенно, и рада была, что сынъ ея женится, но когда я какъ невѣста была у нея, мнѣ показалось, что она хотѣла дать почувствовать мнѣ, что, какъ партія для ея сына, я могла бы быть и лучше, и что не мѣшало бы мнѣ всегда помнить это. И я совершенно понимала ее и была согласна съ ней.

Эти двѣ послѣднія недѣли мы видѣлись каждый день. Онъ пріѣзжалъ къ обѣду и просиживалъ до полночи. Но несмотря на то, что онъ говорилъ — и я знала, что говорилъ правду — что безъ меня онъ не живетъ, онъ никогда не проводилъ цѣлаго дня со мной и старался продолжать заниматься своими дѣлами. Внѣшнія отношенія наши до самой свадьбы оставались тѣ же какъ и прежде, мы продолжали говорить другъ другу *вы*, онъ не цѣловалъ даже моей руки и не только не искалъ, но даже избѣгалъ случаевъ оставаться наединѣ со мною. Какъ будто онъ боялся отдаться слишкомъ большой, вредной нѣжности, которая была въ немъ. Не знаю, онъ или я измѣнилась, но теперь я чувствовала себя совершенно равною ему, не находила въ немъ больше прежде не нравившагося мнѣ притворства простоты, и часто съ наслажденіемъ видѣла передъ собой, вмѣсто внушающаго уваженіе и страхъ мужчины, кроткаго и потеряннаго отъ счастья ребенка. Такъ только то и было въ немъ! Часто думала я, онъ точно такой же человекъ какъ и я, не больше. Теперь мнѣ казалось, что онъ весь передо мной, и что я вполне узнала его. И все, что я узнавала, было такъ просто и такъ согласно со мной. Даже его планы о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ, были тѣ же мои планы, только яснѣе и лучше обозначавшіеся въ его словахъ.

Погода эти дни была дурная, и большую часть времени мы проводили въ комнатахъ. Самыя лучшія

задушевные бесѣды происходили въ углу между фортепіано и окошкомъ. На черномъ окнѣ близко отражался огонь свѣтъ, по глянцевитому стеклу изрѣдка ударяли и текли капли. По брышѣ сту-чало, въ лужѣ шлепала вода подъ жолобомъ, изъ окна тянуло сыростью. И какъ-то еще свѣтлѣе, теплѣе и радостнѣе казалось въ нашемъ углу.

— А знаете, я давно хотѣлъ вамъ сказать одну вещь, сказалъ онъ развѣ, когда мы поздно одни засидѣлись въ этомъ углу. — Я, покуда вы играли, все думалъ объ этомъ.

— Ничего не говорите, я все знаю, сказала я.

— Да, правда, не будемъ говорить.

— Нѣтъ скажите, что? спросила я.

— А вотъ что? Помните, когда я вамъ разска-зывалъ исторію про А. и Б.

— Еще бы не помнить эту глупую исторію. Хо-рошо, что такъ кончилось...

— Да еще бы немного, и все мое счастье по-гибло бы отъ меня самого. Вы спасли меня. Но главное, что я все лгалъ тогда, и мнѣ совѣстно, я хочу досказать теперь.

— Ахъ, пожалуста, не надо.

— Не бойтесь сказалъ онъ улыбаясь. — Мнѣ только оправдаться надо. Когда я началъ гово-рить, я хотѣлъ разсуждать.

— Зачѣмъ разсуждать! сказала я, — никогда не надо.

— Да, я разсуждалъ плохо. Послѣ всѣхъ моихъ разочарованій, ошибокъ въ жизни, когда я нынче пріѣхалъ въ деревню, я такъ себѣ сказалъ рѣши-тельно, что любовь для меня кончена, что остаются для меня только обязанности доживанья, что я долго не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что такое мое чувство къ вамъ, и къ чему оно можетъ по-вести меня. Я надѣялся и не надѣялся, то мнѣ ка-залось, что вы кокетничаете, то вѣрилось, и самъ не зналъ, чтó я буду дѣлать. Но послѣ этого ве-чера, помните, когда мы ночью ходили по саду, я испугался, мое теперешнее счастье показалось мнѣ слишкомъ велико и невозможно. Ну, чтó бы было, ежели бы я позволилъ себѣ надѣяться, и напрасно? Но, разумѣется, я думалъ только о себѣ; потому что я гадкій эгоистъ.

Онъ помолчалъ, глядя на меня.

— Однако вѣдь и не совсѣмъ вздоръ я говорилъ тогда. Вѣдь можно и должно было мнѣ бояться. Я такъ много беру отъ васъ и такъ мало могу дать. Вы еще дитя, вы бутонъ, который еще будетъ рас-пускаться, вы въ первый разъ любите, а я...

— Да, скажите мнѣ по правдѣ, сказала я, но вдругъ мнѣ страшно стало за его отвѣтъ. — Нѣтъ, не надо, прибавила я.

— Любилъ ли я прежде? да? сказалъ онъ, тот-часъ угадавъ мою мысль. — Это я могу сказать вамъ. Нѣтъ, не любилъ. Никогда ничего похожего на это чувство... Но вдругъ какъ будто какое-то тяжелое воспоминаніе мелькнуло въ его воображеніи. — Нѣтъ, и тутъ мнѣ нужно ваше сердце, чтобъ имѣть право любить васъ, сказалъ онъ грустно. — Такъ

развѣ не нужно было задуматься прежде чѣмъ ска-зать, что я люблю васъ? Что я вамъ даю? Любовь— правда.

— Развѣ это мало? сказала я, глядя ему въ глаза.

— Мало, мой другъ, для васъ мало, продол-жалъ онъ. — У васъ красота и молодость! Я часто теперь не сплю по ночамъ отъ счастья и все ду-маю о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Я про-жилъ много, и мнѣ кажется, что нашелъ то, что нужно для счастья. Тихая уединенная жизнь въ нашей деревенской глуши, съ возможностью дѣлать добро людямъ, которымъ такъ легко дѣлать добро, къ которому они не привыкли, потомъ трудъ, трудъ, который, кажется, что приноситъ пользу, потомъ отдыхъ, природа, книга, музыка, любовь къ близ-кому человѣку, вотъ мое счастье, выше котораго я не мечталъ. А тутъ сверхъ всего этого, такой другъ какъ вы, семья можетъ-быть, и все, что только можетъ желать человѣкъ.

— Да, сказала я.

— Для меня, который прожилъ молодость, да, но не для васъ, продолжалъ онъ. — Вы еще не жили, вы еще въ другомъ можетъ-быть захотите искать счастья и можетъ-быть въ другомъ найдете его. Вамъ кажется теперь, что это счастье, оттого, что вы меня любите.

— Нѣтъ, я всегда только желала и любила эту тихую семейную жизнь, сказала я. — И вы только говорите то самое, что я думала.

Онъ улыбнулся.

— Это только вамъ кажется, мой другъ. А вамъ мало этого. У васъ красота и молодость, повто-рилъ онъ задумчиво.

Но я разсердилась за то, что онъ не вѣрилъ мнѣ и какъ будто попрекалъ моею красотой и молодостью.

— Такъ за что же вы любите меня? сказала я сердито: — за молодость или за меня самою?

— Не знаю, но люблю, отвѣчалъ онъ, глядя на меня своимъ внимательнымъ, притягивающимъ взглядомъ.

Я ничего не отвѣчала и невольно смотрѣла ему въ глаза. Вдругъ, что-то странное случилось со мной; сначала я перестала видѣть окружающее, потомъ лицо его исчезло передо мной, только одни его глаза блестѣли, казалось, противъ самыхъ мо-ихъ глазъ, потомъ мнѣ казалось, что глаза эти во мнѣ, все помутилось, я ничего не видала и должна была зажмуриться, чтобъ оторваться отъ чувства наслажденія и страха, которые производилъ во мнѣ этотъ взглядъ...

Наканунѣ дня, назначеннаго для свадьбы, передъ вечеромъ погода разгулялась. И послѣ дождей, начавшихся лѣтомъ, проявился первый холодный и блестящій осенній вечеръ. Все было мокро, хо-лодно, свѣтло, и въ саду въ первый разъ замѣ-чался осенній просторъ, пестрота и оголенность. На небѣ было ясно, холодно и блѣдно. Я пошла спать, счастливая отъ мысли, что завтра въ день

нашей свадьбы будетъ хорошая погода. Въ этотъ день я проснулась съ солнцемъ, и мысль, что уже нынче... какъ будто испугала и удивила меня. Я вышла въ садъ. Солнце только-что взошло и блестяло раздробленно сквозь облетѣвшія желтѣющія липы аллеи. Дорожка была устлана шуршавшими листьями. Сморщенные яркія кисти рябины краснѣлись на вѣткахъ съ убитыми морозомъ рѣдкими, покоробившимися листьями, георгины сморщились и почернѣли. Морозъ въ первый разъ серебромъ лежалъ на блѣдной зелени травы и на поломанныхъ лопухахъ около дома. На ясномъ, холодномъ небѣ не было и не могло быть ни одного облака.

Неужели нынче? спрашивала я себя, не вѣря своему счастью. Неужели завтра уже я проснусь не здѣсь, а въ чужомъ никольскомъ домѣ, съ колоннами? Неужели больше не буду ожидать и встрѣчать его, и по вечерамъ и ночамъ говорить о немъ съ Катей? Не буду съ нимъ сидѣть у фортепіано въ покровской залѣ. Не буду провожать и бояться за него въ темныя ночи? Но я вспомнила, что вчера онъ сказалъ, что пріѣзжаетъ въ послѣдній разъ, и Катя заставляла меня примѣривать подвѣчное платье, и сказала: къ завтраму; и я вѣрила на мгновеніе и снова сомнѣвалась. Неужели съ нынѣшняго же дня буду жить тамъ съ тещею, безъ Надежи, безъ старика Григорія, безъ Кати? Не буду цѣловать на ночь няню и слышать, какъ она, по старой привычкѣ, перекрестивъ меня, скажетъ: покойной ночи, барышня? Не буду учить Соню и играть съ нею, и черезъ стѣну стучать къ ней утромъ и слышать ея звонкій хохотъ? Неужели нынче я сдѣлаюсь чужою для себя самой, и новая жизнь осуществленія моихъ надеждъ и желаній открывается передо мною? неужели навсегда эта новая жизнь? Я съ нетерпѣніемъ ждала его, мнѣ тяжело было одной съ этими мыслями. Онъ пріѣхалъ рано, и только съ нимъ я вполне повѣрила тому, что нынче буду его женою, и мысль эта перестала быть для меня страшною.

Передъ обѣдомъ мы ходили въ нашу церковь служить панихиду по отцѣ.

«Ежели бы онъ былъ живъ теперь!» думала я, когда мы возвращались домой, и я молча опиралась на руку человѣка, бывшаго лучшимъ другомъ того, о комъ я думала. Во время молитвы, припадая головою къ холодному камню пола часовни, я такъ живо воображала моего отца, такъ вѣрила въ то, что его душа понимаетъ меня и благословляетъ мой выборъ, что и теперь мнѣ казалось, что душа его летаетъ надъ нами, и что я чувствую на себѣ его благословеніе. И воспоминанія, и надежды, и счастье, и печаль сливались во мнѣ въ одно торжественное и пріятное чувство, къ которому шли этотъ неподвижный, свѣжій воздухъ, тишина, оголенность полей и блѣдное небо, съ котораго на все падали блестящіе, но безсильные лучи, пытавшіеся жечь мнѣ щеку. Мнѣ казалось, что тотъ, съ кѣмъ я шла, понималъ и раз-

дѣлялъ мое чувство. Онъ шелъ тихо и молча, и въ его лицѣ, на которое я взглядывала изрѣдка, выражалась та же важная не то печаль, не то радость, которыя были и въ природѣ и въ моемъ сердцѣ.

Вдругъ онъ обернулся ко мнѣ, я видѣла, что онъ хотѣлъ сказать что-то. Что ежели онъ заговорить не про то, про что я думаю? пришло мнѣ въ голову. Но онъ заговорилъ про отца, даже не называя его. — А одинъ разъ онъ шутя сказалъ мнѣ: женись на моей Машѣ! сказалъ онъ.

— Какъ бы онъ былъ счастливъ теперь, сказала я, крѣпче прижимая къ себѣ руку, которая несла мою.

— Да, вы еще были дитя, продолжалъ онъ, глядя въ мои глаза,—я цѣловалъ тогда эти глаза и любилъ ихъ только за то, что они на него похожи, и не думалъ, что они будутъ за себя такъ дороги мнѣ. Я звалъ васъ Машею тогда.

— Говорите мнѣ «ты», сказала я.

— Я только что хотѣлъ сказать тебѣ «ты», говорилъ онъ,—только теперь мнѣ кажется, что ты совсѣмъ моя, и спокойный и счастливый, притягивающій взглядъ остановился на мнѣ.

И мы все шли тихо по полевой, не проторенной дорожкѣ, черезъ стоптанное, сбитое жнивье; и только шаги и голоса наши были намъ слышны. Съ одной стороны черезъ оврагъ до далекой оголенной рощи тянулось буроватое жнивье, по которому, въ сторонѣ отъ насъ, мужикъ съ сохою беззвучно прокладывалъ все шире и шире черную полосу. Разсыпанный подъ горою табунъ казался близко. Съ другой стороны и впереди до сада и нашего дома, виднѣвшагося изъ-за него, чернѣло и кой-гдѣ полосами уже зеленѣло озимое, оттаявшее поле. На всемъ блестяло не жаркое солнце, на всемъ лежали длинныя, волокнистыя паутины. Онѣ летали въ воздухѣ вокругъ насъ и ложились на опыхающее отъ мороза жнивье, попадали намъ въ глаза, на волосы, на платья. Когда мы говорили, голоса наши звучали и останавливались надъ нами въ неподвижномъ воздухѣ, какъ будто мы одни только и были посреди всего міра и одни подъ этимъ голубымъ сводомъ, на которомъ, вспыхивая и дрожа, играло нежаркое солнце.

Мнѣ тоже хотѣлось назвать его *ты*, но совѣстно было.

— Зачѣмъ ты идешь такъ скоро? сказала я скороговоркою и почти шопотомъ, и невольно покраснѣла.

Онъ пошелъ тише и еще ласкательнѣе, еще веселѣе и счастливѣе смотрѣлъ на меня.

Когда мы вернулись домой, уже тамъ была его мать и гости, безъ которыхъ мы не могли обойтись, и я до самаго того времени, какъ мы изъ церкви сѣли въ карету, чтобъ ѣхать въ Никольское, не была наединѣ съ нимъ.

Церковь была почти пуста, я видѣла однимъ глазомъ только его мать, прямо стоявшую на коврижѣ у клироса, Катю въ чепцѣ, съ лиловыми

лентами и слезами на щекахъ, и двухъ-трехъ дворовыхъ, любопытно глядѣвшихъ на меня. На него я не смотрѣла, но чувствовала тутъ подлѣ себя его присутствіе. Я вслушивалась въ слова молитвъ, повторяла ихъ, но въ душѣ ничего не отзывалось. Я не могла молиться и тупо смотрѣла на иконы, на свѣчи, на вышитый крестъ ризы на спинѣ священника, на иконостасъ, на окно церкви, и ничего не понимала. Я только чувствовала, что что-то необычайное совершается надо мною. Когда священникъ съ крестомъ обернулся къ намъ, поздравилъ и сказалъ, что онъ крестилъ меня, и вотъ Богъ привелъ и вѣнчать, Катя и его мать поцѣловали насъ и послышался голосъ Григорія, зовущаго карету, я удивилась и испугалась, что все кончено уже, а ничего необыкновеннаго, соответствующаго совершившемуся надо мною таинству, не сдѣлалось въ моей душѣ. Мы поцѣловались съ нимъ, и этотъ поцѣлуй былъ такой странный, чуждый нашему чувству. «И только-то», подумала я. Мы вышли на паперть, звукъ колесъ густо раздался подъ сводомъ церкви, свѣжимъ воздухомъ пахнуло въ лицо, онъ надѣлъ шляпу и за руку посадилъ меня въ карету. Изъ окна кареты я увидѣла морозный съ кругомъ мѣсяцъ. Онъ сѣлъ рядомъ со мною и затворилъ за собою дверцу. Что-то кольнуло меня въ сердце. Какъ будто оскорбительна мнѣ показалась увѣренность, съ которою онъ это сдѣлалъ. Катинъ голосъ прокричалъ, чтобы я закрыла голову, колеса застучали

по камню, потомъ по мягкой дорогѣ, и мы поѣхали. Я, прижавшись къ углу, смотрѣла въ окно на далекія свѣтлыя поля и на дорогу, убѣгающую въ холодномъ блескѣ мѣсяца. И не глядя на него, чувствовала его тутъ рядомъ со мною. «Что жъ и только-то дала мнѣ эта минута, отъ которой я ждала такъ много?» подумала я, и мнѣ все какъ будто унижительно и оскорбительно казалось сидѣть одной такъ близко съ нимъ. Я обернулась къ нему съ намѣреніемъ сказать ему что-нибудь. Но слова не говорились, какъ будто уже не было во мнѣ прежняго чувства нѣжности, а чувства оскорбленія и страха замѣнили его.

— Я до этой минуты все не вѣрилъ, что это можетъ быть, тихо отвѣтилъ онъ на мой взглядъ.

— Да, но мнѣ страшно почему-то, сказала я.

— Меня страшно, мой другъ? сказалъ онъ, взялъ мою руку и опуская къ ней голову.

Моя рука безжизненно лежала въ его рукѣ, и въ сердцѣ становилось больно отъ холода.

— Да, прошептала я.

Но тутъ же сердце вдругъ забилося сильнѣе, рука задрожала и сжала его руку, мнѣ стало жарко, глаза въ полутьмѣ искали его взгляда, и я вдругъ почувствовала, что не боюсь его, что страхъ этотъ—любовь, новая и еще нѣжнѣйшая и сильнѣйшая любовь, чѣмъ прежде. Я почувствовала, что я вся его, и что я счастлива его властью надо мною.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Дни, недѣли, два мѣсяца уединенной деревенской жизни прошли незамѣтно, какъ казалось тогда; а между тѣмъ на цѣлую жизнь достало бы чувствъ, волненій и счастья этихъ двухъ мѣсяцевъ. Мои и его мечты о томъ, какъ устроится наша деревенская жизнь, сбылись совершенно не такъ, какъ мы ожидали. Но жизнь наша была не хуже нашихъ мечтаній. Не было этого строгаго труда, исполненія долга самопожертвованія и жизни для другаго, что я воображала себѣ, когда была невѣстой; было, напротивъ, одно себялюбивое чувство любви другъ къ другу, желаніе быть любимымъ, безпричинное, постоянное веселье и забвеніе всего на свѣтѣ. Правда, онъ иногда уходилъ заниматься чѣмъ-то въ своемъ кабинетѣ, иногда по дѣламъ ѣздилъ въ городъ и ходилъ по хозяйству; но я видѣла, какого труда ему стоило отрываться отъ меня. И самъ онъ потомъ признавался, какъ все на свѣтѣ, гдѣ меня не было, казалось ему такимъ вздоромъ, что онъ не могъ понять, какъ можно заниматься имъ. Для меня было то же самое. Я читала, занималась и музыкой, и мамашей, и школой; но все это только потому, что каждое изъ этихъ занятій было связано съ нимъ и заслуживало его одобреніе; но какъ только мысль о немъ не примѣшивалась къ какому-нибудь дѣлу, руки опускались у меня, и мнѣ такъ забавно казалось подумать, что есть на свѣтѣ что-нибудь кромѣ его. Можетъ-быть это было нехорошее себялюбивое чувство; но чувство это давало мнѣ счастье и высоко поднимало меня надъ всѣмъ міромъ. Только онъ одинъ существовалъ для меня на свѣтѣ, а его я считала самымъ прекраснымъ, непогрѣшимымъ человѣкомъ въ мірѣ; поэтому я и не могла жить ни для чего другаго, какъ для него, какъ для того, чтобы быть въ его глазахъ тѣмъ, чѣмъ онъ считалъ меня. А онъ считалъ меня первою и прекраснѣйшею женщиной въ мірѣ, одарен-

ною всѣми возможными добродѣтелями; и я старалась быть этою женщиной въ глазахъ перваго и лучшаго человѣка во всемъ мірѣ.

Одинъ разъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, въ то время, какъ я молилась Богу. Я оглянулась на него и продолжала молиться. Онъ сѣлъ у стола, чтобы не мѣшать мнѣ, и раскрылъ книгу. Но мнѣ показалось, что онъ смотритъ на меня, и я оглянулась. Онъ улыбнулся, я разсмѣялась, и не могла молиться.

— А ты молился уже? спросила я.

— Да. Да ты продолжай, я уйду.

— Да ты молишься, надѣюсь?

Онъ, не отвѣчая, хотѣлъ уйти; но я остановила его. «Душа моя, пожалуйста, для меня, прочти со мною молитвы.» Онъ сталъ рядомъ со мною, и, неловко опустивъ руки, съ серьезнымъ лицомъ, запинаясь, сталъ читать. Изрѣдка онъ оборачивался ко мнѣ, искалъ одобренія и помощи на моемъ лицѣ.

Когда онъ кончилъ, я засмѣялась и обняла его.

— Все ты, все ты! Точно мнѣ опять десять лѣтъ становится, сказалъ онъ краснѣя и цѣлуя мои руки.

Нашъ домъ былъ одинъ изъ старыхъ деревенскихъ домовъ, въ которыхъ, уважая и любя одно другое, прожило нѣсколько родственныхъ поколѣній. Ото всего пахло хорошими честными семейными воспоминаніями, которыя вдругъ, какъ только я вошла въ этотъ домъ, сдѣлались какъ будто и моими воспоминаніями. Убранство и порядокъ дома велись Татьяною Семеновной по-старинному. Нельзя сказать, чтобы все было изящно и красиво; но отъ прислуги до мебели и кушаньевъ всего было много, все было опрятно, прочно, аккуратно и внушало уваженіе. Въ гостиной симметрично стояла мебель, висѣли портреты, и на полу разстилались домашніе ковры и полусушки. Въ диванной находились старый рояль, шифоньерки двухъ различныхъ фасоновъ, диваны и столики съ латунью,

и инкрустаціями. Въ моемъ кабинетѣ, убранномъ стараніемъ Татьяны Семеновны, стояла самая лучшая мебель различныхъ вѣковъ и фасоновъ, и между прочимъ старое трюмо, на которое я сначала никакъ не могла смотрѣть безъ застѣнчивости, но которое въ послѣдствіи, какъ старый другъ, сдѣлалось мнѣ дорого. Татьяна Семеновна не слышно было, но все въ домѣ шло какъ заведенные часы, хотя людей было много лишнихъ. Но всѣ эти люди, носившіе мягкіе безъ каблуковъ сапоги (Татьяна Семеновна считала скрипъ подошвъ и топотъ каблуковъ самую непріятною вещь на свѣтѣ), всѣ эти люди казались горды своимъ званіемъ, трепетали передъ старой барыней на насъ съ мужемъ смотрѣли съ покровительственною лаской, и, казалось, съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлали свое дѣло. Каждую субботу регулярно въ домѣ мылись полы и выбивались ковры, каждое первое число служились молебны съ водосвятіемъ, каждое тезоименитство Татьяны Семеновны, ея сына (и мое — въ первый разъ въ эту осень) задавались пиры на весь околотокъ. И все это неизмѣнно дѣлалось еще съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя Татьяна Семеновна. Мужъ не вмѣшивался въ домоводство и только занимался полевымъ хозяйствомъ и крестьянами, и занимался много. Онъ вставалъ даже и зимою очень рано, такъ что, проснувшись, я уже не заставляла его. Онъ возвращался обыкновенно къ чаю, который мы пили одни, и почти всегда въ эту пору послѣ хлопотъ и непріятностей по хозяйству, находился въ томъ особенномъ веселомъ расположеніи духа, которое мы называли *дикимъ восторгомъ*. Часто я требовала, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ что дѣлалъ утромъ, и онъ разсказывалъ мнѣ такіе вздоры, что мы помирали со смѣху; иногда я требовала серьезнаго разсказа, и онъ, удерживая улыбку, разсказывалъ. Я глядѣла на его глаза, на его движущіяся губы, и ничего не понимала, только радовалась, что вижу его и слышу его голосъ.

«Ну что же я сказалъ? повтори, спрашивалъ онъ. Но я ничего не могла повторить. Такъ смѣшно было, что онъ мнѣ разсказываетъ не про себя и про меня, а про что-то другое. Точно не все равно, что бы тамъ ни дѣлалось. Только гораздо послѣ, я стала немного понимать и интересоваться его заботами. Татьяна Семеновна не выходила до обѣда, пила чай одна, и только черезъ пословъ здоровалась съ нами. Въ нашемъ особомъ, сумазбродно счастливомъ міркѣ, такъ странно звучалъ голосъ изъ ея другаго степеннаго порядочнаго уголка, что часто я не выдерживала и только хотела въ отвѣтъ горничной, которая, сложивъ руку на руку, мѣрно докладывала, что Татьяна Семеновна приказали узнать, какъ почивали послѣ вчерашняго гулянья, а про себя приказали доложить, что у нихъ всю ночь бочекъ болѣлъ, и глупая собака на деревнѣ лаяла, мѣшала почивать. «А еще приказали спросить, какъ понравилось нынѣшнее печенье, и просили замѣтить, что ни Тарасъ нынѣ

че пекъ, а для пробы, въ первый разъ, Николаша, и очень дескать недурно, крендельки особенно, а сухари пережарилъ.» До обѣда мы были мало вмѣстѣ. Я играла, читала одна, онъ писалъ, уходилъ еще; но къ обѣду, въ четыре часа, мы сходились въ гостинной, мамаша выплывала изъ своей комнаты, и являлись бѣдныя дворянки, странницы, которыхъ всегда человѣка два-три жило въ домѣ. Регулярно каждый день мужъ, по старой привычкѣ, подавалъ къ обѣду руку матери; но она требовала, чтобъ онъ подавалъ мнѣ другую, и регулярно каждый день мы тѣснились и путались въ дверяхъ. За обѣдомъ предсѣдательствовала матушка же, и разговоръ велся прилично-разсудительный и нѣсколько торжественный. Наши простые слова съ мужемъ пріятно разрушали торжественность этихъ обѣденныхъ засѣданій. Между сыномъ и матерью иногда завязывались споры и насмѣшки другъ надъ другомъ; я особенно любила эти споры и насмѣшки, потому что въ нихъ-то сильнѣе всего выражалась нѣжная и твердая любовь, которая связывала ихъ. Послѣ обѣда, татап садилась въ гостиную на большое кресло и растирала табакъ, или разрывала листы новополученныхъ книгъ, а мы читали вслухъ или уходили въ диванную къ клавикордамъ. Мы много вмѣстѣ читали это время, но музыка была нашимъ любимѣйшимъ и лучшимъ наслажденіемъ, всякій разъ вызывая новыя струны въ нашихъ сердцахъ и какъ будто снова открывая намъ другъ друга. Когда я играла его любимыя вещи, онъ садился на дальній диванъ, гдѣ мнѣ почти не видно было его, и изъ стыдливости чувства старался скрывать впечатлѣніе, которое производила на него музыка; но часто, когда онъ не ожидалъ этого, я вставала отъ фортепіанъ, подходила къ нему и старалась застать на его лицѣ слѣды волненія, неестественный блескъ и влажность въ глазахъ, которые онъ напрасно старался скрыть отъ меня. Мамашѣ часто хотѣлось посмотрѣть на насъ въ диванной, но вѣрно она боялась стѣснить насъ, и иногда, будто не глядя на насъ, она проходила черезъ диванную съ мнимо-серьезнымъ и равнодушнымъ лицомъ; но я знала, что ей не зачѣмъ было ходить къ себѣ и такъ скоро возвращаться. Вечерній чай разливала я въ большой гостинной, и опять всѣ домашніе собирались къ столу. Это торжественное засѣданіе при зеркалѣ самовара и раздача стакановъ и чашекъ, долгое время смущали меня. Мнѣ все казалось, что я недостойна еще этой чести, слишкомъ молода и легкомысленна, чтобы повертывать кранъ такого большого самовара, чтобы ставить стаканъ на подносъ Никитѣ и приговаривать: «Петру Ивановичу, Марьѣ Миничнѣ, спрашивать: сладко ли?» и оставлять куски сахара нянѣ и заслуженнымъ людямъ. — «Славно, славно, часто приговаривалъ мужъ, — точно большая,» и это еще больше смущало меня.

Послѣ чая татап раскладывала пасьянсъ или слушала гаданье Марьи Миничны; потомъ цѣловала и крестила насъ обоихъ, и мы уходили къ се-

бѣ. Большею частію, однако, мы просиживали вдвоемъ за полночь, и это было самое лучшее и пріятное время. Онъ разсказывалъ мнѣ про свое прошедшее, мы дѣлали планы, философствовали иногда и старались говорить все потихоньку, чтобы насъ не услышали наверху, и не донесли бы Татьяна Семеновна, которая требовала, чтобы мы ложились рано. Иногда мы, проголодавшись, потихоньку шли въ буфетъ, доставали холодный ужинъ черезъ протекцію Никиты и съѣдали его при одной свѣчѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы жили съ нимъ точно чужіе въ этомъ большомъ старомъ домѣ, въ которомъ надъ всѣмъ стоялъ строгій духъ старины и Татьяны Семеновны. Не только она, но люди, старыя дѣвушки, мебель, картины внушали мнѣ уваженіе, въ который страхъ и сознаніе того, что мы съ нимъ здѣсь немножко не на своемъ мѣстѣ, и что намъ надо жить здѣсь очень осторожно и внимательно. Какъ я вспоминаю теперь, то вижу, что многое — и этотъ связывающій неизмѣнный порядокъ, и эта бездна праздныхъ и любопытныхъ людей въ нашемъ домѣ, — было неудобно и тяжело; но тогда самая эта стѣсненность еще болѣе оживляла нашу любовь. Не только я, но и онъ не показывалъ вида, что ему что-нибудь не нравится. Напротивъ, онъ даже какъ будто прятался самъ отъ того, что было дурно. Маменькинъ лакей Дмитрій Сидоровъ, большой охотникъ до трубки, регулярно каждый день послѣ обѣда, когда мы бывали въ диванной, ходилъ въ мужнинъ кабинетъ брать его табакъ изъ ящика; и надо было видѣть, съ какимъ веселымъ страхомъ Сергѣй Михайлычъ на цыпочкахъ подходилъ ко мнѣ, и, грозя пальцемъ и подмигивая, показывалъ на Дмитрія Сидоровича, который никакъ не предполагалъ, что его видятъ. И когда Дмитрій Сидоровъ, уходилъ не замѣтивъ насъ, отъ радости, что все кончилось благополучно, какъ и при всякомъ другомъ случаѣ, мужъ говорилъ, что я прелесть, и цѣловалъ меня. Иногда это спокойствіе, всепрощеніе и какъ будто равнодушіе ко всему не нравилось мнѣ, я не замѣчала того, что во мнѣ было то же самое, и считала это слабостью. «Точно ребенокъ, который не смѣетъ показать свою волю!» думала я.

— Ахъ мой другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я разъ сказала ему, что меня удивляетъ его слабость, — развѣ можно быть чѣмъ-нибудь недовольну, когда такъ счастливъ, какъ я? Легче самому уступать, чѣмъ гнуть другихъ, въ этомъ я давно убѣдился; и нѣтъ того положенія, въ которомъ бы нельзя было быть счастливымъ. А намъ такъ хорошо! Я не могу сердиться; для меня теперь нѣтъ дурного, есть только жалкое и забавное. А главное — *le mieux est l'ennemi du bien*. Повѣришь ли, когда я слышу колокольчикъ, письмо получаю, просто когда проснусь, мнѣ страшно становится. Страшно, что жить надо, что измѣнится что-нибудь; а лучше теперешняго быть не можетъ.

Я вѣрпа, но не понимала его. Мнѣ было хоро-

шо, но казалось, что все это такъ, а не иначе должно быть и всегда со всѣми бываетъ, а что есть тамъ, гдѣ-то, еще другое, хотя не большее, но другое счастье.

Такъ прошло два мѣсяца, пришла зима съ своими холодами и метелями, и я, несмотря на то, что онъ былъ со мной, начинала чувствовать себя одинокою, начинала чувствовать, что жизнь повторяется, а нѣтъ ни во мнѣ, ни въ немъ ничего новаго, а что напротивъ мы какъ будто возвращаемся къ старому. Онъ началъ заниматься дѣлами безъ меня больше чѣмъ прежде, и опять мнѣ стало казаться, что есть у него въ душѣ какой-то особый міръ, въ который онъ не хочетъ впускать меня. Его всегдашнее спокойствіе раздражало меня. Я любила его не меньше чѣмъ прежде, и не меньше чѣмъ прежде была счастлива его любовью; но любовь моя остановилась и не росла больше, а кромѣ любви, какое-то новое безпокойное чувство начинало закрадываться въ мою душу. Мнѣ мало было любить послѣ того, какъ я испытала счастье полюбить его. Мнѣ хотѣлось движенія, а не спокойнаго теченія жизни. Мнѣ хотѣлось волнений, опасностей и самопожертвованія для чувства. Во мнѣ былъ избытокъ силы, не находившій мѣста въ нашей тихой жизни. На меня находили порывы тоски, которую я, какъ что-то дурное, старалась скрывать отъ него, и порывы неистовой нѣжности и веселости, пугавшіе его. Онъ еще прежде меня замѣтилъ мое состояніе и предложилъ ѣхать въ городъ; но я просила его не ѣздить и не измѣнять нашего образа жизни, не нарушать нашего счастья. И точно, я была счастлива; но меня мучило то, что счастье это не стоило мнѣ никакого труда, никакой жертвы, когда силы труда и жертвы томили меня. Я любила его и видѣла, что я все для него; но мнѣ хотѣлось, чтобы видѣли всѣ нашу любовь, чтобы мѣшали мнѣ любить, и я все-таки любила бы его. Мой умъ и даже чувства были заняты, но было другое чувство молодости, потребности движенія, не находившее удовлетворенія въ нашей тихой жизни. Зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что мы можемъ ѣхать въ городъ, когда только я захочу этого? Не скажи онъ мнѣ этого, можетъ быть я поняла бы, что томившее меня чувство есть вредный вздоръ, вина моя, что та жертва, которую я искала, была тутъ передо мной, въ подавленіи этого чувства. Мысль, что я могу спастись отъ тоски, только переѣхавъ въ городъ, невольно приходила мнѣ въ голову; и вмѣстѣ съ тѣмъ, оторвать его отъ всего, что онъ любилъ, для себя, мнѣ было совѣстно и жалко. А время уходило, снѣгъ заносилъ больше и больше стѣны дома, и мы все были одни и одни, и все тѣ же были мы другъ передъ другомъ; а тамъ, гдѣ-то въ блескѣ, въ шумѣ волновались, страдали и радовались толпы людей, не думая о насъ и о нашемъ уходящемъ существованіи. Хуже всего для меня было то, что я чувствовала, какъ, съ каждымъ днемъ, привычки жизни заковывали нашу

жизнь въ одну опредѣленную форму, какъ чувство наше становилось несвободно, а подчинялось ровному, безстрастному теченію времени. Утромъ мы бывали веселы, въ обѣдъ почтительны, вечеромъ нѣжны. Добро!.. говорила я себѣ, это хорошо дѣлать добро и жить честно, какъ онъ говоритъ; но это мы успѣемъ еще, а есть что-то, на что у меня только теперь есть силы. Мнѣ не того нужно было, мнѣ нужна была борьба; мнѣ нужно было, чтобы чувство руководило нами въ жизни; а не жизнь руководила чувствомъ. Мнѣ хотѣлось подойти съ нимъ вмѣстѣ къ пропасти и сказать: вотъ шагъ, я брошусь туда, вотъ движеніе, и я погибла, — и чтобы онъ, блѣднѣя на краю пропасти, взялъ меня въ свои сильныя руки, подержалъ бы надъ ней, такъ что у меня бы въ сердцѣ захолонуло, и унесъ бы куда хочетъ.

Это состояніе подѣйствовало даже на мое здоровье, и нервы начинали у меня разстраиваться. Одно утро мнѣ было хуже обыкновеннаго; онъ вернулся изъ конторы не въ духѣ, что рѣдко бывало съ нимъ. Я тотчасъ замѣтила это и спросила, что съ нимъ? но онъ не хотѣлъ сказать мнѣ, говоря, что не стоитъ того. Какъ я послѣ узнала, исправникъ призывалъ нашихъ мужиковъ и, по нерасположенію къ мужу, требовалъ отъ нихъ незаконнаго и угрожалъ имъ. Мужъ не могъ еще переварить всего этого такъ, чтобы все было только смѣшно и жалко, былъ раздраженъ, и оттого не хотѣлъ говорить со мною. Но мнѣ показалось, что онъ не хотѣлъ говорить со мною оттого, что считалъ меня ребенкомъ, который не можетъ понять того, что его занимаетъ. Я отвернулась отъ него, замолчала и велѣла попросить къ чаю Марью Миничну, которая гостила у насъ. Послѣ чаю, который я кончила особенно скоро, я увела Марью Миничну въ диванную и стала громко говорить съ нею о какомъ-то вздорѣ, который для меня былъ вовсе незанимателенъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на насъ. Эти взгляды почему-то теперь такъ дѣйствовали на меня, что мнѣ все больше и больше хотѣлось говорить и даже смѣяться; мнѣ казалось смѣшно все, что я сама говорила, и все что говорила Марья Минична. Ничего не сказавъ мнѣ, онъ ушелъ совсѣмъ въ свой кабинетъ, и затворилъ за собою дверь. Какъ только его не слышно стало, вся моя веселость вдругъ исчезла, такъ что Марья Минична удивилась и стала спрашивать, что со мною? Я, не отвѣчая ей, сѣла на диванъ, и мнѣ захотѣлось плакать. И что онъ это передумываетъ? думала я. Какой-нибудь вздоръ, который ему кажется важенъ, а попробуй сказать мнѣ, я покажу ему, что все пустяки. Нѣтъ, ему нужно думать, что я не пойму, нужно унижать меня своимъ величавымъ спокойствіемъ, и всегда быть правымъ со мною. За то и я права, когда мнѣ скучно, пусто, когда я хочу жить, двигаться, думала я, а не стоять на одномъ мѣстѣ и чувствовать, какъ время идетъ черезъ меня. Я

хочу идти впередъ, и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, хочу новаго, а онъ хочетъ остановиться и меня остановить съ собою. А какъ бы ему легко было! Для этого не нужно ему везти меня въ городъ, для этого нужно только быть такимъ какъ я, не ломать себя, не удерживаться, а жить просто. Это самое онъ совѣтуетъ мнѣ, а самъ онъ не простъ. Вотъ что!

Я чувствовала, что слезы подступаютъ мнѣ къ сердцу, и что я раздражена на него. Я испугалась этого раздраженія и пошла къ нему. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ. Услышавъ мои шаги, онъ оглянулся на мгновеніе равнодушно, спокойно, и продолжалъ писать. Этотъ взглядъ мнѣ не понравился; вмѣсто того, чтобы подойти къ нему, я стала къ столу, у котораго онъ писалъ, и раскрывъ книгу, стала смотрѣть въ нее. Онъ еще разъ оторвался и поглядѣлъ на меня.

— Маша! ты не въ духѣ? сказалъ онъ.

Я отвѣтила холоднымъ взглядомъ, который говорилъ: «нечего спрашивать! что за любезности?» Онъ покачалъ головой и робко, нѣжно улыбнулся, но въ первый разъ еще моя улыбка не отвѣтила на его улыбку.

— Что у тебя было нынче? спросила я:—отчего ты не сказалъ мнѣ?

— Пустяки! маленькая непріятность, отвѣчалъ онъ.—Однако теперь я могу рассказать тебѣ. Два мужика отпавились въ городъ...

Но я не дала ему досказать.

— Отчего ты не рассказалъ мнѣ тогда еще, когда за чаемъ я спрашивала?

— Я бы тебѣ сказалъ глупость, я былъ сердитъ тогда.

— Тогда-то мнѣ и нужно было.

— Зачѣмъ?

— Отчего ты думаешь, что я никогда ни въ чемъ не могу помочь тебѣ?

— Какъ думаю? сказалъ онъ, бросая перо.—Я думаю, что безъ тебя я жить не могу. Во всемъ, во всемъ, не только ты мнѣ помогаешь, но ты все дѣлаешь. Вотъ хватилась! засмѣялся онъ.—Тобой я живу только. Мнѣ кажется все хорошо только оттого, что ты тутъ, что тебя надо...

— Да, это я знаю, я милый ребенокъ, котораго надо успокоивать, сказала я такимъ тономъ, что онъ удивленно, какъ будто въ первый разъ что увидѣлъ, посмотрѣлъ на меня.—Я не хочу спокойствія, довольно его въ тебѣ, очень довольно, прибавила я.

— Ну, вотъ видишь ли въ чемъ дѣло, началъ онъ торопливо, перебивая меня, видимо боясь дать мнѣ все выговорить:—какъ бы ты разсудила его?

— Теперь не хочу, отвѣчала я. Хотя мнѣ и хотѣлось слушать его, но мнѣ такъ пріятно было разрушить его спокойствіе. — Я не хочу играть въ жизнь, я хочу жить, сказала я, — также какъ и ты.

На лицѣ его, на которомъ все такъ быстро и

живо отражалось, выразилась боль и усиленное внимание.

— Я хочу жить съ тобой ровно, съ тобой...

Но я не могла договорить: такая грусть, глубокая грусть выразилась на его лицѣ. Онъ помолчалъ немного.

— Да чѣмъ же не ровно ты живешь со мной? сказалъ онъ: — тѣмъ что я, а не ты, вожусь съ исправникомъ и пьяными мужиками...

— Да не въ одномъ этомъ, сказала я.

— Ради Бога пойми меня, мой другъ, продолжалъ онъ, — я знаю, что отъ тревогъ намъ бываетъ всегда больно, я жилъ и узналъ это. Я тебя люблю, и слѣдовательно не могу не желать избавить тебя отъ тревогъ. Въ этомъ моя жизнь, въ любви къ тебѣ: стало быть и мнѣ не мѣшай жить.

— Ты всегда правъ! сказала я, не глядя на него.

Мнѣ было досадно, что опять у него въ душѣ все ясно и покойно, когда во мнѣ была досада и чувство, похожее на раскаяніе.

— Маша! Что съ тобой? сказалъ онъ. — Рѣчь не о томъ, я ли правъ или ты права, а совсѣмъ о другомъ: что у тебя противъ меня? Не вдругъ говори, подумай, и скажи мнѣ все, что ты думаешь. Ты недовольна мной, и ты вѣрно права, но дай мнѣ понять, въ чемъ я виноватъ.

Но какъ я могла сказать ему мою душу? То, что онъ такъ сразу понялъ меня, что опять я была ребенкомъ передъ нимъ, что ничего я не могла сдѣлать, чего бы онъ не понималъ и не предвидѣлъ, еще больше взволновало меня.

— Ничего я не имѣю противъ тебя, сказала я. — Просто мнѣ скучно и хочется, чтобы не было скучно. Но ты говоришь, что такъ надо, и опять ты правъ!

Я сказала это и взглянула на него. Я достигла своей цѣли, спокойствіе его исчезло, испугъ и боль были на его лицѣ.

— Маша, заговорилъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ. — Это не шутки то, что мы дѣлаемъ теперь. Теперь рѣшается наша судьба. Я прошу тебя ничего не отвѣчать мнѣ и выслушать. За что ты хочешь мучить меня?

Но я перебила его.

— Я знаю, ты будешь правъ. Не говори лучше, ты правъ, сказала я холодно, какъ будто не я, а какой-то злой духъ говорилъ во мнѣ.

— Если бы ты знала, что ты дѣлаешь! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я заплакала, и мнѣ стало легче. Онъ сидѣлъ подлѣ меня и молчалъ. Мнѣ было и жалко его, и совѣстно за себя, и досадно за то, что я сдѣлала. Я не глядѣла на него. Мнѣ казалось, что онъ долженъ или строго, или недоумѣвающе смотрѣть на меня въ эту минуту. Я оглянулась: кроткій, нѣжный взглядъ, какъ бы просящій прощенія, былъ устремленъ на меня. Я взяла его за руку и сказала:

— Прости меня! Я сама не знаю, что я говорила.

— Да; но я знаю, что ты говорила, и ты правду говорила.

— Что? спросила я.

— Что намъ надо въ Петербургѣ ѣхать, сказалъ онъ. — Намъ тутъ теперь дѣлать нечего.

— Какъ хочешь, сказала я.

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Ты прости меня, сказалъ онъ. — Я виноватъ передъ тобою.

Въ этотъ вечеръ я долго играла ему, а онъ ходилъ по комнатѣ и шепталъ что-то. Онъ имѣлъ привычку шептать, и я часто спрашивала у него, что онъ шепчетъ, и онъ, всегда подумавъ, отвѣчалъ мнѣ именно то, что онъ шепталъ: большею частію стихи и иногда ужасный вздоръ, но такой вздоръ, по которому я знала настроеніе его души.

— Что ты нынче шепчешь? спросила я.

Онъ остановился, подумалъ, и улынувшись отвѣчалъ два стиха Лермонтова:

..... А онъ безумный просить бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

«Нѣтъ, онъ больше чѣмъ-человѣкъ; онъ все знаетъ! подумала я; какъ не любить его!»

Я встала, взяла его за руку и вмѣстѣ съ нимъ начала ходить, стараясь попадать нога въ ногу.

— Да? спросилъ онъ улыбаясь, глядя на меня.

— Да, сказала я шопотомъ; и какое-то веселое расположеніе духа охватило насъ обоихъ, глаза наши смѣялись, и мы шаги дѣлали все больше и больше, и все больше и больше становились на-цыпочки. И тѣмъ же шагомъ, къ великому негодованію Григорія и удивленію мамыши, которая раскладывала пасьянсъ въ гостиной, отправились черезъ всѣ комнаты въ столовую, а тамъ остановились посматрѣли другъ на друга, и расхохотались.

Черезъ двѣ недѣли, передъ праздникомъ, мы были въ Петербургѣ.

VII.

Наша поѣздка въ Петербургъ, недѣля въ Москвѣ, его, мои родные, устройство на новой квартирѣ, дорога, новые города, лица, все это прошло какъ сонъ. Все это было такъ разнообразно, ново, весело, все это такъ тепло и ярко освѣщено было его присутствіемъ, его любовью, что тихое деревенское житъе показалось мнѣ чѣмъ-то давнишнимъ и ничтожнымъ. Къ великому удивленію моему, вмѣсто свѣтской гордости и холодности, которую я ожидала найти въ людяхъ, всѣ встрѣчали меня такъ неподдѣльно-ласково и радостно (не только родные, но и незнакомые), что, казалось, они всѣ только обо мнѣ и думали, только меня ожидали, чтобы имъ самимъ было хорошо. Тоже неожиданно для меня, и въ кругу свѣтскомъ и казавшемся мнѣ самымъ лучшимъ, у мужа открылось много знакомыхъ, о которыхъ онъ ни-

когда не говорилъ мнѣ; и часто мнѣ странно и непріятно было слышать отъ него строгія сужденія о нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, казавшихся мнѣ такими добрыми. Я не могла понять, зачѣмъ онъ такъ сухо обращался съ ними и старался избѣгать многихъ знакомствъ, казавшихся мнѣ лестными. Мнѣ казалось, чѣмъ больше знаешь добрыхъ людей тѣмъ лучше, а всѣ были добрые.

— Вотъ видишь ли, какъ мы устроимся, говорилъ онъ передъ отъѣздомъ изъ деревни: — мы здѣсь маленькіе Крезы, а тамъ мы будемъ очень не богаты, а потому намъ надо жить въ городѣ только до Святой, и не ѣздить въ свѣтъ, иначе запутаемся; да и для тебя я не хотѣлъ бы...

— Зачѣмъ свѣтъ? отвѣчала я: — только посмотримъ театры, родныхъ, послушаемъ оперу и хорошую музыку, и еще раньше Святой вернемся въ деревню.

Но какъ только мы пріѣхали въ Петербургъ, планы эти были забыты. Я очутилась вдругъ въ такомъ новомъ счастливомъ мірѣ, такъ много радостей охватило меня, такіе новые интересы явились передо мной, что я сразу, хотя и безсознательно, отеклась отъ всего своего прошедшаго и всѣхъ плановъ этого прошедшаго. «То было все такъ, шутки; еще не начиналось; а вотъ она настоящая жизнь! Да еще что будетъ?» думала я. Безпокойство и начало тоски, тревожившія меня въ деревнѣ, вдругъ, какъ волшебствомъ, совершенно исчезли. Любовь къ мужу сдѣлалась спокойнѣе, и мнѣ здѣсь никогда не приходила мысль о томъ, не меньше ли онъ любитъ меня? Да я и не могла сомнѣваться въ его любви, всякая моя мысль была тотчасъ понята, чувство раздѣлено, желаніе исполнено имъ. Спокойствіе его исчезло здѣсь, или не раздражало меня болѣе. Притомъ, я чувствовала, что онъ, кромѣ своей прежней любви ко мнѣ, здѣсь еще и любитъ меня. Часто послѣ визита, новаго знакомства, или вечера у насъ, гдѣ я, внутренне дрожа отъ страха ошибиться, исполняла должность хозяйки дома, онъ говорилъ: «Ай да дѣвочка! славно! не робѣй. Право хорошо!» И я бывала очень рада. Скоро послѣ нашего пріѣзда онъ писалъ письмо къ матери, и когда позвалъ меня приписать отъ себя, то не хотѣлъ дать прочесть, что написано было; вслѣдствіе чего я разумѣется, потребовала и прочла. «Вы не узнаете Маши, писалъ онъ, и я самъ не узнаю ея. Откуда берется эта милая, граціозная самоувѣренность, *афабельность*, даже свѣтскій умъ и любезность. И все это просто, мило, добродушно. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, да я и самъ не налюбуюсь на нее, и ежели бы можно было полюбить бы еще больше.

«А! такъ вотъ я какая!» подумала я. И такъ мнѣ весело и хорошо стало, показалось даже, что я еще больше люблю его. Мой успѣхъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ былъ совершенно неожиданный для меня. Со всѣхъ сторонъ мнѣ говорили, что я тамъ особенно понравилась дядюшкѣ, туть тетушка

безъ ума отъ меня, тотъ говорить мнѣ, что мнѣ нѣтъ подобныхъ женщинъ въ Петербургѣ, та увѣряетъ меня, что мнѣ стоитъ захотѣть, чтобы быть самою *изысканною* женщиной общества. Особенно кузина мужа, княгиня Д., немолодая свѣтская женщина, внезапно влюбившаяся въ меня, болѣе всѣхъ говорила мнѣ лестныя вещи, кружившія мнѣ голову. Когда въ первый разъ кузина пригласила меня ѣхать на балъ и просила объ этомъ мужа, онъ обратился ко мнѣ и, чуть замѣтно, хитро улыбаясь, спросилъ: хочу ли я ѣхать? Я кивнула головою въ знакъ согласія, и почувствовала, что покраснѣла.

— Точно преступница признается, чего ей хочется, сказалъ онъ, добродушно смѣясь.

— Да вѣдь ты говорилъ, что намъ нельзя ѣздить въ свѣтъ, да и ты не любишь, отвѣчала я, улыбаясь и умоляющимъ взглядомъ глядя на него.

— Ежели очень хочется, то поѣдемъ, сказалъ онъ.

— Право, лучше не надо.

— Хочется? очень? снова спросилъ онъ.

Я не отвѣчала.

— Свѣтъ еще не большое горе, продолжалъ онъ, — а свѣтскія неосуществленныя желанія, это и дурно и не красиво. Непремѣнно надо ѣхать, и поѣдемъ, рѣшительно заключилъ онъ.

— Правду тебѣ сказать, сказала я, — мнѣ ничего въ мірѣ такъ не хотѣлось, какъ этого бала.

Мы поѣхали, и удовольствіе, испытанное мною, превзошло всѣ мои ожиданія. На балѣ еще больше, чѣмъ прежде, мнѣ казалось, что я центръ, около котораго все движется, что для меня только освѣщена эта большая зала, играетъ музыка, и собралась эта толпа людей, восхищающихся мною. Всѣ, начиная отъ парикмахера и горничной и до танцоровъ и стариковъ, проходившихъ черезъ залу, казалось, говорили мнѣ, или давали чувствовать, что они любятъ меня. Общее сужденіе, составившееся обо мнѣ на этомъ балѣ и переданное мнѣ кузиной, состояло въ томъ, что я совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ, что во мнѣ есть что-то особенное, деревенское, простое и прелестное. Этотъ успѣхъ такъ польстилъ мнѣ, что я откровенно сказала мужу, какъ бы я желала въ нынѣшнемъ году съѣздить еще на два, на три бала, «и съ тѣмъ чтобы хорошенько насытиться ими», прибавила я, покрививъ душою.

Мужъ охотно согласился, и первое время ѣздилъ со мною съ видимымъ удовольствіемъ, радуясь моимъ успѣхамъ, и казалось, совершенно забывъ, или отрекшись отъ того, что говорилъ прежде.

Въ послѣдствіи онъ видимо сталъ скучать и тяготиться жизнью, которую мы вели. Но мнѣ было не до того, ежели я и замѣчала иногда его внимательно-серіозный взглядъ, вопросительно устремленный на меня, я не понимала его значенія. Я такъ была отуманена этою, внезапно возбужденною, какъ мнѣ казалось, любовью ко мнѣ во всѣхъ

постороннихъ, этимъ воздухомъ изящества, удовольствій и новизны, которымъ я дышала здѣсь въ первый разъ, такъ вдругъ исчезло здѣсь его, подавлявшее меня, моральное вліяніе, такъ пріятно мнѣ было въ этомъ мірѣ, не только сравняться съ нимъ, но стать выше его, и за то любить его еще больше и самостоятельнѣе чѣмъ прежде, что я не могла понять, что не пріятнаго онъ могъ видѣть для меня въ свѣтской жизни. Я испытывала новое для себя чувство гордости и самодовольства, когда, входя на балъ, всѣ глаза обращались на меня, а онъ, какъ будто совѣстясь признаваться передъ толпою въ обладаніи мною, спѣшилъ оставить меня и терялся въ черной толпѣ фраковъ. «Постой! часто думала я, отыскивая глазами въ концѣ залы его незамѣченную, иногда скукающую фигуру, постой! думала я, пріѣдемъ домой, и ты поймешь и увидишь, для кого я старалась быть хороша и блестяща, и что я люблю изъ всего того, что окружаетъ меня нынѣшній вечеръ». Мнѣ самой искренно казалось, что успѣхи мои радовали меня только для него, только для того, чтобы быть въ состояніи жертвовать ему ими. Одно, чѣмъ могла быть вредна для меня свѣтская жизнь, думала я, была возможность увлеченія однимъ изъ людей, встрѣчаемыхъ мною въ свѣтѣ, и ревность моего мужа; но онъ такъ вѣрнулъ въ меня, казался такъ спокоенъ и равнодушенъ, и всѣ эти молодые люди казались мнѣ такъ ничтожны въ сравненіи съ нимъ, что и единственная, по моимъ понятіямъ, опасность свѣта не казалась страшна мнѣ. Но несмотря на то, вниманіе многихъ людей въ свѣтѣ доставляло мнѣ удовольствіе, льстило самолюбію, заставляло думать, что есть нѣкоторая заслуга въ моей любви къ мужу, и дѣлало мое обращеніе съ нимъ самоувѣреннѣе и какъ будто небрежнѣе.

— А я видѣла, какъ ты что-то очень оживленно разговаривала съ Н. Н., однажды возвращаясь съ бала, сказала я, грозя ему пальцемъ и называя одну изъ извѣстныхъ дамъ Петербурга, съ которою онъ дѣйствительно говорилъ въ этотъ вечеръ. Я сказала это, чтобы расшевелить его; онъ былъ особенно молчаливъ и скупенъ.

— Ахъ, зачѣмъ такъ говорить? И говоришь ты, Маша! пропустилъ онъ сквозь зубы и морщась, какъ будто отъ физической боли. — Какъ это нейдетъ тебѣ и мнѣ! Оставь это другимъ; эти ложныя отношенія могутъ испортить наши настоящія, а я еще надеюсь, что настоящія вернутся.

Мнѣ стало стыдно, и я замолчала.

— Вернутся, Маша? Какъ тебѣ кажется? спросилъ онъ.

— Они никогда не портились и не испортятся, сказала я, и тогда мнѣ точно такъ казалось.

— Дай-то Богъ, проговорилъ онъ, — а то пора бы намъ въ деревню.

Но это только одинъ разъ сказалъ онъ мнѣ, остальное же время мнѣ казалось, что ему было такъ же хорошо какъ и мнѣ, а мнѣ было такъ радостно и весело. Если же ему и скучно иногда, утѣшала

я себя, то и я поскучала для него въ деревнѣ; если же и измѣнились нѣсколько наши отношенія, то все это снова вернется, какъ только мы лѣтомъ останемся одни съ Татьяной Семеновной въ нашемъ Никольскомъ домѣ.

Такъ не замѣтно для меня прошла зима, и мы противъ нашихъ плановъ даже Святую провели въ Петербургѣ. На Рождество, когда мы уже собирались ѣхать, все было уложено, и мужъ, дѣлавшій уже покупки подарковъ, вещей, цвѣтовъ для деревенской жизни, былъ въ особенно нѣжномъ и веселомъ расположеніи духа. Кузина неожиданно пріѣхала къ намъ и стала просить остаться до субботы, съ тѣмъ чтобы ѣхать на раутъ къ графинѣ Р. Она говорила, что графиня Р. очень звала меня, что бывшій тогда въ Петербургѣ принцъ М. еще съ прошлаго бала желалъ познакомиться со мной, только для этого и ѣхалъ на раутъ и говорилъ, что я самая хорошенькая женщина въ Россіи. Весь городъ долженъ былъ быть тамъ, и однимъ словомъ ни на что бы не было похоже, ежели я бы не поѣхала.

Мужъ былъ на другомъ концѣ гостиной, разговаривая съ кѣмъ-то.

— Такъ что жъ ѣдете, Мари? сказала кузина.

— Мы послѣ завтра хотѣли ѣхать въ деревню, нерѣшительно отвѣчала я, взглянувъ на мужа. Глаза наши встрѣтились, онъ торопливо отвернулся.

— Я уговорю его остаться, сказала кузина, — и мы ѣдемъ въ субботу кружить головы. Да?

— Это бы разстроило наши планы, а мы уложились, отвѣчала я, начиная сдаваться.

— Да ей бы лучше нынче вечеромъ съѣздить на поклонъ принцу, съ другаго конца комнаты сказать мужъ раздраженно сдержаннымъ тономъ, котораго я еще не слыхала отъ него.

— Ахъ! онъ ревнуетъ, вотъ въ первый разъ вижу, засмѣялась кузина. — Да вѣдь не для принца, Сергѣй Михайловичъ, а для всѣхъ насъ я уговариваю ее. Какъ графиня Р. просила ее пріѣхать!

— Это отъ нея зависитъ, холодно проговорилъ мужъ, и вышелъ.

— Я видѣла, что онъ былъ взволнованъ больше чѣмъ обыкновенно; это меня мучило, и я ничего не обѣщала кузинѣ. Только-что она уѣхала, я пошла къ мужу. Онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ, и не видалъ и не слыхалъ, какъ я нацыпочка въшла въ комнату.

«Ему ужъ представляется милый Никольскій домъ. думала я, глядя на него, и утренній кофе въ свѣтлой гостиной и его поля, мужики и вечера въ диванной и ночные таинственные ужины. Нѣтъ! рѣшила я сама съ собой, всѣ балы на свѣтѣ и лести всѣхъ принцевъ на свѣтѣ отдамъ я за его радостное смущеніе, за его тихую ласку.» Я хотѣла сказать ему, что не поѣду на раутъ и не хочу, когда онъ вдругъ оглянулся и, увидавъ меня, нахмурился и измѣнилъ кротко задумчивое выраженіе своего лица. Опять проникательность, мудрость и покровительственное спокойствіе выразились въ его взглядѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобы я видѣла его простымъ чело-

вѣкомъ; ему нужно было полубогомъ на пьедесталѣ всегда стоять передо мной.

— Что ты мой другъ? спросилъ онъ, небрежно и спокойно оборачиваясь ко мнѣ.

Я не отвѣчала. Мнѣ было досадно, что онъ прячется отъ меня, не хочетъ оставаться тѣмъ какимъ я любила его.

— Ты хочешь ѣхать въ субботу на раутъ? спросилъ онъ.

— Хотѣла, отвѣчала я,—но тебѣ это не нравится. Да и все уложено, прибавила я.

Никогда онъ такъ холодно не смотрѣлъ на меня, никогда такъ холодно не говорилъ со мной.

Я не уѣду до вторника, и велю разложить вещи, проговорилъ онъ,—поэтому можешь ѣхать, коли тебѣ хочется. Сдѣлай милость поѣзжай. Я не уѣду.

Какъ и всегда, когда онъ бывалъ взволнованъ, онъ неровно сталъ ходить по комнатѣ и не глядѣлъ на меня.

— Я рѣшительно тебя не понимаю, сказала я, стоя на мѣстѣ и глазами слѣдя за нимъ,—ты говоришь, что ты всегда такъ спокоенъ (онъ никогда ни говорилъ этого). Отчего ты такъ странно говоришь со мной? Я для тебя готова пожертвовать этимъ удовольствіемъ, а ты какъ-то иронически, какъ ты никогда не говорилъ со мной, требуешь, чтобъ я ѣхала.

— Ну что жь! Ты *жертвуешь* (онъ особенно ударилъ на это слово), и я жертвую, чего же лучше. Борьба великодушія. Какого же еще семейнаго счастья?

Въ первый разъ еще я слышала отъ него такіа ожесточенно-насмѣшливыя слова. И насмѣшка его не пристыдила, а оскорбила меня, и ожесточеніе не испугало меня, а сообщилося мнѣ. Онъ ли, всегда боявшійся фразы въ нашихъ отношеніяхъ, всегда искренній и простой, говорилъ это? И за что? За то, что точно я хотѣла пожертвовать ему удовольствіемъ, въ которомъ не могла видѣть ничего дурнаго, и за то, что за минуту передъ этимъ я такъ понимала и любила его. Роли наши перемѣнились, онъ—избѣгалъ прямыхъ и простыхъ словъ, а я искала ихъ.

— Ты очень перемѣнился, сказала я вздохнувъ. Чѣмъ я провинилась передъ тобой? Не раутъ, а что-то другое старое есть у тебя на сердцѣ противъ меня. Зачѣмъ неискренность? Не самъ ли ты такъ боялся ея прежде. Говори прямо, что ты имѣешь противъ меня? Что-то онъ скажетъ, думала я, съ самодовольствомъ вспоминая, что нечѣмъ ему было упрекнуть меня за всю эту зиму.

Я вышла на середину комнаты, такъ что онъ долженъ былъ близко пройти мимо меня, и смотрѣла на него. Онъ подойдетъ, обниметъ меня, и все будетъ кончено, пришло мнѣ въ голову, и даже жалко стало, что не придется доказать ему, какъ онъ не правъ. Но онъ остановился на концѣ комнаты и поглядѣлъ на меня.

— Ты все не понимаешь? сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Но такъ я скажу тебѣ. Мнѣ мерзко, въ первый разъ мерзко, то, что я чувствую, и что не могу не чувствовать. Онъ остановился, видимо испугавшись грубаго звука своего голоса.

— Да что жь? со слезами негодованія въ глазахъ, спросила я.

— Мерзко, что принцъ нашелъ тебя хорошенькою, и что ты изъ-за этого бѣжишь ему на встрѣчу, забывая и мужа, и себя, и достоинство женщины, и не хочешь понять того, что долженъ за тебя чувствовать твой мужъ, ежели въ тебѣ самой нѣтъ чувства достоинства; напротивъ, ты приходишь говорить мужу, что ты *жертвуешь*, то-есть «показаться его высочеству для меня большое счастье, но я *жертвую* имъ».

Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ больше разгорался отъ звуковъ собственнаго голоса, и голосъ этотъ звучалъ ядовито, жестко и грубо. Я никогда не видала и не ожидала видѣть его такимъ; кровь прилила мнѣ къ сердцу, я боялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство незаслуженнаго стыда и оскорбленнаго самолюбія волновало меня, и мнѣ хотѣлось отомстить ему.

— Я давно ожидала этого, сказала я,—говори, говори.

— Не знаю, чего ты ожидала, продолжалъ онъ,—я могъ ожидать всего худшаго, видя тебя каждый день въ этой грязи, праздности, роскоши и глупаго общества; и дождался... Дождался того, что мнѣ нынче стыдно и больно стало, какъ никогда; больно за себя, когда твой другъ, своими грязными руками залѣзъ мнѣ въ сердце и сталъ говорить о ревности, моей ревности, къ кому же? къ человѣку, котораго ни я, ни ты не знаемъ. А ты какъ нарочно хочешь не понимать меня и хочешь жертвовать мнѣ, чѣмъ же?... Стыдно за тебя, за твое униженіе стыдно!.. Жертва! повторилъ онъ.

— А! такъ вотъ она власть мужа, подумала я. Оскорблять и унижать женщину, которая ни въ чемъ не виновата. Вотъ въ чемъ права мужа, но я не подчинюсь имъ.

— Нѣтъ, я ничѣмъ не жертвую тебѣ, проговорила я, чувствуя, какъ неестественно расширяются мои ноздри, и кровь оставляетъ лицо.—Я поѣду въ субботу на раутъ, и непременно поѣду.

— И дай Богъ тебѣ много удовольствія, только между нами все кончено! прокричалъ онъ въ порывѣ уже не сдержаннаго бѣшенства.—Но больше уже ты не будешь мучить меня. Я былъ дуракъ, что... снова началъ онъ, но губы у него затряслись, и онъ съ видимымъ усиліемъ удержался, чтобы не договорить того, что началъ.

Я боялась и ненавидѣла его въ эту минуту. Я хотѣла сказать ему многое и отомстить за всѣ оскорбленія; но ежели бы я открыла ротъ, я бы заплакала и уронила бы себя передъ нимъ. Я молча вышла изъ комнаты. Но только-что я перестала слышать его шаги, какъ вдругъ ужаснулась передъ тѣмъ, что мы сдѣлали. Мнѣ стало страшно, что точно на вѣки разорвется эта связь, состав-

лявшая все мое счастье, и я хотѣла вернуться. Но достаточно ли онъ успокоился, чтобы понять меня, когда я молча протяну ему руку и посмотрю на него? подумала я. Пойметъ ли онъ мое великодушіе? Что ежели онъ назоветъ притворствомъ мое горе? Или съ сознаниемъ правоты и съ гордымъ спокойствіемъ приметъ мое раскаяніе и проститъ меня? И за что, за что? онъ, котораго я такъ любила, такъ жестоко оскорбилъ меня?

Я пошла не къ нему, а въ свою комнату, гдѣ долго сидѣла одна и плакала, съ ужасомъ вспоминая каждое слово бывшаго между нами разговора, замѣняя эти слова другими, прибавляя другія добрыя слова и снова съ ужасомъ и чувствомъ оскорбленія вспоминая то, что было. Когда я вечеромъ вышла къ чаю, и при С., который былъ у насъ, встрѣтилась съ мужемъ, я почувствовала, что съ нынѣшняго дня цѣлая бездна открылась между нами. С. спросилъ меня, когда мы ѣдемъ? Я не успѣла отвѣтить.

— Во вторникъ, отвѣчалъ мужъ, — мы еще ѣдемъ на раутъ къ графинѣ Р. Вѣдь ты ѣдешь? обратился онъ ко мнѣ.

Я испугалась звука этого простаго голоса и робко оглянулась на мужа. Глаза его смотрѣли прямо на меня, взглядъ ихъ былъ золь и насмѣшливъ, голосъ былъ ровень и холоденъ.

— Да, отвѣчала я.

Вечеромъ, когда мы остались одни, онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку.

— Забудь пожалуйста, что я наговорилъ тебѣ, сказалъ онъ.

Я взяла его руку, дрожащая улыбка была у меня на лицѣ, и слезы готовы были потечь изъ глазъ, но онъ отнялъ руку и, какъ будто боясь чувствительной сцены, сѣлъ на кресло довольно далеко отъ меня. «Неужели онъ все считаетъ себя правымъ?» подумала я, и готовое объясненіе и просьба не ѣхать на раутъ остановились на языкѣ.

— Надо написать матушкѣ, что мы отложили отъѣздъ, сказалъ онъ, — а то она будетъ беспокоиться.

— А когда ты думаешь ѣхать? спросила я.

— Во вторникъ послѣ раута, отвѣчалъ онъ.

— Надѣюсь, что это не для меня, сказала я, глядя ему въ глаза, но глаза только смотрѣли, а ничего не говорили мнѣ, какъ будто чѣмъ-то заволочены они были отъ меня. Лицо его вдругъ мнѣ показалось старо и непріятно.

Мы поѣхали на раутъ, и между нами, казалось, установились опять хорошія дружелюбныя отношенія; но отношенія эти были совсѣмъ другія чѣмъ прежде.

На раутѣ я сидѣла между дамами, когда принцъ подошелъ ко мнѣ, такъ что я должна была встать, чтобы говорить съ нимъ. Вставая я невольно отыскала глазами мужа, и видѣла, что онъ съ другаго конца залы смотрѣлъ на меня и отвернулся. Мнѣ вдругъ такъ стало стыдно и больно, что я болѣзненно смутилась и покраснѣла лицомъ и шеей

подъ взглядомъ принца. Но я должна была стоять и слушать, что онъ говорилъ мнѣ, сверху оглядывая меня. Разговоръ нашъ былъ не долго, ему негдѣ было сѣсть подлѣ меня, и онъ вѣрно почувствовалъ, что мнѣ очень неловко съ нимъ. Разговоръ былъ о прошломъ балѣ, о томъ, гдѣ я живу лѣто, и т. д. Отходя отъ меня, онъ изъяснилъ желаніе познакомиться съ моимъ мужемъ, и я видѣла, какъ они сошлись и говорили на другомъ концѣ залы. Принцъ вѣрно что-нибудь сказалъ обо мнѣ, потому что въ серединѣ разговора, онъ улыбаясь оглянулся въ нашу сторону.

Мужъ вдругъ вспыхнулъ, низко поклонился, и первый отошелъ отъ принца. Я тоже покраснѣла, мнѣ стыдно стало за то понятіе, которое долженъ былъ получить принцъ обо мнѣ и особенно о мужѣ. Мнѣ показалось, что всѣ замѣтили мою неловкую застѣнчивость въ то время, какъ я говорила съ принцемъ, замѣтили его странный поступокъ; Богъ знаетъ какъ они могли объяснить это; ужъ и не знаютъ ли они нашего разговора съ мужемъ? Кузина довезла меня домой и дорогой мы разговаривали съ ней о мужѣ. Я не утерпѣла и рассказала ей все, что было между нами по случаю этого несчастнаго раута. Она успокоивала меня, говоря, что это ничего не значащая, очень обыкновенная размолвка, которая не оставитъ никакихъ слѣдовъ; объяснила мнѣ съ своей точки зрѣнія характеръ мужа, нашла, что онъ очень несообщителенъ и гордъ сталъ; я согласилась съ ней, и мнѣ показалось, что я спокойнѣе и лучше сама теперь стала понимать его.

Но потомъ, когда мы остались вдвоемъ съ мужемъ, этотъ судъ о немъ, какъ преступленіе, лежалъ у меня на совѣсти, и я почувствовала, что еще больше сдѣлалась пропасть, теперь отдѣлявшая насъ другъ отъ друга.

VIII.

Съ этого дня совершенно измѣнилась наша жизнь и наши отношенія. Намъ уже не такъ хорошо было наединѣ какъ прежде. Были вопросы, которые мы обходили, и при третьемъ лицѣ намъ легче говорилось, чѣмъ съ глазу на глазъ. Какъ только рѣчь заходила о жизни въ деревнѣ или о балѣ, у насъ какъ будто мальчишки бѣгали въ глазахъ, и неловко было смотрѣть другъ на друга. Какъ будто мы оба чувствовали, въ какомъ мѣстѣ была пропасть, отдѣлявшая насъ, и боялись подходить къ ней. Я была убѣждена, что онъ гордъ и вспыльчивъ, и надо быть осторожнѣе, чтобы не задѣвать его слабости. Онъ былъ увѣренъ, что я не могу жить безъ свѣта, что деревня не по мнѣ, и что надо покоряться этому несчастному вкусу. И мы оба избѣгали прямыхъ разговоровъ объ этихъ предметахъ, и оба ложно судили другъ друга. Мы уже давно перестали быть другъ для друга совершеннѣйшими людьми въ мірѣ, а дѣлали сравненія съ

другими, и тайнѣ судили одинъ другаго. Я сдѣлалась нездорова передъ отъѣздомъ, и вмѣсто деревни, мы переѣхали на дачу, откуда мужъ одинъ поѣхалъ къ матери. Когда онъ уѣзжалъ я уже достаточно оправилась, чтобъ ѣхать съ нимъ, но онъ уговаривалъ меня остаться, какъ будто боясь за мое здоровье. Я чувствовала, что онъ боялся не за мое здоровье, а за то, что намъ не хорошо будетъ въ деревнѣ; я не очень настаивала и осталась. Безъ него мнѣ было пусто, одиноко, но когда онъ пріѣхалъ, я увидела, что и онъ уже не прибавлялъ къ моей жизни того, что прибавлялъ прежде. Прежнія наши отношенія, когда бывало всякая переданная ему мысль, впечатлѣніе, какъ преступленіе, тяготили меня, когда всякій его поступокъ, слово, казались мнѣ образомъ совершенства, когда намъ отъ радости смѣяться чему-то хотѣлось, глядя другъ на друга, эти отношенія такъ незаметно перешли въ другія, что и мы не хватились, какъ ихъ не стало. У каждого изъ насъ явились свои отдѣльные интересы, заботы, которыя мы уже не пытались сдѣлать общими. Намъ даже перестало смущать то, что у каждого есть свой отдѣльный, чуждый для другаго міръ. Мы привыкли къ этой мысли, и черезъ годъ мальчики даже перестали бѣгать въ глазахъ, когда мы смотрѣли другъ на друга. Исчезли совершенно его припадки веселія со мной, ребячество, исчезло его всепрощеніе и равнодушіе ко всему, прежде возмущавшія меня, не стало больше этого глубокаго взгляда, который прежде смущалъ и радовалъ меня, не стало молитвъ, восторговъ вмѣстѣ, мы даже не часто видѣлись, онъ былъ постоянно въ разъѣздахъ, и не боялся, не жалѣлъ оставлять меня одну; я была постоянно въ свѣтѣ, гдѣ мнѣ не нужно было его.

Сценъ и размолвокъ больше не бывало между нами, я старалась угодить ему, онъ исполнялъ всѣ мои желанія, и мы будто любили другъ друга.

Когда мы оставались одни, что случалось рѣдко, я не испытывала съ нимъ ни радости, ни волненія, ни замѣшательства, какъ будто я сама съ собой оставалась. Я знала очень хорошо, что это былъ мужъ мой, не какой нибудь новый, неизвѣстный человѣкъ, а хорошій человѣкъ, — мужъ мой, котораго я знала, какъ самое себя. Я была увѣрена, что знала все, что онъ сдѣлаетъ, что скажетъ, какъ посмотритъ; и ежели онъ дѣлалъ или смотрѣлъ не такъ, какъ я ожидала, то мнѣ уже казалось, что это онъ ошибся. Я ничего не ждала отъ него. Однимъ словомъ, это былъ мой мужъ и больше ничего. Мнѣ казалось, что это такъ и должно быть, что не бываетъ другихъ и между нами даже не было никогда другихъ отношеній. Когда онъ уѣзжалъ, особенно первое время, мнѣ становилось одиноко, страшно, я безъ него чувствовала сильнѣе значеніе для меня его опоры; когда онъ пріѣзжалъ, я бросалась ему на шею отъ радости, хотя черезъ два часа совершенно забывала эту радость, и нечего мнѣ было говорить съ нимъ.

Только въ минуты тихой, умѣренной нѣжности, которыя бывали между нами, мнѣ казалось, что что-то не то, что что-то больно мнѣ въ сердцѣ, и въ его глазахъ, мнѣ казалось, я читала то же. Мнѣ чувствовалась эта граница нѣжности, за которую теперь онъ какъ будто не хотѣлъ, а я не могла переходить. Иногда мнѣ это грустно было, но некогда было задумываться надъ чѣмъ-то бы ни было, и я старалась забыть эту грусть неясно чувствуемой переменѣ въ развлеченіяхъ, которыя постоянно готовы были мнѣ. Свѣтская жизнь, сначала отуманившая меня блескомъ и лестью самолюбію, скоро завладѣла вполнѣ моими наклонностями, вошла въ привычки, наложила на меня свои оковы, и заняла въ душѣ все то мѣсто, которое было готово для чувства. Я никогда уже не оставалась одна сама съ собой, и боялась вдумываться въ свое положеніе. Все время мое, отъ поздняго утра и до поздней ночи, было занято и принадлежало не мнѣ, даже ежели бы я не выѣзжала. Мнѣ это было уже не весело и не скучно, а казалось, что такъ, а не иначе, всегда должно было быть.

Такъ прошло три года, во время которыхъ отношенія наши оставались тѣ же, какъ будто остановились, застыли и не могли сдѣлаться ни хуже, ни лучше. Въ эти три года въ нашей семейной жизни случились два важныя событія, но оба не измѣнили моей жизни. Это были рожденіе моего перваго ребенка и смерть Татьяны Семеновны. Первое время, материнское чувство съ такою силой охватило меня и такой неожиданный восторгъ произвело во мнѣ, что я думала, новая жизнь начнетъ для меня; но черезъ два мѣсяца, когда я снова стала выѣзжать, чувство это, уменьшаясь и уменьшаясь, перешло въ привычку и холодное исполненіе долга. Мужъ напротивъ со времени рожденія нашего перваго сына, сталъ прежнимъ, кроткимъ, спокойнымъ домосѣдомъ, и прежнюю свою нѣжность и веселье перенесъ на ребенка. Часто, когда я въ бальномъ платьѣ входила въ дѣтскую, чтобы на ночь перекрестить ребенка, и заставляла мужа въ дѣтской, я замѣчала какъ бы укоризненный и строго внимательный взглядъ его, устремленный на меня, и мнѣ становилось совѣстно. Я вдругъ ужасалась своего равнодушія къ ребенку, и спрашивала себя: неужели я хуже другихъ женщинъ? Но что жъ дѣлать? думала я, я люблю сына, но не могу же сидѣть съ нимъ цѣлые дни, мнѣ скучно; а притворяться я ни за что не стану. Смерть его матери была для него большимъ горемъ; ему тяжело было, какъ онъ говорилъ, послѣ нея жить въ Никольскомъ, а хотя мнѣ и жалко было ея, и я сочувствовала горю мужа, мнѣ было теперь пріятнѣе и спокойнѣе въ деревнѣ. Всѣ эти три года мы провели большею частью въ городѣ, въ деревню я ѣздила только разъ на два мѣсяца, и на третій годъ мы поѣхали за границу.

Мы проживали лѣто на водахъ.

Мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ, состоя-

ніе наше, я думала, было въ цвѣтущемъ положеніи, отъ семейной жизни я не требовала ничего сверхъ того, что она мнѣ давала; всѣ, кого я знала, мнѣ казалось, любили меня; здоровье мое было хорошо; туалеты мои были лучшіе на водахъ, я знала, что я была хороша, погода была прекрасна, какая-то атмосфера красоты и изящества окружала меня, и мнѣ было очень весело. Я не такъ была весела, какъ бывала въ Никольскомъ, когда я чувствовала, что я счастлива сама въ себѣ, что я счастлива потому, что заслужила это счастье, что счастье мое велико, но должно быть еще больше, что все хочется еще и еще счастья. Тогда было другое; но и въ это лѣто мнѣ было хорошо. Мнѣ ничего не хотѣлось, я ничего не надѣялась, ничего не боялась, и жизнь моя казалось мнѣ, была полна, и на совѣсти, казалось, было покойно. Изъ числа всей молодежи этого сезона, не было ни одного человѣка, котораго бы я чѣмъ нибудь отличала отъ другихъ, или даже отъ стараго князя К., нашего посланника, который ухаживалъ за мной. Одинъ былъ молодой, другой старый, одинъ бѣлокурый англичанинъ, другой французъ съ бородакой, всѣ они мнѣ были равны, но всѣ они были мнѣ необходимы. Это были все одинаково безразличныя лица, составлявшія радостную атмосферу жизни, окружавшую меня. Одинъ только изъ нихъ, итальянскій маркизъ Д., больше другихъ обратилъ мое вниманіе своею смѣлостью въ выраженіи восхищенія передо мною. Онъ не пропускалъ никакого случая быть со мною, танцевать, ѣздить верхомъ, быть въ казино, и т. д., и говорить мнѣ, что я хороша. Нѣсколько разъ я изъ оконъ видѣла его около нашего дома, и часто непріятный пристальный взглядъ его блестящихъ глазъ заставлялъ меня краснѣть и оглядываться. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, элегантенъ, и, главное, улыбкой и выраженіемъ лба похожъ на моего мужа, хотя и гораздо лучше его. Онъ поражалъ меня этимъ сходствомъ, хотя въ общемъ, въ губахъ, во взглядѣ, въ длинномъ подбородкѣ, вмѣсто прелести выраженія доброты и идеальнаго спокойствія моего мужа, у него было что-то грубое, животное. Я полагала тогда, что онъ страстно любитъ меня, и съ гордымъ соболѣзнованіемъ иногда думала о немъ. Я иногда хотѣла успокоить его, перевести его въ тонъ полудружеской тихой довѣренности, но онъ рѣзко отклонялъ отъ себя эти попытки и продолжалъ непріятно смущать меня своею невыражавшеюся, но всякую минуту готовую выразиться, страстью. Хотя и не признаваясь себѣ, я боялась этого человѣка, и противъ воли часто думала о немъ. Мой мужъ былъ знакомъ съ нимъ, и еще больше чѣмъ съ другими нашими знакомыми, для которыхъ онъ былъ только мужъ своей жены, держалъ себя холодно и высокомерно. Къ концу сезона я заболѣла, и двѣ недѣли не выходила изъ дома. Когда я въ первый разъ послѣ болѣзни вышла вечеромъ на музыку, я узнала, что безъ меня пріѣхала давно ожидаемая и извѣстная своей

красотой леди С. Около меня составилъ кругъ, меня встрѣтили радостно, но еще лучше кругъ составленъ былъ около пріѣзжей львицы. Всѣ вокругъ меня говорили только про нее и ея красоту. Мнѣ показали ее, и дѣйствительно она была прелестна, но меня непріятно поразило самодовольство ея лица, и я сказала это. Мнѣ этотъ день показалось скучно все, что прежде было такъ весело. На другой день леди С. устроила поѣздку въ замокъ, отъ которой я отказалась. Почти никто не остался со мной, и все окончательно переменялось въ моихъ глазахъ. Все и всѣ мнѣ показались глупы и скучны, мнѣ хотѣлось плакать, скорѣй кончить курсъ и ѣхать назадъ въ Россію. Въ душѣ у меня было какое-то нехорошее чувство, но я еще себѣ не признавалась въ немъ. Я казалась слабою и перестала показываться въ большомъ обществѣ, только утромъ выходила изрѣдка одна пить воды, или съ Л. М., русскою знакомой, ѣздила въ окрестности. Мужа не было въ это время; онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Гейдельбергъ, ожидая конца моего курса, чтобъ ѣхать въ Россію, и изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ.

Однажды леди С. увлекла все общество на охоту, а мы съ Л. М. послѣ обѣда поѣхали въ замокъ. Покуда мы шагомъ вѣзжали въ коляскѣ по извилистому шоссе, между вѣковыми каштанами, сквозь которые дальше открывались эти хорошенькія элегантныя баденскія окрестности, освѣщенныя заходящими лучами солнца, мы разговорились серьезно, какъ мы не говорили никогда. Л. М., которую уже я давно знала, въ первый разъ представилась мнѣ теперь хорошею умною женщиною, съ которою можно говорить все, и съ которою пріятно быть другомъ. Мы говорили про семью, дѣтей, про пустоту здѣшней жизни, намъ захотѣлось въ Россію, въ деревню, и какъ-то грустно и хорошо стало. Подъ вліяніемъ этого же серьезнаго чувства, мы вошли въ замокъ. Въ стѣнахъ было тѣнисто, свѣжо, вверху по развалинамъ играло солнце, слышны были чьи-то шаги и голоса. Изъ двери, какъ въ рамѣ виднѣлась эта прелестная, но холодная для насъ, русскихъ, баденская картина. Мы сѣли отдохнуть, и молча смотрѣли на заходящее солнце. Голоса слышались явственнѣе, и, мнѣ показалось, что назвали мою фамилію. Я стала прислушиваться, и невольно разслышала каждое слово. Голоса были знакомые; это былъ маркизъ Д. и французъ, его пріятель, котораго я тоже знала. Они говорили про меня, и про леди С. Французъ сравнивалъ меня и ее, и разбиралъ красоту той и другой. Онъ не говорилъ ничего оскорбительнаго, но у меня кровь прилила къ сердцу, когда я разслышала его слова. Онъ подробно объяснилъ, что было хорошаго во мнѣ, и что хорошаго въ леди С. У меня ужъ былъ ребенокъ, а леди С. было девятнадцать лѣтъ, у меня коса была лучше, но за то у леди станъ былъ граціознѣе, леди большая дама, тогда какъ ваша, сказалъ онъ, такъ себѣ, одна изъ этихъ маленькихъ русскихъ кня-

гинь, которыя такъ часто начинаютъ появляться здѣсь. Онъ заключилъ тѣмъ, что я прекрасно дѣлаю, не пытаюсь бороться съ леди С., и что я окончательно похоронена въ Баденѣ.

— Мнѣ ея жаль.

— Ежели только она не захочетъ утѣшиться съ вами, прибавилъ онъ съ веселымъ и жестокимъ смѣхомъ.

— Ежели она уѣдетъ; я поѣду за ней, грубо проговорилъ голосъ, съ итальянскимъ акцентомъ.

— Счастливый смертный! онъ еще можетъ любить! засмѣялся французъ.

— Любить! сказалъ голосъ, и помолчалъ. — Я не могу не любить! безъ этого нѣтъ жизни. — Дѣлать романъ изъ жизни, одно что есть хорошаго. И мой романъ никогда не останавливается въ серединѣ, и этотъ я доведу до конца.

— *Вонне chance mon ami*, проговорилъ французъ.

Дальше уже мы не слышали, потому что они зашли за уголъ, и мы съ другой стороны услышали ихъ шаги. Они сходили съ лѣстницы, и черезъ нѣсколько минутъ вышли изъ боковой двери и весьма удивились, увидавъ насъ. Я покраснѣла, когда маркизъ Д. подошелъ ко мнѣ, и мнѣ страшно стало, когда, выходя изъ замка, онъ подаль мнѣ руку. Я не могла отказаться, и мы сзади Л. М., которая шла съ его другомъ, пошли къ коляскѣ. Я была оскорблена тѣмъ, что сказалъ про меня французъ, хотя въ тайнѣ сознавала, что онъ только назвалъ то, что я сама чувствовала; но слова маркиза удивили и возмутили меня своею грубостью. Меня мучила мысль, что я слышала его слова, и несмотря на то, онъ не боится меня. Мнѣ гадко было чувствовать его такъ близко отъ себя; и не глядя на него, не отвѣчая ему и стараясь держать руку такъ, чтобы не слышать его, я торопливо шла за Л. М. и французомъ. Маркизъ говорилъ что-то о прекрасномъ видѣ, о неожиданномъ счастьи встрѣтить меня, и еще что-то, но я не слушала его. Я думала въ это время о мужѣ, о сынѣ, о Россіи; чего-то мнѣ совѣстно было, чего-то жалко, чего-то хотѣлось, и я торопилась скорѣе домой, въ свою одинокую комнату въ *Hôtel de Bade*, чтобы на просторѣ обдумать все то, что только сейчасъ поднялось у меня въ душѣ. Но Л. М. шла тихо, до коляски было еще далеко, и мой кавалеръ мнѣ показалось, упорно уменьшалъ шагъ, какъ будто пытаюсь останавливать меня. «Не можетъ быть!» подумала я, и рѣшительно пошла скорѣе. Но положительно онъ удерживалъ меня и даже прижималъ мою руку, Л. М. завернула за уголъ дороги, и мы были совершенно одни. Мнѣ стало страшно.

— Извините, сказала я холодно и хотѣла высвободить руку, но кружево рукава зацѣпилось за его пуговицу. Онъ пригнувшись ко мнѣ грудью, сталъ отстегивать его, и его пальцы безъ перчатки тронули мою руку. Какое-то новое мнѣ чувство не то ужаса, не то удовольствія морозомъ пробѣжало

по моей спинѣ. Я взглянула на него съ тѣмъ, чтобы холоднымъ взглядомъ выразить все презрѣніе, которое я къ нему чувствую; но взглядъ мой выразилъ не то, онъ выразилъ испугъ и волненіе. Его горящіе, влажные глаза, подлѣ самаго моего лица, страстно смотрѣли на меня, на мою шею, на мою грудь, его обѣ руки перебирали мою руку выше кисти, его открытыя губы говорили что-то, говорили, что онъ меня любитъ, что я все для него, и губы эти приближались ко мнѣ, и руки крѣпче сжимали мой и жгли меня. Огонь пробѣгалъ по моимъ жиламъ, въ глазахъ темнѣло, я дрожала, и слова, которыми я хотѣла остановить его, пересыхали въ моемъ горлѣ. Вдругъ я почувствовала поцѣлуй на своей щекѣ, и вся дрожа и холодѣя, остановилась и смотрѣла на него, Не въ силахъ ни говорить, ни двигаться, я, ужасаясь, ожидала и желала чего-то. Все это продолжалось одно мгновеніе. Но это мгновеніе было ужасно! Я такъ видѣла его всего въ это мгновеніе. Такъ понятно мнѣ было его лицо: этотъ виднѣвшійся изъ-подъ соломенной шляпы крутой низкій лобъ, похожій на лобъ моего мужа, этотъ красивый прямой носъ, съ раздутыми ноздрями, эти длинныя остро-припомаженные усы и бородка, эти гладко выбритыя щеки и загорѣлая шея. Я ненавидѣла, я боялась его, такой чужой онъ былъ мнѣ; но въ эту минуту такъ сильно отзывались во мнѣ волненіе и страсть этого ненавистнаго, чужаго человѣка! Такъ непреодолимо хотѣлось мнѣ отдаться поцѣлуямъ этого грубаго и красиваго рта, объятіямъ этихъ бѣлыхъ рукъ съ тонкими жилами и съ перстнями на пальцахъ. Такъ тянуло меня броситься очертя голову въ открывшуюся вдругъ, притягивающую безднузапрещенныхъ наслажденій...

« Я такъ несчастна, думала я, пускай же еще больше и больше несчастій собирается на мою голову.»

Онъ обнялъ меня одною рукой и наклонился къ моему лицу. «Пускай, пускай еще и еще накопается стыдъ и грѣхъ на мою голову.»

— *Je vous aime*, прошепталъ онъ голосомъ, который былъ такъ похожъ на голосъ моего мужа. Мой мужъ и ребенокъ вспомнились мнѣ, какъ давно бывшія дорогія существа, съ которыми у меня все кончено. Но вдругъ въ это время изъ-за поворота послышался голосъ Л. М., которая звала меня. Я опомнилась, вырвала свою руку и не глядя на него, почти побѣжала за Л. М. Мы сѣли въ коляску, и я тутъ только взглянула на него. Онъ снялъ шляпу и спросилъ что-то улыбаясь. Онъ не понималъ того невыразимаго отвращенія, которое я испытывала къ нему въ эту минуту.

Жизнь моя показалась мнѣ такъ несчастна, будущее такъ безнадежно, прошедшее такъ черно! Л. М. говорила со мной, но я не понимала ея словъ. Мнѣ казалось, что она говоритъ со мной только изъ жалости, чтобы скрыть презрѣніе, которое я возбуждаю въ ней. Во всякомъ словѣ, во всякомъ взглядѣ мнѣ чудилось это презрѣніе и

оскорбительная жалость. Поцѣлуй стыдомъ жегъ мнѣ щеку, и мысль о мужѣ и ребенкѣ была мнѣ невыносима. Оставшись одна въ своей комнатѣ, я надѣялась обдумать свое положеніе, но мнѣ страшно было одной. Я не допила чаю, который мнѣ подали и сама не зная, зачѣмъ? съ горячечною поспѣшностію стала тотчасъ же собираться съ вечернимъ поѣздомъ въ Гейдельбергъ къ мужу. Когда мы сѣли съ дѣвушкой въ пустой вагонъ, машина тронулась, и свѣжій воздухъ пахнулъ на меня въ окно, я стала опоминаться и яснѣе представлять себѣ свое прошедшее и будущее. Вся моя замужняя жизнь со дня переѣзда нашего въ Петербургъ вдругъ представилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ и укоромъ легла мнѣ на совѣсть. Я въ первый разъ живо вспомнила наше первое время въ деревнѣ, наши планы, въ первый разъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: какія же были его радости во все это время? И я почувствовала себя виноватою передъ нимъ. Но зачѣмъ онъ неостановилъ меня, зачѣмъ лицемѣрилъ передо мной, за чѣмъ избѣгалъ объясненій зачѣмъ оскорбилъ? спрашивала я себя. Зачѣмъ не употребилъ свою власть любви надо мной? Или онъ не любилъ меня? Но какъ бы онъ ни былъ виноватъ, поцѣлуй чужаго человѣка вотъ тутъ стоялъ на моей щекѣ, и я чувствовала его. Чѣмъ ближе и ближе я подъѣзжала къ Гейдельбергу, тѣмъ яснѣе воображала мужа, и тѣмъ страшнѣе мнѣ становилось предстоящее свиданіе. Я все, все скажу ему, все выплачу слезами раскаянія, думала я, и онъ проститъ меня. Но я сама не знала, что такое «все» я скажу ему, и сама не вѣрила, что онъ проститъ меня.

Но только-что я вошла въ комнату къ мужу и увидала его спокойное, хотя и удивленное лицо, я почувствовала, что мнѣ нечего было говорить ему, не въ чемъ признаваться и не въ чемъ просить его прощенія. Невысказанное горе и раскаяніе должны были оставаться во мнѣ.

— Какъ это ты вздумала? сказалъ онъ:—а я завтра хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Но всмотрѣвшись ближе въ мое лицо онъ какъ будто испугался.— Чтѣ ты? чтѣ съ тобой? проговорилъ онъ.

— Ничего, отвѣчала я, едва удерживаясь отъ слезъ.—Я совсѣмъ пріѣхала. Поѣдемъ хотѣ завтра домой въ Россію.

Онъ довольно долго молча и внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Да расскажи же, что съ тобой случилось? сказалъ онъ.

Я невольно покраснѣла и опустила глаза. Въ глазахъ его блеснуло чувство оскорбленія и гнѣва. Я испугалась мыслей, которыя могли придти ему, и съ силой притворства, которой я сама не ожидала въ себѣ, я сказала:

— Ничего не случилось, просто скучно и грустно стало одной, и я много думала о нашей жизни и о тебѣ. Ужъ такъ давно я виновата передъ тобой! За что ты ѣздишь со мной туда, куда тебѣ не

хочется? Давно ужъ я виновата передъ тобой, повторила я, и опять слезы мнѣ навернулись на глаза.—Поѣдемъ въ деревню, и навсегда.

— Ахъ! мой другъ, увольъ отъ чувствительныхъ сценъ, сказалъ онъ холодно:—что ты въ деревню хочешь, это прекрасно, потому что и денегъ у насъ мало: а что навсегда, то это мечта. Я знаю, что ты не уживешь. А вотъ чаю напейся, это лучше будетъ, заключилъ онъ вставая, чтобы позвонить человѣка.

Мнѣ представлялось все, что онъ могъ думать обо мнѣ, и я оскорбилась тѣми страшными мыслями, которыя приписывала ему, встрѣтивъ невѣрный и какъ будто пристыженный взглядъ, устремленный на меня. Нѣтъ, онъ не хочетъ и не можетъ понять меня! Я сказала, что пойду посмотрѣть ребенка и вышла отъ него. Мнѣ хотѣлось быть одной и плакать, плакать, плакать...

IX.

Давно нетопленный пустой никольскій домъ, снова ожилъ, но не ожило то, что жило въ немъ. Мамаши уже не было, и мы одни были другъ противъ друга. Но теперь, намъ не только не нужно было одиночество, оно уже стѣсняло насъ. Зима прошла, тѣмъ хуже для меня, что я была больна и оправилась только послѣ родовъ втораго моего сына. Отношенія наши съ мужемъ продолжали быть тѣже холодно-дружелюбныя, какъ и во время нашей городской жизни, но въ деревнѣ каждая половина, каждая стѣна, диванъ, напоминали мнѣ то, чѣмъ онъ былъ для меня, и то, что я утратила. Какъ будто непрощенная обида была между нами, какъ будто онъ наказывалъ меня за что-то и дѣлалъ видъ, что самъ того не замѣчаетъ. Просить прощенія было не за что, просить помилованія не отчего: онъ наказывалъ меня только тѣмъ, что не отдавалъ мнѣ всего себя, всей своей души какъ прежде; но и никому и ничему онъ не отдавалъ ее, какъ будто у него ея уже не было. Иногда мнѣ приходило въ голову, что онъ притворяется только такимъ, чтобы мучить меня, а что въ немъ еще живо прежнее чувство, и я старалась вызвать его. Но онъ всякій разъ какъ будто избѣгалъ откровенности, какъ будто подозрѣвалъ меня въ притворствѣ и боялся какъ смѣшнаго, всякой чувствительности. Взглядъ и тонъ его говорили: все знаю, все знаю, нечего говорить, все, что ты хочешь сказать, и то знаю. Знаю и то, что ты скажешь одно, а сдѣлаешь другое. Сначала я оскорблялась этимъ страхомъ передъ откровенностію, но потомъ привыкла къ мысли о томъ, что это не неоткровенность, а отсутствіе потребности въ откровенности. У меня языкъ не повернулся бы теперь вдругъ сказать ему, что я люблю его, или попросить его прочесть молитвы со мной или позвать его слушать, какъ я играю. Между нами чувствовались уже извѣстныя условія при-

личія. Мы жили каждый порознь. Онъ съ своими занятіями, въ которыхъ мнѣ не нужно было и не хотѣлось теперь участвовать, а съ своею праздностію, которая не оскорбляла и не печалила его какъ прежде. Дѣти еще были слишкомъ малы и не могли еще соединить насъ.

Но пришла весна. Катя съ Соней пріѣхали на лѣто въ деревню, домъ нашъ въ Никольскомъ стали перестраивать. мы переѣхали въ Покровское. Тотъ же былъ старый покровскій домъ съ своею террасой, съ сдвижнымъ столомъ и фортепіаноми. въ свѣтлой залѣ, и моею бывшею комнатою съ бѣлыми занавѣсками и монми, какъ будто забытыми тамъ, дѣвичьи мечтами. Въ этой комнатѣ были двѣ кровати, одна бывшая моя, въ которой я по вечерамъ крестила раскидавагося пухлаго Кокошу, а другая маленькая, въ которой изъ пеленокъ выглядывало личико Вани. Перекрестивъ ихъ, я часто останавливалась посерединѣ тихой комнаты, и вдругъ изъ всѣхъ угловъ отъ стѣнъ, отъ занавѣсокъ поднимались старыя, забытыя, молодыя видѣнія. Начинали пѣть старые голоса дѣвическія пѣсни. И гдѣ эти видѣнія? гдѣ эти милыя, сладкія пѣсни? Сбылось все то, чего я едва смѣла надѣяться. Неясныя сливающіяся мечты стали дѣйствительностію; а дѣйствительность стала тяжелою, трудною и безрадостною жизнію. А все то же: тотъ же садъ виденъ въ огно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка. вонъ тамъ надъ оврагомъ тѣ же соловьиныя пѣсни несутся отъ пруда, тѣ же сирени во всемъ цвѣту, и тотъ же мѣсяцъ стоитъ надъ домомъ; а все такъ страшно, такъ невозможно измѣнилось! Такъ холодно все то, что могло быть такъ дорого и близко! Такъ же какъ и въ старину мы тихо вдвоемъ, сидя въ гостиной, говоримъ съ Катей, и говоримъ о немъ. Но Катя сморщилась, пожелтѣла, глаза ея не блестятъ радостію и надеждою, а выражаютъ сочувствующую грусть и сожалѣніе. Мы не восхищаемся имъ по старому, мы судимъ его, мы не удивляемся, зачѣмъ и за что мы такъ счастливы, и не по старому, всему свѣту хотимъ рассказать то, что мы думаемъ; мы какъ заговорщицы, шепчемъ другъ съ другомъ, и сотый разъ спрашиваемъ другъ друга, зачѣмъ все такъ грустно перемѣнилось? И онъ все тотъ же, только глубже морщина между его бровей, больше сѣдыхъ волосъ въ его вискахъ, но глубокій внимательный взглядъ постоянно завлоченъ отъ меня тучей. Все та же и я, по нѣтъ во мнѣ ни любви, ни желанія любви. Нѣтъ потребности труда, нѣтъ довольства собой. И такъ далеки и невозможны мнѣ кажутся прежніе релігіозные восторги и прежняя любовь къ нему, прежняя полнота жизни. Я не поняла бы теперь того, что прежде мнѣ казалось такъ ясно и справедливо: счастье жить для другаго. Зачѣмъ для другаго? когда и для себя жить не хочется?

Я совершенно бросила музыку съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ переѣхала въ Петербургъ; но теперь старое фортепіано, старыя ноты снова пріохотили меня.

Одинъ день мнѣ не здоровилось, я осталась одна дома: Катя и Соня поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ Никольское, смотрѣть новую постройку. Чайный столъ былъ накрытъ, я сошла внизъ и ожидая ихъ, сѣла за фортепіано. Я открыла сонату quasi una fantasia, и стала играть ее. Никого невидно и неслышно было, окна были открыты въ садъ; и знакомые, грустно торжественные звуки раздавались въ комнатѣ. Я кончила первую часть и совершенно безсознательно, по старой привычкѣ, оглянулась въ тотъ уголъ, въ которомъ онъ сживалъ бывало, слушая меня. Но его не было; стулъ, давно не сдвинутый, стоялъ въ своемъ углу; а въ огно видѣлся кустъ сирени, на свѣтломъ закатѣ, и свѣжесть вечера вливалась въ открытыя окна. Я облокотилась на фортепіано, обѣими руками закрыла лицо и задумалась. Я долго сидѣла такъ, съ болью вспоминая старое, невозвратимое, и робко придумывая новое. Но впереди какъ будто уже ничего не было, какъ будто я ничего не желала и не надѣялась. Неужели я отжила! подумала я, съ ужасомъ приподняла голову, и чтобы забыть и не думать, опять стала играть и все то же *andante*. Боже мой! подумала я, прости меня, ежели я виновата, или возврати мнѣ все, что было такъ прекрасно въ моей душѣ, пли научи, что мнѣ дѣлать? какъ мнѣ жить теперь? Шумъ колесъ послышался по травѣ и передъ крыльцомъ, и на террасѣ послышались осторожные, знакомые шаги и затихли. Но уже не прежнее чувство отозвалось на звукъ этихъ знакомыхъ шаговъ. Когда я окончила, шаги послышались за мною, и рука легла на мое плечо.

— Какая ты умница, что сыграла эту сонату, сказалъ онъ.

Я молчала.

— Ты не пила чай.

Я отрицательно покачала головой и не оглядывалась на него, чтобы не выдать слѣдовъ волненія, оставшихся на моемъ лицѣ.

— Они сейчасъ пріѣдутъ; лошадь зашалаила, и онѣ сошли пѣшкомъ отъ большой дороги, сказалъ онъ.

— Подождемъ ихъ, сказала я, и вышла на террасу, надѣясь, что и онъ пойдетъ за мною; но онъ спросилъ про дѣтей и пошелъ къ нимъ. Опять его присутствіе, его простой добрый голосъ разувѣрилъ меня въ томъ, что что-то утрачено мною. Чего же еще желать? Онъ добръ, кротокъ, онъ хорошій мужъ, хорошій отецъ, я сама не знаю, чего еще не достаетъ мнѣ. Я вышла на балконъ и сѣла подъ полотно террасы, на ту самую скамейку, на которой я сидѣла въ день нашего объясненія. Уже солнце зашло, начинало смеркаться, и весенняя темная тучка висѣла надъ домомъ и садомъ, только изъ-за деревьевъ видѣлся чистый край неба съ потухавшею зарей и только-что вспыхнувшей вечернею звѣздочкой. Надо всѣмъ стояла тѣнь легкой тучки, и все ждало тихаго весенняго дождика. Вѣтеръ замеръ, ни одинъ листъ, ни одна

травка не шевелилась, запах сирени и черемухи, такъ сильно какъ будто весь воздухъ цвѣлъ, стоялъ въ саду и на террасѣ, и наплывами, то вдругъ ослабѣвалъ, то усиливался, такъ что хотѣлось закрыть глаза и ничего не видѣть, не слышать, кромѣ этого сладкаго запаха. Георгины и кусты розановъ еще безъ цвѣта, неподвижно вытянувшись на своей вскопанной черной рабatkѣ, какъ будто медленно росли вверхъ по своимъ бѣлымъ обструганнымъ подетавкамъ; лягушки изо всѣхъ силъ, какъ будто напоследкахъ передъ дождемъ, который ихъ загонитъ въ воду, дружно и пронзительно трещали изъ-подъ оврага. Одинъ какой-то тонкій непрерывный водяной звукъ стоялъ надъ этимъ крикомъ. Соловьи перекликались въ перемежку, и слышно было какъ тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто. Опять нынѣшнюю весну одинъ соловей пытался поселиться въ кустѣ подъ окномъ, и когда я вышла, слышала, какъ онъ перемѣстился за аллею и оттуда щельнулъ одинъ разъ и затихъ, тоже ожидая.

Напрасно я себя успокоивала, и я ждала и жалѣла чего-то.

Онъ вернулся сверху и сѣлъ подлѣ меня.

— Кажется, помочь нашихъ, сказалъ онъ.

— Да, проговорила я, и мы оба долго молчали.

А туча безъ вѣтра все опускалась ниже и ниже; все становилось тише, пахучѣе и неподвижнѣе, и вдругъ капля упала и какъ будто подпрыгнула на парусинномъ навѣсѣ террасы, другая разбѣлалась на щебнѣ дорожки; по долуху плеснуло, и закапалъ крупный, свѣжій, успѣвающійся дождикъ. Соловьи и лягушки совсѣмъ затихли, только тонкій водяной звукъ, хотя и базался дальше изъ-за дождя, но все стоялъ въ воздухѣ, и какая-то птица, должно быть забившись въ сухіе листья, недалеко отъ террасы, равномерно выводила свои двѣ однообразныя ноты. Онъ всталъ и хотѣлъ уйти.

— Куда ты? спросила я, удерживая его. — Здѣсь такъ хорошо.

— Послать зонтикъ и калоши надо, отвѣчалъ онъ.

— Не пужи, сейчасъ пройдетъ.

Онъ согласился со мной, и мы вмѣстѣ остались у перилъ террасы. Я оперлась рукою на склизкую покрыву перекладину и выставила голову. Свѣжій дождикъ нервно пропитъ мнѣ волосы и шею. Тучка свѣтлѣя и рѣдѣя проливалась надъ нами; ровный звукъ дождя замѣнился рѣдкими каплями, падавшими сверху и съ задержкою. Опять внизу затрещали лягушки, опять встрепенулась соловей, и изъ мокрыхъ кустовъ стали отзываться то съ этой, то съ другой стороны. Все прояснилось передъ нами.

— Какъ хорошо! проговорила я, присаживаясь на перила и рукою проводя по моимъ мокрымъ волосамъ.

Эта простая ласка, какъ упрекъ, подѣйствовала на меня, мнѣ захотѣлось плакать.

— И чего еще нужно человѣку? сказалъ онъ. — Я теперь такъ доволенъ, что мнѣ ничего не нужно, совершенно счастливъ!

«Не такъ ты говорилъ мнѣ когда-то про свое счастье, подумала я. Какъ ни велико оно было, ты говорилъ, что все еще и еще чего-то хотѣлось тебѣ. А теперь ты спокоенъ и доволенъ, когда у меня въ душѣ какъ будто невысказанное раскаянье и невыплаканныя слезы.»

— И мнѣ хорошо, сказала я, — но грустно именно отъ того, что все такъ хорошо передо мной. Во мнѣ такъ не связно, неполно, все хочется чего-то; а тутъ такъ прекрасно и спокойно. Неужели и у тебя не примѣшивается какая-то тоска къ наслажденію природой, какъ будто хочется чего-то прошедшаго?

Онъ принялъ руку съ моей головы и помолчалъ немного.

— Да, прежде и со мной это бывало, особенно весной, сказалъ онъ, какъ будто припоминая. — И я тоже ночи просиживалъ, желая и надѣясь, и хорошія ночи!.. Но тогда все было впереди, а теперь все сзади; теперь съ меня довольно того, что есть, и мнѣ славно, — заключилъ онъ такъ увѣренно небрежно, что какъ мнѣ ни больно было слышать это, мнѣ повѣрилось, что онъ говоритъ правду.

— И ничего тебѣ не хочется? спросила я.

— Ничего невозможнаго, отвѣчалъ онъ, угадывая мое чувство. — Ты вотъ мочишь голову, прибавилъ онъ, какъ ребенка лаская меня, еще разъ проводя рукою по моимъ волосамъ, — ты завидуешь и листьямъ, и травѣ за то, что ихъ мочить дождикъ, тебѣ бы хотѣлось быть и травой, и листьями, и дождикомъ. А я только радуюсь на нихъ, какъ на все на свѣтѣ, что хорошо, молодо и счастливо.

— И не жаль тебѣ ничего прошлаго? продолжала я спрашивать, чувствуя, что все тяжеле и тяжеле становится у меня на сердцѣ.

Онъ задумался и опять замолчалъ. Я видѣла, что онъ хотѣлъ отвѣтить совершенно искренно.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ коротко.

— Неправда! неправда! заговорила я, оборачиваясь къ нему и глядя въ его глаза. — Ты не жалѣешь прошлаго?

— Нѣтъ! повторилъ онъ еще разъ, — я благодаренъ за него, но не жалѣю прошлаго.

— Но развѣ ты не желалъ бы воротить его? сказала я.

Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ садъ.

— Не желаю, какъ не желаю того, чтобы у меня выросли крылья, сказалъ онъ. — Нельзя!

— И не сожалѣешь ты прошедшаго? не упрекаешь себя или меня?

— Никогда! Все было къ лучшему.

— Послушай! сказала я, дотрогиваясь до его руки, чтобы онъ оглянулся на меня. — Послушай, отчего ты никогда не сказалъ мнѣ, что ты хочешь, чтобы я жила именно такъ, какъ ты хотѣлъ, чтобы ты давалъ мнѣ волю, которою я не умѣла пользоваться, зачѣмъ ты пересталъ учить меня? Если бы ты хотѣлъ, если бы ты ипаче велъ

меня, ничего, ничего бы не было, сказала я голо-
сомъ, въ которомъ сильнѣй и сильнѣй выражалась
холодная досада и упрекъ, а не прежняя любовь.

— Чего бы не было? сказалъ онъ удивленно,
оборачиваясь ко мнѣ: — и такъ ничего нѣтъ. Все
хорошо. Очень хорошо, прибавилъ онъ улыбаясь.

«Неужели онъ не понимаетъ, или еще хуже, не
хочетъ понимать,» подумала я, и слезы выступили
мнѣ на глаза. — Не было бы того, что ничѣмъ не
виноватая передъ тобой, я наказана твоимъ равно-
душіемъ, презрѣніемъ даже, вдругъ высказалась я. —
Не было бы того, что безъ всякой моей вины, ты
вдругъ отнялъ у меня все, что мнѣ было дорого.

— Что ты, душа моя! сказалъ онъ, какъ бы не
понимая того, что я говорила.

— Нѣтъ, дай мнѣ договорить: — Ты отнялъ отъ
меня свое довѣріе, любовь, уваженіе даже; потому
что я не повѣрю, что ты меня любишь теперь,
послѣ того, что было прежде. Нѣтъ, мнѣ надо
сразу высказать все, что давно мучитъ меня, опять
перебила я его. — Развѣ я виновата въ томъ, что
не знала жизни, а ты меня оставилъ одну отыски-
вать... Развѣ я виновата, что теперь, когда я сама
поняла то, что нужно, когда я, скоро годъ, бьюсь,
чтобы вернуться къ тебѣ, ты отталкиваешь меня,
какъ будто не понимая, чего я хочу, и все такъ,
что ни въ чемъ нельзя упрекнуть тебя, а что я и
виновата и несчастна! Да, ты хочешь опять вы-
бросить меня въ ту жизнь, которая могла сдѣлать
мое и твое несчастіе.

— Да чѣмъ же я показалъ тебѣ это? съ искрен-
нымъ испугомъ и удивленіемъ спросилъ онъ.

— Не ты ли еще вчера говорилъ, да и безпре-
станно говоришь, что я не уживу здѣсь, и что
намъ опять на зиму надо ѣхать въ Петербургъ,
который ненавистенъ мнѣ? продолжала я. — Чѣмъ
бы поддержать меня, ты избѣгаешь всякой откро-
венности, всякаго искренняго, нѣжнаго слова со
мною. И потомъ, когда я паду совсѣмъ, ты бу-
дешь упрекать меня и радоваться на мое паденіе.

— Поймай, поймай, сказалъ онъ строго и хо-
лодно, — это не хорошо, что ты говоришь теперь.
Это только доказываетъ, что ты дурно распола-
жена противъ меня, что ты не...

— Что я не люблю тебя? говори! говори! до-
сказала я, и слезы полились у меня изъ глазъ. Я
сѣла на скамейку и закрыла платкомъ лицо.

«Вотъ какъ онъ понялъ меня!» думала я, ста-
раясь удерживать рыданія, давившія меня. «Кон-
чена, кончена наша прежняя любовь», говорилъ
какой-то голосъ въ моемъ сердцѣ. Онъ не подо-
шелъ ко мнѣ, не утѣшилъ меня. Онъ былъ оскор-
бленъ тѣмъ, что я сказала. Голосъ его былъ спо-
коенъ и сухъ.

— Не знаю, въ чемъ ты упрекаешь меня, на-
чалъ онъ, — ежели въ томъ, что я уже не такъ
любилъ тебя, какъ прежде....

— Любилъ! проговорила я въ платокъ, и горь-
кія слезы еще обильнѣе полились на него.

— То въ этомъ виновато время и мы сами. Въ

каждой порѣ есть своя любовь... Онъ помолчалъ. —
И сказать тебѣ всю правду? ежели уже ты хочешь
откровенности. Какъ въ тотъ годъ, когда я только
узналъ тебя, я ночи проводилъ безъ сна, думая о
тебѣ, и дѣлалъ самъ свою любовь, и любовь эта
расла и расла въ моемъ сердцѣ, такъ точно и въ
Петербургѣ и заграницей, я не спалъ ужасныя
ночи и разламывалъ, разрушалъ эту любовь, кото-
рая мучила меня. Я не разрушилъ ея; а разру-
шилъ только то, что мучило меня, успокоился, и
все-таки люблю, но другою любовью.

— Да ты называешь это любовью, а это мука,
проговорила я, — зачѣмъ ты мнѣ позволилъ жить
въ свѣтѣ, ежели онъ такъ вреденъ тебѣ казался,
что ты меня разлюбилъ за него?

— Не свѣтъ, мой другъ, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ не употребилъ ты свою власть, про-
должала я, — не связалъ, не убилъ меня? Мнѣ бы
лучше было теперь, чѣмъ лишиться всего, что со-
ставляло мое счастье, мнѣ бы хорошо, не стыдно
было.

Я опять зарыдала и закрыла лицо.

Въ это время Катя съ Соней, веселая и мокрая,
съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ вошли на тер-
расу; но увидавъ насъ, затихли и тотчасъ же
вышли.

Мы долго молчали, когда онъ ушелъ; я выплакала
свои слезы, и мнѣ стало легче. Я взглянула на
него. Онъ сидѣлъ, облокотивъ голову на руку, и
хотѣлъ что-то сказать въ отвѣтъ на мой взглядъ,
но только тяжело вздохнулъ и опять облокотился.

Я подошла къ нему и отвела его руку. Взглядъ
его задумчиво обратился на меня.

— Да, заговорилъ онъ какъ будто продолжая
свои мысли. — Всѣмъ намъ, а особенно вамъ, жен-
щинамъ, надо прожить самимъ весь вздоръ жизни,
для того, чтобы вернуться къ самой жизни; а дру-
гому вѣрить нельзя. Ты еще далеко не прожила
тогда этотъ прелестный и милый вздоръ, на кото-
рый я любовался въ тебѣ; и я оставлялъ тебѣ
выживать его и чувствовалъ, что не имѣлъ права
стѣснять тебя, хотя для меня уже давно прошло
время.

— Зачѣмъ же ты проживалъ со мною и давалъ
мнѣ проживать этотъ вздоръ, ежели ты любишь
меня? сказала я.

— Затѣмъ, что ты и хотѣла бы, но не могла
бы повѣрить мнѣ; ты сама должна была узнать,
и узнала.

— Ты разсуждалъ, ты разсуждалъ много, ска-
зала я. — Ты мало любилъ.

Мы опять помолчали.

— Это жестоко, что ты сейчасъ сказала, но это
правда, проговорилъ онъ, вдругъ приподнимаясь
и начиная ходить по террасѣ, — да, это правда. Я
виноватъ былъ! прибавилъ онъ, останавливаясь
противъ меня. — Или я не долженъ былъ вовсе
позволить себѣ любить тебя, или любить проще да.

— Забудемъ все, сказала я робко.

— Нѣтъ, что прошло, то ужъ не воротится,

никогда не воротись, и голосъ его смягчился. когда онъ говорилъ это.

— Все вернулось уже, сказала я. на плечо кладя ему руку.

Онъ отвелъ мою руку и пожалъ ее.

— Нѣтъ, я не правду говорилъ, что не жалѣю прошлаго; нѣтъ, я жалѣю, я плачу о той прошедшей любви, которой ужъ нѣтъ и не можетъ быть больше. Кто виноватъ въ этомъ? не знаю. Осталась любовь, но не та, осталось ея мѣсто, но она вся выболѣла, нѣтъ ужъ въ ней силы и сочности. остались воспоминанія и благодарности; но...

— Не говори такъ... перебила я.—Опять пусть будетъ все, какъ прежде... Вѣдь можетъ быть? да? спросила я, глядя въ его глаза. Но глаза его были ясны, спокойны и не глубоко смотрѣли въ мои.

Въ то время, какъ я говорила, я чувствовала уже, что невозможно то, чего я желала, и о чемъ просила его. Онъ улыбнулся спокойною, кроткою, какъ мнѣ показалось, старческою улыбкой.

— Какъ еще ты молода, а какъ я старъ, сказалъ онъ.—Во мнѣ уже нѣтъ того, чего ты ищешь; зачѣмъ обманывать себя? прибавилъ онъ, продолжая также улыбаться.

Я молча стала подлѣ него, и на душѣ у меня стало спокойно.

— Не будемъ стараться повторять жизнь, продолжалъ онъ, — не будемъ лгать сами передъ собою. А что нѣтъ старыхъ тревогъ и волненій, и слава Богу! Намъ нечего искать и волноваться. Мы ужъ нашли, и на нашу долю выпало довольно счастья. Теперь намъ ужъ нужно стараться и давать дорогу вотъ кому, сказалъ онъ, указывая на кормилицу, которая съ Ваней подошла и остановилась у дверей террасы.—Такъ-то милый другъ, заключилъ онъ, пригибая къ себѣ мою голову и цѣлуя ее. Не любовникъ, а старый другъ цѣловалъ меня.

А изъ саду все сильнѣй и слаще поднималась пахучая свѣжесть ночи, все торжественнѣе становились звуки и тишина, и на небѣ чаще зажигались звѣзды. Я посмотрѣла на него, и мнѣ вдругъ

стало легко на душѣ; какъ будто отняли у меня тотъ больной нравственный нервъ, который заставлялъ страдать меня. Я вдругъ ясно и спокойно поняла, что чувство того времени невосвратимо прошло, какъ и самое время, и что возвратить его теперь не только невозможно, но тяжело и стѣснительно бы было. Да и полно, такъ ли хорошо было это время, которое казалось мнѣ такимъ счастливымъ? И такъ давно, давно уже все это было!..

— Однако пора чай пить! сказалъ онъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли въ гостиную. Въ дверяхъ мнѣ опять встрѣтилась кормилица съ Ваней. Я взяла на руки ребенка, закрыла его оголившіяся красныя ножонки, прижала его къ себѣ, и, чуть прикасаясь губами, поцѣловала его. Онъ какъ во снѣ зашевелилъ ручонкою съ растопыренными, сморщенными пальцами, и открылъ мутныя глазенки, какъ будто отыскивая или вспоминая что-то; вдругъ эти глазенки остановились на мнѣ, искра мысли блеснула въ нихъ, пухлыя, оттопыренные губки стали собираться и открылись въ улыбку. «Мой, мой, мой!» подумала я съ счастливымъ наслажденіемъ во всѣхъ членахъ, прижимая его къ груди и съ трудомъ удерживаясь отъ того, чтобы не сдѣлать ему больно. И я стала цѣловать его холодныя ножонки, животикъ, руки и чуть обросшую волосами головку. Мужъ подошелъ ко мнѣ, я быстро закрыла лицо ребенка и опять открыла его.

— Иванъ Сергѣичъ! проговорилъ мужъ, пальцемъ трогая его подъ подбородочекъ. Но я опять быстро закрыла Ивана Сергѣича. Никто кромѣ меня не долженъ былъ долго смотрѣть на него. Я взглянула на мужа, глаза его смѣялись глядя въ мои, и мнѣ въ первый разъ послѣ долгаго времени легко и радостно было смотрѣть въ нихъ.

Съ этого дня кончился мой романъ съ мужемъ; старое чувство стало дорогимъ, невосвратимымъ воспоминаніемъ, а новое чувство любви къ дѣтямъ и къ отцу моихъ дѣтей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила въ настоящую минуту...

КАЗАКИ

КАВКАЗСКАЯ ПОВѢСТЬ

1852 ГОДА.

КАЗАКИ

КАВКАЗСКАЯ ПОВѢСТЬ

1852 ГОДА.

I.

Все затихло въ Москвѣ. Рѣдко, рѣдко гдѣ слышится визгъ колесъ по зимней улицѣ. Въ окнахъ огней уже нѣтъ, и фонари потухли. Отъ церквей разносятся звуки колоколовъ, и колыхаясь надъ спящимъ городомъ, напоминаютъ объ утрѣ. На улицахъ пусто. Рѣдко гдѣ промѣсится узкими полозьями песокъ съ снѣгомъ ночной извозчикъ, и перебравшись на другой уголъ, заснетъ дожидаясь сѣдока. Пройдетъ старушка въ церковь, гдѣ ужъ, отражаясь на золотыхъ окладахъ, красно и рѣдко горятъ не симметрично разставленные восковые свѣчи. Рабочій народъ ужъ поднимается послѣ долгой зимней ночи, и идетъ на работы.

А у господъ еще вечеръ.

Въ одномъ изъ оконъ Шевалье, изъ-подъ затворенной ставни, противузаконно свѣтится огонь. У подъѣзда стоятъ карета, сани и извозники, стѣснившись задками. Почтовая тройка стоитъ тутъ же. Дворникъ, закутавшись и сжавшись, точно прячется за уголъ дома.

«И чего переливаютъ изъ пустаго въ порожнее?» думаетъ лакей, съ осунувшимся лицомъ, сидя въ передней. «И все на мое дожурство!» Изъ сосѣдней свѣтлой комнатки слышатся голоса трехъ ужинающихъ молодыхъ людей. Они сидятъ въ комнатѣ около стола, на которомъ стоятъ остатки ужина и вина. Одинъ, маленькій, чистенькій, худой и дурной, сидитъ и смотритъ на отъѣзжающаго добрыми, усталыми глазами. Другой, высокій, лежитъ подлѣ уставленнаго пустыми бутылками стола, и играетъ ключикомъ часовъ. Третій, въ новенькомъ полушубкѣ, ходитъ по комнатѣ, и изрѣдка останавливаясь, щелкаетъ миндаль въ довольно толстыхъ и сильныхъ, но съ отчищенными ногтями пальцахъ, и все чему-то улыбается; глаза и лицо его горятъ. Онъ говоритъ съ жаромъ и съ жестами; но видно, что онъ не находитъ словъ, и всѣ слова, которыя ему приходятъ, кажутся недоста-

точными чтобы выразить все что подступило ему къ сердцу. Онъ безпрестанно улыбается.

— Теперь можно все сказать! говорить отъѣзжающій. — Я не то что оправдываюсь, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты по крайней мѣрѣ понялъ меня какъ я себя понимаю, а не такъ какъ пошлость смотреть на это дѣло. Ты говоришь, что я виновать передъ ней, — обращается онъ къ тому, который добрыми глазами смотритъ на него.

— Да, виновать, отвѣчаетъ маленький и дурной, и кажется, что еще больше доброты и усталости выражается въ его взглядѣ.

— Я знаю, отчего ты это говоришь, продолжаетъ отъѣзжающій. — Быть любимымъ, по твоему, такое же счастье какъ любить, и довольно на всю жизнь, если разъ достигъ его.

— Да, очень довольно, душа моя! Больше чѣмъ нужно, подтверждаетъ маленький и дурной, открывая и закрывая глаза.

— Но отчего жъ не любить и самому! говоритъ отъѣзжающій, задумывается, и какъ будто съ сожалѣніемъ смотритъ на пріятеля. — Отчего не любить? Не любитъ. Нѣтъ, любимымъ быть несчастье, несчастье, когда чувствуешь, что виновать, потому что не даешь того же и не можешь дать. Ахъ, Боже мой! — Онъ махнулъ рукой. — Вѣдь еслибы это все дѣлалось разумно, а то на выворотъ, какъ-то не по нашему, а по своему все это дѣлается. Вѣдь я какъ будто укралъ это чувство. И ты такъ думаешь; не отказывайся, ты долженъ это думать. А повѣришь ли, изъ всѣхъ глупостей и гадостей, которыхъ я много успѣлъ надѣлать въ жизни, это одна, въ которой я не раскаиваюсь и не могу раскаиваться. Ни сначала, ни послѣ, я не лгалъ ни передъ собой, ни передъ нею. Мнѣ казалось, что наконецъ-то вотъ я полюбилъ, а потомъ увидаль, что это была невольная ложь, что такъ любить нельзя, и не могъ идти далѣе; а она пошла. Развѣ я виновать въ томъ, что не могъ. Что же мнѣ было дѣлать?

— Ну, да теперь кончено! сказалъ пріятель, закуривая сигару, чтобы разогнать сонъ. — Одно только: ты еще не любилъ, и не знаешь что такое любить.

Тотъ, который былъ въ полушубкѣ, хотѣлъ опять сказать что-то, и схватилъ себя за голову. Но не высказывалось то что онъ хотѣлъ сказать.

— Не любилъ! Да, правда, не любилъ. Да есть же во мнѣ желаніе любить, сильнѣе котораго нельзя имѣть желанья! Да опять, и есть ли такая любовь? Все остается что-то недоконченное. Ну, да что говорить! Напуталъ, напуталъ я себя въ жизни. Но теперь все кончено, ты правъ. И я чувствую, что начинается новая жизнь.

— Въ которой ты опять напутаешь, сказалъ лежавшій на диванѣ и правшій ключикомъ часовъ; но отъѣзжающій не слышалъ его.

— Мнѣ и грустно, и радъ я что ѣду, продолжалъ онъ. — Отчего грустно? Я не знаю.

И отъѣзжающій сталъ говорить объ одномъ себѣ, не замѣчая того, что другимъ не было это такъ интересно какъ ему. Человѣкъ никогда не бываетъ такимъ эгоистомъ, какъ въ минуту душевнаго восторга. Ему кажется, что нѣтъ на свѣтѣ, въ эту минуту ничего прекраснѣе и интереснѣе его самого.

— Дмитрій Андреевичъ, ямщикъ ждать не хочетъ! сказалъ вошедшій молодой дворовый чело-вѣкъ въ шубѣ и обвязанный шарфомъ. — Съ двѣнадцатаго часа лошади, а теперь четыре.

Дмитрій Андреевичъ посмотрѣлъ на своего Ванюшу. Въ его обвязанномъ шарфѣ, въ его вале-ныхъ сапогахъ, въ его заспанномъ лицѣ, ему по-слышался голосъ другой жизни призывавшей его. — жизни трудовъ, лишеній, дѣятельности.

— И въ самомъ дѣлѣ, прощай! сказалъ онъ, нища на себя не застегнутаго крючка.

Не смотря на совѣты • дать еще на водку ям-щику, онъ надѣлъ шапку и сталъ по серединѣ комнаты. Они разцѣлювались разъ, два раза, остано-вились и потомъ поцѣлювались третій разъ. Тотъ, который былъ въ полушубкѣ, подошелъ къ столу, выпилъ стоявшій на столѣ бокаль, взялъ за руку маленькаго и дурнаго, и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, все-таки скажу... Надо и можно быть откровеннымъ съ тобой, потому что я тебя люблю... Ты вѣдь любишь ее? Я всегда это думалъ... да?

— Да, отвѣчалъ пріятель, еще кротче улыбаясь.

— И можетъ-быть...

— Пожалуйте, свѣчи тушить приказано, сказалъ заспанный лакей, слушавшій послѣдній разговоръ и соображавшій, почему это господа всегда говорятъ все одно и то же. — Счетъ за кѣмъ записать при-кажете? За вами-съ? прибавилъ онъ обращаясь къ высокому, впередъ зная къ кому обратиться.

— За мной, сказалъ высокий. — Сколько?

— Двадцать шесть рублей.

Высокій задумался на мгновенье, но ничего не сказалъ, и положилъ счетъ въ карманъ.

А у двухъ разговаривающихъ шло свое.

— Прощай, ты отличный малый! сказалъ гос-подинъ маленькій и дурной съ кроткими глазами.

Слезы навернулись на глаза обоимъ. Они вышли на крыльцо.

— Ахъ, да! сказалъ отъѣзжающій, краснѣя и обращаясь къ высокому: — счетъ Шевалье ты устроишь, и тогда напиши мнѣ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ высокий, надѣвая перчатки. — Какъ я тебя завидую! прибавилъ онъ совершенно неожиданно, когда они вышли на крыльцо.

Отъѣзжающій сѣлъ въ сани, закутался въ шубу и сказалъ: «Ну что жъ! поѣдемъ,» и даже подвинулся въ санихъ, чтобы дать мѣсто тому, который сказалъ, что ему завидуетъ; голосъ его дрожалъ.

Провожавшій сказалъ: — Прощай Митя, дай тебѣ Богъ... — Онъ ничего не желалъ, кромѣ только того, чтобы тотъ уѣхалъ поскорѣе, и потому не могъ договорить чего онъ желалъ.

Они помолчали. Еще разъ, сказалъ кто-то: «про-щай.» Кто-то сказалъ: «пошелъ!» И ямщикъ тронулся.

— Елизаръ, подавай! крикнулъ одинъ изъ про-вожавшихъ.

Извозники и кучеръ зашевелились, зачмокали и задержали вожжами. Замерзшая карета завизжала по снѣгу.

— Славный малый этотъ Оленинъ, сказалъ одинъ изъ провожавшихъ. — Но что за охота ѣхать на Кавказъ и юнкеромъ? Я бы полтинника не взялъ. Ты будешь завтра обѣдать въ клубѣ?

— Буду.

И провожавшіе разъѣхались.

Отъѣзжавшему казалось тепло, жарко отъ шубы. Онъ сѣлъ на дно саней, распахнулся, и ямская взъерошенная тройка потащила изъ темной улицы въ улицу мимо какихъ-то не виданныхъ имъ до-мовъ. Оленину казалось, что только отъѣзжающіе ѣздить по этимъ улицамъ. Кругомъ было темно, безмолвно, уныло, а въ душѣ было такъ полно вос-поминаній, любви, сожалѣній и пріятныхъ давив-шихъ слезъ...

• II.

«Люблю! Очень люблю! Славные! Хорошо!» твер-дилъ онъ, и ему хотѣлось плакать. Но отчего ему хотѣлось плакать? Кто были славные? кого онъ очень любилъ? Онъ не зналъ хорошенько. Иногда онъ вглядывался въ какой-нибудь домъ и удивлял-ся, зачѣмъ онъ такъ странно выстроенъ; иногда удивлялся, зачѣмъ ямщикъ и Ванюша, которые такъ чужды ему, заходятся такъ близко отъ него, и вмѣстѣ съ нимъ трясутся и покачиваются отъ по-рыва пристяжныхъ, натягивающихъ мерзлыя по-стромки, и снова говорилъ: «Славные, люблю,» и разъ даже сказалъ: «Какъ хватить! Отлично!» И самъ удивился, къ чему онъ это сказалъ, и спро-силъ себя: «Ужъ не пьянъ ли я?» Правда, онъ вы-

пилъ на свою долю бутылки двѣ вина, но не одно вино производило это дѣйствіе на Оленина. Ему вспоминались всѣ задѣшвенія, какъ ему казалось, слова дружбы, стыдливо, какъ будто нечаянно, высказанныя ему передъ отъѣздомъ. Вспоминались пожатія рукъ, взгляды, молчанія, звукъ голоса сказавшаго: *прощай, Митя!* когда онъ уже сидѣлъ въ саняхъ. Вспоминалась своя собственная рѣшительная откровенность. И все это для него имѣло трогательное значеніе. Передъ отъѣздомъ не только друзья, родные, не только равнодушные, но не симпатичные, недоброжелательные люди, всѣ какъ будто вдругъ сговорились сильноѣ полюбить его, простить какъ предъ исповѣдью или смертью. «Можетъ-быть мнѣ не вернуться съ Кавказа,» думалъ онъ. И ему казалось, что онъ любитъ своихъ друзей, и еще любить кого-то. И ему было жалко себя. Но не любовь къ друзьямъ такъ размягчила и подняла его душу, что онъ не удерживалъ бессмысленныхъ словъ, которыя говорились сами собой, — и не любовь къ женщинѣ (онъ никогда еще не любилъ) привела его въ это состояніе. Любовь къ самому себѣ, горячая, полная надеждъ, молодая любовь ко всему что только было хорошаго въ его душѣ (а ему казалось теперь, что только одно хорошее было въ немъ), заставляла его плакать и бормотать несвязныя слова.

Оленинъ былъ юноша нигдѣ не кончившій курса, ни гдѣ не служившій (только числившій въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія, и до двадцати четырехъ лѣтъ не избравшій еще себѣ никакой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то, что называется «молодой человѣкъ» въ московскомъ обществѣ.

Въ восемнадцать лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди сороковыхъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. Но, не признавая ничего, онъ не только не былъ мрачнымъ, скучающимъ и резонирующимъ юношей, а напротивъ увлекался постоянно. Онъ рѣшилъ, что любви нѣтъ, и всякій разъ присутствіе молодой и красивой женщины заставляло его замирать. Онъ давно зналъ, что почести и званіе вздоръ, но чувствовалъ невольное удовольствіе, когда на балѣ подходилъ къ нему князь Сергій и говорилъ ласковыя рѣчи. Но отдавался онъ всѣмъ своимъ увлеченіемъ лишь на столько, на сколько они не связывали его. Какъ только отдавшись одному стремленію, онъ начиналъ чувствовать приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла и возстановить свою свободу. Такъ онъ начиналъ свѣтскую жизнь, службу, хозяйство, музы-

ку, которой одно время думалъ посвятить себя, и даже любовь къ женщинамъ, въ которую онъ не вѣрилъ. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, куда положить всю эту силу молодости, только разъ въ жизни бывающую въ человѣкѣ, — на искусство ли, на науку ли, на любовь ли къ женщинѣ, или на практическую дѣятельность, — не силу ума, сердца, образованія, а тотъ не повторяющійся порывъ, ту на одинъ разъ данную человѣку власть сдѣлать изъ себя все, что онъ хочетъ и какъ ему кажется, и изъ всего міра все, что ему хочется. Правда, бывають люди лишенные этого порыва, которые, сразу входя въ жизнь, надѣвуютъ на себя первый попавшійся комутъ и честно работаютъ въ немъ до конца жизни. Но Оленинъ слишкомъ сознавалъ въ себѣ присутствіе этого всемогущаго бога молодости, эту способность превратиться въ одно желаніе, въ одну мысль, способность захотѣть и сдѣлать, броситься головой внизъ въ бездонную пропасть, не зная за что, не зная зачѣмъ. Онъ носилъ въ себѣ это сознаніе, былъ гордъ имъ и, самъ не зная этого, былъ счастливъ имъ. Онъ любилъ до сихъ поръ только себя одного и не могъ не любить, потому что ждалъ отъ себя одного хорошаго и не успѣлъ еще разочароваться въ самомъ себѣ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то, — что все прежнее было случайно и незначительно, — что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*, — но что теперь съ выѣздомъ его изъ Москвы, начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастье.

Какъ всегда бываетъ въ дальней дорогѣ, на первыхъ двухъ-трехъ станціяхъ воображеніе остается въ томъ мѣстѣ откуда ѣдешь, и потомъ вдругъ, съ первымъ утромъ встрѣченнымъ въ дорогѣ, переносится къ цѣли путешествія, и тамъ уже устроить замки будущаго. Такъ случилось и съ Оленинымъ.

Выѣхавъ за городъ и оглядѣвъ снѣжныя поля, онъ порадовался тому, что онъ одинъ среди этихъ полей, завернулся въ шубу, опустился на дно саней, успокоился, и задремалъ. Прощанье съ пріятелями растрогало его, и ему стала вспоминаться вся послѣдняя зима, проведенная имъ въ Москвѣ, и образы этого прошедшаго, перебиваемые неясными мыслями и упреками, стали непрошенно возникать въ его воображеніи.

Ему вспомнился этотъ провожавшій его пріятель и его отношенія къ дѣвушкѣ, о которой они говорили. Дѣвушка эта была богата. «Какимъ образомъ онъ могъ любить ее, не смотря на то, что она меня любила?» думалъ онъ, и нехорошія подозрѣнія прилипли ему въ голову. «Много есть нечестности въ людяхъ, какъ подумаешь. А отчего жъ я еще не любилъ въ самомъ дѣлѣ?» представился ему вопросъ. «Всѣ говорятъ мнѣ, что я не любилъ. Неужели я нравственный уродъ?» И онъ сталъ вспо-

минать свои увлеченія. Вспомнил онъ первое время своей свѣтской жизни и сестру одного изъ своихъ пріятелей, съ которою онъ проводилъ вечера, за столомъ при лампѣ, освѣщавшей ея тонкіе пальцы за работой и низъ красиваго тонкаго лица, и вспомнились ему эти разговоры, тянувшіеся какъ «живъ-живъ курилка», и общую неловкость, и стѣсненіе, и постоянное чувство возмущенія противъ этой натянутости. Какой-то голосъ все говорилъ: *не то, не то*, и точно вышло не то. Потомъ вспомнился ему балъ и мазурка съ красивою Д. «Какъ я былъ влюбленъ въ эту ночь, какъ былъ счастливъ! И какъ мнѣ больно и досадно было, когда я на другой день утромъ прснулся и почувствовалъ, что я свободенъ! Что же она, любовь, не приходитъ? не вяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ?» думалъ онъ. «Нѣтъ, нѣтъ любви! Сосѣдка барыня, говорившая одинаково мнѣ, и Дубровину, и предводителю, что любить звѣзды, была также *не то*.» И вотъ ему вспоминается его хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ, и опять не на чемъ съ радостію остановиться въ этихъ поспоминаніяхъ. «Долго они будутъ говорить о моемъ отъѣздѣ?» приходитъ ему въ голову. Но кто это они?—онъ не знаетъ, и вслѣдъ за этимъ приходитъ ему мысль, заставляющая его морщиться и произносить неясные звуки: это воспоминаніе о мосье Капельѣ и 678 рубляхъ, которые онъ остался долженъ портному,—и онъ вспоминаетъ слова, которыми онъ упрасивалъ портнаго подождать еще годъ, и выраженіе недоумѣнія и покорности судьбѣ появившееся на лицѣ портнаго. «Ахъ, Боже мой, Боже мой!» повторяетъ онъ шурясь и стараясь отогнать несносную мысль. «Однако она меня несмотря на то любила,» думаетъ онъ о дѣвушкѣ, про которую шла рѣчь при прощаньи. «Да коли я бы на ней женился, у меня бы не было долговъ, а теперь я остался долженъ Васильеву.» И представляется ему послѣдній вечеръ игры съ г. Васильевымъ въ клубѣ, куда онъ поѣхалъ прямо отъ нея, и вспоминаются униженные просьбы играть еще, и его холодные отказы. «Годъ экономіи, и все это будетъ заплачено, и чортъ ихъ возьми...» Но несмотря на эту увѣренность, онъ снова начинаетъ считать оставшіеся долги, ихъ сроки и предполагаемое время уплаты. «А вѣдь я еще остался долженъ Морелю, кромѣ Шевалье,» вспомнилось ему; и представляется вся ночь, въ которой онъ ему задолжалъ столько. Это была попойка съ цыганами, которую затѣяли пріѣзжіе изъ Петербурга. Сашка Б***, флигель-адъютантъ, и князь Д***, и этотъ важный старикъ... «И почему они такъ довольны собою, эти господа, подумалъ онъ, и на какомъ основаніи составляютъ они особый кружокъ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, другимъ очень лестно участвовать. Неужели за то, что они флигель-адъютанты? Вѣдь это ужасно, какими глупыми и подлыми они считаютъ другихъ! Я показалъ имъ на противъ, что нисколько не желаю сближаться съ ними. Однако, я думаю, Андрей управляющій очень былъ бы озадаченъ, что я на *ты* съ такимъ госпо-

диномъ, какъ Сашка Б***, полковникомъ и флигель-адъютантомъ... Да и никто не выпилъ больше меня въ этотъ вечеръ; я выучилъ цыганъ новой пѣсни, и всѣ слушали. Хотя и много глупостей я дѣлалъ, а все-таки я очень, очень хорошій молодой человекъ,» думаетъ онъ.

Утро засгло Оленина на третьей станціи. Онъ напился чаю, переложилъ съ Ванюшей самъ узлы и чемоданы, и усѣлся между ними благоразумно, прямо и аккуратно, зная гдѣ что у него находится,—гдѣ деньги и сколько ихъ, гдѣ видъ, и подорожная, и шоссейная росписка,—и все это ему показалось такъ практично устроено, что стало весело, и дальняя дорога представилась въ видѣ продолжительной прогулки.

Въ продолженіи утра и середины дня, онъ весь былъ погруженъ въ ариметическіе расчеты: сколько онъ проѣхалъ верстъ, сколько остается до первой станціи, сколько до перваго города, до обѣда, до чая, до Ставрополя, и какую часть всей дороги составляетъ проѣханное. При этомъ онъ рассчитывалъ тоже: сколько у него денегъ, сколько останется, сколько нужно для уплаты всѣхъ долговъ, и какую часть всего дохода будетъ онъ проживать въ мѣсяцъ. Къ вечеру, напившись чаю, онъ рассчитывалъ, что до Ставрополя оставалось $\frac{7}{11}$ всей дороги, долговъ оставалось всего на семь мѣсяцевъ экономіи и на $\frac{1}{8}$ всего состоянія,—и, успокоившись, онъ укутался, спустился въ сани, и снова задремалъ. Воображеніе его теперь уже было въ будущемъ, на Кавказѣ. Всѣ мечты о будущемъ соединялись съ образами Амалать-бековъ, черкешеновъ, горъ, обрывовъ, страшныхъ потоковъ и опасностей. Все это представляется смутно, не ясно; но слава, заманивая, и смерть, угрожая, составляютъ интересъ этого будущаго. То съ необычайною храбростію и удивляющею всѣхъ силой онъ убиваетъ и покоряетъ безчисленное множество горцевъ; то онъ самъ горецъ, и съ ними вмѣстѣ отстаиваетъ противъ русскихъ свою независимость. Какъ только представляются подробности, то въ подробностяхъ этихъ участвуютъ старыя московскія лица. Сашка Б*** тутъ вмѣстѣ съ русскими или съ горцами воюетъ противъ него. Даже, неизвѣстно какъ, портной мосье Капель принимаетъ участіе въ торжествѣ побѣдителя. Если при этомъ вспоминаются старыя униженія, слабости, ошибки, то воспоминаніе о нихъ только пріятно. Ясно, что тамъ, среди горъ, потоковъ, черкешеновъ и опасностей, эти ошибки не могутъ повторяться. Уже разъ исповѣдался въ нихъ передъ самимъ собою, и кончено. Есть еще одна, самая дорогая мечта, которая примѣшивалась ко всякой мысли молодаго человека о будущемъ. Это мечта о женщинѣ. И тамъ она, между горъ, представляется воображенію въ видѣ черкешенки-рабыни, съ стройнымъ станомъ, длинною косой и покорными глубокими глазами. Ему представляется въ горахъ уединенная хижина, и у порога она, ожидающаяся его въ то время, какъ онъ усталый, покрытый пылью, кровью, славой, возвращается къ

ней, и ему чудятся ея поцѣлуй, ея плечи, ея сладкій голосъ, ея покорность. Она прелестна, но она необразована, дика, груба. Въ длинныя зимніе вечера, онъ начинаетъ воспитывать ее. Она умна, понятлива, даровита, и быстро усваиваетъ себѣ всѣ необходимыя знанія. Отчего же? Она очень легко можетъ выучить языки, читать произведенія французской литературы, понимать ихъ. *Notre dame de Paris*, напримѣръ, должно ей понравиться. Она можетъ и говорить по-французски. Въ гостини она можетъ имѣть больше природнаго достоинства чѣмъ дама самаго высшаго общества. Она можетъ пѣть, просто, сильно и страстно. «Ахъ, какой вздоръ!» говоритъ онъ самъ себѣ. А тутъ пріѣхали на какую-то станцію, и надо перелѣзть изъ саней въ сани и давать на водку. Но онъ снова ищетъ воображеніемъ того вздора, который онъ оставилъ, и ему представляются опять черкешенки, слава, возвращеніе въ Россію, флигель-адъютантство, прелестная жена. «Но вѣдь любви нѣтъ, говоритъ онъ самъ себѣ. Ночисти-вздоръ. А шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей?.. А завоеванный край, давшій мнѣ больше богатства чѣмъ мнѣ нужно на всю жизнь? Впрочемъ нехорошо будетъ одному воспользоваться этимъ богатствомъ. Нужно раздать его. Кому только? Шестьсотъ семьдесятъ восемь рублей Капелю, а тамъ видно будетъ...» И уже совсѣмъ смутныя видѣнія застилаютъ мысль, и только голосъ Ванюши и чувство прекращеннаго движенія, нарушаютъ здоровый, молодой сонъ, и самъ не помня, перелѣзаетъ онъ въ другія сани на новой станціи, и ѣдетъ далѣе.

На другое утро то же самое, тѣ же станціи, тѣ же чай, тѣ же движущіеся крупы лошадей, тѣ же короткіе разговоры съ Ванюшей, тѣ же неясныя мечты и дремоты по вечерамъ, и усталый, здоровый, молодой сонъ въ продолженіе ночи.

III.

Чѣмъ далѣе уѣзжалъ Оленинъ отъ центра Россіи, тѣмъ далѣе казались отъ него всѣ его воспоминанія, и чѣмъ ближе подѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось ему на душѣ. Уѣхать совсѣмъ, и никогда не пріѣзжать назадъ, не показываться въ общество, приходило ему иногда въ голову. «А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу, — не люди; никто изъ нихъ меня не знаетъ, и никто, никогда, не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ, и узнать о моемъ прошедшемъ. И никто изъ того общества не знаетъ, что я дѣлалъ, живя между этими людьми.» И совершенно новое для него чувство свободы отъ всего прошедшаго охватывало его между этими грубыми существами, которыхъ онъ встрѣчалъ по дорогѣ, и которыхъ не признавалъ людьми наравнѣ съ своими московскими знакомыми. Чѣмъ грубѣе былъ народъ, чѣмъ меньше было признаковъ цивилизаціи, тѣмъ свободнѣе онъ чувствовалъ себя. Ставрополь, чрезъ ко-

торый онъ долженъ былъ проѣзжать, огорчилъ его. Вывѣски, даже французскія вывѣски, дамы въ коляскѣ, извозчики стоявшіе на площади, бульваръ и господинъ въ шинели и шляпѣ, прохвошій по бульвару и оглядывавшій проѣзжихъ, — больно подѣйствовали на него. Можетъ-быть, эти люди знаютъ кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, и ему опять вспомнились клубъ, портной, карты, свѣтъ... Отъ Ставрополя за то все уже пошло удовлетворительно: дико, и сверхъ того красиво и воинственно. И Оленину все становилось веселѣе и веселѣе. Всѣ казаки, ямщики, смотрителя, казались ему простыми существами, съ которыми ему можно было просто шутить, бесѣдовать, не соображая кто къ какому разряду принадлежитъ. Всѣ принадлежали къ роду человѣческому, который былъ весь безсознательно милъ Оленину, и всѣ дружелюбно относились къ нему. Еще въ Землѣ Войска Донскаго перемѣнили сани на телѣгу; а за Ставрополемъ уже стало такъ тепло, что Оленинъ ѣхалъ безъ шубы. Была уже весна, — нежданная, веселая весна для Оленина. Ночью уже не пускали изъ станцій, и вечеромъ говорили что опасно. Ванюша сталъ потрушивать, и ружье заряженное лежало на перекладной. Оленинъ сталъ еще веселѣе. На одной станціи, смотритель разказалъ недавно случившееся, страшное убійство на дорогѣ. Стали встрѣчаться вооруженные люди. «Вотъ оно гдѣ начинается!» говорилъ себѣ Оленинъ и все ждалъ вида снѣговыхъ горъ, про которыя много говорили ему. Одинъ разъ, передъ вечеромъ, нагавецъ ямщикъ плетью указалъ изъ-за тучъ на горы. Оленинъ съ жадностью сталъ вглядываться, но было пасмурно, и облака до половины застилали горы. Оленину видѣлось что-то сѣрое, бѣлое, курчавое, и какъ онъ ни старался, онъ не могъ найти ничего хорошаго въ видѣ горъ, про которыя онъ столько читалъ и слышалъ. Онъ подумалъ, что горы и облака имѣютъ совершенно одинаковый видъ, и что особенная красота снѣговыхъ горъ, о которыхъ ему толковали, есть такая же выдумка какъ музыка Баха и *любовь* къ женщинѣ, въ которыя онъ не вѣрилъ, и онъ пересталъ дожидаться горъ. Но на другой день, рано утромъ, онъ проснулся отъ свѣжести въ своей перекладной, и равнодушно взглянулъ направо. Утро было совершенно ясное. Вдругъ онъ увидалъ, шагахъ въ двадцати отъ себя, какъ ему показалось въ первую минуту, чисто-бѣлыя громады съ ихъ нѣжными очертаніями, и причудливую, отчетливую воздушную линію ихъ вершинъ и далекаго неба. И когда онъ понялъ всю даль между имъ и горами, и небомъ, всю громадность горъ, и когда почувствовалась ему вся безконечность этой красоты, онъ испугался, что это призракъ, сонъ. Онъ встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все тѣ же.

— Что это? Что это такое? спросилъ онъ у ямщика.

— А горы, отвѣчалъ равнодушно Нагавецъ.

— И я тоже давно на нихъ смотрю, сказалъ Ванюша: — вотъ хорошо-то! Дома не повѣрятъ.

На быстромъ движеніи тройки по ровной дорогѣ, горы, казалось бѣжали по горизонту, блестя на восходящемъ солнцѣ своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потомъ обрадовали; но потомъ, больше и больше вглядываясь въ эту, не изъ другихъ черныхъ горъ, но прямо изъ степи, вырастающую и убѣгающую цѣпь снѣговыхъ горъ, онъ мало-по-малу началъ вникать въ эту красоту, и *почувствовалъ* горы. Съ этой минуты все, что только онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли, и не возвращались болѣе. «Теперь началось,» какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы, и народъ, — все это ему казалось теперь уже не шуткой. Взглянетъ на небо, и вспомнитъ горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу, и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чихлахъ равномерно помахиваются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекомъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣвшемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ красивыя, женщины молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила, и молодость, а горы...

IV.

Вся часть Терской линіи, по которой расположены гребенскія станицы, около 80 верстъ длины, носитъ на себѣ одинаковый характеръ, и по мѣстности, и по населенію. Терекъ, отдѣляющій казаковъ отъ горцевъ, течетъ мутно и быстро, но уже широко и спокойно, постоянно нанося сѣроватый песокъ на низкій, заросшій камышомъ, правый берегъ, и подмывая обрывистый, хотя и не высокій, лѣвый берегъ съ его корнями столѣтнихъ дубовъ, гніющихъ чинаръ и молодого подроста. По правому берегу расположены мирныя, но еще безпокойныя аулы; вдоль по лѣвому берегу, въ полуверстѣ отъ воды, на разстояніи семи и восьми верстъ одна отъ другой, расположены станицы. Въ старину большая часть этихъ станицъ были на самомъ берегу; но Терекъ, каждый годъ отклоняясь къ сѣверу отъ горъ, подмылъ ихъ, и теперь видны только густо-заросшія старыя городища, сады, груши, лычи и райны, переплетенныя ежевичникомъ и одичавшимъ виноградникомъ. Никто уже не живетъ тамъ, и только видны по песку слѣды оленей, бирюковъ (*), зайцевъ и фазановъ, полюбившихъ эти мѣста. Отъ станицы до станицы

идетъ дорога, прорубленная въ лѣсу на пушечный выстрѣлъ. По дорогѣ расположены кордоны, въ которыхъ стоятъ казаки; между кордонами, на вышкахъ, находятся часовые. Только узкая, саженой въ триста, полоса лѣсистой плодородной земли, составляетъ владѣнія казаковъ. На сѣверъ отъ нихъ начинаются песчаные буруны Нагайской или Моздокской степи, идущей далеко на сѣверъ и сливающейся, Богъ знаетъ гдѣ, съ Трухменскими, Астраханскими и Киргизъ-Кайсацкими степями. На югъ за Терекомъ—Большая Чечня, Кочкаловскій хребетъ, Черныя горы, еще какой-то хребетъ, и наконецъ снѣжныя горы, которыя только видны, но въ которыхъ никто, никогда, еще не былъ. Въ этой-то плодородной, лѣсистой и богатой растительностью полосѣ, живетъ съ незапамятныхъ временъ воинственное, красивое и богатое, старовѣрское, русское населеніе, называемое гребенскими казаками.

Очень, очень давно предки ихъ, старовѣры, бѣжали изъ Россіи и поселились за Терекомъ, между чеченцами на Гребнѣ, первомъ хребтѣ лѣсистыхъ горъ Большой чечни. Живя между Чеченцами, казаки перероднились съ ними и усвоили себѣ обычаи, образъ жизни и нравы горцевъ; но удержали и тамъ, во всей прежней чистотѣ, русскій языкъ и старую вѣру. Преданіе, еще до сихъ поръ свѣжее между казаками, говоритъ, что царь Иванъ Грозный пріѣзжалъ на Терекъ, вызывалъ съ Гребни къ своему лицу стариковъ, дарилъ имъ землю по сю сторону рѣки, увѣщевалъ жить въ дружбѣ и обѣщалъ не принуждать ихъ ни къ подданству, ни къ перемѣнѣ вѣры. Еще до сихъ подъ казацкіе роды считаются родствомъ съ чеченскими, и любовь къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ составляютъ главныя черты ихъ характера. Вліяніе Россіи выражается только съ невыгодной стороны стѣсненіемъ въ выборахъ, снятіемъ колоколовъ, и войсками, которыя стоятъ и проходятъ тамъ. Казакъ, по влеченію, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы защищать его станицу, но который закурилъ табакомъ его хату. Онъ уважаетъ врага-горца, но презираетъ чужаго для него и угнетателя солдата. Собственно русскій мужикъ для казака есть какое-то чуждое, дикое и презрѣнное существо, котораго обращикъ онъ выдалъ въ заходящихъ торгашахъ и переселенцахъ малороссіянахъ, которыхъ казаки презрительно называютъ шаповалами. Щегольство въ одеждѣ состоитъ въ подраженіи черкесу. Лучшее оружіе добывается отъ горца, лучшія лошади покупаются и крадутся у нихъ же. Молодецъ казакъ щеголяетъ знаніемъ татарскаго языка, и разгулявшись, даже съ своимъ братомъ говоритъ по-татарски. Несмотря на то, этотъ христіанскій народецъ, закинутый въ уголокъ земли, окруженный полудикими магометанскими племенами и солдатами, считаетъ себя на высокой степеніи развитія и признаетъ человѣкомъ только одного казака; на

(*) Волковъ.

все же остальное смотреть съ презрѣніемъ. Казакъ большую часть времени проводить на кордонахъ, въ походахъ, на охотѣ или рыбной ловлѣ. Онъ почти никогда не работаетъ дома. Пребываніе въ станицѣ есть исключеніе изъ правила, и тогда онъ *чуляетъ*. Вино у казаковъ у всѣхъ свое, и пьянство есть не столько общая всѣмъ склонность, сколько обрядъ, неисполненіе котораго сочлось бы за отступничество. На женщину казакъ смотритъ какъ на орудіе своего благосостоянія; дѣвѣ только позволяетъ гулять, бабу же заставляетъ съ молодости и до глубокой старости работать для себя, и смотреть на женщину съ восточнымъ требованіемъ покорности и труда. Вслѣдствіе такого взгляда, женщина, усиленно развиваясь и физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получаетъ, какъ вообще на востокѣ, безъ сравненія большее чѣмъ на западѣ вліяніе и вѣсь въ домашнемъ быту. Удаленіе ея отъ общественной жизни и привычка въ мужской тяжелой работѣ даютъ ей тѣмъ болѣе вѣсь и силу въ домашнемъ быту. Казакъ, который при постороннихъ считаетъ неприличнымъ ласково или праздно говорить съ своею бабой, невольно чувствуетъ ея превосходство оставаясь съ ней съ глазу на глазъ. Весь домъ, все имущество, все хозяйство приобрѣтено ею, и держится только ея трудами и заботами. Хотя онъ и твердо убѣжденъ, что трудъ постыденъ для казака и приличенъ только работнику нагайцу и женщинѣ, онъ смутно чувствуетъ, что все, чѣмъ онъ пользуется и называетъ своимъ, есть произведеніе это труда, и что во власти женщины, матери или жены, которую онъ считаетъ своею холопкой, лишить его всего чѣмъ онъ пользуется. Кромѣ того, постоянный, мужской, тяжелый трудъ и заботы, переданныя ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характеръ гребенской женщинѣ, и поразительно развили въ ней физическую силу, здравый смыслъ, рѣшительность и стойкость характера. Женщины большею частію и сильнѣе, и умнѣе, и развитѣе, и красивѣе казаковъ. Красота гребенской женщины особенно поразительна соединеніемъ самого чистаго типа черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Казачки носятъ одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешметъ и чупаки; но платки завязываютъ по-русски. Щегольство, чистота и изящество въ одеждѣ и убранствѣ хатъ составляютъ привычку и необходимость ихъ жизни. Въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, женщины, и особенно дѣвки, пользуются совершенною свободой. Станица Новомлинская считалась корнемъ гребенскаго казачества. Въ ней, болѣе чѣмъ въ другихъ, сохранились нравы старыхъ гребенцовъ, и женщины этой станицы изстари славилась своею красотою по всему Кавказу. Средства жизни казаковъ составляютъ виноградные и фруктовые сады, бахчи съ арбузами и тыквами, рыбная ловля, охота, посѣвы кукурузы и проса, и военная добыча.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей чрезъ станицу — рѣка; съ другой, зеленѣютъ виноградные, фруктовые сады, и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) нагайской степи. Станица обнесена землянымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою, крытою камышомъ, крышкою, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шашкѣ и рубѣ, иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ, фрунтъ проходящему офицеру. Подъ крышкою воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краскою, написано домовъ 266, мужескаго пола душъ 897, женскаго пола 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ ежики не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилеплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми, большими окнами многихъ домовъ, за огородами, поднимаются выше хатъ темнозеленныя раины, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же нагло блестящіе желтые подеолнухи и въющіяся лозы травянокъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ краснымъ товаромъ, сѣмечкомъ, стручками и пряниками; и за высокой оградой, изъ-за ряда старыхъ раинъ, виднѣется, длиннѣе и выше всѣхъ другихъ, домъ полевого командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало виднѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старые, малые и больные остаются дома.

V.

Былъ тотъ особенный вечеръ, какой бываетъ только на Кавказѣ. Солнце зашло за горы, но было еще свѣтло. Заря охватила треть неба, и на свѣтѣ зари рѣзко отдѣлялись бѣломатовыя громады горъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, неподвиженъ и звученъ. Длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась отъ горъ на степи. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ, вездѣ было пусто. Ежели рѣдко-рѣдко гдѣ покажутся верховые, то уже казаки съ кордона и чеченцы изъ аула, съ удивленіемъ и любопытствомъ, смотрятъ на верховыхъ и стараются догадаться, кто могутъ быть эти недобрые люди. Какъ вечеръ, такъ люди, изъ страха другъ передъ другомъ, жмутся къ жильямъ, и только звѣрь и птица, не боясь человѣка, свободно рыщутъ по

этой пустынь. Изъ садовъ спѣшать съ веселымъ говоромъ, до захожденія солнца, казачки привязывавшія плети. И въ садахъ становится пусто, какъ и во всей окрестности; но станица въ эту пору вечера особенно оживляется. Со всѣхъ сторонъ подвигается пѣшкомъ, верхомъ и на скрипучихъ арбахъ, народъ къ станицѣ. Дѣвки въ подоткнутыхъ рубахахъ, съ хворостинами, весело болтая, бѣгутъ къ воротамъ на встрѣчу скотинѣ, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, приведенныхъ ею изъ степи. Сытыя коровы и буйволицы разбредаются по улицамъ, и казачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними. Слышенъ ихъ рѣзкій говоръ, веселый смѣхъ и визги, перебиваемые ревомъ скотины. Тамъ казакъ въ оружіи верхомъ, выпросившійся съ кордона, подѣзжаетъ къ хатѣ, и перегибаясь къ окну, постукиваетъ въ него, и вслѣдъ за стукомъ показывается красивая молодая головка казачки, и слышатся улыбающіяся ласковыя рѣчи. Тамъ скуластый, оборванный работникъ нагаецъ, пріѣхавъ съ камышомъ изъ степи, поворачиваетъ скрипящую арбу на чистомъ широкомъ дворѣ эсаула, и скидаетъ ярмо съ мотающихъ головами быковъ, и перекликается по-татарски съ хозяиномъ. Около лужи, занимающей почти всю улицу, и мимо которой столько лѣтъ проходили люди, съ трудомъ лѣнясь по заборамъ, пробирается босая казачка съ вязанкой дровъ за спиной, высоко поднимая рубаху надъ бѣлыми ногами, и возвращающійся казакъ-охотникъ шута кричитъ: «выше подними срамница,» и цѣлится въ нее, казачка опускаетъ рубаху, и роняетъ дрова. Старикъ казакъ, съ засученными штанами и раскрытою сѣдою грудью, возвращаясь съ рыбной ловли, несетъ черезъ плечо въ *санеткѣ* (*), еще быющихся серебристыхъ шамаекъ, и чтобъ ближе пройти, лѣзетъ черезъ проломанный заборъ сосѣда, и отдираетъ отъ забора зацѣпившійся зипунъ. Тамъ баба тащитъ сухой сукъ, и слышатся удары топора за угломъ. Визжатъ казачата, гоняющіе кубари на улицахъ вездѣ, гдѣ вышло ровное мѣсто. Черезъ заборы, чтобы не обходить, перелѣзаютъ бабы. Изъ всѣхъ трубъ поднимается душистый дымъ кизяка. На каждомъ дворѣ слышится усиленная хлопотня, предшествующая тишинѣ ночи.

Бабука Улитка, жена хорунжаго и школьнаго учителя, также какъ и другія, вышла къ воротамъ своего двора, и ожидаетъ скотину, которую по улицѣ гонитъ ей дѣвка Марьянка. Она не успѣла еще отворить плетня, какъ громадная буйволица, провожаемая комарами, мыча, проламывается сквозь ворота; за ней медленно идутъ сытыя коровы, большими глазами признавая хозяйку и хвостомъ мѣрно хлеща себя по бокамъ. Стройная красавица Марьянка проходитъ въ ворота, и бросая хворостину, закидываетъ плетень, и со всѣхъ рѣзвыхъ ногъ бросается разбивать и загонять на дворѣ

скотину. «Разуйся, чортова дѣвка,» кричитъ мать: «чуваки-то (*) всеъ пестоптала.» Марьяна нисколько не оскорбляется названіемъ чортовой дѣвки, и принимаетъ эти слова за ласку, и весело продолжаетъ свое дѣло. Лицо Марьяны закрыто обязанымъ платкомъ; на ней розовая рубаха и зеленый бешметъ. Она скрывается подъ навѣсомъ двора, вслѣдъ за жирною крупною скотиною, и только слышится изъ клѣти ея голосъ, нѣжно уговаривающій буйволицу: «Не постоитъ! Эка ты! Ну тебя, ну матушка!..» Вскорѣ приходитъ дѣвка съ старухой изъ закуты въ *избушку* (**), и обѣ несутъ два большіе горшка молока подой нынѣшняго дня. Изъ глиняной трубы избушки скоро поднимается дымъ кизяка, молоко передѣлывается въ каймакъ; дѣвка разжигаетъ огонь, а старуха выходитъ къ воротамъ. Сумерки охватили уже станицу. По всему воздуху разлитъ запахъ овоща, скотнымъ и душистаго дыма кизяка. У воротъ и по улицамъ вездѣ перебѣгаютъ казачки, несущія въ рукахъ зажженные тряпки. На дворѣ слышно пыхтѣнье и спокойная жвачка опроставшейся скотины, и только женскіе и дѣтскіе голоса перекликаются по дворамъ и улицамъ. Въ будни рѣдко когда слышится мужской пьяный голосъ.

Одна изъ казачекъ, старая, высокая, мужественная женщина, съ противоположнаго двора, подходитъ къ бабулкѣ Улиткѣ просить огня; въ рукѣ у нея тряпка.

— Что бабука, убрались? говоритъ она.

— Дѣвка топить. Аль огоньку надо? говоритъ бабука Улитка: — гордая, тебѣ что можетъ услужить?

Обѣ казачки идутъ въ хату; грубыя руки, не привыкшія къ мелкимъ предметамъ, съ дрожаніемъ сдираютъ крышку съ драгоценной коробочки со спичками, которыя составляютъ рѣдкость на Кавказѣ. Пришедшая мужественная казачка садится на приступокъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поболтать.

— Что твой-то, мать, въ школѣ? спрашиваетъ пришедшая.

— Все ребятъ учить, мать. Писалъ, къ празднику будетъ, говоритъ хорунжиха.

— Человѣкъ умный вѣдь; въ пользу все.

— Извѣстно, въ пользу.

— А мой Лукаша на кордонѣ, а домой не пускаютъ, говоритъ пришедшая, несмотря на то, что хорунжиха давно это знаетъ. Ей нужно поговорить про своего Лукашу, котораго она только собрала въ казаки и котораго она хочетъ женить на Марьянѣ, хорунжевой дочери.

— На кордонѣ и стоитъ?

— Стоитъ, мать. Съ праздника не бывалъ. Намедни съ Омушкинымъ рубахи послала. Говоритъ

(*) Чуваки — обувь.

(**) Избушкой у казаковъ называется пизенькій, холодный срубъ, гдѣ кипятится и сберегается молочный скопъ.

(*) Наметки.

ничего, начальство одобряетъ. У нихъ, баить, опять абрековъ нищуть. Лукаша, говорить, весель, ничего.

— Ну и слава Богу, говорить хорунжиха. — Урванъ одно слово.

Лукашка прозванъ *урваномъ* за молодечество, за то, что казачонка вытащилъ изъ воды, *урвалъ*. И хорунжиха помянула про это, чтобы съ своей стороны сказать пріятное Лукашкиной матери.

— Благодарю Бога, мать, сынъ хорошій; молодецъ, всё одобряютъ, говорить Лукашкина мать: — только бы женить его, и померла бы спокойно.

— Что жъ, дѣвокъ мало ли по станицѣ? отвѣчаетъ хитрая хорунжиха, корявыми руками старательно надѣвая крышку на коробочку со спичками.

— Много, мать, много, замѣчаетъ Лукашкина мать и качаетъ головой: — твоя дѣвка, Марьянушка-то, твоя вотъ дѣвка, такъ по полку поискать.

Хорунжиха знаетъ намѣреніе Лукашкиной матери, и хотя Лукашка ей кажется хорошимъ казакомъ, она отклоняется отъ этого разговора, во первыхъ потому, что она хорунжиха и богачка, а Лукашка — сынъ простаго казака, сирота. Во вторыхъ, потому, что не хочется ей скоро разстаться съ дочерью. Главное же, потому что приличіе того требуетъ.

— Что жъ, Марьянушка подрастетъ, также дѣвка будетъ, говорить она сдержанно и скромно.

— Пришлю сватовъ, пришлю, дай сады уберемъ, твоей милости кланяться придемъ, говорить Лукашкина мать, — Ильѣ Васильевичу кланяться придемъ.

— Что Илья! гордо говорить хорунжиха: — со мной говорить надо. На все свое время.

Лукашкина мать, по строгому лицу хорунжихи, видитъ, что дальше говорить неудобно, зажигаетъ спичкой тряпку, и приподнимаясь говорить: — не оставь, мать, помни эти слова. Пойду, топить надо, прибавляетъ она.

Переходя черезъ улицу и размахивая въ вытянутой рукѣ зажженую тряпку, она встрѣчаетъ Марьяну, которая кланяется ей.

«Крала дѣвка, работница дѣвка,» думаетъ она, глядя на красавицу. «Куда ей расти! Замужъ пора, да въ хорошій домъ, за Лукашку».

У бабуки же Улитки своя забота, и она какъ сидѣла на порогѣ, такъ и остается, и о чемъ-то трудно думаетъ, до тѣхъ поръ пока дѣвка не позвала ея.

VI.

Мужское населеніе станицы живетъ въ походахъ и на кордонахъ, или постахъ, какъ называютъ казаки. Тотъ самый Лукашка *урванъ*, про котораго говорили старухи въ станицѣ, передъ вечеромъ, стоялъ на вышкѣ Нижне-Протоцкаго поста. Нижне-Протоцкій постъ — на самомъ берегу Терека. Обло-

отившись на перилы вышки, онъ шурясь поглядывалъ то на даль за Терекъ, то внизъ на товарищей казаковъ, и изрѣдка заговаривалъ съ ними. Солнце уже приближалось къ снѣговому хребту, бѣлевшему надъ курчавыми облаками. Облака, волнуясь у его подошвы, принимали болѣе и болѣе темныя тѣни. Въ воздухѣ разливалась вечерняя прозрачность. Изъ заросшаго дикаго лѣса тянуло свѣжестью, но около поста еще было жарко. Голоса разговаривавшихъ казаковъ звучнѣе раздавались и стояли въ воздухѣ. Коричневый быстрый Терекъ, отчетливѣй отдѣлялся отъ неподвижныхъ береговъ, всею своею подвигающеюся массой. Онъ начиналъ сбывать, и кое-гдѣ мокрый песокъ бурлялъ на берегахъ и на отмеляхъ. Прямо противъ кордона на томъ берегу, все было пусто; только низкіе, безконечные и пустынные камыши тянулись до самыхъ горъ. Немного въ сторонѣ виднѣлись на низкомъ берегу глиняные дома, плоскія крыши и воронкообразныя трубы чеченскаго аула. Зоркіе глаза казака, стоявшаго на вышкѣ, слѣдили въ вечернемъ дымѣ марнаго аула за движущимися фигурами издалика виднѣвшихся чеченокъ, въ синихъ и красныхъ одеждахъ.

Несмотря на то, что казаки каждый часъ ожидали переправы и нападенія *абрековъ* (*) съ татарской стороны, особенно въ маѣ мѣсяцѣ, когда лѣсъ по Терекъ такъ густъ, что пѣшему трудно пролѣзть черезъ него, а рѣка такъ мелка, что кое-гдѣ можно переѣзжать ее въ бродъ и несмотря на то, что дня два тому назадъ *прибѣгалъ* отъ полковаго командира казакъ (**) съ *цыдулкой* (***), въ которой значилось, что по полученнымъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣніямъ, партія въ восемь человекъ намѣрена переправиться черезъ Терекъ, и потому предписывается наблюдать особую осторожность, — на кордонѣ не соблюдалось особенной осторожности. Казаки какъ дома, безъ осѣдланныхъ лошадей, безъ оружія, занимались кто рыбною ловлей, кто пьянствомъ, кто охотой. Только лошадь дежурнаго, осѣдланная, ходила въ треногѣ по тернамъ около лѣса, и только часовой казакъ былъ въ черкескѣ, [ружьи и шашкѣ. Урядникъ, высокій, худошавый казакъ, съ чрезвычайно длинною спиной и маленькими ногами и руками, въ одномъ разстегнутомъ бешметѣ, сидѣлъ на завалинѣ избы, и съ выраженіемъ начальнической лѣни и скуки, закрывъ глаза, переваливалъ голову съ руки на руку. Пожилой казакъ, съ широкою, сѣдоватою, черной бородой, въ одной подпоясанной чернымъ ремнемъ рубахѣ, лежалъ у самой воды, и лѣниво смотрѣлъ на однообразный, бурлившій и заворачивающій Терекъ. Другіе, также

(*) Абрекомъ называется немирный чеченецъ, съ цѣлью воровства или грабежа переправившійся на русскую сторону Терека.

(**) Прибѣгалъ значитъ на казачьемъ нарѣчьи пріѣзжалъ верхомъ.

(***) Цыдулой называется циркуляръ разсылаемый по постамъ.

измученные жаромъ, полурасдѣтые, кто полоскалъ бѣлье въ Терекѣ, кто вязалъ уздечку, кто лежалъ на землѣ, мурлыкая пѣсню на горячемъ пескѣ берега. Одинъ изъ казаковъ съ худымъ и черно-загорѣлымъ лицомъ, видимо мертвецки пьяный, лежалъ навзничъ у одной изъ стѣнъ избы, часа два тому назадъ бывшей въ тѣни, но на которую теперь прямо падали жгучіе косые лучи.

Лукашка, стоявшій на вышкѣ, былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати, очень похожій на мать. Лицо и все сложеніе его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. Несмотря на то, что онъ недавно былъ *собранъ* въ строевые, по широкому выраженію его лица и спокойной увѣренности позы, видно было, что онъ уже успѣлъ принять свойственную казакамъ и вообще людямъ постоянно несущимъ оружіе, воинственную и нѣсколько гордую осанку, что онъ казакъ и знаетъ себя цѣну не ниже настоящей. Широкая черкеска была кое-гдѣ порвана, шапка была заломлена назадъ по-чечейски; ногицы спущены ниже колѣнъ. Одежда его была небогатая, но она сидѣла на немъ съ тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоитъ въ подражаніи чеченскимъ джигитамъ. На настоящемъ джигитѣ надѣто все всегда широко, оборванно, небрежно; одно оружіе богато. Но надѣто, подпоясано и пригнано это оборванное платьѣ и оружіе однимъ извѣстнымъ образомъ, который дается не каждому, и который сразу бросается въ глаза казаку или горцу. Лукашка имѣлъ этотъ видъ джигита. Заложивъ руки за шапку и щуря глаза, онъ все вглядывался въ дальній аулъ. Порознь черты лица его были не хороши, но взглянувъ сразу на его статное сложеніе и чернобровое, умное лицо, всякій невольно сказалъ бы: «молодецъ малый!»

— Бабъ-то, бабъ-то въ аулѣ что выспало! сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, лѣниво раскрывая яркіе бѣлые зубы и не обращая ни къ кому въ особенности.

Назарка, лежавшій внизу, тотчасъ же торопливо поднялъ голову, и замѣтилъ:

— За водой должно идти.

— Изъ ружья бы пугнуть, сказалъ Лукашка, посмѣиваясь: — то-то бы переполошились!

— Не донесетъ.

— Вона! Мое черезъ перенесетъ. Вотъ дай срокъ, ихъ праздникъ будетъ, пойду къ Гирей-хану въ гости, бузу (*) пить, сказалъ Лукашка, сердито отмахиваясь отъ липнувшихъ къ нему комаровъ.

Шорохъ въ чащѣ обратилъ вниманіе казаковъ. Пестрый лягавый ублюдокъ, отшкивая слѣдъ и усиленно махая облѣзлымъ хвостомъ, подбѣгалъ къ кордону. Лукашка узналъ собаку сосѣда охотника, дяди Ерошки, и вслѣдъ за ней разглядѣвъ въ чащѣ подвигавшуюся фигуру самого охотника.

Дядя Ерошка былъ огромнаго роста казакъ, съ

сѣдою какъ луна, широкою бородой, и такими широкими плечами и грудью, что въ лѣсу, гдѣ не съ кѣмъ было сравнить его, онъ казался не высокимъ такъ соразмѣрны были все его сильныя члены. На немъ былъ оборванный, подоткнутый зипунъ, на ногахъ обвязанныя веревочками по ошучамъ, оленьи *поршны* (*), и растрепанная бѣлая шапочка. За спиной онъ несъ чрезъ одно плечо *кобылку* (**) и мѣшокъ съ курочкой и копчикомъ, для приманки ястреба; чрезъ другое плечо онъ несъ на ремнѣ дикую убитую кошку; на спинѣ за поясомъ, заткнуты были мѣшочки съ пулями, порохомъ и хлѣбомъ, конскій хвостъ, чтобъ отмахиваться отъ комаровъ, большой кинжалъ съ прорванными ножнами, испачканными старою кровью и два убитые фазана. Взглянувъ на кордонъ, онъ остановился.

— Гей, Лямъ! крикнулъ онъ на собаку такимъ залихватистымъ басомъ, что далеко въ лѣсу отозвалось эхо, и перекинувъ на плечо огромное пистонное ружье, называемое у казаковъ *флинтой*, приподнял шапку.

— Здорово днѣвали, добрые люди! Гей! обратился онъ къ казакамъ тѣмъ же сильнымъ и веселымъ голосомъ, безъ всякаго усилія, но такъ громко, какъ будто кричалъ кому нибудь на другую сторону рѣки.

— Здорово, дядя! Здорово! весело отозвались, съ разныхъ сторонъ, молодые голоса казаковъ.

— Что видали? Сказывай! прокричалъ дядя Ерошка, отирая рукавомъ черкески потъ съ краснаго широкаго лица.

— Олинь, дядя! Какой ястребъ по-тутъ на чинарѣ живетъ! Какъ вечеръ, такъ и вѣтся, сказалъ Назарка, подмигивая глазомъ и подергивая плечомъ и ногою.

— Ну, ты! недоувѣрчиво сказалъ старикъ.

— Право, дядя, ты *посиди* (***), подтвердилъ Назарка, посмѣиваясь.

Казаки засмѣялись.

Шутникъ не видалъ никакого ястреба; но у молодыхъ казаковъ на кордонѣ давно вошло въ обычай дразнить и обманывать дядю Ерошку всякій разъ, какъ онъ приходилъ къ нимъ.

— Э, дуракъ, только брехать! проговорилъ Лукашка съ вышки на Назарку.

Назарка тотчасъ же замолкъ.

— Надо *посидѣть*. *Посижу*, отозвался старикъ, къ великому удовольствію всѣхъ казаковъ. — А свиней видали?

— Легко ли! Свиней смотрѣты! сказалъ урядникъ, очень довольный случаю развлечься, переваливаясь и обѣими руками почесывая свою длинную спину. — Тутъ абрековъ ловить, а не свиней надо. Ты ничего не слыхалъ дядя, а? прибавилъ онъ, безъ прищипки щурясь и отрывая бѣлые сплошные зубы.

(*) Обувь изъ неведѣланной кожи надѣваемая только раз-моченная.

(**) Орудіе для того, чтобъ подкрадываться подъ фазановъ.

(***) Посидѣть значитъ караулить звѣря.

(*) Татарское пиво изъ пшена..

— Абрековъ-то, проговорилъ старикъ: — нѣ, не слыхалъ. А что чихирь есть? Дай пспить, добрый человекъ. Измаялся, право. Я тебѣ, вотъ дай срокъ, свѣжинки принесу, право принесу. Поднеси, прибавилъ онъ.

— Ты что жъ *посидитъ*, что ли, хочешь? спросилъ урядникъ, какъ будто не разслышавъ что сказалъ тотъ.

— Хотѣлъ ночку *посидитъ*, отвѣчалъ дядя Ерощка: — може къ празднику и дастъ Богъ, *замордую* что; тогда и тебѣ дамъ; право!

— Дядя? Ау! Дядя, рѣзко крикнулъ сверху Лука, обращая на себя вниманіе, и всѣ казаки оглянулись на Лукашку: — Ты къ верхнему протоку сходи, тамъ табунъ важный ходитъ. Я не вру. Пра! Намеднишь нашъ казакъ одного стрѣлилъ. Правду говорю, прибавилъ онъ, поправляя за спиной винтовку и такимъ голосомъ, что видно было, что онъ не смѣется.

— Э, Лукашка Урванъ здѣсь! сказалъ старикъ, взглядывая къверху. — Кое мѣсто стрѣлилъ?

— А ты и не видалъ! Маленькій видно, сказалъ Лукашка. — У самой у канавы дядя, прибавилъ онъ серьезно, встряхивая головой. — Шли мы такъ-то по канавѣ, какъ онъ затрещитъ, а у меня ружье въ чухлѣ было. Иляска какъ *лопнетъ*... (*) Да я тебѣ покажу, дядя, кое мѣсто; не далеке. Вотъ дай срокъ. Я, братъ, всѣ его дорожки знаю. Дядя Мосевъ! прибавилъ онъ рѣшительно и почти повелительно уряднику: — пора смѣнять! — и подобравъ ружье, не дожидаясь приказанія, сталъ сходить съ вышки.

— Сходи! сказалъ уже послѣ урядникъ, оглядываясь вокругъ себя. — Твои часы, что ли, Гурка? Иди! И то ловець сталъ Лукашка твой, прибавилъ урядникъ, обращаясь къ старику. — Все какъ ты ходитъ, дома не посидитъ; намедни убилъ одного.

VII.

Солнце уже скрылось, и ночныя тѣни быстро надвинулись со стороны лѣса. Казаки кончили свои занятія около кордона, и собирались къ ужину въ избу. Только старикъ, все еще ожидая ястреба и подергивая привязаннаго за ногу кончика, оставался подъ чинарой. Ястребъ сидѣлъ на деревѣ, но не спускался на курочку. Лукашка не торопливо улаживалъ, въ самой чащѣ терновъ, на фазаньей тропкѣ, петли для ловли фазановъ и пѣлъ одну пѣсню за другою. Не смотря на высокій ростъ и большія руки, видно было, что всякая работа, крупная и мелкая, спорилась въ рукахъ Лукашки.

— Гей, Лука! слышался ему, недалеко изъ чащи, пронзительно звучный голосъ Назарки. — Казаки ужинать пошли.

Назарка, съ живымъ фазаномъ подъ мышкой, продираясь черезъ терны, вылѣзъ на тропинку.

— О! сказалъ Лукашка замолкая: — гдѣ пѣтуха-то взялъ! Должно мой пружекъ (*)...

Назарка былъ однихъ лѣтъ съ Лукашкой, и тоже съ весны только поступилъ въ строевые.

Онъ былъ малый некрасивый, худенькій, мозглявый, съ визгливымъ голосомъ, который такъ и звенѣлъ въ ухахъ. Они были сосѣди и товарищи съ Лукою. Лукашка сидѣлъ по татарски на травѣ и улаживалъ петли.

— Не знаю чей? Должно твой.

— За ямой что ль у чинары? Мой и есть, вчера поставилъ.

Лукашка всталъ и посмотрѣлъ пойманнаго фазана. Погладивъ рукой по темносизой головѣ, которую пѣтухъ испуганно вытягивалъ, закатывая глаза, онъ взялъ его въ руки.

— Нынче пилавъ сдѣлаемъ; ты поди зарѣжь да ощиши.

— Чтожъ, сами съѣдимъ, или уряднику отдать?

— Будетъ съ него.

— Боюсь я ихъ рѣзать, сказалъ Назарка.

— Давай сюда.

Лукашка досталъ ножичекъ изъ-подъ кинжала, и быстро дернулъ имъ. Пѣтухъ встрепенулся, но не успѣлъ расправить крылья, какъ уже окровавленная голова загнулась и забилась.

— Вотъ такъ-то дѣлай! проговорилъ Лукашка, бросая пѣтуха. — Жирный пилавъ будетъ.

Назарка вздрогнулъ глядя на пѣтуха, — А слышь, Лука, опять насъ въ *секретъ* пошлетъ чортъ-то, прибавилъ онъ, поднимая фазана и подъ чортомъ, разумѣя урядника. — Омушкина за чихиремъ усалъ, его чередъ былъ. Котору ночь ходимъ! Только на насъ и выѣзжаетъ.

Лукашка, посвистывая, пошелъ по кордону. — Захвати бичевку-то! крикнулъ онъ.

Назарка повиновался.

— Я ему нынче скажу, право скажу, продолжалъ Назарка. Скажемъ не пойдемъ, измучились, да и все тутъ. Скажи право, онъ тебя послушаетъ. А то что это!

— Во нашель о чемъ толковать! сказалъ Лукашка, видимо думая о другомъ: — дряни-то! Добро бы изъ станицы на ночь выгонялъ, обидно бы было. Тамъ погуляешь, а тутъ что? Что на кордонѣ, что въ секретѣ, все одно. Эка ты!...

— А въ станицу придешь?

— На праздникъ пойду.

— Сказывалъ Гурка, твоя Дунайка съ Омушкинымъ гуляетъ, вдругъ сказалъ Назарка.

— А чортъ съ ней: отвѣчалъ Лукашка, осканивая сплошные бѣлые зубы, но не смѣясь. — Развѣ я другой не найду.

— Какъ сказывалъ Гурка-то: пришелъ, говорить, онъ къ ней, а мужа нѣтъ. Омушкинъ сп-

(*) Лопнетъ — выстрѣлитъ на казачьемъ языкѣ.

(*) Силки которые ставятъ для ловли фазановъ.

дять, пироги ѣсть. Онъ посидѣлъ, да и пошелъ; подѣ окномъ, слышитъ, она и говоритъ: «ушелъ чортъ-то. Что, родной, пирожка не ѣшь? А спать, говоритъ, домой не ходи.» А онъ и говоритъ изъ подѣ окна: «славно.»

— Врешь!

— Право, ей-Богу.

Лукашка помолчалъ. — А другаго нашла, чортъ съ ней: дѣвокъ мало ли? Она мнѣ и то постыла.

— Вотъ ты чортъ какой! сказалъ Назарка. — Ты бы къ Марьянкѣ хорунжиной подѣхалъ. Что она ни съ кѣмъ не гуляетъ?

Лукашка нахмурился. — Что Марьянка! все одно, сказалъ онъ.

— Да вотъ сунься-ка...

— А ты что думаешь? Да мало ли ихъ по ста- ницѣ?

И Лукашка опять засвисталъ и пошелъ къ кордону, обрывая листья съ сучьевъ. Проходя по ку- стамъ, онъ вдругъ остановился, замѣтивъ гладкое деревцо, вынулъ изъ-подъ кинжала ножикъ и вырѣ- залъ. — То-то шомполъ будетъ, сказалъ онъ сви- стя въ воздухъ прутомъ.

Казаки сидѣли за ужиномъ въ мазаныхъ сѣняхъ кордона, на земляномъ полу, вокругъ низкаго та- тарскаго столика, когда рѣчь зашла о чередѣ въ секретъ: — Кому жъ нынче идти? крикнулъ одинъ изъ казаковъ, обращаясь къ уряднику въ отворен- ную дверь хаты.

— Да кому идти? отозвался урядникъ. — Дядя Бурлакъ ходилъ, Омушкинъ ходилъ, сказалъ онъ не совсѣмъ увѣренно. — Идите вы, что ли? Ты да Назаръ, обратился онъ къ Лукѣ, — да Ергушовъ пойдетъ; авось проснулся.

— Ты-то не просыпаешься, такъ ему какъ же! сказалъ Назарка въ полголоса.

Казаки засмѣялись.

Ергушовъ былъ тотъ самый казакъ, который пьяный спалъ у избы. Онъ только что протирая гла- за, ввалился въ сѣни.

Лукашка въ это время, вставъ, справлялъ ружье.

— Да скорѣй идите; поужинайте и идите, ска- залъ урядникъ. И не ожидая выраженія согласія, урядникъ затворилъ дверь, видимо мало надѣясь на послушаніе казаковъ. — Кабы не приказано бы- ло, я бы не послалъ, а то гляди, сотникъ набѣ- житъ. И то, говорятъ, восемь человѣкъ абрековъ переправилось.

— Что жъ идти надо, говорилъ Ергушовъ: — порядокъ! Нельзя время такое. Я говорю идти надо.

Лукашка между тѣмъ, держа обѣими руками пе- редо ртомъ большой кусокъ фазана, и поглядывая то на урядника, то на Назарку, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ тому что происходи- ло, и смѣялся надъ обоими. Казаки еще не успѣ- ли убраться въ секретъ, когда дядя Ерошка, до ночи напрасно просидѣвшій подѣ чинарой, вошелъ въ темныя сѣни.

— Ну ребята, загудѣлъ въ низкихъ сѣняхъ

его бастъ, покрывавшій всѣ гососа, — вотъ и я съ вами пойду. Вы на чеченцевъ, а я на свиней си- дѣть буду.

VIII.

Было уже совсѣмъ темно, когда дядя Ерошка и трое козаковъ съ кардона, въ буркахъ и съ ружья- ми за плечами, прошли вдоль по Тереку на мѣсто назначенное для секрета. Назарка вовсе не хотѣлъ идти, но Лука крикнулъ на него, и они живо со- брались. Пройдя молча нѣсколько шаговъ, казаки свернули съ канавы, и по чуть-замѣтной тропинкѣ въ камышахъ подошли къ Тереку. У берега лежа- ло толстое черное бревно, выкинутое водой и ка- мышъ вокругъ бревна былъ свѣжо примять.

— Здѣсь что ль сидѣть? сказалъ Назарка.

— А то чего жъ! сказалъ Лукашка: — садись здѣсь, а я живо приду, только дядѣ укажу.

— Самое тутъ хорошее мѣсто: насъ не видать, а намъ видно, сказалъ Ергушовъ: — тутъ и сидѣть; самое первое мѣсто.

Назарка съ Ергушовымъ, разостлавъ бурки, рас- положились за бревномъ, а Лукашка пошелъ даль- ше съ дядей Ерошкой.

— Вотъ тутъ не далече, дядя, сказалъ Лукаш- ка, не слышно ступая впередъ старика: — я укажу гдѣ прошли. Я, братъ, одинъ знаю.

— Укажь: ты молодецъ урванъ, также шопотомъ отвѣчалъ старикъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Лукашка остановился, нагнулся надъ лужицей и свиснулъ. — Вотъ гдѣ пить прошли, видишь что ль? чуть слышно сказалъ онъ, указывая на свѣжій слѣдъ.

— Спаси тебя Христосъ, отвѣчалъ старикъ: — карма за канавой въ котлубани (*) будетъ, приба- вилъ онъ. — Я посижу, а ты ступай.

Лукашка вскинулъ выше бурку, и одинъ пошелъ назадъ по берегу, быстро поглядывая то на лѣво на стѣну камышей, то на Терекъ, бурлившій под- лѣ подѣ берегомъ. «Вѣдь то же караулить или ползеть гдѣ-нибудь», подумалъ онъ про чеченца. Вдругъ сильный шорохъ и плесканье въ водѣ за- ставило его вздрогнуть и схватиться за винтовку. Изъ-подѣ берега, отдуваясь, выскочилъ кабанъ, и черная фигура, отдѣлившись на мгновенье отъ глянцевиной поверхности воды, скрылась въ камы- шахъ. Лука быстро выхватилъ ружье, приложился, но не успѣлъ выстрѣлить: кабанъ уже скрылся въ чащѣ. Плуновъ съ досады, онъ пошелъ дальше. Подходя къ мѣсту секрета, онъ снова приостано- вился и слегка свиснулъ. Свистокъ откликнулся, и онъ подошелъ къ товарищамъ.

Назарка, свернувшись, уже спалъ. Ергушовъ си-

(*) «Котлубанью» называется яма, иногда просто лужа, въ которой мажется кабанъ, натирая себѣ «капанъ», толстую хрящеватую шкуру.

дѣлъ поджавъ подъ себя ноги, и не много постронился чтобы дать мѣсто Лукашкѣ.

— Какъ сидѣть весело, право мѣсто хорошее, сказалъ онъ. Проводилъ?

— Указаль, отвѣчалъ Лукашка, разстилая бурку. — А сейчасъ какого здороваго кабана у самой воды стронулъ. Должно тотъ самый! Ты небось слышалъ какъ затрещалъ?

— Слышалъ, какъ затрещалъ звѣрь. Я сейчасъ узналъ, что звѣрь. Такъ и думаю: Лукашка звѣря спугнулъ, сказалъ Ергушовъ, завертываясь въ бурку. — Я теперь засну, прибавилъ онъ: — ты разбуди послѣ пѣтуховъ; потому, порядокъ надо. Я засну, поспимъ; а тамъ ты заснешь, я посижу; такъ-то.

— Я и спать, спасибо, не хочу, отвѣтилъ Лукашка.

Ночь была темная, теплая и безвѣтренная. Только, съ одной стороны небосклона свѣтились звѣзды; другая и большая часть неба, отъ горъ, была заволочена одною большою тучей. Черная туча, сливаясь съ горами, безъ вѣтра, медленно подвигалась дальше и дальше, рѣзко отдѣляясь своими изогнутыми краями отъ глубокаго звѣзднаго неба. Только впереди казаку виднѣлся Терекъ и даль; сзади и съ боковъ, его окружала стѣна камышей. Камыши изрѣдка, какъ будто безъ причины, начинали колебаться и шуршать другъ о друга. Снизу, колеблющіяся махалки казались пушистыми вѣтвями деревьевъ на свѣтломъ краю неба. У самыхъ ногъ спереди былъ берегъ, подъ которымъ бурлилъ потокъ. Дальше глянцевоитая движущаяся масса коричневои воды однообразно рябила около отмелей и берега. Еще дальше, — и вода, и берегъ, и туча, все сливалось въ непроницаемый мракъ. По поверхности воды тянулись черныя тѣни, которыя привычный глазъ казака признавалъ за проносимыя сверху каряги. Только изрѣдка зарница, отражаясь въ водѣ, какъ въ черномъ зеркалѣ, обозначала черту противоположнаго отлогаго берега. Равномѣрные ночные звуки, шуршанье камышинъ, храпѣнье казаковъ, жужжанье комаровъ и теченье воды прерывались изрѣдка то дальнимъ выстрѣломъ, то булканьемъ отваливашагося берега, то всплескомъ большой рыбы, то трескомъ звѣря по дикому заросшему лѣсу. Разъ сова пролетѣла вдоль по Тереку, задѣвая ровно черезъ два взмаха крыломъ о крыло. Надъ самую головой казаковъ она поворотила къ лѣсу, и подлетая къ дереву, не черезъ разъ, а уже съ каждымъ взмахомъ задѣвала крыломъ о крыло, и потомъ долго копошилась, усаживаясь на старой чинарѣ. При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ, слухъ не спавшаго казака усиленно напрягался, глаза шурились, и онъ неторопливо ощупывалъ винтовку.

Прошла большая часть ночи. Черная туча, протянувшись на западъ изъ-за своихъ разорванныхъ краевъ, открыла чистое звѣздное небо, и перевернутый золотистый рогъ мѣсяца красно засвѣтилъ

ся надъ горами. Стало прохватывать холодомъ. Назарка проснулся, поговорилъ и опять заснулъ. Лукашка соскучился, всталъ, досталъ ножикъ изъ-подъ кинжала и началъ строгать палочку на шомполъ. Въ головѣ его бродили мысли о томъ, какъ тамъ въ горахъ живутъ чеченцы, какъ ходятъ молодцы на эту сторону, какъ не боятся они казаковъ, и какъ могутъ переправиться въ другомъ мѣстѣ. И онъ высовывался и глядѣлъ вдоль рѣки, но ничего не было видно. Изрѣдка поглядывая на рѣку и дальній берегъ, слабо отдѣлившійся отъ воды при робкомъ свѣтѣ мѣсяца, онъ уже пересталъ думать о чеченцахъ, и только ждалъ времени будить товарищей и идти въ станицу. Въ станицѣ представлялась Дунька, его *душенька*, какъ называютъ казаки любовницъ, и онъ съ досадою думалъ о ней. Признаки утра: серебристый туманъ заблѣлъ надъ водой, и молодые орлы, не далеко отъ него, пронзительно засвистали и захлопали крыльями. Наконецъ, вскрикъ перваго пѣтуха донесся далеко изъ станицы, вслѣдъ за тѣмъ другой протяжный пѣтушинный крикъ; на который отозвались другіе голоса.

«Пора будить, подумалъ Лукашка, кончивъ шомполъ, и почувствовавъ, что глаза его отяжелѣли. Обернувшись къ товарищамъ, онъ разглядѣлъ кому какія принадлежали ноги; но вдругъ ему показалось, что плеснуло что-то на той сторонѣ Терека, и онъ еще разъ оглянулся на свѣтлѣющій горизонтъ горъ, подъ перевернутымъ серпомъ, на черту того берега, на Терекъ, и отчетливо виднѣвшіяся теперь, плывущія по немъ карчи. Ему показалось, что онъ движется, а Терекъ съ карчами неподвиженъ; но это продолжалось только мгновеніе. Онъ опять сталъ вглядываться. Одна большая черная карча, съ сукомъ, особенно обратила его вниманіе. Какъ-то странно, не перекачиваясь и не крутясь, плыла эта карча по самой серединѣ. Ему даже показалось, что она плыла не по течению, а перебивала Терекъ на отмель. Лукашка, вытянувъ шею, началъ пристально слѣдить за ней. Карча подплыла къ мели, остановилась и странно зашевелилась. Лукашкѣ замерещилось, что показалась рука изъ-подъ карчи. «Вотъ какъ абрека одинъ убью!» подумалъ онъ, схватился за ружье, неторопливо, но быстро разставилъ подсошки, положилъ на нихъ ружье, не слышно, придерживавъ, взвелъ курокъ, и притаивъ дыханіе, сталъ цѣлиться, все всматриваясь. «Будить не стану,» думалъ онъ. Однако сердце застучало у него въ груди такъ сильно, что онъ остановился и прислушался. Карча вдругъ бултыхнула и снова поплыла, перебивая воду, къ нашему берегу. «Не пропустить бы!» подумалъ онъ, и вотъ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, ему мелькнула татарская голова впереди карчи. Онъ навелъ ружьемъ прямо на голову. Она ему показалась совсѣмъ близко, на концѣ ствола. Онъ глянулъ черезъ. «Онъ и есть абрекъ,» подумалъ онъ радостно, и вдругъ порывисто вскочивъ на колѣни, снова повелъ ружьемъ, высмотрѣлъ цѣль,

которая чуть видѣлась на концѣ длинной винтовки, и по казачьей, съ дѣтства усвоенной привычкѣ, проговоривъ: «Отцу и Сыну», пожалъ шпичку спуска. Блеснувшая молнія на мгновенье освѣтила камыши и воду. Рѣзкій, отрывистый звукъ выстрѣла разнесся по рѣкѣ, и гдѣ-то далеко перешелъ въ грохотъ. Карча уже поплыла не поперегъ рѣки, а внизъ по теченью, крутясь и колыхаясь.

— Держи, я говорю! закричалъ Ергушовъ, опустивъ винтовку и приподнимаясь изъ-за чурбана.

— Молчи чортъ! стиснувъ зубы, прошепталъ на него Лука: — абреки!

— Кого стрѣлили? спрашивалъ Назарка:—кого стрѣлили, Лукашка?

Лукашка ничего не отвѣчалъ. Онъ заряжалъ ружье и слѣдилъ за уплывающею карчей. Не подалеку остановилась она на отмели, и изъ-за нея показалось что-то большое, покачиваясь на водѣ.

— Чего стрѣлили? Что не сказываешь? повторили казаки.

— Абреки! сказываютъ тебѣ, повторилъ Лука.

— Будетъ брехать-то! Али такъ вышло ружье то?...

— Абрека убилъ! Вотъ что стрѣлили! проговорилъ сорвавшимся отъ волненія голосомъ Лукашка, вскакивая на ноги. — Человѣкъ плылъ.... сказалъ онъ, указывая на отмель. — Я его убилъ. Глянь-ка сюда.

— Будетъ врать-то, повторялъ Ергушовъ, протирая глаза.

— Чего будетъ? Вотъ, гляди! Гляди сюда, сказалъ Лукашка, схватывая его за плеча и пригибая къ себѣ съ такою силой, что Ергушовъ охнулъ.

Ергушовъ посмотрѣлъ по тому направленію, куда указывалъ Лука, и разсмотрѣвъ тѣло, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Эна! Я тебѣ говорю, другіе будутъ, вѣрно тебѣ говорю, сказалъ онъ тихо, и сталъ осматривать ружье. — Это передовой плылъ; либо ужъ здѣсь, либо не далече на ой сторонѣ; я тебѣ вѣрно говорю.

Лукашка распоясался и сталъ скидывать черкеску.

— Куда ты, дуръ? крикнулъ Ергушовъ: — сунься только, ни за что пропадешь, я тебѣ вѣрно говорю. Коли убилъ, не уйдетъ. Дай натруску порошку подсыпать. У тебя есть? Назаръ! ты ступай живо на кордонъ да не по берегу ходи: убьютъ, вѣрно говорю.

— Такъ я одинъ и пошелъ! Ступай самъ, сказалъ сердито Назарка.

Лукашка, снявъ черкеску, подошелъ къ берегу.

— Не лазай говорить, проговорилъ Ергушовъ, подсыпая порохъ на полку ружья. — Вишь не шелохнется, ужъ я вижу. До утра не далече, дай съ кордона прибѣгутъ. Ступай Назаръ; эка робѣешь! Не робѣй, я говорю.

— Лука, а, Лука говорилъ Назарка: — да ты скажи, какъ убилъ.

Лука раздумалъ тотчасъ же лѣзть въ воду.

— Ступайте на кордонъ живо, а я посижу. Да казакамъ велите разѣздъ послать. Коли на этой сторонѣ... ловить надо!

— Я говорю уйдутъ, сказалъ Ергушовъ, поднимаясь,—ловить надо, вѣрно.

И Ергушовъ съ Назаркой встали, и перекрестившись, пошли къ кордону, но не берегомъ, а ломаясь черезъ терны и пролѣзая на лѣсную дорожку.

— Ну, смотри Лука, не шелохнись, проговорилъ Ергушовъ, — а то тоже здѣсь срѣжутъ тебя. Ты смотри не зѣвай, я говорю.

— Иди, знаю, проговорилъ Лука, и осматрѣвъ ружье, сѣлъ опять за чурбанъ.

Лукашка сидѣлъ одинъ, смотрѣлъ на отмель и прислушивался не слышать ли казаковъ; но до кордона было далеко, а его мучило нетерпѣнье; онъ такъ и думалъ, что вотъ уйдутъ тѣ абреки, которые шли съ убитымъ. Какъ на кабана, который ушелъ вечеромъ, досадно было ему на абрековъ, которые уйдутъ теперь. Онъ поглядывалъ то вокругъ себя, то на тотъ берегъ, ожидая, вотъ, вотъ увидитъ еще человѣка; и приладивъ подсонникъ, готовъ былъ стрѣлять. О томъ, чтобы его убили, ему и въ голову не приходило.

IX.

Уже начинало свѣтать. Все чеченское тѣло, остановившееся и чуть колыхавшееся на отмели, было теперь ясно видно. Вдругъ, не вдаль отъ казака, затрепалъ камышъ, послышались шаги и зашевелились махалки камыша. Казакъ взвелъ на второй взводъ и проговорилъ: «Отцу и Сыну». Вслѣдъ за шелканьемъ курка шаги затихли.

— Гей, казаки! Дядю не убей, послышался спокойный басъ, и раздвигая камышъ, дядя Еронка вплотъ подошелъ къ нему.

— Чуть-чуть не убилъ тебя, ей Богу! сказалъ Лукашка.

— Что стрѣлили? спросилъ старикъ.

Звучный голосъ старика, раздавшійся въ лѣсу и внизъ по рѣкѣ, вдругъ уничтожилъ ночную тишину и таинственность окружающую казака. Какъ будто вдругъ свѣтлѣй и виднѣй стало.

— Ты вотъ ничего не видалъ дядя, а я убилъ звѣря, сказалъ Лукашка, спуская курокъ и вставая неестественно спокойно.

Старикъ, уже не спуская съ глазъ, смотрѣлъ на ясно теперь бѣлѣвшуюся спину, около которой рябилъ Терекъ.

— Съ карчей на синѣ плылъ. Я его высмотрѣлъ... Глянь-ко сюда! Во! Въ порткахъ синихъ, ружье никакъ... Видишь что ль? говорилъ Лука.

— Чего не видать! съ сердцемъ сказалъ старикъ, и что-то серьезное и строгое выразилось въ лицѣ старика. — Джигита убилъ, сказалъ онъ какъ будто съ сожалѣніемъ.

— Сидѣлъ такъ-то я, гляжу, что чернѣетъ съ той стороны? Я еще тамъ его высмотрѣлъ, точно человекъ подошелъ и упалъ. Что за диво! А карча, здоровая карча плыветъ, да не вдоль плыветъ, а поперекъ перебиваетъ. Глядь, а изъ-подъ нея голова показывается. Что за чудо? Повелъ я, изъ камыша-то мнѣ и не видно; привсталъ, а онъ услышалъ вѣрно бестія, да на отмель и выползъ, оглядываетъ. Врешь, думаю, не уйдешь. Только выползъ, оглядываетъ. (Охъ, глотку завалило чѣмъ-то!) Я ружье изготовилъ, не шелохнусь, выжидаю. Постоялъ, постоялъ, опять и поплылъ, да какъ наплылъ на мѣсяць, то такъ ажъ спина видна. «Отцу и Сыну и Святому Духу». Глядь изъ-за дыма, а онъ и барахтается. Застоналъ, али почувдился мнѣ? Ну, слава Тебѣ Господи, думаю, убилъ! А какъ на отмель вынесло, все наружу стало, хочеть встать, да и нѣтъ силы то. Побился, побился и легъ. Чисто, все видать. Вишь не шелохнется, должно издохъ. Казаки на кордонъ побѣжали, какъ бы другіе не ушли!

— Такъ и поймалъ! сказалъ старикъ. — Далече, братъ, теперь... — И онъ опять печально покачалъ головою. Въ это время, пѣшіе и конные казаки съ громкимъ говоромъ и трескомъ сучьевъ послышались по берегу. — Ведутъ каюкъ, что ли? крикнулъ Лука. — Молодецъ Лука! тащи на берегъ, кричалъ одинъ изъ казаковъ. Лукашка, не дожидаясь каюка сталъ раздѣваться, не спуская глазъ съ добычи.

— Погоди, каюкъ Назарка ведетъ, кричалъ урядникъ.

— Дуракъ! Живой, можетъ! Притворился! Кинжалъ возьми, прокричалъ другой казакъ.

— Толкуй! крикнулъ Лука, скидывая портки. Онъ живо раздѣлся, перекрестился, и подпрыгнувъ, со всплескомъ вскочилъ въ воду, обмокнулъ, и въ размахку видая бѣлыми руками, и высоко поднимая спину изъ воды и отдувая поперекъ теченія, сталъ перебивать Терекъ къ отмели. Толпа казаковъ звонко, въ нѣсколько голосовъ, говорила на берегу. Трое конныхъ поѣхали въ объѣздъ. Каюкъ показался изъ-за поворота. Лукашка поднялся на отмели, нагнулся надъ тѣломъ, ворохнулъ его раза два. «Какъ есть мертвый!» прокричалъ оттуда рѣзкій голосъ Луки.

Чеченецъ былъ убитъ въ голову. На немъ были синія портки, рубаха, черкеска, ружье и кинжалъ, привязанный на спину. Сверхъ всего былъ привязанъ большой сукъ, который и обманулъ сначала Лукашку.

— Вотъ такъ сазанъ попался! сказалъ одинъ изъ собравшихся кружкомъ казаковъ, въ то время какъ вытащенное изъ каюка чеченское тѣло, приминая траву, легло на берегъ.

— Да и желтой же какою! сказалъ другой.

— Гдѣ искать поѣхали наши? они небось все на той сторонѣ. Кабы не передовой былъ, такъ не такъ бы плылъ. Одному зачѣмъ плыть? сказалъ третій.

— То-то ловкой должно, впередъ всѣхъ выискался. Самый видно джигитъ! насмѣшливо сказалъ Лукашка, выжимая мокрое платье у берега и безпрестанно вздрагивая. — Борода крашена, подстрижена.

— И зипунъ въ мѣшечкѣ на спину приладилъ. Оно и плыть ему легче отъ нея, сказалъ кто-то.

— Слышите Лукашка! сказалъ урядникъ, державшій въ рукахъ кинжалъ и ружье снятые съ убитаго. — Ты кинжалъ себѣ возьми и зипунъ возьми, а за ружье, приди, я тебѣ три монета дамъ. Вишь оно и съ свещомъ, прибавилъ онъ, пуская духъ въ дуло: — такъ мнѣ на память лестно.

Лукашка ничего не отвѣтилъ, ему видимо досадно было попрошайничество; но онъ зналъ, что этого не миновать.

— Вишь чортъ какой! сказалъ онъ хмурясь и бросая наземъ чеченскій зипунъ: — хошь бы зипунъ хорошій былъ, а то байгушъ.

— Годится за дровами ходить, сказалъ другой казакъ.

— Мосевъ! я домой схожу, сказалъ Лукашка, видимо ужъ забывъ свою досаду, и желая употребить въ пользу подарокъ начальнику.

— Иди, что жь!

— Оттащи его за кордонъ ребята, обратился урядникъ къ казакамъ, все осматривая ружье. — Да шаланникъ отъ солнца надъ нимъ сдѣлать надо. Може изъ горъ выкупать будутъ.

— Еще не жарко, сказалъ кто-то.

— А чакалка изорветъ! Это развѣ хорошо? замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

— Караулъ поставимъ, а то выкупать придутъ: не хорошо коли порветъ.

— Ну Лукашка, какъ хочешь; ведро ребятамъ поставишь, прибавилъ урядникъ весело.

— Ужъ какъ водится, подхватили казаки. — Вишь счастье Богъ далъ, ничего не видавши абрека убилъ.

— Покупай кинжалъ и зипунъ. Давай денегъ больше. И портки продамъ. Богъ съ тобой, говорилъ Лука. — Мнѣ не налѣзутъ: поджарый чортъ былъ.

Одинъ казакъ купилъ зипунъ за монету. За кинжалъ далъ другой два ведра.

— Пей ребята, ведро ставлю, сказалъ Лука, — самъ изъ станицы привезу.

— А портки дѣвкамъ на платки изрѣжь, сказалъ Назарка.

Казаки загрохотали.

— Будетъ вамъ смѣяться, повторилъ урядникъ: — оттащи тѣло-то. Что пакость такую у избы положили...

— Что стали? Тащи его сюда ребята! повелительно крикнулъ Лукашка казакамъ, которые не охотно брались за тѣло, и казаки исполнили его приказаніе, точно онъ былъ начальникъ. Протасивъ тѣло нѣсколько шаговъ, казаки опустили ноги, которыя безжизненно вздрогнувъ, опустились, и разступившись, постояли молча нѣсколько вре-

мени. Назарка подошелъ къ тѣлу и поправилъ подвернувшуюся голову, такъ чтобы видѣть кровавую круглую рану надъ вискомъ и лицо убитаго. «Вишь замѣтку какую сдѣлалъ! въ самые мозги!» проговорилъ онъ: «не пропадетъ, хозяева узнаютъ.» Никто ничего не отвѣтилъ, и снова тихій ангелъ пролетѣлъ надъ казаками.

Солнце уже поднялось, и раздробленными лучами освѣщало росистую зелень. Терекъ бурлилъ не подалеку въ проснувшемся лѣсу; встрѣчая утро, со всѣхъ сторонъ, перекликались фазаны. Казаки молча и неподвижно стояли вокругъ убитаго и смотрѣли на него. Коричневое тѣло, въ однихъ потемнѣвшихъ, мокрыхъ, синихъ порткахъ, стянутыхъ пояскомъ на впадомъ животѣ, было стройно и красиво. Мускулистая руки лежали прямо, вдоль реберъ. Спневатая, свѣже-выбритая круглая голова, съ запекшеюся раной съ боку, была откинута. Гладкій, загорѣлый лобъ рѣзко отдѣлялся отъ бритаго мѣста. Стеклянно открытые глаза, съ низко остановившимися зрачками, смотрѣли вверхъ, казалось, мимо всего. На тонкихъ губахъ, растянутыхъ въ края и выставлявшихся изъ-за красныхъ подстриженныхъ усовъ, казалось остановилась добродушная, тонкая усмѣшка. На маленькихъ костяхъ рукъ, поросшихъ рыжими волосами, пальцы были загнуты внутрь и ногти выкрашены краснымъ. Лукашка все еще не одѣвался, онъ былъ мокръ, шея его была краснѣе, и глаза его блестѣли больше обыкновеннаго; широкія скулы вздрагивали; отъ бѣлаго, здороваго тѣла шель чуть замѣтный паръ на утренемъ свѣжемъ воздухѣ.

— Тоже человекъ былъ! проговорилъ онъ, видимо любуясь мертвецомъ.

— Да, попался бы ему, спуска бы не далъ, отозвался одинъ изъ казаковъ.

Тихій ангелъ отлетѣлъ. Казаки зашевелились, заговорили. Двое пошли рубить кусты для шалаша. Другіе побрели къ кордону. Лука съ Назаркой побѣжали собираться въ станицу.

Спустя полчаса, черезъ густой лѣсъ отдѣлявшій Терекъ отъ станицы, Лукашка съ Назаркой почти бѣгомъ шли домой, не переставая разговаривать.

— Ты ей не сказывай смотри, что я прислалъ; а поди посмотри, мужъ дома что ли? говорилъ Лука рѣзкимъ голосомъ.

— А я къ Ямкѣ зайду, — погуляемъ, чтоль? спрашивалъ покорный Назаръ.

— Уже когда же гулять-то, что не нынѣ, отвѣчалъ Лука.

Придя въ станицу, казаки вышли и завалились спать до вечера.

X.

На третій день послѣ описаннаго событія, двѣ роты кавказскаго пѣхотнаго полка пришли стоять въ Новомлинскую станицу. Отпряженный ротный обозъ уже стоялъ на площади. Кашевары, вырывъ яму и притащивъ съ разныхъ дворовъ плохо ле-

жавшія чурки, уже варили кашу. Фельдфебеля считывали людей. Фуршты забивали колья для коновязь. Квартирьеры, какъ домашніе люди, сновали по улицамъ и переулкамъ, указывая квартиры офицерамъ и солдатамъ. Тутъ были зеленые ящики выстроенные во фронтъ. Тутъ были артельные повозки и лошади. Тутъ были котлы, въ которыхъ варилась каша. Тутъ былъ и капитанъ, и поручикъ, и Онисимъ Михайловичъ фельдфебель. И находилось все это въ той самой станицѣ, гдѣ, слышно было, приказано стоять ротамъ; слѣдовательно, роты были дома. Зачѣмъ стоять тутъ? Кто такіе это казаки? Нравится ли имъ, что будутъ стоять у нихъ? Раскольники они или нѣтъ? До этого нѣтъ дѣла. Распущенные отъ расчета, изнуренные и запыленные солдаты, шумно и безпорядочно, какъ усаживающійся рой, рассыпаются по площадямъ и улицамъ; рѣшительно не замѣчая нерасположеніе казаковъ, по двое, по трое, съ веселымъ говоромъ и позвакивая ружьями, входя въ хаты, развѣшиваютъ амуницію, разбираютъ мѣшечки и пошучиваютъ съ бабами. Къ любимому солдатскому мѣсту, къ кашѣ, собирается большая группа, и съ трубочками въ зубахъ, солдатики поглядывая то на дымъ, не замѣтно подымающійся въ жаркое небо и сгущающійся въ вышинѣ, какъ бѣлое облако, то на огонь костра, какъ расплавленное стекло дрожащій въ чистомъ воздухѣ, острять и потѣшаются надъ казаками и казачками за то, что они жуютъ совсѣмъ не такъ, какъ русскіе. По всѣмъ дворамъ виднѣются солдаты и слышенъ ихъ хохотъ, слышны ожесточенные и пронзительные крики казачекъ, защищающихъ свои дома, не дающихъ воды и посуды. Мальчишки и дѣвчонки, прижимаясь къ матерямъ и другъ къ другу, съ испуганнымъ удивленіемъ, слѣдятъ за всѣми движеніями невиданныхъ еще ими армейскихъ, и на почтительномъ разстояніи бѣгаютъ за ними. Старые казаки выходятъ изъ хатъ, садятся на завалинкахъ, и мрачно и молчаливо смотрятъ на хлопотню солдатъ, какъ будто махнувъ рукой на все и не понимая, что изъ этого можетъ выйдти.

Оленину, который уже три мѣсяца какъ былъ зачисленъ юнкеромъ въ кавказскій полкъ, была отведена квартира въ одномъ изъ лучшихъ домовъ въ станицѣ, у хорунжаго Ильи Васильевича, то-есть у бабуки Улиты.

— Что это будетъ такое, Дмитрій Андреевичъ? говорилъ запыхавшійся Ванюша Оленину, который верхомъ, въ черкескѣ, на купленномъ въ Грозной кабардинцѣ, весело, послѣ пяти-часоваго перехода, въѣзжалъ на дворъ отведенной квартиры.

— А что Иванъ Васильичъ? спросилъ онъ поддабривая лошадь и весело глядя на вспотѣвшаго, со спутанными волосами и разстроеннымъ лицомъ, Ванюшу, который пріѣхалъ съ обозомъ и разобралъ вещи.

Оленинъ на видъ казался совсѣмъ другимъ человекомъ. Въмѣсто бритыхъ скулъ, у него были

молодые усы и борода. Въмѣсто истасканнаго ночью жизнью желтоватаго лица,—на щекахъ, на лбу, за ушами, былъ красный, здоровый загаръ. Въмѣсто чистаго, новаго чернаго фрака, была бѣлая, грязная съ широкими складками череска и оружіе. Въмѣсто свѣжихъ крахмальныхъ воротничковъ, красный воротъ канаусоваго бешмета, который стягивалъ загорѣлую шею. Онъ былъ одѣтъ по-черески, но плохо; всякій узналъ бы въ немъ русскаго, а не джигита. Все было такъ, да не такъ. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьемъ, веселостью и самодовольствомъ.

— Вамъ вотъ смѣшно, сказалъ Ванюша:—а вы подите-ка сами поговорите съ этимъ народомъ, не даютъ тебѣ хода, да и шабашъ. Слова такъ и того не добьешься.—Ванюша сердито бросилъ къ порогу желѣзное ведро.—Не русскіе какіе-то.

— Да ты бы станичнаго начальника спросилъ?

— Да вѣдь я ихъ мѣстоположенія не знаю, обижено отвѣчалъ Ванюша.

— Ктожъ тебя такъ обижаетъ? спросилъ Оленинъ, оглядываясь кругомъ.

— Чортъ ихъ знаетъ! Тѣфу! Хозяина настоящаго нѣту, на какую-то *кригу* (*), говорятъ, пошелъ. А старуха такая дьяволъ, что упаси Господи, отвѣчалъ Ванюша, хватаясь за голову. Какъ тутъ жить будетъ, я ужъ не знаю. Хуже татаръ, ей-Богу. Даромъ что тоже христіане считаются. На что татаринъ, и тотъ благороднѣй. «На кригу пошелъ!» Какую кригу выдумали, неизвѣстно! заключилъ Ванюша и отвернулся.

— Что? не такъ какъ у насъ на дворнѣ? сказалъ Оленинъ, полтрунивая и не слѣзая съ лошади.

— Лошадь-то пожалуйста, сказалъ Ванюша, видимо озадаченный новымъ для него порядкомъ, но покоряясь своей судьбѣ.

— Такъ татаринъ благороднѣй? А, Ванюша? повторилъ Оленинъ, слѣзая съ лошади и хлопая по сѣдлу.

— Да, вотъ вы смѣитесь тутъ! Вамъ смѣшно! проговорилъ Ванюша сердитымъ голосомъ.

— Постой, не сердись Иванъ Васильичъ, отвѣчалъ Оленинъ, продолжая улыбаться.—Дай вотъ я пойду къ хозяевамъ, посмотри, все улажу. Еще какъ заживемъ славно! Ты не волнуйся только.

Ванюша не отвѣчалъ, а только прищуривъ глаза, презрительно посмотрѣлъ вслѣдъ барину, и покачалъ головой. Ванюша смотрѣлъ на Оленина только какъ на барина. Оленинъ смотрѣлъ на Ванюшу только какъ на слугу. И они оба очень удивились бы, ежели бы кто нибудь сказалъ имъ, что они друзья. А они были друзья, сами того не зная. Ванюша былъ взятъ въ домъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда и Оленину было столько же. Когда Оленину было пятнадцать лѣтъ, онъ одно

время занимался обученіемъ Ванюши и выучилъ его читать по-французски, чѣмъ Ванюша прेमного гордился. И теперь Ванюша, въ минуты хорошаго расположенія духа, отпускалъ французскія слова, и при этомъ всегда глупо смѣялся.

Оленинъ вбѣжалъ на крыльцо хаты и толкнулъ дверь въ сѣни. Марьянка въ одной розовой рубахѣ, какъ обыкновенно дома ходятъ казачки, испуганно отскочила отъ двери, и прижавшись къ стѣнѣ, закрыла нижнюю часть лица широкимъ рукавомъ татарской рубахи. Отворивъ дальше дверь, Оленинъ увидалъ въ полусвѣтѣ всю высокую и стройную фигуру молодой казачки. Съ быстрымъ и жаднымъ любопытствомъ молодости, онъ невольно замѣтилъ сильныя и дѣвственныя формы, обозначавшіяся подъ тонкою ситцевою рубахой, и прекрасныя черныя глаза, съ дѣтскимъ ужасомъ и дикимъ любопытствомъ устремленные на него. «Вотъ она! подумалъ онъ.» «Да еще много такихъ будетъ, вслѣдъ за тѣмъ пришло ему въ голову,» и онъ отворилъ другую дверь въ хату. Старая бабука Улитка, также въ одной рубахѣ, согнувшись, задомъ къ нему, выметала полъ.

— Здравствуй матушка! Вотъ я о квартирѣ пришелъ... началъ онъ.

Казачка, не разгибаясь, обернула къ нему строгое, но еще красивое лицо.

— Что пришелъ? Насмѣяться хочешь? А? Я-те насмѣюсь! Черная на тебя немочь! закричала она, искоса глядя на пришедшаго изъ-подъ насулпленныхъ бровей.

Оленинъ сначала думалъ, что изнуренное храброе кавказское воинство, котораго онъ былъ членомъ, будетъ принято вездѣ, особенно казаками, товарищами по войнѣ, съ радостью, и потому такой пріемъ озадачилъ его. Не смущаясь однако, онъ хотѣлъ объяснить, что онъ намѣренъ платить за квартиру; но старуха не дала договорить ему.

— Чего пришелъ? Какъ надо болячку? Скобленое твое рыло! Вотъ дай срокъ, хозяинъ придетъ, онъ тебѣ покажетъ мѣсто. Не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганныхъ. Легко ли, не видали! Табачищемъ домъ загадит, да деньгами платить хочетъ. Эку болячку не видали! Разстрѣли тебѣ въ животъ сердце!.. пронзительно кричала она, перебивая Оленина.

«Видно Ванюша правъ!» подумалъ Оленинъ:— «Татаринъ благороднѣе,» и провожаемый бранью бабуки Улитки, вышелъ изъ хаты. Въ то время какъ онъ выходилъ, Марьяна, какъ была въ одной розовой рубахѣ, но уже до самыхъ глазъ повязанная бѣлымъ платкомъ, неожиданно шмыгнула мимо его изъ сѣней. Быстро постукивая по сходцамъ босыми ногами, она сбѣжала съ крыльца, пріостановилась, порывисто оглянулась смѣющимися глазами на молодаго человѣка и скрылась за угломъ хаты.

Твердая, молодая походка, дикій взглядъ блестящихъ глазъ изъ-подъ бѣлаго платка и стройность сильнаго сложенія красавицы еще сильнѣе

(*) «Кригой» называется мѣсто у берега, огороженное плетнемъ для ловли рыбы.

поразили теперь Оленина, «Должно быть она,» подумалъ онъ. И еще менѣе думая о квартирѣ и все оглядываясь на Марьянку, онъ подошелъ къ Ванюшѣ.

— Вишь и дѣвка такая же дикая! сказалъ Ванюша, еще возившійся у повозки, но нѣсколько развеселившійся: — ровно кобылка табунная. *Ла фамъ!* прибавилъ онъ громкимъ и торжественнымъ голосомъ и захохоталъ.

XI.

Въ вечеру хозяинъ вернулся съ рыбной ловли, и узнавъ что ему будутъ платить за квартиру, усмирилъ свою бабу и удовлетворилъ требованіямъ Ванюши.

На новой квартирѣ все устроилось. Хозяева перешли въ теплую, а юнкеру, за три *монета* въ мѣсяцъ, отдали холодную хату. Оленинъ поѣлъ и заснулъ. Проснувшись передъ вечеромъ, онъ умылся, обчистился, пообѣдалъ, и закуривъ папироску, сѣлъ у окна, выходившаго на улицу. Жаръ свалилъ. Косая тѣнь хаты, съ вырѣзнымъ князькомъ, стлалась черезъ пыльную улицу, загибаясь даже на низу другого дома. Камышевая крутая крыша противоположнаго дома блестѣла въ лучахъ спускающагося солнца. Воздухъ свѣжѣлъ. Въ станицѣ было тихо. Солдаты размѣстились и попри тихли. Стадо еще не прогнали, и народъ еще не возвращался съ работъ.

Квартира Оленина была почти на краю станицы. Изрѣдка, гдѣ-то далеко за Терекомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ пришелъ Оленинъ, раздавались глухіе выстрѣлы, — въ Чечнѣ или на кумыцкой плоскости. Оленину было очень хорошо послѣ трехмѣсячной бивачной жизни. На умытомъ лицѣ онъ чувствовалъ свѣжесть, на сильномъ тѣлѣ — непривычную послѣ похода чистоту, во всѣхъ отдохнувшихъ членахъ — спокойствіе и силу. Въ душѣ у него тоже было свѣжо и ясно. Онъ вспомнилъ походъ, минувшую опасность. Вспомнилъ, что въ опасности онъ велъ себя хорошо, что онъ не хуже другихъ, и принять въ товарищество крабрыхъ кавказцевъ. Московскія воспоминанія ужъ были Богъ знаетъ гдѣ. Старая жизнь была стерта, и началась новая, совсѣмъ новая жизнь, въ которой еще не было ошибокъ. Онъ могъ здѣсь, какъ новый человекъ между новыми людьми, заслужить новое, хорошее о себѣ мнѣніе. Онъ испытывалъ молодое чувство безпричинной радости жизни, и посматривая то въ окно на мальчишекъ, гонявшихъ кубари въ тѣни около дома, то въ свою новую прибранную квартирку, думалъ о томъ, какъ онъ пріятно устроится въ этой новой для него станичной жизни. Посматривалъ онъ еще на горы и небо, и ко всѣмъ его воспоминаніямъ и мечтамъ примѣшивалось строгое чувство величавой природы. Жизнь его началась не такъ какъ онъ ожидалъ, уѣзжая изъ Москвы, но неожиданно хорошо. Горы, горы, горы, чулись во всемъ что онъ думалъ и чувствовалъ.

— Сучку поцѣловалъ! кувшинъ облизалъ! Дядя Ерошка сучку поцѣловалъ! закричали вдругъ казачата, гонявшие кубари подѣ окномъ, обращаясь къ проулку. — Сучку поцѣловалъ! Кинжалъ пропилъ! кричали мальчишки, тѣсясь и отступая.

Крики эти обращались къ дядѣ Ерошкѣ, который съ ружьемъ за плечами и фазанами за поясомъ возвращался съ охоты.

— Мой грѣхъ ребята! мой грѣхъ! приговаривалъ онъ, бойко размахивая руками и поглядывая въ окно хатъ по обѣ стороны улицы. — Сучку пропилъ, мой грѣхъ! повторилъ онъ, видимо сердясь, но притворяясь, что ему все равно.

Оленина удивило обращеніе мальчишекъ съ старымъ охотникомъ, а еще болѣе поразило выразительное, умное лицо и сила сложенія человека, котораго называли дядей Ерошкой.

— Дѣдушка! казакъ! обратился онъ къ нему. — Подойди-ка сюда.

Старикъ взглянулъ въ окно и остановился.

— Здравствуй, добрый человекъ, сказалъ онъ, приподнимая надъ коротко-обстриженной головой свою шапочку.

— Здравствуй, добрый человекъ, отвѣчалъ Оленинъ. — Что это тебѣ мальчишки кричатъ?

Дядя Ерошка подошелъ къ окну. — А дразнить меня, старика. Это ничего. Я люблю. Пускай радуются надъ дядей, сказалъ онъ съ тѣми твердыми пѣвучими интонаціями, съ которыми говорятъ старые и почтенные люди. — Ты начальникъ армейскихъ, что ли?

— Нѣтъ, я юнкеръ. А гдѣ это фазановъ убилъ? спросилъ Оленинъ.

— Въ лѣсу три курочки замордовалъ, отвѣчалъ старикъ, поворачивая къ окну свою широкую спину, на которой заткнутыя головками за поясомъ, пятная кровью черкеску, висѣли три фазанки. — Али ты не видывалъ? спросилъ онъ. — Коли хочешь, возьми себѣ парочку. На! — И онъ подалъ въ окно двухъ фазановъ. — А что, ты охотникъ? спросилъ онъ.

— Охотникъ. Я въ походѣ самъ убилъ четырехъ.

— Четырехъ? Много! насмѣшливо сказалъ старикъ. — А пьяница ты? Чихирь пьешь?

— Отчего жь? и вынуть люблю.

— Э, да ты я вижу молодецъ! Мы съ тобой кунаки будемъ, сказалъ дядя Ерошка.

— Заходи, сказалъ Оленинъ. — Вотъ и чихирю выпьемъ.

— И то зайдти, сказалъ старикъ. — Фазановъ-то возьми.

По лицу старика видно было, что юнкеръ понравился ему, и онъ сейчасъ понялъ, что у юнкера можно даромъ выпить, и потому можно подарить ему пару фазановъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ хаты, показалась фигура дяди Ерошки. Тутъ только Оленинъ замѣтилъ всю громадность и силу сложенія

этого человѣка, не смотря на то, что красно-коричневое лицо его, съ совершенно бѣлою окладистою бородой, было все изрыто старческими, могучими, трудовыми морщинами. Мышцы ногъ, рукъ и плечъ были такъ полны и бочковаты, какъ бывають только у молодого человѣка. На головѣ его, изъ-подъ короткихъ волосъ, видны были глубокіе, зажившіе шрамы. Жилстая, толстая шея, была какъ у быка покрыта клѣтчатыми складками. Корявыя руки были сбиты и исцарапаны. Онъ легко перешагнувъ черезъ порогъ, освободился отъ ружья, поставилъ его въ уголъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ и оцѣнилъ сложенные въ хатѣ пожитки, и вывернутыми ногами въ поршняхъ, не топая, вышелъ на средину комнаты. Съ нимъ вмѣстѣ проникъ въ комнату сильный, но не непріятный, смѣшанный запахъ чихирю, водки, пороху и запекшейся крови.

Дядя Ерошка поклонился образамъ, расправилъ бороду, и подойдя къ Оленину, подаль ему свою черную толстую руку.

— *Кошкильды!* сказалъ онъ. — Это по-татарски значитъ: здравія желаемъ, миръ вамъ, поихнему.

— *Кошкильды!* Я знаю, отвѣчалъ Оленинъ, подавая ему руку.

— Э, не знаешь, не знаешь порядковъ! Дуракъ! сказалъ дядя Ерошка, укоризненно качая головой. — Коли тебя *кошкильды* говорятъ, ты скажи: *алла рази бо сунъ*, спаси Богъ. Такъ-то отецъ мой, а не *кошкильды*. Я тебя всему научу. Такъ-то былъ у насъ Илья Мосейчъ, вашъ русскій, такъ мы съ нимъ кунаки были. Молодецъ былъ. Пьяница, воръ, охотникъ, ужъ какой охотникъ! Я его всему научилъ.

— Чему жъ ты меня научишь? спросилъ Оленинъ, все болѣе и болѣе интересоваваясь старикомъ.

— На охоту тебя поведу, рыбу ловить научу, чеченцевъ покажу, душевнѣку хочешь, и ту доставлю. Вотъ я какой человѣкъ! — Я шутникъ! — И старикъ засмѣялся. — Я сяду, отецъ мой, я усталъ. Карга? прибавилъ онъ вопросительно.

— А карга что значитъ? спросилъ Оленинъ.

— А это значитъ: *хорошо* по-грузински. А я такъ говорю; поговорка моя, слово любимое: карга; карга, такъ и говорю, значитъ *шутю*. Да что, отецъ мой, чихирю-то вели поднести. Солдатъ драбантъ есть у тебя? Есть? Иванъ! закричалъ старикъ. — Вѣдь у васъ что ни солдатъ, то Иванъ. Твой Иванъ, что ли?

— И то Иванъ. Ванюша! Возьми пожалуйста у хозяевъ чихиря, и принеси сюда.

— Все одно, что Ванюша, что Иванъ. Отчего у васъ, у солдатъ, все Иваны? Иванъ! повторилъ старикъ. Ты спроси, батюшка, изъ начатой бочки. У нихъ первый чихирь въ станицѣ. Да больше тридцати копѣекъ за осьмуху, смотри, не давай; а то она, вѣдьма, рада... Нашъ народъ анаемскій, глупый народъ, продолжалъ дядя Ерошка, довѣр-

чивымъ тономъ, когда Ванюша вышелъ: — они васъ не за людей считаютъ. Ты для нихъ хуже татарина. Мирскіе, молъ, русскіе. А по моему, хоты и солдатъ, а все человѣкъ, тоже душу въ себѣ имѣешь. Такъ ли я сужу? — Илья Мосейчъ солдатъ былъ, а какой золотой человѣкъ былъ! Такъ ли, отецъ мой? За то-то меня наши и не любятъ; а мяѣ все равно. Я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю, я, Ерошка! Такъ-то, отецъ мой!

И старикъ ласково потрепалъ по плечу молодого человѣка.

XII.

Ванюша, между тѣмъ, успѣвшій уладить свое хозяйство и даже обрившійся у ротнаго цирюльника и выпустившій панталоны изъ сапогъ, въ знакъ того, что рота стоитъ на просторныхъ квартирахъ, находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Онъ внимательно, но недоброжелательно посмотрѣлъ на Ерошку какъ на дикаго невиданнаго звѣря, покачалъ головой на запачканный имъ полъ, и взявъ изъ-подъ лавки двѣ пустыя бумажки, отправился къ хозяевамъ.

— Здравствуйте, любезненькія, сказалъ онъ, рѣшившись быть особенно кроткимъ. — Баринъ велѣлъ чихирю купить; налейте, добряшки.

Старуха ничего не отвѣтила. Дѣвка, стоя передъ маленькимъ татарскимъ зеркальцемъ, убирала платкомъ голову; она молча оглянулась на Ванюшу.

— Я деньги заплачу, почтенныя, сказалъ Ванюша, потрахиная въ карманѣ мѣдными. — Вы будьте добрыя, и мы добрые будемъ, такъ-то лучше, прибавилъ онъ.

— Много ли? отрывисто спросила старуха.

— Осьмушку.

— Поди родная, нацѣди имъ, сказала бабука Улита, обращаясь къ дочери. — Изъ начатой налей, желанная.

Дѣвка взяла ключи и графинъ, и вмѣстѣ съ Ванюшей вышла изъ хаты.

— Скажи пожалуйста: кто это такая женщина? спросилъ офицеръ, указывая на Марьянку, которая въ это время проходила мимо окна.

Старикъ подмигнулъ и толкнулъ локтемъ молодого человѣка.

— Постой, проговорилъ онъ, и высунулся въ окно. — Кхм! Кхм! закашлялъ и замычалъ онъ. — Марьянушка! А, нянюка Марьянка. Полюби меня, душевнѣка. Я шутникъ, прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь къ Оленину.

Дѣвка, не оборачивая головы, ровно и сильно размахивая руками, шла мимо окна тою особенною, щеголеватую, молодецкою походкою, которою ходятъ казанки. Она только медленно повела на старика своими черными, отѣненными глазами.

— Полюби меня, будешь счастливая! закричал Ерошка, и подмигивая, вопросительно взглянул на офицера. — Я молодецъ, я шутникъ, прибавилъ онъ. — Королева дѣвка? А!

— Красавица, сказалъ Оленинъ. — Позови ее сюда.

— Ни, ни! проговорилъ старикъ. — Эту сватаютъ за Лукашку. Лука—казакъ молодецъ, джигитъ, намеренъ абрека убить. Я тебѣ лучше найду. Такую добуду, что вся въ шелку, да въ серебрѣ ходить будетъ. Ужъ сказалъ, сдѣлаю; красавицу достану.

— Старикъ, а что говоришь, сказалъ Оленинъ: — вѣдь это грѣхъ?

— Грѣхъ? Гдѣ грѣхъ? рѣшительно отвѣчалъ старикъ. — На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасенье. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все Онъ, батюшка, сдѣлалъ. Такъ на хорошую дѣвку смотрѣть не грѣхъ. На то она сдѣлана, чтобъ ее любить, да на нее радоваться. Такъ-то я сужу, добрый человекъ.

Пройдя черезъ дворъ и войдя въ темную, прохладную клѣтъ заставленную бочками, Марьяна съ привычною молитвою подошла къ бочкѣ и опустила въ нее ливеръ. Ванюша, стоя въ дверяхъ, улыбался глядя на нее. Ему ужасно смѣшно казалось, что на ней одна рубаха, обтянута сзади и подпернута спереди, и еще смѣшнѣе то, что на шеѣ висѣли полтинники. Онъ думалъ, что это не по-русски, и что у нихъ, въ дворнѣ, то-то смѣху было бы, кабы такую дѣвку увидали. «*Ла филь комъ се тре бье* для разнообразія,» думалъ онъ, — «скажу теперъ барину.»

— Что застѣлѣ-то чортъ! вдругъ крикнула дѣвка. — Подаль бы графинъ-то.

Нацѣдивъ полный графинъ холоднымъ краснымъ виномъ, Марьяна подала его Ванюшѣ.

— Мамукъ деньги отдай, сказала она, отталкивая руку Ванюши съ деньгами.

Ванюша усмѣхнулся.

— Отчего вы такія сердитыя, миленькія, сказалъ онъ, добродушно переминаясь въ то время, какъ дѣвка закрывала бочку.

Она засмѣялась.

— А вы развѣ добрые?

— Мы съ господиномъ очень добрые, убѣдительно отвѣчалъ Ванюша. — Мы такіе добрые, что гдѣ ни жили, вездѣ намъ хозяева наши благодарны оставались. Потому благородный человекъ.

Дѣвка пріостановилась слушая.

— А что онъ женатый, твой панъ-то? спросила она.

— Нѣтъ! Нашъ баринъ молодой и не женатый. Потому господа благородные никогда молоды женщины не могутъ, поучительно возразилъ Ванюша.

— Легко ли! Какой буйволъ развѣлся, а жениться молодъ! Онъ у васъ у всѣхъ начальникъ? спросила она.

— Господинъ мой юнкеръ, значитъ, еще не офицеръ. А званіе-то имѣетъ себѣ больше генерала—большаго лица. Потому что не только нашъ полковникъ, а самъ царь его знаетъ, гордо объяснилъ Ванюша. — Мы не такіе, какъ другая армейская голь, а нашъ папенька самъ сенаторъ; тысячу, больше, душъ мужиковъ себѣ имѣлъ и намъ по тысячѣ присылаютъ. Потому насъ всегда и любятъ. А то пожалуй и капитанъ, да денегъ нѣтъ. Что проку-то?..

— Иди, запру, прервала дѣвка.

Ванюша принесъ вино и объявилъ Оленину, что *ла филь се тре жули*, и тотчасъ же съ глупымъ хохотомъ ушелъ.

XIII.

Между тѣмъ на площади пробилъ зорю. Народъ возвратился съ работъ. Въ воротахъ замычало стадо, толпясь въ пыльномъ золотистомъ облакѣ. И дѣвки, и бабы засуетились по улицамъ и дворамъ, убирая скотину. Солнце скрылось совсѣмъ за далекимъ снѣжнымъ хребтомъ. Одна голубоватая тѣнь разостлалась по землѣ и небу. Надъ потемнѣвшими садами чуть замѣтно зажглись звѣзды и звуки по-немногу затихали въ станицѣ. Убравъ скотину, казачки выходили на углы улицъ, и пощелкивая сѣмья, усаживались на завалинкахъ. Къ одному изъ такихъ кружковъ, подоивъ двухъ коровъ и бойволицу, присоединилась и Марьянка.

Кружокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ бабъ и дѣвокъ съ однимъ старымъ казакомъ.

Рѣчь шла объ убитомъ абрекѣ. Казакъ рассказывалъ, бабы спрашивали.

— А награда, я чай, большая ему будетъ? говорила казачка.

— А то какже? Баютъ, крестъ вышлютъ.

— Мосевъ и то хотѣлъ его обидѣть. Ружье отнялъ, да начальство въ Кизлярѣ узнало.

— То-то подлая душа, Мосевъ-то.

— Сказывали, пришелъ Лукашка-то, сказала одна дѣвка.

— У Ямки (Ямка была холостая распутная казачка, державшая шинокъ) съ Назаркой гуляютъ. Сказываетъ полведра выпили.

— Эко Урвану счастье! сказалъ кто-то. — Прямо что Урванъ. Да что! малый хорошъ. Куда ловокъ! Справедливый малый. Такой же отецъ былъ, батяка Кирьякъ; въ отца весь. Какъ его убили, вся станица по немъ выла. — Вонъ они идутъ никакъ, продолжала говорившая, указывая на казаковъ, подвигавшихся къ нимъ по улицѣ. — Ергушовъ-то поспѣлъ съ ними! Вишь пьяница!

Лукашка съ Назаркой и Ергушевымъ, выпивъ полведра, шли къ дѣвкамъ. Они все трое, въ особенности старый казакъ, были красивѣе обыкновеннаго. Ергушовъ пошатывался, и все, громко смѣясь, толкалъ подъ бока Назарку.

— Что, скурехи, пѣсень не играете! крикнулъ

онъ на дѣвокъ.—Я говорю, играйте на наше гулянье.

— Здорово дневали? Здорово дневали? послушались привѣтствія.

— Что играть? развѣ праздникъ? сказала баба.— Ты надулся, и играй.

Ергушовъ захохоталъ и толкнулъ Назарку: — Играй ты, что ль! И я заиграю, я ловокъ, я говорю.

— Что красавицы заснули? сказалъ Назарка.— Мы съ кордона *помолить* (*) пришли. Вотъ Лукашку *помоли*.

Лукашка, подойдя къ кружку, медленно приподнял папаху и остановился противъ дѣвокъ. Широкия скулы и шея были у него красны. Онъ стоялъ и говорилъ тихо, степенно; но въ этой медленности и степенности движеній было больше оживленности и силы чѣмъ въ болтовнѣ и суетнѣ Назарки. Онъ напоминалъ разыгравшагося жеребца, который, взвивъ хвостъ и фыркнувъ, остановился какъ вкопанный всѣми ногами. Лукашка тихо стоялъ передъ дѣвками; глаза его смѣялись; онъ говорилъ мало, поглядывая то на пьяныхъ товарищей, то на дѣвокъ. Когда Марьяна подошла къ углу, онъ ровнымъ, неторопливымъ движеніемъ, приподнял шапку, посторонился, и снова сталъ противъ нея, слегка отставивъ ногу, заложивъ большіе пальцы за поясъ и поигрывая кинжаломъ. Марьяна, въ отвѣтъ на его поклонъ, медленно нагнула голову, усѣлась на завалинкѣ и достала изъ-за пазухи сѣмя. Лукашка, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Марьяну, и шелкая сѣмя, поплевывалъ. Всѣ затихли, когда подошла Марьяна.

— Что же? надолго пришли? спросила казачка, прерывая молчанье.

— До утра, степенно отвѣчалъ Лукашка.

— Да что жъ, дай Богъ тебѣ интересъ хорошій, сказалъ казакъ: — я радъ, сейчасъ говорилъ.

— И я говорю, подхватилъ пьяный Ергушовъ смѣясь. — Гостей-то что! прибавилъ онъ, указывая на проходившаго солдата. — Водка хороша солдатская, люблю!

— Трехъ дьяволовъ къ намъ пригнали, сказала одна изъ казачекъ. — Ужъ дѣдука въ станичное ходилъ; да ничего, бають, сдѣлать нельзя.

— Ага! Аль горе узнала? сказалъ Ергушовъ.

— Табачищемъ закурили небось? спросила другая казачка. — Да кури на дворѣ, сколько хошь, а въ хату не пустимъ. Хошь станичный приходи, не *пустю*. Обокрадутъ еще. Вишь онъ, небось, чортъ сынъ къ себѣ не поставилъ, станичный-то.

— Не любишь! опять сказалъ Ергушовъ.

— А то бають еще, дѣвкамъ постелю стлать велѣно для солдатовъ и чихиремъ съ медомъ поить, сказалъ Назарка, отставляя ногу какъ Лукашка, и также какъ онъ сбивая на затылокъ папаху.

(*) «Помолить» на казачьемъ языкѣ значить за виномъ поздравить кого-нибудь или пожелать счастья вообще: употребляется въ смыслѣ выпить.

Ергушовъ разразился хохотомъ, и ухвативъ, обнялъ дѣвку, которая ближе сидѣла къ нему: — Вѣрно, говорю.

— Ну смола! запищала дѣвка: — бабѣ скажу.

— Говори! закричалъ онъ. — И впрямь Назарка правду баить; цыдула была, вѣдь онъ грамотный Вѣрно. — И онъ принялся обнимать другую дѣвку по порядку.

— Что присталъ, сволочь? смѣясь запищала румяная круглолицая Устенъка, замахиваясь на него.

Казакъ посторонился и чуть не упалъ.

— Вишь, говорятъ, у дѣвокъ силы нѣту: убила было совсѣмъ.

— Ну, смола, чортъ тебя принесъ къ кордону! проговорила Устенъка, и отвернувшись отъ него, снова фыркнула со смѣху. — Проспалъ было абрека-то? Вотъ онъ бы тебя сръзалъ, и лучше бы было.

— Завыла бы небось! засмѣялся Назарка.

— Такъ тебѣ и завою!

— Вишь ей и горя нѣтъ. Завыла бы? Назарка, а? говорилъ Ергушовъ.

Лукашка все время молча глядѣлъ на Марьянку. Взглядъ его видимо смущалъ дѣвку.

— А что, Марьянка, слышь, начальника у васъ поставили? сказалъ онъ, подвигаясь къ ней.

Марьянка, какъ всегда, не съ разу отвѣчала, и медленно подняла глаза на казаковъ. Лукашка смѣялся глазами, какъ будто что-то особенное, независимое отъ разговора, происходило въ это время между нимъ и дѣвкой.

— Да, имъ хорошо какъ двѣ хаты есть, вмѣшалась за Марьяну старуха: — а вотъ къ Омушкинымъ тоже ихняго начальника отвели, такъ, бають, весь уголъ добромъ загородилъ, а съ своею семьей дѣваться некуда. Слыхано ли дѣло, цѣлую орду въ станицу пригнали! Что будешь дѣлать! сказала она. — И каку черную немочь они тутъ рабобатать будутъ!

— Сказываютъ, мостъ на Тереку стронть будутъ, сказала одна дѣвка.

— А мнѣ сказывали, промолвилъ Назарка, подходя къ Устенкѣ, — яму рыть будутъ, дѣвокъ сажать за то, что ребятъ молодыхъ не любятъ. — И опять онъ сдѣлалъ любимое колѣнцо, вслѣдъ за которымъ всѣ захохотали, а Ергушовъ тотчасъ же сталъ обнимать старую казачку, пропустивъ Марьянку, слѣдовавшую по порядку.

— Что жъ Марьянку не обнимаешь? Всѣхъ бы по порядку, сказалъ Назарка.

— Нѣ, моя старая слаще, крпчалъ казакъ, цѣлуя отбивавшуюся старуху.

— Задушить, кричала она смѣясь.

Мѣрный топотъ шаговъ на концѣ улицы прервалъ хохотъ. Три солдата въ шинеляхъ, съ ружьями на плечо, шли въ ногу на смѣну къ ротному ящику. Ефрейторъ, старый кавалеръ, сердито глянувъ на казаковъ, провелъ солдатъ такъ, что Лукашка съ Назаркой, стоявшіе на самой дорогѣ, должны были посторониться. Назарка отступилъ, но Лукашка,

только прищурившись, оборотилъ голову и широкую спину, и не тронулся съ мѣста.

— Люди стоятъ, обойди, проговорилъ онъ, только искоса и презрительно кивнувъ на солдатъ.

Солдаты молча прошли мимо, мѣрно отбивая шагъ по пыльной дорогѣ.

Марьяна засмѣялась, и за ней всѣ дѣвки.

— Эки нарядные ребята! сказалъ Назарка. — Ровно уставщики длиннополые, — и онъ промаршировалъ по дорогѣ, передразнивая ихъ.

Всѣ опять разразились хохотомъ.

Лукашка медленно подошелъ къ Марьянѣ.

— А начальниекъ у васъ гдѣ стоитъ? спросилъ онъ.

Марьяна подумала.

— Въ новую хату пустили, сказала она.

— Что онъ старый или молодой? спросилъ Лукашка, подсаживаясь къ дѣвкѣ.

— А я развѣ спрашивала, отвѣчала дѣвка. — За чихиремъ ему ходила, видѣла съ дядей Ерошкой въ окнѣ сидѣть, рыжій какой-то. А добра цѣлую арбу полную привезли.

И она опустила глаза.

— Ужъ какъ я радъ, что пришлось съ кордо-на выпроситься! сказалъ Лукашка, ближе придвигаясь на завалинкѣ къ дѣвкѣ, и все глядя ей въ глаза.

— Что жъ надолго пришель? спросила Марьяна слегка улыбаясь.

— До утра. Дай сѣмечекъ, прибавилъ онъ, протягивая руку.

Марьяна совсѣмъ улыбулась и открыла воротъ рубахи. — Всѣ не бери, сказала она.

— Право все о тебѣ скучился, ей-Богу, сказалъ сдержанно спокойнымъ шепотомъ Лука, доставая сѣмечки изъ-за пазухи дѣвки, и еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шепотомъ говорить что-то, смѣясь глазами.

— Не приду, сказано, вдругъ громко сказала Марьяна, отклоняясь отъ него...

— Право... Что я тебѣ сказать хотѣлъ, прошепталъ Лукашка: — ей-Богу! Приходи, Машенька.

Марьянка отрицательно покачала головой, но улыбалась.

— Нянюка Марьянка! А, нянюка! Мамука ужинаетъ зоветь, прокричалъ, подбѣгая къ казачкамъ, маленькій братъ Марьяны.

— Сейчасъ приду, отвѣчала дѣвка: — ты иди, батюшка, иди одинъ; сейчасъ приду.

Лукашка всталъ и приподнялъ папаху.

— Видно и мнѣ домой пойти, дѣло-то лучше будетъ, сказалъ онъ, притворяясь небрежнымъ, но едва сдерживая улыбку, и скрылся за угломъ дома.

Между тѣмъ ночь уже совсѣмъ опустилась надъ станицей. Яркія звѣзды высыпали на темномъ небѣ. По улицамъ было темно и пусто. Назарка остался съ казачками на завалинкѣ, и слышался ихъ хохотъ. А Лукашка, отойдя тихимъ шагомъ

отъ дѣвокъ, какъ кошка пригнулся, и вдругъ неслышно побѣжалъ, придерживая мотавшійся кинжалъ, не домой, а по направленію къ дому хорунжаго. Пробѣжалъ двѣ улицы и завернувъ въ переулочъ, онъ подобралъ черкеску и сѣлъ на земь въ тѣни забора. «Ишь хорунжиха!» думалъ онъ про Марьяну: «и не пошутить, чортъ! Дай срокъ.»

Шаги приближавшейся женщины развлекли его. Онъ сталъ прислушиваться и засмѣялся самъ съ собою. Марьяна, опустивъ голову, шла скорыми и ровными шагами прямо на него, постукивая хворостиной по кольямъ забора. Лукашка приподнялся. Марьянка вздрогнула и пріостановилась.

— Вишь чортъ проклятый! Напугалъ меня. Не пошелъ же домой, сказала она, и громко засмѣялась.

Лукашка обнялъ одною рукою дѣвку, а другою взялъ ее за лицо. — Чтѣ я тебѣ сказать хотѣлъ... ей-Богу!.. голосъ его дрожалъ и прерывался.

— Каки разговоры нашель по ночамъ, отвѣчала Марьяна. — Мамука ждетъ, а ты къ своей душенькѣ поди.

И освободившись отъ его руки, она отбѣжала нѣсколько шаговъ. Дойдя до плетня своего двора, она остановилась и оборотилась къ казаку, который бѣжалъ съ ней рядомъ, продолжая уговаривать ее подождать на часокъ.

— Ну, чтѣ сказать хотѣлъ, полуночникъ! — И она опять засмѣялась.

— Ты не смѣйся надо мной, Марьяна! Ей-Богу! Что жъ, что у меня душенька есть? А чортъ ее возьми! Только слово скажи, ужъ такъ любить буду—чтѣ хошь, то и сдѣлаю. Вонъ они! (И онъ погремѣлъ деньгами въ карманѣ.) Теперь зажвемъ. Люди радуются, а я что? Не вижу отъ тебя радости никакой, Марьянушка!

Дѣвка ничего не отвѣчала, стояла передъ нимъ, и быстрыми движеніями пальцевъ на мелкіе куски ломала хворостинку.

Лукашка вдругъ стиснулъ кулаки и зубы.

— Да и что все ждѣть да ждѣть! Я ли тебя не люблю, матушка! Чтѣ хочешь надо мной дѣлай, вдругъ сказалъ онъ, злобно хмурясь и схватилъ ее за обѣ руки.

Марьяна не измѣнила спокойнаго выраженія лица и голоса.

— Ты не куражся, Лукашка, а слушай ты мои слова, отвѣчала она, не вырывая рукъ, но отдаляя отъ себя казака. — Извѣстно я дѣвка, а ты меня слушай. Воля не моя, а коли ты меня любишь, я тебѣ вотъ чтѣ скажу. Ты руки-то пусти, я сама скажу. Замужъ пойду, а глупости отъ меня никакой не дождешься, сказала Марьяна, не отворачивая лица.

— Что замужъ пойдешь? Замужъ — не наша власть. Ты сама полюби, Марьянушка, говорилъ Лукашка, вдругъ изъ мрачнаго и рьянаго сдѣлавшись опять кроткимъ, покорнымъ и нѣжнымъ, улыбаясь и близко глядя въ ея глаза.

Марьяна прижалась къ нему, и крѣпко поцѣловала его въ губы.

— Братецъ! прошептала она, порывисто прижимая его къ себѣ. Потомъ вдругъ вырвавшись побѣжала, и не оборачиваясь, повернула въ ворота своего дома.

Несмотря на просьбы казака подождать еще минутку, послушать что онъ ей скажетъ, Марьяна не останавливалась.

— Иди! Увидать! проговорила она.—Вонъ и то кажись постоялецъ нашъ, чортъ, по двору ходить.

«Хорунжика!» думалъ себѣ Лукашка: «Замужъ поидеть! Замужъ само собой, а ты полюби меня.»

Онъ засталъ Назарку у Ямки, и съ нимъ вмѣстѣ погулявъ, пошелъ къ Дунашкѣ, и несмотря на ея невѣрность, ночевалъ у нея.

XIV.

Дѣйствительно, Оленинъ ходилъ по двору въ то время какъ Марьяна прошла въ ворота, и слышалъ какъ она сказала: «постоялецъ-то чортъ ходитъ.» Весь этотъ вечеръ провелъ онъ съ дядей Ерошкой на крыльцѣ своей новой квартиры. Онъ велѣлъ вынести столъ, самоваръ, вино, зажженную свѣчу, и за стаканомъ чая и сигарой, слушалъ рассказы старика, усѣвшагося у его ногъ на приступочкѣ. Несмотря на то, что воздухъ былъ тихъ, свѣча плыла и огонь метался въ разныя стороны, освѣщая то столбикъ крылечка, то столъ и посуду, то бѣлую, стриженую голову старика. Ночныя бабочки вились, и сыпля пыль съ крылышекъ, бились по столу и въ стаканахъ, то влетали въ огонь свѣчи, то исчезали въ черномъ воздухѣ, внѣ освѣщеннаго круга. Оленинъ выпилъ съ Ерошкой вдвоемъ пять бутылокъ чихиря. Ерошка всякій разъ, наливая стаканы, подносилъ одинъ Оленину, здороваясь съ нимъ, и говорилъ безъ усталости. Онъ рассказывалъ про старое житье казаковъ, про своего батюшку *широкаго*, который одинъ, на спинѣ, приносилъ кабанью тушу въ десять пудъ, и выпивалъ въ одинъ присѣстъ два ведра чихирю. Рассказалъ про свое времячко и своего *няню* (*) Гирчика, съ которымъ онъ изъ-за Тереку во время чумы бурки переправлялъ. Рассказалъ про охоту, на которой онъ въ одно утро двухъ оленей убилъ. Рассказалъ про свою *душеньку*, которая за нимъ по ночамъ на кордонъ бѣгала. И все это такъ краснорѣчиво и живописно рассказывалось, что Оленинъ не замѣчалъ какъ проходило время.

— Такъ-то, отецъ ты мой, говорилъ онъ, — не зналъ ты меня въ мое золотое времячко, я бы тебѣ все показалъ. Нынче Ерошка кувшинъ обли-залъ, а то Ерошка по всему полку гремѣлъ. У

кого первый конь, у кого шашка гурда, (*) къ кому выпить пойдти, съ кѣмъ погулять? Кого въ горы послать, Ахметъ-хана убить? Все Ерошка. Кого дѣвки любятъ? все Ерошка отвѣчалъ. Потому что я настоящій джигитъ былъ. Пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ. Нынче ужъ и казаковъ такихъ нѣту. Глядѣть скверно. Отъ земли вотъ (Ерошка указалъ на аршинъ отъ земли); сапоги дурацкіе надѣнетъ, все на нихъ смотреть; только и радости. Или пьянъ надуется; да и напьется не какъ чело-вѣкъ, а такъ что-то. А я кто былъ? Я былъ Ерош-ка воръ; меня, мало по станицамъ, въ горахъ-то знали. Кунаки-князья прїѣзжали. Я бывало со всѣми кунакъ. Татаринъ — татаринъ; армяшка — армяшка; солдатъ — солдатъ; офицеръ — офи-церъ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говорить, очиститься долженъ отъ міра сообщ-щенія: съ солдатомъ не пей, съ татаринѣмъ не ѣшь.

— Кто это говорить? спросилъ Оленинъ.

— А уставщики наши. А муллу или кадїя та-тарскаго послушай. Онъ говоритъ: «вы невѣрные гауры, зачѣмъ ѣдите?» Значитъ, всякій свой за-конъ держитъ. А по моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость чело-вѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хотя съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и лопаешь. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь, при-бавилъ онъ, помолчавъ.

— Что фальшь? спросилъ Оленинъ.

— Да что уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Червленной, войсковой старшина — кунакъ мнѣ былъ. Моледецъ былъ, какъ и я, такой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что это все уставщики изъ своей головы выдумывають. Сдохнешь, говорить, трава выростетъ на могилкѣ, вотъ и все. (Старикъ засмѣялся.) Отчаян-ный былъ!

— А сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Оленинъ.

— А Богъ е знаетъ! Годовъ семьдесятъ есть. Куда у васъ царица была, я ужъ не махонькинъ былъ. Вотъ ты и считай, много ли будетъ. Годовъ семьдесятъ будетъ?

— Будетъ. А ты еще молодецъ.

— Что жъ, благодарю Бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба вѣдьма испортила...

— Какъ?

— Да такъ испортила....

— Такъ какъ умрешь, трава выростетъ? повто-рилъ Оленинъ.

Ерошка видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помолчалъ немного.

— А ты какъ думалъ? Пей! закричалъ онъ улы-баясь, и поднося вино.

(*) «Няней» называется въ прямомъ смыслѣ всегда старшая сестра, а въ переносномъ «няней» называется другъ.

(*) Шашки и кинжалы, дороже всего цѣпимые на Кавказѣ, называются по мастеру — Гурда.

XV.

— Такъ о чемъ бишь я говорилъ? продолжалъ онъ, припоминая. — Такъ вотъ я какой человѣкъ! Я охотникъ. Противъ меня другаго охотника по полку нѣтъ. Я тебѣ всякаго звѣря, всякую птицу найду и укажу; и что и гдѣ все знаю. У меня и собаки есть, и два ружья есть, и сѣти, и кобылка, и ястребъ, все есть, благодарю Бога. Коли ты настоящій охотникъ, не хвастаешь, я тебѣ все покажу. Я какой человѣкъ? Слѣдъ найду; ужъ я его знаю, звѣря, и знаю, гдѣ ему лечь и куда пить или валяться придетъ. Лопазикъ (*) сдѣлаю, и сижу ночь, караулю, что дома-то сидѣтъ! Только нагрѣшить, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придутъ, тары да бары; мальчишки кричатъ; угрошишь еще. То ли дѣло на зорькѣ выйдешь, мѣстечко выберешь, камышъ прижмешь, сядешь и сидишь, добрый молодецъ, дожидаясь. Все-то ты знаешь, что въ лѣсу дѣлается. На небо взглянешь? Звѣздочки ходятъ, разсматриваешь по нимъ, гляди, времени много ли. Кругомъ поглядишь? Лѣсъ шелхается, все ждешь вотъ-вотъ затрещитъ, придетъ кабанъ мазаться. Слушаешь, какъ тамъ орлы молодые запищать, пѣтухи ли въ станицѣ откликнутся или гуси. Гуси такъ до полночи, значитъ. И все это я знаю. А то какъ ружье гдѣ далече ударить, мысли придутъ. Подумаешь: кто это стрѣлилъ? Казакъ, также какъ я, звѣря выждалъ, и попалъ ли онъ его, или такъ только испортилъ, и пойдетъ сердечный по камышу кровь мазать, такъ даромъ. Не люблю, охъ! не люблю! Зачѣмъ звѣря испортилъ? Дуракъ! Дуракъ! Или думаешь себѣ: «Можетъ абрекъ какого казачонка глупаго убилъ.» Все это въ головѣ у тебя ходитъ. А то разъ, сидѣлъ на водѣ, смотрю зыбка съ верху плыветъ. Вовсе цѣлая, только край отломанъ. То-то мысли пришли. Чья такая зыбка? Должно, думаю, ваши черти солдаты въ аулъ пришли, чеченокъ побрали, ребеночка убилъ какой чортъ: взялъ за ножни, да объ уголь. Развѣ не дѣлаютъ такъ-то? Эхъ, души нѣтъ въ людяхъ! И такія мысли пришли, жалко стало. Думаю: зыбку бросили и бабу угнали, домъ сожгли, а джигитъ взялъ ружье, на нашу сторону пошелъ грабить. Все сидишь, думаешь. Да какъ слышишь, по чашѣ табунокъ ломится, такъ и застучитъ въ тебѣ что. Матушки, подойдите. Обнюхаютъ, думаешь себѣ; сидишь, недогнешься, а сердце: дунь! дунь! дунь! Такъ тебя и подкидываетъ. Нынче весной такъ-то подошелъ табунъ важный, зачернилъ. «Отцу и Сыну....» ужъ хотѣлъ стрѣлять. Какъ одна фыркнетъ на своихъ на поросятъ. «Бѣда молъ дѣтки: человѣкъ сидитъ,» и затрещали всѣ прочь по кустамъ. Такъ такъ бы кажется зубомъ сѣлъ ее.

(*) «Лопазикъ» называется мѣсто для сидѣнья на столбахъ или деревьяхъ.

— Какъ же это свинья поросатамъ сказала, что человѣкъ сидитъ? спросилъ Оленинъ.

— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ звѣрь-то. Нѣтъ, онъ умнѣй человѣка, даромъ что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми; человѣкъ по слѣду пройдетъ не замѣтитъ, а свинья какъ наткнется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ одуетъ и прочь; значитъ, умъ въ ней есть, что ты свою вонь не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь Божія. Эхъ-ма! Глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ! повторилъ нѣсколько разъ старикъ, и опустивъ голову, задумался.

Оленинъ тоже задумался, и спустившись съ крыльца, заложивъ руки за спину, молча сталъ ходить по двору.

Очнувшись, Ерощка поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

— Дура, дура! заговорилъ онъ. — Куда летишь? Дура! Дура! Онъ приподнялся, и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ.

— Сгоришь, дурочка, вотъ сюда лети, мѣста много, приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать ее за крылышки и выпустить. — Сама себя губишь, а я тебя жалѣю.

Онъ долго сидѣлъ, болтая и попивая изъ бутылки. А Оленинъ ходилъ взадъ и впередъ по двору. Вдругъ шопотъ за воротами поразилъ его. Невольно притаивъ дыханіе, онъ разслышалъ женскій смѣхъ, мужской голосъ и звукъ поцѣлуя. Нарочно шурша по травѣ ногами, онъ отошелъ на другую сторону двора. Но черезъ нѣсколько времени плетень затрещалъ. Казакъ, въ темной черкескѣ и бѣломъ *куртѣ* на шапкѣ (это былъ Лука), прошелъ вдоль забора, а высокая женщина въ бѣломъ платкѣ прошла мимо Оленина. Ни мнѣ до тебя, ни тебѣ до меня, нѣтъ никакого дѣла, казалось сказала ему рѣшительная походка Марьянки. Онъ проводилъ ее глазами до крыльца хозяйской хаты, замѣтилъ даже черезъ окно, какъ она сняла платокъ и сѣла на лавку. И вдругъ чувство тоски одиночества, какихъ-то неясныхъ желаній и надеждъ, и какой-то къ кому-то зависти охватили душу молодаго человѣка.

Послѣдніе огни потухли въ хатахъ. Послѣдніе звуки затихли въ станицѣ. И плетни и бѣлѣвшая на дворахъ скотина, и крыши домовъ, и стройныя ранны, все казалось спало здоровымъ, тихимъ, трудовымъ сномъ. Только звенящіе непрерывные звуки лягушекъ долетали изъ сыррой дали до напряженного слуха. На востокъ звѣзды становились рѣже и, казалось, расплывались въ усиливавшемся свѣтѣ. Надъ головой они высыпали все глубже и чаще. Старикъ, облокотивъ голову на руку, задремалъ.

Пѣтухъ вскрикнулъ на противоположномъ дворѣ. А Оленинъ все ходилъ и ходилъ, о чемъ-то думая. Звукъ пѣсни въ нѣсколько голосовъ долетѣлъ до его слуха. Онъ подошелъ къ забору и сталъ прислушиваться. Молодые голоса казаковъ заливались веселою пѣсней, и изъ всѣхъ рѣзкою силой выдавался одинъ молодой голосъ.

— Это знаешь кто поетъ? сказалъ старикъ очнувшись. — Это Лукашка джигитъ. Онъ чеченца убилъ; то-то и радуется. И чему радуется, дуракъ, дуракъ!

— А ты убивалъ людей? спросилъ Оленинъ.

Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя, и близко придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

— Чортъ! закричалъ онъ на него. — Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудро, охъ, мудро! Прощай отецъ мой, и сытъ и пьянъ, сказалъ онъ вставая. — Завтра на охоту приходите?

— Приходи.

— Смотри раньше вставать, а проспшишь — штрафъ.

— Небось раньше тебя встану, отвѣчалъ Оленинъ.

Старикъ вошелъ. Пѣсня замолкла. Послышались шаги и веселый говоръ. Немного погодя, раздалась опять пѣсня, но дальше и громкій голосъ Ерошки присоединился къ прежнимъ голосамъ. «Что за люди, что за жизнь!» подумалъ Оленинъ, вздохнулъ, и одинъ вернулся въ свою хату.

XVI.

Дядя Ерошка былъ заштатный и одинокій казакъ; жена его, лѣтъ двадцать тому назадъ, выкрестившись въ православныя, сбѣжала отъ него и вышла замужъ за русскаго фельдфебеля; дѣтей у него не было. Онъ не хвасталъ рассказывая про себя, что былъ въ старину первый молодецъ въ станицѣ. Его всѣ знали по полку за его старинное молодечество. Не одно убійство и чеченцевъ, и русскихъ было у него на душѣ. Онъ и въ горы ходилъ, и у русскихъ воровалъ, и въ острогѣ два раза сидѣлъ. Большая часть его жизни проходила на охотѣ въ лѣсу, гдѣ онъ питался по суткамъ однимъ кускомъ хлѣба и ничего не пилъ кромѣ воды. За то въ станицѣ онъ гулялъ съ утра до вечера. Вернувшись отъ Оленина, онъ заснулъ часа на два, и еще до свѣта проснувшись, лежалъ на своей кровати и обсуживалъ человѣка, котораго онъ вчера узналъ. Простота Оленина очень понравилась ему (простота въ томъ смыслѣ, что ему не жалѣли вина). И самъ Оленинъ понравился ему. Онъ удивлялся почему русскіе всѣ *просты* и богаты, и отчего они ничего не знаютъ, а всѣ ученые. Онъ обдумалъ самъ съ собою и эти вопросы, и то чего бы выпросить себѣ у Оленина. Хата дяди Ерошки была довольно большая и не

старая, но замѣтно было въ ней отсутствіе женщины. Вопреки обычной казаковъ заботливости о чистотѣ, горница вся была загажена и въ величайшемъ беспорядкѣ. На столѣ были брошены, окровавленный зипунъ, половина сдобной лепешки, и рядомъ съ ней ошипанная и разорванная галка для прикармливанія ястреба. На лавкахъ, разбросанные, лежали поршни, ружье, кинжалъ, мѣшечекъ, мокрое платье и тряпки. Въ углу, въ кадущкѣ съ грязною вонючею водой, размокали другіе поршни; тутъ же стояла винтовка и кобылка. На полу была брошена сѣть, нѣсколько убитыхъ фазановъ, а около стола гуляла, постукивая по грязному полу, привязанная за ногу курочка. Въ нетопленной печкѣ стоялъ черепочекъ, наполненный какой-то молочною жидкостью. На печкѣ визжалъ кочикъ, старавшійся сорваться съ веревки, и линялый ястребъ смирно сидѣлъ на краю, искося поглядывая на курочку и изрѣдка справа на лѣво перегибая голову. Самъ дядя Ерошка лежалъ навзничъ на коротенькой кровати, устроенной между стѣной и печкой, въ одной рубашкѣ, и задравъ сильныя ноги на печку, колупалъ толстымъ пальцемъ струны на рукахъ, изцарапанныхъ ястребомъ, котораго онъ вынашивалъ безъ перчатки. Во всей комнатѣ, и особенно около самого старика, воздухъ былъ пропитанъ тѣмъ сильнымъ, непріятнымъ, смѣшаннымъ запахомъ, который сопутствовалъ старику.

— *Уйде-ма*, дядя? (то-есть, дома, дядя?) послышался ему изъ окна рѣзкій голосъ, который онъ тотчасъ призналъ за голосъ сосѣда Лукашки.

— *Уйде, уйде, уйде!* Дома, заходи! закричалъ старикъ. — Сосѣдъ Марка, Лука Марка, что къ дядѣ пришелъ? Аль на кордонъ?

Ястребъ встрепенулся отъ крика хозяина и захлопалъ крыльями, порываясь на своей привязи.

Старикъ любилъ Лукашку, и лишь одного его исключалъ изъ презрѣнія ко всему молодому поколѣнію казаковъ. Кромѣ того, Лукашка и его мать, какъ сосѣди, нерѣдко давали старику вина, каймачку и т. п. ихъ хозяйственныхъ произведеній, которыхъ не было у Ерошки. Дядя Ерошка, всю жизнь свою увлекавшійся, всегда практически объяснялъ свои побужденія: «Что жъ? люди достаточные,» говорилъ онъ самъ себѣ. «Я имъ свѣжинки дамъ, курочку, а и они дядю не забываютъ: пирошка и лепешки принесутъ другой разъ...»

— Здорово, Марка! Я тебѣ радъ, весело прокричалъ старикъ, и быстрымъ движеніемъ скинулъ босыя ноги съ кровати, вскочилъ, сдѣлалъ шага два по скрипучему полу, посмотрѣлъ на свои вывернутыя ноги, и вдругъ ему смѣшно стало на свои ноги: онъ усмѣхнулся, топнулъ разъ босою пяткой, еще разъ, и сдѣлалъ *выходку*. — Довко что ль? спросилъ онъ, блестя маленькими глазками. — Лукашка чуть усмѣхнулся. — Что, аль на кордонъ? сказалъ старикъ.

— Тебѣ чихирю принесъ, дядя, что на кордонѣ общалъ.

— Спаси тебя Христосъ, проговорилъ старикъ; поднялъ валявшіеся на полу чамбары и бешметъ, надѣлъ ихъ, затынулъ ремнемъ, полилъ воды изъ черенка на руки, стеръ ихъ о старыя чамбары, кусочкомъ гребешка расправилъ бороду, и сталъ передъ Лукашкой. — Готовъ! сказалъ онъ.

Лукашка досталъ чапуру, стеръ, налилъ вина, и сѣвъ на скамейку, поднесъ дядѣ.

— Будь здоровъ! Отцу и Сыну! сказалъ старикъ, съ торжественностію принимая вино. — Чтобы тебѣ получить что желаешь, чтобы тебѣ молодцомъ быть, крестъ выслужить!

Лукашка тоже съ молитвою отпилъ вина, и поставилъ его на столъ. Старикъ всталъ, принесъ сушеную рыбу, положилъ на порогъ, разбилъ ее палкой, чтобы она была мягче, и положивъ ее своими заскорузлыми руками на свою единственную, синюю тарелку, подаль на столъ.

— У меня все есть, и закуски есть, благодарю Бога, сказалъ онъ гордо. — Ну что Мосевъ? спросилъ старикъ.

Лукашка рассказалъ, какъ урядникъ отнял у него ружье, видимо желая знать мнѣніе старика.

— За ружьемъ не стой, сказалъ старикъ: — ружья не дашь, награды не будетъ.

— Да что, дядя! Какая награда, говорятъ, малолѣтку? (*) А ружье важное, крымское, восемьдесятъ монетовъ стоитъ.

— Э, брось! Такъ-то я заспорилъ съ сотникомъ: коня у меня просилъ. Дай говорить коня, въ хорунжіе представлю. Я не далъ, такъ и не вышло.

— Да что, дядя! Вотъ коня купить надо, а бають, за рѣкой меньше пятидесяти монетовъ не возьмешь. Матушка вина еще не продала.

— Эхъ! мы не тужили, сказалъ старикъ: — когда дядя Ерошка въ твой года былъ, онъ ужъ табуны у ногайцевъ воровалъ, да за Терекъ перегонялъ. Бывало важнаго коня за штофъ водки али за бурку отдаешь.

— Что же, дешево отдавали? сказалъ Лукашка.

— Дуракъ, дуракъ, Марка! презрительно сказалъ старикъ. — Нельзя, на то воруетъ, чтобы не скучнымъ быть. А вы, я чай, и не видали какъ коней-то гоняють. Что молчишь?

— Да что говорить, дядя? сказалъ Лукашка. — Не такіе видно мы люди.

— Дуракъ, дуракъ, Марка! Не такіе люди! отвѣчалъ старикъ, передразнивая молодого казака. — Не тотъ я былъ казакъ въ твой годы.

— Да что же? спросилъ Лукашка.

Старикъ презрительно покачалъ головой.

— Дядя Ерошка *простъ* былъ, ничего не жалѣлъ. За то у меня вся Чечня кунаки были. Приѣдетъ ко мнѣ какой кунакъ, водкой пьянаго напою, убла-

жу, съ собой спать положу, а къ нему поѣду подарокъ, *пейкеши*, свезу. Такъ-то люди дѣлають, а не то, что какъ теперь: только и забавы у ребятъ что сѣмя грызутъ, да шелуху плюють, презрительно заключилъ старикъ, представляя въ лицахъ какъ грызутъ сѣмя и плюють шелуху нынѣшніе казакі.

— Это я знаю, сказалъ Лукашка. — Это такъ!

— Хочешь быть молодцомъ, такъ будь джигитъ, а не мужикъ. А то и мужикъ лошадь купить, денежки отвалить и лошадь возметь.

Они помолчали.

— Да вѣдь и такъ скучно, дядя, въ станицѣ или на кордонѣ; а разгуляться поѣхать некуда. Все народъ робкій. Вотъ хоть бы Назаръ. Намедни въ аулѣ были; такъ Гирей-ханъ въ Ногаи звалъ за конями, никто не поѣхалъ; а одному какъ же?

А дядя что? Ты думаешь я засохъ! Нѣтъ я не засохъ. Давай коня, сейчасъ въ Ногаи поѣду.

— Что пустое говорить? сказалъ Лука: — ты скажи какъ съ Гирей-ханомъ быть? Говорить, только проводи коня до Терека, а тамъ хоть косякъ цѣлый давай, мѣсто найду. Вѣдь тоже гололобый, вѣрять мудрено.

— Гирей-хану вѣрять можно, его весь родъ — люди хорошіе; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худа не научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а поѣдешь съ нимъ, все пистолетъ на-готовѣ держи. Пуще всего, какъ лошадей дѣлать станешь. Разъ меня какъ-то убилъ было одинъ чеченецъ; я съ него просилъ по десяти монетовъ за лошадь. Вѣрять, вѣрь, а безъ ружья спать не ложись.

Лукашка внимательно слушалъ старика.

— Что, дядя? Сказывали у тебя разрывъ-трава есть, молвилъ онъ, помолчавъ.

— Разрыва нѣтъ, а тебя научу, такъ и быть: малый хорошъ, старика не забываешь. Научить что ль?

— Научи дядя.

— Черепаху знаешь? Вѣтъ она чортъ, черепахато.

— Какъ не знать!

— Найди ты ея гнѣздо и оплети плетешокъ кругомъ, чтобы ей пройти нельзя. Вотъ она придетъ, покружитъ и сейчасъ назадъ, найдетъ разрывъ траву, принесетъ, плетень раззорить. Вотъ ты и посѣвай на другое утро, и смотри: гдѣ разломано, тутъ и разрывъ трава лежитъ. Бери и неси куда хочешь. Не будетъ тебѣ ни замка, ни закладки.

— Да ты пыталъ что ль, дядя?

Пытать не пыталъ, а сказывали хорошіе люди. У меня только и заговора было, что прочту «здравствуйтя», какъ на коня садиться. Никто не убилъ.

— Какая такая «здравствуйтя», дядя?

— А ты не знаешь? Эхъ народъ! То-то дядю спроси. Ну слухай, говори за мной:

(*) Малолѣтками называются казаки не начавшіе еще дѣйствительной конной службы.

Здравствуйтя живучи въ Сіони.
Се царь твой.
Мы сядемъ на кони.
Софоніе вопіе.
Захаріе глаголе.
Отче Мандрыче
Человѣко-вѣко-любче.

— Вѣко-вѣко-любче, повторилъ старикъ.—Знаешь? Ну, скажи!

Лукашка засмѣялся.

— Да что, дядя, развѣ отъ этого тебя не убили? Може такъ.

— Умны стали вы. Ты все выучи, да скажи. Отъ того худа не будетъ. Ну пропѣлъ «Мандрыче», да и правъ, — и старикъ самъ засмѣялся. — А ты въ Ногаи, Лука, не ѣзди, вотъ что!

— А что?

— Не то время, не тотъ вы народъ, дермо казакъ вы стали. Да и русскихъ вонъ что нагнали! Засудятъ. Право, брось. Куда вамъ! Вотъ мы съ Гирчикомъ бывало...

И старикъ началъ было рассказывать свои безконечныя исторіи. Но Лукашка глянулъ въ окно.

— Вовсе свѣтло, дядя, перебилъ онъ его.—Пора, заходи когда.

— Спаси Христось, а я къ армейскому пойду, пообщалъ на охоту свести; человѣкъ хорошъ, кажись.

XVII.

Отъ Ерочки Лукашка зашелъ домой. Когда онъ вернулся, сырой росистый туманъ поднялся отъ земли и окуталъ станицу. Не видная скотина начинала шевелиться съ разныхъ концовъ. Чаше и напряженнѣе перекликались пѣтухи. Въ воздухѣ становилось прозрачно, и народъ начиналъ подниматься. Подойдя вплотъ, Лукашка разсмотрѣлъ мокрый отъ тумана заборъ своего двора, крылечко хаты и отворенную клѣть. На дворѣ слышался въ туманѣ звукъ топора по дровамъ. Лукашка прошелъ въ хату. Мать его встала, и стоя передъ печью, бросала въ нее дрова. На кровати еще спала сестра дѣвочка.

— Что, Лукаша, нагулялся? сказала мать тихо. — Гдѣ былъ ночь-то?

— Въ станицѣ былъ, не охотно отвѣчалъ сынъ, доставая винтовку изъ чакла и осматривая ее.

Мать покачала головой.

Подсыпавъ пороху на полку, Лукашка досталъ мѣшочекъ, вынулъ нѣсколько пустыхъ хозырей и сталъ насыпать заряды, тщательно затыкая ихъ пулькой завернутою въ тряпочкѣ. Повыдергавъ зубомъ заткнутые хозыри и осмотрѣвъ ихъ, онъ положилъ мѣшокъ.

— А что, матушка, я тебѣ говорилъ торбы починить: починила, что ль? сказалъ онъ.

— Какже? Нѣмая чинила что-то вѣчоръ. Аль пора на кордонъ-то? Не видала я тебя вовсе.

— Вотъ только уберусь, и идти надо, отвѣчалъ

Лукашка, увязывая порохъ. — А нѣмая гдѣ? Аль вышла?

— Должно дрова рубить. Все о тебѣ сокрушалась. Ужъ не увижу, говорить, я его вовсе. Такъ-то рукой на лицо покажетъ, щелкнетъ, да къ сердцу и прижметъ руки, жалко-моль. Пойдти позвать, что ль? Объ абрекѣ-то все поняла.

— Позови, сказалъ Лукашка. — Да сало тамъ у меня было, принеси сюда. Шашку смазать надо.

Старуха вышла, и черезъ нѣсколько минутъ, по скрипящимъ сходцамъ, вошла въ хату нѣмая сестра Лукашки. Она была шестью годами старше брата и чрезвычайно была бы похожа на него, если бы не общее всѣмъ глухонѣмымъ тупое и грубо-перемѣнчивое лицо. Одежду ея составляла грубая рубаха въ заплаткахъ; ноги были босы и испачканы; на головѣ старый синій платокъ. Шея, руки и лицо были жилисты какъ у мужика. Видно было и по одеждѣ и по всему, что она постоянно несла трудную мужскую работу. Она внесла вязанку дровъ и бросила ее у печи. Потомъ подошла къ брату, съ радостною улыбкой, сморщившею все ея лицо, тронула его за плечо, и начала руками, лицомъ и всѣмъ тѣломъ дѣлать ему быстрые знаки.

— Хорошо, хорошо! Молодецъ Степка! отвѣчалъ братъ, кивая головой: — все припасла, починила, молодецъ! Вотъ тебѣ за то!—доставъ изъ кармана два пряника, онъ подаль ей.

Лицо нѣмой покраснѣло, и она дико загудѣла отъ радости. Схвативъ пряники, она еще быстрѣй стала дѣлать знаки, часто указывая въ одну сторону и проводя толстымъ пальцемъ по бровямъ и лицу. Лукашка понималъ ее, и все кивалъ, слегка улыбаясь. Она говорила, что братъ дѣвкамъ давалъ бы закуски, говорила, что дѣвки его любятъ, и что одна дѣвка Марьянка лучше всѣхъ, и та любитъ его. Марьянку она обозначала указывая быстро на сторону ея двора, на свои брови, лицо, чмокая и качая головой. «Любитъ» показывала она прижимая руку къ груди, цѣлуя свою руку и будто обнимая что-то. Мать вернулась въ хату, и узнавъ о чемъ говорила нѣмая, улыбнулась и покачала головой. Нѣмая показала ей пряники и снова прогудѣла отъ радости.

— Я Улитѣ говорила намедни, сватать пришло, сказала мать: — приняла мои слова хорошо.

Лукашка молча посмотрѣлъ на мать.

— Да что, матушка? Вино надо везть. Коня нужно.

— Повезу когда время будетъ; бочки справлю, сказала мать, видимо не желая, чтобы сынъ вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла. — Ты какъ пойдешь, сказала старуха сыну,—такъ возьми въ сѣняхъ мѣшочекъ. У людей заняла, тебѣ на кордонъ припасла. Али въ саквы (*) положить?

(*) «Саквы» называются переметныя сумки, которыя казаки вносятъ за сѣдлами.

— Ладно отвѣчалъ Лукашка: — а коли изъ-за рѣки Гирей-ханъ прїѣдетъ, ты его на кордонъ пришли, а то теперь долго не отпустятъ. До него дѣло есть.

Онъ сталъ собираться.

— Пришлю, Лукашка, пришлю. Чтожъ у Ямки все и гуляли? стало, сказала старуха. — То-то я ночью вставала къ скотинѣ, слушала, ровно твой голосъ пѣсни игралъ.

Лукашка не отвѣчалъ. Вышелъ въ сѣни, перекинувъ черезъ плечо сумки, подоткнулъ зипунъ, взялъ ружье и остановился на порогѣ.

— Прощай матушка, сказалъ онъ матери. — Ты боченокъ съ Назаркой пришли, — припирая за собой ворота: — ребятамъ обѣщался; онъ зайдетъ.

— Спаси тебя Христосъ, Лукаша! Богъ съ тобой! Пришлю, изъ новой бочки пришлю, отвѣчала старуха, подходя къ забору. — Да слушай что, прибавила она, перегнувшись черезъ заборъ.

Казакъ остановился.

— Ты здѣсь погулялъ, ну слава Богу! Какъ молодому человѣку не веселиться? Ну, и Богъ счастье далъ. Это хорошо. А тамъ-то ужъ смотри сынокъ, не того... Пуще всего начальника ублажай, нельзя! А я вина продамъ, денегъ припасу коня купить, и дѣвку высватаю.

— Ладно, ладно! отвѣчалъ сынъ хмурясь.

Нѣмая крикнула, чтобъ обратить на себя его вниманіе. Показала голову и руку, что значило: бритая голова, чеченецъ. Потомъ, нахмуривъ брови, показала видъ, что прицѣливается изъ ружья, вскрикнула и зашла скоро, качая головой. Она говорила, чтобы Лукашка еще убилъ чеченца.

Лукашка понялъ, усмѣхнулся, и скорыми легкими шагами, придерживая ружье за спиной подъ буркой, скрылся въ густомъ туманѣ.

Молча постоявъ у воротъ, старуха вернулась въ избушку, и тотчасъ же принялась за работу.

XVIII.

Лукашка пошелъ на кордонъ, а дядя Ерошка въ то же время свиснулъ собакъ, и перелѣзши черезъ плетень, задами обошелъ до квартиры Оленина (идя на охоту, онъ не любилъ встрѣчаться съ бабами.) Оленинъ еще спалъ, и даже Ванюша проснувшись, но еще не вставая, поглядывалъ вокругъ себя и соображалъ пора или не пора, когда дядя Ерошка, съ ружьемъ за плечами и во всемъ охотничьемъ уборѣ, отворилъ дверь.

— Палокъ! закричалъ онъ своимъ густымъ голосомъ. — Тревога! Чеченцы пришли! Иванъ! Самоваръ барину ставь. А ты вставай! Живо! кричалъ старикъ. — Такъ-то у насъ, добрый человѣкъ. Вотъ ужъ и дѣвки встали. Въ окно глянь-ка, глянь-ка, за водой идетъ, а ты спишь.

Оленинъ проснулся, и вскочилъ. И такъ свѣжо, весело ему стало при видѣ старика и звукѣ его голоса!

— Живо! Живо, Ванюша! закричалъ онъ.

— Такъ-то ты на охоту ходишь! Люди завтракать, а ты спишь. Лямъ! Куда? крикнулъ онъ на собаку. — Ружье-то готово что-ль? кричалъ старикъ, точно цѣлая толпа народа была въ избѣ.

— Ну провинился, нечего дѣлать. Порохъ, Ванюша! Пыжи! говорилъ Оленинъ.

— Штрафъ! кричалъ старикъ.

— *Дю те вулеву?* говорилъ Ванюша ухмыляясь.

— Ты не нашъ! не по нашему лопочешь, чортъ! кричалъ на него старикъ, оскаливая корешки своихъ зубовъ.

— Для перваго раза прощается, шутилъ Оленинъ, натягивая большіе сапоги.

— Прощается для перваго раза, отвѣчалъ Ерошка: — а въ другой разъ проспидишь, ведро чихиря штрафа. Какъ обогрѣется, не застанешь оленя-то.

— Да хоть и застанешь, такъ онъ умнѣй насъ, сказалъ Оленинъ, повторяя слова старика, сказанныя вечеромъ: — его не обманешь,

— Да ты смѣйся! Вотъ убей, тогда и поговори. Ну живо! Смотри, вонъ и хозяинъ къ тебѣ идетъ, сказалъ Ерошка, глядѣвшій въ окно. — Вишь убрался, новый зипунъ надѣлъ, чтобы ты видѣлъ, что онъ офицеръ есть. Эхъ! народъ, народъ!

Дѣйствительно, Ванюша объявилъ, что хозяинъ желаетъ видѣть барина. *Ларжанъ*, сказалъ онъ глубокомысленно, предупреждая барина о значеніи визита хорунжаго. Вслѣдъ затѣмъ, самъ хорунжій въ новой черкескѣ, съ офицерскими погонами на плечахъ, въ чищеныхъ сапогахъ, — рѣдкость у казаковъ, — съ улыбкой на лицѣ, раскачиваясь вошелъ въ комнату и поздравилъ съ праздникомъ.

Хорунжій, Илья Васильевичъ, былъ казакъ *образованный*, побывавшій въ Россіи, школьный учитель и, главное, *благородный*. Онъ хотѣлъ казаться *благороднымъ*; но невольно, подъ напущеннымъ на себя уродливымъ лоскомъ вертлявости, самоувѣренности и безобразной рѣчи, чувствовалъ тотъ же дядя Ерошка. Это видно было и по его загорѣлому лицу, и по рукамъ, и по красноватому носу Оленинъ попросилъ его садиться.

— Здравствуй, батюшка Илья Васильевичъ! сказалъ Ерошка, вставая, и какъ казалось Оленину, проницески низко кланяясь.

— Здорово, дядя! Ужъ ты тутъ? отвѣчалъ хорунжій, небрежно кивая ему головой.

Хорунжій былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ сѣдою, клинообразною бородкой, сухой, тонкій и красивый, и еще очень свѣжій для своихъ сорока лѣтъ. Придя къ Оленину, онъ видимо боялся, чтобы его не приняли за обыкновеннаго казака, и желалъ дать ему сразу почувствовать свое значеніе.

— Это нашъ *Нимродъ египетскій*, сказалъ онъ, съ самодовольною улыбкой обращаясь къ Оленину и указывая на старика. — *Ловецъ предъ господиномъ*. Первый у насъ на всякія руки. Изволили ужъ узнать?

Дядя Ерошка, глядя на свои ноги обутыя въ мокрые поршни, задумчиво покачивалъ головой, какъ бы удивляясь ловкости и учености хорунжаго, и по-

вторялъ про себя: «*Нимродъ, тикій!* Чего не выдумаетъ?»

— Да вотъ на охоту хотимъ идти, сказалъ Оленинъ.

— Такъ-съ точно, замѣтилъ хорунжій:—а у меня дѣльце есть къ вамъ.

— Что прикажете?

— Какъ вы есть благородный человѣкъ, началъ хорунжій,—и какъ я себя могу понимать, что мы тоже имѣемъ званіе офицера, и потому постепенно можемъ всегда страговаться, какъ и всѣ благородные люди. (Онъ пріостановился и съ улыбкой взглянулъ на старика и офицера) Но ежели бы вы имѣли желаніе, по согласію моему, такъ какъ моя жена есть женщина глупая въ нашемъ сословіи, не могла въ настоящее время исполнѣ вразумить ваши слова вчерашняго числа. Потому квартира моя для полковаго адъютанта могла ходить безъ конюшни за шесть монетовъ, а за даромъ я всегда, какъ благородный человѣкъ, могу удалитъ отъ себя. А такъ какъ вамъ желается, то я, какъ самъ офицерскаго званія, могу во всемъ согласиться лично съ вами, и какъ житель здѣшняго края не то какъ бы по нашему обычаю, а во всемъ могу соблюсти условія...

— Чисто говоритъ, пробормоталъ старикъ.

Хорунжій говорилъ еще долго въ томъ же родѣ. Изъ всего этого Оленинъ не безъ нѣкотораго труда могъ понять желаніе хорунжаго брать по шести рублей серебромъ за квартиру въ мѣсяцъ. Онъ съ охотою согласился, и предложилъ своему гостю стаканъ чаю. Хорунжій отказался.

— По нашему глупому обряду, сказалъ онъ,—мы считаемъ какъ бы за грѣхъ употреблять изъ мірскаго стакана. Оно хотя, по образованію моему, я бы могъ понимать, но жена моя по слабости человѣческой...

— Что жъ прикажете чаю?

— Ежели позволите я свой стаканъ принесу, *особливый*, отвѣчалъ хорунжій, и вышелъ на крыльцо.—Стаканъ подай! крикнулъ онъ,

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и загорѣлая молодая рука, въ розовомъ рукавѣ, вынулась съ стаканомъ изъ двери. Хорунжій подошелъ взялъ стаканъ и пошепталъ что-то съ дочерью. Оленинъ напилъ чаю хорунжему въ *особливый*, Ерошкѣ въ *мірскаго* стаканъ.

— Однако, не желаю васъ задерживать, сказалъ хорунжій, обжигаясь и допивая свой стаканъ.—Я какъ есть тоже имѣю сильную охоту до рыбной ловли, и здѣсь только на побывкѣ, какъ бы на рекріаціи отъ должности. Также имѣю желаніе испытать счастье, не понадутся ли и на мою долю *дары Терека*. Надѣюсь, вы и меня посѣтите когда нибудь испить *родительскаго*, по нашему станичному обычаю, прибавилъ онъ.

Хорунжій откланялся, пожалъ руку Оленину и вышелъ. Покуда собирался Оленинъ, онъ слышалъ повелительный и толковый голосъ хорунжаго, отдававшего приказанія домашнимъ. А черезъ нѣсколько минутъ, Оленинъ видѣлъ какъ Хорунжій, въ засу-

ченныхъ до колѣнъ штанахъ и въ оборванномъ бешметѣ, съ сѣтью на плечѣ, прошелъ мимо его окна.

— Плутъ же, сказалъ дядя Ерошка, допивавшій свой чай изъ мірскаго стакана.—Что же, неужели ты такъ и будешь платить шесть монетовъ? Слыхано ли дѣло! Лучшую хату въ станицѣ за два монета отдадутъ. Эка бестія! Да я тебѣ свою за три монета отдамъ.

— Нѣтъ, ужъ я здѣсь останусь, сказалъ Оленинъ.

— Шесть монетовъ! видно деньги-то дурашныя. Э-эхъ! отвѣчалъ старикъ.—Чихирю дай, Иванъ!

Закусивъ и выпивъ водки на дорогу, Оленинъ съ старикомъ вышли вмѣстѣ на улицу часу въ восьмомъ утра.

Въ воротахъ они наткнулись на запряженную арбу. Обязанная до глазъ бѣлымъ платкомъ, въ бешметѣ сверхъ рубахи, въ сапогахъ и съ длинною хворостиной въ рукахъ, Марьяна тащила быковъ за привязанную къ ихъ рогамъ веревку.

— Мамушка, проговорилъ старикъ, дѣлая видъ, что хочетъ схватить ее.

Марьянка замахнулась на него хворостиной и весело взглянула на обоихъ своими прекрасными глазами.

Оленину сдѣлалось еще веселѣе.

— Ну идемъ, идемъ! сказалъ онъ, вскидывая ружье на плечо и чувствуя на себѣ взглядъ дѣвки.

— Ги! Ги! прозвучалъ за нимъ голосъ Марьяны, и вслѣдъ за тѣмъ закричала тронувшаяся арба.

Покуда дорога шла задами станицы, по выгонамъ, Ерошка разговаривалъ. Онъ не могъ забыть хорунжаго, и все бранилъ его.

— Да за что же ты такъ сердиться на него? спросилъ Оленинъ.

— Скупой! Не люблю, отвѣчалъ старикъ.—Издохнетъ, все останется. Для кого копить? Два дома построилъ. Садъ другой у брата оттягалъ, Вѣдь тоже и по бумажнымъ дѣламъ какая собака! Изъ другихъ станицъ прѣзжаютъ къ нему бумаги писать. Какъ напишетъ; такъ какъ разъ и выйдетъ. Въ самый разъ сдѣлаетъ. Да кому копить-то? Всего одинъ мальчишка, да дѣвка; замужъ отдастъ, ни кого не будетъ.

— Такъ на приданое и копить, сказалъ Оленинъ.

— Какое приданое? Дѣвку берутъ, дѣвка важная. Да вѣдь такой чортъ, что и отдать-то еще за богатаго хочетъ. Калымъ большой содрать хочетъ. Лука есть казакъ, сосѣдъ мнѣ и племянникъ, молодецъ малый, что чеченца убилъ, давно ужъ сватаетъ; такъ все не отдаетъ. То, другое, да третье; дѣвка молодая, говоритъ. А я знаю, что думаетъ. Хочетъ чтобы поклонялись. Ниче что сраму было за дѣвку за эту. А все Лукашкѣ высватаютъ. Потому первый казакъ въ станицѣ, джигитъ, абрека убилъ, крестъ дадутъ.

— А что это? Я вчера какъ по двору ходилъ, видѣлъ дѣвка хозяйская съ какимъ-то казакомъ дѣловалась, сказалъ Оленинъ.

— Хвастаешь, крикнулъ старикъ, останавливаясь.

— Ей Богу! сказалъ Оленинъ.

— Баба чортъ, раздумывая сказалъ Ерошка. —
А какой казакъ?

— Я не видалъ какой.

— Ну, курпей какой на шапкѣ? бѣлый?

— Да.

— А зипунъ красный? Съ тебя, такой же?

— Нѣтъ побольше.

— Онъ и есть. — Ерошка захохоталъ. — Онъ и есть, Марка мой. Онъ Лукашка. Я его Марка зову, *шутю*. Онъ самый. Люблю! Такой-то и я былъ, отецъ мой. Что на нихъ смотрѣть-то? Бывало съ матерью, съ невѣсткой, спитъ *душенька*-то моя, а я все влѣзу. Бывало, жила она высоко; мать вѣдьма была, чортъ: страсть не любила меня. Приду бывало съ *няней* (другъ значить), Гирчикомъ звали. Приду подъ окно, ему на плечи влѣзу, окно подниму, да и ошариваю. Она тутъ на лавкѣ спала. Разъ такъ-то взбудилъ ее. Она какъ взахаетъ! Меня не узнала. Кто это? А мнѣ говорить нельзя. Ужъ было мать заворошилась. Я шапку снялъ, да въ мурло ей и сунулъ: такъ сразу узнала по рубцу что на шапкѣ былъ. Вскочила. Бывало, ничего-то не нужно. И каймаку тебѣ, и винограду, всего натащить, прибавилъ Ерошка, объяснявшій все практически. — Да не одна была. Житье бывало.

— А теперь чтожь?

— А вотъ пойдемъ за собакой, фазана на дерево посадимъ, тогда стрѣляй.

— Ты бы за Марьянкой поволочилъся?

— Ты смотри на собакъ-то. Вечеромъ докажу, сказалъ старикъ, указывая на своего любимца Лама.

Они замолкли.

Пройдя шаговъ сто въ разговорахъ, старикъ опять остановился и указалъ на хворостинку, которая лежала черезъ дорогу.

— Ты это что думаешь? сказалъ онъ. — Ты думаешь это такъ? Нѣтъ. Это палка дурно лежитъ.

— Чѣмъ же дурно?

Онъ усмѣхнулся. — Ничего не знаешь. Ты слушай меня. Когда такъ палка лежитъ, ты черезъ нее не шагай, а или обойди, или скинь такъ-то съ дороги, да молитву прочти: «Отцу и Сыну и Святому Духу» и иди съ Богомъ. Ничего не сдѣлаетъ. Такъ-то старики еще меня учили.

— Ну что за вздоръ, сказалъ Оленинъ. — Ты расскажи лучше про Марьяну. Что жъ она гуляетъ съ Лукашкой?

— Ши! Теперь молчи, опять шепотомъ, перерывалъ старикъ этотъ разговоръ: — только слушай. Кругомъ вотъ лѣсомъ пойдемъ.

И старикъ, не слышно ступая въ своихъ поршняхъ, пошелъ впередъ по узкой дорожкѣ, входившей въ густой, дикій, заросшій лѣсъ. Онъ нѣсколько разъ, морщась, оглядывался на Оленина, который шуршалъ и стучалъ своими большими саногамъ и неосторожно неся ружье, нѣсколько разъ цѣплялъ за вѣтки деревь, разросшихся по дорогѣ.

— Не шуми, тиши иди, солдатъ! сердито шепотомъ говорилъ онъ ему.

Чувствовалось въ воздухѣ, что солнце встало. Туманъ расходился, но еще закрывалъ вершины лѣса. Лѣсъ казался страшно высокимъ. При каждомъ шагѣ впередъ, мѣстность измѣнялась. Что казалось деревомъ, то оказывалось кустомъ; камышинка казалось деревомъ.

XIX.

Туманъ частью поднимался, открывая мокрыя камышевые крыши, частью превращался въ росу, увлажая дорогу и траву около заборовъ. Дымъ вездѣ валилъ изъ трубъ. Народъ выходилъ изъ станицъ, кто на работу, кто на рѣку, кто на кордоны. Охотники шли рядомъ по сырой, поросшей травой дорогѣ. Собаки, махая хвостами, и оглядываясь на хозяина бѣжали по сторонамъ. Миряды комаровъ вились въ воздухѣ и преслѣдовали охотниковъ, покрывая ихъ спины, глаза и руки. Пахло травой и лѣсною сыростью. Оленинъ безпрестанно оглядывался на арбу, въ которой сидѣла Марьянка, и хворостинной подгоняла быковъ. Было тихо. Звуки станицы, слышныя прежде, теперь уже не доходили до охотниковъ; только собаки трещали по тернамъ, изрѣдка отеликались птицы. Оленинъ зналъ, что въ лѣсу опасно, что абреки всегда скрываются въ этихъ мѣстахъ. Онъ зналъ тоже, что въ лѣсу для пѣшехода ружье есть сильная защита. Не то, чтобъ ему было страшно, но онъ чувствовалъ, что другому на его мѣстѣ могло быть страшно, и съ особеннымъ напряженіемъ вглядываясь въ туманный, сырой лѣсъ, вслушиваясь въ рѣдкіе слабые звуки, перехватывалъ ружье и испытывалъ пріятное и новое для него чувство. Дядя Ерошка, идя впереди, при каждой лужѣ, на которой были двойчатые слѣды звѣря, останавливался, и внимательно разглядывая, указывалъ ихъ Оленину. Онъ почти не говорилъ; только изрѣдка и шепотомъ дѣлалъ свои замѣчанія. Дорога, по которой они шли, была когда-то пробѣжана арбой и давно заросла травой. Карагачевый и чинаровый лѣсъ съ обѣихъ сторонъ былъ такъ густъ и зарослъ, что ничего нельзя было видѣть черезъ него. Почти каждое дерево было обвито сверху до низу дикимъ виноградникомъ; внизу густо росъ темный терновникъ. Каждая маленькая полянка вся заросла ежевичникомъ и камышомъ съ сѣрыми колеблющимися махалками. Мѣстами большія звѣринныя, и маленькія, какъ тунели, фазаньи тропы сходили съ дороги въ чашу лѣса. Сила растительности этого не пробитаго скотомъ лѣса на каждомъ шагу поражала Оленина, который не видалъ еще ничего подобнаго. Этотъ лѣсъ, опасность, старикъ съ своимъ таинственнымъ шепотомъ, Марьянка съ своимъ мужественнымъ стройнымъ станомъ, и горы, — все это казалось сномъ Оленину.

— Фазана посадилъ, прошепталъ старикъ, оглядываясь и надвигая себѣ на лицо шапку.—Мурло-то закрой: фазанъ.—Онъ сердито махнулъ на Оленина и полѣзъ дальше, почти на четверенькахъ. Мурла человѣчьяго не любитъ.

Оленинъ еще былъ сзади, когда старикъ остановился и сталъ оглядывать дерево. Пѣтухъ *тордокнулъ* съ дерева на собаку лаявшую на него, и Оленинъ увидалъ фазана. Но въ то же время раздался выстрѣлъ, какъ изъ пушки, изъ здороваго ружья Ерошки, и пѣтухъ вспорхнулъ, теряя перья, и упалъ на земь. Подходя къ старику, Оленинъ спугнулъ другаго. Выпроставъ ружье, онъ повелъ и ударилъ. Фазанъ взвился коломъ къверху, и потомъ, какъ камень, цѣпляясь за вѣтки, упалъ въ чащу.

— Молодецъ! смѣясь, прокричалъ старикъ, не умѣвший стрѣлять въ летъ.

Подобравъ фазановъ, они пошли дальше. Оленинъ, возбужденный движеніемъ и похвалой, все заговаривалъ съ старикомъ.

— Стой! Сюда пойдёмъ, перебилъ его старикъ: вчера тутъ оленій слѣдъ видалъ.

Свернувъ въ чащу и пройдя шаговъ триста, они выбрались на полянку поросшую камышомъ, и мѣстами залитую водой. Оленинъ все отставалъ отъ стараго охотника, и дядя Ерошка, шагахъ въ двадцати впереди его, нагнулся, значительно кивая и махая ему рукой. Добравшись до него, Оленинъ увидалъ слѣдъ ноги человѣка, на который ему указывалъ старикъ.

— Видишь?

— Вижу. Чтожъ? сказалъ Оленинъ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе:—человѣка слѣдъ.

Невольно въ головѣ его мелькнула мысль о Куперовомъ Патфайндерѣ и абрекахъ, а глядя на таинственность, съ которою шелъ старикъ, онъ не рѣшался спросить, и былъ въ сомнѣніи, опасность или охота причиняли эту таинственность.

— Нѣ, это мой слѣдъ, просто отвѣтилъ старикъ, и указалъ траву, подъ которою былъ виденъ чуть замѣтный слѣдъ звѣря.

Старикъ пошелъ дальше. Оленинъ не отставалъ отъ него. Пройдя шаговъ двадцать и спускаясь къ низу, они пришли въ чащу къ разлапистой грушѣ, подъ которою земля была черна и оставался свѣжій звѣринный пометъ.

Обвитое виноградникомъ мѣсто было похоже на крытую уютную бесѣдку, темную и прохладную.

— Утромъ тутъ былъ, вздохнувъ сказалъ старикъ: — видать, логово отпотѣло свѣжо.

Вдругъ страшный трескъ послышался въ лѣсу, шагахъ въ десяти отъ нихъ. Оба вздрогнули и схватились за ружья, но ничего не видно было; только слышно было какъ ломались сучья. Равномѣрный, быстрый топотъ галона послышался на мгновенно, изъ треска перешелъ въ гулъ, все дальше, дальше, шире и шире разносившійся по тихому лѣсу. Что-то какъ бы оборвалось въ сердцѣ Оле-

нина. Онъ тщетно всматривался въ зеленую чащу, и наконецъ оглянулся на старика. Дядя Ерошка, прижавъ ружье къ груди, стоялъ неподвижно; шапка его была сбита назадъ, глаза горѣли необыкновеннымъ блескомъ, и открытый ротъ, изъ котораго злобно выставлялись сѣдненные желтые зубы, замеръ въ своемъ положеніи. «Рогаль!» проговорилъ онъ. И отчаянно бросивъ на земь ружье, сталъ дергать себя за сѣдую бороду. «Тутъ стоялъ! Съ дорожки подойти бы! Дуракъ! Дуракъ!» и онъ злобно ухватилъ себя за бороду. «Дуракъ! свинья!» твердилъ онъ, больно дергая себя за бороду. Надъ лѣсомъ въ туманѣ, какъ будто пролетало что-то; все дальше и дальше, шире и шире гудѣлъ бѣгъ поднятаго оленя...

Ужъ сумерками Оленинъ вернулся съ старикомъ, усталый, голодный и сильный. Обѣдъ былъ готовъ. Онъ поѣлъ, выпилъ съ старикомъ, такъ что ему стало тепло и весело, и вышелъ на крылечко. Опять передъ глазами подымались горы на закатѣ. Опять старикъ рассказывалъ свои безконечныя исторіи про охоту, про абрековъ, про душевекъ, про беззаботное, удалое житіе. Опять Марьяна красавица входила, выходила и переходила черезъ дворъ. Подъ рубахой обозначалось могучее дѣвственное тѣло красавицы.

XX.

На другой день Оленинъ безъ старика пошелъ одинъ на то мѣсто, гдѣ онъ съ старикомъ спугнулъ оленя. Чѣмъ обходить въ ворота, онъ перелѣзъ, какъ и всѣ дѣлали въ станицѣ, черезъ ограду колючекъ. И еще не успѣлъ отодрать колючекъ, зацѣпившихся ему за черкеску, какъ собака его, побѣжавшая впередъ, подняла уже двухъ фазановъ. Только что онъ вошелъ въ терны, какъ стали, что ни шагъ подниматься фазаны. (Старикъ не показалъ ему вчера этого мѣста, чтобы прибереечь его для охоты съ кобылкой). Оленинъ убилъ пять штукъ фазановъ изъ двѣнадцати выстрѣловъ, и лагая за ними по тернамъ, измучился такъ, что потъ лилъ съ него градомъ. Онъ отозвалъ собаку, спустилъ курки, положилъ пули на дробь, и отмахиваясь отъ комаровъ рукавами черкески, тихонько пошелъ ко вчерашнему мѣсту. Однако нельзя было удержать собаку, на самой дорогѣ набѣгавшей на слѣды, и онъ убилъ еще пару фазановъ, такъ что задержавшись за ними, онъ только къ полдню сталъ узнавать вчерашнее мѣсто.

День былъ совершенно ясный, тихій, жаркій. Утренняя свѣжесть даже въ лѣсу пересохла, и мпріады комаровъ буквально облѣпляли лицо, спину и руки. Собака сдѣлалась сивою изъ черной: спина ея вся была покрыта комарами. Черкеска, черезъ которую они пропускали свои жалы, стала такою же. Оленинъ готовъ былъ бѣжать отъ комаровъ; ему ужъ казалось, что лѣтомъ и жить нельзя въ станицѣ. Онъ уже шелъ домой; но вспомнивъ, что живутъ же

люди, рѣшился вытерпѣть и сталъ отдавать себя на съѣденіе. И, странное дѣло, къ полдню это ощущеніе стало ему даже пріятно. Ему показалось даже, что ежели бы не было этой окружающей его со всѣхъ сторонъ комариной атмосферы, этаго комариного тѣста, которое подъ рукой размазывалось по потному лицу, и этаго безпокойнаго зуда по всему тѣлу, то здѣшній лѣсъ потерялъ бы для него свой характеръ и свою прелесть. Эти мириады насѣкомыхъ такъ шли къ этой дикой до безобразія богатой растительности, къ этой безднѣ звѣрей и птицъ, наполняющихъ лѣсъ, къ этой темной зелени, къ этому пахучему, жаркому воздуху, къ этимъ канавкамъ мутной воды, вездѣ просасывающейся изъ Терека и бульбулькающей гдѣ-нибудь подъ нависшими листьями, что ему стало пріятно именно то, что прежде казалось ужаснымъ и нестерпимымъ. Обойдя то мѣсто, гдѣ вчера онъ нашелъ звѣря, и ничего не встрѣтивъ, онъ захотѣлъ отдохнуть. Солнце стояло прямо надъ лѣсомъ, и безпрестанно, въ отвѣсъ, доставало ему спину и голову, когда онъ выходилъ въ поляну или на дорогу. Семь тяжелыхъ фазановъ до боли оттягивали ему поясницу. Онъ отыскалъ вчерашніе слѣды оленя, подобрался подъ кустъ въ чащу, въ то самое мѣсто, гдѣ вчера лежалъ олень, и улегся у его логова. Онъ осмотрѣлъ кругомъ себя темную зелень, осмотрѣлъ потное мѣсто, вчерашній помѣтъ, отпечатокъ копыней оленя, клочекъ чернозема оторванный оленемъ, и свои вчерашніе слѣды. Ему было прохладно, уютно; ни о чемъ онъ не думалъ, ничего не желалъ. И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ сталъ креститься и благодарить кого-то. Ему вдругъ съ особенною ясностью пришло въ голову, что вотъ я, Дмитрій Оленинъ, такое особенное отъ всѣхъ существо, лежу теперь одинъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ олень, старый олень, красивый, никогда можетъ-быть не выдавшій человѣка, и въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ никогда никто изъ людей не сидѣлъ и того не думалъ. Сижу, а вокругъ меня стоятъ молодья и старья деревья, и одно изъ нихъ обвито плетями дикаго винограда; около меня копошатся фазаны, выгоняя другъ друга, и чуютъ можетъ-быть убитыхъ братьевъ. Онъ пощупалъ своихъ фазановъ, осмотрѣлъ ихъ и отеръ тепло-окравленную руку о череску. Чуютъ, можетъ-быть чакалки, и съ недовольными лицами пробираются въ другую сторону; около меня, пролетая между листьями, которые кажутся имъ огромными островами, стоятъ въ воздухѣ и жужжатъ комары: одинъ, два, три, четыре, сто, тысяча, миллионъ комаровъ, и всѣ они что-нибудь и зачѣмъ-нибудь жужжатъ около меня, и каждый изъ нихъ такой же особенный отъ всѣхъ Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ. Ему ясно представилось что думаютъ и жужжатъ комары. Сюда, сюда, ребята! Вотъ кого можно ѣсть, жужжатъ они, и облѣпляютъ его. И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а про-

сто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь-вокругъ него: «Такъ же какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу, умру. И правду онъ говоритъ: только трава вырастетъ.»

«Да что же, что трава вырастетъ? думалъ онъ дальше: все надо жить, надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю—счастія. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь какъ и всѣ, на которомъ трава вырастетъ, и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единаго Божества: все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какже надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?» И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ все себя такимъ же счастливымъ какъ и прежде. «Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде?» подумалъ онъ. «Какъ я былъ требователемъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастья!» И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. «Счастье вотъ что, сказалъ онъ самъ себѣ, счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, не смотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!» Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. «Вѣдь ничего для себя не нужно, все думалъ онъ, отчего же не жить для другихъ?» Онъ взялъ ружье, и съ намѣреніемъ скорѣе вернуться домой, чтобы обдумать все это и найти случай сдѣлать добро, вышелъ изъ чащи. Выбравшись на поляну, онъ оглянулся: солнца уже не было видно, за вершинами деревьевъ становилось прохладнѣе, и мѣстность показалась ему совершенно незнакома и не похожа на ту, которая окружала станицу. Все вдругъ перемѣнилось, и погода, и характеръ лѣса: небо заволакивало тучами, вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ деревьевъ, кругомъ виднѣлись только камышъ и перестоялый, поломанный лѣсъ. Онъ сталъ кликать собаку, которая отбѣжала отъ него за какимъ-то звѣремъ, и голосъ его отозвался ему пустынно. И вдругъ ему стало страшно жутко. Онъ сталъ трусить. Пришли въ голову абреки, убійства, про ко-

тория ему рассказывали, и онъ ждалъ вотъ-вотъ выскочить изъ каждаго куста чеченецъ, и ему придется защищать жизнь, и умирать или трусить. Онъ вспомнилъ о Богѣ, и о будущей жизни такъ какъ не вспоминалъ этого давно. А кругомъ была та же мрачная, строгая, дикая природа. «И стоитъ ли того, чтобы жить для себя, думалъ онъ, когда вотъ-вотъ умрешь, и умрешь не сдѣлавъ ничего добраго, и такъ что никто не узнаетъ.» Онъ пошелъ по тому направленію, гдѣ предполагалъ станицу. Объ охотѣ онъ уже не думалъ, чувствовалъ убійственную усталость, и особенно внимательно, почти съ ужасомъ, оглядывалъ каждый кустъ и дерево, ожидая ежеминутно-разсчета съ жизнью. Покружившись довольно долго, онъ выбрался на канаву, по которой текла песчаная, холодная вода изъ Терека, и чтобы больше не плутать рѣшился пойти по ней. Онъ шелъ, самъ не зная куда выведетъ его канавка. Вдругъ сзади его затрещали камыши. Онъ вздрогнулъ и схватился за ружье. Ему стало стыдно себя; зарывшаяся собака, тяжело дыша, бросилась въ холодную воду канавы, и стала локать ее.

Онъ напился вмѣстѣ въ нею, и пошелъ по тому направленію, куда она тянула, полагая, что она выведетъ его въ станицу. Но не смотря на товарищество собаки, вокругъ ему все казалось еще мрачнѣе. Лѣсъ темнѣлъ, вѣтеръ сильнѣе и сильнѣе разыгрался въ вершинахъ старыхъ поломанныхъ деревьевъ. Какія-то большія птицы съ визгомъ вились около гнѣздъ этихъ деревьевъ. Растительность становилась бѣднѣе, чаще попадался шушукующій камышъ и голыя песчаныя полянки, избитыя звѣринными слѣдами. Къ гулу вѣтра присоединялся еще какой-то невеселый, однообразный гулъ. Вообще на душѣ становилось пасмурно. Онъ ощупалъ сзади фазановъ и одного не нашелъ. Фазанъ оторвался и пропалъ, и только окровавленная шейка и головка торчали за поясомъ. Ему стало такъ страшно, какъ никогда. Онъ сталъ молиться Богу, и одного только боялся, что умереть не сдѣлавъ ничего добраго, хорошаго; а ему такъ хотѣлось жить, жить, чтобы совершить подвигъ самоотверженія.

XXI.

Вдругъ какъ солнце просіяло въ его душѣ. Онъ услышалъ звуки русскаго говора, услышалъ быстрое и равномерное теченіе Терека, и шага черезъ два, передъ нимъ открылась коричневая, продвигающаяся поверхность рѣки, съ бурнымъ мокрымъ пескомъ на берегахъ и отмеляхъ, дальняя степь, вышка кордона отдѣлявшаяся надъ водой, осѣдланная лошадь, въ треногѣ ходившая по тернамъ, и горы. Красное солнце вышло въ мгновеніе изъ-за тучи, и послѣдними лучами весело блеснуло вдоль по рѣкѣ, по камышамъ, на вышку и на казаковъ собравшихся кучкой, между которыми Лукашка невольно своею бодрою фигурой обратилъ вниманіе Оленина.

Оленинъ почувствовалъ себя опять, безъ всякой видимой причины, совершенно счастливымъ. Онъ зашелъ въ Нижнепротоцкій постъ, на Терекъ, противъ мирнаго аула на той сторонѣ. Онъ поздоровался съ казаками, но еще не найдя предлога сдѣлать кому-либо добро, вошелъ въ избу. И въ избѣ не представилось случая. Казаки приняли его холодно. Онъ вошелъ въ мазанку, и закурилъ папиросу. Казаки мало обратили вниманія на Оленина, во-первыхъ за то, что онъ курилъ папироску, во-вторыхъ оттого, что у нихъ было другое развлеченіе въ этотъ вечеръ. Изъ горъ пріѣхали съ лазутчикомъ немирные чеченцы, родные убитаго абрека, выкупить тѣло. Ждали изъ станицы казачье начальство. Братъ убитаго, высокій, стройный, съ подстриженною и выкрашенною красною бородой, несмотря на то, что былъ въ оборваннѣйшей черкескѣ и папахѣ, былъ спокоенъ и величалъ какъ царь. Онъ былъ очень похожъ лицомъ на убитаго абрека. Никого онъ не удостоивалъ взглядомъ, ни разу не взглянулъ на убитаго, и сидя въ тѣни на корточкахъ, только сплевывалъ куря трубочку, и изрѣдка издавалъ нѣсколько повелительныхъ гортанныхъ звуковъ, которымъ почтительно внималъ его спутникъ. Видно было, что это джигитъ, который уже не разъ видалъ русскихъ совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, и что теперь ничто въ русскихъ не только не удивляло, но и не занимало его. Оленинъ подошелъ было къ убитому и сталъ смотрѣть на него, но братъ, спокойно-презрительно взглянувъ выше бровей на Оленина, отрывисто и сердито сказалъ что-то. Лазутчикъ поспѣшилъ закрыть черкеской лицо убитаго. Оленина поразила величественность и строгость выраженія на лицѣ джигита; онъ заговорилъ было съ нимъ, спрашивая, изъ какого онъ аула, но чеченецъ чуть глянулъ на него, презрительно сплюнулъ и отвернулся. Оленинъ такъ удивился тому, что горецъ не интересовался имъ, что равнодушіе его объяснилъ себѣ только глупостью или непониманіемъ языка. Онъ обратился къ его товарищу. Товарищъ, лазутчикъ и переводчикъ, былъ такой же оборванный, но черный, а не рыжій, вертлявый, съ бѣлѣйшими зубами и сверкающими черными глазами. Лазутчикъ охотно вступилъ въ разговоръ, и попросилъ папиросу.

— Ихъ пять братьевъ, рассказывалъ лазутчикъ на своемъ ломаномъ, полурусскомъ языкѣ: — вотъ ужъ это третьяго брата русскіе бьютъ, только два остались; онъ джигитъ, очень джигитъ, говорилъ лазутчикъ, указывая на чеченца. — Когда убили Ахмедъ-хана (такъ звали убитаго абрека), онъ на той сторонѣ въ камышахъ сидѣлъ; онъ все видѣлъ какъ его въ каюкъ клали и какъ на берегъ привезли. Онъ до ночи сидѣлъ; хотѣлъ старика застрѣлить, да другіе не пустили.

Лукашка подошелъ къ разговаривающимъ и подсѣлъ.

— А изъ какого аула? спросилъ онъ.

— Вонъ, въ тѣхъ горахъ, отвѣчалъ лазутчикъ,

указывая за Терекъ, въ голубоватое туманное ущелье:—Суюкъ-су знаешь? Верстъ десять за нимъ будетъ.

— Въ Суюкъ-су Гирей-хана знаешь? спросилъ Лукашка, видимо гордясь этимъ знакомствомъ: — кунакъ мнѣ.

— Сосѣдъ мнѣ, отвѣчалъ лазутчикъ.

— Молодецъ! и Лукашка, видимо очень заинтересованный, заговорилъ по-татарски съ переводчикомъ.

Скоро пріѣхали верхомъ сотникъ и станичный со свитою двухъ казаковъ. Сотникъ, изъ новыхъ казачьихъ офицеровъ, поздоровался съ казаками; но ему не крикнулъ никто въ отвѣтъ, какъ армейскіе: «здравія желаемъ, ваше благородіе», и только кое-кто отвѣтилъ простымъ поклономъ. Нѣкоторые, и Лукашка въ томъ числѣ, встали и вытянулись. Урядникъ донесъ, что на посту все обстоитъ благополучно. Все это смѣшно показалось Оленину; точно эти казаки играли въ солдатъ. Но форменность скоро перешла въ простыя отношенія: и сотникъ, который былъ такой же ловкій казакъ какъ и другіе, сталъ бойко говорить по-татарски съ переводчикомъ. Написали какую-то бумагу, отдали ее лазутчику у него взяли деньги и приступили къ тѣлу.

— Гавриловъ Лука который у васъ? проговорилъ сотникъ. Лукашка снялъ шапку и подошелъ.

— О тебѣ я послалъ рапортъ полковому. Что выйдетъ не знаю, я написалъ къ кресту, въ урядники рано. Ты грамотенъ?

— Никакъ нѣтъ.

— А какой молодецъ изъ себя! сказалъ сотникъ, продолжая играть въ начальника.—Накройся. Онъ чихъ Гавриловыхъ? Широкаго что ль?

— Племянникъ, отвѣчалъ урядникъ.

— Знаю, знаю. Ну берись, подсоби имъ, обратился онъ къ казакамъ.

Лукашкино лицо такъ и свѣтилось радостью, и казалось красивѣе обыкновеннаго. Отойдя отъ урядника и накрывшись, онъ снова подсѣлъ къ Оленину.

Когда тѣло отнесено было въ каюкъ, чеченецъ-братъ подошелъ къ берегу. Казаки невольно разступились, чтобы дать ему дорогу. Онъ сильною ногой оттолкнулся отъ берега, и вскочилъ въ лодку. Тутъ онъ въ первый разъ, какъ Оленинъ замѣтилъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ казаковъ и опять что-то отрывисто спросилъ у товарища. Товарищъ отвѣтилъ что-то, и указалъ на Лукашку. Чеченецъ взглянулъ на него и медленно отвернувшись, сталъ смотрѣть на тотъ берегъ. Не ненависть, а холодное презрѣніе выразилось въ этомъ взглядѣ. Онъ еще сказалъ что-то.

— Что онъ сказалъ? спросилъ Оленинъ у вертляваго переводчика.

— Твоя наша бьетъ, наша ваша коробчить. Все одна худра мурда, сказалъ лазутчикъ, видимо обманывая, засмѣялся, оскаливая свои бѣлые зубы, и вскочилъ въ каюкъ.

Братъ убитаго сидѣлъ не шевелясь, и пристально глядѣлъ на тотъ берегъ. Онъ такъ ненавидѣлъ и презиралъ, что ему даже любопытнаго ничего тутъ не было. Лазутчикъ, стоя на концѣ каюка, переносилъ весло то на ту, то на другую сторону, ловко правилъ, и говорилъ безъ умолку. Наискось перебивая теченіе, каюкъ становился меньше и меньше, голоса долетали чуть слышно, и наконецъ, въ глазахъ, они пристали къ тому берегу, гдѣ стояли ихъ лошади. Тамъ они вынесли тѣло, не смотря на то, что шарахалась лошадь, положили его черезъ сѣдло, сѣли на коней и шагомъ поѣхали по дорогѣ мимо аула, изъ котораго толпа народа вышла смотрѣть на нихъ. Казаки же на этой сторонѣ были чрезвычайно довольны и веселы. Со всѣхъ сторонъ слышались смѣхъ и шуточки. Сотникъ съ станичнымъ пошли угоститься въ мазанку. Лукашка съ веселымъ лицомъ, которому тщетно старался онъ придать степенный видъ, сидѣлъ подлѣ Оленина, опершись локтями на колѣна и строгая палочку.

— Что это вы курите? сказалъ онъ, какъ будто съ любопытствомъ: — развѣ хорошо?

Онъ видимо сказалъ это только потому, что замѣчалъ, что Оленину неловко и что онъ одинокъ среди казаковъ.

— Такъ привыкъ, отвѣчалъ Оленинъ:—а что?

— Гм! Коли бы нашъ братъ курить сталъ, бѣда! Вонъ вѣдь не далеко горы-то, сказалъ Лукашка, указывая въ ущелье, — а не доѣдешь!.. Какъ же вы домой одни пойдете: темпо. Я васъ провожу коли хотите, сказалъ Лукашка: — вы попросите у урядника.

«Какой молодецъ», подумалъ Оленинъ, глядя на веселое лицо казака. Онъ вспомнилъ про Марьянку, и про поцѣлуй, который онъ подслушалъ за воротами, и ему стало жалко Лукашку, жалко его необразованіе. «Что за вздоръ и путаница?» думалъ онъ, человекъ убилъ другаго, и счастливъ, доволенъ, какъ будто сдѣлалъ самое прекрасное дѣло. Не ужели ни что не говоритъ ему, что тутъ нѣтъ причины для большой радости? «Что счастье не въ томъ, чтобы убивать, а въ томъ, чтобы жертвовать собой?»

— Ну, не попадайся ему теперь братъ, сказалъ одинъ изъ казаковъ, провожавшихъ каюкъ, обращаясь къ Лукашкѣ: — слышалъ какъ про тебя спросилъ?

Лукашка поднялъ голову.

— Крестникъ-то? сказалъ Лукашка, разумѣя подъ этимъ словомъ чеченца.

— Крестникъ-то не встанетъ, а рыжій братецъ-то крестовый.

— Пускай Бога молить, что самъ цѣль ушелъ, сказалъ Лукашка смѣясь.

— Чемужъ ты радуешься? сказалъ Оленинъ Лукашкѣ. — Какъ бы твоего брата убили, развѣ бы ты радовался?

Глаза казака смѣялись, глядя на Оленина.

Онъ казалось понялъ все что тотъ хотѣлъ сказать ему, но стоялъ выше такихъ соображеній.

— А что жъ? И не безъ того! Развѣ нашего брата не бьютъ.

XXII.

Сотникъ съ станичнымъ уѣхалъ; а Оленинъ, для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Лукашкѣ и чтобы не идти одному по темному лѣсу, попросилъ отпустить Лукашку, и урядникъ отпустилъ его. Оленинъ думалъ, что Лукашкѣ хочется видѣть Марьянку, и вообще былъ радъ товариществу такого пріятнаго на видъ и разговорчиваго казака. Лукашка и Марьянка невольно соединились въ его воображеніи, и онъ находилъ удовольствіе думать о нихъ. «Онъ любитъ Марьяну, думалъ себѣ Оленинъ, а я бы могъ любить ее.» И какое-то сильное новое для него чувство умиленія овладѣвало имъ, въ то время какъ они шли домой по темному лѣсу. Лукашкѣ тоже было весело на душѣ. Что-то похожее на любовь чувствовалось между этими двумя столь различными молодыми людьми. Всякій разъ какъ они взглядывали другъ на друга, имъ хотѣлось смѣяться.

— Тебѣ въ какія ворота? спросилъ Оленинъ?

— Въ среднія. Да я васъ провожу до болота. Тамъ ужъ вы не бойтесь ничего.

Оленинъ засмѣялся. — Да развѣ я боюсь? Ступай назадъ, благодарствую. Я одинъ дойду.

— Ничего! А мнѣ чтожъ дѣлать? Какъ вамъ не бояться? и мы боимся, сказалъ Лукашка, тоже смѣясь и успокоивая его самолюбіе.

— Ты ко мнѣ зайди. Поговоримъ, выпьемъ, а утромъ ступай.

— Развѣ я мѣста не найду, гдѣ ночку почевать, засмѣялся Лукашка, — да урядникъ просилъ придти.

— Я вчера слышалъ, ты пѣсни пѣлъ и еще тебѣ видѣлъ...

— Всѣ люди... — И Лука покачалъ головой.

— Что ты женишься — правда? спросилъ Оленинъ.

— Матушка женить хочетъ. Да еще и коня нѣтъ.

— Ты не строевой?

— Гдѣ жъ? Только собрался. Еще коня нѣтъ, а раздобыться не гдѣ. Оттого и не женять.

— А сколько конь стоитъ?

— Торговали намереніи одного за рѣкой, такъ шестьдесятъ монетовъ не берутъ, а конь нагайскій.

— Пойдешь ты ко мнѣ въ драбанты (въ походѣ драбантъ есть нечто въ родѣ вѣстового, которыхъ давали офицерамъ)? Я тебя выхлопочу и коня тебѣ подарю, вдругъ сказалъ Оленинъ. — Право. У меня два, мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно? смѣясь сказалъ Лукашка. — Что вамъ дарить? Мы разживемся, Богъ дастъ.

— Право! Или не пойдешь въ драбанты? сказалъ Оленинъ радуясь тому, что ему пришло въ голову подарить коня Лукашкѣ. Ему однако отчего-то неловко и совѣстно было. Онъ искалъ и не зналъ что сказать.

Лукашка первый прервалъ молчаніе.

— Что, у васъ въ Россіи домъ есть свой? спросилъ онъ.

Оленинъ не могъ удержаться, чтобы не рассказать, что у него не только одинъ домъ, но и нѣсколько домовъ есть.

— Хорошій домъ? больше нашихъ? добродушно спросилъ Лукашка.

— Много больше, въ десять разъ; въ три яруса, рассказывалъ Оленинъ.

— А кони есть такіе какъ у насъ?

— У меня сто головъ лошадей, да по триста, по четыреста рублей, только не такіе какъ ваши. Серебромъ триста! Рысистые, знаешь... А все я здѣшнихъ лучше люблю.

— Что жъ вы сюда пріѣхали, волей или неволей? спросилъ Лукашка, все какъ будто посмѣиваясь. — Вотъ вы гдѣ заплутались, прибавилъ онъ, указывая на дорожку, мимо которой они проходили: — вамъ бы надо вправо.

— Такъ, по своей охотѣ, отвѣчалъ Оленинъ, — хотѣлось посмотрѣть ваши мѣста, въ походахъ походить.

— Сходилъ бы въ походъ нынче, сказалъ Лука. — Ишь чакалки воютъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

— Да что тебѣ не страшно, что ты человѣка убилъ? спросилъ Оленинъ.

— Чего жъ бояться? А сходилъ бы въ походъ! повторилъ Лукашка. — Такъ мнѣ хочется, такъ мнѣ хочется...

— Можетъ-быть пойдемъ вмѣстѣ. Наша рота пойдетъ передъ праздникомъ и ваша сотня тоже.

— И охота вамъ сюда ѣхать! Домъ есть, кони есть и холопы есть. Я бы гулялъ да гулялъ. Что вы чинъ какой вмѣсте?

— Я юнкеръ, а теперь представленъ.

— Ну, коли не хвастаете, что житье у васъ такое, я изъ дома никуда бы не уѣхалъ. Да я и такъ никуда бы не уѣхалъ. Хорошо у насъ жить?

— Да. Очень хорошо, сказалъ Оленинъ.

Ужъ было совсѣмъ темно, когда они, разговаривая такимъ образомъ, подходили къ станицѣ. Еще ихъ окружалъ темный мракъ лѣса. Вѣтеръ высоко гудѣлъ въ вершинахъ. Чакалки, казалось, подлѣ нихъ вдругъ завывали, хохотали и плакали; а впереди, въ станицѣ, уже слышался женскій говоръ, лай собакъ, ясно обозначались профили хатъ, свѣтились огни, и тянуло запахомъ, особеннымъ запахомъ дыма кизняка. Такъ и чувствовалось Оленину, особенно въ этотъ вечеръ, что тутъ въ станицѣ его домъ, его семья, все его счастье, и что никогда ни гдѣ онъ не жилъ и жить не будетъ такъ счастливо, какъ въ этой станицѣ. Онъ такъ любилъ всѣхъ и особенно Лукашку въ этотъ ве-

черть! Придя домой, Оленинъ, къ великому удивленію Лукашки, самъ вывелъ изъ клетки, купленную имъ въ Грозной — не ту, на которой онъ всегда ѣздилъ, — но другую не дурную, хотя и немолодую лошадь, и отдалъ ему.

— За что вамъ меня дарить? сказалъ Лукашка: — я вамъ еще не услужилъ ничѣмъ.

— Право, мнѣ ничего не стоитъ, отвѣчалъ Оленинъ: — возьми и ты мнѣ подаришь что... Вотъ и въ походъ пойдемъ.

Лука смутился. — Ну чтожь это? Развѣ конь малаго стоитъ, говорилъ онъ, не глядя на лошадь.

— Возьми же, возьми! Коли ты не возьмешь, ты меня обидишь. Ванюша, отведи къ нему сѣраго.

Лукашка взялъ за поводъ. — Ну, благодарствуй. Вотъ, не думано, не гадало...

Оленинъ былъ счастливъ какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ. — Привяжи ее здѣсь. Она хорошая лошадь, я въ Грозной купилъ, и скачетъ лихо. Ванюша, дай намъ чихирю. Пойдемъ въ хату.

Подали вино. Лукашка сѣлъ, и взялъ чепуру. — Богъ дастъ и я вамъ отслужу, сказалъ онъ, допивая вино. — Какъ звать-то тебя?

— Дмитрій Андреичъ.

— Ну, Митрій Андреичъ, спаси тебя Богъ. Кунаки будемъ. Теперь приходи къ намъ когда. Хотъ и не богатые мы люди, а все, кунаки, угостимъ. Я и матушкѣ прикажу, коли чего нужно, каймаку или винограду. А коли на кордонъ придешь, я тебѣ слуга, на охоту, за рѣку ли, куда хочешь. Вотъ намереніи не зналъ: какого кабана убилъ! Такъ по казакамъ роздалъ, а то бы тебѣ принесъ.

— Хорошо, благодарствуй. Ты ее только не запрягай, а то она не ѣздила.

— Какъ коня запрягать! А вотъ еще я тебѣ скажу, понизивъ голову, сказалъ Лукашка: — коли хочешь, мнѣ кунакъ есть, Гирей-ханъ; звалъ на дорогу засѣсть, гдѣ изъ горъ ѣздить, такъ вмѣстѣ поѣдемъ. Ужъ я тебя не выдамъ, твой мюridъ буду.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, когда-нибудь.

Лукашка, казалось, совершенно успокоился и принялъ отношенія Оленина къ нему. Его спокойствіе и простота обращенія удивили Оленина и были даже немного непріятны ему. Они долго бесѣдовали, и уже поздно Лукашка, не пьяный (онъ никогда не бывалъ пьянъ), но много выпивши, пожавъ Оленину руку, вышелъ отъ него.

Оленинъ выглянулъ въ окно посмотреть, что онъ будетъ дѣлать выйдя отъ него. Лукашка шелъ тихо, оставивъ голову внизъ. Потомъ, выведя коня за ворота, вдругъ встряхнулъ головой, какъ кошка вскочилъ на него, перекинулъ поводъ недоуздка, и гикнувъ, закатился вдоль по улицѣ. Оленинъ думалъ, что онъ пойдетъ подѣлиться своею радостью съ Марьянкой; но несмотря на то, что Лука этого не сдѣлалъ, ему было такъ хорошо на душѣ, какъ никогда въ мірѣ. Онъ какъ мальчикъ радовался и не могъ удержаться, чтобы не рассказать Ванюшѣ не толь-

ко то, что онъ подарилъ лошадь Лукѣ, но и зачѣмъ, подарилъ, и всю свою новую теорію счастья. Ванюша не одобрилъ этой теоріи и объявилъ, что *маржанъ ильмьяна*, и потому все это пустяки.

Лукашка забѣжалъ домой, соскочилъ съ коня и отдалъ его матери, наказавъ, пустить его въ казачій табунъ; самъ же онъ въ ту же ночь долженъ былъ вернуться на кордонъ. Нѣмая взялась свести коня, и знаками показывала, что она какъ увидитъ человѣка, который подарилъ лошадь, такъ и поклонится ему въ ноги. Старуха только покачала головой на рассказъ сына, и въ душѣ порѣшила, что Лукашка укралъ лошадь, и потому приказала нѣмой вести коня въ табунъ еще до свѣта.

Лукашка пошелъ одинъ на кордонъ и все раздумывалъ о поступкѣ Оленина. Хотя конь и нехорошъ былъ по его мнѣнію, однако стоилъ по крайней мѣрѣ сорокъ *монетовъ*, и Лукашка былъ очень радъ подарку. Но зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ подарокъ, этого онъ не могъ понять, и потому не испытывалъ ни малѣйшаго чувства благодарности. Напротивъ, въ головѣ его бродили неясныя подозрѣнія въ дурныхъ умыслахъ юнкера. Въ чемъ состояли эти умыслы, онъ не могъ дать себѣ отчета, но и допустить мысль, что такъ ни за что, по добротѣ, незнакомый человѣкъ, подарилъ ему лошадь въ сорокъ *монетовъ*, ему казалось невозможно. Коли бы пьяный былъ, тогда бы еще понятно было: хотѣлъ покуражиться. Но юнкеръ былъ трезвъ, а потому вѣрно хотѣлъ подкупить его на какое нибудь дурное дѣло. «Ну да врешь!» думалъ Лукашка. «Конь-то у меня, а тамъ видно будетъ. Я самъ малый не промахъ. Еще кто кого проведетъ! Посмотримъ!» думалъ онъ, испытывая потребность быть на-сторожѣ противъ Оленина, и потому возбуждая въ себѣ къ нему недоброжелательное чувство. Онъ никому не рассказывалъ, какъ ему достался конь. Однимъ говорилъ, что купилъ; отъ другихъ отдѣлывался уклончивымъ отвѣтомъ. Однако въ станицѣ скоро узнали правду. Мать Лукашки, Марьяна, Илья Васильевичъ и другіе казаки, узнавшіе о безпричинномъ подаркѣ Оленина, пришли въ недоумѣніе и стали опасаться юнкера. Несмотря на такія опасенія, поступокъ этотъ возбуждалъ въ нихъ большое уваженіе къ *простотѣ* и богатству Оленина.

— Слышь, Лукашкѣ коня въ пятьдесятъ монетовъ бросилъ юнкирь-то, что у Ильи Васильича стоитъ, говорилъ одинъ. — Богачъ!

— Слыхалъ, отвѣчалъ другой глубокомысленно. Должно услужилъ ему. Поглядимъ, поглядимъ, что изъ него будетъ. Эко Урвану счастье.

— Экой народъ продувной изъ юнкирей, бѣда! говорилъ третій: — какъ разъ подожжетъ или что.

XXIII.

Жизнь Оленина шла однообразно, ровно. Съ начальствомъ и товарищами, онъ имѣлъ мало дѣла

Положеніе богатаго юнкера на Кавказѣ особенно выгодно въ этомъ отношеніи. На работы и на ученіе его не посылали. За экспедицію онъ былъ представленъ въ офицеры, а до того времени оставляли его въ покоѣ. Офицеры считали его аристократомъ, и потому держали себя въ отношеніи къ нему съ достоинствомъ. Картежная игра и офицерскіе кутежи, съ пѣсенниками, которые онъ испытывалъ въ отрядѣ, казались ему непривлекательными, и онъ съ своей стороны тоже удалялся офицерскаго общества и офицерской жизни въ станицѣ. Офицерская жизнь въ станицахъ давно уже имѣетъ свой опредѣленный складъ. Какъ каждый юнкерь или офицеръ въ крѣпости регулярно пьетъ портеръ, играетъ въ шtosъ, толкуетъ о наградахъ за экспедиціи, такъ въ станицѣ регулярно пьетъ съ хозяевами чихирь, угощаетъ дѣвочекъ закусками и медомъ, волочитъ за казачками, въ которыхъ влюбляется; иногда и женится. Оленинъ жилъ всегда своеобразно, и имѣлъ безсознательное отвращеніе къ битымъ дорожкамъ. И здѣсь, также, не пошелъ онъ по избитой колѣѣ жизни кавказскаго офицера.

Само собой сдѣлалось, что онъ просыпался вмѣстѣ съ свѣтомъ. Напившись чаю и полюбовавшись съ своего крылечка на горы, на утро и на Марьянку, онъ надѣвалъ оборванный зипунъ изъ воловьей шкуры, размоченную обувь называемую поршнями, подпоясывалъ кинжалъ, бралъ ружье, мѣшечекъ съ закуской и табакомъ, звалъ за собой собаку, и отправлялся часу въ шестомъ утра въ лѣсъ за станицу. Часу въ седьмомъ вечера, онъ возвращался усталымъ, голоднымъ, съ пятаю, шестью фазанами за поясомъ, иногда съ звѣремъ, съ нетронутымъ мѣшечкомъ, въ которомъ лежали закуска и папиросы. Ежели бы мысли въ головѣ лежали также какъ папиросы въ мѣшкѣ, то можно было бы видѣть, что за всѣ эти четырнадцать часовъ ни одна мысль не пошевелилась въ немъ. Онъ приходилъ домой морально свѣжій, сильный и совершенно счастливый. Онъ не могъ бы сказать о чемъ онъ думалъ все это время. Не то мысли, не то воспоминанія, не то мечты бродили въ его головѣ, — бродили отрывки всего этого. Опомнись, спросить: о чемъ онъ думаетъ? И застаётъ себя или казакомъ работающимъ въ садахъ съ казачкою женою, или абрекомъ въ горахъ, или кабаномъ убѣгающимъ отъ себя же самого. И все прислушивается, вглядывается, и ждетъ фазана, кабана или оленя.

Вечеромъ ужъ непремѣнно сидитъ у него дядя Ерѣшка. Ванюша приноситъ осьмуху чихиря, и они тихо бесѣдуютъ, напиваются, и оба довольные расходятся спать. На-завтра опять охота, опять здоровая усталость, опять за бесѣдой также напиваются, и опять счастливы. Иногда въ праздникъ или въ день отдыха, онъ цѣлый день проводитъ дома. Тогда главнымъ занятіемъ была Марьянка, за каждымъ движеніемъ которой, самъ того не замѣчая, онъ жадно слѣдилъ изъ своихъ оконъ или съ своего крыльца. Онъ смотрѣлъ на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) также какъ

любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между имъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казачкомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казачкою дѣвочкой. Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать то, что дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое, полное наслажденій, созерцаніе, на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. Притомъ же, въ отношеніи къ этой женщинѣ, онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія, доставившій ему столько наслажденія; а главное, почему-то онъ боялся Марьянки и ни за что бы не рѣшился сказать ей слово шуточной любви.

Однажды лѣтомъ Оленинъ не пошелъ на охоту и сидѣлъ дома. Совершенно неожиданно вошелъ къ нему его московскій знакомый, очень молодой человекъ, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ:

— Ахъ, mon cher, мой дорогой, какъ я обрадовался, узнавъ, что вы здѣсь! началъ онъ на московско-французскомъ языкѣ и такъ продолжалъ, пересыпая свою рѣчь французскими словами—Мнѣ говорятъ: «Оленинъ». Какой Оленинъ? Я такъ обрадовался... Вотъ привела судьба свидѣться. Ну, какъ вы? что? зачѣмъ?

И князь Бѣлецкій рассказалъ всю свою исторію: какъ онъ поступилъ на-время въ этотъ полкъ, какъ главнокомандующій звалъ его въ адъютанты, и какъ онъ послѣ похода поступилъ къ нему, не смотря на то, что вовсе этимъ не интересуется.

— «Служа здѣсь, въ этой тѣснотѣ, надо по крайней мѣрѣ сдѣлать карьеру... крестъ... чинъ... въ гвардію переведутъ. Все это необходимо, хоть не для меня, но для родныхъ, для знакомыхъ. Князь меня принялъ очень хорошо; онъ очень порядочный человекъ, говорилъ Бѣлецкій, не умолкая.—За экспедицію представленъ къ Аннѣ. А теперь проживу здѣсь до похода. Здѣсь отлично. Какія женщины! Ну, а вы какъ живете? Мнѣ говорилъ нашъ капитанъ—знаете, Старцевъ: доброе глупое существо... онъ говорилъ, что вы ужаснымъ дикаремъ живете, ни съ кѣмъ не видите. Я понимаю, что вамъ не хочется сближаться съ здѣшними офицерами. Я радъ, теперь мы съ вами будемъ видѣться. Я тутъ остановился у урядника. Какая тамъ дѣвочка, Устенка! Я вамъ скажу, прелесть!

И еще и еще сыпались французскія и русскія слова изъ того міра, который, какъ думалъ Оленинъ, былъ покинутъ имъ навсегда. Общее мнѣніе о Бѣleckкомъ было то, что онъ милый и добродушный малый. Можетъ-быть онъ и дѣйствительно былъ такой; но Оленину онъ показался, несмотря на его добродушное хорошенькое лицо, чрезвычайно неприятенъ. Такъ и пахло отъ него всею тою гадостью, отъ которой онъ отрекся. Досаднѣе же всего ему было то, что онъ не могъ, рѣшительно не былъ въ силахъ, рѣзко оттолкнуть отъ себя

этого человека из того мира, как будто этот старый бывший его мир имѣлъ на него неотразимыя права. Онъ злился на Бѣлецкаго и на себя, и противъ своей воли вставлялъ французскія фразы въ свой разговоръ, интересовался главнокомандующимъ и московскими знакомыми, и на основаніи того, что они оба, въ казачьей станицѣ, говорили на французскомъ діалектѣ, съ презрѣніемъ относился о товарищахъ-офицерахъ, о казакахъ, и дружески обошелся съ Бѣлецкимъ, обѣщаясь бывать у него и приглашая заходить къ нему. Самъ Оленинъ однако не ходилъ къ Бѣлецкому. Ванюша одобрилъ Бѣлецкаго, сказавъ, что это настоящій баринъ.

Бѣлецкій сразу вошелъ въ обычную жизнь богатаго кавказскаго офицера въ станицѣ. На глазахъ Оленина, онъ въ одинъ мѣсяцъ сталъ какъ бы старожиломъ станицы: онъ подпивалъ стариковъ, дѣлалъ вечеринки, и самъ ходилъ на вечеринки къ дѣвкамъ, хвастался побѣдами и даже дошелъ до того, что дѣвки и бабы прозвали его почему-то дѣдушкой, а казаки, ясно опредѣлившіе себѣ этого человека любившаго вино и женщинъ, привыкли къ нему, и даже полюбили его больше чѣмъ Оленина, который былъ для нихъ загадкой.

XXIV.

Было 5 часовъ утра. Ванюша раздувалъ голенищемъ самоваръ на крыльцѣ хаты. Оленинъ уже уѣхалъ верхомъ купаться на Терекъ. (Онъ недавно выдумалъ себѣ новое удовольствіе купать въ Терекѣ лошадей). Хозяйка была въ своей *избушкѣ*, изъ трубы которой поднимался черный густой дымъ растапливавшейся печи; дѣвка въ клѣти доила буйволицу. «Не постоитъ проклятая!» слышался отсюда ея нетерпѣливый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ раздавался равномерный звукъ доенія. На улицѣ около дома слышался бойкій шагъ лошади, и Оленинъ *охлентю*, на красивомъ, невысохшемъ, глинцеvито-мокромъ, темно-сѣромъ конѣ, подѣхалъ къ воротамъ. Красивая голова Марьяны, повязанная однимъ краснымъ платкомъ (называемымъ сорочкой), высунулась изъ клѣтки и снова скрылась. На Оленинѣ была красная кануасовая рубаха, бѣлая черкеска, стянутая ремнемъ съ кинжаломъ, и высокая шапка. Онъ нѣсколько изысканно сидѣлъ на мокрой спинѣ сытой лошади, и придерживая ружье за спиной, нагнулся, чтобъ открыть ворота. Волоса его еще были мокры, лицо сіяло молодостью и здоровьемъ. Онъ думалъ, что онъ хорошъ, ловокъ и похожъ на джигита; но это было несправедливо. На взглядъ всякаго опытнаго кавказца, онъ все-таки былъ солдатъ. Замѣтивъ высунувшуюся голову дѣвки, онъ особенно бойко пригнулся, откинулъ плетень воротъ; и поддерживая поводья, взмахнувъ плетью, вѣхалъ на дворъ. «Готовъ чай, Ванюша?» крикнулъ онъ весело, не

глядя на дверь клѣтки; онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ поджимая задъ, попрашивая поводья и содрогаясь каждымъ мускуломъ, красивый конь, готовый со всѣхъ ногъ перескочить черезъ заборъ, отбивалъ шагъ по засохшей глинѣ двора. «*Се пре!*» отвѣчалъ Ванюша. Оленину казалось, что красивая голова Марьяны все еще смотритъ изъ клѣтки, но онъ не оглянулся на нее. Соскочивъ съ лошади, Оленинъ зацѣпилъ ружьемъ за крылечко, сдѣлалъ неловкое движеніе и испуганно оглянулся на клѣть, въ которой никого не было видно а слышались тѣ же равномерные звуки доенья.

Войдя въ хату, онъ черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда на крылечко, и съ книгой и трубкой за стаканомъ чаю, уѣлся въ сторонѣ необлитою еще косыми лучами утра. Онъ никуда не собрался до обѣда въ этотъ день, и намѣревался писать давно откладывавшіяся письма; но почему-то жалко было ему оставить свое мѣстечко на крыльцѣ, и какъ въ тюрьму не хотѣлось вернуться въ хату. Хозяйка вытопила печь, дѣвка угнала скотину, и вернувшись, стала собирать и лѣпить кизяки по забору. Оленинъ читалъ, но ничего не понималъ изъ того, что было написано въ раскрытой передъ нимъ книгѣ. Онъ безпрестанно отрывалъ отъ нея глаза, и смотрѣлъ на двигавшуюся передъ нимъ сильную молодую женщину. Заходила ли эта женщина въ сырую утреннюю тѣнь падавшую отъ дома, выходила ли она на средину двора освѣщеннаго радостнымъ молодымъ свѣтомъ, и вся стройная фигура ея въ яркой одеждѣ блистала на солнцѣ и клала черную тѣнь, — онъ одинаково боялся потерять хоть одно изъ ея движеній. Его радовало видѣть какъ свободно и граціозно сгибался ея станъ, какъ розовая рубаха, составлявшая всю ея одежду, драпировалась на груди и вдоль стройныхъ ногъ; какъ выпрямлялся ея станъ, и подъ ея стянутою рубашкой твердо обозначались черты дышащей груди; какъ узкая ступня обутая въ красныя старыя черевики, не перемѣняя формы, становилась на землю; какъ сильныя руки, съ засученными рукавами, напрягая мускулы, будто сердито бросали лопатой, и какъ глубокіе черные глаза взглядывали иногда на него. Хотя и хмурились тонкія брови, но въ глазахъ выражалось удовольствіе и чувство своей красоты.

— Что Оленинъ, ужъ вы давно встали? сказалъ Бѣлецкій, въ кавказскомъ офицерскомъ сюртукѣ, входя на дворъ и обращаясь къ Оленину.

— А, Бѣлецкій! отозвался Оленинъ, протягивая руку: — какъ вы такъ рано?

— Что дѣлать! Выгнали. У меня нынче балъ. Марьяна, ты вѣдь придешь къ Устенкѣ? обратился онъ къ дѣвкѣ.

Оленинъ удивился какъ могъ Бѣлецкій такъ просто обращаться къ этой женщинѣ. Но Марьяна, какъ будто не слыхавъ, нагнула голову, и перекинувъ на плечо лопату, своею бойкою мужскою походкой пошла къ избушкѣ.

— Стыдится, нянюка, стыдится, проговорилъ ей вѣдѣ Бѣлецкій, — васъ стыдится, — и весело улыбаясь взбѣжалъ на крыльцо.

— Какъ балъ у васъ? Кто васъ выгналъ?

— У Устенъки, у моей хозяйки, балъ, и вы приглашены. Балъ, то-есть, пирогъ и собраніе дѣвокъ.

— Да что жъ мы-то будемъ дѣлать?

Бѣлецкій хитро улыбнулся, и подмигнувъ, показалъ головѣ на *избушку*, въ которой скрылась Марьяна.

Оленинъ пожалъ плечами и покраснѣлъ.

— Ей Богу, вы странный человѣкъ! сказалъ онъ.

— Ну, рассказывайте!

Оленинъ нахмурился. Бѣлецкій замѣтилъ это, и искательно улыбнулся. — Да какъ же, помилуйте, сказалъ онъ, — живете въ одномъ домѣ, и такая славная дѣвка, отличная дѣвочка, совершенная красавица...

— Удивительная красавица! Я не видывалъ такихъ женщинъ, сказалъ Оленинъ.

— Ну, такъ что же? совершенно ничего не понимая, спросилъ Бѣлецкій.

— Оно можетъ-быть странно, отвѣчалъ Оленинъ, — но отчего мнѣ не говорить того что есть? Съ тѣхъ поръ какъ я живу здѣсь, для меня какъ будто не существуетъ женщинъ. И такъ хорошо, право! Ну да и что можетъ быть общаго между нами и этими женщинами? Ерошка — другое дѣло; съ нимъ у насъ общая страсть — охота.

— Ну, вотъ! Что общаго? А что общаго между мной и Амаліей Ивановной? То же самое. Скажете, что грязеньки онѣ, ну это другое дѣло. *A la guerre comme à la guerre!*

— Да я Амалій Ивановнѣ не зналъ и никогда не умѣлъ съ ними обращаться, отвѣчалъ Оленинъ. — Но тѣхъ нельзя уважать, а этихъ я уважаю.

— Ну и уважайте! Ктожъ вамъ мѣшаетъ?

Оленинъ не отвѣчалъ. Ему видимо хотѣлось договорить то, что онъ началъ. Оно было ему слишкомъ къ сердцу.

— Я знаю, что я составляю исключеніе. (Онъ видимо былъ смущенъ.) Но жизнь моя устроилась такъ, что я вижу не только никакой потребности измѣнять свои правила, но я бы не могъ жить здѣсь, не говорю уже жить такъ счастливо какъ живу, ежели бы я жилъ по вашему. И потомъ, я совсѣмъ другаго ищу, другое вижу въ нихъ чѣмъ вы.

Бѣлецкій недовѣрчиво поднялъ брови. — Все таки приходите ко мнѣ вечеркомъ, и Марьяна будетъ, а васъ познакомлю. Приходите пожалуйста. Ну, скучно будетъ, вы уйдете. Придете?

— Я бы пришелъ; но по правдѣ вамъ скажу, я боюсь серьезно увлечься.

— О, о, о! закричалъ Бѣлецкій. — Приходите только, а васъ успокою. Придете? Честное слово?

— Я бы пришелъ, но право я не понимаю, что мы будемъ дѣлать, какую роль мы будемъ играть.

— Пожалуйста, а васъ прошу. Придете?

— Да, приду, можетъ-быть, сказалъ Оленинъ.

— Помилуйте, прелестныя женщины какъ ни

гдѣ, и жить монахомъ! что за охота? Изъ чего портить себѣ жизнь, и не пользоваться тѣмъ, что есть? Слышали вы, наша рота въ Воздвиженскую пойдетъ.

— Едва ли? Мнѣ говорили, что 8-я рота пойдетъ, сказалъ Оленинъ.

— Нѣтъ, я получилъ письмо отъ адъютанта. Онъ пишетъ, что князь будетъ самъ въ походѣ. Я радъ, мы съ нимъ увидимся. Ужъ мнѣ начинаетъ надоѣдать здѣсь.

— Говорятъ, что въ набѣгъ скоро.

— Не слыхалъ; а слыхалъ, что Криновицкую за набѣгъ-то Анна вышла. Онъ ждалъ поручика, сказалъ Бѣлецкій смѣясь. — Вотъ попался-то. Онъ въ штабъ поѣхалъ...

Стало смеркаться, и Оленинъ началъ думать о вечеринкѣ. Приглашеніе мучило его. Ему хотѣлось идти, но странно, дико и немного страшно было подумать о томъ, что тамъ будетъ. Онъ зналъ, что ни казаковъ, ни старухъ, ни кого, кромѣ дѣвокъ, не должно быть тамъ. Что такое будетъ? Какъ вести себя? Что говорить? Что онѣ будутъ говорить? Какія отношенія между нимъ и этими дикими казачьими дѣвками? Бѣлецкій рассказывалъ про такія странныя, циническія и вмѣстѣ строгія отношенія... Ему странно было думать, что онъ будетъ тамъ въ одной хатѣ съ Марьяной и, можетъ-быть, ему придется говорить съ ней. Ему это казалось невозможнымъ, когда онъ вспомнилъ ея величавую осанку. Бѣлецкій же рассказывалъ, что все это такъ просто. Неужели Бѣлецкій и съ Марьяной будетъ также обращаться? Это интересно, думалъ онъ. Нѣтъ лучше не ходить. Все это гадко, пошло, а главное ни къ чему. Но опять его мучилъ вопросъ: какъ это все будетъ? И его какъ будто связывало данное слово. Онъ пошелъ не рѣшившись ни на что, но дошелъ до Бѣлецкаго и вошелъ къ нему.

Хата, въ которой жилъ Бѣлецкій, была такая же какъ и хата Оленина. Она стояла на столбахъ въ два аршина отъ земли, и состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой, въ которую вошелъ Оленинъ по крутой лѣсенкѣ, лежали пуховики, ковры, одѣяла, подушки на казачій манеръ, красиво и изящно прибранные другъ къ другу у одной лицевой стѣны. Тутъ же, на боковыхъ стѣнахъ, висѣли мѣдные тазы и оружіе; подъ лавкой лежали арбузы и тыквы. Во второй комнатѣ была большая печь, столъ, лавки и сторовѣрческія иконы. Здѣсь помѣщался Бѣлецкій съ своею складною кроватью, вычюными чехлами, съ коврикомъ, на которомъ висѣло оружіе, и съ расставленными на столѣ туалетными вещами и портретами. Шелковый халатъ былъ брошенъ на лавкѣ. Самъ Бѣлецкій, хорошенькій, чистенькій, лежалъ въ одномъ бѣлѣ на кровати и читалъ *Les trois mousquetaires*.

Бѣлецкій вскочилъ. — Вотъ видите, какъ я устроился. Славно? Ну, хорошо что пришли. Ужъ у нихъ идетъ работа страшная. Вы знаете изъ чего дѣлается пирогъ? Изъ тѣста съ свиной и виногра-

домъ. Да не въ томъ сила. Посмотрите-ка что тамъ кипитъ!

Дѣйствительно, выглянувъ въ окно, они увидѣли необыкновенную суетню въ хозяйской хатѣ. Дѣвки, то съ тѣмъ, то съ другимъ, выбѣгали изъ сѣней и вбѣгали обратно.—Скоро ли? крикнулъ Бѣлецкій.

— Сейчасъ! Аль проголодался, дѣдушка? и изъ хаты послышался звонкій хохотъ.

Устенъка, пухленькая, румянькая, хорошенькая, съ засученными руками, вбѣжала въ хату Бѣлецкаго за тарелками.

— Ну ты! Вотъ тарелки разобью, завизжала она на Бѣлецкаго.—Ты бы шелъ подсоблять, прокричала она смѣясь на Оленина.—Да *закусочъ*-то (*) дѣвкамъ припаси.

— А Марьянка пришла? спросилъ Бѣлецкій.

— А то какже? Она тѣста принесла.

— Вы знаете ли, сказалъ Бѣлецкій,—что ежели бы одѣть эту Устенъку, да подчистить, похолить немножко, она была бы лучше всѣхъ нашихъ красавицъ. Видѣли вы казачку Борщеву? Она вышла замужъ за полковника. Прелесть какая *dignité*! Откуда чтó взялось...

— Я не видалъ Борщевой, а по мнѣ лучше этого наряда ничего быть не можетъ.

— Ахъ, я такъ умѣю примириться со всякою жизнью! сказалъ Бѣлецкій, весело вздыхая:—пойду, посмотрю чтó у нихъ.

Онъ накинулъ халатъ и побѣжалъ.—А вы озаботьтесь закусками! крикнулъ онъ.

Оленинъ послалъ деньщика за пряниками и медомъ, и такъ ему вдругъ гадко показалось давать деньги, будто онъ подкупалъ кого-то, что онъ ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ на вопросъ деньщика: «сколько купить мятныхъ, сколько медовыхъ.»

— Какъ знаешь.

— На всѣ-съ? значительно спросилъ старый солдатъ.—Мятные дороже. По шестнадцати продавали.

— На всѣ, на всѣ, сказалъ Оленинъ и сѣлъ къ окну, самъ удивляясь, почему у него сердце стучало такъ какъ будто онъ на что-то важное и нехоршее готовился.

Онъ слышалъ какъ въ дѣвичьей хатѣ поднялся крикъ и визгъ когда вошелъ туда Бѣлецкій, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ какъ съ визгомъ, возней и смѣхомъ, онъ выскочилъ оттуда, и сбѣжалъ съ лѣсенки.

— Выгнали, сказалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Устенъка вошла въ хату и торжественно пригласила гостей, объявивъ, что все готово.

Когда они вошли въ хату, все дѣйствительно было готово, и Устенъка оправляла пуховики въ стѣнѣ. На столѣ, накрытомъ не соразмѣрно малою салфеткой, стоялъ графинъ съ чихиремъ и сушеная рыба. Въ хатѣ пахло тѣстомъ и виногра-

домъ. Человѣкъ шесть дѣвокъ, въ нарядныхъ бешметахъ и не обвязанныя платками какъ обыкновенно, жались въ углу за печкою, шептались, смѣялись и фыркали.

— Просимъ покорно моего ангела *помолить*, сказала Устенъка, приглашая гостей къ столу.

Оленинъ въ толпѣ дѣвокъ, которыя всѣ безъ исключенія были красивы, разсмотрѣлъ Марьянку, и ему больно и досадно стало, что онъ сходится съ нею въ такихъ пошлыхъ и неловкихъ условіяхъ. Онъ чувствовалъ себя глупымъ и неловкимъ, и рѣшился дѣлать то же, чтó дѣлалъ Бѣлецкій. Бѣлецкій нѣсколько торжественно, но самоуверенно и развязно подошелъ къ столу, выпилъ стаканъ вина за здоровье Устенъки и пригласилъ другихъ сдѣлать то же. Устенъка объявила, что дѣвки не пьютъ.

— Съ медомъ бы можно, сказалъ чей-то голосъ изъ толпы дѣвокъ.

Кликнули деньщика, только что вернушагося изъ лавочки съ медомъ и закусками. Деньщикъ, изъ-подлобья, не то съ завистью, не то съ презрѣніемъ, оглядѣвъ *улыбавшихся* по его мнѣнію господъ, старательно и добросовѣстно передалъ завернутые въ сѣрую бумагу кусокъ меда и пряники, и сталъ было распространяться о цѣнѣ и сдачѣ; но Бѣлецкій прогналъ его.

Размѣшавъ медъ въ налитыхъ стаканахъ чихиря и роскошно раскинувъ три фунта пряниковъ по столу, Бѣлецкій вытащилъ дѣвокъ силой изъ ихъ угла, усадилъ за столъ, и принялся одѣлать ихъ пряниками. Оленинъ невольно замѣтилъ какъ загорѣлая, но небольшая рука Марьянки захватила два круглые мятные и одинъ коричневый пряникъ, не зная что съ ними дѣлать. Бесѣда шла неловкая и непріятная, не смотря на развязность Устенъки и Бѣлецкаго и желаніе ихъ развеселить компанію. Оленинъ мямля, придумывалъ, что бы сказать, чувствовалъ, что внушаетъ любопытство, можетъ-быть вызываетъ насмѣшку и сообщаетъ другимъ свою застѣнчивость. Онъ краснѣлъ, и ему казалось, что въ особенности Марьянѣ было не ловко. «Вѣрно они ждутъ, что мы дадимъ имъ денегъ», думалъ онъ. «Какъ это мы будемъ давать? И какъ бы поскорѣе дать и уйти!»

XXV.

— Какъ же ты своего постояльца не знаешь? сказалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянкѣ.

— Какъ же его знать, когда къ намъ никогда не ходитъ? сказала Марьяна, взглянувъ на Оленина.

Оленинъ испугался чего-то, вспыхнулъ, и самъ не зная чтó говорить, сказалъ:—Я твоей матери боюсь. Она меня такъ разбранила въ первый разъ, какъ я зашелъ къ вамъ.

Марьянка захохотала.—А ты и испугался? сказала она, взглянула на него и отвернулась.

Тутъ въ первый разъ Оленинъ увидалъ все лицо красавицы, а прежде онъ видалъ ее обвязанною

(*) Закусками называются пряники и конфеты.

до глазъ платкомъ. Не даромъ она считалась первою красавицей въ станицѣ. Устенъка была хорошенькая дѣвочка, маленькая, полненькая, румяная, съ веселыми карими глазками, съ вѣчною улыбкою на красныхъ губкахъ, вѣчно смѣющаяся и болтающая. Марьяна, напротивъ, была отнюдь не *хорошенькая*, но *красавица*! Черты ея лица могли показаться слишкомъ мужественными и почти грубыми, ежели бы не этотъ большой стройный ростъ и могучая грудь и плечи, и главное—ежели бы не это строгое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе длинныхъ черныхъ глазъ, окруженныхъ темною тѣнью подъ черными бровями, и ласковое выраженіе рта и улыбки. Она улыбалась рѣдко, но за то ея улыбка всегда поражала. Отъ нея вѣяло дѣвственнымъ силой и здоровьемъ. Всѣ дѣвки были красивы, но и сами онѣ, и Бѣлецкій, и деньщикъ, вошедшій съ пряниками, всѣ невольно смотрѣли на Марьяну, и обращаясь къ дѣвкамъ, обращались къ ней. Она гордою и веселою царицей казалась между другими.

Бѣлецкій, стараясь поддерживать приличіе вечеринки, не переставая болталъ, заставляя дѣвокъ подносить чихирь, возился съ ними, и безпрестанно дѣлалъ Оленину неприличные замѣчанія по-французски о красотѣ Марьянки, называя ее «ваша», *la vôtre*, и приглашая его дѣлать тоже, что онъ самъ. Оленину становилось тяжеле и тяжеле. Онъ придумалъ предлогъ, чтобы выйти и убѣжать, когда Бѣлецкій провозгласилъ, что именинница Устенъка должна подносить чихирь съ поцѣлуями. Она согласилась, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ей на тарелку клали деньги, какъ это дѣлается на свадьбахъ. «И чортъ меня занесъ на эту отвратительную пирушку!» сказалъ про себя Оленинъ, и вставъ, хотѣлъ уйти.

— Куда вы?

— Я пойду табакъ принесу, сказалъ онъ, намѣреваясь бѣжать, но Бѣлецкій ухватилъ его за руку.

— У меня есть деньги, сказалъ онъ ему по-французски.

«Нельзя уйти, тутъ надо платить», подумалъ Оленинъ, и ему стало такъ досадно на свою неловкость. «Неужели я не могу то же дѣлать, что и Бѣлецкій? Не надо было идти, но разъ пришелъ, не надо портить ихъ удовольствія. Надо пить по кацаки», и взявъ чапуру (деревянную чашку, вмѣщающую въ себѣ стакановъ восемь), налилъ вина и выпилъ почти всю. Дѣвки съ недоумѣніемъ и почти съ испугомъ смотрѣли на него, когда онъ пилъ. Это имъ казалось странно и неприлично. Устенъка поднесла имъ еще по стакану и поцѣловалась съ обоими.—Вотъ дѣвки загуляютъ, сказала она, встряхивая на тарелкѣ четыре монета, которые положили они.

Оленину уже не было неловко. Онъ разговорился.

— Ну теперь ты, Марьяна, поднеси съ поцѣлуемъ, сказалъ Бѣлецкій, схватывая ее за руку.

— Да, я, тебя такъ поцѣлую! сказала она, шутя замахиваясь на него.

— Дѣдушку и безъ денегъ поцѣловать можно, подхватила другая дѣвка.

— Вотъ умница! сказалъ Бѣлецкій, и поцѣловалъ отбивавшуюся дѣвку.—Нѣтъ, ты поднеси, настаивалъ Бѣлецкій, обращаясь къ Марьянѣ.—Постояльцу поднеси.

И взявъ ее за руку, онъ подвелъ ее къ лавкѣ и посадилъ рядомъ съ Оленинымъ.

— Какова красавица! сказалъ онъ, поворачивая ея голову въ профиль.

Марьяна не отбивалась, а гордо улыбаясь, повела на Оленина своими длинными глазами.

— Красавица-дѣвка, повторилъ Бѣлецкій.

«Какова я красавица!» повторилъ, казалось, взгляды Марьяны. Оленинъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, обнялъ Марьяну и хотѣлъ поцѣловать ее. Она вдругъ вырвалась, столкнула съ ногъ Бѣлецкаго и крышку со стола, и отскочила къ печи. Начался крикъ, хохотъ. Бѣлецкій шепталъ что-то дѣвкамъ, и вдругъ всѣ онѣ выбѣжали изъ избы въ сѣни и заперли дверь.

— За что же ты Бѣлецкаго поцѣловала, а меня не хочешь? спросилъ Оленинъ.

— А такъ, не хочу и все, отвѣчала она, вздергивая нижнюю губой и бровью.—Онъ дѣдушка, прибавила она, улыбаясь. Она подошла къ двери и стала стучать въ нее.—Что заперлись, черти?

— Что жъ, пускай они тамъ, а мы здѣсь, сказалъ Оленинъ, приближаясь къ ней.

Она нахмурилась и строго отвела его отъ себя рукой. И вновь такъ величественно хороша показалась она Оленину, что онъ опомнился, и ему стыдно стало за то, что онъ дѣлаетъ. Онъ подошелъ къ двери и сталъ дергать ее.

— Бѣлецкій, отоприте! Что за глупыя шутки?

Марьяна опять засмѣялась своимъ свѣтлымъ, счастливымъ смѣхомъ.

— Ай, боишься меня? сказала она.

— Да вѣдь ты такая же сердитая, какъ мать.

— А ты бы больше съ Ершкой сидѣлъ; такъ тебѣ дѣвки за это и любить бы стали.—И она улыбалась, глядя прямо и близко въ его глаза.

Онъ не зналъ что говорить.—А еслибъ я къ вамъ ходилъ?.. сказалъ онъ нечаянно.

— Другое бы было, проговорила она, встряхнувъ головой.

Въ это время Бѣлецкій, толкнувъ отворилъ дверь, и Марьяна отскочила на Оленина, такъ что бедромъ ударила о его ногу.

«Все пустяки, что я прежде думалъ: и любовь, и самоотверженіе, и Лукашка. Одно есть счастье: кто счастливъ, тотъ и правъ», мелькнуло въ головѣ Оленина, и съ неожиданною для себя силой, онъ схватилъ и поцѣловалъ красавицу Марьянку въ високъ и щеку. Марьяна не разсердилась, а только громко захохотала, и выбѣжала къ другимъ дѣвкамъ.

Вечеринка тѣмъ и кончилась. Старуха, Устенкина мать, вернувшись съ работы, разругала и разогнала всѣхъ дѣвокъ.

XXVI.

«Да, думалъ Оленинъ, возвращаясь домой, стоило бы мнѣ не много дать себѣ повода, я бы могъ безумно влюбиться въ эту казачку.» Онъ легъ спать съ этими мыслями, но думалъ, что все это пройдетъ и онъ вернется къ старой жизни.

Но старая жизнь не вернулась. Отношенія его къ Марьянкѣ стали другія. Стѣна, раздѣлявшая ихъ прежде, была разрушена. Оленинъ уже здоровался съ нею каждый разъ какъ встрѣчался.

Хозяинъ, пріѣхавъ получить деньги за квартиру и узнавъ о богатствѣ и щедрости Оленина, пригласилъ его къ себѣ. Старуха ласково принимала его и со дня вечеринки Оленинъ часто по вечерамъ заходилъ къ хозяевамъ и сживалъ у нихъ до ночи. Онъ, казалось, постарому продолжалъ жить въ станицѣ, но въ душѣ у него перевернулось. День онъ проводилъ въ лѣсу, а часовъ въ восемь, какъ смеркалось, заходилъ къ хозяевамъ, одинъ или съ дядей Ерошкой. Хозяева ужъ такъ привыкли къ нему, что удивлялись когда его не было. Платилъ онъ за вино хорошо, и человѣкъ былъ смирный. Ванюша приносилъ ему чай; онъ садился въ уголь къ печи; старуха, не стѣсняясь, дѣлала свое дѣло, и они бесѣдовали за чаемъ и за чихиремъ о казачьихъ дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о Россіи, про которую Оленинъ рассказывалъ, а они спрашивали. Иногда онъ бралъ книгу и читалъ про себя. Марьяна, какъ дикая коза, поджавъ ноги, сидѣла на печи или въ темномъ углу. Она не принимала участія въ разговорѣ, но Оленинъ видѣлъ ея глаза, лицо, слышалъ ея движенія, пощелкиванье сѣмечекъ, и чувствовалъ, что она слушаетъ всѣмъ существомъ своимъ когда онъ говорилъ, и чувствовалъ ея присутствіе, когда онъ молча читалъ. Иногда ему казалось, что ея глаза устремлены на него, и встрѣчаясь съ ихъ блескомъ, онъ невольно замолкалъ и смотрѣлъ на нее. Тогда она сейчасъ же пряталась, а онъ, притворяясь, что очень занятъ разговоромъ съ старухой, прислушивался къ ея дыханію, ко всѣмъ ея движеніямъ, и снова дожидался ея взгляда. При другихъ она была большею частію весела и ласкова съ нимъ, а наединѣ дика и груба. Иногда онъ приходилъ къ нимъ, когда Марьяна еще не возвращалась съ улицы: вдругъ слышатся ея сильные шаги, и мелькнетъ въ отворенной двери ея голубая ситцевая рубаха. Выйдетъ она на середину хаты, увидитъ его, — и глаза ея чуть замѣтно, ласково улыбнутся, и ему станетъ весело и страшно.

Онъ ничего не искалъ, не желалъ отъ нея, а съ каждымъ днемъ ея присутствіе становилось для него все болѣе и болѣе необходимостію.

Оленинъ такъ влился въ станичную жизнь, что прошедшее показалось ему чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а будущее, особенно внѣ того міра, въ которомъ онъ жилъ, вовсе не занимало его. Получая письма изъ дома, отъ родныхъ и пріятелей, онъ оскорблялся тѣмъ, что о немъ видимо сокрушались какъ о погибшемъ человѣкѣ, тогда какъ

онъ, въ своей станицѣ, считалъ погибшими всѣхъ тѣхъ, кто не велъ такую жизнь какъ онъ. Онъ былъ убѣжденъ, что никогда не будетъ раскапываться въ томъ, что оторвался отъ прежней жизни, и такъ уединенно и своеобразно устроился въ своей станицѣ. Въ походахъ, въ крѣпостяхъ, ему было хорошо; но только здѣсь, только изъ-подъ крылышка дяди Ерошки, изъ своего лѣса, изъ своей хаты на краю станицы, и въ особенности при воспоминаніи о Марьянкѣ и Лукашкѣ, ему ясна казалась та ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна. Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе и болѣе свободнымъ, и болѣе человѣкомъ. Совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ воображалъ, представился ему Кавказъ. Онъ не нашелъ здѣсь ничего похожего на всѣ свои мечты и на всѣ слышанныя и читанныя имъ описанія Кавказа. «Никакихъ здѣсь нѣтъ бурокъ, стремнинъ, Амалать-бековъ, героевъ и злодѣевъ», думалъ онъ: «люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются, и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ...» И отъ того люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серіозно приходила мысль бросить все, приписаться въ казаки, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ, — только не на Марьянкѣ, которую онъ уступалъ Лукашкѣ, — и жить съ дядей Ерошкой, ходить съ нимъ на охоту и на рыбную ловлю, а съ казаками въ походы. «Что жъ я не дѣлаю этого? Чего жъ я жду?» спрашивалъ онъ себя. И онъ подбивалъ себя, онъ стыдилъ себя: «Или я боюсь сдѣлать то, что самъ нахожу разумнымъ и справедливымъ? Развѣ желаніе быть простымъ казакомъ, жить близко къ природѣ, ни кому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе чѣмъ мечтать о томъ, о чемъ я мечталъ прежде, — быть, напримѣръ, министромъ, быть полковымъ командиромъ?» Но какой-то голосъ говорилъ ему, чтобъ онъ подождетъ и не рѣшался. Его удерживало смутное сознаніе, что онъ не можетъ жить вполне жизнью Ерошки и Лукашки, потому что у него есть другое счастье, — его удерживала мысль о томъ, что счастье, состоитъ въ самоотверженіи. Поступокъ его съ Лукашкой не переставалъ радовать его. Онъ постоянно искалъ случая жертвовать собой для другихъ, но случаи эти не представлялись. Иногда онъ забывалъ этотъ вновь открытый имъ рецептъ счастья, и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерошки; но потомъ вдругъ опоминался и тотчасъ же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія, и на основаніи ея спокойно и гордо смотрѣлъ на всѣхъ людей и на чужое счастье.

XXVII.

Лукашка, передъ уборкой винограда, верхомъ, заѣхалъ къ Оленину. Онъ еще болѣе смотрѣлъ молодцомъ чѣмъ обыкновенно.

— Ну что же ты, женишься? спросилъ Оленинъ, весело встрѣчая его.

Лукашка не отвѣчалъ прямо.—Вотъ коня вашего промѣнялъ, за рѣкой. Ужъ и конь! Кабардинскій ловъ-тавро (*). Я охотникъ.

Они осмотрѣли новаго коня, проджигитовали по двору. Конь дѣйствительно былъ необыкновенно хорошъ: гнѣдой, широкій и длинный меринъ съ глянцевиною шерстью, пушистымъ хвостомъ и нѣжною, тонкою породистою гривой и холкой. Онъ былъ сытъ такъ, что на спинѣ его *только спать ложись*, какъ выразился Лукашка. Копыта, глаза, оскаль, все это было изящно и рѣзко выражено какъ бываетъ только у лошадей самой чистой крови. Оленинъ не могъ не любоваться конемъ. Онъ еще не встрѣчалъ на Кавказѣ такого красавца.

— А ѣзда-то, говорилъ Лукашка, трепля его по шеѣ:—проѣздъ какой! А умный! Такъ и бѣгаетъ за хозяиномъ.

— Много ли придачи далъ? спрашивалъ Оленинъ.

— Да не считалъ, улыбаясь отвѣчалъ Лукашка,—отъ кунака досталъ.

— Чудо, красавица лошадь! Что возьмешь за нее? спросилъ Оленинъ.

— Давали полтора ста монетовъ, а вамъ такъ отдамъ, сказалъ Лукашка весело.—Только скажите, отдамъ. Разсѣдлаю и бери. Мнѣ какого-нибудь давай служить.

— Нѣтъ, ни за что.

— Ну, такъ вотъ я вамъ *нешкешъ* привезъ,—и Лукашка распоясался, и снялъ одинъ изъ двухъ кинжаловъ, которые висѣли у него на ремнѣ.—За рѣкой досталъ.

— Ну спасибо.

— А виноградъ матушка общала сама припечь.

— Не нужно, еще сочтемся. Вѣдь я не стану же давать тебѣ деньги за кинжалъ.

— Какъ можно, кунаки! Меня такъ-то за рѣкой Гирей-ханъ привелъ въ саклю, говорить: выбирай любое. Вотъ я эту шапку и взялъ. Такой у насъ законъ.

Они вошли въ хату, и выпили.

— Что жъ ты поживешь здѣсь? спросилъ Оленинъ.

— Нѣтъ я проститься пришелъ. Меня теперь съ кордона услали въ сотню за Терекомъ. Нынче ѣду съ Назаромъ, съ товарищемъ.

— А свадьба когда же?

— Вотъ скоро приѣду, сговоръ будетъ, да и опять на службу, неохотно отвѣчалъ Лука.

— Какъ же такъ невѣсту не увидишь?

— Да такъ же! Что на нее смотрѣть-то? Вы какъ въ походѣ будете, спросите у насъ въ сотнѣ Лукашку широкаго. И кабановъ тамъ что! Я двухъ убилъ. Я васъ свожу.

— Ну, прощай! Спаси тебя Христосъ.

Лукашка сѣлъ на коня, и не заѣхавъ къ Марьянкѣ, выѣхалъ, джигитуя на улицу, гдѣ уже ждалъ его Назарка.

— А что? Не заѣдемъ? спросилъ Назарка, подмигивая на ту сторону, гдѣ жила Ямка.

— Вона, сказалъ Лукашка:—на! веди къ ней коня, а коли я долго не приду, ты коню сѣна дай. Къ утру все въ сотнѣ буду.

— Что, юнкиръ не подарилъ чего еще?

— Нѣ! Спасибо отдалъ его кинжаломъ, а то коня было просить сталъ, сказалъ Лукашка, слѣзая съ лошади и отдавая ее Назаркѣ.

Подъ самымъ окномъ Оленина, шмыгнувъ онъ на дворъ и подошелъ къ окну хозяйской хаты. Было ужъ совсѣмъ темно. Марьянка въ одной рубахѣ чесала косу, собираясь спать.

— Это я, прошепталъ казакъ.

Лицо Марьянки было строго равнодушно; но оно вдругъ ожило, какъ только она услышала свое имя. Она подняла окно, и испуганно и радостно высунулась въ него.

— Чего? Чего надо? заговорила она.

— Отложи, проговорилъ Лукашка.—Пусти меня на минуточку. Ужъ какъ наскучило мнѣ! Страсть!

Онъ въ окно обнялъ ея голову и поцѣловалъ.—Право, отложи.

— Что говоришь пустое! Сказано, не пущу. Что жъ надолго?

Онъ не отвѣчалъ, и только цѣловалъ ее. И она не спрашивала больше.

— Вишь, и обнять-то въ окно не достанешь хорошенько, сказалъ Лукашка.

— Марьянушка! слышался голосъ старухи:—съ кѣмъ ты?

Лукашка скинулъ шапку, чтобы по ней не примѣтили его, и присѣлъ подъ окно.

— Иди скорѣй, прошептала Марьяна.

— Лукашка заходилъ, отвѣчала она матери:—батяку спрашивалъ.

— Что жъ? пошли его сюда.

— Ушелъ, говоритъ некогда.

Дѣйствительно, Лукашка быстрыми шагами, согнувшись, выбѣжалъ подъ окнами на дворъ и побѣжалъ къ Ямкѣ; только одинъ Оленинъ и видѣлъ его. Выпивъ чалуры двѣ чихиря, они выѣхали съ Назаркой за станицу. Ночь была теплая, темная и тихая. Они ѣхали молча, только слышались шаги коней. Лукашка запѣлъ было пѣсню про казака Мингалия, но не допѣвъ перваго стиха, затихъ, и обратился къ Назаркѣ.

— Вѣдь не пустила, сказалъ онъ.

— О! отозвался Назарка:—я зналъ, что не пу-

(*) Тавро заводъ кабардинскихъ лошадей Лова считается однимъ изъ лучшихъ на Кавказѣ.

ститъ. Чтѣ мнѣ Ямка сказывала: юнкирь къ нимъ ходить сталъ. Дядя Ерошка хвасталъ, что онъ съ юнкиря флинтъ за Марьянку взялъ.

— Брешетъ онъ, чортъ! сердито сказалъ Лукашка:—не такая дѣвка. А то я ему старому чорту бока-то отомну,—и онъ запѣлъ свою любимую пѣсню.

Изъ села было Измайлова
Изъ любимого садочка сударева,
Тамъ ясенъ соколъ изъ садичка вылетывалъ,
За нимъ скоро выѣзживалъ младъ охотничекъ,
Манилъ онъ яснаго сокола на праву руку.
Отвѣтъ держитъ ясенъ соколъ:
«Не умѣлъ ты меня держать въ золотой клѣткѣ
И на правой рукѣ не умѣлъ держать,
Теперь я полечу на сине море;
Убью я себѣ бѣлаго лебеда
Наклюся я мяса сладкаго «лебединаго».

XXVIII.

У хозяевъ былъ сговоръ. Лукашка пріѣхалъ въ станицу, но не зашелъ къ Оленину. И Оленинъ не пошелъ на сговоръ по приглашенію хорунжаго. Ему было грустно, какъ не было еще ни разу съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился въ станицѣ. Онъ видѣлъ какъ Лукашка, нарядный съ матерью, прошелъ передъ вечеромъ къ хозяевамъ, и его мучила мысль: за чтѣ Лукашка такъ холоденъ къ нему? Оленинъ заперся въ свою хату и сталъ писать свой дневникъ.

«Много я передумалъ и много измѣнился въ это послѣднее время, писалъ Оленинъ, и дошелъ до того, чтѣ написано въ азбучкѣ. Для того, чтобъ быть счастливымъ, надо одно—любить, и любить съ самоотверженіемъ, любить всѣхъ и все, раскидывать на всѣ стороны паутину любви: кто попадется, того и брать. Такъ я поймалъ Ванюшу, дядю Ерошку, Лукашку, Марьянку.»

Въ то время какъ Оленинъ дописывалъ это, къ нему вошелъ дядя Ерошка.

Ерошка былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. На дняхъ, зайдя къ нему вечеромъ, Оленинъ засталъ его на дворѣ передъ кабаньей тушей, которую онъ, съ счастливымъ и гордымъ лицомъ, ловко снималъ маленькимъ ножичкомъ. Собаки, и между ними любимецъ Лямъ, лежали около и слегка помахивали хвостами, глядя на его дѣло. Мальчишки съ уваженіемъ смотрѣли на него черезъ заборъ, и даже не дразнили какъ обыкновенно. Бабы-сосѣдки, вообще не слишкомъ ласковыя къ нему, здоровались съ нимъ и несли ему, кто чихиря кувшинчикъ, кто каймаку, кто мучицы. На другое утро Ерошка сидѣлъ у себя въ клѣтѣ, весь въ крови, и отпускалъ по фунтамъ свѣжину: кому за деньги, кому за вино. На лицѣ его написано было: «Богъ далъ счастье, убилъ звѣря; теперь дядя нуженъ сталъ.» Вслѣдствіе этого, разумѣется, онъ зашилъ, и не выходя изъ станицы, пилъ уже четвертый день. Кромѣ того, онъ пилъ на сговоръ.

Дядя Ерошка пришелъ изъ хозяйской хаты къ Оленину мертвецки пьяный, съ краснымъ лицомъ, растрепанною бородой, но въ новомъ красномъ бешметѣ, обшитомъ галунами, и съ балалайкой изъ травянки, которую онъ принесъ изъ-за рѣки. Онъ давно уже общалъ Оленину это удовольствіе и былъ въ духѣ. Увидавъ, что Оленинъ пишетъ, онъ огорчился.

— Пиши, пиши, отецъ мой, сказалъ онъ шепотомъ, какъ будто предполагая, что какой-нибудь духъ сидитъ между имъ и бумагой, и боясь спугнуть его, безъ шума, потихоньку, сѣлъ на полъ. Когда дядя Ерошка бывалъ пьянъ, любимое положеніе его бывало на полу. Оленинъ оглянулся, велѣлъ подать вина и продолжалъ писать. Ерошкѣ было скучно пить одному; ему хотѣлось поговорить.

— У хозяевъ на сговорѣ былъ. Да что, швиньи! Не хочу! Пришелъ къ тебѣ.

— А балалайка откуда у тебя? спросилъ Оленинъ, и продолжалъ писать.

— За рѣкой былъ, отецъ мой, балалайку досталъ, сказалъ онъ такъ же тихо.—Я мастеръ играть: татарскую, казацкую, господскую, солдатскую, какую хошь.

Оленинъ еще разъ взглянулъ на него, усмѣхнулся и продолжалъ писать.

Улыбка эта ободрила старика.

— Ну брось, отецъ ты мой! Брось! сказалъ онъ вдругъ рѣшительно.—Ну! обидѣли тебя:—брось ихъ, плюнь! Ну чтѣ пишешь, пишешь! что толку?

И онъ передразнивалъ Оленина, постукивая своими толстыми пальцами по полу и изогнувъ свою толстую рожу въ презрительную гримасу.—Что кляузы писать? Гуляй лучше, будешь молодецъ!

О писаніи въ его головѣ не умѣщалось другаго понятія кромѣ какъ о вредной кляузѣ.

Оленинъ расхохотался. Ерошка тоже. Онъ вскочилъ съ пола и принялся показывать свое искусство въ игрѣ на балалайкѣ и пѣть татарскія пѣсни.

— Чтѣ писать, добрый человѣкъ! Ты вотъ послушай лучше, я тебѣ спою. Сдохнешь, тогда пѣсни не услышишь. Гуляй!

Сначала онъ спѣлъ своего сочиненія пѣсню, съ припляскою:

«А ди-ди-ди-ди-ди-ли
А гдѣ его видѣли?
На базарѣ въ лавкѣ,
Продаетъ булавки

Потомъ онъ спѣлъ пѣсню, которой научилъ его бывший его фельдфебель:

Въ понедѣльникъ я влюбился,
Весь овторникъ пристрадалъ,
Въ среду въ любви открылся,
Въ четвертокъ отвѣту ждалъ.
Въ пятницу пришло рѣшенъе,
Чтѣбъ не ждать мнѣ утѣшенъе.
А во свѣтлую субботу,
Жисть окончить предиринялъ;

Но храня души спасенье,
Я раздумалъ въ воскресенье.

И опять:

А ди-ди-ди-ди-ли,
А гдѣ его видѣли?

Потомъ подмигивая, подергивая плечами, и выплясывая, спѣлъ:

Поцѣлую, обойму,
Алой лентой перевью,
Надеженькой газову.
Надеженька ты моя,
Вѣрно ль любишь ты меня?

И такъ разгулялся, что лихо подыгрывая, сдѣлалъ молодецкую выходку, и пошелъ одинъ плясать по комнатѣ.

Пѣсни: *ди-ди-ли* и тому подобныя, *господскія*, онъ спѣлъ только для Оленина; но потомъ, выпивъ еще стакана три чихиря, онъ вспомнилъ старину и запѣлъ настоящія казацкія и татарскія пѣсни. Въ серединѣ одной любимой его пѣсни, голосъ его вдругъ задрожалъ, и онъ замолкъ, только продолжая бречать по струнамъ балалайки.

— Ахъ, другъ ты мой! сказалъ онъ.

Оленинъ оглянулся на странный звукъ его голоса: старикъ плакалъ. Слезы стояли въ его глазахъ, и одна текла по щекѣ.

— Прошло ты мое времечко, не воротись, всхлипывая проговорилъ онъ, и замолкъ. — Пей, что не пьешь! вдругъ крикнулъ онъ своимъ оглушающимъ голосомъ, не отирая слезъ.

Особенно трогательна была для него одна тавлинская пѣсня. Словъ въ ней было мало, но вся прелесть ея заключалась въ печальномъ припѣвѣ: «Ай! дай! далалай!» Ерошка перевелъ слова пѣсни: «Молодецъ погналъ баранту изъ аула въ горы, русскіе пришли, зажгли аулъ, всѣхъ мужчинъ перебили, всѣхъ бабъ въ плѣнъ побрали. Молодецъ пришелъ изъ горъ: гдѣ былъ аулъ, тамъ пустое мѣсто; матери нѣтъ, братьевъ нѣтъ, дома нѣтъ; одно дерево осталось. Молодецъ сѣлъ подъ дерево, и заплакалъ. Одинъ, какъ ты, одинъ остался, и запѣлъ молодецъ: ай дай! далалай!» И этотъ завывающій, за душу хватающій припѣвъ, старикъ повторилъ нѣсколько разъ.

Допѣвая послѣдній припѣвъ, Ерошка схватилъ вдругъ со стѣны ружье, торопливо выбѣжалъ на дворъ и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ вверхъ. И опять еще печальнѣе запѣлъ: «Ай! дай! далалай а-а!» и замолкъ.

Оленинъ выйдя за нимъ на крыльцо, молча глядѣлъ въ темное, звѣздное небо по тому направлению, гдѣ блеснули выстрѣлы. Въ домѣ у хозяевъ были огни, слышались голоса. На дворѣ, дѣвки толпились у крыльца и оконъ, и перебѣгали изъ *избушки* въ сѣни. Нѣсколько казаковъ выскочили изъ сѣней, и не выдержали, заикались, вторя окончанію пѣсни и выстрѣламъ дяди Ерошки.

— Что жъ ты не на стоворѣ? спросилъ Оленинъ.

— Богъ съ ними, Богъ съ ними! проговорилъ старикъ, котораго видимо чѣмъ-нибудь тамъ обидѣли. — Не люблю, не люблю! Эхъ, народъ! Пойдемъ въ хату! Они сами по себѣ, а мы сами по себѣ гуляемъ.

Оленинъ вернулся въ хату. — А что Лукашка веселъ? Не зайдетъ онъ ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Что Лукашка! Ему наврали, что я тебѣ дѣвку подвожу, сказалъ старикъ шепотомъ. — А что дѣвка? Будетъ наша, коли захотимъ: денегъ дай больше, и наша! Я тебѣ сдѣлаю, право.

— Нѣтъ, дядя, деньги ничего не сдѣлаютъ, не любить. Лучше не говори про это.

— Нелюбимые мы съ тобой сироты! вдругъ сказалъ дядя Ерошка, и опять заплакалъ.

Оленинъ выпилъ болѣе обыкновеннаго, слушая рассказы старика «Такъ вотъ теперь Лукашка мой счастливъ», думалъ онъ; но ему было грустно. Старикъ напился въ этотъ вечеръ до того, что повалился на полъ, и Ванюшка долженъ былъ призвать себѣ на помощь солдатъ, и отплевываясь, вытащить его. Онъ былъ такъ озлобленъ на старика за его дурное поведеніе, что уже ничего не сказалъ по-французски.

XXIX.

Былъ августъ мѣсяцъ. Нѣсколько дней сряду не было ни облачка на небѣ; солнце пекло невыносимо, и съ утра дулъ теплый вѣтеръ, поднимая въ бурунахъ и по дорогѣ облака горячаго песку, и разнося его по воздуху, черезъ камыши, деревья и станицы. Трава и листья на деревьяхъ были покрыты пылью; дороги и солончаки были обнажены, и звучно тверды. Вода давно сбыла въ Терекъ, и быстро сбѣгала и сохла по канавамъ. Въ прудѣ, около станицы, оголялись истоптанные скотиной иловатые берега пруда, и цѣлый день слышны были въ водѣ всплески и крики дѣвокъ и мальчишекъ. Въ степи уже засыхали буруны и камыши, и скотина, мыча днемъ, убѣгала въ поля. Звѣрь откочевывалъ въ дальніе камыши и въ горы за Терекъ. Комары и мошки тучами стояли надъ низами и станицами. Снѣговья горы закрывались сѣрымъ туманомъ. Воздухъ былъ рѣдокъ и смраденъ. Абреки, слышно было, переправились черезъ обмелѣвшую рѣку и рыскали по сю сторону. Солнце каждый вечеръ садилось въ горячее красное зарево. Было время самое рабочее. Все населеніе станицъ кипѣло на арбузныхъ бахчахъ и въ виноградникахъ. Сады глухо заросли вьющеюся зеленью, и прохладною густою тѣнью. Вездѣ чернѣли изъ-за широкихъ просвѣчивающихъ листьевъ смѣлыя тяжелыя кисти. По пыльной дорогѣ ведущей къ садамъ, тянулись скрипучія арбы, верхомъ наложенныя чернымъ виноградомъ. На пыльной дорогѣ, измятыя колесами, валялись кисти. Мальчишки и дѣвчонки, въ пенаканныхъ виноградныхъ

сокомъ рубашонкахъ, съ кистями въ рукахъ и во рту, бѣгали за матерями. На дорогѣ безпрестанно попадались оборванные работники, неся на сильныхъ плечахъ плетушки винограда. Обвязанные до глазъ платками *мамуки* вели быковъ, запряженныхъ въ высоко-наложенныя виноградомъ арбы. Солдаты, встрѣчая арбу, просили у казачекъ винограда, и казачка, на ходу взлѣзая на арбу, брала охабку винограда и сыпала ее въ полу солдата. На нѣкоторыхъ дворахъ уже жали виноградъ. Запахъ чапры наполнялъ воздухъ. Кровяныя красныя корыта виднѣлись подъ навѣсами, и Ногайцы работники, съ засученными ногами и окрашенными икрами, виднѣлись по дворамъ. Свиньи, фырка, лопали выжимки и валялись въ нихъ. Плоскія крыши *избушекъ* были сплошь уложены черными янтарными кистями, которыя вали на солнцѣ. Ворона и сороки, подбирая зерна, жались около крышъ и перепархивали съ мѣста на мѣсто.

Плоды годовыхъ трудовъ весело собирались, и нынѣшній годъ плоды были необычайно обильны и хороши.

Въ тѣнистыхъ зеленыхъ садахъ, среди моря виноградника, со всѣхъ сторонъ слышались, смѣхъ, пѣсни, веселье, женскіе голоса, и мелькали яркія цвѣтныя одежды женщинъ.

Въ самый полдень, Марьяна сидѣла въ своемъ саду въ тѣни персикового дерева, и изъ-подъ отпряженной арбы вынимала обѣдъ для своего семейства. Противъ нея, на разостланной попонѣ, сидѣлъ хорунжій, вернувшійся изъ школы, и мылъ руки изъ кувшинчика. Мальчишка, ея братъ, только что прибѣжавшій изъ пруда, отираясь рукавами, безпокойно поглядывалъ на сестру и мать, въ ожиданіи обѣда, и тяжело переводилъ дыханіе. Старуха мать, засучивъ сильныя загорѣлыя руки, раскладывала виноградъ, сушеную рыбу, каймакъ и хлѣбъ на низенькомъ кругломъ татарскомъ столѣ. Хорунжій, отеревъ руки, снялъ шапку, перекрестился и придвинулся къ столу. Мальчишка схватился за кувшинъ и жадно принялся пить. Мать и дочь, поджавъ ноги, сѣли къ столу. И въ тѣни пекло невыносимо. Въ воздухѣ надъ садомъ стоялъ смрадъ. Теплый сильный вѣтеръ, проходившій сквозъ вѣтви, не приносилъ прохлады, а только однообразно гнулъ вершины разсыпанныхъ по садамъ, грушевыхъ, персиковыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Хорунжій, еще разъ помолившись, досталъ изъ-за спины закрытый винограднымъ листомъ кувшинчикъ съ чихиремъ, и выпивъ изъ горлышка, подалъ старухѣ. Хорунжій былъ въ одной рубахѣ, разстегнутой на шеѣ и открывавшей мускулистую мохнатую грудь. Тонкое, хитрое лицо его было весело. Ни въ позѣ, ни въ говорѣ его, не проглядывало его обычной политичности; онъ былъ веселъ и натураленъ.

— А къ вечеру кончимъ за *лапазомъ* край? сказалъ онъ, утирая мокрую бороду,

— Уберемся, отвѣчала старуха, — только бы по года не задержала. Демкины еще половины не

убрали, прибавила она. — Одна Устенъка работаетъ, убивается.

— Гдѣ же имъ! гордо сказалъ старикъ.

— На, испей Марьянушка! сказала старуха, подавая кувшинъ дѣвкѣ. — Вотъ, Богъ дастъ, будетъ чѣмъ свадьбу сыграть, сказала старуха.

— Дѣло впереди, сказалъ хорунжій, слегка нахмурившись.

Дѣвка опустила голову.

— Да что жъ не говоришь? сказала старуха: — дѣло покончили, ужъ и время недалече.

— Не загадывай, опять сказалъ хорунжій. — Теперь убираться надо.

— Видалъ коня-то новаго у Лукашки? спросила старуха: — что Митрій-то Андреичъ подарилъ, того ужъ нѣтъ; онъ вымѣнялъ.

— Нѣтъ, не видалъ. А говорилъ я съ холопомъ постояльцевымъ нынче, сказалъ хорунжій: — говоритъ, опять получилъ тысячу рублей.

— Богачъ, одно слово, подтвердила старуха.

Все семейство было весело и довольно.

Работа подвигалась успѣшно. Винограду было больше, и онъ былъ лучше, чѣмъ они сами ожидали.

Марьяна, пообѣдавъ, подложила быкамъ травы, свернула свой бешметъ подъ голову, и легла подъ арбой на примятую, сочную траву. На ней была одна красная *сорочка*, то-есть шелковый платокъ на головѣ, и голубая, полинялая, ситцевая рубаха; но ей было невыносимо жарко. Лицо ея горѣло, ноги не находили мѣста, глаза были подернуты влагой сна и усталости; губы невольно открывались, и грудь дышала тяжело и высоко.

Рабочая пора уже началась двѣ недѣли тому назадъ, и тяжелая, непрестанная работа занимала всю жизнь молодой дѣвки. Раннимъ утромъ на зарѣ, она вскакивала, обмывала лицо холодною водою, укутывалась платкомъ, и босикомъ бѣжала къ скотинѣ. Наскоро обувалась, надѣвала бешметъ, и взявъ въ узелокъ хлѣба, запрягала быковъ, и на цѣлый день уѣзжала въ сады. Тамъ только часокъ отдыхала, рѣзала, таскала плетушки, и вечеромъ, веселая и не усталая, таща быковъ за веревку и погоняя ихъ длинною хворостиною, возвращалась въ станицу. Убравъ скотину сумерками, захвативъ сѣмечекъ въ широкій рукавъ рубахи, она выходила на уголъ посмѣяться съ дѣвками. Но только потухала заря, она уже шла въ хату, и поужинавъ въ темной *избушкѣ* съ отцомъ, матерью и братишкой, беззаботная, здоровая, входила въ хату, садилась на печь и въ полудремотѣ слушала разговоры постояльца. Какъ только онъ уходилъ, она бросалась на постель и до утра засыпала непробуднымъ, спокойнымъ сномъ. На другой день было то же. Лукашку она не видала съ самаго дня сговора и спокойно ждала времени свадьбы. Къ постояльцу она привыкла, и съ удовольствіемъ чувствовала на себѣ его пристальные взгляды.

XXX.

Несмотря на то, что отъ жару некуда было дѣваться, что комары роями вились въ прохладной тѣни арбы, и что мальчишка, ворочаясь, толкалъ ее, Марьяна натянула себѣ на голову платокъ и ужъ засыпала, какъ вдругъ Устенъка, сосѣдка, прибѣжала къ ней, и нырнувъ подъ арбу, легла съ ней рядомъ.

— Ну, спать, дѣвки! спать! говорила Устенъка, укладываясь подъ арбой. — Стой, сказала она, вскакивая: — такъ не ладно.

Она вскочила, нарвала зеленыхъ вѣтокъ, и съ двухъ сторонъ привѣсила къ колесамъ арбы, еще сверху накинувъ бешметомъ.

— Ты пусти, закричала она мальчишкѣ, подлѣзая опять подъ арбу: — развѣ казакамъ мѣсто съ дѣвками? Ступай!

Оставшись подъ арбой одна съ подругой, Устенъка вдругъ обхватила ее обѣими руками, и прижимаясь къ ней, начала цѣловать Марьяну въ щеки и шею.

— Миленъкій! братецъ! приговаривала она, заливаясь своимъ тоненькимъ отчетливымъ смѣхомъ.

— Видишь, у *дѣдушки* научилась, отвѣчала Марьяна отбиваясь! — Ну, брось!

И онѣ обѣ такъ расхохотались, что мать крикнула на нихъ.

— Аль завидно? шепотомъ сказала Устенъка.

— Что врешь! Давай спать. Ну, зачѣмъ пришла?

Но Устенъка не унималась: — А что я тебѣ скажу, такъ ну!

Марьяна приподнялась на локоть и поправила сбившійся платокъ. — Ну, что скажешь?

— Про твоего постояльца я что знаю.

— Нечего знать, отвѣчала Марьяна.

— Ахъ, ты плутъ дѣвка! сказала Устенъка, толкая ее локтемъ и смѣясь. — Ничего не расскажешь. Ходить къ вамъ?

— Ходить. Такъ что жъ! сказала Марьяна, и вдругъ покраснѣла.

— Вотъ я дѣвка простая, я всѣмъ расскажу. Что мнѣ прятаться, говорила Устенъка, и веселое румяное лицо приняло задумчивое выраженіе. — Развѣ я кому дурно дѣлаю? Люблю его, да и все тутъ!

— Дѣдушку-то что ль?

— Ну да.

— А грѣхъ! возразила Марьяна.

— Ахъ, Машенька! Когда же и гулять, какъ не на дѣвичей волѣ? За казака пойду, рожать стану, нужду узнаю. Вотъ ты поди замужъ за Лукашку, тогда и въ мысль радость не пойдетъ, дѣти пойдутъ, да работа.

— Что жъ? Другимъ и за мужемъ жить хорошо. Все равно! спокойно отвѣчала Марьяна.

— Да ты Расскажи хоть разъ, что у васъ съ Лукашкой было?

— Да что было. Сваталъ. Батюшка на годъ отложилъ! а нынче сговорили, осенью отдадутъ.

— Да онъ что тебѣ говорилъ?

Марьяна улыбнулась.

— Извѣстно что говорилъ. Говорилъ, что любить. Все просилъ въ сады съ нимъ пойдти.

— Вишь смола какой! Вѣдь ты не пошла, чай. А онъ какой теперь молодецъ, сталъ! Первый джигитъ. Все и въ сотнѣ гулетъ. Намеднись приѣзжалъ нашъ Кирка, говорилъ: коня какого вымѣнялъ! А все чай по тебѣ скучаетъ. А еще что онъ говорилъ? спросила Марьяну Устенъка.

— Все тебѣ знать надо, засмѣялась Марьяна. — Разъ на конѣ ночью приѣхалъ къ окну, пьяный. Просился.

— Что жъ не пустила?

— А то пустить! Я разъ слово сказала, и будеть! Твердо какъ камень, серьезно сказала Марьяна.

— А молодецъ! Только захоти, никакая дѣвка имъ не побрезгаетъ.

— Пускай къ другимъ ходитъ, гордо отвѣтила Марьяна.

— Не жалѣешь ты его?

— Жалѣю, а глупости не сдѣлаю. Это дурно.

Устенъка вдругъ упала головой на грудь подругѣ, обхватила ее руками и вся затряслась отъ давившаго ее смѣха. — Глупая ты дура! проговорила она запыхавшись: — счастья себѣ не хочешь, — и опять принялась щекотать Марьяну.

— Ай, брось! говорила Марьяна, вскрикивая сквозь смѣхъ. — Лазутку раздавила.

— Вишь черти разыгрались, не умаялись, слышался опять изъ-за арбы сонный голосъ старухи.

— Счастья не хочешь, повторила Устенъка шопотомъ и привставая. — А счастлива ты ей Богу! Какъ тебя любятъ? Ты корявая такая, а тебя любятъ. Эхъ, кабы я да на твоёмъ мѣстѣ была, я бы постояльца какъ окрутила! Посмотрѣла я на него, какъ у насъ были, такъ кажется и съѣлъ бы онъ тебя глазами. Мой *дѣдушка*, и тотъ, чего мнѣ не надавалъ! А вашъ, слышь, изъ русскихъ богачъ первый. Его деньщикъ сказывалъ, что у нихъ свои холопи есть.

Марьяна привстала, и задумавшись, улыбнулась.

— Что онъ мнѣ разъ сказалъ постоялецъ-то, проговорила она, перекусывая травинку. — Говорить: я бы хотѣлъ казакомъ Лукашкой быть, или твоимъ братишкой Лазуткой. Къ чему это онъ такъ сказалъ?

— А такъ вретъ, что на умъ взбрело, отвѣчала Устенъка. — Мой чего не говоритъ! Точно порченый!

Марьяна бросилась головой на свернутый бешметъ, кинула руку на плечо Устенкѣ и закрыла глаза.

— Нынче хотѣлъ въ сады работать придти; его батюшка звалъ, проговорила она помолчавъ немного, и заснула.

XXXI.

Солнце вышло уже изъ-за груши отѣнявшей арбу, и косыми лучами, даже сквозь вѣтви переплетенныя Устенкой, жгло лица дѣвокъ спавшихъ подъ арбой. Марьяна проснулась и стала убираться платкомъ. Оглядѣвшись кругомъ, она увидела за грушей постояльца, который съ ружьемъ на плечѣ, стоялъ и разговаривалъ съ ея отцемъ. Она толкнула Устенку, и молча улыбувшись, указала ей на него.

— Вчера я ходилъ, ни одного не нашелъ, говорилъ Оленинъ, безпокойно поглядывая кругомъ, и изъ-за вѣтокъ не видя Марьяны.

— А вы вонъ къ тому краю, прямо по циркулю пройдите, тамъ въ заброшенномъ саду, пустыремъ прозывается, всегда зайцы находятся, сказалъ хорунжій, тотчасъ измѣняя свой языкъ.

— Легко ли въ рабочую пору ходить зайцевъ искать! Приходили бы лучше намъ подсобить. Съ дѣвками поработали бы, весело сказала старуха.— Ну дѣвки, вставать! крикнула она.

Марьяна и Устенка шептались и едва удерживались отъ смѣха подъ арбой.

Съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что Оленинъ подарилъ коня въ пятьдесятъ монетъ Лукашкѣ, хозяева его стали ласковѣе; особенно хорунжій, казалось, видѣлъ съ удовольствіемъ его съ дочерью.

— Да я не умѣю работать, сказалъ Оленинъ, стараясь не смотрѣть на зеленныя вѣтви подъ арбой, гдѣ онъ замѣтилъ голубую рубаху и красный платокъ Марьяны.

— Приходи, шепталокъ дамъ, отвѣтила старуха.

— По казачьей гостепріимной старинѣ, одна старушечья глупость, сказалъ хорунжій, объясняя и какъ бы исправляя слова старухи:— въ Россіи, я думаю, не только шепталокъ, сколько анапасныхъ вареній и моченій кушали въ свое удовольствіе.

— Такъ въ заброшенномъ саду есть? спросилъ Оленинъ:— я схожу,—и бросивъ быстрый взглядъ сквозь зеленныя вѣтви, онъ приподнял папаху и скрылся между правильными зелеными рядами виноградника.

Уже солнце спряталось за оградой садовъ и раздробленными лучами блестяло сквозь прозрачныя листья, когда Оленинъ вернулся въ садъ къ своимъ хозяевамъ. Вѣтеръ стихалъ, и свѣжая прохлада начинала распространяться въ виноградникахъ. Еще издалека, какимъ-то инстинктомъ, Оленинъ узналъ голубую рубаху Марьяны сквозь ряды лозъ, и обрывая ягоды, подошелъ къ ней. Зарывшая собака тоже иногда схватывала, слюпявымъ ртомъ, низко висѣвшую кисть. Раскраснѣвшись, засучивъ рукава и опустивъ платокъ ниже подбородка, Марьянка быстро срѣзала тяжелыя кисти и складывала ихъ въ плетушку. Не выпуская изъ рукъ плети, которую она держала, она

остановилась, ласково улыбулась, и снова принялась за работу. Оленинъ приблизился и перекинулъ ружье за плечи, чтобъ освободить руки. «А твои гдѣ? Богъ помочь! Ты одна?» хотѣлъ онъ сказать, но не сказалъ ничего и только приподнял папаху. Ему было неловко наединѣ съ Марьянкой, но онъ, какъ будто нарочно мучая себя, подошелъ къ ней.

— Ты этакъ бабъ изъ ружья застрѣлишь, сказала Марьяна.

— Нѣтъ, я не стрѣляю.

Они оба помолчали.

— Ты бы подсобилъ.

Онъ досталъ ножичекъ и сталъ молча рѣзать. Доставъ снизу изъ-подъ листьевъ тяжелую фунта въ три сплошную кисть, въ которой всѣ ягоды сплюснулись одна на другую, не находя себѣ мѣста, онъ показалъ ее Марьянѣ.

— Всѣ рѣзать? Эта не зелена?

— Давай сюда.

Руки ихъ столкнулись. Оленинъ взялъ ее руку, а она улыбаясь глядѣла на него.

— Что ты скоро замужъ выйдешь? сказалъ онъ.

Она не отвѣчая отвернулась, и повела на него своими строгими глазами.

— Что, ты любишь Лукашку?

— А тебѣ что?

— Мнѣ завидно.

— Легко ли!

— Право, ты такая красавица!

И ему вдругъ стало страшно совѣстно за то, что онъ сказалъ. Такъ пошло, казалось ему, звучали его слова. Онъ вспыхнулъ, растерялся и взялъ ее за обѣ руки.

— Какая ни есть, да не про тебя! Что смѣяться-то! отвѣчала Марьяна, но взгляды ея говорили, какъ твердо она знала, что онъ не смѣялся.

— Какъ смѣяться! Ежели бы ты знала какъ я...

Слова звучали еще пошлѣе, еще не согласнѣе съ тѣмъ, что онъ чувствовалъ; но онъ продолжалъ:— Я не знаю, что готовъ для тебя сдѣлать...

— Отстань, смола!

Но ея лицо, ея блестящіе глаза, ея высокая грудь, стройныя ноги говорили совсѣмъ другое. Ему казалось, что она понимала какъ было пошло все, что онъ говорилъ ей, но стояла выше такихъ соображеній; ему казалось, что она давно знала все то, что онъ хотѣлъ и не умѣлъ сказать ей. Но хотѣла послушать какъ онъ это скажетъ ей. И какъ ей не знать, думалъ онъ, когда онъ хотѣлъ сказать ей лишь только все то, что она сама была? Но она не хотѣла понимать, не хотѣла отвѣчать, думалъ онъ.

— Ау! вдругъ слышался не далеко за виноградникомъ голосокъ Устенки, и ея тонкій смѣхъ.

— Приходи Митрій Андреичъ, мнѣ подсоблять. Я одна! прокричала она Оленину, высовывая изъ-за листьевъ свое круглое наивное личико.

Оленинъ ничего не отвѣчалъ и не двигался съ мѣста.

Марьянка продолжала рѣзать, но безпрестанно взглядывала на постояльца. Онъ началъ было говорить что-то, но остановился, вздернулъ плечами, и вскинувъ ружье, скорыми шагами пошелъ изъ саду.

XXXII.

Раза два онъ останавливался, прислушиваясь къ звонкому смѣху Марьяны и Устенъки, которыя сойдясь вмѣстѣ, кричали что-то. Цѣлый вечеръ Оленинъ проходилъ въ лѣсу на охотѣ. Ничего не убивъ, онъ вернулся ужъ сумерками. Пройдя по двору, онъ замѣтилъ отворенную дверь въ хозяйской *избушкѣ* и видѣвшуюся изъ нея голубую рубаху. Онъ особенно громко кликнулъ Ванюшу, чтобы дать знать о своемъ приходѣ, и сѣлъ на крыльцѣ на обычное мѣсто. Хозяева уже вернулись изъ садовъ; они вышли изъ *избушки*, прошли въ свою хату и не позвали его къ себѣ. Марьяна два раза выходила за ворота. Одинъ разъ въ полусвѣтѣ, ему показалось, что она оглянулась на него. Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ ея движениемъ, но не рѣшился подойти къ ней. Когда она скрылась въ хатѣ, онъ сошелъ съ крыльца и началъ ходить по двору. Но Марьяна уже не выходила. Цѣлую ночь Оленинъ провелъ безъ сна на дворѣ, прислушиваясь къ каждому звуку въ хозяйской хатѣ. Онъ слышалъ какъ съ вечера они говорили, какъ ужинали, какъ вытаскивали пуховики и укладывались спать, слышалъ какъ чему-то засмѣялась Марьяна; слышалъ потомъ какъ все затихло. Хорунжій переговаривалъ съ старухой, и кто-то дышалъ. Онъ зашелъ въ свою хату, Ванюша не раздѣваясь спалъ. Оленинъ позавидовалъ ему, и опять принялся ходить по двору, все ожидая чего-то, но никто не выходилъ, никто не шевелился; только слышалось равномерное дыханіе трехъ человѣкъ. Онъ зналъ дыханіе Марьяны, и все слушалъ его, и слушалъ стукъ своего сердца. Въ станицѣ все затихло, поздній мѣсяцъ взошелъ, и стала виднѣе скотина, пыхтѣвшая по дворахъ, ложившаяся, и медленно встававшая. Оленинъ со злобой спрашивалъ себя: «чего мнѣ нужно?» и не могъ оторваться отъ своей ночи. Вдругъ ясно слышались ему шаги и скрипъ половицы въ хозяйской хатѣ. Онъ бросился къ дверямъ; но опять ничего не было слышно кромѣ равномернаго дыханія, и опять на дворѣ послѣ тяжелаго вздоха, поворачивалась буйволица, вставая на переднія колѣни, потомъ на всѣ ноги, взмахивая хвостомъ, и равномернъ шлепало что-то по сухой глинѣ двора, и опять со вздохомъ укладывалась она въ мѣсячной мглѣ... Онъ спрашивалъ себя: «что мнѣ дѣлать?» и рѣшительно собирался идти спать; но опять слышались звуки, и въ воображеніи его возникалъ образъ Марьянки, выходившей на эту мѣсячную туманную ночь, и опять онъ бросался къ окну, и опять слышалъ шаги. Уже передъ свѣтомъ подошелъ онъ къ окну, толкнулъ

въ ставень, перебѣжалъ къ двери, и дѣйствительно слышался вздохъ Марьянки и шаги. Онъ взялся за щеколду и постучалъ. Босые, осторожные шаги, чуть скрипя половицами, приближались къ двери. Зашевелилась щеколда, скрипнула дверь, пахнуло запахомъ душицы и тыквы, и на порогѣ показалась вся фигура Марьянки. Онъ видѣлъ ее только мгновенье при мѣсячномъ свѣтѣ. Она захлопнула дверь, и что-то прошептавъ, побѣжала легкими шагами назадъ. Оленинъ сталъ стучать слегка, ничто не отзывалось. Онъ перебѣжалъ къ окну, и сталъ слушать. Вдругъ рѣзкій, визгливый мужской голосъ поразилъ его.

— Слagno! сказалъ невысокой казачонокъ, въ бѣлой папахѣ, близко подходя со двора къ Оленину:—я видѣлъ, славно!

Оленинъ узналъ Назарку и молчалъ, не зная что дѣлать и говорить.

— Славно! Вотъ я въ станичное пойду, докажу и отцу скажу. Вишь хорунжиха какая! Ей одного мало.

— Чего ты отъ меня хочешь, что тебѣ надо? выговорилъ Оленинъ.

— Ничего, я только въ станичномъ скажу.

Назарка говорилъ очень громко, видимо нарочно.—Вишь ловкій *юнкирь* какой!

Оленинъ дрожалъ и блѣднѣлъ.—Поди сюда, сюда! — онъ сильно ухватилъ его за руку и отвелъ его къ своей хатѣ. Вѣдь ничего не было, она меня не пустила, и я ничего... Она честная...

— Ну тамъ, разбирать... сказалъ Назарка.

— Да я все равно тебѣ дамъ... Вотъ стой!..

Назарка замолчалъ. Оленинъ вбѣжалъ въ свою хату, и вынесъ казаку десять рублей.

— Вѣдь ничего не было, да все равно я виновать, вотъ я и даю! Только ради Бога, чтобы никто не зналъ. Да ничего не было...

— Счастливо оставаться, смѣясь сказалъ Назарка, и вышелъ.

Назарка приѣзжалъ въ эту ночь въ станицу, по порученію Лукашки приготовить мѣсто для краденной лошади, и проходя домой по улицѣ, слышалъ звуки шаговъ. Онъ вернулся на другое утро въ сотню, и хвастаясь разсказалъ товарищу какъ онъ ловко добылъ десять *монетовъ*. На другое утро Оленинъ видѣлся съ хозяевами, и никто ничего не зналъ. Съ Марьяной онъ не говорилъ, и она только посмѣивалась глядя на него. Ночь онъ опять провелъ безъ сна, тщетно бродя по двору. Слѣдующій день онъ нарочно провелъ на охотѣ, и вечеромъ, чтобы бѣжать отъ себя, ушелъ къ Бѣлецкому. Онъ боялся себя и далъ себѣ слово не заходить больше къ хозяевамъ. На слѣдующую ночь разбудилъ Оленина фельдфебель. Рота тотчасъ же выступала въ набѣгъ. Оленинъ обрадовался этому случаю, и думалъ не вернуться уже болѣе въ станицу.

Набѣгъ продолжался четыре дня. Начальникъ пожелалъ видѣть Оленина, съ которымъ онъ былъ въ родствѣ, и предложилъ ему остаться въ штабѣ.

Оленинъ отказался. Онъ не могъ жить безъ своей станицы, и просился домой. За набѣгъ ему навѣсили солдатскій крестъ, котораго онъ такъ желалъ прежде. Теперь же онъ былъ совершенно равнодушенъ къ этому кресту, и еще болѣе равнодушенъ къ представленію въ офицеры, которое все еще не выходило. Онъ безъ оказіи проѣхалъ съ Ванюшей на линію, и нѣсколькими часами опередилъ свою роту. Оленинъ весь вечеръ провелъ на крыльцѣ глядя на Марьяну. Всю ночь онъ опять безъ цѣли, безъ мысли, ходилъ по двору:

XXXIII.

На другое утро, Оленинъ проснулся поздно. Хозяевъ уже не было. Онъ не пошелъ на охоту, и то брался за книгу, то выходилъ на крыльцо и опять входилъ въ хату и ложился на постель. Ванюша думалъ, что онъ боленъ. Передъ вечеромъ Оленинъ рѣшительно всталъ, принялся писать, и писалъ до поздней ночи. Онъ написалъ письмо, но не послалъ его, потому что никто все-таки бы не понималъ того, что онъ хотѣлъ сказать, да и не зачѣмъ кому бы то ни было понимать это, кромѣ самого Оленина. Вотъ что онъ писалъ:

«Мнѣ пишутъ изъ Россіи письма соболѣзнованія; боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глуши. Говорятъ про меня: онъ загрубѣетъ, отъ всего отстанетъ, станетъ пить, и еще чего добраго женится на казачкѣ. Не даромъ, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: кто десять лѣтъ прослужитъ на Кавказѣ, тотъ либо сопьется съ кругу, либо женится на распутной женщинѣ. Какъ страшно! Въ самомъ дѣлѣ, не погубить бы мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло бы выпасть великое счастье стать мужемъ графини Б***, камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье, и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу предъ собой: вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца и тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи! Какъ только представятся мнѣ, вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостинныя, эти женщины съ припозаженными волосами, надъ подсунутыми чужими бровями, эти не естественно шевелящіеся губки эти спрятанные и изуродованные, слабые члены и этотъ лепетъ гостинныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣющій никакихъ правъ на это,—мнѣ становится невыносимо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти богатые невѣсты съ выраженіемъ лица, говорящимъ: «ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста»; эти усаживанья и пе-

ресаживанья, это наглое сводничанье паръ, и эта вѣчная сплетня, притворство; эти правила — кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ, и наконецъ эта вѣчная скука въ крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все сознательно съ убѣжденіемъ въ необходимости). Поймите одно, или повѣрьте одному. Надо видѣть и понять, что такое правда и красота и въ прахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанья счастья и за меня, и за себя. Счастье—это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней. «Еще онъ, избави Боже, женится на простой казачкѣ и совсѣмъ пропадетъ для свѣта,» воображаю, говорятъ они обо мнѣ съ истиннымъ состраданіемъ. А я только одного и желаю, совсѣмъ пропасть въ вашемъ смыслѣ, желаю жениться на простой казачкѣ и не смѣю этого, потому что это было бы верхъ счастья, котораго я недостойнъ.

«Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ какъ я въ первый разъ увидалъ казачку Марьяну. Понятія и предразсудки того міра, изъ котораго я вышелъ, еще были свѣжи во мнѣ. Я тогда не вѣрилъ, что могу полюбить эту женщину. Я любовался ею какъ красотою горъ и неба, и не могъ не любоваться ею, потому что она прекрасна какъ и онѣ. Поэтому я почувствовалъ, что созерцаніе этой красоты сдѣлалось необходимостію въ моей жизни, и я сталъ спрашивать себя: нелюблю ли я ее; но ничего похожего на то, какъ я воображалъ это чувство, я не нашелъ въ себѣ. Это было чувство не похожее ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, ни еще менѣе на плотскую любовь, которая я испытывалъ. Мнѣ нужно было видѣть, слышать ее, знать, что она близко, и я бывалъ не то, что счастливъ, а спокоенъ. Послѣ вечеринки, на которой я былъ вмѣстѣ съ нею и прикоснулся къ ней, я почувствовалъ, что между мной и этой женщиной существуетъ неразрывная, хотя и не признанная связь, противъ которой нельзя бороться. Но я еще боролся; я говорилъ себѣ: неужели можно любить женщину, которая никогда не пойметъ задушевныхъ интересовъ моей жизни. Неужели можно любить женщину за одну красоту, любить женщину-статую? спрашивалъ я себя, а уже любилъ ее, хотя еще не вѣрилъ своему чувству.

«Послѣ вечеринки, на которой я въ первый разъ говорилъ съ ней, наши отношенія измѣнились. Прежде она была для меня чуждымъ, но величавымъ предметомъ внѣшней природы; послѣ вечеринки, она стала для меня человѣкомъ. Я сталъ встрѣчать ее, говорить съ нею, ходить иногда на работы къ ея отцу, и по цѣлымъ вечерамъ просиживать у нихъ. И въ этихъ близкихъ сношеніяхъ, она осталась въ моихъ глазахъ все столь же чистою, неприступною и величавою. Она на все и всегда отвѣчала одинаково, спокойно, гордо и весело-равнодушно. Иногда она бывала ласкова, но большею частью каждый взглядъ, каждое слово, каждое движеніе ея, выражали это равнодушіе не

презрительное, но подавляющее и чарующее. Каждый день, съ притворною улыбкой на губахъ, я старался поддѣлаться подъ что-то, и съ мукой страсти и желаній въ сердцѣ шуточно заговаривалъ съ ней. Она видѣла, что я притворяюсь: но прямо, весело и просто смотрѣла на меня. Мнѣ стало невыносимо это положеніе. Я хотѣлъ не лгать передъ ней, и хотѣлъ сказать, что я думаю, что я чувствую. Я былъ особенно раздраженъ; это было въ садахъ. Я сталъ говорить ей о своей любви такими словами, которыя мнѣ стыдно вспомнить. Стыдно вспомнить, потому что я не долженъ былъ смѣть говорить ей этого, потому что она неизмѣримо выше стояла этихъ словъ и того чувства, которое я хотѣлъ ими выразить. Я замолчалъ, и съ этого дня мое положеніе сдѣлалось невыносимо. Я не хотѣлъ унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не доросъ до прямыхъ и простыхъ отношеній къ ней. Я съ отчаяніемъ спрашивалъ себя: что же мнѣ дѣлать? Въ нелѣпныхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницей, то своею женой, и съ обращеніемъ отталкивалъ и ту и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казачкомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я? Тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ. Я пробовалъ отдаваться этой жизни, и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, не гармоническаго, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія снѣжныя горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственно возможное на свѣтѣ счастье, не для меня эта женщина! Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ, не потому, что она ниже меня, напротивъ она не должна понимать меня. Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія. Ночи я не спалъ, и безъ всякой цѣли проводилъ подъ ея окнами и не отдавалъ отчета себѣ въ томъ, что со мною было. 18-го числа наша рота ходила въ набѣгъ. Я три дня провелъ внѣ станицы. Мнѣ было грустно, и все равно. Въ отрядѣ, пѣсни, карты, попойки, толки о наградахъ, мнѣ были противнѣе обыкновеннаго. Я нынче вернулся домой, увидалъ ее, свою хату, дядю Ерошку, снѣговья горы съ своего крылечка, и такое сильное новое чувство радости охватило меня, что я все понялъ. Я люблю эту жен-

щину настоящей любовью, въ первый и единственный разъ моей жизни. Я знаю, что со мной. Я не боюсь унизиться своимъ чувствомъ, не стыжусь своей любви, я гордъ ею. Я не виноватъ, что я полюбилъ. Это сдѣлалось противъ моей воли. Я спасался отъ своей любви въ самоотверженіи, я выдумывалъ себѣ радость въ любви казака Лукашки съ Марьянкой, и только раздражалъ свою любовь и ревность. Это не идеальная, такъ называемая, возвышенная любовь, которую я испытывалъ прежде; не то чувство влеченія, въ которомъ любуешься на свою любовь, чувствуешь въ себѣ источникъ своего чувства, и все дѣлаешь самъ. Я испытывалъ и это. Это еще меньшее желаніе наслажденія, это что-то другое. Можетъ быть я въ ней люблю природу, олицетвореніе всего прекраснаго природы; но я не имѣю своей воли, а чрезъ меня любить ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій, вся природа вдавливаетъ любовь эту въ мою душу, и говоритъ: люби. Я люблю ее не умою, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣльною частью всего счастливаго Божьяго міра. Я писалъ прежде о своихъ новыхъ убѣжденіяхъ, которыя вынесъ изъ своей одинокой жизни; но ни кто не можетъ знать, какимъ трудомъ выработались они во мнѣ, съ какою радостью созналъ я ихъ, и увидалъ новый, открытый путь въ жизни. Дороже этихъ убѣждений ничего во мнѣ не было... Ну... пришла любовь, и ихъ нѣтъ теперь, нѣтъ и сожалѣнія о нихъ! Даже понять, что я могъ дорожить такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ, для меня трудно. Пришла красота, и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ о исчезнувшемъ! Самоотверженіе— все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастья, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью. Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ? Когда въ ушѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе — любить ее и жить съ нею, ея жизнью. Не для другихъ, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этихъ другихъ. Прежде я бы сказалъ себѣ, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будетъ съ ней, со мной, съ Лукашкой? Теперь мнѣ все равно. Я живу не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣй меня, руководящее мною. Я мучаюсь, но прежде я былъ мертвъ, а теперь только я живу. Нынче я пойду къ нимъ, и все скажу ей.»

XXXIV.

Написавъ это письмо, Оленинъ поздно вечеромъ пошелъ къ хозяевамъ. Старуха сидѣла на лавкѣ за печью и сучила коконы. Марьяна съ непокрытыми волосами, шила у свѣчи. Увидавъ Оленина, она вскочила, взяла платокъ и подошла къ печи.

— Что жь, посиди съ нами, Марьянушка, сказала мать.

— Нѣ, я простоголовая. — И она вскочила на печь.

Оленину видно было только ея колѣно и стройная спущенная нога. Онъ угощалъ старуху чаемъ. Старуха угостила гостя каймакомъ, за которымъ посылала Марьяну. Но поставивъ тарелку на столъ, Марьяна опять вскочила на печь, и Оленинъ чувствовалъ только ея глаза. Они разговорились о хозяйствѣ. Бабука Улита расходилась и пришла въ восторгъ гостепріимства. Она принесла Оленину моченаго винограду, лепешку съ виноградомъ, лучшаго вина, и съ тѣмъ особеннымъ, простонароднымъ, грубымъ и гордымъ гостепріимствомъ которое бываетъ только у людей физическими трудами добывающихъ свой хлѣбъ, принялась угощать Оленина. Старуха, которая сначала такъ поразила Оленина своею грубостью, теперь часто трогала его своею простою нѣжностью въ отношеніи къ дочери.

— Да что Бога гнѣвить, батюшка! Все у насъ есть, слава Богу, и чихирю нажали, и насолмили, и продадимъ бочки три винограду, и пить останется. Ты уходите-то погоди. Гулять съ тобой будемъ на свадьбѣ.

— А когда свадьба? спросилъ Оленинъ, чувствуя какъ вся кровь вдругъ хлынула ему къ лицу, и сердце неровно и мучительно забилося.

За печью зашевелилось и послышалось щелканье сѣмечка.

— Да что надо бы на той недѣлѣ сыграть. Мы готовы, отвѣчала старуха просто, спокойно, какъ будто Оленина не было и нѣтъ на свѣтѣ. — Я все для Марьянушки собрала и припасла. Мы хорошо отдадимъ. Да вотъ немного не ладно. Лукашка-то нашъ что-то ужъ загулялъ очень. Вовсе загулялъ! Шалить! Намедни пріѣзжалъ казакъ изъ сотни, сказывалъ, онъ въ Ногаи ѣздилъ.

— Какъ бы не попался, сказалъ Оленинъ.

— И я говорю: ты Лукаша не шали: Ну, молодой человѣкъ, извѣстно куражится. Да вѣдь на все время есть. Ну отбилъ, укралъ, абрека убилъ, молодецъ! Ну и смирно бы пожилъ. А то ужъ вовсе скверно.

— Да я его раза два видѣлъ въ отрядѣ, онъ все гуляетъ. Еще лошадь продать, сказалъ Оленинъ и оглянулся на печь.

Большіе черные глаза блестя на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что онъ сказалъ.

— Чтожъ! Онъ никому худа не дѣлаетъ, вдругъ сказала Марьяна. — На свои деньги гуляетъ, — и спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

Оленинъ слѣдилъ за ней глазами, покуда она была въ хатѣ; потомъ смотрѣлъ на дверь, ждалъ и не понималъ ничего что ему говорила бабука Улита. Черезъ нѣсколько минутъ вошли гости: старикъ, братъ бабуки Улиты, съ дядей Ерошкой, и вслѣдъ за ними Марьяна съ Устенкой.

— Здорово дневали? пропищала Устенка. — Все гуляешь, обратилась Устенка къ Оленину.

— Да, гуляю, отвѣчалъ онъ, и ему отчего-то стыдно стало и неловко.

Онъ хотѣлъ уйти и не могъ. Молчать ему тоже казалось невозможно. Старикъ помогъ ему: онъ попросилъ выпить, и они выпили. Потомъ Оленинъ выпилъ съ Ерошкой. Потомъ еще съ другимъ казакъ. Потомъ еще съ Ерошкой. И чѣмъ больше пилъ Оленинъ, тѣмъ тяжеле становилось ему на сердцѣ. Но старики разгулялись. Дѣвки обѣ засѣли на печку, и шушукали глядя на нихъ, а они пили до вечера. Оленинъ ничего не говорилъ, и пилъ больше всѣхъ. Казаки что-то кричали. Старуха выгоняла ихъ вонъ и не давала больше чихиря. Дѣвки смѣялись надъ дядей Ерошкой, и ужъ было часовъ десять, когда всѣ вышли на крыльцо. Старики сами назвались идти догуливать ночь у Оленина. Устенка побѣжала домой. Ерошка повелъ казака къ Ванюшѣ. Старуха пошла прибираться въ *избушку*. Марьяна оставалась одна въ хатѣ. Оленинъ чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ какъ будто онъ сейчасъ проснулся. Онъ все замѣчалъ, и пропустивъ впередъ стариковъ, вернулся въ хату: Марьяна укладывалась спать. Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ ей сказать что-то, но голосъ оборвался у него. Она сѣла на постель, подобрала подъ себя ноги, отодвинулась отъ него въ самый уголъ, и молча, испуганнымъ, дикимъ взглядомъ, смотрѣла на него. Она видимо боялась его. Оленинъ чувствовалъ это. Ему стало жалко и совѣстно за себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ гордое удовольствіе, что возбуждаетъ въ ней хоть это чувство.

— Марьяна! сказалъ онъ. — Неужели ты никогда не сжалишься надо мной? Я не знаю какъ я люблю тебя.

Она отодвинулась еще дальше.

— Вишь вино-то что говорить. Ничего тебѣ не будетъ!

— Нѣтъ не вино. Не выходи за Лукашку. Я женюсь на тебѣ. «Что же это я говорю? подумалъ онъ въ то самое время, какъ выговаривалъ эти слова. Скажу ли я то же завтра? Скажу, навѣрно скажу и теперь повторяю», отвѣтилъ ему внутренний голосъ. — Пойдешь за меня?

Она серіозна посмотрѣла на него, и испугъ ея какъ будто прошелъ.

— Марьяна! я съ ума сойду. Я не свой. Что ты велишь, то и сдѣлаю, — и безумно-нѣжныя слова говорились сами собой.

— Ну что брешешь, прервала она его, вдругъ схвативъ за руку, которую онъ протягивалъ къ ней. Но она не отталкивала его руки, а крѣпко сжала ее своими сильными, жесткими пальцами. — Развѣ господа на мамукахъ женятся? Иди!

— Да пойдешь ли? Я все...

— А Лукашку куда дѣнемъ? сказала она смѣясь.

Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала и сильно обнялъ ея молодое тѣло. Но она какъ

лань вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо. Оленинъ опомнился, и ужаснулся на себя. Онъ опять показался самъ себѣ невыразимо гадою въ сравненіи съ нею. Но ни минуты не раскаиваясь въ томъ, что онъ сказалъ, онъ пошелъ домой, и не взглянувъ на пившихъ у него стариковъ, легъ и заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не спалъ.

XXXV.

На другой день былъ праздникъ. Вечеромъ весь народъ, блестя на заходящемъ солнцѣ праздничнымъ нарядомъ, былъ на улицѣ. Вина было нажато больше обыкновеннаго. Народъ освободился отъ трудовъ. Казаки черезъ мѣсяцъ собирались въ походъ, и во многихъ семействахъ готовились свадьбы.

На площади, передъ станичнымъ правленіемъ и около двухъ лавочекъ,—одной съ закусками и сѣмечками, другой съ платками и ситцами,—больше всего стояло народа. На завалинкѣ дома правленія сидѣли и стояли старики, въ сѣрыхъ и черныхъ степенныхъ зипунахъ, безъ галуновъ и украшеній. Старики спокойно, мѣрными голосами, бесѣдовали между собой объ урожаяхъ и молодыхъ ребятахъ, объ общественныхъ дѣлахъ и о старинѣ, величаво и равнодушно поглядывая на молодое поколѣніе. Проходя мимо ихъ, бабы и дѣвки приостанавливались и опускали головы. Молодые казаки почтительно уменьшали шагъ, и снимая папахи, держали ихъ нѣкоторое время передъ головою. Старики замолкали. Кто строго, кто ласково, осматривали они проходящихъ, и медленно снимали, и снова надѣвали папахи.

Казачки еще не начинали водить хороводы, а собравшись кружками, въ ярко-цвѣтныхъ бешметахъ и бѣлыхъ платкахъ, обвязывающихъ голову и глаза, сидѣли на землѣ и завалинкахъ хатъ, въ тѣни отъ косыхъ лучей солнца, и звонко болтали и смѣялись. Мальчишки и дѣвчонки играли въ лапту, зажигая мячъ высоко въ ясное небо, и съ крикомъ и пискомъ бѣгали по площади. Дѣвочки-подростки на другомъ углу площади уже водили хороводы, и тоненькими, несмѣлыми голосами пѣли пѣсню. Писаря, льготные и вернушіеся на праздникъ молодые ребята, въ нарядныхъ бѣлыхъ и новыхъ красныхъ черкескахъ, обшитыхъ галунами, съ праздничными, веселыми лицами, по двое, по трое, взявшись рука съ рукой, ходили отъ одного кружка бабъ и дѣвокъ къ другому, и останавливаясь, шутили и заигрывали съ казачками. Армянинъ лавочникъ, въ синей черкескѣ тонкаго сукна съ галунами, стоялъ у отворенной двери, въ которую видѣлись ярусы свернутыхъ цвѣтныхъ платковъ, и съ гордостію восточнаго торговца и сознаниемъ своей важности, ожидалъ покупателей. Два краснобородые, босые чеченца, пришедшіе изъ-за Терека полюбоваться на праздникъ,

сидѣли на корточкахъ дома своего знакома, и небрежно покуривая изъ маленькихъ трубочекъ и поплеывая, перекидывались, глядя на народъ быстрыми гортанными звуками. Изрѣдка несправедливый солдатъ, въ старой шинели, торопливо проходилъ между пестрыми группами по площади. Кое-гдѣ уже слышались пьяныя пѣсни загулявшихъ казаковъ. Всѣ хаты были заперты, крылечки съ вечера вымыты. Даже старухи были на улицѣ. По сухимъ улицамъ, вездѣ, въ пыли, подъ ногами, валялась шелуха арбузныхъ и тыквенныхъ сѣмечекъ. Въ воздухѣ было тепло и неподвижно, въ ясномъ небѣ голубо и прозрачно. Бѣломатовый хребетъ горъ, видѣвшійся изъ-за крышъ, казался близокъ, и розовѣлъ въ лучахъ заходящаго солнца. Изрѣдка, съ зарѣчной стороны, доносился дальній гулъ пущечнаго выстрѣла. Но надъ станицей, сливаясь, носились разнообразныя, веселыя, праздничныя звуки.

Оленинъ все утро ходилъ по двору, ожидая увидать Марьяну. Но она, убравшись, пошла къ обѣднѣ въ часовню; потомъ, то сидѣла на завалинкѣ съ дѣвками, щелкая сѣмья, то съ товарками же забѣгала домой, и весело, ласково взглядывала на постояльца. Оленинъ боялся заговаривать съ ней шуточно, и при другихъ. Онъ хотѣлъ договорить ей вчерашнее, и добиться отъ нея рѣшительнаго отвѣта. Онъ ждалъ опять такой же минуты, какъ вчера вечеромъ; но минута не приходила, а оставаться въ такомъ нерѣшительномъ положеніи онъ не чувствовалъ въ себѣ болѣе силы. Она вышла опять на улицу, и немного погодя, самъ не зная куда, пошелъ и онъ за нею. Онъ миновалъ уголь, гдѣ она сидѣла, блестя своимъ атласнымъ, голубымъ бешметомъ, и съ болью сердца услышалъ за собою дѣвичій хохотъ.

Хата Бѣлецкаго была на площади. Оленинъ проходя мимо ея, услышалъ голосъ Бѣлецкаго «заходите», и зашелъ.

Поговоривъ, они оба сѣли къ окну. Скоро къ нимъ присоединился Ерощка, въ новомъ бешметѣ, и усѣлся подлѣ нихъ на полѣ.

— Вотъ это аристократическая кучка, говорилъ Бѣлецкій, указывая папирской на пеструю группу на углу и улыбаясь. — И моя тамъ, видите, въ красномъ. Это обновка. Что же хороводы не начинаются? прокричалъ Бѣлецкій, выглядывая изъ окна. — Вотъ погодите, какъ смеркнется, и мы пойдемъ. Потомъ позовемъ ихъ къ Устенкѣ. Надо имъ балъ задать.

— И я приду къ Устенкѣ, сказалъ Оленинъ рѣшительно:—Марьяна будетъ?

— Будетъ, приходите! сказалъ Бѣлецкій, насколько не удивляясь.—А вѣдь очень красиво, прибавилъ онъ, указывая на пеструю толпу.

— Да, очень! поддакнулъ Оленинъ, стараясь казаться равнодушнымъ:—на такихъ праздникахъ, прибавилъ онъ, — меня всегда удивляетъ отчего такъ, вслѣдствіе того, что нынче напимѣръ пятнадцатое число, вдругъ всѣ люди стали довольны

и веселы? На всемъ виденъ праздникъ. И глаза, и лица, и голоса, и движенія, и одежда, и воздухъ, и солнце, все праздничное. А у насъ уже нѣтъ праздниковъ.

— Да, сказалъ Бѣлецкій, не любившій такихъ разсужденій.—А ты, что не пьешь, старикъ? обратился онъ къ Ерошкѣ.

Ерошка мигнулъ Оленину на Бѣлецкаго: — Да что, онъ гордый, кунакъ-то твой!

Бѣлецкій поднялъ стаканъ.—*Алла бирды*, сказалъ онъ и выпилъ. (*Алла бирды*, значитъ: Богъ далъ; это обыкновенное привѣтствіе, употребляемое казачами, когда пьютъ вмѣстѣ).

— *Сау бул* (будь здоровъ), сказалъ Ерошка, улыбаясь, и выпилъ свой стаканъ.

— Ты говоришь праздникъ! сказалъ онъ Оленину, поднимаясь и глядя въ окно.— Это что за праздникъ! Ты бы посмотрѣлъ какъ въ старину гуляли! Бабы выйдутъ, бывало, одѣнутся въ сарафаны, галунами обшиты. Грудь всю золотыми въ два ряда обвѣшаетъ. На головѣ кокошники золотые носили. Какъ пройдетъ, такъ фр! фр! шумъ подыметъ. Каждая баба какъ княгиня была. Бывало выйдутъ, табуны цѣлый, заиграютъ пѣсни, такъ стонъ стоитъ; всю ночь гуляютъ. А казаки бочки выкатятъ на дворъ, засядутъ, всю ночь до разсвѣта пьютъ. А то схватятся рука съ рукой, пойдутъ по станицѣ лавой. Кого встрѣтятъ, съ собой забираютъ. Да отъ одного къ другому и ходятъ. Другой разъ, три дня гуляютъ. Батюшка бывало придетъ, еще я помню, красный, распухнетъ весь, безъ шапки, все растеряетъ, придетъ и ляжетъ. Матушка ужъ знаетъ бывало: свѣжей икры и чихирю ему принесетъ опохмѣлиться, а сама бѣжитъ по станицѣ шапку его искать. Такъ двое сутокъ спитъ! Вотъ какіе люди были? А нынче что?

— Ну а дѣвки-то въ сарафанахъ какъ же? Одиѣ гуляли? спросилъ Бѣлецкій.

— Да одиѣ! Придутъ бывало казаки, или верхомъ сядутъ, скажутъ пойдѣмъ хороводы разбивать, и поѣдутъ, а дѣвки дубе возьмутъ. На масляницѣ бывало, какъ разлетится какой молодецъ, а онѣ бьютъ, лошадь бьютъ, его бьютъ. Прорветъ стѣну, подхватитъ какую любить и увезетъ. Матушка, душенька, ужъ какъ хочетъ любить. Да и дѣвки жъ были! королевны!

XXXVI.

Въ это время, изъ боковой улицы, выѣхали на площадь два всадника. Одинъ изъ нихъ былъ Назарка, другой Лукашка. Лукашка сидѣлъ бокомъ на своемъ сѣломъ гнѣдомъ кабардинцѣ, легко ступавшемъ по жесткой дорогѣ, и подкидывавшемъ красивою головой съ глянцевитой тонкой холкой. Ловко прилаженное ружье въ чохлѣ, пистолетъ за спиной и свернутая за сѣдломъ бурка доказывали, что Лукашка ѣхалъ не изъ мирнаго и ближняго

мѣста. Въ его боковой щегольской посадкѣ, въ небрежномъ движеніи руки, похлопывавшей чуть слышно плетью подъ брюхо лошади, и особенно въ его блестящихъ черныхъ глазахъ, смотрѣвшихъ гордо прищуриваясь, вокругъ, выражались сознание силы и самонадѣянность молодости. Видали молодца? казалось говорили его глаза, поглядывая по сторонамъ. Статная лошадь, съ серебрянымъ наборомъ сбруя и оружіе, и самъ красивый казакъ, обратили на себѣ вниманіе всего народа бывшаго на площади. Назарка, худощавый и малорослый былъ одѣтъ гораздо хуже Лукашки. Проѣзжая мимо стариковъ, Лукашка приостановился и приподнял бѣлую курчавую пануху надъ стриженою черною головой.

— Что много ль ногайскихъ коней угналъ? сказалъ худенькій старичокъ съ нахмуреннымъ мрачнымъ взглядомъ.

— А ты небось считалъ, дѣдука, что спрашиваешь, отвѣчалъ Лукашка, отворачиваясь.

— То-то парня-то съ собой напрасно водишь, проговорилъ старикъ еще мрачнѣе.

— Вишь, чортъ, все знаетъ! проговорилъ про себя Лукашка, и лицо его приняло озабоченное выраженіе; но взглянувъ на уголь, гдѣ стояло много казачекъ, онъ повернулъ къ нимъ лошадь.

— Здорово дневали, дѣвки! крикнулъ онъ сильнымъ залившимся голосомъ, вдругъ останавливая лошадь.—Состарѣлись безъ меня, вѣдьмы.

— Здорово Лукашка, здорово батика! слышались веселые голоса.—Денегъ много привезъ? Закусокъ купи дѣвкамъ-то? Надолго приѣхалъ? И то давно не видали.

— Съ Назаркой на ночку погулять прилетѣли. отвѣчалъ Лукашка, замахиваясь плетью на лошадь, и наѣзжая на дѣвокъ.

— И то Марьянка ужъ забыла тебя совсѣмъ, пропущала Устенъка, толкая локтемъ Марьяну и заливаясь тонкимъ смѣхомъ.

Марьяна отодвинулась отъ лошади, и закинувъ назадъ голову, блестящими большими глазами спокойно взглянула на казака.

— И то давно не бывалъ! Что лошадью топчешь-то? сказала она сухо и отвернулась.

— Лукашка казался особенно веселъ. Лицо его сіяло удалью и радостію. Холодный отвѣтъ Марьяны видимо поразилъ его. Онъ вдругъ нахмурилъ брови.—Становись въ стремя, въ горы увезу, мамочка! вдругъ крикнулъ онъ, какъ бы разгоняя дурныя мысли и джигитую между дѣвокъ. Онъ нагнулся къ Марьянѣ:—Поцѣлуй, ужъ такъ поцѣлуй, что ну!

Марьяна встрѣтилась съ нимъ глазами, и вдругъ покраснѣла. Она отступила.—Ну, тебя совсѣмъ! Ноги отдавишь, сказала она, и опустивъ голову, посмотрѣла на свои стройныя ноги, обтянутыя голубыми чулками со стрѣлками, въ красныхъ, новыхъ чувякахъ, обшитыхъ узенькимъ серебрянымъ галуномъ.

Лукашка обратился къ Устенкѣ, а Марьяна

сѣла рядомъ съ казачкой, державшею на рукахъ ребенка. Ребенокъ потянулся къ дѣвкѣ, и пухленькою ручонкой ухватился за нитку монистовъ, висѣвшихъ на ея синемъ бешметѣ. Марьяна нагнулась къ нему, и искоса поглядѣла на Лукашку. Лукашка въ это время доставалъ, изъ-подъ черкески, изъ кармана чернаго бешмета, узелокъ съ закусками и сѣмечками.

— На всѣхъ жертвую, сказалъ онъ, передавая узелокъ Устенкѣ, и съ улыбкою глянулъ на Марьянку.

Снова замѣшательство выразилось на лицѣ дѣвки. Прекрасные глаза подернулись какъ туманомъ. Она спустила платокъ ниже губъ, и вдругъ припавъ головой къ бѣлому личику ребенка, державшаго ее за монисто, начала жадно цѣловать его. Ребенокъ упирался ручонками въ высокую грудь дѣвки, и кричалъ, открывая беззубый ротикъ.

— Что душишь парнишку-то? сказала мать ребенка, отнимая его у ней и разстегивая бешметъ, чтобы дать ему груди. — Лучше бы съ парнемъ здоровкалась.

— Только коня уберу, придемъ съ Назаркой, цѣлую ночь гулять будемъ, сказалъ Лукашка, хлопнувъ плетью лошадь, и поѣхалъ прочь отъ дѣвокъ.

Свернувъ въ боковую улицу, съ Назаркой вмѣстѣ, они подѣхали къ двумъ стоявшимъ рядомъ хатамъ.

— Дорвались брать! Скорѣй приходи! крикнулъ Лукашка товарищу, слѣзая у сосѣдняго двора и осторожно проводя коня въ плетенныя ворота своего двора. — Здорово, Степка! обратился онъ къ нѣмой, которая, тоже празднично разряженная, шла съ улицы, чтобы принять коня. И онъ знаками показывалъ ей, чтобы она поставила коня къ сѣну и не разсѣдывала его.

Нѣмая загудѣла, зачмокала, указывая на коня, и поцѣловала его въ носъ. Это значило, что она любитъ коня, и что конь хорошъ.

— Здорово, матушка! Что, аль на улицу еще не выходила? прокричалъ Лукашка, поддерживая ружье и поднимаясь на крыльцо.

Старуха мать отворила ему дверь. — Вотъ же ждала, не гадала, сказала старуха, — а Кирка сказывалъ, ты не будешь.

— Принеси чихирьку, поди, матушка. Ко мнѣ Назарка придетъ, *праздникъ помолитъ*.

— Сейчасъ, Лукаша, сейчасъ, отвѣчала старуха. — Бабы-то наши гуляютъ. Я чай и наша нѣмая ушла.

И захвативъ ключи, она торопливо пошла въ *избушку*.

Назарка, убравъ своего коня и снявъ ружье, вошелъ къ Лукашѣ.

XXXVI.

— Будь здоровъ, говорилъ Лукашка, принимая отъ матери полную чашку чихиря, и осторожно поднося ее къ нагнутой головѣ.

— Вишь дѣло-то, сказалъ Назарка, — дѣдука бурлакъ что сказалъ: «много ли коней укралъ?» Видно знаетъ.

— Колдунъ! коротко отвѣчалъ Лукашка. — Да это что? прибавилъ онъ, встряхнувъ головой. — Ужъ они за рѣкой. Ищи.

— Все не ладно.

— А что не ладно! Снеси чихирю ему завтра. Такъ-то дѣлать надо, и ничего не будетъ. Теперь гулять. Пей! крикнулъ Лукашка, тѣмъ самымъ голосомъ, какимъ старикъ Ерощка произносилъ это слово. — На улицу гулять пойдемъ, къ дѣвкамъ. Ты сходи меду возьми, или я нѣмую пошлю. До утра гулять будемъ.

Назарка улыбался. — Чтожъ, долго побудемъ сказалъ онъ.

— Дай погуляемъ! Бѣги за водкой! На, деньги!

Назарка послушно побѣжалъ къ Ямкѣ.

Дядя Ерощка и Ергушовъ, какъ хищныя птицы, пронюхавъ гдѣ гулянье, оба пьяные, одинъ за другимъ, ввалились въ хату.

— Давай еще полведра, крикнулъ Лукашка матери, въ отвѣтъ на ихъ здоровканье.

— Ну сказывай чортъ, гдѣ укралъ? прокричалъ дядя Ерощка. — Молодецъ! Люблю!

— То-то люблю, отвѣчалъ смѣясь Лукашка. — Дѣвкамъ закуски отъ юнكيرей носишь. Эхъ старый!

— Неправда, вотъ и неправда! Эхъ, Марка! (Старикъ расхохотался.) Ужъ какъ просилъ меня чортъ энтотъ! Поди, говоритъ, похлопочи. Flintу давалъ. Нѣтъ, Богъ съ нимъ! Я бы обдѣлалъ, да тебя жалю. Ну, сказывай, гдѣ былъ? — И старикъ заговорилъ по-татарски.

Лукашка бойко отвѣчалъ ему.

Ергушовъ, плохо знавшій по-татарски лишь изрѣдка вставлялъ русскія слова.

— Я говорю коней угналъ. Я твердо знаю, поддакивалъ онъ.

— Поѣхали мы съ Гирейкой, рассказывалъ Лукашка, (Что онъ Гирей-хана называлъ Гирейкой, въ томъ было замѣтное для казаковъ молодечество.) — За рѣкой все храбрился, что онъ всю степь знаетъ, прямо приведетъ, а выѣхали, ночь темная, спутался мой Гирейка, сталъ елозить, а все толку нѣтъ. Не найдетъ уала, да и шабашъ. Правѣй мы видно взяли. Почитай до полуночи искали. Ужъ спасибо собаки завыли.

— Дураки, сказалъ дядя Ерощка. — Такъ-то мы, бывало, спутается ночью въ степи. Чортъ ихъ разберетъ! Выѣду, бывало, на бугоръ, завою по бирючину, вотъ такъ-то! (Онъ сложилъ руки у рта и завылъ будто стадо волковъ, въ одну ноту.) Какъ разъ собаки откликнутся. Ну, досказывай. Ну, что жъ нашли?

— Живо обротали. Назарку было поймали ногой-бабы, пра!

— Да, поймали, обиженно сказалъ вернувшійся Назарка.

— Выѣхали, опять Гирейка спутался, вовсе было

завелъ въ буруны. Такъ вотъ все кажется что къ Тереку, а вовсе прочь ѣдемъ.

— А ты по звѣздамъ бы смотрѣлъ, сказалъ дядя Ерошка.

— И я говорю, подхватилъ Ергушовъ.

— Да, смотри тутъ, какъ темно все. Ужъ я бился, бился! Поймалъ, кобылу одну, оброталъ, а своего коня пустилъ; думаю, выведетъ. Такъ что же ты думаешь? Какъ фыркнетъ, фыренетъ, да носомъ по земли... Выскакалъ впередъ, такъ прямо въ станицу и вывелъ. И то спасибо ужъ свѣтло вовсе стало; только успѣли въ лѣсу коней схоронить. Нагимъ изъ-за рѣки прѣхалъ, взялъ.

Ергушовъ покачалъ головой.—Я и говорю: ловко! А много ль?

— Всѣ тутъ, сказалъ Лукашка, хлопая по карману.

Старуха въ это время вошла въ избу. Лукашка не договорилъ: — Пей! прокричалъ онъ.

— Такъ-то мы, съ Гирчикомъ, разъ поздно поѣхали... началъ Ерошка.

— Ну, тебя не переслушаешь! сказалъ Лукашка.

— А я пойду. И допивъ вино изъ чадурки, и затянувъ ту же ремень пояса, Лукашка вышелъ на улицу...

XXXVII.

Ужъ было темно, когда Лукашка вышелъ на улицу. Осенняя ночь была свѣжа и безвѣтренна. Полный золотой мѣсяцъ выплывалъ изъ-за черныхъ раинъ, поднимавшихся на одной сторонѣ площади. Изъ трубъ *избушекъ* шелъ дымъ, и сливаясь съ туманомъ, стался надъ станицею. Въ окнахъ кое-гдѣ свѣтились огни. Запахъ кизяка, чапры и тумана былъ разлитъ въ воздухъ. Говоръ, смѣхъ, пѣсни и шелканье сѣмечекъ звучали также смѣшанно, но отчетливѣе чѣмъ днемъ. Бѣлые платки и папахи кучками виднѣлись въ темнотѣ около заборовъ и домовъ.

На площади, противъ отворенной и освѣщенной двери лавки, чернѣется и бѣлѣется толпа казаковъ и дѣвокъ, и слышатся громкія пѣсни, смѣхъ и говоръ. Схватившись рука съ рукой, дѣвки кружатся, плавно выступая на пыльной площади. Худощавая и самая не красивая изъ дѣвокъ запѣваетъ:

Изъ-за лѣсику лѣсу темнаго,
Ай да люли!
Изъ-за садикъ саду зеленаго
Вотъ и шли прошли два молодца,
Два молодца, да оба холосты.
Они шли прошли, да становилися,
Они становилися, разбранилися.
Выходила къ нимъ красна дѣвица,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
Вотъ кому-нибудь изъ васъ достануся.
Доставалася да парню бѣлому,
Парню бѣлому, бѣлокурому,
Онъ бере, беретъ за правую руку,
Онъ веде, ведетъ да вдоль по кругу
Всѣмъ товарищамъ порасхвастался:
Какова, братцы, хозяйюшка!

Старухи стоятъ около, прислушиваясь къ пѣснямъ. Мальчишки и дѣвчонки бѣгаютъ кругомъ въ темнотѣ, догоняя другъ друга. Казаки стоятъ кругомъ, затрогивая проходящихъ дѣвокъ, изрѣдка разрывая хороводъ и входя въ него. По темную сторону двери стоятъ Бѣлецкій и Оленинъ въ черкескахъ и папахъ, и не казачьимъ говоромъ, не громко, но слышно, разговариваютъ между собой, чувствуя, что обращаютъ на себя вниманіе. Рядомъ въ хороводѣ ходятъ толстенная Устенъка, въ красномъ бешметѣ, и величавая фигура Марьяны, въ новой рубахѣ и бешметѣ. Оленинъ съ Бѣлецкимъ разговаривали о томъ, какъ бы имъ отбить отъ хоровода Марьянку съ Устенъкой. Бѣлецкій думалъ, что Оленинъ хотѣлъ только повеселиться, а Оленинъ ждалъ рѣшенія своей участи. Онъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ нынче же видѣть Марьяну одну, сказать ей все, и спросить ее, можетъ ли и хочетъ ли она быть его женою. Не смотря на то, что вопросъ этотъ давно былъ рѣшенъ для него отрицательно, онъ надѣялся, что будетъ въ силахъ разсказать ей все, что чувствуетъ, и что она пойметъ его.

— Что вы мнѣ раньше не сказали, говорилъ Бѣлецкій:—я бы вамъ устроилъ черезъ Устенъку. Вы такой странный!

— Что дѣлать? Когда-нибудь, очень скоро, я вамъ все скажу. Теперь только, ради Бога, устройте, чтобъ она пришла къ Устенкѣ.

— Хорошо. Это легко... Что же ты парню бѣлому достанешься Марьянка, а? а не Лукашкѣ, сказалъ Бѣлецкій, для приличія обращаясь сначала къ Марьянкѣ; и не дождавшись отвѣта, онъ подошелъ къ Устенкѣ и началъ просить ее привести съ собою Марьянку. Не успѣлъ онъ договорить, какъ запѣвало заиграла другую пѣсню, и дѣвки потянули другъ дружку. Онѣ пѣли:

Какъ за садомъ за садомъ,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Вдоль улицы въ конецъ.
Онъ во первый разъ иде,
Машетъ правою рукой,
Во другой онъ разъ иде,
Машетъ шляпой пуховой.
А во третій разъ иде
Останавливается.
Останавливается, переправливается
«Я хотѣлъ къ тебѣ пойдти,
Тебѣ милой поплѣнать:
Отчего же, моя милая,
Ты не идешь во садъ гулять?
Али ты, моя милая!
Мною чванишься.
Опосля, моя милая,
Успокойся.
Зашлю сватать,
Буду сватать,
Беру замужъ за себя,
Будешь плакать отъ меня.»
Ужъ я знала, что сказать,
И не смѣла отвѣчать.
Я не смѣла отвѣчать,
Выходила въ садъ гулять.
Прихожу я въ зеленъ садъ,
Дружку кланялась.

«А я, дѣвица, поклонѣ,
И платочекъ изъ рукъ вонѣ.
Изволь милая принять,
Во бѣлыя руки взять.
Во бѣлыя руки бери,
Меня дѣвица люби.
Я не знаю какъ мнѣ быть,
Чѣмъ мнѣ милую дарить,
Подарю своей милой,
Большой шалевой платокъ.
Я за этотъ за платокъ,
Поцѣлую разъ пятокъ.»

Лукашка съ Назаркой, разорвавъ хороводъ, пошли ходить между дѣвками. Лукашка подтягивалъ рѣзкимъ подголоскомъ, и размахивая руками, ходилъ по серединѣ хоровода. «Что же, выходи какая!» проговорилъ онъ. Дѣвки толкали Марьянку; она не хотѣла выйти. Изъ-за пѣсни слышался тонкій смѣхъ, удары, поцѣлуи, шепотъ.

Проходя мимо Оленина, Лукашка ласково кивнулъ ему головой. — Митрій Андреичъ! И ты пришелъ посмотреть? сказалъ, онъ.

— Да, рѣшительно и сухо, отвѣчалъ Оленинъ.

Бѣлецкій наклонился на ухо Устенкѣ и сказалъ ей что-то. Она хотѣла отвѣтить, но не умѣла, и проходила во второй разъ сказала.

— Хорошо, придемъ.

— И Марьяна тоже?

Оленинъ нагнулся къ Марьянѣ. — Придешь? Пожалуста, хоть на минуту. Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Дѣвки придутъ, и я приду.

— Скажешь мнѣ, что я просилъ? спросилъ онъ опять, нагибаясь къ ней. — Ты нынче весела.

Она ужъ уходила отъ него. Онъ пошелъ за ней.

— Скажешь?

— Чего сказать?

— Что я третьяго дня спрашивалъ, сказалъ Оленинъ, нагибаясь къ ея уху. — Пойдешь за меня?

Марьяна подумала. — Скажу, отвѣтила она, нынче скажу.

И въ темнотѣ, глаза ея весело и ласково блеснули на молодого человѣка.

Онъ все шелъ за ней. Ему радостно было наклониться къ ней поближе.

Но Лукашка, продолжая пѣть, дернулъ ее сильно за руку и вырвалъ изъ хоровода на середину. Оленинъ, успѣвъ только проговорить: «Приходи же къ Устенкѣ», отошелъ къ своему товарищу. Пѣсня кончилась. Лукашка обтеръ губы, Марьянка тоже, и они поцѣловались. «Нѣтъ, разъ пятокъ», говорилъ Лукашка. Говоръ, смѣхъ, бѣготня, замѣнили плавное движеніе и плавные звуки. Лукашка, который казался уже сильно выпивши, сталъ одѣлать дѣвокъ *закусками*.

— На всѣхъ жертвую, говорилъ онъ съ гордымъ комически-трогательнымъ самодовольствомъ. — А кто къ солдатамъ гулять, выходи изъ хоровода вонъ, прибавилъ онъ вдругъ, злобно глянувъ на Оленина.

Дѣвки хватали у него закуски, и смѣясь, отбивали другъ у друга. Бѣлецкій и Оленинъ отошли къ сторонѣ.

Лукашка, какъ бы стыдясь своей щедрости, снявъ папаху и отирая лобъ рукавомъ, подошелъ къ Марьянкѣ и Устенкѣ.

— *Ами ты, моя милая, мною чваннисься?* повторилъ онъ слова пѣсни, которую только что пѣли, и обращаясь къ Марьянкѣ: *мною чваннисься?* еще повторилъ онъ сердито. — *Пойдешь замужъ, будешь плакать отъ меня*, прибавилъ онъ, обнимая вмѣстѣ Устенку и Марьяну.

Устенка вырвалась, и размахнувшись, ударила его по спинѣ такъ, что руку себѣ ушибла.

— Что жъ, станете еще водить? спросилъ онъ.

— Какъ дѣвки хотятъ, отвѣчала Устенка, — а я домой пойду, и Марьянка хотѣла къ намъ придти.

Казаки, продолжая обнимать Марьяну, отвелъ ее отъ толпы къ темному углу дома.

— Не ходи, Машенька, сказалъ онъ, — послѣдній разъ погуляемъ. Иди домой, я къ тебѣ приду.

— Чего мнѣ дома дѣлать? На то праздникъ, чтобъ гулять. Къ Устенкѣ пойду, сказала Марьяна.

— Вѣдь все равно, женюсь.

— Ладно, сказала Марьяна, — тамъ видно будетъ.

— Что жъ, пойдешь? строго сказалъ Лукашка, и прижавъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ щеку.

— Ну брось! Что присталъ? — И Марьяна, вырвавшись, отошла отъ него.

— Эхъ, дѣвка!... Худо будетъ, укоризненно сказалъ Лукашка, остановившись и качая головой. — *Будешь плакать отъ меня*, и отвернувшись отъ нея крикнулъ на дѣвокъ: — Играй что ль!

Марьяну какъ будто испугало и разсердило то, что онъ сказалъ. Она остановилась. — Что худо будетъ?

— А то.

А что?

— А то, что съ постояльцемъ-солдатомъ гуляешь, за то и меня разлюбила.

— Захотѣла, разлюбила. Ты мнѣ не отецъ, не мать. Чего хочешь? Кого захочу, того и люблю.

— Такъ, такъ! сказалъ Лукашка: — помни жъ! — Онъ подошелъ къ лавкѣ. — Дѣвки, крикнулъ онъ: — что стали? Еще хороводъ играйте. Назарка! бѣги, чихиря неси.

— Что жъ, придутъ онѣ? спрашивалъ Оленинъ у Бѣлецкаго.

— Сейчасъ придутъ, отвѣчалъ Бѣлецкій. — Пойдемте, надо приготовить балъ.

XXXVIII.

Ужъ поздно ночью, Оленинъ вышелъ изъ хаты Бѣлецкаго, вслѣдъ за Марьяной и Устенкой. Бѣлый платокъ дѣвки бѣлѣлся въ темной улицѣ. Мѣсяцъ, золотясь, спускался къ степи. Серебристый туманъ стоялъ надъ станицей. Все было тихо, огней нигдѣ не было, только слышались шаги удалявшихся женщинъ. Сердце Оленина билось сильно. Разгорѣвшееся лицо освѣжалось на сыромъ воздухѣ. Онъ взглянулъ на небо, оглянулся на хату, изъ которой вышелъ; въ ней потухла свѣча, и онъ снова

сталъ всматриваться въ удалявшуюся тѣнь женщинъ. Бѣлый платокъ скрылся въ туманѣ. Ему было страшно оставаться одному; онъ такъ былъ счастливъ! Онъ соскочилъ съ крыльца и побѣжалъ за дѣвками.

— Ну, тебя! Увидить кто! сказала Устенъка.

— Ничего!

Оленинъ подбѣжалъ къ Марьянѣ и обнялъ ее. Марьяна не одбивалась.

— Не нацѣловались, сказала Устенъка. — Женишся, тогда цѣлуй, а теперь погоди.

— Прощай, Марьяна, завтра я приду къ твоему отцу, самъ скажу. Ты не говори.

— Что мнѣ говорить! отвѣчала Марьяна.

Обѣ дѣвки побѣжали. Оленинъ пошелъ одинъ, вспоминая все что было. Онъ цѣлый вечеръ провелъ съ ней вдвоемъ въ углу, около печки. Устенъка ни на минуту не выходила изъ хаты, и возилась съ другими дѣвками и Бѣлецкимъ. Оленинъ шопотомъ говорилъ съ Марьянкой.

— Пойдешь за меня? спрашивалъ онъ ее.

— Обманешь, не возьмешь, отвѣчала она весело и спокойно.

— А любишь ли ты меня? Скажи ради Бога?

— Отчего же тебя не любить, ты не кривой! отвѣчала Марьяна, смѣясь и сжимая въ своихъ жесткихъ рукахъ его руки. — Какія у тебя руки бѣлыя, бѣлыя, мягкія какъ каймакъ, сказала она.

— Я не шучу. Ты стажи, пойдешь ли?

— Отчего не пойдти, коли батюшка отдастъ?

— Помни жь, я съ ума сойду, ежели ты меня обманешь. Завтра я скажу твоей матери и отцу, сватать приду.

Марьяна вдругъ расхохоталась.

— Что ты?

— Такъ, смѣшно.

— Вѣрно! Я куплю садъ, домъ, запишусь въ казаки....

— Смотри, тогда другихъ бабъ не люби! Я на это сердитая.

Оленинъ съ наслажденіемъ повторялъ въ воображеніи всѣ эти слова. При этихъ воспоминаніяхъ то становилось ему больно, то духъ захватывало отъ счастья. Больно ему было, потому что она все также была спокойна, говоря съ нимъ, какъ и всегда. Ее нисколько, казалось, не волновало это новое положеніе. Она какъ будто не вѣрила ему, и не думала о будущемъ. Ему казалось, что она его любила только въ минуту настоящаго, и что будущаго для нея не было съ нимъ. Счастливъ же онъ былъ потому, что всѣ ея слова казались ему правдой, и она соглашалась принадлежать ему. «Да, говорилъ онъ самъ себѣ, только тогда мы поймемъ другъ друга, когда она вся будетъ моею. Для такой любви нѣтъ словъ, а нужна жизнь, цѣлая жизнь. Завтра все объяснится. Я не могу такъ жить больше, завтра я все скажу ей отцу, Бѣлецкому, всей станицѣ....»

Лукашка, послѣ двухъ безсонныхъ ночей такъ много выпилъ на праздники, что свалился въ первый разъ съ ногъ, и спалъ у Ямки.

XXXIX.

На другой день Оленинъ проснулся раньше обыкновеннаго, и въ первое мгновеніе пробужденія ему пришла мысль о томъ, что предстоитъ ему, и онъ съ радостію вспомнилъ ея поцѣлуй, пожатіе жесткихъ рукъ и ея слова: «какія у тебя руки бѣлыя!» Онъ вскочилъ и хотѣлъ тотчасъ же идти къ хозяевамъ и просить руки Марьяны. Солнце еще не вставало, и Оленину показалось, что на улицѣ было необыкновенное волненіе: ходили, верхомъ ѣздили и говорили. Онъ накинулъ на себя черкеску и выскочилъ на крыльцо. Хозяева еще не вставали. Пять человекъ казаковъ ѣхали верхомъ и о чемъ-то шумно разговаривали. Впереди всѣхъ, на своемъ широкомъ кабардинцѣ, ѣхалъ Лукашка. Казаки всѣ говорили, кричали: ничего хорошенько разобрать было нельзя. «Къ верхнему посту выѣзжай!» кричалъ одинъ. «Сѣдай и догоняй живѣе,» говорилъ другой. «Съ тѣхъ воротъ ближе выѣзжать.» «Толкуй тутъ,» кричалъ Лукашка: «въ среднія ворота ѣхать надо.» «И то оттуда ближе,» говорилъ одинъ изъ казаковъ, запыленный и на плотной лошади. Лицо у Лукашки было красное, опухшее отъ вчерашней попойки; папаха была сдвинута на затылокъ. Онъ кричалъ повелительно, будто былъ начальникъ.

— Что такое? Куда? спросилъ Оленинъ, съ трудомъ обращая на себя вниманіе казаковъ.

— Абрековъ ловить ѣдемъ, зашли въ бурунахъ. Сейчас ѣдемъ, да все народу мало.

И казаки, продолжая кричать и собираться, проѣхали дальше по улицѣ. Оленину пришло въ голову, что не хорошо будетъ если онъ не поѣдетъ; притомъ онъ думалъ рано вернуться. Онъ одѣлся, зарядилъ пулями ружье, вскочилъ на кое-какъ осѣдланную Ванюшей лошадь и догналъ казаковъ на выѣздѣ изъ станицы. Казаки, спѣшившись, стояли кружкомъ, и наливая чихирю изъ привезеннаго бочонка въ деревянную чапуру, подносили другъ другу и молили свою поѣздку. Между ними былъ и молодой франтъ хорунжій, случайно находившійся въ станицѣ и принявшій начальство надъ собравшимися девятью казаками. Собравшіеся казаки все были рядовые, и хотя хорунжій принималъ начальнический видъ, всѣ слушались только Лукашку. На Оленина казаки не обращали никакого вниманія. И когда всѣ сѣли на лошадей и поѣхали, и Оленинъ подѣхалъ къ хорунжему и сталъ спрашивать въ чемъ дѣло, то хорунжій, обыкновенно ласковый, относился къ нему съ высоты своего величія. На силу-на-силу Оленинъ могъ добиться отъ него въ чемъ дѣло. Обѣздъ, посланный для розыска абрековъ, засталъ нѣсколько горцевъ, верстъ за восемь отъ станицы, въ бурунахъ. Абреки зашли въ ямъ, стрѣляли и грозили, что не отдадутся живыми. Урядникъ, бывший въ обѣздѣ съ двумя казаками, остался тамъ караулить ихъ, и прислать одного казака въ станицу звать другихъ на помощь.

Солнце только что начинало подниматься. Верстахъ въ трехъ отъ станицы, со всѣхъ сторонъ, открылась степь, и ничего не было видно кромѣ однообразной, печальной, сухой равнины, съ испещренными слѣдами скотины пескомъ, съ поблекшею кое-гдѣ травой, съ низкими камышами въ лощинахъ, съ рѣдкими чуть проторенными дорожками и съ ногайскими кочевьями, далеко-далеко виднѣвшимися на горизонтѣ. Во всемъ поражало отсутствіе тѣни и суровый тонъ мѣстности. Солнце всходитъ и заходитъ всегда красно въ степи. Когда бываетъ вѣтеръ, то вѣтеръ переноситъ цѣлыя горы песку. Когда тихо, какъ было въ это утро, то тишина, не нарушаемая ни движеніемъ, ни звукомъ, особенно поразительна. Въ это утро въ степи было тихо, пасмурно, несмотря на то, что солнце поднялось; было какъ-то особенно пустынно и мягко. Воздухъ не шелохнулся; только и слышно было какъ ступали лошади и пофыркивали; да и этотъ звукъ раздавался слабо и тотчасъ же замиралъ.

Казаки ѣхали большею частію молча. Оружіе на казакѣ всегда приложено такъ, чтобъ оно не звенѣло и не бречало. Бренчащее оружіе—величайшій срамъ для казака. Два казака изъ станицы догнали ихъ по дорогѣ, и перекинулись двумя-тремя словами. Подъ Лукашкой не то споткнулась, не то зацѣпилась за траву, и заторопилась лошадь. Это дурная примѣта у казаковъ. Казаки оглянулись и торопливо отвернулись, стараясь не обращать вниманія на это обстоятельство, имѣвшее особенную важность въ настоящую минуту. Лукашка вздернулъ поводья, строго нахмурился, стиснулъ зубы и взмахнулъ плетью надъ головой. Добрый кабардинецъ засѣменилъ всѣми ногами вдругъ, не зная на какую ступить и какъ бы желая на крыльяхъ подняться къверху; но Лукашка разогрѣлъ его плетью по сытымъ бокамъ, огрѣлъ другой, третій,—и кабардинецъ, оскаливъ зубы и распустивъ хвостъ, фыркая, заходилъ на заднихъ ногахъ, и на нѣсколько шаговъ отдѣлился отъ кучки казаковъ.

— Эхъ, добра лошадь! сказалъ хорунжій.

Что значитъ добра лошадь, а не конь, это означало особенную похвалу коню.

— Левъ конь, подтвердилъ одинъ изъ старшихъ казаковъ.

Казаки молча ѣхали, то шагомъ, то рысцой, и только одно это обстоятельство прервало на мгновеніе тишину и торжественность ихъ движенія.

По всей степи, верстъ на восемь дороги, они встрѣтили живаго только одну ногайскую кибитку, которая, будучи поставлена на арбу, медленно двигалась въ верстѣ отъ нихъ. Это былъ ногаецъ, переѣзжавшій съ своимъ семействомъ съ одного кочевья на другое. Еще встрѣтили они въ одной лощинѣ двухъ оборванныхъ, скуластыхъ ногайскихъ женщинъ, которыя, съ плетушками за спинами, собирали въ нихъ для кизяка навозъ отъ ходившей по степи скотины. Хорунжій, плохо говорившій по-кумыцки, сталъ что-то спрашивать у но-

гаекъ; но они не понимали его, и видимо робѣя, переглядывались между собою.

Подъѣхалъ Лукашка, остановить лошадь, бойко произнесъ обычное привѣтствіе, и ногайки видимо обрадовались и заговорили съ нимъ свободно какъ съ своимъ братомъ.

— Ай, ай, конь абрекъ! говорили они жалобно, указывая руками по тому направленію, куда ѣхали казаки. Оленинъ понялъ, что онѣ говорили: «много абрековъ».

Никогда не выдавшій подобныхъ дѣлъ, имѣвшій о нихъ понятіе только по рассказамъ дяди Ерошки, Оленинъ хотѣлъ не отставать отъ казаковъ и все видѣть. Онъ любовался на казаковъ, приглядывался ко всему, прислушивался, и дѣлалъ свои наблюденія. Хотя онъ и взялъ съ собой шашку и заряженное ружье, но замѣтивъ какъ казаки чуждались его, онъ рѣшился не принимать никакого участія въ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, храбрость его была доказана въ отрядѣ, а главное, потому, что теперь онъ былъ очень счастливъ.

Вдругъ, вдалекѣ, послышался выстрѣлъ.

Хорунжій взволновался и сталъ дѣлать распоряженія какъ казакамъ раздѣлиться и съ какой стороны подѣзжать. Но казаки, видимо, не обращали никакого вниманія на эти распоряженія, слушали только то, что говорилъ Лукашка и смотрѣли только на него. Въ лицѣ и фигурѣ Луки, выражалось спокойствіе и торжественность. Онъ вѣлъ проѣздомъ своего кабардинца, за которымъ не поспѣвали шагомъ другія лошади, и щурясь, все вглядывался впередъ.

— Вонъ конный ѣдетъ, сказалъ онъ, сдерживая лошадь и выравниваясь съ другими.

Оленинъ смотрѣлъ во всѣ глаза, но ничего не видѣлъ. Казаки скоро различили двухъ конныхъ, и спокойнымъ шагомъ поѣхали прямо на нихъ.

— Это абреки? спросилъ Оленинъ.

Казаки ничего не отвѣчали на вопросъ, который былъ бессмыслицей въ ихъ глазахъ. Абреки были бы дураки, если бы переправились на эту сторону съ лошадьми.

— Вонъ машетъ батяка Родька никакъ, сказалъ Лукашка, указывая на двухъ конныхъ, которые виднѣлись уже ясно. — Вонъ къ намъ поѣхалъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, ясно стало, что конные были объѣздные казаки, и урядникъ подѣхалъ къ Лукѣ.

XL.

— Далече? только спросилъ Лукашка.

Въ это самое время, шагахъ въ тридцати, послышался короткий выстрѣлъ, Урядникъ слегка улыбнулся.

— Нашъ Гурка въ нихъ палитъ, сказалъ онъ, указывая головой по направленію выстрѣла.

Проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, они увидели

Гурку сидѣвшаго за песчанымъ бугромъ и заряжавшаго ружье. Гурка отъ скуки перестрѣливался съ абреками, сидѣвшими за другимъ песчанымъ бугромъ. Пулька просвистѣла оттуда. Хорунжій былъ блѣденъ и путался. Лукашка слѣзъ съ лошади, кинулъ ее казаку и пошелъ къ Гуркѣ. Оленинъ сдѣлавъ то же самое, и согнувшись, пошелъ за нимъ. Только что они подошли къ стрѣлявшему казаку, какъ двѣ пули просвистѣли надъ ними. Лукашка смѣясь оглянулся на Оленина и пригнулся.

— Еще застрѣлятъ тебя, Андреичъ, сказалъ онъ.—Ступай-ка лучше прочь. Тебѣ тутъ не дѣло.

Но Оленину хотѣлось непременно посмотрѣть абрековъ. Изъ-за бугра увидалъ онъ, шагахъ въ двухъ стахъ, шапки и ружья. Вдругъ показался дымокъ оттуда, свиснула еще пулька. Абреки сидѣли подъ горой въ болотѣ. Оленина поразило мѣсто, въ которомъ они сидѣли. Мѣсто было такое же какъ и вся степь, но тѣмъ, что абреки сидѣли въ этомъ мѣстѣ, оно какъ будто вдругъ отдѣлилось отъ всего остальнаго и ознаменовалось чѣмъ-то. Оно ему показалось даже именно тѣмъ самымъ мѣстомъ, въ которомъ должны были сидѣть абреки. Лукашка вернулся къ лошади, и Оленинъ пошелъ за нимъ.

— Надо арбу взять съ сѣномъ, сказалъ Лука:—а то перебьютъ. Вонъ за бугромъ стоитъ погайская арба съ сѣномъ.

Хорунжій выслушалъ его, и урядникъ согласился. Возъ сѣна былъ привезенъ, и казаки, укрываясь имъ, принялись выдвигать на себѣ сѣно. Оленинъ взѣхалъ на бугоръ, съ котораго ему было все видно. Возъ сѣна двигался; казаки жались за нимъ. Казаки двигались; чеченцы,—ихъ было девять человекъ,—сидѣли рядомъ, колѣно съ колѣномъ, и не стрѣляли.

Все было тихо. Вдругъ, со стороны чеченцевъ, раздались странные звуки заунывной пѣсни, похожей на *ай-да-ла-лай* дяди Ерошки. Чеченцы знали, что имъ не уйти, и чтобъ избавиться отъ искушенія бѣжать, они связались ремнями, колѣно съ колѣномъ, приготовили ружья и запѣли предсмертную пѣсню.

Казаки съ возомъ сѣна подходили все ближе и ближе, и Оленинъ ежеминутно ждалъ выстрѣловъ; но тишина нарушалась только заунывною пѣснью абрековъ. Вдругъ пѣсня прекратилась, раздался короткій выстрѣлъ, пулька шлепнула о грядку телѣги, послышались чеченскія ругательства и взвизги. Выстрѣлъ раздавался за выстрѣломъ, и пулька за пулкой шлепала по возу. Казаки не стрѣляли и были не дальше пяти шаговъ.

Прошло еще мгновенье, и казаки съ гикомъ выскочили съ обѣихъ сторонъ воза. Лукашка былъ спереди. Оленинъ слышалъ лишь нѣсколько вѣтрѣловъ, крикъ и стонъ. Онъ видѣлъ дымъ и кровь, какъ ему показалось. Бросивъ лошадь и не помня себя, онъ подбѣжалъ къ казакамъ. Ужасъ засталъ его глаза. Онъ ничего не разобралъ, но

понялъ только, что все кончилось. Лукашка, блѣдный какъ платокъ, держалъ за руки раненаго чеченца, и кричалъ: «Не бей его! Живаго возьми!» Чеченецъ былъ тотъ самый красный, братъ убитаго абрека, который прѣзжалъ за тѣломъ. Лукашка крутилъ ему руки. Вдругъ чеченецъ вырвался, и выстрѣлилъ изъ пистолета. Лукашка упалъ. На животѣ у него показалась кровь. Онъ вскопчилъ но опять упалъ, ругаясь по-русски и по-татарски. Крови на немъ и подъ нимъ становилось больше и больше. Казаки подошли къ нему, и стали распоясывать. Одинъ изъ нихъ, Назарка, прежде чѣмъ взяться за него, долго не могъ вложить пашку въ ножны, попадая не тою стороною. Лезвее пашки было въ крови.

Чеченцы, рыжіе, съ стриженными усами, лежали убитые и изрубленные. Одинъ только, знакомый, весь израненный, тотъ самый, который выстрѣлилъ въ Лукашку, былъ живъ. Онъ, точно подстрѣленный ястребъ, весь въ крови (изъ-подъ праваго глаза текла у него кровь), стиснувъ зубы, блѣдный и мрачный, раздраженными огромными глазами озираясь во всѣ стороны, сидѣлъ на корточкахъ, и держалъ кинжалъ, готовясь еще защищаться. Хорунжій подошелъ къ нему, и бокомъ, какъ будто обходя его, быстрымъ движеніемъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ ухо. Чеченецъ рванулся, но не успѣлъ и упалъ.

Казаки запыхавшись, растаскивали убитыхъ и снимали съ нихъ оружіе. Каждый изъ этихъ рыжихъ чеченцевъ былъ человѣкъ, у каждаго было свое особенное выраженіе. Лукашку понесли къ арбѣ. Онъ все брался по-русски и по-татарски. «Врешь руками задущу! Отъ моихъ рукъ не уйдешь! *Анна сени!*» кричалъ онъ порываясь. Скоро онъ замолкъ отъ слабости.

Оленинъ уѣхалъ домой. Вечеромъ ему сказали, что Лукашка при смерти, но что татаринъ изъ-за рѣки взялся лѣчить его травами.

Тѣла стаскали къ станичному правленію. Бабы и мальчишки торопились смотрѣть на нихъ.

Оленинъ вернулся сумерками, и долго не могъ опомниться отъ всего, что видѣлъ; но къ ночи опять нахлынули на него вчерашнія воспоминанія; онъ выглянулъ въ окно: Марьяна ходила изъ дома въ клѣтѣ, убираясь по хозяйству. Мать ушла на виноградъ. Отецъ былъ въ правленіи. Оленинъ не дождался, пока она совсѣмъ убралась, и пошелъ къ ней. Она была въ хатѣ и стояла спиной къ нему. Оленинъ думалъ, что она стыдится.

— Марьяна! сказалъ онъ:—а, Марьяна! Можно войти къ тебѣ?

Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтныя слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

Оленинъ повторилъ:—Марьяна! я пришелъ...

— Оставь, сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у ней изъ глазъ.

— О чемъ ты? Что ты?

— Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ.—Казаковъ перебили, вотъ что.

— Лукашку? сказалъ Оленинъ.

— Уйди, чего тебѣ надо?

— Марьяна! сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— Марьяна не говори, умолялъ Оленинъ.

— Уйди постылый! крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться, что онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины была несомнѣнная правда.

Оленинъ ничего не сказалъ ей, и выбѣжалъ изъ хаты.

XLI.

Вернувшись домой, онъ часа два неподвижно лежалъ на постели, потомъ отправился къ ротному командиру, и отпросился въ штабъ. Не простившись ни съ кѣмъ, и черезъ Ванюшку расплатившись съ хозяевами, онъ собрался ѣхать въ крѣпость, гдѣ стоялъ полкъ. Одинъ дядя Ерошка провожалъ его. Они выпили, еще выпили, и еще выпили. Такъ же какъ во время его проводовъ изъ Москвы, ямская тройка стояла у подъѣзда. Но Оленинъ уже не считался, какъ тогда, самъ съ собою и не говорилъ себѣ, что, все что онъ думалъ и дѣлалъ здѣсь было *не то*. Онъ уже не общалъ себѣ новой жизни. Онъ любилъ Марьянку больше чѣмъ прежде, и зналъ теперь, что никогда не можетъ быть любимымъ ею.

— Ну прощай, отецъ мой, говорилъ дядя Ерошка. — Пойдешь въ походъ, будь умнѣй, меня старика послушай. Когда придется быть въ набѣгѣ или гдѣ (вѣдь я старый волкъ, всего видѣлъ), да коли стрѣляютъ, ты въ кучу не ходи, гдѣ народу много. А то все, какъ вашъ братъ оробѣетъ, такъ къ народу и жметъ, думаетъ веселѣй въ народѣ. А тутъ хуже всего: по народу-то и цѣляютъ. Я все бывало отъ народа подальше, одинъ и хожу; вотъ ни разу меня и не ранили. А чего не видалъ на своемъ вѣку?

— А въ спинѣ-то у тебя пуля сидитъ, сказалъ Ванюша, убиравшійся въ комнатѣ.

— Это казаки баловались, отвѣчалъ Ерошка.

— Какъ казаки? спросилъ Оленинъ.

— Да такъ! Пили. Ванька Ситкинъ казакъ былъ, разгулялся, да какъ бацнетъ прямо мнѣ въ это мѣсто изъ пистолета и угодилъ.

— Чтожъ, больно было? спросилъ Оленинъ. — Ванюша, скоро ли? прибавилъ онъ.

— Эхъ! Куда спѣшишь! Дай расскажу... Да какъ треснулъ онъ меня, пуля кость-то не пробила, тутъ и осталась. Я и говорю: ты вѣдь меня убилъ, братецъ мой. А? Что ты со мной сдѣлалъ? Я съ тобой такъ не разстанусь. Ты мнѣ ведро поставишь.

— Что жъ больно было? опять спросилъ Оленинъ, почти не слушая разсказа.

— Дай докажу. Ведро поставилъ. Выпили. А кровь все льетъ. Всю избу прилилъ кровью-то. Дѣдука Бурлакъ и говоритъ: «Вѣдь малый-то издохнетъ. Давай еще штофъ сладкой, а то мы тебя засудимъ.» Притащили еще. Дули дули...

— Да чтожъ больно ли было тебѣ? опять спросилъ Оленинъ.

— Какое больно! Не перебивай, не люблю. Дай докажу. Дули, дули, гуляли до утра, такъ и заснулъ на печи, пьяный. Утромъ проснулся, не разогнешься никакъ.

— Очень больно было? повторилъ Оленинъ, полагая, что теперь онъ добился наконецъ отвѣта на свой вопросъ.

— Развѣ я тебѣ говорю, что больно! Не больно, а разогнуться нельзя, ходить не давало.

— Ну и зажило? сказалъ Оленинъ, даже не смѣясь: такъ ему было тяжело на сердцѣ.

— Зажило, да пулька все тутъ. Вотъ пощупай. И онъ, заворотивъ рубаху, показалъ свою здоровенную спину, на которой около кости каталась пулька.

— Вишь ты, такъ и катается, говорилъ онъ, видимо утѣшаясь этою пулкой какъ игрушкой. — Вотъ къ задку перекачалась.

— Что, будетъ ли живъ Лукашка? спросилъ Оленинъ.

— А Богъ его знаетъ! Дохтура нѣтъ. Поѣхали.

— Откуда же привезутъ, изъ Грозной? спросилъ Оленинъ.

— Нѣ, отецъ мой, вашихъ-то русскихъ, я бы давно перевѣшалъ кабы царь былъ. Только рѣзать и умѣютъ. Такъ-то нашего казака Баклашева не человѣкомъ сдѣлали, ногу отрѣзали. Стало дураки. На что теперь Баклашевъ годится? Нѣтъ, отецъ мой, въ горахъ дохтура есть настоящіе. Такъ-то Ворчика, *няню* моего, въ походѣ ранили въ это мѣсто въ грудь, такъ дохтура ваши отказались, а изъ горъ пріѣхалъ Санбъ, вылечилъ. Травы, отецъ мой, знаютъ.

— Ну, полно вздоръ говорить, сказалъ Оленинъ. — Я лучше изъ штаба лекаря пришлю.

— Вздоръ? передразнилъ старикъ, — Дуракъ. дуракъ! Вздоръ! Лекаря пришлю! Да кабы ваши лечили, такъ казаки да чеченцы къ вамъ бы лѣчиться ѣздили, а то ваши офицеры, да полковники изъ горъ дохтуровъ выписываютъ. У васъ фальчь, одна все фальчь.

Оленинъ не сталъ отвѣчать. Онъ слишкомъ былъ согласенъ, что все было фальчь въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ и въ который возвращался.

— Что жъ Лукашка? Ты былъ у него? спросилъ онъ.

— Да лежитъ какъ мертвый. Ни ѣстъ, ни пьетъ, только водку и принимаетъ душа. Ну, водку пьетъ, ничего. А то жалъ малаго. Хорошъ малый былъ, джигить какъ я. Такъ-то я умиралъ разъ: ужъ выли, старухи, выли. Жаръ въ головѣ стоялъ. Подъ святые меня сперли. Такъ-то лежу, а надо мной на печкѣ все такіе, вотъ такіе маленькіе барабан-

щики все, да такъ-то отжариваютъ зорю. Крикну на нихъ, они еще пуще отдираютъ. (Старикъ засмѣялся.) Приведи ко мнѣ бабы уставщика, хоронить меня хотѣли, баютъ: онъ *мирчился*, съ бабами гулялъ, души губилъ, скоромился, въ балалайку игралъ. Покайся, говорятъ. Я и сталъ каяться. Грѣшенъ, говорю. Что ни скажетъ попъ, а я говорю все грѣшенъ. Онъ про балалайку спрашивать сталъ. Гдѣ жъ она проклятая, говоритъ, у тебя ты покажь, да ее разбей. А я говорю, у меня и нѣтъ ее. А самъ ее въ *избушку* въ сѣтъ запряталъ; знаю, что не найдутъ. Такъ и бросили меня. Такъ отдохъ же. Какъ пошелъ въ балалайку чесать.... Такъ что бишь я говорилъ, продолжалъ, онъ,—ты меня слушай, отъ народа-то подальше ходи, а то такъ дурно убьютъ. Я тебя жалѣю, право. Ты пьяница, я тебя люблю. А то ваша братья все на бугры ѣздить любятъ. Такъ-то у насъ одинъ жилъ, изъ Россіи пріѣхалъ, все на бугоръ ѣздилъ, какъ-то чудно *холкомъ* бугоръ называлъ. Какъ завидитъ бугорокъ, такъ и поскачетъ. Поскакалъ такъ-то разъ. Выскакалъ и радъ. А чеченецъ его стрѣлилъ, да и убилъ. Эхъ, ловко съ подсошекъ стрѣляютъ чеченцы! Ловчѣй меня есть. Не люблю какъ такъ дурно убьютъ. Смотрю я бывало на солдатъ на вашихъ, дивлюся. То-то глупость! Идутъ сердечные всѣ въ кучѣ, да еще красные воротники нащѣютъ. Тутъ какъ не попасть! Убьютъ одного, упадетъ, поволокутъ сердечнаго, другой пойдетъ. То-то глупость! повторилъ старикъ, покачивая головой.—Чтобы въ стороны разойдтись, да по одному. Такъ честно и иди. Вѣдь онъ тебя не узнаетъ. Такъ-то ты дѣлай.

— Ну спасибо! Прощай, дядя! Богъ дастъ, увидимся, сказалъ Оленинъ, вставая и направляясь къ сѣнямъ.

Старикъ сидѣлъ на полу и не вставалъ.

— Такъ развѣ прощаются, дуракъ! дуракъ! заговорилъ онъ.—Эхъ-ма, какой народъ сталъ! Ком-

панію водили, водили годъ дѣлный: прощай да и ушелъ. Вѣдь я тебя люблю, я тебя какъ жалѣю! Такой ты горькій, все одинъ, все одинъ. *Немудимый* ты какой-то! Другой разъ, не сплю, подумаю о тебѣ, такъ-то жалѣю. Какъ пѣсня поется:

«Мудрено; родимый братецъ,
На чужой сторонкѣ жить!»

Такъ-то и ты.

— Ну, прощай, сказалъ опять Оленинъ.

Старикъ всталъ и подаль ему руку; онъ пожалъ ее и хотѣлъ идти.

— Мурло-то, мурло-то давай сюда.

Старикъ взялъ его обѣими толстыми руками за голову, поцѣловалъ три раза мокрыми усами и губами, и заплакалъ.

— Я тебя люблю, прощай!

Оленинъ сѣлъ въ телѣгу.

— Что жъ, такъ и уѣзжаешь! Хотя подари что на память, отецъ мой. Flintу-то подари. Куды тебѣ двѣ, говорилъ старикъ, всхлипывая отъ нескрепныхъ слезъ.

Оленинъ досталъ ружье и отдалъ ему.

— Что передавали этому старику, ворчалъ Ванюша:—все мало! Попрошайка старый. Все обстоятельный народъ, проговорилъ онъ, увертываясь въ пальто и усаживаясь на передкѣ.

— Молчи, швинья! крикнулъ старикъ, смѣясь.—Вишь, скупой!

Марьяна вышла изъ клѣти, равнодушно взглянула на тройку, и поклонившись, прошла въ хату.

— *Да филь!* сказалъ Ванюша, подмигнувъ и глупо захохотавъ.

— Пошелъ, сердито крикнулъ Оленинъ.

— Прощай, отецъ! Прощай, буду помнить тебя, кричалъ Ерощка.

Оленинъ оглянулся. Дядя Ерощка разговаривалъ съ Марьянкой, видимо, о своихъ дѣлахъ, и ни старикъ, ни дѣвка не смотрѣли на него.

ПОЛИКУШКА.

ПОВѢСТЬ.

NO. 1234567

1000000

ПОЛИКУШКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

— Какъ изволите приказать, сударыня! Только Дутловыхъ жалко. Всѣ одинъ къ одному, ребята хорошіе; а коли хоть одного двороваго не поставить, не миновать ихнему идти, говорилъ прикащикъ:—и то теперь всѣ на нихъ указываютъ. Впрочемъ, воля ваша.

И онъ переложилъ правую руку на лѣвую, держа обѣ передъ животомъ, перегнулъ голову на другую сторону, втянулъ въ себя, чуть не чмокнувъ, тонкія губы, позакатилъ глаза и замолчалъ съ видимымъ намѣреніемъ молчать долго, и слушать безъ возраженій весь тотъ вздоръ, который должна была сказать ему на это барыня.

Это былъ прикащикъ изъ дворовыхъ, бритый, въ длинномъ скротукѣ (особаго прикащикаго покроя), который вечеромъ, осенью, стоялъ съ докладомъ передъ своею барыней. Докладъ, по понятіямъ барыни, состоялъ въ томъ, чтобы выслушивать отчеты о прошедшихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, и дѣлать распоряженія о будущихъ. По понятіямъ прикащика, Егора Михайловича, докладъ былъ обрядъ ровнаго стоянія на обѣихъ вывернутыхъ ногахъ въ углу, съ лицомъ обращеннымъ къ дивану, выслушиванія всякой неидущей къ дѣлу болтовни и доведенія барыни различными средствами до того, чтобы она скоро и нетерпѣливо заговорила: «хорошо, хорошо,» на всѣ предложенія Егора Михайловича.

Теперь дѣло шло о наборѣ. Съ Покровскаго надо было поставить тропхъ. Двое были несомнѣнно назначены самою судьбой, по совпадению семейныхъ, нравственныхъ и экономическихъ условий. Относительно ихъ не могло быть колебанія и спора ни со стороны міра, ни со стороны барыни, ни со стороны общественного мнѣнія. Третій былъ спорный. Прикащикъ хотѣлъ отстоять тройника Дутлова и поставить семейнаго двороваго Поликушку, имѣвшаго весьма дурную репутацію,

неоднакратно попадавшагося въ кражѣ мѣшковъ, вожжей и сѣна; барыня же, часто ласкавшая оборванныхъ дѣтей Поликушки, и посредствомъ евангельскихъ внушеній исправлявшая его нравственность, не хотѣла отдавать его. вмѣстѣ съ тѣмъ, она не хотѣла зла и Дутловымъ, которыхъ она не знала и никогда не видала. Но почему-то она никакъ не могла сообразить, а прикащикъ не рѣшался прямо объяснить ей того, что ежели не пойдетъ Поликушка, то пойдетъ Дутловъ. «Да я не хочу несчастья Дутловыхъ,» говорила она съ чувствомъ.—«Ежели не хотите, то заплатите триста рублей за рекрута,»—вотъ что надо было бы отвѣчать ей на это. Но политика не допускала этого.

И такъ, Егоръ Михайловичъ усталъ спокойно, даже прислонился незамѣтно къ притолкѣ, но храня на лицѣ подобострастіе, и сталъ смотрѣть какъ у барыни шевелились губы, какъ подпрыгивалъ рюшъ на ея чепчикѣ вмѣстѣ съ своею тѣнью на стѣнѣ подъ картинкой. Но онъ вовсе не находилъ нужнымъ вникать въ смыслъ ея рѣчей. Барыня говорила долго и много. У него сдѣлалась зѣвотная судорога за ушами; но онъ ловко измѣнилъ это содроганіе въ кашель, закрывшись рукою и притворно «брякнувъ». Я недавно видѣлъ какъ лордъ Пальмерстонъ сидѣлъ, накрывшись шляпой, въ то время какъ членъ оппозиціи громилъ министерство, и вдругъ вставъ, трехчасовую рѣчь отвѣчалъ на всѣ пункты противника; я видѣлъ это и не удивлялся, потому что нѣчто подобное я тысячу разъ видѣлъ между Егоромъ Михайловичемъ и его барыней. Боялся ли онъ заснуть или показалось ему, что она ужъ очень увлекается, онъ перенесъ тяжесть своего корпуса съ лѣвой ноги на правую, и началъ сакраментальнымъ вступленіемъ, какъ всегда начиналъ: «Воля ваша, сударыня, только... только сходка теперь стоитъ у меня передъ конторой, и надо конецъ сдѣлать. Въ приказѣ сказано, до Покрова нужно свезти рекрутъ въ городъ. А изъ крестьянъ на Дутло-

выхъ показываютъ, да и не на кого больше. А міръ интересу вашего не соблюдаетъ: ему все равно, что мы Дутловыхъ раззоримъ. Вѣдь я знаю какъ они бились. Вотъ съ тѣхъ поръ какъ я управляю, все въ бѣдности жили. Только-только дождался старикъ меньшаго племянника, теперь ихъ опять раззорить надо. А я, вы изволите знать, о вашей собственности какъ о своей забочусь. Жалко, сударыня, какъ вамъ будетъ угодно. Они мнѣ ни свать, ни братъ, и я съ нихъ ничего не взялъ....»

— Да я и не думала, Егоръ, прервала барыня, и тотчасъ же подумала, что онъ подкупленъ Дутловыми.

«...А только по всему Покровскому лучшій дворъ. Богобоязненные, трудолюбивые мужики. Старикъ тридцать лѣтъ старостой церковнымъ, ни вина не пьетъ, ни словомъ дурнымъ не бранится, въ церковь ходитъ. (Зналъ прикащикъ чѣмъ подкупить.) И главное дѣло, доложу вамъ, у него сыновей только двое, а то племянники. Міръ указываетъ, а по настоящему ему бы надо двойниковый жребій кидать. Другіе и отъ трехъ сыновей подѣлились по своей необходимости, а теперь и правы, а эти за свою добродѣтель должны пострадать.»

Тутъ уже барыня ничего не понимала,—не понимала, что значили тутъ «двойниковый жребій» и «добродѣтель»; она слышала только звуки и наблюдала нанковыя пуговицы на сюртукѣ прикащика: верхнюю онъ вѣрно рѣже застегивалъ, такъ она и плотно сидѣла, а средняя совсѣмъ оттянулась и висѣла, такъ что давно бы ее пришить надо было. Но, какъ всѣмъ извѣстно, для разговора, особенно дѣловаго, совсѣмъ не нужно понимать того, что вамъ говорятъ, а нужно только помнить, что самъ хочешь сказать. Такъ и поступала барыня.

— Какъ ты не хочешь понять, Егоръ Михайловъ? сказала она; — я вовсе не желаю, чтобы Дутловъ пошелъ въ солдаты. Кажется, сколько ты меня знаешь, ты можешь судить, что я все дѣлаю, что могу, для того, чтобы помочь своимъ крестьянамъ, и не хочу ихъ несчастья. Ты знаешь, что я всѣмъ готова бы пожертвовать, чтобы избавиться отъ этой грустной необходимости, и не отдавать ни Дутлова, ни Хорюшкина. (Не знаю, пришло ли въ голову прикащику, что для того чтобы избавиться отъ грустной необходимости не нужно жертвовать *всѣмъ*, а довольно трехъ сотъ рублей; но эта мысль легко могла придти ему.) Одно только скажу тебѣ, что Поликея я ни за что не отдамъ. Когда, послѣ этого дѣла съ часами, онъ самъ признался мнѣ, и плакалъ, и клялся, что онъ исправится, я долго говорила съ нимъ и видѣла что онъ тронутъ и искренно раскаялся. («Ну, понесла!» подумалъ Егоръ Михайловичъ, и сталъ разсматривать варенье, которое у нея было положено въ стаканъ воды: апельсинное или лимонное? «Должно быть съ горечью», подумалъ онъ.) Съ тѣхъ поръ вотъ семь мѣсяцевъ, а онъ ни разу пьянъ не былъ и ведетъ себя прекрасно. Мнѣ его жена

говорила, что онъ другой человѣкъ сталъ. И какъ же ты хочешь, чтобы я теперь наказала его, когда онъ исправился? Да и развѣ это не безчеловѣчно отдать человѣка, у котораго пять человѣкъ дѣтей, и онъ одинъ? Нѣтъ, ты мнѣ лучше не говори про это, Егоръ...

И барыня запила изъ стакана.

Егоръ Михайловичъ прослѣдилъ за прохожденіемъ воды черезъ горло, и затѣмъ возразилъ коротко и сухо:

— Такъ Дутлова назначить прикажете?

Барыня всплеснула руками. — Какъ ты не можешь меня понять? — Развѣ я желаю несчастья Дутлова, развѣ я имѣю что-нибудь противъ него? Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я все готова сдѣлать для нихъ. (Она взглянула на картину въ углу, но вспомнила, что это не Богъ: «Ну да все равно, не въ томъ дѣло», подумала она. Опять странно, что она не напала на мысль о трехъ стахъ рубляхъ.) Но что же мнѣ дѣлать? Развѣ я знаю какъ и что? Я не могу этого знать. Ну, я на тебя полагаюсь, ты знаешь чего я хочу. Дѣлай такъ, чтобы всѣ были довольны, по закону. Что жъ дѣлать? Не имъ однимъ? Всѣмъ бывають тяжелыя минуты. Только Поликея нельзя отдать. Ты пойми, что это было бы ужасно съ моей стороны.

Она бы еще долѣ говорила,—она такъ одушевилась; но въ это время въ комнату вошла горничная дѣвушка.

— Что ты Дуныша?

— Мужикъ пришелъ, велѣлъ спросить у Егора Михалыча, прикажутъ ли дожидаться схода? сказала Дуныша, и сердито взглянула на Егора Михайловича. («Экой этотъ прикащикъ!» подумала она: «растревожилъ барыню; теперь опять не дастъ заснуть до втораго часа.»)

— Такъ поди, Егоръ, сказала барыня,—дѣлай какъ лучше.

— Слушаю-съ. (Онъ уже ничего не сказалъ о Дутловѣ.) А за деньгами къ садовнику кого прикажете послать?

— Петруша развѣ не пріѣзжалъ изъ города?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А Николай не можетъ ли съѣздить?

— Тятенька отъ поясицы лежитъ, сказала Дуныша.

— Не прикажете ли мнѣ самому завтра съѣздить? спросилъ прикащикъ.

— Нѣтъ, ты здѣсь нуженъ, Егоръ. (Барыня задумалась.) Сколько денегъ?

— 462 рубля-съ.

— Поликея пошли, сказала барыня, рѣшительно взглянувъ въ лицо Егора Михайлова.

Егоръ Михайловъ, не открывая зубовъ, растянулъ губы, какъ будто улыбался, и не измѣнился въ лицѣ. — Слушаю-съ.

— Пошли его ко мнѣ.

— Слушаю-съ,—и Егоръ Михайловичъ пошелъ въ контору.

II.

Поликей, какъ человѣкъ незначительный и замаранный, да еще изъ другой деревни, не имѣлъ протекціи ни черезъ ключницу, ни черезъ буфетчика, ни черезъ прикащика или горничную, и уголь у него былъ самый плохой, даромъ что онъ былъ самъ-семъ съ женой и дѣтьми. Угли еще покойнымъ бариномъ построены были такъ: въ десятиаршинной каменной избѣ, въ серединѣ, стояла русская печь, кругомъ былъ *коидоръ* (какъ звали дворовые), а въ каждомъ углу былъ отгороженный досками *уголь*. Мѣста, значить, было немного, особенно въ Поликеевомъ углу, крайнемъ къ двери. Брачное ложе со стеганнымъ одѣяломъ и ситцевыми подушками, люлька съ ребенкомъ, столікъ на трехъ ножкахъ, на которомъ стряпалось, мылось, клалось все домашнее, и работалъ самъ Поликей (онъ былъ коноваль). Кадушки, платья, куры, теленокъ и сами семеро наполняли весь уголь и не могли бы пошевелиться, ежели бы общая печь не представляла своей четвертой части, на которой ложились и вещи, и люди, да ежели бы еще нельзя было выходить на крыльцо. Оно, пожалуй, и нельзя было: въ октябрѣ холодно, а теплаго платья былъ одинъ тулупъ на всѣхъ семерыхъ; но за то можно было грѣться дѣтямъ бѣгая, а большимъ работая, и тѣмъ и другимъ взлѣзая на печку, гдѣ было до 40 градусовъ тепла. Оно, кажется, страшно жить въ такихъ условіяхъ, а имъ было ничего: жить можно было. Акулина обмывала, обшивала дѣтей и мужа, пряла, и ткала, и бѣлила свои холсты, варила и пекла въ общей печи, бранилась и сплетничала съ сосѣдями. Мѣсячины доставало не только на дѣтей, но еще и на посыпку коровѣ. Дрова вольныя были, кормъ скотинѣ тоже. И сѣнцо изъ конюшни перепадало. Была полоска огорода. Коровенка отелилась; свои куры были. Поликей при конюшнѣ былъ, убиралъ двухъ жеребцовъ, и бросалъ кровь лошадямъ и скотинѣ; разчищалъ копыта, насосы спускалъ и давалъ мази собственнаго изобрѣтенія, и за это ему деньжонки и припасы перепадали. Господскаго овса тоже оставалось. На деревнѣ былъ мужичокъ, который регулярно въ мѣсяцъ за двѣ мѣрки выдавалъ двадцать фунтовъ баранины. Жить бы можно было, коли бы душевнаго горя не было. А горе было большое всему семейству. Поликей съ молоду былъ въ другой деревнѣ при конномъ заводѣ. Конюшій, къ которому онъ попалъ, былъ первый воръ по всему околodu: его на поселенье сослали. У этого конюшаго Поликей ученье прошелъ, и по молодости лѣтъ такъ къ *этимъ пустякамъ* привыкъ, что потомъ и радъ бы отстать — не могъ. Человѣкъ онъ былъ молодой, слабый; отца, матери не было, и учить некому было. Поликей любилъ выпить, а не любилъ, чтобы гдѣ то плохо лежало. Гулъ ли, сѣделка ли, замокъ ли, шкворень ли, или подороже что, все у Поликея

Ильича мѣсто себѣ находило. Вездѣ были люди, которые вещицы эти принимали и платили за нихъ виномъ или деньгами, по согласію. Заработки эти самые легкіе, какъ говоритъ народъ: ни ученья тутъ, ни труда ничего не надо, и коли разъ испытаешь, другой работы не захочется. Только одно не хорошо въ этихъ заработкахъ: хотя и дешево и не трудно все достается, и жить пріятно бываетъ, да вдругъ отъ злыхъ людей не поладится этотъ промыселъ, и за все разомъ заплатишь, и жизни не радъ будешь.

Такъ-то и съ Поликеемъ случилось. Женился Поликей, и далъ ему Богъ счастье: жена, скотникова дочь, попалась баба здоровая, умная, работящая; дѣтей ему нарожала одинъ другаго лучше. Поликей все своего промысла не оставлялъ, и все шло хорошо. Вдругъ пришла на него неудача, и онъ попался. И попался изъ пустяковъ: у мужика ременные вожжи припряталъ. Нашли, побили, до барыни довели и стали примѣчать. Другой, третій разъ попался. Народъ срамить сталъ, прикащикъ солдатствомъ погрозилъ, барыня выговорила, жена плакать, убиваться стала; совсѣмъ все навыворотъ пошло. Человѣкъ онъ былъ добрый и не дурной, только слабый, выпить любилъ, и такую сильную привычку взялъ къ этому, что никакъ не могъ отстать. Бывало начнетъ ругать его жена, даже бить, какъ онъ пьяный придетъ, а онъ плачетъ. «Несчастный я, говоритъ, человѣкъ, что мнѣ дѣлать? Лопни мои глаза, брошу, не стану.» Глядишь, черезъ мѣсяцъ, опять уйдетъ изъ дому, напьется, дня два пропадаетъ. «Откудова-нибудь да онъ деньги беретъ, чтобы гулять,» разсуждали люди. Последнее дѣло его было съ часами конторскими. Были въ конторѣ старыя, висячіе стѣнные часы давно ужъ не шли. Пришлось ему одному войти въ отпертую контору: полстился онъ на часы, унесъ и сбѣлъ въ городъ. Какъ нарочно, случись, что тотъ лавочникъ, которому онъ часы сбѣлъ, приходился сватомъ одной дворовой, и пришелъ на праздникъ въ деревню, и разсказалъ про часы. Стали добираться, точно кому-нибудь это нужно было. Особенно прикащикъ Поликея не любилъ. И нашли. Доложили барынѣ. Барыня призвала Поликея. Онъ сразу упалъ въ ноги, и съ чувствомъ, трогательно, во всемъ признался, какъ его научила жена. Онъ все исполнилъ очень хорошо. Стала его барыня урезонивать, говорила, говорила, причитала, причитала, и о Богѣ, и о добродѣтели, и о будущей жизни, и о женѣ и дѣтяхъ, и довела его до слезъ. Барыня сказала:

— Я тебя прощаю, только обѣщай ты мнѣ никогда этого впередъ не дѣлать.

— Вѣкъ не буду! Провалиться мнѣ, разорвись моя утроба! говорилъ Поликей, и трогательно плакалъ.

Поликей пришелъ домой, и дома какъ теленокъ ревѣлъ цѣлый день, и на печи лежалъ. Съ тѣхъ поръ ни разу ничего не было замѣчено за Поликеемъ. Только жизнь его стала не весела; народъ

на него какъ на вора смотрѣль, и какъ пришло время набора, всѣ стали на него указывать.

Поликей былъ коноваль, какъ уже сказано. Какъ онъ вдругъ сдѣлался коноваломъ, это никому не было извѣстно, и еще меньше ему самому. На конномъ заводѣ, при конюшемъ, сосланномъ на поселенье, онъ не исполнялъ никакой другой должности, кромѣ чистки навоза изъ денниковъ, иногда чистки лошадей и возки воды. Тамъ онъ не могъ выучиться. Потомъ онъ былъ ткачомъ, потомъ работалъ въ саду, чистилъ дорожки; потомъ за наказаніе билъ кирпичъ; потомъ, ходя по оброку, нанимался въ дворники къ купцу. Стало-быть и тутъ не было ему практики. Но въ послѣднее пребываніе его дома, какъ-то по немногу стала распространяться репутація его необычайнаго, даже нѣсколько сверхъ-естественнаго, коновальскаго искусства. Онъ пустилъ кровь, разъ, другой, потомъ повалилъ лошадь и поковырлялъ ей что-то въ ляжкѣ, потомъ потребовалъ, чтобы завели лошадь въ станокъ и сталъ ей рѣзать стрѣлку до крови, несмотря на то, что лошадь билась и даже визжала, и сказалъ, что это значитъ «спускать подкожную кровь». Потомъ онъ объяснилъ мужику, что необходимо бросить кровь изъ обѣихъ жилъ, «для большей легости», и сталъ бить колотушкой по тупому ланцету; потомъ, подъ брюхомъ дворниковой лошади, передернулъ покровку отъ женинаго головнаго платка. Наконецъ сталъ присыпать купоросомъ всякія болячки, мочить изъ склянки, и давать иногда внутрь, что вздумается. И чѣмъ больше онъ мучилъ и убивалъ лошадей, тѣмъ больше ему вѣрили, и тѣмъ больше водили къ нему лошадей.

Я чувствую, что нашему брату, господамъ, не совсѣмъ прилично смѣяться надъ Поликеемъ. Приемы, которые онъ употреблялъ для внушенія довѣрія, тѣ же самые, которые дѣйствовали на нашихъ отцовъ, на насъ и на нашихъ дѣтей будутъ дѣйствовать. Мужикъ, брюхомъ навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и съ вѣрой и ужасомъ глядящій на значительно-нахмуренное лицо Поликея, и его тонкія, засученныя руки, которыми онъ нарочно жметъ именно то мѣсто, которое болитъ, и смѣло рѣжетъ живое тѣло съ затаенною мыслію: «куда кривая не вынесетъ», и показывая видъ, что онъ знаетъ гдѣ кровь, гдѣ матерія, гдѣ сухая, гдѣ мокрая жила, а въ зубахъ—держитъ цѣлительную тряпку или склянку съ купоросомъ, мужикъ этотъ не можетъ представить себѣ, чтобъ у Поликея поднялась рука рѣзать не зналъ. Самъ онъ не могъ бы этого сдѣлать. А какъ скоро разрѣзано, онъ не упрекнетъ себя за то, что далъ напрасно рѣзать. Не знаю какъ вы, а я испытывалъ съ докторомъ, мучившимъ по моей просьбѣ людей близкихъ моему сердцу, точъ-въ-точъ то же самое. Ланцетъ, и таинственная бѣлесовая склянка съ сулемой, и слова: *чильнакъ, почечуй, спускать кровь,*

матерю и т. п., развѣ не тѣ же *нервы, ревматизмы, организмы* и т. п.? *Wage du zu irren und zu träumen*—это не столько къ поэтамъ относится, сколько къ докторамъ и коноваламъ.

III.

Въ тотъ самый вечеръ, какъ сходка, выбирая рекрута, гудѣла у конторы въ холодномъ мракѣ октябрьской ночи, Поликей сидѣлъ на краю кровати у стола и растиралъ на немъ бутылкой лошадиное лекарство, котораго онъ и самъ не зналъ. Тутъ были сулема, сѣра, глауберова соль и трава, которую Поликей собиралъ, вообразивъ себѣ какъ-то разъ, что эта трава очень полезна отъ запала, и находя не лишнимъ давать ее и отъ другихъ болѣзней. Дѣти уже лежали: двое на печи, двое на кровати, одинъ въ люлькѣ, у которой сидѣла Акулина за пряжей. Огарокъ, оставшійся отъ господскихъ плохо лежавшихъ свѣчъ, въ деревянномъ подсвѣчникѣ, стоялъ на окнѣ, и чтобы мужъ не отрывался отъ своего важнаго занятія, Акулина вставала поправлять огарокъ пальцами. Были вольнодумцы, которые считали Поликея пустымъ коноваломъ и пустымъ человѣкомъ. Другіе, и большинство, считали его нехорошимъ человѣкомъ, но великимъ мастеромъ своего дѣла. Акулина же, несмотря на то, что часто ругала и даже бивала своего мужа, считала его несомнѣнно первымъ коноваломъ и первымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Поликей высыпалъ въ горсточку какую-то спецію. (Вѣсовъ онъ не употреблялъ, и иронически отзывался о нѣмцахъ, употребляющихъ вѣсы. «Это, говорилъ онъ, не аптека!») Поликей прикинулъ свою спецію на рукѣ, и встряхнулъ; но ему показалось мало, и онъ высыпалъ въ десять разъ болѣе. «Всю положу, лучше подниметъ,» сказалъ онъ самъ про себя. Акулина быстро оглянулась на голосъ владелицы, ожидая приказанія; но увидавъ, что дѣло до нея не касается, пожала плечами: «Вишь, дошлый! Откуда берется!» подумала она, и опять принялась пряхъ. Бумажка, изъ которой высыпана была спеція, упала подъ столъ. Акулина не пропустила этого.

— Анютка, крикнула она, — вишь отецъ уронилъ, подними.

Анютка выкинула тоненькія босыя ножонки изъ-подъ капота, покрывавшаго ее, какъ котенокъ слѣзла подъ столъ, и достала бумажку.

— Натѣ, тятенька, сказала она, и юркнула опять въ постель озябшими ножонками.

— Сто толкается, пропищала ея меньшая сестра, суюкая и засыпающимъ голосомъ.

— Я васъ! проговорила Акулина, и обѣ головы скрылись подъ капотомъ.

— Три цѣлковыхъ дасть, проговорилъ Поликей, затыкая бутылку, — вылѣчу лошадь. Еще дешево, прибавилъ онъ, — Поломай-ка голову, поди! Аку-

лина, сходи попроси табачку у Никиты. Завтра отдамъ.

И Поликей досталъ изъ штановъ липовый, когда-то выкрашенный чубучокъ, съ сургучомъ вмѣсто мундштука, и сталъ налаживать трубку.

Акулина оставила веретено и вышла, не зацѣпившись, что было очень трудно. Поликей открылъ шкафчикъ, поставилъ бутылку и опрокинулъ въ ротъ пустой штофчикъ: но водки не было. Онъ поморщился, но когда жена принесла табакъ, и онъ набилъ трубку, закурилъ и сѣлъ на кровать, лицо его просіяло довольствомъ и гордостью человека окончившаго свой дневной трудъ. Думалъ ли онъ о томъ, какъ онъ завтра прихватитъ языкъ лошади и вольетъ ей въ ротъ эту удивительную микстуру, или онъ размышлялъ о томъ, какъ для нужнаго человека ни у кого не бываетъ отказа, и что вотъ Никита прислалъ-таки табачку. Ему было хорошо. Вдругъ дверь, висѣвшая на одной петлѣ, откинулась, и въ уголъ вошла *верховая* дѣвушка, не вторая, а третья, маленькая, которую держали для посылокъ. *Верхъ*, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ, барскій домъ, хотя бы онъ былъ и внизу. Аксютка такъ звали дѣвочку, всегда летала какъ пуля, и при этомъ руки ея не сгибались, а качались какъ маятникъ, по мѣрѣ быстроты ея движенія, не вдоль боковъ, а передъ корпусомъ; щеки ея всегда были краснѣе ея розоваго платья; языкъ ея шевелился всегда также быстро, какъ и ноги. Она влетѣла въ комнату, и ухватившись для чего-то за печку, начала качаться, и какъ будто желая выговорить непременно не болѣе какъ по два, по три слова заразъ, вдругъ, задыхаясь, произнесла слѣдующее обращаясь къ Акулинѣ:

— Барыня велѣла Поликею Ильичу сею минутою притить вверхъ, велѣла... (Она остановилась и тяжело перевела духъ.) Егоръ Михалычъ былъ у барыни, о некрутахъ говорили, Поликей Ильича поминали... Авдотья Миколавна велѣла сею минутою притить. Авдотья Миколавна велѣла... (опять вздохъ) сею минутою притить.

Съ полминуты Аксютка посмотрѣла на Поликея, на Акулину, на дѣтей, которые высунулись изъ-подъ одѣяла, схватила скорлупку орѣха, валявшуюся на печи, бросила въ Анютку, и проговоривъ еще разъ «сею минутою притить», какъ вихрь вылетѣла изъ комнаты, и маятникъ съ обычною быстротой замотался поперегъ линіи ея бѣга.

Акулина встала опять, и достала мужу сапоги. Сапоги были скверные, прорванные, солдатскіе. Сняла кафтанъ съ печи и подала ему, не глядя на него.

— Ильичъ, рубаху переменить не станешь?

— Нѣ, сказалъ Поликей.

Акулина не взглянула на его лицо ни разу, въ то время какъ онъ молча обувался и одѣвался, и хорошо сдѣлала, что не взглянула. Лицо у Поликея было блѣдно, нижняя челюсть дрожала, и въ глазахъ было то плаксивое, покорное и глубоко-несчастное выраженіе, которое бываетъ только у

людей добрыхъ, слабыхъ и виноватыхъ. Онъ причесался и хотѣлъ выйти, жена остановила его и поправила ему тесемку рубахи, высѣвшую на армякѣ, и надѣла на него шапку.

— Что Поликей Ильичъ, али барыня васъ требуютъ? раздался голосъ столяровой жены изъ-за перегородки.

Столярова жена только нынче утромъ имѣла съ Акулиной жаркую неприятность за горшокъ щелока, который у ней разлили Поликеевы дѣти, и ей въ первую минуту пріятно было слышать, что Поликея зовутъ къ барынѣ: должно-быть не за добромъ. При томъ она была тонкая, политичная и язвительная дама. Никто лучше ея не умѣлъ отбрызнуть словомъ; такъ, по крайней мѣрѣ она сама про себя думала.

— Должно быть въ городъ за покупками хотятъ послать, продолжала она. — Я такъ полагаю, что вѣрнаго человека изберутъ, васъ и посылаютъ. Вы мнѣ тогда чайку четверочку купите, Поликей Ильичъ.

Акулина удержала слезы, и губы ея стянулись въ злое выраженіе. Такъ бы и вцѣпилась она въ паскудныя волосы сволочи этой, столяровой жены. Но какъ взглянула она на своихъ дѣтей, и подумала, что они останутся сиротами, а она солдаткой-вдовой, забыла она язвительную столяркову жену, закрыла лицо руками, сѣла на постель, и голова ея опустилась на подушки.

— Мамуска, ты меня сплюссила, проворчала сюсюкающая дѣвочка, выдергивая свой салонъ изъ-подъ локтя матери.

— Хоть бы перемерли вы все! На горе народила я васъ! прокричала Акулина и зарыдала на весь уголъ, въ утѣху столяровой женѣ, не забывшей еще про утренній щелокъ.

IV.

Прошло полчаса. Ребенокъ закричалъ, Акулина встала и покормила его. Она ужъ не плакала, но облокотивъ свое еще красивое, худое лицо, уставилась глазами на догоравшую свѣчу и думала о томъ, зачѣмъ она вышла замужъ, зачѣмъ столько солдатъ нужно, и о томъ еще какъ бы ей отплатить столяровой женѣ.

Послышались шаги мужа; она отерла слѣды слезъ и встала, чтобы дать ему дорогу. Поликей вошелъ козыремъ, бросилъ шапку на кровать, отдулся и сталъ распоясываться.

— Ну что? Зачѣмъ звала?

— Гм, извѣстно! Поликушка послѣдній человекъ, а какъ дѣло нужно, такъ кого? Поликушку.

— Какое дѣло?

Поликей не торопился отвѣчать; онъ закурилъ трубку, и сплюнулъ.

— Къ купцу за деньгами велѣла ѣхать.

— Деньги везть? спросила Акулина.

Поликей усмѣхнулся и покачалъ головой.—Куды ловка на словахъ! Ты, говорить, былъ на замѣчаньи, что ты не вѣрный человѣкъ, только я тебѣ вѣрю больше, чѣмъ другому кому (Поликей говорилъ громко, затѣмъ чтобы сосѣди слышали). Ты мнѣ обѣщалъ исправиться, говорить, вотъ тебѣ значитъ первое доказательство, что я тебѣ вѣрю: сѣзди, говорить, къ купцу, возьми деньги и привези. Я, говорю, сударыня, мы, говорю, всѣ ваши холопы, и должны служить какъ Богу, такъ и вамъ, потому я чувствую себя, что могу все издѣлать для вашего здоровья и отъ должности ни отъ какой не могу отказываться; что прикажете, то и исполню, потому я есть вашъ рабъ. (Онъ опять усмѣхнулся тою особенною улыбкой слабого, добраго и виноватаго человѣка.) Такъ ты, говорить, сдѣлаешь вѣрно? Ты, говорить, понимаешь ли, что твоя судьба зависить отъ этого? Какъ могу не понимать, что я все могу сдѣлать? Коли на меня наговорили, такъ обвинить каждаго можно, а я никогда ничѣмъ, кажется, противу вашего здоровья не могъ и помыслить. Такъ, значитъ, ее заговорилъ, что совсѣмъ моя барыня мягкая стала. Ты, говорить, мнѣ первый человѣкъ будешь. (Онъ помолчалъ, и опять та же улыбка остановилась на его лицѣ.) Я очень знаю какъ съ ними говорить. Бывало какъ я еще по оброку ходилъ, какой наскочить! А только дай поговорить съ нимъ, такъ его умаслю, что шелковый станетъ.

— И много денегъ? спросила еще Акулина.

— Три полтысячи рублей, небрежно отвѣчалъ Поликей.

Она покачала головой.

— Когда ѣхать?

— Завтра велѣла. Возьми, говорить, лошадь, какую хочешь, зайди въ контору, и ступай съ Богомъ.

— Слава тебѣ, Господи: сказала Акулина, вставая и крестясь.—Помоги тебѣ Богъ, Ильичъ, прибавила она шепотомъ, чтобы не слышали за перегородкой, и придерживая его за рукавъ рубахи.—Ильичъ, слушай меня, Христомъ-Богомъ прошу, какъ поѣдешь, крестъ поцѣлуй, что въ ротъ капля не возьмешь.

— А то пить стану, съ такими деньгами ѣхалъ! фыркнулъ онъ.—Ужъ какъ тамъ въ фортепьянъ игралъ кто-то, ловко, бѣда! прибавилъ онъ, помолчавъ и усмѣхаясь.—Должно, барышня. Я такъ-то передъ ней стоялъ, передъ барыней у горки, а барышня тамъ, за дверью закатывала. Запустить, запустить, такъ складно подлаживаетъ, что ну! Поигралъ бы я, право. Я бы дошелъ. Какъ разъ бы дошелъ. Я до этихъ дѣловъ ловокъ. Рубаху завтра чистую дай.

И они легли спать счастливые.

V.

Сходка между тѣмъ шумѣла у конторы. Дѣло было не шуточное. Мужики почти всѣ были въ

сборѣ, и въ то время, какъ Егоръ Михайловичъ ходилъ къ барыни, головы накрылись, больше голосовъ стало слышно въ общемъ говорѣ, и голоса стали громче. Стонъ густыхъ голосовъ, изрѣдка перебиваемый задыхающеюся хриплою, крикливою рѣчью, стоялъ въ воздухѣ, и стонъ этотъ долеталъ какъ звукъ шумящаго моря, до окошекъ барыни, которая испытывала при этомъ нервическое безпокойство, похожее на чувство возбуждаемое сильною грозой. Не то страшно, не то неприятно ей было. Все ей казалось, что вотъ-вотъ еще громче и чаще станутъ голоса, и случится что нибудь. Какъ будто нельзя все сдѣлать тихо, мирно, безъ спору, безъ крику, думала она,—по христіанскому, братолюбивому и кроткому закону.

Много голосовъ говорили вдругъ, но громче всѣхъ кричалъ Федоръ Рѣзунъ, плотникъ. Онъ былъ двойниковый, и нападалъ на Дутловыхъ. Старикъ Дутловъ защищался; онъ повystупилъ впередъ изъ толпы, за которую стоялъ сначала, и захлебываясь, широко разводя руками и поддерживая бородку, гнулъ такъ часто, что самому ему трудно было бы понять, что онъ говорилъ. Дѣти и племянники, молодецъ къ молодцу, стояли и жались за нимъ, а старикъ Дутловъ напоминалъ матку въ игрѣ *съ коршуна*. Коршуномъ былъ Рѣзунъ, и не одинъ Рѣзунъ, а всѣ двойники и всѣ одинокіе, почти вся сходка, наступавшая на Дутлова. Дѣло было въ томъ, что Дутлова братъ былъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, отданъ въ солдаты, и потому онъ не хотѣлъ быть на очереди съ тройниками, а хотѣлъ, чтобы службу его брата зачли, и его бы сравняли съ двойниками въ общій жеребій, и изъ нихъ бы ужъ взяли третьяго рекрута. Тройниковыхъ было еще четверо, кромѣ Дутлова; но одинъ былъ староста, и его госпожа уволила; изъ другой семьи поставленъ былъ рекрутъ въ прошлый наборъ; изъ остальныхъ двухъ, были назначены двое, и одинъ изъ нихъ даже и не пришелъ на сходку, только баба его грустно стояла позади всѣхъ, смутно ожидая, что какъ нибудь колесо перевернется на ея счастье; другой же изъ двухъ назначенныхъ, рыжий Романъ, въ оборванномъ армякѣ, хотя и не бѣдный, стоялъ прислонившись у крыльца и наклонивъ голову, все время молчалъ, только изрѣдка внимательно вглядывался въ того, кто заговаривалъ погромче, и опять опускалъ голову. Такъ и вѣяло несчастьемъ отъ всей его фигуры. Старикъ Семень Дутловъ былъ такой человѣкъ, что всякій немного знавшій его, отдастъ бы ему на сохраненіе сотни и тысячи рублей. Человѣкъ онъ былъ степенный, богобоязненный, состоятельный; былъ онъ притомъ церковнымъ старостой. Тѣмъ разительнѣе былъ азартъ, въ которомъ онъ находился.

Рѣзунъ плотникъ былъ, напротивъ, человѣкъ высокій, черный, буйный, пьяный, смѣлый и особенно ловкій въ спорахъ и толкахъ на сходкахъ, на базарахъ, съ работниками, купцами, мужиками или господами. Теперь онъ былъ спокоенъ, изви-

теленъ, и со всей высоты своего роста, всею силой звучного голоса и ораторскаго таланта, давилъ захлебывавшагося и выбитаго совершенно изъ своей степенной колеи церковнаго старосту. Участниками въ спорѣ были еще: круглолицый, молодой, съ четвероугольною головою и курчавою бородкой, коренастый Гараська Копыловъ, одинъ изъ говоруновъ слѣдующаго за Рѣзуномъ, болѣе молодаго поколѣнія, отличавшійся всегда рѣзкою рѣчью и уже заслужившій себѣ вѣсть на сходкѣ. Потомъ Ѳеодоръ Мельничный, желтый, худой, длинный сутуловатый мужикъ, тоже молодой, съ рѣдкими волосами на бородѣ и съ маленькими глазками, всегда желчный, мрачный, во всемъ находившій злую сторону и часто озадачивавшій сходку своими неожиданными и отрывистыми вопросами и замѣчаніями. Оба эти говоруна были на сторонѣ Рѣзуна. Кромѣ того, вмѣшивались изрѣдка два болтуна, одинъ съ добродушнѣйшею рожей и окладистою русою бородой, Храпковъ, все приговаривавшій: «другъ ты мой любезный» и другой маленькій, съ птичьєю рожицей, Жидковъ, тоже приговаривавшій ко всему: «выходить, братцы мои», обращавшійся ко всѣмъ и говорившій складно ни къ селу, ни къ городу. Оба они были то за того, то за другаго, но ихъ никто не слушалъ. Были и другіе такіе же, но эти двое такъ и сѣменили между народомъ, больше всѣхъ кричали, пугая барыню, меньше всѣхъ были слушаемы, и одуренные шумомъ и крикомъ вполне предавались удовольствію чесанія языка. Было еще много разныхъ характеровъ мірянъ: были мрачные, приличные, равнодушные, загнанные; были и бабы позади мужиковъ съ палочками; но про всѣхъ ихъ, Богъ дастъ, я расскажу въ другой разъ. Толпа же составлялась вообще изъ мужиковъ, стоявшихъ на сходкѣ какъ въ церкви и позади шепотомъ разговаривавшихъ о домашнихъ дѣлахъ, о томъ, когда въ роцѣ выпрѣзки накладывать, или молча ожидавшихъ скоро ли кончатъ галдѣть. А то были еще богатые, которымъ сходка ничего не можетъ прибавить или убавить въ ихъ благосостояніи. Таковъ былъ Ермилъ, съ широкимъ, глядцовитымъ лицомъ, котораго мужики называли толстобрюхимъ за то, что онъ былъ богатъ. Таковъ былъ еще Старостинъ, на лицѣ котораго лежало самодовольное выраженіе власти: «Вы, молъ, что ни говорите, а меня никто не тронетъ. Четверо сыновей, да вотъ никого не отдадутъ». Изрѣдка и ихъ задирали вольнодумцы какъ Копыловъ и Рѣзунъ, и они отвѣчали, но спокойно и твердо, съ сознаниемъ своей неприкосновенности. Если Дутловъ подходилъ на матку въ игрѣ коршуна, то парни его не вполне напоминали собою птенцовъ: не метались не пищали, а стояли спокойно позади его. Старшій Игнатъ былъ уже тридцати лѣтъ; второй Василій былъ тоже женатъ, но не годенъ въ рекруты; третій Илюшка, племянникъ, только что женившійся, блѣлый, румяный, въ щегольскомъ тулупѣ (онъ въ ямщикахъ ѣздилъ), стоялъ, погля-

дывалъ на народъ, почесывая иногда въ затылкѣ подъ шляпою, какъ будто дѣло не до него касалось, а его-то именно и хотѣли оторвать коршуны.

— Такъ-то и мой дѣдъ въ солдатахъ былъ, говарилъ, — такъ и я отъ жеребья отказываться стану. Такого, братъ, закона нѣтъ. Прошлый наборъ Михенчева забрили, а его дядя еще домой не приходилъ.

— У тебя ни отецъ, ни дядя, царю не служили, въ одно и то же время говорилъ Дутловъ, — да и ты-то ни господамъ, ни міру не служилъ, только бражничалъ, да дѣти отъ тебя подѣлились. Что жить съ тобой нельзя, такъ, на другихъ показываешь, а я сотскимъ десять годовъ ходилъ, старостой ходилъ, два раза горѣлъ, мнѣ никто не помогъ; а за то, что въ дворѣ у насъ мирно, да честно, такъ ли раззорить меня? Дайте же мнѣ брата назадъ. Онъ небось тамъ и померъ. Судите по правдѣ, по Божьему, міръ православный, а не такъ, что пьяный сбредетъ, то и слушать.

Въ одно и то же время Герасимъ говорилъ Дутлову: — Ты на брата указываешь, а его не міромъ отдали, а за его безпутство господа отдали; такъ онъ тебѣ не отговорка.

Еще Герасимъ не договорилъ, какъ мрачно началъ желтый и длинный Ѳеодоръ Мельничный, выступая впередъ: — То-то господа отдають кого вздумаютъ, а потомъ міромъ разбирай. Міръ приговорилъ твоему сыну идти, а не хочешь, проси барыню, она може велить мнѣ отъ дѣтей одному лобъ забрить. Вотъ-те и законъ, сказалъ онъ желчно. И опять махнувъ рукой, сталъ на прежнее мѣсто.

Рыжій Романъ, у котораго былъ назначенъ сынъ, поднялъ голову и проговорилъ: — Вотъ такъ, такъ! — и даже сѣлъ съ досады на приступку.

Но это были еще не всѣ голоса, говорившіе вдругъ. Кромѣ тѣхъ, которые, стоя позади, говорили о своихъ дѣлахъ, и болтуны не забывали своей должности.

— И точно, міръ православный, говорилъ маленький Жидковъ, повторяя слова Дутлова, — надо судить по христіанству. По христіанству, значить, братцы мои, судить надо.

— Надо по совѣсти судить, другъ ты мой любезный, говорилъ добродушный Храпковъ, повторяя слова Копылова, и дергая Дутлова за тулупъ, — на то господская воля была, а не мірское рѣшеніе.

— Вѣрно! Вонъ оно что! говорили другіе.

— Кто пьяный бредетъ? возражалъ Рѣзунъ: — ты меня поилъ, что ли, али сынъ твой, что по дорогѣ подбираютъ, меня виномъ укорять станеть? Что, братцы, надо рѣшеніе сдѣлать. Коли хотите Дутлова миловать, хоть не то двойниковъ, одинокихъ назначайте, а онъ смѣяться намъ будетъ.

— Дутлову идти! Что говорить!

— Извѣстное дѣло! Тройникамъ впередъ надо жеребій братъ, заговорили голоса.

— Еще что барыня велить. Егоръ Михалычъ сказывалъ, двороваго поставить хотѣли, сказалъ чей-то голосъ.

Это замѣчаніе задержало немного споръ, но скоро онъ опять загорѣлся, и снова перешелъ въ личности.

Игнатъ, про котораго Рѣзунъ сказалъ, что его подбирали по дорогѣ, сталъ доказывать Рѣзуну, что онъ пилу укралъ у прохожихъ плотниковъ и свою жену чуть до смерти не убилъ пьяный.

Рѣзунъ отвѣчалъ, что жену онъ и трезвый и пьяный бьетъ, и все мало, и тѣмъ всѣхъ разсмѣшилъ. Насчетъ же пилы онъ вдругъ обидѣлся, и приступилъ къ Игнату ближе, и сталъ спрашивать:—Кто укралъ?

— Ты укралъ, смѣло отвѣчалъ здоровенный Игнатъ, подступая къ нему еще ближе.

— Кто укралъ? не ты ли? кричалъ Рѣзунъ.

— Нѣтъ ты! кричалъ Игнатъ.

Послѣ пилы, дѣло дошло до краденой лошади, до мѣшка съ овсомъ, до какой-то полоски огорода на селищахъ, до какого-то мертваго тѣла. И такія страшныя вещи наговорили себѣ оба мужика, что ежели бы сотая доля того въ чемъ они попрекали себя, была правда, ихъ бы слѣдовало обоихъ, по закону, тотчасъ же въ Сибирь сослать, по крайней мѣрѣ на поселенье.

Дутловъ старикъ между тѣмъ избралъ другой родъ защиты. Ему не нравился крикъ сына; онъ, останавливая его, говорилъ: «Грѣхъ, брось! Тебѣ говорятъ,» а самъ доказывалъ, что тройники не одни тѣ, у кого три сына вмѣстѣ, а и тѣ, которые подѣлились. И онъ указалъ еще на Старостина.

Старостинъ слегка улыбнулся, крикнулъ и погладивъ бороду съ приемомъ богатаго мужика, отвѣчалъ, что на то воля господская. Должно заслужилъ его сынъ, коли велѣно его обойдти.

Насчетъ же подѣленныхъ семействъ, Герасимъ тоже разбилъ доводы Дутлова, замѣтивъ, что надо было дѣлиться не позволять, какъ при старомъ баринѣ было, что спустя лѣто по малину не ходить, что теперь не одинокихъ же отдавать стать.

— Развѣ изъ баловства дѣлились? За что жъ ихъ теперь раззорить въ конецъ? слышались голоса дѣленныхъ, и болтуны пристали къ этимъ голосамъ.

— А ты купи рекрута, коли не любѣ. Осилить! сказалъ Рѣзунъ Дутлову.

Дутловъ отчаянно запахнулъ кафтанъ, и сталъ за другихъ мужиковъ.

— Ты мои деньги сосчиталъ видно, проговорилъ онъ злобно.—Вотъ, что еще Егоръ Михалычъ скажетъ отъ барыни.

VI.

Дѣйствительно, Егоръ Михайловичъ въ это время вышелъ изъ дома. Шапки одна за другой поднялись надъ головами, и по мѣрѣ того какъ подхо-

дилъ прикащикъ, одна за другою открывались шляпныя, съ середины и спереди, сѣдые, полусѣдые, рыжія, черныя и русыя головы, и понемногу, понемногу, затихали голоса, и наконецъ совершенно затихли. Егоръ Михайловичъ сталъ на крыльцо, и показалъ видъ, что хочетъ говорить. Егоръ Михайловичъ, въ своемъ длинномъ скюртукѣ, съ неудобно всунутыми въ передніе карманы руками, въ фабричной, надвинутой напередъ фуражкѣ, и стоя твердо разставленными ногами на возвышеніи командующемъ надъ этими поднятыми и обращенными къ нему, большею частью старыми и большею частью красивыми, боролатыми головами, имѣлъ совсѣмъ другой видъ чѣмъ передъ барыней. Онъ былъ величественъ.

— Вотъ, ребята, барынино рѣшеніе: дворовыхъ отдавать ей не угодно, а кого изъ себя вы сами назначите, тотъ и пойдетъ. Ниче намъ троихъ надо. По настоящему два съ половиной да половина впередъ пойдетъ. Все равно: не нынче, такъ въ другой разъ.

— Извѣстно! Это дѣло! сказали голоса.

— По моему сужденію, продолжалъ Егоръ Михайловичъ,—Хорошкиному и Митюхиному Васкѣ идти, это ужъ самъ Богъ велѣлъ.

— Такъ точно, вѣрно, сказали голоса.

— Третьему надо либо Дутлову, либо изъ двойниковыхъ. Какъ вы скажете?

— Дутлову, заговорили голоса, Дутловы тройники.

И опять понемногу, понемногу—начался крикъ, и опять дѣло дошло какъ-то до полоски на селищахъ и до какихъ-то украденныхъ съ барскаго двора веретей. Егоръ Михайловичъ ужъ двадцать лѣтъ управлялъ имѣніемъ, и былъ человѣкъ умный и опытный. Онъ постоялъ, послушалъ съ четверть часа, и вдругъ велѣлъ всѣмъ молчать, а Дутловымъ кидать жеребій, кому изъ троихъ. Нарѣзали жеребьевъ, Храповъ сталъ доставать изъ потрясаемой шляпы и вынулъ жеребій Илюшкинъ. Всѣ замолчали.

— Мой что ль? Покажь сюда, сказалъ Илья, оборвавшимся голосомъ.

Всѣ молчали. Егоръ Михайловичъ велѣлъ принести къ завтрашнему дню рекрутскія деньги, по семи копѣекъ съ тягла, и объявивъ, что все кончено, распустилъ сходку. Толпа двинулась, надѣвая шапки за угломъ и гудя говоромъ и шагами. Прикащикъ стоялъ на крыльцѣ, глядя на уходившихъ. Когда молодежь-Дутловы прошли за-уголъ, онъ позвалъ къ себѣ старика, который самъ остановился и вошелъ съ нимъ въ контору.

— Жалко мнѣ тебя, старикъ, сказалъ Егоръ Михайловичъ, садясь въ кресло передъ столомъ:—на тебѣ чередъ. Не купишь за племянника, или купишь?

Старикъ, не отвѣчая, значительно взглянулъ на Егора Михайловича.

— Не миновать, отвѣтилъ Егоръ Михайловичъ на его взглядъ.

— И ради бы купили, не изъ чего, Егоръ Михайлычъ. Двѣ лошади въ лѣто ободрали. Женить племянника. Видно судьба наша такая, за то, что честно живемъ. Ему хорошо говорить. (Онъ вспомнилъ о Рѣзунѣ.)

Егоръ Михайловичъ потеръ рукой лицо и зѣвнулъ. Ему видно ужъ наскучило, и пора было чай пить.

— Эхъ, старый, не грѣши! сказалъ онъ;—а пощи-ка въ подпольѣ, авось найдешь старенькихъ цѣлковенькихъ четыре сотенки. Я тебѣ такого охотничка куплю, что чудо. Намедни назывался чело-вѣкъ одинъ.

— Въ губерни? спросилъ Дутловъ, подъ *губерней* разумѣя городъ.

— Что жъ, купишь?

— И радъ бы, вотъ передъ Богомъ, да...

Егоръ Михайловичъ строго перервалъ его:

— Ну такъ слушай ты меня, старикъ: чтобъ Илюшка надъ собой чего не сдѣлалъ; какъ пришло, нынче ли, завтра ли, чтобъ сейчасъ и везти. Ты повезешь, ты и отвѣчаешь, а ежели что, избави Богъ, надъ нимъ случится, старшаго сына забрѣю. Слышишь?

— Да нельзя ли двойниковыхъ, Егоръ Михайлычъ, вѣдь обидно, сказалъ онъ, помолчавъ:—какъ братъ мой въ солдатахъ померъ, еще сына берутъ: за что же на меня напасть такая? заговорилъ онъ, почти плача и готовый удариться въ ноги.

— Ну, ступай, ступай, сказалъ Егоръ Михайловичъ:—ничего пельзя, порядокъ. За Илюшкой смотрѣть; ты отвѣчаешь.

Дутловъ пошелъ домой, задумчиво постукивая лутошкой по колчужкамъ дороги.

VII.

На другой день рано утромъ, передъ крыльцомъ двороваго «флигера», стояла развѣзжая телѣжка (въ которой и прикащикъ ѣзжалъ), запряженная ширококостымъ гнѣдымъ мереномъ, называемымъ неизвѣстно почему Барабаномъ. Анютка, Поликеева старшая дочь, несмотря на дождь съ крупой и холодный вѣтеръ, босикомъ стояла передъ головой мерпна, издалека, съ видимымъ страхомъ, держа его одною рукой за поводъ, другою придерживая на своей головѣ желтозеленую кацавейку, исполнявшую въ семействѣ должность одѣяла, шубы, чепчика, ковра, пальто для Поликея, и еще много другихъ должностей. Въ *улицѣ* происходила возня. Было еще темно; чуть-чуть пробивался утреннй свѣтъ дождливаго дня сквозь оено залѣпленное кое-гдѣ бумагой. Акулина, оставивъ на время истряпню въ печи, и дѣтей, изъ которыхъ малые еще не вставали и зябли, такъ какъ одѣяло ихъ было взято для одежды и на мѣсто его былъ данъ имъ головной платокъ матери,—Акулина была занята собираніемъ мужа въ дорогу. Рубаха была

чистая. Сапоги, которые, какъ говорится, просили капи, причиняли ей особенную заботу. Впервыхъ, она сняла съ себя толстые, шерстяные, единственные чулки, и дала ихъ мужу; а вовторыхъ, изъ потника, который лежалъ плохо въ конюшнѣ, и который Ильичъ третьяго дня принесъ въ избу, она ухитрилась сдѣлать стельки такимъ образомъ, чтобы заткнуть дыры и предохранить отъ сырости Ильичевы ноги. Ильичъ, самъ сидя съ ногами на кровати, былъ занятъ перевертываніемъ кушака такимъ образомъ, чтобъ онъ не имѣлъ вида грязной веревки. А сюсюкающая сердитая дѣвочка въ шубѣ, которая, даже надѣтая ей на голову, все-таки путалась у ней въ ногахъ, была отправлена къ Никитѣ попросить шапки. Возню увеличивали дворовые, приходившіе просить Ильича купить въ городѣ—той иглокъ, той чайку, той деревяннаго маслаца, тому табачку, и сахарцу столяровой женѣ, успѣвшей уже поставить самоваръ, и чтобы задобритъ Ильича, принесшей ему въ кружкѣ напитокъ, который она называла чаемъ. Хотя Никита и отказалъ въ шапкѣ, и надо было привести въ порядокъ свою, то-есть засунуть выбивавшіеся и висѣвшіе изъ ней хлопки и зашить коновальной иглой дыру, хотъ сапоги со стельками изъ потника и не влѣзали сначала на ноги; хотъ Анютка и промерзла и выпустила было Барабана, и Машка въ шубѣ пошла на ея мѣсто, а потомъ Машка должна была снять шубу, и сама Акулина пошла держать Барабана,—кончилось тѣмъ, что Ильичъ надѣлъ-таки на себя все одѣяніе своего семейства, оставивъ только одну кацавейку и *тухли*, и убравшись, сѣлъ въ телѣгу, запахнулъ, поправилъ сѣно, еще разъ запахнулъ, разобралъ вожжи, еще плотнѣе запахнулъ, какъ это дѣлають очень степенные люди, и тронулъ.

Мальчишка его, Мишка, выбѣжавшій на крыльцо, потребовалъ, чтобъ его прокатали. Сюсюкающая Машка тоже стала просить, чтобъ ее «пlockали и сто ей тепло и бесъ субы», и Поликей придерживалъ Барабана, улыбнулся своею слабою улыбкой, а Акулина посадила ему дѣтей, и нагнувшись къ нему, шепотомъ проговорила, чтобъ онъ помнилъ клятву и ничего не пилъ дорогой. Поликей провезъ дѣтей до кузницы, посадилъ ихъ, опять укутался, опять поправилъ шапку и поѣхалъ одинъ маленькою, степенною рысью, подрагивая на толчкахъ щеками и постукивая ногами по лубку телѣги. Машка же и Мишка съ такою быстротой и съ такимъ визгомъ полетѣли босикомъ къ дому по скользкой горѣ, что забѣжавшая съ деревни на дворню собака, посмотрѣла на нихъ, и вдругъ поджавши хвостъ, съ лаемъ пустилась домой, отчего визгъ Поликеевыхъ наслѣдниковъ еще удесатерился.

Погода была скверная, вѣтеръ рѣзалъ лицо, и не то снѣгъ, не то дождь, не то крупа, изрѣдка принимались стегать Ильича по лицу и голымъ рукамъ, которыя онъ пряталъ съ холодными вожжами подъ рукава армяка, и по кожаной крышкѣ

хомута, и по старой головѣ Барабана, который прижималъ уши и жмурился.

Потомъ вдругъ переставало, мгновенно разчищалось; ясно видѣлись голубоватыя снѣговья тучи, и солнце какъ будто начинало проглядывать, но нерѣшительно и невесело, какъ улыбка самого Поликея. Несмотря на то, Ильичъ былъ погруженъ въ пріятныя мысли. Онъ, котораго на поселеніе сослать хотѣли, которому угрожали солдатствомъ, котораго только лѣнливый не ругалъ и не билъ, котораго всегда тыкали туда, гдѣ похуже, онъ ѣдетъ теперь получать *сумму* денегъ, и большую сумму, и барыня ему довѣряетъ, и ѣдетъ онъ въ прикащицкой телѣжкѣ на Барабанѣ, на которомъ сама барыня ѣздитъ, ѣдетъ какъ дворникъ какой, съ ременными гужами и вожжами. И Поликей усаживался прямѣе, поправлялъ хлопки въ шапкѣ, и еще запахивался. Впрочемъ, ежели Ильичъ думалъ, что онъ совершенно похожъ на богатаго дворника, то онъ заблуждался. Оно, правда, всякій знаетъ, что и отъ десяти тысячъ торговцы въ телѣжкѣ съ ременною упряжью ѣздятъ; только это то, да не то. Ѣдетъ человѣкъ, съ бородой, въ синемъ ли, черномъ ли кафтанѣ, на сытой лошади, одинъ сидитъ въ ящикѣ: только взглянешь, сыта ли лошадь, самъ сытъ ли, какъ сидитъ, какъ запряжена лошадь, какъ ошннена телѣжка, какъ самъ подпоясанъ, сейчасъ видно, на тысячи ли, на сотни ли мужикъ торгуетъ. Всякій опытный человѣкъ какъ только бы поглядѣлъ вблизи на Поликея, на его руки, на его лицо, на его недавно отпущенную бороду, на кушакъ, на сѣно брошенное кое-какъ въ ящикъ, на худаго Барабана, на стертые шины, сейчасъ узналъ бы, что это ѣдетъ холопишка, а не купецъ, не гуртовщикъ, не дворникъ, не отъ тысячи, ни отъ ста, ни отъ десяти рублей. Но Ильичъ такъ не думалъ, онъ заблуждался и пріятно заблуждался. Три полтысячи рублей повезетъ онъ за своею пазухой. Захочетъ, повернетъ Барабана вмѣсто дома къ Одесту, да и поѣдетъ куда Богъ приведетъ. Только онъ этого не сдѣластъ, а вѣрно привезетъ деньги барыни, и будетъ говорить, что и не такія деньги важивали. Поровнявшись съ кабакомъ, Барабанъ сталъ затягивать лѣвую вожжу, останавливаться и приворачивать; но Поликей, несмотря на то, что у него были деньги, данныя на покупки, свиснулъ Барабана кнутомъ и проѣхалъ. То же самое онъ сдѣлалъ и у другаго кабака, и къ полднямъ слѣзъ съ телѣги и отворивъ ворота купеческаго дома, въ которомъ останавливались всѣ барынины люди, провелъ телѣжку, отпрегъ, приставилъ къ сѣну лошадь, побѣдалъ съ купеческими работниками, не преминувъ рассказать за какимъ онъ важнымъ дѣломъ пріѣхалъ, и пошелъ, съ письмомъ въ шапкѣ, къ садовнику. Садовникъ, знавшій Поликея, прочтя письмо, съ видимымъ сомнѣніемъ поразспросилъ, точно ли ему велѣно везти деньги. Ильичъ хотѣлъ обидиться, но не сумѣлъ, только улыбнулся своею улыбкой. Садовникъ перечелъ еще письмо и отдалъ

деньги. Получивъ деньги, Поликей положилъ ихъ за пазуху и пошелъ на квартиру. Ни полпивная, ни питейные дома, ничто не соблазнило его. Онъ испытывалъ пріятное раздраженіе во всемъ существѣ и не разъ останавливался у лавокъ съ искушающими товарами, сапогами, армяками, шапками, ситцами и сѣстнымъ. И постоявъ немножко, отходилъ, съ пріятнымъ чувствомъ: могу все купить, да вотъ не сдѣлаю. Онъ вошелъ на базаръ купить, что ему велѣно было, забралъ все, и потроговалъ дубленую шубу, за которую просили двадцать пять рублей. Продавецъ, почему-то глядя на Поликея, не вѣрилъ, чтобы Поликей могъ купить; но Поликей показалъ ему на пазуху, говоря, что всю лавку его купить можетъ, коли захочетъ, и потребовалъ примѣрять шубу, помялъ, потрепалъ, ее, подулъ въ мѣхъ, даже провонялъ отъ нея, и наконецъ со вздохомъ снялъ. «Неподходящая цѣна. Коли бы изъ пятнадцати рублей уступилъ,» сказалъ онъ. Купецъ сердито перекинулъ шубу черезъ столъ, а Поликей вышелъ и въ веселомъ духѣ отправился на квартиру. Поужинавъ, напоевъ Барабана и задавъ ему овса, онъ влѣзъ на печку, вынулъ конвертъ, долго осматривалъ его и попросилъ грамотнаго дворника прочесть адресъ и слова: «со вложеніемъ тысячи шести сотъ семнадцати рублей ассигнаціями». Конвертъ былъ сдѣланъ изъ простой бумаги, печати были изъ бураго сургуча съ изображеніемъ якоря: одна большая въ серединѣ, четыре по краямъ: сбоку было капнуто сургучемъ. Ильичъ все это осмотрѣлъ и заучилъ, и даже потрогалъ вострые концы ассигнацій. Какое-то дѣтское удовольствіе испытывалъ онъ зная, что въ его рукахъ находятся такія деньги. Онъ засунулъ конвертъ въ дыру шапки, шапку положилъ подъ голову и легъ: но и ночью онъ нѣсколько разъ просыпался и щупалъ конвертъ. И всякій разъ, находя конвертъ на мѣстѣ, онъ испытывалъ пріятное чувство сознанія, что вотъ онъ, Поликей, осрамленный, забиженный, везетъ такія деньги, и доставитъ ихъ вѣрно, — такъ вѣрно, какъ не доставилъ бы и самъ прикащикъ.

VIII.

Около полуночи и купцовы работники, и Поликей были разбужены стукомъ въ ворота и крикомъ мужиковъ. Это были рекруты, которыхъ привезли изъ Покровскаго. Ихъ было человѣкъ десять: Хорюшкинъ, Митюшкинъ и Илья (племянникъ Дутлова), двое подставныхъ, староста, старикъ Дутловъ и подводчики. Въ избѣ горѣлъ ночникъ, кухарка спала на лавкѣ подъ образами. Она вскочила и стала зажигать свѣчу. Поликей тоже проснулся, и перегнувшись съ печи, сталъ смотрѣть на входившихъ мужиковъ. Всѣ входили, крестились и садились на лавки. Всѣ они были совершенно спокойны, такъ что узнать нельзя было, кто кого привезъ въ отдачу. Они здоровались, гутарили,

спрашивали поёсть. Правда, нѣкоторые были молчаливы и грустны; за то другіе были необыкновенно веселы, видимо выпивши. Въ томъ числѣ былъ и Ильѣ, до сихъ поръ никогда не пившій.

— Что жъ, ребята, ужинать али спать ложиться? спросилъ староста.

— Ужинать, отвѣчалъ Ильѣ, распахнувъ шубу и усѣвшись на лавкѣ. — Посылай за водкой.

— Будетъ те водки-то, отвѣчалъ староста мелькомъ, и снова обратился къ другимъ. — Такъ хлѣбца закусите ребята. Что народъ будить?

— Водки дай, повторилъ Ильѣ, ни на кого не глядя, и такимъ голосомъ, что видно было, что онъ не скоро отстанетъ.

Мужики послушались совѣта старосты, достали изъ телѣгъ хлѣбушка, поѣли, попросили квасу и легли кто на полу, кто на печи.

Ильѣ изрѣдка все повторялъ: — Водки дай, я говорю, подай. — Вдругъ онъ увидалъ Поликея: — Ильичъ, а Ильичъ! Ты здѣсь, другъ любезный? Вѣдь я въ солдаты иду, совсѣмъ распрощался съ матушкой, съ хозяйкой... Какъ выла! Въ солдаты уехали. Поставь водки.

— Денегъ нѣтъ, отвѣчалъ Поликей. — Еще, Богъ дастъ, затылокъ, прибавилъ Поликей, утѣшая.

— Нѣтъ братъ, какъ береза чистая, никакой болѣзни не видалъ надъ собой. Ужъ какой мнѣ затылокъ? Какихъ еще царю солдатъ надо?

Поликей сталъ рассказывать исторію какъ доктору синенькую мужикъ далъ, и тѣмъ уволнися.

Ильѣ подвинулся къ печи и разговорился. — Нѣтъ, Ильичъ, теперь кончено, и самъ не хочу оставаться. Дядя меня уекъ. Развѣ бы мы не купили за себя? Нѣтъ, сына жалко и денегъ жалко. Меня отдаютъ... Теперь самъ не хочу. (Онъ говорилъ тихо, довѣрчиво, подъ вліяніемъ тихой грусти.) Одно, матушку жалко; какъ убивалась сердешная! Да и хозяйку: такъ ни за что погубили бабу; теперь пропадетъ; солдатка, одно слово. Лучше бы не женить. Зачѣмъ они меня женили? Завтра пріѣдутъ.

— Да что же васъ такъ рано привезли? спросилъ Поликей: — то ничего не слыхать было, а то вдругъ...

— Вишь боятся, чтобъ я надъ собой чего не сдѣлалъ, отвѣчалъ Илюшка улыбаясь. — Небось, ничего не сдѣлаю. Я и въ солдатахъ не пропаду, только матушку жалко. Зачѣмъ они меня женили? говорилъ онъ тихо и грустно.

Дверь отворилась, крѣпко хлопнула, и вошелъ старикъ Дутловъ, отряхивая шапку, въ своихъ лаптяхъ, всегда огромныхъ, точно на ногахъ у него были лодки.

— Аеонасій, сказалъ онъ перекрестясь и обращаясь къ дворнику: — пѣтъ ли фонарика, овса всыпать?

Дутловъ не взглянулъ на Ильѣ, и спокойно началъ зажигать огарокъ. Рукавицы и кнутъ были засунуты у него за поясомъ, и армякъ акуротно подпоясанъ; точно онъ съ обозомъ пріѣхалъ: такъ обыч-

но-просто, мирно и озабочено хозяйственнымъ дѣломъ было его трудовое лицо.

Ильѣ увидавъ дядю, замолкъ, опять мрачно опустилъ глаза куда-то на лавку, и заговорилъ обращаясь къ старостѣ:

— Водки дай, Ермила. Вина пить хочу.

Голосъ его былъ злой и мрачный.

— Какое теперь вино? отвѣчалъ староста, хлебая изъ чашки: — видишь, люди поѣли да и легли; а ты что буянишь?

Слово «буянишь» видимо навело его на мысль буянить.

— Староста, я бѣду надѣлаю, коли ты мнѣ водки не дашь

— Хотя бы ты его урезонилъ, обратился староста къ Дутлову, который зажегъ уже фонарь, но видимо остановился послушать, что еще дальше будетъ и искося, съ соболѣзнованіемъ смотрѣлъ на племянника, какъ будто удивляясь его ребячеству.

Ильѣ, потупившись, опять проговорилъ: — Вина дай, бѣду надѣлаю.

— Брось, Ильѣ! сказалъ староста кротко: — право брось, лучше будетъ.

Но не успѣлъ онъ еще выговорить этихъ словъ какъ Ильѣ вскочилъ, ударилъ кулакомъ въ стекло и закричалъ во всю мочь: «Не хотите слушать, вотъ вамъ!» и бросился къ другому окну, чтобъ и то разбить.

Ильичъ во мгновеніе ока перекатился два раза и спрятался въ углу печи, такъ что распугалъ всѣхъ таракановъ. Староста бросилъ ложку и побѣжалъ къ Ильѣ. Дутловъ медленно поставилъ фонарь, пояса, пощелкивая языкомъ, покачалъ головой и подошелъ къ Ильѣ, который ужъ возился съ старостой и дворникомъ, не пускавшими его къ окну. Они поймали его за руки и держали, казалось, крѣпко; но какъ только Ильѣ увидѣлъ дядю съ кулакомъ, силы его удесятерились, онъ вырвался, и закативъ глаза, подступилъ съ сжатымъ кулакомъ къ Дутлову.

— Убью, не подходи, варваръ! Ты меня загубилъ, ты, съ своими сыновьями разбойниками, ты загубилъ меня. Зачѣмъ меня женили? Не подходи, убью!

Илюшка былъ страшенъ. Лицо его было багровое, глаза не знали куда дѣваться; все его здоровое, молодое тѣло дрожало какъ въ лихорадкѣ. Онъ, казалось, хотѣлъ и могъ убить всѣхъ тронхъ мужиковъ, наступавшихъ на него: — Братнину кровь пьешь, кровопійца.

Что-то сверкнуло на вѣчно-спокойномъ лицѣ Дутлова. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ: «Не хотѣлъ добромъ,» проговорилъ онъ вдругъ, откуда взялась энергія, быстрымъ движеніемъ схватилъ онъ племянника, повалился съ нимъ на землю, и съ помощью старосты, началъ крутить ему руки. Минутъ съ пять боролись они; наконецъ Дутловъ съ помощью мужиковъ, всталъ, отдирая руки Ильѣ отъ своей шубы, въ которую тотъ вцѣпился, — всталъ

самъ, потомъ поднялъ Илью, съ связанными навадь руками, и посадилъ его за ланку въ углу.

— Говорилъ хуже будетъ, сказалъ онъ, задыхаясь еще отъ борьбы и оправляя поясокъ рубахи:—что грѣшить? всѣ умирать будемъ. Дай ему подъ голову армякъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ дворнику:— а то голова затечетъ,—и самъ взялъ фонарь, подпоясаясь веревочкой и вышелъ опять къ лошадямъ.

Илья со спутанными волосами, съ блѣднымъ лицомъ и вздернутой рубахой, оглядывалъ комнату, какъ будто старался вспомнить гдѣ онъ. Дворникъ подбиралъ осколки стеколъ и утыкалъ въ одно полушубокъ, чтобы не дуло. Староста опять сѣлъ за свою чашку.

— Эхъ, Илюха, Илюха! Жалко мнѣ тебя, право. Что жъ дѣлать! Вотъ Хорюшкинъ, тоже женатый; не миновать видно.

— Отъ злодѣя дяди погибая, повторилъ Илья съ сухою злобой.—Ему своего жалко.... Матушка говорила, прикащикъ приказывалъ купить некрута. Не хочетъ; говоритъ: не одолѣетъ. Развѣ мы съ братомъ мало въ домъ принесли?... Злодѣй онъ!

Дутловъ вошелъ въ избу, помолился образамъ, раздѣлся и подсѣлъ къ старостѣ. Работница подала ему еще квасу и ложку. Илья замолкъ, и закрывъ глаза придегъ на армякъ. Староста молча указалъ на него и покачалъ головой. Дутловъ махнулъ рукой.

— Развѣ не жалко? Брата роднаго сынъ. Мало того, что жалко, еще злодѣемъ меня передъ нимъ издѣлали. Вложила ему въ голову его хозяйка, что ль, бабочка хитрая, даромъ что молодая, что у насъ деньги такіе, что купить некрута осилимъ. Вотъ и укоряетъ меня. А какъ жалко малаго-то!..

— Охъ, малый хорошъ! сказалъ староста.

— Да мочи моей съ нимъ нѣтъ. Завтра Игната пришлю, и хозяйка его пріѣхать хотѣла.

— Присыдай-ка, ладно, сказалъ староста, всталъ и поѣлъ на печку.—Что деньги? Деньги прахъ.

— Были бы деньги, кто бы пожалѣлъ? проговорилъ купеческій работникъ, поднимая голову.

— Эхъ, деньги, деньги! Много грѣха отъ нихъ, отозвался Дутловъ.—Ничего въ свѣтѣ столько грѣха, какъ эти деньги, и въ Писаніи сказано.

— Все сказано, повторилъ дворникъ.—Такъ-то сказывалъ мнѣ человѣкъ одинъ: купецъ былъ, денегъ много накопилъ, и ничего оставить не хотѣлъ; такъ свои деньги любилъ, что съ собою въ гробъ унесъ. Сталъ помирать, только велѣлъ подушечку съ собою въ гробъ положить. Не догадались такъ. Потомъ стали искать денегъ сыновья: нѣтъ ничего. Догадался одинъ сынъ, что должно въ подушкѣ деньги были. До царя доходило, позволилъ откопать. Такъ что жъ ты думаешь? Открыли, въ подушкѣ ничего нѣтъ, а полонъ козюлями гробъ; такъ и зарыли опять. Вотъ оно что деньги-то дѣлаютъ.

— Извѣстно, грѣха много, сказалъ Дутловъ: всталъ и началъ молиться Богу.

Помолившись, онъ посмотрѣлъ на племянника.

Тотъ спалъ. Дутловъ подошелъ, отпустилъ ему кушакъ, и легъ. Другой мужикъ пошелъ спать къ лошадямъ.

IX.

Какъ только все затихло, Поликей, будто вино-ватый, потихоньку слѣзъ и сталъ убираться. Ему почему-то было жутко почевать здѣсь съ рекрутами. Пѣтухи ужъ перекликались чаще, Барабанъ поѣлъ весь своей овесъ, и тянулся къ поилу. Ильичъ запрегъ его, и вывелъ мимо мужичьихъ телѣгъ. Шапка съ содержимымъ была въ цѣлости, и колеса телѣжки снова застучали по подмерзнувшей Покровской дорогѣ. Поликею легче стало только тогда, какъ онъ выѣхалъ за городъ. А то все почему-то ему казалось, что вотъ-вотъ сзади послышится погоня, остановятъ его, да на мѣсто Ильи скрутятъ ему назадъ руки, и завтра поведутъ въ ставку. Не то отъ холода, не то отъ страха, морозъ пробѣгалъ у него по спинѣ, и онъ все потрогивалъ и потрогивалъ Барабана. Первый встрѣтившійся ему человѣкъ былъ попъ въ высокой зимней шапкѣ съ кривымъ работникомъ. Еще жутче стало Поликею. Но за городомъ страхъ этотъ понемногу прошелъ. Барабанъ пошелъ шагомъ, стала виднѣе впереди дорога; Ильичъ снялъ шапку и ощуналъ деньги. «Положить ихъ за пазуху?» думалъ онъ: «еще расподсываться надо. Вотъ дай подъ изволокъ заѣду, тамъ сойду съ телѣги, уберусь. Шапка крѣпко зашита сверху, а внизъ изъ подкладки не выскочить. И сымаъ шапки до дома не стану.» Сѣхавъ подъ изволокъ, Барабанъ, по собственной охотѣ, на выносъ выскакалъ въ гору, и Поликей, которому, также какъ и Барабану, хотѣлось скорѣе домой, не препятствовалъ ему въ томъ. Все было въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ ему такъ казалось, и онъ предался мечтаніямъ о благодарности госпожи, о пяти цѣловыхъ, которые она ему дастъ, и о радости своихъ домашнихъ. Онъ снялъ шапку, ощуналъ еще разъ письмо, нахлобучилъ себѣ шапку глубже на голову, и улынулся. Письмо на шапкѣ было гнилой, и именно потому что наканунѣ Акулина старательно зашила его въ прорванномъ мѣстѣ, онъ разлѣзся съ другаго конца, и именно то движеніе, которымъ Поликей, снявъ шапку, думалъ въ темнотѣ засовать глубже подъ хлопцы письмо съ деньгами, это самое движеніе распоролло шапку и высунуло конвертъ однимъ угломъ изъ-подъ плицы.

Стало свѣтать, и Поликей, не спавшій всю ночь, задремалъ. Надвинувъ шапку и тѣмъ еще больше высунувъ письмо, Поликей въ дремотѣ сталъ стучаться головой о грядку. Онъ проснулся около дома. Первымъ движеніемъ его было схватиться за шапку, она сидѣла плотно на головѣ; онъ и не снялъ ее, увѣренный, что конвертъ тутъ. Онъ тронулъ Барабана, поправилъ сѣно, опять принялъ видъ дворника, и важно поглядывая вокругъ себя, затрясся къ дому.

Вотъ кухня, вотъ «флигеръ», вонъ столярова жена несетъ холсты, вонъ контора, вонъ барыни въ домъ, въ которомъ сейчасъ Поликей покажетъ, что онъ человѣкъ вѣрный и честный, что «наговорить молъ можно на всякаго» и барыня скажетъ: «ну благодарствуй, Поликей, вотъ тебѣ три...» а можетъ и пять, а можетъ и десять цѣлковыхъ, и велитъ еще чаю поднести ему, а може и водочки. Съ холоду бы не мѣшало. На десять цѣлковыхъ и погуляемъ на праздникѣ, и сапоги купимъ, и Никиткѣ, такъ и быть, отдадимъ четыре съ половиной, а то приставай очень началъ... Не доѣзжая шаговъ ста до дома, Поликей замахнулся еще, оправилъ поясъ, ожерелку, снялъ шапку, поправилъ волосы, и не торопясь, сунулъ руку подъ подкладку. Рука зашевелилась въ шапкѣ, быстрой, еще быстрой, другая всунулась туда же; лицо блѣднѣло, блѣднѣло, одна рука проскочила насквозь... Поликей вскочилъ на колѣни, остановилъ лошадь, и началъ оглядывать телѣгу, сѣно, покупки, щупать пазуху, шаровары: денегъ нигдѣ не было.

«Батюшки! Да что же это?! Что все это будетъ!» заревѣлъ онъ, схвативъ себя за волосы.

Но тутъ же вспомнивъ, что его могутъ увидеть, повернулъ Барабана назадъ, надвинулъ шапку и погналъ удивленнаго и недовольнаго Барабана назадъ по дорогѣ.

«Терпѣть не могу ѣздить съ Поликеемъ,» долженъ былъ думать Барабанъ. «Одинъ разъ въ жизни онъ накормилъ и напоилъ меня во-время, и лишь для того, чтобы такъ неприятно обмануть меня. Какъ я старался бѣжать домой! Усталъ, а тутъ только что запахло нашимъ сѣномъ, онъ гонитъ меня назадъ.

— Ну, ты одеръ чертовскій! сквозь слезы кричалъ Поликей, вставъ въ телѣгѣ, дергая по Барабанову рту вожжами и стегая кнутомъ.

Х.

Цѣлый этотъ день никто въ Покровскомъ не видалъ Поликея. Барыня спрашивала нѣсколько разъ послѣ обѣда, и Аксютка прилетала къ Акулинѣ; по Акулина говорила, что онъ не пріѣзжалъ, что видно купецъ задержалъ или что съ лошадью что-нибудь случилось. «Не захромала ли? говорила она: прошлый разъ такъ-то цѣлые сутки ѣхалъ Максимъ, всю дорогу пѣшкомъ шелъ!» И Аксютка налаживала свои малютки опять къ дому, а Акулина придумывала причины задержки мужа и старалась успокоить себя, — но не успѣвала! У ней тяжело было на сердцѣ, и никакая работа къ завтрашнему празднику не спорилась у ней въ рукахъ. Тѣмъ болѣе она мучилась, что столярова жена увѣряла какъ она сама видѣла: «человѣкъ, точно какъ Ильичъ, подѣхалъ къ прешпекту и потомъ назадъ возвратился». Дѣти тоже съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ ждали тятеньку, но по другимъ причинамъ. Анютка и Машка остались безъ шубы и армяка,

дававшихъ имъ возможность, хотъ поочередно, выходить на улицу, и потому принуждены были только около дома, въ однихъ платьяхъ, дѣлать круги съ усиленною быстротой, чѣмъ не мало стѣсняли всѣхъ жителей *флигера*, входившихъ и выходившихъ. Одинъ разъ Машка налетѣла на ноги столяровой жены, несшей воду, и хотя впередъ заревѣла, ступившись о ея колѣни, получила однако потасовку, за вихры, и еще сильнѣе заплакала. Когда же она не сталкивалась ни съ кѣмъ, то прямо влетала въ дверь, и по кадушкѣ влѣзала на печку. Только барыня и Акулина истинно безпокоились собственно о Поликеѣ; дѣти же только о томъ что было на немъ надѣто. А Егоръ Михайловичъ, докладывая барынѣ, на вопросъ ея: «не пріѣзжалъ ли Поликей и гдѣ онъ можетъ быть?» улыбнулся, отвѣчая: «не могу знать», и видимо былъ доволенъ тѣмъ, что предположенія его оправдывались. «Надо бы къ обѣду пріѣхать», сказалъ онъ значительно. Весь этотъ день въ Покровскомъ никто ничего не зналъ про Поликея: только уже потомъ узналось, что видѣли его мужики сосѣдніе, безъ шапки бѣгавшаго по дорогѣ, и у всѣхъ спрашивавшаго: «не находили ли нисѣма?» Другой человѣкъ видѣлъ его спящимъ на краю дороги, подлѣ прикрученной лошади съ телѣгой. «Еще я подумалъ, говорилъ этотъ человѣкъ, что пьяный, и лошадь дня два не поена, не кормлена: такъ ей бока подвело,» Акулина не спала всю ночь, все прислушивалась, но и въ ночь Поликей не пріѣзжалъ. Еслибы она была одна, и были бы у ней поваръ и дѣвчушка, она была бы еще несчастнѣе; но какъ только пропѣли третьи пѣтухи, и столярова жена поднялась, Акулина должна была встать и приняться за печку. Былъ праздникъ: до свѣта надо было хлѣба вынуть, квасъ сдѣлать, лепешки испечь, корову подонить, платья и рубахи выгладить, дѣтей перемыть, воды принести, и со сѣдѣмъ не дать всю печку занять. Акулина, не переставая прислушиваться, принялась за эти дѣла. Уже разсвѣло, уже заблагоговѣтели, уже дѣти встали, а Поликея все не было. Наканунѣ былъ зазимокъ, снѣгъ неровно покрылъ поля, дорогу и крыши; и пыньче, какъ бы для праздника, день былъ красивый, солнечный и морозный, такъ что издалека было и слышно, и видно. Но Акулина, стоя у печи, и съ головой всовываясь въ устье, такъ занялась печеньемъ лепешекъ, что не слыхала какъ подѣхалъ Поликей, и только по крику дѣтей узнала, что мужъ пріѣхалъ. Анютка, какъ старшая, насадила голову и сама одѣлась. Она была въ новомъ, розовомъ, ситцевомъ, но мятомъ платьѣ, подарокъ барыни, которое какъ глубоко стояло на ней, и кололо глаза сосѣдямъ; волосы у ней лоснились, на нихъ она поль-огарка вымазала, башмаки были хотъ не новые, но тонкіе. Машка была еще въ кацавейкѣ и грязи, и Анютка не подпускала ее къ себѣ близко, чтобы не выпачкала. Машка была на дворѣ, когда отецъ подѣхалъ съ кулькомъ. «Тятенька плѣхали», завизжала она, стремглавъ бросилась въ дверь мимо Анютки, и запачкала ее. Анютка уже не боясь за-

пачкаться, тотчас же прибила Машку, а Акулина не могла сторваться отъ своего дѣла. Она только крикнула на дѣтей: «Ну васъ! всѣхъ перепорю!» и оглянулась на дверь. Ильичъ, съ кулькомъ въ рукахъ, вошелъ въ сѣни и тотчасъ же пробрался въ свой уголь. Акулинъ показалось, что онъ былъ блѣденъ, и лицо у него было такое, какъ будто онъ не то плакалъ, не то улыбался; но ей некогда было разобратъ.

— Что Ильичъ, благополучно? спросила она отъ печи.

Ильичъ что-то пробормоталъ, чего она не поняла.

— Ась? крикнула она. — Былъ у барыни?

Ильичъ, въ своемъ углѣ, сидѣлъ на кровати, дико смотрѣлъ кругомъ себя, и улыбался своею виноватою и глубоко несчастною улыбкой. Онъ долго ничего не отвѣчалъ.

— А, Ильичъ? Что долго? раздался голосъ Акулины.

— Я, Акулина, деньги отдалъ барынѣ, какъ благодарила! сказалъ онъ вдругъ, и еще безпойнѣ сталъ оглядываться и улыбаться. Два предмета особенно останавливали его безпокойные, лихорадочно-открытые глаза: веревки привязанныя къ люлькѣ и ребенокъ. Онъ подошелъ къ люлькѣ, и своими тонкими пальцами торопливо сталъ распутывать узелъ веревки. Потомъ глаза его остановились на ребенкѣ; но тутъ Акулина, съ лепешками на доскѣ, вошла въ уголь. Ильичъ быстро спряталъ веревку за пазуху и сѣлъ на кровать.

— Что ты, Ильичъ, какъ будто не по себѣ? сказала Акулина.

— Не спалъ, отвѣчалъ онъ.

Вдругъ за окномъ мелькнуло что-то, и черезъ мгновенье какъ стрѣла влетѣла верховая дѣвушка Аксютка.

— Барыня велѣла Поликею Ильичу придти сею минутою, сказала она. — Сею минутою велѣла Авдотья Николавна... сею минутою.

Поликей посмотрѣлъ на Акулину, на дѣвочку. — Сейчас! чего еще надо? сказалъ онъ такъ просто, что Акулина успокоилась: можетъ наградить хочеть. — «Скажи, сейчасъ приду.»

Онъ всталъ и вышелъ; Акулина же взяла корыто, поставила на лавку, налила воды изъ ведеръ, стоявшихъ у двери, изъ горячаго котла въ печи, засучила рукава и попробовала воду.

— Иди, Машка, вымою.

Сердитая сюсюкающая, дѣвочка заревѣла. — Иди, паршивая, чистую рубаху надѣну. Ну, ломайся! Иди, еще сестру мыть надо.

Поликей между тѣмъ пошелъ не за верховою дѣвушкой къ барынѣ, а совсѣмъ въ другое мѣсто. Въ сѣняхъ подлѣ стѣны была прямая лѣстница, ведущая на чердакъ. Поликей, выйдя въ сѣни, оглянулся, и не видя никого, нагнувшись, почти бѣгомъ, ловко и скоро взбѣжалъ по этой лѣстницѣ.

— Что-то такое значить, что Поликей не приходитъ, сказала нетерпѣливо барыня, обращаясь

къ Дуняшѣ, которая чесала ей голову: — гдѣ Поликей? Отчего онъ не идетъ?

Аксютка опять полетѣла на дворню и опять влетѣла въ сѣнцы и потребовала Ильича къ барынѣ.

— Да онъ пошелъ давно, отвѣчала Акулина, которая, вымывъ Машку, въ это время только что посадила въ корыто своего груднаго мальчика и мочила ему, несмотря на его крикъ, его рѣдкіе волосики. Мальчикъ кричалъ, морщился и старался поймать что-то своими безпомощными ручонками. Акулина поддерживала одною большою рукою его пухленькую, всю въ ямочкахъ, мягкую спинку, а другою мыла его. — Посмотри, не заснулъ ли онъ гдѣ, сказала она съ безпокойствомъ оглядываясь.

Столярова жена, въ это время, нечесанная, съ распахнутою грудью, поддерживая юбки, входила на чердакъ достать свое сохнувшее тамъ платье. Вдругъ крикъ ужаса раздался на чердакѣ, и столярова жена, какъ сумасшедшая, съ закрытыми глазами, на четверенькахъ, задомъ, и скорѣе чѣмъ бѣгомъ, слетѣла съ лѣстницы.

— Ильичъ! крикнула она.

Акулина выпустила изъ рукъ ребенка.

— Удавился! проревѣла столярова жена.

Акулина, не замѣчая того, что ребенокъ, какъ клубочекъ, перекатился навзничъ, и задржавъ ножонки, головой окунулся въ воду, выбѣжала въ сѣни.

— На балкѣ... виситъ проговорила столярова жена, но остановилась, увидавъ Акулину.

Акулина бросилась на лѣстницу, и прежде чѣмъ успѣли ее удержать, взбѣжала, и съ страшнымъ крикомъ, какъ мертвое тѣло, упала на лѣстницу, и убилась бы, еслибы выбѣжавшій изъ всѣхъ угловъ народъ не успѣлъ поддержать ее.

XI.

Нѣсколько минутъ ничего нельзя было разобратъ въ общей суматохѣ. Народу сбѣжалось бездна, всѣ кричали, всѣ говорили, дѣти и старухи плакали. Акулина лежала безъ памяти. Наконецъ мушны, столяръ и прибѣжавшій прикащикъ, вошли на верхъ, и столярова жена въ двадцатый разъ разсказала, «какъ она ничего не думавши, пошла за пелеринкой, глянула этакимъ манеромъ: вижу человѣкъ, посмотрѣла: шапка подлѣ вывернута лежить. Глядь, а ноги качаются. Такъ меня холодомъ и обдало. Легко ли, повѣсился человѣкъ, и я это видѣть должна. Какъ загремлю внизъ, а сама не помню. И чудо какъ меня Богъ спасъ. Истинно Господь помиловалъ. Легко ли! И кручь, и выши-на какая! Такъ бы до смерти и убилась.»

Люди, всходившіе на верхъ, разсказали тоже. Ильичъ висѣлъ на балкѣ, въ одной рубахѣ и порткахъ, на той самой веревкѣ, которую онъ снялъ съ люльки. Шапка его, вывернутая, лежала тутъ

же. Армякъ и шуба были сняты, и порядкомъ сложены подлѣ. Ноги доставали до земли, но признаковъ жизни уже не было. Акулина пришла въ себя и рванулась опять на лѣстницу; но ее не пустили. «Мамуска Семка захлебнулся», вдругъ запищала сюсюкающая дѣвочка изъ угла. Акулина вырвалась опять и побѣжала въ уголъ. Ребенокъ, не шевелясь, лежалъ навзничъ въ корытѣ, и ножки его не шевелились. Акулина выхватила его, но ребенокъ не дышалъ и не двигался, Акулина бросила его на кровать, подперлась руками и захохотала такимъ громкимъ, звонкимъ и страшнымъ смѣхомъ, что Машка, сначала тоже засмѣявшаяся, зажала уши и съ плачемъ выбѣжала въ сѣни. Народъ валилъ въ уголъ съ воемъ и плачемъ. Ребенка вынесли, стали оттирать; но все было напрасно. Акулина валялась по постели и хохотала, хохотала такъ, что страшно становилось всѣмъ, кто только слышалъ этотъ хохотъ. Только теперь, увидавъ эту разнородную толпу женатыхъ, стариковъ, дѣтей, столпившихся въ сѣняхъ, можно было понять какая бездна и какой народъ жилъ въ дворомъ *флигерь*. Всѣ суетились, всѣ говорили, многіе плакали, и никто ничего не дѣлалъ. Столярова жена все еще находила людей, не слыжавшихъ ея исторіи, и вновь рассказывала о томъ, какъ ея нѣжныя чувства были поражены неожиданнымъ видомъ, и какъ Богъ спасъ ее отъ паденія съ лѣстницы. Старичокъ буфетчикъ, въ женской кацавейкѣ, рассказывалъ какъ при покойномъ баринѣ, женщина въ пруду утопилась. Прикащикъ отправилъ къ становому и къ священнику пословъ, и назначилъ караулъ. Верховая дѣвушка Акютка, съ выкаченными глазами, все смотрѣла въ дыру на чердакъ, и хотя ничего тамъ не видала, не могла оторваться и пойдти къ баринѣ. Агафья Михайловна, бывшая горничная старой барыни, требовала чаю для успокоенія своихъ нервовъ, и плакала. Бабушка Анна, своими практичными, пухлыми и пропитанными деревяннымъ масломъ руками, укладывала маленькаго покойника на столѣ. Женщины стояли около Акулины, и молча смотрѣли на нее. Дѣти, прижавшись въ углахъ, взглядывали на мать и принимались ревѣть, потомъ замолкали, опять взглядывали и еще пуще жались. Мальчишки и мужики толпились у крыльца, и съ испуганными лицами смотрѣли въ двери и въ окна, ничего не видя и не понимая, и спрашивая другъ у друга, въ чемъ дѣло. Одинъ говорилъ, что столяръ своей женой топоромъ ногу отрубилъ. Другой говорилъ, что прачка родила тройню. Третій говорилъ, что поварова кошка взбѣсилась и перекусала народъ. Но истина понемногу распространялась, и наконецъ достигла ушей барыни. И кажется, даже не сумѣли приготовить ей: грубый Егоръ прямо доложилъ ей, и такъ разстроилъ нервы барыни, что она долго послѣ не могла оправиться. Толпа уже начинала успокаиваться; столярова жена поставила самоваръ и заварила чай, причемъ посторонніе, не получая при-

глашенія, нашли неприличнымъ оставаться долѣ. Мальчишки начинали драться у крыльца. Всѣ ужъ знали въ чемъ дѣло, и крестясь, начали расходиться, какъ вдругъ послышалось: «барыня, барыня!» и всѣ опять столпились и сжались, чтобы дать ей дорогу, но всѣ тоже хотѣли видѣть, что она будетъ дѣлать. Барыня, блѣдная, заплаканная, вошла въ сѣни черезъ порогъ, въ Акулининъ уголъ. Десятки головъ жались и смотрѣли у дверей. Одну беременную женщину придавили такъ что она запищала, но тотчасъ же воспользовавшись этимъ самымъ обстоятельствомъ, эта женщина выгадала себѣ впереди мѣсто. И какъ было не посмотреть на барыню въ Акулининомъ углу! Это было для дворовыхъ все равно что бенгальскій огонь въ концѣ представленія. Уже значить хорошо, коли бенгальскій огонь зажгли, и ужъ значить хорошо коли барыня въ шелку да въ кружевахъ вошла къ Акулинѣ въ уголъ. Барыня подошла къ Акулинѣ и взяла ее за руку; но Акулина вырвала ее. Старые дворовые неодобрительно покачали головами.

— Акулина? сказала барыня. — У тебя дѣти, пожалѣй себя.

Акулина захохотала и поднялась.

— У меня дѣти все серебряныя, все серебряныя... Я бумажекъ не держу, забормотала она скороговоркой. — Я Ильичу говорила, не бери бумажекъ, вотъ тебя и подмазали, подмазали дегтемъ. Дегтемъ съ мыломъ, сударыня. Какія бы парши ни были, сейчасъ соскочутъ. — И опять она захохотала еще пуще.

Барыня обернулась и потребовала фершела съ горчицей. «Воды холодной дайте», и она стала сама искать воды; но увидавъ мертваго ребенка, передъ которымъ стояла бабушка Анна, барыня отвернулась, и всѣ видѣли какъ она закрылась платкомъ и заплакала. Бабушка же Анна (жалко, что барыня не видала; она бы оцѣнила это; для нея и было все это сдѣлано) прикрыла ребенка кусочкомъ холста, поправила ему ручку своею пухлой, ловкою рукой, и такъ, потрясла головой, такъ вытянула губы и чувствительно прищурила глаза, такъ воздохнула, что всякій могъ видѣть ея прекрасное сердце. Но барыня не видала этого, да и ничего не могла видѣть. Она зарыдала, съ ней сдѣлалась нервная истерика, и ее вывели подъ руки въ сѣни, и подъ руки отвели домой. «Только-то отъ нея и было,» подумали многіе и стали расходиться. Акулина все хохотала и говорила вздоръ. Ее вывели въ другую комнату, пустили ей кровь, обложили горчишниками, льду приложили къ головѣ; но она все также ничего не понимала, не плакала, а хохотала и говорила, и дѣлала такіе вещи, что добрые люди, которые за ней ухаживали, не могли удерживаться и тоже смѣялись.

ХII.

Праздникъ былъ не веселый во дворѣ Покровскаго. Несмотря на то, что день былъ прекрасный,

народъ не выходилъ гулять: дѣвки не собирались пѣсни пѣть, ребята фабричные, пришедшіе изъ города, не играли ни въ гармонию, ни въ балалайки, и съ дѣвушками не играли. Всѣ сидѣли по угламъ, и ежели говорили, то говорили тихо, какъ будто кто недобрый былъ тутъ и могъ слышать ихъ. Днемъ все еще было ничего. Но вечеромъ, какъ смерклось, завылъ собаки, и тутъ же на бѣду поднялся вѣтеръ и завылъ въ трубы, и такой страхъ нашелъ на всѣхъ жителей двора, что у кого были свѣчи, тѣ зажгли ихъ передъ образомъ; кто былъ одинъ въ *улицѣ*, пошелъ къ сосѣдямъ проситься ночевать, гдѣ полуднѣе, а кому нужно было выйти въ закуты, не пошелъ и не пожалѣлъ оставить скотину безъ корму на эту ночь. И святую воду, которая у каждаго хранилась въ пузырькѣ, всю въ эту ночь истратили. Многіе даже слышали, какъ въ эту ночь кто-то все ходилъ по чердаку тяжелымъ шагомъ, и кузнецъ видѣлъ какъ змѣй летѣлъ прямо на чердакъ. Въ Поликеевомъ *улицѣ* ни кого не было; дѣти и сумашедшая переведены были въ другія мѣста. Тамъ только покойничекъ-младенецъ лежалъ, да были двѣ старушки и странница, которая, по своему усердію, читала псалтырь, не надъ младенцемъ а такъ по случаю всего этого несчастья. Такъ пожелала барыня. Старушки эти и странница сами слышали, какъ только-только прочтется каѳизма, такъ задрожитъ наверху балка, и застонетъ кто-то. Прочтутъ: «да воскреснетъ Богъ», опять затихнетъ. Столярова жена позвала куму, и въ эту ночь, не спавши, выпила съ ней весь чай, который запасла себѣ на недѣлю. Онѣ тоже слышали какъ наверху балки трещали, и точно мѣшки падали сверху. Мужики-караульщики придавали храбрости дворовымъ, а то бы они перемерли въ эту ночь со страху. Мужики лежали въ сѣняхъ, на сѣнѣ, и потомъ увѣряли, что слышали тоже чудеса на чердакѣ, хотя въ самую эту ночь преспокойно бесѣдовали между собой о некрутствѣ, жевали хлѣбъ, чесались, и главное, такъ наполнили сѣни особымъ мужичьимъ запахомъ, что столярова жена, проходя мимо ихъ, силюнула и обругала ихъ мужичьемъ. Какъ бы то ни было, угнетенникъ все висѣлъ на чердакѣ, и какъ будто самъ злой духъ, осѣнилъ въ эту ночь *флигерь* огромнымъ крыломъ, показавъ свою власть и ближе чѣмъ когда либо ставъ къ этимъ людямъ. По крайней мѣрѣ, всѣ они чувствовали это. Не знаю, справедливо ли это было. Я даже думаю, что вовсе не справедливо. Я думаю, что еслибы смѣльчакъ, въ эту страшную ночь, взялъ свѣчу или фонарь, и осѣнивъ или даже не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вошелъ на чердакъ, медленно раздвигая передъ собой огнемъ свѣчи ужасъ ночи и освѣщая балки, песокъ, боровъ покрытый паутиной и забытыя столяровой женою пелеринки, — добрался до Ильича, и ежели бы, не поддавшись чувству страха, поднявъ фонарь на высоту лица, то онъ увидѣлъ бы знакомое, худощавое тѣло съ ногами, стоящими

на землѣ (веревка опустилась), безжизненно согнувшееся на бокъ, съ растегнутымъ воротомъ рубахи, подъ которою не видно креста, и опущенную на грудь голову, и доброе лицо съ открытыми, не видящими глазами, и кроткую, виноватую улыбку, и строгое спокойствіе, и тишину на всемъ. Право, столярова жена, прижавшись въ углу своей кровати съ растрепанными волосами и испуганными глазами, рассказывающая, что она слышитъ какъ падаютъ мѣшки, гораздо ужаснѣе и страшнѣе Ильича, хотя крестъ его снять и лежить на балкѣ.

Въ *верху*, то-есть у барыни, такой же ужасъ царствовалъ какъ и во *флигерь*. Въ барыниной комнатѣ пахло одеколономъ и лекарствомъ. Дуняша грѣла желтый воскъ и дѣлала спускъ. Для чего именно спускъ, я не знаю; но знаю, что спускъ дѣлался всегда, когда барыня была больна. А она теперь разстроилась до нездоровья. Къ Дуняшѣ, для храбрости, пришла ночевать ея тетка. Онѣ всѣ четверо сидѣли въ дѣвичьей, съ дѣвочкой, и тихо разговаривали.

— Кто же за масломъ пойдетъ? сказала Дуняша.

— Ни за что, Авдотья Миколавна не пойду, рѣшительно отвѣчала вторая дѣвушка.

— Полно; съ Аксюткой вмѣстѣ поди.

— Я одна сбѣгаю, я ничего не боюсь, сказала Аксютка, но тутъ же заробѣла.

— Ну поди, умница, спроси у бабушки Анны, въ стаканѣ, и принеси, не расплескай, сказала ей Дуняша.

Аксютка подобрала одною рукой подолъ, и хотя вслѣдствіе этого уже не могла махать обѣими руками, замахала одною вдвое сильнѣе, поперекъ линіи своего направленія, и полетѣла. Ей было страшно, и она чувствовала, что ежели бы она увидала или услышала что бы то ни было, хоть свою мать живую, она бы пропала со страху. Она летѣла, зажмурившись, по знакомой тропинкѣ.

XIII.

«Барыня спитъ али нѣтъ?» спросилъ вдругъ подлѣ Аксютки густой мужицкій голосъ. Она открыла глаза, которые прежде были зажмурены и увидала чью-то фигуру, которая, показалось ей, была выше *флигера*; она взвизгнула и понеслась назадъ, такъ что ея юбка не успѣвала летѣть за ней. Однимъ скачкомъ она была на крыльцѣ, другимъ въ дѣвичьей, и съ дикимъ воплемъ бросилась на постель. Дуняша, тетка ея и другая дѣвушка обмерли со страху; но не успѣли онѣ очнуться, какъ тяжелые, медленные и нерѣшительные шаги послышались въ сѣняхъ и у двери. Дуняша бросилась къ барынѣ, уронивъ спускъ; вторая горничная спряталась за юбки, висѣвшія на стѣнѣ; тетка, болѣе рѣшительная, хотѣла было придержать дверь, но дверь отворилась, и мужикъ вошелъ въ комнату.

Это былъ Дутловъ въ своихъ лодкахъ. Не обращая вниманія на страхъ дѣвушекъ, онъ искалъ глазами иконы, и не найдя маленькаго образа висѣвшаго въ лѣвомъ углу, перекрестился на шкапчикъ съ чашками, положилъ шапку на окно и засунувъ глубоко руку за полушубокъ, точно онъ хотѣлъ почесаться подъ мышкой, досталъ письмо съ пятью бурными печатями, изображавшими якоря. Дуняшина тетка схватилась за грудь... Наслау она выговорила:

— Перепугалъ же ты меня Наумычъ! Выговорить не могу сло...ва. Такъ и думала, что конецъ пришелъ.

— Можно ли такъ? проговорила вторая дѣвушка, высовываясь изъ-за юпокъ.

— И барыню даже встревожили, сказала Дуняша, выходя изъ двери:—что лѣзешь на дѣвичье крыльцо не спросиши? Настоящій мужикъ!

Дутловъ, не извиняясь, повторилъ, что барыню нужно видѣть.

— Она не здорова, сказала Дуняша.

Въ это время Аксютка фыркнула такимъ неприлично-громкимъ смѣхомъ, что опять должна была спрятать голову въ подушки постели, изъ которыхъ она цѣлый часъ, несмотря на угрозы Дуняши и ея тетки, не могла вынуть ее безъ того чтобы не прыснуть, какъ будто разрывалось что въ ея розовой груди и красныхъ щекахъ. Ей такъ смѣшно казалось, что всѣ перепугались,—и она опять прятала голову, и будто въ конвульсіяхъ елозила башмакомъ и подпрыгивала всѣмъ тѣломъ.

Дутловъ остановился, посмотрѣлъ на нее внимательно, какъ будто желая дать себѣ отчетъ въ томъ, что такое съ ней происходитъ, но не разобравъ въ чемъ дѣло, отвернулся и продолжалъ свою рѣчь.

— Значить, какъ есть, очень важно дѣло сказалъ онъ,—только скажите, что мужикъ письмо съ деньгами нашелъ.

— Какія деньги?

Дуняша, прежде чѣмъ должить, прочла адресъ и спросила Дутлова, гдѣ и какъ онъ нашелъ эти деньги, которыя Ильичъ долженъ былъ привезти изъ города. Разузнавъ все подробно и вытолкнувъ въ сѣни бѣгунью, которая не переставала фыркать, Дуняша пошла къ барынѣ, но къ удивленію Дутлова, барыня все-таки не приняла его и ничего толкомъ не сказала Дуняшѣ.

— Ничего не знаю и не хочу знать, сказала барыня:—какой мужикъ и какія деньги. Никого я не могу и не хочу видѣть. Пускай онъ оставитъ меня въ покоѣ.

— Что же я буду дѣлать? сказалъ Дутловъ поворачивая конвертъ:—деньги не маленькія. Написано-то что на нихъ? спросилъ онъ Дуняшу, которая снова прочла ему адресъ.

Дутлову какъ будто все что-то не вѣрилось. Онъ надѣялся, что можетъ-быть деньги не барынины, и что не такъ прочли ему адресъ. Но Ду-

няша подтвердила ему еще. Онъ вздохнулъ, положилъ за пазуху конвертъ и готовился выйти.

— Видно становому отдать, сказалъ онъ.

— Постой, я еще попытаюсь, скажу, остановила его Дуняша, внимательно прослѣдивъ за исчезновениемъ конверта въ пазухѣ мужика. — Дай сюда письмо.

Дутловъ опять досталъ, однако не тотчасъ передалъ его въ протянутую руку Дуняши. — Скажите, что нашелъ на дорогѣ Дутловъ Семень.

— Да дай сюда.

— Я было думалъ, такъ, письмо; да солдатъ прочелъ, что съ деньгами.

— Да давай же.

— Я и не посмѣлъ домой заходить для того... опять говорилъ Дутловъ, не расставаясь съ драгоценнымъ конвертомъ: — такъ и доложите.

Дуняша взяла конвертъ и еще разъ пошла къ барынѣ.

— Ахъ Боже мой, Дуняша! сказала барыня укорительнымъ голосомъ: — не говори мнѣ про эти деньги. Какъ я вспомню только этого малюточку...

— Мужикъ, сударыня, не знаетъ кому прикажете отдать, опять сказала Дуняша.

Барыня распечатала конвертъ, вздрогнула какъ только увидѣла деньги, и задумалась.

— Страшные деньги, сколько зла они дѣлаютъ! сказала она.

— Это Дутловъ, сударыня. Прикажете ему идти или изволите выйти къ нему? Цѣлы ли еще деньги-то? спросила Дуняша.

— Не хочу я этихъ денегъ. Это ужасныя деньги. Что онѣ надѣлали? Скажи ему, чтобъ онъ взял ихъ себѣ коли хочетъ, сказала вдругъ барыня, отыскивая руку Дуняши. — Да, да, да, повторила барыня удивленной Дуняшѣ, — пускай совсѣмъ возьметъ себѣ и дѣлаетъ что хочетъ.

— Полторы тысячи рублей, замѣтила Дуняша, слегка улыбаясь какъ съ ребенкомъ.

— Пускай возьметъ всѣ, нетерпѣливо повторила барыня. — Что, ты меня не понимаешь? Эти деньги несчастныя, никогда не говори мнѣ про нихъ. Пускай возьметъ себѣ этотъ мужикъ, что нашелъ. Иди, ну иди же!

— Дуняша вышла въ дѣвичью.

— Всѣ ли? спросилъ Дутловъ.

— Да ужъ самъ сосчитай, сказала Дуняша, подавая ему конвертъ, — тебѣ велѣно отдать.

Дутловъ положилъ шапку подъ мышку, и перегнувшись, сталъ считать.

— Счетовъ нѣту?

Дутловъ понялъ, что барыня по глупости не умѣетъ считать и велѣла ему это сдѣлать.

— Дома сосчитаешь! Тебѣ! твои деньги! сказала Дуняша сердито. — Не хочу, говорить, ихъ видѣть, отдай тому кто принесъ.

Дутловъ, не разгибаясь, уставился глазами на Дуняшу.

Тетка Дуняшина такъ и всплеснула руками.

— Матушки родимыя! Вотъ далъ Богъ счастья! Матушки родныя!

Вторая горничная не повѣрила.

— Что вы, Авдотья Николаевна, шутите?

— Вотъ-те шутите! Велѣла отдать мужику... Ну бери деньги да и ступай, сказала Дуняша, не скрывая досады. — Кому горе, а кому счастье.

— Шутка ли, полторы тысячи рублей, сказала тетка.

— Больше, подтвердила Дуняша. — Ну, свѣчку поставивъ десятикопѣечную Миколѣ, говорила Дуняша насмѣшливо. — Что, не опомнишься? И добро бы бѣдному! А то у него и своихъ много.

Дутловъ наконецъ понялъ, что это была не шутка, и сталъ собирать и укладывать въ конвертъ деньги, которые онъ разложилъ было считать; но руки его дрожали, и онъ все взглядывалъ на дѣвушекъ, чтобъ убѣдиться, что это не смѣхъ.

— Вишь не опомнится радъ, сказала Дуняша, показывая, что она все-таки презираетъ и мужика, и деньги. — Дай я тебѣ уложу.

И она хотѣла взять. Но Дутловъ не далъ; онъ скомкалъ деньги, засунулъ ихъ еще глубже, и взялся за шапку.

— Радъ?

— И не знаю, что сказать! Вотъ точно...

Онъ не договорилъ, только махнулъ рукой, ухмыльнулся, чуть не заплакалъ, и вышелъ.

Колокольчикъ зазвонилъ въ комнатѣ барыни.

— Что, отдала?

— Отдала.

— Что же, очень радъ?

— Совсѣмъ какъ сумасшедшій сталъ.

— Ахъ, позови его. Я спрошу у него какъ онъ нашелъ. Позови сюда, я не могу выйти.

Дуняша побѣжала и застала мужика въ сѣняхъ. Онъ не надѣвая шапки вытянулъ кошель, и перегнувшись, развязывалъ его, а деньги держалъ въ зубахъ. Ему можетъ быть казалось, что пока деньги не въ кошель, онѣ не его. Когда Дуняша позвала его, онъ испугался.

— Что Авдотья... Авдотья Миколавна. Али назадъ отобрать хочеть? Хотѣ бы вы заступились, ей-Богу, а я медку вамъ принесу.

— То-то! Приносилъ.

Опять отворилась дверь, и повели мужика къ барынѣ. Не весело ему было. «Охъ, потянетъ назадъ!» думалъ онъ почему-то, какъ по высокой травѣ подымая всю ногу и стараясь не стучать лаптями, когда проходилъ по комнатамъ. Онъ ничего не понималъ и не видѣлъ, что было вокругъ него. Онъ проходилъ мимо зеркала, видѣлъ цвѣты какіе-то, мужикъ какой-то въ лаптяхъ ноги задиралъ, баринъ съ глазочкомъ написанъ, какая-то кадушка зеленая, и что-то бѣлое... Глядь, заговорило это что-то бѣлое; это барыня. Ничего онъ не разобралъ, только глаза выкачивалъ. Онъ не зналъ гдѣ онъ, и все представлялось ему въ туманѣ.

— Это ты, Дутловъ?

— Я-съ, сударыня. Какъ было, такъ и не трогать, сказалъ онъ, — Я не радъ, какъ передъ Богомъ! Какъ лошадь замучилъ...

— Ну твое счастье, сказала она, съ презрительно-доброю улыбкой. — Возьми, возьми себѣ.

Онъ только тарашилъ глаза.

— Я рада, что тебѣ досталось. Дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло! Что же ты радъ?

— Какъ не радъ! Ужъ такъ-то радъ матушка! Все за васъ Богу молить буду. Я ужъ такъ радъ, что, слава Богу, что барыня наша жива. Только и вины моей было.

— Какъ же ты нашелъ?

— Значить, мы для барыни всегда могли стараться по чести, а не то что...

— Ужъ онъ совсѣмъ запутался, сударыня, сказала Дуняша.

— Возилъ рекрута племянника, назадъ ѣхалъ, на дорогѣ и нашелъ. Поликей должно нечаянно выронилъ.

— Ну ступай, ступай, голубчикъ. Я рада.

— Такъ радъ, матушка!.. говорилъ мужикъ.

Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ не поблагодарилъ и не умѣлъ обойтись какъ слѣдовало. Барыня и Дуняша улыбались, а онъ опять зашагалъ какъ по травѣ, и на силу удерживался, чтобъ не побѣжать рысью. А то все казалось ему, вотъ-вотъ еще остановятъ и отнимутъ...

XIV.

Выбравшись на свѣжій воздухъ, Дутловъ отошелъ съ дороги къ липкамъ, даже распоясался, чтобъ ловчѣе достать кошель, и сталъ укладывать деньги. Губы его шевелились, вытягиваясь и растягиваясь, хотя онъ и не произносилъ ни одного звука. Уложивъ деньги и подпоясавшись, онъ перекрестился и пошелъ, какъ пьяный, колеса по дорожкѣ: такъ онъ былъ занятъ мыслями, хлынувшими ему въ голову. Вдругъ увидѣлъ онъ передъ собой фигуру мужика, шедшаго ему навстрѣчу. Онъ кликнулъ: это былъ Ефимъ, который, съ дубиной, караульщикомъ ходилъ около флигеля.

— А, дядя Семень, радостно проговорилъ Ефимка, подходя ближе. (Ефимкѣ жутко было одному.) — Что, свезли рекрутовъ, дядюшка?

— Свезли. Ты что?

— Да тутъ Ильича удушеннаго караулить поставили.

— А онъ гдѣ?

— Вонъ, на чердакѣ, говорятъ, виситъ, отвѣчалъ Ефимка, дубиной показывая въ темнотѣ на крышу флигеля.

Дутловъ посмотрѣлъ по направленію руки, и хотя ничего не увидалъ, поморщился, прищурился и покачалъ головой.

— Становой пріѣхалъ, сказалъ, Ефимка, — скзывалъ кучеръ. Сейчасъ снимать будутъ. То-то страсть ночью, дядюшка. Ни за что не пойду ночью,

коли велятъ идти на верхъ. Хоть до смерти убей меня Егоръ Михалычъ, не пойду.

— Грѣхъ-то грѣхъ-то какой! повторилъ Дутловъ, видимо для приличія, но вовсе не думая о томъ, что говорилъ и хотѣлъ идти своею дорогой. Но голосъ Егора Михайловича остановилъ его.

— Эй, караульщикъ, поди сюда, кричалъ Егоръ Михайловичъ съ крыльца.

Ефимка откликнулся.

— Да кто еще тамъ съ тобой мужикъ стоялъ?

— Дутловъ.

— И ты, Семенъ, иди.

Приблизившись Дутловъ разсмотрѣлъ при свѣтѣ фонаря, который несъ кучеръ, Егора Михайловича и низенькаго чиновника въ фуражкѣ съ кокардой и въ шинели: это былъ становой.

— Вотъ и старикъ съ нами поидетъ, сказалъ Егоръ Михайловичъ, увидавъ его.

Старика покоробило; но дѣлать было нечего.

— А ты, Ефимка, парень молодой, бѣги-ка на чердакъ гдѣ повѣсился, лѣстницу поправить, чтобъ ихъ благородію пройти.

Ефимка, ни за что не хотѣвшій подойти къ флигелю, побѣждалъ къ нему, стуча лаптями, какъ бревнами.

Становой высѣкъ огня и закурилъ трубку. Онъ жилъ въ двухъ верстахъ и былъ только что жестоко распеченъ исправникомъ за пьянство, и потому теперь былъ въ припадкѣ усердія: пріѣхавъ въ десять часовъ вечера, онъ хотѣлъ немедленно осмотрѣть удушенника. Егоръ Михайловичъ спросилъ Дутлова, зачѣмъ онъ здѣсь. Дорогой Дутловъ рассказалъ прикащику о найденныхъ деньгахъ и о томъ, что барыня сдѣлала. Дутловъ сказалъ, что онъ пришелъ позволенія Егора Михалыча спросить. Прикащикъ, къ ужасу Дутлова потребовалъ конвертъ и посмотрѣлъ его. Становой тоже взялъ конвертъ въ руки, и коротко и сухо спросилъ о подробностяхъ.

«Ну, пропали деньги», подумалъ Дутловъ, и сталъ уже извиняться. Но становой отдалъ ему деньги.

— Вотъ счастье сиволапому! сказалъ онъ.

— Ему на руку, сказалъ Егоръ Михайловичъ:— онъ только племянника въ ставку свезъ; теперь выкупить.

— А! сказалъ становой и пошелъ впередъ.

— Выкупишь что ль Илюшку-то? сказалъ Егоръ Михайловичъ.

— Какъ его выкупить-то? Денегъ хватитъ ли? А можъ и не время.

— Какъ знаешь, сказалъ прикащикъ, и оба пошли за становымъ.

Они подошли къ флигелю, въ сѣняхъ котораго вонючіе караульщики ждали съ фонаремъ. Дутловъ шелъ за ними. Караульщики имѣли виноватый видъ, который могъ относиться развѣ только къ произведенному ими запаху, потому что они ничего дурнаго не сдѣлали. Всѣ молчали.

— Гдѣ? спросилъ становой.

— Здѣсь, шепотомъ сказалъ Егоръ Михайловичъ.—Ефимка, прибавилъ онъ,—ты малый молодой, пошелъ впередъ съ фонаремъ!

Ефимка ужъ поправилъ на верху половицу, казалось потерялъ весь страхъ. Шагая черезъ двѣ и три ступени, онъ съ веселымъ лицомъ полѣзъ впередъ, только оглядываясь и освѣщая фонаремъ дорогу становому. За становымъ шелъ Егоръ Михайловичъ. Когда они скрылись, Дутловъ поставилъ уже одну ногу на ступеньку, вздохнулъ и остановился. Прошли минуты двѣ, шаги ихъ затихли на чердакѣ; видно, они подошли къ тѣлу.

— Дядя! тебя зоветъ! крикнулъ Ефимка въ дыру.

Дутловъ полѣзъ. Становой и Егоръ Михайловичъ видны были при свѣтѣ фонаря только верхнею своею частію за балкой; за ними стоялъ еще кто-то спиной. Это былъ Поликей. Дутловъ перелѣзъ черезъ балку и, крестясь, остановился.

— Поверни-ка его, ребята, сказалъ становой.

Никто не тронулся.

— Ефимка, ты малый молодой, сказалъ Егоръ Михайловичъ.

Малый молодой перешагнулъ черезъ балку, и перевернувъ Ильича, сталъ подлѣ, самымъ веселымъ взглядомъ поглядывая то на Ильича, то на начальство, какъ показывающій альбиноску или Юлію Пастрану глядитъ то на публику, то на свою показываемую штуку, и готовый исполнить всѣ желанія зрителей.

— Еще поверни.

Ильичъ еще повернулся, замахалъ слегка руками и поволокъ ногой по песку.

— Берись, снимай.

— Отрубить прикажете, Василій Борисовичъ? сказалъ Егоръ Михайловичъ. — Топоръ подайте, братцы.

Караульщикамъ и Дутлову надо было приказать раза два, чтобъ они приступили. Малый же молодой обращался съ Ильичомъ какъ съ бараньей тушей. Наконецъ отрубили веревку, сняли тѣло и покрыли. Становой сказалъ, что завтра пріѣдетъ лѣкарь, и отпустилъ народъ.

ХV.

Дутловъ шевеля губами, пошелъ къ дому. Сначала было ему жутко, но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ деревнѣ, чувство это проходило, а чувство радости больше и больше проникало ему въ душу. На деревнѣ слышались пѣсни и пьяные голоса. Дутловъ никогда не пилъ, и теперь пошелъ прямо домой. Ужъ было поздно какъ онъ вошелъ въ избу. Старуха его спала. Старшій сынъ и внуки спали на печкѣ, второй сынъ въ чуланѣ. Одна Илюшкина баба не спала, и въ грязной не праздничной рубахѣ, простоволосая, сидѣла на лавкѣ и выла. Она не вышла отворить дядѣ, а только пуще стала выть и приговаривать какъ

только онъ вошелъ въ избу. По мнѣнію старухи, она причитала очень складно и хорошо, несмотря на то, что, по молодости своей не могла еще имѣть практики.

Старуха встала и собрала ужинать мужу. Дутловъ прогналъ Илюшкину бабу отъ стола. «Буде, буде!» сказалъ онъ. Аксиныя встала и прилегли на лавку, не переставала выть. Старуха молча набрала на столъ и потомъ убрала. Старикъ тоже не сказалъ ни одного слова. Помолившись Богу, онъ рыгнулъ, умылъ руки, и захвативъ съѣвздя счеты, пошелъ въ чуланъ. Тамъ сначала онъ пошенталъ со старухой, потомъ старуха вышла, а онъ сталъ щелкать щетами, наконецъ стукнулъ крышкой сундука, и полѣзъ въ подполье. Долго возился онъ въ чуланѣ и въ подпольи. Когда онъ вошелъ, въ избѣ уже было темно, лучина не горѣла. Старуха, днемъ обыкновенно тихая и неслышная, уже завалилась на палати и храпѣла на всю избу. Шумливая Илюшкина баба тоже спала и не слышно дышала. Она спала на лавкѣ не раздѣвшись, какъ была, и ничего не подославъ подъ голову. Дутловъ сталъ молиться, потомъ посмотрѣлъ на Илюшкину бабу, покачалъ головой, потушилъ лучину, еще рыгнулъ, полѣзъ на печку и легъ рядомъ съ мальчикомъ внучкомъ. Въ темнотѣ, покидалъ онъ сверху лапти, и легъ на спину, глядя на переметъ надъ печкой, чуть видѣвшійся надъ его головой, и прислушиваясь къ тараканамъ, шуршавшимъ по стѣнѣ, ко вздохамъ, храпѣнью, чесанью нога объ ногу и къ звукамъ скотины на дворѣ. Ему долго не спалось; взошелъ мѣсяцъ, свѣтлѣе стало въ избѣ, ему видно стало въ углу Аксиныю и что-то чего онъ разобрать не могъ: армякъ ли сынъ забылъ, или кадушку бабы поставили, или стоитъ кто-то. Задремалъ онъ или нѣтъ, но только онъ сталъ опять вглядываться... Видно, тотъ мрачный духъ, который навелъ Ильича на страшное дѣло и котораго близость чувствовали дворовые въ эту ночь, видно этотъ духъ досталъ крыломъ и до деревни, до избы Дутлова, гдѣ лежали тѣ деньги, которыя онъ употребилъ на пагубу Ильича. По крайней мѣрѣ, Дутловъ чувствовалъ его тутъ, и Дутлову было не по себѣ. Ни спать, ни встать. Увидѣвъ что-то, чего не могъ онъ опредѣлить, онъ вспомнилъ Илюху съ связанными руками, вспомнилъ лицо Аксиныи и ея складное причитанье, вспомнилъ Ильича съ качающимися кистями рукъ. Вдругъ старику показалось, что кто-то прошелъ мимо окна. «Что это, или ужъ староста повѣщать идетъ?» подумалъ онъ. «Какъ это онъ отперъ?» подумалъ старикъ, слыша шаги въ сѣняхъ: «или старуха не заложила, какъ выходила въ сѣнцы?» Собака завyla на задворкѣ, а онъ шелъ по сѣнямъ, какъ потомъ рассказывалъ старикъ, какъ будто искалъ двери, прошелъ мимо, сталъ опять ошупывать по стѣнѣ, споткнулся на кадушку, и она загремѣла. И опять онъ сталъ ошупывать, точно скобку искалъ. Вотъ взялся за скобку. У старика дрожь пробѣжала по тѣлу. Вотъ дернулъ за скоб-

ку и вошелъ въ человѣческомъ образѣ. Дутловъ зналъ уже, что это былъ онъ. Онъ хотѣлъ сотворить крестъ, но не могъ. Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежала скатерть, сдернулъ ее, бросилъ на полъ и полѣзъ на печь. Старикъ узналъ, что онъ былъ въ Ильичовомъ образѣ. Онъ оскалился, руки болтались. Онъ взлѣзъ на печку, навалился прямо на старика, и началъ душить.

— Мои деньги выговорилъ, Ильичъ. — Отпусти, не буду, хотѣлъ и не могъ сказать Семенъ.

Ильичъ душилъ его всею тяжестью каменной горы, напирая ему на грудь. Дутловъ зналъ, что ежели онъ прочтетъ молитву, онъ отпуститъ его, и зналъ какую надо прочесть молитву, но молитва эта не выговаривалась. Внукъ спалъ рядомъ съ нимъ. Мальчикъ закричалъ пронзительно и заплакалъ: дѣдъ придавилъ его къ стѣнѣ. Крикъ ребенка освободилъ уста старика. «Да воскреснетъ Богъ», проговорилъ Дутловъ. Онъ отпустилъ немного. «И расточатся врази...» шамкалъ Дутловъ. Онъ сошелъ съ печки. Дутловъ слышалъ какъ стукнулъ онъ обѣими ногами о полъ. Дутловъ все читалъ молитвы, которыя были ему извѣстны, читалъ всѣ подъ рядъ. Онъ пошелъ къ двери, миновалъ столъ и такъ стукнулъ дверью, что изба задрожала. Всѣ спали однако, кромѣ дѣда и внука. Дѣдъ читалъ молитвы и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, внукъ плакалъ, засыная, и жался къ дѣду. Все опять затихло. Дѣдъ лежалъ не двигаясь. Пѣтухъ прокричалъ за стѣной подъ ухомъ Дутлова. Онъ слышалъ какъ куры зашевелились, какъ молодой пѣтушокъ попробовалъ закричать вслѣдъ за старымъ, и не сумѣлъ. Что-то зашевелилось по ногамъ старика. Это была кошка: она спрыгнула на мягкія лапки съ печки на земь, и стала мяукать у двери. Дѣдъ всталъ, поднялъ окно; на улицѣ было темно, грязно; передокъ стоялъ тутъ же подъ окномъ. Онъ босикомъ, крестясь, вышелъ на дворъ къ лошадямъ: и тутъ было видно, что *жозинъ* приходилъ. Кобыла, стоявшая подъ навѣсомъ у обрѣза, запуталась ногой въ поводъ, просыпала мякину, и поднявъ ногу, закрутивъ голову, ожидала хозяина. Жеребенокъ завалился въ навозъ. Дѣдъ поднялъ его на ноги, распуталъ кобылу, заложилъ корму и пошелъ въ избу. Старуха поднялась, и зажгла лучину. «Буди ребятъ, въ городъ поѣду», и зажегши восковую свѣчку отъ образовъ, полѣзъ съ ней въ подполье. Ужъ не у одного Дутлова, а у всѣхъ сосѣдей зажглись огни, когда онъ вышелъ оттуда. Ребята встали и уже собирались. Бабы входили и выходили съ ведрами и шайбами молока. Игнатъ запрягалъ телѣгу. Второй сынъ мазалъ другую. Молодайка уже не выла, но убравшись и повязавшись платкомъ сидѣла въ избѣ на лавкѣ, ожидая времени ѣхать въ городъ проститься съ мужемъ.

Старикъ казался въ особенности строгъ. Никому онъ не сказалъ ни одного слова, надѣлъ новый кафтанъ, подпоясался, и со всѣми Ильичовыми деньгами за пазухой пошелъ къ Егору Михайловичу.

— Ты у меня копайся! крикнулъ онъ на Игната, вертѣвшаго колеса на поднятой и смазанной оси.— Сейчасъ приду. Чтобы готово было!

Прикащикъ, только что вставъ, пилъ чай, и самъ собирался въ городъ ставить рекрутъ.

— Что ты? спросилъ онъ.

— Я, Егоръ Михалычъ, малаго выкупить хочу. Ужь сдѣлайте милость. Вы намереніи говорили, что въ городѣ охотника знаете. Научите. Наше дѣло темное.

— Что жъ, передумалъ?

— Передумалъ, Егоръ Михалычъ: жалко, братинъ сынъ. Какой ни на есть, все жалко. Грѣха отъ нихъ много, отъ денегъ отъ этихъ. Ужь сдѣлай милость научи, говорилъ онъ, кланяясь въ поясъ.

Егоръ Михайловичъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, глубокомысленно и молча чмокалъ долго губами, и обсудивъ дѣло, написалъ двѣ записки, и рассказалъ, что и какъ надобно дѣлать въ городѣ.

Когда Дутловъ вернулся домой, молодайка уже уѣхала съ Игнатовъ, и чалая, брюхастая кобыла, совсѣмъ запряженная стояла подъ воротами. Онъ выломилъ хворостину изъ забора; запахнувшись, усѣлся въ ящикъ, и погналъ лошадь. Дутловъ гналъ кобылу такъ шибко, что у ней сразу пропало все брюхо, и Дутловъ уже не глядѣлъ на нее, чтобы не разжалобиться. Его мучила мысль, что онъ опоздаетъ какъ нибудь къ ставкѣ, что Илюха пойдетъ въ солдаты, и чортовы деньги останутся у него на рукахъ.

Не стану подробно описывать всѣхъ походовъ Дутлова въ это утро; скажу только, что ему особенно посчастливилось. У хозяина, которому Егоръ Михайловичъ далъ записку, былъ совсѣмъ готовый охотникъ, прожившій уже двадцать три цѣлковыхъ и уже одобренный въ палатѣ. Хозяинъ хотѣлъ взять за него чепыреста, а покупщикъ, мѣщанинъ, ходившій уже третью недѣлю, все просилъ уступить за триста. Дутловъ кончилъ дѣло съ двухъ словъ. «Триста съ четвертною возмешь», сказалъ онъ, протягивая руку, но съ такимъ выраженіемъ, что сейчасъ же было видно, что онъ готовъ еще надбавить. Хозяинъ оттягивалъ руку и продолжалъ просить чепыреста. «Не возмешь съ четвертною?» повторилъ Дутловъ, схватывая лѣвою рукой правую руку хозяина и угрожая хлопнуть по ней своею правою. «Не возмешь? Ну, Богъ съ тобой!» вдругъ проговорилъ онъ, ударивъ по рукѣ хозяина и съразмаху повернувшись отъ него всѣмъ тѣломъ. «Видно такъ и быть! Бери съ полсотней. Выправляй фитанецъ. Веди малого-то. А теперь на задатку. Двѣ красенькихъ будетъ, что ль?

И Дутловъ распоясывался и доставалъ деньги.

Хозяинъ хотя и не отнималъ руки, но все еще какъ будто бы не совсѣмъ соглашался, и не принимая задатку, выговаривалъ магарычи и угощеніе охотнику.

— Не грѣши, повторялъ Дутловъ, суя ему день-

ги,—умирать будемъ, повторялъ онъ, такимъ кроткимъ, поучительнымъ и увѣреннымъ тономъ, что хозяинъ сказалъ:—Нечего дѣлать,—еще разъ ударилъ по рукѣ и сталъ молиться Богу.—Дай Богъ часть, сказалъ онъ.

Разбудили охотника, который спалъ еще со вчерашняго перепоя, для чего-то осмотрѣли его, и пошли всѣ въ правленіе. Охотникъ былъ веселъ, требовалъ опохмѣлиться рому, на который далъ ему денегъ Дутловъ, и заработалъ только въ ту минуту, когда они стали входить въ сѣни присутствія. Долго стояли тутъ въ сѣняхъ старикъ-хозяинъ въ синей сибиркѣ и охотникъ въ коротенькомъ полушубкѣ, съ поднятыми бровями и вытаращенными глазами; долго они тутъ перешептывались, куда-то просились, кого-то искали, зачѣмъ-то передъ всякимъ пискомъ снимали шапки и кланялись, и глубокомысленно выслушивали рѣшеніе, вынесенное знакомымъ хозяину пискомъ. Уже всякая надежда окончить дѣло нынче была оставлена, и охотникъ начиналъ было опять становиться веселѣе и развязнѣе, какъ Дутловъ увидалъ Егора Михайловича, тотчасъ же вѣдѣлся въ него, и началъ просить и кланяться. Егоръ Михайловичъ помогъ такъ хорошо, что часу въ третьемъ охотника, къ великому его неудовольствію и удивленію, ввели въ присутствіе, поставили въ ставку, и съ общою почесу-то веселости, начиная отъ сторожей до предсѣдателя, раздѣли, обрили, одѣли и выпустили за двери, и черезъ пять минутъ Дутловъ отсчиталъ деньги, получилъ квитанцію, и простившись съ хозяиномъ и охотникомъ, пошелъ на квартиру къ купцу, гдѣ стояли рекруты изъ Покровскаго. Илья съ молодайкой сидѣли въ углу купцовой кухни; и какъ только вошелъ старикъ, они перестали говорить и уставились на него съ покорнымъ и недоброжелательнымъ выраженіемъ. Какъ всегда, старикъ помолился Богу, распоясался, досталъ какую-то бумагу и позвалъ въ избу старшаго сына Игната и Илюшкину мать, которая была на дворѣ.

— Ты не грѣши, Илюха, сказалъ онъ, подходя къ племяннику. — Вечоръ ты мнѣ такое слово сказалъ... Развѣ я тебя не жалѣю? Я помню, какъ мнѣ тебя братъ приказывалъ. Кабы была моя сила, развѣ я тебя бы отдалъ? Богъ далъ счастья, я не пожалѣлъ. Вотъ она бумага-то, сказалъ онъ, кладя квитанцію на столъ, и бережно расправляя ее кривыми, не разгибающимися пальцами.

Въ избу вошли со двора, всѣ покровскіе мужики, купцовы работники, и даже посторонній народъ. Всѣ догадывались въ чемъ дѣло; но никто не прерывалъ торжественной рѣчи старика.

— Вотъ она бумажка-то! Чепыреста цѣлковыхъ отдалъ. Не кори дядю.

Илюха всталъ, но молчалъ, не зная, что сказать. Губы его вздрагивали отъ волненія; старуха мать подошла было къ нему, всхлипывая, и хотѣла броситься ему на шею; но старикъ медленно и повелительно отвелъ ее рукою и продолжалъ говорить:

— Ты мнѣ вчера одно слово сказалъ, повто-

рилъ еще разъ старикъ,—ты меня этимъ словомъ какъ ножомъ въ сердце пырнулъ. Твой отецъ мнѣ тебя умираючи приказывалъ, ты мнѣ замѣсто сына роднаго былъ, а коли я тебя чѣмъ обидѣлъ, всѣ мы въ грѣхѣ живемъ. Такъ ли православные? обратился онъ къ стоявшимъ вокругъ мужикамъ.— Вотъ и матушка твоя родная тутъ, и хозяйка молодая, вотъ вамъ фитанецъ. Богъ съ ними, съ деньгами! А меня простите, Христа-ради.

И онъ, заворотивъ полу армяка, медленно опустился на колѣни и поклонился въ ноги Илюшкѣ и его хозяйкѣ. Напрасно удерживали его молодые: не прежде какъ дотронувшись головою до земли, онъ всталъ, и отряхнувшись, сѣлъ на лавку. Илюшкина мать и молодайка были отъ радости; въ толпѣ слышались голоса одобренія. «По правдѣ, по Божьему, такъ-то,» говорилъ одинъ. «Что деньги? За деньги малаго не купишь,» говорилъ другой. «Радость то какая, говорилъ третій: «справедливый человекъ, одно слово». Только мужики, назначенные въ рекруты, ничего не говорили, и неслышно вышли на дворъ.

Черезъ два часа двѣ телѣги Дутловыхъ выѣзжали изъ предмѣстья города. Въ первой, запряженной чалою кобылой, съ подведеннымъ животомъ и потною шеей, сидѣлъ старикъ и Игнатъ. Въ задкѣ тряслись связки котелокъ и калачи. Во второй телѣгѣ, которую никто не правилъ, степенно и счастливо сидѣли молодайка съ свекровью обвязанные платочками. Молодайка держала подъ занавѣской штофчикъ. Илюшка, скорчившись задомъ къ лошади, съ раскраснѣвшимся лицомъ, тресся на передкѣ, закусывая калачомъ и не переставая разговаривать. И голоса, и громъ телѣгъ по мостовой, и пофыркиванье лошадей, все сливалось въ одинъ веселый звукъ. Лошади, помахивая хвостами, все прибавляли рыси, чуя направленье къ дому. Прохожіе и проѣзжіе невольно оглядывались на веселую семью.

На самомъ выѣздѣ изъ города, Дутловы стали обгонять партію рекрутовъ. Группа рекрутовъ стояла кружкомъ около питейнаго дома. Одинъ рекрутъ, съ тѣмъ неестественнымъ выраженіемъ, которое даетъ человѣку бритый лобъ, сдвинувъ на затылокъ сѣрую фуражку, бойко трепалъ въ баладайку; другой, безъ шапки, со штофомъ водки въ одной рукѣ, плясалъ въ серединѣ кружка. Игнатъ остановилъ лошадь и слѣзъ, чтобы закрутить тяжъ. Всѣ Дутловы стали смотрѣть, съ любопытствомъ, одобреніемъ и веселостью, на плясавшаго человѣка. Рекрутъ, казалось, не видалъ никого, но чувствовалъ, что дивившаяся на него публика все увеличивалась, и это придавало ему силы и ловкости. Рекрутъ плясалъ бойко. Брови его были нахмурены, румяное лицо его было неподвижно; ротъ остановился на улыбкѣ уже давно потерявшей выраженіе. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы какъ можно быстрѣй становать одну ногу за другой то на каблукъ, то на носокъ. Иногда онъ вдругъ останавливался, под-

мигивалъ балалаечнику, и тотъ еще бойчѣе начиналъ дребежжать всѣми струнами и даже постукивать по крышкѣ костяжками пальцевъ. Рекрутъ останавливался, но и оставаясь неподвижнымъ, онъ все, казалось, плясалъ. Вдругъ онъ начиналъ медленно двигаться, потряхивая плечами, и вдругъ взвивался кверху, съ разлету садился на корточки, и съ дикимъ визгомъ пускался въ присядку. Мальчишки смѣялись, женщины покачивали головою, мужчины одобрительно улыбались. Старый унтеръ-офицеръ спокойно стоялъ подлѣ пляшущаго, съ видомъ говорившимъ: «вамъ это въ диковинку, а намъ ужъ все это коротко знакомо.» Балалаечникъ видимо усталъ, лѣнливо оглянулся, сдѣлавъ какой-то фальшивый аккордъ, и вдругъ стукнулъ пальцами о крышку, и пляска кончилась.

— Эй! Алеха! сказалъ балалаечникъ плясавшему, указывая на Дутлова:—вонъ крестный-то!

— Гдѣ? Другъ ты мой любезный! закричалъ Алеха, тотъ самый рекрутъ, котораго купилъ Дутловъ,—и, усталыми ногами падая напередъ,—и подымая надъ головою штофъ водки, подвинулся къ телѣгѣ.

— Мишка! Стаканъ! закричалъ онъ.—Хозяинъ! Другъ ты мой любезный! Вотъ радость-то, право!, вскричалъ онъ, заваливаясь пьяной головою въ телѣгу, и началъ угощать мужиковъ и бабъ водкой. Мужики выпили, бабы отказывались.

— Родные вы мои, чѣмъ мнѣ васъ одарить? восклицалъ Алеха, обнимая старухъ.

Торговка съ закусками стояла въ толпѣ, Алеха увидалъ ее, выхватилъ у ней лотокъ, и весь высыпалъ въ телѣгу.

— Небось, заплачу-у-у, чортъ, завопилъ онъ плачущимъ голосомъ, и тутъ же, вытащивъ изъ шароваръ кисетъ съ деньгами, бросивъ его Мишкѣ.

Онъ стоялъ облокотившись на телѣгу, и влажными глазами смотрѣлъ на сидѣвшихъ въ ней.

— Матушка-то которая? спросилъ онъ:—Ты что ль? И ей пожертвую.

Онъ задумался на мгновенье и полѣзъ въ карманъ, досталъ новый сложенный платокъ, полотенце, которымъ онъ былъ подпоясанъ подъ шинелью, торопливо снялъ съ шеѣ красный платокъ, скомкалъ все, и сунулъ въ колѣни старухѣ.

— На тебѣ, жертвую, сказалъ онъ голосомъ, который становился все тише и тише.

— Зачѣмъ? Спасибо родной! Вишь простой малый какой, говорила старуха, обращаясь къ старику Дутлову подошедшему къ ихъ телѣгѣ.

Алеха совсѣмъ замолкъ, и осовѣлый, какъ будто засыпая, поникалъ все ниже и ниже головой.

— За васъ иду, за васъ погибаю! проговорилъ онъ.—За то васъ и дарую.

— Я чай тоже матушка есть, сказалъ кто-то изъ толпы:—Простой малый какой! Бѣда!

Алеха поднялъ голову:—Матушка есть, сказалъ онъ. Батюшка родимый есть. Всѣ меня отрѣшилися. Слушай ты, старая, прибавилъ онъ, хватая Илюш-

кину старуху за руку. — Я тебя одарилъ. Послушай ты меня, ради Христа. Ступай ты въ село Водное; спроси ты тамъ старуху Никонову, она самая моя матушка родимая, чуешь, и стажи ты старухъ этой самой, Никоновой старухъ, съ краю третья изба, колодезь новый.... скажи ты ей, что Алеха, сынъ твой.... значить... Музыканъ! Валяй! крикнулъ онъ.

И опять сталъ плясать, приговаривая, и швырнулъ объ землю штофъ съ оставшеюся водкой.

Игнатъ взлѣзъ на телѣгу и хотѣлъ тронуть. — Прощай, дай Богъ тебѣ!... проговорила старуха, запахивая шубу.

Алеха вдругъ остановился. — Поѣзжайте вы къ дьяволу, закричалъ онъ, угрожая стиснутыми кулаками. — Чтобъ твоей матери....

— Охъ, Господи! проговорила крестясь Илюшкина мать.

Игнатъ тронулъ кобылу, и телѣги снова застучали. Алексѣй рекрутъ стоялъ по срединѣ дороги,

и стиснувъ кулаки, съ выраженіемъ ярости на лицѣ, ругалъ мужиковъ что было мочи.

— Что стали? Пошелъ! Дьяволъ, людоѣды! кричалъ онъ. — Не уйдешь моей руки! Черти! Лапотники!...

Съ этимъ словомъ голосъ его оборвался, и онъ, какъ стоялъ, со всѣхъ ногъ, ударился о землю.

Скоро Дутловы выѣхали въ поле и оглядываясь, уже не видали толпы рекрутъ. Проѣхавъ верстъ пять шагомъ, Игнатъ слѣзъ съ отцовской телѣги, на которой заснулъ старикъ, и пошелъ рядомъ съ Илюшкиной.

Вдвоемъ вышли они штофчикъ взятый изъ города. Немного погодя, Илья запѣлъ пѣсню, бабы подтянули ему. Игнатъ весело прикрикивалъ въ ладъ пѣсни. Быстро на встрѣчу промчалась веселая перекладная. Ямщикъ бойко крикнулъ на лошадей, поравнявшись съ двумя веселыми телѣгами; почталіонъ оглянулся, и подмигнулъ на красныя лица мужиковъ и бабъ, съ веселою пѣсней тряспшихся въ телѣгѣ.

ПЕДАГОГІЧЕСКІЯ СТАТЬИ

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОБРАЗОВАНИЯ

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Народное образованіе всегда и вездѣ представляло и представляет одно, непонятное для меня, явленіе. Народъ хочетъ образованія и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію. Болѣе образованный классъ людей—общества, правительства—стремится передать свои знанія и образовать менѣе образованный классъ народа. Казалось такое совпаденіе потребностей должно было бы удовлетворить какъ образовывающій, такъ и образовывающійся классъ. Но выходитъ наоборотъ. Народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство, какъ представители болѣе образованнаго сословія, и усилія эти большею частью остаются безуспѣшными. Не говоря о школахъ древности—Индіи, Египта, древней Греціи, и даже Рима, устройство которыхъ намъ также мало извѣстно, какъ и народное воззрѣніе на эти учрежденія, явленіе это поражаетъ насъ въ европейскихъ школахъ со временъ Лютера до нашего времени.

Германія, родоначальница школы, почти 200-лѣтней борьбой, не успѣла еще покорить противодѣйствія народа школѣ. Несмотря ни на назначенія заслуженныхъ солдатъ-инвалидовъ въ учителя Фридрихами, не смотря на строгость закона 200 лѣтъ существовавшаго, несмотря на приготовленіе учителей самаго новаго фасона въ семинаріяхъ, несмотря на все чувство покорности закону нѣмца, принудительность школы еще до сей поры всею силою тяготѣетъ надъ народомъ; нѣмецкія правительства не рѣшаются уничтожить законъ обязательности школѣ. Германія можетъ гордиться только образованіемъ народа по статистическимъ свѣдѣніямъ, народъ же по прежнему, большею частью, выноситъ изъ школы только отвращеніе къ школѣ. Франція, не смотря на переходы образованія изъ рукъ короля къ директоріи и изъ рукъ директоріи въ руки духовенства, такъ же мало успѣла въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и Германія, еще меньше, говорятъ историки образованія, судящіе по официальнымъ отчетамъ. Во Франціи серьезные государственные мужи пред-

лагаютъ еще теперь, какъ единственное средство побѣдить противодѣйствіе народа—введеніе закона принужденія. Въ свободной Англіи, гдѣ не могло и не можетъ быть мысли введенія такого закона—о чемъ многіе однако соболѣзнуютъ, не правительство, а общество всѣми возможными средствами боролось и борется по сіе время съ еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, выражающимся противодѣйствіемъ народа школамъ. Школы вводятся тамъ отчасти правительствомъ, отчасти частными обществами. Громадное распространеніе и дѣятельность этихъ религіозно-филантропически-образовательныхъ обществъ въ Англіи лучше всего доказываютъ ту силу отпора, которую встрѣчаетъ тамъ образовывающая часть народа. Даже новое государство, Сѣверо-Американскіе Штаты, не обошло этой трудности и сдѣлало образованіе полупринудительнымъ. Что и говорить о нашемъ отечествѣ, гдѣ народъ еще большею частью озлобленъ противъ мысли о школѣ, гдѣ образованныѣйшіе люди мечтаютъ о введеніи нѣмецкаго закона школьнаго принужденія и гдѣ всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подъ условіемъ приманки чина и вытекающихъ изъ него выгодъ. До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу, а родителей, строгостью закона, или хитростью—представленіемъ выгодъ, заставляютъ посылать своихъ дѣтей въ школу; а народъ самъ собой вездѣ учится и считаетъ образованіе благомъ.

Что-жъ это такое? Потребность образованія лежитъ въ каждомъ человѣкѣ; народъ любитъ и ищетъ образованія, какъ любитъ и ищетъ воздуха для дыханія. Правительство и общество сгораютъ желаніемъ образовать народъ и, несмотря на все насиліе, хитрости и упорство правительствъ и обществъ, народъ постоянно заявляетъ свое недовольство предлагаемымъ ему образованіемъ и, шагъ за шагомъ, сдается только силѣ.

Какъ при каждомъ столкновеніи, такъ и при этомъ, нужно было рѣшить вопросъ: что болѣе законно, противодѣйствіе, или самое дѣйствіе; нужно ли сломить противодѣйствіе, или измѣнить дѣйствіе?

До сихъ поръ, сколько можно было видѣть изъ исторіи, вопросъ былъ рѣшаемъ въ пользу правительства и образовывающаго общества. Противодѣйствіе признавалось незаконнымъ, въ немъ видѣлось начало зла присущее человѣчеству и, не отступая отъ своего образа дѣйствія, т. е. не отступая отъ той формы и отъ того содержанія образованія, которымъ владѣло общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтоженія противодѣйствія народа. Народъ медленно и неохотно до сихъ поръ покорялся этому дѣйствію.

Должно быть образовывающее общество имѣло какія-нибудь основанія для того, чтобы знать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху.

Какія же эти основанія? Какія имѣетъ основанія школа нашего времени учить тому, а не этому, учить такъ, а не иначе?

Всегда и во всѣ вѣка человѣчество пыталось дать и давало болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, и въ наше время отвѣтъ этотъ еще болѣе необходимъ, чѣмъ когда-нибудь. Китайскому мандарину, не выѣзжавшему изъ Пекина, можно заставлятъ заучивать изреченія Конфуція и палками вбивать въ дѣтей эти изреченія. Можно было это дѣлать и въ средніе вѣка, но гдѣ же взять въ наше время ту силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которая бы могла намъ дать право насильно образовывать народъ. Возьмите какую угодно средневѣковую школу, до, или послѣ Лютера, возьмите всю ученую литературу среднихъ вѣковъ, — какая сила вѣры и твердо несомнѣннаго знанія того, что истинно и что ложно, видна въ этихъ людяхъ! Имъ легко было знать, что греческій языкъ единственное, необходимое условіе образованія, потому что на этомъ языкѣ былъ Аристотель, въ истинѣ положеній котораго никто не усомнился нѣсколько вѣковъ послѣ. Какъ было монахамъ не требовать изученія Священнаго Писанія, стоявшаго на неизблѣнныхъ основаніяхъ. Хорошо было Лютеру требовать непремѣннаго изученія еврейскаго языка, когда онъ твердо зналъ, что на этомъ языкѣ самъ Богъ открылъ истину людямъ. Понятно, что когда критическій смыслъ человѣчества еще не пробуждался, школа должна была быть догматическая; что естественно было ученикамъ заучивать наизусть истины открытыя Аристотелемъ, и поэтическія красоты Виргилія и Цицерона. Ни истины, болѣе истинной, ни красоты, болѣе красивой, никто, нѣсколько вѣковъ послѣ, не могъ себѣ представить. Но какое положеніе школы нашего времени, оставшейся на тѣхъ же догматическихъ принципахъ, когда рядомъ съ классомъ заучиванія истины о безсмертіи души, ученику стараются дать уразумѣть, что нервы, общіе человѣку и лягушкѣ, суть то, что называли прежде душою; когда послѣ исторіи Иисуса Навина, переданной ему безъ объясненій, онъ узнаетъ, что солнце никогда не ходи-

ло вокругъ земли; когда послѣ объясненія красоты Виргилія, онъ находитъ красоты Александра Дюма, проданныя ему за пять сантимовъ, гораздо большими; когда единственная вѣра учителя состоитъ въ томъ, что ничего нѣтъ истиннаго, что все, что существуетъ, то разумно, что прогрессъ есть добро и отсталость — зло; когда никто не знаетъ, въ чемъ состоитъ эта всеобщая вѣра прогресса.

Сравните послѣ всего этого догматическую школу среднихъ вѣковъ, въ которыхъ истины несомнѣнны, и нашу школу, въ которой никто не знаетъ, что есть истина, и въ которыя все-таки насильно ученика заставляютъ ходить, а родителей посылать своихъ дѣтей. Мало того, легко было средневѣковой школѣ знать чему учить, чему учить прежде и чему учить послѣ и какъ учить, когда метода была только одна и когда вся наука сосредоточивалась въ Библии, книгахъ Августина и Аристотеля. Но каково намъ при безконечномъ разнообразіи, предлагаемыхъ со всѣхъ сторонъ, методовъ обученія, при огромномъ количествѣ наукъ и ихъ подраздѣленій, сложившихся въ наше время, каково намъ — выбрать одинъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ методовъ, выбрать извѣстную отрасль наукъ и выбрать, что труднѣе всего, ту послѣдовательность въ преподаваніи этихъ наукъ, которая была бы разумна и справедлива. Мало и этого. Отысканіе этихъ основаній въ наше время представляется болѣе труднымъ, въ сравненіи съ средневѣковой школой, еще и потому, что тогда образованіе ограничивалось однимъ извѣстнымъ классомъ, готовившимся жить въ однихъ опредѣленныхъ условіяхъ; въ наше же время, когда весь народъ заявилъ свои права на образованіе — знать то, что нужно для всѣхъ этихъ разнородныхъ классовъ, представляется намъ еще болѣе труднымъ и еще болѣе необходимымъ.

Какія же эти основанія? Спросите какого хотите педагога, почему онъ учить такъ и именно тому, а не этому, и тому прежде, а не послѣ. И ежели онъ пойметъ васъ, то отвѣтитъ: потому, что онъ знаетъ истину, открытую Богомъ и считаетъ своею обязанностью передать ее молодому поколѣнію, воспитать его въ тѣхъ принципахъ, которые несомнѣнно истинны; о предметахъ же нерелигіознаго образованія онъ не дастъ вамъ отвѣта. Другой педагогъ объяснитъ вамъ основанія своей школы вѣчными законами разума, изложенными у Фихте, Канта и Гегеля; третій оснуетъ свое право принужденія ученика на томъ, что всегда такъ было, что всѣ школы были принудительны и что, несмотря на то, результаты этихъ школъ — настоящее образованіе; четвертый, наконецъ, соединивъ всѣ эти основанія вмѣстѣ, скажетъ, что школа должна быть такою, какою она есть, ибо таковою выработала ее религія, философія и опытъ, и что то, что исторично, то разумно. Всѣ эти доводы, включающіе въ себѣ всѣ другіе возможные доводы, мнѣ кажется, могутъ быть раздѣлены на че-

тыре отдѣла: *религіозные, философскіе, опытные и историческіе.*

Образованіе, имѣющее своею основою религію, т. е. Божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу и насиліе въ этомъ, но только въ этомъ случаѣ, законно. Такъ до сихъ поръ и дѣлаютъ миссіонеры въ Африкѣ и Китаѣ. Такъ поступаютъ до сихъ поръ въ школахъ всего міра, относительно преподаванія религій: католической, протестантской, еврейской, магометанской и т. д. Но въ наше время, когда образованіе религіозное составляетъ только малую часть образованія, вопросъ о томъ, какое имѣетъ основаніе школа принуждать учиться молодое поколѣніе, извѣстнымъ образомъ, остается нерѣшеннымъ съ религіозной точки зрѣнія.

Отвѣтъ можетъ быть найденъ въ философіи. Имѣетъ ли философія столь же твердыя основанія какъ и религія? Какія эти основанія? Кѣмъ, какъ и когда выражены эти основанія? Мы ихъ не знаемъ. Всѣ философы отыскиваютъ законы добра и зла; отыскавъ эти законы, они, касаясь педагогики (всѣ не могли не касаться педагогики), заставляютъ образовывать родъ человѣчскій по этимъ законамъ. Но каждая изъ этихъ теорій, въ ряду другихъ теорій, является не полной и вноситъ только новое звѣно въ сознаніе добра и зла, лежащее въ человѣчествѣ.

Всякій мыслитель выражаетъ только то, что соизнано его эпохой и потому образованіе молодого поколѣнія, въ смыслѣ этого сознанія, совершенно излишнее,—сознаніе это уже присуще живущему поколѣнію.

Всѣ педагогически-философскія теоріи имѣютъ цѣлю и задачею образованіе добродѣтельныхъ людей. Понятіе же добродѣтели остается или все то же, или безконечно развивается и, не смотря на всѣ теоріи, упадокъ и процвѣтаніе добродѣтели не зависятъ отъ образованія. Добродѣтельный китаецъ, добродѣтельный грекъ, римлянинъ и французъ нашего времени, или одинаково добродѣтельны, или всѣ одинаково далеки отъ добродѣтели. Философскія теоріи педагогики разрѣшаютъ вопросъ о томъ, какъ воспитать наилучшаго человѣка по извѣстной теоріи этики, выработанной въ то или другое время и признающей несомнѣнной. Платонъ не сомнѣвается въ истинахъ своей этики и на основаніи ея строитъ свое воспитаніе, а на воспитаніи—свое государство. Шлеермахеръ говоритъ, что этика еще наука незаконченная и потому воспитаніе и образованіе должны имѣть цѣлюю приготавливать такихъ людей, которые бы способны были вступить въ тѣ условія, которыя они находятъ въ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ способны были бы съ силою работать надъ представляющимися усовершенствованіями. Образованіе вообще, говоритъ Шлеермахеръ, имѣетъ цѣлюю передать готоваго члена государству, церкви, общественной жизни и знанію. Только одна этика, хотя

неоконченная наука, даетъ отвѣтъ на то, какимъ членомъ этихъ 4-хъ элементовъ жизни долженъ быть воспитанный человѣкъ. Какъ Платонъ, такъ и всѣ педагогики-философы, задачу и цѣль образованія ищутъ въ этикѣ, одни—признавая ее извѣстною, другіе—признавая ее вѣчнымъ выработывающимся сознаніемъ человѣчества; но на вопросъ: чему и какъ должно учить народъ? ни одна теорія не даетъ положительнаго отвѣта. Одинъ говоритъ одно, другой другое и чѣмъ дальше, тѣмъ разнорѣчивѣе становятся ихъ положенія. Являются одновременно различныя теоріи, противоположныя одна другой. Богословское направленіе борется съ схоластическимъ, схоластическое съ классическимъ, классическое съ реальнымъ, и въ настоящее время всѣ эти направленія существуютъ, не побораю одно другаго, и никто не знаетъ, что ложь, что правда. Являются тысячи различныхъ, самыхъ странныхъ, ни на чемъ не основанныхъ теорій, какъ Руссо, Песталоцци, Фрѣбель и т. д., являются всѣ существующія школы рядомъ—реальныя, классическія и богословскія учрежденія. Всѣ недовольны тѣмъ, что существуетъ и не знаютъ, что новое именно нужно и возможно.

Прослѣдивъ ходъ исторіи философіи педагогики, вы найдете въ ней не критеріумъ образованія, но напротивъ одну общую мысль безсознательно лежащую въ основаніи всѣхъ педагоговъ, не смотря на ихъ частое между собою разногласіе, мысль, убѣждающую насъ въ отсутствіи этого критеріума. Всѣ они, начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному—освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготящихся надъ нею, хотятъ угадать то, что нужно человѣку и на этихъ, болѣе или менѣе, вѣрно угаданныхъ потребностяхъ строить свою новую школу. Лютеръ заставляетъ учить въ подлинникѣ священное писаніе, а не по комментаріямъ святыхъ отцевъ. Бэконъ заставляетъ изучать природу изъ самой природы, а не изъ книгъ Аристотеля. Руссо хочетъ учить жизни изъ самой жизни, какъ онъ ее понимаетъ, а не изъ прежде бывшихъ опытовъ. Каждый шагъ философіи педагогики впередъ состоитъ только въ томъ, чтобы освободить школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукою, къ мысли обученія тому, что лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Одна эта общая, и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчащая сама себѣ, мысль чувствуется во всей исторіи педагогики;—общая потому, что всѣ требуютъ большей мѣры свободы школъ, противорѣчащая потому, что каждый предписываетъ законы, основанные на своей теоріи, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ свободу.

Опытъ существовавшихъ и существующихъ школъ?.. Но какъ же можетъ этотъ опытъ доказать намъ справедливость существующаго метода принудительнаго образованія? Мы не можемъ знать, нѣтъ ли другаго болѣе законнаго метода, такъ какъ школы до сей поры не были еще свободны. Правда, мы видимъ на высшей ступени образованія (уни-

верситеты, публичныя лекціи), что образованіе стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе свободнымъ. Но это только предположеніе. Можетъ быть образованіе на низшихъ ступеняхъ должно всегда оставаться принудительнымъ и опытъ доказалъ намъ, что такія школы хороши? Посмотримъ же на эти школы, не справляясь съ статистическими таблицами образованія въ Германіи, а постараемся узнать школы и ихъ вліяніе на народъ въ дѣйствительности. Мнѣ дѣйствительность показала слѣдующее: Отецъ посылаетъ дочь или сына въ школу противъ своего желанія, кляня учрежденіе, лишаящее его работы сына, и считая дни до того времени, какъ сынъ сдѣлается *schulfrei* (одно это выраженіе доказываетъ, какъ смотритъ народъ на школы). Ребенокъ идетъ въ школу съ убѣжденіемъ, что единственно извѣстная ему власть отца, не одобряетъ власти правительства, которой онъ покоряется, поступая въ школу.—Извѣстія, которыя онъ получаетъ отъ старшихъ товарищей, бывшихъ уже въ этомъ заведеніи, не должны прибавить ему охоты къ поступленію. Школы представляются ему учрежденіемъ, для мученія дѣтей, — учрежденіемъ, въ которомъ лишаютъ ихъ главнаго удовольствія и потребности дѣтскаго возраста—свободнаго движенія, гдѣ *Gehorsam* (послушаніе) и *Ruhe* (спокойствіе)—главныя условія, гдѣ даже для того, чтобы пойти на часъ, ему нужно особое позволеніе, гдѣ каждый проступокъ наказывается линейкой, той же палкой, хотя въ официальномъ мірѣ значитъ уничтоженіе тѣлеснаго наказанія линейкой, или продолженіемъ для ребенка жестокаго положенія ученія. Школа справедливо представляется ребенку учрежденіемъ, гдѣ его учатъ тому, чего никто не понимаетъ, гдѣ его—большею частію—заставляютъ говорить не на своемъ родномъ: *patois*, *Mundart*, а на чужомъ языкѣ, гдѣ учитель большею частію видитъ въ ученикахъ своихъ прирожденныхъ враговъ, по своей злобѣ и злобѣ родителей, не желающихъ выучить того, что онъ самъ выучилъ, и гдѣ ученики наоборотъ смотрятъ на учителя, какъ на врага, который только по личной злобѣ заставляеть ихъ учить столь трудныя вещи. Въ такомъ заведеніи они обязаны пробыть лѣтъ шесть и часовъ по-шести каждый день. Каковы должны быть результаты, мы видимъ по тому, какіе они есть, опять судя не по отчетамъ, а по дѣйствительнымъ фактамъ. Въ Германіи $\frac{9}{10}$ школьнаго народнаго населенія выносятъ изъ школы механическое умѣніе читать и писать и столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ ими путямъ науки, что они въ послѣдствіи уже не берутъ книги въ руки. Пусть тѣ, которые не согласны со мною, укажутъ мнѣ на книги, читаемыя народомъ; даже баденскій Гебель, даже календари и народныя газеты читаются, какъ рѣдкія исключенія. Не опровержимымъ доказательствомъ того, что въ народѣ нѣтъ образованія, служитъ то, что нѣтъ народной литературы и главное, что десятое поколѣніе нужно посылать также насильно

въ школу, какъ и первое. Мало того, что такая школа поражаетъ отвращеніе къ образованію, она приучаетъ въ эти шесть лѣтъ къ лицемѣрію и обману, вытекающимъ изъ противуестественнаго положенія, въ которое поставлены ученики, и къ тому положенію путаницы и сбивчивости понятія, которое называется грамотностію. Въ моихъ путешествіяхъ по Франціи, Германіи и Швейцаріи для узнанія свѣдѣній школьниковъ, ихъ воззрѣнія на школу и ихъ моральнаго развитія, я въ первоначальныхъ школахъ и бывшимъ школьникамъ въѣ школъ предлагалъ слѣдующіе вопросы: какой главный городъ въ Пруссіи или Баваріи сколько было сыновей у Іакова и исторію Іосифа?—Въ школахъ еще иногда отвѣчали мнѣ тирады наизусть изъ книги, но окончившіе курсъ—никогда. Не наизусть почти никогда и не могъ добиться отвѣта. Въ математикѣ я не находилъ общаго правила—иногда хорошо, иногда очень дурно. Потомъ я задавалъ сочиненіе на вопросъ, что дѣлали школьники въ предъидущее воскресенье? и всегда, безъ исключенія, дѣвочки и мальчики писали одно, что они въ воскресенье пользовались всѣми возможными случаями, чтобы молиться Богу, но не играли. Это какъ образецъ нравственнаго вліянія школы. На вопросъ у взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, почему они не учатся послѣ школы, не почитаютъ того или другаго, всѣ отвѣчали, что они уже совершили обрядъ конфирмаціи, выдержали карантинъ школы и получили дипломъ на извѣстную степень образованія—грамотности.

Кромѣ того одуряющаго вліянія школы, для котораго нѣмцы придумали такое вѣрное названіе «*verdummen*», состоящаго собственно въ продолжительномъ искаженіи умственныхъ способностей, есть другое еще болѣе вредное вліяніе, состоящее въ томъ, что ребенокъ въ продолженіи ежедневныхъ долгихъ часовъ занятій, одуряемый школьною жизнью, оторванъ на все это, самое драгоценное по возрасту время, отъ тѣхъ необходимыхъ условій развитія, которыя поставила для него сама природа. Весьма обыкновенно слышать и читать мнѣ, что домашнія условія, грубость родителей, полевая работа, деревенскія игры и т. п., суть главныя помѣхи школьному образованію — можетъ быть они точно мѣшаютъ тому школьному образованію, которое разумѣютъ педагоги, но пора убѣдиться, что всѣ эти условія суть главныя основанія всякаго образованія, что не только они не враги и не помѣхи школѣ, но первые и главные дѣятели ея. Ребенокъ никогда не могъ бы выучиться ни различію линій, составляющихъ различіе буквъ, ни числамъ, ни способности выражать свои мысли, если бы не эти домашнія условія. Отъ чего бы, кажется, эта грубая домашняя жизнь могла научить ребенка столь труднымъ вещамъ, и вдругъ эта самая домашняя жизнь не только становится несостоятельной для обученія ребенка такимъ легкимъ вещамъ, какъ чтеніе, писаніе и т. д., и даже становится вредной для этого обу-

ченія? Лучшимъ доказательствомъ служить сравненіе крестьянскаго, никогда не учившагося мальчика, съ барскимъ мальчикомъ, учившимся у гувернера съ пяти лѣтъ. Преимущество ума и знаній всегда на сторонѣ перваго. Мало того, интересъ знать, что бы то ни было, и вопросы, на которые имѣть задачею отвѣчать школа, поражаются только этими домашними условіями. А всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ, на вопросъ, возбужденный жизнію. Но школа не только не возбуждаетъ вопросовъ, она даже не отвѣчаетъ на тѣ, которые возбуждены жизнію. Она постоянно отвѣчаетъ на одни и тѣ же вопросы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ поставленные человѣчествомъ, а не дѣтскимъ возрастомъ, до которыхъ еще нѣтъ дѣла ребенку. Это вопросы о томъ, какъ сотворенъ міръ? кто былъ первый человѣкъ? что было тому 2000 лѣтъ назадъ? какая земля Азія? какую имѣть форму земля? какимъ образомъ помножить сотни на тысячи? и что будетъ послѣ смерти? и т. п. На вопросы же, представляющіеся ему изъ жизни, онъ не получаетъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что, по полицейскому устройству школы, онъ не имѣетъ права открыть рта, даже для того, чтобы попроситься на дворъ, а долженъ это дѣлать знаками, чтобы не нарушить тишины и не помѣшать учителямъ. Школа же учреждается такъ потому, что цѣль правительственной школы, учрежденной свыше заключается большей частью не въ томъ, чтобы образовывать народъ, а чтобы образовывать его по нашей методѣ — чтобы главное была школа и было много школъ. Нѣтъ учителей? Сдѣлать учителей, и все-таки недостаетъ учителей! Сдѣлать такъ, чтобы одинъ учитель могъ учить 500 дѣтей, *Mecaniser l'instruction*, ланкастерскую методу, *ripilteachers*. Поэтому школы, устроенныя свыше и насильственно, не пастырь для стада, а стадо для пастыря. Школа учреждается не такъ, чтобы дѣтямъ было удобно учиться, но такъ, чтобы учителямъ было удобно учить. Учителю неудобно говорить, движеніе, веселость дѣтей, составляющіе для нихъ необходимое условіе ученія, и въ школахъ, строящихся какъ тюремныя заведенія, запрещены вопросы, разговоры и движенія. — Въмѣсто того, чтобы убѣдиться, что для того, чтобы дѣйствовать успѣшно на какой нибудь предметъ, нужно изучить его (а въ воспитаніи этотъ предметъ есть свободный ребенокъ), они хотятъ учить такъ, какъ умѣютъ, какъ вздумалось, и при неуспѣхѣ хотятъ переимѣнить не образъ ученія, а самую природу ребенка. Изъ этого понятія вытекали и теперь вытекаютъ (*Пестальцій*) такія системы, которыми бы можно было *mecaniser l'instruction* — то вѣчное стремленіе педагогики устроить дѣло такъ, чтобы какой бы ни былъ учитель и ученикъ, методъ бы былъ одинъ и тотъ же. — Стоитъ взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улицѣ, или въ школѣ, — то вы видите жизнерадостное, любознательное существо съ улыбкой въ глазахъ и въ устахъ, во всемъ ищущее поученіе,

какъ радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своимъ языкомъ, — то вы видите измученное, сжавшееся существо, съ выраженіемъ усталости, страха и скуки, повторяющее однѣми губами чужія слова на чужомъ языкѣ — существо, котораго душа, какъ улитка, спряталась въ свой домикъ. Стоитъ взглянуть на эти два состоянія, чтобы рѣшить, которое изъ двухъ болѣе выгодно для развитія ребенка. То странное психологическое состояніе, которое я назову школьнымъ состояніемъ души, которое мы всѣ, къ несчастью, такъ хорошо знаемъ, состоитъ въ томъ, что всѣ высшія способности — воображеніе, творчество, соображеніе, уступаютъ мѣсто какимъ-то другимъ полуживотнымъ способностямъ произносить звуки независимо отъ воображенія, считать числа сряду 1. 2. 3. 4. 5., воспринимать слова, не допуская воображенію подставлять подъ нихъ какіе-нибудь образы; однимъ словомъ-способность подавлять въ себѣ всѣ высшія способности для развитія только тѣхъ, которыя совпадаютъ съ школьнымъ состояніемъ — страхъ, напряженіе памяти и вниманіе. Всякій школьникъ до тѣхъ поръ составляетъ диспаратъ въ школѣ, пока онъ не попадетъ въ колею этого полживотнаго состоянія. Какъ скоро ребенокъ дошелъ до этого положенія, утратилъ всю независимость и самостоятельность, какъ только проявляются въ немъ различные симптомы болѣзни — *лицемѣріе*, безцѣльная ложь, тупикъ и т. п. такъ онъ уже не составляетъ диспаратъ въ школѣ, онъ попалъ въ колею, и учитель начинаетъ быть имъ доволенъ. Тогда тоже являются тѣ неслучайныя, но постоянно повторяющіяся явленія, что самый глупый ребенокъ дѣлается лучшимъ ученикомъ и самый умный — худшимъ ученикомъ. Кажется, этотъ фактъ довольно знаменателенъ для того, чтобы подумать объ немъ и постараться объяснить его. Мнѣ кажется, что одинъ такой фактъ служить явнымъ доказательствомъ ложности основанія принудительной школы. Мало того, кромѣ этого отрицательнаго вреда, состоящаго въ удаленіи дѣтей отъ безсознательнаго образованія, получаемаго дома, на работѣ, на улицѣ, школы эти вредны физически — для тѣла, столь нераздѣльнаго съ душою въ первомъ возрастѣ; вредъ этотъ особенно важенъ въ отношеніи однообразія школьнаго воспитанія, ежели бы даже оно было хорошо. Для земледѣльца ничѣмъ невозможно замѣнить тѣхъ условій работы, жизни въ полѣ, разговоровъ старшихъ и т. п., которые окружаютъ его; точно тоже для ремесленника, вообще для городского жителя. Не случайно, а цѣлесообразно окружила природа земледѣльца земледѣльческими условіями, горожанина — городскими. Эти условія въ высшей степени поучительны, и только въ нихъ можетъ образоваться тотъ и другой; школа же, первымъ условіемъ своего образованія, кладетъ отчужденіе отъ этихъ условій. Мало этого для школы, мало того, что она по шести часовъ въ день отрываетъ въ лучшіе года дѣтей отъ жизни, она трехъ-лѣт-

нихъ дѣтей хочетъ оторвать отъ вліянія матери. Изобрѣтены заведенія (Kleinkinderbewahranstalt, infanschools, salles d'asile), о которыхъ намъ придется говорить еще подробнѣе. Не достаетъ только изобрѣтенія паровой машины, которая бы замѣнила мать-кормилицу. Всѣ согласны, что школы несовершенны (я съ своей стороны убѣжденъ, что онѣ вредны). Всѣ согласны, что нужно много и много улучшеній. Всѣ согласны, что улучшенія эти должны основываться на большемъ удобствѣ для учениковъ. Всѣ согласны, что узнать эти удобства можно только изучивъ потребности школьнаго возраста вообще и потребности каждаго сословія въ особенности. Что же дѣлается для этого труднаго и сложнаго изученія? Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ каждая школа учреждается на образецъ другой, учрежденной на образецъ прежде бывшей, и въ каждой изъ этихъ школъ непремѣннымъ условіемъ поставлена дисциплина, воспрепятствующая дѣтямъ говорить, спрашивать, выбирать тотъ или другой предметъ ученія, однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры для лишенія учителя возможности дѣлать выводы о потребностяхъ учениковъ. Принудительное устройство школы исключаетъ возможность всякаго прогресса. А между тѣмъ, какъ подумаешь о томъ, сколько вѣковъ прошло въ отвѣчаніи дѣтямъ на тѣ вопросы, которыхъ они не думали задавать, о томъ, какъ далеко ушли нынѣшнія поколѣнія отъ той древней формы образованія, которая прививается имъ, то непонятно становится какъ еще держатся школы. Школа, намъ бы казалось, должна быть и орудіемъ образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ опытомъ надъ молодымъ поколѣніемъ, дающимъ постоянно новые выводы. Только когда опытъ будетъ основаніемъ школы, только тогда, когда каждая школа будетъ, такъ-сказать, педагогической лабораторіей, только тогда школа не отстанетъ отъ всеобщаго прогресса и опытъ будетъ въ состояніи положить твердыя основанія для науки образованія.

Но можетъ-быть исторія отвѣтитъ намъ на тщетный вопросъ нашъ: на чемъ основано право припуждать къ образованію и родителей, и учениковъ? Существующія школы, скажетъ она, выработались историческимъ путемъ, историческимъ путемъ точно также должны вырабатываться дальше и видоизмѣняться сообразно требованіямъ общества и времени; чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ школы дѣлаются лучше и лучше. — На это отвѣчу: первыхъ, что доводы исключительно философскіе, столь же односторонни и ложны, какъ и доводы исключительно историческіе. Сознаніе человѣчества составляетъ главный элементъ исторіи и потому, ежели человѣчество сознаетъ несостоятельность своихъ школъ, то этотъ фактъ сознанія уже будетъ главнымъ историческимъ фактомъ, на которомъ должно основаться устройство школы. Вторыхъ, чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ школы становятся не лучше, а хуже, — хуже относительно того уровня образованія, до котораго достигло

общество. Школа есть одна изъ тѣхъ органическихъ частей государства, которая не можетъ быть разсматриваема и оцѣняема отдѣльно, ибо достоинство ея состоитъ только въ большей или меньшей соотвѣтственности ея остальнымъ частямъ государства. Школа хороша только тогда, когда она создала тѣ основныя законы, которыми живетъ народъ. Прекрасная школа для степной русской деревни, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ своихъ учениковъ, будетъ весьма плохая школа для парижанина и самая лучшая школа XVII вѣка будетъ самой дурной школой въ наше время; и наоборотъ, самая плохая школа среднихъ вѣковъ въ свое время была бы лучше самой лучшей школы въ наше время, ибо болѣе соотвѣтствовала своему времени и стояла все-таки наравнѣ съ общимъ образованіемъ, ежели не впереди, тогда какъ наша школа стоитъ позади его. Ежели задача школы, допуская самое общее опредѣленіе, состоитъ въ передачѣ всего выработаннаго и созданнаго народомъ и въ отвѣчаніи на тѣ вопросы, которые жизнь представляетъ человѣку, то нѣтъ сомнѣнія, что въ средневѣковой школѣ и преданіи были ограниченнѣе и вопросы, представляющіеся въ жизни, были удобообразрѣшимѣе, и эта задача школы болѣе удовлетворялась. Передать преданія Греціи и Рима по недостаточнымъ и неразработаннымъ источникамъ, религіозныя догматы, грамматику и ту часть математики, которая была извѣстна, гораздо легче, чѣмъ всѣ тѣ преданія, которыя мы прожили съ тѣхъ поръ и которыя на столько же отодвинули назадъ преданія древнихъ народовъ и всѣ тѣ знанія естественныхъ наукъ, которыя необходимы въ наше время, какъ отвѣты на повседневныя явленія жизни. А между тѣмъ способъ передачи остался тотъ же, и потому школа должна была отстать и сдѣлаться не лучше, а хуже. Для того, чтобы удержать школу въ той же формѣ, въ какой она была, и не отстать отъ движенія образованія, нужно было быть послѣдовательнѣе: не только дѣлать законы принужденій для школъ, но и запретить образованію двигаться впередъ другими путями; — запретить машины, пути сообщенія и книгопечатаніе.

Сколько извѣстно изъ исторіи, только китайцы были строго логичны въ этомъ отношеніи. Попытки другихъ народовъ, стѣсненія книгопечатанія и вообще стѣсненія движенія образованія, были только временны и недостаточно послѣдовательны. И потому китайцы одни могутъ въ настоящее время гордиться школой хорошей и зполнѣ соотвѣтствующей общему уровню образованія.

Ежели намъ скажутъ, что школы историческимъ путемъ совершенствуются, мы отвѣтимъ только, что совершенствованіе школъ должно разумѣть относительно и что относительно школы, напротивъ, съ каждымъ годомъ и съ каждымъ часомъ, принужденія дѣлаются хуже и хуже, т. е. болѣе и болѣе отстаютъ отъ общаго уровня образованія, ибо движеніе ихъ впередъ не соразмѣрно

движенію образованія со времени изобрѣтенія книгопечатанія.

Въ третьихъ, на историческій доводъ, что школы существовали и потому хороши, отвѣчу также историческимъ доводомъ. Годъ тому назадъ я былъ въ Марсели и посѣтилъ всѣ учебныя заведенія для рабочаго народа этого города. Отношеніе учащихся къ населенію такъ велико, что, за малымъ исключеніемъ, всѣ дѣти ходятъ въ школу въ продолженіи трехъ, четырехъ и шести лѣтъ. Программы школъ состоятъ въ изученіи наизусть катихизиса, священной и всеобщей исторіи, четырехъ правилъ ариометики, французской орфографіи и счетоводства. Какимъ образомъ счетоводство можетъ составить предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ. Единственное объясненіе, которое я сдѣлалъ себѣ, разсмотрѣвъ какъ ведутся книги учениками, окончившими этотъ курсъ, — есть то, что они не знаютъ и трехъ правилъ ариометики, а выучили наизусть операціи съ цифрами и потому, также наизусть, должны выучить *tenue des livres*. (Кажется, нечего доказывать, что *tenue des livres*, *Buchhaltung*, преподающееся въ Германіи и въ Англіи, есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила ариометики). Ни одинъ мальчикъ въ этихъ школахъ не умѣлъ рѣшить, т. е. постановить самой простой задачи сложенія и вычитанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ отвлеченными числами они дѣлали операціи, помножая тысячи съ ловкостью и быстротой. На вопросы изъ исторіи Франціи отвѣчали наизусть хорошо, но по разбивкѣ я получилъ отвѣтъ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ. То же самое въ географіи и священной исторіи. То же самое въ орфографіи и чтеніи. Женскій полъ, больше чѣмъ на половину, не умѣетъ читать иначе, какъ по выученнымъ книгамъ. Шестъ лѣтъ школы не даютъ возможности написать слова безъ ошибки. Я знаю, что приводимые мною факты такъ невѣроятны, что многіе усумнятся; но я могъ бы написать цѣлыя книги о томъ невѣжествѣ, которое видалъ въ школахъ Франціи, Швейцаріи и Германіи. Впрочемъ, кому это дѣло близко къ сердцу, пусть тотъ, также какъ я, не по отчетамъ публичныхъ экзаменовъ, постарается изучить школы, а по продолжительнымъ посѣщеніямъ и бесѣдамъ, съ учителями и учениками въ школахъ и внѣ школъ. Видѣлъ я еще въ Марселлѣ одну свѣтскую и одну монашескую школу для взрослыхъ. Изъ 25.000 жителей меньше 1000., а только 200 мужчинъ посѣщаютъ эти школы. Преподаваніе то же самое: механическое чтеніе, котораго достигаютъ въ годъ и болѣе, счетоводство безъ знанія ариометики, духовныя поученія и т. п. Видѣлъ я послѣ свѣтской школы ежедневныя поученія въ церквахъ, видѣлъ *salles d'asile*, въ которыхъ четырехлѣтнія дѣти до свистку, какъ солдаты, дѣлаютъ эволюціи вокругъ лавокъ, по командѣ поднимаютъ и складываютъ руки и дро-

жащими, и странными голосами поютъ хвалебныя гимны Богу и своимъ благодѣтелямъ, и убѣдился, что учебныя заведенія города Марсели чрезвычайно плохи. Ежели бы кто нибудь, какимъ нибудь чудомъ, видѣлъ всѣ эти заведенія, невидавъ народа на улицахъ, мастерскихъ, въ кафѣ, въ домашней жизни, то какое бы мнѣніе онъ себѣ составилъ о народѣ, воспитываемомъ такимъ образомъ? Онъ вѣрно подумалъ бы, что это народъ невѣжественный, грубый, лицемѣрный, исполненный предразсудковъ и почти дикій. Но стоитъ войти въ сношеніе, поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ простолюдиновъ, чтобы убѣдиться, что, напротивъ, французскій народъ почти такой, какимъ онъ самъ себя считаетъ: понятливый, умный, общежительный, вольнодумный и дѣйствительно цивилизованный. Посмотрите городского работника лѣтъ тридцати, онъ уже напишетъ письмо не съ такими ошибками, какъ въ школѣ; иногда совершенно правильно онъ имѣетъ понятіе о политикѣ, слѣдовательно о новѣйшей исторіи и географіи; онъ знаетъ уже нѣсколько исторію изъ романовъ; онъ имѣетъ нѣсколько свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ. Онъ очень часто рисуетъ и прилагаетъ математическія формулы къ своему ремеслу. Гдѣ же онъ приобрѣлъ все это?

Я невольно нашелъ этотъ отвѣтъ въ Марсели, начавъ послѣ школъ бродить по улицамъ, гингедамъ, *cafés chantants*, музеумамъ, мастерскимъ, пристанямъ и книжнымъ лавкамъ. Тотъ самый мальчикъ, который отвѣчалъ мнѣ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ, зналъ очень хорошо исторію «Четырехъ мускетеровъ» и «Монте-Кристо». Въ Марсели я нашелъ 28 дешевыхъ изданій, отъ пяти до десяти сантимовъ, иллюстрированныхъ. На 250,000 жителей ихъ расходуется до 30,000—слѣдовательно, если положить, что 10 человѣкъ читаютъ и слушаютъ одинъ нумеръ, то всѣ ихъ читаютъ. Кромѣ того, — музей, публичныя бібліотеки, театры. Кафѣ, два большіе *cafés chantants*, въ которые, за потребленіе 50 центимовъ, имѣетъ право войти всякій и въ которыхъ перебивается ежедневно до 25,000 человѣкъ, не считая маленькихъ *cafés*, вмѣщающихъ столько-же, — въ каждомъ изъ этихъ кафѣ даются комедійки, сцены, декламируются стихи. Вотъ уже, по самому бѣдному разсчету, пятая часть населенія, которая изустно поучается ежедневно, какъ поучались греки и римляне въ своихъ амфитеатрахъ. Хорошо, или дурно это образованіе? это другое дѣло; но вотъ оно безсознательное образованіе во сколько разъ сильнѣйшее принудительнаго, — вотъ она безсознательная школа, подкопавшаяся подъ принудительную школу и сдѣлавшая содержаніе ея почти ничѣмъ. Осталась только одна деспотическая форма почти безъ содержанія. Я говорю почти — исключая одно механическое умѣніе складывать буквы и выводить слова, единственное знаніе, приобретаемое 5 или 6 лѣтнимъ ученіемъ. Притомъ надо замѣтить, что это самое механическое искусство читать и пи-

сать часто, въ гораздо кратчайшій срокъ, приобрѣтается внѣ школы; что весьма часто изъ школы не выносятся даже и это умѣніе и часто теряется, не находя приложенія въ жизни и что тамъ, гдѣ существуетъ обязательный законъ посѣщенія школы, учить писать, читать и считать второе поколѣніе нѣтъ никакой надобности, ибо мать и отецъ, казалось-бы, были въ состояніи сдѣлать это дома и гораздо легче, чѣмъ въ школѣ. То самое, что я видѣлъ въ Марсели, и во всѣхъ другихъ странахъ: вездѣ главная часть образованія народа приобрѣтается не изъ школы, а изъ жизни. Тамъ гдѣ жизнь поучительна, какъ въ Лондонѣ, Парижѣ и вообще большихъ городахъ, народъ образованъ, тамъ гдѣ жизнь не поучительна, какъ въ деревняхъ, народъ не образованъ, не смотря на то, что школы совершенно одинаковы, какъ тутъ такъ, и тамъ. Знанія, приобретаемыя въ городахъ, какъ будто остаются, знанія, приобретаемыя въ деревняхъ, теряются. Направленіе и духъ образованія народа, какъ въ городахъ такъ и въ деревняхъ, совершенно независимъ и большей частью противоположенъ тому духу, который желаютъ влить въ народныя школы. Образование идетъ своимъ независимымъ путемъ отъ школъ.

Историческій доводъ противъ историческаго довода состоитъ въ томъ, что разсматривая исторію образованія, мы не только не убѣдимся въ томъ, что школы развиваются соразмѣрно развитію народовъ, но убѣдимся въ томъ, что они падаютъ и дѣлаются пустою формальностью соразмѣрно развитію народовъ; что чѣмъ дальше одинъ народъ въ общемъ образованіи ушелъ впередъ, тѣмъ болѣе образованіе изъ школы перешло въ жизнь и сдѣлало содержаніе школы ничтожнымъ. Не говоря о всѣхъ другихъ средствахъ образованія, развитіи торговыхъ сношеній, путей сообщенія, болѣе степени свободы личности и участія ея въ дѣлахъ правленія, не говоря о собраніяхъ, музеумахъ, публичныхъ лекціяхъ, и т. д., стоитъ взглянуть на одно книгопечатаніе и его развитіе, чтобы понять различіе положенія прежней школы и теперешней. Образование безсознательное, жизненное, и образованіе школьное, сознательное, всегда шли и идутъ рядомъ, пополняя одно другое; но при отсутствіи книгопечатанія, какую ничтожную мѣру образованія могла давать жизнь въ сравненіи съ школой. Наука принадлежала избраннымъ, владѣющимъ средствами образованія. И посмотрите, какая доля выпадаетъ теперь жизненному образованію, когда нѣтъ человѣка, не имѣющаго книги, когда книги продаются по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ, когда публичныя бібліотеки открыты для всѣхъ, когда мальчикъ, идя въ школу, кромѣ своихъ тетрадокъ несетъ спрятанный дешевый иллюстрированный романъ, когда у насъ продаются по двѣ азбуки за 3 копейки, и степной мужикъ, сплотивъ да рядомъ, купить азбучку, попроситъ прохожаго солдата показать и выучитъ всю ту науку, которую тотъ прежде годами училъ у дьячка, когда гимназистъ

бросаетъ гимназію и самъ по книгамъ готовится и выдерживаетъ экзаменъ въ университетъ, когда молодые люди бросаютъ университетъ и, вмѣсто того чтобы готовиться по запискамъ профессоровъ, прямо работаютъ надъ источниками, когда, говоря искренно, всякое серьезное образованіе приобретается только изъ жизни, а не изъ школы.

Послѣдній и самый, по моему мнѣнію, важный доводъ состоитъ наконецъ въ томъ, что хорошо нѣмцамъ, на основаніи двухсотлѣтняго существованія школы, исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ? Какое мы имѣемъ историческое право говорить, что наши школы должны быть такія же, какія европейскія школы? Мы не имѣемъ еще исторіи народнаго образованія. Вникнувъ же во всеобщую исторію народнаго образованія, мы не только убѣдимся въ томъ, что намъ невозможно устроить на нѣмецкій образецъ семинаріи для учителей, передѣлать нѣмецкую звуковую методу, англійскія *infanschools*, французскіе лицей и школы специальностей, и этими средствами догнать Европу, но мы убѣдимся, что мы русскіе живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія, что наша школа не должна выходить, какъ въ средневѣковой Европѣ, изъ условій гражданственности, не должна служить извѣстнымъ правительственнымъ или религіознымъ цѣлямъ, не должна вырабатываться во мракѣ отсутствія контроля надъ ней общественнаго мнѣнія и отсутствія высшей степени жизненнаго образованія, не должна съ новымъ трудомъ и болями проходить и выбиваться изъ того *cercle vicieux*, который столько времени проходили европейскія школы, *cercle vicieux*, состоящій въ томъ, что школа должна была двигать безсознательное образованіе, а безсознательное образованіе двигать школу. Европейскіе народы побѣдили эту трудность, но въ борьбѣ не могли не утратить многого. Будемъ же благодарны за трудъ, которымъ мы призваны пользоваться, и потому самому не будемъ забывать, что мы призваны совершить новый трудъ на этомъ поприщѣ. На основаніи того, что прожито человѣчествомъ и того, что дѣятельность наша еще не начиналась, мы можемъ внести большее сознаніе въ нашъ трудъ и потому обязаны это сдѣлать. Для того, чтобы заимствовать приемы европейскихъ школъ, мы обязаны отличать то, что въ нихъ основано на вѣчныхъ законахъ разума, и то, что родилось только вслѣдствіе историческихъ условій. Общаго разума закона, критеріума, оправдывающаго насиліе, употребляемое школами противъ народа—нѣтъ, и потому всякое подражаніе европейской школѣ, въ отношеніи принудительности школы, будетъ шагъ не впередъ, но назадъ для нашего народа, будетъ измѣной своему призванію. Понятно, почему во Франціи сложилась дисциплинированная школа съ преобладаніемъ точныхъ наукъ—математики, геометріи и рисованія, почему въ Германіи сложилась

степенная воспитательная школа съ преобладаніемъ пѣнія и анализа, понятно, почему въ Англіи развилось это безчисленное количество обществъ, учреждающихъ филантропическія школы для пролетаріата съ ихъ строгонравственнымъ и вмѣстѣ практическимъ направленіемъ: но какая должна сложиться школа въ Россіи—намъ неизвѣстно и всегда будетъ неизвѣстно, ежели мы не оставимъ ее вырабатываться свободно и своевременно, т. е. сообразно той исторической эпохи, въ которой она должна развиваться, сообразно своей исторіи и еще болѣе всеобщей исторіи. Ежели мы убѣдимся, что народное образованіе въ Европѣ идетъ ложнымъ путемъ, то не дѣлая ничего для нашего народнаго образованія, мы сдѣлаемъ больше, чѣмъ ежели бы мы силой внесли вдругъ въ него все то, что каждому изъ насъ кажется хорошимъ.

Итакъ, малообразованный народъ хочетъ образовываться, болѣе образованный классъ хочетъ образовывать народъ, но народъ подчиняется образованію только при насиліи. Отыскивая въ философіи, опытѣ и исторіи тѣ основанія, которыя бы давали образовывающему классу на то право, мы ничего не нашли, а напротивъ убѣдились, что мысль человѣчества постоянно стремится къ освобожденію народа отъ насилія въ дѣлѣ образовыванія. Отыскивая критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить, мы ничего не нашли, кромѣ разнорѣчивѣйшихъ мнѣній и учреждений, и убѣдились, напротивъ, что чѣмъ дольше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился этотъ критеріумъ; отыскивая критеріумъ этотъ въ исторіи образованія, мы убѣдились не только въ томъ, что для насъ русскихъ исторически выработавшіяся школы не могутъ быть образцами, но что эти школы, съ каждымъ шагомъ впередъ, болѣе и болѣе отстаютъ отъ общаго уровня образованія и что потому принудительный характеръ ихъ болѣе и болѣе становится незаконнымъ и наконецъ, что въ Европѣ самое образованіе, какъ просачивающаяся вода, избрало себѣ другой путь,—обошло школы и разлилось въ жизненныхъ орудіяхъ образованія.

Что же намъ русскимъ дѣлать въ настоящую минуту? Сговориться ли всѣмъ и взять за основаніе англійскій, французскій, нѣмецкій или сѣвероамериканскій взглядъ на образованіе и какой-нибудь изъ ихъ методовъ? Или углубившись въ философію и психологію открыть, что вообще нужно для развитія души человѣка и для приготовленія изъ молодыхъ поколѣній наилучшихъ людей по нашимъ понятіямъ? Или воспользоваться опытомъ исторіи—не въ смыслъ подражанія тѣмъ формамъ, которыя выработала исторія, а въ смыслъ уразумѣнія тѣхъ законовъ, которые страданіями вырабатало человѣчество—и сказать себѣ прямо и честно, что мы не знаемъ и не можемъ знать того, что нужно будущимъ поколѣніямъ; но что мы чувствуемъ себя обязанными и хотимъ изучить эти потребности, не хотимъ обвинять въ невѣжествѣ

народъ не принимающій нашего образованія, а будемъ себя обвинять въ невѣжествѣ и гордости, ежели вздумаемъ образовывать народъ по своему. Перестанемъ же смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію, какъ на враждебный элементъ педагогики, а напротивъ будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которой одной должна руководиться наша дѣятельность. Сознаемъ наконецъ тотъ законъ, который такъ ясно говоритъ намъ и изъ исторіи педагогики, и изъ исторіи всего образованія, что для того, чтобы образовывающему знать, что хорошо и что дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе, или по крайней мѣрѣ уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ ему, что критеріумъ педагогики есть только одинъ — свобода.

Мы избрали этотъ послѣдній путь въ нашей педагогической дѣятельности.

Основаніемъ нашей дѣятельности служить убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія—педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно.

Мы не знаемъ, чѣмъ должно быть образованіе и воспитаніе, не признаемъ всей философіи педагогики, потому что не признаемъ возможности человѣку знать то, что нужно знать человѣку. Образованіе и воспитаніе представляются намъ историческими фактами воздѣйствія однихъ людей на другихъ, потому задача науки образованія, по нашему мнѣнію, есть только отысканіе законовъ этого воздѣйствія однихъ людей на другихъ. Мы не только не признаемъ за нашимъ поколѣніемъ знанія и не только не признаемъ права знанія того, что нужно для совершенствованія человѣка, но убѣждены, что еслибы знаніе это было у человѣчества, то оно не могло бы передать, или не передать его молодому поколѣнію. Мы убѣждены, что сознаніе добра и зла, независимо отъ воли человѣка, лежитъ во всемъ человѣчествѣ и развивается безсознательно вмѣстѣ съ исторіей, что молодому поколѣнію также невозможно привить образованіемъ нашего сознанія, какъ невозможно лишать его этого нашего сознанія и той ступени высшаго сознанія, на которую возведетъ его слѣдующій шагъ исторіи. Наше мнимое знаніе законовъ добра и зла и на основаніи ихъ дѣятельность на молодое поколѣніе, есть болѣею частью противодѣйствіе развитію новаго сознанія невыработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, а вырабатывающагося въ молодомъ поколѣніи,—есть препятствіе, а не пособіе образованію.

Мы убѣждены, что образованіе есть исторія и потому не имѣетъ конечной цѣли. Образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ, обнимающее и воспитаніе, по нашему убѣжденію, есть та дѣятельность чело-

вѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. — Мать учить ребенка своего говорить только для того, чтобы понимать другъ друга, мать инстинктомъ пытается спуститься до его взгляда на вещи, до его языка, но законъ движенія впередъ образованія не позволяетъ ей спуститься до него, а его заставляетъ подняться до ея знанія. То же отношеніе существуетъ между писателямъ и читателемъ, тоже между школой и ученикомъ, тоже между правительствомъ и обществами, и народомъ. Дѣятельность образовывающаго имѣетъ одну и ту же цѣль. Задача науки образованія есть только изученіе условій совпаденія этихъ двухъ стремленій къ одной общей цѣли, указаніе на тѣ условія, которыя препятствуютъ этому совпаденію. — Наука образованія становится для насъ вслѣдствіе того, съ одной стороны, болѣе легкой, не представляя болѣе вопросовъ: какая есть конечная цѣль образованія, къ чему мы должны готовить молодое поколѣніе? и т. д; съ другой стороны неизмѣримо труднѣйшей. — Намъ необходимо изучать всѣ тѣ условія, которыя способствовали совпаденію стремленій образо-

вывающаго и образовывающагося, намъ нужно опредѣлить, что такое есть та свобода, отсутствіе которой препятствуетъ совпаденію обоихъ стремленій и которая одна служитъ для насъ критеріумомъ всей науки образованія; намъ нужно, шагъ за шагомъ, изъ безчисленнаго количества фактовъ, двигаться къ разрѣшенію вопросовъ науки образованія.

Мы знаемъ, что доводы наши убѣдятъ немногихъ. Мы знаемъ, что основныя убѣжденія наши въ томъ, что единственный методъ образованія есть опытъ, а единственный критеріумъ его есть свобода, для однихъ прозвучить избытой пошлостью, для другихъ — неясной отвлеченностью, для третьихъ — мечтою и невозможностью. Мы бы не дерзнули нарушать спокойствіе педагоговъ — теоретиковъ и высказать столь противныя всему свѣту убѣжденія, ежели бы должны были ограничиться разсужденіями этой статьи, но мы чувствуемъ возможность, шагъ за шагомъ и фактъ за фактомъ, доказать приложимость и законность нашихъ столь дикихъ убѣжденій и только этой цѣли посвящаемъ изданіе журнала «Ясная Поляна».

О МЕТОДАХЪ ОБУЧЕНІЯ ГРАМОТЪ.

Весьма много людей, въ настоящее время, очень серьезно заняты отысканіемъ, заимствованіемъ, или изобрѣтеніемъ наилучшей методы обученія грамотѣ; весьма многіе даже изобрѣли и отыскали эту лучшую методу. Намъ весьма часто приходится встрѣчать въ литературѣ и въ жизни вопросъ: по какой методѣ вы учите? — Надо признаться однако, что вопросъ этотъ слышится болѣею частью отъ людей или весьма мало образованныхъ, давно, какъ ремесломъ, занимающихся обученіемъ дѣтей, или отъ людей сочувствующихъ народному образованію изъ своего кабинета и готовыхъ въ пользу его даже написать статейку и собрать подписку для напечатанія азбуки по лучшей методѣ, или отъ людей пристрастныхъ къ своей одной методѣ, или, наконецъ, отъ людей вовсе не занимавшихся ученіемъ, — отъ публики, повторяющей то, что говорить большее число людей. Люди, серьезно занятые дѣломъ и образованные, уже не задаютъ такихъ вопросовъ.

Всѣми какъ будто признано за несомнѣнную истину, что задача народной школы есть обученіе грамотѣ, что грамотность есть первая ступень образованія и что потому необходимо найти лучшую методу этого обученія. Одинъ вамъ скажетъ, что звуковая метода очень хороша, а другой увѣряетъ, что Золотова метода самая лучшая, а третій знаетъ еще самую лучшую методу — ланкастерскую и т. п. Только лѣнивый не подтруниваетъ надъ ученіемъ по «буки-азъ-ба», и всѣ увѣрены, что для распространенія образованія въ народѣ нужно только выписать лучшую методу, пожертвовать по 3 руб. сер., нанять домъ и учителя, или даже самому, отъ избытка образованія, удѣлить маленькую частичку его — въ воскресенье, между обѣдней и визитами — несчастному погибающему въ невѣжествѣ народу, и дѣло сдѣлано.

Сойдутся умные, образованные и богатые люди; высокая и счастливая мысль мелькнетъ въ головѣ одного изъ нихъ — облагодѣтельствовать этотъ

ужасный русскій народъ. «Давайте!» Всѣ соглашаются и рождается общество, имѣющее цѣлью народное образованіе, — печатаніе дешевыхъ хорошихъ книгъ для народа, учрежденіе школъ, поощреніе учителей и т. п. Пишется уставъ, дамы принимаютъ участіе, вся формалистика обществъ продѣлывается и дѣятельность общества начинается. Печатать хорошія книги для народа! — какъ просто и легко кажется, какъ и всѣ великія мысли. Одно только затрудненіе — хорошихъ книгъ для народа нѣтъ не только у насъ, но и въ Европѣ. Для того, чтобы печатать такія книги, надо ихъ дѣлать, а ни одинъ изъ членовъ-благодѣтелей не вздумаетъ заняться этой работой; общество поручаетъ, за собранные цѣлковые, кому-нибудь сочинить, или выбрать и перевести самое лучшее (все это легко выбрать) изъ европейской народной литературы и народъ будетъ счастливъ, быстрыми шагами пойдетъ къ образованію, и общество очень довольно. Въ отношеніи другой стороны дѣятельности школъ, — общество поступаетъ точно также. Только рѣдкіе, одержимые самоотверженіемъ, удѣляютъ свои драгоцѣнные досуги обученію народа. (То обстоятельство, что эти люди никогда не читали ни одной педагогической книги и никогда не видали другой школы кромѣ той, въ которой сами учились, не принимается во вниманіе.) Другіе же поощряютъ школы. Опять кажется такъ просто и опять выходитъ неожиданное затрудненіе, состоящее въ томъ, что нѣтъ другого средства содѣйствовать образованію, какъ самому учить и отдаться совершенно этому дѣлу.

Но благодѣтельные общества и частные люди какъ будто не замѣчаютъ этого затрудненія и продолжаютъ подвизаться этимъ способомъ на поприщѣ народного образованія, и продолжаютъ быть очень довольны. Явленіе это, съ одной стороны, забавно и безвредно, ибо дѣятельность этихъ обществъ и людей не захватываетъ народъ; съ другой стороны, явленіе это опасно, напуская еще большій

туманъ въ нашъ неустановившійся взглядъ на народное образованіе. — Причинами этого явленія могутъ быть отчасти раздраженное состояніе нашего общества, отчасти общее человѣческое свойство — дѣлать изъ всякой честной мысли игрушку для тщеславія и праздности. Основная же причина лежитъ, намъ кажется, въ большомъ недоразумѣніи — что такое грамотность, распространеніе которой составляетъ цѣль всѣхъ образователей народа и которая порождаетъ у насъ странные споры?

Грамотность — понятіе, существующее не у насъ однихъ, но и во всей Европѣ, — признается программой элементарной школы для народа. Lesen und schreiben, lire et écrire, reading and writing. — Что же такое грамотность и что она имѣетъ общаго съ первою ступенью образованія? Грамотность есть искусство изъ извѣстныхъ знаковъ составлять слова и произносить ихъ, и изъ тѣхъ же знаковъ составлять слова и изображать ихъ. Что же есть общаго между грамотностью и образованіемъ? Грамотность есть извѣстное искусство (Fertigkeit); образованіе есть знаніе фактовъ и ихъ соотношеній. Но можетъ быть это искусство складывать слова необходимо для того, чтобы ввести человѣка на первую ступень образованія, и что для этого нѣтъ другого пути? Этого мы никакъ не видимъ, а видимъ весьма часто совершенно противоположное, ежели только не будемъ, говоря объ образованіи, разумѣть одно школьное, но и жизненное образованіе. Между людьми, стоящими на низкой степени образованія, мы видимъ, что знаніе и незнаніе грамоты нисколько не измѣняетъ степени ихъ образованія. Мы видимъ людей, хорошо знающихъ всѣ факты, необходимые для агрономіи и большое число отношеній этихъ фактовъ, незнающихъ грамоты; или прекрасныхъ военныхъ распорядителей, прекрасныхъ торговцевъ, управляющихъ, смотрителей работъ, мастеровъ, ремесленниковъ, подрядчиковъ и просто образованныхъ жизнью людей съ большими знаніями и здравымъ сужденіемъ, основаннымъ на этихъ знаніяхъ, не знающихъ грамоты и, наоборотъ, видимъ знающихъ грамоты и не пріобрѣтшихъ вслѣдствіе этого искусства (Fertigkeit) никакихъ новыхъ знаній. Всякій, кто серьезно приглядится къ образованію народа не только въ Россіи, но и въ Европѣ, невольно убѣдится, что образованіе пріобрѣтается народомъ совершенно независимо отъ грамоты и что грамота, за рѣдкими исключеніями изъ ряду вонъ выходящихъ способностей, остается ни къ чему непримѣнимымъ искусствомъ въ большей части случаевъ, даже вреднымъ искусствомъ, вреднымъ потому, что ничто въ жизни не можетъ оставаться индифферентнымъ. Ежели грамота неприложима и бесполезна, то она будетъ вредна.

Но можетъ быть извѣстная степень образованія, стоящая выше тѣхъ примѣровъ безграмотнаго образованія, которые мы приводили, невозможна безъ грамотности? Очень можетъ быть, — но мы этого не знаемъ и не имѣемъ никакихъ основаній

предполагать этого для образованія будущаго поколѣнія. Невозможна только та степень образованія, которую мы имѣемъ и кромѣ которой мы себѣ не можемъ и не хотимъ ничего другаго представить. У насъ есть образецъ школы грамотности, составляющій краугольный камень образованія, по нашему мнѣнію, и мы не хотимъ знать всѣхъ тѣхъ ступеней образованія, которыя существуютъ не ниже, а совершенно внѣ и независимо отъ нашей школы.

Мы говоримъ: всѣ незнающіе грамоты одинаково необразованы, — для насъ это Скифы. Для начала образованія нужна грамота, и мы волей-неволей вводимъ народъ этимъ путемъ въ наше образованіе. Мнѣ, съ тѣмъ образованіемъ, какое я имѣю, очень пріятно было бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ; я даже убѣжденъ, что грамота есть необходимое условіе извѣстной степени образованія, но я не могу быть увѣренъ, что мое образованіе хорошо, что путь, по которому идетъ наука, вѣренъ, и главное я не могу оставить безъ вниманія $\frac{3}{4}$ рода человѣческаго образовывающіися безъ грамоты. Ежели уже мы непременно хотимъ образовывать народъ, то спросимъ у него, какъ онъ образовывается и какія его любимыя орудія для этой цѣли? Ежели мы хотимъ отыскать начало, — первую ступень образованія, то почему намъ отыскивать ее непременно въ грамотѣ, а не гораздо глубже? Почему останавливаться на одномъ изъ безконечнаго числа орудій образованія и видѣть въ немъ альфу и омегу образованія, тогда какъ это только одно изъ случайныхъ, мало значащихъ обстоятельствъ образованія. Въ Европѣ давно уже учатъ грамотѣ, а народной литературы нѣтъ, т. е. народъ — классъ людей исключительно занятый физической работой — нигдѣ не читаетъ книгъ. Кажется, что это явленіе заслуживало бы вниманія и разъясненія, а между тѣмъ думаютъ помочь дѣлу, только продолжая учить грамотѣ. Всѣ жизненные вопросы чрезвычайно легко и просто разрѣшаются въ теоріи и только при приложеніи къ дѣлу оказываются неразрѣшимыми такъ легко, и распадаются на тысячи другихъ трудно разрѣшаемыхъ вопросовъ. Кажется такъ просто и легко образовывать народъ: выучить его хотя бы насильно грамотѣ и дать ему хорошія книги, — и готово. А на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое. Народъ не хочетъ учиться грамотѣ. Ну, его можно еще заставить. Другое затрудненіе — нѣтъ книгъ. Можно заказать. Но заказныя книги дурны; заставить писать хорошія книги нельзя. Главное же затрудненіе — народъ не хочетъ читать этихъ книгъ, а заставить его читать ихъ еще не придумано способа; и народъ продолжаетъ образовываться не въ школахъ грамотности, а по своему. Можетъ-быть, не пришло еще историческое время для народа принять участіе въ общемъ образованіи, нужно еще лѣтъ 100 учиться грамотѣ; можетъ-быть, народъ испорченъ (какъ думаютъ многіе); можетъ-быть, нужно, чтобы самъ народъ писалъ для себя

книги; может-быть, метода еще не найдена самая лучшая; может-быть и то, что образование посредством книги и грамоты есть аристократическое средство образованія, менѣе удобное для рабочаго класса народа, чѣмъ другія, развившіяся въ наше время, орудія образованія. Может-быть, что главная выгода обученія посредствомъ грамоты, состоящая въ возможности передать науку безъ ея вспомогательныхъ средствъ, не существуетъ въ наше время для народа. Может-быть, что работнику легче учиться ботаникѣ по растеніямъ, зоологій по животнымъ, ариметикѣ по счетамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, чѣмъ по книгѣ. Может-быть, что работникъ найдетъ время послушать рассказъ, посмотрѣть музеумъ, выставку, но не найдетъ времени читать книгу. Может-быть даже, что книжный способъ ученія положительно противенъ его образу жизни и складу характера. Весьма часто мы видимъ вниманіе, интересъ и ясное пониманіе у рабочаго человѣка, когда знающій рассказываетъ и объясняетъ ему; но трудно вообразить этого самаго работника съ книгой въ мозолистыхъ рукахъ, вникающаго въ смыслъ популярно изложенной ему на двухъ листахъ науки. Все это только предположенія причинъ, которыя могутъ быть весьма ошибочны, но самый фактъ отсутствія народной литературы и противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты, тѣмъ не менѣе существуетъ во всей Европѣ. Точно также существуетъ во всей Европѣ взглядъ образовывающаго класса на школу грамотности, какъ на первую ступень образованія. Происхожденіе, столь кажущагося неразумнымъ, возрѣнія, станеть весьма ясно, какъ скоро мы взглянемъ въ историческій ходъ образованія. Прежде основались не низшія, а высшія школы: сначала монастырскія, потомъ среднія, потомъ народныя. У насъ прежде всего основана академія, потомъ университеты, потомъ гимназіи, потомъ уѣздныя училища, потомъ народныя. Съ этой исторической точки зрѣнія, учебникъ Смарагова, на 2-хъ листахъ передающій исторію человѣчества, точно также необходимъ въ уѣздномъ училищѣ, какъ необходима грамота въ народномъ. Грамота есть послѣдняя ступень образованія въ этой организованной іерархіи заведеній, или первая ступень съ конца, и потому низшая школа должна только отвѣчать на тѣ потребности, которыя заявляетъ высшая школа. Но есть другая точка зрѣнія, съ которой народная школа представляется самостоятельнымъ учрежденіемъ, независимымъ нести на себѣ недостатки устройства высшаго учебнаго заведенія, но имѣющимъ свою независимую цѣль народнаго образованія. Чѣмъ ниже спускаемся мы по этой, государствомъ учрежденной, лѣстницѣ образованія, тѣмъ болѣе чувствуется необходимость сдѣлать на каждой ступени образованіе независимымъ и оконченнымъ. Изъ гимназіи только $\frac{1}{5}$ не поступаетъ въ университетъ, изъ уѣзднаго училища $\frac{1}{5}$ только поступаетъ въ гимназію; изъ народной школы $\frac{1}{1000}$ по-

ступаетъ въ высшее учебное заведеніе. Слѣдовательно соотвѣтственность народной школы высшему заведенію есть послѣдняя цѣль, которую должно преслѣдовать народное училище. А между тѣмъ только этой соотвѣтственностью можетъ объясниться взглядъ на народныя школы, какъ на школы грамотности.

Споръ въ нашей литературѣ о пользѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію, есть весьма серьезный споръ, которому предстоитъ разъяснить многіе вопросы. Споръ этотъ, впрочемъ, существовалъ и существуетъ не у однихъ насъ. Одни говорятъ, что для народа вредно имѣть возможность читать книги и журналы, которые спекуляція и политическія партіи кладутъ ему подъ руку; говорятъ, что грамотность выводитъ рабочій классъ изъ его среды, прививаетъ ему недовольство своимъ положеніемъ и поражаетъ пороки и упадокъ нравственности. Другіе говорятъ, или разумѣютъ, что образованіе не можетъ быть вредно, а всегда полезно. Одни — болѣе или менѣе добросовѣстные наблюдатели, другіе — теоретики. Какъ и всегда бываетъ въ спорахъ, и тѣ и другіе совершенно правы. Споръ, намъ кажется, заключается только въ неясномъ постановленіи вопроса. Одни, совершенно справедливо, нападаютъ на грамотность, какъ на отдѣльно привитую способность читать и писать, безъ всякихъ другихъ знаній (что и дѣлаетъ до сихъ поръ большая часть школъ, ибо выученное наизусть забывается, остается одна грамотность); другіе защищаютъ грамотность, подразумѣвая подъ нею первую степень образованія, и не правы только въ невѣрномъ пониманіи грамотности. Ежели вопросъ поставленъ такъ: полезно, или нѣтъ для народа первоначальное образованіе? то никто не можетъ отвѣтить отрицательно. Ежели же спросятъ: полезно, или нѣтъ выучить народъ читать, когда онъ не умѣетъ читать и у него нѣтъ книгъ для чтенія, то надѣюсь, что всякій безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ: не знаю; точно также не знаю, какъ не знаю, полезно ли было бы научить весь народъ играть на скрипкѣ, или шить башмаки. Вглядѣвшись же ближе въ результатъ грамоты въ томъ видѣ, въ которомъ она передается народу, я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности, принявъ во вниманіе продолжительное принужденіе, несоразмѣрное развитіе памяти, ложное понятіе о законченности науки, отвращеніе къ дальнѣйшему образованію, ложное самолюбіе и средство къ безсмысленному чтенію, которыя приобрѣтаются въ этихъ школахъ. Въ Яснополянской школѣ, всѣ прибывающіе ученики изъ школъ грамотности, постоянно отстаютъ отъ учениковъ, поступающихъ изъ жизненной школы, и не только отстаютъ, но отстаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше они учились въ школѣ грамотности.

Въ чемъ состоитъ задача и, потому, программа народной школы, мы не только не можемъ здѣсь

объяснить, но и вовсе не полагаемъ этого возможнымъ. Народная школа должна отвѣчать на потребности народа, — вотъ все, что мы можемъ сказать положительнаго на такой вопросъ. Въ чемъ же состоятъ эти потребности, можетъ отвѣтить только изученіе ихъ и свободный опытъ. Грамота же составляетъ только одну малую, незамѣтную часть этихъ потребностей, вслѣдствіе чего школы грамотности суть школы, можетъ-быть, очень пріятныя для ихъ учредителей, но почти бесполезныя и часто вредныя для народа и нисколько непохожія даже на школы первоначальнаго образованія. Вслѣдствіе того же, вопросъ о томъ, какъ учить поскорѣе грамотѣ и по какой методѣ, есть вопросъ мало интересный въ дѣлѣ народнаго образованія. Вслѣдствіе того же, люди, для забавы занимающіеся школами грамотности, гораздо лучше сдѣлаютъ, перемѣнивъ это занятіе на болѣе интересное, ибо дѣло народнаго образованія, заключающееся не въ одной грамотности, представляется дѣломъ не только труднымъ, но и необходимо требующимъ непосредственнаго, упорнаго труда и изученія народа. Школы же грамотности въ той мѣрѣ, въ которой грамота необходима для народа, являются и существуютъ сами собою ровно на столько, на сколько ихъ нужно. Школы эти существуютъ у насъ въ большомъ количествѣ по той причинѣ, что учителя этихъ школъ ничего другаго передать не могутъ изъ своихъ знаній, кромѣ грамоты, и народъ имѣетъ потребность въ извѣстной пропорціи знать грамоту для практическихъ цѣлей, — прочесть вывѣску, записать цифирь, почитать за деньги псалтырь надъ усопшимъ и т. д. Школы эти существуютъ какъ мастерскія портныхъ и столяровъ, даже взглядъ народа на нихъ и даже пріемы учащихся тѣ же самые: такъ же ученикъ самъ собою, временемъ, какъ-то выучивается, такъ же мастеръ употребляетъ ученика для своихъ нуждъ — за водкой сходить, дрова колоть, токъ расчищать, такъ же есть срокъ выучки. Точно такъ же, какъ и мастерство, грамота эта никогда не употребляется для дальнѣйшаго образованія, а только для практическихъ цѣлей. Пономарь или солдатъ учить, а мужикъ изъ трехъ сыновей одного отдастъ на выучку грамотѣ, какъ въ портные, и удовлетворяется законная потребность того и другаго; но видѣтъ въ этомъ извѣстную степень образованія и на этомъ основаніи строить государственную школу, полагая весь недостатокъ такой школы только въ методѣ обученія грамотѣ и завлекать въ нее хитростью или насиліемъ, — было бы преступленіемъ и ошибкою.

Но въ школѣ народнаго образованія, какъ въ ее разумѣте, скажутъ мнѣ, обученіе грамотѣ все-таки составитъ одно изъ первыхъ условій образованія какъ потому, что потребность знать грамоту лежитъ во взглядѣ народномъ на образованіе, такъ и потому, что наибольшее число учителей лучше всего знаютъ только грамоту, и потому

вопросъ о методѣ обученія грамотѣ представляетъ все-таки вопросомъ труднымъ и требующимъ разрѣшенія. — На это отвѣтимъ, что въ большей части школъ, при недостаточности нашего знанія народа и педагогики, образованіе дѣйствительно начнется съ обученія грамотѣ; но что процессъ обученія знакамъ печати и письма представляется намъ самымъ ничтожнымъ и давно извѣстнымъ. Дѣятели выучиваютъ по «буки-азъ-ба» грамотѣ въ три мѣсяца; умный отецъ, или братъ этимъ же способомъ выучиваетъ гораздо скорѣе; по Золотовской и Лаутирь-методѣ выучиваются, говорятъ, еще скорѣе; но выучившись какъ по той, другой и третьей методѣ, ничего не выиграютъ, ежели не будутъ выучены понимать читанное, что составляетъ главную задачу при обученіи грамотѣ. Объ этой же самой нужной, трудной и еще ненайденной методѣ ничего не слышно. А потому вопросъ о томъ, какъ удобнѣе всего выучить грамотѣ, хотя и требующій отвѣта, представляется намъ весьма ничтожнымъ, и упорство въ отысканіи методы и трата силъ, имѣющихъ болѣе важное приложеніе къ дальнѣйшему образованію, кажутся намъ большимъ недоразумѣніемъ, вытекающимъ изъ неточнаго пониманія грамотности и образованія.

Сколько намъ извѣстно, всѣ существующія методы можно раздѣлить на три методы и ихъ сочетанія:

1. Метода «азовъ», складовъ и толковъ и выученье почти наизусть одной книжки. Buchstabir-methode.

2. Метода гласныхъ и приставленія къ нимъ согласныхъ, выражаемыхъ только вмѣстѣ съ гласною.

3. Звуковая метода.

Золотовская метода есть остроумное сочетаніе 2-й и 3-й, какъ и всѣ другія методы суть только сочетаніе этихъ трехъ основныхъ методъ.

Всѣ методы эти одинаково хороши, каждая съ извѣстной стороны имѣетъ преимущество надъ другою вообще и преимущество относительно извѣстнаго языка и даже извѣстныхъ способностей ученика, и каждая имѣетъ свои затрудненія. Первая, напримѣръ, облегчаетъ выучиванье азовъ, называя ихъ: азъ, буки, вѣди, или ананасъ, баранъ и т. д., и переноситъ всю трудность въ склады, которые отчасти выучиваются наизусть, отчасти познаются инстинктомъ при чтеніи съ указкой наизусть цѣлой книги. Вторая облегчаетъ склады и сознаніе безгласности согласной, но затрудняетъ въ выучиваньи буквъ, въ произнесеніи полугласныхъ и въ сложныхъ тройныхъ и четверныхъ складахъ, особенно въ нашемъ языкѣ. Метода эта для нашего языка представляетъ затрудненіе въ сложности и большемъ числѣ отгѣнковъ нашихъ гласныхъ. «Б» и всѣ составленныя изъ нея гласныя «ба—я, бе—е, бу—ю,» не возможны; а съ приставленіемъ къ нему «бъ» будетъ «бъя, а не «бѣя». Для того, чтобы произносить «бѣя» и «бю» «бъ» и

«бе», ему надо выучить склады наизусть, иначе будетъ: *бья, бью, бь* и *бье*.» Звуковая метода, одно изъ самыхъ комичныхъ порожденій нѣмецкаго ума, представляетъ большія удобства въ сложныхъ складахъ, но за то невозможна для изученія буквъ. И несмотря на то, что по правиламъ семинарій бухгалтерметодѣ не должно признавать, буквы выучиваются по старой методѣ, только вмѣсто того, чтобъ откровенно произнести по старому *эфз, і, шз*, учитель и ученики ломаютъ себѣ ротъ, чтобъ произнести «*фз-і-шз*», да притомъ «*шз*» составляется изъ «*sch*» а не есть одна буква.

Золотовская метода представляетъ большее удобство въ соединеніи слоговъ въ слова и въ сознаниі безгласности согласныхъ, но представляетъ свои трудности въ заучиваніи буквъ и въ сложныхъ складахъ. Она удобнѣе другихъ только потому, что есть соединеніе двухъ методъ, но далеко не совершенна, потому что есть — метода.

Наша бывшая метода, состоящая въ томъ, чтобы выучивать буквы, называя ихъ *бе, ве, ге, ме, ле, се, фе*, и т. д., и потомъ складывать на слухъ, откидывая ненужную гласную *е* и на оборотъ, представляетъ тоже свои выгоды и невыгоды и тоже состоитъ изъ соединенія трехъ методъ. Опытъ убѣдилъ насъ, что нѣтъ ни одной методы дурной и ни одной хорошей, что недостатокъ методы состоитъ только въ исключительномъ слѣдованіи одной методѣ, а лучшая метода есть — отсутствіе всякой методы, но званіе и употребленіе всѣхъ методъ и изобрѣтеніе новыхъ по мѣрѣ встрѣчающихся трудностей.

Мы подраздѣлили методы на три отдѣла, но подраздѣленіе это несущественно. Мы сдѣлали его только для ясности; собственно же нѣтъ никакихъ методъ и каждая заключаетъ въ себѣ всѣ другія. Всякій, обучившій другаго грамотѣ, употребилъ для этого, хотя и безсознательно, всѣ существующія и имѣющія существовать методы. Изобрѣтеніе новой методы есть только сознание той новой стороны, съ которой можно подходить къ учащемуся для вразумленія его, и потому новая метода не исключаетъ старой, не только лучше старой, но становится хуже, ибо большею частью сначала попадаютъ на самый существенный приемъ. Большею же частію изобрѣтеніе новаго приѣма считалось уничтоженіемъ стараго, хотя въ дѣйствительности старый приемъ все-таки оставался самымъ существеннымъ, и изобрѣтатели, сознательно отрицавшіе старые приѣмы, этимъ отрицаніемъ только больше затрудняли дѣло, становились сзади тѣхъ, которые употребляли сознательно старые приѣмы и безсознательно новые и будущіе приѣмы. Приведемъ для примѣра самую старую и самую новую методу: методу Кирилла и Мефодія и звуковую методу, — остроумную *Fisch-buch*, — употребляемую въ Германіи. Дьячокъ, мужикъ, учащій по-старому «*азъ, буки*», почти всегда догадается объяснить ученику безгласность согласной и скажетъ, что въ «*буки*» выговаривается только «*бъ*». Я видѣлъ му-

жика, учившаго своего сына, объяснявшаго «*бъ, ръ*», и потомъ снова продолжавшаго учить по складамъ и толкамъ. Ежели учитель не догадается этого сдѣлать, то ученикъ самъ пойметъ, что въ *бе* существенный звукъ есть «*бъ*». Вотъ звуковая метода. Почти всякій старый учитель, заставляя складывать слово изъ двухъ и болѣе складовъ, закроетъ одинъ складъ и скажетъ: это *бо*, а это *ю*, а это *ро* и т. д. Вотъ часть приѣмовъ Золотовской методы и методы гласныхъ. Каждый, заставляя учить букварь, заставляетъ смотрѣть на изображеніе слова «*Богъ*», и въ тоже время произносить «*Богъ*», и такимъ путемъ прочитываетъ съ нимъ цѣлую книгу, и процессъ складыванія усвоивается ученикомъ свободно, соединяя органическое съ раздѣльнымъ, соединяя рѣчь знакомую (молитву, на счетъ необходимости знанія которой не можетъ быть вопроса въ умѣ мальчика) съ разложеніемъ этой рѣчи на составныя части. — Вотъ всѣ новыя методы и еще сотни другихъ приѣмовъ, которые безсознательно употребляетъ всякій умный, старый учитель для объясненія процесса чтенія своему ученику, предоставляя ему всю свободу объяснять самому себѣ процессъ чтенія тѣмъ путемъ, который ученикъ найдетъ удобнѣйшимъ.

Не говоря о томъ, что при старой методѣ «*буки-азъ-ба*», я знаю сотни примѣровъ весьма быстрого выучиванія грамотѣ и сотни весьма медленнаго по новымъ методамъ, я утверждаю только то, что старая имѣетъ всегда преимущество предъ новой въ томъ, что она включаетъ въ себя всѣ новыя методы, хотя и безсознательно, новая же исключаетъ старыя, и еще въ томъ, что старая свободна, новая принудительна. Какъ свободна? скажутъ мнѣ, когда при старой методѣ розгами вбиваютъ склады, а при новой дѣтямъ говорятъ «*вы*» и просятъ ихъ только понять? Въ этомъ-то и состоитъ насиліе самое тяжелое и вредное для ребенка, когда его просятъ понять точно такъ же, какъ понимаетъ учитель. Всякій, кто самъ училъ, долженъ былъ замѣчать, что такъ же различно, какъ можно сложить 3, 4 и 8, такъ же различно можно сложить 6, 7, а. У одного ученика 3 и 4=7, да еще 3=10, да 5 осталось, точно такъ же у него—*а*, или *азъ*, да *р*, или *ри*, да впереди *ра* еще *буки-бра*, а у другаго 8 да 3=11, да еще 4=15 и точно такъ же *буки, ри* должно быть *бра*, потому что все складывали *бра, вра, пра* и т. д., а коли не *бра*, такъ *бру*, и еще тысячи различныхъ путей, изъ которыхъ *бъ, ръ* да *а* выдетъ *бра*—есть одинъ, и можетъ быть (по моему мнѣнію) одинъ изъ послѣднихъ. Надобно никогда не учить и не знать людей и дѣтей, чтобы думать, что такъ какъ *бра* есть только соединеніе *бъ, ръ* и *а*, то каждому ребенку надо выучить *бъ, ръ* и *а* и онъ будетъ складывать. Вы ему говорите: *б, р, а* какой звукъ? онъ отвѣчаетъ: *ра*, — и совершенно правъ, у него такъ ухо устроено, — другой говоритъ: *а*, — третій говоритъ: *бръ*, такъ же какъ въ *ша* — *ча* онъ говоритъ: *счъ* или *шъ*,

такъ какъ въ *фъ*, онъ говоритъ *хвз* и т. д. Вы говорите ему: *а, е, и, о, у* гласныя буквы; а для него *рх, лх* гласныя буквы, и онъ ловить совсѣмъ не тѣ звуки, которыхъ вы хотите.

Но этого мало, учитель изъ нѣмецкой семинаріи, обученный наилучшей методѣ, учить по Фишъ-Буху. Смѣло, самоувѣренно онъ садится въ классъ, инструменты готовы: дощечки съ буквами, доска съ планочками и книжка съ изображеніемъ рыбы. Учитель оглядываетъ своихъ учениковъ и уже знаетъ все, что они должны понимать; знаетъ, изъ чего состоятъ ихъ душа, и много еще другаго, чему онъ наученъ въ семинаріи.

Онъ открываетъ книгу и показываетъ рыбу. «Что это такое, милныя дѣти?» Это изволите видѣть *Anschauungsunterricht*. Бѣдныя дѣти обрадуются на эту рыбу, ежели до нихъ уже не дошли слухи изъ другихъ школъ и отъ старшихъ братьевъ, какимъ сокомъ достается эта рыба, какъ морально ломаютъ и мучатъ ихъ за эту рыбу. Какъ бы то ни было, они скажутъ: это рыба. «Нѣтъ,» — отвѣчаетъ учитель. (Все, что я рассказываю, есть не выдумка, не сатира, а повтореніе тѣхъ фактовъ, которые я безъ исключенія видѣлъ во всѣхъ лучшихъ школахъ Германіи и тѣхъ школахъ Англіи, гдѣ успѣли заимствовать эту прекрасную и лучшую методу.) «Нѣтъ, говоритъ учитель. Что вы видите?» Дѣти молчатъ. Не забудьте, что они обязаны сидѣть чинно, каждый на своемъ мѣстѣ и не шевелиться — *Ruhe und Gehorsam*. — «Что же вы видите?» — Книжку, говоритъ самый глупый. Всѣ умные ужъ передумали въ это время тысячу разъ, что они видятъ и чутьемъ знаютъ, что имъ не угадать того, чего требуетъ учитель и что надо сказать, что рыба не рыба, а что-то такое, чего они не умѣютъ назвать. «Да, да,» говоритъ съ радостью учитель, «очень хорошо, — книга». Умные осмѣливаются, глупый самъ не знаетъ, за что его хвалятъ. «А въ книгѣ что?» говоритъ учитель. Самый бойкій и умный догадывается и съ гордою радостью говоритъ: — буквы. — «Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ», даже съ печалью отвѣчаетъ учитель, — «надо думать о томъ, что говоришь.» Опять всѣ умные въ уныніи молчатъ и даже не ищутъ, а думаютъ о томъ, какіе очки у учителя, зачѣмъ онъ не сниметъ ихъ, а смотритъ черезъ нихъ и т. п. «Такъ что же въ книгѣ?» Всѣ молчатъ. — «Что вотъ здѣсь?» — Рыба, говоритъ смѣльчакъ. — «Да, рыба, но вѣдь не живая рыба?» — Нѣтъ, не живая. — «Очень хорошо. А мертвая?» — Нѣтъ. — «Прекрасно. Какая же это рыба?» *Ein Bild* — картина. «Такъ, прекрасно.» Всѣ повторяютъ: — это картина, и думаютъ, что кончено. Нѣтъ, надо сказать еще, что это картина, изображающая рыбу. И точно такимъ же путемъ добивается учитель, чтобъ ученики сказали, что это есть картина, изображающая рыбу. Онъ воображаетъ, что они разсуждаютъ и никакъ не догадывается, что ежели ему вѣрно заставлять учениковъ говорить, что это есть картина, изображающая рыбу, или самому такъ хочется, то гораздо

бы проще было заставить ихъ откровенно выучить наизусть это мудреное изреченіе.

Еще счастливы тѣ ученики, которыхъ учитель оставитъ на этомъ въ покоѣ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ заставлялъ ихъ сказать, что это не рыба, а вещь — *ein Ding*, а вещь эта — уже есть рыба. Это, изволите видѣть, новый *Anschauungsunterricht* въ соединеніи съ грамотой, это — искусство заставлять дѣтей думать. Но вотъ *Anschauungsunterricht* конченъ, начинается разложеніе слова. Показывается слово *Fisch*, составленное изъ буквъ на картонахъ. Лучшие и умные ученики думаютъ тутъ поправиться и сразу схватить очертанія и названія буквъ, но не тутъ-то было. «Что есть у рыбы спереди?» Напуганные молчатъ, наконецъ смѣльчакъ говоритъ: голова. «Хорошо, очень хорошо. А голова гдѣ? въ чемъ?» — Спереди. «Очень хорошо, а послѣ головы что?» — Рыба. «Нѣтъ, думайте.» Они должны сказать: тѣло — *Leib*. Говорится и это, но ужъ ученики теряютъ всякую надежду и увѣренность въ себѣ и всѣ умственные силы напругаютъ на уразумѣніе того, что нужно учителю. Голова, тѣло и конецъ рыбы, хвостъ. Прекрасно! Всѣ вдругъ: рыба имѣетъ голову, тѣло и хвостъ. «Вотъ рыба, составленная изъ буквъ и вотъ рыба нарисованная.» Составленная изъ буквъ рыба вдругъ раздѣляется на три части: на *F*, на *i*, и на *sch*. Учитель съ самодовольствомъ фокусника, обрызгавшаго всѣхъ цвѣтами вмѣсто вина, отодвигаетъ *F*, показываетъ и говоритъ: «это голова, *i* — это тѣло, *sch* — это хвостъ», и повторяетъ — «*Fisch*, фффф іііі шшшш. Это фффф, — это іііі, — это шшшш.» И несчастные мучаются, шипятъ и фыкаютъ, произнося согласную безъ гласной, что физически невозможно. Не признавая того, самъ учитель за *ф* употребляетъ полугласную, составляющую средину между *з* и *и*. Ученики сначала забавляются этимъ шипѣніемъ, но потомъ замѣчаютъ, что отъ нихъ требуютъ запоминанія этихъ *ффф*, *и*, *ишш*, и говорятъ *ишф*, *ишшш*, *фиф* и рѣшительно не узнаютъ своего слова *фиш* въ *фффф... іііі... шшшшш*. Учитель, знающій наилучшую методу, не придетъ имъ на помощь, посоветовавъ запомнить *ф* по Федеръ, Фаустъ и *и* по шюрце, шахтель и т. д., но требуетъ шшшш; не только не придетъ на помощь, но рѣшительно не позволитъ выучить буквы по азбукѣ съ картинками, или по фразамъ, какъ напимѣръ: азъ, буду, вѣдать, глаголѣ... не позволитъ выучить склады и читать знакомое, не зная складовъ; однимъ словомъ, выражаясь по нѣмецки, — игнорируетъ, — обязанъ не знать всѣхъ другихъ методовъ, кромѣ *фиш* и то, что рыба есть вещь и т. д.

Для грамоты есть метода и для первоначальнаго развитія мышленія есть метода *Anschauungsunterricht* (смотри Denzel's Entwurf); обѣ соединяются вмѣстѣ, и дѣти должны пройти въ эти иглиныя уши. Всѣ мѣры приняты для того, чтобы другаго развитія, кромѣ какъ по этому пути, не могло быть въ школѣ. Всякое движеніе, слово, вопросъ —

запрещены. Die Hände sein zusammen, Ruhe und Gehorsam. И есть люди, подтрунивающие надъ «буки-азъ-ба», утверждающие что «буки-азъ-ба» есть убивающая умственные способности метода и рекомендуя Lautir-methode in Verbindung mit Anschauungsunterricht, т. е. рекомендуютъ заучивать наизусть: рыба есть вещь и *фь* есть голова, *и*—тѣло, а *изъ*—хвостъ рыбы, а не заучивать наизусть псалтырь и часовникъ. Англичане и французы педагоги съ гордостью произносятъ трудное для нихъ слово Anschauungsunterricht и говорятъ, что они вводятъ его вмѣстѣ съ первоначальнымъ обученіемъ. Для насъ этотъ Anschauungsunterricht, о которомъ мнѣ еще придется говорить подробно, представляется чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Что такое это наглядное обученіе? Да какое же можетъ быть обученіе, какъ не наглядное? Всѣ пять чувствъ участвуютъ въ обученіи и потому всегда былъ и будетъ Anschauungsunterricht.

Для европейской школы, выбивающейся изъ средневѣковаго формализма, понятны названіе и мысль нагляднаго обученія въ противоположность прежнему обученію, извинительны даже ошибки, состоящія въ удержаніи стараго метода и въ измѣненіи только внѣшнихъ приемовъ; но для насъ, я повторяю, Anschauungsunterricht не имѣетъ смысла. Я до сихъ поръ, послѣ тщетнаго исканія этого Anschauungsunterricht'a и метода Песталоцци по всей Европѣ, ничего не нашелъ, кромѣ того, что географіи надо учить по картамъ вышуклымъ, ежели онѣ есть, краскамъ по краскамъ, геометріи по чертежамъ, зоологіи по звѣрямъ и т. д.; что каждый изъ насъ знаетъ съ тѣхъ поръ какъ родился, чего вовсе не нужно было выдумывать, потому что это давно выдуманно самою природою, влѣдствіе чего это каждому, не воспитанному въ противныхъ понятіяхъ, и извѣстно. И эти, и подобныя методы, и методы приготовленія учителей по извѣстнымъ методамъ серьезно предлагаютъ намъ, начинающимъ свои школы во 2-й половинѣ XIX столѣтія безъ всѣхъ историческихъ обузъ и ошибокъ, лежащихъ на насъ, совѣмъ съ другимъ сознаніемъ, и сознаніемъ, чѣмъ-то, которое было основаніемъ европейскихъ школъ. Да и не говоря о жи этихъ методовъ, о насиліи надъ духомъ учениковъ, для чего намъ, у которыхъ по «буки-азъ-ба» пономари выучиваютъ грамоту въ 6 мѣсяцевъ, заимствовать Lautiranschauungsunterrichtsmethode, по которой учатся годъ и болѣе!

Мы сказали выше, что, по нашему мнѣнію, всякая метода хороша и всякая односторонна; всякая удобна для извѣстнаго ученика и для извѣстнаго языка и народа. Поэтому звуковая метода и всякая другая не русская метода, будетъ для насъ хуже «буки-азъ-ба». Ежели Lautiranschauungsunterricht въ Германіи, гдѣ нѣсколько поколѣній уже воспитаны такъ, чтобы думать по извѣстнымъ определеннымъ Кантами и Шлеермахерами законамъ, гдѣ учителя приготовляются самые лучшіе, гдѣ Lautirmethode начата съ XVII вѣка и гдѣ все-

таки метода приносить такіе неблестящіе результаты, то чтобы было у насъ, ежели бы закономъ признана была извѣстная метода, извѣстный Lesebuch съ нравственными изреченіями? Что выйдетъ изъ обученія по какой бы то ни было неусвоенной народомъ и учителями вновь введенной методѣ?

Разскажу нѣсколько близкихъ случаевъ. Нынѣшней осенью, учитель, занимавшійся въ Яснополянской школѣ, открылъ свою школу въ деревнѣ, гдѣ изъ 40 учениковъ половина уже была обучена по азамъ и толкамъ и одна треть умѣла читать. Черезъ двѣ недѣли выразилось общее недовольство крестьянъ школой. Главные пункты обвиненія были: что учить по-нѣмецки *а, бе,* а не *азъ, буки*, что учить сказки, а не молитвы, и нѣтъ порядка въ школѣ. При свиданіи съ учителемъ, я передалъ ему мнѣніе крестьянъ. Учитель, университетскаго образованія, съ презрительной улыбкой объяснилъ мнѣ, что онъ переучиваетъ *а, бе,* вмѣсто *азъ, буки*, для облегченія складовъ, что сказки читаютъ для того, чтобы приучить понимать читанное сообразно съ ихъ понятіями, а что при новой его методѣ — наказывать дѣтей онъ считаетъ не нужнымъ и потому строгаго порядка, къ которому привыкли крестьяне, видя своихъ дѣтей съ указками за складами, быть не можетъ.

Я посѣтилъ школу эту на 3-й недѣлѣ. Мальчики раздѣлены были на три разряда и учитель старательно ходилъ отъ однихъ къ другимъ. Одни, низшіе, стоя у стола, по картонному листу азбуки, учили наизусть мѣста, гдѣ стоятъ буквы. Я сталъ спрашивать ихъ, болѣе половины знали буквы, называя ихъ: *азъ, буки,* и пр., другіе знали даже склады: одинъ зналъ читать, но учился сначала, тыкалъ пальцами и повторялъ *а, бе, ве,* воображая, что это что-то новое, другіе — средніе — складывали на слухъ *с, к, а,* — *ска,* — одинъ задавалъ, другіе отвѣчали. И это они дѣлали третью недѣлю, тогда какъ довольно много одного дня, чтобы усвоить себѣ этотъ процессъ откидыванія лишней гласной *е*. Изъ нихъ я нашелъ тоже знающихъ склады по старому и читающихъ. Они, такъ же какъ и первые, стыдились своего знанія и отрекались отъ него, воображая, что нѣтъ спасенія, не сложивши *бе, ре, а* — *бра*. Третьи, наконецъ, читали. Эти несчастные сидѣли, каждый держа въ рукѣ книжку прямо передъ глазами, и, притворяясь, что читаютъ, повторяли громко слѣдующіе два стиха:

«Тамъ, гдѣ только кончикъ неба,
Тамъ народъ живетъ безъ хлѣба....»

Окончивъ эти стихи, они опять начинали тоже сначала съ грустными и озабоченными лицами, изрѣдка покашываясь на меня, какъ будто спрашивая: хорошо ли? Страшно и немовѣрно разсказывать. Изъ этихъ мальчиковъ одни совѣмъ умѣли читать, другіе не умѣли складывать; умѣющіе удерживались изъ дружнаго чувства, неумѣю-

ііе — повторили наизусть и 3 недѣли все повторяли только эти два стиха изъ отвратительнѣйшей передѣлки нехорошей для народа сказки Ершова.

Я сталъ спрашивать изъ священной исторіи, — никто ничего не зналъ, потому что учитель *по новой методѣ* не заставлялъ учить наизусть, а рассказывать по краткой священной исторіи. Я спросилъ нумерацію, — никто не зналъ, хотя учитель по два часа въ день показывалъ, опять по новой методѣ, нумерацію на доскѣ всѣмъ вмѣстѣ до милліоновъ сразу, а не заставлялъ учить наизусть. Я спросилъ молитвы, — ни одинъ не зналъ: говорили «Вотчу» съ ошибками, какъ выучились дома. И все отличные, полные жизни, ума и охоты къ ученію мальчики! И что ужаснѣе всего, — все это дѣлалось по моей методѣ! Всѣ приемы, употребляемые въ моей школѣ, были и тутъ: и ученіе буквъ написанныхъ мѣломъ всѣми вмѣстѣ, и склады на слухъ, и первое чтеніе понятное для ребенка, изустный рассказъ Священной Исторіи, и математика безъ выучиванія наизусть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ чувствовался приемъ, самый знакомый учителю, ученія наизусть, котораго онъ сознательно избѣгалъ и которымъ однимъ онъ владѣлъ, и противъ своей воли прилагалъ къ совершенно другимъ матеріаламъ: онъ заставлялъ учить наизусть не молитву, а сказку Ершова, заставлялъ учить наизусть Священную Исторію не съ книги, а съ своего дурнаго, мертваго рассказа; то же самое съ математикою и складами. И невозможно выбить изъ головы этого несчастнаго учителя университетскаго образованія, что всѣ упреки *трубыхъ* мужиковъ тысячу разъ справедливы, что пономарь, безъ всякаго сравненія, учить лучше его и что ежели онъ хочетъ учить, то можетъ учить грамотѣ по «буки-азъ-ба», заучивая наизусть и этимъ способомъ можетъ принести извѣстную практическую пользу. Но учитель университетскаго образованія изучилъ, по его словамъ, методу Яснополянской школы, которую ему почему-то угодно принять за образецъ.

Другой примѣръ я видѣлъ въ уѣздномъ училищѣ одной изъ нашихъ столицъ. Прослушавъ съ замѣраніемъ сердца, какъ въ нашу честь отрубилъ намъ въ высшемъ классѣ лучшій ученикъ водныя сообщенія Россіи, и исторію Александра Македонскаго — въ среднемъ, мы уже хотѣли уходить съ товарищемъ, съ которымъ посѣщали школы, какъ штатный смотритель пригласилъ насъ къ себѣ поговорить на его новую, имъ изобрѣтенную и готовимую къ печати, методу обученія грамотѣ. «Я отобралъ 8 человекъ *самыхъ бѣдныхъ*, сказалъ онъ намъ, и надъ ними дѣлаю опыты и провѣряю свою методу.» Мы вошли; восемь мальчиковъ стояли кучкой. «По мѣстамъ!» крикнулъ смотритель голосомъ самой старой методы. Мальчики стали кружкомъ и вытянулись. Около часу онъ толковалъ намъ, какъ прежде во всей столицѣ была въ употребленіи эта прекрасная звуковая метода, но теперь осталась

въ одной только школѣ и онъ хочетъ воскресить ее. Мальчики все стояли. Наконецъ онъ взялъ со стола карточку съ изображеніемъ *м—ы—шъ*. «Это что? сказалъ онъ, показывая мышъ.—Быкъ, отвѣчалъ мальчикъ. — «Это что?—*мъ*.» Мальчикъ сказалъ: *мъ*—«А это—*ы*, а это—*шъ*,—вмѣстѣ—мышъ. А тутъ приставить *ло*, выйдетъ мыло.» Еле-еле дѣти могли дать намъ эти, выученные наизусть, отвѣты. Я попробовалъ спросить ихъ новое, никто ничего не зналъ кромѣ *мышъ* и *быкъ*. Давно ли они учатся? спросилъ я. Смотритель дѣлаетъ опыты уже 2-й годъ. Мальчики лѣтъ отъ 6 до 9 и все живые, настоящіе мальчики, — не куклы, а живые.

Когда я замѣтилъ смотрителю, что въ Германіи звуковая метода употребляется не такъ, онъ объяснилъ мнѣ, что въ Германіи, къ сожалѣнію, звуковая метода утратилась. Я попробовалъ увѣрить его въ противномъ, но онъ, въ доказательство своей мысли, принесъ мнѣ изъ другой комнаты 5 нѣмецкихъ азбукъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, составленныхъ не по звуковой методѣ. Мы замолчали и ушли, а 8 дѣтей остались для опытовъ смотрителя. Это было осенью 1861 года.

И какъ бы хорошо этотъ самый смотритель могъ бы выучить грамотѣ этихъ 8 мальчиковъ, засадивъ ихъ чинно за столы съ азбучками и указками и даже могъ бы подирать имъ вихры точно такъ же, какъ ему подиралъ ихъ, учившій его отецъ-дядя-конъ. Сколько, сколько примѣровъ такого обученія по новымъ методамъ можно найти въ наше богатое рожденіемъ школъ время, не говоря о воскресныхъ школахъ, кишачихъ такими несообразностями!

А вотъ другіе противоположные примѣры. Въ открытой въ прошломъ мѣсяцѣ деревенской школѣ, при самомъ началѣ ученія, я замѣтилъ здороваго курносаго малаго лѣтъ 14, который, при повтореніи учениками буквъ, мурлыкалъ что-то про себя и самодовольно улыбался. Онъ не былъ записанъ въ число школьниковъ. Я спросилъ его, онъ зналъ всѣ буквы, изрѣдка только сбиваясь на *буки, рыи* и т. д., какъ и всегда, онъ стыдился этого, полагая что это запрещено и дурно. Я спросилъ его склады, — онъ зналъ; заставилъ читать, — онъ читалъ безъ складовъ, хотя и самъ не вѣрилъ въ это. — Гдѣ ты учился? «Лѣтомъ въ пастухахъ жилъ со мною товарищъ, онъ зналъ и мнѣ показывалъ.» — Азбучка есть? «Есть.» — Откуда же? «Купилъ.» — Долго ли ты учился? «Да лѣто, — когда покажетъ въ полѣ, вотъ и учился.» Другой ученикъ Яснополянской школы, учившійся прежде у пономаря, — мальчикъ 10 лѣтъ, привезъ мнѣ разъ своего брата. Братъ, 7-ми лѣтъ, читалъ хорошо и выучился въ одну зиму по вечерамъ у своего брата. Такихъ примѣровъ я знаю и всякій, кто захочетъ поискать въ народѣ, найдетъ очень много. Такъ на что же намъ выдумывать новыя методы и во что бы то ни стало бросать «буки-азъ-ба» и считать всѣ методы хорошими, кромѣ «буки-азъ-ба?»

Кромѣ всего этого, русскій языкъ и кириллица имѣютъ передъ всѣми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличие, изъ которыхъ естественно долженъ вытекать и совершенно особый родъ ученія грамотѣ. Преимущество русской азбуки состоитъ въ томъ, что всякій звукъ въ ней произносится какъ онъ есть, чего нѣтъ ни въ одномъ языкѣ. *Сн* произносится *сье*, а не *ше*, какъ во французскомъ и нѣмецкомъ; *а* есть *а*, а не *ай*, *е* и *я* какъ въ англійскомъ; *с* есть *с*, а *и* есть *и*, а не *ч* и *к*, какъ въ итальянскомъ, не говоря уже о славянскихъ языкахъ, не имѣющихъ кириллицы.

И такъ, какая же самая лучшая метода для обученія русской грамотѣ? Ни самая новая звуковая метода, ни самая старая — азовъ, складовъ и толковъ, ни метода гласныхъ, ни Золотовская метода. Однимъ словомъ, — нѣтъ лучшей методы. Лучшая метода для извѣстнаго учителя есть та, которая болѣе всѣхъ другихъ знакома учителю. Всѣ другія методы, которыя знаетъ учитель и которыя изобрѣтетъ учитель, должны помогать ученію, начатому по одной методѣ. Каждый народъ и каждый языкъ имѣетъ преимущественную связь съ одной какой-нибудь методой. Чтобы узнать эту методу, нужно знать только по какой методѣ дольше всего учился народъ; метода эта въ своихъ основныхъ чертахъ будетъ наиболѣе свойственна народу. Для насъ — это есть метода буквъ, складовъ и толковъ, весьма несовершенная, какъ и всѣ методы, и потому могущая быть усовершенствована всѣми приобрѣтеніями, которыя дадутъ намъ новыя методы.

Всякая отдѣльная личность, для того чтобы выучиться наискорѣйшимъ образомъ грамотѣ, должна быть обучена совершенно особенно отъ всякой другой и потому для каждого должна бы быть

особая метода. Для одного представляется неудобною трудностью то, что нисколько не задерживаетъ другаго, и наоборотъ. Одинъ ученикъ силенъ памятью и ему легче на память выучить склады, чѣмъ понять безгласность согласной; другой спокойно соображаетъ и пойметъ звуковую самую рациональную методу; у третьяго есть чутье, инстинктъ и онъ, читая цѣлыя слова, уразумѣваетъ законъ сложенія словъ.

Наилучшій учитель будетъ тотъ, у котораго сейчасъ подъ рукою готово разъясненіе того, что остановило ученика. Разъясненія эти даютъ учителю знаніе наибольшаго числа методъ, способность придумывать новыя методы и главное — не слѣдованіе одной методѣ, а убѣжденіе въ томъ, что всѣ методы односторонни и что наилучшая метода была бы та, которая отвѣчала бы на всѣ возможныя затрудненія, встрѣчаемыя ученикомъ, т. е. не метода, а искусство и талантъ.

Всякій учитель грамоты долженъ твердо знать и опытомъ своимъ провѣрить одну, выработанную въ народѣ, методу; долженъ стараться узнавать наибольшее число методъ, принимая ихъ какъ вспомогательныя средства; долженъ, принимая всякое затрудненіе пониманія ученика не за недостатокъ ученика, а за недостатокъ своего ученія, стараться развѣивать въ себѣ способность изобрѣтать новыя приемы. Всякій учитель долженъ знать, что каждая изобрѣтенная метода есть только ступень, на которую должно становиться для того, чтобы идти дальше; долженъ знать, что ежели онъ самъ того не сдѣлаетъ, то другой, усвоивъ себѣ эту методу, на основаніи ея пойдетъ дальше и что такъ какъ дѣло преподаванія есть искусство, то оконченность и совершенство не достижимы, — а развитіе и совершенствованіе безконечны.

ПРОЕКТЪ ОБЩАГО ПЛАНА УСТРОЙСТВА НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

I.

На дняхъ прочелъ я проектъ плана устройства народныхъ училищъ. Чтеніе это произвело на меня впечатлѣніе похожее на то, которое долженъ испытывать человѣкъ, давно знавшій и любившій, на его глазахъ выроставшую, молодую рощу, получивъ неожиданное извѣстіе, что изъ рощи этой предположено сдѣлать садъ, — тутъ вырѣзать, тутъ подчистить и подстричь, тутъ срѣзать съ корнемъ молодые отпрыски и на ихъ мѣстѣ набить щебенъ дорожки.

Общій смыслъ проекта слѣдующій: Правительство, считая необходимымъ распространить народное образованіе и предполагая, что образованіе народа еще не началось, что онъ враждебно смотритъ на свое будущее образованіе; предполагая, что уставъ 1828 года, воспреещающій отрывать школы и учить лицамъ не имѣющимъ на то права, исполняется; предполагая, что народъ, безъ поужденія никогда не примется за свое образованіе и что принявшись не сумѣетъ повести его, правительство накладываетъ на народъ новую, — самую большую изъ всѣхъ существовавшихъ податей, училищную подать и поручаетъ чиновникамъ министерства управленіе всѣми вновь открытыми училищами, т. е. назначеніе учителей, программъ, руководствъ. Правительство на основаніи взятой подати обязуется передъ народомъ найти и опредѣлить 50,000 учителей учредить, по крайней мѣрѣ, 50,000 училищъ. Правительство же до сей поры само постоянно чувствовало и чувствуетъ свою несостоятельность относительно управленія уже существующими приходскими и уѣздными училищами. Всѣ знаютъ и согласны, что учителей нѣтъ.

Мысль эта столь странная въ своемъ простомъ выраженіи, для каждаго русскаго человѣка, знающаго свое отечество, въ проектѣ затемнена различными оговорками, предначертаніями и дарованіями правъ, въ которыхъ до сей поры ни одинъ русскій человѣкъ никогда не думалъ сомнѣваться. — Мысль эта впрочемъ не новая. Она была прило-

жена въ одномъ изъ самыхъ большихъ государствъ міра, именно: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Результаты приложенія этой мысли въ Америкѣ были относительно-самые блестящіе; нигдѣ народное образованіе не развилось такъ быстро и повсемѣстно. Это совершенно справедливо. Но ежели Америка, начавъ свои школы послѣ европейскихъ государствъ, болѣе успѣла въ народномъ образованіи, чѣмъ Европа, то изъ этого только слѣдуетъ, что она исполнила свое историческое призваніе, и что Россія въ свою очередь должна исполнить свое. Россія, перенеся на свою почву американскую, обязательную (посредствомъ налога), систему, поступила бы такъ же ошибочно, какъ ошибочно поступила бы Америка при началѣ своихъ школъ, усвоивъ себѣ германскую или англійскую систему. Успѣхъ Америки произошелъ только отъ того, что школы ея развивались сообразно времени и средѣ. Точно также, казалось бы имъ должна поступить и Россія; я твердо убѣжденъ, что для того, чтобы русская система народного образованія не была хуже другихъ системъ (а она по всѣмъ условіямъ времени должна быть лучше), она должна быть своя и непохожая ни на какую другую систему.

Законъ о налогѣ на школы составленъ въ Америкѣ самимъ народомъ. Ежели не весь народъ, то большинство было убѣждено въ необходимости предложенной системы образованія и имѣло полное довѣріе къ правительству, которому оно поручало устройство школъ. Ежели налогъ и казался насильственнымъ, то только для незначительнаго меньшинства.

Какъ извѣстно, Америка единственное въ мірѣ государство, не имѣющее крестьянскаго сословія, не только de jure, но и de facto, вслѣдствіе чего въ Америкѣ не могло существовать того различія въ образованіи и взглядѣ на него, которое существуетъ у насъ между крестьянскимъ и некрестьянскимъ сословіемъ. Америка кромѣ того, устраивая свою систему, я полагаю, была убѣждена, что у нея есть самый существенный элементъ для устройства школъ — учителя.

Ежели мы сравнимъ во всѣхъ этихъ отноше-
ніяхъ Россію съ Америкой, то несостоятельность
перенесенія американской системы на русскую почву
будетъ для насъ очевидна.

Обращаюсь къ самому проекту. Глава I. полож.
общ. § 1. *Для утвержденія въ народѣ религіозныхъ
и нравственныхъ понятій и для предоставленія всему
сельскому сословію и низшимъ классамъ городского
населенія первоначальныхъ, общихъ и необходимыхъ
каждому свѣдѣній, устраиваются повсемѣстно отъ
сельскихъ и городскихъ обществъ училища въ по-
требномъ, соразмѣрно населенію, числѣ.*

Что такое значить: устраиваются? Какимъ про-
цессомъ? (Что народъ не приметъ въ устройствѣ
этомъ никакого участія, въ этомъ можно быть
убѣжденнымъ; народъ будетъ смотрѣть на училищ-
ную подать только какъ на увеличеніе налоговъ.)
Кто выберетъ мѣсто гдѣ строить школу? кто ве-
лѣтъ строить? кто назначить учителя? кто пригласитъ
дѣтей и захотитъ родителей отдавать? Все
это вопросы, на которые я не нашелъ отвѣтовъ въ
проектѣ. Все это будетъ дѣлаться чиновниками мин.
нар. пр. и миров. посредниками съ содѣйствіемъ мѣ-
стной полиціи; но какимъ образомъ и на основаніи
какихъ данныхъ?

*Устраиваются повсемѣстно въ потребномъ, со-
размѣрно населенію, числѣ.* Не говоря о невозмож-
ности подвести все русское населеніе въ отноше-
ніи народнаго образованія подъ одну шапку, мнѣ
кромѣ того, кажется крайне неудобнымъ и вред-
нымъ такимъ образомъ насильственно уравнивать
образованіе. Есть губерніи, уѣзды, округи, въ ко-
торыхъ есть сильная потребность въ школахъ (по-
требность въ пропорціи 200 и 300 учащихся на
1000 душъ) и потребность школъ съ болѣе рас-
пространенными программами. Есть, напротивъ,
мѣстности, въ которыхъ потребность 50 и даже 10
учащихся на 1000 душъ еще не существуетъ и
въ которыхъ насильственная школа или принесетъ
вредъ, или по меньшей мѣрѣ будетъ только совер-
шенно бесполезно тратить средства, предназначен-
ныя на народное образованіе.

Я знаю мѣстности на разстояніи 20 верстъ одна
отъ другой: въ одной—въ бесплатную школу, въ
той же деревнѣ, никто не посылаетъ своихъ дѣ-
тей; въ другой мѣстности ходятъ за три версты и
охотно платятъ по полтинѣ въ мѣсяцъ. Обязатель-
ное учрежденіе школы въ соразмѣрномъ населенію
числѣ въ первой мѣстности породитъ только не-
довѣріе и озлобленіе противъ школы, во второй
мѣстности общая по всей Россіи пропорція будетъ
недостаточна. И потому обязательное устройство
школъ *соразмѣрно населенію* было бы частію вредно,
частію бесполезной тратой средствъ, предназначен-
ныхъ для народнаго образованія.

§ 2. *Народныя училища имѣютъ опредѣленный
министерствомъ народнаго просвѣщенія курсъ перво-
начальнаго преподаванія первоначальныхъ свѣдѣній.*

Опредѣлить курсъ народныхъ училищъ кажется
мнѣ совершенно невозможнымъ.

Глава VI представляетъ лучший образецъ такой
невозможности. Тамъ, напримѣръ, въ курсѣ ученія
не полагается письмо и по смыслу примѣчанія
учить писанію можно только съ разрѣшенія учеб-
наго начальства.

§ 3. *Народныя училища суть заведенія открытыя,
т. е. предназначенныя исключительно для приходя-
щихъ учениковъ.*

Этотъ параграфъ принадлежитъ къ тому раз-
ряду тѣхъ многихъ статей устава, въ которыхъ
старательно и серьезно объясняется то, въ чемъ
не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Появле-
ніе такихъ отрицательныхъ статей невольно наво-
дитъ на мысль, что онѣ писаны только для уве-
личенія объема проекта, или что въ комитетѣ были
члены, требовавшіе, чтобы народныя школы были
пансіонами.

§ 4. *Для постояннаго и непосредственнаго на-
блюденія за каждымъ училищемъ, обществомъ, сред-
ствами коихъ училища содержатся, предостав-
ляется избирать попечителей или попечитель-
ницъ; а идѣ таковыя избраны не будутъ, наблю-
деніе за училищемъ возлагается на мирового посред-
ника.*

Кто будетъ избирать этихъ попечителей? кто
пойдетъ въ эти попечители? и что такое значатъ эти
попечители? что такое значить наблюденіе за учи-
лищами? — неизвѣстно изъ всего устава.

Деньги будутъ не у попечителя, назначеніе и
смѣна учителей зависятъ не отъ попечителя,
измѣненіе программы ученія не во власти попечи-
теля, что же такое, спрашивается, попечитель?
Люди, забавляющіеся этимъ названіемъ и вслѣд-
ствіе того дающіе цѣлковые, рублѣ. Изъ уваженія
къ человѣку я не могу предположить, чтобы кто-
нибудь захотѣлъ принять на себя такое странное
званіе и чтобы общества захотѣли избирать кого-
нибудь въ такую мнимую должность.

§ 5. *Въ учебномъ отношеніи всѣ народныя учи-
лища въ имперіи подлежатъ вѣдомству министер-
ства народнаго просвѣщенія и управляются чрезъ
назначаемыхъ отъ него въ каждой губерніи дирек-
торовъ училищъ.*

§ 6. *Хозяйственною частью въ каждомъ училищѣ
завѣдываетъ само общество, на счетъ котораго учи-
лище содержится.*

§ 7. *Платы за обученіе учениковъ въ народныхъ
училищахъ не взимается кромѣ случаевъ, означенныхъ
въ ст. 25, 26.*

Статья 7-я съ сноской на ст. 25—26 принад-
лежитъ къ разряду тѣхъ серьезно-официальныхъ
статей, о которыхъ упомянуто выше. По смыслу
ея, крестьяне, заплатившіе 30 коп. съ души на
школу, имѣютъ уже полное право не платить въ
другой разъ за своихъ дѣтей.

Ст. 6 и 7 далеко не такъ опредѣлительны. Что
такъ е значить *учебная часть*, завѣдываніе которою
предоставлено директору училищъ, и *хозяйствен-
ная часть*, предоставленная обществу? Назначеніе
и смѣна учителей, устройство училища, выборъ

для него мѣста, плата учителю, выборъ книгъ, программъ, все это зависить отъ мин. нар. пр. Въ чемъ же состоитъ остальная часть, предоставленная обществу?... Въ покупкѣ застроекъ и задвижекъ, въ выборѣ — прорубить дверь справа или слева, въ наймѣ сторожа къ училищу, въ мытьѣ половъ и т. д. И даже въ этомъ отношеніи, обществу предоставлено право только платить за все своими деньгами. Какъ и что должно быть устроено, — все уже обдуманно въ уставѣ и будетъ исполнено училищнымъ начальствомъ.

По ст. 5 полагается директоръ училищъ. На каждого директора придется отъ трехъ до пяти сотъ училищъ. Обѣзхать всѣ училища разъ въ годъ директору будетъ невозможно, а потому управленіе директора училищами будетъ только канцелярское.

Глава II. Учрежденіе училищъ.

Я пропускаю ст. 8 и 9, относящіяся до городскихъ училищъ, которыя я не изучалъ, и про которыя вслѣдствіе того не могу судить.

Ст. 10. *Въ селеніяхъ каждый приходъ обязанъ имѣть по крайней мѣрѣ одно народное училище.*

Слово «обязанъ» уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что по смыслу проекта будутъ или не будутъ крестьяне принуждаемы открывать училища. Представляются только вопросы: 1) что такое приходъ (составители проекта разумѣли, можетъ быть, волость)? и 2) какимъ образомъ будетъ поступаемо въ случаѣ, который повторится чаще всего, когда крестьяне откажутся принимать какое бы то ни было участіе въ учрежденіи школъ и только вслѣдствіе полицейскихъ мѣръ отдадутъ свою училищную подать. Кто выберетъ мѣсто, строеніе, учителя и т. п.?

Ст. 11. *Приходы, коихъ средства на содержаніе училищъ недостаточны, могутъ, въ замѣну устройства училища, нанимать отъ общества учителя для безплатнаго обученія дѣтей того прихода въ отведенной ему квартирѣ, или въ сборной избѣ, или у очереднаго хозяина.*

Ст. 12. *По правиламъ въ предшедшей 11 ст. постановленнымъ, поступаютъ и отдѣльныя удаленныя отъ приходскихъ церквей селенія, когда за дальностію разстоянія и неудобствомъ сообщенія, затруднительно посылать дѣтей въ училище своего прихода.*

Ст. 11 и 12 съ одной стороны совершенно непонятны, съ другой принадлежать къ разряду опредѣлительныхъ официальныхъ статей, о которыхъ было упомянуто.

Когда приходы наймутъ учителя и наймутъ избу, то почему же это не училище, а приходы только могутъ это дѣлать? До сихъ поръ мнѣ казалось, что ежели есть ученики, учитель и помѣщеніе, то есть и училище, почему же учитель, помѣщеніе и ученики не училище? Ежели же надо разумѣть, что отдаленнымъ и малонаселеннымъ обществамъ предоставляется право самимъ выбирать учителей, не соображаясь съ опредѣленнымъ проектомъ со-

держаніемъ учителя и не надписывать надъ избой слова «училище», то въ этомъ правѣ никто никогда не сомнѣвался, всегда имъ пользовались, пользуются и будутъ пользоваться, не смотря ни на какія воспрещенія закона, не могущаго пренятствовать отцу, дядѣ, куму, учить мальчика одного, двухъ, трехъ и пятнадцать мальчиковъ. Въ статьѣ этой сказано только, что учитель долженъ быть нанимаемъ отъ всего общества, а это-то въ большей части случаевъ и не удобно; ибо всѣ свободно возникающія школы содержатся обыкновенно на плату съ родителей, а не со всего общества, что и гораздо удобнѣе и справедливѣе.

Ст. 13, 14 и 15. *Гдѣ не представляется возможности для дѣвочекъ устроить отдѣльное отъ мальчиковъ училище, такъ тѣ и другія обучаются въ одномъ и томъ же училищѣ, одними и тѣми же учителями, но въ разные часы дня или въ разные дни въ недѣлю. Въ мѣстахъ, гдѣ для дѣвочекъ нѣтъ особеннаго училища, общество можетъ для ихъ обученія въ помощи учителю нанять учительницу. Дѣвочки до 13 лѣтъ могутъ быть допускаемы къ ученію вмѣстѣ съ мальчиками такого же возраста.*

Дѣвочки, о которыхъ говоритъ 13 ст., свыше 13 лѣтъ въ народѣ называются дѣвками, — и предположить, чтобы дѣвочки отпускали и чтобы онѣ сами стали ходить въ училище вмѣстѣ съ ребятами и предписывать для нихъ правила, обезпечивающія народную нравственность, — все равно, что предписывать законы для того чего нѣтъ и быть не можетъ. При теперешнемъ взглядѣ народа на образованіе, объ этомъ нельзя и думать. Если бы въ слѣдующемъ поколѣніи и могъ представиться такой случай, то 14 ст. разрѣшаетъ его, представляя обществу неслыханное для него право — напять, опять-таки на свои деньги, учительницу. Ученіе женщинъ въ школахъ еще не начиналось, и я смѣю думать, что ст. 13, 14 и 15 еще не угадали всѣхъ могущихъ быть случаевъ при этомъ обученіи. Мнѣ кажется вообще, что весьма затруднительно предписать законныя формы тому, чего еще нѣтъ и что еще не начиналось.

Глава III. Средство содержанія училищъ.

Пропускаю статьи относящіяся до городскихъ обществъ.

Ст. 20, 21, 22 и 23 постановляютъ обязательный сборъ съ прихода на содержаніе училищъ и на составленіе губернскаго капитала.

Мы должны опять повторить, что, несмотря на кажущуюся опредѣлительность этихъ статей, мы многого и весьма существеннаго въ нихъ не понимаемъ, именно: кто разчисляетъ необходимое количество денегъ на училища, кому передаются эти деньги и въ какихъ случаяхъ, имѣютъ ли общества право, заявить себя неимущими на основаніи ст. 10 и 11? Я убѣжденъ, что всѣ общества безъ исключенія пожелаютъ воспользоваться этимъ правомъ, и потому разъясненіе этого во-

проса весьма важно. Изъ вышеприведенныхъ статей видно только, что составители проэкта предлагают обложить крестьянское сословіе податью, имѣющею быть употребленною на устройство училищъ и на составленіе губернскаго капитала. По крайне-ошибочному разсчету, приложенному къ уставу, придется на каждого селянина $27\frac{1}{2}$ коп. съ души. Подать эта огромна, въ дѣйствительности же должна по крайней мѣрѣ ушестериться, ибо (стр. 18) приведенный разсчетъ, основанный на статистическихъ данныхъ. Записка И. Р. Г. О. академика Веселовскаго, не только не имѣетъ никакихъ оснований, но должна заключать въ себѣ какую-нибудь типографскую ошибку. Трудно вѣрить, чтобы члены комитета могли такъ мало знать условія государства, въ которомъ живутъ и условія народнаго образованія, которому они посвятили свои труды.

Число дѣтей подлежащихъ первоначальному обученію, т. е. имѣющихъ отъ 8 до 10 лѣтъ, составляетъ до 5% въ общей массѣ народнаго населенія.

Число дѣтей подлежащихъ первоначальному обученію, будетъ вдвое больше приведеннаго, ибо, можетъ-быть, извѣстно каждому, кто потрудится войти въ какую-нибудь народную школу, что нормальный школьный возрастъ не отъ 8 до 10 лѣтъ, а мало положить отъ 7 до 13-ти, вѣрнѣе же будетъ отъ 6 до 14. Въ настоящее время, при недостаточномъ еще распространеніи школъ въ Ясенецкой волости, на 1.000 душъ, сто пятьдесятъ человѣкъ учащихся, въ Головеньковской на 400 душъ—60 человѣкъ учащихся, въ Трасненской на 500 душъ 70 человѣкъ учащихся. Вездѣ при теперешнемъ не полномъ развитіи школъ не 5%, а 12% и 15%. Надо замѣтить при томъ, что далеко еще не всѣ дѣти учатся и дѣвочки составляютъ только $\frac{1}{20}$ всѣхъ учащихся.

Следовательно на 1.000 душъ мужескаго населенія, далѣе говоритъ проэктъ, надо полагать до 50 мальчиковъ, подлежащихъ по возрасту первоначальному обученію, а въ равномъ числѣ женскаго населенія—до 50 дѣвочекъ. Обученіе такого числа не будетъ слишкомъ обременительно для одного учителя.

Учениковъ, какъ доказали выше, будетъ вдвое больше, учить же одному учителю 50 мальчиковъ и 50 дѣвочекъ вмѣстѣ, не только обременительно, но и положительно невозможно. Но не во всемъ этомъ еще вся сила опечатки. Какъ извѣстно каждому русскому, въ Россіи 6 мѣсяцевъ зима, морозы и метели, въ Россіи же крестьянскія дѣти все лѣто на работахъ, а зимой рѣдкіе имѣютъ достаточно теплое платье, чтобы выходить въ даль, но бѣгаютъ по улицѣ въ отцовскомъ полушубкѣ, надѣтомъ на голову, и опять въ избу, на печку. Въ Россіи же большая часть селеній раскинуты по 50 и до 100 душъ, на разстояніи 2 и 3 версты. Какъ же по всей Россіи собрать учениковъ хоть по 50 въ одну школу? Какъ мнѣ показала дѣйствительность, среднимъ числомъ на одну школу нельзя разсчитывать болѣе, какъ отъ 10 до 15 учениковъ.

Ежели въ разчисленіи не было опечатки и ежели проэктъ дѣйствительно назначался къ исполненію, то на основаніи ошибки въ разсчетѣ, процентовъ школьнаго населенія, налогъ долженъ увеличиться вдвое, потому что на 1000 будетъ не одна, а три школы по 50 учениковъ въ каждой. На основаніи ошибки въ разсчетѣ, соединить по 50 учениковъ на училище, налогъ долженъ увеличиться еще вдвое, т. е. полагая хоть по 25 учениковъ на училище и на 1000 душъ 6 училищъ, итого 6 разъ $27\frac{1}{2}$ коп. за вычетомъ 10% на губернской капиталъ, составитъ по меньшей мѣрѣ полтора рубля съ души, не считая нужнаго на устройство, ремонтъ училища и натуральную повинность учителю. Налогъ невозможный. Въ примѣчаніи къ ст. 23, основанной на выведенномъ изъ практики замѣчаніи, что расходы на ученіе нерѣдко отклоняются необразованными родителями отъ помѣщенія дѣтей въ училище, сказано, что принадлежности ученія и учебныя руководства покупаются не самими родителями, а тѣмъ, неизвѣстнымъ по проэктору лицомъ, которому предоставляются расходы по содержанію училищъ.

Выведенное изъ практики это замѣчаніе совершенно несправедливо, ибо, напротивъ, постоянно и вездѣ замѣчено, что родители охотнѣе отдѣльно покупаютъ книжки, аспидныя доски, карандаши для своихъ сыновей съ тѣмъ, чтобы вещи навсегда оставались въ домѣ, чѣмъ даютъ деньги на покупку этихъ вещей для училищъ; кромѣ того, вещи эти дома всегда цѣлѣе и полезнѣе, чѣмъ въ школѣ.

Несмотря на то, что въ ст. 24 сказано, что *расходы по содержанію училища производятся сельскимъ старостою и учитываются сельскимъ сходомъ*, я утверждаю, что изъ проэкта не видно, кому поручены расходы по содержанію училищъ. Кто, гдѣ когда и какой строить домъ для училища, кто покупаетъ учебныя пособія? Какія и сколько покупается книгъ и грифелей и т. п.? Все это или предрѣшено проэктомъ или поручено директору училищъ? Обществу только предоставлено право собирать деньги и отдавать ихъ, еще нанимать или строить домъ, еще отрѣзать у себя полдесятины земли для учителя, еще ѣздить въ городъ покупать вьюшки, и еще, самое лестное, повѣрять счета денегъ, которыми они сами не распоряжаются. Все это сдѣлаю, какъ говорится въ проэктѣ, для того, чтобы пробудить въ обществахъ болѣе готовности доставлять средства на содержаніе училищъ.

Сказано: *предоставлять обществамъ полную самостоятельность, какъ въ раскладкѣ и сборѣ нужной на содержаніе училищъ суммы, такъ и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, по приобретенію всего нужнаго для училища.*

Мнѣ кажется, что въ этомъ вопросѣ есть недостатокъ откровенности въ проэктѣ; надо было проще сказать, что обществамъ не предоставляется никакого права и ни въ какомъ отношеніи по управленію его училищемъ, но что на общества налага-

гается еще новая натуральная повинность, состоящая въ заготовленіи извѣстныхъ вещей и счетоводствѣ по училищу.

Ст. 25 накладываетъ натуральную повинность заготовленія помѣщенія и отопленія училища и учителю. Повинность весьма неясно опредѣленная, тяжелая и по своей неопредѣленности могущая подать поводъ къ злоупотребленію отъ училищнаго начальства.

Ст. 26 относится къ городамъ.

Въ ст. 27 старательно, объяснено, что платить за ученіе отдѣльно могутъ только лица, не платившія вмѣстѣ.

Ст. 28. *Городамъ или сельскимъ приходамъ, которые по молодости и бѣдности жителей дѣйствительно не въ состояніи будутъ содержать училища и даже нанимать учителя, можетъ быть назначено пособие, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія изъ общаго запаснаго училищнаго капитала.*

Какъ сказано выше, всѣ безъ исключенія общества, ежели поймутъ смыслъ проэкта, пожелаютъ подлежать этой 28 ст., и совершенно справедливо скажутъ, что большинство жителей бѣдно. (Бѣдность, въ особенности деньгами, какъ извѣстно есть общее условіе массы русскаго крестьянства.) Кто опредѣлитъ, какое общество можетъ подлежать 28 статьѣ? какое прежде, какое послѣ?

На основаніи чего и кѣмъ будутъ рѣшаться подобные вопросы? Проэктъ ничего не говоритъ намъ на это, а вопросы эти по нашему убѣжденію представляются повсемѣстно.

Ст. 29 повторяетъ еще разъ, что обществу предоставляется право прорубать двери въ училищѣ съ правой или съ лѣвой стороны, дѣлать сосновыя или дубовыя скамейки и даже не стѣсняться въ способахъ приобрѣтенія, т. е. имѣютъ полное право купить, или изъ своего лѣса построить.

Только ст. 30, какъ обѣщаніе принять мѣры къ удешевленію учебниковъ, возбуждаетъ полное наше сочувствіе.

Ст. 31, 32 и 33 не относятся собственно до устройства сельскихъ школъ, а касаются составленія губернскаго капитала, при чемъ мы не можемъ согласиться съ цѣлесообразностью мѣры, отчуждающей отъ общества извѣстную часть средствъ и предающей ихъ въ руки правительства съ тѣмъ, чтобы вновь употребить эти средства на общества. Намъ кажется, что эти деньги могли бы быть вѣрнѣе и полезнѣе употреблены на то самое общество, изъ котораго онѣ взяты.

Глава IV. *Личный составъ народныхъ училищъ.*

Въ ст. 34 сказано, что въ каждомъ училищѣ долженъ быть учитель и законоучитель, что совершенно справедливо. Кромѣ того обществу предоставляется право избирать попечителей или попечительницъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ объяснено, что попечители и попечительницы не имѣютъ никакого значенія и никакого права и для избранія не обязаны имѣть никакихъ условій.

Въ ст. 37 объяснено, что попечитель или попе-

челникъ вступаютъ въ должность немедленно по избраніи, и о вступленіи въ исправленіе оной сообщаютъ директору училищъ губерніи.

Кромѣ того въ 38 ст. обозначено, что попечители не подчинены, сносятся съ училищнымъ начальствомъ, пишутъ потому не рапорты, а отношенія что весьма лестно и опредѣлительно.

Но за то въ ст. 36, гдѣ сказано, что попечители имѣютъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ учащими ихъ обязанностей, за исправною платою учащимъ жалованья, за своевременнымъ доставленіемъ училищу всего необходимаго и за внѣшнимъ порядкомъ въ училищѣ, не сказано, что можетъ и долженъ дѣлать попечитель въ случаѣ неисправнаго исполненія обязанностей учащими. Онъ можетъ только сноситься, т. е. доносить директору, можетъ это дѣлать справедливо и несправедливо, съ знаніемъ дѣла и какъ можно предполагать, въ большей части случаевъ, безъ знанія дѣла. Нельзя предположить, чтобы такое вмѣшательство совершенно лишняго и посторонняго лица могло быть полезно.

Ст. 39, 40, 41 и 46 опредѣляютъ отношенія законоучителя къ училищу.

Ст. 42 прямо, неоставляя никакого сомнѣнія, говоритъ, что управленіе училищъ по каждой губерніи, несмотря на мнимую полную самостоятельность обществъ, несмотря на непонятное изобрѣтеніе попечителей, предоставлено одному лицу директору училищъ, ибо увольненіе и опредѣленіе учителя, составляетъ по нашему мнѣнію, единственное существенное управленіе училищами. О неудобствѣ сосредоточенія такой огромной власти въ лицѣ одного человѣка, намъ придется говорить въ послѣдствіи.

Ст. 43 обѣщаетъ приготовленіе учителей, хотя, какъ обѣщаніе, статья эта и не входитъ въ составъ проэкта, я не могу удержаться отъ замѣчаній, что попытки приготовленія какихъ бы то ни было учителей, какъ въ нашемъ педагогическомъ институтѣ, такъ и нѣмецкихъ семинаріяхъ, во французскихъ и англійскихъ нормальныхъ школахъ, до сихъ поръ не привели ни къ какимъ результатамъ и убѣдили только въ такой же невозможности заготовлять учителей, въ особенности народныхъ, какъ заготовлять художниковъ или поэтовъ. Учителя образовываются только по мѣрѣ развитія общей потребности образованія и поднятія общаго уровня образованія.

Ст. 44 и 45 объясняютъ, что для исполненія должности учителя не препятствуетъ принадлежаніе къ какому-либо сословію, что учителями могутъ быть священнослужители и могутъ быть и не дворяне; тутъ же сказано, что ежели священнослужитель взялся быть учителемъ, то онъ долженъ непременно учить. Все это совершенно справедливо. Въ примѣчаніи же въ 45 ст. сказано, что попечитель или мировой посредникъ рекомендуютъ директору лица на ваканціи учителей, я полагаю что и брать или дядя мирового

посредника или попечителя тоже может рекомендовать директору учителя.

Глава V. *Права лиц состоящих при народных училищах.*

Въ ст. 47 сказано, что попечителямъ не предоставляется права носить кокарды и шпаги. (Я не пропускаю ни одной статьи, и читатель, справившись съ проектомъ, можетъ убѣдиться въ справедливости выписокъ.)

Ст. 48, 49, 50, 51 и 54 опредѣляютъ матеріальное положеніе учителей.

Положеніе это блестящее и надо сознаться, что приведу проектъ въ исполненіе, мы въ этомъ отношеніи, сразу перегонимъ Европу.

Учитель въ селѣ будетъ получать 150 руб. сер. въ годъ, квартиру съ отопленіемъ, что, по нашей мѣстности, составитъ на деньги 50 р. Сверхъ того онъ получитъ зерномъ или мукою (какъ предвидѣно въ проектѣ, для предоставленія большей свободы обществу), 2 пуда въ мѣсяцъ, что составитъ по нашимъ цѣнамъ 12 руб. въ годъ; сверхъ того полдесятины удобной земли подъ огородъ, что составитъ еще около 10 р., итого 222 рубля. (Все это отъ общества, которое, по прежде приведенному расчету, едва ли въ состояніи соединить среднимъ числомъ 20 учениковъ. Сверхъ того общество платитъ 50 р. законоучителю, 50 руб. на учебныя нособія, 25 руб. проценты въ губернской капиталъ, строитъ и поддерживаетъ училище, нанимаетъ училищнаго сторожа, что по меньшей мѣрѣ составитъ еще рублей 80,—итого 427 рублей съ общества.)

Въ ст. 50 сказано, что общество имѣетъ право нанять еще учительницу.

Учитель прослужившій 20 лѣтъ, получаетъ двѣ трети оклада, кромѣ того увольняется отъ податей и рекрутства, что опять ляжетъ на общество—около 10 руб. въ годъ. Положеніе учителя дѣйствительно блестящее, но я позволяю себѣ усумниться въ томъ, было ли бы оно такъ же хорошо, ежели бы общество само вознаграждало его по заслугамъ, или ежели бы составители проекта принуждены были черпать средства изъ другихъ источниковъ. (Права предоставленныя учителямъ по ст. 52, 56 и 57, право считаться въ государственной службѣ, право получить медаль на александровской лентѣ и быть избраннымъ въ помощники директора училищъ, ежели и не лежатъ на обществѣ, то въ замѣнъ того полагаю не будутъ имѣть и для учителей той заманчивости, которую будутъ имѣть права предоставленныя имъ изъ средствъ общества.) Вопросъ о прибавленіи содержанія учителямъ народныхъ школъ есть вопросъ уже давно и сильно занимающій правительства европейскихъ государствъ и только шагъ за шагомъ получающій разрѣшеніе; у насъ же вопросъ этотъ разрѣшается сразу нѣсколькими строчками проекта. Эта самая простота и легкость разрѣшенія кажутся мнѣ подозрительными. Невольно представляется вопросъ, почему назначается только 150 р., а не 178 р. и 16 1/3 к.; на 178 р. и 16 1/3 к. мы бы были увѣрены имѣть

еще лучшихъ учителей. И почему же не положить 178 р., когда источникъ, изъ котораго мы черпаемъ, находится совершенно безконтрольно въ нашей власти? Почему полдесятины удобной земли подъ огородъ, а не 8 2/3 десятины подъ пахоть? Въ примѣчаніи сказано: *священнослужители, занимающіе одновременно должности законоучителя и учителя пользуются полнымъ содержаніемъ только по должности учителя, а изъ оклада законоучителя получаютъ половину.* Должно быть всѣ цифры эти внимательно обдуманы, когда такъ старательно выгадывается 25 р. у законоучителя. Должно быть цифры эти опредѣлены по положительнымъ даннымъ. Эти данныя необходимо должны быть извѣстны, тѣмъ болѣе должны быть извѣстны, что по тѣмъ даннымъ, которыя многіе изъ насъ собрали личнымъ опытомъ, училищная подать, налагаемая вслѣдствіе такого расчета на общества, несоразмѣрно велика, не выплата, и по нашимъ даннымъ ни одно общество не согласится платить пятой доли этого налога на училище, и въ Россіи нѣтъ сотой доли учителей, заслуживающихъ такого содержанія.

Глава VI. *Курсъ народныхъ училищъ.* Первый параграфъ 58 ст. опредѣляетъ программу Закона Божія. Какъ преподаваніе такъ и обсужденія этого предмета исключительно предоставлено духовнымъ лицамъ.

2) *Отечественный языкъ: чтеніе книгъ церковной и славянской печати; объяснительное чтеніе книгъ, принаровленныхъ къ первоначальному обученію.* 3) *Арифметика: четыре дѣйствія надъ цѣлыми, простыми, именованными числами, понятіе о дробяхъ.* *Примѣчаніе.* Сверхъ этихъ предметовъ, по желанію обществъ, можетъ быть введено обученіе церковному пѣнію, а съ разрѣшенія учебнаго начальства—и преподаваніе другихъ предметовъ.

Мы выразили выше убѣжденіе, что опредѣленіе курса народныхъ училищъ совершенно невозможно, особенно въ томъ смыслѣ, въ которомъ пытается сдѣлать это проектъ,—въ смыслѣ предписанія границъ предметамъ преподаванія. Въ такомъ смыслѣ былъ обнародованъ циркуляръ г. министра народного просвѣщенія о воскресныхъ школахъ; въ томъ же смыслѣ составлено примѣчаніе, по которому, все неопредѣленное программой въ трехъ предъидущихъ строчкахъ, можетъ быть преподаваемо только съ разрѣшенія учебнаго начальства, въ томъ же смыслѣ предвидѣнія составлены и 59, 60 и 61 ст., по которымъ и самый методъ преподаванія и употребляемыя руководства для преподаванія той невозможной и узкой программы должны быть опредѣлены министерствомъ народного просвѣщенія.

Я не говорю о томъ, что это несправедливо, что это вредно для развитія образованія, что это исключаетъ возможность всякаго живаго интереса учителя въ своемъ дѣлѣ, что это даетъ поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ (стоитъ только составителю программы или руководства ошибиться одинъ разъ, и ошибка эта сдѣлается обязательно для всей Россіи). Я говорю только о томъ, что

всякая программа для народной школы положительно невозможна, и всякая такая программа есть только слова, слова и слова. Я понимаю программу, определяющую обязательство, которое берет на себя учитель или власть, учреждающая училище, я понимаю, что можно сказать обществу и родителям: я учитель, открываю школу и берусь учить ваших дѣтей тому-то и тому-то, и вы уже не имѣете права требовать съ меня того, чего я не общалъ; но открывать школу и общать, что я не буду учить тому-то и тому-то и неблагоприятно, и положительно невозможно. Проект же предлагаетъ такую отрицательную программу для всей Россіи и для народныхъ первоначальныхъ школъ. Въ высшемъ учебномъ заведеніи, я полагаю возможнымъ для преподавателя, не отступая, держаться извѣстнаго курса. Читая римское гражданское право, профессоръ можетъ обязаться не говорить о химіи и зоологіи, но въ народной школѣ историческія, естественныя, математическія науки, все сливаются вмѣстѣ и вопросы по всемъ отраслямъ этихъ наукъ ежеминутно представляются.

Самое существенное различіе между высшей и низшей школой, составляетъ степень подраздѣляемости предметовъ преподаванія. Въ низшей школѣ ея совсѣмъ нѣтъ. Въ ней все предметы соединяются въ одно, и начиная съ нея постепенно развѣтвляются.

Посмотримъ параграфы 2-й и 3-й программы.

Что такое отечественный языкъ? Включаетъ ли онъ въ себя синтаксисъ и этимологию? Есть учителя, которые какъ то, такъ и другое считаютъ лучшими средствами обученія языку. Что такое чтеніе книгъ и чтеніе объяснительное? Выучившій наизусть букварь читаетъ — и читающій и понимающій *Московскія Вѣдомости*, тоже только читаетъ. Какъ объяснять книги, хоть бы хрестоматию общества дешевыхъ книгъ? Пройти съ объясненіемъ все статьи этой книги, это — пройти почти весь курсъ чловѣческихъ знаній — и богословіе, и философію, и исторію, и естественныя науки; прочесть эту же книгу по складамъ и въ видѣ объясненія повторить каждую фразу другими непонятными словами, будетъ тоже объяснительное чтеніе. Письмо вовсе пропущено въ проектѣ, но будь оно разрѣшено, опять также по всякой, самой опредѣленной программѣ, подъ письмомъ можно разумѣть срисовываніе прописей или знаніе искусства языка, приобретаемаго только цѣлымъ курсомъ запятій и упражненій. И все, и ничего программа не опредѣляетъ и не можетъ опредѣлить.

По математикѣ. Что такое значить четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами? Я, напримѣръ, въ своемъ преподаваніи вовсе не употребляю именованныхъ чиселъ, принимая такъ называемыя именованныя числа за случаи дѣленія и умноженія. Арифметику же вообще я начинаю съ прогрессіи, что дѣлается и каждый учитель, ибо нумерація есть не что иное, какъ десятичная прогрессія. Сказано: понятія о дробяхъ. Почему же только понятія? Въ своемъ преподаваніи я начи-

наю десятичныя дроби тоже вмѣстѣ съ нумераціей. Уравненіе, слѣдовательно алгебру, я начинаю вмѣстѣ съ первыми дѣйствіями. Слѣдовательно я выхожу изъ программы. Планиметрия не означена въ программѣ, а задачи изъ планиметрии суть самыя естественныя и понятныя приложенія первыхъ правилъ. У одного учителя геометрія и алгебра будутъ входить въ преподаваніе четырехъ правилъ, у другого учителя четыре правила составятъ только механическое упражненіе въ писаніи мѣломъ на черной доскѣ и для обоихъ программа будетъ только слова, слова и слова. Тѣмъ менѣе возможно дать учителю наставленіе и руководство. Для успѣшнаго хода ученія, учитель долженъ имѣть только средства самъ учиться и совершенную самостоятельность въ выборѣ методовъ. Одному удобно и онъ мастеръ учить по *буки-азъ-ба*, другой по *бе-а*, третій по *бъ-а*. Чтобы учителю усвоить другую методику, мало узнать и предписать ему ее, — ему надо повѣрить, что эта метода лучшая и полюбить ее.

Это относится и къ методамъ самаго ученія, и къ методамъ обращенія съ учениками.

Циркулярныя же наставленія и предписанія учителямъ только стѣсняютъ ихъ. Не разъ мнѣ случилось видѣть, какъ будто бы по звуковой методѣ, учать точно также какъ по *буки-азъ-ба*, заучивая буквы, склады и толки, называя буквы *бы*, а добро *ды*, только при начальствѣ, потому что такъ приказано.

Что же касается до цѣли, которую можетъ быть имѣлъ комитетъ при составленіи программы — цѣли предотвратить возможность вредныхъ вліяній злонамѣренныхъ учителей, то никакая программа не помѣшаетъ учителю отразить свое вредное вліяніе на учениковъ. При программѣ необходимо присутствіе жандармскаго полковника въ каждой школѣ; ибо на показаніяхъ учениковъ нельзя основываться ни за, ни противъ учителя. Сущность же дѣла въ томъ, что такое основаніе нисколько не устраняется программой, и что опасенія такого рода совершенно напрасны. Какъ бы ни было устраняемо общество стѣ контроля надъ своими школами, нельзя воспрепятствовать отцу заботиться о томъ чему учать его сына; и какъ бы ни была устроена принудительно школа, нельзя помѣшать массѣ учениковъ оцѣнять своего учителя и давать ему только на столько вѣса, на сколько онъ того заслуживаетъ. Я твердо убѣжденъ и умозаключеніями и опытами, что школа всегда обезпечена противъ вредныхъ вліяній контролемъ родителей и чувствомъ справедливости учениковъ.

Въ ст. 62 сказано, что общества могутъ заводить библіотеки, т. е., что никому не воспрещается покупать книги, ни поодиночкѣ, ни собравшись вмѣстѣ, ежели того пожелаютъ.

Глава VII. *Объ учащихъ въ народныхъ училищахъ и распредѣленіи времени ученія.*

Ст. 63. *Дѣти могутъ поступать въ народное училище съ 8-лѣтняго возраста. Отъ поступающихъ въ училище не требуется никакихъ предварительныхъ знаній.*

Почему съ 8 лѣтъ, а не съ 6 лѣтъ 3½ мѣсяцевъ? Этотъ вопросъ точно также требуетъ положительныхъ доказательствъ какъ и тотъ, почему учителямъ назначается 150, а не 178 р. 16 и ⅓ к.; тѣмъ болѣе, что я по своему личному опыту знаю, что по крайней мѣрѣ одна четверть дѣтей ходитъ въ школу ниже 8-лѣтняго возраста, и что быстрее, легче и лучше выучиваются читать именно въ этомъ возрастѣ, отъ 6 до 8 лѣтъ. Всѣхъ дѣтей учащихся въ семействахъ, которыхъ я знаю, начинаютъ учить тоже гораздо ранѣе 8-лѣтняго возраста. Это самое свободное время для крестьянскаго ребенка, эпоха, въ которую еще не начинаютъ употреблять его въ домашнія работы и онъ весь отдается школѣ до 8-лѣтняго возраста. Почему же составителямъ проекта вдругъ такъ не понравился этотъ возрастъ! Необходимо нужно знать основанія, на которыхъ изъ школъ исключены дѣти до 8 лѣтъ.

Во второй части статьи изображено, что отъ поступающихъ не требуется никакихъ предварительныхъ знаній. Не понимаемъ, къ чему это. Требуется или нѣтъ отъ поступающихъ лѣтомъ канифасныя курточки и зимою извѣстное форменное одѣяніе?...

Вѣдь ежели опредѣлять все чего не нужно, то надо было опредѣлить и это.

Въ ст. 64 сказано: *Опредѣленнаго срока на прохожденіе курса въ народномъ училищѣ не полагается; каждый ученикъ признается кончившимъ курсъ тогда, когда достаточно усвоитъ себѣ то, что преподается.*

Намъ живо представляется радость и счастье какого-нибудь Ахрамѣя, когда онъ признается кѣмъ-то окончившимъ курсъ.

Ст. 65. *Въ сельскихъ народныхъ училищахъ ученіе должно быть начинаемо со времени окончанія полевыхъ работъ и продолжается до начала ихъ въ слѣдующемъ году, сообразно мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта.*

Здѣсь составители проекта, видимо стараясь благоразумно покориться требованіямъ дѣйствительности, вновь ошибаются, несмотря на отбѣнокъ практичности, который имѣетъ эта статья. Что такое начало и конецъ сельскихъ работъ? Какъ скоро уставъ, такъ онъ долженъ быть опредѣленъ. Учитель, во всемъ подчиняющійся уставу, въ точности исполнить его. И въ этомъ случаѣ 1 апрѣля роспускъ, то ужъ онъ не пропуститъ дня лишняго. Не говоря о томъ, что сроки эти опредѣлить трудно,—во многихъ мѣстностяхъ на лѣто останется много учениковъ и почти вездѣ останется около трети. Крестьяне вездѣ твердо убѣждены, на основаніи распространеннаго между ними способа ученія наизусть, что ученіе весьма скоро забывается и потому неохотно, только нуждающіеся берутъ своихъ дѣтей на все лѣто и то всегда просятъ хоть разъ въ недѣлю повторять съ учениками. Ежели уже писать проектъ, соображаясь съ требованіями народа, то надо было писать и это.

Ст. 66 ясно указываетъ на то, что учатся по буднямъ, а не по праздникамъ, въ чемъ нельзя не согласиться, какъ и во всѣхъ такого рода положеніяхъ, извѣстно для чего написанныхъ, и ровно ничего не говорящихъ.

Но ст. 67 вновь приводитъ насъ къ удивленію. Въ ней сказано, что *ученики должны собираться въ училище только одинъ разъ и заниматься не болѣе 4-хъ часовъ, съ роздыхомъ*

Интересно бы было видѣть успѣхи по крайней мѣрѣ 50 учениковъ (а можетъ быть и 100, какъ значится по разчисленію) учащихся въ продолженіи только зимы и только по 4 часа въ день съ роздыхомъ! Я имѣю смѣлость считать себя хорошимъ учителемъ, но ежели бы мнѣ дали 70 учениковъ при такихъ условіяхъ, я впередъ могу сказать, что черезъ два года половина не умѣла бы еще читать. Какъ скоро же проектъ будетъ утвержденъ, можно быть смѣло увѣреннымъ, что ни одинъ учитель, несмотря на полдесятины огородной земли, не прибавитъ ни одного часа занятій противъ росписанія съ тѣмъ, чтобы, соображаясь съ филантропическою предусмотрительностію проекта, не изнурять юные умы крестьянскихъ дѣтей. Въ довольно большомъ числѣ школъ, которыхъ я знаю, дѣти учатся 8—9 часовъ въ день, остаются ночевать въ школѣ съ тѣмъ, чтобы вечеромъ еще читать съ учителемъ, и ни родители, ни учителя, не замѣчаютъ никакихъ дурныхъ отъ того послѣдствій.

По ст. 69 предполагается ежегодный публичный экзаменъ. Здѣсь не мѣсто доказывать, что экзамены вредны, и больше чѣмъ вредны, невозможны. Я ограничусь только вопросомъ: для чего и для кого эти экзамены?

Дурная и вредная сторона экзаменовъ въ народной школѣ должна быть понятна всякому. Офіціальныя обманы, подлоги, безцѣльное муштрованіе дѣтей и вытекающее изъ него разстройство въ обыкновенныхъ занятіяхъ—польза же этихъ экзаменовъ для меня совершенно не понятна. Пробудить посредствомъ экзамена соревнованіе въ 8 лѣтнихъ дѣтяхъ вредно; опредѣлить посредствомъ двухъ часового экзамена знанія 8-лѣтнихъ учениковъ и оцѣнить заслуги учителя не возможно.

По ст. 70 ученикамъ выдаются бумаги съ печатью, называемыя аттестатами. О томъ, для чего употребляются эти бумаги, не видно изъ проекта. Съ ними не связано никакихъ правъ и преимуществъ и потому не полагаю, чтобы обманчивая мысль, что бумаги съ печатями имѣтъ очень лестно, могла имѣтъ долго ходъ въ народѣ и служить побужденіемъ къ поступленію въ школу. Ежели на первое время и удастся обмануть народъ значеніемъ этихъ бумагъ, онъ скоро пойметъ свою ошибку.

Ст. 71 предоставляет то же право на бумаги съ печатями и лицамъ учившимся внѣ школы, которыхъ, по моему убѣжденію, еще менѣе могутъ польститься на такое право

Ст. 72 съ примѣчаніемъ, напротивъ того, заслу-

живаетъ полнаго довѣрія и болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ цѣли и духу проэкта. Вотъ эта статья: по окончаніи каждаго учебнаго года, учитель или учительница представляетъ губернскому директору, по прилагаемой формѣ, въдомость о числѣ учащихся въ народномъ училищѣ и о числѣ подвергавшихся въ немъ испытанію на полученіе аттестата.

Примѣчаніе. Въдомость эта заключаетъ въ себѣ статистическія данныя, необходимыя для общаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія и потому форма ея должна всегда быть согласуема съ вопросами, опредѣляемыми этимъ отчетомъ. Директоръ училищъ долженъ доставлять въ училища печатныя бланки въдомостей, изготовляемые на счетъ суммы, отпускаемой ему на канцелярскіе припасы.

Какъ все обдуманно, какъ все предвидѣно, даже заготовленіе бланковъ, даже суммы, на которыя они заготавливаются! Такъ и предчувствуешь эту безучастную правильность и неизмѣнность формы и даже содержанія будущихъ отчетовъ и точно такихъ, какихъ требуется правительству отчетовъ ни о томъ, что должно бы быть въ дѣйствительности, даже не о томъ, что есть, ибо главная часть образованія въ частныхъ школахъ ускользнетъ отъ этихъ отчетовъ, но о томъ, что должно бы было быть по неисполняемымъ распоряженіямъ правительства. И этой статьей заключается весь проэктъ государственныхъ школъ. Далѣе слѣдуетъ:

Глава VIII. Частныя народныя училища.

Три статьи этой главы предоставляютъ каждому лицу право открывать частныя школы, опредѣляютъ условія такого открытія, ограничиваютъ программы такихъ школъ одною грамотностью въ тѣсномъ смыслѣ и учреждаютъ надъ ними контроль духовенства. Можно быть увѣреннымъ, что въ Норд и другихъ иностранныхъ газетахъ, предоставленіе такого права будетъ принято и оцѣнено, какъ новый нашъ шагъ къ прогрессу. Незнающій русской жизни критикъ проэкта достанетъ уставъ 1828 года, по которому открытія школъ и частное учительство воспрещены, и сравнитъ прежнія стѣснительныя мѣры съ новымъ проэктомъ, въ которомъ требуется только объявить объ открытіи школъ, скажетъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія дается проэктомъ несравненно большая свобода, чѣмъ прежде. Для насъ же, живущихъ русской жизнью, дѣло представляется иначе. Уставъ 1828 года былъ только уставъ, и никто никогда не думалъ съ нимъ соображаться; всѣми, какъ обществомъ, такъ и исполнителями устава, была признана его несостоятельность и невозможность исполненія. Существовали и существуютъ тысячи школъ безъ разрѣшенія и ни у одного штатнаго смотрителя и директора гимназій не поднималась и не поднимается рука закрыть эти школы, на томъ основаніи, что онѣ не подходятъ подъ статьи устава 1828 года. Тасі tu con sence. Общество и исполнители закона признали уставъ 1828 года не существующимъ, и въ дѣйствительности при учительствѣ и открытіи школъ, руководствовались съ незапамятныхъ временъ совершенною свободою. Уставъ про-

шелъ совершенно незамѣченнымъ. Я завелъ школу съ 1849 года и только въ Мартѣ 1862 года, по случаю появленія проэкта, узналъ о томъ, что я не имѣлъ права открывать школу. Изъ тысячи учителей и основателей школъ, едва ли одинъ знаетъ о существованіи устава 28 года Онъ извѣстенъ только чиновникамъ министерства народнаго просвѣщенія. Поэтому-то мнѣ кажется, что 73, 74, 75 ст. проэкта предоставляютъ новыя права только относительно мнимо существовавшихъ стѣсненій, относительно же существовавшаго порядка, палагаютъ только новыя стѣснительныя и неисполнимыя условія. Никто не пожелаетъ основать школы, когда не будетъ имѣть права назначить, смѣнить учителя, самъ выбрать руководства, самъ составить себѣ программу. Большинство учителей и основателей частныхъ школъ — солдаты, причетники, кантонисты, будутъ опасаться объявлять объ открытіи своихъ школъ, многіе будутъ не знать этого требованія и ежели захотятъ, всегда въ законныхъ формахъ съумѣютъ обойти его. Какъ я говорилъ уже въ предшествовавшей статьѣ, нельзя опредѣлить границы между семейнымъ домашнимъ обученіемъ и школой. Дворникъ нанялъ къ своимъ двумъ мальчикамъ учителя, еще трое ходятъ къ нему; помѣщикъ съ своими дѣтьми учитъ четырехъ дворовыхъ и двухъ крестьянскихъ дѣтей; работники по воскресеньямъ приходятъ ко мнѣ, — нѣкоторымъ я читаю, нѣкоторые учатся грамотѣ, нѣкоторые смотрятъ рисунки и модели. Школы это, или нѣтъ? А вмѣстѣ съ тѣмъ какое поприще для злоупотребленій. Я посредникъ и имѣю убѣжденіе, что образованіе вредно для народа и штрафую старика за то, что онъ выучилъ грамотѣ своего крестьянина и отбираю у него азбучку и псалтырь на томъ основаніи, что онъ долженъ былъ меня извѣстить объ открытіи своей школы. Есть отношенія людей, немогущія быть опредѣленными закономъ, — это отношенія образовывающаго къ образовываемому и т. п.

Глава IX. О управленіи училищъ. Здѣсь говорится, что управленіе училищами ввѣрено директору училищъ, одному на губернію. Въ проэктѣ нѣсколько разъ и здѣсь повторяется подраздѣленіе управленія по учебной и какой-то еще другой части. Я рѣшительно не понимаю этого подраздѣленія, и въ каждомъ училищѣ не вижу никакой другой части кромѣ учебной, изъ которой вытекаетъ хозяйственная, естественно ей подчиненная, и не могущая быть отдѣленной отъ первой. По проэкту, все предоставлено власти одного директора. Директоръ, какъ надо себѣ объяснить неясное выраженіе 87 ст. (*пріобрѣтшій опытность въ учебномъ дѣлѣ, въ продолженіе службы по учебной части*), долженъ быть избираемъ изъ учителей гимназій или профессоровъ. Директоръ долженъ лично наблюдать за ходомъ ученія и даже показывать, какъ обращаться и какъ учить, — и директоръ одинъ на 300 или 500 училищъ по губерніи. Для того же, чтобы имѣть право подать какойнибудь совѣтъ учителю, нужно по крайней мѣрѣ въ продолженіи недѣли изучить положеніе каждой школы, а дней въ году,

какъ извѣстно, 365. Правительству же будутъ стоить эти чиновники около двухъ сотъ тысячъ р. на всю Россію.

Въ ст. 79 сказано, что директоръ, избѣгая переписки, обязанъ лично слѣдить за дѣломъ.

Въ слѣдующихъ статьяхъ даны инструкціи директору чего требовать отъ учителей.

Въ ст. 86 назначены деньги для разъѣздовъ директору. Очевидно желаніе составителей проекта, чтобы наблюденіе директора было не формальное, а дѣйствительное. Но самое положеніе этого чиновника исключаетъ возможность дѣйствительнаго наблюденія. Воспитанникъ университета, бывшій учитель гимназій или профессоръ университета и потому уже никогда неимѣвшій дѣла съ народомъ и народными школами, обязанъ, живя въ городѣ и ведя канцелярское дѣло—назначеніе учителей, награды, вѣдомости и т. п., руководить школами, въ которыхъ онъ не можетъ побывать болѣе одного раза въ годъ (и то едва ли). Я знаю директоровъ гимназій, находящихся почти въ томъ же положеніи, со всевозможнымъ жаромъ, и любовью занимающихся дѣломъ приходскихъ школъ и на каждомъ шагу, при ревизіяхъ, экзаменахъ, назначеніяхъ и смѣнахъ учителей, дѣлающихъ ошибки за ошибками только потому, что кругъ дѣятельности ихъ на сто разъ обширнѣе того, какимъ бы онъ долженъ и могъ бы быть. Одинъ человекъ можетъ управлять корпусомъ и, сдѣлавъ инспекторскій смотръ, знатъ въ хорошемъ или дурномъ состояніи корпусъ, но управлять десятию школами уже слишкомъ много для одного человека.

Всякій знающій народныя школы, долженъ знать то, какъ трудно и невозможно ревизіей, экзаменомъ опредѣлить степень успѣха и направленія школъ. Какъ часто добросовѣтный учитель, съ чувствомъ своего достоинства, не позволяя себѣ щеголять своими учениками, представляется въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ безсовѣстный солдатъ-учитель, который цѣлый годъ уродуетъ учениковъ и работаетъ только въ виду предстоящаго смотра, и какъ хитры бываютъ эти безсовѣстные люди, и какъ часто успѣваютъ обманывать хорошихъ и честныхъ начальниковъ. Что и говорить о томъ страшномъ вредѣ, который производитъ такое инстанціонное начальство на учениковъ. Но еслибы даже со мной не согласились въ этомъ, учрежденіе должности директора будетъ бесполезно и вредно только потому, что одинъ директоръ на губернію будетъ назначать, смѣнять учителей и назначать награды только по слухамъ, по предположеніямъ или произволу, ибо одному человеку знатъ, что дѣлается въ пяти стахъ училищахъ, невозможно.

Далѣе слѣдуетъ образецъ вѣдомости о числѣ учащихся, исчисленія суммы, потребной на содержаніе народныхъ училищъ, и штатъ губернскаго управленія народными училищами. Далѣе объяснительная записка.

Изъ объяснительной записки видно, что дѣятельность комитета раздѣлялась на два отдѣла: 1) при-

исканіе мѣръ для развитія народнаго обученія въ настоящее время до окончательнаго устроенія сельскаго состоянія, и 2) самый планъ проэкта, которымъ мы занимаемся. Предварительныя мѣры эти осуществлены, сколько мнѣ извѣстно, циркуляромъ мин. вн. дѣлъ, относительно порядка открытія училищъ и обязательства заявлять о нихъ. Что же касается до назначенія и удаленія учителей губернскимъ директоромъ, предоставленнаго мѣстному духовенству наблюденія и до требованія, чтобы употребляемые учебники были одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія и святѣйшимъ синодомъ мнѣ неизвѣстно, несмотря на то, что я спеціально занимаюсь школами,—если это предположеніе, или законъ. Очень можетъ быть, что я совершаю преступленіе, употребляя въ школъ неодобренные учебники и общества точно также преступны, смѣняя и назначая учителей безъ директора. Если состоялся, или имѣетъ состояться, такого рода законъ, то недостаточно 1 ст. свода законовъ, гласящей, что никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона, такіе новые неожиданные законы необходимо читать по всемъ церквамъ и приходамъ. Намъ не извѣстно тоже, принято ли мин. нар. пр. предложеніе комитета изготovitъ въ панскорѣйшемъ времени учителей и сколько гдѣ заготавливаются таковыя. О томъ, что мѣра предписываемая циркуляромъ мин. вн. дѣлъ, не удобоисполнима, я говорилъ прежде. Обратимся къ нѣкоторымъ мыслямъ, выраженнымъ въ объяснительной запискѣ, особенно поражающихъ насъ.

Отъ чего бы кажется, въ такомъ серьезномъ государственномъ дѣлѣ не быть откровеннымъ. Я говорю о томъ участіи, значеніи и вліяніи, которое въ дѣлѣ образованія, по проэктору, дается у насъ въ Россіи нашему русскому духовенству. Я живо представляю себѣ составителей проэкта, которые, вводя хотя слѣдующее замѣчаніе: *съ возложеніемъ на приходское духовенство наблюденія, чтобы преподаваніе совершалось въ духѣ православія и христіанской нравственности* и т. п., — я живо представляю себѣ какая улыбка покорности и сознанія необходимости своего превосходства и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанія ложности этой мѣры, играла на устахъ составителей проэкта, когда они слушали и записывали въ протоколъ эту статью. Точно такую же улыбку производитъ это во всехъ опытныхъ людяхъ, которые думаютъ знать жизнь. «Что жъ дѣлать, это понятно», говорятъ они. Другіе неопытные, умные и любящіе дѣло люди, возмущаются и озлобляются при чтеніи этой статьи. Отъ кого хотять скрыть печальную истину? должно быть отъ народа. Но народъ лучше насъ знаетъ ее. Неужели столько вѣковъ живя въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ духовенству, онъ не успѣлъ узнать и оцѣнить его? Народъ оцѣнилъ духовенство и на столько даетъ ему участія и вліянія въ своемъ образованіи, на сколько духовенство того заслуживаетъ. Въ проэктѣ много такихъ статей, неоткровенныхъ, дипломатическихъ. По существу дѣла,

всѣ онѣ будутъ обойдены и не было бы никакой разницы, ежели бы онѣ не были никогда написаны, но статьи эти, хоть та, которую мы привели здѣсь, по своей лживости и неясности открываютъ огромное поприще для злоупотребленій, которыхъ нельзя и предвидѣть. Я знаю священниковъ, которые говорятъ, что учить по *бе*, а не по *буки*, — грѣхъ; что переводить по-русски и толковать молитвы — грѣхъ, что учить священную исторію должно только по азбучкѣ и т. п.

II.

Я самъ чувствую, что принятый мною способъ обсужденія проекта недостаточно серьезенъ и что я какъ будто стараюсь только подтрунивать надъ проектомъ и какъ будто принялъ за правило отрицать все, что въ немъ находится. Такое мое отношеніе къ проекту произошло невольно вслѣдствіе противоположности моего, происшедшаго изъ близкихъ отношеній къ народу, практическаго взгляда на дѣло и совершенной отчужденности отъ дѣйствительности взгляда и предначертаній проекта. Мы стоимъ на столь противоположныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга точкахъ воззрѣнія, что несмотря на все уваженіе и даже страхъ возбуждаемый во мнѣ проектомъ, я какъ будто не вѣрю въ дѣйствительность его. И несмотря на усилія, которыя дѣлаю надъ собою, не могу относиться къ нему вполне серьезно. Я не могу найти возраженій въ той области мыслей, въ которой дѣйствовалъ комитетъ. Сущность возраженій моихъ направлена не противъ ошибокъ и недоговорокъ проекта, но противъ той самой сферы дѣятельности, изъ которой онъ вышелъ, и состоитъ только въ отрицаніи приложимости и возможности такого проекта.

Я постараюсь перенестись въ ту сферу мысли и дѣятельности, изъ которой возникъ проектъ. Мнѣ понятно, что въ настоящую эпоху всеобщихъ преобразованій въ Россіи вопросъ устройства системы народнаго образованія естественно долженъ былъ возникнуть въ правительственныхъ кругахъ. Правительство, всегда имѣвшее и имѣющее инициативу во всѣхъ преобразованіяхъ, новоучрежденіяхъ, должно было естественно придти къ убѣжденію, что именно въ настоящее время на немъ лежитъ обязанность устройства системы народнаго образованія. Придя къ такому убѣжденію, оно также естественно, должно было поручить устройство системы извѣстнымъ чиновникамъ различныхъ министерствъ. Основательнѣе и либеральнѣе той мысли, что въ составленіи проекта должны участвовать представители всѣхъ вѣдомствъ, ничего нельзя было придумать, ничего нельзя было и требовать. (Можно было бы замѣтить только, почему въ этомъ комитетѣ, занятія котораго важнѣе въ тысячу разъ крестьянскаго комитета, не были приглашены эксперты, такъ же какъ при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ, но замѣчаніе это не имѣетъ силы, ибо, по нашему убѣжденію, ежели бы и были

приглашены, такъ называемые эксперты, проектъ мало бы измѣнился отъ того, что онъ есть.) О томъ, чтобы самъ народъ, до котораго только и касается дѣло проекта, самъ бы посредствомъ своихъ представителей, составлялъ свою систему, не могло быть и рѣчи.

Люди, хотя и весьма почтенные, служащіе чиновники, никогда не изучавшіе ни народа, ни вопросы народнаго образованія, неспеціалисты того дѣла, которымъ они занимались, продолжая свои прежнія занятія, не имѣя времени посвятить десятки лѣтъ на изученіе предстоящаго вопроса, стали собираться по извѣстнымъ днямъ недѣли и обсуждать величайшій вопросъ міроустройства народнаго образованія въ Россіи. Надо еще замѣтить, что существеннѣйшій вопросъ подвѣдомственности училищъ министерству народнаго просвѣщенія, былъ предрѣшенъ въ комитетѣ гг. министровъ, и что потому члены комитета были поставлены въ самыя тѣсныя рамки.

Я впередъ признаю всѣхъ членовъ комитета высокообразованными и высоконравственными лицами, проникнутыми любовью къ народу и желаніемъ блага отечеству и, не смотря на то, не могу предположить, чтобы при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они работали, могло бы выдти что-нибудь другое. Долженъ былъ выдти тотъ самый проектъ, которымъ мы занимаемся. Во всемъ проектѣ видно не столько изученіе народныхъ потребностей и изученіе самого образованія и на этихъ основаніяхъ постановленіе новыхъ законовъ, а какая-то борьба съ чѣмъ-то неизвѣстнымъ вреднымъ и мертвящимъ. Весь проектъ, какъ видѣли читатели, наполненъ статьями о томъ, что *народныя училища суть заведенія открытыя, что священники могутъ учить только тогда, когда они имѣютъ время учить, что попечителю не присваивается никакихъ правъ, что учителямъ не полагается чиновъ, что не полагается казенной формы для строеній, что частныя лица могутъ учить, что и дѣвочки можно учить, что можно заводить библіотеки, что директоръ училищъ долженъ ѣздить по училищамъ, что учителями могутъ быть лица всѣхъ сословій, что два раза нельзя брать денегъ за ученіе, что ученики могутъ ходить и не ходить, что учителямъ не должно быть дѣлаемо препятствіе къ переходу въ другой родъ службы* (ст. 22 объяснительной записки), что учителямъ не нужно мундировъ, et cet. et cet. Читая проектъ и живя въ деревнѣ, удивляешься, зачѣмъ пишутъ такія статьи, а этими статьями наполненъ проектъ, что можно видѣть и изъ нашего разбора.

Работая при такихъ условіяхъ — незнанія дѣла, незнанія народа и его потребностей и главное при стѣснительности тѣхъ требованій, которыя чувствуются во всемъ проектѣ, можно только удивляться, почему проектъ вышелъ еще не хуже.

Вопросъ былъ поставленъ такъ: — средствъ нѣтъ и не будетъ — народное образованіе должно быть подчинено министерству народнаго просвѣщенія,

духовенство должно имѣть власть руководить и направлять духъ образованія, самоуправленіе школъ и сами школы должны быть однообразны по всей Россіи — сдѣлайте, чтобъ такая система была бы наилучшая. Выдумать русскую систему образованія такую, которая бы вытекала изъ потребностей народа, невозможно ни комитету, ни кому въ мірѣ, — надобно ждать, чтобъ она сама выросла изъ народа. Для того, чтобы угадать мѣры, которыя бы способствовали, а не стѣсняли такое развитіе, нужно много времени, труда изученія и свободы воззрѣнія; ни того, ни другого не было у комитета. Для разрѣшенія вопроса необходимо было обратиться къ европейскимъ системамъ. Я полагаю, что были посланы чиновники для изученія системъ, въ различныхъ государствахъ. (Я даже видалъ такихъ изучателей, скитающихся безъ цѣли изъ мѣста въ мѣсто и озабоченныхъ только мыслию, какъ бы составить записку, которую надо представить министру.)

На основаніи такихъ записокъ, я полагаю, разбираемы были въ комитетѣ всѣ иностранныя системы. Нельзя достаточно быть благодарнымъ комитету за то, что изъ всѣхъ, неприложимыхъ къ намъ системъ, онъ выбралъ менѣе дурную — американскую. Рѣшивъ, на основаніи этой системы, главный финансовый вопросъ, комитетъ сталъ рѣшать вопросы административные, соображаясь только съ предрѣшеніемъ комитета гг. министровъ о подвѣдомственности школъ министерству народнаго просвѣщенія и для узнанія обстоятельствъ дѣла, пользуясь только имѣющимися въ С.-Петербургѣ матеріалами, — для распредѣленія училищъ запиской географическаго общества, для опредѣленія числа училищъ, официальными отчетами духовнаго вѣдомства и директоровъ, — и проэктъ составилъ.

Съ точки зрѣнія правительственной, какъ только проэктъ будетъ приведенъ въ исполненіе, во всей Россіи, въ соразмѣрномъ населенію числѣ, откроются школы. Въ большей части случаевъ народъ достаточный будетъ съ охотой платить 27½ коп. съ души, въ бѣдныхъ селеніяхъ школы откроются даромъ (на губернской капиталъ). Крестьяне за такую умѣренную цѣну имѣя отлично-устроенныя училища, не будутъ отдавать своихъ дѣтей къ солдатамъ, а охотно поведутъ ихъ въ школу. На тысячу душъ вездѣ (все съ правительственной точки зрѣнія) будетъ красивый большой домъ, хотя построенный и не по формѣ, но съ надписью «школа», съ лавками и столами и съ надежнымъ, поставленнымъ правительствомъ, учителемъ. Дѣти будутъ собираться со всего прихода. Родители будутъ гордиться аттестатами, получаемыми ихъ дѣтьми; аттестатъ будетъ считаться лучшей рекомендаціей для молодого парня — и дѣвку за него отдадутъ и въ работу его возьмутъ охотнѣе, ежели у него есть аттестатъ. Черезъ три-четыре года будутъ ходить не одни мальчики, но и дѣвочки. Одинъ учитель, раздѣляя часы дня,

будетъ учить 100 учениковъ. Ученіе будетъ идти успѣшно, во-первыхъ потому, что будетъ по предложенной преміи найденъ, выбранъ и одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія лучший методъ и этотъ методъ будетъ обязателенъ для всѣхъ школъ (а черезъ нѣсколько времени и сами учителя будутъ всѣ приготовлены по одной лучшей методѣ): во-вторыхъ потому, что руководства тоже будутъ лучшія, одобренныя министерствомъ въ родѣ Берте и Ободовскаго. Учитель будетъ совершенно обезпеченъ въ жизни, привязанъ и соединенъ съ сословіемъ, среди котораго онъ живетъ. Учитель, какъ и въ Германіи, будетъ съ священникомъ составлять аристократію въ деревнѣ, будетъ первымъ другомъ и совѣтникомъ крестьянъ. На каждое учительское мѣсто будутъ десятки кандидатовъ, изъ которыхъ достойнѣйшихъ будетъ избирать знающій дѣло и образованный директоръ. Законоучитель, за приличное вознагражденіе, будетъ утверждать дѣтей въ истинахъ православной религіи. Такъ какъ почти все молодое поколѣніе будетъ стянуто въ школы, ими будетъ прекращена возможность развитія раскола. Средства школы всегда будутъ достаточны, не только для платы учителямъ, которыхъ правительство обезпечиваетъ посредствомъ 27 копѣчнаго сбора, но и для учебныхъ пособій и для помѣщенія, устройство которыхъ предоставлено на произволъ общества, вслѣдствіе чего общества не будутъ скупиться, а въ этомъ отношеніи, соперничать другъ передъ другомъ. Мало того, что общества не будутъ жалѣть средствъ, каждая школа будетъ имѣть попечителя или попечительницу, и эти лица, соревнуя народному образованію, — какъ надо полагать, богатые люди — будутъ помогать школѣ, какъ матеріальными средствами, такъ и въ управленіи ея. Всякое малѣйшее упущеніе учителя, или недоразумѣніе со стороны родителей будетъ устраняемо попечителями или мировыми посредниками, которые охотно посвящаютъ часть своихъ досуговъ святому дѣлу народнаго образованія, возбуждающему сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей Россіи. Время ученія не будетъ обременять нравственные силы учениковъ; все лѣто будетъ отдано для сельскихъ работъ. Курсъ ученія будетъ заключать въ себѣ самыя существенныя знанія и будетъ содѣйствовать къ утвержденію въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Злонамѣренныя и грубыя необразованныя лица, обязанныя объявлять объ открытіи своихъ училищъ, тѣмъ самымъ будутъ подпадать подъ общій надзоръ учебнаго начальства и тѣмъ самымъ будутъ лишены возможности имѣть вредное вліяніе. Правительственныя школы естественно будутъ такъ хороши, что конкуренція съ ними частныхъ школъ окажется невозможною, какъ это было въ Америкѣ. Тѣмъ болѣе, что правительственная школа будетъ бесплатна. Губернское начальство надъ училищами будетъ сосредоточено въ одномъ образованномъ, знающемъ дѣло и са-

мостоятельномъ лицѣ — директорѣ училищъ. Лицо это, матеріально-обезпеченное и не связанное никакими канцелярскими требованіями, будетъ постоянно ѣздить по школамъ, дѣлать экзамены и лично слѣдить за успѣхами учения.

Кажется, какъ хорошо! Такъ и видишь по всей Россіи возникшіе большіе училищные дома съ желѣзными крышами, пожертвованными попечителями или обществами, въ назначенный министерствомъ часъ видишь, съ сумочками черезъ плечо, собирающихся изъ разныхъ деревень учениковъ, видишь образованнаго, изучившаго лучшую методу учителя и исполненную любовію къ дѣлу попечительницу, присутствующую при классахъ и слѣдящую за учениемъ, видишь на обывательскихъ прѣзжающаго директора, уже нѣсколько разъ въ году побывавшаго въ школѣ, знающаго и учителя и почти всѣхъ учениковъ и дающаго учителю практическіе совѣты, видишь счастье и довольство родителей, присутствующихъ при экзаменахъ и съ трепетомъ ожидающихъ наградъ и аттестатовъ для своихъ дѣтей и видишь это все по всей Россіи, видишь какъ быстро разсѣвается мракъ невѣжества, и грубый, невѣжественный народъ дѣлается совсѣмъ другимъ — образованнымъ и счастливымъ.

Но все это будетъ не такъ. Дѣйствительность имѣетъ свои законы и свои требованія. Въ дѣйствительности, на сколько я знаю народъ, приложеніе проэкта осуществится слѣдующимъ образомъ:

Черезъ земскую полицію или волостныя правленія будетъ объявлено, что крестьяне должны собрать къ такому-то сроку по 27½ коп. съ души. Будетъ объявлено, что деньги эти собираются на училище. Потомъ объявятъ еще сборъ на устройство училища; ежели скажутъ, что количество сбора зависитъ отъ нихъ, крестьяне положатъ по 3 коп. и потому принуждены будутъ назначить опредѣленный сборъ. Крестьяне, само собою разумѣется, не поймутъ и не повѣрятъ этому. Большинство рѣшитъ, — что пришелъ отъ царя указъ прибавить налогъ и больше ничего. Деньги соберутъ съ трудомъ, съ угрозами, съ насиліемъ. Становой же объявитъ, что училище должно быть построено въ такомъ-то мѣстѣ и что сами общества должны избрать распорядителей постройки. Естественно, крестьяне и въ этомъ будутъ видѣть еще новый налогъ и только вслѣдствіе принужденія исполнять предписанное. Что и въ какомъ видѣ строить — они опять не будутъ знать и будутъ исполнять только приказанія начальства.

Имъ скажутъ, что они могутъ избрать попечителя своего училища, этого они никакъ не поймутъ и не потому, что они глупы и необразованы, а потому что имъ никакъ не войдетъ въ голову, что непосредственно наблюдать за учениемъ своихъ дѣтей они не имѣютъ права, а должны для этой цѣли выбрать какое-то лицо, которое въ сущности тоже не имѣетъ никакого права. Налогъ 27½ коп., налогъ на устройство училища, обязательство строить его, — все это породитъ въ на-

родѣ такое недоброжелательство къ мысли и слову «училище», съ которымъ они естественно будутъ соединять мысль налога, что они не захотятъ выбирать никого, опасаясь, чтобы и на жалованье попечителю не собрали съ нихъ денегъ. Становой и посредникъ насядутъ на нихъ, они со страхомъ и трепетомъ выберутъ перваго попавшагося и назвавшагося попечителя. Попечителемъ или останется мировой посредникъ, или будетъ выбранъ, почти всегда, первый помѣщикъ живущій въ селѣ и потому попечительство его будетъ или забава или ерничество, т. е. занятіе серіознѣйшимъ дѣломъ въ мірѣ какъ игрушкой, или средствомъ для осуществленія тщеславныхъ прихотей. Посреднику же, при теперешнемъ положеніи, нѣтъ физической возможности исполнять и прямыя свои обязанности. Быть же представителемъ общества, въ отношеніи контроля этого общества надъ училищемъ, есть дѣло чрезвычайно трудное и требующее большаго знанія и добросовѣстнаго труда. Большинство попечителей будутъ заходить раза два въ мѣсяцъ въ училище, подарятъ можетъ быть въ него доску, сдѣланную домашнимъ столяромъ, по воскресеньямъ позовутъ къ себѣ учителя (и это самое лучшее), и въ случаѣ надобности учителя — отрекомендуютъ своего крестника, выгнаннаго изъ богословія сына священника, или своего бывшаго конторщика.

Построивъ училище и заплативъ деньги, общества подумаютъ, что теперь отдохнули отъ училищныхъ налоговъ, — не тутъ то было. Становой объявитъ имъ, что они должны еще отрѣзать полдесятины концыяниниковъ учителю. Опять станутъ собираться сходки, опять слова *училище* и *насилственное отчужденіе* сольются въ одно нераздѣльное понятіе. Пойдутъ мужики ходить по огородамъ размѣривать землю, переругаются, перессорятся, нагрѣшатъ, по ихъ выраженію, соберутся другой и третій разъ и какъ-нибудь, исполняя приказаніе начальства, оторвутъ отъ себя кусокъ драгоценной для нихъ огородной земли. И это еще не все, собирай сходку еще, — какъ разложить по приходу отсыпное учителю? (Натуральныя повинности самыя нелюбимыя крестьянами.) Наконецъ, училище построено и содержаніе учителю готово. Ежели помѣщикъ или посредникъ не рекомендовали своего конторщика, или крестника, директоръ училищъ долженъ назначить своего учителя. Выборъ для директора училищъ будетъ или очень легокъ, или очень труденъ, ибо тысячи учителей, выгнанныхъ изъ писцовъ и изъ семинарій, будутъ каждый день стоять въ его передней, подпавать его письмоводителя и поддѣлываться къ нему со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Директоръ, бывший учитель гимназій, ежели онъ вполнѣ добросовѣстный и осторожный человѣкъ, будетъ руководиться въ выборѣ учителей только одною степенью образованія, т. е. предпочитать кончившаго некончившему курсъ, и вслѣдствіе этого будетъ безпрестанно ошибаться. Большинство же директоровъ, не такъ строго смотрящихъ на свои обязанности, будутъ руководиться

филантропическими рекомендаціями и своимъ добрымъ сердцемъ: отчего не дать кусокъ хлѣба бѣдному человѣку — и вслѣдствіе того будутъ точно также ошибаться какъ и первые. Я не вижу для директора болѣе справедливаго основанія выбора, какъ жребій.

Такъ или иначе — учитель назначенъ. Обществу объявляется, что они могутъ бесплатно посылать своихъ дѣтей въ ту самую школу, которая досталась имъ такимъ сокомъ. Большинство крестьянъ вездѣ отвѣтять одно на такое предложеніе: чортъ съ ней, съ этой школой, — ужъ она намъ вотъ гдѣ сидитъ. Жили столько лѣтъ безъ школы и еще проживемъ, а захочу малаго выучить, такъ къ дьячку отдамъ. То ученіе я ужъ знаю, а это еще Богъ знаетъ что будетъ, — пожалуй выучатъ малаго да и совсѣмъ отъ меня возьмутъ. Положимъ такое мнѣніе не будетъ повсемѣстно, разсѣется современнымъ, и глядя на успѣхи тѣхъ дѣтей, которые поступятъ сначала, и другіе захотятъ отдавать; и въ этомъ, недопускаемомъ мною, случаѣ, отдадутъ въ школу только живущіе въ селѣ, въ которомъ устроено училище. Никакая бесплатность не приманитъ учениковъ во время зимы, изъ деревень, находящихся на версту отъ школы. Это физически невозможно. Среднимъ числомъ въ школѣ будетъ человѣкъ 15. Остальныя дѣти прихода будутъ учиться у частныхъ людей по деревнямъ, или вовсе не будутъ учиться, а будутъ числиться въ школѣ и вписываться въ отчетъ. Успѣхъ въ училищахъ будетъ точно такой же, ежели не хуже, чѣмъ успѣхъ у частныхъ учителей, — дьячковъ и солдатъ. Учителя будутъ люди того же самаго разбора, семинаристы, ибо другіхъ еще нѣтъ, только въ первомъ случаѣ, не связанные никакими стѣснительными условіями, и находящіеся подъ строгимъ контролемъ родителей, требующихъ успѣховъ, соответственныхъ платимымъ деньгамъ, — въ правительственномъ же училищѣ, подчиняясь методамъ, руководствамъ, ограниченію числу часовъ въ день и вмѣшательствамъ попечителей и директоровъ, успѣхи навѣрное будутъ хуже. Директоръ будетъ получать огромное содержаніе, будетъ ѣздить, изрѣдка мѣшать добросовѣстнымъ хорошимъ учителямъ, назначать дурныхъ учителей и смѣнять хорошихъ, ибо знатъ условія школъ на цѣлую губернію невозможно, а управлять ими онъ долженъ, и будетъ въ извѣстные сроки представлять вѣдомости, столь же невольно ложныя какъ и тѣ, которыя теперь представляются. Частныя школы будутъ существовать точно также, какъ и теперь существуютъ, не заявляя о своемъ существованіи, и никто не будетъ знать о нихъ, несмотря на то, что въ нихъ-то и будетъ происходить главное движеніе народнаго образованія.

Все это еще не такъ дурно и не такъ вредно. Во всѣхъ отрасляхъ русской администраціи, мы

привыкли къ несоотвѣтственности официальной законности къ дѣйствительности. Почему же, казалось бы, не быть такой же соотвѣтственности и въ дѣлѣ народнаго образованія. Многое ошибочное и неприложимое проекта, скажутъ мнѣ, будетъ обойдено, многое же осуществится и принесетъ свою пользу. Проектомъ по крайней мѣрѣ положено начало системы народнаго образованія, и хорошая или дурная, малая или большая, но будетъ хоть одна школа на каждую тысячу душъ въ русскомъ народонаселеніи. Это было бы совершенно справедливо, ежели бы учрежденіе школъ вполнѣ и откровенно, въ административномъ и финансовомъ отношеніи, было взято правительствомъ на себя или ежели бы это учрежденіе было вполнѣ откровенно передано обществу. Въ настоящемъ же проектѣ общество заставляетъ платить, а правительство беретъ на себя организацію школъ, и изъ этого то естественно должно вытекать огромное, хотя и не всѣмъ можетъ быть очевидное, моральное зло, которое надолго подорветъ развитіе образованія въ русскомъ народѣ. Потребность образованія только что начинаетъ свободно зарождаться въ народѣ. Народъ, послѣ манифеста 19 февраля, вездѣ выразилъ убѣжденіе, что ему необходима теперь большая степень образованія, что для пріобрѣтенія этого образованія онъ готовъ дѣлать извѣстныя пожертвованія. Онъ выразилъ это убѣжденіе фактомъ: вездѣ въ огромномъ количествѣ возникаютъ и возникли свободныя школы. Народъ шелъ и идетъ по тому пути, на которомъ бы желало видѣть его правительство. И вдругъ налагая стѣсненіе на свободныя школы, налагая на всѣхъ обязательный училищный налогъ, правительство не только не признаетъ прежнее движеніе образованія, но какъ будто отрицаетъ его; оно какъ будто накладываетъ на народъ обязательство другаго, чуждаго народу образованія, устраняетъ его отъ участія въ своемъ собственномъ дѣлѣ и требуетъ не руководства и обсуждения, а только покорности. Не говоря уже, что опытъ показалъ мнѣ это въ частныхъ случаяхъ, исторія и здравый смыслъ указываютъ намъ на возможные результаты такого вмѣшательства: народъ сочтетъ себя мученикомъ насилія. Старыя дьячковскія школы покажутся ему святынею, всѣ новыя правительственныя школы представятся грѣховными нововведеніями, и онъ съ озлобленіемъ отвернется отъ того самаго дѣла, которое самъ съ любовію началъ прежде, и только потому, что поторопились, не дали ему додумать свое дѣло, не дали ему самому выбрать дорогу, а насильно повели его по той дорогѣ, которую онъ еще не считаетъ лучшею.

Осуществленіе проекта, кромѣ всѣхъ недостатковъ въ сущности его, о которыхъ говорено было выше, породитъ одно неизмѣримое зло — расколъ образованія, молчаливое отрицательное противо-дѣйствіе школѣ и фанатизмъ невѣжества или стараго образованія.

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ.

Есть много словъ не имѣющихъ точнаго опредѣленія, смѣшиваемыхъ одно съ другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ для передачи мыслей, — таковы слова — воспитаніе, образованіе, и даже обученіе.

Педагоги иногда не признаютъ различія между образованіемъ и воспитаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не въ состояніи выражать своихъ мыслей иначе какъ употребляя слова — образованіе, воспитаніе, обученіе или преподаваніе. Необходимо должны быть раздѣльныя понятія, соотвѣтствующія этимъ словамъ. Можетъ быть, есть причины почему мы инстинктивно не хотимъ употреблять эти понятія въ точномъ и настоящемъ ихъ смыслѣ; но понятія эти существуютъ и имѣютъ право существовать отдѣльно. Въ Германіи существуетъ ясное подраздѣленіе понятій—*Erziehung* (воспитаніе) и *Unterricht* (преподаваніе). Признано, что воспитаніе включаетъ въ себя преподаваніе, что преподаваніе есть одно изъ главныхъ средствъ воспитанія, что всякое преподаваніе носитъ въ себѣ воспитательный элементъ, *erziehliges Element*. Понятіе-же — образованіе, *Bildung*, смѣшивается либо съ воспитаніемъ, либо съ преподаваніемъ. Нѣмецкое опредѣленіе, самое общее, будетъ слѣдующее: воспитаніе есть образованіе наилучшихъ людей, сообразно съ выработаннымъ извѣстной эпохой идеаломъ человѣческаго совершенства. Преподаваніе, вносящее нравственное развитіе, есть хотя и не исключительное средство къ достиженію цѣли, но одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ достиженію ея, въ числѣ которыхъ, кромѣ преподаванія, есть постановленіе воспитываемаго въ извѣстныя, выгодныя для цѣли воспитанія, условія,—дисциплина и насиліе, *Zucht*.

Духъ человѣческій, говорятъ нѣмцы, долженъ быть выломанъ какъ тѣло гимнастикой. *Der Geist muss gezüchtigt werden*.

Образованіе, *Bildung*, въ Германіи въ обществѣ и даже иногда въ педагогической литературѣ, какъ

сказано, или смѣшивается съ преподаваніемъ и воспитаніемъ, или признается явленіемъ общественнымъ, до котораго нѣтъ дѣла педагогикѣ. Во французскомъ языкѣ я даже не знаю слова, соотвѣтствующаго понятію — образованіе: *éducation*, *instruction*, *civilisation*, совершенно другія понятія. Точно также и въ англійскомъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго понятію — образованіе.

Германскіе педагоги — практики иногда даже вовсе не признаютъ подраздѣленія воспитанія и образованія: то и другое сливается въ ихъ понятіи въ одно цѣлое, нераздѣльное. Бесѣдуя съ знаменитымъ Дистервегомъ, я навелъ его на вопросъ объ образованіи, воспитаніи и преподаваніи. Дистервегъ съ злою ироніею отозвался о людяхъ, подраздѣляющихъ то и другое,—въ его понятіяхъ то и другое сливается. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы говорили о *воспитаніи*, *образованіи* и *преподаваніи*, и ясно понимали другъ друга. Онъ самъ сказалъ, что *образованіе* носитъ въ себѣ элементъ *воспитательный*, который заключается въ каждомъ преподаваніи.

Что же значать эти слова, какъ они понимаются и какъ должны быть понимаемы?

Я не буду повторять тѣхъ споровъ и бесѣдъ, которые имѣлъ съ педагогами объ этомъ предметѣ, ни выписывать изъ книгъ тѣхъ противорѣчащихъ мнѣній, которыя живутъ въ литературѣ о томъ же предметѣ,—это было бы слишкомъ длинно и каждый прочтя первую педагогическую статью, можетъ повѣрить истину моихъ словъ; а здѣсь постараюсь объяснить происхожденіе этихъ понятій, ихъ различіе и причины неясности ихъ пониманія.

Въ понятіи педагоговъ воспитаніе включаетъ въ себя преподаваніе.

Такъ называемая наука педагогика занимается только воспитаніемъ и смотритъ на образовывающагося чловѣка, какъ на существо совершенно подчиненное воспитателю. Только черезъ его посред-

ство, образовывающийся получает образовательныя или воспитательныя впечатлѣнія, будутъ ли эти впечатлѣнія книги, рассказы, требованія запоминанія, художественныя или тѣлесныя упражненія. Весь внѣшній міръ допускается къ воздѣйствію на ученика только на столько, на сколько воспитатель находитъ это удобнымъ. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемой стѣной отъ вліянія міра, и только сквозь свою научную школьно-воспитательную воронку пропускаетъ то, что считаетъ полезнымъ. Я не говорю о томъ, что дѣлалось или дѣлается у, такъ называемыхъ, отсталыхъ людей, я не воюю съ мельницами, я говорю о томъ, какъ понимается и прилагается воспитаніе у, такъ называемыхъ, самыхъ лучшихъ передовыхъ воспитателей. Вездѣ вліяніе жизни отстранено отъ заботъ педагога, вездѣ школа обстроена кругомъ китайской стѣной книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное вліяніе только на столько, на сколько это нравится воспитателямъ. Вліяніе жизни не признается. Такъ смотритъ наука-педагогика, потому что признаетъ за собой право знать, что нужно для образованія наилучшаго человѣка и считаетъ возможнымъ устранить отъ воспитанника всякое внѣвоспитательное вліяніе; такъ поступаетъ и практика воспитанія.

На основаніи такого взгляда, естественно смѣшивается воспитаніе и образованіе, ибо признается, что не будь воспитанія, не было бы и образованія. Въ послѣднее же время, когда смутно начала сознаваться потребность свободы образованія, лучшіе педагоги пришли къ убѣжденію, что преподаваніе есть единственное средство воспитанія, но преподаваніе принудительное, обязательное, и потому стали смѣшивать всѣ три понятія — воспитаніе, образованіе и обученіе.

По понятіямъ педагога — теоретика, воспитаніе есть дѣйствіе одного человѣка на другого и включаетъ въ себя три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя, — образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе и 3) руководство жизненными вліяніями на воспитываемаго. Ошибка и смѣшеніе понятій, по нашему убѣжденію, происходитъ отъ того, что педагогика принимаетъ своимъ предметомъ воспитаніе, а не образованіе, и не видитъ невозможности для воспитателя предвидѣть, соразмѣрить и опредѣлить всѣ вліянія жизни. Каждый педагогъ соглашается, что жизнь вноситъ свое вліяніе и до школы, и послѣ школы, и несмотря на все стараніе устранить ее, и во время школы. Вліяніе это такъ сильно, что болѣею частью уничтожается все вліяніе школьнаго воспитанія; но педагогъ видитъ въ этомъ только недостаточность развитія науки и искусства педагогики, и все-таки признаетъ своей задачей воспитаніе людей по извѣстному образцу, а не образованіе, т. е. изученіе путей, посредствомъ которыхъ образуются люди и содѣйствіе этому свободному образованію. Я соглашаюсь, что Unter-

richt, ученіе, преподаваніе, есть часть *Erziehung*, воспитанія, но образованіе включаетъ въ себѣ то и другое.

Воспитаніе не есть предметъ педагогики, но одно изъ явленій, на которое педагогика не можетъ не обратить вниманія; предметомъ же педагогики должно и можетъ быть только образованіе. Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь — все образовываетъ.

Образованіе вообще понимается или какъ послѣдствіе всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя жизнь оказываетъ на человѣка (въ смыслѣ образованіе человѣка, мы говоримъ образованный человѣкъ), или какъ самое вліяніе на человѣка всѣхъ жизненныхъ условій (въ смыслѣ образованіе нѣмца, русскаго мужика, барина, мы говоримъ человѣкъ получилъ плохое образованіе или хорошее и т. п.). Только съ этимъ послѣднимъ мы имѣемъ дѣло. Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки (мы говоримъ — они его воспитали лицемѣромъ, разбойникомъ или добрымъ человѣкомъ. Спартанцы воспитывали мужественныхъ людей, французы воспитываютъ одностороннихъ и самодовольныхъ). Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного человѣка другому (преподавать можно шахматную игру, исторію, сапожное мастерство). Ученіе, оттѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки (учить пѣть, плотничать, танцовать, грести веслами, говорить наизусть). Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, т. е. преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными. Истина ясна и инстинктивно сказывается каждому. Сколько бы мы не старались сливать раздѣльное и подраздѣлять нераздѣлимое, и поддѣлывать мысль подъ порядокъ существующихъ вещей — истина очевидна.

Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть свободное отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного приобрѣтать свѣдѣнія, а другого — сообщать уже приобрѣтенное имъ. Преподаваніе *Unterrecht*, есть средство какъ образованія, такъ и воспитанія. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно.

Воспитаніе французское *éducation*, англійское

education, нѣмецкое Erziehung — понятія, существующія въ Европѣ, образованіе же есть понятіе, существующее только въ Россіи и отчасти въ Германіи, гдѣ имѣется почти соотвѣтствующее слово — Bildung. Во Франціи же и Англіи это понятіе и слово вовсе не существуютъ. Civilisation есть просвѣщеніе, instruction есть понятіе европейское, непереводимое по-русски, означающее богатство школьных научныхъ свѣдѣній, или передачу ихъ, но не есть образованіе, включающее въ себя и научныя знанія, и искусства, и физическое развитіе.

Я говорилъ въ первой статьѣ о правѣ насилія въ дѣлѣ образованія и старался доказать, что во 1-хъ, насиліе невозможно, во 2-хъ, не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, или къ печальнымъ, въ 3-хъ, что насиліе это не можетъ имѣть другого основанія кромѣ произвола (черкесъ учитъ воровать, магометанинъ убивать невѣрныхъ). Воспитанія, какъ предмета науки, нѣтъ. Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму. Воспитаніе есть, я не скажу выраженіе дурной стороны человеческой природы, но явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли, и потому не могущее быть положеннымъ основаніемъ разумной человѣческой дѣятельности — науки.

Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другаго такимъ-же, каковъ онъ самъ. (Стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость, — чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію). Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. больше испорченнымъ.

Я знаю барышника — дворника, постоянно подлыми путями сбивающаго себѣ копѣйку, который, на мои увѣщанія и подольщенія отдать славнаго 12-ти лѣтняго своего сынишку ко мнѣ въ яснополянскую школу, въ самодовольную улыбку распуская свою красную рожу, постоянно отвѣчаетъ одно и то же: «оно такъ-то-такъ, ваше сіятельство, да мнѣ нужнѣе всего прежде напитать его своимъ духомъ.» И онъ его вездѣ таскаетъ съ собой и хвастается тѣмъ, что 12-ти лѣтній сынишка научился обдывать мужиковъ, сыпавшихъ отцу пшеницу. Кто не знаетъ отцовъ, воспитанныхъ въ юнкерахъ и корпусахъ, считающихъ только то образованіе хорошимъ, которое пропитано тѣмъ самымъ духомъ, въ которомъ эти отцы сами воспитались. Развѣ не точно также пропитываютъ своимъ духомъ профессора въ университетахъ и монахи въ семинаріяхъ? Мнѣ не хочется доказывать то, что я разъ уже доказывалъ и то, что слишкомъ легко доказать: — что воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, — не плодотворно, не законно и не возможно. Здѣсь я ограничусь однимъ вопросомъ.

Права воспитанія не существуетъ. Я не признаю его, не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. *Чѣмъ вы докажете это право?* Я не знаю и не полагаю ничего, а вы признаете и полагаете новое, для насъ не существующее, право одного человѣка дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ ему хочется. Докажите это право, но только не тѣмъ, что фактъ злоупотребленія властью существуетъ и давно уже существовалъ. Не вы истцы, а мы, — вы же отвѣтчики. Мнѣ уже нѣсколько разъ устно и печатно возражали на мысли, выраженный въ «Ясной Полянѣ» такъ, какъ успокаиваютъ неспокойное дитя. Мнѣ говорили: «безъ сомнѣнія воспитывать такъ, какъ воспитывались въ средневѣковыхъ монастыряхъ, — безъ сомнѣнія это не хорошо, но гимназіи, университеты совсѣмъ другое дѣло.» Другіе еще говорили: «безъ сомнѣнія, это такъ, но, принявъ во вниманіе и т. д. такія-то и такія-то обстоятельства, надо согласиться, что иначе невозможно.» Такой пріемъ возраженія, мнѣ кажется, обличаетъ не серьезность, а слабость мысли. Вопросъ поставленъ такъ: имѣетъ ли нѣтъ одинъ человѣкъ право на воспитаніе другаго? Нельзя отвѣчать — нѣтъ, но однако-же... Необходимо отвѣтить: да или нѣтъ. Если да, — то жидовская синагога, дьячковское училище имѣютъ столь же законное право существовать, какъ всѣ ваши университеты. Если нѣтъ, то и вашъ университетъ, какъ воспитательное заведеніе, столь-же незаконенъ, если только онъ несовершененъ и всѣ не признаютъ его таковымъ. Я не вижу середины и не по одной теоріи, но и въ дѣйствительности. Для меня одинаково возмутительны гимназія съ своею латынью и профессоръ университета съ своимъ радикализмомъ или матеріализмомъ. Ни гимназистъ, ни студентъ не имѣютъ свободы выбора. По моимъ наблюденіямъ, даже результаты всѣхъ этихъ родовъ воспитанія одинаково уродливы. Развѣ не очевидно, что курсы ученія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній будутъ въ ХХІ столѣтіи казаться нашимъ потомкамъ столь-же странными и бесполезными, какими намъ кажутся теперь средневѣковыя школы. Такъ легко придти къ тому простому заключенію, что если въ исторіи человѣческихъ знаній не было абсолютныхъ истинъ, а одни ошибки постоянно смѣнялись другими, то на какомъ основаніи принуждать молодое поколѣніе усваивать тѣ знанія, которыя навѣрное окажутся ошибочными? Скажутъ и говорили: если такъ было всегда, то о чемъ вы хлопотаете! — такъ должно быть. Я никакъ не вижу этого. Если люди всегда убивали другъ друга, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы это всегда такъ должно было быть, и чтобы убійство нужно было возводить въ принципъ, особенно если бы найдены были причины этихъ убійствъ и указана возможность обойтись безъ нихъ. Главное же, зачѣмъ вы, признавая общее человѣческое право

воспитанія, осуждаете дурное воспитаніе? Осуждаетъ отецъ, отдавши своего сына въ гимназію, осуждаетъ религія, глядя на университеты, осуждаетъ правительство, осуждаетъ общество. Или признать за *каждымъ* право или ни за кѣмъ.—Я не вижу середины. Наука должна рѣшить вопросъ: имѣемъ ли мы право воспитанія, или нѣтъ? Отчего не сказать правды? Вѣдь университетъ не любить поповскаго образованія и говорить, что нѣтъ ничего хуже семинарій, духовные не любятъ университетскаго образованія и говорятъ, что нѣтъ ничего хуже университетовъ, что это только школы гордости и атеизма, родители осуждаютъ университеты, университеты осуждаютъ кадетскіе корпуса, правительство осуждаетъ университеты и на оборотъ. Кто же правъ, кто виноватъ? Здравая мысль въ живомъ, не мертвомъ народѣ, въ виду такихъ вопросовъ, не можетъ заниматься составленіемъ картинокъ для нагляднаго обученія, ей необходимо отвѣтить на эти вопросы. А будетъ ли эта мысль называться педагогика, или нѣтъ — это все равно. Есть два отвѣта: или признать право за тѣмъ, къ кому мы ближе, или кого мы больше любимъ, или боимся, какъ дѣлаетъ это большинство (попъ я, то считаю семинарію лучше всего, военный я, то предпочитаю кадетскій корпусъ, студентъ, то признаю одни университеты. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, только обставляя свои пристрастія болѣе или мѣнѣе остроумными доводами и вовсе на замѣчая, что всѣ наши противники дѣлаютъ то-же самое); или ни за кѣмъ не признавать права воспитанія. Я избралъ этотъ послѣдній путь и старался доказать почему.

Я говорю, что университеты не только русскіе, но и во всей Европѣ, какъ скоро не совершенно свободны, не имѣютъ другаго основанія, какъ произволь, и столь же уродливы, какъ монастырскія школы. Я прошу будущихъ критиковъ не ступовать моихъ выводовъ: или я вру, или ошибается вся педагогика, середины не можетъ быть. И такъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано права воспитанія, я не признаю его. Но тѣмъ не менѣе, не признавая права воспитанія, я не могу не признавать самаго явленія, факта воспитанія, и долженъ объяснить его. Откуда взялось воспитаніе и тотъ странный взглядъ нашего общества, то необъяснимое противорѣчіе, вслѣдствіе котораго мы говоримъ: эта мать дурна, она не имѣетъ права воспитывать свою дочь, — отнять ее у матери; это заведеніе дурно, — уничтожить его; а это заведеніе хорошо, — надо поддержать его? Вслѣдствіе чего существуетъ воспитаніе?

Если существуетъ вѣками такое ненормальное явленіе, какъ насиліе въ образованіи, — воспитаніе, то причины этого явленія должны корениться въ челоѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ, и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ, — у насъ въ кругу чиновниковъ и дворянства).

Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и

мать какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или, по крайней мѣрѣ, такими, какими бы они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободного развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго родителя, нельзя требовать ничего другаго. Кромѣ того, родители болѣе всякаго другаго будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ; такъ что стремленіе ихъ воспитать его по своему можетъ назваться ежели не справедливымъ, то естественнымъ.

Вторая причина, поражающая явленіе воспитанія, есть религія. Какъ скоро челоѣкъ — магометанинъ, жидъ или христіанинъ — твердо вѣрить, что челоѣкъ, непризнающій его ученія не можетъ быть спасенъ и губить свою душу на-вѣки, онъ не можетъ не желать, хотя насильно, обратиться и воспитать каждаго ребенка въ своемъ ученіи.

Повторяю еще разъ: — религія есть единственное, законное и разумное основаніе воспитанія.

Третья и самая существенная причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны для извѣстныхъ цѣлей. На основаніи этой потребности, основываются кадетскіе корпуса, училища правовѣдѣнія, инженерныя и другія школы. Если бы не было слугъ правительству, не было бы правительства; если-бы не было правительства, не было-бы государства. Стало-быть и эта причина имѣетъ неоспоримыя оправданія.

Четвертая причина, и наконецъ, лежитъ въ потребности *общества*, того общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ представляется дворянствомъ, чиновничествомъ и отчасти купечествомъ. Этому обществу нужны помощники, потворщики, и участники.

Замѣчательно то—я прошу читателя, для ясности послѣдующаго, обратить на это обстоятельство особое вниманіе—замѣчательно то, что въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго (говорятъ: родители развращаютъ своихъ дѣтей,—а, кажется, какъ естественно, чтобы отецъ и мать желали сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами), встрѣчаются нападки на религіозное воспитаніе (кажется, годъ тому назадъ вся Европа стонала за одного жиденка, воспитаннаго насильно христіаниномъ; а нѣтъ ничего законнѣе желанія дать попавшемуся мнѣ ребенку средство вѣчнаго спасенія въ той единственной религіи, въ которую я вѣрую), встрѣчаются нападки на воспитаніе чиновниковъ, офицеровъ; а какъ-же необходимому для всѣхъ насъ правительству не образовывать для себя и для насъ служителей. Но на образованіе общественное не слышно нападокъ. Привилегированное общество съ своимъ университетомъ всегда право, а не смотря на то оно воспитываетъ въ понятіяхъ противныхъ народу, всей массѣ народа, и не имѣетъ оправда-

нія кромѣ гордости. Отъ чего это? Я думаю только отъ того, что мы не слышимъ голоса того, кто нападаетъ на насъ, не слышимъ потому, что онъ говорить не въ печати и не съ кафедръ. А это могучій голосъ народа, надо прислушиваться къ нему.

Возьмите въ наше время и въ нашемъ обществѣ, какое хотите, общественное заведеніе—отъ народной школы и пріюта для бѣдныхъ дѣтей до женскаго пансіона, до гимназій и университетовъ,—во всѣхъ этихъ заведеніяхъ вы найдете одно непонятное, но никому не бросающееся въ глаза явление. Родители, начиная съ крестьянъ, мѣщанъ до купцовъ и дворянъ, жалуются на то, что дѣтей ихъ воспитываютъ въ чуждыхъ ихъ средѣ понятійхъ. Купцы и старого вѣка дворяне говорятъ: мы не хотимъ гимназій и университетовъ, которые дѣлаютъ изъ нашихъ дѣтей безбожниковъ и вольнодумцевъ. Крестьяне и мѣщане не хотятъ школы, пріютовъ и пансіоновъ, чтобы не сдѣлали изъ ихъ дѣтей бѣлоручекъ и писарей, вмѣсто пахарей. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ воспитатели безъ исключенія отъ народныхъ школъ до высшихъ учебныхъ заведеній, заботятся объ одномъ—воспитать ввѣренныхъ имъ дѣтей такъ, чтобы дѣти эти не были похожи на своихъ родителей. Нѣкоторые воспитатели наивно признаются, нѣкоторые, хотя не признаваясь, считаютъ сами себя образцами того, чѣмъ должны быть, а родителей образцами той грубости, того невѣжества и тѣхъ пороковъ, какими не должны быть ихъ воспитанники. Воспитательница, уродливое, изломанное жизнью созданіе, полагающая все совершенство человѣческой природы въ искусствѣ присѣдать, надѣвать воротнички и во французскомъ языкѣ, конфиденціально сообщаетъ намъ, что она мученица своихъ обязанностей, что всѣ ея труды воспитанія пропадаютъ даромъ отъ невозможности удалить совершенно дѣтей отъ вліянія родителей, что воспитанницы ея, начинавшія уже забывать русскій языкъ и начинавшія скверно говорить по-французски, начинавшія забывать обращеніе съ кухарками, возню на кухнѣ и бѣганіе босикомъ, а слава Богу, выучившія уже Александра Македонскаго и Гваделупу, при свиданіи съ домашними—увы! забываютъ все это и усваиваютъ вновь свои тривиальныя привычки. Воспитательница эта, не только, не стѣсняясь передъ своими воспитанницами, будетъ подтрунивать надъ ихъ матерями или вообще надъ всѣми женщинами, принадлежащими къ ихъ кругу, но она считаетъ своей заслугой посредствомъ ироніи надъ прежней средой воспитанницъ перемѣнить ихъ взглядъ и понятія. Я не говорю уже о той искусной матеріальной обстановкѣ, которая должна совершенно измѣнить весь взглядъ воспитываемыхъ. Дома всѣ удобства жизни—вода, пироги, хорошая провизія, хорошо приготовленный обѣдъ, чистота и удобство помѣщенія—все зависѣло отъ трудовъ и заботъ матери и всего семейства. Больше трудовъ и заботъ—больше удобства, меньше трудовъ и заботъ

—меньше удобства. Простая штучка, но я смѣю думать, больше поучительная, чѣмъ французскій языкъ и Александръ Македонскій. При общественномъ же воспитаніи это постоянно-жизненное возмездіе за трудъ до такой степени устранено, что не только не будутъ хуже или лучше обѣдъ, чище или чернѣе наволочки, лучше или хуже натерты полы,—будетъ ли ученица о томъ заботиться или нѣтъ, но у ней нѣтъ даже своей келейки, своего уголка, который бы она могла убрать или не убрать по своему, нѣтъ возможности изъ доскутковъ и лентъ сдѣлать себѣ нарядъ. «Ну, что, лежачаго не бьютъ,—скажутъ девять десятыхъ читателей:—что и говорить объ пансіонахъ и т. п.» Нѣтъ, они не лежачіе, они стоячіе и крѣпко стоячіе на опорѣ права воспитанія. Пансіоны нисколько не уродливы гимназій, университетовъ. Въ основаніи тѣхъ и другихъ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человѣкомъ, или небольшимъ собраніемъ людей, право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется. Пансіоны не лежачіе,—ихъ существуетъ и будутъ существовать тысячи, потому что они имѣютъ такое же право на образованіе, какъ воспитательныя гимназій и университеты. Разница развѣ въ томъ, что мы не признаемъ почему-то права за семьей воспитывать какъ ей угодно,—отрываемъ ребенка отъ развратной матери и помѣщаемъ въ пріютъ, гдѣ его исправитъ испорченная воспитательница.

Мы не признаемъ за религіей права воспитывать, мы кричимъ противъ семинарій и монастырскихъ школъ, мы не признаемъ этого права и за правительствомъ, мы недовольны кадетскими корпусами, школами правовѣдѣнія и т. п., но у насъ не достаетъ силы отрицать законность заведеній, въ которыхъ *общество*, т. е. не народъ, но высшее общество, признаетъ за собою право воспитывать по своему—пансіоны для дѣвицъ и университеты. Университеты? Да, университеты. Я позволю себѣ анализировать и этотъ храмъ премудрости. Съ моей точки зрѣнія, онъ ни на шагъ не только не ушелъ впередъ отъ женскаго заведенія, но въ немъ-то и лежитъ корень зла,—деспотизмъ общества, на который не поднимали еще руку.

Какъ пансіонъ рѣшилъ, что нѣтъ спасенія безъ инструмента, называемаго фортепіано, и языка французскаго, такъ точно одинъ мудрецъ или компанія такихъ мудрецовъ (пускай подъ этой компаніей будутъ разумѣть представителей европейской науки, отъ которой мы будто бы преемствовали нашу организацію университетовъ, все-таки эта компанія мудрецовъ будетъ очень—очень малочисленна въ сравненіи съ той массой учащихся, для которой въ будущемъ организованъ университетъ) учредила университетъ для изученія рѣшительно *всѣхъ* наукъ въ ихъ высшемъ, самомъ высшемъ, развитіи, и, не забудьте, учредила такіа заведенія въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Казани, въ Кіевѣ, въ Дерптѣ, въ Харьковѣ, завтра учредить еще въ Саратовѣ, въ Николаевѣ; гдѣ только захочется,

тамъ и учредится заведеніе для изученія всѣхъ наукъ въ ихъ высшемъ развитіи. Я сомнѣваюсь, чтобы мудрецы эти придумали организацію такого заведенія. Воспитательницѣ еще легче: для нея есть образецъ—она сама. Здѣсь же образцы слишкомъ разнообразны и сложны. Но положимъ, что такая организація придумана,—положимъ, что еще невѣроятнѣе, что у насъ есть люди для такихъ заведеній. Посмотримъ на дѣятельность такого заведенія и его результаты. Я говорилъ уже о невозможности доказать программу какого бы то ни было учебного заведенія, тѣмъ менѣе университета, какъ не готовящаго ни къ какому другому заведенію, но прямо къ жизни. Я повторяю только въ чемъ не могутъ не согласиться всѣ непредупрежденные люди, что доказать необходимость подраздѣленія факультетовъ нѣтъ никакой возможности.

Какъ воспитательница, такъ и университетъ считаютъ первымъ условіемъ допущенія къ участию въ образованіи оторванность отъ первобытной среды. Университетъ, общимъ правиломъ, принимаетъ только учениковъ, прошедшихъ семилѣтній курсъ гимназическаго курса и живущихъ въ большомъ городѣ. Малая часть вольнослушающихъ проходитъ тотъ же гимназическій курсъ, только не съ помощію гимназіи, а домашнихъ учителей.

Прежде чѣмъ вступить въ гимназію, ученикъ долженъ пройти курсъ уѣзднаго и народнаго училища.

Я попробую, оставивъ въ покоѣ ученныя ссылки на исторію и глубокомысленныя сравненія положенія дѣла въ европейскихъ государствахъ, просто говорить о томъ, что происходитъ на нашихъ глазахъ въ Россіи.

Надѣюсь, всѣ согласны, что назначеніе нашихъ воспитательныхъ учреждений состоитъ преимущественно въ распространеніи образованія между всѣми сословіями, а не въ поддержаніи образованія въ исключительно завладѣвшемъ имъ сословіи, т. е., что мы не столько заботимся о томъ, чтобы были образованы сыновья какого нибудь богача или вельможи (эти найдутъ себѣ образованіе, если не въ русскомъ, то въ европейскомъ заведеніи), сколько намъ дорого дать образованіе сыну дворника, третьей гильдіи купца, мѣщанина, священника, сыну бывшаго двороваго и т. п. Я не говорю о крестьяннѣ—это были бы далеко неисполнимыя мечтанія. Однимъ словомъ, цѣль университета—распространеніе образованія на наибольшее число людей. Возьмемъ для примѣра сына мелкаго городского купца или мелкаго мѣстнаго дворянина. Мальчика прежде всего отдадутъ учиться грамотѣ. Ученіе это, какъ извѣстно, состоитъ изъ зубренія непонятныхъ славянскихъ рѣчей, продолжающагося, какъ извѣстно, три—четыре года. Вынесенныя изъ такого ученія знанія оказываются неприложимыми къ жизни; нравственныя привычки, вынесенныя отсюда же, состоятъ въ неуваженіи къ старшимъ, къ учителямъ, иногда въ воровствѣ книгъ и т. п., и главное—въ праздности и лѣни.

Кажется, излишне доказывать, что школа, въ

которой учатся три года тому, чему можно выучиться въ три мѣсяца, есть школа праздности и лѣни. Ребенокъ, неподвижно обязанный сидѣть 6 часовъ за книгой, выучивая въ цѣлый день то, что онъ можетъ выучить въ полчаса, искусственно приучается къ самой полной и злой вредной праздности. По возвращеніи изъ такой школы, девять десятыхъ родителей, въ особенности матерей, находятъ своихъ дѣтей отчасти испорченными, физически разслабленными и отчужденными; но потребность сдѣлать изъ нихъ людей съ успѣхомъ въ свѣтѣ побуждаетъ отдать ихъ дальше, въ уѣздное училище. Въ этомъ заведеніи обученіе праздности, обману, лицемерію и физическое разслабленіе продолжается съ большою силой. Въ уѣздномъ училищѣ еще видишь здоровыя лица, въ гимназіи рѣдко, въ университетѣ почти никогда. Въ уѣздномъ училищѣ предметы преподаванія еще менѣе приложимы къ жизни, чѣмъ въ первомъ. Тутъ начинаются А. Македонскій, Гваделупа и мнимое объясненіе явленій природы, ничего не дающихъ ученику, кромѣ ложной гордости и презрѣнія къ родителямъ, въ которомъ примѣръ учителя поддерживаетъ его. Кто не знаетъ этихъ учениковъ, глубоко презирающихъ весь простой необразованный народъ на томъ основаніи, что они слышали отъ учителя, что земля кругла и что воздухъ состоитъ изъ азота и кислорода! Послѣ уѣзднаго училища, та глупая мать, надъ которой такъ мило подтруниваютъ писатели повѣстей, еще больше тужить надъ физически и нравственно измѣнившимся дѣтищемъ. Наступаетъ гимназическій курсъ съ тѣми же приемами экзаменовъ и принужденія, развивающими лицемеріе, обманъ и праздность, и сынъ купца или мелкопомѣстнаго дворянина, незнающаго, гдѣ сыскать работника или прикащика, учитъ уже наизусть французскую, латинскую грамматику, исторію Лютера и, на несвойственномъ себѣ языкѣ, изощряется писать сочиненія о выгодахъ представительнаго образа правленія. Кромѣ всей этой, ни къ чему неприложимой, мудрости, онъ учится уже дѣланію долговъ, обманамъ, выманиванію у родителей денегъ, рабству и т. п. наукамъ, которыя свое окончательное развитіе получаютъ въ университетѣ. Здѣсь, въ гимназіи, мы уже видимъ окончательное отреченіе отъ дома. Просвѣщенные учителя стараются возвысить его надъ его природной средой, съ этой цѣлью ему даютъ читать Бѣлинскаго, Маколева, Льюиса и т. д.; все это не потому, чтобы онъ имѣлъ къ чему нибудь исключительную склонность, а чтобы вообще *развить его*, какъ они это называютъ. И гимназистъ, на основаніи смутныхъ понятій и соотвѣтствующихъ имъ словъ—прогрессъ, либерализмъ, материализмъ, историческое развитіе и т. п., съ презрѣніемъ и отчужденіемъ смотритъ на свое прошлое. Цѣль наставниковъ достигнута, но родители, и въ особенности мать, еще съ большимъ недоумѣніемъ и грустью смотрятъ на своего измозженнаго, чужимъ языкомъ говорящаго, чужимъ умомъ думающаго, курящаго папиросы и

пьющаго вино, самоувѣреннаго и самодовольнаго Ваню. Дѣло сдѣлано, — и другіе такіе же, — думаютъ родители, должно-быть такъ надо, — и Ваня отправляется въ университетъ. Родители не смѣютъ сказать самимъ себѣ, что они ошиблись.

Въ университетѣ, какъ сказано уже, рѣдко кого увидишь съ здоровымъ и свѣжимъ лицомъ, и ни одного не увидишь, который бы съ уваженіемъ, хотя бы съ неуваженіемъ, но спокойно, смотрѣлъ на ту среду, изъ которой онъ вышелъ и въ которой ему придется жить; онъ смотритъ на нее съ презрѣніемъ, отвращеніемъ и высокоумнымъ сожалѣніемъ. Такъ онъ смотритъ на людей своей среды, на своихъ родныхъ, также смотритъ и на ту дѣятельность, которая предстояла бы ему по общественному положенію. Только три карьеры исключительно представляются ему въ золотомъ сіяніи: ученый, литераторъ и чиновникъ.

Изъ предметовъ преподаванія нѣтъ ни одного, который бы былъ приложимъ къ жизни, и преподаютъ ихъ точно также, какъ заучиваютъ псалтырь и географію Ободовскаго. Я исключаю только предметы опытные, какъ то: химію, фізіологію, анатомію, даже астрономію въ которыхъ заставляютъ работать студентовъ; всѣ остальные предметы, какъ то: философія, исторія, право, филологія учатся наизусть, только съ цѣлю отвѣчать на экзаменѣ, — какіе бы ни были экзамены — переходные или выпускные, это все равно. Я вижу высокоумное презрѣніе профессоровъ, читающихъ эти строки. Они не удостоятъ меня даже озлобленіемъ и не снизойдутъ съ высоты своего величія для того, чтобы доказать писателю повѣстей, что онъ ничего не понимаетъ въ этомъ важномъ и таинственномъ дѣлѣ. Я это знаю, но никакъ не могу вслѣдствіе того удержать выводовъ разсудка и наблюдательности. Никакъ не могу я вмѣстѣ съ гг. профессорами признать невидимо совершающагося надъ студентами таинства образованія, независимо отъ формы и содержанія лекцій профессоровъ. Непризнаю я всего этого, также какъ не признаю столь же таинственного, ни кѣмъ необъясненнаго образовательнаго вліянія классическаго воспитанія, о которомъ уже не считаютъ нужнымъ спорить. Сколько бы признанныхъ всѣмъ міромъ мудрецовъ и почтенныхъ по характеру людей не утверждали, что для развитія человѣка полезнѣе всего выучить латинскую грамматику, греческіе и латинскіе стихи въ подлинникѣ, когда ихъ можно читать въ переводѣ, я не повѣрю этому, также какъ не повѣрю тому, что для развитія человѣка нужно стоять три часа на одной ногѣ. Это нужно доказать не однимъ опытомъ. опытомъ доказывается все, что угодно. Псалтырникъ опытомъ доказываетъ, что лучшее средство выучить грамотѣ — это заставить учить псалтырь; башмачникъ говорить, что лучшее средство выучить мастерству — заставлять ребятъ два года таскать воду, рубить дрова и т. д. Такимъ путемъ докажете все, что угодно. Все это я говорю только къ тому, чтобы защитники университетовъ

не говорили бы мнѣ объ историческомъ значеніи, о таинственномъ образовательномъ вліяніи, объ общей связи государственныхъ воспитательныхъ учреждений, не приводили бы мнѣ въ примѣръ оксфордскіе, гейдельбергскіе университеты, а позволяли бы мнѣ разсуждать по простому и здравому смыслу и сами бы разсуждали также. Я знаю только то, что, поступая въ университетъ 16 — 18 лѣтъ, для меня, по факультету, въ который я поступилъ, уже опредѣленъ кругъ моихъ знаній и опредѣленъ совершенно произвольно. Я прихожу на какую нибудь лекцію изъ предписанныхъ мнѣ по факультету, я обязанъ не только слушать все, что читаетъ мнѣ профессоръ, но и заучить это, если не слово въ слово, то предложеніе въ предложеніе. Если я не выучу все это, профессоръ не дастъ мнѣ необходимаго аттестата при выпускномъ или переводномъ экзаменѣ. Я не говорю уже о злоупотребленіяхъ, повторяющихся сотню разъ. Для того, чтобы получить этотъ аттестатъ, я долженъ исполнить любимыя привычки профессора: или сидѣть всегда на первой лавкѣ и записывать, или имѣть испуганный или веселый видъ на экзаменѣ, или имѣть одинаковыя убѣжденія съ профессоромъ, или посѣщать аккуратно его вечера (это не мои выдумки, а мнѣнія студентовъ, которыя можно всегда слышать въ каждомъ университетѣ). Слушая лекціи, я могу не соглашаться съ взглядомъ профессора, могу, на основаніи чтеній по предмету, которымъ занимаюсь, находить, что лекціи профессора плохи, — я все-таки долженъ ихъ слушать или, по крайней мѣрѣ, выучивать.

Въ университетахъ существуетъ догматъ, который не высказывается профессорами, это догматъ напсковой непогрѣшимости профессора. Мало того, образование студентовъ профессоромъ совершается, какъ и у всѣхъ жрецовъ, тайно, келейно и съ требованіемъ благоговѣнія отъ непосвященныхъ и студентовъ. Какъ скоро профессоръ назначенъ, профессоръ начинаетъ читать, и будь онъ глупъ отъ природы, поглупѣй онъ во время исполненія своей должности, отстанъ онъ совершенно отъ науки, будь онъ недостойнымъ по характеру человѣкомъ, — онъ продолжаетъ читать, пока продолжаетъ жить, и нѣтъ студентамъ никакого средства выразить свое удовольствіе или неудовольствіе. Мало того, то, что читаетъ профессоръ, остается тайной для всѣхъ, кромѣ студентовъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ моего невѣжества, но я не знаю книгъ — руководствъ, составленныхъ изъ чтеній профессоровъ. Если и бывали такіе курсы, то въ пропорціи одного на сотню.

Что это такое значить?! Профессоръ преподаетъ науку въ высшемъ образовательномъ заведеніи, — положимъ исторію русскаго права или гражданское право, — стало быть онъ знаетъ эту науку въ высшемъ ея развитіи, стало быть онъ такъ умѣлъ соединить всѣ различныя взгляды на науку или выбрать одинъ изъ нихъ — современнѣйшій и доказать, почему это такъ, — за что же онъ лишаетъ всѣхъ

насъ, всю Европу, плодовъ своей мудрости и передаетъ ихъ только слушающимъ его студентамъ? Неужели ему неизвѣстно, что существуютъ хорошіе издатели, платящіе хорошія деньги за хорошія книги, что существуетъ литературная критика, оцѣнивающая литературныя произведенія, и что студентамъ было бы гораздо удобнѣе читать его книгу дома, лежа на кровати, чѣмъ записывать его лекціи? Если каждый годъ измѣняется и дополняется наука, то каждый годъ могли бы являться новыя дополнительные статьи. Литература и общество были бы благодарны. Отчего же они не печатаютъ своихъ курсовъ?

Я бы желалъ объяснить это равнодушіе къ литературному успѣху, но къ несчастію, вижу, что тѣ же жрецы науки не отказываются напечатать легонькую политическую статейку, иногда не касающуюся ихъ предмета. Я боюсь, что тайна университетскаго преподаванія происходитъ отъ того, что 90 изъ 100 курсовъ, будь они напечатаны, не выдержатъ нашей неразвитой литературной критики. Почему непременно нужно читать, а не дать студентамъ въ руки хорошую книгу свою или чужую, одну или двѣ, или десять хорошихъ книгъ.

То условіе, что въ университетѣ нужно читать профессору и непременно отъ себя, принадлежитъ къ догматамъ университетской практики, въ которую я не вѣрю и которую доказать невозможно. «Изнестная передача запечатлѣвается болѣе въ умахъ и т. д.» скажутъ мнѣ, все это не справедливо. Я знаю себя и многихъ другихъ, составляющихъ не исключеніе, но общее правило, которые при устной передачѣ ничего не понимаютъ, и понимаютъ хорошо только тогда, когда спокойно дома читаютъ книгу. Изнестная передача имѣла бы значеніе только тогда, когда студенты имѣли бы право опонировать и лекція была бы бесѣда, а не урокъ. Тогда бы только мы, публика, не имѣли права требовать оглашенія отъ профессоровъ тѣхъ руководствъ, по которымъ они 30 лѣтъ сряду учатъ нашихъ дѣтей и братьевъ. При теперешнемъ же порядкѣ, чтеніе лекцій есть только забавный обрядъ, не имѣющій никакого смысла, и въ особенности забавный по важности, съ которою онъ совершается.

Я не приискиватель средствъ для исправленія университетовъ; я не говорю, что, допустивъ на лекціяхъ право студентовъ возраженія, можно было бы осмыслить университетское преподаваніе. На сколько я знаю профессоровъ и студентовъ, мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ студенты будутъ школьничать, либеральничать, профессора не будутъ въ состояніи хладнокровно, не прибѣгая къ власти, вести пренія и что дѣло пойдетъ еще хуже. Но изъ этого, по моему мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ, чтобы студенты обязаны были молчать, а профессора имѣли право говорить все, что имъ вздумается; изъ этого только слѣдуетъ, что все университетское устройство стоитъ на ложныхъ основаніяхъ.

Понятенъ университетъ, соответствующій своему

названію и своей основной идее—собиранію людей съ цѣлю взаимнаго образованія. Такіе университеты, неизвѣстные намъ, возникаютъ и существуютъ въ разныхъ уголкахъ Россіи; въ самыхъ университетахъ въ кружкахъ студентовъ собираются люди, читаютъ, толкуютъ между собой, и наконецъ устанавливается правило, какъ собираться и толковать между собой. Вотъ настоящій университетъ. Наши же университеты, не смотря на всѣ пустые толки о мнимой либеральности ихъ устройства, суть заведенія ни чѣмъ не отличающіяся по своей организаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ. Какъ кадетскіе корпуса приготавливаютъ офицеровъ, какъ училище правовѣдѣнія—чиновниковъ, такъ университеты приготавливаютъ чиновниковъ и людей университетскаго образованія. (Это, какъ всѣмъ извѣстно, особый чинъ, званіе, каста почти). Университетскія происшествія послѣдняго времени объясняются для меня самымъ простымъ образомъ: студентамъ позволили выпускать воротнички рубашекъ и не застегивать мундировъ, хотѣли перестать наказывать ихъ за непосѣщеніе лекцій, и вслѣдствіе того все зданіе чуть не рушилось и не пало. Чтобы поправить дѣло, есть одно средство: вновь сажать въ карцеръ за непосѣщеніе лекцій, возобновить мундиры. Еще бы лучше на образецъ англійскихъ учреждений наказывать за неудовлетворительные успѣхи и за неблагонаправленіе, и главное ограничить число студентовъ числомъ нужныхъ людей. Это будетъ послѣдовательно, и, при такомъ устройствѣ, университеты будутъ давать намъ такихъ людей, какихъ давали прежде. Университеты, какъ заведенія для образованія членовъ общества, въ тѣсномъ смыслѣ высшаго чиновничьяго общества, разумны; но какъ только захотѣли сдѣлать изъ нихъ заведенія для образованія всего русскаго общества, оказалось, что они не годятся. Я рѣшительно не понимаю, на какомъ основаніи въ кадетскихъ корпусахъ признаны необходимыми мундиры и дисциплина, а въ университетахъ, гдѣ преподаваніе точно такое же—съ экзаменомъ, принужденіемъ, съ программой и безъ права возраженія и уклоненія отъ лекцій учащихся,—почему въ университетахъ говорятъ о свободѣ и думаютъ обойтись безъ средствъ кадетскихъ корпусовъ! Пускай примѣръ германскихъ университетовъ не смущаетъ насъ; намъ нельзя брать примѣръ съ нѣмцевъ, для нихъ святъ всякій обычай, всякій законъ, а для насъ, къ счастью или несчастію, наоборотъ.

Вся бѣда какъ въ университетскомъ дѣлѣ, такъ и общемъ дѣлѣ образованія, происходитъ преимущественно отъ людей, не разсуждающихъ, но покоряющихся идеямъ вѣка, и потому полагающихъ, что можно служить двумъ господамъ вмѣстѣ. Это тѣ самые люди, которые на мысли, выраженные мною прежде, отвѣчаютъ такъ: «правда, ужъ прошло время бить дѣтей за ученіе и наизусъ долбить, все это очень справедливо, но согласитесь, что безъ розги иногда невозможно, и что надо

иногда заставлять учить наизусть. Вы правы, но зачѣмъ крайности и т. д. и т. д.»

Кажется, какъ мило разсуждаютъ эти люди, а они-то и стали враги правды и свободы. Они за тѣмъ только будто бы соглашались съ вами, чтобы, овладѣвъ вашею мыслью, измѣнять и подрѣзывать, и подстригать ее по-своему. Они вовсе не согласны съ тѣмъ, что свобода необходима; они только говорятъ это потому, что боятся не преклониться передъ кумиромъ нашего вѣка. Они только, какъ чиновники, въ глазахъ хвалятъ губернатора, въ рукахъ котораго власть. Во сколько тысячъ разъ я предпочитаю моего пріятеля попа, который прямо говорить, что разсуждать нечего, когда люди могутъ умереть несчастными, не узнавъ Закона Божія, и потому, какими бы то ни было средствами, необходимо выучить ребенка Закону Божію, — спасти его. Онъ говоритъ, что принужденіе необходимо, что ученіе—ученіе, а не веселье. Съ нимъ можно разсуждать, а съ господами, служащими деспотизму и свободѣ, нельзя. Эти-то господа порождаютъ то особенное положеніе университетовъ, въ которомъ мы теперь находимся и въ которомъ необходимо какое-то особенное искусство дипломатіи, въ которомъ, по выраженію Фигаро, неизвѣстно кто кого обманываетъ: ученики обманываютъ родителей и наставниковъ, наставники обманываютъ родителей, учениковъ и правительство и т. д. во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. И намъ говорятъ, что это такъ и должно быть; намъ говорятъ: вы, непосвященные не суйте носа въ наше дѣло; тутъ нужно особенное искусство и особенныя знанія,—это историческое развитіе. А кажется, какъ дѣло просто: одни хотятъ учить, другіе хотятъ учиться. Пускай учатъ на сколько умѣютъ, пускай учатся на сколько хотятъ.

Я помню, во время самаго разгара дѣла костомаровскаго проэкта университетовъ, я защищалъ проектъ передъ однимъ профессоромъ. Съ какой неподражаемой глубокомысленной серьезностію, почти шопотомъ, внушительно, конфиденціально, сказалъ мнѣ профессоръ: «Да знаете ли вы, что такое этотъ проектъ? Это не проектъ новаго университета, а это проектъ уничтоженія университетовъ», сказалъ онъ, съ ужасомъ вглядываясь въ меня. — Да что же?—это было бы очень хорошо, отвѣчалъ я, потому что *университеты дурны*.—Профессоръ не сталъ болѣе разсуждать со мною, хотя былъ не въ силахъ доказать мнѣ, что университеты хороши, также какъ и никто не въ силахъ доказать этого.

Всѣ люди—всѣ человѣки, даже профессора. Ни одинъ работникъ не скажетъ, что нужно уничтожить ту фабрику, на которой онъ находитъ кусокъ хлѣба, и не потому, чтобы онъ это разсчитывалъ, а безсознательно. Тѣ господа, которые хлопчутъ о большей свободѣ университетовъ, похожи на чловѣка, который, выводя въ комнатѣ молодыхъ соловьевъ, и убѣдившись въ томъ, что соловьямъ нужна свобода, выпустилъ бы ихъ изъ клѣтки, и старался на бичевкѣ дать имъ свободу; а потомъ удив-

лялся бы, что соловьи не выводятъ и на бичевкахъ, привязанныхъ имъ за ноги, и что только повывихали себѣ ноги и подошли.

Никто никогда не думалъ объ учрежденіи университетовъ на основаніи потребности народа. Это было и невозможно, потому что потребность народа была и остается неизвѣстною. Но университеты были учреждены для потребностей отчасти правительства, отчасти высшаго общества, и для университетовъ уже учреждена вся подготавливающая къ нимъ лѣстница учебныхъ заведеній, неимѣющая ничего общаго съ потребностью народа. Правительству нужны были чиновники, медики, юристы, учителя, — для приготовленія ихъ основаны университеты. Теперь для высшаго общества нужны либералы по извѣстному образцу и таковыхъ готовятъ университеты. Ошибка только въ томъ, что такихъ либераловъ совсѣмъ не нужно народу.

Обыкновенно говорятъ, что недостатки университетовъ происходятъ отъ недостатковъ низшихъ заведеній. Я утверждаю наоборотъ: недостатки народныхъ, особенно уѣздныхъ училищъ происходятъ преимущественно отъ ложности требованія университетовъ.

Посмотримъ теперь на практику университетовъ. Изъ 50 студентовъ, составляющихъ аудиторію, десять человѣкъ на первыхъ двухъ лавкахъ имѣютъ тетрадки и записываютъ; изъ этихъ десяти, шесть записываютъ для того, чтобы поправиться профессору, изъ выработаннаго школой и гимназіею прислужничества, еще четверо записываютъ съ искреннимъ желаніемъ записывать весь курсъ, но на четвертой лекціи бросаютъ, и много—много, что двое или трое изъ нихъ, т. е. $\frac{1}{15}$ или $\frac{1}{20}$ курса составляютъ лекціи. Весьма трудно не пропустить одной лекціи. Въ математическомъ предметѣ, да и во всякомъ другомъ, пропущена одна лекція — и связь потеряна. Студентъ справляется съ руководствомъ и ему естественно приходитъ простая мысль — не нести бесполезную работу записыванія лекцій, когда то же самое можно сдѣлать по руководству или чужимъ запискамъ. Въ математическомъ и всякомъ другомъ предметѣ, что долженъ знать каждый учитель, постоянно слѣдить за выводами и доказательствами учителя не въ состояніи ни одинъ ученикъ, какъ-бы учитель не старался быть подробнѣе, яснѣе и увлекательнѣе. Очень часто съ ученикомъ случается минута затмѣнія или развлеченія, ему нужно спросить какъ, почему, что было прежде; связь потеряна, а профессоръ идетъ дальше. Главная забота студентовъ (и я теперь говорю только о самыхъ лучшихъ) достать записки или руководство, по которымъ можно будетъ приготовиться къ экзамену. Большинство ходитъ на лекціи или потому, что нечего дѣлать и еще вновѣ не наскучило, или чтобы доставить удовольствіе профессору, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ моды, когда одинъ изъ ста профессоровъ сдѣлался популяренъ и посѣщать его лекціи сдѣлалось умственнымъ щегольствомъ

между студентами. Почти всегда, съ точки зрѣнія студентовъ, лекціи составляютъ пустую формальность, необходимую только въ виду экзамена. Большинство, въ продолженіе курса, не занимается своими предметами, а посторонними, программа которыхъ опредѣляется кружкомъ, въ который попадаютъ студенты. На лекціи смотрятъ обыкновенно также, какъ солдаты смотрятъ на ученіе; на экзаменъ также, какъ на смотръ, какъ на скучную необходимость. Программа, составляемая кружкомъ, въ послѣднее время мало разнообразна; большею частью она состоитъ въ слѣдующемъ: чтеніе и повтореніе чтеній старыхъ статей Бѣлинскаго и новыхъ статей Чернышевскихъ, Антоновичей, Цисаревскихъ и т. п.; кромѣ того, чтеніе новыхъ книгъ, имѣющихъ блестящій успѣхъ въ Европѣ, безъ всякой связи и отношенія къ предметамъ, которыми занимаются: Льюисъ, Бокль и т. п. Главное же занятіе—чтеніе запрещенныхъ книгъ и переписываніе ихъ: Фейербахъ, Модесть, Бюхнеръ и въ особенности Герценъ и Огаревъ. Переписывается все не по достоинству, но по степени запрещенія. Я выдавалъ у студентовъ книги переписанныхъ книгъ, безъ сравненія большія, чѣмъ бы былъ весь курсъ четырехъ-лѣтняго преподаванія, и въ числѣ этихъ тетрадей, толстыя тетради самыхъ отвратительныхъ стихотвореній Пушкина, и самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ стихотвореній Рылѣева. Еще занятіе составляютъ собранія и бѣсѣды о самыхъ разнородныхъ и важныхъ предметахъ, наиримѣръ о возстановленіи независимости Малороссіи, о распространеніи грамотности между народами, о сыграніи сообщая какой нибудь штуки надъ профессоромъ или инспекторомъ, которая называется требованіемъ объясненій, о соединеніи двухъ кружковъ аристократическаго и плебейскаго и т. п. Все это иногда бываетъ смѣшно, но часто мило, трогательно и поэтично, какою часто бываетъ праздная молодежь. Но дѣло въ томъ, что въ эти занятія погружены молодой человѣкъ сынъ мелкопомѣстнаго дворянина или 3-й гильдіи купца, которыхъ отцы отдали въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ себѣ помощникомъ, одному—помочь сдѣлать свое маленькое имѣніе производительнымъ, другому—помочь вести правильнѣе и выгоднѣе торговлю. Мнѣніе о профессорахъ въ этихъ кружкахъ существуютъ слѣдующія: одинъ совершенно глупъ, говорятъ про профессора, хотя и труженникъ, другой отсталъ отъ науки, хотя и былъ способенъ, третій нечистъ на руку и выводитъ только тѣхъ, кто исполняетъ такіе-то его требованія, четвертый—посмѣшище рода человѣческаго, 30 лѣтъ сряду читающій безобразнымъ языкомъ написанныя свои записки,—и счастливъ тотъ университетъ, въ которомъ на 50 профессоровъ есть хоть одинъ уважаемый и любимый студентами.

Прежде, когда были переводные экзамены, каждый годъ происходило хоть не изученіе предмета, но ежегодное выдалбливаніе записокъ передъ экзаменомъ. Теперь такое выдалбливаніе происходитъ

два раза: при переходѣ изъ втораго курса въ третій и передъ выпускомъ. Тотъ самый жребій, который прежде кидался четыре раза въ продолженіи всего курса, теперь кидается два раза.

Какъ скоро существуютъ экзамены съ ихъ настоящимъ устройствомъ, переводные или выпускные — это все равно, непременно должно существовать и бессмысленное долбленіе, и лотерей, и личное расположеніе, и произволъ профессора, и обманъ студентовъ. Не знаю, какъ испытывали это устроители университетовъ съ ихъ экзаменами, но какъ мнѣ показываетъ здравый смыслъ, какъ я не разъ испытывалъ это и какъ соглашались со мной многіе и многіе, — экзамены не могутъ служить мѣриломъ знаній, а служатъ только поприщемъ для грубаго произвола профессоромъ и для грубаго обмана со стороны студентовъ. Я держалъ три экзамена въ моей жизни: первый годъ я былъ не перепущенъ изъ перваго на второй курсъ профессоромъ Русской Исторіи, поссорившимся передъ тѣмъ съ моими домашними, не смотря на то, что я не пропустилъ ни одной лекціи и зналъ Русскую Исторію; кромѣ того, за единицу въ нѣмецкомъ языкѣ, поставленную тѣмъ же профессоромъ, не смотря на то, что я зналъ нѣмецкій языкъ несравненно лучше всѣхъ студентовъ нашего курса. Въ слѣдующемъ году я изъ Русской Исторіи получалъ 5, потому что, поспоривъ съ студентомъ-товарищемъ у кого лучше память, мы выучили по одному вопросу наизусть и мнѣ достался на экзаменѣ тотъ самый вопросъ, который я выучилъ, какъ теперь помню — біографія Мазецы. Это было въ 45 году. Въ 48 году я держалъ экзаменъ на кандидата въ петербургскомъ университетѣ, и буквально ничего не зналъ, и буквально началъ готовиться за недѣлю до экзамена. Я не спалъ ночи и получилъ кандидатскіе балы изъ гражданскаго и уголовнаго права, готовясь изъ каждаго предмета не болѣе недѣли. Въ нынѣшнемъ, 62 году, я зналъ студентовъ, кончающихъ курсъ и начинающихъ готовиться къ предмету за недѣлю передъ экзаменомъ. Въ нынѣшнемъ же году, я знаю, что четверо-курсники поддѣлывали билеты, знаю, что одинъ профессоръ поставилъ студенту 3, а не 5, за то, что студентъ позволилъ себѣ улыбнуться. Профессоръ замѣтилъ ему: «намъ можно улыбаться, а вамъ нельзя,» и поставилъ 3.

Надѣюсь, что никто не приметъ приведенные случаи за исключеніе. Всякій, знающій университеты, знаетъ, что приведенные случаи составляютъ правило, а не исключеніе, что иначе быть не можетъ. Если же кто сомнѣвается, то мы можемъ привести миллионы случаевъ. Найдутся изобличители и съ подписью фамилій по министерству народнаго просвѣщенія, какъ нашлись по министерству внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Что было въ 48, то и въ 62, то будетъ и въ 72, пока организація останется таже. Уничтоженіе мундировъ и переводныхъ экзаменовъ, ни на волосъ не помогаютъ дѣлу свободы, это новыя заплаты на ста-

рыя платья, только разрушающія старое платье. Вино новое не вливаютъ въ мѣхи старые. Я лщу себя надеждой, что даже защитники университетовъ скажутъ: «Да это правда, или правда отчасти. Но вы забываете, что есть студенты съ любовью слѣдящіе за лекціями и для которыхъ вовсе не нужны экзамены и главное — вы забываете образовательное вліяніе университетовъ.» Нѣтъ, и не забываю ни того ни другаго: о первыхъ — о студентахъ самостоятельно работающихъ — скажу, что для нихъ не нужны университеты съ ихъ организаціей, имъ нужны только пособія—библіотека, не лекціи, которыя бы они могли слушать, а бесѣды съ руководителями. Но и для этого меньшинства едва ли дадутъ университеты знанія, соотвѣтственныя ихъ средѣ, если только они не хотятъ быть литераторами или профессорами. Главное же и это меньшинство подпадетъ тому вліянію, которое называется образовательнымъ, и которое я называю развращающимъ, вліяніемъ университетовъ. Второе же возраженіе объ образовательномъ вліяніи университетовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя основаны на вѣрѣ и прежде всего должны быть доказаны. Кто и чѣмъ доказалъ, что университеты имѣютъ это образовательное вліяніе, откуда вытекаетъ это таинственное образовательное вліяніе? Общенія съ профессорами нѣтъ, нѣтъ вытекающихъ изъ него довѣрія и любви; есть, въ большинствѣ случаевъ, боязнь и недоувѣріе. Новаго, чего-нибудь такого, чего не могутъ узнать изъ книгъ студенты, они не узнаютъ отъ профессоровъ. Образовательное вліяніе лежитъ, стало быть, въ сообществѣ молодыхъ людей, занятыхъ однимъ и тѣмъ же? Безъ сомнѣнія; но заняты они большей частью не наукой, какъ вы думаете, а приготовленіемъ къ экзаменамъ, обманомъ профессоровъ, либеральничаніемъ и всѣмъ тѣмъ, что вселяется обыкновенно въ людей оторванныхъ отъ среды, семьи, и искусственно соединенныхъ вмѣстѣ посредствомъ духа товарищества, возведеннаго въ принципъ и доведеннаго до самодовольства, до самохвальства. Я не говорю объ исключеніяхъ—о студентахъ, живущихъ въ семьяхъ,—они менѣе подчиняются образовательному, т. е. развращающему вліянію студенчества; не говорю и о тѣхъ рѣдкихъ исключеніяхъ, преданныхъ съ молоду наукъ людямъ, которые за постояннымъ трудомъ тоже вполне подчиняются этому вліянію. И въ самомъ дѣлѣ, люди готовятся для жизни, для труда; каждый трудъ требуетъ, кромѣ привычки къ нему, порядка, правильности, и главное — умѣнья жить и обращаться съ людьми. Посмотрите, какъ сынъ крестьянина приучается быть хозяиномъ, сынъ дьячка, читая на кляросѣ, быть дьячкомъ, сынъ киргизца-скотовода быть скотоводомъ; онъ смолodu уже становится въ прямые отношенія съ жизнью, съ природой и людьми, смолodu учится плодотворно, работая, и учится обезпеченный съ матеріальной стороны жизни, т. е. обезпеченный кускомъ хлѣба, одеждой и помѣщеніемъ,—

и посмотрите на студента, оторваннаго отъ дома, отъ семьи, брошеннаго въ чужой городъ, наполненный искушеніями для его молодости, безъ средствъ къ жизни (потому что средства разсчитываются родителями только на необходимое, а всѣ уходятъ на увлеченіе), въ кругу товарищей, своимъ обществомъ только усиливающимъ его недостатки, безъ руководителей, безъ цѣли, отставъ отъ стараго и не пристаивъ къ новому. Вотъ положеніе студента за малыми исключеніями. Изъ нихъ выходитъ то, что должно выходить: или чиновники, только удобные для правительства, или чиновники-профессора, или чиновники-литераторы, удобные для общества, или люди безцѣльно оторванные отъ прежней среды, съ испорченною молодостію и ненаходящіе себѣ мѣста въ жизни, такъ называемые люди *университетскаго образованія*, развитые, т. е. раздраженные, больные либералы. Университетъ есть первое и главное наше воспитательное заведеніе. Онъ первый присвоиваетъ себѣ право воспитанія и первый по результатамъ, которыхъ достигаетъ, доказываетъ незаконность и невозможность воспитанія. Только съ точки зрѣнія общественной можно оправдывать плоды университета. Университетъ готовить не такихъ людей, какихъ нужно человечеству, а какихъ нужно испорченному обществу.

Курсъ конченъ. Я предполагаю своего воображаемаго воспитанника однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ призываетъ въ семью; ему всѣ чужіе—и отецъ, и мать, и родные. Онъ не вѣритъ ихъ вѣрою, онъ не желаетъ ихъ желаніями, онъ молится не ихъ Богу, а другимъ кумирамъ. Отецъ и мать обмануты, и сынъ часто желаетъ съ ними слиться въ одну семью, но уже не можетъ. То, что я говорю, не есть фраза, не есть фантазія. Я знаю очень многихъ студентовъ, вернувшихся въ свою семью, которые часто оскорбляли вѣрованія своихъ родныхъ, которые почти во всѣхъ убѣжденіяхъ—о бракѣ, о чести, о торговлѣ—расходились съ своей семьею. Но дѣло сдѣлано и родители утѣшаютъ себя мыслью, что такой вѣкъ *нынче*, и что *нынѣшнее* образованіе таково, что не въ ихъ средѣ; но по крайней мѣрѣ, самъ по себѣ, ихъ сынъ сдѣлаетъ себѣ карьеру, найдетъ свои средства существовать и даже помогать имъ и посвоему будетъ счастливъ. Къ несчастію, въ 9 случаяхъ изъ 10, и тутъ родители ошибаются. Кончивши курсъ, студентъ не знаетъ куда приклонить голову. Странное дѣло!—тѣ свѣдѣнія, которыя онъ приобрѣлъ, никому не нужны, никто за нихъ ничего не даетъ. Единственное приложеніе ихъ въ литературѣ и въ педагогикѣ, т. е. въ наукѣ образоватъ опять такихъ же ненужныхъ людей. Странное дѣло!—образованіе рѣдко въ Россіи, слѣдовательно оно должно бы было быть дорого, высоко цѣнимо. А на дѣлѣ выходитъ наоборотъ. Машинисты намъ нужны, у насъ ихъ мало, и машинистовъ выписываютъ изъ всей Европы и платятъ имъ дорого; отчего же, образованные универ-

ситетски (образованныхъ людей у насъ мало) говорятъ, что они нужны, а мы не только ими не дорожимъ, но имъ дѣваться некуда? Отчего чело-вѣкъ, кончившій курсъ у плотника, каменщика и штукатура, получаетъ сейчасъ и вездѣ 15 — 17 р., если онъ работникъ, и въ мѣсяцъ 25, если онъ мастеръ, рядчикъ, — а студентъ радъ, если онъ получитъ десять (я исключаю литературу и чиновничество, а говорю о томъ, что можетъ получить студентъ въ практической дѣятельности)? Отчего помѣщики, оставшіеся теперь при земляхъ, которыя надо сдѣлать производительными, платятъ 300—500 р. мужикамъ-бурмистрамъ, а не платятъ и 200 р. студентамъ-камералистамъ и естественникамъ? Отчего на желѣзныхъ дорогахъ рядчики-мужики за-вѣдываютъ тысячами рабочихъ, а не студенты? Отчего, если студентъ и получаетъ мѣсто съ хорошимъ жалованіемъ, то получаетъ его не за знанія, приобретенныя въ университетѣ, а за знанія приобретенныя послѣ? Отчего юристы-студенты дѣлаются офицерами, а математики и естественники чиновниками? Хлѣбопашецъ, проживая годъ въ довольствѣ, приноситъ домой 50—60 р., а студентъ, проживая годъ, оставляетъ 100 р. долгу? Отчего народъ платитъ народному учителю 8, 9, 10 р. въ мѣсяцъ, все равно будетъ ли онъ изъ дьячковъ или студентовъ? Отчего купецъ не беретъ въ при-гашники, не женитъ на своей дочери и не принимаетъ въ домъ студента, а мальчика изъ крестьянъ? Оттого скажутъ мнѣ, что общество не умѣетъ еще цѣнить образованія, оттого, что студентъ-учитель не станетъ обманывать рабочихъ, за-кабалять ихъ задатками, студентъ-купецъ не станетъ обмѣривать и обвѣшивать, оттого что плоды образованія не такъ ощутительны, какъ плоды рутинны и невѣжества. Это очень можетъ быть, отвѣчу я, хотя наблюденія показываютъ мнѣ противное. Студентъ или вовсе не умѣетъ вести дѣло ни честно, ни безчестно, или если умѣетъ, то ведетъ дѣло только сообразно съ своею природою, съ тѣмъ общимъ строемъ нравственныхъ привычекъ, который выработала въ немъ жизнь независимо отъ школы. Я знаю одинаковое число честныхъ студентовъ и нестудентовъ, и наоборотъ. Но положимъ даже, что университетское образованіе развиваетъ чувство справедливости въ чело-вѣкѣ, и что вслѣдствіе этого необразованные люди предпочитаютъ студентамъ необразованныхъ же людей, и цѣнятъ ихъ выше студентовъ. Положимъ что это такъ, почему же мы, такъ-называемые, образованные люди и имѣющіе средства, дворяне, литераторы, профессеры, не можемъ нигде употребить студентовъ, кромѣ какъ на службу. Я не говорю о службѣ на томъ основаніи, что служебное вознагражденіе не можетъ быть принято мѣриломъ заслугъ и знаній. Каждому извѣстно, что студентъ, отставной офицеръ, промотавшійся помѣщикъ, иностранецъ и др., какъ только имъ почему-нибудь нужно приобрести средства къ жизни, ѣдутъ въ столицу и, по мѣрѣ связей и степени требованій, получаютъ мѣсто въ ад-

министраціи, или если не получаютъ, то считаютъ себя оскорбленными. Я потому не говорю о вознагражденіи служебномъ; но спрашиваю, почему тотъ же самый профессоръ, который давалъ образованіе студентамъ, даетъ 15 р. въ мѣсяцъ дворнику или 20 р. плотнику, а пришедшему къ нему студенту говоритъ, что онъ очень жалѣетъ, что что не можетъ ему дать мѣста, кромѣ *похлопотать* у чиновниковъ, или предлагаетъ ему 10 р. за мѣсто переписчика или корректора по издаваемому сочиненію, предлагаетъ ему такое мѣсто, въ которомъ приложимы только знанія вынесенныя изъ уѣзднаго училища — умѣнье писать. Мѣстъ же, гдѣ бы была приложима исторія римскаго права, греческая литература и интегральное счисленіе — нѣтъ и не можетъ быть.

И такъ, въ большей части случаевъ, вернувшійся къ отцу сынъ изъ университета, не оправдываетъ надеждъ родителей и чтобы не стать бременемъ для семейства, долженъ занять мѣсто, въ которомъ нужно только умѣть писать и въ которомъ онъ становится въ конкуренцію со всеми русскими грамотными. Однимъ преимуществомъ остается чинъ, но только для службы, въ которой большее значеніе имѣютъ связи и другія условія; другимъ преимуществомъ является либерализмъ ни къ чему неприменимый. Мнѣ кажется, что пропорція людей изъ университета, занимающихъ въ службѣ мѣста съ хорошимъ вознагражденіемъ, будучи необычайно мала. Вѣрныя статистическія свѣдѣнія о дѣятельности выпедившихъ студентовъ были бы важнымъ матеріаломъ для науки объ образованіи и, я убѣжденъ, доказали бы математически ту истину, которую я стараюсь выяснить только по предположеніямъ и по имѣющимся даннымъ, — истину, что люди университетскаго образованія мало нужны и направляютъ свою дѣятельность преимущественно на литературу и педагогику, т. е. на повтореніе того жъ вѣчнаго круга образованія, такихъ же ненужныхъ для жизни людей.

Но я не предвидѣлъ одного возраженія или скорѣе источника возраженій, естественно представляющагося у большинства моихъ читателей: почему то-же самое высшее образованіе, которое оказывается столь плодотворнымъ въ Европѣ, было бы не приложимо у насъ? Европейскія общества образованнѣе русскаго общества, почему и русскому обществу не идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли европейскіе народы? Возраженіе это было бы неопровержимо, если бы было доказано во-первыхъ, что тотъ путь, по которому шли европейскіе народы, есть наилучшій путь, во-вторыхъ, что все чело-вѣчество идетъ одинаковымъ путемъ, и втретьихъ, что образованіе наше привѣтается народу. Весь востокъ образовывался и образовывается совершенно иными путями, чѣмъ европейское чело-вѣчество. Если бы было доказано, что молодое животное — волкъ или собака воспитаны мясомъ и доведены этимъ путемъ до полного развитія, раз-

вѣ я имѣлъ бы право заключить, что, воспитывая молодую лошадь или зайца, я не могу ихъ довести до полного развитія иначе какъ посредствомъ мяса. Развѣ изъ этихъ противоположныхъ опытовъ я бы могъ заключить наконецъ, что воспитывая молодого медвѣдя, ему необходимо либо мясо, либо овесъ. Опытъ бы показалъ мнѣ, что для него необходимо и то и другое. Если мнѣ и кажется, что естественнѣе образованіе мяса посредствомъ мяса и если прежніе опыты подтверждаютъ мое предположеніе, я не могу продолжать давать мяса жеребенку, если онъ всякой разъ выбрасываетъ его и организмъ его не асимилируетъ эту пищу. Точно то-же происходитъ съ европейскимъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, образованіемъ, которое перенесено на нашу почву. Организмъ русскаго народа не асимилируетъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть другая пища, поддерживающая его организмъ, ибо онъ живетъ. Эта пища кажется намъ не пищей, какъ трава для хищнаго животнаго, а между тѣмъ исторически-физиологическій процессъ совершается и эта непризнаваемая нами пища асимилируется организмомъ народа и огромное животное крѣпнеть и вырастаетъ.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Образованіе и воспитаніе суть два различныя понятія.

2) Образованіе — свободно и потому законно и справедливо; воспитаніе — насильственно и потому незаконно и несправедливо, — не можетъ быть оправдываемо разумомъ и потому не можетъ быть предметомъ педагогики.

3) Воспитаніе, какъ явленіе, имѣетъ свое начало а) въ семьѣ, б) въ вѣрѣ, в) въ правительствѣ, д) въ обществѣ.

4) Семейныя, религіозныя и правительственныя основанія воспитанія естественны и имѣютъ за себя оправданіе необходимости; общественное же воспитаніе не имѣетъ основаній, кромѣ гордости человѣческаго разума, и потому приноситъ самые вредные плоды, — каковы университеты и университетское образованіе.

Только теперь, разъяснивъ отчасти нашъ взглядъ на образованіе и воспитаніе и опредѣливъ границы того и другаго, мы можемъ отвѣтить на вопросы, становимые г. Глѣбовымъ, въ журналѣ «Воспитаніе», 1862 г., № 5, вопросы первые и естественно представляющіеся при серьезномъ вниманіи въ дѣло образованія:

1) Чѣмъ должна быть школа, если она не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія?

2) Что значитъ невмѣшательство школы въ дѣло воспитанія?

и 3) Возможно-ли отдѣлять воспитаніе отъ ученія, особенно первоначальнаго, когда воспитательный элементъ вносится въ молодые умы даже и въ высшихъ школахъ?

(Мы уже объяснили, что форма высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вносится воспитательный элементъ, нисколько не служитъ для насъ образцомъ. Мы отрицаемъ порядокъ высшихъ учебныхъ заведеній не только также, какъ и низшихъ, но видимъ въ нихъ начало всего зла).

Чтобы отвѣтить на поставленные вопросы, мы только перестановимъ ихъ: 1) что значитъ невмѣшательство школы въ воспитаніе, 2) возможно-ли такое невмѣшательство и 3) чѣмъ, при невмѣшательствѣ въ воспитаніе, должна быть школа?

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ прежде объяснить, что я разумѣю подъ словомъ школа, которое я въ томъ же смыслѣ употреблялъ въ первой моей статьѣ. Подъ словомъ школа я разумѣю не домъ, въ которомъ учатся, не учителей, не учениковъ, не извѣстное направленіе ученія, — но подъ словомъ школа я разумѣю, въ самомъ общемъ смыслѣ, *сознательную дѣятельность образовывающаго на образовывающихся, т. е. одну часть образованія, все равно, какъ бы не выражалась эта дѣятельность: ученіе артикулу рекрутовъ есть школа, чтеніе публичныхъ лекцій — школа, чтеніе курса въ магометанскомъ училищѣ — школа, собраніе музея и открытіе его для желающихъ — также школа. Отвѣчаю на первый вопросъ. Невмѣшательство школы въ дѣло образованія значитъ невмѣшательство школы въ образованіе (формированіе) вѣрованій, убѣжденій и характера образовывающагося. Достигается же это невмѣшательство предоставленіемъ образовывающемуся полной свободы воспринимать то ученіе, которое согласно съ его требованіемъ, которое онъ хочетъ, и не воспринимать на столько, на сколько ему нужно, на сколько онъ хочетъ, и уклоняться отъ того ученія, которое ему не нужно и котораго онъ не хочетъ.*

Публичныя лекціи, музеи суть лучшіе образцы школъ безъ вмѣшательства въ воспитаніе. Университеты суть образцы школъ съ вмѣшательствомъ въ дѣло воспитанія. Въ этихъ заведеніяхъ ученики связаны опредѣленнымъ курсомъ, программой, сводомъ избранныхъ наукъ, связаны требованіемъ экзаменовъ и преимущественно основанныхъ на нихъ, т. е. на экзаменахъ, предоставленіемъ правъ, или, что будетъ вѣрнѣе, лишеніемъ правъ въ случаѣ несоблюденія предписанныхъ условий. (Студентъ 4-го курса, держащій званіе, находится подъ угрозой одного изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній — потери 10 или 12-лѣтнихъ гимназическихъ, университетскихъ лишеній и отнятія тѣхъ выгодъ, въ виду которыхъ онъ переносилъ 12-лѣтнія лишенія). Въ этихъ заведеніяхъ все придумано такъ, чтобы ученикъ, подъ угрозой наказанія, принималъ на себя въ образованіи тотъ воспитательный элементъ и усвоилъ тѣ вѣрованія, тѣ убѣжденія и тотъ характеръ, который нуженъ учредителямъ заведенія. Принудительный воспитательный элементъ, состоящій въ исключительномъ выборѣ одного круга наукъ и въ угрозахъ наказанія, столь-

же силенъ и очевиденъ для серьезнаго наблюдателя, какъ и въ томъ заведеніи съ тѣлесными наказаніями, которое поверхностные наблюдатели ставятъ въ противоположность университетамъ.

Публичныя лекціи, число которыхъ постоянно возрастаетъ въ Европѣ и Америкѣ, наоборотъ, не только не обязываютъ къ извѣстному кругу знаній, не только не требуютъ вниманія къ себѣ подъ угрозой наказанія, но требуютъ отъ учащихся еще извѣстныхъ пожертвованій, чѣмъ самымъ доказываютъ, въ противоположность первымъ, совершенную свободу выбора и основаній, на которыхъ онѣ строятся. Вотъ что значитъ вмѣшательство и невмѣшательство, возможное для высшихъ заведеній и взрослыхъ людей, невозможно для низшихъ и малолѣтнихъ, потому что мы не видимъ тому примѣровъ — публичныхъ лекцій для дѣтей и т. п., — я отвѣчу, что если мы не станемъ слѣшкомъ часто понимать слово школа, а примемъ его въ вышеприведенномъ опредѣленіи, то мы для низшей степени знанія и для низшихъ возрастовъ найдемъ много свободно-образовательныхъ вліяній безъ вмѣшательства въ воспитаніе, соответствующихъ высшимъ заведеніямъ и публичнымъ лекціямъ. Таковы выучиваніе грамотѣ отъ товарищей и братьевъ, таковы народныя дѣтскія игры, объ образовательномъ вліяніи которыхъ мы намѣрены помѣстить особую статью, таковы публичныя зрѣлища, райки и т. п., таковы картины и книги, таковы сказки и пѣсни, таковы работы и таковы, наконецъ, попытки ясно-полянской школы.

Отвѣтъ на первый вопросъ даетъ отчасти отвѣтъ и на второй: — возможно ли такое невмѣшательство? Теоретически доказать эту возможность нельзя. Одно подтверждающее эту возможность, есть наблюденіе, доказывающее, что люди вовсе невоспитанные, т. е. подлежащіе однимъ свободно-образовательнымъ вліяніямъ, люди народа — свѣжѣе, сильнѣе, могучѣе, самостоятельнѣе, справедливыѣе, человѣчнѣе и главное — нужнѣе людей, какъ бы то ни было воспитанныхъ. Но можетъ быть и это положеніе для многихъ требуетъ доказательства. О доказательствахъ этихъ мнѣ еще придется говорить многое. Приведу только одно. Почему зоологически не улучшается поколѣніе воспитываемыхъ? Порода воспитываемыхъ животныхъ улучшается; порода воспитываемыхъ людей ухудшается и ослабѣваетъ. Возьмите на удачу сотню дѣтей отъ нѣскольکو воспитанныхъ поколѣній и сотню невоспитанныхъ дѣтей народа и сравните ихъ въ чемъ хотите: въ силѣ, ловкости, умѣ, способности воспринимать, въ нравственности, даже и во всѣхъ отношеніяхъ громадное преимущество поражаетъ васъ на сторонѣ дѣтей невоспитанныхъ поколѣній и тѣмъ болѣе будетъ преимущество, чѣмъ будетъ ниже возрастъ, и наоборотъ. Это страшно сказать по выводамъ, на которые оно наводитъ, но оно такъ. Окончательно же доказать эту возможность невмѣшательства въ низшихъ шко-

лахъ для людей, которыхъ личный опытъ и внутреннее чувство ничего не говорятъ въ пользу такого мнѣнія, можно только добросовѣстнымъ изученіемъ тѣхъ свободныхъ вліяній, посредствомъ которыхъ образовывается народъ, всестороннимъ обсужденіемъ вопроса и длиннымъ рядомъ опытовъ и отчетовъ о нихъ.

3) Чѣмъ же должна быть школа при невмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія? Школа, какъ сказано выше, есть сознательная дѣятельность образовывающаго на образовывающихся. Какъ ему дѣйствовать, чтобы не приступить предѣловъ образованія, т. е. свободы? Отвѣчаю: школа должна имѣть одну цѣль — передачу свѣдѣній, знанія (instruction), не пытаюсь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованій и характера; цѣль ея должна быть одна — наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствій, производимыхъ наукой, а передавая ее, должна предоставлять полную свободу ея примѣненія. Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ, необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣетъ, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ. Устройство и программы школы должны основываться не на теоретическомъ воззрѣніи, не на убѣжденіи въ необходимости такихъ-то и такихъ-то наукъ, а на одной возможности, т. е. на знаніяхъ учителей. Объясняюсь примѣромъ. Я желаю учредить учебное заведеніе. Я не составляю программы, основанной на своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, и на основаніи этой программы приписываю учителей, но предлагаю всѣмъ людямъ, чувствовавшимъ призваніе къ сообщенію знаній, читать тѣ уроки или лекціи, какіе они могутъ. Само собою разумѣется, что прежній опытъ будетъ руководить насъ въ выборѣ этихъ уроковъ, т. е. въ томъ, что мы уже не будемъ пробовать преподаваніе тѣхъ предметовъ, которые неохотно слушаются, мы не станемъ въ русской деревнѣ читать испанскій языкъ, астрологію или географію, точно также какъ въ этой же деревнѣ купецъ не откроетъ лавки хирургическихъ инструментовъ или кринолинъ. Мы можемъ предвидѣть требованія на наше предложеніе; но окончательный судья нашъ будетъ только опытъ и мы не считаемъ себя въ правѣ открыть ни одной лавки, въ которой бы мы продавали деготь только съ тѣмъ условіемъ, чтобы у насъ брали на 10 ф. дегтю фунтъ имбирю или помады. Мы не заботимся о томъ, какое употребленіе изъ нашихъ товаровъ будутъ дѣлать потребители, мы вѣримъ, что они знаютъ, что имъ нужно, и для насъ достаточно труда угадать ихъ потребность и только отвѣчать на нее. Очень можетъ быть, что найдется одинъ учитель зоологін, одинъ учитель средній исторіи, одинъ — Закона Божія и одинъ топографическаго искусства. Если эти учителя будутъ въ состояніи сдѣлать свои уроки занимательными, уроки эти будутъ по-

лезны не смотря на свою кажущуюся несоответственность и случайность. Я не вѣрю въ возможность теоретически придуманнаго гармоническаго свода наукъ, но вѣрю въ то, что каждая наука, при свободномъ ея преподаваніи, гармонически укладывается въ сводъ знаній каждаго человѣка. Скажутъ, можетъ быть, что при такой случайности программы могутъ войти въ курсъ бесполезныя, даже вредныя, науки, и что многія науки невозможно будетъ преподавать, потому что ученики недостаточно для нихъ приготовлены. На это отвѣчу, во-первыхъ, что вредныхъ и бесполезныхъ наукъ нѣтъ, для кого бы то ни было, и что есть здравый смыслъ и потребность учениковъ, которые при свободѣ ученія не допустятъ бесполезныя или вредныя науки, если бы такія были; во-вторыхъ, что подготовленные ученики нужны для дурнаго учителя, для хорошаго же легче начинать алгебру или аналитическую геометрію съ ученикомъ, незнающимъ арифметики, чѣмъ съ ученикомъ плохо знающимъ ее, легче читать среднюю исторію ученикамъ, не учившимъ наизусть древней. Я не вѣрю, чтобы профессоръ, читающій въ университетѣ дифференціалы и интегралы, и исторію русскаго гражданскаго права, и который не можетъ читать арифметику и русскую исторію въ первоначальной школѣ, — я не вѣрю, чтобы онъ былъ хорошій профессоръ. Я не вижу пользы и заслуги и даже возможности въ хорошемъ преподаваніи одной части предмета. Главное же я убѣжденъ, что предложеніе будетъ отвѣчать всегда на требованіе, что на каждой ступени наукъ будетъ достаточное число и учениковъ, и учителей.

Но какъ же, скажутъ мнѣ, образовывающему не желать, посредствомъ своего преподаванія, произвести извѣстное воспитательное вліяніе? Стремленіе это самое естественное, оно лежитъ въ естественной потребности при передачѣ знанія образовывающемуся. Стремленіе это только придаетъ образовывающему силы заниматься своимъ дѣломъ, даетъ ту степень увлеченія, которая для него необходима. Отрицать это стремленіе невозможно, и я объ томъ никогда недумалъ; существованіе его только сильнѣе доказываетъ для меня необходимость свободы въ дѣлѣ преподаванія. Нельзя запретить человѣку любящему и читающему исторію, пытаться передать своимъ ученикамъ то историческое воззрѣніе, которое онъ имѣетъ, которое онъ считаетъ полезнымъ, необходимымъ для развитія человѣка, передать тотъ методъ, который учитель считаетъ лучшимъ при изученіи математики или естественныхъ наукъ, напротивъ, это предвидѣніе воспитательной цѣли поощряетъ учителя. Но дѣло въ томъ, что воспитательный элементъ науки не можетъ передаваться насильственно. Не могу достаточно обратить вниманіе читателя на это обстоятельство. Воспитательный элементъ, положимъ въ исторіи, въ математикѣ, передается только тогда, когда учитель страстно любитъ и знаетъ свой предметъ; тогда только любовь эта

сообщается ученикамъ и дѣйствуетъ на нихъ воспитательно. Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда гдѣ-то рѣшено, что такой-то предметъ дѣйствуетъ воспитательно и однимъ предписано читать, а другимъ слушать, преподаваніе достигаетъ совершенно противоположныхъ цѣлей, т. е., не только не воспитываетъ научно, но отвращаетъ отъ науки. Говорятъ, наука носить въ себѣ воспитательный элементъ (*erziehliges Element*)—это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука, и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. *Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ, но самъ не любивъ ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія.* И тутъ опять одно мѣрило, одно спасеніе, опять та же свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать его воспитательное вліяніе, т. е. имѣть одинъ рѣшить, знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку.

И такъ, чѣмъ же будетъ школа при невмѣшательствѣ въ воспитаніе?

Всесторонней и самой разнообразной сознательной дѣятельностью одного человѣка на другаго, съ цѣлью передачи знаній (*instruction*), не принуждая учащагося ни прямо насильственно, ни дипломатически воспринимать то, что намъ хочется. Школа не будетъ можетъ быть школа, какъ мы ее понимаемъ,—съ досками, лавками, кафедрами учительскими или профессорскими, — она можетъ быть будетъ раекъ, театръ, библіотека, музей, бесѣда,—сводъ наукъ, программы, можетъ быть вездѣ сложатся совсѣмъ другія. (Я знаю только свой опытъ: яснополянская школа съ тѣмъ подраздѣленіемъ предметовъ, которые я описывалъ, въ продолженіи полугода, частью по требованіямъ учениковъ и ихъ родителей, частью по недостаточности свѣдѣній учителей, въ полгода совершенно измѣнилась и приняла другія формы).

Но что же намъ дѣлать? Неужели такъ и не будетъ уѣздныхъ училищъ, такъ и не будетъ гимназій, не будетъ кафедръ исторіи римскаго права! Что же станетъ съ человѣчествомъ?—слышу я. Такъ и не будетъ, коли ихъ не понадобится ученикамъ и вы не сѣмѣете ихъ сдѣлать хорошими. Но вѣдь дѣти не всегда знаютъ что имъ нужно, дѣти ошибаются и т. д.—слышу я. Я не вхожу въ такой споръ. Этотъ споръ привелъ бы насъ къ вопросу: права ли передъ судомъ человѣка природа человѣка? и проч. Я этого не знаю и на это поприще не становлюсь, я только говорю, что если мы можемъ знать чему учить, то не мѣшайте мнѣ учить насильно русскихъ дѣтей французскому языку, средневѣковой генеалогіи, и искусству красть.

Я все докажу также какъ и вы. Такъ и небудеть гимназій и латинскаго языка! Что же я буду дѣлать? опять слышу я.

Не бойтесь будетъ и латынь, и реторика, будутъ еще сотню лѣтъ и будутъ только потому, что лекарство куплено, надо его выпить (какъ говорилъ одинъ больной). Едва ли еще черезъ сто лѣтъ,

мысль, которую я, можетъ быть, неясно, неловко, неубѣдительно выражаю, сдѣлается общимъ достояніемъ; едва ли черезъ сто лѣтъ, отживутъ всѣ готовыя заведенія—училища, гимназій, университеты, и выростутъ свободно сложившіяся заведенія, имѣющія своимъ основаніемъ свободу учащагося поколѣнія.

ПРОГРЕССЪ И ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ.

(Отвѣтъ Г-ну Маркову. Русскій Вѣстникъ 1862 г., № 5).

Главные пункты разногласія г. Маркова съ нашимъ взглядомъ на образованіе формулированы слѣдующимъ образомъ: «1. Мы признаемъ *право* одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другого. 2. Мы признаемъ *право* высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. 3. Мы не согласны съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. 4. Думаемъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. 5. Думаемъ, что современныя школы гораздо ближе отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ, чѣмъ средневѣковыя. 6. Считаемъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ. 7. Думаемъ, что полная свобода воспитанія, какъ ее понимаетъ графъ Толстой, вредна и невозможна. 8. Думаемъ, наконецъ, что устройство яснополянской школы противорѣчить убѣжденіямъ редактора *Ясной Поляны*.»

(Рус. Вѣст. 1862 г. № 5 стр 186).

Прежде, чѣмъ отвѣчать на каждый изъ этихъ пунктовъ, мы попытаемся отыскать основную причину разногласія нашего взгляда съ взглядомъ г. Маркова, возбудившимъ общее сочувствіе, какъ педагогической, такъ и непдагогической публики.

Причина эта заключается въ недосказанности нашего взгляда, которую мы постараемся пополнить, и въ неточности и ограниченности пониманія со стороны г. Маркова и вообще публики нашихъ положеній, которыя мы и постараемся разъяснить. Очевидно, что разногласіе происходитъ отъ различія пониманія и, вслѣдствіе того, опредѣленія самаго образованія. Г. Марковъ говоритъ: мы не согласны съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. Но г. Марковъ не опровергаетъ наше опредѣленіе, а дѣлаетъ свое опредѣленіе. Главный вопросъ состоитъ въ томъ: наше или г. Маркова опредѣленіе образованія справедливо? Мы сказали: *образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ, обнимающее и воспитаніе, есть, по нашему убѣжденію, та дѣятельность человека, которая имѣетъ основаніемъ потреб-*

ность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія, и сознаемся въ томъ что слова эти, на которыя г. Марковъ проситъ читателя обратить особое вниманіе, для большинства публики и г. Маркова требовали объясненія. Но прежде чѣмъ дать эти объясненія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать отступленіе о томъ, почему г. Марковъ и вообще публика не захотѣли понять этого опредѣленія и не обратили на него никакого вниманія.

Со временъ Гегеля и знаменитаго афоризма «что исторично, то разумно», въ литературныхъ и изустныхъ спорахъ, въ особенности у насъ, царствуетъ одинъ весьма странный умственный фокусъ, называющійся историческое воззрѣніе. Вы говорите на примѣръ, что человекъ имѣетъ право быть свободнымъ, судиться на основаніи только тѣхъ законовъ, которые онъ самъ признаетъ справедливыми, а историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія выработываетъ извѣстный историческій моментъ, обусловливающій извѣстное историческое законодательство и историческое отношеніе къ нему народа. Вы говорите, что вы вѣрите въ Бога,—историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія выработываетъ извѣстныя религіозныя воззрѣнія и отношенія къ нимъ человечества. Вы говорите, что Иліада есть величайшее эпическое произведеніе,—историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что Иліада есть только выраженіе историческаго сознанія народа въ извѣстный историческій моментъ. На этомъ основаніи историческое воззрѣніе не только не споритъ съ вами о томъ, необходима-ли свобода для человека, о томъ есть или нѣтъ Бога, о томъ хороша или не хороша Иліада, не только ни чего не дѣлаетъ для достиженія той свободы, которой вы желаете, для убѣжденія или разубѣжденія васъ въ существованіи Бога, или въ красотѣ Иліады, а только указываетъ вамъ то мѣсто, которое ваша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или красотѣ, занимаетъ въ исторіи; оно только сознаетъ, но не познаетъ не путемъ непосредственнаго сознанія, а путемъ историческихъ умозаключеній. Скажите, что

вы любите или вѣрите во что нибудь,—историческое воззрѣніе говоритъ: любите и вѣрьте, и ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто въ нашемъ историческомъ воззрѣніи. Пройдутъ вѣка и мы найдемъ то мѣсто, которое вы будете занимать въ исторіи; но впередъ знайте, что то, что вы любите,—не безусловно прекрасно, и то, во что вы вѣрите,—не безусловно справедливо; но забавляйтесь дѣти—ваши любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто и приложеніе. Къ какому хотите понятію стоить только приложить слово историческое,—и понятіе это теряетъ свое жизненное, дѣйствительное значеніе и получаетъ только искусственное и неплодотворное значеніе въ какомъ-то искусственно составленномъ историческомъ міросозерцаніи.

Г. Марковъ говоритъ: общая цѣль есть резуль- татъ всей жизни, окончательный выводъ изъ дѣйствія разнородныхъ силъ. Его можно видѣть только при окончаніи, и въ немъ пока нѣтъ нужды. Стало- бытъ и педагогія въ правѣ не имѣть конечной цѣли, въ правѣ стремиться къ своимъ временнымъ и мѣстнымъ цѣлямъ, по преимуществу имѣющимъ значеніе для жизни.» (Р. В. № 5, стр. 153). Искать критеріумъ педагогіки по его мнѣнію бесполезно. Достаточно знать, что мы находимся въ историчес- кихъ условіяхъ,—и все хорошо.

Г. Марковъ вполне усвоилъ себѣ историческое воззрѣніе; онъ, какъ и большинство русскихъ мы- слищихъ людей нашего времени, обладаетъ искус- ствомъ присоединять понятіе историческаго ко вся- кому явленію жизни, умѣетъ наговорить много уче- наго и остроумнаго, въ историческомъ смыслѣ, на каждый случай, вполне владѣетъ историческимъ каламбуромъ. Въ первой нашей статьѣ сказано было, что образованіе имѣетъ своимъ основані- емъ потребность къ равенству и законъ движенія впередъ образованія. Хотя высказанное и безъ доказательствъ, это положеніе объясняло причину явленія. Можно было не согласиться и требовать доказательствъ; но только историческое воззрѣніе можетъ не чувствовать необходимости изысканія причинъ такого явленія, каково образованіе. Г. Мар- ковъ говоритъ: «желательно, чтобы читатель съ особеннымъ вниманіемъ остановился на этихъ сло- вахъ. Мнѣ они просто кажутся бесплодною натяж- кою, затемняющею смыслъ всѣмъ понятныхъ вещей. Зачѣмъ тутъ потребность равенства, инстинктъ; зачѣмъ особенно этотъ фатумъ, невѣдомый законъ движенія, не позволяющій одного, повелѣвающій дѣлать другое? Кто его призналъ, или доказалъ? Если опровергнуть, какъ дѣлаетъ графъ Толстой, воспитательное вліяніе взрослого поколѣнія на мо- лодое, то въ чемъ надобно видѣть этотъ чудный законъ? Мать любитъ ребенка, хочетъ удовлетво- рить его нужды, и сознательно, безъ всякой мис- тической потребности, чувствуетъ надобность при- норовиться къ его зачаточному разсудку, говорить съ нимъ простѣйшимъ языкомъ. Она не только не стремится къ равенству съ своимъ ребенкомъ, что было бы въ высшей степени противоестественно, а

напротивъ намѣренно старается передать ему весь запасъ своего знанія. Въ этой то естественной пере- дачѣ умственныхъ приобрѣтеній отъ одного поко- лѣнія другому и состоитъ движеніе образованія, не нуждающееся ни въ какихъ новыхъ специальныхъ законахъ. Каждый вѣкъ кидаетъ въ общую кучу свою горсть, и чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ выше поднимается эта куча, тѣмъ выше и мы съ ней поднимаемся. Это извѣстно до избитости, и я не вижу никакого оправданія въ стремленіяхъ потре- ять такую, логически и исторически очевидную, истину.»

Вотъ лучший образецъ историческаго воззрѣнія. Вы ищите объясненія знаменательнѣйшему явленію жизни, вы полагаете что нашли общій законъ, слу- жащій основаніемъ явленія, вы полагаете, что на- шли идеаль, къ которому стремится человѣчество, и критеріумъ его дѣятельности,—вамъ отвѣчаютъ, что есть куча, которая растетъ съ каждымъ вѣ- комъ, и что это извѣстно до избитости. Хорошо- ли, что она растетъ? зачѣмъ она растетъ?—на эти вопросы вамъ не отвѣчаютъ и удивляются, еще что вы хлопчете о разрѣшеніи такихъ вопросовъ.

Въ другомъ мѣстѣ, перефразируя наши слова, г. Марковъ говоритъ: «каждое поколѣніе мѣшаетъ раз- виваться новому; чѣмъ дальше, тѣмъ больше проти- водѣйствій, тѣмъ хуже. Станный подумаешь, прог- рессъ! Еслибы, не довѣряя исторіи, мы были обязаны вѣрить яснополянской теоріи, пришлось бы, пожалуй, повѣрить, что міръ все хилѣлъ да хилѣлъ отъ тысячелѣтнихъ противодѣйствій, и что смерть его теперь не за горами, а за плечами.» (стр. 152 *ibid.*)

«Хорошъ прогрессъ!» Нѣтъ очень дуренъ, — я только про это и говорилъ. Я не держусь религіи прогресса, а кромѣ вѣры, ни что не доказываетъ необходимости прогресса. «Неужели міръ все хи- лѣлъ да хилѣлъ?» Я только это и старался дока- зывать, съ тою только разницею, что хилѣетъ не все человѣчество, а та часть его, которая подле- житъ дѣятельности того образованія, которое за- щищаетъ г. Марковъ.

Но вотъ гдѣ является въ полномъ блескѣ ис- торическое воззрѣніе г. Маркова.

«Ясную Поляну смущаетъ то обстоятельство, что въ различныя времена люди учатъ различному и различно. Схоластики одному, Лютеръ другому, Руссо по своему, Песталлоцци опять по своему. Она видитъ въ этомъ невозможность установить критеріумъ педагогіки, и на этомъ основаніи от- вергаетъ педагогіку. А мнѣ кажется, она сама ука- зала на этотъ необходимый критеріумъ, приводя упомянутые примѣры. Критеріумъ въ томъ, чтобы учить соображаясь съ потребностями времени. Онъ простъ и въ совершенномъ согласіи съ исторіей и логикой. Лютеръ оттого только и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что самъ былъ созда- ніемъ своего вѣка, думалъ его мыслію и дѣйстви- вать по его вкусу. Иначе его огромное вліяніе было бы или невозможно, или сверхъестественно;

не походи онъ на своихъ современниковъ, онъ бы исчезъ безплодно, какъ непонятное, никому не нужное явленіе пришлецъ среди народа, котораго даже языка онъ не понимаетъ. Тоже и съ Руссо и всякимъ другимъ. Руссо формулировалъ въ своихъ теоріяхъ накопившую ненависть своего вѣка къ формализму и искусственности, его жажду простыхъ сердечныхъ отношеній. Эта была неизбежная реакція противъ версальскаго склада жизни; и если бы только одинъ Руссо чувствовалъ ее,— не явился бы вѣкъ романтизма, не явились бы универсальные массы переродить человечество, деклараций правъ, Карлы Мооры, и все подобное. Упрекать Лютера и Руссо за то, что они, вооружась противъ историческихъ узъ, навязывали людямъ свои теоріи, значить упрекать цѣлый вѣкъ въ незаконности его настроенія. Цѣлому вѣку теорій не навязешь.»

«Но отъ его теоріи врядъ ли за то отдѣлаешься. Мнѣ непонятно, чего бы хотѣлъ графъ Толстой отъ педагоги. Онъ все о крайней цѣли, о неизбѣлемомъ критеріумѣ хлопочетъ. Нѣтъ этихъ, такъ, по его мнѣнію, не нужно никакихъ. Отчего же не вспомнить онъ о жизни отдѣльнаго человѣка, о своей собственной? Вѣдь онъ, конечно, не знаетъ крайней цѣли своего существованія, не знаетъ общаго философскаго критеріума для дѣятельности всѣхъ періодовъ своей жизни. А вѣдь живетъ же онъ и дѣйствуетъ; и оттого только живетъ и дѣйствуетъ, что въ дѣйствѣ имѣлъ одну цѣль и одинъ критеріумъ, въ молодости другіе, теперь опять новые, и такъ далѣе. Былъ онъ вѣрно и шалуномъ мальчикомъ,— у тѣхъ извѣстно какой критеріумъ,—и религіознымъ юношей, и либераломъ—поэтомъ, и практическимъ дѣятелемъ жизни; каждое такое естественное настроеніе духа заставляло его иначе глядѣть на міръ, иного ждать и инымъ руководствоваться. Въ этихъ постоянныхъ смѣнахъ взглядовъ и состоитъ богатство развитія человечества, его философская и житейская опытность. Въ чемъ графъ Толстой видитъ упрекъ человечеству и педагогѣ, ихъ противорѣчіе самимъ себѣ, въ томъ я вижу необходимость, естественность и даже достоинство.» (стр. 159—160 *ibid.*)

Какъ много, кажется, сказано, какъ умно, какъ много свѣдѣній, какой спокойно-историческій взглядъ на все! Самъ стоишь на какомъ-то воображаемомъ возвышеніи, а подъ тобою дѣйствуютъ и Руссо, и Шиллеры и Лютеръ, и французскія революціи; съ исторической высоты одобряешь, или не одобряешь ихъ историческіе поступки и раскладываешь по историческимъ рамкамъ. Мало того, и каждая личность человеческая тоже тамъ гдѣ-то копошится, подчиняется неизмѣннымъ историческимъ законамъ, которые мы знаемъ, но конечной цѣли ни у кого нѣтъ и быть не можетъ,—есть одно историческое воззрѣніе! Но вѣдь мы совсѣмъ не о томъ спрашиваемъ, мы пытаемся найти тотъ общій умственный законъ, которымъ руководилась дѣятельность человѣка въ образованіи, и который поэтому могъ

бы служить критеріумомъ правильности человѣческой дѣятельности въ образованіи. Историческое же воззрѣніе на всѣ наши попытки отвѣчаетъ только тѣмъ, что Руссо и Лютеръ были произведеніями своего времени. Мы ищемъ то вѣчное начало, которое выразилось въ нихъ, а намъ говорить о той формѣ, въ которой оно выразилось, и распредѣляютъ ихъ по классамъ и отрядамъ. Намъ говорить, что критеріумъ только въ томъ, чтобы учить сообразно потребностямъ времени, и говорить, что это очень просто. Учить сообразно догматамъ христіанской или магометанской религіи—я понимаю, но учить сообразно потребностямъ времени—я рѣшительно не понимаю ни одного слова изъ этой фразы. Какія эти потребности? Кто ихъ опредѣлитъ? Гдѣ они выразятся? Очень можетъ быть забавно разсуждать вкривъ и вкосъ о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя заставили Руссо выразиться именно въ той формѣ, въ какой онъ выразился, но найти тѣ историческія условія, въ которыя имѣетъ выразиться будущій Руссо, невозможно. Мнѣ понятно, почему Руссо съ озлобленіемъ писалъ противъ искусственности жизни, но рѣшительно не понятно, почему явился Руссо и почему онъ открылъ великія истины. Мнѣ дѣла нѣтъ до Руссо и его обстановки, меня занимаютъ только тѣ мысли которыя онъ высказалъ, и повѣрять и не понять его мысль я могу только мыслью, а не разсужденіями о его мѣстѣ въ исторіи.

Выразить и опредѣлить критеріумъ въ педагогѣ было моей задачей. Историческое же воззрѣніе, не идя за мною по этому пути, отвѣчаетъ, что и Руссо и Лютеръ были на своемъ мѣстѣ (какъ будто они могли быть не на своемъ мѣстѣ), и что бываютъ различныя школы (какъ будто мы этого не знаемъ), и что каждая приноситъ зерно въ эту таинственную историческую кучу. Историческое воззрѣніе можетъ породить много занимательныхъ разговоровъ, когда дѣлать нечего, объяснить то, что всѣмъ извѣстно; но сказать слово, на которомъ бы могла строиться дѣйствительность,—оно не въ состояніи. Если оно и проговорится, то скажетъ только фразу въ родѣ того, что надо учить сообразно съ потребностями времени. Скажите же намъ—какія эти потребности въ Сызрани, въ Женевѣ, на Сыръ-Дарьѣ? Гдѣ можно найти выраженіе этихъ потребностей и *потребности времени*—какого времени? Уже ежели рѣчь пошла объ историческомъ, то въ настоящемъ есть только моментъ историческій. Одинъ принимаетъ требованія 25 годовъ за требованія настоящаго; другой знаетъ требованія августа 1862 года, третій считаетъ настоящими требованіями требованія средневѣковыя. Повторяю, если умышленно написана фраза *учить сообразно съ требованіями времени*, для насъ ни въ одномъ словѣ не имѣющая смысла, мы просимъ—укажите намъ эти требованія; мы отъ всей души, искренно говоримъ, что мы желали бы знать эти требованія и не знаемъ ихъ.

Мы могли бы привести еще много образцев исторического воззрѣнія г. Маркова ссылками на *Trivium* и *Quadrivium* Кассиодора, и Оомы Аквинскаго, и Шекспира, и Гамлета, и тому подобными интересными и пріятными разговорами. Но всѣ эти мѣста также не отвѣчаютъ на наши запросы, и потому мы ограничимся разъясненіемъ причинъ несостоятельности историческаго взгляда относительно философскихъ вопросовъ.

Причина эта заключается въ слѣдующемъ: люди съ историческимъ воззрѣніемъ предположили, что отвлеченная мысль, которую они любятъ въ ругательномъ смыслѣ называть метафизикой, безплодна, какъ скоро она противоположна историческимъ условіямъ, т. е., говоря проще, царствующимъ убѣжденіямъ; что мысль эта даже бесполезна, такъ какъ открыть общій законъ, по которому человѣчество движется впередъ и безъ участія мысли, противоположной царствующимъ убѣжденіямъ. Мнимый этотъ законъ человѣчества называется *прогрессъ*. Вся причина не только разногласія нашего съ г. Марковымъ, но и совершеннаго пренебреженія къ нашимъ доводамъ и неотвѣчанію на нихъ, заключается въ томъ, что г. Марковъ вѣритъ въ прогрессъ, а я не имѣю этого вѣрованія.

Что же это такое принятіе прогресса и вѣра въ него?

Основная мысль прогресса и выраженіе его будетъ слѣдующее: «человѣчество постоянно видоизмѣняется, переживаетъ прошедшее, удерживая отъ него начатыя труды и воспоминанія.» Въ переносномъ смыслѣ это видоизмѣненіе человѣческихъ отношеній мы называемъ движеніемъ, и видоизмѣненіе прошедшаго мы называемъ *назадъ*, будущее видоизмѣненіе называемъ *впередъ*. Вообще, въ переносномъ смыслѣ, говоримъ, что человѣчество движется впередъ. Хотя и выраженное не ясно, въ переносномъ смыслѣ, это положеніе несомнѣнно. Но за этимъ несомнѣннымъ положеніемъ, вѣрующіе въ прогрессъ и историческое развитіе дѣлаютъ другое недоказанное положеніе, что будто человѣчество въ прежнее время пользовалось меньшимъ благосостояніемъ, и чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ меньше, и чѣмъ болѣе впередъ, тѣмъ болѣе. Изъ этого выводять, что для плодотворной дѣятельности необходимо дѣйствовать только сообразно съ историческими условіями; и что, по закону прогресса, всякое историческое дѣйствіе поведетъ къ увеличенію общаго благосостоянія, т. е. будетъ хорошо, что всѣ попытки остановить или противорѣчить даже движенію исторіи—бесполезны. Выводъ этотъ незаконенъ потому, что 2-е положеніе о постоянномъ улучшеніи человѣчества на пути прогресса ничѣмъ не доказано и несправедливо.

Во всемъ человѣчествѣ, съ незапамятныхъ временъ, происходитъ процессъ прогресса, говоритъ историкъ вѣрующій въ прогрессъ, и доказываетъ это положеніе, сравнивая, положимъ Англію 1685 года съ Англіей нашего времени. Но если бы даже

и можно было доказать, сравнивая Россію, Францію и Италію нашего времени съ древнимъ Римомъ, Греціею, Карфагеномъ и т. д., что благосостояніе новыхъ народовъ болѣе благосостоянія древнихъ,—меня при этомъ всегда поражаетъ одно непонятное явленіе: выводять общій законъ для всего человѣчества изъ сравненія одной малой части человѣчества Европы въ прошедшемъ и настоящемъ. Прогрессъ есть общій законъ для человѣчества, говорятъ они, только кромѣ Азіи, Африки, Америки, Австраліи, кромѣ миллиарда людей. Нами замѣченъ законъ прогресса въ герцогствѣ Гогенцолернъ-Сигмарингенскомъ, имѣющемъ 3.000 тыс. жителей. Намъ извѣстенъ Китай, имѣющій 200 милліоновъ жителей, опровергающій всю нашу теорію прогресса, и мы ни минуты не сомнѣваемся, что прогрессъ есть общій законъ всего человѣчества, и что мы, вѣрующіе въ прогрессъ, правы, а не вѣрующіе въ него виноваты, и съ пушками, и ружьями идемъ внушать китайцамъ идею прогресса. Здравый же смыслъ говорить мнѣ, что жили большая часть человѣчества, весь такъ называемый востокъ, не подтверждаетъ закона прогресса, а напротивъ опровергаетъ его, то закона этого не существуетъ для всего человѣчества, и существуетъ только вѣрованіе въ него извѣстной части человѣчества. Я, какъ и всѣ люди, свободные отъ суевѣрія прогресса, вижу только, что человѣчество живетъ, что воспоминанія прошедшаго такъ же увеличиваются, какъ и исчезаютъ; что труды прошедшаго часто служатъ основой для новыхъ трудовъ настоящаго, часто служатъ преградой для нихъ; что благосостояніе людей то увеличивается въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ словѣ и въ одномъ смыслѣ, то уменьшается; что какъ бы мнѣ ни желательно было, я не могу найти никакого общаго закона въ жизни человѣчества; а что подвести исторію подъ идею прогресса точно также легко, какъ подвести ее подъ идею регресса, или подъ какую хотите историческую фантазію. Скажу болѣе: я не вижу ни какой необходимости отыскивать общіе законы въ исторіи, не говоря уже о невозможности этого. Общій вѣчный законъ написанъ въ душѣ каждаго человѣка. Законъ прогресса, или совершенствованія, написанъ въ душѣ каждаго человѣка и, только вслѣдствіе заблужденія, переносится въ исторію. Оставаясь личнымъ, этотъ законъ плодотворенъ и доступенъ каждому; перенесенный въ исторію, онъ дѣлается праздною, пустой болтовней, ведущей къ оправданію каждой безсмыслицы и фатализма. Прогрессъ вообще во всемъ человѣчествѣ: есть фактъ недоказанный и несуществующій для всѣхъ восточныхъ народовъ, и потому сказать, что прогрессъ есть законъ человѣчества, столь же неосновательно, какъ сказать, что всѣ люди бывають бѣлокурые за исключеніемъ черноволосыхъ.

Но можетъ быть мы все еще не такъ опредѣлили прогрессъ, какъ его понимаютъ многіе. Мы пытаемся дать ему самое общее и разумное опре-

дѣленіе. Можетъ быть прогрессъ есть законъ, открытый только европейскими народами, но столь разумный, что ему должно подлежать все человѣчество. Въ этомъ смыслѣ прогрессъ есть путь, по которому идетъ извѣстная часть человѣчества и который признаетъ эта часть человѣчества ведущимъ ее къ благосостоянію. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ Бокль прогрессъ цивилизаціи европейскихъ народовъ, включая въ это общее понятіе прогресса, прогрессъ социальный, экономическій, наукъ, искусствъ, ремеслъ и въ особенности изобрѣтенія пороха, книгопечатанія и путей сообщенія. Такое опредѣленіе прогресса ясно и понятно; но невольно представляются вопросы: 1-й, — кто рѣшилъ, что этотъ прогрессъ ведетъ къ благосостоянію? Для того, чтобы повѣрить этому, мнѣ нужно, чтобы не исключительныя лица, принадлежащія къ исключительному классу, историки, мыслители и журналисты—признали это, но чтобы вся масса народа, подлежащая дѣйствію прогресса, признала, что прогрессъ ведетъ ее къ благосостоянію. Мы же видимъ постоянно противорѣчащее этому явленіе. 2-й вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: что признать благосостояніемъ: улучшение ли путей сообщенія, распространеніе книгопечатанія, освѣщеніе улицъ газомъ, размноженіе домовъ, призрѣнія бѣдныхъ, и т. п., или первобытное богатство природы—лѣса, дичь, рыбу, сильное физическое развитіе, чистоту нравовъ и т. п.? Человѣчество живетъ одновременно столь многоразличными сторонами своего бытія, что опредѣлить степень его благосостоянія въ извѣстную эпоху и опредѣлить ее человѣку—невозможно. Одинъ человѣкъ видитъ только прогрессъ искусства, другой прогрессъ дѣбродѣтели, третій прогрессъ матеріальныхъ удобствъ, четвертый прогрессъ физической силы, пятый прогрессъ социального устройства, шестой прогрессъ науки, седьмой прогрессъ любви, равенства и свободы, восьмой прогрессъ газоваго освѣщенія и машиннаго шитья. И человѣкъ, который безстрастно будетъ относиться ко всѣмъ сторонамъ жизни, человѣчества, всегда найдетъ, что прогрессъ одной стороны всегда выкупается регрессомъ другой стороны человѣческой жизни. Самые добросовѣстные политическіе дѣятели, вѣровавшіе въ прогрессъ равенства и свободы, развѣ не убѣдились и не убѣждаются каждый день, что въ древней Греціи и Римѣ, было болѣе свободы и равенства, чѣмъ въ новой Англіи съ китайской и индѣйской войнами, въ новой Франціи съ двумя Бонапартами и въ самой новой Америкѣ съ ожесточенной войной за право рабства? Самые добросовѣстные, вѣрующіе въ прогрессъ искусства, развѣ не убѣдились, что нѣтъ въ наше время Фидіасовъ, Рафаэлей и Гомеровъ? Самые проворные, экономическіе прогрессисты развѣ не убѣдились, что необходимо запрещать рабочему народу рожать дѣтей, для того, чтобы можно было прокормить существующее населеніе? И такъ, отвѣчая на два постановленные мною вопроса, я говорю,

что, во 1-хъ, признать прогрессъ, ведущимъ къ благосостоянію, можно только тогда, когда весь народъ, подлежащій дѣйствію прогресса, будетъ признавать это дѣйствіе хорошимъ и полезнымъ, тогда какъ теперь въ $\frac{9}{10}$ населенія, въ такъ называемомъ простомъ, въ рабочемъ народѣ, мы постоянно видимъ противное, и во 2-хъ тогда, когда будетъ доказано, что прогрессъ ведетъ къ совершенствованію всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, или, что взятыя вмѣстѣ послѣдствія его вліянія, преобладаютъ добрыми и полезными надъ дурными и вредными. Народъ, т. е. масса народа, $\frac{9}{10}$ всѣхъ людей, постоянно враждебно относятся къ прогрессу и постоянно не только не признаютъ его пользы, но положительно и сознательно признаютъ его вредъ для нихъ. Выводамъ же историковъ, подобныхъ Маколею (того самого, котораго, въ доказательство силы англійскаго воспитанія, приводить г. Марковъ), полагающихъ, что они взвѣсили всѣ стороны человѣческой жизни и, на основаніи этого, взвѣшиванія, рѣшили, что прогрессъ принесъ больше добра, чѣмъ зла, мы не можемъ вѣрить, потому что выводы эти ни на чемъ не основаны. Выводы эти, для всякаго добросовѣстнаго и безстрастнаго судьи, не смотря на противоположную цѣль писателя, очевидно доказываютъ, что прогрессъ принесъ больше зла, чѣмъ пользы народу; народу, т. е. большей части людей, не говоря о государствѣ. Я прошу серьезнаго читателя прочесть всю 3-ю главу 1-й части исторіи Маколея. Выводъ сдѣланъ смѣло и рѣшительно, но на чемъ онъ основанъ—рѣшительно не понятно для здороваго человѣка, неотуманеннаго вѣрой въ прогрессъ. Значительные факты только слѣдующіе: 1) Народонаселеніе увеличилось,—увеличилось такъ, что необходима теорія Мальтуса. 2) Войска не было,—теперь оно стало огромно; съ флотомъ тоже самое. 3) Число мелкихъ землевладѣльцевъ уменьшилось. 4) Города стянули къ себѣ большую часть народонаселенія. 5) Земля обнажилась отъ лѣсовъ. 6) Заработная плата стала на половину больше, цѣны же на все увеличились и удобствъ къ жизни стало меньше. 7) Подать на бѣдныхъ удесетарилась. Газетъ стало больше, освѣщеніе улицъ лучше, дѣтей и женъ меньше бьютъ и англійскія дамы стали писать безъ орфографическихъ ошибокъ. Я прошу читателя прочесть эту 3-ю главу съ добросовѣстнымъ вниманіемъ и вспомнить тѣ простыя факты, что разъ увеличенное войско никогда уже не можетъ быть уменьшено; что разъ уничтоженные вѣковыя лѣса никогда уже не могутъ быть возобновлены; что развращенное населеніе удобствами комфорта, никогда уже не можетъ быть возвращено къ первобытной простотѣ и умѣренности. Я прошу читателя, не имѣющаго вѣры въ прогрессъ, или отрѣшившагося на время отъ этой вѣры, прочесть все, что писано въ доказательство благодати прогресса, и спросить себя, не отрѣшившись совершенно отъ вѣры: есть ли доказательства на то, что прогрессъ принесъ больше пользы, чѣмъ

вреда людям? Непредубѣжденному человѣку нельзя доказать это; для предубѣжденного же человѣка можно всякій парадоксъ, какъ и парадоксъ прогресса, одѣть историческими фактами.

Что за странное и непонятное явленіе! Общаго закона движенія впередъ человѣчества—нѣтъ, какъ то намъ доказываютъ неподвижные восточные народы. Доказать, что европейскіе народы постоянно движутся къ улучшенію благосостоянія—невозможно, и никто никогда еще не доказалъ этого; и наконецъ самое замѣчательное— $\frac{9}{10}$ того же самаго европейскаго народа, будто бы находящагося въ процессѣ прогресса, сознательно ненавидятъ прогрессъ и всѣми средствами стараются противоѣствовать ему, а мы признаемъ прогрессъ цивилизаціи несомнѣннымъ благомъ. Какъ ни непонятно кажется это явленіе, но оно разъяснится для насъ, ежели мы безъ предубѣжденія рассмотримъ его.

Только одна не большая часть общества вѣритъ въ прогрессъ, проповѣдуетъ его и старается доказать его благость. Другая, большая часть общества, противоѣствуетъ прогрессу и не вѣритъ въ благость его. Изъ этого я заключаю, что для малой части общества прогрессъ есть благо; для большей же части, онъ есть зло. Я заключаю такъ потому, что всѣ люди сознательно или безсознательно стремятся къ благу, или удаляются отъ зла. Сдѣлавши этотъ выводъ, я повѣряю его, подводя подъ него факты. Кто та малая часть, вѣрующая въ прогрессъ? Это, такъ называемое образованное общество, не занятые классы по выраженію Бокля. Кто та большая часть, не вѣрующая въ прогрессъ? Это такъ называемый народъ, занятые классы. Интересы общества и народа, всегда бываютъ противоположны. Чѣмъ выгоднѣе одному, тѣмъ невыгоднѣе другому. Въ дѣлѣ прогресса мое положеніе подтверждается, и я заключаю, что прогрессъ тѣмъ выгоднѣе для общества, чѣмъ невыгоднѣе для народа. Кромѣ того, это умозаключеніе объясняетъ мнѣ совершенно то странное явленіе, что не смотря на то, что прогрессъ не есть общій законъ человѣчества, что не смотря на то, что прогрессъ не ведетъ къ улучшенію благосостоянія все европейское человѣчество, не смотря на то, что $\frac{9}{10}$ народа противны ему, прогрессъ продолжаетъ быть восхитенъ и все болѣе и болѣе распространяться.

Вѣрующіе въ прогрессъ искренно вѣрують потому, что вѣра ихъ выгодна для нихъ, и потому то съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ проповѣдуютъ свою вѣру. Я невольно вспоминаю Китайскую войну, въ которой три великія державы совершенно искренно и наивно вводили вѣру прогресса въ Китай посредствомъ пороха и ядеръ.

Но не ошибаюсь ли я? Посмотримъ въ чемъ можетъ быть выгода общества и невыгода народа въ прогрессѣ. Здѣсь, говоря о фактахъ, я чувствую необходимость оставить въ покоѣ Европу и говорить о Россіи, которая мнѣ близко извѣстна. Кто у насъ вѣрующій, кто у насъ невѣрующій?

Вѣрующіе въ прогрессъ суть, образованное дворянство, образованное купечество и чиновничество—классы не занятые по выраженію Бокля. Невѣрующіе въ прогрессъ и враги его: мастеровые, фабричные, крестьяне, земледѣльцы и промышленники, люди занятые прямой физической работой—классы занятые. Вдумываясь въ это различіе, находимъ, что чѣмъ больше работаетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ консерваторъ, чѣмъ менѣе работаетъ, тѣмъ болѣе онъ прогрессистъ. Нѣтъ болѣе прогрессистовъ какъ откупщики, писатели, дворяне, студенты, безъ мѣстъ чиновники и фабричные. Нѣтъ менѣе прогрессистовъ—мужика земледѣльца.

«Человѣкъ овладѣваетъ силами природы, мысль съ быстротою мысли, перелетаетъ съ одного края вселенной на другой. Время побѣждено.» Все это прекрасно, чувствительно; но посмотримъ для кого это выгодно? Мы говоримъ о прогрессѣ электрическихъ телеграфовъ. Очевидно, что выгода и приложеніе телеграфа только для высшаго, такъ называемаго, образованнаго класса. Народъ же, $\frac{9}{10}$ только слышитъ гудѣніе проволоки и только стѣсненъ строгимъ закономъ о поврежденіи телеграфовъ.

По проволокамъ пролетаетъ мысль о томъ, какъ возвысилось требованіе на такой-то предметъ торговли и какъ потому нужно возвысить цѣну на этотъ предметъ или мысль о томъ, что я, русская помѣщица, проживающая во Флоренціи, слава Богу укрѣпилась нервами, обнимаю моего обожаемаго супруга и прошу прислать мнѣ въ наискорѣйшемъ времени 40 т. франковъ. Не дѣлая подробной статистики телеграфическихъ депешъ, можно быть твердо увѣреннымъ, что всѣ депеши принадлежатъ только тѣмъ родамъ корреспонденціи, образцы которыхъ я выставилъ здѣсь. Яснополянскій мужикъ тульской губерніи, или какой бы то ни было русскій мужикъ (не надо забывать, что эти мужики составляютъ всю массу народа, благосостояніе котораго думаетъ дѣлать прогрессъ) никогда не послалъ и не получилъ и долго еще не пошлетъ и не получитъ ни одной депеши. Всѣ депеши, которыя пролетаютъ надъ его головою, не могутъ ни на одну песчинку прибавить его благосостоянія, потому что все, что ему нужно, онъ имѣетъ изъ своего поля, изъ своего лѣса и онъ одинаково равнодушенъ къ дешевизнѣ или дороговизнѣ сахара, или хлопчатой бумаги, и къ низверженію короля Оттона, и къ рѣчи произнесенной Пальмерстономъ и Наполеономъ III, и къ чувствамъ барыни, пишущей изъ Флоренціи. Всѣ эти мысли, съ быстротою молніи облетающія вселенную, не увеличиваютъ производительность его пашни, не ослабляютъ надзора въ помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсахъ, не прибавляютъ силы въ работахъ ему и его семейству, не даютъ ему лишняго работника. Всѣ эти великія мысли только могутъ нарушить его благосостояніе а не упрочить или улучшить, и могутъ только въ отрицательномъ смыслѣ быть занимательными для него. Для правовѣрныхъ

же прогресса, телеграфическія нити принесли и приносят огромныя выгоды. Я не спорю о выгодахъ, я стараюсь только доказать, что не надобно думать и убѣждать другихъ, что то, что выгодно для меня, есть величайшее благо и для всего міра. Надобно во 1-хъ доказать это, или по крайней мѣрѣ подождать, что-бы всѣ люди признали благомъ то, что для насъ выгодно. Въ такъ называемомъ же поработѣніи пространства и времени посредствомъ электричества, мы этого никакъ не видимъ. Мы видимъ напротивъ, что поборники прогресса въ этомъ отношеніи разсуждаютъ совершенно также, какъ старые помѣщики, увѣряющіе, что для крестьянъ, для государства и для всего человечества нѣтъ ничего выгоднѣе крѣпостнаго права и барщинной работы; разница только въ томъ, что вѣра помѣщиковъ старая—разоблаченная, а вѣра прогрессистовъ еще свѣжая и царствующая.

Книгопечатаніе другая любимая, избитая тѣма прогрессистовъ. Распространеніе его и вслѣдствіи того грамотности, всегда безусловно считается несомнѣннымъ благомъ для всего народа. Почему это такъ? Книгопечатаніе, грамотность и то что мы называемъ образованіемъ, суть коренныя суевѣрія религіи прогресса и потому, въ этомъ дѣлѣ я прошу читателя въ особенности искренно отречься отъ всякой вѣры и совершенно искренно спросить себя: почему это такъ и почему то образованіе, которое мы, меньшинство, для себя считаемъ благомъ, и вслѣдствіе того то книгопечатаніе и ту грамотность, которую бы мы желали распространить,—почему это книгопечатаніе, эта грамотность и это образованіе будутъ благомъ для большинства, для народа? Мы говорили уже прежде въ нѣкоторыхъ статьяхъ о томъ, почему то образованіе, которымъ мы владѣемъ, по сущности своей не можетъ быть благомъ для народа. Мы будемъ говорить теперь исключительно, о книгопечатаніи. Для меня очевидно, что расположеніе журналовъ и книгъ, безостановочный и громадный прогрессъ книгопечатанія, былъ выгоденъ для писателей, редакторовъ, издателей, корректоровъ и наборщиковъ. Огромныя суммы народа косвенными путями перешли въ руки этихъ людей. Книгопечатаніе такъ выгодно для этихъ людей, что для увеличенія числа читателей, придумываются всевозможныя средства: стихи, повѣсти, скандалы, обличенія, сплетни, полемика, подарки, преміи, общества грамотности, распространеніе книгъ и школы для увеличенія числа грамотныхъ. Ни одинъ трудъ не окупается такъ легко, какъ литературный. Ни какіе проценты такъ не велики, какъ литературные. Число литературныхъ работниковъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Мелочность и ничтожество литературы увеличивается соразмѣрно увеличенію ея органовъ. Но ежели число книгъ и журналовъ увеличивается, ежели литература такъ хорошо окупается, то стало быть она необходима, скажутъ мнѣ наивные люди. Стало быть откупа необходимы, что они хорошо окупались? отвѣчу я. Успѣхъ литературы

указывалъ бы на удовлетвореніе потребности народа только тогда, когда бы весь народъ сочувствовалъ ей; но этого нѣтъ, также какъ и не было при откупахъ. Литература, также какъ и откупа, есть только искусная эксплуатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа. Есть «Современникъ», есть «Современное слово», есть «Современная Лѣтопись», есть «Русское слово», «Русскій міръ», «Русскій Вѣстникъ», есть «Время», есть «Наше время», есть «Орелъ», «Звѣздочка», «Гирлянда», есть «Грамотей», «Народное чтеніе», и «Чтеніе для народа», есть извѣстныя слова въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, какъ заглавія журналовъ и газетъ, и всѣ эти журналы твердо вѣрятъ, что они *проводятъ* какія-то мысли и направленія. Есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы и сочиненія, не смотря на давность существованія неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему ни какой выгоды. Я говорилъ уже объ онытахъ, дѣланныхъ мною для привитія нашей общественной литературы народу. Я убѣдился въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, что для того, чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе Бориса Годунова Пушкина, или исторію Соловьева, надобно этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. Наша литература не прививается и не привьется народу, надѣюсь—люди знающіе народъ и литературу не усумнятся въ этомъ. Какое же благо получаетъ народъ отъ литературы? Библій и святцевъ до сихъ поръ народъ не имѣетъ дешевыхъ. Другія же книги, которыя западаютъ къ нему, только обличаютъ въ ихъ глазахъ глупость и ничтожество ихъ составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды отъ книгопечатанія,—вотъ уже сколько времени прошло,—мы не видимъ ни малѣйшей для народа. Ни пахать, ни дѣлать квась, ни плестъ лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться,—не учится и не научился народъ изъ книгъ. Всякій добросовѣстный судья не одержимый вѣрою прогресса, признается, что выгодно книгопечатанія для народа не было. Невгоды же его ощутительны для многихъ. Г. Даль, добросовѣстный наблюдатель, обнародовалъ свои наблюденія надъ вліяніемъ грамотности на народъ. Онъ объявилъ, что грамотность развращаетъ людей изъ народа. На наблюдателя посыпались неистовые крики и ругательства всѣхъ вѣрующихъ въ прогрессъ; рѣшили, что грамотность была вредна, когда она была исключеніемъ, и что вредъ ея уничтожится, когда она сдѣлается общимъ правиломъ. Это предположеніе можетъ быть остроумное но только предположеніе. Фактъ же остается фактомъ, который подтверждаютъ мои собственныя наблюденія и который подтверждаютъ всѣ люди, имѣющіе прямыя сношенія съ народомъ, какъ то: купцы, мѣщане, становые, попы и сами крестьяне. Но скажутъ, можетъ быть, признавая мои доводы

справедливыми, что прогрессъ книгопечатанія не принося прямой выгоды народу, содѣйствуетъ его благосостоянію тѣмъ, что смягчаетъ нравы общества; что разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса напимѣрь, есть только произведеніе прогресса книгопечатанія. На это я отвѣчу что смягченіе нравовъ общества еще нужно доказать, что я лично его не вижу и не считаю нужнымъ вѣрить на слово. Я не нахожу, напимѣрь чтобы отношенія фабриканта къ работнику были человѣчѣе отношеній помѣщика къ крѣпостному. Но это мое личное воззрѣніе, немогущее служить доказательствомъ. Главное же, что я имѣю сказать противъ такого аргумента, есть то, что, взявъ примѣръ хотя освобожденіе отъ крѣпостнаго права, я не вижу, чтобы книгопечатаніе содѣйствовало его прогрессивному разрѣшенію. Если бы правительство въ этомъ дѣлѣ не сказало своего рѣшительнаго слова, то книгопечатаніе безъ сомнѣнія разъяснило-бы дѣло совершенно иначе. Мы видѣли, что большая часть органовъ требовала бы освобожденія безъ земли и приводила бы доводы, столь-же кажущіеся разумными, остроумными, саркастическими. Прогрессъ книгопечатанія, какъ и прогрессъ электрическихъ телеграфовъ, есть монополія извѣстнаго класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые подъ словомъ прогрессъ, разумѣютъ свою личную выгоду, вслѣдствіе того всегда противорѣчащую выгодѣ народа. Мнѣ пріятно читать журналы отъ праздности, я даже интересуюсь Оттопомъ королемъ греческимъ. Мнѣ пріятно написать или издать статейку и получить за нее деньги и извѣстность. Мнѣ пріятно получить по телеграфу извѣстіе о здоровьи моей сестрицы и знать вѣрно какой цѣны я долженъ ожидать за свою пшеницу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ нѣтъ ничего предосудительнаго въ удовольствіяхъ, которыя и при этомъ испытываю, и въ желаніяхъ, которыя я имѣю, чтобы удобства къ такого рода удовольствіямъ увеличивались; но совершенно не справедливо будетъ думать, что мои удовольствія совпадаютъ съ увеличеніемъ благосостоянія всего человѣчества. Думать это такъ же несправедливо, какъ думать то, что думалъ откупщикъ или помѣщикъ, что получая безъ труда большіе доходы, онъ осчастлививаетъ человѣчество тѣмъ, что поощряетъ искусство и своею роскошью даетъ многимъ работу. Прошу читателя замѣтить, что Гомеръ, Сократъ, Аристотель, нѣмецкія сказки и пѣсни, и русскій эпосъ, наконецъ, не нуждались въ книгопечатаніи для того, чтобы остаться вѣчными.

Паръ желѣзной дороги, и столь восхваленные пароходы, паровозы, желѣзныя дороги и машины. Мы не будемъ говорить о томъ, что можетъ быть въ послѣдствіи, о результатахъ, которые выходятъ изъ такого приложенія по противоположнымъ одна другой теоріямъ политической экономіи, а мы будемъ разсматривать просто тѣ выгоды, которыя принесъ и приносятъ паръ массъ народа.—Я вижу близкаго и хорошо извѣстнаго мнѣ тульскаго

мужика, который не нуждается въ быстрыхъ перѣздахъ изъ Тулы въ Москву, на Рейнъ, въ Парижъ и обратно. Возможность такихъ перѣздовъ не прибавляетъ для него нисколько благосостоянія. Всѣмъ потребностямъ своимъ онъ удовлетворяетъ собственнымъ трудомъ, и начиная отъ пищи и до одежды, все производится имъ самимъ: деньги для него не составляютъ богатства. Это до такой степени справедливо, что когда у него есть деньги, онъ зарываетъ ихъ въ землю и не находитъ нужнымъ дѣлать изъ нихъ ни какого употребленія. По этому, если желѣзныя дороги дѣлаютъ для него болѣе доступными предметы мануфактуръ и торговли, онъ остается совершенно равнодушнымъ къ этой болѣе доступности. Ему не нужны ни трико, ни атласы, ни часы, ни французское вино, ни сардинки. Все что ему нужно и что въ его глазахъ составляетъ богатство и улучшеніе благосостоянія, приобретається его трудомъ на его землѣ. Маколей говоритъ, что лучшимъ мѣриломъ благосостоянія рабочаго народа, есть степень заработной платы. Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія своего народа, что повторимъ такое бессмысленное, и ложное для насъ положеніе? Неужели не очевидно для каждого русскаго, что заработная плата для русскаго простолюдина есть случайность, роскошь, на которой ничего нельзя основывать? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія, назоветъ несомнѣнно богатымъ степнаго мужика съ старыми одоньями хлѣба на гумнѣ, никогда не видавшаго въ глаза заработной платы, и назоветъ несомнѣнно бѣднымъ подмосковнаго мужика въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только не возможно въ Россіи опредѣлять богатство степенью заработной платы, — но смѣло можно сказать, что въ Россіи появленіе заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія. Это правило мы, русскіе, изучающіе свой народъ, можемъ провѣрить по всей Россіи, и потому, не разсуждая о богатствѣ государствъ и богатствѣ всей Европы, можемъ и должны сказать, что для Россіи, т. е. для большей массы русскаго народа, высота заработной платы не только не служитъ мѣриломъ благосостоянія, но одно появленіе заработной платы показываетъ упадокъ народнаго богатства. Очевидно, что намъ пужно искать другихъ основаній, тѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ Европѣ; а между тѣмъ, европейская политическая экономія хочетъ предписывать намъ свои законы. Для большей части русскаго населенія деньги не составляютъ богатства, и удешевленіе предметовъ мануфактурной промышленности не увеличиваетъ благосостоянія. Вслѣдствіе этого, желѣзныя дороги, не приносятъ болѣешей массѣ населенія никакой выгоды (прошу замѣтить, что я говорю о выгодѣ по понятіямъ самаго народа, а не о тѣхъ выгодахъ, которыя насильно хочетъ навязать прогрессъ цивилизаціи).

По понятіямъ русскаго народа увеличеніе благосостоянія состоитъ въ увеличеніи силъ почвы, въ увеличеніи скотоводства, въ увеличеніи количества хлѣба, и вслѣдствіе того, въ удешевленіи его. (Прошу замѣтить, что ни одинъ крестьянинъ не жалуется на дешевизну хлѣба; только европейскіе политико-экономы утѣшаютъ его тѣмъ, что хлѣбъ будетъ дороже и потому ему легче будетъ покупать предметы мануфактуры,—онъ этого не желаетъ), въ увеличеніи рабочихъ силъ, (никогда мужикъ не жалуется на то, что у него въ селѣ слишкомъ много народа), въ увеличеніи лѣсовъ и пастбищъ, въ отсутствіи городскихъ соблазновъ. Какія же изъ этихъ благъ приносятъ крестьянину желѣзныя дороги? Онъ увеличиваетъ соблазны, онъ уничтожаютъ лѣса онъ отнимаютъ работниковъ, онъ поднимаютъ цѣны хлѣба. Можетъ быть я ошибся, говоря о причинахъ, по которымъ духъ народа всегда недоброжелательно относится къ нововведенію желѣзныхъ дорогъ. Можетъ быть я упустилъ нѣкоторыя причины, но несомнѣнный фактъ всегдашняго противодѣйствія народнаго духа къ введенію желѣзныхъ дорогъ существуетъ во всей своей силѣ. Народъ примиряется съ ними только въ той мѣрѣ, въ которой, испытывъ соблазнъ желѣзныхъ дорогъ, онъ самъ дѣлается участникомъ этой эксплоатаціи. Настоящій народъ, т. е. народъ прямо, непосредственно работающій и живущій плодотворно, народъ преимущественно земледѣлецъ, $\frac{9}{10}$ всего народа, безъ которыхъ бы не мыслимъ быть ни какой прогрессъ, всегда враждебно относится къ нимъ. И такъ, вѣрующіе въ прогрессъ, малая часть общества, говорятъ, что желѣзныя дороги есть увеличеніе благосостоянія народа, большая часть общества говоритъ, что это есть уменьшеніе его.

Такое противодѣйствіе прогрессу со стороны народа мы могли бы провѣрить и объяснить въ каждомъ проявленіи прогресса; но мы ограничимся приведенными примѣрами и постараемся отвѣтить на естественно представляющійся вопросъ: нужно ли вѣрить этому противодѣйствію народа? Вы говорите, скажутъ намъ, что недовольны желѣзными дорогами мужики-земледѣльцы, проводящіе жизнь на поляхъ въ курной избѣ, или за сохою, сами ковыряющіе себѣ лапти и ткущіе себѣ рубахи, никогда не читавшіе ни одной книги, разъ въ двѣ недѣли снимающіе съ насѣкомыми рубаху; по солнышку и по пѣтухамъ узнающіе время и не имѣющіе другихъ потребностей, какъ лошадиная работа, спанье, ѣда и пьянство. «Это не люди, а животные, — скажутъ и подумаютъ прогрессисты. И потому мы считаемъ себя въ правѣ не обращать вниманія на ихъ мнѣніе и дѣлать для нихъ то самое, что мы нашли хорошимъ для себя». Такое мнѣніе, ежели и не высказанное, всегда лежитъ въ основаніи разсужденій прогрессистовъ; но я полагаю, что эти люди, называемые дикими, и цѣлыя поколѣнія этихъ дикихъ, суть точно такіе же люди и точно такое же человѣчество, какъ

Пальмерстоны, Оттоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколѣнія работниковъ носятъ въ себѣ точно тѣ же человѣческія свойства, и въ особенности свойства искать гдѣ лучше, какъ рыба гдѣ глубже, — какъ и поколѣнія лордовъ, бароновъ, профессоровъ, банкировъ и т. д. Въ этой мысли подтверждаетъ и мое личное, безъ сомнѣнія малозначущее убѣжденіе, состоящее въ томъ, что въ поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ и профессоровъ, и главное, подтверждаетъ меня въ этой мысли то простое наблюденіе, что работникъ точно также саркастически и умно обсуживаетъ барина и смѣется надъ нимъ за то, что онъ не знаетъ — что соха, что сволока, что гречиха, что крупа; когда сѣять овесъ, когда гречу; какъ узнать какой слѣдъ; какъ узнать тельна ли корова, или пѣтъ? и за то, что баринъ живетъ всю жизнь ничего не дѣлая и т. п. Точно также какъ обсуживаетъ баринъ работника и подтруниваетъ надъ нимъ за то, что тотъ говоритъ табѣ и сабѣ, фитанецъ, плантъ и т. п. и за то, что онъ въ праздникъ напивается какъ животное и не знаетъ, какъ рассказать дорожку. Тоже наблюденіе поражаетъ меня, когда два человѣка разойдись между собою, совершенно искренно называя другъ друга дураками и подлецами. Еще болѣе поражаетъ меня это наблюденіе въ столкновеніяхъ восточныхъ народовъ съ европейскими. Индѣйцы считаютъ англичанъ варварами и злодѣями, — англичане индѣйцевъ; японцы — европейцевъ; европейцы — японцевъ; даже самые прогрессивные народы — французы, считаютъ нѣмцевъ тупоголовыми; нѣмцы считаютъ французовъ безмозглыми. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій я вывожу то умозаключеніе, что ежели прогрессисты считаютъ народъ не имѣющимъ права обсуждать своего благосостоянія а народъ считаетъ прогрессистовъ людьми озабоченными корыстными личными видами, то изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній нельзя вывести справедливости ни той, ни другой стороны. И потому я долженъ склониться на сторону народа, на томъ основаніи, что, 1-е, народа больше, чѣмъ общества, и что потому должно предположить, что большая доля правды на сторонѣ народа; 2-е и главное потому, что народъ безъ общества прогрессистовъ могъ бы жить и удовлетворять всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ, какъ то: трудиться, веселиться, любить мыслить и творить художественныя произведенія. (Иліады, русскія пѣсни). Прогрессисты же не могли бы существовать безъ народа.

Недавно мы прочли исторію цивилизаціи Англіи — Бокля. Книга эта имѣла великій успѣхъ въ Европѣ (это очень естественно) и огромный успѣхъ въ литературномъ и ученомъ кругѣ въ Россіи — и это для меня не понятно. Бокль анализируетъ законы цивилизаціи и весьма занимательно; но весь интересъ этотъ потерявъ для меня и кажется для всѣхъ насъ русскихъ, не имѣющихъ никакихъ

оснований предполагать: ни то, что мы, русские, должны необходимо подлежать тому же закону движения цивилизации, которому подлежат и Европейские народы; ни то, что движение вперед цивилизации есть благо. Для нас русских необходимо доказать прежде и то и другое. Мы лично, например, считаем движение вперед цивилизации одним из величайших насильственных зол, которому подлежит известная часть человечества, и самое движение это не считаем неизбежным. Автор так сильно возстающий против бездоказательных положений, сам не доказывает нам, почему весь интерес истории для него заключается в прогрессе цивилизации. Для нас же интерес этот заключается в прогрессе общего благосостояния. Прогресс же благосостояния, по нашим убеждениям, не только не вытекает из прогресса цивилизации, но большей частью противуположен ей. Если есть люди, которые думают противное, то это должно быть доказано. Доказательств же этих мы не находим ни в непосредственном наблюдении явления жизни, ни на страницах историков, философов и публицистов. Мы видим, напротив, что эти люди и г. Марков, в своих доводах против нас, признают без всякого основания вопрос о тождестве общего благосостояния и цивилизации решенным.

Мы сделали отступление весьма длинное и может быть показавшееся не ведущим к делу, только для того, чтобы сказать, что мы не верим в прогресс увеличивающий благосостояние человечества, не имеем никаких оснований верить в него и ищем и ищем в своей 1-й статье другого мерила того, что хорошо и что дурно, как только признания всего, что есть прогресс, хорошим и всего, что не есть прогресс дурным. Разъяснив этот главный скрытый пункт нашего разногласия с г. Марковым, мы полагаем, с большинством так называемой образованной публики, что ответы на пункты статьи Р. В. нам становятся легки и просты.

1) Стат. «Русского Вѣстника» признает право одного поколения вмешиваться в воспитание другого, на том основании, что это естественно, и что каждое поколение кидает свою горсть в кучу прогресса. Мы не признавали и не признаем этого права потому, что не считая прогресс несомненным благом, ищем других оснований на такое право и полагаем, что нашли их. Если бы было доказано, что основания наши ложны, то мы все-таки не могли бы признать достаточным основанием веру в прогресс, также как и веру в Магомета или Далай-Ламу.

2) Стат. Р. В. признает право высших классов вмешиваться в народное образование. Мы полагаем, что в предыдущих страницах достаточно разъяснено, почему вмешательство верующих в прогресс в воспитание народа несправедливо, но выгодно для высших классов,

и почему их несправедливость кажется им правом, как казалось *правом* крепостное право.

3) Стат. Р. В. думает, что школы не могут и не должны быть изъяты из под исторических условий. Мы думаем, что эти слова не имеют смысла во 1-х потому, что изъять из под исторических условий нельзя ничего, ни на деле, ни даже в мыслях. Во 2-х потому, что ежели открытие законов, на которых строилась и должна строиться школа, есть по мнению г. Маркова изъятие из под исторических условий, то мы полагаем, что наша мысль, открывшая известные законы, действует тоже в исторических условиях, но что нужно опровергнуть, или признать самую мысль, путем мысли для того, чтобы разъяснить ее, а не отвѣчать на нее тою истиною, что мы живем в исторических условиях.

4) Стат. Р. В. думает, что современные школы ближе отвѣчают потребностям времени, чѣм средневековые. Мы сожалеем, что подали повод г. Маркову доказывать нам противное, и охотно сознаем, что доказывая противное, подчинились общей привычке подводить исторические факты под предепринятую мысль. Г. Марков сделал тоже самое, может быть удачнее или многословнее нашего. Мы не хотим разбирать этого, откровенно сознаваясь в своей ошибке. На этом поприще можно наговорить так много, не убедив ни кого!..

5) Статья «Русского Вѣстника» считает наше воспитание не вредным, а полезным только потому, что наше воспитание готовит людей для прогресса, в который онъ верит. Мы же не верим в прогресс и потому продолжаем считать воспитание наше вредным.

6) Статья «Русского Вѣстника» думает, что полная свобода воспитания вредна и невозможна. Вредна потому, что нам нужны люди для прогресса, а не просто люди, и невозможна потому, что у нас есть готовые программы для воспитания людей прогресса, а нет программ для воспитания просто людей.

7) Автор думает, что устройство яснополян-ской школы противоречит убеждениям редактора. В этом, как в деле личном, мы согласны, тем более, что автор сам знает как сильно влияние исторических условий, и потому должен знать, что яснополянская школа принадлежит действию двух сил — убеждению совершенно крайнему, по мнению автора, и историческим условиям, т. е. воспитанию учителей, средствам и т. д., и не смотря на то, школа могла достигнуть только весьма малой степени свободы и, вследствие того, преимуществ перед другими школами. Что же бы было, если бы убеждения эти не были крайни, как они кажутся автору? Автор говорит, что успех школы зависит от любви. Но любовь не случайна. Любовь может быть только при свободе. Во всех школах, основанных с убеждениями Ясной Поляны, повторялось тоже явление:—

учитель влюблялся въ свою школу: а я знаю, что тотъ же учитель, со всевозможной идеализаціей, не могъ бы влюбиться въ школу, гдѣ сидятъ на лавкахъ, ходятъ по звонкамъ и сбѣгутъ по субботамъ.

И 8) наконецъ,—авторъ не согласенъ съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. Вотъ гдѣ мы обязаны высказать недосказанное. Мнѣ кажется, что было бы гораздо справедливѣе со стороны автора, ежели бы, не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе, онъ потрудился опровергнуть наше опредѣленіе. Но онъ этого не сдѣлалъ, онъ и не взглянулъ на него, назвалъ его натяжкою и далъ свое опредѣленіе—прогрессъ—и вслѣдствіе того учить сообразно потребностямъ времени.—Все что мы написали о прогрессѣ, написано только за тѣмъ, чтобы вызвать людей на возраженіе. А то съ нами не спорятъ, а говорятъ: зачѣмъ инстинктъ, потребность равенства и весь этотъ наборъ словъ, когда есть возрастающая куча?

Но мы не вѣримъ въ прогрессъ и потому не можемъ удовольствоваться кучей. Ежели бы мы и вѣрили, — мы сказали бы: хорошо, цѣль есть учить сообразно потребностямъ времени, бросать въ кучу; мы бы согласились, что мать учить ребенка, намѣренно стараясь передать знаніе, какъ говоритъ г. Марковъ. Но за чѣмъ? спросилъ бы я, и имѣлъ бы право ожидать отвѣта. Человѣкъ дышетъ. Но за чѣмъ? спрашиваю я. И мнѣ не отвѣчаютъ, что онъ дышетъ потому, что дышетъ, а отвѣчаютъ — для того, чтобы приобрѣсти нужный кислородъ и выбросить ненужные газы. И опять я спрашиваю: за чѣмъ кислородъ? И физиологъ видитъ смыслъ такого вопроса и отвѣчаетъ на него:—за тѣмъ, чтобы получить тепло. За чѣмъ тепло? спрашиваю я. И тутъ онъ отвѣчаетъ, или пытается отвѣтить, и ищетъ, и знаетъ что чѣмъ рѣшеніе такого вопроса общее, тѣмъ богаче оно будетъ выводами. Мы же спрашиваемъ: за чѣмъ одинъ учить другого? Кажется нѣтъ болѣе близкаго вопроса для педагога. И мы отвѣчаемъ, можетъ быть неправильно, бездоказательно, но вопросъ и отвѣтъ категоричны. Г. Марковъ (я не нападаю на Маркова,—всякій вѣрующій въ прогрессъ также отвѣтитъ), не только не отвѣчаетъ на нашъ вопросъ, но онъ не въ состояніи видѣть его. Для него нѣтъ этого вопроса,—это пустая натяжка, на которую, для забавы, онъ проситъ читателя обратить особенное вниманіе. А въ этомъ вопросѣ и отвѣтѣ лежитъ вся сущность того, что я говорилъ, писалъ и думалъ о педагогикѣ. И г. Марковъ, и публика согласная съ г. Марковымъ, умные, образованные, привыкшіе разсуждать люди, отчего вдругъ такая непонятливость? *Прогрессъ*. — Сказано слово *прогрессъ*, — и бессмыслица кажется яснымъ, и ясное кажется бессмыслицею. Благость прогресса я не признаю, пока мнѣ не докажутъ ее, и потому наблюдая явленія образованія, мнѣ необходимо опредѣленіе образованія, и я вновь повторяю и разъясняю сказанное: *образованіе есть*

дѣятельность чловѣка, имѣющая своимъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія.

Какъ мы сказали уже, для изученія законовъ образованія мы употребляемъ не метафизическій методъ, а методъ выводовъ изъ наблюдений. Мы наблюдаемъ явленія образованія въ самомъ общемъ смыслѣ, включающемъ въ себѣ и воспитаніе. Въ каждомъ явленіи образованія мы видимъ двухъ дѣятелей—образовывающаго и образовывающагося, воспитателя и воспитанника. Для того, чтобы изучить явленія образованія, какъ мы его понимаемъ, найти его опредѣленіе и критеріумъ, намъ необходимо изучить какъ ту, такъ и другую дѣятельность, и найти причину, совокупляющую эти двѣ дѣятельности въ одно явленіе, называемое образованіе или воспитаніе. Разсмотримъ сначала дѣятельность образовывающагося и причины ея. Дѣятельность образовывающагося, какъ бы, гдѣ бы и чему бы онъ ни учился (даже если бы онъ одинъ читалъ книги), всегда заключается только въ томъ, чтобы усвоить себѣ образъ, форму или содержаніе мысли того чловѣка, или тѣхъ людей, которыхъ онъ считаетъ знающими больше себя. Какъ скоро онъ, по знанію, уравнивается съ своими образователями, какъ скоро онъ не считаетъ своихъ образователей выше себя по знанію,—такъ дѣятельность образованія, со стороны образовывающагося, невольно прекращается, и ни какія условія не могутъ заставить его продолжать ее. Одинъ чловѣкъ не можетъ учиться у другаго, когда тотъ чловѣкъ, который учится, знаетъ столько же, сколько и тотъ чловѣкъ, который учить. Учитель ариметики, незнающій алгебры, невольно прекращаетъ свое ученіе ариметики, какъ скоро ученикъ его вполне усвоилъ себѣ знаніе четырехъ ариметическихъ правилъ. Кажется бесполезно доказывать, что какъ скоро знанія учителя и ученика уравнились, такъ дѣятельность ученія, воспитанія въ общемъ смыслѣ образованія, неминуемо прекращается между этими ученикомъ и учителемъ, и начинается новая дѣятельность, состоящая или въ томъ, что тотъ же учитель открываетъ ученику новую перспективу знаній, усвоенныхъ имъ, но неизвѣстныхъ ученику, по той или по другой отрасли наукъ, и образованіе продолжается до тѣхъ только поръ, пока ученикъ не уравнивается съ учителемъ; или въ томъ, что сравнявшись съ учителемъ въ знаніи ариметики, ученикъ бросаетъ учителя и беретъ книгу, въ которой учится алгебрѣ. Въ этомъ случаѣ книга, или авторъ книги, представляется новымъ учителемъ, и дѣятельность образованія продолжается только до тѣхъ поръ, пока ученикъ не уравнивается съ книгой, или съ авторомъ книги. И опять дѣятельность образованія прекращается немедленно при достиженіи равенства въ знаніи. Истину эту, которая можетъ быть проверена во всевозможныхъ случаяхъ образованія, кажется бесполезно доказывать. Изъ этихъ наблюдений и соображеній мы заключаемъ, что дѣятельность образо-

ванія, разсматриваемая только со стороны образовывающагося, имѣетъ своимъ основаніемъ стремленіе образовывающагося къ равенству въ знаніи съ образовывающимъ. Истина эта доказывается тѣмъ простымъ наблюденіемъ, что какъ скоро равенство достигнуто, такъ немедленно и неминуемо прекращается самая дѣятельность, и еще другимъ, болѣе простымъ наблюденіемъ, что во всякомъ образованіи замѣтно это достиженіе большей или меньшей степени равенства. Хорошее, или дурное образованіе всегда и вездѣ, во всемъ родѣ человѣческомъ, опредѣляется только тѣмъ, медленно или скоро достигается равенство между учащимъ и учащимся: чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже, — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Истина эта такъ проста и очевидна, что доказывать ее нѣтъ надобности. Но необходимо доказать, почему эта простая истина ни кому не приходитъ въ голову, ни кѣмъ не высказывается и встрѣчаетъ озлобленное противодѣйствіе, когда бываетъ высказана? Причины эти слѣдующія: кромѣ главнаго основанія всякаго образованія, вытекающаго изъ самой сущности дѣятельности образованія — стремленія къ равенству, знанія, — въ гражданскомъ обществѣ сложились другія причины побуждающія къ образованію. Эти причины кажутся столь настоятельными, что педагоги имѣютъ въ виду только ихъ, упуская изъ виду главное основаніе. Разсматривая теперь только дѣятельность образовывающагося, мы найдемъ много кажущихся основаній къ образованію, кромѣ того существеннаго, которое мы высказали. Невозможность допустить эти основанія, легко можетъ быть доказана. Ложныя, но ощутительныя эти основанія слѣдующія: первое и самое употребительное, — ребенокъ учится для того, чтобы не быть наказаннымъ. Второе, — ребенокъ учится для того, чтобы быть награжденнымъ. Третье, — ребенокъ учится для того, чтобы быть лучше другихъ. Четвертое, — ребенокъ, или молодой человѣкъ учится для того, чтобы получить выгодное положеніе въ свѣтѣ. Эти основанія, признаваемые всѣми, могутъ быть подведены подъ три главные разряда: 1) ученіе на основаніи послушанія, 2) ученіе на основаніи самолюбія и 3) ученіе на основаніи матеріальныхъ выгодъ и честолюбія. И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи этихъ трехъ разрядовъ строились и строятся различныя педагогическія школы. Протестантскія — на послушаніи, католическія іезуитскія — на основаніи соревнованія и самолюбія; наши русскія — на основаніи матеріальныхъ выгодъ, гражданскихъ преимуществъ и честолюбія.

Неосновательность этихъ побудительныхъ причинъ очевидна. Во-1-хъ, въ дѣйствительности, по общему недовольству всѣхъ на существующія на такихъ основаніяхъ образовательныя заведенія. Во-2-хъ, по той причинѣ, которую я высказывалъ десять разъ, и буду высказывать до тѣхъ поръ, пока мнѣ на нее не отвѣтятъ, что при такихъ основаніяхъ (послушаніе, самолюбіе и матеріальныя выгоды) нѣтъ общаго критеріума педагогики, —

и богословъ, и естественникъ одновременно считаютъ свои школы непогрѣшительными, и не свои школы — положительно вредными. Въ 3-хъ, наконецъ, потому, что принимая за основаніе дѣятельности образовывающагося послушаніе, самолюбіе и матеріальныя выгоды, становится невозможнымъ опредѣленіе образованія. Допустивъ, что равенство знанія есть цѣль дѣятельности образовывающагося, я вижу, что съ достиженіемъ цѣли прекращается самая дѣятельность; но допустивъ цѣлю послушаніе, самолюбіе и матеріальныя выгоды, я вижу, напротивъ, что какъ бы послушенъ ни сдѣлался образовывающійся, какъ бы ни превзошелъ онъ всѣхъ другихъ своими достоинствами, какихъ бы онъ ни достигъ матеріальныхъ выгодъ и гражданскихъ правъ, — цѣль его нисколько не достигнута, и возможность дѣятельности образованія не прекращается. Я вижу въ дѣйствительности, что цѣль образованія, допуская такіе ложныя основанія его, никогда не достигается, т. е. не приобрѣтается равенство знанія, а приобрѣтается независимо отъ образованія — привычка послушанія, раздраженное самолюбіе и матеріальныя выгоды. Постановленіе этихъ ложныхъ основаній образованію, объясняетъ мнѣ всѣ ошибки педагогики, и вытекающую изъ нея несоотвѣтственность результатовъ образованія съ присущими человѣку требованіями отъ него. Разсмотримъ теперь дѣятельность образовывающаго. Точно также, какъ и въ первомъ случаѣ, наблюдая это явленіе въ гражданскомъ обществѣ, мы найдемъ много разнообразныхъ причинъ этой дѣятельности. Причины эти можно подвести подъ слѣдующіе разряды: первое и главное — желаніе сдѣлать людей такими, которые бы были для насъ полезны, (помѣщики отдававшіе дворовыхъ въ ученіе и въ музыканты; правительство, приготавливающее для себя офицеровъ, чиновниковъ и инженеровъ). Второе — тоже послушаніе и матеріальныя выгоды, которыя засталяютъ ученика университета за извѣстное вознагражденіе учить дѣтей по извѣстной программѣ. Третье — самолюбіе, побуждающее человѣка учить, чтобы выказать свое знаніе; и четвертое, — желаніе сдѣлать другихъ людей участниками въ своихъ интересахъ, передать имъ свои убѣжденія, и этою цѣлю передать имъ свои знанія. Мнѣ кажется, что подъ эти четыре разряда подходитъ вся дѣятельность образовывающаго, отъ дѣятельности матери, учащей говорить своего ребенка, гувернера, за извѣстную плату обучающаго французскому языку, до профессора и писателя. Подводя подъ эти разряды тоже мѣрило, которое мы прикладывали къ основаніямъ дѣятельности образовывающагося, мы найдемъ, 1-е, дѣятельность имѣющая своею цѣлю приготовить полезныхъ для себя людей, какъ бывшіе помѣщики и правительство, не прекращается съ достиженіемъ цѣли, слѣдовательно она не есть ея конечная цѣль. Правительство и помѣщики могли бы еще далѣе продолжить свою дѣятельность образовыванія. Очень часто даже достиже-

ніе цѣли полезности не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ, такъ что мѣриломъ дѣятельности образовывающаго я не могу признать полезность. 2-е, ежели признать основаніемъ дѣятельности учителя гимназій, или гувернера — послушаніе тому, кто поручилъ ему образованіе и матеріальныя выгоды, которыя онъ пріобрѣтаетъ отъ этой дѣятельности, — я опять вижу, что съ пріобрѣтеніемъ наибольшаго количества матеріальныхъ выгодъ, дѣятельность образовыванія не прекращается. Напротивъ того, я вижу что пріобрѣтеніе большихъ матеріальныхъ выгодъ, платимыхъ за образовываніе, часто совершенно независимо отъ степени даваемого образованія. 3-е, ежели допустить, что самолюбіе и желаніе выказать свое знаніе можетъ служить цѣлью образовыванія, то я опять вижу, что достиженіе высшей похвалы за свои лекціи, или за свою книгу, не прекращаетъ дѣятельности образовыванія, ибо похвала образователю можетъ быть независима отъ степени пріобрѣтенія знаній образовывающимся. Я вижу напротивъ, что похвала можетъ быть различаема людьми, не усвояющими себѣ образованія. 4-е, разсматривая, наконецъ, эту послѣднюю цѣль образовыванія, я вижу, что ежели дѣятельность образователя направлена на то, чтобы уравнивать съ собою знанія образовывающагося, то дѣятельность образователя тотчасъ же прекращается, какъ скоро онъ достигаетъ своей цѣли. И въ самомъ дѣлѣ, прилагая это опредѣленіе къ дѣйствительности я вижу, что всѣ другія причины суть только внѣшнія, жизненныя явленія, затемняющія основную цѣль всякаго образователя. Прямая цѣль учителя ариметики заключается только въ томъ, чтобы ученикъ его усвоилъ себѣ всѣ тѣ законы математическаго мышленія, которыми владѣетъ онъ самъ. Цѣль учителя французскаго языка, цѣль учителя химіи и философіи одна и та же; и какъ скоро цѣль эта достигнута такъ и прекращается дѣятельность. Только то ученіе вездѣ и во всѣхъ вѣкахъ считали хорошимъ, при которомъ ученикъ, вполне сравнивался съ учителемъ, — и чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе —

тѣмъ хуже. Точно тоже явленіе замѣчаемъ въ литературѣ, въ этомъ посредственномъ способѣ образованія. Только тѣ книги считаемъ мы хорошими, въ которыхъ авторъ, или образователь, передаетъ все свое знаніе читателю, или образовывающемуся.

И такъ, наблюдая явленія образованія, какъ совокупную дѣятельность образовывающаго и образовывающагося, мы видимъ, что дѣятельность эта имѣетъ своимъ основаніемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одно и тоже, — стремленіе человѣка къ равенству знаній. Въ опредѣленіи, сдѣланномъ нами прежде мы высказали это, только не присовокупивъ, что мы подъ равенствомъ разумѣли равенство знаній. Мы прибавили, однако, стремленіе къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Г. Марковъ не понималъ ни того, ни другаго и очень удивился — къ чему тутъ неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Законъ движенія впередъ образованія значитъ только то, что такъ какъ образованіе есть стремленіе людей къ равенству знаній, то равенство это не можетъ быть достигнуто на низшей, а можетъ быть достигнуто только на высшей ступени знанія по той простой причинѣ, что ребенокъ можетъ узнать то, что я знаю; а я не могу забыть того, что я знаю; — и еще потому, что мнѣ можетъ быть извѣстенъ образъ мысли прошедшихъ поколѣній, — а прошедшимъ поколѣніямъ не можетъ быть извѣстенъ мой образъ мысли. Это я называю неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. И такъ, на всѣ пункты г. Маркова я отвѣчаю только слѣдующее: 1-о 1-хъ, доказывать нельзя тѣмъ, что все идетъ къ лучшему, — нужно прежде доказать — идетъ ли все къ лучшему, или нѣтъ; во-2-хъ, то, что образованіе есть только та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность человѣка къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Я старался только вывести г. Маркова изъ плоскости бесполезныхъ историческихъ разсужденій и объяснить то, чего онъ не понималъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
1. НАВѢГЪ. Разсказъ волонтера	7
2. РУБКА ЛѢСА. Разсказъ юнкера	21
3. СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ ДЕКАБРѢ 1854	39
4. СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ МАѢ 1855 Г.	46
5. СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ АВГУСТѢ 1855 Г.	62
6. ВСТРѢЧА ВЪ ОТРЯДѢ СЪ МОСКОВСКИМЪ ЗНАКОМЫМЪ. ИЗЪ КАВКАЗ- СКИХЪ ЗАПИСОКЪ КНЯЗЯ НЕХЛЮДОВА	88
7. МЕТЕЛЬ. Разсказъ	101
8. СЕМЕЙНОЕ СЧАСТІЕ. Романъ въ двухъ частяхъ. <i>Часть первая.</i>	115
<i>Часть вторая</i>	132
9. КАЗАКИ. Кавказская повѣсть 1852 года.	151
10. ПОЛИКУШКА. Повѣсть.	215
ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.	
11. О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ	241
12. О МЕТОДАХЪ ОБУЧЕНІЯ ГРАМОТѢ	251
13. ПРОЕКТЪ ОБЩАГО ПЛАНА УСТРОЙСТВА НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ	260
14. ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ	274
15. ПРОГРЕССЪ И ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ	290

H 154 74

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

APR 74

N. MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS

00023262629